РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ
ЖИЗНЬ. БЫТ. НРАВЫ

Материалы «Этнографического бюро»
князя В. Н. Тенишева

Том 1
Костромская и Тверская губернии

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Кн. В. Н. Тенишевъ.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

ЖИЗНЬ. БЫТ. НРАВЫ

Материалы «Этнографического бюро»
князя В.Н. Тенишева

Том 1

Костромская и Тверская губернии

Санкт-Петербург
2004

Публикация подготовлена
по решению Ученого совета
Российского Этнографического музея

Издание осуществлено в рамках реализации
Федеральной целевой программы
«КУЛЬТУРА РОССИИ (2001-2005 гг.)»

Руководитель проекта:
В. М. Грусман, кандидат педагогических наук

Научные редакторы:
Д. А. Баранов, кандидат исторических наук,
А. В. Коновалов, кандидат исторических наук

Рецензенты:
Ю. К. Чистов, доктор исторических наук,
М. М. Шахнович, доктор философских наук

Научные консультанты:
Н. М. Корнева, кандидат исторических наук
К. В. Чистов, член-корреспондент
Российской Академии наук

Авторы-составители:

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ
Подготовка рукописей к печати: *И. И. Шангина*,
профессор, доктор исторических наук
Вводные статьи: *И. И. Шангина*
Комментарии к тексту рукописей: *Т. А. Зимина*,
И. И. Шангина
Географический указатель: *В. Г. Холодная*, кандидат
исторических наук
Тематический указатель: *И. И. Шангина*
Список корреспондентов: *И. И. Шангина*
Компьютерный набор: *К. В. Вихорева*

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ
Подготовка рукописей к печати, вводные статьи,
комментарии к тексту рукописей, географический
указатель, тематический указатель, список
корреспондентов, компьютерный набор:
Е. Л. Мадлевская, кандидат филологических наук
Словарь основных понятий, относящихся
к социально-административной, налоговой,
воинской и образовательной системам: *В. В. Берсенев*

Таблица перевода мер и весов на современную
метрическую систему: *Т. А. Зимина*

Часть работы выполнена
по проекту РГНФ 97-01-00424

Редактор: *О. А. Федосеенко*

Дизайн и верстка: *Р. Ю. Восинский*

Вывод диапозитивов и печать:
ООО «Деловая полиграфия»

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева.
Т. 1. Костромская и Тверская губернии. — Санкт-Петербург, издательство «Деловая полиграфия», 2004 — 568 стр., 68 илл.

Издание представляет собой первую публикацию уникальных материалов архивного фонда «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева, дающих яркую картину быта и нравов русских крестьян Костромской и Тверской губерний второй половины XIX века. Жизнь крестьян в этих документах представлена практически во всех аспектах: материальном, социальном, духовном, а также языковом и географическом. Публикация рассчитана как на специалистов-гуманитариев, так и на всех интересующихся отечественной историей и культурой.

© Российский этнографический музей, Санкт Петербург, 2004
ISBN 5-902650-05-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей

Российский Этнографический музей начинает **реализацию** долгосрочной программы издания документов «Этнографического бюро» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1, 2), созданного известным русским промышленником князем В. Н. Тенишевым в 1897 году для сбора сведений о социально-культурной жизни русского крестьянства Российской империи. Фонд включает в себя рукописи, датированные 1897—1901 годами (Оп. 1.) и их машинописные копии, выполненные в то же время (Оп. 2). В первую группу документов входят также выписки из статей, опубликованных в губернских изданиях XIX века и документов хранившихся в местных архивах. Эти материалы содержат информацию о культуре крестьянства двадцати трех губерний Европейской России: Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Олонецкой, Пензенской, Псковской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской.

Общее количество рукописей составляет 1873 единиц хранения. Преобладающая их часть представляет собой оригинальные материалы — результаты личных наблюдений и личных расспросов крестьян внештатными сотрудниками (корреспондентами) «Этнографического бюро» и является ответами на вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», составленной В. Н. Тенишевым. Количество машинописных копий — 2356. Численное их преобладание над рукописным материалом является в большинстве своем следствием работы современных архивистов, которые при формировании машинописных копий в единицы хранения не согласовывали их с уже скомплектованными ранее делами рукописей. Это объясняется также и частичной утратой некоторого, к счастью, сравнительно небольшого количества рукописных оригиналов.

Рукописи и машинописные копии располагаются в фонде по алфавиту губерний, в пределах губерний — по алфавиту уездов, а затем по фамилиям авторов рукописей. Такая его структура была разработана еще в начале XX века сотрудниками «Этнографического бюро» и является вполне логичной, удобной для пользования.

Документы «Этнографического бюро» предполагается опубликовать в четырнадцати томах. Каждый том будет содержать материалы одной или нескольких губерний, в зависимости от объема имеющегося в фонде архивного материала. Публикация документов в каждом томе предваряется вступительной статьей, включающей в себя сведения о социально-культурном и демографическом состоянии рассматриваемой губернии на конец XIX и краткую характеристику публикуемых материалов. Каждый том снабжен комментариями, указателем географических названий, встречающихся в тексте, тематическим указателем в соответствии с рубрикацией «Программы» В. Н. Тенишева, списком корреспондентов с указанием их профессии, места жительства и местности, в которой собиралась информация.

Публикация документов «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева начинается с материалов, поступивших из губерний Верхневолжского края, входившего в состав Московско-Промышленной области: Нижегородской, Костромской, Тверской, и Ярославской. Первый том включает в себя материалы Костромской и Тверской губернии, второй — Нижегородской и Ярославской. Верхневолжский край представлял собой территорию компактного расселения русского народа, имел на протяжении нескольких веков стабильное население, сохранявшее достаточно долго традиционный образ жизни, и в тоже время был, сравнительно с другими регионами Европейской России, более развит в промышленном отношении. В силу этих обстоятельств процесс изменения традиционного образа жизни русского крестьянства, характерный для всей России рубежа XIX–XX веков, проходил здесь, судя по всему, более интенсивно, чем в некоторых других ее регионах. Это представляется важным для современной этнографии, одной из задач которой является изучение процессов развития традиционной культуры.

«Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева

«Этнографическое бюро» было создано русским фабрикантом и меценатом князем В. Н. Тенишевым (1843—1903)[1] в 1897 году в Санкт-Петербурге и активно работало до 1901 года[2]. Основной задачей бюро была организация и про-

ведение массового сбора информации о русском крестьянстве, основой для которого была специальная «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В. Н. Тенишевым»[3]. Создавая «Этнографическое бюро», В. Н. Тенишев ставил перед собой как идеологические, так и научные задачи. Он прекрасно понимал ситуацию, сложившуюся в Российской империи на рубеже XIX—XX веков — революционные настроения рабочих, недовольство крестьян ходом земельной реформы, нарастающий радикализм русской интеллигенции — и опасался, что ее развитие может привести к разрушению экономической и политической стабильности существующего строя. В. Н. Тенишев пришел к выводу, что сохранить стабильность общества можно только научившись хорошо управлять людьми, его составляющими, и особенно самым многочисленным народом империи — великорусами. Для этого, считал он, нужно хорошо знать мировоззрение «управляемых», их поведение, вкусы, привычки и потребности. По его мнению, выяснить все это можно было в результате массового опроса русского населения страны, особенно ее центральных районов, где находились основные промышленные предприятия и где крестьянство пополняло ряды рабочих. В тоже время В. Н. Тенишев, будучи высокообразованным человеком, понимал, что собранный материал станет прекрасной научной базой для этнографии, которую он рассматривал как науку, позволяющую изучать современное состояние общества и решать прикладные задачи. Это была совершенно новая точка зрения на этнографию, считавшуюся в то время наукой сугубо исторической, изучавшей старину и ее пережитки в современном обществе.

Деятельность «Этнографического бюро» была хорошо организована и поставлена на коммерческую основу. Владельцем и главным научным руководителем всего предприятия был сам В. Н. Тенишев. Штат бюро состоял из двенадцати человек во главе с заведующим, этнографом А. А. Чарушиным. Среди сотрудников были известные в те годы специалисты — знаток народной медицины Г. Попов, этнограф и фольклорист С. В. Максимов, этнограф Н. В. Плеве. Кроме штатных сотрудников имелись еще внештатные сотрудники-корреспонденты, с которыми заключали договоры на выполнение работ по сбору этнографических материалов в той местности, где они проживали. Это были учителя, священнослужители, семинаристы, студенты и небольшое количество образованных крестьян — всего 350 человек из двадцати трех губерний Европейской России.

Штатные сотрудники занимались подбором корреспондентов на местах, рассылая через епархиальные и народные училища, местные статистические комитеты и по другим каналам составленную В. Н. Тенишевым «Программу», руководили работой корреспондентов, принимали рукописи, оценивали их содержательную сторону, проводили первичную обработку и систематизацию присланного материала, редактировали тексты, передавали их на перепечатку. Внештатные сотрудники, согласившиеся на работу с бюро, обязаны были выполнять ряд требований, которые были изложены в письмах-инструкциях, высылавшихся вместе с программой.

Деятельность корреспондентов строго контролировалась: опросы они должны были проводить только в рамках программы, все подаваемые в бюро материалы должны были иметь название главы программы и номер освещаемого вопроса. Ответы на вопросы должны были быть точными, являться фактами, а не общими рассуждениями о жизни крестьян. От корреспондентов требовалась абсолютная достоверность информации, считавшаяся главным условием успешности выполнения программы. По мнению В. Н. Тенишева человек, согласившийся на сотрудничество с «Этнографическим бюро» должен был «поставить [себя] в положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту»[4]. Корреспонденты, отвечая на вопросы программы, должны были излагать свои непосредственные наблюдения за жизнью народа, записывать возможно более точно рассказы крестьян, их отзывы на события, происходящие в той местности, где они живут, раскрывать их отношение к тем или иным явлениям действительности. Полученную информацию автор должен был по возможности подкрепить различного рода документами: копиями трудовых и брачных договоров, расписками крестьян, копиями судебных решений, подробными списками приданого и т. п. При этом корреспондент должен был стремиться к тому, чтобы информация была получена в атмосфере непринужденного разговора с крестьянами.

Милостивый Государь.

Задавшись цѣлью освѣтить наиболѣе полно и всесторонне еще темную во многихъ отношеніяхъ область жизни и быта великорусскаго населенія и тѣмъ восполнить пробѣлы, существующіе по сему предмету въ нашей этнографической литературѣ, я издалъ прилагаемую программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральныхъ губерній Россіи. Серьезность намѣченной задачи не оставляетъ сомнѣнія, что выполненіе ея можетъ зависѣть только отъ благосклоннаго вниманія лицъ, поставленныхъ во главѣ мѣстнаго управленія и призванныхъ руководить народною жизнью, и отъ удачнаго подбора сотрудниковъ, могущихъ принять на себя обязанности по сообщенію этнографическихъ свѣдѣній.

Разсчитывая на благосклонное вниманіе съ Вашей стороны, я питаю надежду, что Вы, Милостивый Государь, въ интересахъ этого дѣла, значеніе котораго понятно каждому, интересующемуся знаніемъ своей родины, не откажете въ Вашемъ содѣйствіи по приглашенію способныхъ и знающихъ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ лицъ, болѣе или менѣе Вамъ извѣстныхъ и близко стоящихъ къ населенію.

Въ этихъ видахъ считаю нужнымъ приложить при семъ циркуляръ для Гг. Сотрудниковъ и замѣтить, что если встрѣтится надобность въ высылкѣ программъ и циркуляровъ для снабженія ими лицъ, желающихъ собирать этнографическій матеріалъ для Бюро, то означенныя программы и циркуляры, по требованію Вашему или тѣхъ лицъ, будутъ немедленно высылаемы по назначенію.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Князь В. Тенишевъ.

1 Іюня 1898 г.

С.-Петербургъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Іюня 1898 г. Тип. Мин. Вн. Дѣлъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ БЮРО № 16.
Князя
В.Н.ТЕНИШЕВА.
Галерная 5.

Въ свое время Сотрудники Бюро были освѣдомлены, что пріемъ сообщеній отъ нихъ будетъ продолжаться въ теченіе всего настоящаго года. Столь продолжительный срокъ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній установленъ былъ въ предположеніяхъ, что корреспондентовъ, которые пожелали бы доставлять упомянутыя свѣдѣнія, можетъ оказаться ограниченное количество, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно обильнымъ явится и притокъ сообщеній. Между тѣмъ дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія Бюро. Только за послѣднія два года поступило и принято свыше 1100 сообщеній и Бюро располагаетъ въ настоящее время такимъ обиліемъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ программы, котораго, по мнѣнію его, представляется совершенно достаточно для завершенія уже начавшейся разработки матеріала.

При такихъ условіяхъ Бюро своевременнымъ находитъ предупредить Г.г.Сотрудниковъ о прекращеніи дальнѣйшей высылки сообщеній. Выражая живѣйшую признательность за отзывчивое отношеніе къ дѣлу, Бюро съ тѣмъ вмѣстѣ питаетъ увѣренность, что, если разработка полученнаго матеріала удостовѣритъ неполноту нѣкоторыхъ отвѣтовъ на вопросы программы, то Г.г.Сотрудники не откажутся, по увѣдомленіи ихъ о томъ со стороны Бюро, восполнить на принятыхъ условіяхъ всѣ оказавшіеся пробѣлы въ полученныхъ отвѣтахъ.

20 Февраля 1900 г.
С.П.Б.

Этнографическое Бюро Князя В. Н. Тенишева покорнѣйше проситъ Гг. сотрудниковъ принять къ свѣдѣнію и руководству слѣдующее:

1) всякую переписку съ Бюро и рукописи адресовать исключительно: въ С.-Петербургъ, Галерная, № 13, Этнографическому Бюро Князя В. Н. Тенишева;

2) сотрудникъ, посылая рукопись, предоставляетъ ее въ полное распоряженіе Бюро;

3) гонораръ уплачивается, по разсмотрѣніи рукописей въ Бюро, и притомъ только за матеріалъ, признанный годнымъ;

4) размѣръ гонорара: за оригинальныя рукописи отъ 15—до 30 руб. съ печатнаго листа (35000 буквъ), смотря по достоинству матеріала, за копіи съ документовъ отъ 5—до 10 руб. съ печатнаго листа;

5) по полученіи гонорара, Гг. сотрудники приглашаются немедленно высылать въ Бюро росписки въ полученіи таковаго;

6) въ почеркѣ сообщаемыхъ рукописей соблюдать четкость и ясность (невыполненіе сего условія влечетъ возвращеніе рукописи автору); изложеніемъ заполнять лишь одну сторону листа (съ соотвѣтственными полями), оставляя другую на оборотѣ чистою;

7) На каждой изъ рукописей точно обозначать:

а) названіе губерніи, уѣзда, села, деревни или мѣстности, какой касается сообщеніе;
б) годъ и число мѣсяца, за какимъ высылается рукопись;
в) число страницъ, содержащихся въ рукописи;
г) имя, отчество и фамилію автора;
д) адресъ для денежной корреспонденціи и особо для простой.

8) Этнографическій матеріалъ долженъ быть собираемъ исключительно о крестьянахъ великорусскаго племени.

9) матеріалъ въ рукописи располагать такъ, чтобы все, относящееся къ извѣстному отдѣлу програмы, не разбрасывалось по рукописи въ разныхъ мѣстахъ, а группировалось вмѣстѣ; если рукопись относится къ нѣсколькимъ вопросамъ програмы, то означать на поляхъ №№ тѣхъ вопросовъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ;

10) сотрудникъ долженъ постоянно помнить, что отъ него требуются факты, а не обобщенія или выводы; поэтому къ вопросамъ програмы необходимо пріурочить только отдѣльныя частичныя наблюденія, поставивъ себя въ положеніе достовѣрнаго свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ въ народномъ быту;

11) по нѣкоторымъ вопросамъ (напр., въ главахъ „Преслѣдованіе преступленій" и „Судъ и расправа" §§ 14—43, 44—90), кромѣ прямыхъ наблюденій, требуется приведеніе подлинныхъ разговоровъ и сужденій крестьянъ, если таковые являются типичными по своей характерности и высказываются въ непринужденной естественной обстановкѣ. Подобное же замѣчаніе относится и къ вопросамъ, касающимся вѣрованій и знаній. Здѣсь, кромѣ наблюденій надъ внѣшними проявленіями (выражающимися, напр., въ обрядахъ, суевѣрныхъ дѣйствіяхъ, извѣстныхъ пріемахъ), является необходимымъ дознать, путемъ разспросовъ самихъ крестьянъ, какъ они относятся къ тѣмъ или инымъ предметамъ, явленіямъ, событіямъ и вопросамъ жизни;

12) при собираніи свѣдѣній необходимо, чтобы разговоры крестьянъ между собою, ихъ разсказы и отвѣты Гг. сотрудникамъ были записываемы и передаваемы въ подлинныхъ словахъ, а по предметамъ, облекаемымъ въ форму письменныхъ документовъ (напр., рѣшенія волостныхъ судовъ, постановленія сельскихъ сходовъ, договоры о наймѣ, арендѣ земли и проч.), такіе документы сообщались въ подлинникахъ или снимались копіи съ нихъ.

1 Іюня 1898 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Іюня 1898 г.
Тип. Мин. Вн. Дѣлъ.

36.

Владиміръ Валентиновичъ
РЕШЕТНИКЪ

С. МОСТИЩЕ.
Почт. адр. гор. Галичъ.

что они и говорятъ: „милуй, Господи, кинотрика и чистяковской гостиницы".

—

Село Мостище, 18 октября 1899 г.

Владиміръ Валентиновичъ

Решетникъ

Почт. адр.: г. Галичъ, а...
ще.

5Р

Въ Этнографическое Бюро
князя В. Н. Тенишева.

Такъ какъ приводимые въ пре
лагаемой присемъ рукописи ф
ты касаются более или мен
интимныхъ сторонъ жизни, то
прошу Бюро, въ случаѣ печатан
предлагаемаго матеріала, замѣ-
нять всѣ собственныя имена ихъ
инициалами, если уже совсѣмъ
нельзя не упоминать эти имена.
Слѣдуемый мнѣ гонораръ за при-
нятый изъ рукописи отъ 29 апрѣл.
%. матеріалъ, въ размѣрѣ 15 руб. 25 коп.
я получилъ.

Н. Кузнецов

Чухлома. Костромской губ. Промышл.
училище имени О. В. Чижова.
1900 г. іюня 9 дня.

Сельский агроном и крестьянин.
Фотография начала XX века.

Работа корреспондентов хорошо оплачивалась. Стоимость рукописи зависела от качества информации и точного соблюдения всех правил оформления. Гонорары за оригинальные рукописи составляли от 15 до 30 рублей за текст, включавший в себя 35000 букв, за копии с документов — от 5 до 10 рублей с печатного листа. Деньги высылались автору немедленно по одобрении присланного материала. Содержание «Этнографического бюро» обошлось его владельцу в 200 000 рублей — сумма довольно значительная для того времени[5]. Такая коммерческая форма организации труда являлась новшеством для русской этнографической науки, хотя сама работа с корреспондентами была довольно хорошо известна в России XIX века. Еще в 1848—1853 годах ее проводило Этнографическое отделение Императорского русского географического общества (ИРГО) собирая сведения о «простом сельском народе» по программе, составленной под руководством Н. И. Надеждина. В последующие годы сбор информации по специальным программам (народный быт, народный костюм, народные обряды, обычное право, народные юридические обычаи, экономическое положение крестьянства и т. п.) проводился различными научными обществами и учреждениями: Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии, этнографии при Московском императорском университете (ИОЛЕАЭ), Вольным экономическим обществом (ВЭО), различными комиссиями и отделениями ИРГО, губернскими и уездными комитетами, музеями. Однако вся эта деятельность строилась на энтузиазме отдельных людей, не получавших никакого денежного вознаграждения, или на работе чиновников различных учреждений, для которых она была лишь дополнительной служебной нагрузкой.

Соответственно инициаторы проведения сбора информации не могли предъявлять к своим корреспондентам больших требований как по содержанию работы, так и по ее оформлению, что сказывалось на качестве и количестве поступавших рукописей. По мнению исследователей, материалы «Этнографического бюро» дают более яркую, масштабную и протяженную картину жизни крестьянского населения России, чем все проводившиеся ранее исследования крестьянского быта[6]. За два с небольшим года в «Этнографическое бюро» поступило 3492 рукописи[7]. Для сравнения можно указать, что в Отделение этнографии ИРГО за шесть лет его деятельности было прислано около 2000 рукописей[8].

Программа сбора этнографических сведений

Программа, которая рассылалась внештатным сотрудникам «Этнографического бюро», была издана в 1898 году в Смоленске и называлась «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная В. Н. Тенишевым на основании соображений, изложенных в его книге "Деятельность человека"». Она создавалась им в 1896—1897 годах с помощью смоленских краеведов В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Первый ее вариант был издан в 1896 году, второй в 1897, а третий, уточненный и дополненный, в 1898 году. Создавая свою программу, В. Н. Тенишев опирался на аналогичный опыт, уже имевшийся в русской этнографической литературе. Однако следует отметить, что содержательная сторона его программы была несколько иной. В. Н. Тенишев, в отличие от этнографических программ XIX века, ориентированных в основном на фиксацию старины, записи народных юридических обычаев, обрядов, фольклорных текстов, уделил главное внимание социально-экономической стороне жизни крестьянства, стараясь выяснить «потребности жизни человека» и «потребности положения, занимаемого индивидом в обществе».

Программа включает в себя десять крупных разделов, которые соответствовали различным сферам крестьянской жизни:

А. Физические природные свойства крестьян;
Б. Местные условия жизни крестьян;
Г. Общие указания об образе жизни крестьян;
Д. Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю;
Е. Отношение крестьян между собою и к посторонним лицам;
Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусства;
З. Семья. Обычный порядок жизни;
И. Сближение полов. Брак. Отклонение от законного брака;
І. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности;
К. Выходящие из ряда обстоятельства.

Каждый раздел был дифференцирован, большинство имели подразделы-главы, которые в свою очередь включали в себя конкретные вопросы. Всего в программу включен 491 пункт, разбитый на 2500 вопросов. Такое дробление разделов и глав облегчало корреспондентам систематизацию, упорядочение и наблюдение за различными сторонами крестьянской жизни. Многие вопросы были развернутыми и носили подсказывающий характер.

В ходе сбора материалов некоторые вопросы программы еще более детализировались. В дополнение к изданной программе составлялись и рассылались специальные анкеты по разделам, представлявшим наибольший интерес для владельца бюро. В 1898 году, например, была распространена анкета «Уголовно-правовые воззрения русских крестьян», в которой предлагалось ответить на двадцать три вопроса, в 1900 году была разослана некоторым корреспондентам анкета из семи пунктов, выясняющая отношение крестьян к официальной медицине и медицинскому обслуживанию.

Итоги работы «Этнографического бюро»

«Этнографическое бюро» закончило сбор материалов в конце 1900 года, корреспонденты были заранее оповещены о прекращении приема рукописей. 20 февраля 1900 года всем им было направлено сообщение, в котором говорилось, что «только за последних два года поступило и принято свыше 1100 сообщений и бюро располагает в настоящее время таким обилием сведений по всем вопросам программы, которого по мнению его представляется совершенно достаточно для завершения уже начавшейся разработки материалов». Общий итог деятельности бюро был чрезвычайно плодотворным. Программа сбора материала была полностью реализована: собран огромный достоверный материал, позволявший воссоздать целостную этносоциологическую картину жизни русских крестьян.

В «Этнографическом бюро» были сосредоточены материалы, характеризующие социальную организацию и социальные отношения, сложившиеся в крестьянской среде, хозяйственную деятельность крестьян, материалы, раскрывающие менталитет русских крестьян, дающие представления о духовной и материальной стороне их жизни.

Однако, к сожалению, смерть в 1903 году помешала В. Н. Тенишеву обобщить огромный собранный материал и написать задуманную книгу «Быт великорусских крестьян-землепашцев», в которой он предполагал высказать свои соображения об особенностях менталитета русского народа и дать рекомендации «по управлению» населением Российской империи. На основе материалов «Этнографического бюро» были написаны три книги: *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1902; *Попов Г.* Русская народная бытовая медицина. СПб., 1903; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту, свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск, 1907.

Материалы «Этнографического бюро» сохранились фактически полностью. Современные исследователи могут найти здесь ответы на многие интересующие их вопросы о жизни русского общества в последней трети XIX века.

Первое место по удельному весу материалов принадлежит сведениям, характеризующим социальную организацию и социальные отношения. Они позволяют узнать об отношении крестьян к государственному строю, государственной власти и обществу. В материалах есть развернутые ответы на вопросы о взаимоотношении крестьян с земскими начальниками, исправниками, урядниками, сотскими, десятниками, становыми приставами, сельскими старостами, помещиками и т. п. Они позволяют реконструировать многие существенные черты регуляции внутри общинных (правовых и социальных) отношений, оценить силу влияния обычного права, вскрыть факторы экономического, социально-культурного расслоения и дифференциации крестьянских масс. Кроме того сведения, заключенные в этих материалах, дают возможность представить нормативно-ценностную сторону сознания, уровень самосознания крестьян. В них имеется подробная информация об устройстве и функционировании крестьянской земельной общины.

Корреспонденты подробно освещают принципы общинного владения землей, имущественные и договорные отношения, отношения подряда, найма и взаимопомощи, подробно описываются размеры общинных владений и собственности, размеры наделов, сообщаются конкретные примеры устройства толок (помочей),

условия и технология заключения торговых, арендных, наемных договоров; характеризуются отношения, складывающиеся в процессе совместной хозяйственной деятельности. К этой теме примыкает тема хозяйственной жизни русских крестьян. В материалах, в основном, имеется информация о земледелии и скотоводстве. В меньшей степени представлена охота, рыбная ловля, пчеловодство.

Духовная жизнь крестьян отражена в материалах В. Н. Тенишева очень полно. Особенно обстоятельный ответ можно получить на вопрос о взглядах крестьян на мир, окружающую природу и мироздание, о поверьях и суеверьях, связанных с их повседневным образом жизни и занятиями. В делах много сведений о праздниках, обрядах годового цикла, окказиональных обрядах, а также о препровождении свободного времени.

Особенный интерес представляет информация о народной грамотности, спроса деревни на определенные книги, подробные оценки общего уровня знаний, кругозора крестьян. Очень любопытны рассказы о языке крестьян, иллюстрированные примерами народных говоров. Материалы архива позволяют получить обширную информацию о степени религиозности крестьян, об отношении их к священнику и причту. Полнота сведений по этому вопросу объясняется отношением В. Н. Тенишева к религии, считавшим ее «патриотической идеологией народа».

Архив В. Н. Тенишева дает широкие возможности для изучения крестьянской семьи и семейно-брачных отношений. В его материалах имеется подробная информация о семейном укладе, внутрисемейных отношениях, структуре семьи, представлениях крестьян о кровном и духовном родстве, об экономическом положении семьи и ее имущественных отношениях, о распределении работ между членами семьи, типичных особенностях обычного порядка жизни, характерных для семей с разным достатком. Данные опираются на статистические подсчеты. В ответах корреспондентов много внимания уделяется обрядам жизненного цикла: родинам, свадьбе, погребально — поминальной обрядности. Наиболее информативными являются ответы корреспондентов на вопросы, связанные с брачно-семейной жизнью русских крестьян.

Материальная сфера жизни народа представлена в документах не столь обстоятельно, как духовная. Она интересовала В. Н. Тенишева в меньшей степени, чем духовная сторона и социальные отношения. Однако в фонде можно найти достаточно подробные описания крестьянского дома, его внутреннего убранства, отопления и освещения, надворных построек, транспорта, одежды, пищи и т. п.

Рукописи «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева, являются не только прекрасным источником для исследователей социально-культурной жизни русского крестьянства на рубеже XIX—XX веков, но и замечательным памятником русской письменности с большой яркостью и образностью раскрывающей духовный мир и условия жизни наших предков.

Принципы подготовки текста

Основное содержание издания составляют оригинальные рукописи корреспондентов «Этнографического бюро» и рукописные материалы, обнаруженные ими в губернских архивах (Оп. 1). Машинописные копии использовались только в случае отсутствия рукописей или их отдельных частей. Материалы из губернских печатных изданий в публикацию не вводятся. Авторский текст дается без купюр в его первоначальном виде. Правки рукописей, сделанные редакторами «Этнографического бюро» при подготовке материалов к печати, не учитывались, также как и их пометки на полях.

Вмешательство в авторский текст при подготовке его к публикации было минимальным: текст переведен в современную графику, исправлены явные орфографические и пунктуационные ошибки. Для удобства работы исследователей в текст рукописей в том случае, если это не было сделано их авторами, введены названия разделов и подразделов «Программы» и проставлены номера вопросов. Кроме того, восстановлен порядок расположения разделов, нарушенный во время архивной обработки фонда в 1950—1960-е годы. Комментарии составителей заключены в квадратные скобки.

Составители надеются, что их труд поможет ввести уникальный материал «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева в современный научный оборот.

[1] О В. Н. Тенишеве см.: Некролог на смерть В. Н. Тенишева // Этнографическое обозрение. 1903. №2. С. 58; Исторический вестник. 1903 №6. С. 1162—1163; Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. С. 213; Острогорский А. Памяти князя В. Н. Тенишева // Памятная книжка Тенишевского училища в С. — Петербурге за 1901/2 и 1902/3 учебные гг. год II и III. СПб., 1905. С. 1—9; Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Л., 1991.

[2] Подробнее об «Этнографическом бюро» В. Н. Тенишева см.: Чарушин А. А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1911. №18. С. 500; Начинкин Н. Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР // Советская этнография. 1955. №1. С. 159—163; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 403—406; Рабинович М. Г. Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX вв. (Программа В. Н. Тенишева) // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып. 4. С. 62—78; Померанцева Э. В. Фольклорные материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева // Советская этнография. 1972. №6. С. 137—147; Громыко М. М. Проблемы и источники исследования этических традиций русских крестьян XIX века // Советская этнография 1979. №5. С. 35—48; Журавлева Л. С. К истории публикации программы В. Н. Тенишева // Советская этнография. 1979. №1. С. 122—123; Федоров В. А. Материалы В. Н. Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX — начало XX вв.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепропетровск, 1985. С. 54—59; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1985. С. 15—16; Журавлева Л. С. Далось мне это не без борьбы // Прометей. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1987. Т. 14. С. 65—79; Фирсов Б. М. Теоретические взгляды В. Н. Тенишева // Советская этнография. 1988. №3. С. 15—27; Фирсов Б. М. Крестьянская программа В. Н. Тенишева и некоторые результаты ее реализации // Советская этнография. 1988. №4. С. 38—48; Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Структура повседневной жизни русских крестьян конца XIX века // Социологические исследования. 1992. №4. С. 3—14; Быт великорусских крестьян землепашцев. Описание материалов этнографического бюро В. Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии). Авторы-составители Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993.

[3] Эта программа издавалась трижды и имела разные варианты названия: Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1896; Дополнения к программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России князя В. Н. Тенишева, составленные В. Н. Добровольским. Смоленск, 1896; Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная на основании соображений, изложенных в книге «Деятельность человека» князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Смоленск, 1897; Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека» (СПб., 1897). Издание второе, исправленное и дополненное. Смоленск, 1898.

[4] Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах центральной России на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека». Смоленск, 1898. С. 7.

[5] Цит. по: Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Ук. соч. С. 4—5.

[6] Быт великорусских крестьян землепашцев. Ук. соч. С. 19—23.

[7] Архив РАН СПб отделение. Ф. 176. Оп. 1. Д. 11. Л. 52. Несоответствие количества поступивших рукописей количеству имеющихся в архиве РЭМ объясняется тем, что часть из них была возвращена авторам как не представлявшая интерес, а часть рукописей оказалась в других архивах (подробнее см.: Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Ук. соч. С. 5).

[8] Сабурова Л. М. Русское географическое общество и этнографические исследования // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. 1977. Вып. 2. С. 7.

Часть 1
КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Костромская губерния на рубеже XIX—XX веков граничила с Владимирской, Нижегородской, Вятской и Вологодской. В ее состав входило двенадцать уездов: Буйский, Варнавинский, Ветлужский, Галичский, Кинешемский, Кологривский, Костромской, Макарьевский, Нерехотский, Солигаличский, Чухломской, Юрьевецкий; площадь составляла 79393,7 кв. км, а численность населения по переписи 1897 года — 1 411 636 человек. Наиболее плотно были заселены ее юго-западные и северо-западные районы, менее плотно — восточные, прежде всего Ветлужский и Варнавинский уезды.

Костромская губерния являлась территорией компактного расселения русского народа, составлявшего ее подавляющее большинство. Из других народов Российской империи в Костромской губернии в XIX веке жили марийцы и татары. Марийцы, населявшие Тоншаевскую волость Ветлужского уезда (1619 человек на 1857 год), появились в этих местах в XVII веке, а татары (325 человек на 1857 год) были переведены в одно из сел под Костромой в 1761 году из Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии[1].

Большинство русских принадлежали к православной церкви — 1 388 865 человек. В Варнавинском, Кинешемском и Макарьевском уездах часть населения придерживалась старообрядчества различных толков (12 543 на 1865 год), а также относилось к единоверческой церкви (4804 человек на 1865 год) [2].

На рубеже XIX—XX веков русские Костромской губернии занимались земледелием, однако оно не получило большого развития в связи с неблагоприятными почвенными и климатическими условиями. Под пашней было занято только 21% всего земельного фонда губернии. Основными зерновыми культурами были рожь, ячмень, овес. Население губернии, за исключением крестьян Чухломского и Галичского уездов, не обеспечивало себя зерном и его приходилось ввозить из Вятской губернии и из губерний Средней Волги. В юго-западных уездах Костромской губернии (Нерехотский, Костромской, Кинешемский, Юрьевецкий) с середины XIX века стало развиваться льноводство, получившее товарное значение. Огородничеством население занималось в основном для удовлетворения собственных потребностей. Товарное значение оно имело лишь в селах по берегам Волги и на волжских островах, где крестьяне выращивали для продажи капусту. В Шунгенской волости Костромского уезда, в г. Унжа и Луха с этой же целью сажали чеснок и некоторые другие овощи.

Скотоводство было развито слабо в связи с отсутствием хороших заливных лугов и пастбищ. Оно не имело товарного значения и выступало в комплексе с земледелием, обеспечивая крестьянское хозяйство тягловой силой, органическими удобрениями, а также молоком, мясом и шерстью. На одну десятину паровой земли приходилось от одной до трех голов скота, что было недостаточно для хорошего удобрения полей навозом и подъема пашни.

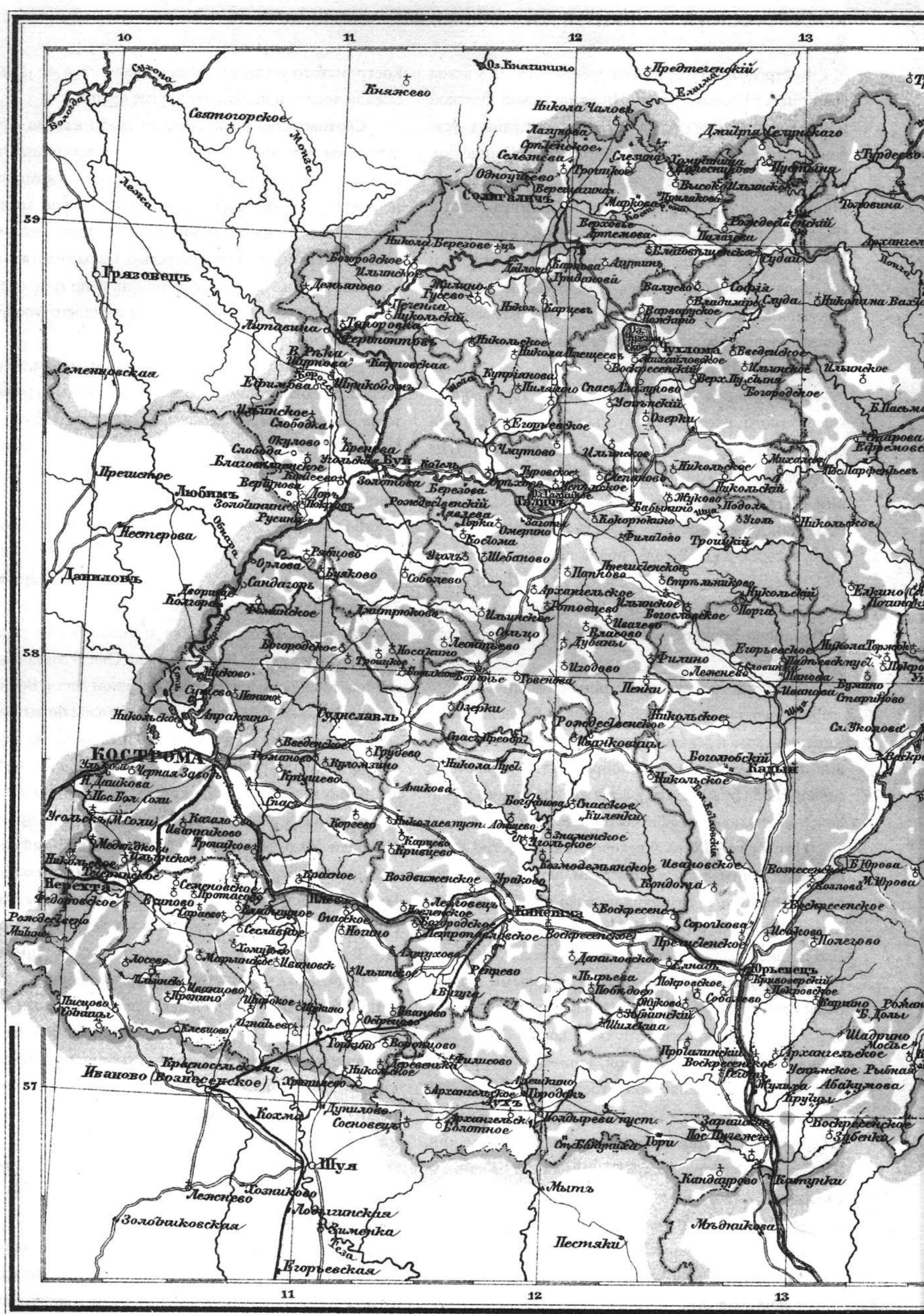
В селах, расположенных по рекам и озерам, занимались рыболовством, которое было особенно развито на Чухломском и Галичском озерах и на Волге. Охотой занимались жители северо-восточной лесной части губернии, где она носила в основном любительский характер.

Важнейшее значение для экономики Костромской губернии имели лесные промыслы. Это было обусловлено изобилием здесь леса, составлявшего 72% всей площади губернии. Главным в лесных промыслах была заготовка леса и сплав его по рекам на Волгу, а оттуда на Дон и вверх по Оке. В лесах занимались также смолокурением и гонкой дегтя. Во всех лесных районах были развиты промыслы по выделке мочала, рогожи, коробов, тележных ободов, деревянной утвари разного назначения, а также мебели. В Макарьевском уезде кроме того были мастера, занимавшиеся росписью деревянной посуды, прялок и мебели. Их изделия имели довольно широкий сбыт в соседних губерниях, особенно в губерниях Северной России. В Костромской губернии было также развито строительство речных судов разных размеров.

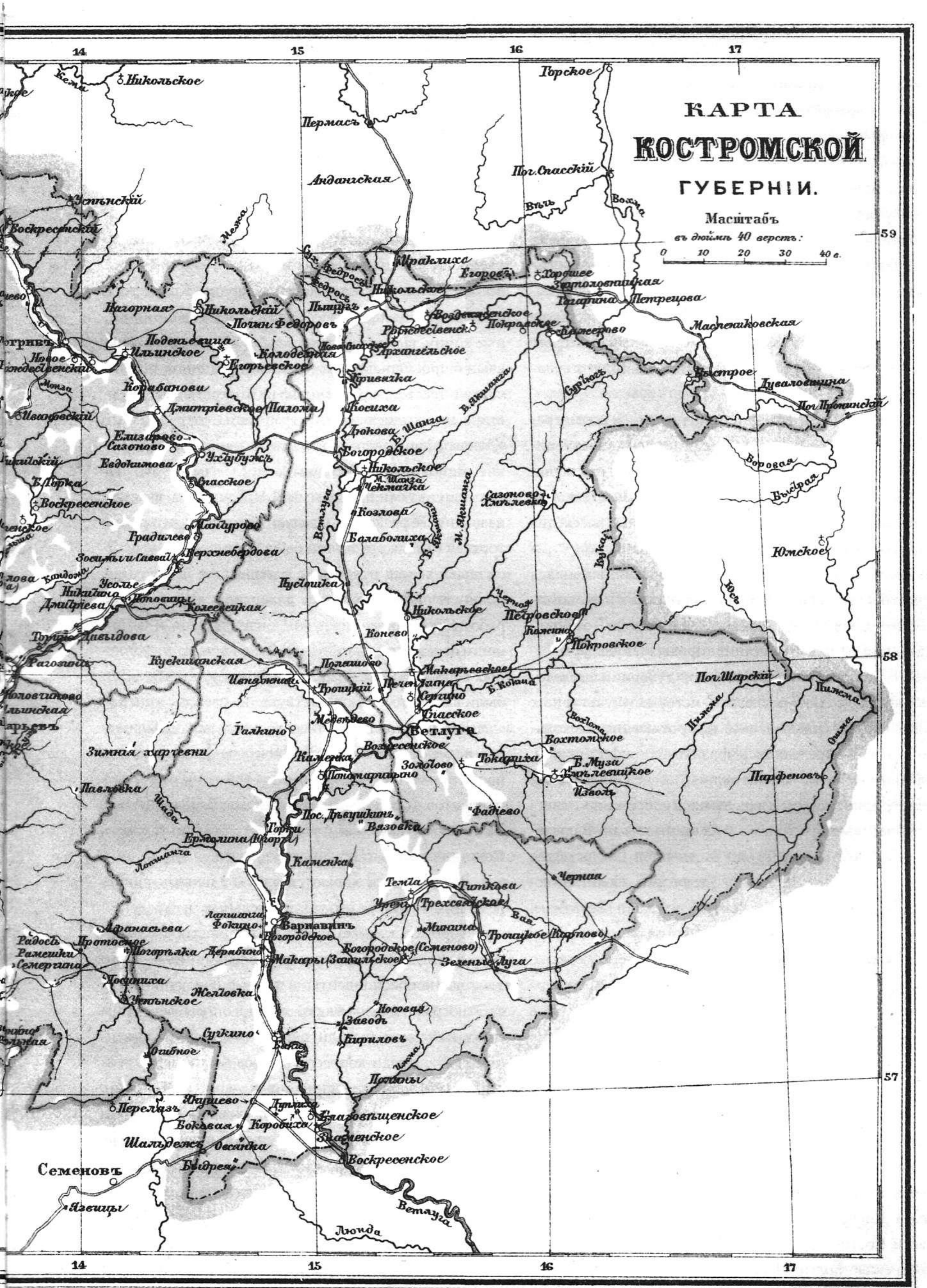
Второе место по значимости имел промысел по выделке хлопчатобумажных и льняных тканей. Он развивался в Нерехотском, Костромском, Кинешемском, Юрьевецком уездах и южной части Макарьевского. В небольших кустарных мастерских выделывали хлопчатобумажные ткани, льняное полотно и холст. В этих же уездах было много прядильных и ткацких фабрик со станками, приводимыми в движение паровыми машинами. В кустарных мастерских Кинешемского и Юрьевецкого уездов выделывалось сукно и валяная обувь.

В селе Красном под Костромой изготавливались серебряные украшения, которые расходились не только по России, но продавались в Персию и государства Балканского полуострова.

2 Заказ № 1133

Брокгауза и Ефрона, Энцикл. словарь.

КАРТА
КОСТРОМСКОЙ
ГУБЕРНІИ.
Масштабъ
въ дюймъ 40 верстъ:
0 10 20 30 40 в.
14
15
16
17
59
58
57
Никольское
Кема
Пермасъ
Горское
Андангская
Пог. Спасскій
Вохма
Успѣнскій
Воскресенскій
Межа
Ираклиха
Егоровъ
Хорошее
Николъское
Нагорная
Никольскій
Почин Федоровъ
Пыщугъ
Гагарина
Петрецова
Ильинское
Колодезная
Архангельское
Покровское
Мастеиковская
Егорьевское
Кривячка
Быстрое
Корабанова
Дмитріевское (Палома)
Косиха
Пог. Пронинскій
Ивановскій
Дюкова
Богородское
Елизарово
Сазоново
Евдокимова
Ухтубужъ
Спасское
Чекмачка
Боровая
Быстрая
Воскресенское
Сазоново
Хмѣлевка
Козлова
Ветлуга
Балаболиха
Градилеве
Верхнебердова
Южское
Юсь
Усолье
Никитино
Поповка
Дмитріева
Кусьмиха
Николъское
Петровское
Конево
Покровское
Давыдова
Пог. Шарскій
Макарьевское
Троицкій
Сергино
Пижма
Спасское
Ветлуга
Медведево
Галкино
Вохтомское
Зимнія харчевни
Вознесенское
Каменка
Золотово
Токариха
Б. Муза
Хмѣлевицкое
Павловка
Пономарихино
Парфеновъ
Изволъ
Шада
Фадѣево
Вязовка
Горки
Ермолина (Югорта)
Каменка
Черная
Титкова
Трехсвятское
Варнавинъ
Фокино
Мирана
Богородское
Троицкое (Картово)
Афанасьева
Протосное
Радость
Рамешки
Семергина
Макары (Запольское)
Богородское (Семеново)
Зелены Луга
Носиха
Желтовка
Успѣнское
Носовая
Заводъ
Сукино
Кирилов
Отибное
Поляны
Перелазъ
Ярышево
Лупиха
Благовѣщенское
Боковая
Коровиха
Знаменское
Шалдежъ
Осинка
Быдрея
Воскресенское
Семеновъ
Язвицы
Люнда
Ветлуга
КАРТОГР ЗАВ А. ИЛЬИНА С.П.Б

В Костромской губернии были весьма распространены также отхожие промыслы. В Галичском, Чухломском, Солигаличском уездах, получивших название «бабья сторона», все мужчины каждую зиму уходили на заработки. На заработки уходила также и часть мужского населения Буйского, Кологривского, Макарьевского уездов. Большинство отходников было занято строительными профессиями, работали плотниками, столярами, каменщиками, штукатурами, кирпичниками и малярами. Многие мужчины работали матросами и лоцманами на судах, плававших по Волге, Ветлуге и Унже, а также нанимались в бурлаки. Бурлачество особенно было распространено в селениях, примыкающих к судоходным рекам.

Костромская губерния интересна и в этнографическом отношении. Исследователи характеризуют его как местность неоднородную в этнокультурном плане. Известный этнограф и статистик XIX века П.П. Семенов писал, что русское население Костромской губернии «в бытовом отношении <...> не представляет безусловного однообразия, изменяясь в частностях, зависящих от исторических и экономических условий, от окружающей природы, от большого или меньшего влияния городской культуры»[3].

На территории Костромской губернии исследователи выделяют несколько историко-культурных зон, которые складывались на протяжении нескольких веков и определялись физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи. В пределах Костромской губернии выделяется Костромское Заволжье, то есть Буйский, Галичский, Солигаличский, Чухломской уезды; Ветлужский край (Ветлужье, Поветлужье), включающий в себя Ветлужский и Варнавинский уезды Костромской губернии, а также часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Внутри Ветлужского края выделяется северное Поветлужье, то есть верхнее течение Ветлуги в пределах Ветлужского уезда, и Уренский край — земли по р. Урень, притока Ветлуги в левобережной части Варнавинского уезда. Кроме того говорится об Унжинском крае, земле, расположенной по течению р. Унжи в пределах Кологривского уезда, Ковернинском, то есть Ковернинской волости Макарьевского уезда Костромской губернии, затем юго-западной части Костромской губернии, то есть земли по правобережью Волги: Нерехотский, Юрьевецкий уезды, южная часть Костромского и Кинешемского уездов.

Такова краткая картина социальной, экономической и демографической ситуации Костромской губернии к моменту ее фиксации корреспондентами «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева.

Материалы «Этнографического бюро» по Костромской губернии

В архивном фонде «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева в настоящее время имеется шестьдесят восемь архивных дел, содержащих рукописи корреспондентов по Костромской губернии. Кроме того, как уже указывалось, здесь хранятся их машинописные копии, выполненные в начале XX века сотрудниками бюро. Однако они не являются точной перепечаткой текстов, присланных из Костромской губернии: они стилистически отработаны сотрудниками «Этнографического бюро», исправлены грамматические ошибки, информация распределена в соответствии с пунктами программы В.Н. Тенишева, внесены названия ее разделов. Следует отметить, что редакторская правка рукописей была проведена профессионально: смысл рукописей не подвергся искажению, полностью был сохранен авторский стиль. В ходе работы по сравнению рукописных текстов и машинописных копий были обнаружены три машинописных текста к отсутствующим в фонде рукописям, они были включены в соответствующие разделы книги.

Все рукописи подписаны авторами, датированы и имеют точное географическое указание: они поступили в 1897—1899 годах от тринадцати корреспондентов (см. с. 573) из Буйского, Варнавинского, Ветлужского, Галичского, Макарьевского, Солигаличского и Чухломского уездов.

Все рукописи являются оригинальными произведениями, это результат длительных наблюдений их авторов за жизнью крестьян той местности, о которой они писали. Это обусловлено прежде всего тем, что корреспонденты в период сотрудничества с «Этнографическим бюро» жили в описываемых им селах или часто бывали в них, имея там родственные связи. Среди корреспондентов было шесть учителей начальных сельских школ, один крестьянин, один фельдшер, один студент духовной семинарии в Вологде, живший в летнее время в родном селе. Для четырех корреспондентов профессиональную принадлежность точно установить не удалось, но, судя по тексту, они были учителями.

Рукописи составлены в форме ответов на вопросы программы В.Н. Тенишева. При этом часть корреспондентов давала развернутые ответы на боль-

шинство вопросов, благодаря чему рукописи принимали вид довольно подробного монографического описания местности. Другие смогли ответить лишь на отдельные вопросы программы. Манера изложения материала у разных авторов также различна. В одних случаях текст представляет собой сухое изложение фактов с включением документов: копий договоров найма, смет на различные работы и т. п., в других — яркое описание, насыщенное диалогами между корреспондентом и крестьянами, рассказами крестьян, описанием случаев из жизни корреспондента. В рассказах, сказках, бывальщинах запеатлена народная лексика и фонетика.

Некоторые корреспонденты не только описывали картины народного быта, но и давали свои оценки; они старались определить свое отношение к тому или иному явлению народной жизни, дать характеристику конкретным должностным лицам, им упоминаемым — волостным начальникам, старостам, урядникам, священникам.

Характерной особенностью рукописей является доброжелательное отношение корреспондентов к людям, полное отсутствие снисходительности образованного человека к неграмотному крестьянину.

В рукописях дается информация о современном для его корреспондентов состоянии народного быта и культуры, то есть на 1890-е годы. Они характеризуют быт и мировосприятие русских крестьян перед военными и революционными потрясениями XX века, приведшими к изменению их образа жизни.

В поступивших из Костромской губернии материалах имеются сведения о культуре крестьян Костромского Заволжья, Ветлужья, Ковернинского и Уренского края, то есть хотя и интересной в этнографическом отношении, но только части губернии. Однако, отталкиваясь от них, можно понять общую социально-культурную ситуацию в губернии, составить «этническое лицо» ее русского населения. К сожалению, в рукописях не имеется достаточно материала, чтобы можно было судить о локальной специфике традиционной культуры этих зон. Это, вероятно, обусловлено направленностью самой программы В. Н. Тенишева, в которой не ставилась задача выявления локального своеобразия отдельных групп русского населения.

Наиболее значительное количество материалов характеризует социально-экономическую сторону жизни крестьянства. Достаточно подробно рассказывается об экономическом положении крестьянской семьи, о ее собственности и отношениях вокруг собственности, о выделах сыновей из больших крестьянских семей и разделах семей, правилах наследования имущества, принятых в сельской среде. Корреспонденты много внимания уделяют вопросам общинной жизни: управление общиной, сходы, выполнение повинностей, вопросы, связанные с выкупными платежами, ссудами, арендой пахотных угодий, наймом рабочей силы, помощью крестьянам со стороны общины. В рукописях дается довольно подробная информация о взаимоотношениях крестьянского сообщества и власти, в том числе и судебной, об отношении крестьян к церкви, степени их религиозности и воцерковленности. В текстах обращается внимание на соотношении обычного права и законов Российской империи. Такая социологическая направленность текстов вполне естественна для корреспондентов «Этнографического бюро», так как в самой программе социально-экономические вопросы являются преобладающими, да и в конце XIX века они были достаточно злободневны.

Материалы, которые условно можно назвать этнографическими, хотя и не преобладают в рукописях по Костромской губернии, но довольно интересны. Любопытны тексты, через которые раскрывается традиционное мировосприятие русского крестьянина: воззрения на природу и судьбу человека, поверья, связанные с основными занятиями населения, проблемы веры, в том числе и представления о загробном мире, колдовстве и сверхъестественных силах. Особое место занимает информация об обрядово-праздничной жизни русского народа. При этом на первый план выходит молодежная субкультура: посиделки, гулянья, игры, пляски, а также свадебный обряд. Сведения о родинно-крестильных и поминально-погребальных обрядах очень скудные. Столь же скудны и материалы, характеризующие жилище, одежду, пищу, орудия труда и утвари.

1 *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб. , 1865. Т. 2. С. 745.

2 Там же.

3 *Семенов П. П.* Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб. , 1899. Т. 1. С. 101.

БУЙСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Воропонов Иван Матвеевич
Деревни, расположенные в северо-западной части Буйского уезда

Д. Общественные установления, обычаи, законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

Ф. 7. Оп. 2. Д. 632. Л. 2—5

103. **(Препровождение свободного времени в обществе)** У крестьян северо-западной части Буйского уезда весной, летом и осенью кроме воскресных и праздничных дней совершенно нет свободного времени. Зимой же свободными остаются длинные зимние вечера, так как кустарные промыслы мало развиты. Парни и молодые девушки проводят зимние вечера вместе, собираясь в один дом «на беседу». Женатые мужчины вечером собираются к тому, у кого изба побольше да хозяйка поприветливей, одни замужние женщины осуждены на одиночество, впрочем иногда и они, уложивши спать ребятишек, собираются вместе, отдельно от молодежи и от стариков. Стариками называются все женатые мужчины, хотя многим из них нет и двадцати лет.
В собрании стариков время проводится в разговорах, для развлечения курят табак. Курение сильно развито в населении, часто видишь курящим двенадцатилетнего мальчика, иногда грамотный читает в собрании книжку, но чаще слушают рассказы про то, что было при отцах и дедах, находившихся в крепостной зависимости. Рассказы из жизни «за господами» интересуют крестьян. Много из них и таких, которые на себе испытали крепостное право, не все умеют рассказать, да и нет нужды в этом. Иной придет в избу, перекрестится на передний угол, скажет: «Здорово живите» и сядет, и больше никто ничего от него не услышит во весь вечер.
Зато есть мастера доводить до смеха добродушных слушателей. Некоторые играют в карты, чаще в «дурачки» и редко в деньги. Иначе проводит свое время молодежь, здесь песни и пляска прекращаются только в посты.

Ж. [Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство]

(Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни. Заговоры)
231. Во многих крестьянских избах нашей местности есть новейший и полнейший сонник, который часто делается руководителем крестьянина в жизни. Иногда сонник имеется в двух экземплярах — один старый, засаленный, с оборванными на сигарки полями, а другой новенький и чистенький. Крестьяне убеждены, что сны сбываются. Одна старуха рассказывала мне, как муж ее через веру в сон погубил свою родную дочь.
— Двадцать пять лет после свадьбы мы со стариком жили душа в душу. Всем были от Господ[а] довольны: и скотинкой, и хлебцем — одного талану нам Бог не дал — детки умирали, а потом и совсем рожать отстала. Много мы горевали, стали Бога просить, и послал он нам утешение: родила я дочку Машу. Росла Маша кроткая да послушная. Муж мой, Макаром звали, научил Машу читать. С большим она усердством обучалась. В праздник Евандель святой прочитает, а когда на слободе — чудную какую книжку. Слушать в нашу избу со всей деревни сходились. Исполнилось ей шестнадцать годков, только вот тут и случилась беда. Посватался к Маше вдовец Сергей Иванов, содержал он у нас в селе кабак. Маше шестнадцать, а ему за шестой десяток. Окромя того на роже ямы, как бороной проехано. Сначала батька Машу не неволил.., только вдруг стал мой Макар задумываться: за стол сядет — не перекрестится, а был он набожный. В воскресенье пошел за обедню, а попал в кабак к Сережке пьяному, домой пьян в первый раз во все мое замужество пришел. Сел за стол, спрашивает: «Марья где?» — За водой ушла на речку. «Я, — говорит, — с Ивановым по рукам ударил, быть за ним нашей Марье Макаровне». Не поверила я своим ушам, экое услышавши. — Свет мой белый, Макар Петрович, что ты наделал, али погубить задумал свое дитя родимое? «Мои, — говорит, — слова крепче олова». Принялась я выть, а он меня колотить.., пришла и Маша. Объявил ей отец свою волю, уперлась Маша. «Лучше, — говорит, — с камнем в воду, чем за немилого». А характером она в отца была упрямая: «Не быть добру, тятя, коли ты меня выдашь за кабатчика». Не послушал Макар. Сам с утра до ночи хмурый, а свадьбу

крутит: за неделю назначил, словно перед смертью торопится. А у Маши и слез нет, только разговаривать совсем перестала. Нечего, гить [говорит], мне больше вам сказывать. Сыграли и свадьбу. Жених-от был радошен, а невеста, как ночь осенняя. Весел мой Макар стал после свадьбы. Недолго Маша прожила в замужестве: на четвертый день утром за водой пошла, да назад-то уж и не вернулася. Дело было весной, речка разлилась, поискали, поискали, да найти не могли. Макар совсем одурел от горя, покаялся он мне, что видел две ночи подряд старца, быд-то от нашей Маши «антихрист» народится, с того самого сна и Машу он поневолил замуж идти, слыхал, вишь, что антихрист от девки родится. А про кабатчика я, говорит, думал, что стерпится — слюбится. Продал Макар в ту весну лошадь и пошел по святым местам, на зиму домой не вернулся. Слышала я потом от добрых людей, что окончил он жисть свою у святых соловецких угодников.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 558. Л. 2—9

И. Сближение полов. Брак. [Отклонения от законного брака]

389. (Достижение половой зрелости)

Девушки достигают половой зрелости раньше парней, а именно: девушка — лет 15 на 16, а парень — лет 17 на 18. К сожалению, родители приучают только дочерей к половой сдержанности, но не стараются так же влиять и на сыновей; есть даже такие отцы, которые поощряют своих сыновей на разврат, усматривая в этом некоторую доблесть. Впрочем, нельзя требовать правильного взгляда от невежественного человека: он не знает той страшной физиологической и нравственной порчи, которая происходит от половой несдержанности. Мне не раз приходилось убеждаться, что и дочерей предупреждают из боязни только, чтобы не появился в доме лишний рот, кроме того «падшую» дочь трудно выдать замуж. Что касается парней, то мне приходилось слышать в крестьянских семьях такое оправдание поведения парней: «люльки вешать не придется», т. е. парень не может родить. Вследствие такого взгляда «отцов», взгляда, часто открыто высказываемого, редкие из сыновей сохраняют целомудрие до брака; эти немногие счастливцы спасаются обыкновенно от разврата ранним браком. В последнее время чаще стали случаи падения и девушек, что влечет за собою еще два страшные следствия — плодоизгнание и детоубийство с целью уничтожить плоды своего преступления.

390. (Сближение молодежи)

Парни и девушки встречаются часто: в будничные дни они встречаются на работе, в праздничные дни на гулянье, а в осенние и зимние вечера в специальных собраниях молодежи, называемых «беседами». Из игр в беседе самая употребительная и любимая — «в соседи», так как она дает возможность посидеть рядом с «предметом» (обыкновенно мужчины сидят все вместе на отдельной скамье). Кроме того, девицы поют песни; в каждой упоминается имя одного из присутствующих парней; парень, для которого поется песня, выбирает одну или двух девушек и когда кончат песню, целует их. Для примера привожу песню, в которой, по-моему, наиболее определенно выражены требования, которым должен удовлетворять деревенский «герой».

Кто в беседах умен, (гуляет разумен)
У нас (имя)-то умен,
Сын (отчество) разумен.
Очень баско (хорошо) ходит, манерно ступает,
Сапог не ломает, чулок не марает.
Сапог-то козловый, а чулок-то шелковый.
По горнице ходит, на сердце любовь наводит.
В зеркало глядится, сам себе дивится:
Экой я хороший, экой я пригожий;
Хорош уродился, наряден нарядился.

Подайте, ребята, коня вороного, седелечко ново,
Узду золотую, плетку шелковую.
Он коня седлает — конь-то с ним играет;
На коня садится — конь-то веселится;
Плеткой машет — конь под ним пляшет;
Дорожкой едет — дороженька стонет.
К речке подъезжает — речка высыхает;
К дому подъезжает — девушка встречает.

В последнее время со стороны крестьянской молодежи заметна попытка ввести в беседах танцы, — кадриль уже введена, но господствует еще пока национальная русская пляска. Парни и девушки участвуют в собрании лет с пятнадцати. Вдовы, замужние и женатые допускаются только в качестве зрителей. В беседу приходят парни верст за десять. Драки — дело обыкновенное, главной причиной драки является соперничество.
Часто парни, приходя гулять в чужую деревню, покупают местным парням и даже мужикам вина. Пьяные парни позволяют себе разные бесчинства в беседах, например, площадную брань. Желая сильно оскорбить и «обесчестить» девушку, парень срывает у ней с головы платок, это служит символическим знаком того, что потерпевшая — любовница сорвавшего платок. Таких буянов иногда удаляют из беседы; это обыкновенно сопровождается страшной дракой.

392. Нередко доходит между молодежью до половой связи, связь стараются всячески скрыть, что иногда удается до первых признаков беременности. К сожалению, виновной считается при этом только девушка, а парня нисколько не порицают. «Падения» и проституции из-за корыстных целей мне не приходилось наблюдать.
Девушка, за которой никто не ухаживает, т. е. которой никто не носит «гостинцев», которую никто не выбирает в беседе для поцелуя, находится в пренебрежении у подруг.

(Обстоятельства, предшествующие браку)
393. По понятию народному брак есть такой союз, посредством которого мужчина приобретает себе рабу в лице жены. Народ убежден, что в браке огромное участие принимает судьба, это подтверждается следующими пословицами: «Суженый урод будет у ворот», «Суженого конем не объедешь».

394. Главное побуждение при заключении брака есть желание закрепостить даровую работницу, но в последнее время чаще стали совершаться браки по любви. При выборе невесты особенно ценят хорошее здоровье, способность к работе, скромность; кроме того, принимают во внимание, какова родня у невесты. При выборе жениха всего более ценят, если жених — один сын у родителей.

395. Крестьяне большею частью вступают в брак ранее двадцати лет. При выдаче дочерей замуж наблюдается, по возможности, очередь.

396. Родительскому разрешению и благословению при браке придается должное значение. Если нет родителей у вступающих в брак, то их заменяет старший в роду.

397. Случаются и браки убегом или «самокрутки»; такие браки бывают потому, что родители иногда не дают своего согласия. Иногда просто ради экономии жених увозит невесту «самокруткой» с ведома родителей. Кроме лишения наследства я не знаю иных наказаний за самовольное вступление в брак.

398. Если жених и невеста безродные, то они выбирают «посаженных» отца и мать, каждый для себя, которые их и благословляют; при этом отношения между «посаженными» или «богоданными» родителями и их такими же детьми устанавливаются родственные.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 564. Л. 1
(В архиве РЭМ эта рукопись значится как рукопись А. П. Травиной, однако по почерку можно утверждать, что она принадлежит перу И. М. Воропонова. — *Прим. сост.*)

К. Выходящие из ряда обстоятельства

468. Самоубийство. Я хорошо знал самоубийцу. Звали ее Дарьей, лет ей было восемнадцать или девятнадцать, верно не знаю. Выше среднего роста, с живыми карими глазами, с румянцем во всю щеку, с черной блестящей и густой косой, с умной бойкой речью, Дарья производила выгодное для себя впечатление. Глядя на нее, приходилось только сожалеть, что она не могла получить образования, родившись в крестьянской, хотя и не очень бедной семье, впрочем, сельскую школу она посещала в течение двух зим и умела писать для соседей «слезные грамоты» и «с любовью низкие поклоны». Помню, раз догнал я целую толпу крестьян, шедших молиться. Кучер мой Андрей, парень лет двадцати, поравнявшись с толпой, пустил лошадь шагом. Впереди всех шла Дарья степенной и неспешной походкой. Андрей вступил в разговоры и, обращаясь к Дарье, сказал: «Видно, Дарья Федоровна, грехов ты много очення накопила: кажинной праздник к обедне ходишь?!» «Милого дружка в женихи вымаливаю, Андрей Петрович!» — бойко, не глядя и вполне серьезным тоном отвечала Дарья на эту шутку. «Кого выберешь, всяк не обракует», — продолжал Андрей, только слова его на этот раз звучали не шуткой, а убеждением. «Неровня!.. Сам знаешь», — опять серьезно ответила Дарья и посмотрела в нашу сторону: сильная энергия выражалась в этом взгляде. «Эта сумеет завоевать», — подумалось мне. В это время раздался звон к началу обедни. Я, боясь опоздать, попросил Андрея ехать быстрее, — он махнул вожжой и мы скоро оставили спутников далеко за собою. На возвратном пути Андрей рассказал мне, что Дарье «по мысли» «лавочник» из села, который ее также любит, «да батька Сергею за женитьбу на Дарье сулит белый падаг в награду».
Андрей начал свой рассказ сам, — ему, видимо, доставлял удовольствие разговор о Даше и мне показалось, что он сам влюблен в нее...
С той поры и стал я следить за течением этой обыкновенной житейской драмы. Конца пришлось ждать недолго: прошло одно только лето. Осенью того же года лавочник Сергей был принужден отцом жениться на богатой мещанке из города. Долго Сергей сопротивлялся, сначала хотел уехать в город, но боязнь лишиться наследства пересилила в нем любовь к Даше — и он дал свое согласие, хотя будущая жена и была «лицом корява, а умом тупа». Недолго колебалась Даша. Скоро после свадьбы Сергея нашли ее мертвую в овине: качалась она на поясе, перекинутом через перекладину. От прежней красоты остались одни только волосы.
Сколько слез было пролито всей деревней, не говоря уже о родных, над трупом общей любимицы. Андрей же чистосердечно признался мне, что и он был безнадежно влюблен в Дашу и, рассказывая об этом, даже заплакал. Желая выразить свою любовь к почившей, он собственноручно сделал большой сосновый крест на ее могилу, вокруг которой посадил несколько березок и ив. Но у всякого своя драма, — и скоро забыли бедную «убивицу». Андрей утешился в ту же зиму. Только мать часто посещает одинокую могилу в самом далеком западном углу на погосте, подолгу плачет она, упавши на землю, — и нельзя слышать и переносить без боли этих стонов и воплей.

Корреспондент Травина Александра Петровна
Буйский уезд, Контеевская волость, деревня Глебовское

Ф. 7. Оп. 1. Д. 560. Л. 2

А. Физические природные свойства крестьян

2. Зрение и слух развиты хорошо; первое сохраняется до преклонных лет, так что употребление очков в деревне большая редкость. Слух достаточно развит: крестьяне перекликаются на расстоянии двух верст;

дети быстро перенимают мелодии с голоса. Преимущественно занимаются земледелием, почему выносливы. Крестьянин на спине переносит тяжести до пяти, иногда до шести пудов; женщины поднимают три-четыре пуда.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 559. Л. 2—4

Б. Местные условия жизни крестьян

3. **Местоположение.** Деревня Глебовское Костромской губернии Буйского уезда Контеевской волости находится в 90 верстах от Костромы, в 12 верстах от города Буя и от села Контеева в двух с половиной верстах, где находится приходская церковь, бакалейная лавка и бывают базары по воскресеньям. Деревня в полутора верстах от судоходной в половодье реки Костромы; в деревне протекают две речки: Вздериноуска и Телепенка. В деревне 128 дворов и 600 человек жителей обоего пола, включая детей. Фабрик и заводов поблизости нет; крестьяне хлеб, масло, лен, холсты сбывают по зимнему пути в город Кострому, а небольшое количество этих продуктов свозят на базары и ярмарки в город Буй или в село Контеево. Почта получается волостным правлением раз в неделю. Камера земского начальника находится в шести верстах; становой пристав в двенадцати верстах, урядник, волостное правление в двух с половиной верстах. К этим местам проселочная дорога. Ближайшая станция Московско-Ярославско-Вологодской железной дороги — Пречистое — в шестидесяти четырех верстах от деревни.

4. **Что дает крестьянам земля.** Крестьяне сеют озимую рожь и яровые: овес, ячмень, пшеницу, горох, лен, картофель и незначительное количество гречихи. Земля глинистая, значительно удобряется навозом. Огород имеется почти у каждого крестьянина, но овощи: картофель, лук, брюква, редька, свекла, подсолнечники, капуста и др. возделываются только для себя. Своих лесных дач вблизи у крестьян нет; охотой не занимаются; рыбной ловлей занимаются, сбывая ее в свежем виде в город Буй. Некоторые крестьяне имеют свои небольшие лесные дачи, верстах в двадцати от деревни, оттуда зимой они возят дрова, жерди для огораживания полей и бревна.

5. **Полезные и вредные животные.** Каждый крестьянин средней зажиточности имеет лошадь, одну или двух коров, почти все держат овец, от последних главным образом пользуются шерстью; в деревне есть свои катальщики валяных сапог, делают войлоки и ткут толстые ткани серого, черного и коричневого цвета для кафтанов. В диком состоянии водятся зайцы, белки, с реки заходят волки; в казенных лесных дачах попадаются медведи.

6. **Климатические условия в отношении крестьянской жизни**
Весенние работы начинаются со второй половины апреля, скотина сгоняется не ранее 23 апреля. Земля оттаивает около этого же времени. Весенняя распутица продолжительна, этому способствует главным образом изобилие маленьких речек, которые разливаются и размывают дороги; при быстром течении разносит все мостики; на колесах ездить нельзя, потому что повсюду вязкая глина. Сенокос начинается с 29 июня, продолжается недели три; около Ильина дня начинают жать рожь, в августе жнут яровое (местами косят, если не очень перестоялось, в противном случае бывает большой урон зерна), теребят льны, околачивают их кичигами, стелют. Заморозки начинаются иногда с конца сентября, к этому времени полевые работы бывают окончены, но молотьба и отделка льна продолжаются и затягиваются иногда до ноября. Средняя температура зимы — 12, — 15, — 20 градусов по Реомюру; но бывают в декабре, в январе морозы и до — 33 градусов, но ничего: два, три дня. Метели бывают с конца января и в феврале, особенно сильных заносов нет, но дороги приходится разгребать лопатами; на такую работу выходит почти все селение.

Г. Общие указания об образе жизни крестьян

7. Все крестьяне деревни Глебовское — хлебопашцы; очень немногие из них имеют побочные занятия — плотничество, кузнечное мастерство, торговлю мясом и т. п. Скота держится немного, но в достаточном количестве, чтоб было возможно удовлетворять все запашки.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 561. Л. 2—8

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

7. Власти. Отношение их к крестьянам

а) Земский начальник допускает крестьян к себе во всякое время. Крестьяне его не боятся и встречи не избегают, за исключением тех, которые знают за собой какую-нибудь вину. В хозяйственные дела он не вмешивается. Земский начальник налагает взыскания за неисполнение требований, за пропитие общественного хлеба и т. п. в виде штрафа в размере 20 или 30 копеек.
б) Исправника крестьяне больше боятся, говорят, что он «выше земского»; исправник может налагать взыскания только на старшину и старост за упущение по сбору податей.
в) Урядники, сотские и десятские обращаются с крестьянами гораздо строже, чем высшее начальство; они прямо употребляют силу для исполнения их требований.
г) Волостное правление состоит из старшины, старост (по числу обществ в волости) и писаря. Главным образом старшина в случае неуплаты податей старостам производит опись имущества недоимщика, председательствует на волостном сходе, производит наряды для отправления натуральных повинностей (починка дорог, мостов), производит взыскания по решению судов. Крестьянские дела писарю не подлежат; он состоит только грамотным лицом для ведения дел по волости и волостному суду. Если такая личность является дельной, то в некоторых случаях приобретает влияние на старшину, старост и волостной суд.
д) В сельские старосты избирается грамотный. Так как жалованье старосты ограниченное, не свыше 40 рублей в год, то желающих на эту ответственную должность не находится и выбор старосты крестьяне производят из «винных», это из таких семей, в которых, благодаря счастливому жребию или браковке, кто-нибудь миновал рекрутской повинности. Староста зависит от власти земского начальника, этот последний может увольнять старост и с представлениями об увольнении старосты уездный съезд всегда бывает согласен. Исправник имеет право наказывать старосту арестом за неисправные сборы недоимок. Староста является между крестьянами начальством, относятся к нему действительно, как к ближайшему начальству, иногда угощают его с целью отвлечь при сборе податей.

10. Крестьяне не поздравляют и не дарят начальство, говорят: «У нас этого и в заведении нет!» Приезд начальства в большинстве случаев возбуждает страх, некоторых, говорят, не выбьешь на зов начальства. Скорее исполняют приказания десятские как подвластные полиции. По отъезде часто говорят: «Вот, незнамо зачем приезжал, только от дела отбил!», а иногда серьезно поговорят, поспорят.

11. Приказания земского начальника и исправника исполняются. Неуважительное отношение в этих случаях редко и является следствием подстрекательства доморощенных адвокатов, которые неправильно толкуют манифест о недоимках, и лиц, поддавшихся их убеждениям, эксплуатируют.

12. Из законов употребляются: по проступкам — Устав о наказаниях, и по крестьянскому управлению — общее положение о крестьянах. С законами крестьяне знакомы мало, а большинство их вовсе не знает.

13. Свобода передвижения. Паспорты

Крестьянин, желающий отлучиться, должен принести в волостное правление видок от сельского старосты, удостоверяющий, что нет причин для отказа в выдаче паспорта крестьянину и, кроме того, если крестьянин

принадлежит к семье, то он должен заручиться словесным или письменным согласием домохозяина. В соседние уезды, в особенности, где раньше живал, иногда отправляются без паспорта. Есть случаи, что в столицах живут без паспорта. Задержки со стороны волостного начальства в выдаче паспорта не бывает, кроме тех случаев, если препятствует домохозяин. Паспорт даровой. Крестьянки должны иметь согласие мужа.

Суд и расправа

44. Различие между уголовными и гражданскими делами есть, но по понятиям крестьян «уголовщина» — это только такие важные проступки, которые влекут за собой очень сильное наказание, не меньше острога. Крестьяне власти судебного следователя не знают, так как выезд его бывает чрезвычайно редок, крестьяне эту должность почему-то соединяют с должностью судебного пристава. Свои суды крестьяне считают ни во что: «Ну что наш суд смыслит, только и глядят эти судьи, как бы им выпить; дела-то и своего не разумеют, и незнамо как судят! Али у нас по закону? Кто вот побогаче, да посмелей, тот и возьмет, а уж нам бедным да темным лучше и не связывайся с этим судом!» К государственным относятся с большим доверием.

45. Самосуд бывает с поличным, например: «На базаре тетка Арсеньева наворовала судаков, а торговец-то догнал, да судаками и отколотил ее! Да мало ли этак: вон рукавицы украли, да так ими вора-то наколотили, что он с того самого раза захворал и помер!»

46. Постоянный суд — волостной. Временных и третейских нет. Судебных сходок тоже не бывает.

47. Волостной суд состоит из председателя и трех судей; избираются большей частью шарами. Судьи избираются из грамотных, в возрасте не моложе 35 лет; может быть и не главой семьи. Жалованье — рублей 35 в год.

48. При разбирательстве дела сперва опрашивают стороны и различными вопросами стараются добиться истины. Употребляют даже вопросы с хитростью. Свидетелей допрашивают порознь.

49. Влияния волостного старшины и старост в делах судебных не бывает. Писарь, как более сведущий в судебных делах, безусловно может влиять.

50. Отводы судей допускаются в тех случаях, если судья — член семьи одной из сторон.

51, 52, 53. Нет в данной местности.

54. Бывает. См. № 11. Редко.

55. Предрассудков относительно суда нет.

56. Волостное правление наказывает со старостами, сотскими и десятскими, чтобы тяжущиеся и свидетели являлись на суд.

58. Бывают случаи, что на суд являются за кого-нибудь отец, сын или другой кто из ближайших родственников.

59. Не случается.

60. Общество является обвинителем в тех случаях, когда нарушены его права, например, пастьбой скота на их общих угодьях, порубкой общественного леса и т. п.

62. В важных случаях принято или снятие иконы, целование шейного креста, сличение следов. Улики имеют немалое значение. Если совершена кража, то крестьяне пользуются всяким неосторожным словом

подозреваемого лица, чтоб придраться к этому и сделать должный обыск. Так, например, во время пожара из училища пропал эмалированный таз, после этого события прошло много времени, так что никто и не вспоминал, вдруг кто-то услыхал, что один крестьянин говорил своей жене, чтобы она сало вытопила в таз. Слова эти были подхвачены и во всей деревне заговорили о давнишней пропаже таза: «Какой у мужика таз! Знамо это тот, краденый!» И сейчас же собрались делать обыск.

63. Иногда найденные вещи отдаются на поруки; если еще в суд не подавали, то отдаются на поруки, а если дело поступило, то иногда эти вещи относят в правление.

64. За деньги и за другое, что часто берутся отыскивать женщины, которые слывут за знахарок; несмотря на то, что они обманывают и много навирают, доверия к себе они не теряют.

67. Воров часто зимой ищут по следам, суеверных действий при этом не замечается.

71. Народные обычаи допускают сына быть свидетелем за или против отца и вообще родственников.

73. Уклоняются; главным образом девицы, считая это бесчестьем для себя.

74. Подпаиванья и подкупы бывают.

75. В крестьянских судах присяги нет, но есть клятва в виде снятия иконы и божбы, например: «провалиться мне сквозь землю», «лопни глаза», «скорчи выкорчи».

76. В народных судах, например, при разбирательстве дела земским начальником в волостном правлении, при приведении к присяге (старшины) приглашается священник и в переднем углу на отдельном столике, покрытом чистым «столешником», он кладет Евангелие, крест, перед тем и другим прилепляется восковая свеча; затем читается присяга и принимающий присягу с должным благоговением и поднятым перстным крестом повторяет за священником.

78. Лжеприсяга существует. Принимают ложную присягу потому, что совершенно не знают ее значения; считают грехом и примечают, что всегда за это следует наказание Божие. Рассказывают, что один мужичок принял ложную присягу, когда тягался из-за наследства: «Ну и стал он после этой присяги сохнуть и помер!» Об этом случае знают во всей деревне.

79. Приговор составляется писарем с указанием оснований, на которых он постановлен, и подписью состава суда. Голоса отбираются председателем и дело решается по большинству голосов.

80. Заочные решения бывают. Объявляются они посылкой копий или объявления с извлечениями из решения.

81. Приговор объявляется прочтением его вслух председателем или писарем.

82. Приговоры приводятся в исполнение старшиною после вступления их в законную силу. В случае несостоятельности осужденного взыскание заменяется арестом: два рубля штрафа заменяются одним днем ареста.

84. Последствий таких не бывает.

85. Обычаев нет. Волостные судьи присуждают к выговору, штрафу до 30 рублей, аресту до 30 дней и к телесному наказанию до 20 ударов. Последнее применяется очень редко. Предпочитают иногда розги перед

арестом, причиной служат полевые работы. Народ считает телесное наказание менее позорным, чем острог. Арестованные помещаются в особенных камерах при волостном правлении, женщины отдельно от мужчин. К побегу не стремятся. В камерах больше спят. Зажиточные просят арест заменить штрафом.

86. Обращается внимание на материальное положение обвиняемого.

87. Позорящих наказаний вовсе не существует.

88. «Грех пополам» — существует. Было такое дело: лошадь потерлась об огород и потревожила соседние ульи; пчелы зажалили лошадь. Владелец ульев заплатил половину стоимости лошади ее хозяину.

Опека

91. Опека в крестьянском быту существует. Опекунами над малолетними назначаются родственники, если они ничем не опозорены (тогда назначаются опекунами и посторонние). Опекуны выбираются сельским сходом. Контроль над имуществом бывает плохой. Случается, что умирает отец, который расточал имущество, при матери же хозяйство поправляется и видимо увеличивается материальное благосостояние; в этих случаях сельский сход не считает нужным производить опекунам учет.

92. 1) До законного возраста. Так как опекунами избираются большей частью ближайшие родственники, то вознаграждения они не получают, но что касается мелких продуктов, то при ведении хозяйства они пользуются ими одинаково как своими собственными. Не имеющие ничего сироты кормятся по дворам поочередно. Различия в этом случае между мальчиками и девочками не делается. Одни говорят: «Отчего для Бога не покормить!». Другие иногда высказывают ропот на их родителей, которые не позаботились при жизни устроить и обеспечить сирот. Участь девочек все-таки хуже: «Мальчишка, так хоть в работники выйдет, а девчонка-то, кто ее знает, пожалуй, и избалуется по чужим людям, приведет ли еще Бог такую к закону, Бог весть!»
2) Опекун представляет словесный отчет сельскому сходу. Растрата имущества бывает, но очень редко; решается такое дело только земским начальником.
4) Большей частью назначаются родственники, только в случае видимой неблагонадежности таких лиц избираются посторонние.
5) Опекун выбирается сельским сходом.
6) Опека налагается в случае малолетства и неуплаты податей.
7) Бывает, в этих случаях управляет имуществом жена.
8) Опекун делается наследником в некоторых случаях: например, если он — родственник и живет в одном дворе.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 563. Л. 2—10

Повинности

98. Воинская повинность

В год призыва родители парня заводят ему тройку, т. е. «спинжак», жилетку и брюки из недорогого сукна; покупают калоши, зонтик дождевой и гармонию — «итальянку». Такой обычай водится почти в каждой, даже в очень бедной семье. Летом парня берегут, не посылают в работники, да и дома не морят на работе; если он по своему желанию заработает сколько-нибудь в чужих людях, это идет ему, а не в дом. В последнее воскресенье перед отправкой для вынутия жребия парни отправляются за обычно в лучших своих нарядах, ставят свечи «Всевышнему» (Тайной Вечере или Распятию вверху иконостаса), иногда служат молебен в церкви. После получения жеребья они возвращаются домой и обреченные на солдатство до самой отправки гуляют. Ходят они и днем и ночью с гармониями, пьянствуют до последнего дня. Проводы рекрута — в деревне событие. Дома для него стряпают обед, угощают его, как гостя, после обеда отец с матерью снимают с тябла икону, благословляют его и прощаются, при этом мать воет и причитает:

Повезут моего дитятку,
Во службу, во царскую,
Если Бог тебя помилует,
Царь чином пожалует,
Пиши мне с чужой сторонушки,
Уж дождуся ли я вестушки,
От моего ли от соколика,
Вы глядите, мои ясны очи,
И в запас да наглядитеся,
На мое рожено дитятко.
Повезли моего дитятку
В чужую дальнюю сторонушку,
Во большую во неволюшку,
Что во службу да во царскую.

В это время новобранец прощается со всеми родными и знакомыми, которых набилась полная изба. Все плачут. Затем хозяин велит замолчать, слез и всхлипываний как не бывало. Все уже одеты в дорогу и зрители присаживаются, потом встают, молятся Богу и выходят на улицу. Провожают новобранца деревней близкие родственники, а до города родители. Там они угощают сына «всячиной», т. е. и лакомствами, и вином. Затем следует прощанье. Первое письмо, полученное от солдата — немаловажное событие: его читают дома, несут читать в кабак, показывают его и грамотному, и неграмотному. В каждом из них испрашивается родительское благословение, посылаются поклоны и говорится о трудности солдатской службы.
Еще за несколько недель до возвращения солдата уже говорят о нем, а вернется — все от мала до велика идут глядеть на него; говорят ему «Вы» и в каждом доме можно услыхать ему или похвалы, или порицания, предположения относительно женитьбы, сватанья ему невесты и высчитывают, на сколько он мог привезти подарков в семью. Скоро затем он начинает входить в интересы семьи и занимается работами, как все другие члены.

101. Празднества
Деревенский праздник в Глебовском — это зимний Николин день. В честь святого Николая построена часовня: деревянное здание, выкрашенное разными красками, по карнизу написан с одной стороны тропарь святому, а с другой стороны — «Боже, царя храни»; здание обнесено палисадом из точеного балясника, обсажено березками. Мною замечено, что всякий проходящий мимо часовни глебовский житель останавливается и крестится, сколько бы раз в день ни случилось пройти мимо нее. Накануне Николина дня служится всенощная, молебен с освящением воды, а на другой день после обедни начинается деревенское гулянье. В этот день и накануне съезжаются к хозяевам гости, забирая всех ребят. В ожидании гостей у хозяев немало приготовлений: ставится пиво, которого в каждой избе бывает средним числом до девяти глиняных ведерных корчаг; для гостей женского пола делается закваска, это тоже пиво, но без хмеля, прибавляют туда изюму, мяты, меду, что у кого есть. Покупается водка, где четверть, где полведра, ведро, смотря по состоянию. Этого количества не хватает, на другой, на третий день подвыпившие хозяева и гости прикупают водку бутылками, иногда для этого складываются по 20, по 30 копеек. У взрослых день проходит исключительно в выпивании то водки, то пива. Несколько раз садятся за стол справлять завтрак, обед, паужин и ужин, состоящие из варева: картофельной похлебки, лапши, кислых щей, гороховой похлебки, затем следуют каши — гречневая, пшенная, яшная; подаются пироги сперва ржаные, облитые крупой, гороховой мукой, потом из домашней пшеничной муки и затем белые с изюмом, сушеной малиной, черникой или брусникой. Подобных кушаний печется и варится на три дня, ими угощаются только приезжие родственники, а других гостей потчуют пивом из жестяной кружки, вмещающей пива бутылку или больше, гостей получше угощают водкой. В промежутках между яствами подается самовар; эта роскошь далеко не у всех имеется, некоторые совсем не пьют чай, но на праздник где-нибудь раздобывают самовар и к чаю везде подаются баранки, полбутылки наливки, дешевые лакомства в виде гадательной карамели,

сыропных пряников и каленых орехов. Это угощения наших крестьян. Замечательно то, что везде буквально оно одинаково, и в бедных, и в зажиточных домах.

Взрослые больше сидят в избах, пока не пьяны, ведутся разговоры о хозяйстве довольно чинно, даже иногда говорят «Вы». За столом угощает хозяин:

— Сват Иван, ешь!

— Нет, довольно будет!

— Да что довольно, ешь, пока влезет. «Сделайте милость, покушайте!» — добавляет хозяйка.

Это упрашиванье и отказы повторяются очень много раз и всегда оканчиваются соглашением гостя.

От гостеприимного хозяина требуется, чтоб он как можно больше угощал, поэтому его роль за столом состоит только в угощении, а самому есть почти не приходится. Подвыпивши и хорошо закусивши разговоры начинаются оживленнее, первое время спрашивают и впопад отвечают, затем уже каждый говорит свое. В избе поднимается крик, топанье, бабы выходят в горенку. Завязываются споры, иногда переходящие в драку.

Молодежь с утра на улицах. Парни, несмотря на зимнее время в одних «спинжаках», на шее шерстяной шарф, на ногах калоши, в руках гармоника. Девицы в ярких платьях, почти у всех одного цвета, глядя по тому, какой в моде, нынче алые платья, обшитые дешевыми кружевами. Поверх надет «жикет», а на голове белая шерстяная шаль. Поются песни, уничтожаются подсолнечники. Парни называют девиц барышнями, угощают лакомствами, а барышни «модятся», т. е. отказываются. Общих разговоров почти не ведется. Вечером вся молодежь собирается в избу к одной из подруг, которой потом за помещение платится копеек 50 ото всех, а если соблюдается очередь (т. е. заранее на год распределено, у кого беседа), то в этом случае не платится. «Барышни», натертые стеарином, нарумяненные и разодетые, сидят и поют песни, входят молодцы. Которому-нибудь из них поют песню, называя его в песне по имени и отчеству, он выходит на середину и перед какой-нибудь махнет носовым платком, девица встает и ходит за парнем, потом он повернет ее за талию, покружит и этим дело кончается, это называется «гулять вдоль полу». Потом танцуется «Чижик». Это смесь кадрили, лансье и еще чего-то. Поется песня, или вернее несколько песен довольно быстрого темпа. Начинается так:

Где ты, чижик, где ты был?
За морями вино пил.
Выпил рюмочку, другую,
Пригласил к себе милую…

Парень подходит и кланяется. Затем и начинают танцевать. На весь танец этой песни не хватает и для последней фигуры поется:

Березки, березки истребленные
На вас веточки серебряные
Листочки позолоченные,
Чьи молодчики хорошенькие?
Буеськие прикашшички (Буевские приказчики)
Положили ручки в яшшички (ящички)
У хозяина часы унесли
На три года товару запасли
Товару уважительного
Табаку себе курительного.

Танцуют это четыре — восемь пар. Оканчивается беседа иногда в 5, в 6 часов утра. Так «гуляют» (здесь не говорят «танцуют») во все праздники, т. е. в святки, Новый год, в Смоленскую 28 июля, в Кузьминки; в последнем случае беседы называются «ссыпшенки», потому что все девицы делают складчину — «ссыпаются», т. е. приносят солод, муку, хмель, за неимением этого — деньги; варят пиво, которым угощают молодцев. Молодцы приходят не только из своей деревни, но и из других; продолжаются ссыпшенки от 1 ноября до 8 ноября; в это время и в святки женихи главным образом присматривают невест. Существуют еще беседы; они устраиваются великим постом: девицы сходятся в один дом прясть, потихоньку разговаривают, к ним приходят молодцы, шутят, посмеиваются над пряхами; последние через несколько

времени переглядываются и убегают из избы «на волю»; их места занимают молодцы, прядут, путают лен, рвут волокно; девицы, наконец, приходят опять, надо прялки выкупать, каждая выкупает свою поцелуем парня в губы. Обычай целоваться с парнями мало-помалу начинает исчезать: года два тому назад целовались во всех беседах в каждом «гулянье»; теперь это выводится благодаря тому, что некоторые из парней живали в Питере или в Москве, они внесли иное, более утонченное обращение с девицами. Бесед в деревне три: одна в «краю» (название улицы), другая на «Курмыше» (тоже улица) и третья детская, где гуляют девочки от 10—15 лет с мальчишками таких же лет.

Эти великопостные посиделки устраиваются, чтоб больше напрясть и меньше сжечь огня, так объясняют это и взрослые, и молодежь; обыкновенно ложатся в 9 часов, а тут досиживают до двух часов. Что касается других праздников, то замечателен еще Михайлов день (8 ноября). Это храмовой праздник, продолжается он ровно неделю: один день — в одной, другой — в другой деревне за исключением Глебовского, но наши жители со всеми ребятами уезжают по гостям: в одной деревне — к свату, в другой — к дочке замужней; родня найдется везде. Так что в Глебовском остаются только старики и убогие. Таким образом проводятся праздники во всех деревнях не только Контеевской волости, но почти всего Буйского уезда.

Перед началом полевых работ в апреле бывают молебствия у крестьян: на домах всенощная и в поле водосвятный молебен, для чего ежегодно привозят священника поочередно, т. е. подводу посылает в село то один, то другой, у этого крестьянина обыкновенно после молебна священник закусывает; для него делается та же закуска, что в праздник. Летом тоже есть дни, в которые всем селением положено молиться; это делается в память каких-нибудь несчастий, постигших деревню: градобоя, пожара и т. п. При закладке школы и ее открытии в Глебовском было трехдневное торжество, открывались три школы в волости и три дня было празднование. В новую школу приглашался весь причт, члены училищного совета, учителя и учительницы, строители, попечители при стечении жителей всех деревень, из которых учатся дети. Тут делалось угощение от сельских обществ.

Празднества

На празднествах не принимают участия убогие, слабые здоровьем или келейницы — это старые девушки, которые по причинам только им известным одеваются во все черное, низко опускают на лоб темный платок. На вопросы, почему они не бывают на праздниках, обыкновенно слышишь ответ: «А кто их знает!» На праздники главным образом приглашаются старшие члены семьи; если почему-нибудь не удалось попасть в гости, то со стороны приглашавших бывает много упреков и они не ездят на отозвины, т. е. на приглашение.

103. (Препровождение свободного времени)

Свободного времени за исключением праздников у крестьянина мало; в летнее время совсем нет, а в зимние вечера, если не плетутся лапти, не вьются веревки, то крестьяне рано ложатся спать, чтоб не жечь даром огня. В некоторых домах, где грамотный хозяин, он читает вслух псалтырь, или другое что-нибудь «божественное»; если есть учащиеся дети, отец помогает сыну читать, поправляет и в то же время или умиляется грамотой сына, или напротив возмущается, если сын учит басню, стихи и т. п.

(Примечание) На вопросы 103 и 104 сведения не вполне собраны, поэтому дополнительные и подробные пришлю попозже [так в тексте].

106. Стремление возвысить свое общественное положение

Зажиточные крестьяне не все пользуются уважением, хотя все с виду относятся к ним с почтением, однако дома или при расспросах о богачах таинственно рассказываются разные неблаговидные истории и причины, по которым получилось богатство. «Ты не сказывай, а ведь он мужика убил, деньги-то вынул, да покойника-то головой в реку и отпустил… с тех пор и пошел, и пошел богатеть!» Увеличить свое достояние всем хочется, но большинство только «оборачивается», это их выражение, т. е. проживает то, что заработали. Если большая семья, то стараются завести лошадь, другую, для этого отказывают себе в чем-нибудь из одежды, жалобы чаще слышатся от крестьянок, что нынче нельзя дочке платок купить, ребятам рубашек новых не будет, потому что «сам ладит на осень лошадь завести». Более зажиточные держатся земли, покупают пустоши, лесные дачи, усадьбы; здесь малоземельные крестьяне, именно в Контеевской волости, поэтому пастбищ, сенокосов очень мало и вот на такие земли и совершаются покупки.

Волостной старшина пользуется в нашей волости всеобщим почетом. Его хвалят везде и за ум, и за обходительность, и за «распорядки». На общественные должности желающих нет; отказываются, потому что очень мало жалованье, например, старосте — 25 рублей. При выборе старшины долго упрашивает вся волость. Десятские стараются всеми силами отказаться от обязанностей.
Крестьяне любят жертвовать на богоугодные заведения, преимущественно на храмы; посылают больше всего на Афон, откуда им присылают письма и образки, называя «благотворителями».

Ф. 7. Оп. 1. Д. 560. Л. 3—9

Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам

107. Личные отношения

Взрослые при встрече обмениваются словом «Здорово», так все: и знакомые, и незнакомые, знакомые иногда подают руку; женщины-родственницы целуются. По имени и отчеству называют только особенно уважаемых; большею частью прибавляют «сват», «кум», «сваха» (что очень распространено) и называют только по имени. Разговоры заводят больше на темы о работах, хозяйстве, если сходятся, например, у колодца:
— Здорово, Наталья Ефимовна!
— Здорово, тета Любея! Что сегодня делаешь-то? Лень-то измяла ли?
— Да, матка, измяла, терплю, слава Богу!
— Ой, матка, а я так и не зачи-и-и-нывала (любят вытягивать какой-нибудь слог), с капустой связалась, просто отделать не можем, да и тяпок-то нету!
— Отстань-ка, матка, у меня так ножниц нету, овец бы пуще остригчи!
— Да приходи, я дам, у меня во-о-о-стрые, хоро-о-ошие, только не голчи (не сказывай), матка, не всякому дашь!
Подходит третья:
— Здорово живите! О чем молчите?
Происходит повторение предыдущего разговора. Если случается, что один другого догоняет и перегоняет, то догоняющий крикнет: «Мир, дорого-о-о-й!» Остающийся ответит: «Здорово живешь!» При входе в избу три раза крестятся, хозяину, хозяйке, деткам говорят: «Здорово, Егор Прохорыч, тета или кума Парасковья, здорово, детки!» «Беседуй, тета Катерина!» Словом «беседуй» обращаются к гостю и гостье. Входящий в беседу говорит: «Беседуйте, барышни!»
Ласкательные приговоры: желанная, свет белый, родимый, кровь ты моя горячая, болезная. Уничижительные: гиль! лупоглазый черт, рыло косое, беспелюха! Крестьяне так говорят: «Богачи и богачены разные бывают, одни «посоветлянее», придешь — и хлебца взаймы дадут, и поголчат с тобой, а то ведь не больно есть охочие до разговору — придешь — отвернутся, ровно их нету, а чего попросишь, так скажут: «У самих нужда!» Этаких-то в крестьянстве у нас больше». Бедняки «подлещиваются» к богачам и про таких всегда кумушки сплетничают, осуждают: «Ишь, прихвостень Егоров!» Богачи мало входят в сношения с бедняками и с крестьянами средней зажиточности.
Пример перемены отношений в зависимости от перемены имущественного положения: «Вот Федор Михеич богатый был, чего-чего после батьки всем братовьям осталось, — купчая земля, пара коров, лошадь хорошая, сбруя, колокольчик, ну зажиточен был, бедненьких-то не больно любил да допущал к себе, а вот и пошло у него вдруг: лошадь продал, запил, а тут дальше да больше, все спустил, землю-то колодово продал и теперя у него хоть бы те что осталось. Молочка ли, квасу ли — иди, жена, в люди, ну а жене-то и молвят: «Вишь, рожа-то толстая, красная, хоть портянки на роже суши, что ему, толсторожему, сам добывал бы!» Говорят, что если бы тот же Федор Михеич стал работать, то нашлись бы, которые помогли бы ему, чем можно: «а гли-ко (гляди-ка), затянулся в долгах до того, что и не дают! Нет, ведь не устанет рука примаючи, а устанет даваючи!»
Уважение приобретается обходительностью, степенством, потому что всегда про всеми уважаемого слышишь: «степенный, обходительный мужчина!» Гостеприимство мало развито. Ходят на «беседки» по вечерам бабы, девицы, дети-соседи, причем чередуются; угощений не бывает и особенно не наряжаются; идут прясть, шить, для того, чтобы не жечь огня, или вся лучина вышла, а у соседки лампа, так чтоб можно было построчить.

В гости ходят и ездят в праздники, и то по зову, например, на Михайлов день глебовские отправляются в Пилатово; отгостивши у родных, у сватовей, они им говорят: «На Миколу к нам жалуйте!» «Спасибо», — им отвечают. «Да что спасибо-то, беспременно побывайте!» Это «спасибо» у здешних крестьян выражает своего рода церемонию, — при угощениях и других случаях после «спасибо» следует много раз угостить, позвать. Подарков не возят, но из гостей домой приносят гостинцы и оделяют ими оставшихся дома. Разговоры мужчин больше на темы о хозяйстве, о лошадях, иногда передается какой-нибудь газетный слух, схваченный в кабаке, где получаются «Губернские ведомости». Выражают свое удивление, как это знает все, кто газету пишет — «надо же все упомнить, да все записать». Бабы больше говорят о болезнях, об одежде, о недостатках; у каждой всегда есть на что пожаловаться. Сплетнями занимаются бабы; источником для этого служит какая-нибудь пустая ссора двух соседок; они начинают корить друг друга и если неосторожное слово «воровка», сказанное во время ссоры, долетит до кого-нибудь, то непременно начнут судить и рядить; всякая кража тут припоминается и уже через несколько часов весь край знает, что «тетка Анна украла судаков-то» — «да поди и голенища-то у дяди Кузьмы она уже унесла». Другого рода сплетни у девиц: таинственно из ушей в уши передается, что какая-нибудь «Анюха спочиталась с таким-то». Спочиталась — значит слюбилась. Ухаживающий при всех за девушкой называется «почетник», девица — почетница, других выражений для выражения взаимного чувства нет; но при сплетнях эти выражения принимают смысл чего-то очень позорного. Случаи для посещения «за делом» являются часто: то за гребнем — почесаться, то за ножницами, за катушкой ниток. Мужики ходят с просьбой пособить в чем-нибудь: «Митрюха, зайди, брат, ужо, мешки навалить!» — Ладно, а баба-то что? — Неможет! (т. е. хворает). Большею частью мелкие услуги оказываются без ожидаемого возмездия, хотя некоторые любят только за что-нибудь помочь; обыкновенное возмездие — стакан водки. По большей части соседи живут мирно: по вечерам ходят на беседки, бабы с прялкой, мужики вьют веревки. К влиятельным лицам относятся с большим уважением, видимым; но так как в деревне влиятельные люди — богачи, то непременно потихоньку на ухо добавляют: «Хороший мужчина, а вот старики-то говорят, батько-то его богатство не больно чисто накопил!» Приезжие лица мало интересуют крестьян. Деревня наша служит станцией, где питерщики до Буя нанимают подводы и никогда крестьяне не знают и не спрашивают, кто, куда и откуда едет; если скажешь: «Что не спросил, кто такие были?», всегда получишь ответ: «А что спрашивать, невидаль-то, всякие тут». Ночуют проезжие в кабаке. На ночлег захожих и заезжих всегда почти пускают. Иноверцами здесь являются татары и латыши; особенного интереса эти люди не составляют для крестьян; изредка, впрочем, спрашивают, в какого Бога они верят — «В нашего, али свой у них».

108. Имущественные отношения

Земля приобретается по простым распискам покупкою, если покупается малое количество земли, а если большое количество, то покупается по векселю с торгов. Крестьяне охотно припахивают или пригораживают от соседа к своей полосе. И поэтому большой процент дел в волостном суде о восстановлении нарушенных владений.

109. Крестьянин считается полным хозяином.

110. Границы: межи, буквы, в лесах просека. Относительно межи никаких суеверий нет. Меры земли: десятина, полоса. О десятине они знают, что в длину она 60 саженей и в поперечнике 40 саженей, но когда меряют, то берут любую фигуру, лишь бы сумма сторон была 200 саженей.

111. Заключается письменное условие, а иногда свидетельские показания.

113. Чей берег, того и рыба; владение до середины реки.

114. Деревья и кусты, растущие на меже, делятся пополам. Чье дерево, того и плоды. Мешающие ветки обрубаются по соглашению.

115. Если засеется на ширину шага, «на одну ногу», то засеявшему выдаются семена; большей частью ничего не берется.

116. Пользование разными промыслами в чужих дачах бывает больше за водку или за деньги.

Общинное владение

117. Название общего владения — «надел», которым распоряжается все общество.

118. В пользовании 740 десятин в Глебовском, по две с четвертью десятины на душу. Делят землю на 27 десятков для удобства, потому что земля делится по ходокам.

119. Передела земли не было годов 30, а ежегодно по веснам бывает скидка и накидка земли — «поверстка».

121. Сенокосы делят тоже на десятки, а затем делают броды, меряют косой и прорезывают «резочку», т. е. делают узенький прокосец для межи. Никогда сено не косится сообща.

123. Общий лес принадлежит шести обществам Контеевской волости, но он не разделен; сделан приговор, чтобы лес не рубить, но все ездят и все рубят, кому что надо.

124. Все поля и луга обнесены огородом, который городится обществом пропорционально участкам надельной земли; за потраву в полях отвечают не хозяева скота, а тот, в чью часть огорода попал скот.

125. Имеется запасной хлебный магазин, где на каждую душу есть четверть ржи и 4 четверти овса. Селение имеет доход с питейного, который частью идет на уплату податей, а остальные деньги тратятся на ремонт часовни, пожарной и хлебного магазина.

126. Пастбище общее; пастух нанимается за 100 рублей в лето. Пастбище огорожено. Сельский сторож один за 20 рублей в год.

127. Починка дорог от общества; если незначительная починка, то сами власти чинят: десятские или староста, а если большая, то собирают все общество.

128. Купчая земля делится участниками чересполосно; каждый самостоятельно распоряжается своей частью.

Артели

129. По Костроме реке сплав леса производится без рабочих; лес идет в плотах, кошмах и огородках; для причалки этого леса на известных местах образуются из местных крестьян артели, которые имеют нужное число канатов и лодок; в артели есть артельщик, который делает с хозяином леса письменный договор на гербовой бумаге.

132. Девушки собираются иногда вместе на работу за наем квартиры под беседу; хозяевам они обязуются опрясть несколько десятков льна. Других артелей нет.

Договоры вообще

137. Термин для договоров один — ряда. При сплаве леса договор заключается с открытия навигации по Петров день.

142. Иногда в договорах бывает постановлена неустойка.

Аренда и наем имуществ
172. Всегда дается задаток.

173. Берут на сохранение даром.

Купля-продажа
184. Торговля
Если приезжает скупщик, то дает задаток. Часто приезжают горшечники, медники, «труньщики» или торговцы мелочами, которые свои товары меняют на рожь, лен или на другие семена. Женщины покупают посуду, клюкву.
Скот скупается деревенскими мясниками, кормится, колется и увозится осенью в соленом виде, а зимой в мороженом, на базары в Кострому и в Ярославль. При покупке скота бывают литки, молитва и ударение по рукам.

185. Промыслы
В Глебовском есть плотники, кузнецы, печники; уезжают в задел, т.е. рядятся к хозяину рубить и вывозить на реку лес, рублей по пять в неделю. Кустарные промыслы — делают грабли, а женщины ткут холсты. Заработок невелик.

Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство

187—188. **Воззрения на природу.** Земля, солнце, луна, звезды, кометы, северное сияние, столбы около солнца — все создано Богом и считается почти за грех вести какие-нибудь рассуждения относительно их. Если являются вопросы о падающих звездах, о столбах, то никакое объяснение не удовлетворяет, потому что крестьяне не верят в возможность явления.

Демонология
192. Вера в нечистую силу, в домовых, колдунов и колдуний сильно распространена. Всякое действие сопровождается крестным знамением и возгласом «Господи благослови» , например, зажигается огонь, затопляется печь, закрывается заслонка, ставится опара – все это хозяйка крестит; точно так же благословляется корм, приготовленный скотине, в противном случае нечистая сила испортит, да и так, «мало ли злого народа, сейчас напустят сглазу, али с ветру».

ВАРНАВИНСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Ветюгов Михаил Семенович
Варнавинский уезд, Медведовская волость, село Медведиха

Ф. 7. Оп. 2. Д. 635. Л. 3—5

Д. Общественные установления, обычаи и законы, регулирующие отношения крестьян к обществу и государственному строю

Повинности
93. С каждого тягла, равного двум душам, сходит всяких выкупных, поземельного налога, волостного и церковного «бору» — 12 рублей 40 копеек. Кроме того в магазею (хлебный магазин) вносится с тягла по одному четверику ржи и овса. Из магазеи берут весною: рожь на еду, а овес на посев, при этом количество хлеба выдается обратно пропорционально рабочим рукам в семействе. Некоторые зажиточные крестьяне из магазеи могли бы и не брать, но их обществом заставляют взять, так как каждый взявший платит один гарнц верхов. Плата производится осенью, когда все перемолотят. Принимает на себя

общество и штрафы, которым подвергается староста за бездеятельность по отношению «выбивания» недоимок. Так у бывшего старосты приняли на себя 22 рубля, да кроме того, когда староста сидел в земском помещении, ему платили суточных по 30 копеек. Это объясняют крестьяне тем, что он де страдает за нас же, правда в других местах эти деньги накладывают на недоимщиков, а у нас принимают на себя, потому что «очень понемного сойдет». Дорогу поправляют и вешат все сообща. Огороды городить хотя ходят все вместе, но городит каждый свою часть. Ночной караул и расчистку проруби правят поденно все, кроме сотского, десятского, сельского старосты, пожарного старосты и одиноких бобылей, которые от этих повинностей избавлены. Обязанности десятского правят по очереди по одному году с тягла. Староста же выбирается всем обществом.

94. Платежи разрубаются каждое полугодие, потому что через полгода расходы иногда увеличиваются, земля же делится через каждые 12 лет. Когда за кем-либо накопляется много недоимки, то предписывается согласно круговой поруке сделать разруб ее на все общество. Крестьяне тогда по приговору сами во главе со старостою делают продажу у недоимщика, если же это повторяется уже не в первый раз и если уже продать нечего, то отбирают у недоимщика землю. Безземельные тогда освобождаются от исправления и вешения дорог.

95. Денежные повинности взыскиваются с крестьян старостою перед Новым Годом и Петровым днем. Когда же платеж производится плохо, то приглашается старшина, который в крайнем случае делает опись имущества для продажи с торгов. За плохое поступление платежей, как сказано выше, старосту штрафуют и сажают в «клоповик», т. е. в земское помещение. Продавать нельзя одну лошадь, одну корову, одну избу и один двор, а даже верх, т. е. крышу и стропила с дома, считается позволительным продать. Крестьяне деревни Сквозников хотели было раньше приговором установить кормить бедных по очереди, но потом рассудили, что если у кого есть усердие, те и так подадут бедному, а если же сделать приговор, то бедные тогда будут де распоряжаться и требовать, как своего.

Отец с матерью ночку не спали,
Ночку не спали, думу думали,
Думу думали, речь говорили —
Нам которого в солдатушки отдать.
Как большого-то в солдатушки отдать,
А большой-то из годов ушел,
Как среднего в солдатушки отдать —
У среднего жена молода,
Жена молода, малы детушки.
Нам ведь малого Ивана в солдатушки отдать,
Как ведь малый-то да в глупом разуме,
В глупом малый-то да в глупом разуме,
В глупом разуме да во ногах лежит,
Во ногах лежит да просит жеребью.
Уж вы, детоньки, да мои милые,
Вы возьмите-ка да по востру ножу,
По востру ножу да по булатному,
Вы сходите-ка да во зеленый сад,
Вы срубите-ка все по жеребью,
Все по жеребью да все по разному,
Как первый-то братец калину,
А средний-то сладку малину,
А как малый-то горьку осину,
Вы сходи-ка да детки милые,
На Дунай реку да на быстру воду,

Отпустите-ка да все три жеребья.
Как большой-то да братец отпустил —
У большого ровно гусь поплыл,
Как малый-то Ванюшка отпустил —
У малого словно ключ ко дну.
Испугалось да ретиво сердце,
Да побледнело лицо белое,
Подкосились да резвы ноженьки,
Как скатилась с плеч головушка.
Не моя та ли путь-дороженька,
Да не моя та ли путь широкая.

Ф. 7. Оп. 2. Д. 636. Л. 2

Празднества

101. Осенью, в сентябре месяце, когда намолотят ржи, отбирают на солод маленок пять, т. е. пудов семь, чтобы хватило на целый год. Рожь в мешках мочат сначала в секе одни-двое суток, смотря по температуре воздуха, чем холоднее, тем дольше. Вынув мешки из воды, сначала дают воде стечь, потом зерно ссыпают ворохом в избе на полу и держат до тех пор, пока оно не прорастет. Из вороха его разравнивают для того, чтобы и с краев лучше пророс. Прорастание продолжается двое-трое суток, когда зерна будут цепляться друг за друга ростками и образуют «кисти». После этого складывают его опять в ворох и обкладывают кругом камнями — гнетут. Затем его сушат, так же, как хлеб, сметают и выкидывают на «ладонь», где и веют. Потом желающие варить пиво котлом сносятся в одно место, кто сколько хочет — пуда по два и по три, и по «набирочке» овса фунтов в семь. «Кто много сам гостей нагостил, да своих гуляк много, тот и пива больше варит», — сказал один крестьянин. Все это перемешивается и один из участников везет на мельницу, а остальные в это время возят камни, приготовляют котел и чан и подвозят их к реке. Давши пиву усолодеть, начинают его спускать: выливают его ковшом в котел. Наполнивши котел пивом, кладут туда хмель и кипятят до тех пор, пока пиво не будет горько, после чего вычерпывают в кадки. После первого спуску чан опять наполняют кипяченой водой и когда она в чане настоится, ее выливают опять в котел, куда прибавляют хмелю и кипятят. Эта вторая налива и есть брага. Для дележа все собираются вместе со своими посудинами. На каждый пуд солоду наливают сначала по одному ведру пива, второй раз начинают лить тому, кому в первый раз наливали последнему, и этим самым уравнивают качество пива у всех. На дележе отливают несколько на пробу и допробуются, пожалуй, до того, что и совсем запьются. Кто заведывает...

Ф. 7. Оп. 1. Д. 635. Л. 2—3

...пивоварением и распоряжается, тому дается верхом ведро пива. За «провар» с пуда за котел платят 5 копеек, за чан — 2 копейки, а сварить хорошего пива можно пудов из девяти-десяти солоду. За варку браги не взимается ничего. За молотье солода берется 5 копеек с пуда. Хмелю кладется один-два фунта на пуд, а цена хмелю около 30 копеек за фунт.

В селе Макарье празднуется широко праздник Рождества Богородицы или «Госпожин день» 8 сентября. В этот день бывает преимущественно молодежь. Девицы привозят коробцы наряду и в течение дня несколько раз переоденутся. Ребята обыкновенно ходят партиями. Ни один Госпожин день без драки не обходится.

Если парня обидели раньше, то он только и дожидается такого праздника, когда все сойдутся на базаре и чтобы отомстить, подговаривает партию и угощает водкой, те постараются поколотить обидчика, если он со своей стороны не подговорил защитников. Нередко бывают драки довольно серьезные. В этот день селяне не пируют, а только угощают своих родных, пришедших погулять на базаре. Близкие же родственники остаются гостить на несколько ночей. Пируют артелями, в каждую артель отбираются крестьяне одинакового имущественного состояния: зажиточные гуляют в одной артели, бедные — в другой и т. п. Каждый пирующий мужик должен, когда артель идет к нему сидеть, выставить «чугунку» водки, ведро пива и закуску. Мужики пируют

со своими женами и гостями, тоже, конечно, женатыми, при этом за гостей особого взноса или прибавки вина не бывает. Каждый крестьянин старается своего гостя посадить поближе к столу, к закуске. Ребята пируют тоже — по четверть ведра водки и по ведру пива. Девицы — по одной бутылке водки и по ведру пива, но за это стряпают хорошую закуску. Ребята гуляют утром, а девицы вечером, чтобы ребята могли вечером придти на пированье к девкам, которые их угощают. Ежедневно обходят дома три, угощает в каждом доме хозяин: всем сидящим по очереди подносит сначала рюмку, потом стакан пива. Все гулянье продолжается неделю.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 566. Л. 19—21

[Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам]

[107. Личные отношения] Соседские отношения

— Здорово живите!
— Поди-ко здорово. Вот беда — масла-то нигде нет: ходил батько в Сафоново — нет, сейчас посылали Иванка в Зашильское — также нет, завтра придется идти в Чемашиху.
— У меня тоже мало.
— Хотела было я тебе отдать.
— Ну, мне успеется.
— Ты али за квасом?
— Да, хочу завтра луковник варить.
— Так он у тебя еще до завтрашнего-то дня ополяет — выдохнется.
— Я думала, завтра, пожалуй, вам будет недосуг.
— А што делать-то? Овес выжали, разве только лук резать придется.
— Так ладно, я оставлю у вас чашку-то.
— Оставь, а завтра хоть Семку пришли. (Ребятишки хозяйки просятся у ней к пришедшей: «Мама, мы пойдем к тетке Анне Лелю качать?» — Идите.)
— Да ведь он спит. Вот и вчерась жак же: весь вечер спал, а ночь я с ним до двенадцати часов не спала; сегодня зато в дождик-от и уснула.
— Поешь-ко горошку. (В стручках.)
— У вас горох какой хороший, у нас так весь пропал; не знаю, что это за чудо... вот глаза все чешутся — не минет реветь придется.
— Разве хозяин отдует.
— И то давеча разругались: ушел к Ивану Семенову да целый уповод и просидел, а время-то идет да идет.
— Так вот он теперь и прибавит.
— Ну уж теперь отругались и сердце отошло.
— Попей-ко вот пивца, давно уж сварила, да все забываю подавать.
— Еще не испортилось... Надо идти, там чтобы Лелька-то не наревелся.
— Ай, чуть не забыла, — на-ко вот хлеб-от.
— Мне теперь не надо: я вчерась пекла да и сегодня, так до праздника хватит.
— А я еще давеча хотела было отдать, да думаю — вот ужо принесут масла, так уж вместе и унесу.
— Бежать. Прощайте! Так я пришлю завтра?
— Присылай, присылай.

Наем

Ф. 7. Оп. 1. Д. 566. Л. 14

163. Помочи

6 августа 1899 года.
Автор: Здравствуй, Анна Михайловна! У тебя сегодня должно быть помочь?

А. М.: Да, хочется бы выжать.

Автор: Что же вы торопитесь?

А. М.: Да как, М. С., не торопиться-то? Одинокие ведь тоже будут нанимать, а с большими семьями сами выжнут, так и нам уж захотелось на разок выжать; а как долго ждать, так отпустишь овес, теперь пока он еще не путаной, так хорошо и жать-то, да и Илья-то Иванович (муж ее) хочет сходить в Нижний поработать, а с поля-то хочется самому убраться.

Автор: День-то сегодня хорош.

А. М.: Да, слава Богу, а вчерась я было испугалась. (Был дождь.)

Автор: Чего испугалась? Сусло-то бы пропало?

А. М.: Знамо дело: тоже пивка, суслица варила, стряпала рыбное, а рыбное-то только сегодня и едят.

Автор: Выжнут ли сегодня?

А. М.: По-моему, нужно бы выжать, а там кто знает, как они разойдутся. Останется немного-то, так я и сама дожну.

Автор: Много ли человек жнет?

А. М.: Двенадцать девок… Приходи пиво пить.

Автор: Да ведь я, пожалуй, мало нажну.

А. М.: Так что приходи: на помочи, где есть девки, ребята все ходят.

Автор: Вероятно, с поля-то уже в теми придут?

А. М.: Нет. Мой-то (муж) не любит долго тянуть, ночь-ту погуляют.

Работа происходит следующим образом: утром, как пожнут часика два, приносят жнеям закусывать пышек; через два часа идут домой обедать. Обед состоит из следующих кушаний: квас с рыбой, похлебка с рыбой, лапша с рыбой, каша, картофель с огурцами, луковник, пирога полубелого по куску. После обеда жнут часа три, потом полдничают. Полдничать приносят в поле, потом жнут до вечера. Вечером жнеи с поля возвращаются с песнями и сначала идут домой переодеться почище, после чего уже отправляются к хозяину. Здесь хозяин угощает их вином и пивом. Девицы поют песни, пляшут. Приходят сюда ребята, братья и иногда отцы жниц — охотники до выпивки, их называют «захребетниками». Их хозяин тоже угощает. Когда девки напоются и напляшутся и когда выпьют вино, собирают хозяева им ужинать. Ужинают, впрочем, уже кое-как, потому что порядочно закусят во время выпивки, а другие, пожалуй, и захмелеют так, что им уже и не до ужина. Поужинавши, после обоюдных благодарностей, расходятся по домам.

8 августа 1899 года

Автор: Много ли нажали?

А. М.: Полторы тысячи снопов.

Автор: А вина-то много ли выпили?

А. М.: Четверть вина вышла, да того-сего немало; нужно угостить как следует, а то вон Мартышенков делал как-то помочь, а угостил плохо, так и после все поминали да выговаривали.

Автор: Ведь на эти деньги можно бы нанять посотенно, заплатить по 22 или много по 25 копеек за сотню и было бы без хлопот.

А. М.: Так-то так, да нанять-то было некого: лишние девушки ушли в Урень, а в праздничный день да на помочь-то вот только и пошли, кроме того захотелось поскорее выжать…

[Конец текста утрачен]

[Начало текста утрачено]

… много, да только теперь из дому-то уходим, так много ребятишки таскают; теперь вот по три огурца съели, а их ведь пятеро, — а днем поди-ка сколько съедят, Федя да Олька из огороду не выходят.

М.: Свои-то еще ничего.

Ол.: Свои-то, Бог с ними, только бы хоть в чужие-то огороды не лазили.

М.: А у нас ну-ка ни огурчика нет и волоть вся посохла.

Ол.: Што это?

М.: После холода, должно быть, солнышком от лесу больно их сварило.

Ол.: У нас, слава Богу, насолим маленько, а с укропцем-то больно хорошо и рассол-от весь выхлебаешь. (Девочка принесла и подала ей укроп). Спаси Христос. А у тебя, видно, «кросны» еще?

М.: Да, плохонькие на половики.
Ол.: Так-так. Ну, простите Христа ради.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 566. Л. 1—14

[Начало текста утрачено]
... тот день, когда молебны отслужат, я и пошлю лошадь за дьяконицей и за попадьей, ну и посидят. Так зато, когда к ним придешь, люди-то сидят в кути (около дверей), а меня в комнаты уведут и поскорее других увидят.
Автор: А ты не слыхал, после обедни, говорят, поп выговаривал Палаустнятам, что они за духовенством лошадей не прислали?
— Об этом не слыхал, а денег вот не взял, видишь, собрали 1 рубль 30 копеек, а по его-то нужно 2 рубля 50 копеек, — и я вот на телеге приехал, так должно быть не больно по нутру. А тарантаса мне где взять? Даже на железном ходу телегу выпросил у людей.

185. Промыслы. Кроме земледелия главный промысел наших крестьян — это рубка и возка леса зимою на лесные пристани. Вот копия с одного условия:
«1898 года, сентября 7 дня. Мы нижеподписавшиеся крестьяне Варнавинского уезда, Макарьевской волости, деревни Сквозников — Павел Семенов на 2 лошади, Николай Семенов на 1 лошадь и Михайло Семенов на 1 лошадь — всего 3 человека на 4 лошадях подрядились Козьмодемьянскому купцу Александру Ивановичу Шишокину производить сплошную выработку лесных материалов из Шишокинской дачи соснового и елового производства в среднем участке делянку № 40 по указаниям служащих Шишокина на пристань Труфановскую, что на той стороне реки Ветлуги, на следующих условиях: 1. По требованию Шишокина в недельный срок мы обязаны явиться на работу и вырабатывать те сортименты, какие Шишокин найдет для себя нужным; при этом мы не должны заявлять претензии на то, рано или поздно в течение зимы нас потребуют на работу; в случае неявки в срок условие считается нарушенным и Шишокин вправе нанять вместо нас рабочих других, хотя бы и с передачей цены, каковую передачу мы обязаны доплатить Шишокину и возвратить ему задатки вдвойне. 2. На работу мы должны явиться с достаточным запасом корма. Конюшни из валежного леса для лошадей и построить для себя зимовки своим счетом; при выработке леса мы не должны делать порубок вне назначенного участка, а также по дорогам, не заваливать просеки и визирки, вообще принимаем на себя все обязательства, принятые Шишокиным от казны по отношению к порубке и вывозке леса; за нарушения лесного устава отвечаем сами, не доводя Шишокина ни до каких взысканий и ответственности. 3. Каждый сорт вырабатываемого нами лесного материала должен быть очищен от коры скобелью чисто, концы опилены пилой ровно, но не на сучках, подтоварник и полубрус протесывать с двух сторон на узкую сторону или кривую, так чтобы терялась кривизна и достигалась наибольшая толщина вершки. 4. А если же нами рабочими будет опилен таковой материал на сучках и почках и толстым листом, то Шишокин имеет право из высокого сорта перевести на самый низкий сорт, т. е. полубрус в подтоварник; и если же плохо нами будет оскоблен товар скобелью, то может перескоблить за наш счет рабочих или вычесть за плохую обделку и скоблежку по пяти копеек за каждую плохо обделанную штуку; подтоварник, полубрус и рейку должны протесывать по указанию Шишокина самую малость, а если нами протесано будет лишнего по замечанию его, Шишокина, служащих, то Шишокин имеет право за перетесанный таковой товар не класть никакой платы и вычесть как за порчу стоимость по Астраханской цене; при вырубке леса не делать отметок от комлей, если нет на них пороков; не переводить деревья, входящие в высокий размер, на низкий, а за испорченные нами деревья предоставляем Шишокину делать вычет из заработок. Обязываемся строго соблюдать экономию в лесу и не портить вершин, годных на шпалы. При расчете с нас удерживается по 3 рубля с лошади до стояния снега, когда можно будет обнаружить, не оставили ли мы в делянке под снегом что-либо годное на строевой материал или в шпалы. Вместе с тем мы должны представить записку от приказчика, что нами не произведено незаконных порубок. Если же никаких опущений с нашей стороны не будет замечено, Шишокин возвратит удержанные три рубля. Взятый нами подряд обязуемся окончить не позднее 15 марта 1899 года. Лес нами осмотрен и расстояние от делянки до пристани нами измерено; возбуждать какие-либо споры по этому поводу не имеем права.»

5. Плату за выработанные, вывезенные и сданные Шишокину материалы договорились получить следующую: полубрус длиною 15 аршин толщиною 4 вершка — по 30 копеек; подтоварник 15 аршин 3,5 вершка — 23 копейки; 3 вершка — 19 копеек, 2,5 вершка — 16 копеек, 2 вершка — 12 копеек; верешка от 1,5 до 2 вершков — по 8 копеек, шест от трех четвертей до 1,5 вершков — по 5 копеек; полубрус 13 аршин 4,5 вершка — по 26 копеек, 4 вершка — 23 копейки, 3,5 вершка — 19 копеек, 3 вершка — по 16 копеек, 2,5 вершка — по 12 копеек, 2 вершка — по 10 копеек; верега от 1,5 до 2 вершков — 7 копеек; шест три четверти до 1,5 вершков — 4 копейки, столб 12 аршин 3,5 вершка — 17 копеек, три и три четверти вершка — по 21 копейке, 4 вершка — по 23 копейки.

6. Платеж денег в счет заработки производится: при подписании сего условия договорились получить с Шишокина в задаток по 10 рублей на лошадь, затем во время работы Шишокин или его приказчики выдают нам, смотря по нашей заработке; окончательный же расчет производится по вывозке всей взятой делянки и очистке всех просек и визир.

7. Расчет по выполнении сего условия производится общий, в частности же он может быть учинен и каждому из нас отдельно, причем если за кем из поименованных лиц в сем условии при расчете окажется не заработано денег, то за таковых предоставляем Шишокину право вычитать из обшей суммы, следуемой нам за исполненную работу по сему условию, на что мы не должны иметь никакой претензии.

8. Все требования Шишокина или его приказчиков по отношению выполнения сего условия должны исполнять свято и нерушимо.

9. При могущих возникнуть спорах и недоразумениях, если дело дойдет до суда, то на основании 227 статьи гражданского судопроизводства разбирательство по суду должно быть в городе Козьмодемьянске.

10. Бесспорным основанием расчета должна служить выданная нам от Шишокина расчетная книжка, в которую должны быть вписываемы полученные нами деньги и съестные припасы; за утерей книжки расчет производится по книгам или счетам, имеющимся у Шишокина.

11. Условие это обязаны хранить свято и нерушимо и в случае нарушения обязаны возвратить Шишокину взятый нами задаток вдвойне, а если доведем до суда, то и судебные издержки, что обеспечиваем своим движимым и недвижимым имуществом. Обмер материалов должен производиться: полубрус, подтоварник и рейку должно не на узкую сторону, складывать на пристани в клетки и прокладки не реже как в сажень. При сем присовокупляется, если нами, рабочими, ранее до означенного срока будет выработана делянка, то Шишокин должен осмотреть делянку и если выработана начисто, то не задерживать по условию по 3 рубля за лошадь. К сему условию крестьяне деревни Сквозников...» Означенное условие относится к делянке, отстоящей от пристани на расстоянии 7 верст, а на двадцативерстном расстоянии цены были следующие: полубрус длиною 15 аршин, толщиною 4 вершка — 50 копеек, полубрус длиною 13 аршин, толщиною 4 вершка — 40 копеек, подтоварник длиною 15 аршин, толщиною 3 вершка — 30 копеек, подтоварник длиною 13 аршин, толщиною 3 вершка — 25 копеек, подтоварник длиною 15 аршин, толщиною 2,5 вершка — 23 копейки, подтоварник длиною 13 аршин, толщиною 2,5 вершка — 20 копеек, рейка длиною 15 аршин, толщиною 2 вершка — 20 копеек, рейка длиною 13 аршин, толщиною 2 вершка — 16 копеек, дрючок длиною 6 аршин, толщиною 2 вершка — 6 копеек, дрючок длиною 6 аршин, толщиною 3 вершка — 10 копеек, шест длиной 15 аршин — 8 копеек, шест длиною 13 аршин — 6 копеек, верега длиной 13 аршин, толщиной 1,5 вершка — 11 копеек, оглобли — пара за один дрючок. Короче сказать, по этому условию крестьяне должны вырубить, обделать, вывозить, уложить в клетки и сдать лесной материал взятой делянки. Взятую на вырубку делянку крестьяне-пайщики делят между собою на маленькие деляночки по числу лошадей и вырабатывает каждый доставшуюся ему делянку. На вопрос, почему так делают, Николай Семенов ответил: «Раньше, когда не делили, то часто портили деревья; срубит кто-нибудь, не расчисливши, окоротает и бросит, а другие не знают, кто это сделал, платить же приходится всем; теперь всякий про себя старается, чтобы порчи какой не было.

Автор: Для чего тут сказано еще про зимовье и про конюшни?

Н. С.: Приказчик, видно, списывал с другого условия, которое заключали приезжие — им, конечно, нужна избушка, а мы ездим домой; встанем еще с первыми петухами, приедем в лес — еще солнышко не взошло, разложим огонька и дожидаемся рассвета.

Автор: Для чего же так рано встаете? Лучше бы дома отдохнуть лишний час.

Н. С.: Да ведь разная дорога бывает: случится — переметет дорогу, так только к рассвету приедешь.

Автор: А обделываете тоже, конечно, в лесу?

Н. С.: В лесу и обделываем.

Автор: А когда скоблите дрючок и оглоблю?

Н. С.: Это скоблим, когда испортится дорога, когда нельзя будет в лес ездить.

Автор: Иногда как будто скоблить вы другим отдаете, так почем скоблят?

Н. С.: По 50—60 копеек за сотню.

Автор: Сколько можно навалить за один раз на лошадь?

Н. С.: Два полубруса и подтоварину можно.

Автор: На сколько вывезешь кругом в день?

Н. С.: На рублевочку кругом обойдется.

Автор: А за зиму сколько всего вывозите?

Н. С.: Средним можно выработать рублей 60.

Нужно заметить, лесу действительно можно вывезти на 1 рубль, но кроме этого за ним еще много времени уходит на скобление дрючков, на укладывание в клетки, на сдачу, на хождение за расчетом, да немало скормят и лошади, так что за зиму останется очень немного.

Автор: После сдачи сразу деньги отдают или нет?

Н. С.: Нет, сначала дадут ярлык, с этим ярлыком и ходят уже получать.

Автор: Во время работы не заставляют хозяева брать провиантом из их лавки вместо денег?

Н. С.: Нет, здесь этого не делают. Хоть К. грузчикам весною и отпускает говядину и муку, так это делает он в базарной цене, а если мужикам в то время самим ходить и закупать, так еще больше выйдет. А вот когда я молоденький был, мы тогда возили за Воскресенским. Станут возчики денег просить, хозяева спрашивают, зачем. — Вот то-то и то-то купить, хоть голицы или лапти, или муки. — Берите у нас в лавке все есть. А ставят цену втридорога, да и продают, что есть хуже. Поэтому мы бывало на неделю возьмем хлеба и овса, да деньжонок и пробьемся недели 3—4, а потом просим денег за заработанное, на эти деньги опять покупаем на воле; ну, так и побольше оставалось.

Автор: Что это такое тут в условии говорится, что вы должны явиться на работу тогда, когда потребует Шишокин; ну, а если он вас не потребует до весны, вы, конечно, подождете-подождете да и найметесь в другое место, а он с вас неустойку сдерет?

Н. С.: Об этом мы тоже говорили, да ведь если долго не будет работы, так мы только бы заявили в правление. Только хозяину нужно же будет возить, поэтому не задерживают.

Автор: Расчетные книжки у вас были?

Н. С.: Нет. Поговорили было, что будут даны книжки, потом сказали, что книжки готовы, только имена не обозначены, а потом сказали, что книжки будут стоить денег, да тем и отошли.

Грузка. Под грузкою здесь разумеется нагрузка раннею весною белян лесным товаром. Грузку снимают обыкновенно съемщики, которые уже от себя и нанимают грузчиков. Съемщики от хозяина рядятся или с тысячи, т. е. уговариваются получать известную плату за каждую тысячу погруженного материала, или же с каждой загруженной четверти беляны. С четверти грузят от 35 до 40 рублей. В этом случае сначала дело подвигается очень успешно, но чем далее, тем дальше приходится загружать четверть, так что по расчету грузчиков последняя четверть обойдется в 70 рублей. Грузка продолжается недели две-три. Поденщина нынешний год грузила: мужчина — 1 рубль, а женщина — 50 копеек, между тем как раньше мужчина получал 50 копеек, а женщина — 25—30 копеек. Но поденщину по высокой цене нанимают только тогда, когда у съемщика мало набрано грузчиков, а вода между тем заставляет поскорее убираться. Грузчики обыкновенно нанимаются со сплавом до устья. Цена таким грузчикам с поплавом 15 рублей, а женщинам — 6 рублей на своих харчах.

Автор: Что же это так дешево, когда за одну грузку без поплава можно получить 15 рублей?
Н. С.: Верно. Даже у нас некоторые выгружали с поплавом-то по 25 рублей: видишь, он сначала грузит поденщиной, а потом нанимается рублей за 10 «в добавок» плыть на беляне. («В добавок» берут, когда нанятых сплавщиков не хватает.) Ты, знаешь ли, ведь рядятся грузить и плыть мужики-то еще около Михайлова дня? (8 ноября).
Автор: Что же так рано?
Н. С.: А нужда-то наша все заставляет. Порядишься, дадут задатку рублей 5—6, глядишь — то подать заплатишь, а то может другому праздник нечем справить, вот зачем и рядимся так рано, да нынешний год и прогадали, и то сказать, эдаких цен на грузке мы и не слыхивали. Когда поплывут, дают еще по 1 рублю, так что на месте получить останется немного: которое проедят, которое пропьют.
Женщины рядятся перед самою грузкою; им в задаток дают копеек по 50. Порядившиеся плыть до устья все время, даже и в самую грузку, выкачивают из беляны воду. Поплав до устья продолжается полторы или две недели. Плыть на беляне рядится мужчин человек 30—40, а женщин 12—15. Мужчины во время грузки и сплава составляют артель, которая и столуется сообща. Они выбирают артельщика или, по-ихнему, расходчика и кашевара. Расходчик закупает харчи, лапти и для этой цели во время поплава съезжает на берег, а кашевар готовит кушанье. Тот и другой освобождаются от работы. Кроме того, каждую ночь сплавщики должны по одному человеку «вахтить». Вахтят или по очереди, или выбирается кто-либо один. «Вахтельной» утром до обеда первый «уповод» спит, а потом тоже принимает участие в работах. Работы же состоят в следующем: завозят якорь, выходят его, на хорошем плесе подбирают лот, на изголови подбирают у лота возжу.

Хождение в Урень.
Так как у нас хлеба сеют немного, а рабочих рук бывает достаточно, то лишние члены семьи уходят жать в Уренский край (нашего же уезда), где хлеба сеют по-многу и рабочие руки в горячую пору ценятся сравнительно дорого. Нынешний год за тысячу нажатых снопов платили по семь пудов ржи, а когда хороший урожай, платят и больше. Раньше, как рассказывают, поясок у снопа требовали в аршин длиною, а теперь — четвертей по пять, т. е. сноп чтобы был толще и, конечно, жать его дольше. Нынешний год тысячу снопов трое нажинали в три дня, значит один человек нажать тысячу снопов, а следовательно и заработать семь пудов мог недели в полторы. При этом нужно заметить, во время жнивы жнецы кормятся хозяевами. Заработанную рожь хозяева привозят зимою, а если где недалеко жали, то сами жнецы ездят.
5 августа 1899 года.
Автор: Расскажи-ка, М., как ты ходила на Урень?
М.: Да ведь я только один раз ходила, так ничего и не помню, одно знаю, что нас там кормили больно плохо: наварят грибов, а черви-то так и плавают. Когда обедаем, батько (муж) сидит да все подталкивает нас: «Хлебайте, хлебайте!» А сам и ложки не мочит. Чуть хозяева уйдут, сейчас за окошко все грибы.
Автор: Так чем же вы кормились?
М.: Больше уж на хлеб налегали. Один раз хозяева привезли много грибов — всякой дряни. С нами жала еще одна женщина; она подошла, поглядела, да как плюнет в грибы-то. Хозяин-то как-то и увидал, так вот как рассердился: «Зачем ты, — говорит, — грибы-то ходишь хлебать? Не ходи, мы не заставляем!» Долго после этого сердился и не говорил. Когда отжалися, на дорогу нам напекли сдобных колобушек, надавали яиц; зато и мы, когда они привезут к нам в деревню хлеб, угощаем их водкою, а если знаем время приезда, то варим пиво и стряпаем.
6 августа 1899 года.
Автор: Много ли Аненка (дочь Г.) нынешний год выжала?
Голицын (крестьянин с Макарья): Мало нынешний год, всего по 6 пудов. Да и ходить-то не велели: богатые жнут машинами, а бедные-то сами выжинают. Вот прежде, я помню, ходили в Казанскую губернию, а теперь там машины завели, так никто и не ходит уж.
Автор: А прежде сколько выжинали?
Голицын: Раньше выжинали пудов по 15, по 20 и даже больше. Бывало сходят в Урень, выжнут на целый год и не заботятся: хлеб есть, так как-нибудь пробьются.

3 августа 1899 года.
Автор: Говорят, что из Уреня-то многие уже пришли: ржаное выжали, а яровое-то зелено, да и машин много завели.
Григорий Семенов (наш пастух): Пришли... Господи! До чего народ ухитряется: все машины да машины, все у мужиков работу отбивают; теперь скоро в Урень незачем будет ходить, только не отобьют разве нашу работу — возить и рубить лес.
Автор: При приемке-то, говорят, очень прижимают?
Г. С.: Да, прытко прижимают.
Автор: Ведь хозяин тут ничего не следит, наверно это приказчики от себя делают?
Г. С.: Всяко бывает, что и приказчики, а ты может знаешь И. Я. К. (лесопромышленник)?... У него как-то жил приказчик из села Богородского. Ты знаешь К. какой лисонькой говорит; этого приказчика называет по имени и отчеству и спрашивает: «А что, принял лес?» — Принял.
Автор: Весь?
Г. С.: Весь.
Автор: Вот так приемка! Ни один мужик не поревел.
Так вот они дорожат мужицкими-то слезами. Теперь только разве новые хозяева подопрут.
Автор: Кто новые хозяева?
Г. С.: А жиды-то. Ну-ка где слыхано, чтобы грузили по рублю за день, а нынешний год кому не лень было — выгрузили немало. Они и наших-то маленько порасшевелили: народ нужен, лес несет, вот и стали давать хорошую цену.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 566. Л. 22—24

[Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство. Воззрения на природу]

188. Радуга берет начало в реке и другим концом упирается в реку. Она «пьет» воду из реки и этою водою питает облака.

189. Если пожар случится от грозы или, как у нас говорят, от Божьего милосердия, то полагают, что ничем огонь нельзя залить, как только молоком или квасом. Во время грозы громовая стрела ищет дьявола и гоняется за ним, а он прячется от нее за людей и за деревья. В первую грозу кувыркаются, чтобы не болела спина. Чтобы перестал град, бросают на улицу сковородник или ухват.
1 августа 1899 года.
П.: У нас батюшко (отец) говорил: «При мне ударила молния в камень, так весь камень вдребезги разлетелся». «После-то я, — говорит, — и забыл, только через три года случилось проходить мимо и вспомнил, и нашел тут стрелку».
Автор: При чем же тут три года?
П.: Да ведь стрела выходит из земли через три года. Вот ты заметь, где она упала, и через три года ее найдешь тут
Автор: Да что за стрелка такая?
П.: Камешек, вроде сайки, а наверху все полоски. У нас две стрелы: одна черная, а другая красная — огневая. С них водой поят хворых, так через шесть дней либо умрет, либо будет выздоравливать.
У нас часто их берут.

191. Больной человек для выздоровления в страстной четверг умывается из лужи. После первого дождя капельками с огороду мажут глаза. В ночь на Ивана Купалу смачивают росою скатерть, воду выжимают в бутылочку и этою водою мажут больные глаза. Могильная кость есть не что иное, как валок на теле. Чтобы уничтожить ее, нужно взять земли с могилы, в которой похоронен человек того же имени, и этою землею натирать валок.
Бородавки. Для уничтожения бородавок: 1) нужно дать кому-нибудь пересчитать их, на того они и перейдут; 2) на каждую бородавку на нитке навязать по узелку и эту нитку зарыть в землю; когда сгниют узелки, тогда

сойдут и бородавки; 3) при входе в чужую избу нужно незаметно бородавку потереть мочалкою; 4) отрезать часть бородавки, завязать в «баскую» (красивую) тряпочку и бросить на дороге; кто ее поднимет, на того и перейдут бородавки.

Остриженные ногти нужно класть за пазуху потому, что когда на том свете придется лезть на стеклянную гору, то все положенные за пазуху ногти прирастут к пальцам и помогут влезать.

Если чешутся правый глаз, щеки, грудь, то будет какая-нибудь неприятность, придется плакать, левый же глаз — к радости, левая ладонь — получать деньги, правая — отдавать, лоб — кланяться, губы — целоваться, подошвы — идти в дорогу, кончик носа — в рюмку глядеть, переносье — к покойнику.

Про родинку существует поверье, что до того места снизу человек на том свете будет гореть в огне.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 567. Л. 29—35

[Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни. Заговоры]

230. Лихорадка

25 марта 1899 года. К хозяйке приходит свекровь ее. Дело было под вечер.

Автор: Спать очень хочется — идти хоть.

Старуха: Нет, батюшка, теперь не ходи, а то живо наспишь лихорадку. Они (лихорадки) только теперь и ловят. Вот на мне три лихорадки были: две знобихи да одна гнетеница.

Автор: Так как ты, бабушка, вылечилась?

Старуха: А вот как, дитятко. Батько-то мой (муж) сходил за полынью и настоял ее в воде, да и поил меня. А один мужичок научил его еще. «У лошадей, — говорит, — на ногах повыше колен бывают копытца (роговые наросты). Ты их срежь, положи на глиняную покрышку; бабу же свою посади в полог на полу между матицею (маткою) и брусом, на колени к ней поставь покрышку с копытцами и зажги их. А жена пускай раздувает да дышит этим дымом. Она, знамо дело, от дыму-то немножко поугореет, поэтому, когда попролежится, то опять дай ей этого настою. Муж так и сделал. Посадили меня. Насилу ссидела, почти без памяти свалилась. А лихорадка-то наплевала на меня так, что у меня рожу во какую вздуло, да и губы все истрескались, — даже есть было нельзя.

Автор: Так прошло ли после этого?

Старуха: Не знаю от чего, но только прошло. А другая лихорадка на мне была — гнетеница: так гнетет и гнетет; походя сплю, как лягу, так и сплю. Лежу я раз на печи, как будто не сплю, и вижу, идет Анна Макаровна и несет в тарелке молока, да и говорит: «На, Федора, похлебай молочка, я три дня его копила». Я, знаешь, стала отнекиваться и рукой отводить, да как-то и пролила молоко-то. Она и давай ругать меня: «Окаянная! Век бы к тебе не бывать! Завтра ты на вечерней заре умрешь!» Поругалась так-то, да и пошла в гумно. А меня такая досада взяла, я тоже начала ругаться: «Ах ты, толстогубая ведьма! Не ходи, пожалуй, пес с тобой!» В это время мой муж и будит меня: «Федора! Федора! Сотвори молитву-то». Я ему и говорю: «Да что ты, Федор, или не видишь: вон идет толстогубая-то и ругается, говорит, завтра я на вечерней заре умру!» Что ты думаешь, дитятко? Ведь после того перестала меня трясти. А вот Сему Арефинского три года трясла. Про него хозяйка рассказывала больно смешно. Все, говорит, перепробовали: и в больницу-то ходили, и полынью поили — ничего не помогает! Наконец, как-то пала овца; сняли с нее шкуру, да и покрыли Сему-то на печи этой овчиной. Он после и говорит: «Пришла ко мне комуха и начинает браниться: «Тик (еретик) этакой! Право, тик! Ну-ка, оделся падью! Как теперь с тобой ляжешь? Я бы на твоем месте хозяйку-то за это взяла да и со двора-то бы выгнала! Ну-ка, положила на голые кирпичи, да еще падалью покрыла. Оставайся, тик! Век бы к тебе не бывать! Пойду к Калякову: там матка постелит войлок, положит подушку, покроет тулупом, — вот с ним лежать так хорошо». Ругалась, ругалась так-то, плюнула три раза да и пошла. И верно ведь, Ваську Калякова в тот год трясла комуха, а Сема-то выздоровел.

Автор: Как же лихорадка является — старухой, что ли?

Старуха: Нет, дитятко, придет молодой нарядной девкой.

Автор: А чем помогла овчина-то с палой овцы?

Старуха: А комуха-то больно не любит нехорошего духу. Вон Анну Федоровну так под навоз клали да целый день и держали, после этого отстала. Мой свекор — Зотеем звали — лихорадку-то прогнал пестом.

Автор: Как это?

Старуха: А вот как. Лежит он в чулане. Вдруг приходит молодая баба, несет яичницу и говорит: «Зотеюшка, поешь-ка яишенки!» Он вскочил. Она думает, что он хочет есть, стоит да смотрит.

А он из-под кровати выхватил пест, да за ней. «Вот, — говорит, — дам я тебе яичницу!» Она, батюшка мой, бросилась от него. «Вот бы, — говорит, — век к тебе не бывать!» С тех пор и перестала трепать.

Автор: Значит, разные лихорадки-то бывают?

Старуха: Их, дитятко, двенадцать сестер. Один мужик ночевал на берегу реки под лодкой. Рядом-то, должно быть, было сходбище этих лихорадок. Ночью пришли на это место одиннадцать штук, все здоровые да полные, и говорят между собою: «Что это двенадцатой сестрицы нет?» Через несколько времени тащится и двенадцатая лихорадка, худая-прехудая, и палочкой подпирается, а сама плачет:

«Ох, голубушки! Мой-то лиходей стал хлебать молоко, я села было ему на ложку, а он взял да и посадил меня в мешок, потом повесил у пылу (в трубе), сушил-сушил меня и вот только чуть живую отпустил.

Автор: Если же ничем не лечиться, то пройдет ли?

Старуха: Пройти-то, может, и пройдет, только уж двенадцать недель выдержит, а после этого, если не на смерть, то выздоровеешь, а если на смерть, то умрешь.

После этого разговора я по делу пошел в училище, там и спрашиваю сторожа, отставного солдата: «Сивяков, правда ли, что сейчас спать нельзя?»

Сивяков: Правда, потому что сейчас забарандучит лихорадка.

Автор: Говорят, будто их двенадцать сестер?

Сивяков: Да, двенадцать, и каждая из них чего-нибудь своего боится (т. е. каждую из них можно только каким-нибудь известным лекарством выжить). Меня лихорадка трясла три года. Доктора только хиной и поили, а мне смерть белого пирога с рыбой хотелося. Доктора же не велят. Раз пошел я в Баки (торговое село), думаю, что будет, а поем пирожка. Купил пирог за двадцать копеек, пошел в трактир, заказал чаю и бутылку водки. Выпил полбутылочки, съел уж, пожалуй, полпирога, не хочу больше. Нет, думаю, нужно так наесться, чтобы больше не хотелось. Только проглотил еще кусочек рыбки, меня и начало тошнить, да до того тошнило, чуть все кишки не вымотало. Заметь, после того, как рукой сняло.

Автор: Как же к тебе лихорадка ходила? Некоторые рассказывают, что они являются женщинами?

Сивяков: И ко мне женщиной являлась: придет мамзель, целует, обнимает. А то мой отец хворал. Кто-то и научил меня положить под его подушку дохлую курицу. Отыскал я где-то такую штучку и положил. Отец утром встает, смотрит — а под подушкой курица: «Это что такое? То-то я нюхаю все, что так скверно несет? Вон у меня от этого как рожу-то вздуло. Кто это сделал?» Я сказал. Отец и давай меня толочить. На ту пору идет тетка: «За что его бьешь?» Отец рассказывает. Тетка и говорит: «Подожди-ка бить-то, может, он тебя вылечил, ведь лихорадка больно не любит нехорошего духу». Тогда отец говорит: «Видел я во сне, приходит будто ко мне женщина и говорит: «Какая у тебя, Иван Алексеевич, постеля жесткая да душистая, с тобой и спать-то нельзя. Прощай! Я пойду в Ядрово к Ивану Кузьмину». При этих словах плюнула и пошла».

И действительно, Ивана Кузьмина трясла три года, а отец мой выздоровел. Хозяйку же мою (жену) вылечили молоком с вином: налили полстакана вина да полстакана молока и заставили выпить. Как выпила, так и начало тошнить, а после того и прошло.

Спустя несколько времени после описанного разговора, хозяйка казала, что у них где-то есть молитва от лихорадки. Эту молитву списал ее сынишка. Я действительно между разным хламом нашел эту тетрадку и здесь подлинником привожу:

Молитва от лихорадки

Встав раб Божий, Святый Архангел Рафаил, перекрестился и иде к морю-окияну и виде — возмутися море и изыдоша из моря 12 дев, распоясаны и простоволосы, видением окаянные и вопроси их Святой Отец Рафаил: «Что вы за девы?» Они ему рекоша: «Мы есть лихорадки, царя Ирода дочери, идем в мир христианские кости ломать». И вопрсиша их Святой Отец Рафаил: «Каких христиан вы станете мучить?» Они ему [говорят: «кто] праздничные дни заутрени просыпают, или в обеднюю спят, или рано едят и пьют. Такого человека поймаем и мучить его станем, — тот человек наш есть». И вопроси их Святой Отец Рафаил: «Какие ваши имена?» Те стали рассказывать: «Первая — Темна, вторая — Неможная, третья — Пухлая, четвертая — Земная,

пятая — Перхатка, шестая — Холодная, седьмая — Лядвия, восьмая — Клюша, девятая — Горнуша, десятая — Желтая, одиннадцатая — Глухая, двенадцатая — Долмота; и все мы разными муками мучим; только Долмота лютее всех сестер: до того мучит, когда душа с телом разлучится». После сего ихнего сказания Святой Отец Рафаил начал их бить железными прутьями и рече им: «Проклятые лихорадки, заклинаю вас Господом Богом Иисусом Христом, всеми Святыми Ангелами, Архангелами, Херувимами, Апостолами и Евангелистами: Иоанном, Лукою, Марком и Матфеем и всею небесною силою». Они же ему рекоша: «Аще мы сии святые имена услышим, то невидимо побежим от рабов Божиих и от домов ихних, но только от тех, которые возьмут чистой воды, положат в нее крест или образ Распятого и над которым молитву прочитают: «Отъидите, лихорадки, во имя Отца и Сына и Святого Духа». Дать сию воду болящему и сказать три раза: «Аминь глаголю вам, отъидите, проклятые лихорадки, от раба Божьего (имярек).

Ф. 7. Оп. 1. Д. 566. Л. 24—36

297. Вести и слухи

3 августа. Рассказ Н. Сычева, крестьянина деревни Сквозников.
Н. С.: А то, батюшка мой, как у нас каменная туча была. Дело было на третий день затмения (которое было в 1887 году) в яровые жнивы; бабы жали да лен драли, а мужики сеяли озимое. Я тогда еще холостой был и с батюшком (с отцом) сеял на Горемыкине у попа; да весь народ в поле был. Вдруг кто-то по дороге верхом скачет и кричит: «Ребята, каменная туча идет! Уж около Баков была, как я оттуда поехал!»
Весь народ бросился скорей домой. Прибежала за нами сестра Марья, ревет.
Автор: А вы, конечно, не знали, что каменная туча идет?
Н. С.: Нет, не знали; только я вижу, что народ с поля побежал и поехал. Марья говорит: «Пойдемте скорей: каменная туча идет!» Меня смех разбирает; откуда, думаю, каменной туче взяться: на небе чистехонько. «Ну, — говорю, — тятя, пойдем, посмотрим, что там такое делается, а лошадей-то хоть здесь навязать — пока попасутся. Марья ревет: «Да ведь здесь их убьет, ведите домой!» Жала тут еще старушонка Чемашинская, — бегает около нас да ревет: «Батюшки, куда мне деваться-то?» Я и говорю: «Вставай, бабушка, под елку!» — Ой, кормилец, тут убьет, я уж лучше побегу в сторожку. — Ну, смотри, пока идешь через овраг-от, тебя тут и укокошит; самое лучшее — тебе здесь переждать. Не знаю уж, куда она спряталась от каменной-то тучи. А Максим там тоже жал, уже старик, бежит что есть сил, задохся; откуда только сила у него взялась. Приехали мы домой. Смотрю, у столбика народу многое множество: наши и труфановские все собрались, бабенки плачут. Я и говорю: «Вы, бабы, хоть бы веселую затягивали».
— Ишь, еретик, ему только бы зубы лупить, хорошо тебе смеяться-то: у тебя не ребятишки, а у нас вот и мужики-то в Нижнем.
— Так что реветь-то? Вас прибьет, так хоть мужики-то останутся, они, я думаю, порадуются.
— Тьфу, ты!
Говорили-говорили и надумали молебен служить, пошли к попу. Поп не идет: «Какую вы каменную тучу выдумали? Смотрите, на улице какая тишина, и на небе ничего не видно». Но мужики все-таки упросили отслужить молебен. После молебна до самого вечера все сидели у столбика; уж когда солнышко закатилось, разошлись и каменной тучи не дождались.
Автор: Как же поверили такой глупости?
Н. С.: Народ-от уж был напуган: только что было затмение, а про него целый год все говорили; в город какие-то ученые приезжали, да и раньше-то говорили, что после затмения каменная туча будет.
11 августа 1899 года.
Пришел я вечером в церковную сторожку. Так как у нас одного сторожа не было, то в ней по очереди дежурили старосты этого прихода. В этот вечер дежурил Дорофей, отец старосты деревни Баландихи, которая находится в одной версте от нашей деревни. Говорили кой-что про староверов, потом Дорофей обращается ко мне: «А ты в это воскресенье был в церкви?»
Автор: Был.
Дорофей: Слышал, какую проповедь поп говорил?
Автор: Право, что-то не помню.

Дорофей: Я не был, а наши говорили, что поп будто говорил: в Московском округе на Успенье будет по земле ходить огненный мяч. От этого мяча только и можно будет спастись в каменных постройках, а деревянные будут от него загораться.
Автор: Нет, батюшка, этого поп не говорил. Да, кажется, в это воскресенье и проповеди совсем не было, была только панихида по Наследнику. (Это же подтвердил и сторож.)
Дорофей: Не знаю, а только наши, как пришли из церкви, так и говорили.
Автор: Разве что про комету они говорили?
Дорофей: Это что за комета?
Автор: Звезда с хвостом, с метлой.
Дорофей: Нет. Я ту помню. Бывало, все смотрели на нее и говорили, что она заметет людей. Так ведь и верно: тогда вскоре на году-то не одно солдатство было, и ратников набирали.
Сторож: Вот и лапоть готов.
Дорофей: Да, нынче можно и лапти плести, только лыко дорого; кабы где наворовать.
Сторож: Воровать-то далеко.
Дорофей: Что за далеко? Вот верст за шесть казна подошла и за рекой недалеко. Лучше уж этого лыка не найдешь.
Сторож еще указал где-то.
Дорофей: Ну, там совсем не такое, там лыко «сопкое», а здесь мягкое, да и рубить приходится сподряд.
Автор: Какое такое лыко сопкое?
Дорофей: Жесткое. Лыко, которое растет по березняку. Жесткое — из него красиво лаптя не сплетешь, а лыко по осиннику и по сосняжку мягче…
Автор: Дорофей, шел бы ты в сторожа.
Дорофей: Нет, не пойду: я дома-то на своей воле; здесь хорошенько и не выспишься: встанешь отбивать часы, а тут уж и не уснешь, да все заботься, чтобы не проспать.
Автор: А Сезин разве опять к батьку ушел?
Дорофей: Нет.
Автор: Разве у батька еще дети есть?
Дорофей: Никого теперь нет.
Автор: Что же он отделился?
Дорофей: А ты женат?
Автор: Нет.
Дорофей: Ну так вот, когда женишься, так и ты отделишься: делятся все из-за жен.
Автор: Ну, нам с батьком делить нечего.
Сторож: Ровно у него и баба-та хорошая.
Дорофей: Хорошая-то хорошая, только какая-то не баяная (не разговорчивая), углом глядит, а кому мило, коли будут посылать: сходи туда! Принеси то! А не знаю кто. Вот хоть доведись до меня — назови меня хоть дедушком, так я горошком побегу, меня хоть в ухо тогда вдень.
Пословицы: «Лучше семь топоров, чем один копыл»; «Не выносит столько мужик мешком, сколько баба горшком».

388. [Обычный порядок жизни. Работы крестьян]

Уборка хлеба

Рожь поспевает в то время, когда не кончен сенокос, поэтому мужчины окашивают, а женщины жнут; когда же выжнут ржаное, поспевает в яровом поле, да и сеять-то нужно: опять жнут сначала одни женщины, а мужчины сеют озимое. Если в семействе несколько членов могут идти жать, то они отправляются туда очень рано, часа в четыре, оставивши дома стряпку и взявши с собою по куску хлеба. Пожнут часика три да закусят, потом продолжают жать часов до одиннадцати. Этот промежуток времени составляет первый «уповод». После первого уповода идут все домой обедать и отдохнуть. Отдохнувши, отправляются опять в поле и берут с собою хлеба и чего-нибудь «похлебать»; жнут часов до пяти. Это второй уповод. В пять часов закусывают — «полдничают». Полдничать нередко с соседних полос собираются вместе. После полдничанья жнут

до вечера — третий уповод. Стряпкам же приходится жать целый только средний уповод, а последний уповод жнет только сначала, потом же нужно бывает идти ухаживать скотину. Ржаные снопы складываются на поле в «суслоны», в каждом суслоне по 20 снопов, а яровые складываются в десятки. Когда же снопы повыстоятся, т. е. попросохнут, их возят на гумно, где и складывают в копны. Так как после ржаной жнивы поспевает сразу посев, а сеять большей частью старого хлеба не бывает, то обыкновенно хоть овин, да измолотят нового. Впрочем, к этому побуждает не только сев, но еще и неимение хлеба для еды. На мельницах же в это время бывает очень «загатно», т. е. многолюдно и череды приходится ждать суток по двое, а на маленькие мельницы носят только по пудику. За помол берут по 3—5 копеек с пуда.

Овины у нас деревянные. В подовине вырыта яма, в которой и горят овинники — толстые плахи. Потолок на овине называется подом; щели между бревнами пода замазываются глиною; над подом на аршин вверх настилаются по четверти друг от друга шесты, называемые колосниками. Для входа в самый овин сделано окошко, а под ним, наравне с подом, маленькое окошечко, через которое выметают выкрошившиеся во время сушки зерна. То и другое во время сушки закрывается. Ниже окошечка снаружи приколочена широкая доска, на которой стоит человек во время насадки овина. К подовину приделывается крытый со всех сторон навес. Нижние ряды стены, прилегающей к навесу, выпилены, так что навес сообщается с подовином. Под навесом спят, когда сушат снопы, потому что спать в подовине от жары невозможно. Прямо против овина тянется ток, называемый здесь «ладонью», она имеет скаты на обе стороны, края ее называются забережниками или берегами. На берегах обыкновенно ставят копны. Ладонь на зиму закрывается соломою, а весною солому снимают и старою косою срезывают выросшую траву. Если на ладони будут вымыты «ямины», то ее «орут» косулею, потом опять утаптывают и уплотняют, для чего гоняют по ней лошадь и даже ездят на санях. Над ладонью у наших овинов не бывает навесов, поэтому молотить можно только в сухое время. Если сажать на овин приходится из копны, то один человек стоит на копне и бросает снопы на землю, а остальные таскают к овину; если же прямо с поля, то подают с «ондреца» (сноповая телега). В том и другом случае необходимо иметь не менее трех человек. Один подает снопы на полицу к окошку. Так как окошко высоко, то для подавания служит тонкий шестик с крючком наверху, этим крючком зацепляют за поясок снопа и подают. Этот шестик называется «метальницею». У окошка стоит другой человек, который поданные снопы принимает и бросает по колосникам к задней стене овина, где стоит третий — всегда взрослый мужчина; он уже и устанавливает снопы. Снопы садят или в два ряда, или в один. Ржи можно насадить в двух рядах 25 суслонов = 500 снопов, а овса 600 снопов. Вечером после насадки крестьянин отправляется теплить овин. В овин берет с собою всегда ведро воды, а у некоторых овинов и целые кадки с водою стоят. Когда два раза положенные на теплину дрова прогорят, огонь уменьшают и только перед утром опять немножко прибавляют дров. Молотить начинают часа в два, а то и раньше. Делается это ввиду того, что работа тогда очень спешная, поэтому стараются и измолотить-то, да чтобы днем и другое что поделать. Перед молотьбою один скидывает снопы с овина, а другие настилают ладонь в два ряда. Застланная снопами ладонь составляет посад. При этом нужно сказать, для облегчения иногда снопы перед настилкою на ладонь предварительно околачиваются о стену или о плаху, вследствие чего много зерна выкрошится. Для той же цели вместо околачивания гоняют по снопам лошадь или ездят на «медведе». Потом начинают молотить. Если молотят вчетвером, то двое мужчин бьют молотилами по колосьям, а остальные двое бьют по самым снопам. Передний из мужчин, как говорят, стоит на колосу и бьет сильнее всех. Пройдя по посаду раз, переворачивают снопы на другую сторону; после молотьбы и этой стороны разрубают пояски на снопах и опять молотят. Потом встают по одной женщине с каждого ряда и встряхивают снопы вянками, а мужчины опять молотят слегка. Когда будет таким образом перемолочено, женщины встают обе на один ряд и трясут солому граблями, захватывая одна после другой; делают это они очень быстро. Перетрясут, потом мужчины скатывают солому в кучи такой величины, чтобы можно было унести на носилках в «обмет» — стог, что сразу после скатывания и делается. Убравши солому, подметают колоски с той и другой стороны на самый верх ладони, потом настилают второй посад снопов. Обмолотят и этот посад, уберут солому, сметут колоски и их немного опять помолотят. Женщины граблями сгребают колоски — гонят вперед; за ними мужчина разметает из стороны в сторону и этим самым выбивает мякину наверх, за ним идет другой и эту мякину сметает на сторону, где та же женщина подхватывает ее граблями. Потом из колосков, которые остаются на краю ряда, мужчина метлою выбивает зерно, а женщина опять граблями подгребает мякину. Когда все это будет сделано, один мужчина сметает

зерно опять на верх ладони, а остальные особыми пихалками подвигают его туда, где назначено быть вороху. Соберут все в кучу и идут домой обедать. После обеда хозяин приходит и веет. Для этого служит веяльня лопата, слегка выгнутая. На кончик лопаты берется немного зерна и оно подбрасывается кверху, но так, чтобы там разлеталось в разные стороны и падало не кучею; в это время ветер уносит в сторону ость. После этого баба подкраивает зерно. Подкраивание состоит в том, что в решето кладется зерно и просевается земля, а сверху снимается оставшаяся ость. Очищенное зерно меряется маленькою, в которую уходит полтора пуда. Мякина складывается в мякинницу.

Пословицы:

У плотника пока щепа в бороде, так и хлеб есть.
Не отвернешь головы клячом, не добудешь плечом.
Честным трудом не выстроишь дом.
Не пустишь душу в ад, не будешь богат.
От трудов праведных не наживешь палат каменных.
После Ильина дня добрый конь будет наедаться, а добрый молодец высыпаться.
Стыдом своей головы не прокормишь.
Первый Спас — держи варежки на запас.
Кабы не клин да не мох, так и плотник бы издох.
Портной гадит, утюг гладит.
Хвастливого с богатым не разберешь.
Стар селезень, да уха сладка, и молоды утята, да черви в них.
Бранятся детки в щепках, а матки в детках.
Костеря хлебу не истеря.
Сколь живых, столь и сытых.
Без толку молиться, без числа согрешишь.
Здоровому молиться — только хворости просить.
У попа сдачи, у портного остачи не бывает.
Которая корова околела, та и к молоку хороша.
На торной дороге трава не растет.
Живем в бане, а кашляем по-горнешному.

Песня

Отец с матерью ночку не спали,
Ночку не спали, думу думали,
Думу думали, речь говорили —
Нам которого в солдатушки отдать?
Как большого-то в солдатушки отдать?
А большой-то из годов ушел.
Как середнего в солдатушки отдать?
У середнего жена молода,
Жена молода, малы детоньки.
Нам ведь малого Ивана во солдатушки отдать?
Как ведь малый-то да в глупом разуме,
В глупом разуме да во ногах лежит,
Во ногах лежит да просит жеребью.
Уж вы детоньки да мои милые,
Вы возьмите-ка да по востру ножу,
По востру ножу да по булатному,
Вы сходите-ка да во зеленый сад,
Вы срубите-ка все по жеребью,

Все по жеребью да все по разному,
Как первый-то братец калину,
А середний-то сладку малину,
А как малый-то горьку осину;
Вы сходите-ка, да детки милые,
На Дунай реку, да на быстру воду,
Опустите-ка да все три жеребья.
Как большой-от да братец опустил —
У большого-то ровно гусь поплыл;
Как середний-то братец опустил —
У середнего все за ним поплыл;
Как малый-то Ванюшка опустил —
У малого ровно ключ ко дну.
Испугалось да ретиво сердце
Да побледнело лицо белое,
Подкосились да резвы ноженьки,
Как скатилась с плеч головушка.
Не моя-та ли путь дороженька?
Не моя-та ли путь широкая?
Эта песня была...
(Конец текста утрачен)

Ф. 7. Оп. 1. Д. 567. Л. 2—27

[И. Сближение полов. Брак. Отклонение от законного брака]

390. Сближение молодежи

Посиделки, или как у нас говорят, беседки, устраиваются с 21 ноября, с праздника Введения, который по всей волости сопровождается почти недельным гуляньем. К этому времени готов бывает свой лен и многие девицы, уходившие мять лен в чужие села, где сеют его много, возвращаются домой только к своему празднику. Сидят или по очереди в каждом дому, из которого есть в беседе девица, или же большею частью откупают на всю зиму, т. е. до Великого поста, дом у какой-нибудь бобылки, выбирая попросторней. За это хозяевам дома полагается по уговору с каждой девки известная плата, например, нынешний год: по 5 копеек деньгами, по возу дров плашником, по десятку льну, кроме того, девки должны отоплять и освещать избу по очереди во все время беседок, а также мыть пол и носить воду. Такая плата для захолустного села является довольно значительною, поэтому случается, что ради нее готовы перенести крик, песни и беготню не только бобылки, но даже и крестьяне, которые тогда отдают под беседу другую свою избу.

В откупленную таким образом квартиру по вечерам собираются девицы со всего села и сидят часов до двух или до трех за полночь. Раньше маленькие девочки 9—15 лет сидели в отдельной беседке, но теперь ради экономии в расходах на освещение и отопление квартиры они сидят вместе с большими. На беседки ходят также и молодые, т. е. вышедшие замуж только в прошлый мясоед. Девица же годов двадцати пяти считается уже старою, поэтому и в беседу не пускают, и про года ее говорят: «Четвертную уже разменяла». Вдовам бывать в беседке считается предосудительным. В беседы ходят и парни; но так как у нас мужчины все отхожие плотники или портные, то они на беседах бывают только тогда, когда приходят домой, перед Введеньевым днем, святками и масленицею. Кроме того парни, работающие на лесопильном заводе и лесной пристани в пяти верстах от села, приходят на воскресенья и другие однодневные праздники домой. Они поэтому бывают на беседках каждый вечер с воскресенья на понедельник. В другие же вечера сплошь и рядом не бывает никого из взрослых парней. В свободное время приходят ребята и из других ближайших деревень, равно как и сельские ходят к ним. Особенно же это хождение усиливается на святках. В это время ходят главным образом ряжеными. При этом наблюдается своего рода визитация, т. е. если приходили ряжеными девки

какой-нибудь деревни в село, то уже «селянки» считают долгом отплатить тем же. Как, например, одна девка говорит: «Нам нужно идти в Кладовку: кладовские-то девки нас задрали». В прежнее время такие посещения сопровождались угощениями, но теперь этого не водится. Наряжаются «господами». Так обыкновенно и говорят: «Господа пришли». Нужно сказать, «господами» рядятся только девицы. Состав этих ряженых следующий: барин, барыня, дочь их, афонша (мужчиною), холопы (мужчинами и женщинами). «Афоншею» наряжается самая бойкая девица, которая не стыдится говорить всякие сальности. Ряженые, пришедшие в чужую беседу, остаются в сенях, а афонша входит в избу и говорит: «Скок через порог! Метена ли изба?..» на это местные девушки отвечают: «Метена! Милости просим». После этого входят и другие ряженые. Тутошние девки спрашивают: «Что вы за люди? Есть ли у вас билеты?» На все эти вопросы афонша отвечает опять-таки сальностями — «кружает», как здесь говорят. Потом встают в два ряда — мужчины против женщин: барин против барыни, афонша против дочери и т. д. и начинают плясать. Когда напляшутся, ходят в кругу и поют хороводные песни. Вместе с ряжеными ходят и парни. Кроме таких непродолжительных визитов бывает еще и так, что родственницы или знакомые сельских девок приходят из других, иногда даже далеких деревень, в гости на неделю или даже больше; конечно в это время посещают и беседки. Сельские девицы по отношению к ним делают то же самое. Следовательно, таким путем ребята могут знакомиться с девицами из отдаленных деревень.

На беседках девицы прядут. Когда же наскучит работать, то часть девок, большею частью маленькие, идут за «посуленным», т. е. за обещанным, подходят к окну каждой избы и кричат: «Посуленного!» Берут все, что ни дадут: и хлеб, и картофель, и брюкву, и редьку, и клюкву, и все это по приходе в беседку делится и съедается. Иногда в таких случаях и подшучивают над попрошайками, именно: в клюкву насыпают сажи и перемешивают так, что когда будут есть девки, то все лицо перемажут сажею. А то иногда девки, собравшись все, идут ночью по селу и от тех домов, где есть ребята, стаскивают в одну кучу все, что ни попадется: и сани, и бочку, и дрова и т. п. Если какой-либо парень не ходит в беседу, или же ходит в чужую деревню, то девки во главе с его здешней игральщицей раскидывают дрова от его дома на дорогу, опутывают двери нитками и этим высказывают досаду и желание, чтобы он ходил именно к ним. Часто девицы, то та, то другая, ворожат — придет или не придет в беседу вечером ее игральщик. Для этого «охлопок», оставшийся от «кружля», растрепывается и зажигается и если он при этом взлетит кверху, то значит придет, а если упадет на пол, — то спит. Главное же развлечение девиц во время пряжи составляют песни. Песни поются больше «частушки», т. е. четверостишия последнего времени. Вот для примера несколько:

1.
Ходи, миленький, почаще,
Я дорожку развешу,
На кажинную березку
По платочку повяжу.
2.
Поезжай, мама, в базар,
Купи красный сарафан,
На отделку кумачу:
Завтра в гости укачу.
3.
Как у нашего правленья
Поразвеянный песок.
Пропадай, мое колечко,
В восемь гривен поясок.
4.
Я вчерась о эту пору
Поднялась в крутую гору,
Поднялась легохонько,
Пошла помалехоньку.

5.
Пожил, пожил под неволей,
Теперь вольный казачок,
У родимой мамоньки,
Как поел, так на бочок.
6.
Мы с любашкой расставались
На такой крутой горе.
У меня сердце болело,
А у ней по мне вдвойне.
7.
Тятенька, жени меня,
Возьми милу за меня;
Если милу не возьмешь,
Со мной толку не найдешь.
8.
Наше полюшко бугристо —
Нельзя полюшком пройти.
Наши девушки форсисты,
Нельзя близко подойти.

Пример хороводных песен:
Застучало, забречало,
Сын боярский выезжал.
Выходила Катюша
Из новых из ворот,
Правой рученькой махала,
К себе милого звала:
«Ты пожалуй, милый мой!
На широкий новый двор,
Станови добра коня
Среди нового двора,
У точеного столба,
У злаченого кольца.
Ты пожалуй, милый мой,
В нову горницу со мной!
Скидавай шляпу, сюртук,
Вешай, миленький, на крюк».
На ту пору, на тот час
Муж из Питера сейчас:
«Еще что у тя, Катюша,
Что за шляпа, за сюртук?»
— Постояльцы вечор были,
Сюртук, шляпоньку забыли.
— Еще что у тя, Катюша,
Что за коник вороной?
— На базар вчера ходила,
Ворона коня купила,
Ворона коня купила,
Триста семьдесят платила.

— Еще что у тя, Катюша,
Что за парень молодой?
— В лес за ягодам ходила,
По тропиночке я шла,
По тропиночке я шла,
Сиротиночку нашла.
— Что не грех эту сиротку
Напоить и накормить,
В черну шляпу нарядить,
На коника посадить,
Воротечка отворить,
За ворота проводить.

Образчик хороводных песен:

Где бы, где бы мне милого повидать,
Во глаза-то бы злодея поругать:
Ты злодеюшка, злодей, миленький дружок,
От какие ты красавицы отстал,
Да какую негдяйку любить стал.
Негодяйка показалась хороша.
Налью, налью стакан горского вина.
На серебряном подносе поднесу,
Во хмелюшке дружка милого спрошу:
Ты скажи, скажи, миленький, правду мне.
Осердился мой любитель дорогой,
Пошел, пошел сам из горницы домой,
Зашел, зашел во конюшню новую:
Он снимает с крюка медную узду,
Надевает на вороного коня,
Соезжает со широкого двора.
Ты прощай, прощай, фатера дорога,
Вы прощайте, столбы точеные,
Верею̀шки позолоченные,
Воротечка частокольчатые.

Прежде чем говорить о том, что делают на беседках парни, нужно объяснить, что значит «игральщик». Игральщиком называет каждая девка парня, который больше всего с нею играет, которому она нравится, равно и ей он, другими словами «милый». Парни, приходя в беседку, поют вместе с девками, пляшут, если приходит кто-нибудь с гармоникою, больше же всего сидят на полу и «зубоскалят». А то какой-нибудь зажжет у зазевавшейся девки кужель. Девка, увидевши, старается потушить. Поднимается аханье и оханье. Игральщики у своих игральщиц отнимают кольца, платки и пояса, которые некоторое время держат у себя и носят. Если девка уйдет куда-либо, парень не упустит случая занять место на пряхе, и когда девка, воротившись, будет просить уступить место, то парень говорит: «Выкупи». Девица после долгих упрашиваний соглашается, наконец, выкупить, т.е. поцеловать парня. Когда девица толочит кужель, парень, а иногда и ее соседка, кладет руку на лен и спрашивает: «Про кого постелю стелишь?» Спрошенная должна взвеличать жениха, т.е. назвать по имени и отчеству своего игральщика. Делают и так: выйдет девица в сени, сейчас парень ухватится за скобу дверей и держит крепко, чтобы вышедшая не могла отворить их, и на просьбы пустить ее говорит: «Взвеличай жениха». Или же девица, подавая воду кому-нибудь из сидящих, обязательно спросит: «Что в ковше?» — Вода. «Кто любит тебя?» И к кому обращен вопрос, тот должен взвеличать игральщика или игральщицу. Беседки заканчиваются средою на масленице. В этот день в селе Благовещенском, верстах в десяти от нашего села,

бывает базар. Возвратившись с базара, ребята угощают своих игральщиц «гостинцами», за что те отплачивают им яйцами и сдобными колобками. В беседке в этот вечер девицы уже не прядут, а только поют песни. Когда напоются песен, то разбивают лампу и расходятся по домам.

Кроме беседок, девки и ребята еще видятся в Вознесеньев день. Вознесенье празднуется в селе очень широко и на этот праздник гулять в село приходит молодежь из всех ближних селений. Девки каждой деревни стоят отдельными группами и каждая деревня заводит свой хоровод. Ребята же ходят, где придется, но главным образом с тою девкою, которая ему нравится — с игральщицею. В это время игральщики дарят своих игральщиц гостинцами.

Еще встречается молодежь друг с другом по воскресеньям и другим праздникам, когда после обедни выходит гулять на улицу.

392. Отношение игральщиков к своим игральщицам большею частью ограничиваются только подарками. До половой связи доходит очень редко, а если когда и доходит, то делается это очень осторожно и негласно.

394. Обстоятельства, предшествующие браку

Разговорился раз я о свадьбах со своей квартирной хозяйкой Марьей Петровной: «Марья Петровна, а что лучше, чтобы невеста была красивая или работящая?» — Да для кого как. Вон Карамай женился, так про Душку Пальцеву говорил: «Что за баба будет? И выйти на народ не с чем. Мне надо такую, чтобы показать было что». Да чего, уж какой Федька Зенин, так и тот из-за этого не взял: «Ну что от нее: ни песен, ни басен». А вот Васька Полянский, тот говорит: «Мне нужно хозяйку: красоту-то не лизать, с хорошей наживешь, а с плохой что и есть проживешь». — А у Петьки-то Лебедева какова невеста? — Да хоть не больно красива и мала, а ведь он и сам-то мамзик (маленький), зато, говорят, горазда на все и рукодельна: все, слышь, рукава у рубашек вышиты. Когда свадьбу-то делали, так ее брат и говорит: «Ни за что не отпущу без «заезду», — неужели она обеда-то не заработала у меня?»

Автор: А вот ты, я думаю, хотела бы за Ванюху взять, которая побогаче?»

М. П.: Оно бы хорошо, с денежками ворочаться, да только ведь богатые разойдутся по богатым, а нам и останутся одни бедные: «есть» на «есть» все и идет.

Автор: Он, наверно, не расстанется со своей Клавдинькой?

М. П.: Бог с ним, как хочет: с женой жить ему придется. Я было пробовала и дуть-то его, чтобы не ходил в Арефино, нет, не дается.

Автор: Клавденка-то хорошенькая девушка.

М. П.: Хорошенькая! Они в девках-то все хорошие бывают, только откуда плохие жены берутся?

Автор: Аненку-то ты, Марья Петровна, за какого бы парня лучше отдала?

М. П.: Как за какого? Какой ей понравится, чтобы после не жаловалась. Я когда вышла замуж да стала маме жаловаться, так она и говорит: «Сама захотела и жаловаться нечего».

Автор: Все-таки, как бы ты хотела, за богатого выдать или за работящего?

М. П.: Конечно, лучше за работящего: деньги-то пройдут, а мастерство да старанье всегда будут с ним.

Вообще, когда женятся, то сходятся большей частью ровни в имущественном отношении. Об этом говорится: «Когда поедешь сватать, то посмотри на свои ворота, да к таким же воротам и поезжай». Девицы предпочитают выходить в семью, где членов ее немного, а также лучше выходят за такого парня, которого не отдадут в солдаты. Моя хозяйка, разговаривая с молодухой, спрашивает ее; «Как это ты, Авдотья Тихоновна, вышла за солдатишка, ведь тебе было бы и парней?» — «Так уж, милая, сунулась». После я спрашиваю: «Марья Петровна, что же худого, что она вышла за солдата?» — «Солдат постарее и пособашнее (суровее). Солдатишки-то больно форсисты ведь».

Относительно женихов у нас существуют следующие пословицы:

«Не ищи паханого, а ищи пахаря»; «Шадровит, да миловит; гладок, да гадок»; «Хоть в щеку бы бил, да щеголь бы был».

395. Парень и девица двадцати лет считаются как раз в поре для вступления в брак; впрочем относительно девиц существует пословица: «Зелено сжать, молодо выдать». Годов в двадцать пять считают тех и других

уже застарелыми. Причины ранней женитьбы следующие: 1) большею частью в доме требуются лишние рабочие руки, особенно для лета; 2) боятся, чтобы парень не избаловался и 3) бегая по беседкам, парень дерет много обуви и спит мало, поэтому и работает вяло. Например, нынешний год один парень просил родителей женить его. Они уговаривали подождать еще годок и приводили пословицу: «С хорошей наживешься, с плохой намаешься». Но парень говорит: «Через год все равно мы не разбогатеем, значит все равно придется денег на свадьбу «займовать», а если не жените, куплю игрушку (гармонику), да буду шляться по беседкам». Мать действительно соглашается с ним, говоря: «Ну что хорошего — будет шляться по селу с игрушкой». По отношению к дочерям соблюдается большею частью порядок: выдавать сначала старшую, за исключением тех только случаев, когда старшая сестра не имеет шансов выйти замуж. На этот счет существует пословица: «Через сноп не молотят». На парней же это правило не всегда простирается, например, у здешнего крестьянина старший сын в солдатах, а младшего женили, потому что старуха-мать плоха, а работать по хозяйству дома некому.

409. Сватовство происходит следующим образом. Если невеста охотно соглашается идти за парня, особенно это бывает, когда сватает игральщик, то обыкновенно дает парню в задаток что-нибудь из своих вещей, например, сарафан, платок и т.п. Жених же в большинстве случаев ничего не дает, или же дает сколько-нибудь деньгами. Делается это с тою целью, чтобы девица не изменила своему слову, и в случае чего, если выйдет за другого, то задаток остается в пользу сватавшего ее парня. Заручившись задатком и согласием девицы, парень смело посылает сватов. Бывает и так, что парень, и не спрашивая раньше согласия невесты, посылает сватать ее. Нужно кстати заметить, что сватовство происходит большею частью ночью. Жених со сватами, в числе которых находятся родители его и еще кто-нибудь из родных, приезжает в село. Сам он отправляется в беседу и здесь, усевшись рядом с тою девицею, которую намерен сватать, начинает уговаривать ее, чтобы она не отказалась выйти за него замуж. Сваты же в это время идут в дом девицы и начинают переговоры: «Что поделываете? У вас, словно, девица есть? Где она? Пора ее и замуж отдавать. У нас есть жених. Отдавайте-ка дочку-то за него замуж». Родители невесты обыкновенно сначала отговаривают, что и молода она, что и работать дома некому, и «одежи» у нее мало и т.п., но во всяком случае посылают за девицею в беседу. Вместе с нею приходит и жених. Родители невесты с нею выходят в другую избу или в сени для совещания и спрашивают, согласна ли дочка идти за этого жениха. Если жених не нравится ни невесте, ни родителям, то прямо отказывают, говоря, что не пойдет; а в случае, если против жениха какая-либо из сторон, т.е. невеста или ее родители, то предлагают жениху приехать через несколько времени для того, чтобы они могли посоветоваться с другими своими родственниками. В этот промежуток времени, если жених из другого селения и невестина родня не знает хорошенько его дома, ездят смотреть всю стройку жениха. В назначенное время жених снова приезжает со своими родственниками, и в случае согласия начинаются переговоры относительно условий брака. За венчание и другие расходы по свадьбе платит жених; кроме этого он должен отдать «на стол» — это выкуп за невесту родителям. Эти «столовые» деньги составляют предмет первых переговоров. Если «одежи» у невесты много, да она сама — девица хорошая и из зажиточного дома, то на стол берут больше. Цифра суммы этих денег колеблется между тремя и пятнадцатью рублями. В это же время показывают и одежду невесты. Хорошая невеста должна иметь: три зимних полушубка — праздничный, крытый покупным хорошим сукном; овчинный, красного дубу, и похуже — дубленый носильный; кафтанов летних два — хорошего сукна и домашнего; курточку теплую; сарафанов — от шести до десяти; рубашек до тридцати; по крайней мере одну теплую шаль, полушалков до пяти, платков, несколько холста, войлок — постель. Если какой-либо из важных вещей у невесты нет, например, хорошего кафтана, полушубка или войлока, то на стол берут меньше, с тем однако же условием, чтобы жених сам завел нужную вещь. Потом продолжаются уговоры: в какой день венчаться, сколько человек будет в гостях с той и с другой стороны, с обедом у невесты перед венчанием или без него. Когда покончат со всеми пунктами условий, то зажигают перед иконами свечку, отверстие в печи перегородят ухватом, все руками дотронутся до стола и начинают молиться. Все это делается для того, чтобы был путь, т.е. чтобы благополучно исполнить задуманное. После молитвы подают все друг другу руку и говорят: «Дай, Бог, святой час! Что задумали, то бы и сделать». При этом если девку выдают неволей, против ее желания, то она плачет, просит не отдавать, не зажигать свечки и даже случалось и случается, что подбежит загасить ее; но раз дело порешили, то свечку

опять зажгут, а девку как-нибудь уговорят. Потом жених после «рукобитья» покупает вина от четверти до пяти четвертей ведра и кренделей (баранок) до десяти фунтов и более, смотря по числу присутствующих родственников. После этого невеста или, как у нас говорят «сговоренка», повязывает «платок на краек» и притом так низко, что не видать и глаз; сидит в это время она за перегородкой и плачет, а жених сидит рядом с нею. Как только девицу «пропьют», то посылают в беседку и приглашают девок к сговоренке. Девки на зов идут и поют свадебные и другие песни.
Из свадебных:

1.
Уж ты, мамонька,
Мать родимая,
На что горькую
Спородила меня?
Спородила меня,
На свет произвела!
На всем светике
Нет бесчастнее меня!
2.
Вечор свахонька приходила,
Весть не радошну приносила,
Не радошную, слезяную:
Велит косоньку расплетати, —
Косу надвое разделяти!
Постой, свахонька, не турися (не торопися),
Дай-ка тятеньке покориться,
В резвы ноженьки поклониться.

Кроме свадебных песен и другие песни, например, «Прощай, радость жизнь моя…». Означенные песни поют, пока идут к дому сговоренки; когда же подойдут, то сговоренка выходит встречать их и воет:

Зачем-то вас, подруженьки,
Да долго не было,
За каким вас да за делам?
Разве вас да мама не отпускала
Что ко мне да молодешеньке,
Что ко мне да зеленехоньке?

Потом девки войдут в дом. Их угостят вином да кренделями. Вина девкам распаивают одну-три бутылки. Когда девки выпьют и будут собираться домой, сговоренка опять их привывает:

Посидите-ка, подруженьки,
Посидите-ка, голубушки,
У меня ли молодехоньки,
У меня ли зеленехоньки.

Сваты, отец невесты, когда немного выпьют, идут к священникам уговариваться о цене и дне венчания или, как здесь говорят, идут «срочиться» — назначать срок. За свадьбу берут от пяти до десяти рублей, которые платит жених. При этом присчитают и все бывшие за жениховым отцом недоимки причту.
До свадьбы невеста шьет себе или жениху; к ней ходят девки, поют песни и помогают ей.
Накануне венчания по приглашению сговоренки сходятся к ней все девицы. Часть их топит про сговоренку баню, другие «бантят», т. е. украшают цветными тряпочками и бумажками веники, флаги и ложки. Веников берут две штуки, прикрепляют их к шестам, потом еще на два шеста навязывают по три платка — это и есть флаги. Веники и флаги обвязывают тряпочками. Ложек требуется три штуки: две жениху и невесте —

их украшают как следует, а третью, предназначенную дружке, стараются сделать как можно хуже: изрежут края ложки зубцами, к концу привяжут пучок льна и поднимут наподобие хвоста. Эти ложки подают на стол перед поездом в церковь, во время обеда поезжан. Кроме того бантят солонку и хлеб, которыми потом будут благословлять молодых; украшают также и дугу. Когда баня будет истоплена и все нужные вещи «разбанчены», девки берут на шестах веники и флаги, поднимают их наподобие знамен и с песнями отправляются вдоль села. Песни поют те же, что помещены и раньше, и другие, какие придут на ум, однако не частушки, поют, например, «Ветка, ветка бедная, куда ты плывешь?» Пока они ходят по селу, невеста остается дома. Пройдя раз, девки идут за сговоренкой и вместе с нею и с теми же атрибутами отправляются в баню, причем поют песни, а сговоренка плачет. Когда подойдут к бане, то ставят на нее веники и флаги, потом входят в баню и сначала моются и парятся девицы, а потом уже начинают мыть и парить сговоренку. Сначала парят ее как следует, а тут начнут бить комлем да приговаривать: «Взвеличай жениха, свекра, свекровь» и, одним словом, всех членов женихова семейства. После того, как невеста взвеличает, девки отпускают ее и она идет в предбанник, откуда приносит в баню бутылку или две водки. Эту водку она захватила с собою, когда собиралась в баню. Девки выпьют водку и заплетают сговоренке косу, а она в это время воет:

Заплетите-ка, подруженьки,
Заплетите-ка, голубушки,
Мою-то косу русую!
Заплетите-ка, подруженьки,
Заплетите-ка, голубушки,
Вы меня да не на смех людям.

Девки прерывают ее песнями и, окончивши заплетание косы, с такими же вениками и флагами идут в дом невесты, где обедают, снимают украшения с веников и флагов и отправляются по домам. Бывает и так, что после бани, которая обыкновенно бывает утром, приезжает жених «с гостинцами»; вместе с ним приезжает его сестра, если она есть, брат его или кто-нибудь из родственников. Сначала устраивается женихов стол, т. е. начала жених угощает невестину родню, которая тут случится, привезенным вином и сластями, а также домашнею стряпнею. Невеста в это время сидит за перегородкою. Когда «отчестит» жених, то выходит невеста и потчует гостей. Во время угощения невеста кроме того дарит жениховой сестре платок или даже материи на сарафан.

410. Свадьба

Самая свадьба бывает большею частью в мясоед после Рождества Христова. Это обстоятельство объясняется тем, что, во-первых, к этому времени приходят с работ, во-вторых, деньжонок сколотят побольше и, в-третьих, хлеб, мясо и другие припасы в это время бывают свои, а не купленные.

В самый день свадьбы, когда жених, если он из другой деревни, выезжает в село, то мужики загораживают дорогу и не пропускают до тех пор, пока жених не даст им водки бутылки три. Девки же в это время сходятся к невесте одевать ее. Пока ее одевают, она воет:

Непогода ли поднимается,
Не осенний лед ломается,
Не ко мне ли гости катятся?
Как ко тятеньке на веселый пир,
А ко мне-то на разлучный час!

В это время дружка, оставивши поезжан на дворе, входит в дом и приговаривает:

Скок через порог,
Насилу ноги переволок!
Отворачивай желудки,
Пузырь ползет,
Семерых замнет!
Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Хозяин, хозяюшка (называет по имени и отчеству),
У меня в чистом поле,
В широком раздолье
Стоит храбрый поезд:
С холоду позябает,
С голоду помирает.
(Называет хозяина и хозяйку)
Не пустите ли на широкий двор?
У нас плети-то шелковые,
А седла-то золотые,
Так чтобы плети-то
Девушки на ленточки не пообрали,
А седла, чтобы не украли,
А возжи-то гороховые
Кабы курочки не расклевали.

В это время хозяин посылает приглашать поезжан в дом. Те входят. Дружка их сажает за стол. Посидят, выпьют, закусят, потом дружка спрашивает:

Собрата ли у вас невеста?
Обута ли она? Одета ли?
Если не обута и не одета,
То мы обуем и оденем.

При этих словах подает новой теще лапти или сапоги, смотря по состоянию, и говорит: «Вот тебе, тёща, лапти, пеки про зятя лепешки да мажь масленее». После этого наливает рюмку водки, идет за стенку, где сидит невеста с девицами, и просит девиц, чтобы собрали невесту поскорее; рюмку подает невесте, а невеста кому-нибудь из девок. Девки водку выпьют, а рюмку не отдают, говоря, что ее проглотили. Дружка наливает другую рюмку, а тысяцкий, обязанность которого в том и состоит, чтобы уплачивать расходы, опускает в рюмку монету. Эту рюмку дружка опять подает девкам. Девки опять выпивают и опять рюмку не отдают. В третий раз с налитою рюмкой и с монетою в ней дружка идет не один, а берет с собою сваху. Но девки и рюмку, и сваху оставляют у себя. Так процедура эта продолжается раз до пяти, пока не накладут девкам деньгами копеек сорок или пятьдесят. Когда девки будут удовлетворены, то выпускают сваху, невесту и отдают рюмки. Невесту из-за стенки выводит брат, а она в это время воет:

Ты бери-ка, братец миленький,
Да за правую да за рученьку,
Ты бери-ка помалехоньку,
Да веди-ка потихохоньку,
Ко столику-то дубовому,
Ко скатерти-то браной,
Ко яствам-то сахарныим,
Ко питвам-то медвяныим.
Ты сажай-ка, братец миленький,
На почетное на местечко.

Подведши невесту к столу, брат садится рядом с женихом на невестино место, а невеста садится на конец стола. Дружка наливает рюмку и подает брату, но он отказывается, говоря: «Нужно рюмку посеребрить». Тысяцкий покрывает тогда рюмку, большею частью, рублем. Брат вино выпивает, а рубль берет себе, целует сестру и сажает рядом с женихом, после чего и отходит. Если брата у невесты нет, то ее выводит из-за перегородки зять, дядя или другой какой ее родственник. Когда невестино место рядом с женихом у брата будет выкуплено, дружка переплетает ноги у жениха и у невесты и стукает головами друг дружку три раза, чтобы мирнее жили.

Жених же левою рукою прижимает правую руку невесты, будто для того, чтобы молодая не бегала от него. Поезжане в это время выпивают, а девки поют песни:

1.
Не бояра на двор въехали,
Не чиновны на крыльцо взошли:
Невеста (называется имя) испугалася,
Все кидалася, бросалася
Из горницы во горницу,
Что из светлицы во светлицу,
К подружкам за занавестоньку:
«Уж вы спрячьте-ка, подруженьки,
От того ли чужа-чужанца,
От (называют жениха по имени и отчеству).
2.
Не камка ли камчужница
Мелкотравчатна, узорчатна,
Не давай, камка, развертываться —
Авдотья-то Тихоновна —
Она кровоизменщица,
Изменила красным девушкам:
Не хотела нынче замуж выходить,
А теперя за столом сидит,
Да на жениха глядит,
На (имя и отчество жениха).
3.
Как тому ли свату сватничку,
Тому ли чужу чужанцу —
Еще мало ему этого,
Три бы чирья ему в голову,
А четвертый-то в бороду,
А пятый-то под горлышко,
Вместо красного солнышка,
А шестой-то под пяту.
С горы бы ему скатитися,
Голове бы у него сломитися!
Еще мало ему этого,
Комуху-то (лихорадку) ему трясучую,
Трясучую да злючую,
Чтоб трясла да потряхивала,
До потолоку притряхивала
На печи-то бы да под шубами,
Под семью-то под тулупами.

Когда песни будут пропеты, дружка велит собирать на стол. Девки выносят украшенный каравай, солонку и ложки. Дружка велит им ставить, но девки просят за них денег: «Хорошо вот они украшены, только надо посеребрить». Тогда дружка дает за хлеб десять копеек, за ложки молодых — пять копеек, а ему самому... подают зазубренную ложку и не дают хорошей до тех пор, пока он не даст по крайней мере пять копеек. Потом все садятся обедать. Едят все поезжане, кроме жениха и невесты, перед которыми ложки лежат черенками от них. Через несколько блюд подают лапшу. Блюдо с лапшою, не попробовавши, покрывают караваем и выходят из-за стола, поэтому и сложилась поговорка: «Из-за лапши замуж отдают». Когда выйдут из-за

стола, то расстилают на полу войлок или, за неимением его, кафтан. На войлок встают отец, мать и крестная или крестный невесты. Отец берет в руки каравай хлеба с поставленною на него иконою и солонкою. Сначала отцу кланяется в ноги жених, потом он встает, прикладывается к иконе, к хлебу и соли и целуется с будущим тестем. Точно так же благословляется невеста, с тою только разницею, что она, прося благословения, воет:

Благослови-ка, родимый тятенька,
Да меня-то молодехоньку,
Да меня-то зеленехоньку.

Когда благословит отец, то передает икону, хлеб и соль матери, а она, благословивши, отдает крестному или крестной. После благословения дружка берет жениха и невесту за руки, а сваха сзади держит одною рукою шубы того и другого. Это делается для того, чтобы между молодыми никто не проскочил. Таким образом подводят их к саням. В первые сани садятся жених, сваха и дружка, во вторые — сваты и другая родня, в третьи — невеста с братом и со снохою (невесткою). Родители молодых в церковь не ездят. Со двора не выпускают поезд ребята, пока им не дадут две-пять бутылок водки. Получат ребята просимое и поезд выезжает. На дугах каждых саней навязаны ленточки и колокольчики. Выехавши из ворот, брат невесты сворачивает в сторону и показывает намерение не ехать, куда едут остальные, т. е. в церковь; тогда дружка вылезает из саней, подходит к брату и угощает его, чтобы он ехал с невестою в церковь. Дорогою поезд не отворачивает никому. Если дорогою что-нибудь случится, например, хомут рассупонится, оглобля вывернется и т. п., то значит, что молодые будут плохо жить. Когда приедут, то в церковь молодых ведет дружка и сваха, так же как и при выезде. В церкви ставят их перед аналоем на подножник — платок, который потом поступает в пользу дьякона. Кроме этого священнику невеста от себя дает полотенце. Перед венчанием косу у невесты расплетают. После венчания, если жених или невеста здешние, молодых в венцах ведут в сопровождении священника и других членов причта в дом. На дворе молодых встречают родители с иконою, хлебом и солью и благословляют их. Потом все входят в дом и садятся за стол, наливают рюмки и поздравляют молодых, после чего невесту свахи уводят за перегородку, там волосы ее заплетают в две косы и надевают повойник. Это называется «окручивать невесту». После окручивания выпьют все по нескольку рюмок, причем поезжане перед выпиванием говорят: «Горько, подсластить надо». Это значит, что молодые должны поцеловаться. Вскоре начинают и ужинать, а после ужина молодые отправляются спать. Поезжане пируют почти всю ночь.

Относительно свадеб существуют следующие приметы и поверья:

1. Если жених или невеста чем-нибудь нездоровы, то когда их поведут в церковь, ударяют в колокол три раза. Делается это для того, чтобы болезнь не завенчать, т. е. не сделать ее вечною.
2. Если молодая хочет властвовать над мужем, то, идя в церковь, дотрагивается до верхнего косяка церковных дверей. В предупреждение этого жених держит руки невесты как можно крепче.
3. Для той же цели молодая старается встать прежде жениха на подножник и занять на нем как можно больше места.
4. Если во время венчания с которого-нибудь из брачующихся упадет венец, это означает не дружную жизнь их.
5. У кого из молодых сгорит больше венчальной свечи, тот скорее и умрет.

На другой день рано утром молодые едут к невестиным родителям, берут у них сундук и другое имущество невесты и отправляются опять домой. Там встречает их невестин брат или кто другой из ее родственников, садится на сундук и не отдает. Ему подносят рюмку, но он говорит, что в нее насорилось; тогда жених целует невесту. Поезжане в это время выходят и хотят нести сундук, но сначала долго ухают, говорят, что очень тяжело и просят вина. Остатки в рюмках выплескивают кверху, чтобы родилась хорошая рожь. После того, как внесут сундук, невеста кланяется в ноги свекру и свекрови и просит места для своего сундука: «Батюшка и матушка, дайте мне местечка». Они отводят ей место в чулане и говорят: «Ставь, Бог с тобой, вот тебе и место». Потом пируют, катаются на лошадях, чернятся сажей. А молодая должна дать им полотенце вытираться. Если невеста целомудренная, то жених после чернения сажей выпивает рюмку водки, а самую рюмку разбивает, кланяется в ноги тестю и теще и целуется с ними. Это служит как бы сигналом: все поезжане хватают старые горшки, а иногда случается — и хорошие попадутся, и бьют середь пола и бросают

деньги молодой на повойники. После этого молодая выметает набитый сор. Все одеваются в чистую одежду. Невеста дарит женихову родню, если это было в уговоре: свекру — рубашку, свекрови — холстину, остальным — кому платок, кому шарф, кому полотенце. Когда подарки будут розданы, продолжается пированье. Это и называется — красный стол. Попируют, погуляют и к вечеру разъезжаются по домам. Если невеста не целомудренная, то жених рюмку, а поезжане горшков не бьют, и про отца невесты говорят, что надобно бы надеть хомут, хотя на практике этого не случалось, потому что, по объяснению одной крестьянки, ведь хоть срами, хоть нет, а другую жену уж не дадут, все-таки с ней придется жить.
После свадьбы молодые посещают родителей невесты в следующие дни: в первый воскресный день, на масленице, на Пасхе, в Петров день. В этот день теща про молодых приготовляет сладкий сыр и печет пирог, когда пойдут домой, то своей дочери родители дают косу, грабли, железные вилы. Кроме того, молодая живет у родителей весь великий пост и от Пасхи до сенокоса, кроме святой недели. В первое после свадьбы Фомино воскресенье празднуются у молодых радоницы и маленькие ребятишки «окликают» молодую:

Молодая молодица,
Подавай наши куличи.
Не подашь кулича,
Уведем молодца,
В хлеве запрем,
Помелом заткнем
И не выпустим.

Молодая дает ребятам яиц или сдобных колобков.

Корреспондент Григорьев Иван Петрович
Варнавинский уезд, Лапшангская волость, село Лапшанга

Ф. 7. Оп. 1. Д. 568. Л. 1—27

[А. Физические природные свойства крестьян]

1. При первом знакомстве с селом Лапшангою всякий легко заметит некоторые отличия крестьян в наружном виде, а именно: в общем лапшанцы роста выше среднего, много высокого роста, низкорослых же очень мало; мужчины имеют жидкую бороду, с окладистою же бородою я здесь не видал. Женщины отличаются мягкими свежими чертами лица; здесь не редкость физиономии, испорченные оспою.

[Б. Местные условия жизни крестьян]

3. [**Местоположение**] Большое село Лапшанга лежит на правом берегу реки Ветлуги. Расстояние до Варнавина 7 верст.
4. [**Что дает земля крестьянам**] Суглинистая земля родит плохо и требует удобрения.

[Г. Общие указания об образе жизни крестьян]

7. Главное занятие лапшангцев — лесной и отхожий промыслы.

[Д. Общественные установления, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю]

43. В Лапшанге кражи редки; отношение к чужой собственности довольно добросовестное. Каждый крестьянин смело может оставить на улице на ночь различные принадлежности домашнего хозяйства, а бабы белье или холсты. И все бывает цело. Это ведется еще исстари.

[Празднества]
101. Здесь принято проводить широкую масленицу «по-широкому». Справляется она, начиная с понедельника. Работать во всю неделю считается грехом. При наступлении масленицы каждый домохозяин считает необходимым запастись винцом, чтобы не стыдно было перед другими. Более зажиточные лапшангцы по заведенному обычаю на масленице после обеда едут на убранных лошадях в город Варнавин и там катаются по улицам наравне с горожанами. Из других праздников особенно чтимый лапшангцами — день святого Варнавы (11 июня), мощи которого находятся в городе Варнавине. Накануне этого дня большинство сельчан отправляется в Варнавин и там проводит среди базарной площади, частью в трактирах, весь следующий праздничный день.

103. Препровождение свободного времени в обществе. Игра в орлянку особенно распространена в Лапшанге, и в свободное время ею увлекаются стар и млад.

105. [Трактир. Постоялый двор] В Лапшанге есть кабак и при нем чайная, где сельчане любят нарушить полбутылочки и побаловаться чайком, да еще с лимончиком.

[Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам]

107. [Личные отношения] Как соседи лапшангцы, раз они трезвы, не позволят никогда завести между собою какую-либо тяжбу, охотно помогают друг другу, но когда выпьют — совсем дело другое. Что поражает в Лапшанге, так это то обстоятельство, что сельчане, в противоположность крестьянам других селений того же уезда, не снимают шапки при встрече с интеллигентными лицами, даже одетыми в форменную одежду. Это объясняется тем, что лапшангцы, занимаясь сплавом леса и отхожими промыслами, «видали всякие виды», видали разных людей, а «снимать пред всяким шапку, — скоро изорвешь ее».

[Общинное владение]
121. Время сенокоса — праздник для лапшангцев. Крестьяне, в особенности женщины, наряжаются в свои лучшие костюмы и с веселыми песнями отправляются и возвращаются с луга. Во время сенокоса едят лучшую скоромную пищу (режут овец) и проходятся насчет «грешной» (водки). В ясные дни на сенокосе парни с девками устраивают всевозможные игры, причем парни не стесняются в своих приемах и нередко, взявши девушку за ноги, становят ее на голову, отчего тело обнажается до груди. Такая картина возбуждает только общий хохот среди всех присутствующих, даже стариков, при этом высказываются в неприличной форме вслух мнения о достоинствах той или другой девушки. Сено косится сообща, всем миром и потом уже делится по душам.

123. У лапшангцев нет своего леса. Лапшанга лежит на опушке больших лесов Уездного Ведомства; в лесах этих лапшангцы пользуются безоглядно ягодами и грибами, охота же запрещается.

[Артели]
129. Очень часто несколько домохозяев, у которых несколько «шевелится в мошне» соединяются в артель и за общий счет покупают небольшой участок леса или у Уездного ведомства, или у частных лесных владельцев. Строевой лес здесь очень дешев, в особенности тот, который растет в долине реки Ветлуги. Купивши участок леса обыкновенно за десяток верст от реки, артель после святок отправляются в лес (от Лапшанги обыкновенно верст за 40—70), идут только одни мужчины, везут на лошадях запасы муки, круп, соли, берут топоры, пилы и проч. В такой артели бывает 4—5 домохозяев, по числу их берутся и лошади; мужчин же вдвое больше: член артели берет с собой или сына, или родственника. Приехавши на свой участок среди глухого леса, артель прежде всего начинает рыть себе в мерзлой земле землянку, устраивает сарай для лошадей. Потом начинается рубка леса и очистка деревьев. Приготовленный лес постепенно отвозится на берег реки. Время от времени одна или две лошади посылаются в Лапшангу, откуда

привозятся целые возы сена для лошадей и провиант для людей. В лесу артель пребывает до середины марта, когда, закончив со своим участком, она возвращается в село. Весною, когда пройдет лед, артель отправляется к месту своего сложенного леса, делает из него один или два плота, затем, когда вода войдет в свои берега, плоты сами сплавляют по Ветлуге на Волгу до города Козмодемьянска, где плоты продаются скупщикам. Мне говорили крестьяне, что каждый из таких членов артели получает в среднем чистой прибыли 70—80 рублей. Сплавом своего купленного леса занимаются немногие из крестьян. Большинство же нанимается вывозить лес к крупным лесопромышленникам — купцам, мещанам. В середине марта крестьянин получает расчет и на своей лошади возвращается домой, привозя 10—15 рублей. При наступлении сплава плотов крестьяне снова нанимаются к лесопромышленникам сколачивать и сплавлять многочисленные плоты до Козмодемьянска. Сколачивают и гонят плоты обыкновенно четверо крестьян. За свою работу сколотить и согнать плот крестьяне получают: трое, стоящие на «голове» плота — по 20 рублей каждый, а стоящий на «хвосте» плота — 25 рублей. Времени, чтобы сколотить плот и согнать его в Козмодемьянск, нужно один месяц, а при дурной погоде — полтора. Много, много леса сплавляется ежегодно по Ветлуге из уездов Варнавинского и Ветлугского. Плоты беспрерывной вереницей тянутся один за другим, среди них возвышаются громадные суда «беляны», наполненные лесом на несколько десятков тысяч рублей, — и все это мешает бегать здесь маленьким пароходам. Кто не видал жизни на плотах, тот будет при виде ее поражен, потрясен до глубины души пьянством, теми безобразиями, драками, которые имеют место среди сгонщиков плотов. Это происходит вот отчего. При сколачивании чужих плотов сгонщики, или, как их здесь называют, «кумки» всегда имеют возможность украсть у хозяина несколько десятков бревен, которые прячутся на привязи снизу плота. Бревна эти, называемые пропойными, продаются по пути всем желающим очень дешево, а на вырученные деньги покупается водка. Я несколько раз был свидетелем, как у города Варнавина, где делают причал все плоты, продавались пропойные бревна. И чего только не делают спившиеся кумки. Не говоря уже о сквернословии, вы здесь часто можете быть свидетелем ужасных драк между кумками разных плотов. Сгонщики, вооруженные колами, переходят с одного плота на другой, наносят удары, часто смертельные, своим противникам, бросают их в воду и не позволяют тащить. Горе бабе, которая иногда вместе с мужем плывет на плоту! Она должна служить женою всех пьяных кумок. В противном случае ей грозит смерть. Странно, что полиция в Варнавине не обращает внимания на такие безобразия. Может это объясняется тем, что во всем Варнавине только пять городовых. Речной полиции здесь не существует. В Козмодемьянске плотовщик получает другую половину договорной платы (первая половина получается при сколачивании плотов для покупки провизии), дня три, а то и всю неделю попьянствует и затем возвращается домой большей частью с пустыми руками. Некоторые проживают даже последнюю одежду и на пароходе возвращаются «ради Христа». Есть в Лапшанге и такие, которым сгонка чужих плотов кажется утомительною, тяжелою, они находят себе летом более легкий труд. Для этого они отправляются к устью Ветлуги, к песчаной отмели и на некоторые перекаты на той же реке. Здесь вместе с крестьянами из других селений образуется табор иногда до 150 человек. Такие лентяи, называемые «фараонами», строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель. Конечно владелец беляны спешит обратиться за помощью к фараонам: начинается разгрузка беляны, сидящей в воде до трех с половиной аршин; беляна становится легче и проходит перекат; затем опять нагружают беляну. Фараоны получают по одному рублю каждый в день и угощаются водкой. Проводив беляну, наступает пьянство, безобразие, пока не сядет на мель другое судно. Опять начинается работа…

[Заем]

155. Тесное материальное положение заставляет некоторых лапшангцев заключать с лесопромышленниками договоры еще при наступлении зимы, причем получается вперед треть договорной суммы, значительно в этом случае уменьшенной.

[Наем]

163. **[Помочи]** Так как летом в Лапшанге остается мало мужчин-работников, то большинство полевых работ исполняется женщинами. В поле вы часто можете видеть, как женщина плугом пашет твердую суглинистую почву, а тут же на скамье в люльке лежит ее ребенок; последний давно уже плачет, а женщина

не обращает на него внимания и спешит пройти 3—5 борозд или совсем допахать свой клин. Не имея возможности управиться со всеми полевыми работами, женщины собирают из-за одного угощения помочи. Распространены и общие помочи.

[Аренда и наем имущества]

169. Многие домохозяева, которые круглый год не живут в селе, а работают на стеклянном и лесопильном заводах, отдают свой надел в аренду (исключая сенокос) односельцам, а семья его живет в селе и кормится на деньги [присылаемые с завода]. Земля отдается в аренду большею частью из-за одной уплаты повинностей].

[Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство]

[Воззрение на природу]

188. Лапшангцы — люди крайне неразвитые; в их религиозных воззрениях встречается гораздо больше языческих верований и преданий, чем среди крестьян губерний подмосковных.
Звезды — это глаза ангелов, которые наблюдают за всеми людьми. При смерти человека ангел спешит к умирающему, отчего и движутся звезды его глаз.

189. Здания, загоревшиеся от грозы, тушить водой считается грехом, их можно тушить только молоком. В этом случае будто бы совершенно прекращает пожар яйцо, оставленное от Пасхи и брошенное в пламя. Северное сияние, иногда видимое в Лапшанге, — отблески костра, разложенного чертями. Предвещает оно падеж скота.

190. Реки образуются из слез грешников, которые сидят под землею, плачут и не могут никак выскочить на свет Божий.

191. В ночь с пятого на шестое января в 12 часов в реке купается сам Иисус Христос. В эту ночь бабы, захватив с собою посуду, идут на реку и каждая из них у нарочно сделанной своей проруби ждет, пока пойдет волна (признак, что Иисус Христос погрузился). Все спешат тогда зачерпнуть воды, которая считается целебною.

[Демонология]

201. Водяной
В реке и болотах живет много водяных, имеющих человеческий образ; они женаты, имеют детей; для забавы последним старые водяные ловят за ноги купающихся детей крестьян.

[Верование в сверхъестественную силу знахарей и колдунов]

205. Среди лапшангцев много знахарей, к которым крестьяне обращаются при всевозможных случаях: нужно ли узнать, кто испортил человека, скотину, нужно ли остановить кровь, прекратить зубную боль — идут к знахарке. Одна из них, несмотря на то, что я дал ей денег, неохотно сообщила мне тексты своих наговоров на воду от зубной боли и прекращения кровотечения. Как в том, так и в другом случае знахарка наливает в чашку светлой воды и становится в угол. Здесь она полушепотом сначала читает три раза «Отче наш», потом «Богородице Дево» столько же раз. Если наговаривается вода от зубной боли, то над чашкой произносится… (часть теста утрачена)
Относительную особенность здешнего края составляет то, что здесь по всему уезду очень мало сел. В Капшангском приходе есть такие деревни, которые отстоят от церкви на 15 верст.

[Язык крестьян]

246. В общем язык крестьян груб, с выговором на «О», предложения строятся крайне неправильно, крестьяне не выговаривают шипящих звуков и заменяют их свистящими, например: «лапсянцы», «копеецки» и т. д. Фразы отрывисты. Ум постороннего не скоро привыкает к такому выговору.

[Грамотность]
247. Грамотных в Лапшанге мало, несмотря на то, что здесь есть двуклассная земская школа и при ней два учителя. Грамотность девочек, баб совсем не встречается.

[Чтение. Книги]
256. Предпочитаются книги духовные, чтение которых любят слушать старики. В Лапшанге распространена книга «Сказание о житии и подвигах преподобного Варнавы», подвизавшегося во время княжения Дмитрия Донского на холме, где теперь стоит город Варнавин.

258. На улице ребятишки часто произносят речитативом «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина.

265. Из истории лапшангцы особенно интересуются двенадцатым годом, когда «под задницу коленом выпроводили хрансюза (француза) из матуски-Росеи».

279. [**Чтение газет**] Содержатель местного трактирного заведения выписывает газеты «Сельский вестник» и «Волгарь» и предоставляет их в распоряжение посещающих трактир.

[Знания крестьян]
284. Несколько семей занимается изготовлением ложек и ведер из дерева. Стенки ведер очень тонки и снаружи выкрашиваются особыми нелиняющими красками. Крик лягушек предвещает дождь, крик петухов днем — перемену погоды.

[Искусство]
294. В последнее время среди лапшангцев в большом распространении лубочного издания портрет отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского), который обыкновенно прилепляется в святом угле рядом с иконами.

300. [**Нововведения**] Не более как 5 лет тому назад лапшангцы пахали землю простыми сохами, теперь же все пашут плугами, которые дешево приобретаются из сельскохозяйственного склада при Варнавинском Уездном Земстве.

[3. Семья. Обычный порядок жизни]

[Крестьянский род]
310. [**Усыновление**] Случаи усыновления здесь часты. Усыновляются больше мальчики, незаконно рожденные девушками. При усыновлении мальчик носит отчество и фамилию усыновившего домохозяина.

[Личные отношения домашних в семье]
312. Мужчины считают себя гораздо выше женщин, считают последних чуть ли не слугами своими, почему и принимают при разговоре начальственный тон. Жена, осмелившаяся возразить мужу, получает удар по «мосалам» (лицу).

313. При отсутствии домохозяина в семье распоряжается большею частью его сын, хотя бы и несовершеннолетний; последний и саму мать «прибирает к рукам», т. е. заставляет ее уважать и исполнять его приказания.

314. Лапшангцы крепко верят в силу материнского проклятия. Мне рассказывали как о факте, что мать прокляла своего малолетнего сына, отчего последний из избы провалился под землю и затем полгода кричал под печкой по-бараньему.

[Имущественные отношения в семье]
330. Большинство солдаток нанимается в работницы в другое селение, а если есть дети, то они оставляются у родственников в своем селе.

[Выдел и раздел]
331. В Лапшанге преобладают малые семьи. Главным поводом к отделу служат бабьи дрязги. Как я уже упоминал выше, мужчины остаются мало в селе, полевые работы приходится нести женщинам; последние из кожи лезут вон при исполнении работ по своему хозяйству в отдельности, но редко согласятся работать, как родственницы, сообща. «Да что я буду работать с ней (с невесткой), ежели она то и дело мечется (бросается) к детям», — говорят обыкновенно невестки, не имеющие детей.

371. Положение семьи долго отсутствующего мужа на заработках часто бывает весьма печальное. На святках я зашел к крестьянке, проживающей с тремя детьми в полуразвалившейся избушке. При моих расспросах крестьянка заплакала и со слезами поведала следующее: муж ее два уж года тому назад ушел на заработки в Ярославскую губернию, где живет на какой-то фабрике. В первый год он прислал семье в год 30 рублей; семья, в то время состоявшая из жены и только двух детей, была сыта. В последний же год муж прислал только 7 рублей, о себе не подает никакого известия, жена вынуждена побираться, дети сидят голодные, грязные, а тут родился третий ребенок, прижитый без мужа. Мне говорили, что некоторые крестьяне бросали, совершенно забывали свою семью и пропадали без вести.

374. [Охота и рыбная ловля] Некоторые из лапшангцев занимаются рыбной ловлей особенно весною в реке Ветлуге, где попадаются даже сомы и стерляди. В Лапшанге есть до десяти стариков, которые ничем иным, кроме рыболовства не занимаются круглый год. Рыба ловится всевозможными способами и находит сбыт в городе Варнавине.

377. [Жилище семьи, пристройки] При первом взгляде на постройки в селе Лапшанге всякий должен вывести заключение, что лапшангцы — народ зажиточный. Жилые помещения просторны, выстроены из хорошего строевого леса, некоторые дома даже в два этажа. При теплых избах имеются для лета холодные горницы. Наконец, самое внутреннее расположение во многих избах приближается к городскому: нет ни коника, ни полиц, а помещение разделяется на несколько комнат. На самом же деле лапшангцы в экономическом отношении живут плохо. Если постройки поражают всякого своими большими размерами, чистотою отделки снаружи, то это объясняется тем, что лес здесь очень дешев. Если существует пословица «не красна изба углами, красна пирогами», то она применима здесь в обратном смысле.

384. [Опрятность] В большинстве изб вы найдете неопрятность, грязь, на полу чего только ни валяется, замазанные дети ползают по полу, в избе чувствуется постоянный специфический запах испражнений. Конечно, при такой нечистоплотности в домах водится много паразитов.

387. [Экономическое положение крестьянской семьи] Как я уже упоминал, в материальном отношении лапшангцы живут вообще плохо. Малоплодородная суглинистая земля, развитый отхожий промысел, пьянство — все это служит причиной, что многие семьи зиму проводят впроголодь, питаются хлебом, перемешанным с отрубями и мякиною. Дети постоянно таскают такой хлеб, почему имеют большие животы. Мужчины, которые надолго уходят на заработки в другие губернии, только в первое время не забывают оставленную семью, присылают деньги, потом высылка денег прекращается, семья бьется, бьется и, наконец, бывает вынуждена побираться. При таком положении за лапшангцами числится много недоимок.

[И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака]

392. В нравственном отношении лапшангцы стоят очень низко: здесь находит себе место незаконное сближение молодежи, разврат. Девушка, достигшая половой зрелости, уже имеет себе «поигральщика»,

т. е. парня, который занимается постоянно с нею, вступает с нею в половую связь. За недостатком парней часто две-три девушки имеют одного поигральщика, который ходит к ним открыто, девушки рождают детей — и все это не считается здесь позорным. Но горе поигральщику, который изменит своей поигральщице и станет «вандалажиться», т. е. заниматься с другой. Первая поигральщица мстит ему и не задумывается ни перед какими способами. Недавно в Варнавинском окружном суде разбиралось дело, суть которого следующая. Одна девушка, мстя своему поигральщику, сблизившемуся с другою, зазвала его пьяного к себе в дом и здесь оторвала ему половые органы, отчего моментально последовала смерть. При таких обстоятельствах парни не спешат жениться. «На что мне жениться, когда меня и так девки любят», — говорят они. Молодые жены отсутствующих мужей тоже не стесняются в своем поведении и всегда готовы предложить свои услуги, в особенности за деньги. Не единичны случаи, когда муж, ушедши на заработки на несколько лет, возвратившись, находит кучу детей. Средства вытравливающие, способствующие изгнанию плода, употребляются здесь редко. Даже старики к такому разврату относятся весьма снисходительно. «Девка в соку, без мужика ей никак невозможно», — говорят они.

[I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности]

427. **[Воспитание детей]** За недостатком времени женщинам некогда следить за воспитанием своих детей. За всеми младшими детьми обыкновенно ухаживает старшая девочка, а то старуха. Дети, предоставленные сами себе, в теплое время собираются толпами на улице, устраивают драки, научаются друг от друга сквернословиям.

428. Недостаток рабочих сил мужского пола служит причиной тому, что мальчики очень рано (10—11 лет) начинают исполнять полевые работы, работы по домашнему хозяйству.

[Обучение, школа]
430. В Лапшанге есть земская школа с двумя учителями при ней. Число учащихся в школе около ста человек, но из лапшангских мальчиков в ней менее пятидесяти, остальные из окрестных деревень. Лапшангские крестьяне неохотно отдают детей в школу, потому что «малый дома надобен, за лошадьми смотреть». Школа помещается в просторном светлом здании и хорошо обставлена учебными пособиями.

[К. Выходящие из ряда обстоятельства]

[Общественные бедствия]
438. В голодный девяносто первый год, крестьяне получали хлеб от Варнавинского земства по дешевой цене и даже в кредит. Это породило злоупотребления: некоторые брали хлеб в излишнем для себя количестве и потом сами продавали его в городе по высокой цене. Вырученный барыш употреблялся на водку.

[Общественный разлад]
444. **[Переселение]** Лапшангцы никогда не думали о переселении в другие земли, потому что у них и своей земли много, хотя малоплодородной, но все-таки способной при уходе прокормить семью.

449. **[Падеж скота, лошадей]** В Лапшанге очень часты падежи скота. От чего это зависит, неизвестно. К санитарным мерам крестьяне относятся очень недоверчиво и всегда предпочитают обращаться к знахарям, которые им всегда указывают, кто попортил скотину.

451. **[Ссоры и драки между крестьянами]** Ссоры и драки между лапшангцами распространены особенно между пьяными. Тяжко побитый пьяный крестьянин не жалуется, а выжидает время, когда он будет иметь возможность тем же отплатить своему противнику.

[Разврат]

472. [Пьянство] Поголовное пьянство мужчин — вот главная причина, заставляющая лапшангцев влачить жалкие дни своего существования. А ведь они могли бы жить очень исправно, если не очень хорошо. Земли достаточно, на стороне всегда можно найти хороший заработок трезвому человеку. Но в том и беда, что всякая появившаяся копейка немедленно пропивается. По примеру мужчин пьют и женщины, даже дети.

473. [Болезни и их лечение] Самые распространенные здесь болезни - желудочные, от недостатка правильного и сытного питания.

ВЕТЛУЖСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Кузнецов И. Н.
Ветлужский уезд, Пыщугская волость, село Троицко-Леденское

Ф. 7. Оп. 1. Д. 569. Л. 1—19 об.

[А. Физические природные свойства крестьян]

1. Наружный вид мужчин, женщин, подростков, детей (фотографии) — не знаком с оной, поэтому не могу описать. В нашей местности острота зрения, слуха довольно хороши, к холоду, жаре, к физическому труду выносливы, также и способны переносить тяжести хорошо.

[Б. Местные условия жизни крестьян]

3. [Местоположение] От Троицко-Леденского села до села Пыщуга 16 верст, от села Пыщуга до города Никольска — 750. От города Никольска до губернского города Вологды — 522. Расстояние от приходской церкви до села Хорошевского 24 версты, от села Хорошевского до села Вознесенье — 35 верст, в котором бывают каждую неделю базары, воскресные и праздничные дни, близ него находится винокуренный завод и мукомольный завод, волостное Вознесенское правление двухэтажное каменное, двухклассное училище для обучения крестьянских детей, в нем же и купеческая есть контора для принятия хлебного зерна, льна, пакли и прочего.
Крестьяне занимаются торговлей разными продуктами, покупают и продают лен, паклю, рожь, овес, пшеницу, горох, привоз[я] из Вятской губернии Котельнического уезда железо, соль, рыбу сухую, изредка и свежую. А из города Устюга привоз рыбы больше всего. Треска, сайда, пикша, вяленая рыба отправляется в разные районы, в зимнее время каждую неделю то и воскресенье по 5000 пудов, также и архангельские соленые сельди. Стоимость мороженой рыбы от 1 руб. до 2 руб. за пуд.
В Вознесенском селе Кабакове и трактирных заведений не меньше 10, народу бывает в каждом заведении по 200 человек; ходят в заведения мужчины, женщины и девицы в местности, народ привык к пьянству. Привозят на базар рожь или овес, паклю и тому подобное. Ште девы ма дали свой товар. Нутерь пойдем в трактир напиться цаю, а другие — нет, я не хоцу, мне надо стакан вина, дак ште в трактире найдешь и вина, т. е. водочки. Если же зайти в какое-нибудь заведение, всегда увидишь в оном человек сотни две. Кто кричит — давай, половой, чаю, кто просит воды. Во всяком углу слышны песни, у пьяных мужиков не услышишь хорошего слова и больше всего матерные слова.
Село Вознесенье — по Вятскому тракту Вологодской губернии Никольского уезда. От города Никольска до Вознесенья 110 верст. Расстояние до почтово-телеграфной станции, земского начальника, станового пристава, урядника, волостного правления. В селе Пыщуге Костромской губернии Ветлужского уезда. Пути сообщения от Вознесенья до железной дороги 600 верст, до судоходной реки Унжи — 200 верст.

4. [Что дает земля крестьянам] На крестьянских землях преимущественно родится рожь, овес, пшеница, ячмень, горох. Если крестьянин только может возить на свою землю больше навозу, будет родиться хорошо,

а у некоторых навозу мало хватает на его полосы, в таком случае и хлеб родится плохой.
В огородах садят картофель, лук, капусту, редьку, огурцы вовсе не уходят, т. е. до первых озиморозков. Заморозки в здешней местности бывают с 1 августа. Картофель родится хорошо, капуста вовсе плохо, лук — средственно.
В крестьянских наделах есть леса, но из лесу грибами вот уж лет 5 не пользовались, потому что не было росту грибам. Ягоды — малина бывает, некоторые крестьяне продают сушеную малину, по 20 и 30 ф. За фунт 10 и 12 коп.

5. **[Полезные и вредные животные]** Домашних животных держат крестьяне — по две лошади, по пять коров, по три овцы, по одной свинье. Это средние крестьяне, а которые зажиточные — по три лошади, по 10 коров, по 4 овцы и по две свиньи. Кроме кур крестьяне никакой птицы не держат. Кур не больше 10 штук пускают в зиму, а то ладно и 5 штук. В диком состоянии находятся животные: волк, медведь, рысь, лисица и россомаха. Более всего наносят вред крестьянам медведь и волк. В некоторых селениях волки заедают овец и телят штук 50.

6. **[Климатические условия в отношении крестьянской жизни]** Весна начинается с 1 апреля. Выганивают скотину в поле с 1 мая. Начинают пахать под овес и пшеницу с 1 мая. Весенняя распутица бывает по 15 мая. Косить начинают тогда, когда снимут пары, заборонят, вывозят навоз, потом навоз запашут. Тогда уже начинают косить, не раньше, как с 24 июня по 25 июля. С 25 июля начинают рожь жать, жнут до 20 августа, яровое — с 20 августа по 14 сентября. С 14 сентября начинают картофель убирать и все овощи, которые были посажены в огороде, убирают по 1 октября, с 1 октября начинает морозить и бывает снег, когда начнет снег валиться, все валит — две недели и больше.
У нас, крестьян, по окончании полевых работ и огородных начинают молотить рожь и яровое. Если ведро, так не раньше крестьянин перемолотит, в три недели, когда бывает метель, то в таком случае протяжение молотьбы затягивается до 25 декабря. В ненастную погоду крестьяне приготовляют отопление — дрова и лучину березовую для освещения.

[Г. Общие указания об образе жизни крестьян]

7. Хлебопашеством занимаются крестьяне все без исключения, скотоводством никто не занимается, также и рыбной ловлей, промыслами, мало кто может скатать валенки из шерсти. На чужую сторону не ходят, на промысловые изделия. Если крестьянин сколько хлеба намолотит, который продаст в г. Никольском или у Вознесенья: тем отбывает подушные повинности.

[Д. Общественные условия, обычаи и законы]

8. **[Крестьянские сходы]** На сход крестьян, как на сельский, так и на волостной, без принуждения начальства никто не пойдет, если же и пойдут, одеваются неприлично, редкость кто-буди приоденется почище, и то, который мало-мальски бывал на чужой стороне. А то все жители здешней местности, в особенности в починках, принаехали из разных мест, больше всего из Вятской губ. Живут в лесу, пням молятся, не разбирают никаких праздников. В летнее время пеньки ломает крестьянин со всем семейством, а двунадесятых праздников вовсе не знают. Например, если священник не объяснит в церкви, что тогда-то будет праздник, может быть, некоторые и придут в церковь помолиться. У нас в Троицко-Леденском приходе заметно, только по окончании работ ходят в церковь, народу много, как мужчин, так и женщин, в особенности много приносят детей по причастию.
Какие вопросы решаются на сходах. Если нужно составить приговор, старшина волости спрашивает крестьян, например: «Братцы, нужно нам избрать нового старшину или старосту, прочее и прочее. Кого, например, вы надумаете избрать?» Крестьяне между собой потолковали, посоветовались. «Да вот, — указывают, — в такой-то деревне Митьку, это мужик хороший». Приходят и говорят старшине: «Избираем Митьку в старшины». А некоторые из схода кричат: «Нет, тот недостоин!»

— Ну, сказывайте, кого еще?
Другая половина схода выбирает другого, после этого всех чинов избирают так же. Если же пожелает быть на трех меньше старый старшина [так в рукописи], а его не выбирают, то в таком случае старый старшина ставит сходу два ведра водки, потом остается старый старшина на своем месте. Если же кто захочет отказаться от выбора, тот тоже должен сход напоить, его оставят, и вместо него другого выберут. Ни на каких сходах женщины не принимаются.

[Власти. Отношение их к крестьянам]

9. Когда крестьяне являются к земскому начальнику за советом, тогда он обращается с крестьянином, как отец, выслушивает от крестьянина какую-нибудь просьбу или жалобу на кого-нибудь, тогда земский ему посоветует написать просьбу кому следует, например, на волостной суд или дальше. Крестьяне от хорошего начальника не то что избегают, а даже привыкли, как к отцу, прямо приходят к нему на встречу с поклоном, начальник всегда спрашивает: «Что тебе нужно?» Мужик: «По привычке к Вашей милости». Он пошлет в свою квартиру и даст ему наставления, и то полезные, а не вредные.
Вот можно по справедливости описать волостного старшину. Если мужичок к пьяному старшине скорее же побоится придти за советом, почему, а потому что пьяный старшина потребует с мужика на одну четверть водки. А к начальству вышнему мужик никогда не побоится придти за советом, у наших крестьян есть обычай уважить высшее начальство всегда с поклоном.
Урядник зависит от исправника и [слово неразборчиво], сотские десятники, например, приказания их исполняют крестьяне хорошо.
г) Отношение имеет волостной старшина со своим помощником собирать подушную подать, если крестьяне судятся о земле или о сенокосе, тогда старшина уравнивает между собой крестьян и прекращает ссору.
Волостной писарь как работник волостного старшины: что прикажет, то и пишет.
д) Сельский староста такой же помощник волостному старшине, сельские старосты в нашей местности избираются на один год, жалованья не получают, так же и сотские.

10. Наши крестьяне ни к какому не являются с поздравлениями, они не знают, что такое за приношение или поздравление.

11. Если же крестьяне получают как от вышнего, так и от волостного начальства какое-нибудь предписание или записку, чтобы явиться в волостное правление, всегда исполняют в точности.

12. Никаких законов не знают крестьяне, поэтому и не могут описать, так как много неграмотных, волостной писарь никогда не беседует с крестьянами о законах. Даже когда волостное правление получает «Сельский вестник», и того не читывали народу, хотя раз в год положительно из наших волостей не скоро добьешься каких-нибудь наставлений от волостного начальства.
По удаленности Троицко-Леденский приход в расстоянии 30 верст, где же крестьянину часто ходить в волостное правление и справляться о законах.

13. Билеты и паспорта даются волостным правлением, какой крестьянин должен отлучиться на какой-либо промысел в Российскую Империю, за подписью волостного старшины и с приложением волостной печати. Может уходить без билета или паспорта не далее 25 вер. в другую губернию или же за 50 вер. что-нибудь продавать: хлеб, лен, к Вознесенью и в Никольск. Некоторым крестьянам бывает затруднение, что и не на что взять билет или паспорт, а ему необходимо нужно ехать за сто верст.

[Преследование преступлений]

14. Простонародье понимает преступление то, например, кражу, убийство, грабеж на дороге, поджог какого-нибудь дома или деревни. Это не различают преступлением [если] кого-нибудь обманет, обвесит какой-нибудь торгаш или кто у кого перекосит или пережнет, или в чужом лесу срубит дерево, даже в казенном месте.
Это считает, что есть грех, да Бог простит.

15. Наказываются за порубку леса больше всего, приговаривает мировой судья крестьянина к денежному взысканию, например, 100 руб. У него нечего взять — приговаривают его к тюремному замку на один год или полгода. Выходит крестьянин — опять же ворует лес, но только уже понемногу. А как сделку сделает с местной стражей, например, с объездчиком и лесниками, то, пожалуй, больше всего наблудит в лесу, что наблудил прежде. Этому не крестьяне виноваты, а виновна местная стража. Считается у крестьян, если же работает в праздничные дни, то это считается за грех. За такие поступки преступления у нас еще до сих пор не наказывали ни одного человека. Даже крестьянин до обедни пьян, а работы никакой в праздник не работал, то не считает за грех, а на другой день с похмелья лежит, а других осуждает.

16. Есть люди мстительные: например, если же кто с кем подерется, то непременно же на другой праздник обиженный другу своему отомстит. За драку принимаются полицейские меры: увидал урядник или сотский — сажают обоих в волостное правление, в арестантскую; на другой день, когда проспятся, их выпускают — все и наказание, еще велят помириться, чтобы они в суде друг на друга не ходили.

17. Бывают частные сделки между виновным и потерпевшим с целью примириться, оставить дело без судебного разбора, если виновник потерпевшему заплатит, например, 25 руб. или 50 руб. Если потерпевший станет судиться, а виновник отдавал деньги потерпевшему без свидетелей, тогда суд опять приговаривает виновника потерпевшему уплатить то же самое.

18. Если суд обсудил виновного право дать вознаграждение потерпевшему на 100 руб., а виновник подает на пересуждение дела, выставляет ложных свидетелей, их поит водкой и обещает каждому по 5 руб., чтобы за него руку стояли, а не как за потерпевшего, когда призывают этих свидетелей, оные на допросе показывают в пользу виновного, а не потерпевшего, суд возражает им: «Почему же Вас не было раньше прошлого суда?» Они с клятвой уверяют, что этого напрасно обвинили: «Мы, свидетели, можем показать через присягу, что этот человек прав, ему принадлежит имущество на 100 руб., а который раньше просил — не вправе». А у виновного нашлось ложных свидетелей до десятка, суд отобрал от правого и передал виновному. Вот до чего человек на России привык до денег и до водки, ложную присягу принимает за стакан водки.

19. В Пыщугской вол. Пыщугского прихода наделены крестьяне сенокосом более, чем Воздвиженского прихода. [Пропуск текста] Села Воздвиженского подавали просьбу, чтобы их ублаготворить покосом и разделить равно, как и пыщугских, так и нас. Прежде у них был раздел между крестьянами и дан приговор всей волости круговой поруки, так как оказалось в Пыщуге более сенокосной земли, а воздвиженской больше, чем у пыщугских, пахотной земли. Поэтому не ублаготворили сенокосной землей воздвиженских.

20. В праздники всегда режут скот, например, поросенка, курицу — на жаркое. Это не считают за грех или преступление, поэтому и не наказывают.

21. Обманывают, обвешивают, тайно принимают богатые мужики воровское, куда бедному отдать свое краденое, например, из движимого имущества, как то: одежу, хлеб, рожь, овес, пшеницу; все везет ночью к богатому мужику, мужик богатый все примет. Хотя и придут обыскивать замеченного в воровстве, но ничего не найдут, он остается ненаказанным; а нет, чтобы обыскать богатого мужика, тогда скорее бы нашлась потеря у него. Это те и другие не считают за грех. Вот примеры бывали, и теперь бывают: кто этим мошенничеством занимается, провидение больше всего тех людей наказывает. Многие были богатые мужички, а теперь сделались бедными и сами сознаются в этих грехах. Спросишь, отчего ты так обеднел, в ответ скажет, что грехи попутали, неправильно жил, или, скажет, торговал.

22. Бывают случаи, человек по злобе или из-за корысти подкупает злого человека, чтобы украсть у человека днем или ночью лошадь или из амбара или клети хлеба, масла, меду или белья.

23. Если человека будут уличать в какой-нибудь краже, он будет божиться, сам себя будет проклинать, что он не виноват: «Если ты ничего у меня не украл, то в таком случае сходи к Богу, т. е. три поклона положи пред

иконой и закляни свою душу». Это нередко случается между деревенскими жителями. Если виновник все это исполнит, потерпевший все это отдает на волю Божию. Потерпевшему часто вознаграждается промыслом Божиим, а виновного Бог наказует через свое проклятие, скоро бедняет, то у него корова или лошадь падет, поэтому называют карою Божией.

24. Если человека поймали на преступлении, например, в краже или в убийстве, то преступник в этом случае высказывает: «Это грех меня попутал, соблазнил меня дьявол». Народ ему говорит: «Это тебя попутало, не почитал своих родителей, за то тебя Бог обличил».
Малолетних детей родители наказывают с 10 до 15 лет за оскорбление старше себя или моложе, также, если соседи заметили в похищении из огородов овощей или найденной вещи утаить, за то наказывают родители своих детей — своим судом, розгами, чтобы вперед таковы не были.

25. Не встречается еще до сих пор, чтобы родителей за детей или детей за родителей наказывали.

26. Встречается, если лошадь молодая не слушается хозяина и зауросит, т. е. не пойдет, хочет отбиться, заскачет, то в сторону, то в другую, а прямо не пойдет. Сначала бьют хлыстом, т. е. нагайкой, это не помогает — берут вицу, до тех пор наказывают, когда лошадь пойдет с возом. Крестьяне говорят, что без этого нельзя обучить молодую лошадь. Если же выпрягут, в этот раз запрягут, то же самое делает лошадь. Вот почему крестьяне и наказывают лошадей.

27. Не было примеров, чтобы человек оборанивал себя или других, никогда не видано, чтобы за доброе дело был человек наказан. Например, рассказывал один краснорядец: напали на него в волоку восемь человек, хотели краснорядца убить или ограбить. Он употребил оружие против них. Одного из них зарубил до смерти. Видя своего товарища убитого, все злодеи разбежались. Краснорядец отбросил убитого в сторону, при первой деревне объявил крестьянам, что на него напали в волоку 8 человек: «Я одного из них зарубил своим тесаком до смерти, а остальные разбежались. Крестьяне остановили в деревне, дали знать становому приставу, пристав допросил меня о моем поступке, снял допрос и отпустил меня по деревне опять красным товаром торговать». Тело убитого становой приказал похоронить, начали разыскивать остальных злодеев. Вот уже лет 20 тому назад как помер и краснорядец, а злодеев не могли разыскать.

28. Этих случаев в нашей местности не бывало, чтобы приказывали родители своим детям сделать какие-нибудь преступления, или женами своих мужей.

29. За похвальбу и угрозы, если заявят начальству, наказывают тех лиц на одну или две недели на выселку, в земское помещение.

33. Один раз был случай в нашей местности Никольского у. П[неразборчиво] вол. д. Воронихи: за неоднократное воровство и за похвальные слова хотел поджечь свою деревню, его общество не приняло на поруки, и отец не принял, сослали на вольное поселение. Второго за такое же дело сослали на вольное поселение, за кражу лошадей крестьянина Пыщугской вол. д. Морошкино Макара Иванова. Прошлый год по манифесту был выпущен на родину, так как общество на вора смотрит не так, как на честного человека. По прибытии в свою деревню одну ночь не мог честно проводить, той же ночью украл две лошади. Знают, что вор известный, приходят прямо к нему, он сразу сознался, теперь живет на вольном поселении, у него осталась жена, пятеро детей, одного сдали в солдаты, а другой, сын лет восемнадцати, остался хозяином в доме.

34. Если наказываемых правительственною властью народ не противоречит и не обличает, если знают, что они обсуждены по закону, больше всего говорят по делу и паю.

35. Если человек был под уголовным судом, и он оправдан на суде, т. е. не штрафован, считают полноправным членом общества.

36. Человек, прибывши из арестантских рот, народ смотрит на него недоверчиво, все как на преступника, пока он не заслужит себе у общества большого доверия.

37. Посты крестьяне всегда соблюдают, все без изъятия, некоторые из военных, как то: объездчики, лесники не соблюдают постов, то народ их осуждает и ставит в большой грех.

38. Есть некоторые полуграмотные, научились от странников, говорят, что нет Бога, а над иконами смеются только при одном каком-нибудь человеке, а при двух или трех считают себя божными.

39. В нашей местности не то что крестьяне относятся снисходительно к пьянству, даже всякий раз выпить стакан водки.

40. Ложные показания бывают на волостных судах за стакан вина.

41. Взяточничество во всяком есть волостном правлении, с волостного старшины до последнего старосты. Редко бывает, чтобы казенные деньги украли из сундука общественного.

Суд и расправа.

47. Волостной суд состоит из 5 лиц, они выбираются волостным сходом, люди грамотные, если есть, а если нет, то избирают и неграмотных крестьян, жалованья им никому нет. Из пяти или семи человек назначается чиновником председатель волостного суда.

48. Разбирается всякое дело крестьянского быта по заявлению. Крестьян вызывает волостной суд со свидетелями по повестке, как обвиняемого, так и просителя или кого в качестве свидетеля. Являются на волостной суд. Потом приходят волостные судьи, садятся по своим местам. Председатель дает знать — заседание открыто. Вызывают просителя, также и виновника, потом свидетелей, допрашивают просителя по заявлению, в чем именно просит. Волостной писарь вычитывает прошение виновнику, потом спрашивают свидетелей, правду ли проситель просит. Если же свидетели покажут правду, то пишут постановление с решением, и взыскивает волостной суд деньги с виновного. Некоторые судьи судят, кто больше поставит водки, по тому и судят. Народ мало обращается с просьбой на волостной суд, больше всего между собой мирятся.

49. При волостном суде старшина и староста не бывает, кроме волостного писаря, могут видеться со старшиной судьи во время выхода на совещание.

50. Допускаются отводы волостных судей, например, если проситель — родственник судьи.

51. Сельские сходы склоняют к миру стариков с соседями или с сыновьями. Когда не удается склонить к миру, если, например, сын отца не кормит или старику бороду вытащил, тогда волостной суд присуждает сына к розгам, к 15 ударам, и заставляет старика кормить до смерти.

53. В нашей местности не бывает судебных сходок, кроме селенских, если крестьянин, сосед у соседа, отбирает насильно полосу у владельца. Встречается, владелец будет гнать со своей полосы, бывают междоусобные драки. Обиженный бежит прямо к селенскому десятнику, высказывает свою обиду. Десятник оповестит свое селение и объясняет, что такие-то крестьяне между собой подрались в полосе. В таком случае соседи разберут дело в чем состоит, потом посоветуют помириться, если же виновник обиженному нанес опасные раны, идет десятник к полицейскому уряднику. Урядник произведет дознание и прикажет вести в больницу. Доктор освидетельствует, насколько опасна рана, передает становому приставу свидетельство. За такой поступок наказывают виновного денежным взысканием, сколько времени он пролежит во время работы: 25 руб. или на 2 месяца в тюремный замок.

Если же увечье не опасно, потерпевший может работать, тогда мирятся по соглашению селенцев, до суда почти не доходят.

54. Кляузников селенцы до суда не допускают. Пожалуй, у некоторых и есть стремление судиться, им не бывает веры.

55. В нашей местности даже не понимают о девятой пятнице, чтобы поститься. Также и перед Косьмой и Демьяном.

56. Если подано прошенье мировому судье или на волостной суд. Те лица и вызывают обвиняемых свидетелей.

57. Если появится на судебную сходку виновник или свидетели, налагают по 50 коп. штраф.

58. У нас еще таких случаев не бывало, могут ли явиться на суд отец за сына или муж за жену, старший за младшего. Если же в отлучке бывает то лицо, которое должно быть на суде, тогда оставляют это дело до прибытия из отлучки, дело оставляют до будущего суда.

59. Есть подсудимые избирают за себя адвокатов на суде, народ верит адвокату, что он может выхлопотать в его пользу дело. Адвокату дают деньги, даже ⅓ часть денежного взыскания. Есть в Ветлужском у. адвокат Константин Алексеевич.

60. Этого не бывало, чтобы по уголовным делам являлась обвинителей целая община, например, в нашей местности.

61. Также и при укрывательстве преступника за него отвечала целая община.

62. Если один человек уличен в каком-нибудь преступлении, то свидетели доказывают, действительно, этот самый человек был на таком-то преступлении. Преступник клянется и божится, что я на этом месте не бывал. Если уличат свидетели виновного, например, в краже или убийстве, на народном суде обвиняемого признают виновным, может быть, и вовсе человек прав.

63. Если у подозрительного лица найдут вещи чужие, то такие вещи передают судебному следователю по окончании судебного дела. Следователь вручает эти вещи владельцу, который их берет при понятых.

64. Такие люди есть. Который вместе с вором заодно похищал у какого-нибудь хозяина, в раздел денег или имущества один другого обделит. Обиженный вор и доказывает на своего товарища, а сам на суде остается прав. Хотя бы при суде и уличает вор своего товарища, товарищ все-таки на своем стоит: «Я никогда с тобой не бывал, теперь только и вижу тебя, а ты уличен много в краже, потому что свои краденые вещи принес мне на сохранение, а я, как не вор, поэтому и объявил десятнику своего селения за подлог твоего мошенничества».

66. Если же вор уворует на базаре какую-нибудь вещь, тогда хозяин замечает и кричит народу словить вора, потом навязывают ему нашего и ведут в правление вдоль базару и кричат: «Вора поймали». Приводят в правление вора, сажают опачи в арестантскую, вещи отбирает хозяин, а вора наказывают — трое суток под арестом, больше ничего.

67. Если же какой-нибудь злодей подломил у крестьянина клеть, лавку с товаром, сначала обращаются к ворожее или колдуну, колдун за деньги сказывает, такой-то человек украл, в тот лес положил, ступай немедля, найдешь в сказанном месте, и справедливо: находят, где колдун сказал, на том месте.

68. Часто встречается, крестьяне друг у друга похищают сено, дрова, в особенности по началу потерпевший берет ближайшей деревни понятых, идет с оными в какую-нибудь деревню с обыском, если придется сено с похищенным, понятые скажут, что это самое сено. Тогда похитителя заставят потерпевшему уплатить, что он захочет, даже вдвое. Дрова — так же поступают, с понятыми берут отсколок полена дров, тоже сличают. Если же полено с отсколком придется верно, то же самое — уличают того человека в похищении дров. Тоже понятые приказывают уплатить потерпевшему. Мужик с мельницы из амбара увел мешок ржаной муки. Когда приехал домой, односельцы заметили своего соседа, что он возил на мельницу три мешка ржи, а с мельницы привез четыре мешка. — Это откуда у тебя взялось? Сейчас же дали знать на мельницу, мужик потерпевший приезжает к мужику с тремя мешками, у которого было четыре мешка, и мешки пятнаные, стало быть, мука отыскалась. Соседи не укрыли, односельцы, вора представили в волостное правление. Оное правление составили приговор на вора, осудили на 6 месяцев в тюрьму на выседку.

Воров хотя и допрашивают, но не захватя на месте преступления, не бьют и ничем солоным не кормят. А тайно выспрашивают у посторонних лиц или в заведениях питейных объявляют сидельцам, например, какие деньги, кредитные или серебро, или золото, или какие вещи, целовальник это будет, следить за такими предметами зорко, кто будет менять монеты или кредитные билеты, или же вещи будут продавать. Эти люди всего дороже стоят тут, никакой вор кабак или трактир не обойдет, все что-нибудь разменяет. Вот почему народ разыскивает вора.

С убийцами пыток нынешние года не имели.

70. Число свидетелей достаточно трех. Судьи спрашивают свидетелей, в чем, например, обвиняется виновный. Видел ли он такого-то на месте преступления или не слышал ли от кого-либо, как это преступление совершилось.

71. Допускается только по присяге, если он на отца или на брата никакого зла не имел, в таком случае спрашивают окольных людей; если окольные скажут, можно допустить свидетелями.

72. Есть, и таких лиц отстраняют от суда, которые могут оправдать виновного, те лица вовсе не принимаются.

73. Часто можно встретить уклонение крестьян от свидетельства волостными и другими судами. Эта пословица была исстари века, что знайку на суд ведут, а незнайка на печке сидит.

74. Ни одного суда не пройдет, чтобы свидетели не были пьяны. Если же приводятся свидетели к присяге, наш народ ничего не понимает, что за стакан свою душу отдает в ад. Говорят, поневоле примешь ложную присягу, что сначала спросят, а потом поведут к присяге. Если бы мы знали, что к присяге непременно поведут, тогда бы дело другое. Я бы не согласен показывать ложно, а теперь воля-то Божья, взад слово не воротишь. Поэтому народ и ложно показывает, не знает, что присяга дается после допроса.

75. Приводятся к присяге только одни свидетели, а тяжущиеся не приводятся. Если человек показал по присяге верно, то он ничего не говорит, что по принуждению. А если же принимает ложно присягу, тот говорит: «Меня к присяге водили по принуждению».

76. Когда к присяге священник приводит народ, сначала выносит крест и Евангелие. Говорит: «Клянусь, целую крест и Евангелие, в чем и свидетельствую». В некоторых случаях клянутся, это бывает при селениях, когда сойдутся соседи, например, кто у кого похитит вещи, и следов никаких к тому поводу также, а человека подозревают в похищении. Он берет икону и клянется Богом сам. Целует икону, себя и детей проклинает, сам говорит: «Если я виноват (или я виновата), чобы мне не звидеть света белого, также и моим детям». Если же виноват в похищении или женщина виновата, то так же клянется. Но скоро впоследствии времени наказывает Бог виновного. Одна женщина клялась святой иконой, что я не виновата в этом деле, через две недели ослепла, теперь еще жива, имя ее Ксенья Русанова, про себя рассказывает и другим не велит так ложно клясться пред иконой.

77. Не встречалось такой мировой сделки, чтобы к присяге приводили.

78. Ложная присяга и лжесвидетельства, народ понимает то, что нуженного Бог прощает. Это лежит грех, взыметса на начальника, который приводит. Но те лица говорят, которые привыкли ходить в освидетели, т.е. накупится или их напоят водкой.

79. На волостных сходах составляют приговоры, народ собирается, чтобы сход превышал больше половины, тогда приговор будет вполне верным. Если же не хватает больше половины, то сход не состоится, и приговор уничтожается. Если же сходом [решаются] какие-нибудь важные дела, например, разложить недоимку прежних лет государственных податей, не дают приговора, чтобы облегчить недоимщиков. Чиновник по крестьянским делам приказывает разложить всю недоимку по всей волости и уплатить оную, внести в казначейство Государственных имуществ в 10 дней.

80. Бывают и заочные решения. Если тяжущиеся не явились в суд, то постановление делают решение, и эти дела оставляют без последствий, потом объявляют через волостное правление объявить с подпиской.

81. То же самое и в волостных судах.

82. Исполнение приговора волостным судом. Старшина взыскивает с несостоятельного, приступает к описи имущества, если у оного будет достаточно, то продают и уплачивают долги, кому присуждены судом, а нет — уписывается виновник платить деньги по срокам.

83. Нет смотрят на такие [неразборчиво] даже крестьяне сами становят ведра по два водки за каждый приговор народу судебным начальникам по 10 руб. и больше. Например, за те приговоры, если крестьянин просит переселиться с одного места на другое, или припускают селенцы живую землю, в число односельцев переселенец платит выкуп селенцам кроме и приговора 200 руб. или поставляют приговор о взимании с виновного в пользу потерпевшего. Всегда этот приговор стоит больше половины денежного вознаграждения, свидетелям потерпевшего виновник уплачивает. Знаете пословицу: тяжба — не деньги, протрава — не хлеб, в этих случаях мало бывает тяжущихся.

84. За бесчестие подвергается виновник денежному взысканию или тюремному замку, за драку — в земское помещение и за бесчестие.

85. За какие бы преступления осужден был виновник волостным судом и приговорен наказать розгами двадцатью пятью ударами по приговору или арестован на один месяц, побоев не бывало. Побеги бывают из острога, которые приговорены по уголовному делу, и то редко.

86. Этого мне не известно, также и у крестьян не случалось в нашей местности.

87. Вора поймают и с вещью ведут его вдоль деревни, надевают на него украденную вещь. Бывает и то, если захотят вора постращить. Если он украдет у торговца сапоги, снимут с него последнюю обувь и отпускают его босым.

88. Если, в случае сомнительности, не может суд рассудить виновного с потерпевшим, бывает, что говорят «грехи пополам». Это в тех случаях, если коя будет порублена скотина, или в поле вытравят рожь или яровое, в таких случаях постоянно делят грех пополам.

89. Отменяют решения волостные суды, когда не бывает виновника или истца вследствие отлучки. Тогда вызывают вторично на суд.

90. Если же какой-нибудь суд неправильно рассудил, тогда может виновник обжаловать суд и подает в съезд мировых судей, не пропуская 30-дневного срока.

[Опека]
91. В нашей местности в крестьянском быту никакой опеки нет. Если же остаются сироты, то больше всего воспитывает их брат или дядя до совершеннолетия, т.е. 21 года. Когда достигли сироты 21 года, если пожелают разделиться с дядей, дядя делит как свое имущество, так же и умершего брата, по частям. Если сиротами остались два сына, а у дяди один сын, в таком случае дядя делит свое и покойного брата пополам, а на девушек ни тому и ни другому ничего не дают, только дядя с племянниками должны девушек выдать замуж из общего капитала, если они живут не вместе. А если порознь, то уже племянники взяли от дяди половину. Тогда дядя ничем не помогает, и должны отдавать сестер братья.

92. Если сироты остаются слабоумными, а старшая дочь в здравом рассудке, то соседи дозволяют ей взять к себе в дом крестьянского сына хорошего поведения и жениться на нем. Он ручается при волостном начальстве, по приговору поит и кормит, как отец.

[Повинности]
93. В нашей местности крестьяне исправляют работу. Дороги, мосты и гати, натурой размеряют дорогу, по сколько сажень придется на душу. Всяк свой участок должен каждое лето поправить. А мосты и гати делают сообща.

94. Освобождаются те лица, кои не имеют надела земли, если кто-нибудь не в состоянии уплачивать подушные подати. А крестьянин имеет у себя на три надела земли, тогда от него отбирают один надел и разводят оный по селению. Если же не может обработать и уплатить подушных податей, в таком случае оставляют его на одном наделе.

95. Волостным начальством, на 2 срока 18 коп. за десятину.

96. Крестьяне, если в срок не уплатили подати, тогда принимает начальство полицейские меры: выгребают из амбара рожь, овес, если хватит на недоимку. А если не хватит, приступают к оценке имущества. На торгах продают, тем и уплачивают в казначейство деньги.

97. Только не может быть продано: изба, лошадь и корова.

[Воинская повинность]
98. Отбывают крестьянские дети 21 года. Призываются в свои участки по жеребью, по забратии, отправляют родители на свой счет и в своей одежде до уездного города.

99. Которые могут портить себя, или нарочно отрубить палец у руки, сейчас же заявляют волостному начальству об уклонении от воинской повинности.

100. Осмотр лошадей бывает через 2 года.

[Празднества]
101. Когда бывает храмовой праздник, крестьяне исстари привыкли варить пиво к этим праздникам. Каждый домохозяин приготовляется к празднику, покупают водки по полведра, а другие — по ведру. К празднику приезжают родственники к своим: к отцу, матери, к братьям, к дядьям, их и угощают. Потом в другом приходе бывает праздник такой же, то же самое — съезжаются отец, мать, братья и сестры и пригостят друг у друга по 5 дней и больше. Это не то что в нашей местности, даже по всей нашей империи служат крестьяне своему [неразборчиво]. Во время рабочей поры крестьяне празднуют, например, девятую пятницу, Прокопьевскую,

Ильинскую. В эти пятницы крестьяне созывают церковнослужащих и ходят крестным ходом круг поля, молебны поют. За крестный ход крестьяне платят по 3 руб. с селения или 30 коп. с дома. Также без пива и водки не обойдутся, гуляют 2 дня.

102. Если кто не примет участия, то крестьяне этого соседа считают богоотступником. Я бы, со своей стороны, все эти празднества покинул, но волей-неволей: в мире жить — мирское и творить.

[Препровождение свободного времени]
103. По вечерам в будни девицы прядут на поседках, и молодые ребята приходят с гармониями, играют песни под пляску, некоторые девицы выходят плясать по-русски. Старики занимаются пряжей на вере [неразборчиво], они дома сидят, никуда не ходят.
Впрочем, в нашей местности, кроме воскресных и праздничных дней, свободного времени не бывает.
Все вообще чем-нибудь занимаются.

104. Кроме сказок, никаким чтением не занимаются. Например, будешь им читать священное писание — плохо слушают, если читать роман — его не понимают. Чтение бывает по праздникам в церкви после заутрени, например, как трудились святые отцы и как друг другу помогали. Крестьяне, хоть и слушают, а то придут домой, — спроси крестьянина, что в церкви читали, «да ште читали — мы и не поняли». Народ больше неграмотен, малолетки, хотя нынче и знают мало-мальски грамоту и почитывают в доме, когда прочитают, да та беда — не могут объяснить, о чем читают.

105. Трактир, постоялый дом, кабак Собрание крестьян в трактире или кабаке бывает только по праздникам, по воскресным дням. Ведут между собой разговоры, кто что работает, кто сколько намолотил. Заплатил ли подушные подати, кто сколько кому дал заимообразно хлеба или денег, а бабы — какая сколько напряла или выткала. Как напьются, будут всяк собой хвастать: «А ште, брат Ванька, неужели у нас с тобой нечего попить и поесть. Я заверяю, пожалуй, кроме нас с тобой, как мы пьем и едим, другой, пожалуй, во христов день так не поест». Которые хвастают в трактире или кабаке, того смотри и на другой день пропируют. Жена на другой день идет искать своего мужа, чтобы застать, который хлеб продал, вырученные деньги не пропил. Вот жена мужа находит уже не в трактире, а муж ее переселился, хвастун, в кабак, последние вырученные деньги за хлеб пропивает. Жена у мужа вынимает из кармана кошелек с деньгами. Смотрит, в кошельке оказывается от 10 руб. только одна рублевка. Тут бедная жена заплачет и станет своему мужу говорить: «Ты бы луче ребятишкам купил по рубашке. У тебя еще подушные недоплачены». Мужу не понравится это, что жена бесчестит мужа, что подушные не плачены, — ей и в морду. Жена заревет, кого-нибудь в кабаке попросит, чтобы его вывели из кабака пьяного и положили в сани. Привозит домой. Пьяный мужик раскричится на жену и детей, всех из дому выгонит, еще над женой же и смеется: «Вот тебе, дура, никогда за мужем не гоняйся». Внутреннее устройство трактирного заведения: с приходу — буфет, за буфетом то же, что и в кабаке: на полках разливные бутылки с водкой, в отдельных комнатах в нижнем и верхнем этаже стоят столы, все покрыты салфетками, против каждого стола стоят стулья или скамейки. По воскресным и праздничным дням в трактирное заведение народу сходится многолюдно, так что бывает в каждом трактирном заведении человек больше сотни, мужчин, баб и девок, никто чаю без водки не выпьет. Еще скажут друг другу: «Перед чаем и нищие выпивают».

106. [Стремление возвысить свое общественное положение] Чем гордится крестьянин. Всегда гордится зажиточный крестьянин против бедного и среднего. Зажиточного крестьянина больше из-за чего бедные уважают, для того чтобы богач на будущее время ссудил бедного деньгами, хлебом. Если же средний крестьянин мало уважает зажиточного крестьянина, тот ему ни в какой нужде не поможет. Бедный мужичок у зажиточного крестьянина за проценты половину лета работает. А у себя работает большую часть в ненастье. Отчего богатые мужики и хвастают: «У меня, лето придет, я созову бедняков и дам им половинную цену, все лето сработает». В здешней местности крестьяне почти никакого ремесла не знают. Например, портные ходят сюда из дальних стран. А наши жители, как уже я говорил, на богатого мужика работают.

Волостной старшина от крестьян пользуется почетом, от тех людей, которые с ним только знакомы. Сельский староста, как выбирается на один год, и то без жалованья. Настолько стремятся хорошие крестьяне в общественные должности, даже покупают,..

Ф. 7. Оп. 1. Д. 570. Л. 1—9об.

... и чтобы не сделаться распутным человеком и пьяницей.

[Е. Отношение крестьян между собой и к посторонним лицам]

107. [**Личные отношения**] Крестьяне утром встают и пойдут на работу. Встречаются с крестьянином другого селения, друг другу шапку снимут и поклонятся, друг у друга руку пожмут и скажут:
— Здорово, каково поживаешь?
— Слава Богу, помаленьку.
— Что нарабатываешь?
— Кое-что.
Женщины, девицы встречаются, те друг другу тоже поклонятся и проходят. Если что нужно спросить, остановятся:
— Ну, щте ты, дева матонька, поделываешь?
Если в рабочую пору:
— Много ли нажала, много ли нарвала льну, много ли накопила от коровушек маслица?
Кое об чем потолкует, потом прошла, скажет вдогонку:
— Дева матонька, приходи ко мне хоть чайку напиться.
— Ой ты, дева матонька, недосуг, какой теперича цай.
Гостеприимство развито не то что между мужчинами, даже молодежью, женщинами и девицами. Когда идут в гости, тогда одевают самые хорошие одежды. Если летом, женщины и девицы — самые лучшие платья. Во что одеваются в церковь, в то одеваются и в гости. Берут с собой подарки, пряники, яблоки, девицы [неразборчиво] яйца куриные. Когда идет гость, хозяин дома. Встает на ноги и говорит: «Просим милости садиться».
А сам берет стакан пива и подает гостю: «Кушай, дорогой гостенек».
Потом сажает всех гостей за стол и потчует пивом и водкой. Азартные игры народ, в особенности старики, не дозволяют. Больше всего играют на гармонии. Если рассказывают про военные действия, в особенности, которые были солдаты в русско-турецкую войну, про поход за Балканы, крестьяне неохотно слушают, только одни солдаты и слушают, те немного с понятием. А крестьяне про соху, борону, да как бы поладнее перелогу напахать, да пеньки повыворачивать, они больше ничего и не говорят
В здешней местности никаких драматических представлений не бывает.
Если просятся иностранные на ночлег, всегда отвечают: «Просим милости, ночуйте».
Хозяин ласково спрашивает иностранцев: «Откуда вы?»
А те отвечают, например, такой-то губернии или такого-то уезда. Входят в разговор: «Каково у вас были в нонешнем году хлеба, сено и проч».

Имущественные отношения
108. Если ранее крестьянин спахал поле лет тому назад 30 или расчистил сенокос на казенной земле прежде нарезки землемерами казенными, крестьянам не привелось оной запашки или сенокоса прирезать под свои десятины, так как землемеры резали в нынешних годах по 15 десятин на ревизскую душу. А эти расчистки остаются в казне. Если крестьянин не желает, чтобы она лежала пустой, в таком случае положит в казну аренду по три рубля за десятину.

109. Если крестьяне внесут деньги всем селом, на сколько лет определен выкуп, сразу обложенную стоимость, деньги и внесет в казначейство Государственных имуществ, в то время называются собственниками при получении владельной записи. А остальные платят выкупной платеж с вычетом процентов.

110. Для проведения границ между селениями пройдены просеки лесом и поставлены столбы с казенным клеймом, у каждого столба выкопана яма в 2 арш. глубины и 3 арш. ширины, квадратная. Суеверных меж тем нет, все старое оставлено.

111. Показание стариков, при отводе земель все знают одну просеку межу. На стариков не смотрят.

112. Если берег реки или речки составляет живую межу или границу, если нанесен песок или ил, и прирастет полоса. В таком случае эта часть уже принадлежит тому владельцу, чья была полоса. А от которого отмыли берег, тот, по крестьянскому понятию, не имеет права идти за реку косить залесок. Если река хотя и изменит свое течение, то всегда считается русло прежней границей. Если же река образует новый остров, то крестьяне обои владеют оным пополам.

113. Если речка протекает по нашей местности, например, река Вохма, между крестьянами государственными, а не временнообязанными крестьянами, крестьяне могут ловить рыбу по обоим берегам, воспреты никакой нет. Так же и в озерах. Поблизости нашей местности протекает река Ветлуга и близ нее много озер находится, по которой есть крестьянский надел сенокоса и запашки под хлебопашество по обеим сторонам реки и озер. В тех водах не имеют крестьяне права ловить рыбу без аренды, крестьяне должны пошлину уплатить за воды аренду назначенной им платы.

114. В нашей местности не бывает никаких рощей дерев, как то яблонь, потому что яблони не родят яблок вследствие холодного климата.

115. Если кто без умысла построит на чужой земле или посеет, за постройку дает крестьянин отмену, сколько она захватила земли за посев, сколько высеял семян и сколько засеяно земли, в таком случае должен крестьянину его землю посеять такое же количество семян, если он заборонил, также и тот должен заборонить.

116. Допускаются в крестьянских наделах все охоты исполнять. Только в помещичьих дачах не дозволяют никакой охотой заниматься, ни рыбной, ни звериной, даже не дозволяют ягод, грибов собирать, за все должен заплатить, билет оплачивается 2 руб. за год, т. е. за одними за зверями до 1 марта, а за птицами — с 29 июня.

Общинное владение

117. В каждом селении называется общинным владением земля, покос и лесной надел, распоряжение, распоряжением все селенцы могут, без согласия одного или двух не могут ничего сделать.

118. В деревне крестьянское общество состоит из государственных крестьян. Числится при деревне имущества неодинаково. Например, на сколько ревизских душ было нарезано десятин. Если в деревне было 10 ревизских душ — 150 десятин на деревню. Всего усадебной, пахотной, лугов, выгонов и леса — 150 дес.
Чужих земель ни в какой деревне в нашей местности нет, потому что недавно наша местность обрезана.
У нас приходится неодинаково на двор земли, у кого на один пай, у кого на 2 пая, а у кого — 2 ½ пая.

119. Так же делится земля, кто сколько может обработать земли и уплатить за оного подушные повинности. Если у крестьянина подросли работники и стало увеличиваться его семейство, тогда просит крестьянин своего селения, чтобы ему прибавили земли. Тогда, по совету селенцев, дают ему полнадела пахотной и сенокосной земли из числа всех соседей. Тогда бывает переделка полей, или же другой не в состоянии обработать, то соседи советуют ему дать полнадела земли, если у него было 2 ½ надела — оставляют его на 2 наделах.

120. Бывают, некоторые крестьяне смешивают межу у полосы и отпахивают 2 или 3 отъезда. Обиженный сбирает все селение и приводит на полосу, указывает на крестьянина, что «он у меня перепахал и уже посеял; тогда соседи приказывают у него выжать хлеб за самоуправство. Этим и наказывают.

121. Разделяются те покосы, которые сообща косили. Сено делится по копнам или по скирде.

122. В нашей местности сообща не сеют, не пашут, а всяк на своей полосе работает.

123. Если понадобится на хоромное строение, то из общего надела делят по одной полосе каждому крестьянину и рассчитывают, сколько в каждой полосе находится деревьев. Если у кого в полосе не хватает на его часть лесу, а у другого больше, так дают ему из большего количества прибавы, так и всех уравнивают.

124. В нашей местности для пользования пастбища есть третье поле, называется пар. Пока выставят сенокос, до этого времени скот пасется без всяких пастухов, сам собой в поле, если есть в поле речка, и если нет оной, то скотина сама выходит в деревню, на колодцах поят скотину, в особенности в жаркое время.

125. Общественные запасы, амбар и бани, колодцы, запруда у каждого крестьянина на свой счет, каждый крестьянин сам ремонтирует.
В нашей местности есть одна мельница общественная, она устроена всем приходом и отдана в пользу церкви, которая ремонтируется на общественный счет.

126. В нашей местности пастухов не нанимают, скот отпускают на произвол судьбы.

127. Починки дорог. Починяются натурой, каждый крестьянин обязан свой участок сделать хорошо.

128. Без согласия соседей ни один человек не может свою часть продать никому, на это требуется согласие всех соседей.

Артели

129. Есть обычай: соединяются несколько человек, с лошадьми, например, на вывозку леса. Если какой купец купит в казенном лесу делянку, нанимает возчиков, человек 10 и 20 по назначенной цене, срубить дерево, обделать и вывезти на пристань ряд по 12 коп. с вершка семи сажень дерева. Распоряжается хозяин, который купил лес, он обязуется платить все расходы по своему делу. Некоторые подряжаются по договору сплавить лес на Волгу из третьего дерева. Почем на Волге продадут лес, потом деньги по расчету делят.

130. В нашей местности не ходят на заработки, кроме катальщиков, портных.

131. Нанимают себе работников в ученье за малую цену, если он не на один год с ним работал. А если еще первый год, тогда работник должен 3 года на хозяина поработать без всяких денег, пока не будет хорошо работать.

132. В нашей местности для пиршества молодые парни и девушки с целью не ходят.

133. В нашей местности ничего такого не видим, кроме г. Ветлуги, там сырой материал ведут судами и сплавляют на Волгу.

134, 135, 136. На такие вопросы наши жители не могут ответить, потому что никто не бывал, как заключаются договоры или за песнопение как отвечают, это неизвестно.

Договоры вообще

137. Считают крестьяне за стыд и за грех, если не исполнят в точности договора или данного честного слова. Честные крестьяне дорожат своею совестью, больше, чем письменным договором, старинную пословицу всегда напоминают, уговор дороже денег, если бессовестному человеку, например, болтушке, и письменный договор или условие нипочем.

Например, рядят работника или работницу всегда с вешнего Егорьева дня до Покрова или до заговенья, т.е. до начала Рождественского поста.

138. Когда совершенно срядятся с работником за назначенную хозяином цену, например, за 20 руб. в лето или за хорошего работника дают 25 руб. Тогда с хозяина пьют литки, полуштоф или даже четверть ведра водки. Письменных условий никаких нет, только одни словесные договоры при продаже лошади или мене лошадьми. Один с другого к лошади просит приданого, другой: «Ну что, сколько примешь на свою лошадь?» Скажет:
— Ну ште, примешь рубль, а нет — придашь красненькую, а то не будет и мены.
— Нет много, возьми 3 рубли.
Друг другу хлопают по рукам.
— Ну, согласен за 3 рубля да полведра водки.
Смотрят лошади на зубы и узнают, стара ли лошадь. Смотрок скажет, что этой лошади 20 лет, хозяин лошади начнет божиться и клясться:
— Вот, чтобы мне не звидеть света белого, что моей лошади больше 8 годов нет.
Всяк свою лошадь выхваляет. Матерных слов у мени [неразборчиво], жарко [неразборчиво], разъезжают лошадей, бьют нагайками, что лошадь полумертвая, и то может бежать от таких побоев.

139. Крестьян не требуют ни с каких лиц договоров, а словесные условия при свидетелях, благонадежных лицах.

140. Если рядить работника или работницу другой губернии или уезда. В таком случае требует хозяин у работника паспорт, если у него есть, отбирает от него паспорт и несет в свое волостное правление для засвидетельствования, что у него такой-то человек подряжен, за такую-то цену, на срок до Покрова.

141. Из-за этой-то поруки никакого человека не найдешь поручителя, знай бает поруки мука, она мне на шее ездила, я плачивал за таких дикую копейку.

142. Существует у крестьян договор на сумму не менее 1000 руб., следовало бы получить денежной суммы за проданную вещь, и обязуется купец уплатить по срокам. Если же в срок не внесет денег, то обязан внести неустойку на 1000 руб., еще добавить 500 руб.

143. Купец сторговал у кого-нибудь недвижимое или движимое имущество за назначенную цену, он должен дать задаток хозяевам из 500, 150 руб. на руки, а остальные деньги в последний срок. Двойных задатков не бывает. Если целовальника рядит хозяин и хочет поместить в заведение, тогда требует от него залог 100 руб. на случай его утраты, бывает нередко, если не уплатит хозяину в обеспечение платежа. Тогда некоторые снимают одежду, а другие подают на суд, через суд требуют деньги. Принудительный налог неизвестен.

144. Прекращение договоров с теми лицами, которые уговариваются в питейных заведениях, хотя бы при этом были свидетели. Суд таких свидетелей не принимает, если хозяин уговорился с наемником и дал задатку малое количество денег. А работник его не хочет за такую цену хозяину служить, тогда, хотя и задаток не получить, не может искаться, суд отвечает на это: «Ты с ним договаривался, а нам не заявлял, дело твое без последствий остается».

145. Какой формы занимают разного рода займы. Если крестьянин приходит к зажиточному мужику и займет денег или хлеба, тогда, кроме этого, зажиточный мужик требует сверх этого, сколько даст росту % дня работы на 5 пудов хлеба или денег 5 руб., то же самое. Некоторые есть и такие, дают на срок, они прежде сроку требуют хлеб, деньги — это те, которые не имеют совести. Есть и такие лица: дают заимообразно, ни процентов, ни росту не берут, когда заимодавец попросит деньги или хлеб, он попросит его подождать, дожидается добросовестный благодетель год и два.

Этих сроков не назначают, ни суббот, ни пятниц. Назначают до 1 октября или с такого-то числа по такое-то месяца.

146. Бывают займы без процентов и с процентами, размер процентов 10 коп. с рубля за 6 месяцев. Например, волостной старшина занимает у зажиточных мужиков за первую половину, кто не уплатит подушных податей. Если не хватит внести в казначейство за первую половину года за всю волость, то за остальные деньги платит мужику проценты — 10 коп. с рубля, собирают подушные подати с 1 октября за вторую половину года, тогда по раскладочной книге видно — скоро пойдут проценты, стало быть, кто не платит за первую половину, с того и проценты собирают.

147. Заимодавец не может требовать до срока долга, если же потребует, должник не будет давать не только сполна процента, а отдаст только тот долг, который занимал.

148. Словесные доказательства по займу не имеют никакой силы перед крестьянским судом. Не имеют права, даже не верят свидетелям, если нет расписки, засвидетельствованной в волостном правлении, только по расписке можно свидетельствовать в уплате денег.

149. В настоящее время никаких бирок или рубежек нет. Только существуют рубежки у Красильникова и у Овчинникова. На рубежках вычерчивают палочки прямую, (один косая) пять крест х 10 [Так в тексте]. Эти рубежки одну половину скалывают и отдают на руки, а другую половину привязывают к овчине или холсту. Если хозяин прибудет за крашениной, у него не окажется сколки рубежа, то мастер не выдаст ему ни овчин, ни крашенины, дожидайся, пока всю не окончит мастер работу, остальное тогда отдаст, если только добросовестный мастер. А если недобросовестный, тогда все пропало.

150. Не имеет права залогоприниматель носить вещь до сроку. Если не выкупит хозяин вещей в срок, тогда имеет право объявить начальству сельскому или волостному, после этого вполне может носить или продать. И после смерти остаются заложенные вещи сыну или родственнику, так же поступают и они.

151. Непризнание долга бывает, так должен паспорт отдать нескоро: «Погоди, расплачусь».

152. Грабить должника. Не бывало таких случаев; есть суеверие, некоторые не дают взаймы ни хлеба, ни денег, когда родится дитя или домашнее животное.

153. Крестьяне обыкновенно считают друг другу помочь, если у него не имеется ни хлеба, ни денег, ни земледельческого орудия. Ссужают всех, без всякой платы.

154. Если взяты вещи, в каком были состоянии, в таком и возвратить. Если сломает что-либо, тогда должен починить или отдать новую вместо нее.

155. В нашей местности жители с такими лицами не ведут знакомства и не знают об их интересах, как они ссужают, деньгами или хлебом. Потому что в особенности ни одного еврея близко нас нет.

Наем

156. Нанимают жнецов, со ржи дают за 14 снопов 3 коп. за овсяные — за 6 снопов 1 коп. Набирают наложильщиков, дают одному человеку за один овин 7 коп.

157. Нанимают мельника, за третьего [неразборчиво] т. е. вымолотого им хлеба. При помоле соблюдается череда, по очереди, например, кто вперед приехал, тому и мелют. Во всяком случае, какой кузнец на мельницу кует, всегда ему вперед черед. Попу нет череды.

158. Пастухов нет. Церковного сторожа и перевозчика нанимают волостным сходом, церковные сторожа получают 35 руб. в год и с каждого дому по 10 фунтов ржи. А перевозчику цены разные, через речку.

159, 160. Пастухов у нас не нанимают.

161. Хозяин должен наряжать работника на всякую работу, даже вместо себя посылать на ярманку, продавать хлеб, лен, овес. Вырученные деньги представит хозяину по счету все сполна. Хозяева работника не могут наказывать сами собою, как только может принести жалобу волостному начальству за неисполнение своей обязанности, могут оштрафовать.

162. Договоры найма считаются в крестьянском быту только обязательно с тем лицом, с которым уговоренность, а не распространяются на его потомство.

163. Помочи. В нашей местности обычно помогают друг другу во всяких работах, как то в полевых и при вывозке леса, для крестьянских построек, а в особенности при пожарах. Если увидят пожар, так изо всех деревень скоро бегут на пожар. А после пожара свозят ему материал леса. Зовут на помочь и обозначают работу. Если, например, лес рубить или сенокос чистить и т. д., в таком случае к утру народ приготовляет к назначенному делу орудия. Если пахать, жать, косить — то же самое. К помочам варят пиво, покупают водку по окончании работы и угощают помочан.

164. Общих помочей в нашей местности не бывает, как по Вятской губ., там друг у друга работают сообща, только же один навоз на поле вывозят, а у нас всяк у себя.

165, 166. Подряды делаются при земских собраниях. Тут и пишутся договоры, какие именно — гоньбу возить, почту или по большой дороге строить мосты, подряды на все означенные предметы и плата местным жителям неизвестна.
От рабочих слыхали, если неисправна или испорчена работа, отвечает подрядчик, а подрядчик спрашивает с рабочих. Земский сначала штрафует, а потом залог берет в пользу земства, подрядчику совсем отказывает от занятий работ без всего.

167. В нашей местности таких ремесленников не бывает, у нас есть свои шерстобиты, швецы и красильщики, и овчинники.

168. Нанимают возчиков для перевозки товаров, например, в нижнее для доставления клада, с этими извозчиками едут сами хозяева. А если вперед отпускают, то дают им накладные до назначенного места.

Дарение
175. В крестьянском быту бывает дарение, например, если родит женщина ребенка, то дарят повивальную бабушку ниченошным подарком, например, подарят рубашку за нее [неразборчиво], которая стоит 40 коп. Или, бывает, крестный отец или крестная мать на рубашку миткилю дитяти, копеек в 20, обязательно крестик медный или серебряный дарит крестный отец.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 572. Л. 1—24 об.

Ж. [Верования, знания, язык, письмо, искусства]

Верования в сверхъестественную силу знахарей и колдунов
205. Знахарь и колдун — это все равно, народ так говорит, что все эти знахаря и колдуны, также и колдуньи знаются с нечистой силой. Все вообще народ здесь верит этим колдунам. Если человек или скотина заболеет, всегда обращаются прямо к знахарю, т. е. колдуну, а никогда вперед человек не обратится за помощью

к доктору или фельдшеру. Когда уже колдун ничего не может помочь больному своими молитвами или наговорами, колдун скажет посланному от больного или, что он не может выздоровсть, потому что перешагнул след больного. Тогда видят, как ходили за помощью к колдуну, и он уже задержал болезнь у больного. Поневоле обращаются за медицинской помощью к доктору или фельдшеру. Доктор, видя больного, освидетельствует, начнет спрашивать: «Что же ты, братец, долго задержал свою болезнь, может быть, ты обратился к деревенскому лекарю?» Некоторые больные не сказывают, что лечились у колдунов. Редко больной какой-нибудь объяснит, что лечился у колдуна. От лекарей и колдунов ничего не узнаешь, чем они лечат больных. А видели, например, бесноватых пронимают сквозь хомут, тогда больной будет кричать: «Я не один, нас много». Колдун приказывает выйти вон из человека: человек закричит, потом застонет и скажет: «Ни за что не выйду, я не сам взошел, меня посадил Пронька дивенька». Больной в это время лежит без памяти. Рассказывает очевидец, портной Кологривского у. Ларион, отставной солдат.
В нашей местности жители о ведьмах не упоминают. Про колдунов ничего больше не знают, от кого такие люди учатся, а слыхали, что колдун от колдуна и родится.

206. У колдунов, окроме своих молитв, воды и ножа ничего не замечается. Когда колдун станет шептать в воду, тогда берет нож и режет воду крест-накрест. Свои секреты колдуны передают при смерти, один наедине молодому человеку, никто и не знает, смотришь, после колдуна является новый лекарь, в особенности бабам. Особенного языка никто не слыхал.

207. Колдуны и колдуньи, должно быть, свидание имеют с нечистой силой, в Великий четверток, в самую полночь. Это бывает почти в каждом селении. Как видали этих колдунов: есть поверье, что всякому человеку непременно нужно принести в великий четверток в свой дом можжевелу из лесу. Посылают своих детей или сами хозяева идут за можжевелом, в то время видят этих колдунов, даже застают на месте сидящими или стоящими и что-то говорят в лесу, а с ними не видят никакого товарища и не знают, с кем и говорят. Поэтому и уверяют, что непременно колдунов бывает свидание в этот день. Например, одну женщину застали в лесу у муравьища, которая кладет куриные яйца в муравьище, не знают, для чего эта женщина и кладет. Это, уверяют, что колдун может сказать человеку, если человек пойдет или поедет, а он скажет, что, дескать, тебе, друг, не уйти и не уехать домой, а его друг ответит ему: «Это вздор, что я да не уеду, все пустяки». Один человек про себя рассказывал: «Я выезжаю в поле, настигаю едущего человека, поехал за ним. Что же, всю ночь проездил по полю, домой не мог доехать, на свету приезжаю к этому колдуну. Он мне и говорит:
— Я ли тебе говорил, что ночуй, тебе не уехать эту ночь домой, не правда ли?
— Правда, да ты какого черта вперед меня послал?
— Это я послал своего слугу, чтобы тебе загородил дорогу.

208. Есть поверье, если ударить колдуна наотмашь, чтобы у него брызнула кровь из носу, все его колдовство ничтожно? В нашей местности про одного крестьянина говорят, про воронежского Ивана, бытто бы он килу привязывает к мужчине или женщине. За эти проделки этого колдуна повесили кверху ногами в дым: до тех пор держали, пока не укастился, его калом, т.е. испражнением накормили. Тогда его колдовство все пропало. Рассказ про колдуна Шанско-Городищенского.
Наш колдун испортил моего дядю родного, который рассказывал про себя.
— Мы с колдуном возили лес на сплав, товарищ мой по злости меня испортил, приходим домой, на себе стал рубашку, волосы рвать, кричать и во все стороны метаться. Отец мой пришел как родному брату помочь ему в этой болезни, но ничего не помог. Посоветовали ему поехать к колдуну Кологривского у. Костромской губ. Приезжает к колдуну. Колдун спрашивает:
— Ну зачем больше приехал ко мне, рассказывай.
Я рассказал ему, что было с товарищем, как он мне сказал: «Попомнишь меня».
Я стал просить колдуна, нельзя ли дядю у меня полечить. Он мне наговорил в воду. Легли мы с дядей и с колдуном на полати спать, мне не спится. Колдун меня спрашивает:
— Что же ты не спишь?
Меня тащит за ноги с полатей. Колдун мне велел через него на другую сторону перелезть. Я перелез, тогда

никто не смел меня коснуться. Наутро встаем, колдун:
— Если хочешь, я тебе покажу, кто тебя испортил.
Берет воду с чашкой и велел посмотреть сзади него через плечо, я увидел: стоит в воде мой товарищ.
Он приказывает ему выткнуть перстом глаз:
— Домой приедешь, тогда увидишь своего портещика кривым.

209. Уверяют, что может колдун послание послать по ветру порчу в человека, по воде, в пище и питье.
Приглашают колдунов на свадьбы, для того, чтобы другой колдун не мог повредить молодым супругам.
Для узнания целомудрия никого не приглашают.
Колдун говорит, если он сдал свое искусство перед смертью кому-либо, кто захочет заняться таким искусством, колдун не боится, что ему за гробом никакого наказания.

210. В здешней местности никаких жалоб в суд на колдунов не подают. Это почему, потому что сами к ним ходят.

211. Рассказ про колдуна Ирипарха. Перед смертью его дети выломили коневую слегу у избы по приказанию колдуна. Потому что не может перенести предсмертных мучений. Покойный занимался пчеловодством.
Лет 40 не бывал на исповеди у святого причастия, помер в жестких мучениях 65 лет от роду в 1896 г. Уверяют жители Шанско-Городищенской, в церкви при жизни этого колдуна видали в Пасху в церкви много раз не похожим на человека, а на востроголова черта.
Мертвых колдунов не видали, что едят черти.
Рассказ Шанско-Городищенского прихода крестьянина Петра Матвеева про своего отца, как его учил колдун:
— Лы[е]соват ты, брат, когда приходишь ко причастию, против чаши не крестись, а когда поп подаст в ложечке, часть просфоры ты прими в рот, вино проглоти, а хлеб вынь изо рта и завяжи в платок, в чистый беленький. Потом возьми его с собой. В Великий четверг повесь на дерево, отойди назад 50 сажен. Заряди ружье свое дробью. Стреляй в этот платок.
— Что же, к удивлению моему, я прицелился, смотрю в цель, вижу Иисуса Христа на распятии. А сзади меня невидимый голос приказывает: «Стреляй!» Тогда у меня кто-то ружье вышиб из рук. Я опомнился и прославил Бога, что еще не лишился благословения Божия.

[Суеверия, связанные с образом жизни и занятиями]
212. Во время обеда, кто из семьи обмочит кусок хлеба в солонку, считают за грех. Предание говорит: когда Иуда предатель во время тайной вечери обмочил руку в солило, тогда по руке вошел в него сатана.

213. Суеверия, сломанные ложки, квашонные мутовки, которой мешают сметану — эти обломки не бросают в печку. Если какая хозяйка бросит в печку, то непременно в кринку в молоко попадет мышь.
Если девица или молодой парень не должен садиться на пороге, сваха не приедет за жениха сватать.
Если не чисто выметешь избу, тогда жених будет шадровит.

214. Когда закладывают новую избу, тогда хозяин должен выставить полштофа водки, поднимут все срубы. Потом потащат матицу, на которую привязывают в скатерке хлеб, соль и пирог с рыбой и полбутылки водки. Стащат эту матицу, тогда отвязывают хлеб со скатеркой, несут в передний угол, садятся помочане все распивать водку, едят хлеб и поздравляют хозяина с благополучной помочью, потом поднимают потолок и верх. По окончании работы все помочане кричат громогласно три раза: «Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу!»

215. Поверье есть у жителей: если тараканы из избы выходят все дочиста в летнее время и переходят к другому соседу или из всей деревни пойдут в другую деревню, то непременно оставленная деревня тараканами сгорит. Эта примета справедлива. Клопов выживают крестьяне багуном, бросают болотной травы багуну, когда протопится печь, на уголья, тогда и скутывают, т. е. закрывают печь, и сами уходят из дома на целые сутки.

Крыс и мышей — берут мышьяку 3 золотника, бросают на жар на уголья в печь, тоже выходят из избы на трое суток, тоже закроют печку, по окончании трех суток в избе должно везде обтереть или вымыть, чтобы нигде не было видно следа мышьяку, и на столах. А мертвых крыс, мышей повыкидывать.

216. Если сошьют новую одежду, поздравляют с обновой: «Износить бы тебе в любови, после этой нажить другую, обновить девицей, износить молодицей». Она отвечает: «Благодарю покорно».

217. Рыболовы всегда берут снасти, как то: сети, удильные крючки. Всегда новой сетью обматывают у наседки цыплят, а удочки дают поклевать маленьким и большим курам. Если поймает курицу или цыпленка, то может надеяться изловить, а если нет, то рыбак не пойдет и к реке. Если попадет поп навстречу, тоже воротится назад.

218. Если корова отелилась в первый раз, хозяйка берет богоявленскую святую воду, немного наливает в ведро воды, обмывает корову и теленка. Потом окуривает богородской травой и навязывает на рога, от зачинального конда, полотна. После каждого теленка обмывают так же. Некоторые едят молозиво. От поветрия скот смазывают, двери и ворота дегтем крестят, потом служат молебен Святому мученику Георгию.

219. Весной и осенью сеют с вынутой части из просфоры во время проскомидии, с благословения Божия и с молитвой царю небесному. Есть обычай: когда дует ветер с полдни, тогда начинают навоз возить, в день Св. Бориса и Глеба не начинают сеять, называют — несчастный день.

220. При дергании льна, конопли и гречи всегда перед начатием всякого дела услышишь у крестьян «Господи благослови». При сажании капусты, первый качан сажают с куриным навозом, с ним и ветку крапивы, покрывают, крепкий приговор: «Растите, кочашки, под крылом, как курочки крапиву не едят, так и мою крапиву по[неразборчиво]лите. Действительные средства: посыпать молодую капусту золой, каждый листик — мошка и червяк не ест.

221. При покупке коровы, если у коровы молочные протоки прошли по брюху к вымени и длинные соски, то корова будет хороша к молоку. Если у животного, хотя у лошади или у коровы в ушах есть сера, то животное будет долголетно.

222. Если сойдется человек с друг с другом: «Здравствуй». Отвечают: «Здорово». Если что работает, то говорит: «Помогай Бог», «Добро пожаловать», или скажет: «Спасибо». При посевах конопли, если скажешь: «Тю-тю», ответит: «Поди к черту». При основе кросен сказать: «Прямись волос, а кривизна в кросны», женщина обидится и скажет: «Провались, пронеси тя лешой!»

Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни. Заговоры

223. Бывает, что у отца есть двое сынов женатых. Один сын выходит из послушания родителей, в то время родители подвергают сына или дочь проклятию. Один был сын у родителей волостным писарем, вследствие чего не почитал родную мать свою. За что мать сильно гневалась на сына своего. В один день он писал нужные бумаги к отсылке на почту и ничего с матерью не говорил. Мать его проклинала и молилась, чтобы сын ее провалился скрозь землю, в это время мать писаря давала свинье корму. Сказал ей сын: «Маменька, не кляни меня, а лучше прокляни этого поросенка». Мать еще больше того рассердилась на сына и сказала: «Провались ты вместе с поросенком». В тот момент не стало ни сына, ни поросенка. Это было тому назад 50 лет.

224. В настоящее время молодые ребята знакомятся сами собой. Никаких суеверных празднеств не бывает, кроме святок. Прибегают тоже к колдунам, чтобы приворожить или отворожить сердце.

225. Не бывает никаких обрядов в половой зрелости ни у парня и ни у девушки. То же и при первом очищении месячных. Если имеет у себя женщина или девица месячное очищение, то в семействе считают оную нечистой, нельзя ей прикоснуться не к многому, даже не должна ходить в церковь.

226. Примечают крестьянки, если жених и невеста становятся на круг в церкви и во время венчания у которого из них больше сгорит свечка, тот скорее помрет. А если же погаснет, то непременно быть обоим несчастными. Колдуны делают, неизвестно какой силой, друг друга молодые супруги ненавидят. А не то делают то, что не могут сделать полового совокупления год и два. Молодые жены, когда они венца приезжают, идут в дом, прямо встают обеими ногами на порог и говорит громко: «Все овечки, а я один волчок». Это значит, чтобы ей быть надо всем семейством больше. А другие опоясывают на себя, на голое тело, сети и чтобы три дня оную не снимать. Во время свадьбы трое суток не выметают соломы из избы для того, чтобы жили молодые богато.

227. Если жених и невеста стояли под венцами и у них на головах были венцы чисты, тогда будут жить молодые честно и верно и счастливо. Если же венец с головы упадет, в таком случае все счастье пропадет. Примечают бабы, если груди у беременной женщины или девицы черные, то непременно должна родить девушку. Если живот плоский, то будут близнецы.

228. Девицы, вдовы, солдатки едят янтарное мыло, чтобы не принести ребенка. А вытравляют быдто бы какой-то травой.

229. **Роды.** В нашей местности уходу за беременными не бывает. Муж при родах бывает, в особенности, одинокий. Бабушек повитушек приглашают редко. Только тогда приглашают, когда беременная женщина в опасном положении, тогда призывают не то что бабушек, даже соседей, в особенности, если девица беременная. При тяжелых родах родильница выражает такие слова: «Никогда больше не допущу к себе своего пса».
Всегда родильницы уходят в отдаленное место, например, ко скотине в хлев или в теплую избу, в скотскую. Если долго не может родить, приходит в избу и дает знак мужу или свекровке, они оба уходят к ней и ухаживают за родильницей. Повитух или акушерок вовсе не приглашают, потому что в здешней местности деревенские женщины больше понимают, чем акушерка или бабка. Напрасно земство платит жалованье. При трудных родах не только вынимают заслонку у печки, даже просят священника отворить в церкви царские врата. После чего родильница скоро родит младенца, даже безболезненно.
Когда родится дитя, тогда отрезают от младенца пуповину и завязывают на вершок от брюха крепко ниткой, младенца вымывают теплой водой с мылом, все тело. Место кладут под навоз. Если младенец родился в попонке или сорочке, то оную вымывают и вместе с этой сорочкой крестят младенца. Родильницу уводят в натопленную баню, три раза вымывают, на утро родильница встает, принимается за прежнюю свою работу: начинает стряпать, дрова носить, печку топить, щи варить, коров кормить, коров доить. Нашей родильнице недосуг стонать да охать, ровно горная серна подскакивает.
После рождения младенца, если он родился красного цвета и крикнул при появлении на свет, это, говорят, будет жить. Если родится кубового цвета, то младенец не будет жить долго. Эти приметы, по наблюдениям, остаются верными.
Когда вымоют младенца, начнут пеленать, читает бабушка молитву во имя отца и сына и святого духа. А мать потом оградит младенца крестным знамением и кладет на печку. Никаких не имеют предприятий о подмене злых духов новорожденных о прежнем предании, кроме что написано здесь.
Вот можно описать об ученых бабках и акушерках. Крестьянские жены ненавидят их, например, если будешь посылать за акушеркой, то скажет родильница: «Я скорее же соглашусь умереть, чем послать за акушеркой». И действительно, сказать по справедливости, никакой помощи акушерки крестьянским женам не оказывают при родах. Новорожденного приносят в церковь, спрашивает священник восприемников, какое желают имя дать.
— Какое вы, батюшка, изволите дать, святые у Бога все равны.
И дают первое или второе имя по святцам, Лариона или Ивана, у нас не выбирают.
Обряды совершаются с новорожденным, какие установлены святою церковью, окроме оных никаких не присовокупляют. Есть только в крайних случаях, если младенец находится в опасном положении, бывает, после рождения бабушка крестит новорожденного троекратным погружением в воды: «Крещается раб Божий Иван, во имя отца и сына и святого духа. Аминь». И надевает крест. Если новорожденный доживет до утра, то везут в церковь, священник совершает таинство и огласительные молитвы без погружения в воду.

230. Идиотов называют в здешней местности дурачком, сомнамбулистов и других видов психических больных — полоумными. Этих больных ничем не лечат, остаются до смерти безо всякой медицинской помощи. От всех болезней некоторые мужчины и женщины только редко навязывают в узелок киноварь, купорос, чеснок и росной ладан, навязывают на крест и носят, чтобы не приставала болезнь, в особенности, против сифилиса. Поветренными болезнями называют оспу, корь, скарлатину и тифозную горячку.
Эти болезни, объясняет народ, что оные болезни посылаются Богом. Против этих болезней охраняют соседний народ. Завалят в деревне дорогу, чтобы никто не мог в эту деревню проехать. Если в одном доме болеют поветренной болезнью, туда воспрещается ходить своим соседям.

231. Бывают случаи летаргии, но только редко. Если женщина после родов помирает через 5 минут, и был священник, напутствовал святых тайн. Это не мудрено, таких людей хоронят живых, в нашей местности народ не понимает и не может различить истинной от мнимой смерти. Но, хотя и подносят зажженную свечку ко рту или ставят на дужку стакан с водой, чтобы узнать по колебанию воды, а в летаргии этого невозможно заметить. Прямо делают гроб, заутро везут на погост, священник отпевает и зарывают в землю. Рассказывают, бывало в трех приходах, в летаргическом сне привезли одну женщину после родов и поставили в церковь на ночь. Ночью женщина пробудилась, видит, что лежит она в гробу, содвинула верхнюю доску, которая со стуком раздалось по церкви гул. Сторожа услыхали означенный стук, отворили церковь, видят, подле гроба стоит на коленях женщина, молится Богу. Сторожа замкнули церковь, дали знать отцу Никифору, он не замедлил явился в церковь. Женщина упала священнику в ноги и просит его отпустить ее в свой дом. Священник, не говоря ни слова, приказал сторожу убить мнимоумершую церковными ключами. Сторож Симеон на другой день пошел домой, в дороге заболел ногами, у коего ноги скорчило. Симеон не мог стерпеть своей болезни, стал рассказывать про себя, как заставил его отец Никифор убить мнимоумершую, послал за священником, чтобы его напутствовать. Но не дождался священника, одночасно помер. Отец Никифор не больше после сторожа 5 дней тоже скончался. Я спрашивал попов: «Для чего вы не отпускаете мнимоумерших домой?» Они мне ответили: «Старые суеверы».
Вот почему и не отпускают покойника с погоста. Если отпустить, то весь причт помрет. В трех приходах таких лиц всех убили, так же, как и эту женщину. Я рассказывал своему священнику отцу Аристарху про старых попов.

233. Жители в здешней местности понимают так, что смерти ныне нет, а смертоносных ангелов посылает Бог. В предсказании смерти ничего не понимают. Если спросить кого-нибудь, от какой болезни помер, скажут на вопрос: «Бог его знает».
Примечает народ так. Если покойник не зажал глаз, то еще будет в том же дому покойник второй.
Ежели не выйдет 40 недель, тогда говорят, хотя не в том дому, но непременно в другом дому да будет.
Есть в простонародье примета, ежели больного приобщают и утонет на дно часть вынутой просфоры, больной не может выздороветь, а должен помереть. Это часто спрашивают попа: «Ште, батюшко, оздоровеет или умрет наш больной?» Опять примета: если собака у сутного угла избы катается и устилает себе из тряпок постель, то непременно должен быть в этом доме покойник.

234. После покойника от гроба остаются вещи, которые были на нем и под ним подостланы. Эти вещи, т.е. всю одежду, выбрасывают из избы вон и на речке вымоют, высушат, потом отдают нищим, после гроба отпилки и стружки вывозят на поле, сожигают. При встрече с покойником человек снимает с себя шапку, перекрестится и говорит: «Прости меня и благослови, брат или сестра». После похорон роскошный обед и панихида.

235. Проходят мимо кладбища, тоже снимают мужчины с себя шапку, перекрестится, говорит: «Помяни, господи, усопших, здесь лежащих, во царствии твоем». На кладбище по воскресным и праздничным дням ходят на могилу к отцу или матери. Если муж или жена умерла, в особенности, жены и дети, девицы кланяются могиле, потом падают вниз лицом на могилу и плачут-причитают: «Ой ты, родимой ладушка, ты оставил меня, горькую сиротушку, со своим малым детонькам, ты одну одинешеньку. Ой! Ой! Оеей! Ни поры тебе, ни времечка, да ведь тебе переставиться». Что вздумается, то и причитают. Из своих только родных, а особых

плакальщиц у нас нет. Прежде самоубийц хороняли на том самом месте, где его найдут, а ныне на общее кладбище, погребение такое же, как и прочим, разницы нет.

236. К человеку убитому не приходилось приводить подозревших [подозреваемых] лиц, поэтому ничего не знают.

Верование в загробную жизнь
237. Душа есть дух, пока мы живем, а умрем, Ангел ее берет из тела и к Богу приносит, как у мужчин, так и у женщин и у взрослых. Если она очистилась покаянием, остается на небеси. А если без покаяния, то Бог велит посадить в темное место до Страшного Суда Христова. Так говорят о душах человеческих. А о животных душах говорят: если скотина сдохла, т.е. пала, из них душу рассеивается в воздухе, как пыль по земле.
Из человека душа выходит в виде пара, потому мы и не можем видеть ее.
В загробную жизнь и в бессмертие души верят, потому что Христос воскрес и всех приведет к себе. На смех говорят, что у женщины нет души. В ста семидесяти двух положен козий дух. У немцев и татар, наши жители понимают, что есть такая же душа, как и у нас. Немцы придут на суд Христов, татары не придут, вечно будут мучиться в Аду. В нашей местности никто не может говорить, что животные прежде говорили, кроме сказок.

238. Отправляется душа из тела к Богу, и она живет в том месте, где определена Богом, до страшного суда. По выходе души из тела до сорокового дня может ходить и в свой дом. Не имеет никакой души, дух без плоти не пьет и не ест, проч. нам неизвестно, куда души отправляются.

239. Народу представляют Рай, в котором будут наслаждаться те, которые уготовали любящим Бога, как прежде жил в Раю Адам. Которые, хотя и христиане, не так жили, как первые, они друг друга ненавидели, за то они будут мучиться в Аду, где будет плачь и скрежет зубов. Рай и Ад предполагают на земле. Рай охраняет Архангел. Ад находится внутри земли. Приводит душу в рай Ангел: если душа прошла все воздушные мытарства и нигде никем не остановлена из 20 мытарств, тогда только может войти в Рай; если же остановлена будет духами злобы за какие грехи, тогда удерживают ее на том месте, где она будет мучиться вместе с духами злобы. Долго ли она там остается, нам уже неизвестно — про это один Бог знает. Чем можно помочь душе: можно помогать поминовением, молитвою и милостиною, раздать нищим об умерших. Никаких рассказов про могилу и бесед народ не говорит и не знают.

240. [Церковь и религиозное почитание] Крестьяне ходят в церковь каждый воскресный и праздничные дни, больше всего мужчины, а женщин — в половину, чем мужчин. В рабочую пору бывают, но значительно меньше против обыкновенных дней. В непогоду, в метели, в дождь или в распутицу весной и осенью, тогда бывает же в церкви народу, но в малом количестве, которые поблизости церкви.
Держат себя в церкви мужчины благоговейнее женщин. Бабы больше всего толкуют про домашние работы, даже приходится священникам посылать сторожа воспретить бабам громкий разговор. Крестьяне в нашей местности, чем других местностей, радеют о церкви больше, чем другие. В прежнее время была одна церковь, а ныне умножилось народу. Разъехались по починкам. Из одного прихода сделали 2 и 3 прихода на свой счет. Например, делают крестьяне общественный сход, пишут приговор, по 3 руб. с души каждый год вносят деньги в казну на церковь, через 5—6 лет скопится капитал, смотришь — является новая каменная церковь. Кроме этих сборов еще жертвуют каждогодно по одному пуду ржи, тоже для церкви. Зато церковь молится о строителях и благодетелях святого храма каждую службу в каждом году. Которые желают быть похоронены при церкви, кладут в казну церкви по 25 и 30 руб.

241. В нашей местности крестьяне домашней молитвой занимаются каждодневно утром и вечером. Почитают святых икон. Ставят оные на приличном месте, в переднем углу. Кто бы в дом ни пришел, всякий должен помолиться святым иконам. Потом и раскланяется хозяевам: «Здорово живите, спасибо за хлеб, за соль». Приветствуют, на ответ хозяин дома: «Спасибо на добром слове, просим садиться».
В крестьянском быту у редких, чтобы не было в доме хорошего тябла (божницы), и на ней стоят святые

иконы, образ Спасителя, Божьей матери, святителя Николая Чудотворца и святого великомученика Георгия Победоносца. Много в крестьянских избах найдешь и житий святых, Историю Ветхого и Нового Завета, где только дети есть грамотные. Также и картины — изображения Святых приколочены на стенах для украшения своей избы. Иконы больше всего почитают: Казанскую Божью матерь, Мощи Феодосия Потемского, Прокофия Праведного и Иоана Юродивого, Устюжинских чудотворцев и Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватея.

От нашей местности в Великом Устюге близ собора 2 каменные церкви — одна Прокофия, а другая Иоанна Юродивого — 220 вер. До Тотемского монастыря — 300 вер., до Соловецкого монастыря — 700 вер. Крестьяне ходят на богомолье в мае месяце. По обещанию родителей или самого себя, если человек заболел болезнью тяжкой и положит обещание сходить и отслужить молебен у гробов Святых угодников, по выздоровлении на другой год отправляется к обещанному угоднику молиться. Если же человек обещанный родителями и не успеет сам выполнить обещания, тогда постигнет смерть. Тогда посылают деньгами в монастырь на панихиду по усопшим, вследствие данного обета.

Отправляются по обещанию к соловецким, сбирают на путь на дорогу, на молебен и святым соловецким чудотворцам. Редкие — на свой счет, а больше все на сборные деньги уходят. Редко бывают у соловецких, помещаются все богомольцы в гостинице соловецкого дома, трое суток держат богомольцев у соловецких, поят и кормят бесплатно и не дорогу дают обратно хлеба.

Посты

Все посты крестьяне соблюдают, также среду и пятницу, скоромного не употребляют, других вер не осуждают.

242. Если крестьянину надо отслужить на дому молебен святым иконам, Спасителю, Божьей матери, Святому Николаю Чудотворцу, пророку Илие, великомученику Георгию Победоносцу, должен крестьянин привести священника с причтом, после молебна угостить хорошо и отдать за требу деньги — 3 руб. и отвезти назад на двух парах. Конечно, хозяин должен нанять лошадей, также назад унести иконы в церковь. Это все стоит крестьянину 10 и 15 руб. А если вздумает крестьянин отслужить на дому всенощную Святителю Николаю с Акафистом — 2 руб. Если девицу выдают замуж, за сведения о метрике — 2 руб. и конец полотна. Если денег у крестьянина нет, то и дело не совершается.

Народ обращается с церковнослужителями неуважительно. Почему? Потому что церковнослужители за всякую требу берут дорого, больше, чем в подушные подати, да притом же приедут, отдай им, каждому, по 1 ржи, по 1 овса, гороху, пшеницы, ячменя по пуду. Есть поговорка у крестьян: если поп попадет навстречу, то не ходи, а воротись назад — ничего доброго не будет в предприятии. Почему? Поп с живого и с мертвого дерет кожу.

[Почитание праздничных дней]

243. Наши крестьяне в воскресные и праздничные дни после обедни выходят на работу, и то в самое жаркое время, в сенокос, грести сено, с другой стороны, в храмовые праздники не работают ничего, но зато гуляют трое суток, друг у друга пируют, на четвертый день начинают работать. Наш народ соблюдает двунадесятые праздники все. Каждый домохозяин ходит в церковь служить празднику молебен и ставят пред праздником свечку. Бабы сами несут и становят перед образами свечушку. Наши крестьяне празднуют по своему обычаю с древних времен. В каждом селении найдешь часовню в честь Святителя Николая. В старину свирепствовала заразительная болезнь: оспа, корь, гнилая горячка в других селениях Великомученику Георгию вследствие падежа скота, по порядку деревенскому Илие Пророку на случай пожара. Казанской Божьей матери от как заступнице грешных. Преображению, от градобития. Этим святым сооружены часовни поблизости нашей местности, можно было собрать сведения. Есть часовня Фролу и Лавру от падежа лошадей.

Есть село, называемое Радшинское. Храм освящен Фролу и Лавру. Предание говорит, как освящена церковь: 300 лет по случаю найденной иконы Фрола и Лавра в источнике из горы. Поэтому и заложена церковь деревянная во имя Святых. От жилья эта церковь находилась в 17 вер., в темном лесу, лет тому назад 40 еще находился лес кругом оной. Народ ездит в эту церковь на конях верхом 18 августа, тоже по обещанию служить молебен святым мученикам, после выздоровления от болезни лошади. В этот день

съезжается многочисленность народу, служит водосвятный молебен после обедни. Священник выносит крест со святой водой, кропит народ и лошадей. Три раза кругом церкви объезжает народ. Священник все кропит. Как только все объехали, священник оградит крестом и скажет: «С Богом». Тогда все разъезжаются по домам. Кто из крестьян съездит и сослужит молебен о здравии, никогда никакая лошадь не захворает и не припадет. За сто верст со всех сторон в это село едут исстари века.

К урожаю празднуют праздник Преображению Господню. Начинают сеять озимые с 1 августа, происхождения честных древ, когда сводят на воду лошадей выкупают вывод, тогда начинают сеять, помолятся Богу всем семейством с благословенным хлебом или просфорой обязательно каждый домохозяин. На Ивана Купала веники ломают Прокофию Праведному празднуют от граду. Празднуют пятницы, и Прокофьевскую, Ильинскую и так далее. Но служат молебен, обходя круг поля с крестным ходом, тем святым, которым старики обещались, а не пятнице. Которые поименованы праздники выше, как празднуются здешним народом, больше не могу описать, никто не знает, о других что сказать, кроме святок и масленицы. День Рождества Христова после обедни собираются молодые парни и девки, у одного крестьянина откупают избу на все святки до крещения, плата — 3 коп. с парня, а с девок ничего не берут. Три вечера ходят в назначенное место без всякой работы. Парни играют в гармонии, а девицы пляшут, в частушку, ногами топают, а молодые парни кривуляют ногами русскую пляску. Потом заводят круг вроде цепи и поют песни: «Из ворот мы гуляли да во чисто поле, Выносили красны девушки души Ясного сокола на белых на руках, Соловушка рассвищется, Да красные девушки разыграются» и прочее.

Во все 10 дней ходят ряженые, надевают на себя самодельные маски, некоторые представляют вид черта с рогами, рядятся цыганами и цыганками, разные шутки выделывают, кто может лучше выдумать.

После этого девицы становятся к столбику, парень идет, челует девицу, потом сам становится к столбу, вторично девицу целует, а сам остается у столба и так далее, все очередно переходятся, играют в карты или сидят парни у девиц на коленях. Обнимают и целуют, этой любезности нет конца. Так во весь вечер.

И все вечера проходят в таком положении, отец и мать не воспрещают нисколько, сами глядят да любуются.

Рассказывают старики и старухи про ряженых. Нарядили одного парня покойником и принесли его на игрище, положили на стол, стали с ним прощаться, как с истинным покойником, парни и девки.

Когда все простились, стали выносить, смотрят, человек не жив, руки, ноги холодны. Что же делать? Взяли, сделали гроб, отнесли его в нежилую топленную избу, замкнули замком. Все бросились по домам. Никто про этого покойника не говорит домашним. Вдруг в полночь под каждым окошком говорит человек: «Зачем вы его внесли в другую избу, он должен быть сегодня похоронен». Старики и старухи слышат разговор о покойнике и спрашивают своих детей, кто это кричит, кого там следует сегодня похоронить, они сказали: «Мы нарядили Ваньку покойником. Когда все простились, он умер».

— Куда же вы его девали?

— В другую избу снесли.

Во второй раз пошли по под окошкам кричит: «Кто меня принес, тот и должен нести на кладбище». Соседи собрались к покойнику и заставили двух молодцов нести на кладбище, сами старики за ними вслед пошли, только что принесли на кладбище, земля растворилась и приняла всех троих поглотила из глаз стариков. Другой рассказ. На игрище было много народу, пело и плясало. У одного крестьянина было три дочери. Из них младшая была нездорова, расслабление ног, от рождения плохо ходила. Больной девушке было от роду 12 лет. Когда пошли две сестры на игрище, эта больная дочь мужичка убедительно стала просить сестер, чтобы и ее взяли с собой. Но две сестры не хотели брать больную на игрище. Но отец приказал взять с собой: пусть и она посмотрит, ведь она как родилась — не бывала, как играют. Приходят две сестры на игрище, больную сажают на печку. А сами садятся вместе с девицами. Вдруг отворяют избу молодые парни, идут, играют в гармонь, а девицы встали с мест, начинают с парнями плясать. А эта больная девушка лежит на печке и смотрит: у играющих парней глаза огненные, из роту пламя пышет. Больная закричала: «Сестры, выведите меня до ветру!» Они повели ее на улицу, сестра больная указала на молодых парней и девок, которых парни хотят всех сбросить в яму. Больная тихонько сказала своим сестрам: «Тащите меня скорее домой». Только что успели отбежать от игрища сажен двадцать, вдруг весь дом с народом провалился сквозь землю. Эти две сестры спаслись по зову своей больной сестры. Поэтому старики прежде не отпускали на игрище своих детей и считали за великий грех играть в святки.

Празднуется масленица, обыкновенно, так и по всей России: катанье на лошадях, в нашей местности складываются пирогами, лепешками, оладьями и шаньгами, мужики и бабы пируют вместе, начинают со вторника и до чистого понедельника. Масленица Бога Катала и Бога Момона каждому хозяину станет в десять рублей, пожалуй, и больше. В чистый понедельник ополаскивают во рту пивом и закуской рыбой.

Язык крестьян

246.

— Поди-ко, Иван, ко мне на беседки,ште жо ты исповеди не ходишь, хошь бы мы с тобой кое о чем побаели или побалесили.

— Ну, Петрович, о чем же мы с тобой станем балесить?

— Парь, ну-ко оломедни ты баял про девку Олексаху-то ванькину.Ште она прытко баска, да ведь и мой парень басок. Да разве чарь-батюшко возьмет в солдаты.

— Да, хоть и не возьмут твоего парня в солдаты, дак Ванька не отдас.

— Будь он проклят, как не отдать за Ваньку. У меня есть цем жить. Цево угодно, овец и мяса, вот десять куреч, только одна проваленная овча и курича ногу сломали. Кабы не овча и не курича, то на то тебе Христос, ей-Богу, я бы луче жил Ваньки Петрухина, да и ты привязался к эданькому-то дураку, разе и нет луце девцат-то.

Потчуют друг друга:

— Ну-ка, сватушко, искушай пивча-то, подвинься-ко за стол, цево-нибудь досягай.

— Ой ты, родимец, я давно сыт (или сыта).

Когда напьются пьяные, начинают друг друга ругать матерно. Где не умеют сказать слова правильно, а матерные слова выговаривают отчетливо. Ругаются всякими укоризнами: поди к цорту, к лешему, провалиться бы тебе, на вот тебе х… Царь — чарь, царица — чарича, церковь — черковь, что —ште, говорим — баем, поговорим — побалесим, оломедни — на тех днях, овца — овча, курица — курича, деревцо — деревче. Простонаречие вместо Ц выговаривает Ч, вместо Ч выговаривает Ш, вместо Ц выговаривает Ч.

Грамотность

247. Грамотных и полуграмотных взрослых и детей можно считать половину нашего населения, неграмотных тоже половина. В нашей местности попроси хотя какого-нибудь грамотного написать прошение или между собой сделать условие по договору, — во всей местности не найдется, окроме волостного писаря написать такие документы.

248. Крестьяне всегда приходят в село и просят написать письмо своему сыну-солдату псаломщика. Если придет письмо от солдата, то же самое, приносят читать письмо солдатское псаломщику или дьякону. В нашем приходе недавно открыта приходская школа, тому назад лет 7, хотя крестьяне охотно своих детей отдают в школу. Мало-мальски через три зимы понаучатся читать и писать, сдадут экзамен и выйдут со свидетельством к родителям. Родители не заботятся о своих детях, чтобы заставить прочитать какую-нибудь книжку, хотя по воскресным дням, а у других и книжек нет, купить отец не хочет. О бумаге, чернилах и пере говорить нечего. Крестьяне всегда своих детей после выдержания экзамена заставляют работать, которые хотя и порядочно читали и писали. Также 4 правила арифметики, но спроси через год-два, все совершенно забыли.

Чтение. Книги

249. Не то что интересуются чтением неграмотные. Если кто возьмет книгу, Историю Ветхого или Нового завета, будет читать вслух, сначала слушают, и то нехотя, а другой мужик, пожалуй, скажет: «Ты бы прочитал нам луче сказку, и то, какую посмешнее». Некоторые читают, и то по воскресным и праздничным дням, из Жития Святых, когда старички и старушки слушают, а из молодых никто не слушает. Даже я замечал в нескольких деревнях, молодой народ, хотя сами грамоты не знают, но никогда не спросят у старичка прочитать какую-нибудь книжку.

В училище в воскресные дни бывает чтение для учеников. Но никогда не видишь простонародья, чтобы они явились и послушали кое-что. В церкви после утреней священник читает народу собеседования, например,

как святые отцы работали так же, как и крестьяне в нынешнее время, притом же не забывали и молитву, друг другу помогали, также и нам советовали. Вышел крестьянин из церкви, — спроси любого человека, об чем священник читал? — Я и забыл. Вот как наш крестьянин Священное писание без внимания, не то что на дому, а и в церкви слушают рассеянно.

251. Книги встречаются у крестьян в нашей местности: Евангелие, Послание Святых Апостолов, История Ветхого и Нового завета, Жития Святых отцов, Часослов и Святцы, календари, сонники, гадательные Соломоновы сказки, про Иерусалим, Бову, Ивана Царевича. Библии ни у кого нет. И то, в редких в деревнях.

252. Никаких рукописей нет, Сон Богородицы у некоторых крестьян бывал. В настоящее время по преследованию духовенства уничтожены.

253. Крестьяне многие желают выписать книги, которые больше необходимы. У офень таких книг не имеется.

266. В нашей местности по естествознанию никаких книг нет, не то что читать. Желательно бы крестьянам иметь книжки объяснение явлений природы, рассказы о жизни животных, о земле, о небе.

267. Больше всего интересуют крестьян книжки по сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству. В том горе — не знают, как достать и откуда именно.

274. Крестьяне достают все книги у офеней, от 3 коп. до 15 и больше платят. При училищах и церквях никакой раздачи нет, хотя и есть библиотеки для своих школьников, приходящим не выдают. Печатных отчетов в нашей местности не имеется.

275. Книги и картины покупают крестьяне у офеней, книги — больше всего сказки, песенники, сонники — от 3 коп. до 15 коп., картины — от 1 коп. до 10 коп. на базаре у Вознесенья.

276. Крестьяне в нашей местности большую часть у дареней (?) мало покупают, хотя и приведется купить картин и книг на 20 или 40 коп. в год. Никаких складов с книгами не бывает, одни бывают разносчики, и то продают с возов. Даровых книг раздачи не бывает. Никаких газет и журналов крестьяне не выписывают, кроме священника.

278. Даровых книг раздачи не бывает.

279. Никаких газет и журналов крестьяне не выписывают, кроме священника.

Умение считать и мерить

283. Если у крестьян не имеется часов, он определяет время, вставание от сна, таким родом: когда первый петух споет, он уже знает, что наступила полночь, так далее 2, 3, 4, 5 и 6 раз пропоет петух, тогда начинают курочки кудахтать или горевать, тогда стряпки встают, добывают огонь и затопляют печку, чтобы ко свету приготовить обед семейству. После завтрака отправляются на работу по распоряжению хозяина, кто куда. Когда наступает время обеда, по ихнему павжна, солнце подойдет за половину дня, как уже они применились, все равно что по часам. В 2 часа у них павжна, или обед. После обеда отдыхают, приблизительно время с час, после отдыха работают до закату солнца, тогда приходят домой, ужинают и ложатся спать. Если это летом, а зимой сидят до первых петухов, женщины прядут, а мужички плетут лапти или вьют веревки про домашнее заведение, никто без работы не сидит. Часов из сотни встретишь у одного.
В нашей местности крестьяне занимаются землепашеством, летом обработают, снимут хлеб с поля, измолотят, лишний продадут, чем и отбывают подушные подати. На дальние заработки почти никогда не ходят.

Знания крестьян

284. Почти мало вовсе понимают про огородничество, скотоводство и пчеловодство и т. п. Некоторые крестьяне, хотя и занимаются пчеловодством, есть бы желание. Но по старинной методе у них мало выходит роев пчел, в другой год из 10 роев посадит крестьянин 5 роев, а зиму перезимует, тогда из 15 ульев остается 10 ульев. Приполону бывает мало. Если бы по новой методе, тогда было бы много лучше. Да то беда, крестьянам негде взять хорошей книги самоучителя, чтобы из старых привести в новую систему.
Мастерство каждый знает по домашнему обиходу.
Что касается о явлениях природы, о жизни растений и животных ничего не понимают.

285. Наши крестьяне понимают так: если черви дождевые появились наверху земли, лягушки во время ночи скачут по дорогам, вороны каркают протяжно, свиньи визжат — непременно будет ненастье. Это, говорят, непременно завтра же будет дождь. Или у какого старика заболит спина или грыжа высыплется, то лучше, считают, всякого календаря. Почему редко календарей у наших крестьян, они не придерживаются календарей, а больше всего придерживаются своим приметам.

286, 287, 288, 289, 290, 291. Против этих номеров наши крестьяне ничего не могут ответить, потому что машин у нас, окроме веялок, никаких нет, поэтому и не могут ничего объяснить, что такое рычаг, что такое лебедка. На железной дороге, кроме солдат, из крестьян никто не бывал. Около воды живущие крестьяне понимают, что судно несет водой вниз по реке, рулем правят, все равно, как лодку веслом.

Рассказ про охотника

Однажды ходил охотник в лес. Во время охоты поднялась туча с громом и молнией, его застала близ реки, он сел под куст, чтобы укрыться от дождя. Видит, из реки выскочил на камень в виде человека нагой и пляшет на камне, т. е. когда молния сосветит, потом ударит гром, он ускакивает под этот камень, когда все пройдет, этот человек вторично является на камне. Охотник смотрит, что, дескать, он Бога дразнит. Когда выскочил из воды человек и начал плясать, охотник вдруг выстрелил по нем. В то время человека не стало. Охотник приходит домой, захворал, приобщился святых тайн, в трои сутки помер.

Рассказ про вора. Кто его обучил воровать.

Сначала воровал неудачно, все попадался. В одну ночь видит во сне: приходит человек и зовет его на ярмаргу с собой, воровать. Вор послал его к черту, мужик говорит ему во сне: «Ты меня ладно посылаешь к черту, вставай да пойдем». Вор пробудился, никого при себе не видит. Пошел на ярмангу, украл в магазине кусок сукна, сам себе одумал: «Куда же я это деваю, передать некому, меня мужик напрасно обманул, вот и попался». Вдруг стоит подле него тот самый мужик, которого видел во сне в прошедшую ночь, готов к услугам вора, берет и относит в назначенное вором место. Потом вор в радости сказал своему слуге: «Может, еще чего-нибудь поворовать, чего ты желаешь, я тебе помогу». Вор, что бы ни украл, все своему слуге подает, а тот таскает к назначенному месту. Через год вор разбогател, стал отставать от этого промысла. В одно время взял книжку нравоучительную, дочитался до того, кто неправильно наживает имущество, тому не бывать в царстве небесном и не видать лица Божия. Наш вор призадумался: «Стало быть, я этим промыслом заслужил у сатаны хорошее место». Когда лег спать, и видит во сне, приходит к нему человек седой в светлых одеяниях и говорит вору:
— Смотри, завтрешний день — большой праздник, Рождество Христово. По случаю этого праздника не ходи воровать.
Вор говорит старцу: «Ить нельзя не ходить на базар, меня мужик везде найдет и увидит».
— Ты вот что сделай, я тебя научу: возьми с собой веревку и надень на шею. Ляг во дворе на навоз, закройся козлиной шубой и лежи, даже не шевелись, если тебя будет искать мужик, который тебе помогал в воровстве. Хотя он найдет, что бы с тобой ни стал делать, какие страсти тебе ни будет представлять, — ты лежи, не шевелись, можешь на него посмотреть, тогда уверишься, с кем ты воровал.
Вор проснулся, по приказанию старца все это сделал и лежит, не шелохнется. Слуга вора везде обежал по огороду и в дому, не мог вора найти. Бежит во двор, видит лежит вор на навозе и веревка на шее.
Мужик говорит вору:

— За что же ты сегодняшний день удавился? Мы бы с тобой сегодня могли тысячу человек обокрасть, сколько бы твоей жене и детям досталось имущества!
Побегал круг него, своим хвостом вору по морде дал, да и сказал:
— Ну, хотя и удавился, будешь наш, только жалко того, что тысяча человек сегодня не поклянут тебя и не пошлют к черту.
Вор пристально смотрел на мужика, видит, что не мужик: весь в шерсти, с рогами, с длинным хвостом. Черт убежал от него. Вор встает, приходит к своей жене, и все виденное рассказал: с кем он воровал и кто ему помогал в воровстве. Жена ему сказала: — Нам этого имущества не надо. А лучше ты, муж, раздай бедным сиротам и нищим.
С этих пор вор перестал воровать, детям велел передавать, чтобы никто этим промыслом не занимался, всякое худое дело не от Бога, а все от черта.

Рассказ, как у мужика во дворе был клад

Мужик поставил скотский двор, выделал его и впустил скотину. В первый раз у него пало скота наполовину одной ночи, в другую ночь — то же самое. Мужик видит, у него во дворе неблагополучно, принужден идти к колдуну. Рассказал про падеж скота и просил колдуна, нельзя ли ему помочь в этой беде. Колдун согласился помочь мужику: — Ты, брат, подожди меня здесь, а я пойду в лес, поговорю с большаком — что он мне скажет на это.
Как колдун отправился в лес, мужик не стерпел, тоже пошел за колдуном вслед. Колдун остановился у густого леса, так, что невозможно пролезть сквозь лес. Сосвистал, вдруг выходит из чащи леса широкоплечий мужчин
— Чего тебе нужно?
— А вот чего. У мужика поставлен новый двор для скота, в котором скот каждую ночь валится. Кто ее убивает?
— Это мы ее убиваем. Мы приставлены к положенным деньгам, к гаду [кладу], а он положен на то место, где скот ходит в двери двора, под самым порогом. Нам нельзя же, скотину чтобы не убить. Потому хозяйка всегда произносит слова: «Подите со Христом». Нам нельзя стоять у положенных денег при этом имени. Когда убьем, баба и мужик будут плотника проклинать. Мы тогда будем спокойно стоять.
Колдун спрашивает:
— Да как же, стало быть, нужно двор переставить на другое место или клад вынеть? Да каким же способом можно клад вынеть?
— В то время можно вынуть клад, когда мы отправляемся на Иванов день за травой, которая невидима человеку, ту самую траву мы берем и нас не видят. В то самое время мы у кладов не находимся, можно всякому человеку взять клад беспрепятственно.
Мужик выслушал от большака, пустился домой, ничего об этом никому не говорил, дождался до Иванова дня, в полночь стал копать под дверью. Выкопал аршина полтора земли, нашел медный котел золота и серебра, нагреб в мешок эти деньги, унес со своей женой, высыпал в сундук. На другой день приходит мужик во двор, находит, все благополучно во дворе. Выравнивает яму. Потом, как бы нужно узнать, жив ли колдун, чтобы его поблагодарить. Прихожу к колдуну. Он лежит весь в крови, я спрашиваю:
— Кто же это тебя разбил так немилосердно?
Отвечает мой колдун:
— Большак-от так меня упочивал.
— За что же?
— Да за то, что я бытдо бы тебе рассказал про клад, когда его нужно взять. Кажись, брат, я тебя с тех пор не видал, как велел тебе подождать меня. Я прихожу, тебя уже тут не было.
Колдун спросил меня:
— Разве ты что слышал, что мы с большаком говорили?
Вдруг колдун застонал и с душой расстался.
Опишу вам про здешних жителей, как их обучали странники, чему именно. Каким способом можно угадать, сколько человек или животное может прожить лет, на котором году может помереть. Или могут угадать, сколько при себе или в дому у человека находится имущества и где, на каком месте лежат деньги. Есть на это приговор, шесть слов. Например, ворожить столом и стулом. Сначала перекрестят снизу стола или стула,

про себя произносят слова: «Стол Христов, от смеху уймись, благословесь, подымись». Эти слова при крестном знамении произносят три раза и загадывают: «Стол, состукай столько раз». И верно, состукает, сколько следует, потом остановится. Угадывает верно.

Рассказ Петра, возчика лесопромышленника Шанско-Городищенской вол. Костромской губ. Ветлужского у. как его отца учил колдун лесовать, т. е. за охотой ходить.

Когда Великим Постом пойдешь ко причастию, в то время утаи часть просфоры, которую тебе даст священник из чаши ложечкой, вино проглоти, а часть удержи во рту. После обедни выйдешь из церкви, изо рту выплюнь в белую ветошку или платок, убери ее до Великого четверга. В Великий четверток пойди с ружьем в лес, повесь ее, т. е. часть просфоры, на дерево, заряди свое ружье пулей или дробью, прицелься и стреляй в оную. Что бы тебе не покажется, а все-таки должен стрелять. Что же вы думаете, я прицелился и вижу в мишень: стоит крест и распят Иисус Христос. Я испугался, у меня руки и ноги затряслись, а колдун заставляет: «Стреляй!» От колдуна слова я выронил ружье на землю, потом взял ружье и скоро подбежал к повешенному мною узелку, в котором была завязана часть тела Христова, снял с дерева и пошел с сыном домой. Колдун остался, я отцу говорю: «Что же ты не стрелял по тетереву, он сидел на самой той тряпке, которую ты повесил». Отец мне все рассказал, что видел, и мне наказал, чтобы я и дети твои этого не делали: «Знаешь ли, сын мой, этот колдун заставлял меня стрелять в символ Господа нашего Иисуса Христа, но он не допустил меня, грешного, до погибели, мог еще ожидать от меня покаяния». Если бы я выстрелил, подобен бы был этому колдуну. Вместе бы с ним пошел к сатане, где он живет. Вот почему колдуны и колдуньи знают и угадывают будущее, отрекаются от Господа нашего Иисуса Христа. Даже не щадят его, стреляют, в угождение сатана, чтобы сатана мог посылать человеку на помощь своих слуг дьяволов. Этот рассказ, пожалуй, можно назвать по справедливости. Про этих колдунов рассказывают многие лица, когда при смерти колдун передает свои молитвы, если кто пожелает научиться. Те лица от этого страха уходят от колдуна, это же рассказывают, иначе нельзя научиться, чтобы не выстрелить в означенную часть святых тайн.

Если кто желает развести много у себя пчел во пчельнике, то же самое, нужно взять и утаить часть Св. тайн, положить в белый платок, в Великий четверток нужно при восходе солнца повесить узелок с частью Св. тайн кверху в гнездо улья. В тот самый раз прилетят пчелы и сядут. Пчеловод закрывает улей и уходит домой. В остальные ульи во время выхода роев сами пчелы садятся в ульи. В котором улье повешена часть Св. тайн, в том улье никогда не бывает меду, только одни пчелы шумят, а в прочих во всех бывают рои и много вынимают меду. Это крестьяне не считают за грех. Говорят: «Мы ведь не стреляем в Христа, а ставим в улей, воск и мед идет же в церковь».

Нечаянно узнал от самовидцев, какою силою или орудием действуют колдуны и колдуньи. Сначала отрекаются от Христа и предаются сатане. На днях мне рассказали про колдунов. Крестьяне у нас в селе возили лес на сплав казенный по аренде. Как колдуны учить стариков, взрослых. Эти колдуны находятся в Шанско-Городищенской вол. Костромской губ. Ветлужского у. Эти два рассказа Петра со товарищами уверяли меня, что истинно так учат всех, как Петрова отца учил колдун за лесной охотой. Перед смертью передают молодому поколению, чтобы могли передавать из рода в род. Благодаря Богу, в нашей местности таких колдунов не слышно.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 571. Л. 1—12 об.

Корреспондент Кузнецов И. Н.

Ветлужский уезд, Хорошевская волость, д. Шангский Городок

15 мая 1898 г.

[И. Сближение полов. Брак. Отклонение от законного брака]

Свадьба

Приезжает женихов отец со свахой, какой-нибудь родственницей невестина отца. Входят в дом невестин, садятся на лавку, вдоль потылочной матицы и начинают говорить невестину отцу и матери:

— У вас есть невеста, у нас есть жених. Как бы эдак не стали их сводить вместе, если будет у вас отдача нонешний год, да что ж, время уже и вам, сватушко, сватьюшка, отдать свою дочку нынешний год замуж. Да, сват, у меня парень хороший, кажется, ты сам знаешь. Жить есть чем, слава Богу, скотины: коровья скота — десять штук, две лошади, три овцы пускаешь в зиму. Хлеба достанет на год, — не покупай. Если отдача будет, так и бай.

Невестин отец и мать:

— Пожалуй, мы можем и отдать. Только надобно отложить до будущего воскресенья. Приезжайте в воскресенье с женихом, тогда мы посмотрим жениха, а он посмотрит нашу невесту. Друг другу покажутся, тогда и ум отступится.

Через неделю приезжает жених со своим отцом к невесте в дом. Входят в избу, садятся на прежнее место, против матицы.

— Ну, что же, сватушко, за мной дело не стало. А вы должны, сват, показать нам свою невесту.

— Ну, что же, и за нами дело не станет, наша невеста обрядится, придет и покажется. Собирают на стол, покрывают стол белой скатертью, несут самовар на стол, сажают женихова отца и жениха за стол и угощают их чаем. Потом приходит невеста, совсем «снарядная» в самое лучшее платье, выходит на середину избы и кланяется в пояс жениху и женихову отцу. После чаю женихов отец спрашивает:

— Что же, сватушко, показался, показался ли наш жених вам?

Если показался, то скажут:

— Хорош молодец. А вам, сватушко, как показалась наша невеста?

Если же скажут: «Показалась», то:

— За чем дело стало? Нужно уговориться, любезный сватушко, кому какие дары будете дарить.

Женихов отец просит:

— Отцу и матери — по рубахе, сверх того — кошелек для табаку, если жених курит, потом золовке — платье шелковое в два рубля, второй тоже (и так далее), а деверьям — по платку от 50 коп., выданным замуж дочкам — по полотну, аршин по 6, зятьям — тоже по платку от 30 коп., также дядьям по платку, а теткам — по полотенцу, — так чтобы подарков невеста припасла на 20 рублей. У невесты чтобы была шуба, покрытая сукном, праздничная, и шуба «завсе» носить, дубленая новая, одеяло на вате, войлок катаной с подушками, летняя одежда, суконный зипун, платье шелковое, три ситцевых, обувь зимняя, летняя. Ну что, сватушко, это будет все готово? Тогда и будем пить водку. Сначала помолимся Богу.

Ставят жениха и невесту посреди избы с посторонними лицами, отец женихов и невестин начинают молиться:

— Дай Бог, чтобы начатое нами дело исполнилось благополучно.

Садятся за стол, на который ставят четверть водки, пьют магарыч с женихова отца; потом уговариваются, когда пойдут к попу, в какой именно день невестин отец должен принести к женихову отцу метрическое «сведение» о совершеннолетии невесты. Получает женихов отец «сведение» и относит к своему попу. Потом «усрачивают свадебный день». Вторично жених с отцом едут к невестину отцу в дом. В этот раз жених дарит свою невесту пряниками и орешками, сват свату объявляет назначенный день для бракосочетания. Священник приказывает женихову отцу, чтоб от невесты привезен был конец полотна 16 арш. За свадьбу деньги должен отдать женихов отец, 5 или 8 руб., а иначе не будет венчать и свадьбу. Женихов отец уезжает домой, а жених остается гостить у невесты на ночь, в особой избе одни с невестой запираются и спят по три ночи, а некоторые женихи спят с невестой по семи ночей. Женихов отец по приезде домой начинает пиво варить, пудов на 15, хмелю 37 ½ фунтов. Это стоит все хозяину с хлебом и с хмелем 19 руб., кроме своей работы. У другого бывает и то, что мужик наварит киселя, т. е. солод бывает «непророщей» или оквашенный, поэтому сусло не побежит из чана, это и называют крестьяне киселем. Стало быть, все старанье пропало. Вина — ведер 5 и больше.

В назначенный день свадьбы собирает женихов отец поезд по невесту, сажает жениха и посаженную мать, потом, по правую руку, тысяцкого, большого боярина, малого боярина, пивника, хлебника, дружку и двух подружьев. На три стола накрывают белые скатерти, на них кладут хлеб, по одному коровам, а на концы — пшеничные пироги, яичные и гороховые. Кроме сего, кладут в «кажиную сумку» хлеб да соль, после кладут в хлебницу, т. е. в сундук, пирог с рыбой, пироги пряженники, оладьи и полуштоф водки.

Когда весь поезд готов, тогда дружка начинает «молитвовать»: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, тысяцкий пить есть хочет, дружка перемены просит». Затем следуют «поставки»: студень с квасом, молосные щи, мудник, или черевник, лапша с говядиной, молоко, пшенная каша, картошка, яичница. Перед каждой поставкой всему поезду дружка наливает по стакану водки. Хороший дружка свой поезд так напоит, что даже до упаду. По окончании обеда поезжане выходят, а жениху отец и мать благословение дают, осеняют иконой крест-накрест. Дружка «молитвует»: «Благословите же вы свое дитя милое ко злату венцу ехати, злат венец принять и на буйну голову поднять, со своей младой суженой». После благословения женщина или мужчина наговаривают на соль, на богородскую траву и киноварь, завязывают в узелок и на крест навязывают. С этим талисманом жених едет по невесту. Когда усядутся все поезжане, тогда дружка обходит с иконой весь поезд и читает три раза воскресную молитву «Да воскреснет Бог», чтобы колдун не испортил. Приезжают к невесте, дружка идет в дом невесты с иконой и говорит: «Сватушко свахой, примите наш поезд». Дружка идет с иконой к своему поезду, берет тысяцкого, жениха, сваха позади, идут трое вместе вводить жениха за стол, икону становит на тябло (божницу) и зажигают против нее свечку. Потом молятся Богу, садится за стол весь поезд и молитвует: «Господи Иисусе Христе, новый сват, новая сватья, позвольте нашему князю со своим поездом сесть». Потом вынимает дружка бутылку водки и пива «лаговку» с ведро, потчует свой поезд, нового свата и сватью; после подачи водки дарят весь поезд: дружку и тысяцкого — повязкой, т.е. полотенцем, жениха — платком от полтинника, а остальным по маленькому платочку. После даров новый сват несет на три стола по четверти водки и угощает всех гостей. То же самое на столах, как и у жениха. Когда поят поезд вином, в то время дружка уходит со свахой в путь к невесте, дружка с вином, а сваха с пивом. Подают пиво и вино «коробейнице», которая хранит имущество невесты, приготовленное для подарков жениховой родне; она и потчует своих подруг пивом и вином. Потом наряжают невесту выводят к жениху за стол, сажают рядом. Жених норовит сесть невесте на платье и ступить на ногу, чтобы быть над женой большаком. Есть другие невесты, которые ни под каким видом не дадут ступить жениху на свою ногу; той невесте на первой ночи достанется всю ночь простоять у кровати перед мужем в одной сорочке.

Есть поверье: жених кладет в головы к себе плеть ременную, чтобы она могла впоследствии повиноваться мужу. Начинается обед, все «поставки» переносят, как и у жениха. Жениху и невесте кладут ложки «черпем» от них, чтобы не вздумали поесть, в этот день оным не дают есть. Отобедают, дружка кладет крест-накрест два пирога на блюдо, потом кладет к себе в сумку. Выводят невесту и благословляют иконой отец и мать под венец ехать. Потом жених берет невесту за руку и говорит: «Благодарим, батюшка и матушка, споили, скормили, на ноги поставили и мне доставили». Тысяцкий берет жениха, а жених невесту, дружка идет вперед с иконой, усаживает жениха в сани, а невесту сваха садит в особые сани. Потом дружка входит в избу к невестиному отцу, зовет их в гости: «Сватушко и свахонька, к нашему жениху просим покорно». Дружку потчуют вином, дружка выходит к поезду и отправляются под венец. Приезжают к церкви. Дружка входит к попу в дом и докладывает, что де батюшка, приехала наша свадьба, нельзя ли ее повенчать; поп приказывает вести в церковь жениха и невесту и сам идет с псаломщиком, становит.

Сам священник облачается в ризу, отворяет Царские Врата, берет крест и Евангелие, кладет на аналой, начинает венчать по уставу Св. отцов. По окончании таинства отпоют благодарный молебен. После венца уводят в сторожку новобрачных и потчуют их хлебом и водочкой, также и пивом. Приезжают домой, отец и мать встречают во дворе, ведут в избу с иконой, сажают за стол своих новобрачных и весь поезд то же самое, производят обед; после обеда дружка ведет молодых на подклеть с иконой.

Дружка оставляет молодых и идет пировать вместе с гостями. После отдыха молодых дружка приводит молодых в избу, сажает за стол, угощает пивом и водкой; после молодой и молодая «чашничают», — молодой наливает пива, а молодая подносит отцу и матери и всем гостям. Когда выпьют, тогда молодая того человека целует и кланяются оба молодые. Отужинают и ложатся спать. На другой день встают молодые, просят всех гостей побелиться, порумяниться; молодая берет мыло, подает приходящему на руки и поливает водой, а молодой подает полотенце (утиральник).

После мытья садятся молодые за стол и гости. Сваха невестина стоит против молодых с дарами и дарит по выклику дружки женихова отца: «Василий Иванович, подойди, подскочи на курьих ножках, покудова соболиные подрастают, бьет тебя князь молодой со княгиней со своей, подносят хлебца ярового, маслица коровья, покушай на здоровье, испей немножко и выпей все».

Всех гостей подарят. Поезжане все отправляются по домам. Гости званые по две ночи спят. На третий день едут молодые на отозвины: берут с собой отца, мать, братьев, сестер — человек восемь, приезжают молодые со своими гостями к тестю, гостят ночи по три, обратно едут домой, принимаются за свои работы.
[Часть текста утрачена]

Да Николаюшко в огороде бывал
Сын Фролович в Питере гулял,
Да что не ты ли три победы сплутовал,
Да у приказчика жену сторговал,
Да он жену-то сторговал, сторговал,
Себе сестрицу выбирал, выбирал.

Парень выбирает двух девок, которые ему понравятся, говорит: «*Это сестра, а это жена*».

Сестра с парнем ходит по полу и поют песню:

Да ли то сестрица Маринушка,
Да ево жонки Лукерьюшка,
Я сестрице платок куплю,
Да своей жонке сарафан заведу;
Да пятьдесят рублей бестестья заплачу,
Да пятьдесят рублей не денежки,
Да изловили парня девушки.

Парень девку целует, отходит, девка садится на место. Приходит к нему выбранная им жена, песню поют:

Да вы молодчики молоденькие,
Да полошубочки коротенькие,
Да стой молодчик…

[Далее текст утрачен]

На свадебный день, т. е. в вечеринку, пойдут в баню девки с невестой и причитают:

Дай-ко, дай-ко, кормилец батюшко,
Ой да мне поруку-то крепкую,
Свою правую рученьку,
Да ко мне идти в баню-парушу,
В новую да постоялую,
В белую да умывальную;
Да мне не смыть, да мне не спарити,
Свою дивью свою красоту,
Свою честную да хорошую,
Свою честную благословленную.
Не отпустить бы дивью красоту
Мне со паром да по поднебесью,
Что ко красному солнышку,
Мне ко светлому ясну месяцу,
Да ко частым да частым звездочкам.

Обращаются ко всем дядьям, теткам, братьям и сестрам, соседям и соседкам:

Уж вы дайте-ко, братья, сестрицы,
Уж вы свои правые-то рученьки,
Дак идти мне в баню-парушу…

И т. д.

Из бани выйдут девки и кричат песни:

Что последняя-то баня постная,
Да туда все будут молстные,
Ты раскатися, баня-паруша,
Ты на все-то на три стороны
По одному да по бревешечку.

Невеста свой веник разделяет на три части и бросает на все на три стороны. Тут подходит невеста ко крыльцу.

Да уж ты свет ли ты кормилец мой батюшко,
Погляди-ка ты в окошечко,
Да на широкую на улицу
Из красивого окошечка,
Да под свое-то под окошечко.
Да под своим-то под окошечком
Не береза ли качается,
Да не береза ли то белая, —
Твоя милыя доченька.

Идет в избу, причитает невеста с девками. Отворяют двери избы и хлопают дверями, что есть мочи, три раза.

Ты распахнися-ко высок терем,
Уж то мой-то шатер дивечей.

Причитают и невеста садится в куть с девками.

Не крепка ваша, кормильчики,
Ваша порука (паруха?), ваша крепкая.
Я смыла грязь, я спарила
Свою дивью, свою красоту,
Опустила свою красоту
Я со паром да по поднебесью.

Собирают на стол, девок кормят обедом: пирогами, штями и кашей; дожидают свата.
Когда придет сват, невеста уходит на полати. Только что вступит за порог сват, в тот момент что есть силы невеста крикнет громко, руками и ногами начнет хлестать по полатям. — Ой! Ой! Ой!, — как корова об теленке, во все горло кричит. Сват приходит в избу, молится, иконами клянется свату, сватье и всем гостям. Его сажают за стол, становят самовар на стол, который накрыт белой скатертью, разные закуски поставлены на стол, десерт, говядина жареная; перед чаем угощают свата водкой, новый сват — своим пивом. Потом идет сват к девкам в куть за занавесу, подносит невесте на блюде три рубля денег. Невеста принимает от будущего свекра блюдо с деньгами и целует край блюда, отдает своему родителю блюдо с деньгами, родитель уносит.
А девки причитают свату, будущему невестину свекру:

Уж я буду, молодешенька,
Да как во вашем во тереме
У тебя, при твоем очьи,
Да ты прими-ко, отецкой сын,
Вместо дочери милыя.
Да уж я буду тебя слушати,
Да твоего приказьица,
Да твоего повеления
Вместо родимого батюшки,

Да вместо родимыя матушки.
Будем ходить на работушку
Да мы с Лидушкой милою.

Будущий невестин свекор приходит, посередине избы становится, молится Богу, кланяется новому свату и сватье и всем гостям; подают ему прихожую пива и садят за стол, потом зажигают перед образами свечку и садятся все на место. С места все встают и молятся Богу. Начинает невеста причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
На сегодняшний меня денек,
Да на теперешной меня часок,
Мне повыть да все поплакати,
Ой, да зла, да горюшка поплакати.
Ой! Да ты уж свет ты да мой,
Ой! да ты родимой батюшко,
Свет Алексеюшко Ефимович,
Ты не ставай, кормилец батюшко,
Да ты из места из почетного,
С белоскрипчатой скамеечки,
Ты на свои на резвы ноги.
Ой! Да на сапожки на зелены, сафьяновы,
Ой! Ты не тяни, кормилец батюшко,
Ты с правыя руки рукавчика,
Ой! Ты нанкова да полотеннова,
Ой! Через столы да дубовые,
Да через скатерки браные,
Ой! Да через хлеб ты белой,
Ой! Да через ества сахарные,
Ой! Да через блюдечка коложчаты,
Ой! Да через ложечки кленовые.

Причеты, как отцу, так и матери одни и те же. Братьям причитает невеста:

Уж ты сват ли, да ты ли мой,
Да мой родимый братец батюшко,
Свет Арсений Алексеевич,
Ой, об чем стану бить челом,
Об чем я челобитовать
Не с поклонами со низкими,
Я со слезами со горючими.
Ты съезди, съезди, братец батюшко,
Ой! Ты за мною во святом местечке,
Ой! Да отопчи-ко, братец батюшко,
Да отопчи-ко мне подворьицо,
Ой! Да приукрой-ко мне-ка кровельку,
Ой! Дак чтобы эта кровелька,
Ой! Да она век бы не прокапала,
Ой! Да частым дождиком не мочила,
Ой! Да буйным ветерцом не дувало,
Ой! Да чтобы было молодешеньке
Резвы ноженьки не оттаяти,
Белы рученьки отогрети.

Ой! Дак ты умеешь, братец батюшко
На чужой, на дальней стороне,
Да как людьми да обходитися,
Со людьми ты да со добрыми,
Да со людьми ты да с хорошими.
Ой! Дак сумеешь братец батюшко
За себя слово молвити
И за себя отвечать поддержати.

Три раза невеста о свои колени колотит кулаками что есть силушки.

Ты ходи, езди, братец батюшко,
На чужу, на дальну сторону,
Ходи, езди на честешенку,
Да ты гости подолгошеньку.
Уж ты делай, братец батюшко,
Ты без дороженьки дороженьку,
Да без задальица задальицо,
Без перепутья перепутьицо.
Ты учи-ко, братец батюшко,
Ты меня молодешеньку,
Ты ко уму меня, ко разуму,
Ко слову ко гладкому,
Ты ко вещи ко смирению.

Другого брата:

Уж ты съезди, съезди, братец батюшко,
Ты со мной в провожатые ты умные...

Те же все, как и первому брату были причеты.

Уж ты сват ли, да ты моя,
Ты моя сношка прелюбезная,
Дарья Федосеевна,
Съезди, съезди, сношка матушка,
За мною свахой кнежею.

Так же, как и братья, причет тот же.

Да уж ты свет ли, да ты ли мой,
Ты кормилец мой батюшко,
Не примай, кормилец батюшко,
От чужих да от добрых-то,
От добрых людей
Ты этые да чаши полные,
Ты этова да пива пьянова,
Из кабака да зелена вина.
Пиво больно пьяное
И вино да зелено,
Вино разъемчиво,
Эти люди-то обманчивы,
Они обманут тебя, выведут
Из ума тебя из разума,

Из великие же памяти.
Немножечко же изопьешь,
Многошенько все пропьешь,
Ты пропьешь меня молоду
На чужу дальну сторону,
За чужого за чуженина,
За чужого сына отецкого,
Под грозу под молодецкую.

Так же матери, сестре и братьям и всем гостям причитают. Этого содержания, как и отца причитали. Причитают будущего свекра:

Уж ли сват ли да ты ли мой,
Ты с чужи да дальны стороны,
С чужие да незнакомые.
Я не знаю, как тебя назвать,
По изотчеству величать.
Соколом даште тебя назвать,
Соколы да разлетаются,
Молодцом да мне тебя назвать,
Молодцы да разъезжаются.
Назову тебя по имени,
Звеличаю по изотчеству.
Свет Алексеюшко Иванович,
Ты нарекаешься отецкой сын,
По чужому по чуженину,
Ко своему-то сыну милому.

Идет сват с деньгами к невесте, деньги лежат на блюде, три рубля. Невеста ему причитает:

Не гостинцы ли ко мне пришли
Да что пришел да ко мне молоде,
Ко мне дело и работушка.

Невеста принимает с деньгами блюдо, целует блюдо, поднимает блюдо на голову и отдает своему родителю, и он это блюдо уносит себе. Невеста причитает:

Раное мне станьицо,
Поздное да улежаньицо,
Ты пойми меня, отецкой сын,
Вместо дочери же милыя,
Вместо дитя, вместо рожонова,
Да вместо Анны Лексеевны,
Да посылайте не на веткими,
Наряжайте не початками,
Вы посылайте-ко не старого,
Наряжайте-ко немилого,
Вы человека-то середнего,
Вы меня молодешеньку.
Я к этому не училася,
В эти люди не сбилася,
В эти люди во хитренные,
В эти люди во мудренные.

Причитает чужим:

Уж ты свет ли, ты да мой ты
Мой братец, мой батюшко,
Свет Игнатий Осипович,
Поди, сядь-ко подле меня,
Возле меня, молодешеньки,
Возьми мою руку правую.
Я еще бы с тобой, милый братец,
В одном местечке посидела,
Заодно думу подумала,
Одно слово поговорила,
Одно слово, одно тайное,
Тайное да за единое,
Хоть в неволе и не в радости,
О душах красных девицах,
Во дивьем да украшеньице.

Денег гость подает за эту припевку; тогда запоют девки:

Да спасибо тебе, братец батюшко,
Тебе на дороге сдарьице,
Да любом гостинчике,
Да на злате, да на серебре,
Да на царском-то имени.
Мне твои-то гостинчики
Больно любы и дороги.
Любее того, дороже
Да твоя буйная головушка
Со твоим умом разумом,
На твоих на могучих плечах.

Всех причитывают, кто бы ни был в избе, всяк должен невесте подать, сколько кто пожертвует.
Девки причитают свату:

На дворе-то вечереется,
Да сват домой не собирается,
Рукавицы, шапка вонде-ко.
Ты чуешь али не чуешь,
За стеною ли ты сидишь,
За стеной али за каменной.
Причитают свату три раза:
Уж ты сват ли ты да мой,
С чужия дальны стороны,
С чужия, не со знакомыя.

Приносит сват полуштоф водки и поит девок, а невесте кладет в рюмку водки двугривенный, подает невесте. Невеста выпивает рюмку до дна, деньги себе берет, а рюмку простую подает будущему свекру. Так девки вызывают свата с водкой до десяти раз и напьются девки до повалу. Сват уезжает со двора. Девки опять причитают: «С невестой что-то мне приугорело. Пити, ести захотелося». Выходят девки из кути, садятся за стол. Их угощают пивом, вином. После ужина девушки играют, как и о святках.
В свадебный день причитают всех родных, те же причеты каждому и вымогают с каждого по серебрушке невесте. Отец приносит дочери денежку и мать то же самое, причитают:

Уж вы, что же вы, кормилицы,
Что же вы придумали
Нынешнюю зиму холодную
Меня молоду замуж отдавать,
Меня молоду и зелену,
Недорослую травиньку,
Недозрелую ягодку.
Недорослую траву не косят,
Недозрелых ягод не берут,
Молодых замуж не отдают.
Еще что же вы, кормильчики,
Уж вы, что вы придумали,
На кого вы понадеялись,
У вас не два сына женатые,
Не две снохи да приведеные,
У вас не две дочки на выросте,
Разе вы, мои кормильчики,
В себе почули силу моготу,
Разве много нас, кормильчики,
Разе много нас примножилось,
Не три, не четыре жо.

Собирают невесту к венцу. Идет невеста за стол, причитает:
Не гнитеся, половочки,
Не ломайтесь, переводички,
Не тяжелехонько жо я прошла,
Чажоло да горе кручина;
Не многошенько жо я прошла,
Я многшенько обронила,
Обронила молодешенька
Три ключа, ключа позолоченные
Со цепочкой серебряною:
Первый ключ от своей дивьей красоты,
Второй ключ — своих кормильчиков,
Третий ключ — своих подруженек.

Невесту родители круг стола обводят. Причитает невеста:
Ишо как у вас, кормильчики,
Ваши руки поднимаются,
За меня да принимаются.

Девки причитают:
Работала я, делала,
Да без обеда уехала.
Уж ты сват ли жо ты ли мой,
Ты корминец мой, батюшко,
Алексей Ефимович,
Дай-ко, дай, корминец батюшко,
Благословеньицо великое,
Да с чиста сердца ретивого,
Ко злату венцу ехати.

Отец встает, надевает на себя шубу и берет икону со свечой, становится против невесты, невеста кланяется иконе три поклона с крестом, до земли, потом кланяется отцу три поклона до земли, без креста. Потом над головой иконой крест-накрест оградит и ставит на тябло. Мать также, по принципу отца, благословляет. Когда благословят невесту, тогда невесту выводят и садят в сани не к жениху, а к другому поезжанину и едут к венцу. Приезжают к церкви, выходят жених и невеста из саней. Прямо идут в церковь, становятся против Царских врат на разостланное полотно. Священник производит таинство брака по обряду церковному. После венчания обряжают невесту: надевают на нее шамшуру, сверху которой опоясывают шаль шелковую. После этого выходят из церкви в сторожку и закусывают хлеб и пирог с рыбой, запивают водкой жених и невеста. Когда приедут домой от венца, встречают родители своих молодых с иконой, с пивом, с хлебом солью. Потом ведут в избу, вступают за порог жених и невеста, коим бросают в лицо молодым пшеницей. Потом забивают молодым за пазуху по пшеничному пирогу, а в карманы — по серебряной монете, садят за стол жениха и невесту и весь поезд. Поздравляют с законным браком молодых. Дружка кричит отцу и матери: «Благословите меня, дружку княжева, почашничать, постольничать, бела хлеба порушати, князей бояр попотчевать». Подходят отец и мать жениховы, благословляют. Дружка разрезывает пирог с рыбой и пироги на обоих концах. Опять встает дружка, кричит три раза: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Извольте же эту ества началовать и князей бояр потчевать». Дружка за каждый раз величает отца и мать по имени и отчеству. Во время обеда подают жениху и невесте по рюмке водки, они из одной рюмки пьют, а гостям подают всем по рюмке водки и по стакану пива; гости начинают пить и кричат: «Горько!» Молодые целуются.

После обеда молодые идут спать, их провожают на подклеть с иконой и оставляют их одних. Все гости пируют между собой, говорят пьяные несвязные слова, пожалуй, что трезвый человек нескоро разберет пьяных слов. Хвастают своим богатством, другие — своим знанием или хлебом: «Ште, паре, у меня есть чем пожить». Или прибавляют к своим разговорам удостоверению своих слов: «Вот те Никола батюшко». Или: «Ей-Богу». А не то и хороший матюк загнет. Другие между собой ссорятся по земельной части, кто кого обижает в своих полосах; слово за слово и поднимут между собой ссору, брань: «Я тебе не уважу». Другой, напротив, до того друг друга расстроят, доходит, пожалуй, до драки, друг друга разобьют в кровь, до такой степени напиваются, как на свадьбе у крестьянина Дмитрия д. Окулихи была такая драка между своих родственников.

Примечание: (Это говорится про другую свадьбу. См. свадьбу в Шангском Городище. Дмитрий туда отдавал свою дочь.)

Это началось с родных невестиной стороны, вновь приезжих сватовей Сенчененков, даже принужден был приказать связать сватов и до утра оставить их. После сватовей — Ефим с братом Дмитрием, Дмитрию раскроил Петр Русановский голову рычагом, а Ефиму откусил Дмитрий Яковлев палец.

На другой день дарят родственников платочками, полотенцами, и то плохо. Все жалуются на дары, а угощение было хорошее. Потому что пиво было у Дмитрия, пьяные водки. Сам Дмитрий, брат мой, весь пир провел хорошо, также и жена сестрина вела себя хорошо, кроме дураков гости, которые поименованы. Те теперь со стыдом, как с братом не кажут своих глаз на улицу.

О масленице поедут на отозвины к новому свату. На свадьбе гуляли семь дней.

Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности

Парят ребят: «Во имя Отца и Сына и Святаго духа, Аминь. Пойду я, раба Божия, пойду поклонюся матери Земле, помолюся и покорюся. И пойду и покорюся и помолюся матери печке. Как мать Земля спит, так и младенец спи, как мать печка спит, так и младенец спи». Эту молитву три раза прочитать и пока парить ребенка.

В деревнях отнимают телят от коров. Возьмут лопату и колотят по лбу теленка, приговаривают: «Как лопата отстает от печки и по своей печке не тоскует и не горюет, так же теленок и корова, друг об друге не тоскуйте и забывайте друг друга».

....

В нашей местности в простонародье разговор между собой. В починки наехало с разных сторон жителей, большую часть Вятской губ. Котельнического у.

Разговор вятских	*Разговор вологодских*
Ну, ште-нибудь балесь	*Ну, ште-нибудь говори*

Убирася, оступися	*Убирайся, отступися*
Остань шлепати хлопуша	*Перестань болтать языком*
Ой, сколь баско балесишь	*Как ты хорошо говоришь*
Ковриги хлеб челпан	*Каравай хлеба*
Пирожки	*Шанежки*
Лепешки, колобы	*Шаньги*
Селпаны пшеничные пироги	*Тетери пшеничные пироги*
Чешется свербит свороб	*Т. е. чесотка*
Покрысай-ко	*Почеши*
Полечко	*Митко больно*
По-вятски в наших починках	Вологда и Н. уезда
Шабург	*Халат*
Азям	*Поддевка*
Чапан	*Зипун, суконная поддевка*
Кма, т. е. много	
Он родимец	*Пословица*
Товоноко женился	*Товоноко взял*
На своих харчах	*На своем хлебе*

Корреспондент Кузнецов Яков Иосифович
Ветлужский уезд, Вохомская волость, деревни Ежово, Созоново, Хмелевка; Пыщугская волость, деревня Песчанка; Хорошевская волость; Вологодская губерния, Никольский уезд, Павинская волость, Вознесенская волость
28 октября 1899 года

Ф. 7. Оп. 1. Д. 577. Л. 1—20 об.

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

Власти. Отношение их к крестьянам

Преследование преступлений в Павинской вол. Никольского у., Пыщугской и Хорошевской Ветлужского у.

14. Все три названные волости стоят в близком соприкосновении друг с другом, отчего заимствование обычаев и юридических воззрений должно быть прямо неизбежно. Так, у всех трех названных волостей, насколько пришлось убедиться во время странствований в них, власть судить непременно должна принадлежать волостному суду. В волостном суде можно поругаться, покричать, чувствовать себя как дома, можно попросить и смягчения наказаний, что недавно было в Хорошевской вол.

Крестьянин просит дело, поданное в съезд земских начальников, передать в волостной суд, мотивируя свою апелляцию тем, что здесь будет меньше наказание. Подтверждением моей мысли служат факты и из других волостей. В Павинской вол., 1892 г., крестьянская девица обратилась с просьбой взыскать с парня К. 15 руб. за причинение ей побоев и лишение чести и наказания по закону. Суд присудил 15 руб. ей, и виновника, кроме того, посадил в арестантскую на 7 дней. Удовлетворилась жажда мести девицы. И нередки такие дела. Объясняется такая невольная вера в правосудие волостного суда просто-напросто далеким расстоянием уездного города и дикостью края.

Преследовать виновников должны урядники, становые, но, вследствие недобросовестности первых, чаще преследуют батогами и кольями крестьяне свое начальство, а не они крестьян. Вообще, нужно заметить, что благодаря почти отсутствию краж в названных волостях, воззрение народа на меру предупреждения плохо выработалось. В краже рыбы из моря, например, преследование виновника всецело лежит на рыболове. Он, по воззрению народа, может даже отнять острогу, лодку или сак, если в его откупленных водах станет ловить рыбу какой-нибудь дерзкий смельчак.

И это убеждение настолько сделалось общим убеждением, что никто уже не восстает против сложившегося издревле обычая отбирать снасти незаконных рыбаков законными. Впрочем, нынешней зимой этот взгляд был поколеблен и быстро разрушил все неограниченные полномочия рыболовов отбирать снасти.
Прошлым летом из д. Русановых Егор Тимофеев вместе со своим однодеревенцем поехали на Пызмас ловить рыбу сетями, захватили с собой и лодку из д. Воронихи. Как на грех, в это время ночью и выедь рыболов Тиша с д. Погорелка тоже ловить рыбу. Увидав старика-рыболова, оба мужика, схватив свои сети, побежали, а лодку затащили в кусты. Рыболов подъехал и взял лодку. Мужики сначала было не давали лодки, но услыхав, что рыболов погрозил им судом, отступились и ушли домой. Тем бы дело и кончилось. Но один странник убедил их в противном и написал прошение земскому начальнику. Дело было выиграно. Лодку они получили. Это обстоятельство так взволновало обоих горе-рыболовов, что тут же, по выходе из камеры, оба дружка ушли в кабак и там так нализались, что один потом остался без пальцев на руках и ногах. Рыболов Тиша после этого тоже уже не стал отнимать рыболовных снастей.
Наш крестьянин, правда, груб и часто хвалится своими выходками. Так, например, в деревне бывает всем известно, кто зажег господский лес, но только это далее деревни не выносится. Точно так же хвастовство, что он вот как удачно резнул противника в драке колом или кулаком. Считается не опасным украсть в господском лесу лыко на лапти, а в Павинской вол. — лесу из казенной дачи, потому что на все это глядится полузакрытыми глазами, и никто не скрывается от своих деревенцев, точно так же — продажа водки по домам. Нет ни одной деревушки в Пыщугской вол., где бы бойкая вдова не держала про запас четвертную или больше водки. Каждый знает деревенец, что Анисья торгует водкой, но попробуй спросить урядник, Боже избави, любая баба побожится, что у них этой моды и в заведении нет. Если в кабаке, все знают деревенцы, что Алексанушко в Сергиевице разбавляет водку водой, но никто не пожаловался, и он сам не скрывал под веселую руку своих проказ, пока не приехал 20 июля акцизный чиновник и не поймал голубчика в этом проступке.
Не особенно скрывается женщинами связь снохи со свекром, если эта связь хорошо оплачивается деньгами. В д. Воронихе Никольского у. сноха даже хвастается своим поступком, т. к. зарабатывает 10 руб. почти в месяц (ее собственные слова). Не скрывается также открытое сожитие с любовницами, что нередко встречается в решении волостного суда Хорошевской и Павинской вол.
Относительно кражи леса из казенной дачи, считаю не лишним сообщить один факт, свидетельствующий, как смотрит на это воровство наш к[рестьяни]н и деревенцы. Прошлым годом лесопромышленники, купив делянки в казенной даче, велели возить лес местным крестьянам. Ну, конечно, не обошлось без греха, сверх законного количества бревен было вывезено около 40000 краденого. Добрались, нашли только 33000, а остальные не нашли. И все знают, где эти 7000 или около того в кострах завалены и мохом обкладены и кто возил, не знает одна только администрация. Точно так же, почти все знают, как лесопромышленники увели краденого леса почти задаром из-под Носковского прихода, благодаря крестьянам. Не знала одна только лесная стража.
Относительно преследования преступлений по религиозным побуждениям можно сказать отрицательно. Наш крестьянин неповоротлив и почти индифферентно относится ко всем религиозным движениям. Для нашего крестьянина нет почти никакого греха поработать в сенокос и даже в жниву после ненастной погоды, но в Ильинскую пятницу и Прокопьевскую — избави Боже поработать до обеда. Случаев ослушаний такого обычая не было, потому не могу сообщить, в какой мере и каким наказаниям должен быть подвержен ослушник по обычаю нашего народа. Грех и преступление — почти одно и то же. Украсть — грех и поработать в Ильинскую пятницу — тоже большой грех, но на вопрос, есть ли между ними различие, к[рестьяни]н отвечал — есть, а на вопрос, какое различие, повергал к[рестьяни]на в недоумение и ответ — «а Бог его знает».

16. Месть в нашей местности довольно сильно развита. Мстит почти каждый обиженный, особенно из молодежи, сам или прибегая к посредничеству. В последнем случае для выполнения мести выбираются известные во всей волости драчуны и бойцы, которые, за известное вознаграждение (рубль, два или даже за полуштоф), готовы кому угодно закатить плюху. Таковые есть, например, почти все молодцы в д. Сергиевице, на Ивакине (Пыщугской вол.), в Зауполовнице и Ежове (Хорошевской). Чтобы дело не пошло по суду, обиженный старается мстить только в той мере, в какой получил от ответчика. Если, например,

молодец разбил у молодца гармонику, то последний старается ему отомстить тем же. Если мужик поймал в огороде поросенка и перешиб ему озадок, то потерпевший, бежа по деревне, обыкновенно, кричит: «Не будь я растакая мать, что у его поросенка не переломаю хребестелку. Ходят и его поросята в огород мой». Точно то же самое бывает и при перекосах сена. «Ты у меня перекосил, перекоси и ты столько же», [неразборчиво] я в правление не подам, но, что сверх того, то собравшиеся деревенцы советуют в таком случае подавать в суд.

Иногда подобная угроза приводится в исполнение. Так мстят друг дружке в совершении таких преступных деяний, где результатом является только один материальный убыток. Можно сказать безошибочно (да почти не бывало случая), что здесь является мстителем только сам обиженный. Да вот случай. В д. Русановых Павинской вол. один крестьянин зашиб поросенка у своего односеленца, попавшего в огород. Т. к. у совершителя преступного деяния не было поросят, то крестьянин обиженный стал подыскивать случая отомстить в равной мере. Случай скоро представился. У крестьянина, убившего поросенка, была хорошая лошадь, которая часто скакала за огороды в поля. Деревенцы давно ему велели посадить на лошадь вилы, но тот все не делал. Однажды эта лошадь, заскочив в поле, перебралась в огород обиженного крестьянина и там потоптала порядочно капусты. Тогда, не долго думая, крестьянин остриг ей всю гриву и хвост до самой репицы и потихоньку выпустил в поле. Конечно, владелец лошади догадался, кто это сделал, но в суд не подал, опасаясь, как бы еще не обсудили за поросенка и за худой нрав лошади, тем более что на стороне обиженного была вся деревня ввиду плохого поведения лошади.

Несколько иначе обстоит процесс мщения при нанесении не материальных убытков, а других, сопряженных с целостью здоровья или чести. В таких случаях мнение иногда простирается и на ближайших родственников убитого. Предположим, что один молодец или мужик (последний бывает редко) поколотил другого довольно сильно. На волостной суд подавать — дело затянется долго, а скоро будет праздник; вот здесь обиженный и ловит или сам, или поручает другому, как я выше заметил, за известную плату. Мщение воздается здесь уж не в равной мере, а как удастся, если пришлось к случаю, то иногда вдвойне или втройне, а иногда и чуть-чуть. В последнем случае остальная часть мщения переходит на брата или близкого родственника, молодого. «Бей его (т. е. брата или родственника обидчика), у них вся порода такова, драчливая», — вот обыкновенная формула разговора перед вступлением акта мщения, перенесенного за неудовлетворенностью мщения одним на другого.

Есть еще одна категория мщения, которой мне не приходилось встречать в других волостях Ветлужского у. — это именно мщение брата за поруганную честь его сестры.

Нужно заметить, в нашей местности довольно сильно развит разврат, так что ни одной целочки не найдешь во всех трех волостях, по выражению крестьян. Обусловливается, по-моему, это большим, сравнительно с мужским элементом, количеством девиц и женщин. Каждая девица, ввиду неприглядного положения оставаться девицей в родной семье, всеми силами стремится выйти замуж. А чем заманишь молодца нашего дикого края, как не этим. Начинается связь, которая делается известною в семье девицы и не прерывается репрессивными мерами только потому, что мать (она почти и потаковщица здесь) мечтает, авось, этот молодец возьмет ее доченьку замуж.

Но вот наступают печальные результаты связи, у неопытной родится ребенок, и мнимый жених мгновенно прерывает связь. Наносится, таким образом, кровная обида всему семейству девицы. В волостной суд подавать — нужно иметь доказательства, да и поговорка, сложившаяся исстари, что сука не манит, так и кобель не бежит, пожалуй, тоже будет руководящим критерием для судей в определении степени виновности молодца.

Т. к. у нас еще народ не дошел до публичных осрамительных наказаний блудников и обманщиков, то на сцену выступает опять старое и уже известное, и не раз, может быть, испытанное средство — мщение. Мстит здесь исключительно один брат, под видом — за разные другие обиды. Мстят больше всего в той самой деревне, где живет опозоренная девица. Бывают такие случаи, я говорю, в богатых и честных семьях, где поступок девицы накладывает, небольшую хотя, печать презрения к отцу опозоренной девицы со стороны односеленцев и других знакомых.

В статье о разврате постараюсь отметить, как инстинкт самосохранения от позора пошел дальше, и какие придумали средства отклонений от этого позора.

Если обиженный созывал десяток относительно убитой свиньи или перекоса травы и сам делал то же, то, обыкновенно, односеленцы говорили: «Ну, вот и посчитались, теперь никому не обидно, неча и распаляться друг на дружку». Если же отмщение в материальной области совершалось в больших размерах, то десяток советовал идти в волостное правление, но сам участия в этом деле не принимал и иногда на просьбы обиженного всячески отклонял. (Дело о перекосе в д. Окулихе и убитии поросенка у Таненков в Павинской вол. Вологодской губ. Никольского у.; в д. Кривове Пыщугской вол. Ветлужского у. — дело о перепашке земли).

17. Иногда случается, что обиженный удовлетворяется за маленькую обиду сороковкой или рублем. За более крупные, например, за излом гармоники или за убитие поросенка назначается более крупная плата в размере стоимости вещи. Т. к. все имущественные повреждения являются результатом буйного поведения, за что волостной суд присуждает на высидку от 2 до 5 дней, то мировая, особенно в рабочую пору, очень полезна для крестьянина. Мировая происходит следующим порядком. Обвиняемый или ответчик, смотря по размеру преступления, покупает водки, приглашает потерпевшего, если прослышал, что тот согласен на мировую, падает ему в ноги (что зависит от характера потерпевшего), затем обе заинтересованные стороны целуются, молятся Богу и садятся распивать неизменный спутник всех крестьянских сделок — полуразбавленную водой сивуху.

Иногда мировая заканчивается одною выпивкою, без всякого денежного вознаграждения; в делах же более крупных, как, например, при растлении девочки или девицы, назначается такса от 15—25 руб., смотря по состоянию обвиняемого. Вообще можно сказать, что сделка заключается в преступлениях с материальным характером, где волостной суд все равно присудит к уплате за причиненный вред потерпевшего, пожалуй, вдвое больше; что же касается преступлений против личности, его здоровья или чести, то сделок мировых очень редко бывает, т. к. волостной суд в Пыщугской и Хорошевской карает только арестом; в Павинской вол. иногда налагается и денежный штраф. Получивший удовлетворение в денежных знаках потерпевший ни за что не пойдет в суд, т. к. могут доказать свидетели его мировую, и суд может его же самого осудить. Бывает, иногда пьяненький хорохорится, что я тебя под суд отдам; нет, врешь, не отдашь, теперь мы просты, у меня свидетели есть, волостной суд все разберет. А чтобы получивший денежное удовлетворение и потом подал на суд, в решениях волостных судов всех трех волостей я не встречал.

18. Во всех трех волостях довольно часто практикуется обычай, кроме взыскания за причиненный вред имущественный в денежных знаках, еще налагать наказание в виде арестов, отдачей в общественные работы. Для примера достаточно, я думаю, привести двух-трех примеров. В Павинской вол. Вологодской губ. Никольского у. крестьянин Кудреватых срубил елку, на которой был улей истца. Явились по требованию истца понятые, сотский, освидетельствовали и, подозревая названного крестьянина, истец подал в суд. На суде ответчик сознался и суд постановил: подвергнуть ответчика Кудреватых в пользу просителя штрафу на 8 руб., а за самовольный поступок того же Кудреватых подвергнуть на трое суток в общественные работы.

1894/81. Потерпевший просит взыскать за побои со Щурикова и его двух сыновей 8 руб. Суд определил взыскать 3 руб. и подвергнуть аресту на двое суток каждого, что еще хуже для рабочего человека.

1898/111. Пыщугской вол. Ветлужского у. молодые парни в д. Ираклихе побили окна в праздник у Николая Васильева, 5 рам и К. В. одну раму. Суд приговорил взыскать за разбитие каждой рамы по 1 руб. в пользу потерпевших и простому аресту каждого на 10 дней при правлении.

Хорошевская вол.

1881/65. Крестьянка просит суд наказать по закону крестьянина Ефимова и крестьянку Саломию за нанесение ей побоев. Свидетели показали, что, действительно, бабы плевалися друг с дружкой, а Ефимов взял и пристал за Саломию и отколотил Марью. Суд постановил: Ефимова оштрафовать на 1 руб. в пользу мирских капиталов, крестьянку Саломию — аресту на три дня, а потерпевшую — на два дня.

1881/50. Дело о нанесении крестьянской вдове крестьянином Егором побоев. Ответчик объяснил, что я, действительно, истицу не больно поколотил и один платочек изорвал в 28 коп. за то, что она меня любила, а потом стала ходить к другому. Суд определил: подвергнуть аресту крестьянина Егора на трое суток, а за изорвание платка взыскать с него 50 коп. в пользу потерпевшей.

1881/16. Дело об оскорблении на словах снохи тестя своего. Свидетели показали, что, действительно, сноха ругала его подлецом, вором, распутным, отчего тот не стерпел, схватил ее за рубаху и свел к сельскому старосте. Суд определил: взыскать в пользу потерпевшего 2 руб.
1891/12. Павинская вол. Крестьянская девица просит за побои и лишение чести взыскать 15 руб. и, кроме того, подвергнуть по закону. Свидетельницы подтвердили это дело. Суд постановил: взыскать за лишение чести 15 руб. и за поступок сей посадить в арестантскую на 7 дней.
Отвечает перед потерпевшим каждый сам за себя. Муж за жену не ответчик, родитель за детей тоже, а тем более наследник за умершего.
Хорошевская вол.
1881/15. Дело о нанесении побоев и ругани колдуньей, крестьянкою Анной крестьянке Ульяне.
Свидетель: «Я видел, что схватилися Ульяна и Анна и таскалися».
Суд определил: за бесчестье Ульяны подвергнуть Анну на 1 руб. в пользу мирских капиталов на трое суток под арест.
А вот продолжение этой истории со включением сюда и мужа Анны.
1881/21. Дело о нанесении Ульяне Анной и мужем ее Филип[п]ом Егоровым побоев. Свидетельница показала, что Анна вышла из дому и назвала неприличными словами Ульяну, ну а та, не утерпела и пошла потеха, начали друг дружку таскать, причем, Анна сбила с Ульяны шамшуру (головной убор), в это время подошел Филип Егоров, вступил за жену и два раза ударил Ульяну, затем подошла Евдокия Иванова и ударила тоже 2 раза Ульяну. Суд постановил: Филипа Егорова, Анну Федорову оштрафовать на 1 руб. каждого, Евдокию Иванову — на одни сутки в общественные работы.
Хорошевская вол.
1883/79. Дело об изорвании несовершеннолетним парнем д. Ежово полушубка, стоящего 3 руб.
Суд, находя иск увеличенным, присудил взыскать 1 руб. 50 коп., а за проступок, как несовершеннолетнего, подвергнуть аресту на два дня.

19. В Пыщугской вол. только одно такое было дело. В д. Горке был мужик воришка, мужики согласились и взяли да и сослали его на вольное поселение. Дело было в Павинской вол., на Воронихе был такой парень «Ваненок», который воровал и часто похвалялся в сердцах: «Вот, я тебя сожгу». Постарались тоже убрать и сослать на вольное поселение.
В Нее (Хмелевской вол. Ветлужского у.) в Горлове был такой случай. Мужик ставил избу и окнами, как раз, на двор к соседу, тот не дал ему, тогда обиженный схватил кусок конопли, да и говорит: «Сожгу». Тот заявил, вся деревня мгновенно собралась, немножко поколотили, донесли становому и в острог засадили.
А в д. Тарасихе той же волости, за одну похвальбу сжечь, деревенцы сослали бабу на вольное поселение. Дело началось из-за пустяков. Сосед не стал пускать эту бабу на колодец и в одно время разбил у нее даже ведра. «Погоди, какова-небуть да буду я тебе, тебя сожгу и Тарасиху». Сослали в острог, а потом не приняли в деревню и угнали на вольное поселение.

20. В нашей местности скот крепится огородом; ввиду этого часто возникают споры и иски за неогородку огородов. Годов десять тому назад, во всех трех названных волостях нерадетельного крестьянина по загородке осеков и огородов подводили к плохому огороду и тут пороли. На первый раз 10 розог, на второй — 15, на третий — 20, а там — на суд. В нашей д. Окулихе Павинской вол. пороли в последний раз Пашеньку Шемякина годов 8 тому назад.

21. Лес считается Божьим даром, потому — отчего не пользоваться им. Впрочем, в наших починках с быстрым истреблением леса стали запрещать деревенцы сами возить и продавать своему односельцу. А из казны таскают, и у помещика Дурнова, на том основании, что он богат и также гниет буреломного много.
Водка есть почти в каждой деревне и поддерживается всеми властями, заезжими и постоянными: пьяницей-урядником — для опохмелья, сельским старостой — ввиду дарового угощенья, судьями — ввиду удачного решения в пользу истца. Водка — великое дело, без нее — ни шагу доброму человеку.

Мелкие обманы в торговле, вроде подмачиванья льна (кудели) для весу, отсыренья телячьих шкур, — делается всеми ради большого получения денег. Все делают, отчего и мне не испробовать — вот основной мотив, по-моему, возникновения всяких маленьких проступков.

22. Из обстоятельств, долженствующих увеличить наказание, по обычаю народному, в означенных волостях следует указать на следующие: злоба. По злобе иногда переносится наказание, часто с виновного на невиновного, так, в этом случае являются жертвою искупления лошади, свиньи (по преимуществу, как животные наиболее подходящие по своим дурным качествам).

Кража в поле суслонов, которая, к счастью, бывает всего один раз за 20 лет — это такой тяжкий грех, который не должен проститься ни в этом веке, ни в будущем. Человек, решившийся на такое воровство, значит окончательно потерял совесть. Кража пчел бортевых, развешанных на елках в лесу, тоже считается не меньшим преступлением. Оба названные предмета собственности никем не защищены, ничем не заперты, их легко может утащить всякий. Нужно заметить, что краж бортевиков нигде не слышно. Существует убеждение, что, кто украдет бортевых пчел, тот трех дней не проживет, и пчелы все равно сгинут у того. Краж лошадей и другого скота тоже не слышно. Есть по временам, воруют цыгане. За убийство лошади должно судить, по убеждению народному, как за полчеловека, а за убийство кряжа пчелиного (летки заткнуть летом или матку убить во время роенья) должно судить, как за полного человека, потому что тут гибнет не одна тварь, а тысячи. Пчелка — Божья волька, пчелкиной работы перед Богом свецюша горит, она ближе всех тварей к Богу, потому что однажды голодного Иисуса Христа накормили, поделившись с ним самым скудным взятком, между тем шершни, осы и шмели от своих переизбытков отказали.

Следует отметить еще маленькую черту: размер вознаграждений за убитый улей должен определяться количеством роев, в течение 5—10 лет [приплоду], какой мог бы дать убитый улей. На основании этого, иски о пчелах часто подаются крестьянами прямо мировому судье, обходя волостное правление. Иногда размер стоимости такого улья с будущим приполоном, особенно, если он взят крестьянином для разводу пчел и есть единственный в настоящее время, определяется в 30—40 руб., как и было в д. Окулихе и Русановском починке. Точно так же должен ответчик платить за лошадь и жеребенка, если у убитой лошади находился сосунчик. Ответчик должен отвечать за убитую наседку курицу и всех цыплят, хотя бы они были и большие.

1893/30. Павинская вол.

Точно так же должен платить обвиняемый вдвойне за убитие племенного бычка или поросенка или жеребенка. Например, крестьянин обращается в суд и просит присудить с крестьянина за убитие племенного годовалого поросенка 20 руб. Судьи, находя иск чрезмерно увеличенным, однако, соглашаются присудить 10 руб., тогда как годовалый обыкновенный поросенок, много-много, стоит 1 руб. 50 коп.

Иск: мужик убил свинью, у которой были поросята. Суд присудил взыскать 15 руб., тогда как свинья, по нашим ценам, стоит не более 5 руб., самая лучшая (Хорошевская вол., 1894/20). 10 руб., таким образом, взыскивались за поросят, которые, предполагается, должны будут погибнуть без матки. Такая сильная охрана племенных домашних животных кроется, по-моему, в прошлом далеком; когда в Пыщугской вол. в давние времена существовала ферма, и коровы приводились для нее самые лучшие, оттого скот в названной волости славится далеко за пределами Пыщугского прихода, и крестьяне покупают телят-сосунов двухнедельных за 10 руб., а поросят-сосунов за 2 и 3 руб.

Относительно краж со взломом, и так в народном сознании нет почти никакого различия, ввиду редкости случаев подобного рода преступлений. В Пыщугской вол., например, за год бывает всего 3—5 легоньких краж, в Хорошевской — 15—20; в Павинской — 10—15.

На волостных судах побуждения мало принимаются во внимание, и мотивы преступлений почти не выясняются. Если судьи и начинают иногда делать это, то писарь, обыкновенно, старается замять это незаконное хождение судьи в область психологии каким-нибудь вопросом, если дел много, давай решать, нечего тут растобаривать. И действительно, где тут выяснять мотивы, когда на день назначено, быть может, 20 дел или 25. Суд же начинается с 10—11 часов. Неудивительно поэтому, что все преступления уголовного характера решаются часто гражданским порядком: совершил побои — заплати ему, вот и все, коротко и ясно; где тут, почему он тебе нанес, по злобе или так.

Если преступление невелико — размер наказаний невелик. Если преступление большое, например, пробитие двух ран на голове, размер денежной пени увеличивается — сумма взыска определяется в 4 руб. Впрочем, когда обвиняемый говорит, ни с того, ни с чего, и свидетели это подтвердят, суд повышает пени наказаний: ясно, что тут кроется глухая злоба, внезапно прорвавшаяся при благоприятном случае.
Дела, возникающие на почве любовных интересов, обыкновенно, прекращаются судьями миром и всячески замалчиваются, и потому редко попадают в решения волостных судов. «Нечего тут разбирать, оба виноваты; или как тут разберешь, кто ложился первый».
Человека ревнивого, обыкновенно, считают дураком и во время бесед по праздникам на завалинках обыкновенной темой для острот и шуток является ревнивец. Однако, преступник, совершивший злое деяние из ревности, всеми жалеется и считается болезненным. 15 лет тому назад в д. Кривове Пыщугской вол. парень в день свадьбы из ревности убил другого парня. И все жалели, находя, что за таких подлецов, каким являлся убитый, не стоит сидеть и в остроге. Теперь этот убитый, прозванный «стахоном» окружен легендарными похождениями при жизни своей. Будто он страшный был бабник и, получая частые взбучки от мужей, пил для излечений собственную ссяку, от которой мгновенно исцелялся. Самый день смерти обставлен не менее легендарными сказаниями. Так, ему, будто бы, всю голову расколотили — он все был жив, зажгли волосы на голове, — он все был жив. Видя неминучую, что он будет навеки калекой, он и говорит своим убителям: «Все равно вы меня не убьете, а выдерните лучше гашник из моих штанов, тогда я сам помру». И как только выдернули гашник этот, моментально захрипел и поколел. На гашнике нашли двенадцать узлов.

23. «Бог карает до третьего и до четвертого роду», — слышится иной раз фраза в междоусобной перебранке. Некоторые из крестьян, обиженные, прямо становятся на колени пред иконой, или даже в поле, и прямо молятся: «Господи, покарай ты моего злодея, выведи ему за меня втрое, вчетверо». Каждый случай, каждое несчастье с крестьянином стараются подвести под небесную кару. Тот-то обгорел за то, что деньги зажилил и на них выстроил дом (Боровая Пыщугской вол.). Того разбило параличом за то, что задушил свою жену в бане, доведя ее предварительно своими колотками до идиотства (д. Окулиха Павинской вол.); можно сказать, что нет такого случая, где бы не старался подвести наш крестьянин под кару небесную. Дедушка хватал, хапал, а внуки промотали и стали нищими, уйдя, вдобавок, кто в острог, кто несчастным образом в Могилевскую губернию, Гробовской уезд (Хорошевская вол. д. Ежово). Часто слышатся выражения «Бог попустил», «Божье попущенье» при червобойне или пожаре. При совершении же преступлений у нас употребляют: «враг душу зажег», — при самоубийстве; «Бог попутал», — когда скрывавшееся долго преступление вдруг всплывает наверх и делается известным всей округе. Все выражения к размеру наказаний не относятся. Народный обычай, напротив, в деле «Бог попутал» считает всплывшее дело именно должеств [неразборчиво] [должно?] наказать.

24. Малолетние наказываются у нас за воровство гороха или репы. За такой проступок, в суд, считается почему-то, подавать неприличным, должно быть, ввиду мелочности совершенного проступка, а с другой стороны, за означенные проступки каждый владелец гороха обязан, в видах педагогических, совершить «толчею или мельницу с помолот в виде горсти волос». Часто слышится: «Ежели кто заметит моего Ванюшку, дери его, дери, я спасибо скажу, где тут сам уследишь, что тут он каверзит».

25. Каждый член семьи сам за себя отвечает. См. стр. 8 дело 1883/79 [так в рукописи].

26. Не бывало. Скотина глупа. Везде лезет, а между тем, попалась свинья в огороде, бей ее, если она без вилашек, убьешь — и суда на тебя нет, еще владельца свиньи должно оштрафовать за то, что свою скотину не крепит (вилашки — сделанный треугольник из дерева, который насаживается на шею свиньи, чтобы она не могла пролезть в огород).

27. Смотря по тому, какая оборона. Оборона в драке наказывается, оборона от разбойников с целью ограбления не наказывается. Местные красноряддцы, ездящие по нашим глухим деревням, всегда возят с собой кистени или двухфунтовые гирьки на веревочке. Один нейский краснорядец (торгующий красным товаром,

платками, ситцами и др.) сам сознавался, что во всю свою жизнь он убил трех воров, пытающихся обворовать его в волоку (убил, однако, его собственный племянник). Оборона других в праздники пьяными людьми считается как обоюдная драка. Тут стоит каждый друг за своего приятеля, крестовый брат за крестового. Обороною считается ограждение собственной личности от нападения противника.
В ночь Игумнов парень напал, было, на парня из другой деревни из-за девицы, но был поколочен им довольно сильно: глаз подбит, рука вся в ссадинах. В суд не подал, убеждаясь доводами деревенцев, что сам виноват, «сам первый наскочил, и он тебя не задевал»

28. Не бывало таких случаев.

29. Воров за попытку совершить кражу бьют, угроза убить кого-нибудь или сжечь оглашается во всеуслышание (заявляется свид.), передается суду и там наказывается. В Хорошевской вол., где, пред прочими волостями, буйство и кулачные драки развиты, в видах пресечения этого зла, председатели налагают наказание даже за одну похвальбу убить или поколотить.
1894/58. Деревенцы заявили, что Антон Кузьмин и Василий Бичериков похваляются убить кого-либо из их деревни. Свидетели показали, что, действительно, похвалялись убить Антон Бичериков и Василий Кузьмин [неразборчиво], и будто бы даже Василий Бичериков ходил с ружьем к починку Попову и там подкарауливал. Суд приговорил: Антона Кузмина — на 3 руб. в пользу мирских капиталов, а Василия Бичерикова — в общественные работы на 7 дней.

30. Различает, и в некоторых случаях подговорщика, или подстрекателя сильнее наказывает, потому что иногда идущий совершать преступление по договору является глупым.
Павинской вол. 1894/68 дело разбиралось о ежечасном избитии Акулины Дудиной мужем ее и свекром. Из показаний ее и свидетелей выяснилось, что все это происходит от подстрекательства свекрови, которая, по словам одного из свидетелей, как ведьма неуживчива: к словам придирается, за столом во время обеда постоянно оговаривает, за работу тоже, что ей ни делай, все кажется неладным, и все клонит к тому, чтобы ей не жить у них в доме. Суд определил: свекровь за подстрекательство подвергнуть десятидневному аресту, мужа просительницы — 15 розгами, свекра — 10 ударами розг.

31. Наш крестьянин трусоват и недоверчив. Судов он вообще ужасно боится. Если случилась кража, и большая, да кто укажет, что вот этот украл, то деревенцы потом его отругают крепко. «Тебе какое дело, зачем ты суешь свой нос, куды не надо, а тово не знашь, шьте он может потом в сердцах тебя спалить, да и нас». Вот какая причина скрытности.
Хотя пожаров у нас и не бывало, и тем более от этой причины, то слово «пожар» леденит мозг прямо нашего мужика.
Пристанодержателей и скупщиков краденого нет, вероятно, оттого, что некуда сбывать.

32. Ввиду этого нет у нас ни доносчиков, ни ябедников.

33. Ссылают у нас одиночных молодых парней, которые загуляют больно на чужой стороне или заворуются больно. Когда уведомит начальство, что такой-то забродил, то селенцы, собравшись, говорят: «На какой нам леман вора, пускай девают, куды знают, и сейчас же делают приговор, не надо нам». (Случай из д. Воронихи). Был молодой парень, который был одинец, т.е. не было ни отца, ни матки. Живя в своей волости по работникам, он кое-где заворовывался, а потом ушел куда-то за Никольск и там попал в краже. В Пыщугской вол. тоже, годов 30 тому назад, был сослан мужик-бобыль за то, что совершил три кражи.

35. К людям, бывшим под уголовным судом, относится народ различно, смотря по его жизни с соседями; иного не прочь даже выбрать на общественные должности. Поротых на волостном суде часто попрекают, но к отправлению общественных должностей, как то сотского, десятского, даже судьи — избирают, считая этот случай не относящимся к окончательной испорченности характера. Да вот случай. Церковный староста

за какие-то упущения церковного попечителя взял, да и привязал между обедней и заутреней для посрамления к колодечному столбу (к жаравцу). За такое самоуправство пришлось высидеть три месяца в остроге. Человек он, между тем, дельный и ему не прочь предложить место старосты сельского или старшины, но власть предержащие, руководствуясь буквою закона, не допускают этого. Продолжу немножко далее. Раз он и поругался с братом. Брат в запальчивости обозвал его всенародно арестантом, и деревецы велят подавать на суд за оскорбление, убеждение коих таково, что мало ли чего не бывало, он — не вор и не мошенник, которого можно обозвать арестантом, за такое оскорбление, по убеждению селенцев, брат должен понести наказание. Что же касается права быть на сходах, то все имеют право бывать там, был ли он под судом или нет.

36. Не бывало этого. Вот скоро будет, после осуждения нескольких лесопромышленников за кражу леса из казенных дач.

38. Народ у нас религиозный, хотя и своеобразно, и никогда не допустит богохульства или кощунства. Богохульство или кощунство — это такие преступления, за которые сам Бог непременно должен наказать, и при этом, обыкновенно, рассказывают такой случай.
Когда-то давно мужик Пыщугской вол. ходил за 10 верст на Ветлугу сено косить. Выкосил, нужно, значит, грести. Но, как на грех, как только придет на пожню, поворотит сено, высушит сено, как следует, — вдруг, откуда ни возьмись, подымется тучка, и всю гребь перепортит, отправляйся, значит, домой. Раз пять он ходил. Однажды пришел в сердцах, поворотил сено, только хочет грести, вдруг перевалка и сено опять сырое; взорвало мужика, поднял вилы, да и давай тыкать в небо, а сам — в большущие матюга и Бога ругать (бранить). Вдруг как верескнет, тут только и жив был мужик, — Бог поругаем не бывает. Не соблюдающего постов народ называет черемисом-нехристем; в праздники работа не считается особенно греховною, — в сенокос ни одного Вы не найдете в Воскресный день дома: все в поле. В жниву не работают.
Таинство покаяния и причащения соблюдают строго, но некоторые перестали ходить, вследствие неблагоразумных действий священников (как, например, в с. Леденгском Павинской вол. священник на дух принимает, а причастья не дает пьяницам и др., ввиду чего те считают себя прямо погибшими и, впав в отчаяние, еще больше продолжают пить. Д.Ворониха, Иван-колдун). Божатся часто в серьезном деле и в пустяках.

39. Кто тащит из дому все необходимое и пропивает, в таких случаях жена пьяницы доносит старшине или прямо подает на волостной суд, и его там приговаривают к розгам или на высылку. Деревенцы же относятся к таким случаям более или менее индифферентно, помня пословицу «моя изба с краю», а, значит, и ввязываться не стоит. В Павинской вол. крестьяне сами обращаются в суд только в таких случаях, когда пьяница оброку не платит. Когда недоимка достигнет больших размеров, созывают селенский сход и на нем постановляют лишить его однодушевого надела, если он пользовался двумя, и припустить со стороны припущенника, с тем, чтобы он всю недоимку заплатил и, таким образом, освободил их селенцев от неприятной истории расплачиваться своим горбом (у нас существует круговая порука). В большинстве же случаев, строгость к пьяницам обнаруживается у селенцев во время объезда старшины за сбором податей. Все тут выкладывается, кто сколько пропил в Никольске, увезши 9 мешков ржи для уплаты податей. Старшина, не говоря ни слова, приказывает через сотских (у нас их 14) представить в правление на выселку или, если мужичонко слабый, сам дает вытряску, предварительно оставшись где-нибудь один на один (старшина у нас — здоровый и очень сильный мужчина), глядишь — на следующий раз уже начинает озадачиваться и, свезши свои 9 мешков ржи, объезжает за целую улицу злосчастный кабак.

40. Система открытого преследования преступлений у нас еще не развита. В случаях злоупотребления пускается в ход также месть, тайная и скромная на вид. Если является нужда в доверенном или выборном, да заинтересованные стороны не надеются, то выбирается наиболее заинтересованный, который едет в город и там наблюдает потихоньку за действиями своих доверенных.
Оскорбить урядника, иногда станового, считается не особенно большим преступлением, вероятно, в силу того, что они часто соприкасаются с народом, да и взяточничают немало, что, в свою очередь, дает тоже немало

поводов к оскорблению. Оскорбить кого бы то ни было из другого начальства, кроме волостного, считается большим проступком, за который, пожалуй, могут сгноить в остроге, например, земского начальника, судебного следователя.
Однако, нужно заметить, что оскорблений начальства, за исключением урядника, очень мало. При встрече со становым мужик старается обойти его, а ночью, в глухую темь, не прочь и поколотить, как и было в прошлом году в с. Пыщуге: станового ночью поколотили у самого Правления.

41. Ко всяким общественным преступлениям должностных лиц народ наш относится снисходительно, вероятно, сознавая, что и он на его месте был бы не прочь цапнуть. Хотя, попавши в такое преступление, крестьянин теряет всякое уважение со стороны односеленцев. В Пыщугской вол. было, например, 40 тысяч запасного капитала, а теперь нет его и взять не с кого. В Павинской вол. ежегодно крадется половина лишка выговоренных денег за оброк. В Хорошевской вол. явления казнокрадства так часты, что теперь выбирают в старшины исключительно богатых людей; будь хоть глуп и безграмотен, лишь бы богат, чтобы мог раскошелиться своей мошной. Кто виновен в этих преступлениях? Писарь — как подающий мысль старшине и последний — как отперший сундук для своего кармана. Лет 7 в Пыщугской вол. был писарь, служил лет 15, он назывался мужиками царем, так был силен. Обыкновенно в этих волостях проделки писаря и старшины остаются безнаказанными, а проделки старост всячески разоблачаются последними.
Арестантов, препровождаемых с солдатами, наш народ любит, дает хлеба, молока, в особенности жалостливы женщины.

42. Случаются подлоги, но больше все на бумаге. Учиняются, главным образом, они лесопромышленниками при заключении условий с крестьянами на вырубку леса из их надела или при сдаче в аренду места под мельницу. Самый большой подлог разоблачился в нынешнем году, по которому 33 тысячи бревен было украдено из казны. Суть первого подлога такова. В д. Окулихе Павинской вол. мужики продали из полевого надела лесу за 450 руб. Покупщиком явился мужик из д. Погорелки Пыщугской вол. Подобин. Получили 100 руб. задатку. В получении этого задатку он заставил расписаться отдельно сельского старосту и старшину, да еще сборщика податей, обещая внести деньги за деревенцев. Как он устроил, неизвестно, вероятно, дал взятки всем. Как деревенцы начали спрашивать деньги, он сделал изумленную рожу. «Какие деньги?» — говорит. — «300 руб.» — «Да я же заплатил их, вот расписка сборщика — 3 сотни, мы в расчете». Мужики глупы. Подали прямо на него, стараясь доказать подлог без привлечения своих волостных властей; ничего, конечно, не вышло, так деньги и пропали. Другой случай. Мужички отдали в арендное содержание место под мельницу. Условия сторонами были выговорены следующие. Арендатор Краев может брать лес от речки Крутого до просеки три куста, а мельничный хвойный лес брать везде оприж лесосеки, причем, лес брать не толще слеги. Написал бумагу писарь, прочитал, и чуялось всем, что ладно читал, а как съездили к нотариусу их доверенные и получили копию с условия[ми], вышло вот что: лес на устройство слани и вокруг нее, а также хвойный лес Краевы могут брать из прилегаемого и близлежащего к мельнице присельного владения полевого надела собственников земли крестьян поч. Крутого, а также брать эти материалы Краевым дозволяется и во всякое время арендного содержания. Теперь у мужиков арендатор тащит весь лес, и крупный, и слеги, и не только из трех кустов, но из всего надела. Мужички взвыли. Пришли к писарю, говорят: «Не ладно ты написал, за это перед Богом станешь отвечать». А он им: «А вы ушам-то хлопали. Аренда — 24 года, можно представить, много ли лесу останется через это время».
Относительно перемены мет и клейм в надельной земле не может быть подлога, потому что владение каждой деревни, обыкновенно, обносится огородом.
В Хмелевицкой вол. Ветлужского у. приходилось наблюдать такое явление. Там некоторых деревень десятин в 20—30 надельной земли нарезали под другими деревнями, и ими пользуются теперь соседние деревни, кто сколько захватил, и крестьяне не предпринимают ничего, боясь лишних расходов на межевого и др. волокитства.
В Пыщугской вол. и Хорошевской, ввиду малоземелья, таких захватов нет. Там несколько деревень, которые имеют общие поля, никаких знаков нет, и ни одна деревня не рискнет изменить свои владения. Даже когда бывают переделы, то за мерщиком следят в оба глаза, и чуть хоть палка на одну емь или ¼ вершка скакнула,

сейчас заворачивают назад и снова заставляют перемеривать. Точно так же не бывало случая в изменении метки жеребейка для получения полотен и мотов из краски или овчин из выделки и дубления. В этом отношении народ наш честен.

43. В Павинской и Пыщугской вол. воровство считается позорным ремеслом, и мать или старший брат, отпуская из своего дома члена семьи на плоты в Козьмодемьянск, прежде всего говорит: «Мотри, не заворуйся, чтобы не было мне укору».
В Хорошевской вол. ввиду распространений пьянства в двух деревнях случаются частенько кражи, к счастью, мелкие, в виде семени льняного (бабы) или мешков муки на мельнице, и это зло начинает понемножку распространяться ввиду отрицательных решений волостного суда в пользу потерпевшего, якобы, за недоказательностью факта преступного деяния.
Честность к чужому имуществу основывается, по-моему, на боязни быть покаранным от Бога. Если где-либо случится несчастье, большое или маленькое, селенский говор непременно подыщет какой-нибудь грех, за который понес наказание потерпевший. Народ наш религиозен, хотя в его религиозности много есть еще своеобразного понимания и чистой обрядности (например, в делах брака).
Прежде бывало, сказывают старики, никаких замков не было. Поедет мужик в город с хлебом, оставляет еще полжитницы хлеба, и только накажет кому-нибудь, чтобы поглядел, как бы свиньи не залезли или ребятишки не набедокурили. Вот, как было, зато и хлеб родился, а нынче из-под замка глядят стащить, в особенности, парни — на водку, и кто таскает — сыновья у своих батек да маток.
Более же глубокая и первоначальная причина уважения к чужому имуществу заключается в уважении чужого труда. Почет и уважение у нас тому, у кого много хлеба и который, значит, погнул порядочно свою спину. Что касается скоро разбогатевших от лесу, им пока почет еще плоховат. «Ишь, какую хоромину затрекал, наобдувал мужиков-то, наша кровь тут», — и при встрече, молча и не глядя, скидывают шапку и идут прочь.

Суд и расправа

44. Власть судить принадлежит старосте, старшине и волостному суду как высшей инстанции для большинства крестьянских дел. Какое дело гражданское, какое — уголовное, — очень редкие крестьяне умеют определять. Уголовным делом называется такое, когда загублена голова кого бы то ни было (человека, животины) или себя самого, например, земли лишили, кругом обворовали (так определяет один мужик Рождественской вол. Ветлужского у.). А вот определение председателя Хмелевицкой вол., бывшего объездчика: уголовное дело — что написано писарем и вложено в синенькую обложку, а, что вложено в беленькую, то — гражданское. Судьи и толковые люди описываемых волостей на поставленный вопрос отвечали: «А Бог е знает, это дело писаря — подводить, кое уголовное, а кое гражданское». Власть судебного следователя, по понятию народа, очень большая: перед ним пляшет и становой, и урядник, и все низшие власти. Отношения нынешних следователей — самые гуманные. Не то было годов 30 или 20 [назад]; в Павинской вол. следователь мужика кулаками заколотил, так что тот захирел и помер. «Одно нехорошо, — говорят мужики, — оправданий барин не пишет, эдак хоть ково можно засудить». Суд свой народ считает лучше. Тут можно и покричать, и побожиться, а там надо все по форме да по закону, а выиграешь, Бог знает, то бумагу вернут, — не туда, говорят, послана, то не так. А в своем суде, как бы не написал, все ладно, там разберут, как притянуть противника на суд. А чтобы написать бумагу получше, надо бежать к Вознесенью, за 50 верст, к какому-то подпольному адвокатику жидку Апатику или в Кандалинскую к отставному николаевскому солдату, если дело подал на неправильное решение судей. Судиться по государственным судам — надо иметь про запас не одну корову. То ли дело — свой суд: захотел получить долг, — только посули на водочку, живо два будет готово.

45. Самосуд теперь почти совсем исчез. В народное сознание начинает входить убеждение, что за самоуправство закон карает очень строго. Самосуд годов 5—10 практиковался при небрежном огораживании огородов (пороли у огорода); за кражу вора водили с навязанною вещью по улице, особенно во время праздников, теперь это исчезло; практикуется широко этот обычай только в Вознесенской вол., Вологодской губ. Никольского у., той же губернии и того же уезда в Черноской вол. с вором так поступили:

забили ему кнутовище в жопу (в задний проход) и все там взболтали. Естественно, мужик после того зачах и помер. В Пыщугской вол. в д. Кривове парня, страшного ухаживателя за бабами, мужики поймали и убили, подстрекаемые одним только что женившимся молодцом. Самосуд кончился довольно трагично: молодец, начавший бить из ревности, из-под венца пошел сразу же на каторгу. При потравах у нас скотину запирают и объявляют владельцу, что столько-то стравили, идите, получайте скот и платите за потраву.

46. Третейские суды бывают при оскорблении судей во время судопроизводства или когда заинтересованные стороны, после решения своим судом, недовольны и переносят дело на другой суд. Бывают третейские суды, когда вся деревня заинтересована, что случается не особенно часто.

49. Влияние старшины и старосты сказывается довольно сильно при рассматривании дел, носящих административный характер, когда обвинителем является старшина или староста. Вера тогда им полнейшая без всяких доказательств. Можно много привести фактов подобного рода, но вряд ли, думаю, стоит. Волостной писарь, при составлении приговоров, все же может и показания свидетелей изменить по своему вкусу, и на замечания заинтересованной в деле стороны ответить с достоинством: «Иди, жалуйся». А куда пойдешь — к земскому, но тот, пожалуй, раскричится, во избежание докучаний, и ни с чем уйдешь, а в город подавать — надо писаку найти, надо идти к Вознесенью, за 50 верст, или в Кандалинскую вол. В Хорошевской вол., например, писарь, ввиду безграмотности судей, накануне для скорости заготовляет решение.

54. Нет. В делах маловажных у нас часто попускаются и над тем, кто частенько судится, смеются, называя «правленский крючок», «крючкотвор», «сутяга». В Павинской вол. есть в д. Королеве мужик Филя Королев, он же и основатель деревни, который все уже изпрошел и стал известен чуть ли не везде. Вот случай.
Он, как имеющий много сыновей и основатель починка, разработал много; когда стали делить землю по едокам, у него покосной и пахотной земли отходит чуть ли не половина. Разобиделся старик: «Какие разрабатывал, и те отымают, не дам». Ему соседи предлагают лучшие полосы в поле и пожни. — «Не надо, моего не трогай». Подал в съезд — отказали, подал дальше — отказали и т.д. Нынче подал прямо «ко царю», в случае неблагоприятного похода, хочет старуху взять, привязать корову за рога к тарантасу для пропитания (молоком) и марш в Питер, прямо налицо к царю. Это, можно сказать, последнее его путешествие по судебным инстанциям. Раньше, будучи церковным старостой, он все с попом тягался, подавал прошение за прошением прямо в Синод, т. к. архиерей тянет руку все попа. Прошлым годом затеял тяжбу с управляющим Дурново П. П. из-за дороги, которую почему-то не проводит и не расчищает по своему имению к починкам. Управляющий мужиков д. Горки запугал и велел при снятии допроса становым сказать, что дороги от их деревни в починки не бывало, и обещал им за это дать бесплатный выгон в 25 руб. Те согласились (хотя эта дорога — большая проезжая и на карте Дурновского имения помечена). Дело позамяли. Тогда, не говоря ни слова, Филипп Силантьев — хлоп «к министеру». Выбежал из Питера главный управляющий и обещал все исполнить.
В Заводской вол. есть мужичок по прозванью «царь», который аккуратно посещал каждую сессию г. Ветлуги. Его член суда уже знает и, обыкновенно, спрашивает, зачем царь явился. Страсть к судебным процессам у него дошла прямо до ненор[мальных] размеров. Например, завтра суд в правлении, а у него дела нет, а побывать там так и подмывает. Попадается ему мужик, которого при нем обругали.
— Постой, паре, ты шьте не подаешь, накотя, как окастил Митроха.
— Ну ево к матере, — равнодушно отговаривается мужик.
— Напрасно, подавай, подем ко мне, сечас я заявленье напишу. А и то, паре, надо ево проуцить.
И мужик скоро соглашается. В Хмелевицкой вол. Ветлугинского у. я тоже встретил мужичка, который аккуратно за 10 верст посещает правление во время суда, во всякое дело ввязывается и больше всех шумит, но ему уж судьи не верят, руководясь здравым смыслом, что во всяком деле не мож [неразборчиво] слышать или видеть хоть что-нибудь.
Филя Королев советует так поступать: когда ты хочешь высудить что-нибудь, при входе в заседание суда ударь о косяк правым коленком и локтем левой руки или возьми в тряпочку четверговой соли; советуют брать Петров крест как спасительную вещь от всех несчастных случаев, а в том числе и от суда.

57. Может, часто случается, в Хорошевской же волости, наоборот, каждый ответчик или обвиняемый, непременно, должен сам явиться.

59. Не бывает; можно причислить к этому разряду разве доверенных. Кто плохо знает судебные порядки или просто боится суда, дал какому-нибудь соседу, опытному в этом деле, доверенность, и тот, с этою целью, идет в волостной суд. В Павинской вол., ввиду отдаленности некоторых деревень, мода давать доверенности за известное вознаграждение понемножку начинает входить в практику.

60. В поджогах или в угрозах сжечь или убить кого-нибудь из деревни.

62. В народном суде при кражах сличение следов, полотен, ржи, также божба, целование иконы через детей, проклятие жены и детей, скотины (вот, вся бы скотина пропала), жеребейки при мотах, отданных в краску и овчин — овчиннику; при спорах о земле в Хмелевицкой вол. Ветлужского у. допускается обхождение межи с комом земли на голове; а собственное признание и свидетели считаются самыми главными уликами.

63. Отнятые вещи у заподозренного в воровстве передают десятскому, а если близко правление, то — туда.

65. Существует. Вася Сиволуха, д. Сергиевицы, принародно о празднике снял шапку с мужика, признав ее за свою, и на суд не подал; легко переносимые вещи, как то платки, моты, холсты насильно отнимают у заподозренного и приносят на волостной суд как вещественное доказательство.

66. Нет.

67. Горячий след берут и кидают в печь, тогда, будто бы, вора начнет корчить, и он сам принесет украденную вещь. Другие же берут горячий след и веют на все четыре стороны, тогда этот след вора сыщет и приведет. Но т. к. горячий след вора очень трудно достать, то, в случае кражи, отправляются к колдуну и тот, посмотревши в воду, сказывает загадку, наподобие дельфийского дракулы, и мужики ищут. Если след остался, то прежде всего примечают лапти; если след лаптя, размер его, или сапоги, гвозди на каблуках или подковы, — узнать, чьи сапоги — дело не особенно трудное, потому что у нас носят их редко, и каждый мужик хорошо знает, кто в деревне носит сапоги и с какими каблуками, с подковками ли, с гвоздями в широких шляпках или просто так. Если кто нарочно оденет большие лапти, то и тут разглядят, что подделано, но узнать, кто ходил — дело уж трудное, потому что вор мог лапти и украсть.
В Пыщугской вол. вора поймали по кресту, слепок с которого он оставил в глине, вылезая из-под избы.

68. Если ворован хлеб, то сравнивают зерно. У каждого крестьянина, если вглядеться пристально, можно заметить разницу ржи в толщине зерна, в веяньи; у одного не чисто вывеяна и есть небольшая доза хивы, у другого метелка попадает или костеря, по ней добираются. В Павинской вол. так поймали мужика. Точно так же и семя льняное. У одного есть в семени много рыжаку или синюшнику, у другого оно чистое, как слеза, у одного семечки продолговатенькие и тоненькие, но длинные (долгунец), у другого — толстые, коротенькие и тупоносенькие. Снопы узнают по вязке. Некоторые мужички хвастают, что принеси им тысячу разных вязок — он свою непременно узнает. Одна семья вяжет большие снопы и вязку делает тугую, но пояски употребляет не особенно толстые. Другая — тоже большие снопы, но поясы делает толстые; третья семья вяжет снопики маленькие и слабенькие, чтобы помяла скорее. Еще семья вяжет иначе: узел делает не с колоса, а с гузовицы. Ленивая семья вяжет плохо и гузовицы делает неровно, хохлатые, вор вряд ли такие снопы и повезет. Чьи мешки — определяют бабы по реднине, кто какие ткал, шестицапошные или четырехцапошные, также, кто как подрубал, вдворядь или однорядь, величина мешка, узкий и длинный или короткий, но широкий. Полотенца определяют по нашивкам и их рисунку. У каждого полотенца конец полотенца выткан из красной бумаги по рисунку, какой выдумала собственная фантазия.
Полотна определяют по оставшимся концам одного тканья, приставляют, сходится ли конец полотна одного тканья с ворованным, для большей точности считают нитки в основе полотна или рассматривают, какой

бумагой учено (уток рассматривают). Такой способ сличения основан на чрезвычайном разнообразии величины берд, употребляемых бабами при тканье. Моты определяют по пасмам и чисменицам и по мотовилу. Одна баба мотает на мотовиле двадцатке, т. е. в пасмо идет 20 чисмениц, другая — на тридцатке, т. е. в пасмо идет 30 чисмениц. Одна баба считает мот достаточным в 10 пас, другая — в 30 пас. Мотовило тридцатка — полтора аршина величины, двадцатка — побольше, чисменица имеет три нитки.
Мятый лен, т. е. куделю, определяют по делке, т. е., кто как обделывает, как обвязывает, посередке или к комлю ближе, какой поясок, толстый или тонкий, и какая горсть, велика ли. При сравнении оставшегося льна с ворованным станет ясно и не посвященному в эти тонкости.
Муку, солод определяют по вкусу, сушке и помолу. Один крестьянин солод мелет крупно для пива, другой — помельче; у одного солод или рожь запарилась и на вкус уж слышна, у другого — нет; у одного она суха и немножко красновата от этого, у другого — плохо просушена, отчего бела и плохо вязнет на зубах. Веники — по вязке: один вяжет той же березой, другой — лыком, третий — оставшимися от тканья обрезками ниток; глядят также на величину веника и крепость веника. Лапти — по деревцу, на котором плетут, по кодочигу, которым подковыривают, и по лыку. У одного лапти про запас наплетены из каленых лык, потому красных; один, плетя из тех же каленых лык, паздеру плохо очищает, другой — порядочно; один употребляет кодочик [так в рукописи] широкий и потому лыко у него широкое, другой — узкий, и лыко у него узкое. В общем, обращают внимание больше всего на выковырку лаптя. Один — два раза выковыривает, другой — три раза. Специалисты лапотники обращают внимание еще, кто как заплетает пятку. В чем тут дело, я пока не мог добиться толку.

70. Не пьяница, мужик трезвый и калякало пустой, т. е. редко говорит, но уж, если говорит, то толково и ясно. Обыкновенно, писари у много говорящих свидетелей записывают только то, что им кажется существенно относящимся к делу. По обычаю, должно быть число свидетелей достаточным — три. Если два плохо доказали правоту потерпевшего, значит, он отчасти виноват в своем несчастьи и ему отказывают. Три свидетеля (так объяснял мне судья Павинской вол.), положим. Если один — за обвиняемого, а два — за потерпевшего, значит, того дело правое. При четверых свидетелях или пяти дело разобрать было гораздо труднее. На одной стороне 3, на другой 2 — сомнение возьмет, а тут два и один — дело ясно, значит, у кого два, того дело выиграно. Свидетелем считается только тот, кто видел сам или знает всю историю случившегося события; послухов, или слышавших сплетни, молвы со стороны, обыкновенно, не вызывают.

71. Нет, не допускают.

72. Пьянице в Хорошевской вол., про которого противная сторона может сказать: «Он за полуштоф пришел показывать, чито ему верить-то, судьи правильные».

73. Уклоняются, и часто, помня пословицу: знайка по дорожке бежит, а незнайка на печке лежит. Многие отцы и матери, отпуская своих сыновей на гулянки, наказывают: «Де увидишь драчу, беги от ие, кабы в свидетели не попался». Особенно трудно бывает подыскать свидетелей во время судопроизводства перед Петровым днем: многие тут только что начинают косить, много хлопот стоит честно уломать мужику соседа идти во свидетели, ну, конечно, за это обещается дать на угощение, т. е. вместе выпить.

74. Как не бывает, частенько, и народ относится к этому снисходительно, хотя каждый мужик отдельно Вам выругает нынешнюю нравственность свидетелей, на чем свет стоит, т. е. выкажет свое благородное негодование. Только у нас угощают после судебного процесса, чтобы противная сторона не уличила их в этом проступке. А если истец проигрывает дело, конечно, пропадает и угощение.

76. Присяга, в собственном смысле, у нас в волостных судах не допускается. Разрешается только сходить к Богу, и то по согласию истца или потерпевшего.
— Ну-ко, сходи к Богу, что неправда.
— А схожу. Судьи правильные (иногда и праведные), дозвольте.

— Можно. Говори так, дак поверю: «Пусть моя скотина пропадет, пусть жена и дети помрут и я сам счахну, коли это дело я сделал.
Если ответчик исполнит, то истец хватает шапку и бежит вон. Клянутся и так: «Вот те, Микола, на то Христос, будь я искиловат, провалиться бы мне сквозь землю, лопните, мои глазоньки, околеть бы мне». Самой сильной и решительной формой присяги, на которую редкие соглашаются, считается в Павинской вол. следующая: ставится в сутки ощепок лучины, и обвиняемый перед иконой громко и отчетливо произносит: «Как этот ощеп иссушило и изжарило жаром, так чтобы и меня свернуло и скрючило, если это правда и я виноват». После этого истец отступает со стыдливой физиономией, провожаемый недоброжелательными взглядами присутствующих за напрасный поклеп.

78. Присяги у нас боятся, как огня. Тут надо говорить всю правду-матку, а немножко соврал — Бог может страшно покарать. Часто приходится слышать такие выражения: «Ты у меня под присягой все скажешь, тут ничего не скроешь». Или один про другого: «Ваче он идет в свидетели, ведь под присягой должен всю правду сказать». Можно заключить, что присяга, в глазах нашего крестьянства, есть нечто великое и священное, преступление которой влечет за собою кару небесную. Но, раз присяги не принимал, крестьянин может и соврать, и врут немножко, это верно, особенно, когда приходится стоять за родню.

83. В Павинской и Хорошевской вол. обычай брать за выпивку деньги сильно развит. Как кончится разбирательство, один из судей сейчас к тому, кто выиграл процесс и подбегает: «С тебя следует». Тот вынимает на четвеatруху, и судья бежит к старшине или заседателю за водкой (они иногда в большие суды подряживают водку и продают). В Павинской вол. дело до того доходило, что чья сторона выиграла, клал на стол судьям прямо полтинник. Такая мода держалась, по-моему, благодаря тому, что судьи не получали жалованья до сих пор.
Относительно правильности решения или неправильности, строго говоря, эти магарычи много не могли влиять. Они могут влиять, когда дело немножко спутано, и писарь настроит судей, что нет, дескать, ясных доказательств, потому отказать. Магарыч модет [может] влиять также и на размер наказания. Если бы судьи часто неправильно поступали, наш вятчанин и хорошевский мужик живо бы в Ветлугу «апелляцию», к тому же, каждый судья боится за свою шкуру; когда он выстанет из судей, первый, обиженный неправильным судом, ему о празднике может накостылять в загривок; потому решения волостного суда все более или менее правильно решаются, когда есть ясные доказательства.

84. Неправильно предъявленный иск судьи сводят к нулю, отказываю[т] в иске лицу и не показывая его, за напрасное беспокойство ответчика. Не так дело происходит в уголовных делах.
Дело Павинской вол. 1891/44. Потерпевший заявил суду, что у него украли шубную одеяльницу, в краже которой он подозревает Кузнецова, он, будто бы, видел вшитые шубные лоскутья его одеяльницы. Урядник по сему делу ничего не выяснил, а передал прямо суду, а волостной суд постановил дело это прекратить и считать по суду оконченным. Что же касается оговорки потерпевшего, будто бы он видел лоскутья своей шубной одеяльницы в хомуте Кузнецова, и т. к. эти показания ничем не подтвердились и оказались голословными, то за оглашение — подвергнуть потерпевшего денежному штрафу 50 коп. в пользу запасных мирских капиталов. Практикуется это в Хорошевской и Пыщугской вол., т. к. прослыть вором — отзовется крайне невыгодно на его отношениях с соседями. В других преступлениях отказывают в случае неправильности, как и в гражданском иске.

85. Частенько, особенно в Павинской вол. Вологодской губ. Никольского у. В волостях Хорошевской и Пыщугской наказания розгами запрещены земским начальником. Наказание розгами считается самою высшею формою наказания, т. к. кличка «поротый» будет надоедать каждый день при каждом неприятном столкновении. В Пыщугской и Хорошевской розги заменились арестом и штрафом, хотя изредка нет-нет, да судьи и накажут розгами, особенно в Хорошевской вол., для нравоучения другим. В Павинской вол. строго следят и наказание розгами не заменяют ничем, хотя бы и просил крестьянин. Вот диалог ругани двух мужиков...

— Тебя, видно, мало пороли в правлении, ишшо хоцу я. Вот и тебя выпорют.
— Как бы не так, не за шьте, я ишшо не набил ни у кого рам-то, а ты уж порот, тебя по-настояшшему в десяцкие-то нельзя пускать, не то шьте в соцкие, а ты на-ко, де других надо бы усмиреть, а он сам лизет дратьця, да рамы колотить.
Во всех названных волостях существуют следующие наказания: розги, арест строгий, арест простой, отдача в общественные работы.
Пьяные арестованные ужасно безобразят, кричат, воют на все село, колотят в дверь, тут нагадят. За проступки посаженные сидят смирно, просятся что-нибудь поработать около правления, чтобы лишний день сбавить, бабы берут работу с собой, мужики лапти плетут, при случае некоторые не прочь бы и убежать. Особенно тяжело отбывать наказание около Петрова дня. «А зимою ничего, хоть вдвое дольше», — смеется иной раз отсидевший.

86. Гражданские иски во всех волостях не превышают 100 руб.; часты иски в неуплате долга 2, 3, 4, 15—20 руб. Денежные наказания налагаются не свыше 3 руб., и то в пользу потерпевшего; наказание в пользу мирских капиталов не свыше 2 руб., 1 руб. 50 коп., 25 коп., штрафы 50 коп. 25 коп. за неявку свидетелей, иногда самого просителя. Денежные взыскания назначаются за наказание всегда в денежных знаках.
При наложении денежного взыскания обращается внимание на состоятельность виновного и только, при бедности заменяют деньги арестом, ровненькому предлагают на выбор — или три дня под арестом, или 1 руб. штрафу. Хорошевская вол. 1891/15.
1894/9. Хорошевская вол. Потерпевший заявил суду о нанесении побоев, изорвании шарфа и отнятии 15 руб. Свидетели показали, что «штурма была у трахтиры неизвестно и с кем».
— После штурмы пришли ко мне в дом Ф. А. с работником и пришли М. и А. Н. и начали колотить работника, а Ф. А. взял лучину с огнем, пошел было на сеновал искать Аф. Аф., боясь, чтобы не наделать пожара, сказал, что я здесь, на полатях. Панф. сказал, что тебя-то и надо, и стащил с полатей; он вырвался и побежал, но в дверях его схватили за шарф, который и перервали, денег и нагумажника он не видал. Суд определил, т. к. 15 руб. неизвестно, были ли, то отказать, а за шарф заплатить с них по 75 коп., а за проступок взыскать в пользу потерпевшего 3 руб. или на 10 дней под арест.
Дело Павинской вол. 1893/18 о нанесении потерпевшему раны колом, отчего потерпевший явился в Правление весь в крови, как зарезанный баран. Рана оказалась ⅛ вер. длины. Свидетели показали, что Коркин по вчера, 15 мая, в числе других домохозяев ходил по полю для осмотра осеков, был тут и Чегодаев, который то и дело ввязывался к Коркину, неизвестно почему, и, наконец, ругнул его людоед, на это проситель только плюнул на землю. Что Чегодаеву показалось обидным, неизвестно, только он схватил находящийся у него в руке кол и ударил им по голове Коркина. Другой свидетель, Коренев, показал то же самое с прибавлением, что ответчик ударил просителя за слово кровопивец. Суд постановил: т. к. виновность ответчика на суде обнаружена и подтверждена вполне не только свидетельскими показаниями, но и лично свидетельствованием раны и, кроме того, сознанием самого Чегодаева, ввиду чего волостной суд постановил: подвергнуть денежному штрафу в пользу потерпевшего на 4 руб. — 2 руб. на излечение и 2 руб. на удовлетворение обиды.
Осрамительных наказаний нет у нас и греха пополам тоже. В Хмелевицкой вол. грех пополам существует.

101. Празднества. В Павинской вол. повсеместный праздник Троицын день и Покров. Гуляют на последнем по целой неделе. В Хорошевской вол. — Фролов день, 18 августа и др. В Пыщугской вол. — Никола Вешной и Зовиженьев день. В Хорошевской вол. все гулянья носят название «братчин», указывая тем самым на старинный обычай варить пиво при церквах и часовнях. В Пыщугской церкви сохранились и до сих пор подвалы, где хранилось общее пиво, а в Хорошевской вол. и до сих пор осталось много часовен, окруженных громадными кучами пивоваренных камней и с подвалами, где до сих пор гниют оставшиеся лагуны из-под пива. Общий характер гулянья во всех волостях одинаков. Наварят пива котлами пудов на 6 и пьют. Мужик или баба приходит в гости к тому мужику, который у него бывал, молится Богу и поздравляет с праздником; хозяин в ответ подает ему чарушу пива, некоторые, или даже большинство, если не пригласят сесть за стол, — идут в следующий дом, там подают рюмочку винца и пивца. Получив чарочку, мужичок идет дальше,

в соседний дом, за следующей рюмашкой, и так, без закуски, некоторые обходят целую деревню. В последнем доме натура не выдерживает, и бедняга тащится на сеновал, если не слетит с лестницы в грязь. Так угощаются мало знакомые друг с другом. Родственников хозяин сажает за стол, кормит обедом, во время продергивают по рюмочке и стакану пива, после обеда идет круговая чашка пива, по порядку, без различий звания и чина, а водка подается сначала суточному гостю. Если жена начинает угощать, то подает сначала мужу, сын угощает — отец заставляет себе подать, а потом уж почетному гостю. За столом песни поют, кричат, ругаются, несмотря на то, что хлеб считают даром Божьим.

Несколько иной порядок в Хорошевской вол. Основываясь на старинном братчинном обычае, здесь каждый хозяин со своими гостями идет к хорошему знакомому соседу, там погостит, к себе зовет со всеми гостями, тот опять со всеми идет, угощаются пивом, водкой, а затем кто куда и распрячутся, гетеризм о праздниках в Хорошевской вол. сильно развит, совокупляются пьяные в близких степенях родства. Пьяная сноха лезет к неженатому деверю, свекор — к снохе, двоюродные родственники — и говорить нечего. Не знаю, бывали ли случаи соединений о праздниках родных братьев и сестер, выданных и женатых. Говорят, что бывали и грехом не считались, только неженатые и невыданные этого не делают.

В с. Троицко-Леденгском Павинской вол. после обеда обязательно весь хлеб убирают и перед каждой подачей пива стаканами затягивают какую-нибудь песню. Это зовется песенная подача. В Хорошевской и Пыщугской этого нет. Угощают сильно, хозяин стоит на ногах до тех пор, пока не выпьет гость всю рюмку; когда гость морщится и пьет неохотно, то хозяин, взяв за ножку рюмку, быстро опрокинет, и гость, волей-неволей, должен глотать. Упрямцам и мало пьющим выливают за ворот. Муж заставляет иногда стоять жену на коленях и кланяться. Но это редко.

Молодые и повенчавшиеся в нынешнем году непременно должны бывать в гостях у отца выданной дочери, иначе выйдет крупная ссора. Остальные могут бывать и не бывать, серьезного не произойдет ничего. Обязательно должен варить пиво, кто гулял на чужих праздниках; если отец семейства, то он варит, если сын, то он настаивает. Вообще, нужно [отметить], что каждый считает своею нравственною обязанностью сварить пива, иначе станут соседи и другие знакомые косо глядеть на него и, при случае, пожалуй, кто-нибудь выставку даст. «А ты, — скажет, — угощал меня, варил пиво, вон Бог, а вон порог, ступай, пока цел».

О масленице пиво варят и стряпают в некоторых деревнях вскладчину, сносятся все бабы мукой, м[ожет,] пекут, затем всей деревней и пируют. У нас в починке Окулихе Павинской вол. на тот год мужики порешили справить 16 августа в память принесения с Аона [Афона] Нерукотворного образа Спасителя и встречи его у нас в деревне; нашли, варить каждый отдельно — невыгодно и стряпать тоже; ближайшая цель складчины — накормить нищих и богомольцев, пришедших из других деревень помолиться. Древняя братчина думает возобновиться.

Устраиваются празднества при священии (освящении храма, закладке его), овинные именины (на домолотках и супрядках, треплют лен), дожинках; во всех этих случаях некоторыми варится пиво. В с. Троицко-Леденгском в некоторых починках во время вывозки навоза вся деревня поочередно помогает друг дружке, хозяйка для угощения варит хороший свежий квас для питья и стряпает пироги. Квас в это жаркое время лучше пива, не горячит и хорошо утоляет жажду.

103. Препровождение свободного времени в обществе. В Хорошевской вол. и Пыщугской (Павинская описана в прошлом году) в воскресные дни до начала сенокоса и во время жнивы крестьяне садятся на заваленку и больше молчат или изредка говорят о предстоящих работах, иногда под влиянием зубоскала балагура пускаются в шутовство насчет баб, отчего у того сбежала баба, иногда тут же осмеивают мужичка, сидящего тут, смирного, зная его слабую струну. Да вот маленький образчик.

Сидел я раз в д. Ивакине на бережку канавы. Говорили о том, как их стеснил управляющий имением Дурново лесом, лыками, выгоном скота (обычная тема), перешли затем к сенокосу, что ноне трава инде была хороша, инде — плоха, но сенокос выставлен хорошо, как и сколько кто накосил. Разговор на этом и кончился, никто не мог возобновить, и все погрузились на ¼ часа в молчание, словно обдумывая, с чего бы начать. Вдруг подходят с вилами и граблями два крестьянина, здороваются и садятся; мгновенно у всех физиономии изменяются и делаются веселыми.

— Шьте, концели? — послышалось со всех сторон.

— Концели, хотили було загородить, да не дал леман полесовник жердей нарубить; я-то бы ишшо ницево, да вон етот «опах»-то, прости Господи, выдал себя.

Взрыв хохота.

— Настоящий опах, — шутя, уже начал продолжать балагур, одушевляясь, — он не только лес утащить, не знает, где у бабы теплое место, валит, да тыцет «а о пах».

— Куда у тебя жена-то девалась? — спрашивает один из сидящих.

— А церт ее знает, — отвечает смущенно тот.

— Жену не мог удержать, а за другими бегает, не резон, — вставляет кто-то.

Отпустив жертву и натешившись, рассказчик незаметно переходит к другому рассказу на эту же тему, как он в Ветлуге надул коновала, попросив у мерина почистить ссяло, и вместо того привел к кобыле, отогнул хвост и сказал: «Чисти».

Хохот.

— Он заругался, я, бает, то сделаю, что двух шагов не ступит кобыла, пропадет, я побоялся и дал ему двугривенный.

Иногда случается, попадется в руки книжка «Сельского вестника», но читанье — монотонно и по складам, скоро надоедает, и читальщика бесцеремонно тут же заглушают другим разговором.

Из развлечений среди молодежи — карты, девицы, водка и неразлучная спутница последней — драка.

В Хмелевицкой же волости карты заменяются игрою в орлянку, т. е. бросают деньгу кверху и говорят: «Орел или сито». Не отгадавший проигрывает поставленное на кон. Играют не только летом, но и зимой на гумнах, в ригах, отчего последние нередко горят. Уже народ начинает сам преследовать азартников. Обыкновенно, чуть прослышат, что там-то на ночь забралась партия игроков в ригу, сейчас посылают сотского или урядника и прибывание власти тут застает их на месте преступления.

В Павинской вол. в починке Таненки завелись единственные азартники в карты, доходящие до проигрывания коров, свиней. В Хорошевской вол., благодаря частым посещениям на плотах, в Козьмодемьянске начинает развиваться картежная игра среди молодежи и даже семейных, причем парни играют в деньги, мужики пока — в пряники, крендели, немножко начинает появляться это зло и в Пыщугской вол.

105. Трактир. Сначала постараюсь описать роль этого заведения в Хорошевской вол. Годов 10 тому назад кто-то предложил для подновления храма приходского устроить трактир с крепкими напитками. Устроили. Трактир превратился в кабак, т. к. чаепития и в помине нет. Выручка куда-то тает каждогодно, несмотря на частые смены доверенных. Храм по-прежнему остается не отбеленным и подновленным. Это так, между прочим. Теперь, какое значение для крестьян имеет. А вот какое. Каждый крестьянин о праздниках пивных со всеми гостями считает непременным долгом устроить проводины в трактире. Покупают водки и тут же, около заведения, расположившись в кружок на травке, все бабы и мужики мирно выпивают принесенный радушным хозяином поллитор, заедая пшеничными пирогами хозяйки. Это раз. Второе. Нигде не заключается условий на вывозку леса, как в трактире; там рядит вывозить лес доверенный от каких-нибудь Варшавских, там же рядит подрядчик Бурлаков. Четверть водки или полведра выпивается с Варшавских пополам с подрядчиком, на другой день кутят на свои. В день заключения условий бабы не присутствуют, на другой день являются на остатки пиршества, принеся с собой пирогов для закуски. Интересна бывает картина. Вот баба тащится с хлебницей пирогов и, отворив дверь заведения, кричит: «Нет ли тут моево пьяницы?»

— Здися! — слышится осипший голос.

— Ах ты, ад непокрытый, не наадался, пьяниця, читобы тебя разорвало, тьфу ты! — И баба плюется.

— Не ругайся, иди, поднесу, — успокаивает расходившуюся бабу мужик.

— Провались ты в тартарары и с водкой-то своей поганой!

— Да ну, шьче, Матрена, лаешься, ровно чепная собака, поди выпей, — вступается другой мужик, на паях взявший лес с мужем бабы.

— Али я за етим пришла, поди ты!

— Да ну, выпей, ведь не прорвет брюхавицы.

Баба нерешительно подходит к протянутой руке со стаканчиком, берет и отпивает чуть-чуть, усиленно морщась.

— Да ты пей всю, шьте только пригубила.
— Да ну вас, какая и водка-та не басковая!
— А ты сразу, — ободряет ее муж.
Баба снова подносит ко рту и тихонечко дотягивает всю. В протянутую для отдачи рюмку снова наливается водка, и баба, уже с меньшими ужимками, выпивает всю. Полуштоф весь. Язык у бабы развязался, баба залепетала.
— А чито, мужик, деньги-те есть ишшо, не все, поди, пропил?
— Нет, все, — откликается тот уныло.
— Ежели нет, да вот, на, я прихватила двугривенницек.
Мужик ликует, а баба, вероятно, не меньше.
Теперь, что делают одинцы, т. е. мужики без баб.
— Давай, рат [брат], выпьем.
— Давай.
Полуштоф распили. Немножко покалякали.
— А теперече тибе не мешало угостить.
— С удовольствием, да денег, вишь, нет.
— А зачем же ты пил, коли нет денег?
И пошла, и пошла... разошлась русская натура, сбегаются на шум урядник, сотский и буяна запирают в арестантскую, где расходившееся сердце долго стонет и бьется в решетку, оглашая деревню дикими голосами. Более смирные разговаривают, тихонько шумят об обидах, нанесенных им тем-то и тем, хозяйственные вопросы тут совершенно не поднимаются, они были в ходу, когда мужички были, как говорится, только выпимши и на первом взводе.
За последнее время начинает входить в моду «пропивать невесту в трактире с разными закусками и деревенскими сластями». Пока еще устраивают пропивку в с. Вознесенском, где чай есть, и то, одни только зажиточные; средние и бедные ограничиваются четвертушкой дома за 1 руб. 50 коп., за которую нередко подают в суд ко взысканию в случае размолвки сговоренных.
Постоялого двора в деревнях нет. На большой дороге каждый домохозяин почти имеет постоялый двор, раз у него крытая ограда с плотными воротами. Прежде всего приезжего спрашивает хозяин: «Кто ты, откуда узнавши, из какой стороны?» Ответит: «Слыхал» или «Бывал». Если бывал, то начинается, первым делом, осуждение порядков той стороны или хваленья. Поставленный в неловкое положение проезжий, волей-неволей, должен защищать свои порядки и, в свою очередь, хулить здешние, если он только знаком. Иногда разговор начинается прямо с хлеба, сена, если в месте, где живет хозяин, был недород того и другого, затем переходит на землю, т. к. в Хорошевской и Пыщугской вол. крестьяне имеют земли 6 дес. на душу, тут есть и пахота, и сенокос.
Нужно заметить, что заезжий человек в нашем глухом краю, все равно, что учитель географии или этнографии для школьника: из рассказов заезжего наш мужичок черпает сведения о других губерниях, о порядках и обычаях крестьян этих губерний, как в тех губернияхъ делают сохи, бороны, колеса (разговор вращается более около этих предметов).

106. Стремление возвысить свое общественное положение

Наш крестьянин гордится, по преимуществу, силой. Сильный парень нарочно придирается ко всем, как бы этим вызывая на бой и искоса поглядывает на девиц — глядите, вот, мол, я какой. Но уважением и почетом пользуется один только зажиточный крестьянин. Сильный всем только надоедает, да в драки вступает. В разговорах сильный говорит: «Я позавчера выворотил один пенек, который тятька втроем не мог выбрать». — «Медведь и железо ломит, чито нажил ты, много ли хлеба в сусеке у него, даром, шьте он и проворен (в смысле — силен)», — говорят про такого. Мужик зажиточный — значит, он даровитый и дельный. Такому мужику каждый оказывает уважение. Другое дело — крестьянин богат, благодаря отцовскому имуществу, и глуповат. Такого все как-то сторонятся и по заглазам смеются. Каждый бедняк, наживший хлеба, еще пуще других издевается. Наживают свой достаток крестьяне Павинской вол. исключительно от продажи хлеба. Про богатого говорят: «У него деньги есь и хлеб есь, цево ишшо ему надо?»

В Хорошевской и Пыщугской вол. легко наживаются бойкие мужики от продажи выгодной скупки у помещика и с хорошей прибылью продажи его. Другим средством обогащения служит для некоторых крестьян (Заводская вол.) отправка мясных туш в Ярославль и Петербург.
Некоторые из крестьян Павинской вол. (Троицкий приход) начинают поправляться от выделки горшков, кирпича, бочек, ведер, ушатов, косуль, веялок, т. к. ничего этого нет в Хорошевской и Пыщугской вол., и все ездят и покупают означенные произведения в Троицком приходе. Большинство мужиков обуяла страсть к торговле. Продал мужичок 9 мешков ржи, покупает трески и возит по деревням, другой напустится на сельди, третий — на пряники и т. д., и каждый год, благодаря этому, вылетают в трубу предприниматели коммерции. Явилась, было, у одного страсть к разведению огурцов; уродилось много, вывез в село, а у него их никто не покупает — мужики, не видавши, боятся взять, как да прокиснут, — так это дело и заглохло. Все богатство — наш мужичок считает — в деньгах. Денег много — значит, ты богат; дома устраивают богачи больше для форсу: снаружи дом обшит, а внутри пол, как сковорода, и по временам молодые ягнята спят.
Все названные виды занятий во всех волостях в почете; нужно прибавить к этому, как особенно почетный, кузнечное мастерство и, в особенности, слесарное, вероятно, благодаря малому количеству последних и сильному развитию осенней промысловой охоты на белку, рябка, медведя, сохата и др. Низкими считается идти в работники, работницы, в услужение на чужую сторону, на фабрику куда-нибудь; из торгово-промышленных предприятий закупать кости, битое стекло, тряпье, торговать поясками, ремешками, зеркальцами.
Сельский староста в Павинской вол. ездит на паре с колокольчиком и пользуется почти равным уважением; в Хорошевской и Пыщугской вол. староста, напротив, всех, как будто, боится, отказывается всеми силами от разрешения недоумений и просит передать дело в суд или старшине; он считает себя только сборщиком податей, ему даже и лошадей не полагается. Точно так же и в Хмелевицкой вол. Там, благодаря строгостям старшины, для старосты авторитет земского начальника сведен почти до нуля и ценится ниже старшины авторитета. Поэтому здесь в старосты не особенно идут, хотя места старшины многие добиваются, подговаривая и подпаивая крикунов на сходе, а чаще всего подольщаются к земскому начальнику.
Пожертвований крупных никто почти не делает ни на что. Недавно умерли муж и жена, оставив имущества на 6000 руб., не пожертвовав на церковь ничего, кроме как на помин души 100 руб. В Пыщуге лампаду купил дьякон в 50 руб., и все ахали и удивлялись крупной жертве, между тем, есть в приходе богатые лесопромышленники — и никто ничего. Старухи, умирая, иногда отписывают избенку в церковь.
Относительно благотворительности на школы нечего и думать. Во Вздвиженском обществе Пыщугской вол. целое общество отказывалось больше полгода от земской школы, много трудов стоило земскому начальству уломать тупоголовых. В Хмелевицкой вол. один торговец пожертвовал 15 пудов муки погоревшим — [се]лянам и все считали это крупной жертвой.

107. Личные отношения

Крестьянин Павинской вол. вообще ленив кланяться, даже со знакомыми мало принято здороваться или говорить при работе друг дружке «Бог помощь». Такая неучтивость, пожалуй, немножко коробит постороннего человечка. Если встречаются два мужика знакомые, то обязательно трясут руки; если где сидит компания и кто-нибудь желает присоединиться к ней, то первым делом должен со всеми за руки подержаться. Старичок, при виде такой компании, остановится, скажет: «Мир на бисиде» и затем, опершись на свою клюку, начинает вести разговор.
В Хорошевской и Пыщугской вол. народ гораздо учтивее, баба считает долгом обязательно поклониться каждому незнакомому мужчине, мужик, при виде человека — брюки на вытряску, тоже. Старички при встрече друг с другом, взяв в левые руки шляпы, здороваются с открытыми головами; взрослые, приподняв картузы слегка, а молодежь, потрогав только рукой за козырьки, мальчишки — никак; бабы, при встречах, хорошо знакомые, здороваются и целуются при словах «моготь ли, Парасковьюшка». Некоторые зовут просто по имени, старики — молодых и взрослых — обязательно просто одним именем, молодые — по новой моде — по имени и отчеству друг дружку, бабы — просто одним именем, задушевные подруги среди замужних женщин — по одному отчеству, это считается верхом дружбы и вежливости, дальше идти уж наша женщина не может.

В Павинской вол. распространено называть друг дружку не по имени и отчеству, а по фамилии: «Здравствуй, Мусинов, Кузнечев»; зовут по имени и отчеству церковного старосту, волостные власти и вообще того, кому хотят высказать особенное уважение. После приветствия спрашивают: «Ну, как живешь-можешь?» — «Да, ницево, помаленьку». — «Слава Богу, Слава Богу». — «У Вас, бают, червяк нацинает бить озимь». — «Есь малось, я вот рано посеял, топереця с борозд-то так и забирает». И т. д. Если встретить кого с вещью, то, обыкновенно: «Куды ето натутулился с бураком-то», после полученного [ответа] уж здороваются. Прохожего или идущего знакомого каждый обязательно спросит: «Куда ето пошел, Иван (или Ераст)?» — «Да, дело есть маленькое до правления, тащусь туды». — «Дело, дело…» — отвечает спросивший; если он неразговорчив, то на этом беседа и кончается. Если встречаются со старшиной, то при каждом обращении к нему стараются назвать его по имени и отчеству. Это проглядывает и в отношениях с начальством; кого боятся и уважают, мужик старается как можно чаще употреблять словечки «Ваше благородие». — «Я, Иван Трофимовиц, уже все сделал. Нельзя ль, Иван Трофимовиц, погодить маленецько с оброком?» — «Нельзя». — «Ой ли», — грит, — «бутто и нельзя», — хочет подшутить бедняга мужик. — «Нельзя и нельзя, нынце земский стрась какой строгой». — «Слыхал, шьте строгой». Пауза. «Ты, Иван Трфимовиц, не заложишь ли за меня». И т. д. Ласкать кого бы то ни было, в особенности баб, мужику народный обычай запрещает, потому мужик, во избежание насмешек, старается сурово обращаться с детьми и женой. Ласка мужа к жене выражается в интонации голоса. Есть у нас мужики, которые во всю свою жизнь не называют своих жен по имени, а как-нибудь, то — колпак, а то просто — баба. Если хочет приласкать бабу свою, то называет — бабень: «Бабень, истопи-ко мне баньку». И баба понимает, что муж с ней ласков. Некоторые называют свою бабу куропаткой. Вот образчик ласки мужика к ребенку. Ребенок ревит. «Не реви, я те; ну, не реви…» — Тот продолжает. — «Ну, иди ко мне, хто тебя, ой ты, мозгленок», — утирая сопли, садит к себе на колени подобревший отец, — «право, мозгленок, мама тибе коко сварит, токо ты моци, мы маму сицяс за хвос, подавай нам, мама, коко».

Выражения недовольства выражаются в коротких словах, называемых матюками; недовольство среди женщин — в сплетнях относительно поведения недовольного лицом. Презрение выражается в словах: паскуда, мразь, прохвостка, потаскуша, блять, сука, подлюга. «Я с тобой, потаскухой, и баять-то не хочу, не стоишь тово», — иной раз раскричится женщина.

Высокомерие. «Хто я, спроси всех, меня все знают от мала до велика; я весь ваш починок скуплю, да в реку сташшу, вот, шьте я могу сделать, знай наших; нет, я не Титко, не Дормидко, я пальцем трону, дак тебя не будет, плюну на ладонь, другой прикрою, только одна мокротця останется, вот, хто я. О! Меня не задевай, я хуже шипици», — когда-нибудь о праздник раскричится пьяный лесопромышленник-богатей или трезвый в сердцах.

Какое влияние оказывает на отношение имущество, сообщу из своей жизни. Отец мой, имея 600 руб., задумал поселиться на починке на свой крестьянский надел. Выстроил дом и стал поживать. На сенокос и жниву нанимал, и вот, звали отца не иначе как Осип Никифорович, по за глазам и в глаза. Попросит ли кого сметать стог или починить борону, — сейчас помогут. Уважение оказывали сильное. Но сгорел наш [дом] с имуществом, мы стали нищие, и отношения как-то сразу изменились. Отца горе пришибло, из смелого и веселого он сделался робким, трусливым, на сходках голосу не подавал, и престиж его погиб безвозвратно. Теперь уже — не Осип Никифорович, а фершал или сайдат, даже крестники не называют его крестным, а прямо — сайдат, а в глаза — старик или дедюшка. Поломалась соха, попросить кого — пожалуй, не каждый пойдет, стог сметать — и говорить нечего, не заикайся.

Так сделалось в соседских отношениях, зато его пациенты пронесли его доброту за три волости и едут к нему за 40 верст; но что может помочь без лекарств, которые все сгорели, однако лечение от ревматизма холодными ваннами, брусникой, сифилиса возвратило многих к здоровью, и он теперь о праздниках — самый любимый гость. Не будь этого, он бы так и был забит деревней, что и случилось на Игумновском починке. Пока у солдата деньги были, — почитали, а как промотал, — каждая баба не уступает и ругается с ним.

Что касается данного слова, то не исполнить его почти каждый стремится, если оно не в его пользу. Например, в жниву кто-нибудь посулился к тебе, но другой дал дороже, и он к тебе не заявится, объявив бесцеремонно, что там дали дороже.

Больше половины решений волостных судов наполнены исками о неуплате дома, особенно богато этими решениями Пыщугское правление, там почти ¾ всех решений заполнены о неуплате 40 коп., 50 коп., 1 руб., 3 руб. и т. д. Привлеченный ответчик сознается и обещает уплатить. Через неделю смотришь, — опять то же дело разбирается.

Оберегают свою честь крестьяне судом; бывают случаи, что свекор сноху тащит в правление за обесчещенье словами, и суд приговаривает взыскать 2 руб. в пользу истца (Хорошевская вол.). Большим оскорблением считается, если в присутствии многих лиц назовут вором, это высший вид оскорбления.

Уважение приобретается добросовестным исполнением общественных должностей, церковного старосты, старшины, судьи, старосты общественного. Напротив, погибло все уважение, если крестьянин хоть чуть замарал себя. Особенно часто марают себя сельские старосты в Пыщугской вол. при сборе денег и растрате их, сборщик податей в Павинской вол. Казнокрад, — другого слова нет ему. Наш крестьянин не интересуется общест[в]енными суммами, но, раз до его уха долетело, что такого тянут к суду за растрату, пропало всякое уважение к нему. На сходках обычно такой со стыда не бывает. Других способов достичь уважения нет среди наших крестьян. Лесопромышленник, хотя в глаза и льстят ему, но по заглазам крепко ругают.

Гостеприимство у нас сильно развито. Каждая деревня варит пиво раза три-четыре в год. Идут в гости под вечерок или к ночи, чтобы кутнуть на спокое, пьют почти всю ночь, утром следующего дня встают и кутят весь день, ложатся рано, иногда (осенью) пьют по неделе. Одеваются всегда в лучшую одежду, особенно повенчавшиеся в этот год. Каждая баба или мужик, идя в гости, старается чего-нибудь захватить для гостинца, где будут гостить, ребятишкам. Если починские идут в жило (Павинской вол. крестьяне — в Пыщугскую вол.), то несут гороху, малины, крендель, пряников, которых нет в жиле. Женщина, приходя в гости, молится Богу, поздравляет с праздником, а когда хозяин, встав с поклоном, садится за стол, говорит: «Андиль на бисиде». Затем начинается обычное вступление: «Каково моготь, Авдотьюшка». В Адоевском приходе Ветлужского у. при угощении гостей говорят: «Поелосте, поелосте». — «Уж мы зовигали, надвигали, наеладились и то».

Разговаривают мужчины о ближайших событиях. Если хозяин недавно возвратился с Волги, то гость, обыкновенно, спрашивает, каково сплавил он пленицы и плоты, как лес продавали, бойко ли, и много ли денег выручил. Женщины — о ребятах, по преимуществу. Одна сообщает, что у ее ребенка пупик грызет, и другая советует намазать крепкой водкой, у иной ребенок «болно дришшет», и кто-нибудь советует осиновым щелоком поить.

Сплетни осенью разносят, по преимуществу, девушки. С 1 сентября у нас все девицы собираются в одну избу вечером прясть, приходят туда молодцы; прядут, конечно, мало, а больше играют, пляшут и т. д. Кроме того, у нас заведен обычай погоститься. Верст за 10 приезжает девушка к родственникам попрясть, пошить. Новое лицо, понятно, ею все девицы заинтересовываются и с жадным любопытством прислушиваются ко всему тому, что она говорит, и чуть только она что-нибудь про себя сказала неладное, разоткровенничалась, сейчас делается известным всей деревне. Да и неудивительно, у нас девушка целую зиму кроме своей пряжи ничего не знает, язык здоровый, отчего и не поговорить. Да вот образчик. Как-то раз я послал домой 10 руб. Отец в шутку у соседа и возгордился: «Должно быть, сын накопил много денег, коли послал мне денег». Дальше он сообщил, что содержание там дорого и обходится почти в 50 руб. Девица в этот день пошла на беседу, что Яков послал батьку 10 рублей и пишет, что он накопил топере больше 500 рублей. Как она создалась, не знаю. Думается, что вся неправдоподобность их происходит от недослышки.

Приехавшие из Вятской губ. очень услужливы: попроси его что-нибудь сделать маленькое, — сейчас бросает свое дело и исполняет. Не то совсем в Пыщугской и Хорошевской вол. Каждый крестьянин норовит, нельзя ли за услугу что-нибудь получить, и, при случае, постарается выкорить, что тот ему обязан вот чем. Дожинают, например, поле, остались два или только [одно], и никто не придет с серпом, чтобы поскорей дожать две полосы ради своего голодающего скота. Благодаря этому, в Пыщугской вол. скот пустили после Успенья дня, и то за караулом, т. к. у двоих-троих замочило ячмень на всех полосах. Не то совсем в Павинской вол. Как пришло время пускать скот, все бегут с серпами дожинать ячмень или рожь у бедняка — бессемейного мужика, мигом выжнут две-три полосы, только вози знай. Благодаря этому, в Павинской вол. во всех починках пущен скот в ржаное поле на другой день Успеньева дня, несмотря

на дождливое лето. Здесь, например, развито давать лошадей повозить снопы, с тем чтобы и тот дал ему. В Пыщугской вол. все норовят перевести на поденщину; да дай ему лошади, он в один упашет, станет по 8 суслонов возить, а ты на его кляче и четырех не увезешь; за поденщину же — сколько угодно. Впрочем, при подъеме новых изб, вообще строений, там тоже вся деревня не откажется придти и помочь поднять. Может быть, тут играет роль видную и водочка после подымки, навязанная на матицу при подъеме ее, где эту водочку и распивают. Нехорошо одно во всех волостях. В соседских отношениях нет согласия, нет общественности, каждый крестьянин слишком эгоистичен и стремится заграбастать все себе. Это сказывается и на работе. Пашут как-то все врозь, косят и жнут тоже, кто где. Возвращаются с полей неодинаково и все больше поодиночке. Песен после жнивы, как принято изображать эту работу в стихах, очень редко услышишь.

В Павинской вол. отношение к влиятельному лицу сказывается в частых повторениях его имени, отчества и угощении с извинением: «Уж извините, чем Бог послал, не ждали, а то бы не так подготовилися». Разговор всегда бывает подходящий к такому лицу. Если он купец или краснорядец, или старшина, то и разговаривают с ним, по преимуществу, об этих предметах, причем, тон разговора делается куда как мягче, и жестче в то же время по отношению к работнице или жене, — знай, мол, наших, я здесь хозяин. В Пыщугской и Хорошевской вол. в этом случае в голосе мужика начинается какая-то слащавость, подъезжание: «Уж ты, Иван Петрович, ослобони, мол, маненько, пообожди деньгам-то», или: «Николай Григорьевич, дескать, нельзя ли за все ето улаживанье поворовать лычек маненечко», — если он — объездчик или лесник (эти особы для мужика тоже очень влиятельны).

Павинский мужик ни в чем не знает пока нужды, оттого он и держит себя козырем: земли у него много, лесу тоже, а на лесника он и чухать не хочет, или на объездчика. Пыщугский и Хорошевкий мужик — старый крепостник, забитый, запуганный, оттого подозрительный и, вдобавок, стесненный во всех отношениях своего полевого хозяйства: земли у него мало, лесу совсем нет, что ему делать, — поневоле завертишься, как клес в пружке. Уж не из-за этого ли пыщужане так и не любят починских Павинской вол. и при случае не преминут поколотить ни за что, ни про что. Раз у Вздвиженья села молодые парни распрягли лошадь починского торговца пряниками, — которые утащили, а которые рассыпали по полю. В другой раз починский мужик поехал было в д. Сергиевицу Пыщугской вол. лен сеять, но был отколочен кем-то в поле: «Мало окаянным своих-то, дак к нам полезли, разъ...», — и мужик привез на физиономии домой целую пятерню крепких здоровых следов от пальцев. А то, стоят парни в прогоне, идет мимо них починский. — «Это чей?» — «Починской». Раз, раз... И бедняга, падая и поднимаясь, бежит сквозь строй пинков и пощечин двадцатерых здоровых парней. Впрочем, нынче уж жильские привыкли к починским, начинают ходить гоститься, парни — гулять в починки и к себе звать. Беспричинная злоба уступила место гостеприимству и дружбе.

Если приедет в починок издалека кто-нибудь и попросится ночевать, его сначала расспросят, кто ты, откуда, затем впустят. Хозяин, пожалуй, лошадь даже распряжет и сена задаст, а старуха — (она, если есть в доме, — стряпуха) накормит ужином, молодуха постель постелит. На другой день проводят и денег не возьмут. В Пыщугской вол. и Хорошевской, пожалуй, деньги возьмут, но все устроят к ночлегу. Починский любопытен, он постарается все выспросить у проезжего. Пыщужанин не совсем интересуется и, если проезжий неразговорчив, то, пожалуй, и так просидят вечер.

К[рестьяни]н Павинской вол. считает себя выше Хорошевской вол. к[рестьяни]на, тем, что он — не пьяница, не драчун: «Там о празднике мимо Ежова не езди без кола, — отдубасят ни за что, ни про что, поди ищи»; от к[рестья]н Заводской вол. отличается тем, что он — не форсун, не мот и денежки больно не транжирит на одежу. — Шоте тот, у парня шелковая рубаха, а хомут, может быть с мочальными гужами и соха без сошника.

От к[рестьяни]на Пыщугской вол. отличает тем, что там девиц слишком вольно матки держат, хотя зло это начинает прокрадываться и в нашу волость и заразили больше 7 починков. Пыщугский к[рестьяни]н с презрением отзывается о починских, что там не по-людски живут, избы маленькие, каплюсенькие, ходят постоянно в опорках рваных и приличной одежды нет; девицы одеваются плохо, надевают шесть сарафанов и ходят так, чтобы казаться толстыми; раньше все смеялись над починскими серыми азямами и бабьими платьями, теперь немного попривыкли к этому.

Починский смеется, в свою очередь, что у пыщужанина, хоть хоромы и велики, но грязь на полу невозможная, говорят, сковороды находят, когда заступами отскребают грязь, готовясь к Рождеству или Пасхе, а у них, хоть избушка и маленькая, но зато пол моют каждую субботу (я говорю про починки остальные, выключая те у починков, которые успели подчиниться влиянию пыщугских нравов).

Относительно отношения к[рестья]н к иностранцам можно заметить следующее. Хотя татарин и нехристь, но душа у него есть, его следует считать погибшим. В прошлом году были татары нищи, просящи хлеба ради Христа, и все давали, с участием замечая: «Тоже ведь есть хочет», но прибавляя: «Ишь ты, нехристь, а тоже бает, ради Христа». Некоторые пускаются и в богословствование. — «Ты зачем не ешь свинятины?» — спрашивает словоохотливый хозяин. — «А ты зачем не ешь кобылятины?» Возражение повергает совопорсника на некоторое время в недоумение. — «Как, да ведь кобылятина не чистая, Богом запрещенная, а свинину он велел». — «Наш Бог велел кобылятину есть, а свинину не велел». — «Ну, ваш Бог, значит, дурак», — вдруг отрезает, внезапно рассердившись почему-то, хозяин, — «свинину хто похулит, вон летом, не покорми свиньи, шьте жрать-то станешь, а тут, гледишь, она принесет 8 поросят. Кабы ваш Бог умный был, он етова не сделал, и ты бы милостыни не просил». — «Сенца бы лошади», — боязливо заявляет татарин. — «Сенца бы», — окрысясь, вдруг передразнивает хозяин. — «Поди, баба, дай ему, татарской харе, невношко сена; у нас своих вного нищих, а тут ишшо татары», — вдруг почему-то повернул хозяин. Сначала участливо относился, а потом вдруг озлился. Татарин торопливо выходит и, схватив поданную охапку сена, быстро стучит по скользкой лестнице. Двойственность отношений чему тут приписать, не знаю, картинка взята с натуры.

Имущественные отношения

108. Способами приобретения собственности считаются завладение, дарение, причем, завладение только тогда дает право на владение, когда тут вложен труд; без труда завладение считается захватом, а находка, без объявления ее в правление, считается незаконной; клад принадлежит счастливцу, нашедшему его. Только почему-то среди народа существует убеждение, что половину найденного клада отнимает государство, потому, нашедший клад тщательно скрывает его. Завладение землею, покосом считается только тогда законным, когда вложен труд на расчистку покоса или земли. При спорах о захвате, судьи прежде всего обращают внимание, кто расчищал спорное место.

Давности никакой наш к[рестьяни]н не признает, хотя писари и отказывают на основании давности, но общее убеждение всячески протестует против этого. По этому поводу мне удалось достать во всех волостях достаточное количество решений волостных судов. У нас считается так: чей берег — того и рыба, потому все ези, сделанные другими, считаются незаконными, и суд, обыкновенно, при спорах о рыболовном месте постановляет так: сделавший езь должен убрать его, а владелец берега должен возвратить захваченные морды владельцу их.

В Хорошевской вол. к[рестьян]е захватили много земли у помещика Жохова и владеют теперь как законным достоянием. В Павинской вол. к[рестьян]е свободно чистили лога в казне и владели как вложившие труд. После обмежевания теперь все эти места сделались оброчными статьями и сдаются на торгах. Давнишние владельцы этим очень недовольны.

Границы владений

110. Для проведения границ владений существуют огороды, осека, столбенки с ямами, просеки в лесном наделе. Про межу у нас говорят: «Межа правильная, линия без греха», однако никакого суеверного страха к меже народ не питает. Производят обмер земельных участков следующим образом. Если требуется размерить четырехугольник, то кон просто меряют сначала весь сразу, а потом по наделкам, кому сколько, палка с емью или полторы палки с двумя емью. Емь — значит размер кулака, обхватившего палку. Если нужно размерить треугольник, то употребляют способ перекидывания, т. е. получивший надел у самой вершины получает его последним у самого основания, получивший последним от вершины, получает рядом следующую, за ним получает рядом с ним и т. д. Если нужно размерить круглую местность, то отыскивают пуп этого места, т. е. центр, и от него намеривают всем равные кусочки.

Меры земли: дел, поделок, кон, дебовая (последняя полоса), коновая (начальная) полоса; полосы разделяются на полосы, гоны, сугонье. Проезды между полосами называются утинами.

111. При споре о земле к[рестьян]е целуют икону через детей, клянутся всеми святыми, проклинают себя, своих детей и свою скотину, ставят ощепок лучины в сутки. В Хмелевицкой вол. в бесполезных спорах берут ком дерна и с ним обходят спорное место. На это редкие выступают: существует твердое убеждение в народе, что, кто неправильно обойдет с этим дерном межу, тот непременно исчахнет и умрет.

113. Река — общая для всех к[рестья]н; лови рыбу сетями, сколько хочешь, потому она общая, но не имеешь права притыкать езь к чужому берегу.

114. Деревья, стоящие на меже, рубятся сообща и поступают во владение того и другого пополам. Ветки дерева, свесившиеся на чужую усадьбу, владелец усадьбы бесцеремонно обрубает, если только они ему мешают.

115. Если кто неумышленно посеял на чужой земле, то посев принадлежит владельцу земли («куды глаза девал»). Иногда так поступают по соглашению: посев отдается, а за пользование землею вносится плата.

116. Нынешним управляющим Дурновского имения велено отбирать ягоды и ружье, кто билета на охоту не имеет, и все ужасно возмущены этим. Никогда к[рестьян]е не слыхивали, чтобы ягоды отнимали. Ну, на сохатых, оленей — туды-сюды, надо брать, потому дичь крупна, эдак скоро, пожалуй, и грибы станут отнимать. И что особенно возмущает крестьян, так это то, что отбирают лесники ягоды (частью для управляющего, частью для себя).
Считаю нужным оговорить, что управляющий хотел сначала билеты заставить брать на ягоды и грибы, а потом, для своей, должно быть, выгоды, приказал просто отбирать, мотивируя, что ягодники лес жгут да деревья портят. Фразы зачеркнутые приведены по поводу слухов о билетах на ягоды и грибы и ружейную мелкую охоту.
Так обстоит дело в Пыщугской вол. Наши же, починские, вполне признают это правило законным и при малейшем появлении лесника в болоте, разбегаются в стороны, не протестуя особенно и тогда, когда полупудовая котомка клюквы или брусники рассыпается дураком-сторожем, потешающимся над отчаянием бабы.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 575. Л. 1—2 об.

Ж. Верования, знания, язык, письмо, искусство

Воззрения на природу
Из с. Хмелевки Костромской губ. Ветлужского у. (Неи).
187. Небо состоит из облачков, а облачка собираются из дыма; солнце — это огненный шар, который ходит по небу днем, а ночью уходит в свой чертог, в котором и отдыхает. Звезды произошли оттого, что Бог «кажинный старый месяц рубит на частички, частички эти Бог разбросит, вот они и свитятся; из одной большенькой частички нарастает опять новый месяц и т. д.». Падающая звезда значит, что душенька кого-нибудь летит на небо.
Если много звезд, то это значит Бог гневается и нужно ждать большого мору на людей. Радугу Бог построил для того, чтобы она пила воду из моря для дождя; если вдали при радуге тихонько погромыхивает гром, то это значит, что радуга ледешки из моря глотает, и они, валясь на небо, стучат.
Северное сияние принимают за оталенный пожар, а светлые столбы на небе считают признаком голода. Затмение объясняют тем, что месяц или солнышко, ходя по небу, заблудилось и не может попасть на торную дорогу. Другие считают это приближением светопреставления и не доискиваются никакой причины. Третьи говорят, что какой-то большой зверь прошел по небу и загородил солнышко.
Затмение служит признаком гнева Божия, поэтому перед затмением старухи молятся Богу и просят друг у дружки прощенья. Вихрь — это кружение «нечистой силы», когда видишь это, то нужно отойти в сторонку и сказать «аминь». Особенно в лесу не нужно во время вихря становиться между двумя параллельными друг другу деревьями, это лесного дедушки дорога: «Пойдет, как раз сгибнешь».

Гром объясняют ездой Ильи пророка на колеснице; ученики, вышедшие из школы, объясняют это столкновением облаков: одно облако стукнется с другим, от этого будет гром и стрела огненная. Пожар от молнии тушат парным молоком. В предупреждение пожара в доме, бабы втыкают под матицу ощепок от елки, разбитой молнией. Про дом, загоревшийся от молнии, говорят, загорелся «от Божьева милосердия». Убитого молнией человека считают праведником; по представлению крестьян, такой человек идет прямо в рай. Чтобы не бояться молнии и чтобы не убило, когда услышишь гром в первый раз весной, нужно выйти в поле и, став на то место, где расходятся дороги, перекувырнуться три раза.

Если гроза бывает ранней весной, то это к урожаю. Считают большим грехом, если кто во время грозы не перекрестится.

Целование земли существует и бывает тогда, когда отправляются надолго и очень далеко. Также берут немного землицы с собой, чтобы меньше тосковать по родине. Когда покупают скотину в другой деревне и, чтобы та не тосковала по своему стаду, ведут ее своим полем, на середине поля оборачивают лицом к дому, т. е., где куплена, берут земли из-под передней левой ноги и натирают морду животины, чтобы новокупленная животина не ходила на старое жилье. Эта процедура проделывается, преимущественно, с лошадьми. Потом, когда придется ехать через речку, проводят ее не по мосту, а прямо вброд или вплавь и выводят на берег, дают стечь воде. Землю же, омоченную этой водой, завязывают в тряпку и, приведя лошадь домой в конюшню, закапывают землю под яслями. От этого, говорят, лошадь не пойдет дальше того места, где была взята земля. Во время засухи какая-нибудь женщина снимает всю свою одежду, распускает волосы и ночью ездит на бороне вокруг деревни, а потом с сохой. Этот обычай существует в с. Макарьевском.

Если хотят, чтобы лен уродился хороший, то мужчина, сеющий лен, скидывает всю одежду и сеет, приговаривая: «Уроди, Господи, на нагова», а бабы выносят яйца, кидают их кверху и говорят: «Уроди, Господи, мой ленок, такой же колоколистый, как яйцо».

2 июня 1898 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 573. Л. 7—10 об.

Демонология

192. От простонародья. В собрании беседок вечером 17 ноября в д. Окулихе зашел разговор о чертях, есть ли черти. Один крестьянин однодворец Аким Шемякин уверяет: — Шьте ты, как же нет, есть. — И ты видал? — Видал. — Каким родом? — А вот как. А мне случилось быть в гостях в Троицком приходе на Вохме в д. Бабье у Луки Дмитриева. А он был колдун и знался с лесным. Аким стал просить Луку: «Покажи мне лесного». Лука бает: «Испужался». А другой мне товарищ и бает Луке: «Не показать».

А Лука бает: «Покажу, только с тем уговор, снимите с себя кресты и положите под пяту левой ноги». Мы снели кресты, а под пету не положили, а повисили на черемуху в огородце, если леший и пойдет, так мы тово, цицас с черемухи кресты, да и на шею. Лука вышел в огородец, громко сосвистал и сказал: «Смотрите во все стороны и слушайте». Мы слушаем, никого нецють. Вдруг залаели собаки вдали деревни, все ближе и ближе, ночь была месячная, видим, мимо нас проходит какая-то тень. Мы сейчас же схватили кресты с черемухи на шею, да к Луке в избу. Немного погодя, приходит Лука и начинает браниться: «Зачем-от вы убежали и кресты на шею надили. Он бы веть пришел к вам, как человек и то знакомой бы. Больше меня не просите. Он меня шшолканул шипко». Я сам про его отца расскажу. У нас захворали две лошади во время озимовой. Мать меня посылает к Лукину отцу Митрею водой наговорить лошадям и спросить его, отчего они захворали. Я тогда был 17 лет от роду. Прихожу к шептуну и прошу его, чтобы он мне наговорил в воду; т. к. мой отец был портной, то колдун ничего противного не сказал, взял у меня бурак с водой, поставил на стол, открыл окно, вышел на волю, тоже сосвистал, потом пришел в избу, сел за стол, открыл с водой бурак, посмотрел в воду и говорит грозно: «Зачем вы посылаете своих лошадей к лешему, ладно, что он шел да только пошутил над ними, пусть-де не станут так часто меня вспоминать и своих животных ко мне посылать». После этих слов взял большой нож и стал резать острием воду крест-накрест да читать свою молитву вслых, так мне непонятно стало, быдто на иностранном языке, только я и понял: «Сними с этих голубых лошадей все ветры». По окончании этих слов мне сказал: «Иди домой, не оглядывайся назад и ни с кем ничего не говори, чтобы тебе не было худо. Эту воду из бурака выплесни на обих лошадей сзади. Они теперь лежат». Пришел я домой,

действительно, нахожу в таком положении, я зашел сзади и выплеснул воду, лошади моментально соскочили и больше не хворали.

Рассказ девицы Парасковьи Вохомской вол.

— Одна баба тосковала по муже, мужа ея сдали в солдаты. Стало ей казаться, шьте к ей ходит муж и на постель ложится. Так прожила она год и никому не сказывала, что к ней пришел из солдатов муж и спит с ей. А он ей сказал, что он сбежал и, ежели узнают, где он находится сейчас, то ево растилеют [расстреляют]. Однажды он велел ей напеччи лепешек. Жена напекла и поставила на стол мужу, да как-то нарочно уронила лепешку на пол. Нагнулась, стала подымать и увидала у мужа, что вместо ног-то коньские копыта. Испужалась.
На другой день пошла к попу и рассказала про свое житье-бытье. Священник нацел ее отчитывать, а после отчитывания не велел никого впускать, ежели хто и будет стучаться. Ночью пришел муж и стал стучаться в дверь, жена не пустила. Мнимый муж осердился и закрицел: «Ну, счастлива своим богом, что он вразумил тебя, послал к попу и ты раскаялась. Истинно, бог покаяния принимает. Еще бы одну ночь, и ты была бы наша».
Сказал и исчез.

Рассказ девицы Марины Пыщугской вол.

— Шол странник, пристигла ево ноць, лек под сток, сток застонал: «Ой, тяжело, ой, тяжело». Забоялся, пошел в овин спать, на овине крицит: «Ой, пойми, ой, дожди!» Ешшо больше тово забоялся, приходит к мужику в баню, в бане лягуши ползают, потом приходит к мужику в дом, у мужика лежат две женщины, у одной видит Андела, а у другой — две змеи груди сосут; стал странник поутру и спрашивает хозяина: — Што жо это такое, шол я дорогой, пристигла меня темная ноць, лек я под сток сена, кто-то закрицел: «Ой, цяжело!» Мужик отвицеет: «Это грех вопиет». — Потом прихожу в овин, там закрицело: «Ой, пойми, ой, погоди!» — Это рошь пережинают, да цисто зернышка из овина не сметают, дак зернышки горят, дар Божей горит. — Потом прихожу в баню, в бане ползают все лягуши, это шьте? — А это маленьких робят девицы душат и некрешшоных в бане под полом хоронеют. — Вот топереця я у тебя нацевал, вижу, лежит одна молодушка, у нее в головах два Андела. — Это потому, шьте она ввецеру ложитця спать, завсегда призывает имя божье и Андела хранителя. — Другая молодиця лежит, и у ние две змеи груди сосут. Мужик отвицеет: «Это другая моя сноха, потому шьте никогда Богу не молитця, даже не перекреститця, потому шьте она неблагоцестивая прелюбодейка, мужа своево ненавидит: она достойно принимает сии муки прежде смерти.

199. Домовой. По-нашему называется суседком. В кажинном доме живет суседушко. Некоторые видали, как суседко в полночь в виде мальчика таскал лошадям сена, а впереди ево бежит синенький огонек и дорогу освещает. Которых лошадей али коров любит, тех чешет и гладит, и гривы заплетает, а которых не любит, тех от корму отживает и под ясли иногда забивает. Ежели какая скотинина друк станет худа, али заваливаться под ясли, значит, та корова и не по двору, ее суседушко не любит, нужно такую проминеть али продать. Иногда навалится на человека черной кошкой и давай давить, отчего тот начинает некошно крицеть. В новый дом если крестьянин пойдет, обязательно зовет соседушка с собой. Костинину новую купит, приводит во двор и приговаривает: «Соседушко, доброхотушко, покорми, гладь и лелей мою скотинку».
Во время грозы, если ударит гром, и человек сидит под деревом, часто некоторые видали: молния в виде щенка или ягненка бегает вокруг мужика и прямо за пазуху к мужику.

199. Мужики рассказывали, что, когда дьявола воевали с Ангелами на небеси, и когда Архангел Михаил спихнул их с неба, то они все попадали на землю, кто в лес, тот сделался лесным, а кто в озеро, тот — озеровиком, кто в воду, тот — чертом водяным, кто в болото, тот — болотовиком, так все далее по порядку.
А некоторые бают не так. Это лешие — из проклятых людей, они могут жениться, прокляненой парень на проклятой девице, и от тех происходит племя. Эти прокленены люди никогда не старятся, живут все равно такие, как быдто бы сегодня. Один крестьянин рассказывал на мельнице про одного парня, проклятова отцом: ево искали три года и не могли натти. После трех лет оказался парень в работниках у крестьянина близ своей деревни, где его живет отец. По окончании срока хозяин работника приходит к отцу и сказывает: «Приходи-ко, друг, ко мне, у меня живет работник, вроде бы твой парень, который потерялся, хорошо-то вклепать-то не могу, потому што сказывается, из какой-то дальней стороны».

Отец приходит, смотрит на работника и никак не может признать своего сына, так тот изменился. Сын же отца узнал и говорит ему: «Ты меня, батюшко, отдал черту тому назад три года, а теперь разве не можешь меня признать? Я желал бы пожить в родительском доме, но срок скоро кончится у этого хозяина, и он меня уведет женить. А мне бы хотелось с ним жить». Отец смотрит на сына, а у того и креста нет на шее, скорее снимает с себя крест и надевает на шею сына; сын не стерпел силы креста и упал на пол, и закричал: «Ой, спалило меня всего!» Вдруг за окном кто-то закричал таково хрушко: «Скоро старик догадался надеть на своего сына крест. Еще бы одна минутка, то тебе бы, старик, не видать сына вовеки, теперь возьми его и жени на ком хошь».

201. Водяной.
Рассказ мельника Погорельской мельницы Костромской губ. Ветлужского у. Николая Кузнецова
— Я лежал в избе, мужики стояли в онбаре, друк мельница остановилась, мужики приходят ко мне, бают, мельница остановилась. Я оделся и побежал в онбар, думаю, что-нибудь поломалось, смотрю, все цело, побежал в кожух, где водяные колеса. Смотрю, сидит на колесе водяная чертовка, самая черная, а волосы белые, сидит и чешет гребнем свою кочку. Откуда и храбрость взялась, я возьми да и скрици на нее: «Разе место тебе здися чесатьця-то, али не нашла инова места в омуту-ту?»
Как только сказал, только вода сбухала, чертовка в воду и была такова. Мельница опеть своим чередом пошла. С тех пор ни разу не видывал эконькова цюда, вот уш тритьцеть лет содержу эту мельницу.
Другой рассказ. В именьи графа Дурново имеется озеро глухое, в длину оно версты три, ширины сажень 80 и в глубину сажень 35. Кругом его место глухое. В один год на пробу это озеро откупил страшный рыбак д. Сементьева Тимофей Косарев. Однажды пошел осматривать верши, вытащил одну, смотрит, чертенок попал: голова клином, величиной с годовалого робенка. Тимофей взял чертенка и повисил на лык на сосновый сучок.
Чертенок повисел немного и закричал: «Тетя, мама не знает, что Фока на лыке виситця». Друк озеро заплескалось, выскочил кто-то, схватил Фоку, сорвал с лыка и в воду.

205. Верования в сверхестественную силу знахарей и колдунов. Рассказ мельника, подслушанный на мельнице нашего прихода у мужиков.
Мукомольный завод на реке Вохме прежде крестьянский. Но потом заторговал его купец Гусев Котельнического у. Вятской губ. Укрепили мельницу и плотину, только бы спустить вешняки на помол. Мельничный мастер стал просить расчет с хозяином. Купец Гусев рассчитал мельника, но не сполна, мельник пошел в избу и сказал: «Смотрите, робята, если свинья с поросятами станет плыть из-за реки, не пускайте, а то всей мельнице не устоять. Купеческий сын Антон Гусев, тут стоявший, сказал: «Ладно, нечево играть, не маленьки». Вдруг из-за реки, откуда взялась, свинья с поросятами, прямо к мельнице на этот берег плывет. Мужики стали было гнать, не могли отогнать. Как доплыла до этого берега, ткнулась мордой в берег и скрылась. В один момент вода заходила винтом, не более, как через полчаса этот берег прорыло и онбар оставило на средине реки, потом стало вымывать и слань из-под онбара. Андрей Гусев перепугался, побежал к отцу. Тот — сейчас к мельнику и стал просить помочь горю. Мельник пришел к прорве и сказал: «Куда ты идешь?» Друк вода остановилась, пошла своим путем и перестала рыть берег. Мельнику после этого прибавили сверх ряды сто рублей. Эта прорва встала Гусеву в пятьсот рублей. Мужички уверяют, что каждый мельничный мастер знается с нечистой силой, потому что иначе как же может остановить воду, если вдруг начнет плотина течь. У одного мельника вода прососала плотину и бросилась. Тот вышел, поплевал на щепочку и бросил в омут, тотчас же вся вода на время пошла назад. У нас каждый деревенец говорит, что если ртути положить в мосол и бросить повыше плотины, то ничем не помочь, всю плотину разнесет. Даже, если бросить и в простой лог, то и там весной вымоет громадную курбатину (бочаг).

Рассказ о колдуне д. Ежово
209. О крестьянине Василии Мамонтове, который знается с нечистою силою, например, если захочет кого испортить, то беспременно испортит.
Причина этому — услуги нечистых духов. Приходят дьяволы к Василию и просят у него работы. Чем ему отбиться от них, вот и дает им работу такова рода: «Вы обнесите круг моего дома железный тын выше моего

дома»; приходят к Василью: «Все готово, давай новой работы». Смотрит Василей, так верно, все, как быть следует. Опять посылает на новую работу: «Ступайте на реку и свейте вы из песку веревку». Бесы начертили ему на песку веревку и говорят: «Готово, давай новой работы». Но Василий бает им: «Нет, молодцы, мне нужна веревка, чтобы можно было привязать, а эта веревка не годится, ее и в руки-те взеть нельзя». — Да ты нам вели какова-нибудь человека испортить, а этой работой только ты нас измучишь. Но, конешно, знакомова друга али сросвенника испортить жалко, вот он и насылает их к ворогу своему, на ково сердится. Этот колдун сдает все свои молитвы и своих служащих, только нехто не желает от нево принеть. Этот колдун подас[т] кому водки или пива, может с водкой или с пивом беса посадить, и человек тот может с ума сотти или об ком-нибудь тосковать. Кто кого не любит, муж жену или не любит жена мужа, этот колдун может сделать посредством наговора в пиво или в водку сделать так, что они будут друг дружку любить.

Рассказ крестьянина Вознесенской вол. Никольского у. Вологодской губ.

Один еврей винокур рассказывал про себя, что он, когда станет навеселивать первый тшан для спирта, спускает туда змеинова яду, для того нарочно кормит змею целый месяц, после чего змея вырыгивает свой ят, который вымывает в чаше. Когда все это переночует, тогда еврей со своей бабой моют в этом свое белье, и помои эти выливают в чан. Без этого ни один винокур еврей не навеселивает. На другой раз рассказывали про одного попа Вятской губ. Котельнического у. У попа был работник, он посылает его по приходу звать на помочь рожь жать. Работник садится на коня верхом, идет к реке, а за ним бежит человек вдогонку, попов работник переезжает реку на плоте, а человек за ним в один скачок перескочил реку. Работник объехал две деревни, позвал крестьян к попу на помоць, возвращается к той же реке, переезжает реку на плоте, а человек то же самое, перескочил реку в один скок. Работник попов догадался, шьте это за человек за ним бежит, понудил свою лошадь и шьте есь силы прискакал в село. Приехал к воротам, не успел слись, как этот человек схватил ево и давай ись. Поп вбежал, отворил ворота, гледит, а перед ним работник и лошадь мертвые, а около их лежит осиновое полено. На утре собрались помоцяна, спрашивают, шьте с лошадью и работником приклюцилось. Поп рассказал, как дело было, шьте хто-то схватил работника и давай ись, прибежал он, а лошадь и работник уж мертвые и возле их осиновое полено. То один из помочан и говорит попу: «Вот шьте, батюшко, о номедни ты похоронил колдуна, дак надо ево осмотреть, не он ли самой и есь колдун. Посмотрити могилу, на могиле большая дыра. Этот помоченик, который признал в осиновом полене колдуна, велел раскопать могилу и посмотрить, есь ли шьте в могиле. Раскопали могилу, открыли гроб, в гробу колдуна не оказалось. Мужичок велел бросить осиновое полено в гроб; — шьте жо, вдруг в гробу очутился тот самый колдун, которова недавно хоронил поп. Вдруг является попов работник, совершенно здоровый, и бает попу: «Батюшко, проклени ты этова колдуна». Поп проклел колдуна, могилу зарыли, и помочане все пошли жать. После обеда поп только шьте лек, заснул и видит во сне: является к нему этот колдун и говорит: «Ладно, тебя науцил работник меня проклести, а то бы я в 40 день весь твой приход передушил бы».

Рассказ крестьянина Саввы Песеньск Песчанки, Костромской губ. Ветлужского у. в 2 вер. от нашей деревни

Про рыбака. Однажды летом рыбак поехал в лодке с товарищем острожничеть. Наехали на такую рыбину, которая стоит по воде головой. Рыбак узнал, что рыба завсегда стоит против воды, а эта рыба — по воде, одначе, осмелился, всадил ей прямо в загривок, колонул в острожье обухом и сказал: «Благослови, Христос». Друк [вдруг], ни рыбины, ни острожья не стало, делать нечего, пришлось повернуть к берегу и идти в шалашу. Пришли, развели те — нку, сидят да греются. Друк приходят два мужичка и зовут одного из них, который всадил рыбине острогу. Говорят: «Волей или неволей, ты должон с нами итти». Делать нецево, пошел мужичок за ними. Приходят в избу. В избе рыбак увидал острогу в спине у мужика; мужик стонет. Стали спрашивать рыбака, зачем он ему воткнул в спину острогу.

Мужик отвицеет: «Вы, — бает, — знаете нашего брата рыбака, зачем ездим в лодке по воде ночью, — чтобы сонную рыбу этой самой острогой рубить. Я не знал, чтобы эта рыбина была человеком, потомму садонул ей прямо в загривок и сказал: «Благослови, Христос»».

Тогда старший из семейства сказал: «Ну ладно, мужичок, вынимай острогу изо спины, а вы, ребята, принесите розок». Мужик вынял острогу, а больной-то не отдает рыбаку острогу. Старший велел съизнова стегать:

«Разе тебя отпускают затем, штебы ты шалил, да оборачивался щукой и пугал рыбаков, порите его пуще, штe кожа от костей отставала».
Отпороли крепко-накрепко, а больной все не отдает острогу, так и не отдал, мужика отнесли в шалашу к товарищу, а товарищ уже давно ево дожидается. Как только ушли те, мужик и бает: «Давай, брат, одинем два крежа своими цежолками, а сами уйдем, ляжем в малинник». Только успили спрятаться в малиннике, друк бежит, в котором была острога, прямо к крежам, и прямо втыкает в одного острогу: надко, и тебе попало в бок. А мужик из малинника и отвецест: «Не в меня, а в кряж». Так рыбак черта обманул.

[Верования в загробную жизнь]
239. Рассказ вдовы Лизаветы и старой девицы Мавры про летаргическую девицу Палагию Михайловского прихода. Палагия с матерью копала в огороде картофель и сказала своей матери, что у нее что-то голова болит. Мать сказала: «Так, иди в избу, ляг, отдохни». Палагия пришла в избу, легла на лавку и уснула. Спит сутки, спит другие, перестала почти дышать. Мать хотела было уж обмывать, как прислушалась, штe еще заметно дыхание, отложила (оммывать) на третьи сутки. После троих суток Пелагея пробудилась от сна, стала матери рассказывать, что она была на том свете: «Сначала блудилась по лесу и ела ягоды, потом вышла на луга, вижу, на лугах ходят парни и девицы». Из толпы вышла девушка лет 22 и говорит Палагее: «Ты теперь на том свете». Пелагея испугалась и говорит девушке Анне, которая за два года раньше ее умерла: «Как же, я сегодня копала картофель с матерью и сегодня же очутилась на том свете?» В это время подошел к ним муж в светлых ризах и сказал им: «Идите за мной». Мы пошли за ним. Он повел нас на высокую гору и сказал: «Идите за мной». Мы же сказали: «Как же мы пойдем на такую высокую гору, нам не взлесть, ежели бы вышний небесный нас повел, то мы бы взошли на эту гору». Он сказал: «Я — вышний небесный. Вы, может, хоците ись?» Я ответила, штe я ятод в лесу наелась. — Ну так, подемте обе за мной. И мы пошли за ним. Ковда же взошли на самую гору, вышний небесный нас спрашивает: «Посмотрите назад. Что вы видите позади вас?» — Мы видим, что внизу горы, лед, камень, песок, снег, вьюга. Это для чего? — спросили мы вышнего небесного. Вышний небесный нам сказывает, что православный народ сильно согрешил, неправильно живет, друг друга не любит, друк на друга зло творит, сквернословится, матерью ругается. — Я бы мог в сию минуту весь мир с песком смешать, но жалко младенцев, ради них мир оставлею. После этого мы поднелись ешше выше ко крутой горе. Вышний небесный говорит: «Огленитесь назат». Мы оглянулись, видим, покрыта льдом и огнем. Мы спрашиваем вышнего небесного: «Это для чего, лед и огонь?» — А это для тех грешников, которые хвостом из избы в избу вести переносят. Сошли с горы. Вышний небесный привел нас к онбару: в нем лежит много книг, которые мы открыли, и видим, написаны в книгах все грехи человеков. Мы посмотрели друг на друга и удивились, знаем, что сами неграмотные, а все знаем в книгах. Потом другой онбар стоит, в который вышний небесный не велел входить, мы его не послушались и, все-таки, взошли; тут еще больше увидели книг, но все черные. В этих книгах еще больше грехов человеческих вписано, даже мы сами испугались этих грехов, которые самые большие непростительные. Только мы вышли из этого онбара, друк стоит вышний небесный, нас спрашивает: «Что же вы ходили в другой онбар?» Мы снацелу молчали, но потом и сказали: «Ходили». — Что вы видели в нем? — Много книг, в которые грехи человеческие вписаны. Что же этим человекам за такие грехи будет? Вышний небесный отвечает: «Будут они мучиться в день страшного суда». Вышний небесный нам сказал: «Идите за мной». Мы пошли. Привел нас, гледим, котел со смолою кипит, в котле женщина кипит и говорит: «Ой! Согрешила я, блудница, прелюбодейка и чародейка, детоубийца». А сквозь ребер-то младенцики все торчат, и все кричат: «Мать наша — детоубийца». После этого пришли в дом «болшушшой», в котором пол чугунный, каленый, как искра огненная, по полу «тонцюют» молодые парни, девицы, вдовы, солдатки, мужчины и женщины, которые блудодействовали; вышний небесный сказал: «Девицы заедали, травили робят, а парни пособляли девицам давить или душить робят, также и вдовы, и солдатки, и мужчины, — за эти грехи по каленому полу тонцюют». Потом пришли к огненной реке, вышний небесный посылает меня по тоненькой жердочке за огненную реку. Я сказала: «Вышний небесный, эта жердочка сломится, как раз, я упаду в огненную реку. Смотрю, в огненной реке видимо-невидимо народу горит, все кричат: «Согрешили!» Я спрашиваю вышнего небесного: «Они каются, будут ли прощены им грехи?» — Они здися каются, — сказал вышний небесный, — и будут прощены, ежели за них поминают заупокой родные и подают за них милостыньку, живой мертвому может помочь, так первый и последний

будут в царстве небесном. Одна женщина была немилосердна к нищим. Вышний небесный привел меня к этой женщине. Я раз с Николаем пришел попросить милостыньку у нее. Она нам не дала, сказала: «Мне недосуг, я пойду сейчас в огородец гряды полоть». Они за ней: «Дай, ради Христа, хоть один дроздок (гряздок) луку». Женщина бросила всердця дроздок луку: «Провалитесь вы с луком, нате, жрите». Когда ушли вышний с Миколаем из огородця, женщина поглядела на свой огород, а огородец-то весь попалило огнем. Она за это сочла вышнего и Миколая Угодника колдунами, за это за самое она теперь и мучится во своем огородце. Сказал вышний небесный: «Теперь, Палагея, ступай домой да возьми просвирку», а я сказала, что у нас у отца Иосифа свои просвиры. Вышний сказал: «У вашова отця Иосифа поганые, он живет с наложницей; когда совершал проскомидию, я хотел вышибить из ево рук дароносицу, да пожалел ево, что ево ростригут». Еще рассказывал вышний небесный, которые женщины из квашни спорыню вынимают, да у коров молоко запирают, тем людям на том свете прощенья нет».

Ф. 7. Оп. 1. Д. 573. Л. 5 об.—6

241. Никольшина. У Андрея Акимова нынче была Никольшина по случаю его болезни, разбития паралича половины его тела и языка. После поправки он обещался справить Никольшину.
Прошло пять лет, и он справил. Началось торжество всенощной в его доме, на другой день отслужили водосвятный молебен в скотском дворе. По окончании молебна хозяин приглашает церковнослужителей на обед, перед обедом священник читает молитву и поют многолетие. Затем все родственники и соседи садятся за стол, а нищие — за другой и двои сутки пьют пиво. Водки здесь почти совсем нет. Песен не поют и безобразий никаких не чинят, как о праздниках. А если корова захворает и корову обещают, то к назначенному дню режут ее, варят в котле и стараются всю съесть. Пируют тут чуть ли не неделю. Помню, так случилось у моего дяди нашей же деревни. Нищим тут царство.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 573. Л. 1—5 об.

И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака.

409—411. Сватовство в Пыщугской вол. Костромской губ. Ветлужского у. Приходит женихов отец в дом невестина отца, садится вдоль полу на лавку, немножко посидит молча. Потом начинает баять: «Иван Иванович, у тебя есь невеста, а у меня есь жоних, давай-ко мы с тобой побаем про это дело; у меня парень хорошой, да всево есь вдосталь, скотинин 10 коров, овец петь штук, лошадей пара — сись (сесть) да уехати. Хлеба онбар, всякова жита вдоволь, у меня жить де не нарадоватьця: ну, что ты на эфто молвишь?» Отец невестин бает: «Не знаю, как у меня, вон старуха, шьте будет баеть. Ну, шьте ты, Анна, будешь ли нынце отдавать али нет, так и бай». — Я бы, старик, советовала бы отдать свою Параньку ноненча, хлеба нажали вного и льну тоже наделали вного, есь бы чем отдать. Дак ты, поди, вного запросишь подарков-то?» — Какие у меня подарки: мне со старухой по рубахе, да трем золовкам по шолковику (платку), да двум суновьям по платку, хоть по два рубля каждный. А на сторону сколько? Есь дяди, племянники, и им тоже по платку, да хто пойдет (пандет) в поезду (под каким-нибудь предлогом является в эту деревню и начинает наведываться), и тем по платку. Попу рушник (полотеньце), дьякану платоцек, псаломшику подножник в аршин полотна. Вот и все подарки. На этом дело и кончается. Откладывают до другой недели. В течение этой недели мать женихова наведывается, какова невеста. Являются разные кляузы. Вот они. Мать жениха спрашивает одну женщину той деревни, где находится невеста: «Какова у Ивана-та девушка-та?» — Это у нашева-то? — Да. — Ой ты, дева-матонька, нельзя похулить, на работу али на шьте, ровно лошадь, и на всякое дело мастерица, только глазоньками шьте-то не больно здорова. Подходит другая баба из той же деревни, вслушивается в разговор; услыша, что дело идет о пересудах, сейчас вмешивается в разговор: — Ой ты, дева-матонька, неужли ты не могла хуже-то этой найтить, да у нее 50 дружавей есь и дом-оть у тебя выпалят. Третью бабу спрашивает женихова мать: — Шьте, какова, сватья, у Ивана девка-та, намеднись мой старик сватался. — Да шьте, сватья, девка смирная, работяшшая, не гулеет, ницево эфтова не замицивали. Возьмешь, ладно сделаешь.
В назначенный срок является женихов отец с полштофом водки. Ну, шьте же, Иван Иванович, мол, отдавать

свою доценьку за моево сына? — Да вот шьте, сват Макар, парня-то у тебя больно хулят. — Да шьте, Иван, и твою-ту доцку тожо не больно хвалят. Я вот на эфто не смотрю, веть знаешь, волков боятьця — в лес не ходить; ты слыхал ли, шьте веть без эфтова ни одна свадьба не обходитця. — Твоя правда, сват Макар, знамо дело, без этого ничего не бывает. Ну, привез ли бутулку-ту вотки? — Как же, сват, привез; ну, дак шьте, сват Иван, садись за стол, будем цей пить, потом перед цеем выпьем по рюмоцьке, дак побаем повеселее. Около этого времени входит невеста, разряженная по праздничному, и садится на «сереть». А новые сваты продолжают дальше: — Ну шьте, сват, ковда же будем делать свальбу-ту, я цею, надо будет сходить х попу за благословленьем да и пиво варить. — Да, я цею, надо будет. — Вот шьте, сват Макар, ты по пути зайдешь к попу? — Зайду, сват. — Зайди, сват, а я завтра жо стану пиво варить. Во время разговоров подают обедать (нарочно стряпано в этот день). Невеста подает на руки будущему свекру воды и рушник своево изделья, восьмицяпошное али семицяпошное. Садятся за стол. Хозяйка угощает только, а сама не садится, невеста тоже, только трое сватов и садятся за стол (сват Макар, другой сват хвостит Карп и Иван, отец невесты). Подают щи из баранины, пироги с начинкой из моркови, галанки и др., пшеничники, творожники, крупяники, и все это режется и ложится горой, т. е. очень много. Сваты едят и выпивают, и речи ведут, на сколько будут варить пива и т. д. После обеда вскоре уезжают. Женихов отец по пути заезжает к местному священнику. — Ну, что скажешь, Макарушко? — благословляя, спрашивает священник. — Да вот, батюшко, твоей милости, сынка хоцю женить. — Добре, добре, давно пора, давно пора. Ну, а невесту где же берешь? — А у Ивана на Песьцянке (Звиженского прихода). — Ну, с Богом, благословляю. Да Ивану скажи, чтобы выправил метрическую справку о летах невесты, да штобы невеста приготовила полотна 18 аршин. — Ладно, батюшко, скажу. А коли, батюшко, сватепку-ту назнацеешь? — Да в будущее воскресенье готовься. Только теперь мужичок начинает заговаривать о вознаграждении. — Ну, а шьте, сколь возьмешь за труды-то? — Да ведь ты знаешь, Макар, что у меня положенная плата 5 рублей. Макар, по своей привычке торговаться, начинает рядиться. — А я цею, будет довольно и трешенки. — Ну, не стыдно ли тебе, Макар, ведь ты — человек состоятельный, тебе ведь не жалко и больше для сына, я думаю, отдать. — Ведь вина, наверно, много уйдет. Как же, батюшко, без вина? Без вина шьте и за сватьба? — То-то вот и есть-то. На водку, дак рады и 20 рублей отдать, а то и больше, а мне — пяти рублей жалко. — Правда твоя, батюшко, на водку и 20 рублей не обернешься. А я цею, батюшко, было бы и трех рубликов. Священник начинает урезонивать. После некоторого времени мужик вынимает деньги и отдает священнику. На пятый день приезжает Макар к Ивану с известием, когда поп назначил свадьбу. Приносит пиво и водку из саней, входит в избу и садится на лавку вдоль полу. Сейчас ставят самовар и нового свата садят за стол. — Ну, шьте, сват Макар, ковда поп назначил нашу свалепку? — Да велел готовитьця в то воскресенье и справку привезти от отця Миколая. — Надо будет съиздить. — Да, бает, шьтебы невеста готовила ему навину целую. По окончании чаепития Макар обращается к домашним и говорит: — А шьте, я цею, надо будет и свици затеплить. Когда станут зажигать к иконам свечки, невеста, сидевшая до того, как и в прошлый раз, на середе, идет на полати и начинает плакать и колотить руками о полатницы:

Подсеклись у молодешеньки мои резвые ноженьки,
Приопали у молодешеньки мои белые руценьки,
Захватило у молодешеньки мое серьце ретивое,
Покатились у молодешеньки из оцей горюци слезы,
Не могу, молодешенька, во слезах слова молвити,
Я за себя ответ подержати;
Не затеплей-ко те, кормильцики, да вы свици воску ярова,
Не молитесь-ко вы, кормильцики, Богу и Господу, Пресвятой Богородице».

Затем уходит в [?]ник и там продолжает причитать:

Уж, шьте жо вы, кормильцики, да уж шьте жо вы придумали,
Нонешную да осень мокрую меня, молоду, замуж выдавать,
Меня, молоду и зелену, недорослую травинку, незрелую ягодку.
Недорослой травы не косят, недозрелых ягод не берут,
Молодых замуж не отдают.

Уж вы, шьте жо вы, кормильцики,
На ково вы да понадеились, у вас не два сына женатые,
Не по две снохи да приведены, не две доцьки на возрасте.
Как придет зима холодная, там придет весна красная,
Да уж придет лито теплое, придет пора, придет работная,
Да вы пойдете на рабутушку, попойдете да огленетесь,
Вы меня товда вспомните, да шьте нейдет ли наша работниця,
На работу на тежолую.
На дворе-то вицериет, да сват домой не собираетця,
На шьте ись ему захотилося.

Когда свата проводят, приходят девицы и ужинают с невестой. Та своих подруг потчует пивом.
В вечерину приезжает сват к новому свату, а невеста дожидается на полатях. Лишь только будущий свекор вступит на порог, как невеста начинает плакать и бить кулаками о полотницы, одним словом, выражать, как бы, свою неохоту всеми способами. При этом не обходилось и без курьезов. Невеста, изображенная в этой свадьбе, забилась до того сильно, что полатница вывалилась и невеста вместе с полатницей — бух к ногам свата. Макар перекрестился: «С нами крестная сила, шьте это случилось?» Увидав невесту, догадался, в чем дело, ласково поднял с полу и посадил за стол: — Ну шьте, голубка, не ушиблась? А та, от стыда и от испуга, и слова молвить не может. — Вот веть, сватушко, какой у нас обыцей, — начинает Иван, — а вот в других местах, бают, этова и в заведенье нет. А с цево ревить, веть сама знает, шьте зря, не в могилу кладем, а ревит. Ну как, сват, будем вечерину-ту производить али нет? Надо будет спросить невесту, сможет ли она прицитать. Невеста сказала, что здорова, но прицитать не будет, ковда так неловко вышло. Со сватом посидели девицы, невестины подружки, пришедшие на вечерину, только песенок попели, а невеста не причитала.
Утром в жениховом доме приготовляются к поезду. Отец и мать сажают своего сына за стол на постланные на лавки шубы, подле него, по правую руку, сажают посаженого отца, а по левую — крестную мать, подле посаженого отца садят «тысецького», потом большого боярина, малого боярина, пивника, хлибника и свата хвостика, который раньше с жениховым отцом сватал невесту. На скамейке садится дружка княжой со своими подружьями. Столы накрыты скатертями, на столах положены, на каждом столу, хлеб и соль. Дружка встает на ноги и громко читает свою молитву: — Осподи Исусе Христе, Боже наш, Макар Ивановиц и Марья Ивановна, благословите жо вы меня, дружку княжова, поцеемницеть, постолницеть, бела хлеба покушати, князей, бояр попочивати. — Бог благословит, — говорят те. Изрежет пироги, потом снова громко говорит: — Осподи Исусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Ивановиц и Марья Ивановна, извольте же вы эфту есву начиловать и князей-бояр попочивать. Потом опять дружка встает и говорит: — Осподи Исусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, хлеб-соль величей али есву переменей, за эту есву низко кланеемся. Эти слова перед каждой поставкой обязательно дружка молитвует. По окончании стола дружка приказывает всем встать на ноги, после чего громко читает: — Господи Иисусе Христе, Боже наш, Макар Иванович и Марья Ивановна, вы свое чадо милое споили, скормили и на резвы ноги постановили, благословите под венец ехати, злат венец принеть, на буйну голову поднеть, со своей нареченной невестой. Приходят отец и мать, зажигают перед иконой Спасителя свечку, жених и все поезжане становятся посреди полу. Тогда отец и мать женихова надевают на себя шубы, сначала (вперед) берет отец икону с зажженной свечкой, становится против жениха; жених с крестным знамением кладет три земных поклона, потом без креста кланяется отцу в ноги и говорит: «Батюшко, благослови!» Отец благословляет, обводя три раза кругом головы иконой, и потом, перекрестив сына три раза иконой. Сын целует икону. Отец передает матери. Сын так же делает. Потом благословляют крестный отец и крестная мать и говорят: «Бог благословит». Выходят все потом на двор, а жених уходит с отпущенником в [?]ник; отпущенник читает перед образом отпускную молитву: «Стану я, раб Божий, благословесь, выду, перекстесь, из избы дверьми, из двора воротами, под красное соньце, под свител месяц, под темное оболоко. И пойду к самому Иисусу Христу в царские райские ворота. Поставлю же этих рабов Божиих, жениха и невесту, Ивана и Дарью, за самово Господа Иисуса Христа. Как Господа Иисуса Христа никому не видать и не испарчивати, и не изурочивати, естесва не отымывати, подлегчины не сшибывати. Я, раб Божий (имя рек), этих раб Божиих, жениха Ивана и невесту Дарью, обтычу

тыном выше небесной высоты, ниже земельной глубины, запру тридевети замками, тридевети клюцями. Пойду я, раб Божий (имя рек), к окияну морю, брошу эти клюци в окиян море, есьть кит-рыба, она пожрет и поес эти ключи. Кита-рыбу никому не излавливати, этих клюцев никому у кита из роту не вынимывати отныне и до веку. Язык во рте, тут моей молитве Аминь»

Потом читает другую молитву, чтобы любили друг друга жених и невеста: «Я поведу рабов Божиих Ивана и Дарью принимать закон Божий, а на храме Божьем стоит крес, укреплен крепко-накрепко и плотно-наплотно, так бы и жили рабы между собою, плотно-наплотно и крепко-накрепко. Невеска казалась бы своему мужу как утренняя и вечерняя заря, а князь Иван как соньце на воздусе возсияет утром и вечером и закатается каждый день, он бы так и любил свою невеску и приходил бы каждый день и ночь ко своей невесте, окромя ее никакую бы не любил. Тут моей молитве и Аминь».

Затем читает невесте: «Как тебе ись хлеба хотьця, так бы тебе с мужем спать хотелось, к соединенью телесному». Потом дает кусок хлеба, на который наговорено съесть. А первые молитвы наговариваются на воск, который невеста должна носить на кресте, а когда нужно совокупиться, жена должна повесить на постель, чтобы не согрешить и не испортить силы молитвы. Если же у жениха не стоит детородный члениk, то отпущенник читает следующую молитву над бутылкой водки: «Как у бутылки горлышко завсегда стоит, так и у раба Божьева (имя) всегда бы стоял зуек (клепик, детородный члениk) во всякое время на свою жену для соединенья».

После всего этого выходит жених с отпущенником. Жених садится в сани вместе с посаженым отцом. Едут к невестиному дому. Не доезжая до ворот за два шага, дружка выходит из саней и молитвует: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Ехал я, дружка княжой, чистыми полями, зелеными лесами, видел я куней след, эти куницы, кулики куликали, к вашему терему след проложили, след отведите али ворота отворите, пожалуста. Отворяют ворота. — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Новый сват, новая сватья, благословите меня, дружку княжова молодова приезжего, ко широкому вашему двору продти и до краснова вашева крыльца дойти и ступить своей правой ногой. Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, новый сват и новая сватья, благословите меня, дружку княжева молодова приезжева, ко вашему терему протти, посреди вашего терема ступить своей правой ногой. — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас; новый сват и новая сватья, благословите меня, дружку княжева молодова приезжева, узнать ваше имя и отчество. Сказывают имя и отчество. — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, дайте же вы нашему княжескому полку всем почетные места и постелите на лавки ковры шелковые, нет шолковых ковров, — постелите шубы лисьи, нет шуб лисьих, — постелите шубы бараньи, нет шуб бараньих, — постелите чажолочки, и этого не случится, — наш князь новобрачный на голой лавке посидит, на вас не подивит. — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, приставьте же вы к нашим коням конюхов хороших, чтобы они выпрягли и дали им есть пшена белоярова, нет пшены белоярой, — дайте овса, нет овса, — дайте сенца, нет сенца овсянки, нет соломы овсянки, — дайте ржанки, нет ржанки, — наши кони на вашу повить поглядят и опять домой убежат. — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, наш князь новобрачной в чистом поле в белом шатре стоит со своим княжеским полком, покорно прошу встретить с хлебом-солью, ковшом переварной. Отец и мать берут икону с зажженной свечой и с хлебом-солью идут встречать на мост (в сини).

Жених прикладывается к иконе, а поезжане все пьют по ковшику пива, идут в избу и садятся за стол по своим местам. Когда все усядутся, тогда дружка встает на ноги и опять молитвует: — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, благословите же вы меня, дружка княжева молодова приезжева, хлеба белого покушати, князей, бояр попочивать. Те говорят: «Бог благословит». Дружка опять: — Господи, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, извольте же вы эту есву пробовать, князей, бояр потчивать. — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, эта есва кушана, рушана, князей, бояр потчивана, хлеб-соль величай или есву переменяй, за есву низко кланяемся. Этот стих повторяется перед каждой переменой блюда. После обеда дружка выходит со свахой из-за стола, наливает большой ковш пива и идут за невестой в куть за занавесу. Дружка молитвует: — Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Макар Иванович и Марья Ивановна, благословите же вы меня, дружка княжева, со свахой княжей идти в куть за занавесу, красные девицы, пирожные мастерици, шанежные пагубницы, поберегите вы свое платье, чтобы мне, дружке княжеву, на ваше платье не ступить и ваши порти не огрезнить.

Девицы вместе с невестой причитают:

Ой ты, княжий дружка вежливой,
Да ты зачем идешь со свахой нашею,
Уж ты в куть за занавесу,
Да я не стану, не выстану
Без родимова отца-батюшка,
Да без родимыя матушки,
Да он мне даст благословеньице,
Да с чиста сердца ретивова,
Да ко злату венцу ехати.
Да посмотрю-то я, посмотрю
Да по всей светлице,
По белой-то горнице,
Да уж ли все ли причитаны,
Да ужо есть непричитана
Моя родимая матушка.
Да я не стану, не выстану
Да без родимыя матушки,
Уж мне даст благословеньице,
Да с чиста сердца ретивова
Да ко злату венцу ехати.

Так перебирают и причитают всех родственников, и каждый должен дать денег на благословленье, кого девицы привоют. Дружка своей молитвой того и вызывает по имени и отчеству, сваха каждому подносит пива, а те дарят невесту деньгами. Когда всех переберут, сваха поднимает невесту с места и ведет посереди избы; мать и отец берут икону Божьей Матери и кругом головы невесты три раза обносят иконой, невеста кладет три поклона с крестным знамением перед иконой, а отцу три поклона без креста, так же и мать благословляет. Потом берет женихова сваха невесту за руку и ведет к жениху, сажает на переди по левую руку. Поезжане в это время должны все стоять. Когда будут посажены жених с невестой, и все поезжане садятся.
Начинается пированье, пьют тогда очень много. Девицы поют тысецкому песню:

Тысецкой, ты честной человек,
Любишь по три полюшка пахать,
Я люблю по четыре вспахивать;
У большова боярина голова не гладка,
Как у малого боярина голова гладка,
Как у выблядка...

Поют разные прибаутки. Когда девицы все свои песни пропоют, тогда дружка: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Иван Васильевич и Дарья Петровна, вы свое чадо милое споили, скормили и на резвы ножки поставили, благословите с нашим князем новобрачным под венец ехати»; тогда отец и мать благословляют иконой жениха и невесту, со свечкой крест-накрест. Жених и невеста падают три раза перед иконой на колени с крестным знамением, а потом кланяются отцу и матери без креста.
Невеста причитает:

Ты родимой батюшко, ты родимая матушка,
Уж вы дайте благословеньице
Да с чиста серьца ретивова,
Да ко злату венцу ехати,
Златой мне венец принять,
Да на буйну голову поднять.
Уж мне ваше благословеньицо

Больно любо, больно дорого,
Из темна леса выведет,
Из синя моря вынесет.

Приезжают на повос (повость) и становятся прямо к попу под окно. Если у невесты помер отец или мать, то она идет на кладбище и там ревет и причитает, колотясь иногда головой о землю:

Вы раздуйте, ветры-вихори,
Уж ты выпади да выпади
Со небес да все горюч камень,
Да ты разбей-ко, разбей,
Да уж ты мамину гробницу,
Да ты состань-ко, состань,
Моя маменька,
Да из гроба, да из новова,
Да востань-ко ты, востань,
Да по-старому,
Да пробудись-ко по-прежнему,
Ой, ты сходи-ко, моя матушка,
На реку приобмытися,
Приобмой-ко, моя матушка,
Со бела да лица ржавчину,
Да ты сходи-ко, сходи,
Да моя матушка,
Ко духовному батюшку,
Да попроси-ко, моя матушка,
У духовного батюшка
Ты от церкви золоты ключи,
Отопри-ко Божью церквицу,
Да принеси-ко из-за крыласов
Подвенешное платьицо,
Да икону Божьей Матери,
Уж ты дай-ко благословеньице
Да ко злату венцу ехати,
Да с чиста серьця ретивова.

После причитанья идет в церковь. Здесь расплетают ей косы и приводят к аналою вместе с женихом. После венчанья служат молебен Св. Троице. После венчанья едут в дом жениха. По правую руку молодых стает посаженый отец, а по левую руку — посаженая мать. Дома встречают жениха и невесту с хлебом-солью, пивой-водкой, потом вводят в избу, сажают под иконы и задают красный обед. После обеда молодые идут на подклеть отдыхать с молитвами дружки. На подклети молодая с молодым всем гостям дает по стакану пива, поцелует и потом в ноги падает; каждый гость выпивает стакан пива и кладет денег рубль. (Продолжение последует) [так в рукописи].

Ф. 7. Оп. 1. Д. 574. Л. 1—4

410. Свадьба в д. Сазонове Костромской губ. Ветлужского у. прихода Богородского (Хмелевки), что на Орловско-Вятском тракте.
Сватать, обыкновенно, ходит здесь мать жениха. В день сватовства, обыкновенно, надевается беской (баской) сарафан, и со словами «Восподи Иисусе Христе» начинается уход в дом невесты. Принято ходить вечером, чтобы кто-нибудь не сглазил или не перешел дороги со злым умыслом. Придя в дом невесты, сваха идет

нарочне от порога до стола по одной половице, чтобы высватать удачно одну первую невесту и, став на середь избы, молится Богу, здоровается и садится на лавку, стараясь расставить ноги вдоль пола. Завязывается разговор об обыденных вещах и затем незаметно переходит на цель прибытия свахи. Сваху спрашивают от имени невесты: «Куда ходишь?» Сваха: «А вот у вас есь пшеницька, а у меня купец, у тебя есь невеста, а у меня женишок, давай родниться, в куцю сводить, шьтебы не скушно было жить». Если жених известен и нравится, то соглашаются, если же не знаком, то назначают день «смотрин», т.е. осмотра имущества женихова. Невеста в это время где-нибудь прячется, обыкновенно, сидит в чулане и слушает, или в голбце. Если жених нравится, то невеста не выходит из своей засады до конца переговоров, если же не нравится, то, обыкновенно, выбегает из засады и направляется мимо свахи вон, на улицу. Этим выражается протест девушки против свахи, и сваха, в большинстве случаев, после этого уходит ни с чем.

Дня через два родные невесты едут к жениху смотреть имущество жениха. Нередко случается, а особенно, если жених малоизвестен невестиной родне, — доброжелательные соседи наводят и скотины во двор жениха, и хлеба наносят (сравни свадьбу Грязовицкого у. Вологодской губ. с. Вдвиженского Ветлужского). По осмотре имущества, если нравится все, остаются и назначают день давания руки. Через день женихов отец и мать приходят с вином к невесте в дом и там пьют за здоровье помолвленных — это называется пропоями. Здесь же окончательно идут переговоры о дарах, о свадьбе, о покупке вина. Невестина сторона выговаривает с жениха рублей 10 или 15 на дары родственникам обеих сторон. Выбирают дары сообща обе стороны. Жених и невеста, по взглядам народа, не должны видеться до самой свадьбы. В этот день вечером сходятся подруги невесты шить приданое и помогать выть. Если какая-либо невеста не умеет, то ее учит кто-нибудь из подруг для сговоров. Особых вытниц, как в Вол. и Гряз. у. или у нас на Пыщуге Ветлужского у., не существует. Сговорами назывется день окончательных переговоров заинтересованных сторон о выборах дружки, подружья, тысяцкого и др. Съезжается, обыкновенно, вся родня сторон. Обыкновенно, теперь этот день устраивается ради только невесты, чтобы повыть, а совещания относительно распределения свадебного церемониала заканчиваются на пропоях. В назначенный день сбираются гости и пируют, а для невесты и подруг к куте навешивается полог, где они и начинают выть. Невеста садится между подругами в пологе и причитает:

Благослови-ко, Боже Осподи, сись мне, молоде,
В горемычные сутоцьки под слюдяное окошецько,
Мне повыть да поплакати,
Горюцих слез поубавити, свое серьце понадсадити.
Не ходи-ко, моя матушка, по полу белодубому,
Ты не дуй-ко, моя матушка, ко луцинке огня, искорки,
Не затоплей, корминец батюшко, ты свецю да воскоярую,
Не давай, корминец батюшко, свою руценьку правую,
Не запоруць, корминец батюшко, мою буйную головушку
За поруки за крепкие, за три стены, за три каменны;
Не велел корминец батюшко широко ходить расхаживать,
От кути толко до середи и до пецьки кирпишные.

Этим причитом привываются отец и мать невесты. Затем, по старшинству, оплакивается будущий свекор невесты:

Я узрила, усмотрела я у батюшки в тереме
За столом белодубовым, я залетную пташецьку,
Я не знаю, как ее назвать, по изоцесву звелицеть,
Звелицеть хоть и знаю как, да неводицци,
Мое серьце не воротицця до поры и до времецька.
Ты голубцик, милый дедюшка,
Изволь стать на резвы ноженьки,
На цюлоцьки, на варешки

(варежкой, варегой называется рукавица, связанная одной иглой и скатанная наподобие катаника; происходит слово «варега», вероятно, от слова «варить», потому что катают всегда при посредстве горячей воды),

На сапошки сафьянные,
Ростунись ты, стена каменна, росшатитесь, люди добрые,
Уж вы дайте-ко дороженьку голубцику дедюшке.

Свекор встает, идет в полог и дает денег, в это время подружки поют ему песню:

Шьте не зелен ли сад стоит,
Не тово ли саду мак цветет,
Шьте идет да приступаецця,
По ниску да поклонсецця,
Называет ее по имени,
Велицеет по изоцесву.

Свекор дает денег и уходит. Невеста причитает других родственников жениха, причитает свекра, а подружки — песней, и каждый припетый гость должен идти к невесте и дать ей денег. Когда всех отпричитает невеста, свекор снова идет в полог и там поочередно сидит у девиц на коленях, а невеста причитает:

Накажу я тебе, дедюшка,
Посади ты, голупцик мой,
Ко мне дружку ты хорошова,
Белова да кудреватого,
Холостова неженатого,
Шьтебы привез-то мне друженька,
Моим подружкам голубушкам
Голомедных (голый мед) сладких пряничков
И каленых орехов бы,
Посадил бы чуж чужанин,
Шьтебы сваху бы хорошую,
Баскую да пригожую,
Привезла бы сваха княжая
На меня цветное платьице,
На мои резвы ноженьки —
Цюлоцьки базарные и башмацьки сафьянные,
На меня, молодешеньку,
Шьтебы шубку суконную,
На мои на девьи руки —
Руавицьки перстяноцьки,
На мою на буйну голову
Фату коноватную —
Не ознобить бы мне, молоде,
Мою буйную голову,
Мои белые руценьки,
Мои резвые ноженьки.

Гости разъезжаются. Вечером подружки топят баню и начинается вечеринка, в собственном смысле этого слова. Сговоры бывают утром, а вечеринка — вечером того же дня. Сговоры и вечеринка устраиваются в канун свадьбы. Сговоры почти всегда затягиваются до вечера, потому невеста сразу же после отъезда и запричитает о бане, обращаясь к отцу:

Нареди, корминец батюшко,
Своего ты сына милова
На роботу цяжолую.
Уж ты, братец мой,
Ясен сокол,
Наруби, братец батюшко,
Сухих дровец перелетовых.
Ты сестриця голубушка,
Истопи баню парушу
Без огня и без полымя,
Без угару цяжолого

(когда топят баню, то есть примета, чтобы не колотить в печи головешек, а то муж станет колотить жену),

Припаси, моя сестрица матушка,
Три воды да три разные:
Первая вода — колодешна,
Другая вода — клюцевая,
Третья — со Дунай-реки;
Припаси, моя сестрица матушка,
Три мыла да три разные:
Первое — базарьское,
Другое — казанськое,
Третье мыло из Питеру;
Припаси, моя сестрица,
Для меня, молодешеньки,
Ты шолковой мяхкой виницек,
Шьтебы не смыть мне и не спарити
Свою дивию красоту,
Дивье-то украшеньице,
Не опустить бы было молоде
Со парами по поднебесью,
По за светлому мисецю,
По за цястым мелким звездоцькам.

Сестра с одной из подружек уходят топить баню. Истопивши, приходят в избу и причитают:

Ты подем-ко, моя сестрица,
Истопила баню парушу
Без огня и без полымя,
Без угару без горького,
Припасла тибе, сестриця,
Три воды и три разные:
(перебирает, какие)
И три мыла, три разные,
И шолковой мяхкой виницек.

Затем которая-нибудь из подружек причитает дальше:

Ты подем, наша подруженька,
Ты подем, наша голубушка».
Невеста ломается, причитает:
Под полатям белодубовым
У ковша у пивопьянова

Стоит братец, ясен сокол,
На мосту на калиновом
Все сукном поизостланом.
На крылечке купци стоят,
Продают дивьи красоты,
На цястоступоцной лисенке
Все жемцюженки скацены,
На широкой на улице
Тут стоит тын серебряной,
А на кажной тыциноцьке
По златому нову блюдецьку,
А на кажном на блюдецьке
По цесной дивьей красоте;
А у бани у паруши
Двери стеклянные,
Косяки ти хрустальные,
Потолок — церны соболи,
Пецька кирпишная,
Каменка жемцюжная.

Приходят в баню. Невеста умывает одно только лицо, чтобы сдать свою дивью красоту той подружке, которая хочет скорее выйти замуж. Умывается сначала невеста, потом умывает этой же водой и желающую скорее выйти замуж, с причетом:

Поглежу по бане паруше,
По подруженькам голубушкам,
По белым лебедушкам.
Я узрила, усмотрела
Свою подружку голубушку
(называет по имени),
Подойди, подружка матушка,
Ты ко мне, молодешеньке,
Ты сыми дивью красоту
С моей буйной головушки,
Ты надень мою красоту
На свою буйну голову.
Поглежу я, молодешенька,
На свою дивью красоту,
Она так ли красуется,
Как на мне красовалася,
Шьтеб мою дивью красоту
Везде знали да ведали.

Выходят из бани, невеста причитает:

Не спасибо, баня паруша,
И тебе, сестриця милая.
Уж я смыла, молодешенька,
Свою дивью я красоту,
Опустила, молодешенька,
Со паром по поднебесью.
Погледи, корминец батюшко,

И с родимой матушкой
Из косящатова окошецька,
У тебя ли под окошецьком,
Тут стоит тын серебряной,
Все тыцинки прямешеньки,
А одна подломилася,
Из корень повалилася,
Шьте меня ломает, молоду,
Да не ветром, не вихарем,
Все горем да круциной,
Все пецелью великою».

(Входят в сени):
На небе свител мисець да и цястые звездоцьки,
У меня ли во тереме ты (в) скорминец мой, батюшко,
Отвори двери на пяту, на пяту на золезную,
На гвозье полуженое.
Признобила я, молода, свои резвые ноженьки,
Свои белые руценьки ко скопе ко золезной-то.
Отец отворяет избу и все входят. Садятся, невеста воет:
Шьте-то я призадумалась, бутто в саде загулялася,
На цветы загляделася,
Бутто в церкви застоялася и пинья заслушалась,
Бутто звону колокольнова.
Не пристало, не хорошо Божьей церкви безо паперти,
А мне, молодешеньке, в куте сидеть без плаканья,
Все осудят люди добрые, все сусиди приближоные
Меня за занавесью,
Шьте у этой сговореные нет ни горя, ни пецели,
Нет круцины великие и тоски непомерные.
У меня ли горя круцины — все луга изусиены,
Все поля изнакощены,
У меня горе круцинушка, я подружек оставила
И цестые биседоцьки,
Я любила, молодешенька, на бисетки цясто ходити,
Я шутила, галоволила, пела писенки веселые.

Садятся ужинать, а потом ложатся спать. На другой день невеста встает раньше всех, садится в куть и голосит:
Вы не пойте-ко, петухи, петухи гребенястые,
Не будите вы, петухи, мою родимую матушку,
Шьтеб моя родная матушка проспала бы, не устроилась,
Про своих да дорогих гостей, про моих-то розлуцницьков,
Шьтеб они бы так простоели, белы руценьки примахали,
Буйны головы приклонели,
Они на то бы осердилися да назад бы воротилися,
Меня, молоду, покинули во куте за занавесою
Со подруженькам голубушкам,
Шьтебы я, молодешенька, одних басенок побаела,
Одних думушек подумала.
Я спрошу вас, подруженьки, я спрошу вас, голубушки,

Мяхка ли была постелюшка, высоко ли сголовьице,
Тепло ли одеялецько, хорошо ли приуснулося?
А как я, молодешенька, всю-ту ноцьку не сыпала,
От тоски, от круцинушки.
Мое серьце ретивое всю-ту ноць протосковало.
Мне малешенько уснулося, зато вного во сне виделось.
Уж я видела, видела,
Уж я лесами-то темные, уж рицюшки быстрые.
Я ходила-то, молода, на рицюшку быструю
По крутому я бережку,
Обрывалася я, молода, во Дунай, реку быструю,
Хваталася я, молода, за траву за шелковую,
За цветы за лазоревые не могла сохватитися,
А схватилась я, молода, за шипицю колюцюю,
За осоку резуцюю, за крапиву жигуцюю,
Шьте шипиця колюцяя — то цюжой то ли цюжанин,
А осока та резуцяя и крапива та жигуцяя —
То цюжие отец с матерью.
[В] ставала я, молода, поутру раным ранешенько,
Я цесала буйну голову своим цястым я гребешком,
Заплетала косу русую, обвивала алой лентоцькой,
Выходила я, молода, на крылецько красивое
И гледела я, молода, на все цетыре я стороны,
Шьте с ноцьную ту сторону тут идет кицька шитая,
Кицька шитая проклятая на великих на радостях
До земли недотыкаецця, за небеса хватаецця,
Руки вверх подымаюци, она ко мне собираецця,
На мою буйну голову, со востошную сторону
Тут пошла дивья красота не на великих на радостях,
Со горем, со круциною, со пецелью великою.

Затем невеста идет одеваться к венцу. Одевает кашемировик, рубашку восьмицяпошную своего тканья или коленкоровую, на голову — платок бумазейный или шелковый и шубу суконную без боров.

Благослови, Боже Осподи, мне-ка стать и поднетися
Со дубовой со лавоцьки на свои резвы ноженьки
Со подруженькам голубушкам, мне и Богу помолитися.
Я первый поклон положу за цяря благоверного,
Ишшо дай ему, Осподи, вного лет жить не старицця,
Я ишшо поклон положу за цярицю благоверницю,
Я ишо поклон положу за роднова отца с матерью.
Мне и шьте Богу молитися, колда Бог меня не милует,
Осударь меня не жалует, родной батюшко не жалеет.

Нарядится невеста и ждет жениха. Заслышав колокольчики, невеста снова принимается выть:

Ишшо от лесу, от лесу,
Шьте не синь засинелася и не крась закрасилася,
На князьях-то, на боярах-то, кафтаны на их синие,
Кушаки на их красные.
Не вода то ли вешная круг двора обливалася,
Шьте не шшука рыба белая по той ли воде плавала,

Подворотенку вышибла, во двор воду пустила,
Не ветра и не вихари по мосту перевиели,
Шьте не стрелка каленая в высок терем залетала,
Шьте не млад ли свител мисецъ в терему да освитило,
Не зоря ли поутренняя в терему занималася,
Шьте не цясты ли звездоцьки в терему рассыпалися.

В это время гости всходят на крыльцо и останавливаются у дверей, растворив предварительно их.
Отец и мать невесты берут иконы и встречают гостей. Невеста воет:

Я спрошу, корминец батюшко, вы, родимая матушка,
Вы куды собираитесь, хорошо наряжаитесь,
Берите, корминец батюшко и родимая матушка,
Вы иконы и образы на свои на руки белые.
Не Ягорьев ли день пришел,
Не скотину ли обхаживать, в цисто поле проваживать;
Не живет етот празницек осередь зимы студеные,
А живет етот празницек осередь весны красные.
По всему я вижу, молода, по всему догадалася,
Вы стрицеите, батюшко,
Вы своих ли дорогих гостей и моих ли розлуцницьков,
Приумолкните на море, все гуси и лебеди,
У тебя, корминец батюшко, у тебя ли во тереме
Все дяди и тетушки,
У меня за занавесою все подружки голубушки,
Уж вы дайте послушати дружкина целобитьиця,
Шьте горазд ли дружка дружити.

Дружка выходит в избу, держа за руку жениха, и говорит: «Осподи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», взвеличает отца и мать невесты: «Благословите в избу войти, заводить нашего князя новобрачнова за столы за дубовые, за скатерки браные, благословлейте на место сись».
Отец и мать благословляют, садятся за стол. Невеста воет в куте:

Занимайте, князья, бояра, вы дяди и тетушки,
Все места вы поцетные.
Я спрошу тебя, друженька, ты привез ли сладких преницьков
Моим подруженькам голубушкам,
Привезла ли сваха княжая на меня цветное платьице?.

Сваха подходит и надевает на невесту платок, а девиц угощает пряниками и орехами. Невеста воет:

Не дамся стать поднетися без корминьця без батюшки
Не князьям и не боярам,
Буде дась корминець батюшко благословленьице великое,
Ко злату венцю мне итти со своим младым суженым.

Отец благословляет невесту иконой.

Блаослови, Боже Осподи, стать мне, молоде,
На резвы ноженьки
И сись за дубовый стол со своим младым суженым.

Девицы ведут невесту к столу.

Уж ты гнися, половушка, подо мною, молодешенькой,
Под круциной красной девицей,
Середь полу остановилася, тут я Богу помолилася,
Не осудите, люди добрые, шьте не статно-то я иду,
Не пецятно и хрес кладу, не понизку поклонеюся,
Шьте не гнется права руценька, не клонится буйна голова
Со горя и со круцины, со пецели великие,
Со тоски непомерные.

Невеста садится за стол рядом с женихом. Гости пируют. Перед женихом и невестой ставится пустое блюдо и две ложки. Есть и пить до венца им не полагается. Девицы поют песню:

Солнышко шло по за облаку,
(называют невесту) шла по за дубову столу,
Бросила ключи на дубовый стол,
Я тебе, батюшко, не клюшниця, матушке я не помошниця,
Цюжому батюшке я буду клюшниця,
Цюжой буду матушке помошниця (или ларешниця).

Невеста причитает за столом:

Погледи, корминець батюшко, со родимой со матушкой
На меня, молодешеньку,
Возле ровни ли я сижу, молодця девка дороднее,
Умом разумом довольнее, на лицо-то попригожее.
Глупая я, красна девиця, глупая, безразумная,
Не с ума я слово молвила, со всего горя круцинушки,
Со пецели великие.
Молодец девки дороднее, умом-разумом довольнее.

Обращаясь к подружкам:

Мои подружки голубушки, мои белые лебедушки,
Не давно с вами рассталася, я по вам стосковалася,
Приступитеся, подруженьки, вы ко мне, молодешеньке,
Уж вы сядьте, подруженьки, по мою руку правую,
Я ишшо бы с вам посидела, одной думушкой подумала,
Одних басенок побаела.

Подружки поют:

Ты подруженька и голубушка, нам нельзя приступитися,
Шьте к тебе пришатитися.
По правую руку у тя сидит,
Шьте не братец ясен сокол, не сестриця-то милая,
Отодвинься, цюж цюженин, ты во сутки по лавоцьке,
Отодвинься, сваха княжая, ты во куть по полавецью,
Ты пусти нас к подруженьке.

Гости поднимаются ехать к жениху. Девицы начинают ругать жениха:

Погледи-ко, цюж цюженин,
Как у ластоцьки увито, у касатоцьки укрыто.
Уж вы пулыши, пулыши,

Поглядите вы, пулыши, вы на наши на улици,
Ровно скатерки браные, а ишшо ваши ти улици,
Ишшо ехал тут Тимушка, завезил свою кобылушку,
Ето шьте да насутулилось, ето шьте да нагорбатилось,
Шьте не сыць ли на коле сидит, не сова ли натутырилась,
Не с мекиной ли мешок набит!
А ишшо сватушку своднику три цирья в бороду,
А цетвертое в голову, ишшо пятой-то под горлышко
Вместо красного солнышка.
(Сравн. свадьбу Гряз. у. Авнегской в д. Ершово.)

Девицы остаются, а поезжане уезжают. После венчанья едут в дом жениха. Во время ужина молодые не едят во избежание колдовства, чтобы кто-нибудь не подсыпал в блюда наговору. После ужина молодых дружка и сваха [укладывают] на подклеть спать. Туда же им носят и есть. На другой день молодых будят рано и ставят в сенях ушат с водой, из которого умываются сначала молодые, а потом гости. Это, говорят, молодые белятся. Затем молодой уезжает за тещей и тестем, а невеста угощает собравшихся девиц вином и пивом. Когда приедет жених, начинается красный стол, за которым дарят родственников обеих сторон. Получивший дар выпивает сначала рюмку водки, а потом с подарком подходит к невесте и целует ее. Сваха в это время оделяет залезших на полати ребятишек орехами-кр[?] (из пшеничной муки на масле). Попируют и едут к невесте в дом, там тоже дня два пируют.
Примет во время венчанья нет почти никаких, за исключением ступанья на подножник и ступанья в след мужа, чтобы муж не бегал от нее.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 576. Л. 1—8 об.

Бывальщинки

№ 1
Жил был мужик богатой-прибогатой. Вот раз он и вышоу на волю, как поглядит на овин то, а из яво цяд (чад, дым) так валом и валит. Шьтёй то, кажись овин не сушиу не вцера не седни, а цяд валит, шьте-небуть да неладно, подходит, а цят от гушеие и гушие, так и валит, так и валит. Подошоу к овину, ницево нетутка, огня нету, а цят валит, взашоу на гувно, тоже ницево нету, как взманет глазом то к яме то, а там стоит лошать сивая присивая. Мужика дрожь кали взяла с цево-то. А лошадь такая сивая, матерая, отрадясь, бает, не видывау таких. Вот и заговорила лошать целовицьим яму ясаком, заговорила, человешно да и бает: «Мужицек, бает, не бойся меня, а скажи своим суседям, отступитё злобу ту тлить-то, любите друг друга, не носите атласнова, золотова и фряньцюскова, а пущшче всего табаку не курите. Да матерное слово опокиньте, сево я дам вволю и хлеба и скотинки и гриб и ягото, сево, сево, только греха не творите, а ето восподет и быу. Мужицек поклониуся ёму и лошать стала невидима. Чтойто, бает, робятушки-батюшки за цюдо, лошать и то говорит чоловешно, ето бает не спроста, надо, бает, у баб поспросить, шьтё за золотое оне носят. Пришоў в избу, в а в избе у ево две снохи прибираюцца к празднику, гоят все, да метут, ну, вот х празнику, сам знаешь, надо шьтё-нибуть и поноще сварить или испецици. Сел етот мудицек на лавку и говорит им: «Бабы, бает, шьте за золотое вы носитеето шамшуры ти, да кокошники ти, моци, бает, мы принесем. Выбежали в синник, выташшили френьцю ськой сарафан, да кокошник и принесли — вот батюшко. Могли кося, какой баской, я нынця кокшник сибе шшила, одна и бает». «Я вот ницево в их не толкую, взял ихнюю наряду, завертеу, заверей, в кузовок да в пець как фуркнёт, тако тут и видели, вот обе некошно и завыли, воют, ввоют и уняцца не могут. Пришли сыновья, оне и пушше тово. Шьтёйто, бают, с бабами зделалось, думают, дама шьтё нецередём. Младшая и бает, Иван, у меня батюшко наряду в пець кинул, тепереци не в цём и в церкву вытти. Сын осердиуся, сохватай топор и хоцет стегнуть батька-тто по голове, друк руката и околела, не моготь и разогнуть. Бабы сходили по десяцкова, десяцкой собрал деревню. Пришли мужики, поглядят: Сын стоит с топором, как хотел замазнуцця и отец не моготь с лавки здвинуцця, как сидел, так и остаўся. Съездили

по попа, приехаў, исповедаў обоих, ницево не пало. Съездили по нацельников. Приехали нацельники, отец и росказал имяим, шьтё и как было. Как ето росказал, так и стал. Вот нацельники и велили, шьтебы окромя портянова ницево не носили и восподь даст им топереци сево вдоволь. А где это было, бабушка, я спросил. А в Яранском, батюшка, в Яранском, цеют тамотко хлеба не родилось по два года, а топереци родицця. Я веть, боло, ету бывальщинку истово знала, да невного и попризабыла». «А кто же тебе рассказывал? А Ехрем Кривоськой, знаешь ведь ёво; знаю, знаю, Он веть мотри, мужик от не булемотной. Так вот штё, батюшка, бывает на белом свете. Нацельники велили собрацця старикам, зделали сходку, собрались мужицьки. Нацельники и бают, вот, робята, ежели хто станет носить [неразборчиво] атласное али золотое, окром портянова, на тово наложить страх (штраф).

№ 2

Жил мужицек и богато жил он. Дитей у его долго не было. Прожили так долгонько, жона у еко и принесла мальцика, принесла мальцика; мальцикот шьтето ей и не понравился. Неси, бает ево, куды хошь, а мне ево ненадока. Мужик поуговариваў, поуговариваў хозяйку, нет и слушать не хоцет.
Куды девать робенка; подумал, подумал и выдумал. Вот, шотё, бает, я зделаю ка. Взел, завертел, завертел ево в пеленоцьки, укуёликаў едак и понес на рёку, принес туды, взел, на дошшецьку положил и пустил вниз по рицьке. Вот дошшецька пловёт и пловёт по рицьке, выплыла в море. А рыболовьци рыбу ловили, отоўкнули весельцём, опеть дошшецька поплыла. Вот плыла да плыла и приплыла к манастырю. Манашина пошла за водой, друх шьтё то ей поцютилось, не как бает младенець в кустах плацёт, звернулась да и входи (назад). Игуменья матушка, у нас шьтё-то неладно. Шьте такое, бласловесь, бает, слуцилося. Ой, бает, неладное, — да шьтё такое. Да со страстей-ту, бает, не могу с духом собратися. Пошла я за водой, друг мне и поцюдилось, ровно бы кажись в кустах то ребеноцек плацет. «Дак ты цево испужалась, взела бы да и несла. Послала ишшо манахиню: поддьте, бает, обе и принеситё ево сюды. Те принесли, как роскуцютали, а в пеленках лежит мальцик. Игуменью онацалу взело подозринье, думает, не из манашинок ли хто. Поспрашивала, нехто не виниця, так и бросила. Взела, етова ребеноцька и окстúла и назвала ево «Семен Приплывной».
Вот стали манашенки водицця. Водяцця с им уж так мо, дак на, и ростёт етот Семен Приплывной у их, уж вырос и дúвной; докормили ево до 10 годков, стали уцить грамоте; он пошоў по грамоте, ему она далась, скоро выуцился; стали шить уцить всякой всецине: и ризы шить и пелёны и рясы; — всё шо тё надо. Вот живет у их Семен Приплывной и до 17 лет и стали на ёво манашки зарицця, а он был отликой-приликой, хорошенькой, вот стали зарицця, да и богу плохо молицця. Игуменья видит, шьтё на Семена Приплывного манашки стали зарицця и богу плохо молицця вот и позвала ево. «Не огневайся, бает, Семен Приплывной, шьтё я тибе скажу. На тебя, бает, стали мои манашенки зарицця и богу плохо молицця, а ето мне не помысле; я тибя выпоила, выкормила, на резвы ножки поставила и грамоте выуцила и всякой всецине шить науцила, ты топереце смогош и сам добывать свое хлеб, поди, куды знаеш. Пошоў Семен Приплывной куда глаза глядят, зашоў в одну деревню, ой, бает, хозяин, хозяюшка, нет ли цево пошить. Есь, бают, ступай, шитья довольно. Пришоў, мужик шитья нанес ему вного. Семен Приплывной зацял кроить да шить, живо сшил, денежки полуциў, опеть покатиў. Придет в деревню, эй, нет ли шитья. Принесут ему всякой всецины. Он, шьтёбы не было, шьтё бы не было, все сошьет, из рук ево не уйдет. Уцюли по деревням, шьтё объевился хорошой швец и стали ево возить по домам. Возили да возили да и завезли в дом к ево оццю. Мужик он был богатой, нанесен ему шитья столько, шьтё и в тисець не приработать. Семен Приплывной достал свой струмент, поцял как кроить да шить, живо обработал. А в ту пора у етово мужика не слуцилось работника. Мужик и бает, Семен, оставайся ка у нас на лето в работниках, плату мы тибе дадим хорошую, роботой не затяготим, ватага (семья) у нас маленькая, артиль, сам знаешь хорошая, кажинной день без говедины не садимся и за стол. А шьтё, бает, я с болшим удоволством, цоловек я одиношной, а летом нецево жо делать. Ну, вот и ладно. Вот и стал жить Семен Приплывной у етова мужика. А хозейка етова мужика и позазарилась на Семена Приплывнова, да так позазарилась, шьтё и терпинья нетутка. Вот она т нацала к ему поближе да поближе, да оне, батюшко мой, и посвалелися. Вот раз она ему и бает, Семен. Шьтё, бает? А мой муж мне больно стал не в моготу не по ндраву, уж больно мне с им надол[ы-е] зло жить то, давай ево уходим. А шьтё, давай, ето живо можно обделать, только колда? А вот завтрё надо яблоки обирать, так ты завтра ево и укокош. Ладно, бает, сделаю. На утре, жена мужика и посылает: хотьбы седни яблоки убрать. «В сам-диль, ведь

яблоки ти поспили, надо будетка сходить», «Подем, Семен». Подем. Пришли в сад. Семен злес на яблонь, взял да и оттудова ужишшо и спустил, делай петлю, да заматывай круг сибя, я тибя и приташшу. Тот сделал петлю, накинул на себя, токоболо хотил на крыльця то надить, Семен возьми да и дерни, так и затянул на шее, поднял, да и на суцек замотал; мужик живо ухайдакался. Пришео в избу. Ну, шьтс — «готово» — не и ладно. Ввецеру перетаншили домой и на полати положили. Съездили по попа. Вот так и так, сконцелся скоропостижно, дали ему, сколько поп запросил; поп угомонился, расписался, шьтё будто прицестил и при ем сконцелся. Похоронили и сорокоуст заказали. Прожили сколько-то недиль, ишшо и шести то недиль не прожили и бает она ему, Семен, не стали ка винцеция». — А я рат вседушно. Вот обвиныцелися, живут мисець, другой и год прожили, она уж и забрюхатела и робеноцька принесла. Стала водиция. Вот рас Семен Приплывной и пошел в церкву богу молицця на свой «повост», а она дома осталась. Толькошьтё он ушел, друк к ей и заевиўся старицёк и говорит: Ох ты женшена, женшена, грёховодниця ты, грёховодная твоя душенька, веть ето кто ты думаешь твой сецяшной мужот, веть он тибе будет сын, веть ты три греха согрешила; первой — грех согрёшила, мужа уходила, а второй-ет, с сыном обвиньцалась, а третей-ет грех — сына от ево прижила: вот он придет, вы с им и придите на такую ту дорогу. Вот она, батюшко мой, как узнала, так и взвыла. Муж пришол от обидни; на, шьтё, благословесь, жона воет, и воет и унеция не могот. Шьтё, бает, с тобой. Ой, не говорико, беда стряслась над нами. Ну, скажи. Нет, бает, не скажу. Так и не сказала. На другой день стала невеселая, туманная такая. Семен Приплывной и зацал допытывать. Шьтё, бает, супружниця, ты мне не скажешь, не поведаешь, штё у тибя за горе, али я, баёт, тибя цем обидел, али я тибя в худую скруту нережал. Она ницево не бает, токо молцит. «Ну скажи, бает, веть уж ежели шьтё и болно, то я веть не сержусь. Вишьты, он цеял то, шьтё она по муже по том ту плакала и ево перестала любить, ежели, ты миня розлюбила, то ведь я буде и уду. «Нет, бает, я тибя Семен Приплывной не разлюбила, а токо шьто ты мне топереци не муж, а сын. Шьтё, ты, бает, баешь? Верно, сын. Вцера, покудесь ты ходил на повос, был у миня старицек и сказал, шьтё ты мне сын и шьтё я три греха согрешила, первой ет грех — ето мужа уходила, а второй-ет грех — ето я с тобой живу, а третей-ет грех, ето с тобой робенка прижила, и велел он нам обоим вмисте притти на такуюту дорогу. «Поедем, бает, пришли туда и видят, стоит, старицёк. Старицёк увидел их, подозвал к сибе и обоим им сказал, вот вы топереци нагрешили и должны за каждый грех по году ходить, а топереци молитесь богу и идите. Куды малицця-то? — А молитесь, бает, мне». Вот оне помолились. Он повернул одново в одну сторону, другова в другую, ну ступайте с богом, и пошли оне. Пошли и поломам и поцелинам (чащам) и по лёсам дремуцим, и по болотам везуцим и по рёкам глыбоким, и по шипице по колюцей и по крапиве то жгуцей и по осоке то резуцей, все тело прирвали, ходили, ходили, опеть на то место и пришли. Пришли, а старицек уж тутотка. Вот один грех вам прошшаецця, ступайте топерецо другой замаливайтё. Вот оне помалились ему, он повернул одного в одну сторону, другова в другую, ступайте. Вот оне опеть и пошли. Ходили, ходили и по ломам то, и по лесам то, где-где и не были, всю одежду прирвали, пришли худыё росхудые опеть на то место. Вот и другой грех прошшаеция. — Тепереци, идите, осталной грех замаливайте. Оне ему помалились, он повернул одново в одну сторону, другова в другую, ступайте с богом. Вот оне и пошли. Уж ходили, ходили, ходили, ходили, дошли до тово, шьтё все тело прирвали, одне костоцьки остались, опеть на то место пришли. А старицек уж тут. Вот вы, бает, топереця три года проходили, топереци вам все грехи прошшаюцця... И стали оне жить. «А уж велел ли им жить вместе, етова не знаю, добавила от себя моя старуха...»

№ 3

Жил мужицек с женой, а у их не еднова не сына, не доцьки не было. Вот рас и пошол етот мужицек богу молицця в Киев. Походил там, помалился у святых угодников и пошел назат. Вот шол да шол, ему пить и захотелося. Подошол к рицьке и давай пить нападкой; напился да и хоцет поднецця то. Подымаецця, подымаецця, не могот, за бородуту ево хто-то тами сцепал. Мужицек испужался, замолился, отпусти, бает, хто там. «Не опущу, пока не отдашь то, цево дома не знаёшь. Мужицек подумал, подумал, все кажецци знаю. Он колда пошел и не знал, шьтё у ево баба та брюхата была. Ну, ладно, опусти токо.
«А роспишись, оттудова ему и бает нецистая та сила. Вишь, ево счепала ета прокленая сила, в рецо-то. А на цем, бает, я роспишусь. Да вон витко неподалеку брестецько, сицясь оно прикатицця, ты ево возьми, добуть своей крови и роспишись, шьтё отдашь мне то, цево не знаешь и шьтё я приду за им церез десять лет. Мужик погледел, берестецко подкатилось, добыл крови, расписался. Нецистая сила опустила ево.

Пришол домой, жена ему и бает, я сына принёсла. Тут мужицек и здогадался, цево он в доме ту не знал. Делать нецево, повыл хоша, а веть слезам горю не пособишь, надо кормити. Вот и стал мужицек своего сына кормить. Докормил до 10 годков и грамоте выуцил. И сын такой лютой вышел на грамоти, все и цитает, все и цитает, все испрошел. Вот стал концаццявя десятый год, завтре строк (срок). Мужицек пошел спати и завыл, сын и бает, об цем, тетя, плацешь. «Ох, сынок, горе у миня есь, и великое горе». Розскажи мне ка ево, я моготь и пособлю. Отец ему и росказал: пошол я богу малиццявя в Киев, помолился там и пошол назат, да дорогой мне-ка пить и захотилося. Вот прилег я на бережок, да и давай напаткой пить, меня хто-то и счепал тамотка в воде то за бороду, оддай, бает то, цево ты не знаешь, в те пор о опушшу; я и оддал и росписку дал на десять лет, пришол домой, а ты и родился. Вот он завтра по тибя и придет. Мальцик и бает отцю, колды ты так миня обитил, то опушшай миня, тетя; отец ево бласловил и пошол. Идет, идет сибе, идет, идет, гледит, стоит избушка. Зашол в избушку, а там сидит женшына седая пресёдая, страшная такая, а рожышша нали с наберуху будет. «Не знаешь ли, ты, баушенька, такова цаловека, неприятную силу прозываеццяв. «А вот ты ступай ишшо далше, там живет нехрешшионая женшына, она вот знает, де ета неприятная сила обретпеццяв. Вот он и пошол. Шол, шол, целый день шол, гледит, стоит избушка, а у избушки стоит старуха седая пресёдая, страшная, стрестрашная. «Куда, бает, молодец пошол?» «А снацала напой, накорми, да в те поры и спрашивай». Она напоила, накормила, он ей и розказал все, куда и зацем он идет. «Вот ты ступай ишшо подалше, там живет моя сестра, она вот безприменно знает доподлинно. Пошол, шол, шол и дошол до избушки. Взошол туда, а там сидит старуха и ишшо тово страшнее, рожа вся в пупырьях страшная и не приведи Восподи кажинному хрешшоному стритиццявя с еданькой рожой, как увидала, так и закрицела: «Руських кос[т]ок слыхать не слыхать, видом не видать, а руськая костоцька сама пришла». Он подошол, поклонился и спросил, баушенька, де тут неприятная сила живет. А вот поди туда, недалеко он тут и живет. Он и пошол туда, пришол, стоят боолшушшие хоромы, зашол в хоромы, а там живет руськая женшына. Ой, бает, пришол наш руськой, он веть ево, бает съес, ты зацем, крмилец, пришол сюды, веть он тибя, кормилец, съес, дако я тебя спрецю, взела да и спрятала ево в залавок. Вот невного погодя и идет сама неприятная сила, все нали хоромы ти затресло, как пришол, так и закрицел, руськова духу слыхом не слыхать, видом не видать, а руськой дух сам объявился. Женшына та перепугалась, поноты, бает, зря то городить, ты по Руси то походил, руськова ту духу и нахватаўся. Давай, бает, ись. Сел ись, а в плецях косая сажень, матерушшой ет такой, так головой ту в потолок и утыкаеццяв. Вот она кормит ево, сама басни ти и наводит, как бы ево спасти, говорила да говорила и сказала, штьё к ему пришол мальцик с Руси с жалобой на неприятную силу. Он виш ты был нацельник надо всей етой неприятной силой. «А де, бает, он». Я ево в залавок спрятала. Тот вылез из залавка, стал перед им на коленоцька и росказал ему все, шьтё отец ему говорил. «Ну, бает, ставай, ставай, зацем ставать на коленоцька, сецясь я ето обработаю, погоди маненецько. Вышел на двор, свиснул, друк, отколь взелись, две болшушшие кореты и подъехали все и золотые, давай, бает, садись. Сили и поехали туды, де у ево судот. Вишь нашите илонды и у их тожно бывает суд. Вот приехали на суд, собрали всех; все оказались на лицё, токо одного не оказалось, а де, бает, тот, сыскаит ево. Живо побежали работники, ношли де то там на той стороне света, привели. Ты, бает, у мужика взел расписку на десять лет. «Я». Подай сюды. Не отдам. «Повалить ево на борону. Цицясь приволокли медную борону, зубы долгуушшие, роскалили до красна так ли, шьтё на, повернули борону зубьем кверху, повалили ево, доброва молоццяв, и давай стёгать. Уж хлестали, хлестали, всю кожу ту спустили. Отдашь ли, бает, нацельник ихной. Нет не отдам, умру, а не оддам. Порите ево на смерть, осердился нацельник. Вот схватали новые прутьё жолезные и давай хвостать. Уж хвостали, хвостали, одне ребра остались да кости, дохвостались уж до тово, шьтё он некошно заревил. Оддашь ли, бает, нацельник. Ой, опустите, оддам. Снели ево с бороны, он сбегал куды, принес берестецько, нате. Нацельник взел ету росписку и подал мальцику. На, бает, ступай домой. Парнек взел записку и пошол домой. Шол, шол да и дошол до дупля, и надумал тут помалиццяв. Залез туда да три годы и промалился. Ети три годы ему за три недили показались, так ему бог дал помошш. Вот помолился и пошол домой. Пришол, а там ждут не дождуццяв своево сынка, обрадили отец с матерью, заревили от радости. «Слава богу, шьтё объевился, а веть цяели, щьтё ты уж помер; иникося пошол к кому, к неприятной силе, ково, ото он выпустит живым, да жив-жывцци етова не бывает, да и не будет во веки веков аминь. Сын опосля жонился и стал жить поживать.

(Все три номера бывальщинок рассказаны слепой старухой Маврутой (Маврой) деревни Окулихи. Последнюю она выдвет тоже за бывальщинку, а не за сказку, и рассказывает всегда с какими-то особенными интонациями голоса, в которых слышиться религиозное благоговение, а не какое другое какое-нибудь чувство).

№ 4

Ходил старик за ребями (рябчиками) лёсовать; вот раз пошол и увидел, лешацёнок висицця на березе, и привязан етот лешаценок березовой вичой. Лешаценок ревет благим матом, батюшко, отвежи, шьтё хошь возми, отвежи. Старицек подошол, тибя, бает, хто пришклецил так едрено? А, бает, тетя пошол на войну, я за им и побежал было, дак он миня за ефто за самое, знацить и привезал, бают, Турка с Англечанами затиела войну, дак он за турк от и пошол приставать. Старик не смиет, как да, бает, я тибя отвяжу, а он скорои придет, веть мне шьте тагда будет, ведь он из миня синь порох зделает. «Токо ты, бает, отвежи, а я уж знаю, как зделать ту, он мне сказывал, шьтё на три года уду». Старик все не стиет. «Батюшко, кормилець, отвежи, я тибе три года без денег в казаках буду жить». Старик подумал, подумал, а шьтё, бает, будет, то и будет, а отвяжу, а казак важной будет, взел топор и пересек вичу-ту. Лешаценок упал, токо земля змяфкала. Стал, отрехнулся и пошли домой. Нацевали. Утре мужик и пошол пеньки ломать. Подем ко, бает, поломаем, по перелок, однако пуда два симя и посием, нынеце лен дорогой, выруцить можно будет славно. Подем, бает, у миня без работы то шьтё то руки плохо росправлеюцця, хоть поразомну их маленецько. Воти пошли. Пришли на подполосок, мужик то подрубит у пенька корешки, то вагу (большой толстый стяг, который подпихивают под пенек и налегая на нее выкорчевывают пенек) подпехнет, вошкаецця, коли то выворотит, а лешаценок пришол на полосу, как цикнёт пенек, ровно тово и не бывало. Мужик в уповод-от (период времени, употребляемый на работу без еды; в летних сутках три уповода: утром до обеда, 2) после обеда до паужины, и 3) после паужины до спанья) успел токо три пенецка ссиччи, а лешацёнок всю полосу ему уж проломал. Мужик токо издивиўся, ну думает, слава богу, нашол я сибе по мысле казацька, славно роботает (и робота́ет говорят), а главная чинь (цень) — даровой. Пообедали, опеть пошли, лешаценок как цикнет, так и не бывало, как цикнет, так и не бывало. В етот день три полосы таким манером и проголили. На другой день пошли лес рубить на повить, повить стала болно прытко плоха. Мужик пока ишшо чепаетчя около одныё, лешаценок раз-два и готова, живо накромсаў мужику лес. Пришли домой, ввецеру мужик лешаценку и баёт, церез три они будет у суседа Миколшина, так ты мотри, веди сибя цёсно (честно). Ладно, бает, уж ты меня не уци, как дёржать сибя. Через три дни сусед зделал Миколщыну, пива навариў и гостей нахваў столенько, шотё в избе негде и повернутьця. Вот пришоў и етот мужик с казаком. Лешаценок сеў на кутничю (приступок у печки), а мужик пошеў на сереть. То жо было хотел помолицця, да как запнецця. Шьтё ты, бает, дикасисся, пошьтё ногу ту подставлишь. «А ты, бает, гледи, да на других то не хвости, мотри ко ты обо шьтё запнуўся. «А обо шьтё?» А от котеў с золотом, вишь уши ти выставилися». Шьтё ты мороцишь. А мотри, взеў и выташшиў за уши ти. Мужик так и остолбенел; бери, на вот. Мужик обрадил, схватиў, да и домой тягу. Церез две недили другой мужик стал делать «питуху». Вот мужик и баёт своему казаку, мотри, здися будут все попы да дьецьки, дак ты болно прытко не розевай свое то хайло. Ладно, бает. Вот пришли. Токо успел хозяин богу ту помолицця то, друк как тот загогоцёт, нали все уши зачкнули. Шьтё ты, баёт, хайло то роспелил, вишь всг нали уши заткнули», — А погликося, бает, во шпине то нужда болест (болезнь) выпехивает. Осердиўся мужик, воротился назат домой. Живут оне год и другой и третей уж нацяў казак жить у мужицька. Вот рас друк у мужика баня и загорелась. В ето время и пригодись итти лешакам. Как рас война у турок с англицянами коньцилася и лешаки пошли домой, да дожжик и захватил их, оне и привернули под крышу. Привернули как рас к тому мужику, у которова жил в казаках лешацёнок. Один из лешаков стоит да и бает: здися у миня живет в казаках сын, скоро ему коньцеецця строк, дак надо будет взеть домой. Лешаценок в ето время сидел у окна; как услыхал, шьтё ево батько здися, выскоциў на волю и крицит, тетя, пособи мужику баню потушить. «Сецяс, бает, вели мужику токо с пеци шеволицця». Не успили мужики прибежать к бане, лешаки подошли к бане, да всю в горстях и зажали, так весь пожар и потушили. Мужик пока слезаў с пеци, посмотриў, никово нет, не казака, неково, токо баня одна церниецця. Перекстиўся, ну, бает, слава богу, гроза пронёслась, работник был даровой и ницево не взял за роботу.

№ 5

Жил мельник с жоной. У мельника были две доцьки. Мельник жил уже тутотка с лишным тритьчеть годиков и невного поскопиўкой-цево, на сибя и на доцерей; доцерям назаводиў шоўковиков и всякие разные скруты, портяныё и френьцюськиё. Вот раз доцьки и пошли-ка по ягоды. А матка та у них была не родная, вот она и забранилась, токо бает, лешой их носит, кобелич прокленёных по ягоды, нет шьтёбы роботу какую роботать дома, али матке помоцци, дако, мама, мы тибе хоша попредем али пошьем, согрешила я грешная, так в огне то с ими и сгорела, нет вот нехто и замуж от не берет, хоть бы за лешова оддала, токо бы пришол. А в етот цяс лешой-ет и шол мимо ее, он и услыхал, шьтё она баела. На другой день обернуўся молотьчом и пришоў свататьчя. Матка рада — радехонька, токо то и твердит мужу, одлай, бает, будет ей в дефках-то сидить-то и то без мала кормиў дватьчеть петь лет. Мельник послушаўся бабы, просватаў доцьку. Стали прошшатьчя. «Ну, бает, топереци ко мне милости просим место смотрить приёжжай, только, мотри, переедешь церес рёку, отъидь с версту, там я тибя стричю. На утре мельник запрёк лошать и поехаў; переехаў церес рёку, не успеў отъехать то и версту, а он уж тут. «Здорово, бает». — Здорово. Ну теперсци зашшурься, мужик зашшурился. Открой, бает, глаза. Мельник открыл глаза, погледеў, а он уж в хоромах у «болшова» (некоторые у нас из боязни перед ним не называют его «лешим», а просто одним словом «большой»). Мужик огледеў хоромы. Ницево, славные, понравились мельнику, осмотрили скот, хлеб, довольно сево. Погостиў мельник, надо бает и домой топереци. «Нет, бает, погоди, маленецко. Свецеряло, ну, бает, опеть зашшурься. Мельник зашшуриўся, опеть на своем месте и оцютиўся. Вот церес несколько времени повиньцелись и поехали жить. Пожили гот и послышаў мельник, шьтё у ево доцька парнёка принёсла. Вот мати напёкла хлибничю зубковў пирогов, прежеников и т. п.) и поехали. Переехали через рёку, а он там уж их и стрицает. «Шьтё, принесла, слышно, моя доци парнека», бает мельник. «Да принесла». «Ну, оборотитесь задью ко мне». Те оборотились. Зашшурьтесь. Те зашшурились. Топерь откройте глаза. Те открыли, уж дома. «Де, бает, родильниця. А вон тамотка на пеце». Мельницыха взобралась туды, посмотрела робеноцёк лежит на гоўбуе, а доци спит, побудили, побудила, нет не пробужаетьчя; надо быть остамела, дак оттово и спит так крепко, как погледит на сарафан, а на ей шоўковик, да и то не ее, а другой доцьки. У мельницыхи серьце то и ёкнуло. Здися, надо быть, нецисто, поехала, сицяс видела в с [неразборчиво] нике шоўковик, а топереци ужо здися, взела потихоньку и вырвала клинышок из сарафану ту. Приехали домой. Матка и спрашивает, де, бает, Ониск, твой-ет шоўковик. «В сильнике». «Покажько ево.» Та принесла. Как развернули, а цельнова клина и недостает в сарафане то. Мать чичяс выташшила из-за пазухи клинышок и приставила, клинышок тоцьно ево. Вот тут-то батько с маткой и узнали, кому просватали свою доци то. Мать и бает доцере то, вот мотри, шьтё знацит не бласловесь ту класти лопотину, он у тибя унес ево да и порваўвесь…

№ 6

Один мельник знался все с лешими; везде он ходиў и по лёсам и по болотам и ниде не заблуживаўся. Ну, знаўся с лешими, дак, знамо дело, оне ево засёў да и выводили. А он их почесь шьтё называў запрсто, эй ты такой то, али просто брат. Вот один рас он едак ту ходиў, ходиў, да и вбиўся с дороги то, кружиўся, кружиўся, некак не могот вытти. Нет, бает, видно доведётьчя лешака позвать. Цево-то покоўдоваў, чичяс лешак явиўся. Вот брат неколда не бывало, шьтёбы заблуживаўся, а теперецн такой грех слуциўся. Подем, бает, я также без дела шатаюсь, шьтё-то уж надоедать и бело-то свет стаў. А шьтё, али болно не баско на свету ту, и бает мельник-от. Да как тибе сказать, баско и не баско. Снацялу ту как живешь, дак кажетчя баско, а потом ту приёдаетчя. Пришли на мельницю. Подем, бает, ко мне в избушку. Подем. Мельник привел ево в избушку засветиў огня, достаў из пецьки варева, наклаў в цярушу, на, ешь. Едят. А шьтё, вы раз и умираете. «Да как не умираем». «Больше триста годов не живем». «А шьтё, поди веть вас и бьют». «Нет, бает, нас и можно убить одним способом». «А каким?» «Нет, не велено нам нашим набольшим сказывать. «Ну, для меня ту, скажи, веть мы с тобой ровно братья, друг у дружки ницево не утайливали». «Ну так и быть, уж для тебя скажу». «Слушай жо: в правой ноге в самой пяте у нас есятко одно хлипкое место, дак в ето место токо ткни иголкой, сразу и умрем. А поди веть вас и хоронят, ету мальнику такнулось на мысль от ево избавитьчя, дак ето он то и выведывает у ево все как жо. Вот ежели бы мне привелось и у тибя помереть». — «А помираем, бает, тагда, когда у нас глаза пооловеннеют — вот ежели я бы у тибя помер, дак ты токо выди на крыльчо да крикни: Эй, мертвое тело ступайте убирать, живо, бает, уберут». Вот поужинали и легли спать. Мельник лек на полати,

а лешак растянуўся на лавке. Лешак, набо быть с утатку ту живо захрапеў, храпит, нали окна дребежжать. Мельник повороцеўся, повороцеўся, не как не мог уснуть, а ему втемяшилось, щьтё можно лешака убить, вот и не могот уснуть то. А ведь славно бы было, кабы он не враў. Я бы потом уж как херувим быў. Полежит, полежит и опеть за ети же слова. Нет, бает, не могу, терпинья нет, дайко попытаю, а ежели соскоцит, дак скажу, шьтё мизгиря давиў. Слес с полатей то, здиў огонька да и идет с хомутной игоўкой. Подошол, а правая та нога кабыть наверху и лёжит. Он как начелиўся, да тюкнуў в то место, лешак ровно сноп и повалиўся с лафки то и не состонаў даже. Слава богу, укокошиў. Выбежаў на крыльчо, сосвистеў и крицит: «Эй, мертвое тело ступайте убирать». Погледит, идет лешака баба в боалшушшой кицоке и воет, ой ты мой батюшко, на ково ты меня покинуў, за ей приплеўся старик, старой престарой весь волосьем так и оброс; за стариком пришли братья, дюжие два лешака: чечяс один выдернуў пихту, роскалоў на доски, а другой сколотиў домовишшо, положили лешака и поташшили. «Спасибо, бают, доброй целовек, шьтё приютил ево у сибя». «А сколь он у вас пожиў». «А, бают, дваста петьдесят годов прожиў он у нас».

№ 7

Ходиў мужик лёсовать ребей, а время то было осённое. Ходиў, ходиў, да ево и застигла ноць в лёсу, делать нечево, надо и тут видно нацевать. Сеў под елоцьку и огонецка росклаў, шьтебы виши ево не моцило. Дым — от вишь наберетьчя в лапы-то и не пропушшает дожж-от. Вот сидит, а ноць, кажись, приди медвить, на шаг не увидеў бы. Друк, хто-то плацет. Мужик перекстиўся, опеть хто-то плацет, ближе и ближе. Мужика нави сево затресло, дотово испугаўся. Вот хто-то и бает таково хрушко; как жо я попрошусь, кали он и огонь-ту роскладываў бласловесь, да и сам ту чичяс кстиўся. А другой хто-то и бает, потоньше уж у тово голосок-от, ницево бает, ты веть токо погрицця попросись. Подошли к огоньку два цоловека, мужик и баба с робенком. Мужик и бает, пусти, доброй цоловек к огоньку погриця, баба вишь токо сицясь робенка принесла, дак болно озебла. Садитесь, бает, лесник. Вот погрелись, поблагодарили и ушли. Церес цяс друк приходит другой такой жо болшой, подем, бает, к нам, брат хоцет тибе дать цево-то за твое обогринье. Мужик оконцетельно здрефил, нет, бает, не поду, не пошьте мне к вам — этко итти. Подем, бает болшой, сохватаў ево, взяў к сибе под пазуху и понес. Принес домой, на вот, бает, привеў ево тибе. Тот ему и бает, вот ты мою бабу обогриў, цево тибе надо, тои дам. Если ты уж так роздобриўся, господин болшой, то дай хоша мне столько ребей и куничь, шьтёбы круглой гот бить и не перебить. «Будет, ступай домой, да мотри, некому не бай, шьтё я тибе даў столенько». «Не скажу, провалицця на мисте, не скажу». Вот пошоў лёсовать, ребей столько ему стало попадаться, шьтё он уж не знает, в которова и стрилять, и круглой гот в етой дербе биў ребей да куничь и розбогатеў. Мужики дивуютьчя, откудова, бают, столько он бьет ребей, подут с ним, нецево не видят, а он токо стукает, токо стукает, как выстрилит, так и рябок. Вот раз о праздник и приступили к ему, скажи, да скажи, откудова ты столько лесуешь ребей. А знаешь, какой пьяный наш брат бывает. И пословичя та говоритьчя, шьтё у терёзвова на мыслях, то у пьянова на языке, и захотеў он похвалитьчя, эх, вы бает, лесуете, лесуете, токо порох виете, а я поду, все кругом реби. «Поди веть не спроста ходишь, ево и нацели подзадоривать мужики. Какое спроста, взял да и росказал, как дело было. На утре пошоў в лес, ему лешак-от и попадаетьчя. Зацем ты, бает, росхвастаўся перед мужиками, шьтё я тибе биць подставлею. А я, бает, осподин болшой, не сам, а меня мужики ростравили. Вот, бает, за то шьтё ты похвастаўся отныне не убить тибе не единова ребя, сказал да как фукнет в пальчи ти, такой свист поднеўся по лёсу, мужик так и присеў. Друк и поднёлась вся ттичя с дербы то, с кажного прутка штук по пяти так и литит, мужик стоит да токо воскресную молитву твердит. С тех пор мужик бросиў и лёсовать.
(Сообщены № 4—7 Тихоном, дер. Окулихи.)

№ 8

В старину ту, цю, жили цёрнокнижеци; вот живуци то бывало в одной деревне и повадилися ети цёрнокнижеци к бабам капусту воровать. Придут бабы на утре, капусты нетука, станут стереци, придет снацелу один старицишко, ево сохватают, станут бить, он и крицит ой двух, а мужик бает, нет одного, друк прибежит другой цёрнокнижеци и мужика съес. Не знают как отжить етих крагов. Вот и объевиўся к им один странник, я, бает, их выживу. Оне мне и так то надоили. Вот бабы обрадили, кормилець, ради то Христа зделай уж такую милость, выживи, шьтё хош, то и бери, мы за деньгами не постоим, оне у нас вного и народу приили.

Ладно, бает, постараюсь, давайте мне-ка плеть, али витик хорошой, ременной. Принесли ему витик. Настала глухая пора, он и пошоў. Пришоў, сидит. Вот и пришоў снацяла один старицишко. Странник ево сохватаў и давай ево хлёстать. Старицишко закрицеў, ой двух, ой двух. Странник и бает, подавай и другова и с тем также розделаюсь; которой наготове то быў, как услыхаў, какие слова говорит странник и побежаў. Товаришши ему и крицят, пошьтё ты побежаў. Моцитё, пришо (Миколай Угодник, дак он пожалуй всех нас перехлешшот. Те испужались и за им побежали. А Миколай Угодник постегаў тово и наказаў, шьтёбы нехто из из болше не ходиў и добрых людей не переводиў, здися прихот мой, и я ево караулю крепко-на крепко. (Сообщено девицей Мариной Здвиженского приходу.)

№ 9

Живуци то едак жо бывало, девка любила, знаешь ты, парня. Любила, а парень-ёт возьми да умри. Девка затосковала, вот так уж, шьтё ай... и бает, рас своей подруге, подем, крестоф, завтра к обидне, я хоть по Иване то повою, шьтё то серьце тоскует болно. Подем, бает, та. В ету ноць парень-ет и ходил по улице-то, надо быть, ему ишшо сорокоуст-от не прошоў (у нас существует убеждение, что по смерти душа 40 дней ходит по земле и просит у всех прощения в своих грехах), обернуўся девкой, да ноцью ту и пришоў: крестоф, бает, подем к обидне-то. А дело то было летом. Той возьми и покажись, шьтё уж пора, состала и пошла. И нехто не слухаў, как вышла, не отець, не мать, все спали. Пришли в церкву, он поставиў ее у дверей. Мотри, бает, ты стой здиси, шьтёбы тибя не потерять, а я схожу туды помолицця. Она стала, а он протянуўся туды. Она как погледит, а в церкви все покойники, которые в прошлом году и позапрошлом даже померли, и те все здися. Девку всю так и затресло. Друк подходит к ей одна старушка. Та как погледит на ее, а перед ей бабушка стоит, та цють и не обмерла. Бабушка ее узнала, ты, бает, зацем. А мене, бает, баушенька, крестова увела молицця, ты соводни збиралися на повос итти. Ой, бает, веть, ето не крестова была, ето, бает, за тобой приходиў тот парень, которова ты любила, он тибя и хоцет с собой уташшить. «Да, как жо мне, баушенька, выбрацця отсудова». Постоко, я схожу, за листницей, да ее заместо тибя и поставлю», Сецяс збегала за листницей, по которой ставят свици-ти на панакадиле то, поставила тутока, снела с ее сибирку суконницю, сарафан и одела ету лисницю. «Ну, бает, топереци ладно, он побежит, ее сохватает, а не тебя». Вот она стоит, не жива, не мертва. Покойники помолились, надо уж и по домам иттить, скоро петух запоет. Вот все и побежали, девка гледит, он бежит. Вот бежит, бежит, подбежал к лиснице, зграбал в охапку, да с лисницей то в могилу и побежаў. Добежал до могилы то, как посмотрит, а лисниця. Завернеця, дабы назать, искать, знацит, настояшшую ту, а не подделаную. Баушка та виш подделала, заместо девки и наредила лисницю ту. Дак он токо шьтё хотел выскацить-то из могилы то, вдрук петух и запел, он тут и грохнулся. На утре пришли сторожа, шьтё ето, на могиле друк оцютилась паникадилошная лисниця. А девка в тупор одва пришла, пришла да и захворала. Такая хворь на ее накатилась шьтё нехто и не знает, поскрипела нидильки две да богу и душу оддала.
(Сообщено девицей Мариной Вздвиженского приходу.)
Пословицы и поговорки ее: «Выминяў одра на падину»; «Вор у вора и дубинку украў»; «А шьтё, болесь, заревеў»; «Притка ты лихая, ну тя в омешно то головой».
«Да провались ты, околелыш ты здохлой», — или когда рассказывает, да нужно оттенить какую-либо мысль, она всегда старается это сделать посредством междометия, что я и постарался записать в настоящем ее рассказе.

№ 10

Один мужик болно люто зайчов ловил. Кажиной день уж изымает зайчя в петлю. Вот один мужик и привязаўся, покажи да покажи, как ты зайчей имаешь, пристаў, не могот тот некак и отвезатьчя. Ну, бает, подем. Вот идут, идут, друк им на стрицю комылеетця лошадиная кось [так в рукописи], мотри, бает, вишь, бежит заець, чичас бает, попадет. Мужик — от и засмияўся, шьтё ты, бает, миня мороцишь, веть я не слепой, вижу, шьтё бежит, токо цюдно болно, лошадья кось и комылеетьця; а кось как докомылелась до петли, друк стал заячь и заверешшел. Мужик и заездевался над лесником, я думал, ты и праських зайчов-то ловишь, а ты вон токо нас мороцил. Ето надо быть и не понравилось «болшому» ту, друк откови взелся, перед ими оцютился болшой приболшой цоловек, как хватил туды, так не веть куды тот и отлител, и тибе, бает, ето жо будет, ежели ишшо станеш показывать, как ты ловишь зайчов.

№ 11

Попреж, сказывали, бывали таки колдуны, шьтё всех поежжан делали волками. Придет, крестов нацертит в церкве, да поплюет на их, все друк зделаютьця волками и убегут. Вот едак то раз один колдун и зделал волком жениха, надо быть сердился на ево. Волк етот и бегал, долго ли, токо не знаю, бегал, бегал, да и попал в капкан. Мужик пошол наутре и увидал ево, подошол, а волк так уж пристално ему гледит, шьтё мужику нелофко стало. Взел, схватил топор и хватил, а и тово как слезы и брызнули, у мужика нали душа перевернулась, жаўко стало, однако переломил сибя, причелился, опеть как хватит, так и дух вон. Вдруг и идет колдун, паре, пороновить бы тибе бить — то ево, веть ты убил не воўка, а цоловека. Как, бает, цоловека. Да так, подемко я тибе покажу, как снели шкуру ту, а под ей сибирка та и обознацилась вся нали пуговицы и те видны были, все сто мясом то и заросло. Не ты виноват а я, пошьтё раньше ево опеть не переворотил в цоловека.

№ 12

Мужик сено косил, накосил, склал в копёшки и стал боло метать. Вдрук вихарек подняўся и давай забирать копёшки, так и забирает, так и забирает. Мужика зло взяло, и давай ругаться: «Иш, бает, сало то закипело у лешова, прокленёная-та ты сила, схватил ножик да и паздырнуў. Вдрук вихарька не стало. Мужик как поглелит, а ножик-от весь в крове. Перепугаўся. Пошоў домой, поужинаў и спать лёк. Ноцью друк к ему и приходит лешой-ет, подем бает, тибя брат зовет. Мужик заупираўся, лёшак ево згреб в охапку да и айда, принес. Ты бает пошьтё меня паздырнул ножиком-то. Я бы веть тибе за сено-то заплатиў; я ехаў со свальбы, сестру оддавали, бает, у миня лошади ти и захотили исти. Некода бает, не бросай в вихарек, хорошо шьтё я ехаў со свальбы, дак ницево тибе не зделал, а попадись в другой рас, худо бы тибе было…

№ 13

Ходиў швечь шить все, знацит. Ходиў, ходиў рас, ницево не мок выходить. Работы нет, знацит. Идет рас, осердиўся, хоть бы лёсной даў пишити тоды стаўшить. Вот идет, друк ему на стрицю и попадаетьчя мужицёк. А ето лешак и быў, знацит. Здорово, бает, поди ко здоро, отвицеет ему швечь. Ты, бает, куды и спрашивает, виш, ево опеть лешак-от. Хожу бы шить да вот роботы некак не могу натти, все деньгам то надо быть скудаютьчя, али раньше уж здися были швечи да понашили имям лопотины. Идет да едак и жалитьчя ему (жалуется). Дак, ты, бает, вот шьтё, иди ко мне, я тибе вного роботы дам. Ой, ли? Верно, бает. Ну, подем, коли так. Вот шли да шли и пришли к высокушшому дому, народу в ем стрась сколенько. Вот привеў. Ты, поди, веть ист хоцешь. Да, хоцю, вот уж двое сутки не едал. Вот принес ему ребей, да тетеревьёв, все дици, на, бает, ешь. «Веть, тепереци филипов пос[т], грех ись-то и бает ему швечь. — Какой пос, ешь знай. Делать нецево, нади ись. А хлеба то у вас нетутко видно. Нет, быў, да весь вышоў и бает ему лешак-от, и соли нету. Мы, бает, все без соли едим. Ну, думает, швечь, попаўм я знать к некрешшоному народу. Нашьте, не выпустят». «Ну, наелся?» «Наелся». — «Давай, топереци, сымай мерку; швечь сняў. Лешак принес ему одинначеть нали овцин; сиди, шей, вот бает тибе и комбата, сам пошоў наверх. Как, бает, я буду ему шить-то. Швечь, а швечь?.. Тот как скинет глазам то, а в куте сидит дивичя, и ты, бает, сюды попаў, веть, здися живут лёшаки, лёсные люди, знацит. Вот меня мати проклела, я из-за тово здися и сижу, знацит. Ты, бает, матри, как станешь шить-то, дак не едининой пашиноцьки не выпарывай, а шей, как азям с колпаком. Ладно, бает, так и зделаю. Сецяс скроиў, и давай стегать, живо состегаў, готово. Пришоў лёшак, готово? — спрашиваст. Готово. Нуко, каково. Швечь надев на ево. Хорошо-ли, бает, швечю. Хорошо. Хорошо-ли, бает, к девке. Хорошо-хорошо, отвецает девка. Надо, бает, сходити к верху, там шьтё скажут. Подняўся там шум, крик, визг, хорошо-хорошо, все как заговорят, да таково хрушко-то. Пришол опять внис. Ну, бает, неединой швечь не мог мне удружить, ты один токо мне помысле и сшиў, на жо вот тибе цетвертную за роботу. Швеча нали от радости затрясло. Вного, бает, ваша милось уж покинуми, уж и робота-та была не праськая, а так безоильицо. На, бает, бери, коли дают, у нас денек хватит. Взеў денежки, поблагодариў и пошоў, токо вышоў на болшую ту дорогу, погледит, а в руке то у ево оцутилась не «цетвертная», а пустая берестецька. Ох ты, бает, злодий ты проклененой, ну, ко и тут оммануў, луцце бы тибе, бает, нецистой проклети и не ходить да и не зать меня, токо ето сказаў, друк как зашумит по лесу, как захлопает в ладоши, да и загоготало… ого го…. го… го… го… за бездильё бездильем и платят… Швечь стаў крестичя, ну тя, бает, сквоззе, хоть бы опустиў живова… С тех пор перестаў и шить. Живет топереци хрестенинам. Знацит, уж «он» ево довеў до дела, отбиў охоту. (Сообщил старик

поч. Русановского Иван. Он все леснова зовет больше он, да ево, и только в редких случаях говорит лешой). Замечательно то, что этот старик чуть не к каждому слову прибавляет слово «знацит».

№ 14

Ехал мужик с Горки на Русанов поцинок, вдрук нагонеет мужицька, бает, доброй цоловек меня. Садись, тот сел и поехали. Едут, шьтё то лошать не прытко побежала, попоихали с версту, а с лошади чуть не каплет, вся в поту. Погледит как на снеге-от, а от лошади и ево стинь, а от мужика тово нетутка. Мужик-от и здогадаўся, шьтё ето за цоловек, благословиўся, да как назать себя хвыснет витиком, никово и не стало. (Росказывали про старику Вавилу). А Авдикошко с Горки разсказывал, что он сам слышал церта. Ходил я по коров. Иду возле мильници и цюю, хто-то поет, голосом-то водит токо, а слов то не бает. Вдрук ему на встрецю хто-то тоже идет и подныває потонее. Сошлися оне вкуце, вдрук та и завыла, воет и воет, меня нали пот проняў. Я подхватиў оболоцьку да давай домой бежать. В наших дебрях есть три места, в которых летом земля по сравнению с другими очень теплы. Места ети на вид очень непривлекательны и производят на душу несколько удручающее впечатление. Крестьяне уверяют, что тут лешаковы дома, а тепло тутотка от того, что лешаки топят печи под землей и дымом греют землю. Ходит про эти места множество рассказов. Передаю один, как более достоверный. Мой брат про себя рассказал, что он нынче зимой ездил по дрова мимо Фролушкиной дербы; нарубил дров и поехал назад мимо одного такого теплого места. Немножко въехал с полянки в лес, вдруг от него в сторону и поехал мужичек на желтой лошади. Мужичек этот ехал минутки две вдруг пропал. Я, говорит, как не из боязливых, нарочно захотел это исследовать, взял слез и пошел к тому месту, где мужик проехал, гляжу, никакого следу нет. С того времени он начинает побаиваться чертей и верить в них.

№ 15

Один мужицёк ходиў все лёсовать. Вот раз и занацеваў; пришоў на берег реки, росклал огонька, взял котелок и повесиў. Сидит. Вдруг поднеўся маленькой вихарек, закружиўся, закружиўся, налетеў на огонек, опрокинуў котелок и теплинку развияў. Мужик снова росклаў теплинку и котелок повисиў. Оепеть поднеўся вихарек, опеть теплинку розвисў и котелок опрокинуў. Мужицёк здогадаўся, хто с им шалит. Мотри, бает, паре, не шали со старком, кабы не заревить. Опеть теплинку росклаў и котелок повисиў. Вихарек опеть всю ево музыку разнес. Поди, бает, уж удружо тибя. Взеў, росклаў огонек, а сам процитаў воскрёсную молитву три рас и ружьё приготовиў. Вот вихарек опеть поевиўся, поносиўся, да и к котёлку. Мужицёк начилиўся, да бух то в ево. Вот по лесу ту и застонало, и заревило, такое поднелось рёвишшо, шьтё не приведи то ты Осподи. Мужик токо бает, я веть я баеў, шьтё не шали со стариком, не шали. Не послушаўся, вот и попало. Сидит сам сибе да мешает в котелке, друк и идут к ему два здоровеннеших мужика. Ты, бают, стреляў в вихарь? Я. Дак подем с нами. Подём, ведите меня к наболшому вашему я сам на ево нажалуюсь, пошьтё он, гробосбкой, цесных людей беспокоить. Вот пришли в дом. В избе сидит старик седой присёдой и лапоть ковыреёт. Вот привели, батюшко, мы мужика. Ты, старицёк, стырлеў в мово сына». Я, ваша милость наболшой, зацем он цесных людей обеспокоил. Я сам хотеў нажаловатьця, да и не знаў вашева дому. Он у миня три рас котелок опрокидываў и теплинку гасиў. Я снацелу ево уговариваў, мотри говорю, паре не шути со стариком. Он не послушаўся, вот я буздырнул в ево. Спасибо, бает, ты ево шьтё поуцыў, он веть у меня один из вольников вольник, вот я ужо ево сам поуцу. Велеўпринести два вороха вич и давай ево жарить. Так отжарил, шьтё нали тот одва дышит. Мужицька увели потом и опеть посадили на прежноё место.
(Сообщила тетка моя Варвара, Вохомская уроженка). Этот рассказ очень напоминает по своей теме на сообщенный в Ваше бюро о рыбаке и черте с острогой.

[№ 16]

Рассказ про Саламона

Колда Осподь-ет сходиў в ад-от, он, веть ну ко всех оттоле вывеў. Вот повеў всех. А дотоле цю, все праведники и грешники все, все до единова были в аду, вот он, матушка моя, повеў их всех, а Саламона то и оставиў. Саламон-от и возопиў ко Осподу ту: Осподи пошьтё жо ты миня покидаешь? А ты, бает, выдёшь Саламон своими хитростями и мудростями. Взеў ево и оставиў. Ушли те все. Шьтё жо делать Саламону. Думаў, думаў и выдумаў меру и прозваў ево «аршин». С тово времени и аршин у нас пошоў по Руси. Вот выдумаў, матушка

моя, аршин да и давай везде миреть. Миреет, миреет, везде обмиреў. Бесы ти и забегали и засновали крук ево. Ты, бают, шьтё делаешь то еданькоё? А, бает, хоцю церкву строити здися. Вот бесы испугалися, шьтё делать, давай сецясь к сатане. Сатана батюшко, Саламон хоцет всех в аду пригубить, хоцет церкву строити. «Ох, бает, он тутотка остаўся?» Тутотка. Ну, робятанам будет тошно. «Давай, у ево хто-нибуть украдите аршин, да за ад-от и выбросьте на землю, без ево ему ницево не поделати; как он подет, вы двери ти на крюцок». Украли у ево аршин, Саламон пошоў туда за им, за им двери ти и зашшоў кнули. Тако и выбраўся. Оттово веть, кагда, мотри ворожат, всегда и приговаривают: царь Саламон, скажи мне всю сушшую правду.
(Подслушан в дер. Кривове у бабы, прозываемой Мусник, рассказывавшей эту историю другой бабе).

ГАЛИЧСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Макаров А.Н.
Галичский уезд, Свиньинская волость

Ф. 7. Оп. 2. Д. 646. Л. 1—6

[Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам]

185. Промыслы
Наш Галичский уезд издавна славится своими плотниками. С давних пор, чуть ли не с Петра Великого, они работали в Петербурге; в Москве и Нижнем наших почти нет. В Петербурге свили себе [пропуск в рукописи]: гнездо все наши богатые подрядчики. Назову некоторых из ближайших к Ильинскому деревень: Седовы из д. Львова, Даниловы из д. Елезова, Полякин из Шокши, Постников из д. Починка и множество других крупных и мелких подрядчиков. Они набирают мастеровых из своих земляков, с этими-то хозяевами наши плотники связаны неразрывными связями, они забирают у них вперед деньги для разных экстренных надобностей в деревне — постройки избы, покупки лошади, женитьбы сына и т.п. Деньги на дорогу хозяева также высылают вперед.
Малярных хозяев и маляров в нашем уезде по-видимому еще больше, чем плотников и все они живут по летам также в Питере.
Местных плотничьих артелей постоянных здесь почти нет. Есть мелкие подрядчики, которые набирают артель только тогда, когда им представится случай снять в городе или усадьбе какую-нибудь большую работу. Такие подрядчики есть около Палкина, но больше всего их в Костромской вол.
Костромские плотники здесь в славе. В Питер они редко ходят, а работают по здешним городам Галичу, Бую, Костроме и даже Солигаличу, составляя большие артели до ста и более человек.
По городам постройки небольшие и артели бывают маленькие. Сойдутся человека три-четыре, большей частью на паях товарищеских, и берутся у мужика поставить избу. Если читателю будет интересно знать, как ставить избу, то это можно рассказать: лес для постройки лучше рубить зимой — дерево тогда не в соку, будет крепче и меньше подвержено порче, но зимой снега глубоки, а потому стараются нарубить лес поздней осенью и вывезти по первому снежку, работа легче и лошадь меньше наломаешь в лесу.
У срубленного дерева отрубается вершина, очищаются сучья топором и оскабливаются сучья «скобелем». Лучший лес — сосновый и, конечно, раменный, но не везде его можно достать, а потому ограничиваются местной елью и сосной. Сосна, растущая по болотам и низовьям, бывает мелкослойна, а потому очень красива и хороша для столярных поделок. Из заготовленных хозяином бревен плотники сначала рубят срубы, а по здешнему «струбы». Если избу хотят сделать красивой, то строгают со всех сторон «стругом» — это им придает красивый вид и в окраске они красивей. Иногда бревна кантуют, т.е. делают их одинакового диаметра, как в вершине, так и в комле. Для этого «отхлестывают» ниткой черты с мелом сообразно с вершиной и откалывают лишень к комлю. Кантованных бревен в постройку пойдет больше, чем не кантованных, а потому их редко кантуют, а кладут ряд на ряд вперемежку, так что, где был комель — в следующем ряду будет вершина.

Избу ставят на стульях — обыкновенно по одному по углам да по одному под серединой каждой избы. Для стульев вырубают особые «дуры» — так называют толстые сучковатые смоленые сосны, которые очень «закомелисты», потому-то они и дуры. На стены они не годятся, а на дуры как раз хороши — долго не сгниют. При закладке избы под передний угол кладут какую-нибудь монету, а с хозяина плотники требуют по случаю закладки водки, в чем им не отказывают. Это называется пить закладочные.

Чтобы один ряд пришелся к другому плотно, бревна «причеркивают» друг к другу чертой. Черта — особый железный инструмент, напоминающий два согнутых растопыренных ногтя. Причертив бревна, плотник вынимает в верхнем бревне паз и в нижнем бревне по концам вырубает «чашки» или, по местному выражению, «зарубы». Сделав паз и зарубы, плотники накладывают на нижнее бревно слой мха, затем накладывают верхнее и осаживают его барцем. Так называют отрезок от бревна вершков в 10 длиною, в который вдолблена деревянная рукоятка. «Барец» плотнику необходим. От зарубы до конца бревна остаются так называемые «зауголки». По окончании постановки срубов все зауголки отпиливаются по отвесу, т.е. по нитке с гирькой на конце.

Стулья вкапывают в землю на аршин, на них кладутся два бревна потолще, т. к. около земли бревно больше преет. Стулья ставят под одну горизонтальную плоскость по ватерпасу, иначе изба будет на боку. Закладывают срубы или на поперечных, или на продольных лежнях — как удобнее. В первые два бревна (лежня) поперек нарубают два других. Между ними и землей образуется «прозор», в который плотники между стульями подводят «безымянники» (отрезки от бревен). Значит, безымянники находятся как раз под первым бревном рядом.

Рубят избу в мох, рубят и на паклю; если на мох, надо оставлять зауголки и рубить в чашку, если на паклю, что гораздо дороже, то нужно рубить по концам в лапу. Чтобы лапа не разъезжалась, рубят в лапу «с курдюком», т.е. в одной лапе оставляют при вырубке выступ (зуб), а в другой — соответствующее гнездо, в которое и входит курдюк.

При рубке в лапу изба на аршин будет длиннее и шире внутри, т. к. нет наружных зауголков. Люди побогаче рубят больше в лапу. Когда рубят на лапу и ставят паклю — можно рубить и ставить избу сразу, не делая срубов, если же ставят на мох, срубы необходимы.

Где будут окна и двери, плотники выпиливают для них провалы (бревна в простенках между окнами ставят на два шипа, чтобы они не раскатились).

Балки половые врубают в стены сковородником, а также и потолочные. Иногда балки делают «заводные», одним концом врубят в стену, а другим заводят сбоку в противоположную сторону, но это чаще бывает при смене старых балок новыми. Дойдут плотники до потолочных балок, требуют с хозяина опять водки — пьют «балочные».

Уложив балки на толщину полдерева, плотники накрывают их так называемыми «череповыми деревами», в них также вырубают гнезда в полдерева для помещения балочных концов. Остается положить еще ряд, и дело подойдет к крыше. Кроют или конем на два ската, или колпаком (на четыре ската). При покрытии конем на поперечных стенах насаживают на шипы так называемые «самцы». Это несколько рядов друг на друга наложенных бревен, все укорачивающихся к верху. Верхний самец подходит к самому коню. Торцы самцов все оттесываются топором накось, это и называется «самливать» дерево.

В самцы врубают концы так называемых «слег». Слеги — бревна вершка в три в диаметре, укладываются они параллельно коню. Стропил под них обыкновенно не подводят — не лопнут и так. Поперек слег врубают крюки, которые поддерживают собою боковые застрехи. Если крышу кроют соломой, то на слеги наложат хворостинника из мелкого березняка, на него наложат солому, а чтобы солому не снесло ветром, на нее кладут жерди, концы которых покоятся на так называемых спичниках. Спичники вытесываются из слег и в них вколачиваются спицы. Верхние концы спичников скрепляются между собою гвоздем, а нижние упираются в застрехи.

Если крышу кроют дранкой, поперек слег врубают тесаные сверху дранки, на них наколачивают полубу — плохонький дюймовый тес так называемого подтоварника. Тес стелется не сплошь, а с перерывами, к нему-то и прибивается гвоздями дранка. Дранки — строганые пластинки из осины или колотые из сосны или ели, длина которых вершков 10, а ширина — вершка 2 или 1. Тысяча дранок у нас стоит 60 коп. Дранки прибиваются рядами, начиная с низу крыши, каждый верхний ряд прикрывает собою нижний, оставляя уступы вершка в полтора или два.

Хоть дранковая крыша и горюча, но все-таки лучше соломенной: во время пожара, по крайней мере, горячие головни и палки не застрянут на ней, а скатятся вниз, а на соломенной, благодаря жердям, все они останутся на крыше. Вдоль коня по бокам дранковой крыши набиваются дюймовые доски, которые в этом случае называются штропами. На высунувшиеся концы слег, чтобы прикрыть их, наколачивают дюймовые доски, так называемые накосники, а снизу этих концов делают из досок подшивку. Вместо штропов иногда на конь сажают легонький шелом. Если крыть крышу колпаком, тут уж понадобится поставить по ребрам быки, установить стропила, связав их ригелями и [неразборчиво]вр железными скобами, а «стропильные» ноги вырубить в шпалы.

Как дело дойдет до стропил, которые поднимать нелегко, наши плотнички опять попросят у хозяина водочки и будут пить стропильные.

Потолок в избе делают из тесаных брусьев в шпрунт и паз. Черных полов почти никогда не делают, чтоб в голбце было теплее. Остается уложить теплый пол, сплотить его, положив предварительно около стен фризы — так называют доски, составляющие половую раму. В углах они соединяются усом, кругом стен набивают плинтуса и галтель.

Одно дело — срубить и поставить избу, а другое дело — нарядить ее. О нарядке плотники уговариваются с хозяином особо, да и нарядка нарядке бывает рознь. Нарядкою называется все то, что нужно сделать внутри избы: переборки, полати, лавки или скамейки, тябло, посудник, полицы или просто полочки, голбец с приступками на печку, залавок для стряпухи, на котором можно стряпать и на который можно класть посуду, оконные и дверные косяки, вершники, подоконники и пороги, дверные полотнища и, наконец, рамы, которые, однако, всегда делает столяр.

Обыкновенная изба в 9 арш. на 9 арш., в три окна на улицу, крытая соломой, обходится с нарядкой из купленного материала не менее 150 руб.

Много мне приходилось иметь дело с галичскими плотниками. Надо удивляться их выносливости к труду: иногда двое тащат на своих плечах такое бревно, что, казалось, и четверым бы не унести — настолько привыкли их плечи к таким бревна.

Иной раз осенняя морокуша продолжается целыми неделями, а плотник все тюкает да тюкает, сидя на «струбе» — на угле, и вырубает одну застребу за другой. Дождь и ветер ему, как будто, ничего. Такова уж выносливость русского человека, северянина. Хохлу или литвину до этого далеко: те избалованы и изнежены своим климатом — не только недели, но и часа не пробыть им добровольно на дожде и холоде.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 592. Л. 1—6

Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство

Верования. Демонология

Село Ильинское Галического уезда
Как иногда создаются народные легенды о леших, чертях, колдунах и вообще нечистой силе.

192. 193. 194. Было это дело недавно, даже очень недавно, всего только в сентябре или октябре этого [1898] года.

Трудно поверить, чтобы в настоящее время черти, как это часто бывало в старину, принимали образ людей, морочили, кого им вздумается, «надругались и надсмехались» над своими жертвами и выкидывали над ними такие штуки, что иной, послушавши, досыта нахохочется, а иному — мало бывалому и мало видавшему — станет так жутко, что и волосы на голове встанут дыбом. Повторяю, всему этому трудно поверить, а между тем, все это действительно случилось, и случилось в наши дни, на наших глазах.

Все, что я расскажу вам дальше, читатель, есть истинное происшествие, которое подтверждено многочисленными свидетелями; расскажу я его так, как мне передал мой приятнейший собеседник, крестьянин д. Полина, швец Тимофей Григорьевич, большой специалист по части овчиных полушубков.

— Александра Миколаич, что я Вас спрошу: ведь Вы знаете нашу полинскую Настасью Миколавну? — вступил в разговор Тимофей Григорьевич.

— Какую Настасью Николавну?

— Да Лаврову-то споху, которая приведена к нам из Контеева?

— Знаю. Ну так что?

— Так вот у эфтой самой Настасьи Миколавны есть в Контееве племянник, мужчина лет 30, уже женатый; может быть, Вы слыхали, какую штуку с ним недавно сыграл нечистый?

Контеево — небольшая, но довольно известная деревня Чухломского уезда на реке Нее. Через нее проходит бойкий проселок, так как вблизи, под Чабановым, есть брод через Нею, а в большую воду — переезд через Свиньинскую мельницу. В старину тут много жило мелкопоместных дворян, которые теперь повывелись, и процветало тайное винокурение: в банях, подпольях, овинах и других укромных местах «мдели водочку», известную у соседей под именем «Контеевки», «яшничка» или «самоедошной», о которой старички, ввиду ее крепости, и теперь еще отзываются с большою похвалой.

Какой-нибудь шутник, случается и теперь, проезжая через Контеево, неожиданно обращается к первому попавшемуся мужичку: «Здорово, дядя, ты здешний?»

— Здешний.

— А что, парь, нет ли у вас тут у кого-нибудь самоедошной?

Мужчина слушает сначала внимательно, потом лицо его расплывается в широкой улыбке, махнувши рукой скажет на это: «Нет, теперь уж этого не водится».

Заинтересованный похождениями контеевского мужика, который может быть и сам пробовал самоедошной, я попросил Тимофея Григорьевича рассказать, как было дело.

— А дело было так, — начал он свой рассказ. — Ездил мужичок этот в Галич и уже ехал из Галича обратно, значит, домой, в Контеево. Был порядочно выпимши — под хмельком. По дороге между Воздемеровым и Самыловым вышел он из саней маненько поразмяться, а лошадь пущай, дескать, повыйдется. Только в это время догоняет его пеший мужчина, попутчик, значит, и говорит: «Што, али идешь? Пойдем-ка вместе, и лошади-то полегче будет, пусть приотдохнет». Идут и разговаривают. Долго ли, коротко ли они шли, эфтого ничего неизвестно. Только начинает наш мужичок сумлеваться: тут должна бы быть деревня, а деревни все нет, да и говорит: «Господи, да где же я? Тут, кажись, давно бы деревне надо быть?» Только что он эфто вымолвил, товарищ-то ему и говорит: «Ладно, што о Господе вспомянул, а то не быть бы тебе живому!» И вдруг после того и товарищ, и дорога, и лошадь — все пропало. И видит мужичок, что он очутился в бане и голова его впехнута в печное чело. Перекрестился это он, вылез из бани и видит себя на задворках в деревне. Пошел, значит, стал расспрашивать, что за деревня. Оказалось, что Подойково. Тут ему и пути-то вовсе не было, и деревня-то та совсем в стороне от дороги.

— Ну, а что же с лошадью-то стало? — полюбопытствовал я.

— Из Подойкова-то мужичок ударился прямо в Контеево, домой — тут верст с 30 будет, — думал перехватить лошадь-то дорогою, да так и не перехватил, и дома-то лошади вовсе не оказалось. Тут мужичок отправился вскоре в Галич, обратно, о лошади-то объявку подавать. На Свиньнской мельнице даже и люди видели, как он с котомочкой-то через плечо в Галич проходил. Ну, потом, значит, стал расспрашивать о лошади-то по деревням. Через неделю времени и нашел ее в деревне Левино (Левино от Подойково в 2 верстах.) у дедушки Платона.

На деревенских слушателей, а их тут было несколько, рассказ Тимофея Григорьевича произвел большое впечатление. Да и как этому не быть, когда все факты тут налицо, все они были, да и деревни-то, и действующие лица всем хорошо известны? Да и бани-то считаются в народе местом нечистым, неблагонадежным, строятся на задворках, туда девки ходят на Святках завораживаться. Кто же, как не нечистая сила могла занести мужика в сторону от проезжей дороги и всунуть головою в печное чело? Ну, а затем, как только мужичок упомянул о Господе, так попутчик и исчез. Кто же этот попутчик, который не мог слышать имени Божия и исчез, «яко дым от лица огня»? Кому же быть, как не ему, окаянному врагу рода человеческого?

Мы с Вами, образованный читатель, быть может, рассудим иначе: скажем, что мужичок, обрадовавшись городу и возможности гульнуть, гульнул так, что мир действительный и мир воображения у него слились

воедино — лошадь свою он упустил, сам свернул на другую дорогу, первую попавшуюся баню принял за свою избу, выспался там часа два или три, а затем опамятовался, пробудился и увидевши свою голову, сунутою в печное чело, мог с полным правом сказать: «Господи, да где же я?» Ну, а лошадь, дорога и попутчик, который несомненно был, конечно исчезли, но исчезли значительно раньше, но где же тут разбирать моменты, когда у пьяного мужика все слилось воедино.

Все это так, но Вам на это, читатель, в деревне скажут: «Мало ли у нас пьют, да не все попадают в баню, в печное чело головой. А опять-таки и попутчик после слова «Господи» сразу пропал. Нет, тут дело не чисто. Да, наконец, известно, что нечистый редко пристает к «тверезым», а все больше к пьяным, потому пьяный человек все грешит, ругается и ЕГО часто поминает, вот ОН над ним и «надругается», как ЕМУ нужно.

В деревнях слова леший, черт, дьявол упоминают редко, разве только в бранном азарте, а то боятся, в особенности суеверные бабы, что если часто поминать нечистого, так он может и явиться; поэтому в разговоре вместо этих прямых выражений говорят обходом — «он».

Словоохотливый Тимофей Григорьевич рассказал мне еще следующий случай, который был несколько лет тому назад на Куси:

— Двоюродная сестра моей жены Фионы Нония из деревни Петрищево была выдана замуж на Кусь. Через несколько времени после свадьбы мужа ее сдали в солдаты. Нония начала сильно тосковать по мужу и все об нем думала. Затосковала так, что стала сильно худеть и стал потом по ночам муж к ней являться. Лежат, это бывало, ночью домашние на печи и слышат, как Нония с кем-то разговаривает, смеется и хохочет, а никого с ней на полатях нет. Спрашивают ее. Сначала она таилась, а потом и призналась, что муж к ней ходит по ночам и что с ним-то она и разговаривает. С тех пор Нония стала еще больше худеть и тосковать по мужу и каждую ночь он к ней ходил и каждую ночь слышали домашние, как он ее мучил и как она хохотала с ним. В конце концов Нония призналась, что «согрешила» и сделала со своим мужем ночью блуд. Тогда домашние стали ее класть спать промеж себя в середке, чтобы не пущать «его» к ней. Не тут-то было, как ее ни берегли, ночью она непременно перевалится на край через них и опять хохочет, и опять разговаривает с «ним». Дверь, бывало, накрепко запрут, а уж как-никак, а все же «он» ночью к ней пройдет, то кошкой, то как-нибудь иначе. Дело кончилось тем, что уберечь ее никак не могли, так и замучил ее до смерти. Недолго она жила после свадьбы, так и умерла.

Настоящий случай интересен тем, что в нем мы видим большую, очевидно, получившую от тоски какую-нибудь душевную болезнь вроде истерии или пассивной меланхолии. С этими болезнями не знакомы в деревне, но мало знают [и] в так называемом образованном обществе, а потому деревенские жители там, где надо видеть душевную болезнь и сопряженные с нею галлюцинации, видят проявление нечистой силы.

Верование в сверхъестественную силу знахарей и колдунов

205. 206. 207. Рассказы Тимофея Григорьевича очень заинтересовали слушателей; в числе их был работавший у меня землекоп Никонор Трофимов из Ногачинской волости. В нашем уезде все землекопы из села Ногачина или вообще из Ногачинской волости. Так как по самому свойству своей работы они хорошо пропитаются и едят много, то и прозывают их за это «ногачинскими обжорами». Придет землекоп, дела сделает на копейку, а сожрет на рубль, хозяин недоволен и прозовет его «обжорой». Так вот мой «обжора» Никонор Трофимов рассказал случай, который был с его дедушкой:

— Пошел это дедушка рано утром в Иванов день по лошадей и видит в каточижнике (папоротнике) ходит колдунья на голове, ногами кверху, подол внизу и лицо все скрыто, да так траву и собирает. Дедушка-то и начал ее жарить обратою (уздой), чтобы распустилась и лицо свое показала. Всю спек, а она, проклятая, даже не распустилась; так дедушка-то и не узнал, кто это такая колдунья была. Втупору (в ту пору) в той ли деревне Кулшине, где жил дедушка, заболела и слегла в постель баушка Марья, про которую думали, что она — колдунья. Дедушка прошел к ней, да по пятнам-то и признал, что это она ходила в каточижник. Аккурат, как обратой-то он ее хлестал, печеинцы-то все обозначились.

Моя покойная матушка сама мне об этом рассказывала, она и баушку-то Марью хорошо помнила.

— Ну, а что теперь-то, в ваших местах не слышно колдунов? — спросил я Никонора.

— Нет, нынче этой нечисти поменьше стало, против прежнего, а вот в Шокше и по сие время живет одна колдунья, все ее боятся. Случается и теперь на свадьбах то ли «порчу наводит» на вине или на чем другом.

Сядет на крест (образуемый канатным брусом и закладиной последней крайней к печи канатницы) около печной трубы, да оттуда порчу и наведет.
— Да почему же колдуньи непременно так садятся?
— Да как же, это такое самое облюбованное место. Туда и надо посматртивать, особливо на свадьбах, не сидит ли какая. Вот опять в Иванов день и теперь колдуны-то сполину (колосья неспелой ржи на поле) в полях собирают.
13 декабря 1898 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 591. Л. 1—4об.

К празднованию Егорьева дня (Юрьев день — 23 апреля)

Очерки Костромской жизни и быта
244. Костромская губерния по преимуществу лесная. Судя по карте лесистости России, приложенной к I тому сочинений Арнольда «Русский лес» (издание 1890 г.), уезды Костромской и Юрьевецкий имеют лесную площадь не более 10% общего пространства, уезды Буевской, Галичский и Кинешемский — от 36 до 50% общего пространства, Нерехотский от 11 до 25%, а все остальные уезды: Солигаличский, Чухломский, Кологривский, Макарьевский, Ветлужский и Варнавинский имеют лесную площадь более 50% общего пространства.
В особенности много лесов в северных уездах: Чухломском, Кологривском и Ветлужском. Леса эти разнородны: то попадаются веселые березнички, иногда с примесью ольхи и осины, где летом растет множество белых грибов, то — смешанный дровеник, состоящий из ели, сосны и березы, то — сосновый бор, тянущийся иногда на несколько десятков верст (такие боры можно видеть по дороге из Парфентьева к Кологриву или Макарьеву — они называются волоками), то, наконец, непролазные, непроходимые дремучие рамени. Кое-где попадаются липки и пихты, а в восточных половинах Кологривского уезда, а также в уездах Ветлужском и Варнавинском начинает уже расти и лиственница, которая переходит на восток, в Вятский край (смотри карту в книге Арнольда).
Кто не бывал в наших Костромских лесных дебрях, тот не знает, что такое рамень. Рамень — это вековой, могучий, темный, седой, безжизненный лес, тянущийся иногда на несколько верст, а иногда и на несколько десятков верст.
Столетние сосны и ели, покрытые от времени седым мохом по ветвям, закрывают солнечный свет. Даже днем в рамени мрачно и темно. По подоре нет ни травинки и ни какой зеленцы, — лежит только толстый темнобурый слой веками накопленного игольника с деревьев. Нет ни грибка, ни ягодки, разве только по самым опушкам попадутся кустики чернички и бруснички, на которых любят лакомиться по утренним зорям рябчики и тетерки. Внутри рамени валяется только валежник да коряги — вывороченные бурей, отжившие свой век лесные великаны. Медведи устраивают под ними свои берлоги.
Нет там ни пути, ни дороги, разве только скотина иногда пробьет себе тропку, пробираясь на какую-нибудь дальнюю пустошь. Не щебечут там птички, потому что нечего им там взять. Рамень — жилье хищных пернатых: филины, сычи, совы, ястреба вьют там свои гнезда, пользуясь мраком и неприступностью леса. Сядет солнышко, в рамени заухает филин, пугая суеверных баб, которые принимают это уханье за крик лешего.
При частых лесных пожарах, которые бывают в наших местах, в рамени всегда найдутся прелые места — «гари», по которым любят расти малинники с прекрасными сладкими ягодами — не чета садовым.
Царь рамени — медведь, или по нашему Мишка Раменский, — большой лакомка, часто выходит из своих лесных дебрей полакомиться малинкой. Сядит он на задние лапы, а передними обхватит малиновые веточки и начнет их обсасывать. Не диво встретить Мишку в малиннике и нехитро заметить, где он побывал: место это все уезжено и умято, как будто бы кто его катком прикатал, следы от когтей видны на земле, а иногда можно найти и более вещественные доказательства пребывания Мишки в малиннике.
С каким трепетом, я помню, в детстве мы отправлялись в рамень за малиной. Снаряжались всегда большой компанией и без взрослых ходить не отваживались, хотя и рамень-то была чуть не у самого дома.

Она начиналась сейчас же за овином нашей усадьбы, которую покойный отец выстроил, как говорится, «на пеньках», среди огромного леса, на пустоши, которая называлась Путеково и находилась в захолустном уголке Галичского у. в приходе Воскресенья Стайнова.

В лесу была лишь небольшая полянка, на которой поставили господский дом и службы к нему. Чтоб устроить поля, рубили лес, выжигали огнища, корчевали пни своими крепостными и в конце концов преодолевали все препятствия.

Итак, рамень была близко. Запечатлелась она в моем мозгу с самого детства, а во времена юности я уже не раз сиживал по ночам на ее опушке, устроив лабаз (сидение, устроенное из жердей, веревок и досок, обыкновенно на сажень от земли) на деревьях, подкарауливая того же Мишку Раменского, который выходил после солнечного заката в конце августа полакомиться спелым овсом на примыкающее к рамени яровое поле.

Множество по лицу Галичского, Чухломского, Кологривского и других лесных уездов разбросано раменей, подобных описанной мною; много еще и теперь живет в них медведей, несмотря на крупное истребление их — охотничьими солдатскими командами, заезжими клубменами из Москвы и, наконец, местными любителями охоты.

Раннею весною и позднею осенью, когда бывает особенно голодно в полях и лесах, медведям нечего взять и вот они пользуются случаем подобраться к коровьему стаду где-нибудь в лесу, сломать одну-две, а иногда и три коровы зараз. Сломает медведь корову, часть ее съест, а остальную утащит подальше, иногда зароет в яму и забросает так искусно мелким ельником, который надерет собственными лапами, что от коровы бывают видны одни рога. Мишка устраивается где-нибудь не очень далеко от убитой коровы и чуть только наступает вечер, приходит к ней ужинать. Вся корова уничтожается обыкновенно в три-четыре приема.

Если есть поблизости охотнички из мужичков или из господ, сейчас же устраивают лабаз и подкармливают Мишку на «стерве» или на «падере», как здесь выражаются. Нередко удается таким образом и убить врага, который подчас наносит большой ущерб и без того небогатому крестьянину.

Вот наступает Егорьев день, земля к этому времени покрывается хоть и небольшой, но все-таки зелененькой отавкой [травкой]. Пришло время спускать на поле скотину, которая и без того уже семь месяцев стояла в хлевах на готовеньких кормах, — объедала и опивала мужика. Да и корма-то к весне подошли уже на исход; у кого и вовсе их нет — приходилось покупать у соседей.

Рад-радешенек, ждет не дождется крестьянин спустить поскорее свою скотину в поле. «Хоть не наестся, пусть хоть напьется сама», — говорят одни при спуске скотины; «Пусть хоть ветерком ее обдует», — говорят другие; «А может, где около кустиков и старенькой травки понаберется», — говорят третьи. Так или иначе, хоть в полях еще и голодно, но крестьяне норовят спустить скотину непременно на Егорьев день.

Весенний спуск скотины — это целое событие в деревне: застоявшиеся коровы ревут благим матом, обрадовавшись свободе; не находя хорошей отавы, рыщут по полю и бодаются друг с другом, совершенно отвыкнув за зиму от своих прошлогодних товарок. Каждая хозяйка считает священным долгом представить к своей корове [неразборчиво] да [неразборчиво] и кого-нибудь из семьи, чтоб ее корову не заболи другие. Так продолжается дня 3—4, пока не обойдутся.

Разные страхи испытывают хозяйки при спуске скотины: как бы ее не поломал медведь, как бы ягнят и телят не заели волки; как бы корова не увязла в болоте, как бы корова не завалилась где-нибудь в бочаге или в хламу между колодами, так что ей оттуда и не выбраться, как бы, наконец, не отбилась она от стада и не зашла так далеко, что не скоро и найдешь.

Пастухов держат далеко не во всех деревнях — это сопряжено с лишними денежными расходами; коровы обыкновенно под вечер сами приходят к дому, а если их долго нет, каждая хозяйка отправляется искать свою и при этом «телькает», т. е. кричит: «Тель, тель, тель» и т. д. Нечего и говорить о том, как крестьяне любят свою скотину. Она дает им все необходимое для жизни: хлеб, шерсть, молоко. При лишении лошади или коровы требуется новая денежная затрата на их покупку, а денег-то на это иногда и вовсе нет.

Чувство привязанности крестьян к домашним животным, очевидно, присуще не только Костромской, но и другим великорусским губерниям, в чем может убедить следующая вырезка из газеты «Новое время». Февраль 1899 г.

Среди газет и журналов

В «Неделе» г. Д. Успенский приводит чрезвычайно трогательно народные причитанья, которые «складывают» крестьянские женщины, лишившись своей коровы, лошади, овцы, и по которым можно составить живое представление о том скорбном душевном настроении, переживаемом крестьянской семьей в такие злые для нее минуты. Между крестьянином-земледельцем и скотом существует самая тесная связь.

Что для крестьянина более важно: скот или земля, — трудно сказать, так как и сам крестьянин, и скот с землей составляют нечто целое, органически связанное между собой. С потерей скота, дающего удобрение для земли и служащего в сельском хозяйстве необходимой рабочей силой, начинается и вообще обеднение хлебопашца и истощение его земли.

Скот — главная поэзия, прелесть трудовой крестьянской жизни; ни в чем другом, как именно в скоте, не сказываются так живо, так ярко результаты трудов крестьянина-земледельца. Ни сочная, густая трава, ни высокая, колосистая рожь, ни больше скирды собранного хлеба не доставят ему столько утешения и радостей, не затронут таких нежных чувствований, не вызовут таких ласкательных слов, как добрая, резвая или сильная смышленая лошадь, как ласковая молочная корова. У каждой лошади, у каждой коровы или овцы хозяин и хозяйка знают отличительные беленькие и черненькие полоски, пятнышки, привычки и характер. «Милая моя овечка, желанная овечка, — причитает над павшей овцой крестьянка, — что ты с нами сделала? При чем нас оставила? Ты у меня одна надежда была и все ты сама понимала, только не баяла»... Женщина, в отсутствие которой пала ее корова, плачет:

Как была больна моя коровушка,
Подруги мне говорили:
«Ходи, Матрена, не разглядывай, —
Может, она будет жива, —
Может, она отдыхает»...
Не чуяло мое сердечушко
Беды-горя неминучего..,
Не привел мне Бог
Видеть и ее смертушки!..

Вот причитанье по павшей лошади:

Пойду я, погляжу с четырех сторон:
Нейдет ли наша лошадушка,
Не бежит ли она к нам?..
Милая наша лошадушка!
Кормилица-поилица наша!
Подай ты свой голосок
Из темного лесочка!
То-то была бы нам радость!
То-то была бы нам утеха!

Чье сердце останется холодным к этим простым, но полным трогательной поэзии словам?

Во всех местных приходах Галичского у., а также в Чухломском и, вероятно, гораздо далее, распространен обычай: накануне Егорьева дня окликать Егорья, просить его защиты и помощи выпускаемой в поля скотине. Делается это так: мальчишки-подростки со всей деревни еще до солнца сходятся вместе, имея при себе икону, корзинку для сбора провизии — главным образом яиц, барабанку, т.е. доску, повешенную за веревку на груди, как это делают пастухи.

Вся компания выстраивается под окнами избы, обходя поочередно все дома, и выкрикивает следующую песенку, сопровождая пение усиленным стучанием двумя палочками в барабанку, чтобы разбудить хозяев:

Мы до солнышка вставали,
Белы лица умывали,

Полотенцем утирали,
Егорья окликали:
Егорий-батька храбрый!
Макарий преподобный!

(Местный угодник Макарий Успенский, монастырь его в г. Макарьеве на Унже.)

Спаси нашу скотинку
Всю животинку
И в поле, и за полем,
И в лесе, и за лесом —
Под красным солнышком.
Волку, медведю —
Пень да корега —
В раменье дорога.
Матушка, очнися!
Батюшка, пробудися!
Курочка, занесися!
Матушка, пожалуй-ко яичко
Егорью на свечку
Да нам за труды,
За Егорьевски.

Обойдя всю деревню, компания отправляется по соседним деревням и там тоже производит сбор и деньгами, и яйцами, — кто что подает. Таким образом обходят все соседние деревни, а из этих деревень мальчики, в свою очередь, точно так же собрают контрибуцию с соседей. Половину всего собранного — денег и провизии — мальчики берут себе, а другую половину жертвуют в церковь — «Егорью на свечку».

В приходе Воскресенья Стайнова один из прежних священников запретил мальчикам окликать Егорья и производить сбор, но с его уходом дело пошло опять по-старому: до такой степени обычай этот укоренился в народе.

Приведенная песенка записана так, как она исполняется в приходе Введенья Каликина Чухломского у. В других местах есть другие варианты, но общий характер остается тот же: везде упоминается Егорий и везде волку и медведю указывается «в раменье дорога». В безлесных местах, но ближе к Галичу, так же, как и в нашей Свиньинской вол., где рамени давно уж истреблены, а медведей и в помине нет, этот симпатичный обычай уже исчез, потеряв свой смысл.

Недалеко то время, когда хищная рука лесопромышленника истребит и все Костромские рамени. Большие леса не только по берегам Костромы, Унжи и Ветлуги давно уже очищены и сплавлены в Нижний на ярмарку, но вырублены также леса и по их притокам, и по маленьким речонкам, впадающим в эти притоки.

Рубят без всяких планов и без всякого понимания: обнажают берега рек и крутые склоны; вырубают и высоты, и водоразделы, откуда речки берут свое питание. А вот пройдет северная железная дорога и будет беспощадно, как Молох, пожирать и остатки наших лесов. Пропадет защита от северо-восточных холодных ветров и скудная земля будет давать еще более скудные урожаи, чем теперь.

Обнажат грудь родной земли, лишат согревающего ее покрова и обратят наш край в северную холодную пустыню, гораздо более страшную, чем южная безлесная пустыня: там крестьянина хоть солнышком согреет, а здесь, в так называемой лесной глуши, уже теперь погонная сажень дров доходит до 2 руб. 50 коп. и многие крестьяне, хотя бы в Свиньинской вол., топят покупными дровами.

Что же будет дальше? Беда.., если только лесоохранительные законы не придут к нам поскорее на помощь.

Из желания и необходимости заработка крестьяне истребляют свои леса иногда за бесценок и доводят дело до того, что потом сами покупают втридорога.

Недалеко то время, когда и в нашу лесную глушь с проведением дорог вторгнется цивилизация. Пропадет и рамень, и Мишка Раменский, но вместе с ними исчезнет и та наша лесная северная поэзия, которая так мила и дорога сердцу каждого Костромича.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 587. Л. 1—24 об.

И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака

389. До 11—12-летнего возраста мальчики и девочки в деревне держатся обыкновенно вместе, но чувство полового стыда приобретают очень рано, так что вместе никогда не бегают купаться. В лес за грибами и в училище ходят вместе, но игры устраивают по большей части отдельно, т. к. мальчики зачастую обижают девочек. Песни поют также врозь: мальчики составляют свой хор, а девочки — свой. Костюм девочек-подростков совершенно уподобляется костюму взрослых девиц: их наряжают, особенно в праздники, в такие длинные платья, что хвост тащится по земле и они напоминают собою разряженных красавиц; такие девочки с гордостью оглядываются на свой хвост и радуются, что похожи на взрослых. Зимние вечера, начиная с Покрова, девочки и мальчики подростки до 15-летнего возраста собираются в особую маленькую беседу, поют там те же песни, что и в большой беседе у взрослых девиц; кавалеры точно так же ходят по полу по песням девиц и в конце песни целуют девушек. Когда самостоятельной беседы у подростков не составляется, они сидят в большой беседе и таким образом с самого раннего возраста усваивают себе все песни и порядки от взрослой молодежи.

390. Сближение молодежи. (В текст включены также материалы по пункту 7 анкеты).
В нашей местности, которая живет отхожими промыслами, большинство мужской молодежи, начиная с ранней весны и кончая поздней осенью, отсутствует из деревни, главным образом в Петербург. Все у нас маляры или плотники и «работают по Питеру». Нет дома, где не было бы одного, двух и даже трех питерщиков. Иногда отец со всеми сыновьями, как женатыми, так и холостыми, работает в Питере, а дома управляются одни бабы. Едва мальчику исполнится 12 лет, его, обыкновенно года на три, сдают родители учеником хозяину-подрядчику в Питер. За все три года хозяин им платит от 30 до 50 руб. Через три года паренек в первый раз прикатит в свою деревню, пробудет зиму, а Великим Постом снова отправляется на чужую сторонку к своему хозяину-подрядчику уже в качестве мастерового с постепенным возвышением жалованья. Поездки в деревню учащаются, а впоследствии, когда «молодец» пооперится, ездит и каждую зиму домой на побывку. Таким образом, в летнее время вся мужская молодежь у нас «до выгребу» в Питере, а если кое-кто из парней и останется, то девушками за женихов не признается, потому что он — не питерщик. Питерщики чисто одеваются, носят пиджаки, калоши, щегольские пальто, развязны в обращении, ловки и вообще, как здесь говорят, ребята «фартовые», не чета деревенским пням. Питерщики здесь — законодатели мод, посылают в дом деньги, привозят хорошие гостинцы, словом, считаются здесь первыми людьми и мода на них у девушек великая.
Девушки ждут не дождутся Покрова, когда начинают по деревням брякать колокольчики и бубенчики, а тройки, пары, а иногда и одиночки подвозят слетающихся к своим гнездам маляров (плотники обыкновенно съезжаются к Введеньеву дню, когда кончаются их сроки). С Покрова съезжаются женихи, с Покрова же и девушки начинают по деревням свои беседы. Для беседы нанимается обыкновенно в складчину чья-нибудь изба попросторней или просто та, в которую пустят. Глядя по деревне и по числу девушек, хозяйка назначает плату за беспокойство, обыкновенно от 50 коп. и до 1 руб. с каждой девушки за всю зиму; в нашей деревне берут по 60 коп. со взрослой девицы и по 30 коп. с подростка. Керосин для лампы девушки покупают сами в складчину и лампу заводят на свой счет, иногда, впрочем, молодцы, которые побогаче и подобрее, дарят девушкам на керосин маленькие суммы.
Беседа — это нечто вроде деревенского клуба: туда приходят сидеть не только девушки и женихи из своей и из других соседних деревень, но и подростки, и мужики, и бабы, которые приносят с собою даже и маленьких ребят, чтобы взглянуть, что делает и как веселится молодежь. Каждой маменьке интересно посмотреть, как ее сынок «ходит по полу» и часто ли ее дочку ребята целуют по песням. В беседу ходят также и вдовы, — словом, вход туда никому не возбраняется, а в старинные годы крестьянские беседы посещались иногда и помещиками, что считалось за особую честь. Помещики иногда привозили в беседу вина и лакомств для девушек и молодиц, так что устраивалось настоящее веселье и гульбище. Теперь эти времена давно прошли: в беседе сидит только какая-нибудь местная торговка и дремлет над корзинкой с подсолнечными семечками и грошовыми конфетками.

Девушки щелкают семечки (если есть на что купить) и по конфетным билетикам узнают свою судьбу.
Беседы у нас бывают трех сортов: 1) обыкновенная ежедневная, 2) братчина и 3) вечер.
В обыкновенную беседу девушки сходятся с работою: чаще всего с вышиваньем по канве и реже — с пряжею, т. к. льнов у нас сеют теперь мало и дешевенький гнилой ситчик вытесняет прочный домашний холст. Набойчатого сарафана здесь ни у кого и в заводе нет; даже в лес на огнища делать дрова бабы идут в ситцевых платьях и, конечно, скорехонько рвут их об сучки. Между тем не дальше 20—30 вер. отсюда, в более глухих и лесистых местах, как то в Ерженском и Стайновском приходах, бабы в этом отношении благоразумнее: сеют льны, ткут много полотен и без набойчатых (крашенинных) сарафанов не обходятся. Отчего же это происходит? Питерщики избаловали своих баб, или наоборот, бабы, пользуясь их отсутствием, берут большую волю и делают, что хотят, т. е. ведут плохонькое бабье хозяйство, пьют по два и по три раза чаи, возятся с ребятами, а про лен-то и забывают. В Стайновском и Ержинском приходах домохозяева живут почти все дома, в Питер отправляют только сыновей, оттого у них деревенское хозяйство не падает и ведется лучше.
Извиняясь за необходимое отступление, вернемся снова к беседам.
В старину, как я слыхал, беседы назывались также «супрядками», но теперь супрядками называется лишь помочь для пряжи льна, на которую желающий сзывает и девиц, и молодиц, и старух (кто бы только пошел) из своей или также из соседней деревни.
В обыкновенной беседе, особенно когда чужих молодцев нет, девушки ведут себя развязней: не только поют песни, но также устраивают игры и возню с парнями — по местному не совсем изящному выражению «гнутся» с молодцами — конечно, без посторонних зрителей. Играют в колечко, парни воруют у девушек веретена, пряхи, вышиванья и получают в виде выкупа поцелуи.
Иногда в беседу приходят молодожены и дуются в карты, пока не начались танцы.
Вскоре после Покрова, т. е. после начала открытия бесед, девушки устраивают братчину: для этого ходят гурьбой из дома в дом по деревне, выпрашивают хмель, солод, муку и сполину (сполина — это шелуха от овсяной крупы, ее прибавляют к солоду для варки пива — иначе пиво не побежит) для варки пива.
В назначенный день девушки сзывают на братчину молодцев из своей и соседних деревень, угощают их пивом, а затем начинаются обычные песни и танцы. Братчины бывают многолюдны и служат как бы завязкой для знакомств и вступлением для бесед. Вечера устраиваются незадолго до Рождества и отличаются от обыкновенных бесед тем, что девушки приглашают на них в гости своих родственниц (свах) девушек или хороших знакомых из соседних деревень; парни об этом предупреждаются также заблаговременно. Угощений на вечерах никаких не бывает, но число танцующих и глазеющих всегда бывает большое: изба обыкновенно битком набита. Опишу вам один вечер в Ильинском, которого я сам был свидетель.
Только что засветились первые огоньки, в беседу собрались все ильинские девушки со своими дальними и ближними гостями, всех числом до 18. Одеты чисто, в шерстяные и ситцевые платья, шелковые платья надевают лишь на большие вечера на второй или третий день Рождества, а также летом на гулянья в Троицу или большие храмовые праздники.
В самом начале вечера, до сбора кавалеров (это слово здесь все больше и больше входит в моду) девушки спели «проголосную» песню, потом начались так называемые «ходовые» песни, по которым кавалер, имя и отчество которого вставляют в песню, ходит по полу, а в конце песни выбирает и целует девушку. По полу ходят молодцы чинно взад и вперед, не ломаясь, но быстро и сосредоточенно, как бы исполняя серьезные обязанности, иначе девушкам может не понравиться: недаром в песне № 1 поется (смотри приложение):

Только кто у нас умен?
Кто очень разумен?
Что (Василий) умен, (Павлович) разумен,
Очень баско ходит,
Манерно ступает,
Сапог не ломает,
Сапог-то козловый,
Чулок-то шелковый.

В прежнее время в середине песни вставлялось имя и отчество девицы, которую кавалер выбирает и вместе с которою ходит по полу до конца песни, а затем, конечно, целовал; теперь кавалер обыкновенно выбирает девицу в самом конце песни только для поцелуя, а потому в песне имя и отчество девицы не называют, вместо этого вставляют слова: девица-раскрасавица, например:

Выбрал девицу по нраву,
Что по нраву себе пару,
Что зовут ее девицей,
Величают красавицей.

Или в другой песенке такое окончание:

Две души вы, красны девицы,
Вы попойте-ка песенок,
Вы припойте невесту мне,
Душу красну девицу.

Здесь слова «душу красну девицу» заменяют имя и отчество девицы.
В других приходах, подальше от Галича, а также в Чухломском у. е «величание» девицы, (т. е. ее имя и отчество) вставляется в песню по-старинному, полностью, и девушки ходят с кавалерами по полу.
Каждому молодцу песня поется по той очереди, как он сидит на скамейке, или по мере прибытия молодцев в беседу. Обыкновенно бывает так: что одна партия молодцев приезжает, каждому из них споют по песне, потом они протанцуют кадриль и когда собираются ехать домой, их на прощанье «женят по песне» № 11, тоже ходовой:

Иван жениться собирался,
Васильич снаряжался,
Он со душечкой, со девицей
Со хорошей, со пригожей красавицей…
и т. д.

Затем эта партия уезжает и новая партия приезжих молодцев вступает в свои права. Начинается тоже «хождение» и опять кадрили.
Девицы строго наблюдают, чтобы все шло по заведенному порядку, иначе молодцы могут обидеться, что, впрочем, и случается, особенно, когда девицы окажут в чем-либо предпочтение чужим ребятам поед [перед] своими. Свои обижаются, начинают потом ломаться, перестают ходить в беседу и танцевать; но все это ненадолго — девушки находят средство смягчить непокорных и мир быстро наступает. Драк между молодцами из-за девиц здесь не бывает, хотя в других местах, как я слышал, например, в Селецкой вол. и (верст 25 за Галич), бывают зачастую и драки — там ребята более балован[н]ые и буйные.
Здешние молодцы, как я заметил, вообще вежливы в беседах: когда входят, отдают девушкам общий поклон, а товарищам — рукопожатия, при уходе из беседы поступают таким же образом. Да и по песням видно, что ласковость, вежливость и учтивость ценятся и требуются. Так, в песне № 3 говорится о молодце:

Погляди-ка на меня, на молодца,
На мою-то ли походочку,
На мою речь-поговорочку:
Что походочка частенькая,
Поговорочка ласковая,
Что помашечка ретивенькая,
У нас девица красивенькая.

Или в песне № 8:

В беседе бают-говорят
Про «ильинских» молодцев,

Что «ильински» молодцы
Очень вежливые:
Вместе с «девицам» сойдутся,
Низко кланяются.

Или в песне № 38 (для кадрили) говорится про девицу:

Очень модна, благородна,
Низко кланялась,
Низко кланялась,
Всем понравилась.

Костюм молодцев в беседе состоит из пиджака (который называют «пинжаком» или «спинжаком») и брюк, большею частью навыпуск. Калоши составляют необходимый предмет щегольства и моды; хотя в них не танцуют, но в песнях о них упоминается довольно часто. Так, одна ходовая песня начинается словами:

(Василий) со скамеечки вставал
(Иванович) калоши скидавал.

Качества, которые требуются и восхваляются, как у молодца, так и у девушки — это, чтобы был (или была) «моден» и «благороден». Об этой модности и благородности очень часто упоминается в новейших песнях. Так, в песне № 8 поется:

Моден, моден наш Андрей,
Благороден свет Егорович —
К нам в беседу приходил,
Винограду приносил.

Или в песне № 38 (для танцев) поется:

По улице мостовой
Шла девица за водой,
Шла девица за водой
И со русою косой,
Очень модная собой.
Очень модна, благородна —
Низко кланялася.
Низко кланялася,
Всем понравилася:
И боярам, и купцам,
И проезжим молодцам.

К числу модных предметов, наряду с калошами, также часы с цепочками, но далеко не многие счастливцы ими обладают.

В песне № 3 далее поется:

На (Илье) цепочка горит
На (Петровиче) серебряная.
Горит, перегарывает,
Про девицу разговаривает…

В песне № 4 поется про молодца:

Сюртучок-от на нем новинький,
Сапоги новы с калошами,
Есть жилеточка с часами

И манжеточка с духами.
Русы кудри при помаде.

Относительно красоты парней и девиц можно сказать, что здесь преобладают понятия старорусские.
Для красоты требуется: «круглолицесть, белолицесть», «русы кудри при помаде, при помаде, при расчесе», «русая коса», «румяность» и т. п.
Черные глаза и черные брови одобряются, но лишь бы лицо было белое; при смуглом лице сейчас же дадут прозвище «цыган» или «цыганка».
Дородность, т. е. умеренная полнота ценится в девушках и молодицах, да оно и понятно, потому что, когда мужик женит сына, он ищет в дом работницу. Жиденькую и слабенькую как раз прозовут «холерою».
Очень высокий рост для девушек тоже не в моде, их зовут «дылдами» и «долговязыми». Парни в нашем уезде отличаются вообще своею малорослостью: иногда попадаются такие заморыши и мелюзга в возрасте 18—20 лет, что просто диву даешься. Тут заметно несомненное вырождение: влияние Питера, его сырых подвалов, скудость пищи, преемственность и наследственность спиртного худосочия, занесенного из столицы сифилиса — все это отражается на молодом подрастающем поколении. Конечно, много есть и девушек-пигмеев, но все-таки не столько, потому что те живут в деревне постоянно и их не увозят с двадцатилетнего возраста в Питер.
Вот, предложишь иногда, шутя, такому пигмею-жениху вопрос: «Послушай-ка, Ванюшка, что ты не женишься на такой-то (нарочно назовешь какую-нибудь здоровую девку)?»
— Да, што вы, барин, куды с экой: она меня до смерти залягает.
Пришлось несколько отклониться в сторону, теперь снова вернемся к понятиям о красоте, как они трактуются в песнях. В песне № 3 поется:

Что девица ходит по терему,
Раскрасавица по высокому,
Она белится, румянится,
Во цветное платье рядится.

Белила и румяна, хотя и не составляют необходимой принадлежности туалета здешних девиц, но все-таки, у кого есть лишние денежки, покупают, наравне с помадой.
Песня № 4 начинается:

В нашей веселой беседе
Сидел молодчик бел кудрявый,
Бел кудрявый парень бравый...

А дальше:

Русы кудри при помаде.

В песне № 6 поется:

Уж чей такой молодчик
По-купечески идет?
Брови черны, взгляд веселый,
Парень белого лица,..

В песне № 7 поется про молодца:

Что хорошие пригожие
Тебя высушили.
Присушили русы кудри
Ко буйною голове,
Исповывели румянец
Из белого из лица.

Цветные платья девушки очень любят, а на белила и румяна здесь нет совершенно никакой моды; довольствуются натуральным цветом лица. Помадятся умеренно, потому что на помаду надо тратить деньги, а их иногда не хватает и на простое мыло. Кстати замечу, что здешние девушки, хотя любят рядиться, по чистоплотностью не отличаются.

Песня № 14 поется:

Возьми, возьми, дитятко,
Изо всех хорошую
Кралечку бубновую,
Девицу чернобровую!
У девицы волоса
При помаде завсегда;
При помаде, при расчесе
И при русою косе,
И при алой ленточке.

Всесильная мода захватывает деревню не в меньшей степени, чем город. Иметь для девушки перед замужеством дипломат (длинное пальто в талию рублей за 15—20), два шерстяных платья и 1 шелковое (кто побогаче), а также зонтик и калоши — обязательно, не говоря уже о перине, подушках и прочих постельных принадлежностях, полотенцах для даров, шали и полушалке, носильных платьях и верхней одежде.

В некоторых деревнях носят уже на гуляньях шляпки, а если родители не делают дочке шелкового платья, то она «ревет большим ревом», по местному выражению.

Шляпки и шелковые платья наплодили здесь богачи подрядчики и многие родители от них плачут, потому что шелковое платье обходится около 20 руб.

Однако вернемся к нашей беседе. Вот уже первый час ночи, протанцевали 5 или 6 кадрилей, то под венскую гармонику, то «по песням» девушек, когда гармонист уставал играть. Приезжие молодцы все поразъехались, остались только свои, да и зевающие мужики и бабы поразошлись по домам. Тут оставалось только на прощанье протанцевать еще одну, последнюю кадриль со своими молодцами под самые залихватские и веселые частушки-песенки. Топанье каблуков усилилось и слышно было далеко, как раздавалось окончание песенки (№ 4):

Тише, тише, «некрута»!
Пол не обломите:
У нас под полом вода —
Ног не обмочите.

В заключение девушки спели модную проголосную песню:

Жила была мой друг Анета,
В сиротстве жизнь свою вела…

и разошлись по домам.

Здешняя деревенская кадриль мало похожа на нашу: хотя фигур в ней много (не меньше шести), они однообразны — solo кавалеров и дам, как у нас во второй и шестой фигуре, не существует, точно так же нет trio, как у нас в пятой фигуре и т. п. Кругов (ronds) тоже не делают.

Все песни, которые были спеты на упомянутом вечере, помещены в особом приложении. При пении девушки не руководствуются естественным, правильным ударением в словах, а ставят эти ударения на тех слогах, где требует этого напев (мотив) самой песни. В помещенных песнях все ударения поставлены, как они выходят при пении. Если читать песни, руководствуясь натуральным ударением слов, то скандовка стиха будет неправильна и неблагозвучна.

Например, в песне № 7 находим такие неправильные ударения:

Никто его не видал,
Две девицы увидали,

Скоро к нему подбежали,
За белые руки брали,
На добра коня сажали.

Если Пушкин писал: «Гремит музыка полковая», то простой народ совершенно не стесняется тем, где у него выйдет ударение в песне, лишь бы она уложилась на напев.

Вот образцы слов, пропетых с неправильным ударением: шелковый, девочка, горит, по терему, по высокому, во чисто, зеркало, девица, веселой, новый, молодца, его, к нему, белые, из белого, ему, не женат, холостой, говорят, красавицы, давай, поиграем, на зеленом, душу, с высокого, с крылечка, в немецкое, женись, возьми и множество других.

К величайшему удовольствию можно заметить, что в нашем простонародьи не иссяк дух остроумия и природного юмора. Посмотрите на комические песенки частушки для танцев — как они хороши, как много в них здорового смеха, например, № 43:

Тумана! Тумана! —
Это женка моя,
Что моя-то ли жена «рукодельница» была,
«Рукодельница» была,
Тупым косарем лапшу крашивала,
Лапшу крашивала,
Худым решетом воду нашивала,
Воду нашивала…

и т. д.

Или другая, № 42:

Из-за лесу, из-за гор
Выезжал дядя Егор;
Он на сивой на телеге,
На дубовой лошади;
Топорищем подпоясан,
Кушак за поясом.
Его девицы любили —
Кашей масляной кормили.

Есть пословица, кажется, американская: «Деньги потерял — ничего не потерял, время потерял — много потерял, бодрость духа потерял — все потерял». Русский народ денег терял много — взять хотя бы многочисленные войны, освободительные и разные другие; времени терял тоже много: стоит вспомнить хотя бы 200 лет татарского ига и запоздалость нашего саморазвития; ну, а бодрость духа-то наш народ еще не потерял, значит, будущее наше впереди и… слава Богу! Русская песня так же, как и живой русский язык отличается большою подвижностью: старые песни или вовсе выходят из моды, или изменяются сообразно вкусам времени, новые песни нарождаются.

Женский элемент в деревне у нас малограмотен, почти даже вовсе безграмотен; девушки изучают песни друг от друга понаслышке. Когда грамотность распространится и будут изданы хорошие дешевые песенники для народа, песни тогда не будут, я полагаю, так забываться и так искажаться, как теперь.

Под №№ 50 и 51 привожу нарочно две проголосные песни, которые пелись лет 15 тому назад, а теперь оставлены. В песне «Сени мои, сени…» вставлены современные слова, которых в старину не было: «переходы, переброды ваши частенькие» и т. п.

Примечание: слова, подчеркнутые синим карандашом, — местные выражения или писанные по местному произношению, а не по орфографии слова, следовало бы печатать курсивом.

15 января 1899 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 593. Л. 3

390. Форсуны подъезжают обыкновенно к дому на тройках, чтобы произвести впечатление на своих односельчан, но т. к. секреты в деревне долго не держатся, то через неделю зачастую узнают, что этот молодец приехал всего лишь с пятеркой или десяткой в кармане. Часто также молодцы пускают в ход рассказы, что их в Питере или дорогой обокрали, а потому они-де и приехали без денег.
Едва только питерщик подкатит к дому, к нему слетаются стаи ребятишек со всей деревни за получением гостинцев. Обычай этот настолько крепок, что ни один питерщик, как бы мало денег он не выработал, не приезжает в свою деревню без гостинцев для ребят. Конечно, эти гостинцы в большинстве случаев не питерские, а галичские, но ребятам до этого мало дела — лишь бы получить пряники и конфеты. «Оделяют» всех поровну, а потом в деревне начинаются бабьи суды и пересуды — это вот такой-то питерщик дал по стольку-то пряников, а такой-то дал меньше: значит, заработал в Питере негусто. Зависти и тщеславия в деревне столько, что хоть отбавляй.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 588. Л. 1—33 об.

391. 392. От Покрова до Рождества для молодежи время в беседах проходит незаметно. Беседы собираются ежедневно, кроме суббот и канунов праздников. Петь под праздники песни считается здесь большим грехом и это строго соблюдается. Совсем обратное явление я наблюдал в Малороссии, живя в местечке Беликах близ Полтавы: там летом парубки и дивчины устраивают на улице хоровое пение, не стесняясь тем, что в соседнем храме идет всенощное бдение. Здешняя молодежь гораздо выдержаннее как в религиозном отношении, так и в обхождении между собою. Девушки садятся в беседах чинно в ряд в сторонке от кавалеров, которые не позволяют себе хватанья, поднимания платьев и тому подобных неприличных выходок. Все делается на глазах у старших, которые зорко следят за репутацией своих детей.
Девичья честь ставится очень высоко. Опороченная девушка с великим трудом может найти себе жениха, и то, или очень бедного, или такого, который потребует за ней большой денежный «вывод».
Случаи рождения незаконнорожденных детей (по здешнему «пригулышей») чрезвычайно редки: на это решаются в большинстве случаев такие девицы, которые потеряли надежду выйти замуж, а таких почти не бывает. Каждая девушка, как бы бедна и некрасива ни была, находит себе пару.
В ближайших городах, хотя бы и в Галиче, нравы уже другие, так же, как и в подгородных селениях. Известно, что город с его соблазнами и множеством разного рода Дон Жуанов портит деревню. Девушка, которая служила или служит в городе, не считается хорошею невестою: редко возьмут ее замуж. Только крайне бедные родители отпустят свою дочь в город на службу.
Конечно, есть такие девушки, которые попадают в Петербург или Москву и делают там, что хотят, но такие в деревню уже не возвращаются. Одна такая из нашей деревни живет постоянно кормилицей в Москве, а незаконных детей своих присылает матке в деревню на воспитание, помогая за это деньгами и одежей. Матка (отца нет) этому очень рада и весьма ценит и любит эту дочку. С братьями она тоже в хороших отношениях.
Деньги — деревенский кумир. Всякому они нужны: одним — ради действительной нужды, а другим — ради тщеславия. За большие деньги и вообще за выгодную сделку с совестью девушке здесь если не все простят, то во многом извинят и скажут, что она неглупа и надеется на всю жизнь себя обеспечить. В общем, однако, повторяю, бесчестие девушек — у нас исключение.

Обстоятельства, предшествующие браку

393. В народе существуют поговорки: «От судьбы не уйдешь» или «Суженого ряженого конем не объедешь». Это указывает на народную веру, что брак устраивает судьба. Да оно и действительно так; вот наступают святки, ни одна девушка еще не знает, выйдет ли она в этом мясоеде замуж, и если выйдет, то за кого именно. Женихи начинают свататься только около Крещенья и после него. На святках девушки гадают о своей судьбе и бегают из деревни в деревню ряжеными или, как у нас говорят, «наряженками». Наряжанье состоит в том, что девушки переодеваются молодцами, а молодцы, наоборот, девушками. Масок не надевают. Прибегут в беседу (все это делается днем), попоют песенок, потанцуют и затем отправляются в следующую деревню.

Обегут таким образом 3 или 4 деревни и к сумеркам возвращаются домой, чтобы сидеть вечером в своей беседе (накануне сочельника, в сочельник и первый день Рождества бесед не бывает).
На другой день являются в беседу с ответными визитами ряженые из чужих деревень. Кроме того, молодцы, а с ними и женатые помоложе, ходят на святках по беседам и в богатые дома (где получают угощение) представлять «Есаула» или «царя Максимилиана». В этом году у меня были с «Есаулом», а заодно устроили еще акробатическое представление: прыганье через стулья, хождение на руках и т. п.
Много имеется у девушек средств, чтобы узнать свою судьбу, но главные заключаются в следующих гаданиях: 1) смотрятся в зеркала при свечах подолгу и дожидаются, не померещится ли и не представится ли что в зеркале; 2) топят воск или олово и рассматривают, какая тень получится на стене от растопленной фигуры; 3) держат надо лбом зеркало, наводят его на месяц (луну), а в это время пристально смотрят кверху в зеркало: сколько увидят отражений месяца, столько будет человек народу в той семье, в которую девушка попадет после замужества; 4) бегают «завораживаться» на перекресток, одна девушка нагибается и подставляет фартук или подол, а другая бьет ногой в снег и каблуком набрасывает ей в подол снегу, затем первая со снегом бегает и кружится, а потом припадает ухом к земле и слушает — не почудится ли в которой стороне звон колокольчиков, лай собак и т. п., откуда почудится, с той стороны приедет жених; 5) насыпают в бак на ночь кучки золы (каждая девушка свою кучку), а утром смотрят, нет ли на которой кучке следов или царапин, — у которой девушки на кучке будет след, та нынче выйдет замуж; 6) та девушка, которая хочет заворожиться, просит свою подругу запереть ее ночью во сне замком, так чтобы она не слышала. Замок зацепляют или за косу, или за шнурок от креста, или просто за петлицу платья и потом запирают; та девушка, которая унесла с собой ключ, непременно должна в эту ночь увидеть во сне жениха ее запертой подруги.

394. В нашей местности, как я упоминал уже раньше, большинство мужчин на отхожих промыслах. Во многих семьях летом управляются с полевыми работами одни лишь бабы и девки. Некоторые отсутствующие отцы семейств нанимают на лето вместо себя работника или же сдают пашню для обработки так называемому «пахарю» — обыкновенно крестьянину той же деревни или соседней, который по Питеру не живет. Пахарь работает на своей лошади и берет за всю работу по обработке земли от 20 до 25 руб., считая и молотьбу, но, конечно, все эти работы делаются при полном участии той семьи, которая его наняла.
Молодая и здоровая баба представляет в деревне большую рабочую силу: она и дрова пилит, и лес рубит, и навоз валяет, и сеет, и боронит, и даже огороды городит. Поэтому всякий отец семейства, как только его сыну исполнится 19 лет, норовит его поскорее женить, еще до солдатчины, и привести в дом лишнюю работницу под видом снохи.
Брак у нас ни больше ни меньше, как экономическо-физиологическая сделка. Для свежего человека здешние браки у крестьян покажутся дикими и странными. Тут нет даже и тени того ухаживания, знакомства и предварительного сближения, которые необходимы в нашем кругу.
В отношении выбора невест молодые женихи редко следуют своему сердечному влечению, да и влечению-то этому некогда развиться, т. к. питерщики приезжают на родину налетом на короткое время. Всем делом руководят родители: задумав женить сына, намечают нескольких невест и непременно побогаче, из хороших домов. Бедность беспощадно бракуется. Про бедный дом обыкновенно говорят, что туда «не к кому приехать» или «приезду нет». Это значит, что когда придется приехать в гости, то в доме ничего не найдешь и не будет порядочного угощения, не говоря уже о том, что избенка плоха и двор развалился, да и лошади или коровы во дворе нет.
Однако хорошенькие, красивые девушки даже из самых бедных домов, например, дочери бобылок всегда находят себе женихов, потому что успевают сильно понравиться какому-нибудь молодцу и его родителям. Я знаю два таких примера в нашей д. е [деревне] Ильинское. Про одну такую девушку хорошего роста, белолицую с румянцем на щеках, ее мать говорила: «Хорош корень, да не у места вырос». Однако этот «корень» благополучно выскочил замуж, благодаря некоторой материальной поддержке добрых людей.
Конечно, эти девушки не вышли в богатые дома, но все-таки — в порядочные.
Наметивши невесту, жених в сопровождении родителей и свахи приезжает в ту деревню, где невеста и приходит в беседу. Если они приедут днем, то девушки со всей деревни тотчас же собираются и устраивают для приезжего жениха беседу.

С нашей точки зрения, такое внимание к сватающемуся молодцу со стороны девушек показалось бы даже предосудительным, но здесь это обычай и как бы исполнение девушками своих обязанностей.
В беседе жениху поют песню, он «ходит по полу», выбирает целовать, конечно, ту девушку, к которой думает посвататься, потом танцует с нею кадриль, а сваха тем временем ведет переговоры с родителями невесты, которые, конечно, являются в беседу смотреть жениха.
После кадрили невесту вызывают ее родные в дом, а чаще всего просто в сени («на мост», как здесь говорят) и спрашивают, нравится ли ей жених. Надо заметить, что в огромном большинстве случаев невеста видит жениха здесь в первый раз или же видала его лишь мельком где-нибудь в церкви или на сельских праздниках. Если жених не нравится или молва о нем нехороша, невеста отказывает, о чем жениху и объявляют через сваху под благовидным предлогом, например, что невеста еще молода — торопиться некуда, а иногда и просто заявляют, что жених невесте не по нраву. Если жених понравится, невеста прямо этого не высказывает, а скажет: «Я не хаю жениха», или «Делайте, как хотите». Тогда жениха с родителями и свахой, а также и невесту приглашают в дом и тотчас обязательно и непременно ставят самовар, за которым ведут дальнейшие переговоры об условиях.
В предыдущей главе я уже упоминал, что главными достоинствами жениха считаются: чтобы он был из хорошего зажиточного дома, чтобы братьев было как можно меньше, т. к. тогда не придется делиться, а самое лучшее — это, как говорится в песенке:

Я за то его любила,
Что один сын у отца
Уродился в молодца.

Если женихов батька — пьяница или матка сварлива, тоже в такой дом хорошая невеста не пойдет, скажут: «От сосны яблочек не родится», или «Яблочко от яблоньки недалеко падает», а иногда говорят: «Сын в отца, отец во пса — вся родня в собаку».
Красота и видный рост жениха, конечно, играют большую роль и могут произвести выгодное впечатление на невесту. Кто по Питеру не работает и одежи имеет мало, считается за плохого жениха: хорошая невеста не за питерщика не пойдет.

395. Точно так же невесты предпочитают молоденьких женихов, чтобы на лице ни бороды, ни усов не было. Женихи из солдат (которые имеют уже 25 лет и более), как это ни странно, имеют у девушек меньший успех, хотя тщательно бреются, но вот цвет кожи у них уже не настолько свеж, а борода, быть может, и покалывается, это-то девушкам и не нравится.
В недавнее время выйти замуж за солдата и сделаться солдаткой считалось нехорошим, а теперь, ввиду распространения воинской повинности и короткой службы в солдатах, солдатками делаются охотно.
Девушка из зажиточного дома всегда живет при родителях: в работницы нанимаются только из бедных домов, чтоб поддержать дом от упадка и заработать кое-что на приданое. Дочерей выдают замуж непременно по старшинству — обратные случаи представляют исключение.
Иногда девушки засиживаются в девицах лет до 28 и более, но все-таки успевают выйти замуж. Тридцатилетние выходят за вдовцов, а моложе этого возраста, при женском умении скрывать года, выходят, по большей части, за женихов юного возраста. Редко бывает в крестьянском быту, чтобы муж был старше своей жены: или они однолетки, или муж моложе года на 3 и более. Вчера у нас состоялся брак, в котором невеста на 9 лет старше жениха.

396. Как жених, так и невеста здесь находятся на полном и безусловном повиновении у своих родителей или лиц, их заменяющих, как то: отчима, мачехи, тетки, крестного отца, крестной матери и т. п., смотря по тому, чьим попечением они живут и воспитываются. Без родительского благословения и соизволения ни жених, ни невеста вступить в брак не смеют, да и не на что будет им без родительской поддержки даже и свадьбу сыграть, да и деваться-то после свадьбы некуда будет, если родители не пустят ослушников в свой дом. Проклятие родителей в простом быту считается невыносимо тяжелым гнетом и редко (даже я не знаю, когда) что-нибудь подобное случается.

Все свои письма к родителям даже взрослые сыновья и дочери заканчивают так: «Прошу вашего родительского благословения навеки нерушимого, которое может служить даже до гробовой доски». Бывают случаи, что отец жениха или невесты запутается в Питере, забудет свой дом, перестанет высылать деньги и доведет его до полной нищеты. Конечно, от такого отца не спрашивают и не ожидают благословения; все дело устраивает тогда мать жениха или невесты при помощи родных и добрых людей.

397. Браков тайных, уходом или убегом, ни в каких случаях здесь не бывает. Это считалось бы противным христианской морали и большим стыдом перед соседями.

398. Если жених или невеста — круглые сироты, то устройство их брачной жизни относится к обязанностям той семьи, в которой сирота вырос и воспитался. Его или ее считают совершенно наравне с родными детьми.

399. Перед совершением браков никаких особых семейных или родственных советов не созывают: вступление жениха в брак обусловливается главным образом годами жениха и соображениями родителей, есть ли на что сыграть свадьбу; точно так же и у невесты все соображения сводятся преимущественно к тому, готово ли приданое, есть ли деньги на устройство сговоров, свадьбы и т. п. Если у родителей денег не оказывается и взять их негде, то они отказывают жениху, говоря, что дочь их еще молода... подождет, да и «подняться» теперь не на что. Если невеста небогата и понравилась жениху со средствами, то его родители, иногда случается, дают невесте «выводное» — рублей около 25, чтоб было, на что подняться.
В Каликинской вол. Чухломского уезда вывода практикуются в большом размере: без вывода ни одна невеста, особенно хорошенькая, замуж нейдет. Недаром в одной песенке поется:

Если вздумаешь жениться, —
Здесь невесту выбирай.
Здесь такое заведенье —
Девиц даром не дают:
Все по выводу берут.
Невелики вывода —
Девяносто два рубля.
Если выводу не дашь,
Вам отвальную сейчас;
Если мелких денег нет, —
Разменяем те билет.

Во всяком случае, в нашей местности, около Ильинского, вывода представляют весьма редкое исключение, напротив того, в подгородных селах около Галича, там не только не дают невесте вывод, но чаще требуют с них приданого и объясняют это тем, что подгородные девицы балованные, потому с них и надо брать за балован[н]ость.

400. Без обоюдного согласия жениха и невесты свадеб здесь не делается. Бывают случаи, что жених иногда думает жениться на одной и даже пообещает приехать к ней свататься, а уедет совсем к другой, более богатой, которую ему подыщут родители. Но жених соглашается на это без протеста, как бы сам сознавая преимущество этой партии. Именно такой случай был на днях в нашей деревне.
Девицу обязательно всегда спрашивают, нравится ли ей жених и по принуждению не за «помысленного» замуж не выдают. Случаев отказов и каких-либо заявлений при самом обряде венчания не бывает.
Неравные браки по имущественному положению бывают вообще редки: богатый дом не желает родниться с бедным, потому что там «приезду нет». Всякий старается «рубить дерево по себе», как говорит местная пословица.
Физические недостатки, по-видимому, не служат препятствием к вступлению в брак: хромоногие женихи и невесты, кривые, страдающие паховыми грыжами (а таких здесь немало) встречаются нередко. Случаев, чтобы кто-нибудь оставался холостым, мне неизвестно, и другие, кого я спрашивал, указать их не могли.

Физический недостаток служит обыкновенно к тому, чтобы за него выговорить какую-нибудь небольшую сумму, рублей хоть 25, в качестве выводного или приданого. Таким образом жених, получающий невесту с изъяном, утешает себя тем, что попользуется от нее деньгами для возмещения свадебных расходов.
Что касается степеней родства или свойств, которые служат препятствием браку, то народ в этом отношении руководствуется церковными постановлениями и в случаях затруднения обращается к священнику за советом. Известен один случай вступления в брак кума и кумы — восприемников у купели. Незаконные сожительства со снохами или со свояченицами бывают, как о том гласит народная молва, но редко. Приемыш, воспитавшийся в чужом доме, не считается роднею в отношении брачного союза и мог бы, по здешним понятиям, вступить в брак с одним из членов этой семьи, но этого не бывает по той простой причине, что приемыша берут в дом только люди бездетные.

403. Каждая девушка так привыкает с детства к своему селу, своей волости, что предпочитает выходить замуж куда-нибудь недалеко от родительского дома — можно чаще видеться и чаще гостить по праздникам. «Чужу дальную сторонку» недолюбливают. Самое лучшее — это выйти замуж в своей или соседней деревне. Вообще девушки у нас редко выходят замуж дальше, чем верст за 15 от своей деревни. Исключение бывает в тех случаях, когда на дальней сторонке живет какая-нибудь родня: старуха-тетка, замужняя сестра и т. п., они-то в качестве свах и привозят иногда со своей стороны к девушке жениха. Однофамильность не служит препятствием к вступлению в брак, с раскольницами венчаются тоже без препятствий, особенно, если она хорошенькая да имеет еще денежки. Вообще я должен сказать, что суеверий и предрассудков в отношении брачного союза здесь в народе мало.
При первом сватовстве жениха, а иногда при пропоях невесты (о чем будет речь впереди, в № 404) [нет в рукописи] между родными жениха и родными невесты происходит «покладка» относительно приданого невесты и даров со стороны невесты жениховой родне. Если от жениха желают получить вывод или за невестой денежное приданое (оба эти случая редки), то и об этом покладываются тут же, конечно, словесно, по-домашнему, за чашкой чая. Тогда же назначается и время сговоров.
Венчание происходит в том приходе, в котором живет жених; он и уплачивает деньги священнику (от 7 до 10 руб.) за венчание; с невесты в пользу священника идет за письмо 2 руб. Так как невесту иногда увозят венчать в другой приход и притч получает деньги лишь с невесты, то такую свадьбу называют «выводной». Остальные свадебные расходы на пиршества у жениха и невесты более или менее одинаковы, потому что на «пропоях» делается два стола — один от жениха, а другой — от невесты, на сговорах — то же самое; после венчания бывает «красный стол» у жениха, а на другой день все идут к невесте и пируют за ее столом на так называемых «отозвинах». Конечно, жениховский красный стол бывает с большим возлиянием Бахусу и обильнее, чем «отозвины», но все-таки расходы жениха и невесты по пиршествам более или менее уравновешиваются. В прежнее, еще недавнее время, говорят, у жениха устраивалось по 2 и по 3 красных стола, т. е. пировали два или три дня подряд, но теперь этот обычай вывелся.

408. О расходах по пиршествам покладки, конечно, не производится: они установлены обычаем; остается положиться и выговорить приданое и дары от невесты. От невесты среднего достатка требуется: несколько платьев ситцевых, два шерстяных, шерстяная шаль и полушалок (на голову), дипломат на вате, дипломат зимний на барашковом меху, носильное пальто, два полушубка — один новый, другой поношенный, две пары валеных и две пары кожаных сапог — новые и поношенные, ботинки, калоши резиновые, зонтик, ситцевые головные платки и передники. С невест побогаче выговаривают кроме того шелковые платья, шубку на лисьем меху, шелковые косынки и головные платки. Некоторым невестам родители покупают также часы с цепочкою и недорогой браслет от 3 до 5 руб.
Родители жениха выговаривают дары. Я упомянул уже раньше, что очень часто невеста при первом сватовстве совершенно не знает своего жениха, видит его в первый раз и дает свое согласие на замужество по первому впечатлению или по уговору своих родных. Бывали случаи, что после Богомоления и пропоев невеста отказывается от своего обещания. Тогда родные жениха иногда взыскивают с родителей невесты судом деньги за понесенные убытки. Волостной суд присуждает в их пользу какую-нибудь ничтожную сумму. Так в одном случае было взыскано 1 руб. 75 коп., хотя пропои обошлись жениху не менее 7 руб., т. к. одной водки

покупается обыкновенно полведра. Вероятно, суд принял во внимание, что и невеста со своей стороны тоже несла траты.

Бывают случаи, что в каком-нибудь доме есть только дочери — одна или несколько, а сыновей нет. В таком случае родители подыскивают одной из дочерей такого жениха, который после свадьбы остается жить в их доме на правах как бы сына. Это называется по-здешнему «принять в дом». «В дом идут» или сироты, у которых нет своего дома, или один из братьев из большой семьи, где их много.

Женихи, вошедшие в чужой дом, находятся в большой зависимости от родителей невесты и часто между ними бывают нелады. Такие зятья обыкновенно требуют от своего тестя, чтобы он при жизни подписал им полдома, оформив это дело в волостном правлении.

В заключение считаю нужным упомянуть о том отсутствии самолюбия, конечно, с нашей точки зрения, и о легкомысленности, которые так ярко проявляются при сватовстве. Если жених получает отказ от одной невесты, он в тот же день или на другой идет свататься ко второй невесте; в случае отказа — идет к третьей и так далее, пока поиски не увенчаются успехом. Раз родители задумали женить сына в данный мясоед, они непременно это выполнят. Многочисленные отказы невест считаются ни во что и, по-видимому, нисколько не влияют на самолюбие жениха. Точно так же и невеста не обижается, если жених только что сватался к трем, а она по счету уже четвертая. Горячего времени для свадеб у нас всего только месяц с небольшим (с 6 января по 15 февраля) — поневоле приходится торопиться и отложить в сторону всякое самолюбие.

Пронесется иногда слух (как это бывало неоднократно), что в таком-то приходе, верст за 50, такая-то девица прижила ребенка и что родители ее, желая сбыть ее с рук, ищут жениха, а в приданое дают 100 руб. денег и жеребенка. Находятся легкомысленные маменьки и не менее легкомысленные сынки, конечно, бедные, которые верят этому, летят за 50 верст отыскивать эту находку, чтобы поправить свои дела. Окажется, что слух был вздорный.

Осмотр дома жениха и вечеринки у невесты.

409. Во время первого сватовства и чаепития у невесты родители жениха и невесты, кроме разных покладок относительно приданого и выводного, условливаются между собой о времени осмотра жениховского дома. Обычай осматривать дом жениха соблюдается строго, хотя бы этот дом был известен, как свои пять пальцев. Если этот дом в своей деревне, то и то нельзя его не осмотреть: во-первых, потому, что осматривают, есть ли в клетях хлеб — будет ли чем, как выражаются, кормить молодую, а во-вторых, нельзя же упустить случай лишний раз попить чайку и водочки с будущей родней.

Относительно женихов из отдаленных деревень этот обычай тем более необходим, что невестина родня иногда совсем не знает, как живет жених, какая у него стройка, какая у него родня, хороша ли внутри и снаружи изба и т. п. Осмотр надолго не откладывается — время не терпит, мясоед короток, если делать дело, так надо спешить. Едут обыкновенно человека 3—4 ближайшей родни на второй или третий день после сватовства. При осмотре дома чаи и выпивка неизбежны. Иногда бывает, что дом не понравится и дело расклеивается. Бывают также, как много рассказывали, случаи обманов при осмотре домов. Конечно, обманы эти редки и притом довольно невинного свойства. Когда в клети мало хлеба («нечем будет кормить молодую»), заранее приносят хлеб в мешках от соседа и потом выдают за свой, говоря, что мешки приготовлены на мельницу. Если мало одежи, натаскивают от соседей чужой одежи; а раз в соседней деревне был довольно комический случай: в одной семье, которая состояла кроме отца и матери из 6 братьев, нарочно не показали двух братьев. Во время осмотра дома их отослали к соседям, т. к. невесты неохотно идут в семью, где много братьев. После венчанья невестина родня была немало удивлена, увидев добавочных двух братьев. На вопрос, почему их раньше не показали, был ответ: «Зачем же вам все показывать».

Во время осмотра дома, если дело пошло на лад, назначают и время пропоев невесты; они обыкновенно бывают через день или через два после осмотра. В этот промежуток с той и другой стороны идут приготовления, а у невесты бывают одна или две вечеринки, на которые приезжает жених, а девушки собираются и поют им песни.

Опишу пропои, которые реже известны под именем заручин или Богомоления, т. к. они происходили недавно в нашей деревне в семье среднего достатка.

Пропои и заручины

Немного спустя после полудня на трех подводах подкатил жених с отцом, матерью, с тою свахою, с которой приезжал свататься, двумя дядями и двумя двоюродными братьями — всего 8 человек. Дяди и братья в этом случае называются жениховыми сватьями. Привезли они полведра водки и разных кушаньев, чтобы угощать невестину родню. Со стороны невесты собрались отец, мачеха, сестра, крестный отец, дяди, тетки и прочая родня, так что за жениховым столом сидело 11 человек.

После взаимных приветствий прежде всего устроили Богомоление. Невестин крестный отец и женихов батька прочитали вслух «Достойно есть» (иногда читают «Царю небесный»). Жених с невестой поцеловались и происходили взаимные поздравления с «нареченными». По заведенному обычаю, во все время столов — до самого окончания пиршества — пред образами горит лампада и восковая свеча.

После этого начинается женихов стол. На первом месте под образами, на коротком конце стола, в углу усаживается отец невесты. С правой стороны от него поместилась вся мужская родня по старшинству и степени родства, а с левой стороны — жена, сестры и т. д., тоже по порядку родства. Когда пироги нарезаны и подана водка, поднимаются и читают «Отче наш». Угощением занялись жениховы сватья и свахи.

Жених и невеста садятся отдельно, за особым столом, за перегородкой. Их угощала невестина сестра. Жених и невеста никогда не сидят за жениховым столом.

Кроме водки угощение состояло из многочисленных, как здесь называют, пирожных, т. е. изделий из белой муки. Тут была кулебяка с рыбой и с луком, круглый пирог с рисом и яйцами, папошник с сахарным песком, который подавался на отдельных блюдечках, жареная говядина с огурцами, конфеты с «закусками» — так называются здесь маленькие пряники. Чая за жениховым столом не было.

После стола обносили водкой стоящих в избе зрителей, конечно, мужчин, кто бы они ни были. Приходилось стаканчика по 2 и по 3. С нашей точки зрения, стоять в кути и дожидаться поднесения стаканчиков не особенно прилично, но в деревне свои обычаи и порядки: многие этого случая дожидаются и стараются его не упустить. Однако более зажиточные и с большим самолюбием мужички от этой чести уклоняются.

После перерыва начался невестин стол. Под образами на коротком конце стола поместился батька жениха, а рядом с ним, по левую руку, матка, с нею рядом, по длинному концу стола, около стены — жених, невеста, двоюродная сестра невесты и сваха или «сваха-сводница», как ее называют в шутку. Места на лавке, в подокошечке, считаются почетными, а на приставной скамейке — менее почетными. С правой стороны от батьки поместились его братья и племянники. Вообще принято, что мужчины садятся с правой стороны от главы семейства, а женщины с левой. Обычай помолиться или покреститься перед едой никогда не забывают.

Угощение началось с чая, при котором неизменно подается водка и закуска. Невестин стол в общем очень похож на женихов стол: подавались главным образом опять «пирожные», кулебяка с рисом и яйцами, круглый пирог с изюмом, «наряженый» розанами, каравайцы с сахарным песком на особых блюдечках. Затем говядина с огурцами, картофель, залитый яйцами, и десерт.

Жених и невеста, которые были накормлены уже раньше за перегородкой, пили только чай. Жених получил от невесты за столом в дар полотенце.

Пиршество началось. Стали обносить водкой, а девушки-подруженьки начали петь невесте «измену». Этою песнею они «жалобят и слезят» нареченную. Песенка эта неизменно поется только на пропоях и потом ни на вечеринках, ни на сговорах не поется. Вот она:

Ты измена, изменушка!
Ты подружка-«изменьщица»!
Ты подружка-изменьщица,
(Что Елена Сергеевна); —
Изменила подруженек —
Своих милых голубушек,
Своих милых голубушек.
Как ты кстилася, божилася:

«Право, право, не пойду замуж,
Не пойду я, не подумаю.
Не пойду я, не подумаю,
Никого я не послушаюсь,
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатого,
Ни за купчика богатого».
Что пошла наша голубушка
За того сына крестьянского —
За Михайла Сергеича.

От этой песни невеста не на шутку расплакалась. Крупные слезы полились у нее из очей. Иногда бывает, что невеста плачет только для виду: уткнется в платок да и хнычет, но чаще, как в настоящем случае, слезы неподдельные. Чтоб утешить подружку, девушки запели ей самую залихватскую и веселую песенку, под которую сплошь и рядом пляшут:

Что печально сидишь,
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Дева миленькая!
Не тоскуй, не горюй,
Душа хорошенькая!
Из печальных очей
Слез горючих не лей.
— Мне не надо «тоска»
И не нужна печаль.
Не на смерть я иду —
Не схоронишь меня.
На полгода всего
С ним расстаться должна.
Мучит душу мою
Распечальный убор.
— Для чего же в него
Нарядила себя?
Уберите, приберите
Свой наряд голубой
И на плечики наденьте
Шарфик свой расписной —
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря.
Нынче мальчик — не дурак:
В десять лет все знает,
Пьет вино, курит табак,
В карточки играет.

У простого народа, как у детей, переходы от слез к смеху и от смеха к слезам бывают быстры. Веселая песенка скоро утешила невесту, а тут начали говорить еще неизменное «горько», пришлось пить и целоваться с женихом, так что грустное настроение исчезло, как дымок. Чтоб окончательно утешить невесту, девушки запели нареченным «Яблочек»:

Что не яблочек по терему катался —
Дорогой жемчуг по блюду рассыпался,

Что Михайло жениться собирался,
Сын Иваныч соряжался.
Хорошо его маминька сбирала,
Словесами родимая наказала,..
и т. д.

(смотри песню № 11 б. в приложениях к I главе)[так в рукописи].

Величание невесты, т. е. ее имя и отчество в этой песне и при этом случае вставляется обязательно.

По окончании песни жених с невестой поднялись с места и поцеловались, а девушки заработали от жениха целый двугривенный.

Жениховы сватья, еще молодые (его двоюродные братья), из коих один был уже заручен, сказали девушкам: «Не мешало бы и нам спеть по песенке». Девушки только того и ждали: каждому из них спели «Розана».

«Розан» поется в беседах как песня ходовая (смотри № 2 приложения)[так в рукописи], но там и слова, и мотив другие, — остается только тот же припев. Здесь эта песня — застольная, поется она вот так:

Кто-то у нас умен,
Кто очень разумен?
Припев: Розан мой алый, виноград зеленый
Что (Василий) умен,
Сын (Сергеич) разумен:
Припев…
По горенке ходит,
Кудерки наводит.
Припев…
В зеркало глядится,
Сам себе дивится:
Припев…
Экой я хороший,
Молодец пригожий.
Припев…
По дворику ходит —
Он коня имает.
Припев…
Он коня имает,
Конь-от с ним играет.
Припев…
Он коня седлает —
Конь-от приседает.
Припев…
На коня садится —
Конь под ним бодрится.
Припев…
Шелковой плеткой машет,
Конь-от под ним пляшет.
Припев…
Дорожкой он едет —
Все дорожки стонут.
Припев…
К лесу подъезжает —
Лес-от к земле приклоняет.
Припев…

К лужкам подъезжает —
В лужках зеленеет.
Припев...
В лужках зеленеет,
Цветики алеют.
Припев...
К саду подъезжает —
В саде пташки распевают.
Припев...
В саде пташки распевают,
Красны девицы гуляют.
Припев...
Улицей он идет —
Все-то люди хвалят.
Припев...
Чей это идет,
Чей это гуляет?
Припев...
Что (Василий) идет,
Сын (Сергеевич) гуляет.
Припев...
К дому подъезжает, —
Его (Машенька) встречает.
Припев...
(«Миколаевна») встречает —
За белы руки примает.
Припев...
За белы руки примает,
За собраный стол сажает.
Припев...
За собраный стол сажает —
Стакан рому наливает.
Припев...
Стакан рому наливает,
Что Василья угощает.
Припев...
Не пью ведь я «хмельнова»
Вина «зеленова».

За «Розана» девушки заработали с обоих молодцев сватов еще 35 коп., так что весь их заработок на семерых выразился цифрою 55 коп. На пропоях за столом принято петь одному жениху и невесте и если бы другие сами не попросили, то девушки им не стали бы петь песен.

«Розана» на пропоях женихи не поют, т. к. по этой песне не целуются; поют непременно «Яблочек», чтобы жених с невестой поцеловались. Зато «Розан» поется непременно на сговорах, вечеринках, за красным столом и на отозвинах, составляя вместе с ходовою песней «Любитель» главные свадебные песни. К такому же разряду песен относится и «Яблочек».

Все гости встали из-за стола порядочно навеселе; конечно, жених с невестою в счет не идут. Девушки тотчас же запели жениху и невесте ходовую песню «Любитель», по которой они парочкой ходили по полу и целовались бесчисленное число раз в тех местах песни, где она указывает. А вот и сама песенка, поется она нечасто:

Любитель

Ты любитель, любитель, мальчик мой,
Что (Сергей-ет Васильич) дорогой!
Не споведаешь любови никакой:
Какова любовь на свете рождена —
Все горючими слезами улита.
Вечор девицу хвалили за тебя,
За тебя — за удалого молодца.
Против девицы красного окна
Пролегала путь-дороженька торна.
Знаю, знаю, кто дорожку проторил —
Холостой парень ко девице ходил.
Он не так ходил — гостинчики носил;
Без расчету золотой казной дарил,
Без размеру сладкой водкой угощал —
Тут он девицу три раза целовал.

(жених и невеста целуются три раза и продолжают ходить по полу)

Не мила мне сладка груша во саду —
Я однажды с милым вижуся в году,
Я в году-таки, в годешеньке.
Пройду с миленьким тихошенько,
Поцелуюся милешенько.

(опять целуются и продолжают ходить)

Я не знаю, к чему дружка применить, —
Красоту в лице на свете оценить:
Лицо белое — беленький снежок,
Щечки алые — лазоревый цветок,
Со личика мил, на барина похож
Со походочки — малешенько.
Пройду с миленьким тихошенько,
Поцелуюся милешенько.

(опять целуются)

Все молодчики молоденькие,
Сюртучки на всех коротенькие.
Стой, молодчик, не обманывай меня —
Я немножко подогадливей тебя,
Я немножко-малешенько,
Пройду с миленьким тихошенько,
Поцелуюся милешенько.

(опять целуются)

Я по ельничку рыжички брала,
По березничку березовы грибки.
Я брала, брала — аукалася,
Никто в лесе не откликнется,
Никто в темном не аукнется —
Откликались пастушки — наши дружки,
Государевы работнички,
Дружка милого «помощнички».
Выходила на зелененький лужок,
Целовал меня миленький дружок.

(опять поцелуй)

Чем мне, младе, огороды городить,
Лучше с миленьким по садику ходить —
По зеленому разгуливаться,
С добрым молодцем аукаться:
Ты ау, ау, миленький дружок,
Ты подай-ка свой нежный голосок
Через темненький зелененький лесок.
Ты прощай-ка, мой миленький дружок!

Молодые жениховы сватья попросили девушек спеть и «Любителя», что, конечно, было исполнено с большим удовольствием. Молодцы, будучи уже порядочно навеселе, расхаживали по полу, выбирали и целовали девушек.

В довершение веселья два молодых маляра — один петербургский, другой — московский лихо проплясали русскую пляску и привели в полный восторг всех присутствующих. Оживление возросло до последней степени благодаря тому, что чарочка не забывала делать свое дело.

Отец нареченной стоял у притолоки и в конце концов только поматывал своей взъерошенной головой. После этой встряски ему пришлось целые сутки высыпаться.

Веселье продолжалось часов до 10 вечера, затем гости стали шумно разъезжаться и расходиться по домам.

Сговоры

Между пропоями и сговором проходит, обыкновенно, около недели времени. О времени сговора покладываются большею частью на пропоях. Затем следуют неизбежные поездки в город за покупкой водки, белой муки и прочей провизии. Неделька времени проходит незаметно.

В доме жениха и невесты идут усиленные приготовления «к столам», а невеста должна, кроме того, к этому времени изготовить подарок жениху; жених же приготовляет подарок невесте — обыкновенно покупает на платье.

На сговорах так же, как и на пропоях, бывает два стола: сначала женихов, потом — невестин. Оба стола, конечно, бывают в доме невесты. Жених приезжает иногда на 8 и на 10 подводах. На одной из них везут сундуки с пирогами, жарким и разными яствами, заранее приготовленными в доме жениха. Водка, конечно, не забыта.

Сговоры справляются гораздо торжественнее, чем пропои: гостей бывает больше, кушаний настряпывается также больше и водкой угощают еще обильнее. В богатых семьях покупают к этому торжеству не только телят, но даже гусей, индеек и поросят-сосунцов. Кроме водки покупают и вина для женщин — преимущественно красное церковное вино, стоимость которого здесь не превышает 10 руб. за ведро.

Иногда на сговоры приглашают священника в качестве почетного гостя и для благословения трапезы. Обряд сговоров во многом напоминает пропои: такой же порядок столов, так же рассаживаются по степеням родства, оставляя, конечно, почетные места крестным отцам и крестным матерям, так же и те же читают молитвы, так же теплится лампада и восковая свеча пред святыми иконами.

Главная разница состоит в том, что обрядовые песни поют уже другие и поют их во время столов не только жениху и невесте, но и каждому сидящему за столом по очереди. Каждый, кому спета песня, обязан дать девушкам в подарок сколько-нибудь денег.

Жених и невеста так же, как и на пропоях, во время женихова стола сидят за перегородкой и угощаются особо от других. Потом они выходят и садятся за невестин стол. Впрочем, в последнее время влияние городских обычаев отразилось и на деревне: на богатых свадьбах и в подгородных деревнях жениха и невесту сажают вместе за общими столами как на пропоях, так и на сговорах.

Выбор застольных песен зависит от того, кому они поются: пожилому или молодому, холостому или женатому, молодухе замужней или вдове. Жениху и невесте, конечно, поют особые песни, для них только и положенные.

Песни поются за обоими столами. Если сидит муж с женою, то им поется одна песня, в которой величают как мужа, так и жену, вместе.

Когда жених с невестой помолятся Богу, обменяются дарами и после этого поцелуются, девушки запоют им:

Сговорились, сосватались,
По рукам сватья ударились
Через столики дубовые,
Через скатерти браные,
(когда ткут скатерти или полотенца, то набирают на стану узоры трепалом)
Через ества (яства) сахарные.
Они Богу помолилися,
Добрым людям поклонилися;
Одного дитя утешили,
А другого-то «расхвилили» (т. е. расстроили).

В это время невеста плачет, а с нею обыкновенно начинают плакать и ее родственницы, сидящие за столом. Песня продолжается:
Что у тябла-то свечка стоит,
Что стоит она теплится,
Что не то ли наш жених молодой,
Что (Михайло Сергеевич) —
Точно розан на ветках цветет,
Что не то ли невеста его,
Что (Марина Матвеевна) —
Точно травинка зелененькая.
Она в городе родилася,
В пансионе училася,
Что в деревню замуж пошла —
За крестьянского молодчика,
За (Михайла Сергеича).

Иногда невесту жалобят и слезят еще следующей песенкой, которая называется «Красота»:
Красота ли моя, красота,
Красота красной девицы,
Что (Марины Матвеевны).
— Мне куда свою красоту,
Мне куда свою девичью,
Мне куда ее девать будет?
Отнесу я свою красоту,
Отнесу я свою девичью
Во чисто поле на травинку —
На лазоревый цветичек.
Отойду я да послушаю:
Что не стонет ли русая коса,
Не тоскует ли девья красота.
Что тоскует она, мечется,
На белые ручки просится.
Что возьму я свою красоту,
Что возьму я свою девичью
Во свои-то ручки белые,
Во перстения злаченые;
Что отдам я свою красоту,
Что отдам я свою девичью
Я подружке голубушке:

Ты подружка голубушка,
Ты носи-ка мою красоту,
Ты носи ее, не скидывай,
Ты люби меня, не забывай.

Если у невесты нет матери, то ей поют не «Красоту», а другую горемычную песню, как недавно это было у нас в Ильинском:

У речки было, у реченьки,
У реки было у быстрыя —
Много наносу нанесло:
Много «хрушкого» и мелкого,
Много древа кипарисова;
У Марины много горюшка,
У Матвеевны заботушки:
Нет родительницы матушки,
Что добре бы ее надобе,
Что на эту пору времечко,
Что на эвтот бы на горький час —
Любоваться над милым детьми,
Угощать бы дорогих гостей.

Утешают жениха и невесту «Розаном». Песня эта приведена ранее в описании пропоев.
Отцу невесты или жениха с их женами обыкновенно поют такую песню:

Как на круге, на круге — на золоте
Лежали тут кудри (Матвеевы),
Лежали тут русые (Иваныча).
Кому его кудри расчесывати,
Кому его русые разглаживати?
— Расчесывать его кудри (Александре) душе,
Разглаживать русые (Романовне).

Пожилым сватам, которые сидят без жен, поют обыкновенно такую песню:

Что (Ераст-от) жил за морями — за морями,
Сын (Михайлович) за синими — за синими.
Возил денежки кораблями — кораблями;
Он жене завел лисью шубу — лисью шубу;
Сыновьям завел по тулупу — по тулупу;
Дочерям завел по солопу — по солопу;
Уж как нам, девицам, по полтине — по полтине.

Жены-молодухи, у которых мужья живут на чужой сторонке в Питере, просят обыкновенно девиц спеть им «Как по горнице — горнице», чтобы возвеличать их вместе с отсутствующими мужьями. «Если нам этой песенки не споете, — говорят они, — так и денег вам не дадим». Девушки начинают:

Как по горнице — горнице,
Как по светлою светлице,
Тут ходила и гуляла
Молодая боярыня
(Парасковья Матвеевна).
Похожу я по горнице,
Посмотрю я в окошечко:

Что светел ли светлый месяц,
Что весел ли мой милый друг,
Что (Василий Иванович).
Он сидит во «честном» пиру,
Он сидит проклажается,
С молодой женой забавляется:
У меня, говорит, женка — барыня —
(Парасковья Матвеевна).

Молодым женщинам без мужей или молодым вдовам поют такую песню:

Уж ты свахонька молодая,
Точно ягодка налитая,
(Парасковьюшка) хорошая,
(Михайловна) пригожая!
Хорошо тебя мать снарядила,
Умом разумом наделила
И нарядную нарядила,
И на «сваребку» отпустила,
И полтину в плат завязала,
И наказ тебе наказала:
Красных девушек дарить приказала.

Свахам без мужей, которые постарше, поют такую песню:

Дорогая гостья свахонька,
(Что Лукерья Степановна),
Она сидит в подокошечке —
Во почетном во местечке.
Что умным она умнешенька,
Нарядным наряднешенька:
В атлас, во бархат.
Поклоняется низешенько,
Что на все четыре стороны.

Молодым парням — подросткам лет по 15 — поют такую песенку:

(Иванушка) по горенке похаживает,
Сын (Васильевич) по новенькой погуливает;
Он ручки в кармашках понашивает,
Он сапог об сапог поколачивает,
Он рубликом, полтинничком побрякивает:
Уж как есть чем пожить,
Есть — девице подарить.
Что девицы-то — певицы —
Люди надобные.
У нас немножко девиц:
Только сорок девиц, —
Пятьдесят молодиц.

После столов начинаются танцы, обыкновенно под гармонию, которая называется здесь «тальянкой» (тальянкой называется, собственно говоря, венская гармония). Когда гармонист устанет или его нет, танцуют и по песням. Веселье продолжается очень долго, иногда всю ночь.

Девиц, хотя бы они были самая близкая родня жениха и невесты, например, сестры, ни под каким видом на пропоях, на сговорах и на свадьбах за стол не сажают. Будь девица хоть 25 лет, за ней существует пренебрежительная кличка «однокосок», и эти «однокоски» считаются как бы недостойными сидеть вместе с остальными за столом в таких торжественных случаях. Их дело — составлять хор: петь застольные песни и получать с каждой спетой песни трешники, пятаки и гривенники.

Счастливые братья этих «однокосок», будь они даже 10 лет, сидят с большими за столом и пользуются одинаковыми с ними правами в смысле угощения.

Про девок говорят: «Эти налопаются и на ходу, пока режут пироги». Девиц-сверстниц невесты кормят у невесты особо, на другой день после сговора, ставят неизбежный самовар, подогревают вчерашнее жаркое и подают «пирожные». Жених оставляет невесте для этого случая особый сладкий пирог и бутылочку сладкого винца — пусть угощает подруженек.

Вечеринки у невесты

Между сговорами и свадьбой у невесты бывает несколько вечеринок. Жених приезжает иногда один, иногда с девушками из своей деревни и привозит с собой гостинцев — сластей. Местные девушки также собираются на вечеринки петь песни. Поют иногда горемычные песни невесте и непременно «Любителя» (смотри «Пропои»), по которому жених с невестой ходят по полу и целуются. За песни жених дарит девушкам деньги. Кроме того, на вечеринках жених с невестой, а также собравшиеся девушки и парни играют в карты, преимущественно так называемые «поцелуи» и «секреты». В поцелуи играют так: садятся в круг за стол — жених с невестой рядом — на столе лежит колода карт; каждый снимает карту по очереди и подает соседу: если будут «вина» (пики), надо ударить в спину; если черви, то делается «рукотрясение»; если кресті (трефы), надо кланяться; если бубы (бубны) — целуются в губы. Секреты — игра в две колоды. Одна раздается по рукам, а с другой снимают поочередно карту; у кого такая карта найдется, тот обязан выполнить заранее задуманный секрет. Игра эта сама по себе не представляет интереса, но для участвующих в ней интерес в том, что приходится часто целоваться.

На вечеринках жениха и приехавших с ним гостей угощают чаем, своих же девиц и молодцев не угощают.

В подгородных деревнях на вечеринках у невесты теперь по песням не ходят: все время танцуют кадриль, иногда и польку, а в антрактах подают угощение — десерт.

Сговоренки сидят обыкновенно дома, мало показываются в люди. Они заняты шитьем, приготовлением приданого и даров и вообще приготовлением к свадьбе. В беседу девица перестает ходить со дня своих «пропоев», а то, пожалуй, какой-нибудь молодец по незнанию выберет ее по песне да и поцелует. Это будет уж очень нехорошо, т. к. девица пропита другому.

Отвоз перины, баня и девичник

Или в день девичника, или накануне его девушки подруги отвозят невестину перину к жениху в дом. Там они стелят невесте постель, а поверх одеяла обыкновенно кладут чепчик и белую ночную кофточку — неизбежные атрибуты брачного ложа.

Иногда с девушками ездят и женщины, но это бывает редко. В кучера же берут какого-нибудь молодого парня из родных невесты.

Жених угощает девушек за хлопоты, поит их чаем, а иногда дарит полтинник денег.

Вместе с периной привозят и все приданое невесты: сундук с платьями и бельем, а у богатых невест бывают даже и самовары, и мебель — комод, стулья и стол, но это редко.

В деревнях стараются из тщеславия брать побольше лошадей для перевозки перины и прочего, чтобы казалось для людей побольше приданого. «Вот, — говорят, — у такой-то повезли перину на пяти лошадях, а у такой-то — на двух».

Бывают очень бедные невесты, у которых нет и перины, нет и порядочного полотенца, чтобы подарить жениху за красным столом. Тогда прибегают к хитрости: выпрашивают перину у соседей и везут под видом своей. Несколько времени спустя после свадьбы, перина идет потихоньку обратно, а молодой муж заводит уже перину от себя. Такой случай был недавно у нас в Ильинском.

Такие же проделки устраиваются иногда с дипломатами и другим добром, но от этого случаются

и неприятности: родители жениха не хотят потом отдавать назад, что к ним попало в руки — «не обманывайте, дескать, — мы брали это за невестой и знать не хотим, что это — чужое». Дело доходит до волостного суда. Повторяю — случаи эти нечасты, но бывают.

Накануне свадьбы перед девичником невеста идет в баню, чаще всего со своими подружками. В некоторых местностях (например, я знаю, в Стайновском приходе, в приходе Введения Каликино Чухломского у.) в то время, как невеста моется в бане, около бани, а иногда на крыше ее невестины подруги ставят разукрашенную ленточками и цветными лоскуточками елку вышиною около полутора аршин. Елка разукрашенная служит аллегорическим изображением «девичьей красоты».

После бани, к сумеркам, подъезжает на девичник жених с кем-нибудь из своих родных помоложе. Девушки — подруги собираются к невесте в дом, где их угощают чаем, закусками и разными сластями: семечками, орешками и конфетками. В карты не играют и песен в это время не поют, тем более, что девичники большею частью бывают в субботу, т. к. венчание назначают почти всегда в воскресенье. Это самый удобный день: под среду и под пятницу венчать нельзя, а среда и пятница — дни постные, что неудобно для «красного стола». Часов в 9—10 вечера жених уезжает домой, а девушки, по принятому обычаю, остаются у невесты ночевать, чтобы провести с нею неразлучно эту последнюю ее девическую ночь.

Вообще девичник обозначает прощание невесты со своими подругами.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 590. Л. 1—7

Дополнительные сведения к 409 пункту

409. В предыдущих очерках, касающихся слияния полов и брака, я упоминал о следующих суевериях и обычаях, которые приняты для избежания порчи невесты:

1) Молодую усаживают для поездки в церковь в сани во дворе (скотном), а не на улице; точно так же после венца привозят в дом жениха через двор, а не с улицы; это делается во избежание сглазу.

2) При прохождении через пороги, а также при проезде через ворота жених и невеста непременно крестятся.

3) Кто раньше ступит на подножие при венчании, тот будет главенствовать в доме.

Кроме всего этого, меня заинтересовало всего более то суеверное и особо важное значение, которое придается на свадьбах дружке. Это не только «друженька веселый, друженька пригожий», о котором поется в песне и который должен позабавить и повеселить гостей, — это, вместе с тем, своего рода, рыцарь, доверенный жениха, которому поручено достать невесту из-под семи замков и из-под семи печатей при помощи тех особых знаний, которые заключаются в приговорах дружки.

Достать невесту нужно так, чтобы ничей посторонний глаз не мог ее испортить и сделать ее кликушей. В старинные годы часто портили невест, даже царских (кажется, у Алексея Михайловича), бывали случаи похищения невест до венца и после венца, о чем упоминается в старинных хрониках. Во времена произвола крепостного права все было возможно. Легенда о похищении волшебником Черномором Людмилы прямо с княжеского пира и повесть о купце Калашникове и опричнике Кирибеевиче суть отражение действительности из нашей седой старины.

Я думаю, что дружка в былые годы имел еще более важное значение, чем теперь в смысле охраны невесты и, если бы у меня под руками были подходящие источники, я непременно бы исследовал, с каких времен взялся дружка, какая роль его была в старину и какая связь осталась между прежним и нынешним дружкой.

Теперь же я перейду к рассказу о значении дружки и его наговоров в том виде, в котором мне изобразил это сам дружка — молодой отставной бравый фельдфебель из д. Василева Каликинской вол. Чухломского у. речистый Павел Лапшин. Вот его подлинная запись:

«Для назначенного дня свадьбы родители стараются найти дружку, который бы мог это дело исправить да чтобы и был деловой: как говорится, чтобы кой-что знал, а не ухо от лоханки. Главное — как бы новобрачных кто по злобе не испортил и не сделал бы кликушами.

Вот нашли нужного человека и упросили съездить за невестой (ее же после венчания называют княгиней). В назначенный час приезжает дружка в дом жениха, его угощают, смотря по силам, водочкой, а угостившись, дружка уже садится сам на скамейку и наливает на поднос две рюмки водки. На той же скамейке рядом с ним сидит поддружье из мальчиков лет 15. Начинает дружка говорить:

Благослови меня, Господи,
Доброго молодца — удалую голову.
Встаю я, друженька,
На свои резвы ножки,
На кожаные сапожки,
На высокие каблучки
И на медные шпилечки.
Поворачиваюсь на правую сторону,
На пол вступлю
И молитву сотворю:
Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас.
Сватушка батюшка
Алексанро Андреевич,
Свахонька матушка
Марфа Ивановна!
Перейдите — переступите
По своей светлой светлице,
По новой по горнице,
По полу по тесовому
Ко столику ко дубовому
Ко мне, друженьке веселому.

Сват и сваха подходят, дружка предлагает им взять налитые на подносе рюмки. Те берут. Дружка говорит: «О чем вы меня просите, я постараюсь это все исполнить». Тогда ему подают для одевания невесты неважный полушубишко, новые лапти и портянки, все это связывают веревками от тех же лаптей и снова просят дружку похлопотать, и с Богом отправляют в путь за невестой, вместе с поддружьем.
Приезжают к невестиному дому, прямо к воротам двора и вылезают из саней. Тогда дружка говорит:

Ехали далеко,
Да приехали хорошо,
Ехали — попоехали,
Да к сватневым воротам
И приехали.
У свата смотрю:
Ворота дубовые,
Вереи точеные,
Кольца золоченые,
Запоры крепкие,
Да приехали дружки-то меткие.
Отворяй, сват, ворота!

(Стучит.)
Один из мужчин отвечает со двора, по предварительному уговору:

— Наша невеста по саду гуляла
Да ключ потеряла.
Дружка отвечает:
— Наш жених шел
Да ключ-то и нашел.
Сват отвечает:
— Полезай в шшель (щель).

Дружка говорит:

— Отворяй ворота вширь!

(отворяют ворота).

Дружка продолжает:

— Ворота тесовы отворилися,
Вереи дубовы расшатилися,
Въезжает конь мохнатый
На двор богатый.

(въезжает во двор и затем расчищает дорожку к лесенке, ведущей на мост, так чтобы не было никаких препятствий, для этого он раскидывает ногой лишнюю соломку и замерзшие навозные грудки). Всякое препятствие считается вредным для дела. Тем временем наговоры продолжаются:

— А я, дружка, по двору хожу,
По широкому брожу,
Грудки распинаю,
Соломку расчиниваю,

(некоторые шутники-дружки добавляют: «Я за грудочку запнулся, / Бородой в г... о воткнулся»).

Местечко высматриваю:
Где бы мне коня поставить.
Вот я круто накруто поворотил,
Его не привязал,
А словечко наказал:
«Стой, мой конь, не шатайся,
Никому в руки не давайся —
Меня, дружку, дожидайся.
У нашего свата,
Не как у простого мужика:
Сена — по колено,
Овса — по щетки,
Соломы — по глотку.
Нет ничего — так постоим:
На хозяйскую повить поглядим.

(Дружка подходит к лесенке)

— Вот я двориком прошел,
Часту лесенку нашел.
Эта лесенка в чужом лесу рублена:
Топорики рубили,
Скобелочки скоблили,
Белы ручки делали,
Резвы ножки бегали.
Вот я лесенку прошел, —
На широкий мост взошел.

(мостом называются сени)

Вот я мостик прохожу,
Я и двери нахожу.
Берусь своей рукою молодецкою
За скобочку немецкую.

А без Иисусовой молитвы за скобку не берутся, без «Аминя» двери не отворяют. Говорит молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас».

Из избы отвечают: «Аминь».
Услышал «Аминь» и двери отворил.
Какие у вас пороги высокие,
А у нас ноги короткие.
Скок через порог,
Насилу ноги переволок.
А назад-то отдался,
У меня гасник порвался,
(гасник — сборки у штанов вместо хлястика)
Я штанишки подхватил,
Да к столу и подкатил.
А вы, молодушки, посторонитесь,
Чтобы мне не пошатиться,
Да у вас за что не схватиться.
Дайте мне знать,
Как свата со свахой назвать.
(ему называют имена)
— Сватушка братушка Иван Иваныч,
Свахонька матушка Надежда Петровна,
Какой у вас в доме начал?
(т. е. с чего начинают)
Сват отвечает: «Спас Пресвятой Богородицы».
— Спасу Пресвятой Богородицы помолимся,
Свату и свахе и всем добрым людям поклонимся: «Здравствуйте!»
Да вот в чем дело: сватушка и свахонька, клали ли вы на сегодняшний день свадьбу?

Отвечают: «Клали».
— Ждали ли вы гостей?
— Ждали.
— Варили ли горшок щей?
— Варили два.
А наши ребята-хлебаки
Придут из реки,
Выхлебают и три,
Да вот, сватушка,
Ехали мы темными лесами,
Широкими лугами,
Через быстрые реки,
Через калиновые мосты,
Ехали против солнышка,
Перегорело у нас в горлышке:
Нет ли у вас испить винца,
Не винца — пивца,
Не пивца — водицы,
Не водицы, так дайте нам
Красную девицу.
Вот вам привезли мы одеть:
(показывает привезенную одежду)
Шуба — шубарец
С сорока почти овец,

Петельки витые,
Пуговки литые,
Башмачки козловые, (лапти)
Чулочки шелковые. (портянки)

Дружка кидает все это на полати.

— Невесту соберите под венец:
Злат венец одевать,
Крест-Евангелие целовать.

Ему отвечают, что все будет готово, затем приглашают дружку и поддружье за стол и угощают.
По приезде от венца, когда все гости садятся за стол (в доме невесты), дружка наливает две рюмки водки на подносе и, сидя, начинает снова свои приговоры, не забывая, конечно, Иисусовой молитвы. Он приглашает свата и сваху подойти к нему «от печи кирпичной, от столба перемычного и т. д.», чтобы выпить, а затем от имени новобрачных князя и княгини обращается ко всем с просьбою ихнего хлеба-соли откушать, приправляя все эти просьбы разными шуточками-прибауточками, не забывая и маленьких ребят на полатях, которым бросает куски мелко нарезанного пирога.
Относительно значения дружки-говора (как его называют невесты в причитаниях) наиболее интересны следующие вопросы:
1) не составляет ли часто повторяемая Иисусова молитва заклинания против бесов?
2) что обозначает та оригинальная одежда, которую берет дружка для одевания невесты? Не было ли в древности обычая переряжать невесту во избежание похищения или просто, не посылал ли жених невесте в дар одежду?
3) что обозначает тот пароль, без которого дружке не отворяют ворота, а также и та «Иисусова молитва» с ответным «Аминем», без которых дружка не может проникнуть к невесте?
Тут, вероятно, гнездятся остатки глубокой древности и старинных суеверий.

Дополнительные сведения к пункту 410. Свадьба.
Прежде я думал, что каждая невеста причитает (где это принято) по-своему, но, оказывается, что причитания заучиваются девушками еще смолоду от взрослых, так что, когда придет время, невеста знает, как ей надо выть. Вот наиболее интересные причитания из тех, которые употребляются в Дорке Каликинской вол. Чухломского у.
Когда сговорят:

Не по терему ходила,
Не шелков пояс порвала,
Вы кипите-воскипайте,
Вы, ключи подземельные.
Ты рыдай-ко, возрыдай-ко,
Мое сердце ретивое,
Не огнем-то «разжигало» —
«Разжигало» сердечушко
Что моим горем-кручиной.

К подружкам:

Вы послушайте, послушайте, подруженьки,
Что о чем я буду просити,
Только вам буду говорити:
— Только, что, мои голубоньки,
Сидите призадумчивы,
Вы чего очужаетесь,
Вы кого опасаетесь?

Вы моих ли родителей
Или меня-то вы, молоды?
Сидите вы не по-старому,
Говорите не по-прежнему.
Вы пропойте, голубоньки,
Проголосную песенку.
Только дайте, голубоньки,
Вы моим-то родителям
Вы надсаду и жалобы.
Погляжу-то я, молода,
Я на вас молодешенька:
Ваша-то дивья красота,
Она горит-разгорается,
Ровно чистое золото;
А что моя дивья красота
Что потускнела, поржавела.
Что она на «одман» ведет:
От меня улететь хочет
На сухару — на дерево.
Что сухаре-то дереву —
Не бывать ему зелену.
Только мне-то ли молоде
Не бывать в красных девушках.
Утром в день свадьбы:
Благослови-ко меня, Господи,
Дорогую меня, гостейку,
Дорогую — почтенную,
На сегодняшний белый день
Мне повыти, поплакати.
Не водой я умылася,
Не полотном я утерлася:
Умывалася я своим горючим слезам,
Я утерлась своим-то браным рукавом.
Вы пропойте-ко, батюшки,
Петухи проголосные, —
Обудите родителей.
Что моим-то родителям —
Им не спится и не лежится.
Что заснула я, молода,
На один-то минутный час.
И во сне много виделось:
Что меня-то ли молоду
По синю морю носило,
От бережка относило,
Ко другому приносило.
Что хваталась я, грабалась
За ракитовы кустички.
Кустички обломилися,
Листички оборвалися.
Что схватилась я, молода

За осоку резучую,
Что обрезало у молоды
По кисти ручки белые.
Схватилась я, молода,
За осину за горькую, —
За проклятое дерево:
За чужу дальню сторону.

Когда дружка приезжает за невестой:
— Ты послушь, братец-батюшка,
Я об чем вас буду просити,
Только вам буду говорити:
Ты возьми, братец-батюшка,
Во руки саблю вострую,
Прируби, братец-батюшка,
Все ракитовы кустички,
Завали, братец-батюшка,
Уж ты путь-то дороженьку,
Чтоб нельзя-то, желанный мой,
Не пройти, не проехати
Только дружке-то говору.
Вы послушайте, родители,
Что кормилец мой, тятенька,
Родель моя, мамонька,
Я об чем вас буду просити:
Не сдавайтесь, родители,
На его слова ласковы,
Что они да обманчивы.
Не берите, родители,
Уж вы винушка пьяного.

Последняя строчка намекает на то обстоятельство, что дружка будет наливать вино и угощать родителей невесты. По приезде от венца:
Вы послушайте, родители,
Я об чем буду просити,
Только вам буду говорити:
Почему вы признаете, —
Вы меня-то ли молоду, —
Вы меня, молодехоньку —
По лицу ли, по образу
Иль по моему громку голосу?
Извините, родители,
Не людна-то я съехала,
А людна-то приехала
Я со всем полком-поездом.
Вы послушайте, родители,
Я об чем вас буду просити:
Прокопайте, желанные,
Возле своего широка двора
Уж вы реченьку быструю,

Вы ее, бережистую.
Уж вы всех гостей пропустите, —
Одного гостя потопите —
Моего-то разлучника.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 589. Л. 1—23

[**410. Свадьба**] По принятому обычаю, который, однако, в наших подгородных местах все более и более выводится, сговорен[н]ые перед свадьбой воют, причитают и голосят. В более лесистых и глухих местах, например, по направлению к посаду Парфентьеву, обычай этот сохранился в полной своей силе. У нас хоть и воют, но не всегда.

На днях в Ильинском была свадьба, где невеста придержалась этого старинного обычая, и едва только кончился ужин в доме накануне венчания, она выла благодарность отцу с матерью за их хлеб-соль, горько всхлипывая:

— За хлеб, за соль — вам, родители!
Али я вам надоела, наскучила, —
Хлебом-солью вас обкушала, —
И ветным платьицем обносила, —
Золотой казной обдержала?
Или я вам не домовница?
Или в поле не работница?

Плохо и тревожно провела невеста эту последнюю ночь в родительском доме; много беспокойных снов, вероятно, она видела, размышляя о неизвестности будущей жизни и, прощаясь мысленно со своим родным гнездом, где каждая безделица ей дорога и с младенчества облелеяна; да и подружки ее, как потом мне признались, проплакали всю ночь, предвидя скорую разлуку.

Еще все спало в доме, как невеста проснулась и заголосила в переборке, а по-крестьянски «на середе»:

Благослови-ка меня, Господи,
Поутру рано вставаючи,
Свежей водой умываючи,
Тонким полотном утираючи!

Видя, что родители спят, невеста продолжает голосить и будить их:

Уж как спят мои родители,
Уж как спят-то, не пробудятся!
Уж как мне-то молодешеньке,
Уж как мне-то зеленешеньке —
Вся-то ноченька не спалася,
И во сне мне много виделось:
Пролетели гуси-лебеди,
Пролетели да проскрипели, —
Меня молоду раскликали.

Обращаясь затем к подруженькам, она начинает:

Уж как спят мои подруженьки,
Уж как спят-то не пробудятся,..

и т.д., повторяет то же, что и родителям.

Подружки просыпаются и идут утешать ее за переборку, но утешить не на шутку уже расплакавшуюся сверстницу им довольно трудно: она продолжает завывать, не обращая на них особенного внимания:

Вы послушайте, подруженьки, —
Что об чем я буду просити,
Что об чем буду говорити, —
Со поклонами со низкими,
С разговорами со близкими,
Со слезами со горючими:
Пойдите вы, подруженьки,
Пойдите вы, голубушки,
Что весной гулять на улицу, —
Откличите вы, подруженьки,
Вы мою сестрицу милую;
Вы — на место меня, горюхи.

Утро в день свадьбы как в жениховом, так и в невестином доме проходит быстро и незаметно, благ[о]даря кипучей хозяйственной деятельности и приготовлениям к венцу.
У жениха собираются дружка, поддружье и все поезжане, которые поедут за невестой; в невестиной деревне приготовляют подводы и принаряжаются все те, которые поедут с невестою в церковь.
Жених не всегда приезжает за невестой; т. к. у него много своих хлопот, то это дело возлагается на дружку и поддружье. К их приезду в доме невесты приготовляют какую-нибудь закуску: обыкновенно водку, кулебяку, говядину и т. п.
Еще до приезда дружки, чтобы не терять времени, у невесты расплетают косу. По принятому обычаю, эту обязанность выполняет родная сестра, а если ее нет, то двоюродная, но непременно незамужняя. При этом случае, по исстари принятому порядку, невеста не упускает случая снова повыть и поголосить, обращаясь к сестрице:

Ты послушай, сестрица милая,
Что (Наталья Андреевна),
Что об чем я буду просити,
Что об чем буду говорити,
Со поклонами со низкими,
С разговорами со близкими —
Не берись, сестрица милая,
За мою-то за русу косу:
Во моей-то во русой косе —
Два-то ножечка резучие,
Две иголочки колючие;
Ты обрежешь белы рученьки,
Обмараешь цветно платьице.

Вскоре приезжает жених с дружкой и со своими поезжанами. Чем больше в поезде будет подвод, тем почетнее это будет для невесты. По принятому обычаю, входят в дом и въезжают не с улицы, а с повити или со двора, который на этот случай устилается чистою соломой, и скот с него удаляется.
Надо заметить, что невесту провожают под венец всегда со двора или с повити, где и усаживают ее в заранее приготовленный экипаж. Точно так же после венца в дом жениха ее привозят через двор или повить, где родители жениха и благословляют новобрачных. Такой порядок принят издревле во избежание, как мне передавали, «сглазу». Дружка входит в дом со своими бесчисленными приговорами и наговорами, но мода на таких дружек — балагуров и приговорщиков — у нас теперь, благодаря влиянию города, прошла. Жених берет в дружки просто кого-нибудь из ближайшей родни. Между тем, недалеко от нас, в каких-нибудь 20 вер. по направлению к Парфентьеву, дружка — наговорщик и балясник — считается необходимою принадлежностью каждой свадьбы. В приходах: Арсеньевой слободы, Николе Каликине и Введении Каликине есть несколько знаменитых дружек, которых таскают на свадьбы верст за 15 и более.

Я не стану описывать дружку и его приговоры. Тип этот хорошо известен и ярко очерчен С. В. Максимовым в его «Лесной глуши». Его «Фомка балясник», как живой стоит перед глазами и до сих пор сохранился в названных мною местах во всей своей неприкосновенности.

Пока мы отклонились в сторону с этими необходимыми отступлениями в рассказе, невеста успела уже одеться под венец; по принятому обычаю, ее брат в присутствии дружки подал ей приготовленный чулок и башмак с правой ноги. Невеста обувается сама, брат надевает только чулок на пальцы правой ноги и при этом выслушивает новое причитание своей сестрицы:

Не берися, братец батюшка,
За мою-то за праву ногу:
Во моей-то во правой ноге —
Два-то ножечка резучие,
Две иголочки колючие.

Когда невеста совсем готова, брат выводит ее с середы (из-за перегородки) в избу. Она и тут не упустит случая немножко повыть:

Выводи-ко, братец-батюшка,
С середы да на ровный пол.

Все садятся за стол, за который сажают также жениха и невесту, — выпить и закусить перед дорогой, которая иногда тянется верст на 10 и 15, необходимо. Начинается закуска, которая бывает тем обильнее, чем богаче дом.

Скоро, очень скоро невеста из девушки сделается молодухой, а потому теперь как раз настало время сдать подругам свою девью красоту.

Сдача подругам девьей красоты

Невестины подружки заблаговременно, еще с самого утра, приготовили «девью красоту» или, вернее сказать, ее олицетворение. Они взяли хорошенькую кужлявенькую вершинку с маленькой елочки — всего четверти 3 вышиною, заострили комелек, воткнули его крепко в бутылку, а елочку нарядили и украсили шелковыми ленточками, бантиками, цветными бумажками и бусами; на вершину и по веточкам налепили маленьких восковых свечей, зажгли их и вот — девья красота готова. Остается только для устойчивости поставить бутылку в какой-нибудь изящный горшок, замаскировать ее и вынести торжественно из-за переборки в избу, когда жених с невестой и все поезжане усядутся за стол закусывать.

Девушки сребролюбивы: при всех свадебных обрядах они стараются своими песенками заработать от гостей как можно больше денег. Чтоб сватья и свахи не скупились, во всех застольных песнях девушки дают им самые недвусмысленные намеки на подарки за те похвалы и величания, которые воздаются каждому в песне.

Сдача девьей красоты — тоже прекрасный случай что-нибудь выудить из карманов поезжан за те смешные приговоры, которые так обильно будет рассыпать перед публикой та вострушка-девушка, которая умеет выходить с елкой.

Невесту-подружку ее товарки предупредили заранее, чтоб она клала на тарелку (а она кладет первая) как можно больше, т. к. эти деньги они возвратят ей потом обратно.

Соответствующий момент наступил. Дверь из-за переборки отворилась и «девья красота» с зажженными свечами торжественно начинает подвигаться вперед: от печки к столам.

Не торопясь, шаг за шагом, с продолжительными остановками подвигается девица, несущая в руках красоту, и произносит в это время свои наговоры:

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!
От печи кирпичной,
От столба перемычного
Раздайся, народ,
Расшатися, народ —
Девья красота идет.

Не сама она идет —
Красна девица несет;
По полу по тесовому,
Ко скамеечкам кленовым,
Ко скатертям браным,
(браные узоры — трепалом на ткацком станке)
Ко ествам сахарным,
К вилочкам точеным,
К ножичкам булатным, —
К вам, гостям приятным.
Не тем гостям кланяйся,
Что в кути стоят,
А тем гостям кланяйся,
Которые в подокне
И в подокошечке сидят.
Здравствуйте, сватья и свахоньки!
Дайте знать:
Как вашего нареченного звать!
(отвечают: — Михайло Сергеич)
— Михайло Сергеич!
Как вашу нареченную звать?
(отвечают: — Марина Матвеевна)
— Марина Матвеевна!
Куда прикажете красоту девать:
На стол поставить
Или в руках подержать,
Или назад отослать?
Ежели на стол поставить,
Извольте местечко разобрать
И девью красоту на стол принять.
(разбирают на столе место и ставят елку на стол)
— Михайло Сергеич!
Извольте на девью красоту глядеть
И на Марину Матвеевну:
Она жила-красовалася,
Над ней люди дивовалися,
Отец с матерью любовалися.
Как елочка зелена,
Так и Марина Матвеевна весела.
Как елочка украшена,
Так и Марина Матвеевна
Была в девушках наряжена.
Как елочка увешена,
Так и Марина Матвеевна
Была в девушках унежена.
— Сватушки, свахоньки! —
Ваша невестка — наша подружка —
Не в садике гуляла,
Не виноград ломала:
Все пряла да ткала —

Вам, дорогие сватьюшки,
Дары припасала.
Мы — подружки-голубушки
По садику гуляли,
Виноградчик ломали,
Голубушку поймали —
Крылышки ощипали:
Марине Матвеевне
К сердцу привязали,
Чтобы Марина Матвеевна
Из (Каменного) не убежала.
— У нашего сватушки
Матвея Ивановича
Есть «пол-середа» —
Кладите нам одного серебра.
У нашего сватушки
Матвея Ивановича
Есть под полом стружки, —
Дарите нам денежки кружки.
У нашего сватушки
Матвея Ивановича
Есть в доме лавочки, —
Дарите нам, красным девушкам,
На булавочки.
У нашего сватушки
Матвея Ивановича
Есть в доме полички, —
Дарите нам, красным девицам,
На рукавички.
У нашей свахоньки
Парасковьи Матвеевны
Есть ухватчики, —
Дарите нам, красным девицам,
На дипломатчики.
У нашей свахоньки
Парасковьи Матвеевны
Есть шесточки, —
Дарите нам на платочки.
У нашей свахоньки
Парасковьи Матвеевны
Есть кочережки, —
Дарите нам на сережки.
У нашей свахоньки
Парасковьи Матвеевны
Есть цветочки, —
Дарите нам, красным девушкам,
На шелковые платочки.
У нашей свахоньки
Парасковьи Матвеевны
Есть полочки, —

Дарите нам на иголочки.
У нашей свахоньки
Парасковьи Матвеевны
Есть черные тараканы, —
Дарите нам, красным девицам,
На шелковые сарафаны.
У нашего сватушки
Матвея Иваныча
Во всякой потолочинс —
По рублю заколочено.
У нашего сватушки
Матвея Иваныча
Есть в поле озимь, —
Дарите нам рублей восемь.
Не восемь, так — семь;
Не семь, так — шесть;
Не шесть, так — пять;
Не пять, так — четыре;
Не четыре, так — три;
Не три, так — два;
Не два, так — один;
Не один, так — полтину;
Не полтину, так — четвертак:
Не гасите свечи так!
Извольте по свечке гасить, —
Наших красных девушек дарить.
Сватьюшки и свахоньки,
Крупные денежки кладите, —
У тарелочек края не отшибите,
Если краешки отшибите,
Своих драгоценных коней
Со двора не сведите:
Погляжу я на полицу —
Заберу ваши шапки и рукавицы.

Первую свечку, самую верхнюю, гасит невеста и кладет девушкам на тарелку деньги; за ней подходит жених, а за ним остальные гости, каждый гасит свечку и кладет на тарелку деньги. Таким образом, смотря по числу гостей, девушки получают рубля два и больше; их делят поровну, а той девице, которая выносила елку, дают особую «свершенку» (излишек) за особое ее искусство наговаривать.

Иногда девью красоту выносят на сговорах, в особенности, когда они случаются под праздник, так что нельзя петь песен; случается и так, что и песни поют, и красоту выносят, но тогда гости протестуют: говорят девушкам, с одного, мол, барана двух шкур не дерут, и накладут им в тарелку за красоту по копейке, чтоб «не было повадно».

Иногда на отозвинах, если они случаются под праздник, вместо песен тоже выносят елку, но это считается уже неправильным, т. к. у невесты в то время девьей красоты быть не может, а остается лишь одна «бабья красота», о которой, как мы увидим ниже, девушки весьма нелестного мнения, так что сдавать ее не приходится.

Но вот красота сдана, закуска кончена, пора торопиться ехать в церковь. По русскому обычаю, все перед этим присядут на лавочки, встанут, помолятся и начинают благословение невесты. Благословляют поочередно: отец, мать и крестные родители. Благословляют хлебом-солью и иконой, к которой прилеплена свеча. Родители дают свою икону, а крестные — каждый свою. Когда невеста подходит к благословению к отцу, она воет так:

14 Заказ № 1133

Благослови, кормилец тятенька,
Что во путь-дороженьку,
Что во путь-то во широкую —
Ко суду Божию ехати
И златой венец приняти.

С такими же словами обращается она и к крестному и к крестной, начиная так: «Благослови, папаша крестный» и «Благослови, мамаша крестная».

При благословении невеста три раза крестится и кланяется в ноги, поддерживаемая с одной стороны дружкой, а с другой стороны поддружьем, которые ее и поднимают с полу.

При выходе из избы, чтобы садиться на подводу, невеста причитает: «Помолитесь, родители, об моем о святом часу». Потом обращается к подруженькам: «Помолитеся, подруженьки, об моем о святом часу».

В прежнее время, лет 15 тому назад, было принято, чтобы невесты голосили и в то время, когда едут под венец; на этот случай существовало такое жалобное причитание:

Вы прощайте-ка, поля чистые,
И лужки вы все зеленые,
И леса вы все дремучие:
Уж как в полюшке
Да не жиневать мне,
В зеленых лужках не кашивать
И в темных лесах не гуливать.
Теперь это оставлено.

В Каликинской вол. Чухломского у., которая мне хорошо известна, невесты воют все время, пока едут в церковь к венцу и обратно. Ко ржаным полям у них есть свое причитание, к яровым — свое и почти ко всему, что попадается на пути.

Иногда за женихом, а также и за невестой, по желанию их родителей, приезжает на дом священник и благословляет их крестом. Это делают люди побогаче, потому что за подъем или иначе — спуск, а также отпуск жениха или невесты (как здесь называют) приходится платить добавочный рубль.

При переходе через пороги, когда отправляются в церковь и когда приезжают от венца, как жених, так и невеста непременно крестятся, точно так же и проезжая ворота. Это старинное суеверие и старинная примета. Обязанность дружки и свахи — преподать в этом отношении жениху и невесте нужные указания.

При венчании существует примета, довольно, впрочем, распространенная, что, кто первый вступит на подножье, тот будет главенствовать в доме. От венца у нас приезжают в дом жениха, где родители, которые сами, по обыкновению, в церкви не бывают, подготовляют все нужное для красных столов.

Не дальше как в 20 вер. отсюда есть приходы: Ержи, Воскресенья Стайново, Арсеньева Слобода и многие другие по направлению к Палкину и Парфентьеву; там едут от венца, как выражаются, «в заворот», т. е. опять к невесте, а на другой день — к жениху, где невеста и остается.

У нас, попировав день или два (смотря по состоянию) у жениха, едут потом пировать к невесте, на так называемых «отозвинах».

По возвращении из церкви молодые и поезжане пьют чай и закусывают, а в это время идут приготовления к красным столам, за которые являются не только поезжане, но уже и все приглашенные, не бывшие в церкви.

Красные столы устанавливаются вдоль лавок глаголем, так что угол приходится как раз под образами. На почетных местах, в углу, усаживаются батюшка с матушкой, если они получили приглашение на свадьбу, а рядом с ними по другой стороне — новобрачные; направо и налево от этого центра рассаживаются около стен женщины в строгой постепенности родства, напротив них — мужчины.

Как только все усядутся, начинается поднесение невестиных даров, кому и сколько выговорено было родителями жениха. Священника и попадью его тоже дарят. Так, недавно на богатой свадьбе у нас в Ильинском ему было поднесено полотно на рубашку, а матушке — ситец на платье.

Когда нарежут пироги, читают «Отче наш», священник благословляет трапезу и начинаются столы; подают кулебяки, студени телячьи, свиные и говяжьи — числом до 12, суп, жареные — телятину, говядину, поросят и птицу, каравайцы с сахаром и разного рода пирожные. Водкой, а женщин — подслащенноой наливкой обносят перед каждым блюдом. Где победней, — стол бывает попроще. Новобрачные за столом не едят, они только присутствуют, попивают сладенькое винцо и целуются при словах «горько».

Девушки в это время не зевают: они успели уже составить хор и, спросив дозволения у священника, затянут свою первую песенку-величание жениху и невесте:

Что у тябла-то свечка стоит,
Что стоит она теплится,
Что не то ли наш князь молодой,
Что Михайло Сергеевич,
Точно розан на ветке цветет;
Что не то ли княгиня его,
Что Марина Матвеевна,
Точно травинка зелененькая»,..

и т. д.

Затем по чину вторая песенка полагается батюшке с матушкой. Вот она:

Что сидит-то наш батюшка,
Что (Евмений-то Федорович)
Со своей со матушкой,
Что ведь с (Ольгой Ивановной).
Они сидят в подокошечке —
Во почетном во местечке;
Что умным они умнешеньки
И нарядным-наряднешеньки;
Что у нашего-то батюшки,
У (Евмения-то Федоровича)
Золотая ряса до полу.
Священствовать вам довеку.

Если за столом сидит псаломщик, то у девушек имеется особая песенка и для него:

Что сидит-то наш гость дорогой
(Александро Владимирович),
Что головушка его умная,
Его умная разумная,
Что на эту бы головушку —
Сторублевую бы шапочку.
Что во эту бы шапочку
Коленкорову косыночку.
Что во эту бы косыночку
Завязать бы полтинничек,
Подарить бы красным девушкам.

Затем снова следует уже ранее известная песня жениху и невесте «Розан мой алый, виноград зеленый».

Когда жених подарит девушек за песню, они споют ему:

Благодарствуй, нареченный жених,
Что Михайло Сергеевич,
Со своею нареченною,
Что с Мариною Матвеевной,

На больших на подарочках:
На злате, на серебре.
Не подарки ваши дороги —
Дорога ваша честь и хвала.

Далее поют песни всем по порядку: свахам, сватьям и гостям. Песни это все те же, что и на сговорах:
1) «Как на круге, на круге, на золоте».
2) «Как по горнице — горнице».
3) «Иванушка по горенке похаживает».
4) «Дорогая гостья свахонька».
5) «Уж ты свахонька молодая, точно ягодка налитая».
6) «Что не яблочек по терему катался» (жениху).
Невесте поют опять-таки и горемычные песни. Девушки не хотят, чтобы она так скоро забыла свое девичество, а потому и стараются постоянно напоминать об этом. Песни эти те же, что и раньше были: «У реки было у реченьки», «Красота ли моя красота», а вот еще две горемычные песни, которые на сговорах невесте не пелись.

Разливалися реченьки
По лугам по зеленым,
По травам по шелковым,
По лазоревым цветикам.
Унесло-улелеяло
Дочь от матери милыя
(Что Марину Матвеевну).
Оставалася ее мать одна
На крутом сливном бережке.
Она плачет, как речка льется,
Возрыдает, как волны бьются,
Во слезах слово молвила:
— Воротись, мое дитятко!
Воротись, чадо милое! —
Позабывла позабудочку:
Золоты ключи от столика
На атласной на ленточке,
На жемчужной перевязочке.
— Ты родительница-мамонька, —
Не ключи я позабыла: —
Уж я волю-то батюшкову,
Еще негу-то матушкину,
Что еще-то я позабыла:
Я свою девью красоту —
Из косы алу ленточку.

Из этой песенки видно, что олицетворением девичьей красоты признается также и алая ленточка из косы. Вот и другая горемычная песенка:

— Не тесно ли тебе, реченька,
Между кустиками текучи?
— Как бы мне было не тесно,
Я бежала бы не шумела.
— Что не тошно ли, Маринушка,
За дубовым столом сидети?

— Кабы мне было не тошно,
Я сидела бы не плакала —
Горючи слезы не ронила.

Когда невеста-новобрачная затуманится и заплачет, подружки утешают ее песенкой «Что печальна сидишь, что на сердце таишь?», а чтоб она могла поцеловаться со своим «князем», споют ей «Что не яблочек по терему катался». Дружке поется особая песенка:

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький (это припев)
Как на дружке-то рубашка —
Кашемировая.
(припев…)
Что на дружке-то жилетка —
Чисто бархатная.
(припев…)
Как на дружке-то сюртук —
Из отличного сукна.
(припев…)
Как на дружке шапка —
Московская с кисточками.
(припев…)
Как на дружке сапоги —
Высокие каблуки.
(припев…)
Высокие каблуки —
Гвозди выскакали.
(припев…)
Если хочешь, дружка, в рай —
Передайся к нам.
(припев…)
Как у нас про тебя
Есть бутылка вина.
(припев…)
Есть бутылка вина, —
На закуску — пирога.
(припев…)
Уж мы выпьем и закусим
И гулять вместе пойдем.

Чем дальше идут столы, тем шумнее становится в избе. После третьей и четвертой рюмочки языки развязываются, а лица сватьев, в особенности же молоденьких свах, начинают заметно краснеть. После жарких у мужиков является уж потребность выйти в сени — на мост и погорланить там песенок: иногда затянут «Дубинушку» с такими вариантами, что выскочившие послушать свахи опрометью бросаются назад в избу. Но и там бедняжкам трудно угомониться, трудно унять расходившуюся кровь: где-нибудь в укромном уголке они отхватят такую плясовую с поддержкою и участием молодых парней, что небу станет жарко. После этих увеселительных антрактов гости снова садятся за столы и «смешение языков» усиливается еще более от дальнейших возлияний. На свадьбах водки не жалеют: выпивают ведра по два и более, если считать предстоящую опохмелку.

Но вот уже сделалось и поздно, многие поутомились, в особенности хозяева и новобрачные, которым с утра пришлось испытать много хлопот, забот и всяких передряг. Многие и охмелели, так что придется их в три

руки одевать и усаживать в санки для обратного путешествия. Дальним гостям и своим близким родным похмелье — не помеха: они останутся ночевать, где кому пришлось. Пришло время и невестиному отцу ехать домой восвояси. Девушки не отпустят его без того, чтобы не спеть особую для этого случая положенную песенку, которая поется на самом отходе красных столов:

Что Маринин-от батюшка,
Он домой собирается.
Он зовет с собой Маринушку:
— Ты, любезная доченька,
Ты поедем-ка домой со мной
На родимую сторонушку,
К «своим милыим» подруженькам.
— Ты кормилец мой, тятенька, —
Не своя воля — большинка;
Ты спроси-ка, желанный тятенька,
Что ведь свекра-то батюшка
И свекрови, моей матушки;
Доложи, кормилец тятенька,
Моему-то другу милому,
То Михайлу Сергеичу:
Не отпустит ли меня домой, —
На родимую сторонушку,
К своим милым подруженькам.

Но вот родители невесты и все, кому следует, разъехались по домам. Пора и молодым ложиться спать. Для них уже приготовлена постель в сенях на холоднике (так называется холодный чулан с маленьким окошечком). Помещение для новобрачных всегда (несмотря на январь или февраль месяц) отводится холодное в расчете на их собственный горячий темперамент.

Спать уводит дружка. В его присутствии молодая «княгиня» снимает своему «князю» сапоги, выказывая этим актом покорность своему мужу и господину. Как бы в награду за это, она высыпает из сапог несколько серебряных монет, заблаговременно и предусмотрительно для нее приготовленных. Никаких других церемоний и обрядов при этом не бывает.

На другой день утром тот же дружка будит молодых, а если они проснутся раньше, то обходятся и без его услуг. Свахи у нас в это дело не вмешиваются и никаких доказательств девственности невесты никому не предъявляется. Все эти дела составляют тайну между новобрачными и, если молодой супруг не найдет в своей супруге того, что соответствовало его ожиданиям, то самое большее, — что на первое время он будет по временам ее тузить, а со временем дело обойдется. Выставлять напоказ нецеломудренность невесты было бы невыгодно для молодого: его же и подняли бы на смех.

Напившись чаю и закусив поутру вместе с оставшимися гостями, молодые, чтобы провести время до завтрака и дать возможность стряпухам устряпаться, едут с кем-нибудь на нескольких подводах кататься в соседние деревни. К возвращению их ожидает обильный завтрак с выпивкой, в котором принимают участие все гости, да многие и из вчерашних гостей заходят, пользуясь случаем опохмелиться.

Обычай сорить избу тоже не упускается.

— Вот, Бог дал теленочка, — кричит дружка, втаскивая в избу огромную охапку соломы, в середине которой вместо теленка положено полено.

Гости нашвыряют в солому разных монет, а молодуха, как бы приучаясь домовничать, должна денежки подобрать, а солому убрать. Она уберет, а ей раскидают опять и делают это до тех пор, пока, наконец, она не обнесет всехг остей водкой и закуской. После этого — и убирай солому.

После завтрака все отправляются на подводах в невестину деревню на «отозвины». К наехавшим гостям там присоединяются все родные и званые гости с невестиной стороны. Пиршество идет совершенно

наподобие красного стола, только всегда без участия священника: те же кушанья, та же водка и те же застольные песни, но все это поскромней — не так торжественно и не так обильно.

Сребролюбивые девушки опять зарабатывают себе денежки, а молодуху корят за то, что она променяла свою девью красоту на бабью красоту, которая, с их точки зрения, никуда не годится. Судите сами:

Уж вы девки, вы девушки!
Девки — горькие семена:
Много вас было сеяно —
Мало вас уродилося.
Было сеяно три поля,
Три раздолья широкие,
Уродилося два поля,
Два раздольица узкие.
Между тем — между двум полям,
Между кустам ракитовым
Не белая лебедь вскликала:
Востужила — восплакала
Молодая лебедушка,
Что Марина Матвеевна
По своей по русой косе, —
По своей девьей красоте.
Уж как девью-то красоту
За пять верст ее видели,
За пятнадцать ее слышали.
Уж как бабью-то красоту
За порог ее не видели,
За другой ее не слышали.
Уж как бабья-то красота
На печи в углу валялася,
Да с отопками смешалася».

(Отопки — это стоптанные негодные лапти).

По понятию девушек, когда девушка не вышла еще замуж, ею все интересуются: про девичью красоту женихи разговаривают и за 15 верст и издалека ее видать, чтоб высмотреть себе невесту; когда же девушка выйдет замуж, красота ее никому не нужна, а мужа, конечно, в расчет не принимают.

На отозвинах новобрачные дарят всех гостей с невестиной стороны перед началом стола пряниками и булками. Гости отплачивают за это деньгами и вещами: кто даст рубль, кто — полтинник, а кто и гривенник, некоторые дарят платок, а другие, пощедрее, — и на платье. Это называется «платить невесте оброк».

После отозвин молодые остаются погостить в невестином доме иногда денька два или три; после этого весьма часто родители новобрачного устраивают в своем доме маленькую пирушку, приглашая на нее преимущественно тех невестиных родных, которые не пировали за красным столом. Это называется — почестный пир.

Чтобы молодая не скучала по дому, ее часто отвозит муж погостить к родителям — иногда на неделю и более, а сам в это время навещает ее.

Когда наступит масленица, а времени до нее остается уже немного, для молодых начнутся неизбежные масленичные развлечения: горы, качели, катанья, поездка в Галич в понедельник на Масленой с чаепитием в трактире и гуляньем по базару. В заговенье сожгут масленицу и всем развлечениям конец.

Вот наступил Великий пост. Погода теплеет. Скоро и жаворонки полетят, а наши молодожены-питерщики готовятся на отлет в чужую сторонку на свой промысел. С третьей или четвертой недели поста начинается их отъезд. В октябре они приехали, в январе — посватались и повенчались, а в марте улетают уже назад. Немного пришлось пожить с молодыми женами — всего только два месяца.

Неудивительно после этого, что молодые бабенки чуть не затопляют своими слезами свой древний родимый город Галич, провожая Великим постом молодых мужей своих в Питер. А сколько набирается их там для проводов по базарным дням, может судить только тот, кто видел сам.
В перспективе остается лишь утешение получить скорое письмо, иногда маленький подарочек, а иногда маленькую денежную посылочку в рубль-два и даже до пяти по секрету от родителей. Эта особая денежная посылочка называется «собиной». Бабы ее очень любят.
Когда наступит Фоминая неделя, как раз в Фомино Воскресенье, которое зовется здесь «радоницей», явятся к молодой мальчишки и девчонки — подростки из своей и из соседних деревень, станут они под окошком и начнут «окликать молодую». Их окликанье непременно должно служить воспоминанием об отсутствующем муже. Вот оно:

Молодая-молодица,
Подавай мои яйца!
Не подашь яйца —
Потеряешь молодца,
Будешь ветреница!
В хлеве запрем,
Помелом припрем
И не выпустим.

Молодая выслушивает с улыбкой это «окликанье» оделяет всех ребят яйцами, а не хватит, так — пряниками. Наступит октябрь, молодой муж вернется из Питера в свою деревню и найдет свою жену уж матерью семейства. Жизнь их войдет в свою нормальную колею. К этому времени подрастут новые женихи и невесты да немало останется еще и от прежних. Начнутся беседы и повторится все то же, что я описал здесь. «Михайло Сергеевич» и «Марина Матвеевна», о которых так часто приходилось упоминать в свадебных песнях, появятся вновь под какими-нибудь другими именами. Из года в год этот цикл повторяется, но нравы, обычаи и даже песни народные, хоть незаметно, но постоянно и постепенно изменяются.

412. Вступление в брачный союз вдов и вдовцов. Скажу несколько слов относительно вдов и вдовцов. Если умрет жена и на руках у мужа останется несколько человек малых детей, то он торопится как можно скорее вступить в новый брак, т. к. дом в лице жены лишился или хозяйки, или работницы, а дети — матери. Народный быт не позволяет поступать иначе: некоторые вдовцы принуждены бывают силою обстоятельств жениться, даже не ожидая сорокоуста по первой жене. Самый отдаленный срок, что женятся через полгода после смерти первой жены.
Молодые вдовы, оставшиеся без ребенка или с одним ребенком, выходят замуж очень скоро, если представится случай. Ни свекор, ни свекровь их не удерживают, да и удержать не могут.
Труднее всего выйти замуж вдове с несколькими детьми. Этой обузы всякий избегает, а потому такие вдовы, если у нее нет больших денег, обыкновенно, так и остаются вдовыми. Семейная жизнь складывается здесь, главным образом, на деловых отношениях: муж обязан заработать деньги на прокормление семьи, а жена ведет домашнее хозяйство. Редкий из мужей не ходит на отхожий промысел, а если живет дома, то кроме полевого хозяйства должен заниматься каким-нибудь ремеслом или торговлей, чтобы иметь побочный заработок.
Раз муж и жена твердо стоят на этой почве и оба «тянут в дом», а не из дома, то между ними существуют прекрасные отношения. Если муж пьянствует или жена нерадиво ведет хозяйство, в доме появляется недостаток и семейные отношения испорчены.
Некоторые из питерщиков забывают свои семьи и заводят в столице побочные; некоторые спиваются там с круга, оставляют семью на несколько лет без всякой поддержки и деревенское хозяйство их совершенно падает: баба не может быть хорошей полевой хозяйкой, да и без добавочных средств жить в нашей северной деревне невозможно. При этих условиях отношения между мужем и женой совершенно рушатся, а если же забытая мужем жена живет при свекре, то она, обыкновенно, уходит назад в родительский дом или нанимается с ребенком в работницы.

У тех мужей, которые исправно высылают в деревню деньги, отношения с женами самые прекрасные. Жены гордятся такими мужьями, оказывают им всевозможное внимание и уважение при приезде в деревню, а после отъезда, худо ли, хорошо ли, владычествуют в доме и привыкают к слишком большой самостоятельности, тратя иногда без должного расчета высылаемые деньги. Все исправные питерщики очень балуют своих жен. Побои и дурное обращение со стороны мужа бывает, насколько я мог заметить, больше всего под пьяную руку. Когда вытрезвится, сам жалеет о случившемся.

Супружеская неверность, по крайней мере открытая, замечается тогда, когда муж сам запутается где-нибудь в городе и бросит свою жену; иногда бывает и наоборот, в особенности, если муж не нравится своей жене. Молодые женщины, нанимающиеся в работницы, особенно, если где имеется много работников, очень часто не сохраняют верность мужьям, хотя, конечно, это делается неоткрыто из боязни мести и гнева со стороны мужа. За эти прегрешения муж иногда бьет свою жену до полусмерти.

В случае бесплодия жены, по принятому здесь обычаю, берут в дом приемыша-сироту «Бога для» и для своего подспорья в старости. К другим средствам не прибегают. В случае, если дело между поссорившимися супругами дойдет до волостного суда, что бывает чаще всего, когда жена не хочет жить с мужем, суд делает увещевание, но никаких других мер не принимает, да и принять не может: насильно жить никого не заставишь.

Корреспондент Решеткин Владимир Валентинович
Галичский уезд, Свиньинская волость, с. Мостище, с. Георгий, д. Льгово

Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 1—12

Б. Местные условия жизни крестьян

4. Что дает земля крестьянам

В описываемой местности (с. Георгий, с. Мостище и д. Льгово Галичского у. Костромской губ.) крестьяне на своих землях из хлебных растений разводят: озимую рожь, овес, ячмень, горох (редко и в самом миниатюрном количестве, 5—10 фунтов), пшеницу (яровую); пшеница сеется частью на полях рядом с рожью, частью на огнищах или палах. Палы — это срубленный или выжженный лес.

Из полезных растений разводят лишь один картофель да лен — не все, а только кое-кто. Мало-мальски зажиточные крестьяне, имеющие собственные земли (купчие, как сами крестьяне называют свои земли), начинают посевать клевер, но как и лен, и горох, в миниатюре. Что же касается возделывания других хлебных растений или полезных, то таковые еще не имеют у нас культуры, частью по неумению возделывать их, а отчасти и по причине плохой и неблагодарной почвы. И возделываемые-то растения сеются в недостаточном количестве, сравнительно с количеством едоков в семействе, а сеется мало по причине малых наделов земли, да и отхожий промысел имеет на это влияние.

Имеющиеся у крестьян земли требуют большого количества удобрений, т. к. почва вся тяжелая и к обработке неудобная. Суглинок с хрящом.

Ни в Мостище, ни во Льгове нет ни садов, ни огородов в прямом смысле, кроме огорода и сада при земском училище, и те еще только разводятся. Будут ли они служить примером местному населению, покажет будущее. В настоящее же время все овощи закупаются в г. Галиче, как то: лук, огурцы, капуста, брюква и проч. Что же касается сбора ягод и грибов, то и эти продукты произрастают у нас не всегда. Иной год всего много, а часто родится всего ничего. Т. к. у крестьян д. Льгово нет своего леса, имеются из числа крестьян — [у] крестьян-собственников, то крестьяне-несобственники принуждены собирать грибы и ягоды по чужим угодьям и собирают они смородину черную, красную («куманку», «команицу»), чернику, землянику, малину, желтую морошку, поленику, последняя иногда родится в большом количестве и имеет громадный спрос в Галиче. Цены на нее стоят всегда высокие, например, стакан невыбранных ягод — 25—40 коп.; из грибов собираются преимущественно рыжики-подсосновики (со Свиньинских и Мостищенских гор, когда-то описанных нашим маститым народником С. В. Максимовым в его книге «Лесная глушь») кроме рыжиков, грибы белые, серые,

масляники — «склизкуны», сыроежки, волнушки, белянки, красноголовые боровики-подосиновики, грузди, сухари, скрипуны.

Всем известно, что где леса, там и дичь, а лесов в описываемой местности, в полном смысле слова «лес», здесь нет. Здесь есть только жалкое понятие о лесе. На расстоянии же 15—20 вер. от Мостища или Льгова действительно есть леса, которые тянутся если не на сотни, то на десятки верст. В таких лесах есть все: и заяц-косой, и веселая белка, и злая рысь, и куница, и вор-лиса; есть и волки, и сам Мишка Раменский, Михайло Потапович Топтыгин тоже, который не дает пощады коровам, а иногда и лошадям. Есть там и рябчик, и тетерев. Вот из этих-то лесов и к нам забежали как-то нечаянно, должно быть, заяц, белка, лиса да волк, а из птиц залетели рябчики и тетерева. Болото же, которое лежит под горой д. Льгово, изобилует в громадном количестве нужной дичью: тут есть и утки всех пород, видов и семейств, и кулики, и дупаки, и бекасы, есть и куропатки, и серые, и белые, есть гуси, лебеди и журавли. Вся эта дичь тут и плодится, и растет, и множится. И раздолье ей тут, мало кто ее тревожит, разве только в сенокос видит она здесь людей, и то не везде, т. к. в болоте есть такие места, что человеку пройти нельзя.

Несмотря на такое обилие дичи в болоте, крестьяне за ней не ходят, т. к. не видят от нее прямой доходности, да и «мтица — вор», — говорят они. Но кое-кто из крестьян имеет ружья (ну, уж и ружья!) и балуются ими, пощелкивая белку в ближайших лесках (не лесах), которую ищут с собакой; редко такому охотнику придется застрелить зайца, а еще реже — рябка или тетерева, которые залетели сюда из больших лесов.

Вдоль этого болота, где много дичи-то, пробегает речка Средняя, разрезавшая местность на две части: правую — Свиньинскую гору и левую — Мостищенскую гору, так эти горы и идут на много верст в длину, окружая почти кольцом, довольно высоким, Галичское озеро; кольцо это размыкает на западе, скорее на северо-западе, р. Векса, вытекающая из Галичского озера. Галичские рыбаки считают р. Вексу продолжением р. Средней, т. к. уверяют, что р. Средняя течет и по озеру, т. е. имеет на дне озера свое русло. Это они заключают, вероятно, из того, что восточная сторона озера имеет глубину большую, чем во всех других своих местах, и глубина эта идет как раз, начиная с впадения р. Средней в озеро и углубляясь в дно озера иногда на сажень, иногда даже на 4 сажени, тянется по всему восточному краю озера, шириною до полуверсты, в длину 24 вер. озера и до самого начала р. Вексы.

Часть р. Средней принадлежит и крестьянам д. Льгово, но, к несчастью, благодаря мельнице, принадлежащей крестьянам д. Шокши, речка эта имеет мало рыбы выше этой мельницы, между тем, как вся эта река ниже мельницы до самого озера кишмя кишит рыбой. Выше мельницы, в реке, которой владеют Льговские крестьяне, имеется рыба: щука, сорожка да еще раки. Крестьяне ловят рыбу вереньками и наметом, по-льговски «сак», но как охота, так и рыбная ловля — это не есть промысел крестьян, а скорее как забава в досужую пору весной, летом и осенью, да в глухую пору зимой.

6. Климатические условия в отношении к крестьянской жизни

Весна настоящего года у нас началась со второй половины апреля, т. к. зимний снег долгое время не стаивал, а после его таянья долгое время стояли холода с температурой до 7—10 R ниже 0. Даже в десятых числах июня были ночи с температурой — 3 R. Но, несмотря на это, в первых числах мая, по причине бескормицы, скот со дворов был спущен; хотя и знали крестьяне, что в поле взять скоту нечего, но все-таки гнали его — «хоть глаза-то наши не видят скотинушку, равно бы и полегче, а то, сердечная, стоит на дворе да из-под ног своих грязную солому жует», — так они объясняли безвременный спуск скота. Но такой случай был только нынче, а в обыкновенное время скот спускается на Егорьев день, 23 апреля, а иногда и раньше. Приблизительно в этих же числах настает и время полевых работ. Благодаря возвышенной местности, весною снег здесь тает быстро, а при постоянных ветрах земля очень скоро просыхает, вот почему здешнее население не знает весенних распутиц; редко-редко, если 2—3 суток распутица затруднит сообщение с ближайшими местностями. С 20 числа июня у нас, обыкновенно, начинается сенокос, а через месяц, иногда же и раньше, начинают жать рожь, тотчас же после ржи жнут ячмень, а со второй половины августа убирают овес, пшеницу и горох. Если в рабочее время стоит благоприятная погода, то все работы легко бы было можно кончить дней в 50, но большею частью бывает не так, а поэтому уборка травы и хлебов тянется дней до 80—90. С первых чисел октября начинаются заморозки и к этому времени крестьяне стараются убрать из полей картофель, а на Дмитриев день, 26 октября, можно уж видеть и «первый чистенький снежок», а на нем и след от саней,

а поэтому к этому времени крестьяне стараются кончить все полевые работы: сено убрано, хлеб сжат, обмолочен и даже сложен в амбары. Бабы принимаются за кропотливую и хлопотливую уборку и обделку льна, а мужики — за возку и заготовку для зимы дров. А дров надо заготовить много, т. к. зима бывает люта. Средняя температура измеряется — 18 R, но нередки и жгучие морозы в — 30 R.
Но главный враг наш — не мороз, а, благодаря высокой и открытой со всех сторон местности, ветер и неразлучные с ним зимние вьюги и метели, портящие наши дороги так, что иное время нет и следа дорог суток 3—5. Благодаря им-то крестьяне большую часть зимы и проводят в бездействии, шатаясь по избам друг к другу без всякого дела.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 598. Л. 25—36

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю.

Опека

91. По смерти родителей в крестьянском быту, как и в других сословиях, назначается опека, иногда слово «опека» заменяется выражением «отдача на руки».
По смерти родителей, в их права как в отношении личности, так равно и имущества малолетков, вступают ближайшие родственники по отцу, как то: дети, а иногда и деды, а за неимением таковых с отцовской стороны, права опекунства передаются кому-либо и со стороны родственников матери, последняя же опекуншей со стороны административной не назначается. Надо сказать при этом, что в крестьянстве опека администрацией назначается лишь только в тех случаях, когда имение по смерти родителей или, вернее, родителя — значительно. Имение же бедного крестьянина без всякого назначения опекунства опекается матерью сирот. Если же бы она в период этого времени опекунства вышла замуж вторично, то в этом случае опека назначается и то, лишь в том случае, когда будут со стороны замечены растраты отцовского (относительно детей), мужнина (первого мужа) имения и, если умершим жена его не была назначена опекуншей духовным заведением.
Участие общины в отношении к сиротам, оставшимся без призрения, выражается в назначении опекуна, который выбирается или из родственников, или же посторонних, если родственники почему-либо признаются общиною к опекунству непригодными, например, жадность родственника, неблаговидное поведение.
Принятие и сдача опекаемого имущества производится по описи, хранящейся в волостном правлении, кроме сего, над опекуном иногда назначается контроль из лиц общины; ввиду того, чтобы между опекуном и контролем не могло быть сделки, лица контроля избираются, во-первых, известные своей честностью и, во-вторых, на известный срок: на год, на два года, иногда на три года.

92. 1) Опека продолжается до совершеннолетия. По достижении этого возраста, наследники имение от опекуна принимают по описи. Во время опекунства лицо, заведующее опекой малолетков, пользуется землей и всем приплодом и приростом в хозяйстве. Сироты, не имеющие никакого имущества, воспитываются на счет общества, в этом случае различия между полами не существует. Дети раздаются на руки в зависимости от желания изъявивших согласие на принятие к себе мальчика или девочки. Берет себе тот того, кто ему нужен. При вторичном выходе замуж матери, над сиротами обязательно назначается опека, под опеку же к своему отчиму сироты не поступают, хотя и бывают исключения, например, в таких случаях, когда отчим богат или честен.
2) Иногда, при неудачном выборе опекуна, бывают и злоупотребления — растраты имения, но в этих случаях контроль строго смотрит за опекуном и, если находит нужным, то дело доводит до суда, если таковое найдет нужным сельский сход.
3) В большую семью опека назначается чаще, чем в малую, но, опять повторяю, что вообще опека назначается лишь в исключительных случаях, как то: ценное имение или наличность денег, или же неблаговидное поведение матери.

4) Назначение опекуна во всех случаях зависит от мира, так что не всегда опекунами бывают родственники, а и посторонние.
5) Иногда опека назначается посредством духовного заведения умирающего.
6) Кроме малолетства, к назначению опеки существуют и другие поводы, например, расточительность, безвестное отсутствие, болезни и физические недостатки.

Повинности

93. Повинности крестьян обложены деньгами. Размер повинностей зависит от количества душ земли, земельного надела, кроме внесения денег, иногда крестьяне обязываются исправлять дороги и гати, но только на земле, им принадлежащей. С души взимается около 8 руб. К побочным взысканиям относятся взыскания в пользу волостного правления и училищ, где такое существует.
Каждый член общины участвует в платеже повинностей в той мере, как велик его надел, т.е. сообразно душам надела. Разверстка таких повинностей производится одновременно с разверсткой земли, которая распределяется по душам (две души составляют тягло). Крестьяне безземельные, равно и те, у коих хозяйство пришло в упадок, и они отказались от земли, от повинностей освобождаются. Бесплатных участков для стариков, сирот и вдов нет.
В последнее время почему-то против нерадивых плательщиков крестьяне стали [принимать] более крутые меры, например, исключение из общества и приговором волостного суда ссылка на поселение в Сибирь. В этих случаях крестьяне, желающие избавиться от такого члена по причине его нерадения в хозяйстве, а то и за озорничество, по присуждении члена общества к ссылке принимают на себя платеж его недоимки, сбор на дорогу и путь до места поселения, а кроме этого и плату опекуну над его детьми, если такие не пожелают следовать за отцом.

95. Сбор повинностей с крестьян производится сельским общественным старостою, иногда волостным старшиною и волостным судом — когда дело не клеится у сельского старосты. Староста же повинности с крестьян собирает постоянно и везде: и в деревне, и в приходе, и в городе на базаре. Сбор преимущественно поступает копейками.
В иных случаях сбор повинностей производится через полицию, особенно с тех крестьян, которые живут в столицах на отхожем промысле. С теми упорными [не]плательщиками, которые живут дома, поступают так: передают в волостной суд, который приговаривает к аресту и телесному наказанию (от 10 до 20 ударов), впрочем, теперь порки почти что уничтожены, по горю самих же крестьян. «Бывало, как взлупят горячими-то, так и деньги находились», — говорят они; теперь же волостной суд приговаривает к описи и продаже имений. Но эти меры плохо достигают своей цели, т. к. крестьяне, чуя беду, свое имение, подлежащее продаже, как то: наряды, лишнюю скотину, сбрую, посуду и проч. стараются припрятать подальше. Бывает очень часто, что приедет старшина с описью, — в избе чисто, нет ничего. А на вопросы его, где то-то и то-то, отвечают: «Проели, кормилец». Но лишь только «кормилец» вон из деревни, все опять выходит из-под спуда. Только, разве, разиня какой попадется врасплох. Ну, уж тогда все лишнее опишут, а если через 30 дней недоимка и [не?] будет уплачена, то и продадут.

96. Неисправного плательщика часто назначают правленским сторожем, училищным сторожем (на муку несчастных учителей, а наипаче учительниц), сотским, рассыльным. За неисправную плату повинностей отвечают сельский староста и волостной старшина, которые за это исправниками сажаются в камеры при полиции, а т. к., по словам старост, в камерах очень много клопов, то они и говорят: «Милуй, Господи, клоповника и чистяковской гостиницы».

97. **Недоимки.** Из имущества, не подлежащего продаже, принадлежат: дом, последняя лошадь, корова и хлеб. Двор при доме, корм, одежду, обувь, сбрую, экипажи, посуду и прочее можно все продать. Всякого рода описи и продажи подлежат утверждению земского начальника.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 597. Л. 1—8

Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусства

Верования
[Воззрения на природу]
187. По понятиям крестьян, небо состоит из облаков, которые они представляют себе не в виде пара, как это есть на самом деле, а в виде студенистого вещества, которое, якобы, бывает можно иногда найти непременно в лесу летом и то, до солнечного восхода, т. к. облачко, упавшее на землю, тотчас тает, лишь только солнечный луч его коснется. Между крестьянами распространены относительно этого облачка следующие поверья:
1) оно дает счастье нашедшему его во всех его делах,
2) помогает во многих болезнях, особенно в «уроках» и «сглазах», имеет чудное действие на порчениц и кликуш,
3) легко тушить пожары, особенно происшедшие от удара молнии, как яйца и молоко и мн[огое] др[угое].
Небо имеет начало и конец, по уверению одних — за морями, а других — бесконечно.
Расстояние неба от земли высчитывается в размере ста верст. За тем небом, которое видимо глазу, есть еще несколько небес и их, будто бы, насчитывается до двенадцати.
Во время грозы и дождя небо непременно открывается и благочестивым людям иногда бывают видны небесные «тайны». Отмыкание и запирание неба лежит на обязанности «анделов Божьих».

188. Солнце, по понятиям крестьян, суть предмет одушевленный мужского рода, в доказательство чего они приводят то, что оно (солнце) ходит по небу по особенной дороге, устланной золотой парчой, греет, светит и живит все живущее на земле.
После заката солнце уходит за небо, в свой дворец, сделанный из хрусталя и драгоценных каменьев. В этом дворце оно проводит ночь со своей женой, причем жен у солнца очень много, оно их меняет очень часто, «кажинну ночь»; женами солнцу служат особого вида солнца, но видеть их нельзя, т. к. они из дворца не выпускаются. Есть ли у солнца кроме жены еще семья — это неизвестно.
Относительно луны крестьяне имеют следующие понятия.
а) Она недолговечна, живет всего 28 дней, предмет одушевленный, холост. Интересно то, что у луны мать — небо. После своего пути по небу, т. е. после заката своего, она уходит, но не всегда, в небо.
Пятна на луне — это суть изображение первой драмы из жизни людей, т. е. убийство Авеля Каином. Убийство будто бы было совершено ночью и никто этого не видел, кроме луны, которая, совершая свой обход по небу, увидела это зло и так была поражена, что на своем лице отразила всю картину убийства. Когда же Адам и Ева стали спрашивать у Каина про его брата — где он, то Каин отговаривался тем, что «я-де не знаю, где он», но в это время на небе появилась луна, но не такая, как была прежде, а с какими-то пятнами. Адам и Ева обратили внимание на это и внимательно стали всматриваться. То же увидел в первый раз и Каин; увидел, затрясся и упал, потом покаялся родителям в своем деле и, указав на луну, объяснил им эти пятна.
б) Кометы являются из неба для устрашения людей, их посылает Бог, так, например, перед 12 годом была комета и устрашила людей и после являлись кометы и всегда что-нибудь да случалось злое для людей. Нынче тоже будет являться комета, которая сожжет землю и будет преставление света. Ждут этого в декабре настоящего года. Комета — живое существо и злое.
в) «Много ли звезд?»
— А, сколь людей, столь и звезд, — у кажинного человека своя звезда. Как родится человек, так нарождается ему и звезда. И вот, когда увидтшь, что валится с неба звезда, — это значит, что помер человек, и когда такая звезда валится, надо говорить: «Аминь, аминь, аминь!», чтобы душенька умершего в рай пошла.
г) Радуга есть живое существо, которое пьет воду для того, чтобы потом пролить на землю воду в виде дождя.
д) Млечный путь состоит из звезд, его зовут «гусиная дорога», служит признаком мороза.
е) Звезды — живые существа. На день они уходят домой (?). Медведицы, Орион, Плеяды и другие созвездия есть не что иное, как целая семья.

ж) Северное сияние — не что иное, как громадный костер, который разложен кем-то для тепла; если сияние является в виде столбов — быть войне.
з) Затмения луны и солнца происходят оттого что их закрывает черт хвостом.

189. а) Гром происходит оттого что пророк Илья ездит по небу летом в телеге, а зимой — в санях, поэтому-то и не слышно грозы зимой; молния — это искры из-под колес и копыт лошадей пророка Ильи.
Самым радикальным средством для тушения пожара, произошедшего от молнии, считается употребление молока, яиц и облачка.
На людей, убитых молнией, смотрят одни — как на грешников, а другие — наоборот.
Чтобы молния не ударила в дом, выбрасывают из окна или кочергу, или косарь.
Сверкающая молния ищет, главным образом, чертей, которые в это время прячутся за людей, за деревья и в др[угие] места.
б) Ветры — живые существа, семейные, имеют жен и детей; жилищем им служат леса. У каждого ветра в лесу на елке есть свой дом. Такие дома носят название вихоревых гнезд; это не что иное, как большое скопление мельчайших веточек ели на одном из ее сучков, такое скопление веточек происходит, вероятно, от болезни дерева или от его повреждения. Такие вихоревы гнезда часто можно встретить в деревнях над дверями кабака, иногда за неимением вихорева гнезда ставят маленькую елку.
Все ветры находятся в подчинении у старшего ветра, который живет где-то на «холодном море».
(Под «холодным морем» разуметь надо Ледовитый океан и Белое море). Резкий зимний ветер носит название «хилок».
в) Мороз, град, туманы, роса и иней объясняются крестьянами правильно, научно.
Метель производится чертями, они либо свадьбу справляют, либо просто потешаются. В это же время и покойники выходят из могил, чтобы прогуляться по белу свету.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 601. Л. 1—57

Демонология

[Этот раздел рукописи представляет собой рассказ крестьянки, записанный В. В. Решеткиным. Рассказ шел в ином порядке, чем вопросы программы. Здесь имеются ответы на вопросы: 192, 193, 194, 199, 200, 238.]

Рассказы тетушки Катерины о чертях, леших, домовых и вообще о нечистой силе.

Примечание. Вся эта рукопись написана подлинным языком крестьянки, так что отвечает вопросу 246 программы.

Оглавление

Рассказы тетушки Катерины о нечистой силе

1) Вступление
«Матушка, бароня, что это у тебя сам-то все «нечистого» во устах держит? ла бы ты поговорила ему, что грешно-де эфто; да и страшно, знакомо — ну вдруг неровен час... Ведь шутить-то «им» не больно гожо», —

так говорила тетушка Катерина, служащая в моем училище в звании училищного сторожа, моей жене. Я же, сидя в соседней комнате за грудой ученических тетрадок, сделался невольным подслушивателем.

Надо сказать, что эта самая «тетушка Катерина», как зовут ее ученики и примеру которых буду следовать я в передаче ее рассказов, — большая мастерица на рассказы, приметы и поверья всякого рода. Хотя она и любит рассказывать «бывальщины», но мне с трудом приходилось заставлять ее говорить о предметах, меня интересующих. В особенности же боялась говорить она о черте и всякий раз старалась как бы ни было избегнуть рассказов о нем. Когда же, по моей настоятельной просьбе, начинала рассказ о нечистой силе, черте, лешем и т. п., то предварительно крестилась и названия — черт, леший — заменяла словами: черный, левый или местоимением «он».

Так вот, моя тетушка Катерина ужасно не любила говорить о черте, а мне, как нарочно, именно о черте-то и хотелось кой-что узнать от нее. Она же, как я сказал выше, была специалистка своих бабьих знаний и поверий. Живя с детства в деревне, а следовательно и соприкасаясь с классом крестьян, мне пришлось вывести о них крайне невыгодное для них мнение относительно их духовного развития. По своим понятиям, знаниям и верованиям наш простой народ, женщины же в особенности (по-костромски — бабы), право, очень недалеко ушли вперед от женщин времен седой старины, да, пожалуй, и ушли ли? Разве мало общих примет, поверий и обрядов у нашей бабы, бабы конца XIX столетия, с женщиной глубокой старины?

Если мы спросим нашу простую крестьянку о ее воззрениях на природу, о ее верованиях, ее самых элементарных знаниях из этих областей, мы услышим почти то же, что слыхали наши предки от своих современниц, и услышали бы мы, если бы жили в те давно минувшие века. Много бы можно было поговорить по этому поводу, но я, к несчастью, не специалист разбираться в таких вопросах.

Говорю же все это к тому, чтобы читатель записок этих (если кто только будет читать их), читатель, который, может быть, никогда не бывал в деревне, затерявшейся в глубине Руси-матушки, а тем более в дебрях Костромской губернии, мог представить себе мою тетушку Катерину.

Смею предупредить Вас, читатель, что моя «тетушка Катерина» нисколько не похожа на свою тезку, живущую у Вас в столице в качестве кухарки или горничной. Ваша столичная Катерина — личность, прямо противоположная моей Катерине, начиная с языка и кончая костюмом. Мы, деревенские жители, пожалуй, не сразу возьмем к себе в прислуги Вашу столичную Катерину, она не подойдет нам, как и наша не подойдет Вам. Если наш мужик прямо от сохи попадет в Питер, то женщина в редких случаях решается на подобный шаг. Обыкновенно, к Питеру она приближается по инстанциям.

Девочкой 10—11 лет случайно она попала в горничные или няньки к сельскому священнику, учителю или помещику-чиновнику — вот первая ее проба жизни; дальше, допустим, она жила в усадьбе у помещика-чиновника, барин ее осенью перебирается в город, конечно, большей частью уездный, редко губернский, и берет ее с собой. В городе она живет год, два и уже, придя домой на побывку, старается разыгрывать из себя горожанку среди своих бывших подруг; ее уж и тут можно заметить по костюму и манерам. Проходит так еще года два, она уже помышляет о том, как бы было хорошо попасть в губернию и, случается, попадает. А уж из губернии не так-то мудрено попасть и в столицу.

В губернии заводит она знакомство с подругами, у них учится «жить по-городски» в полном смысле слова, тут уж заводит себе и модные платья, тут учится она жизни и вкушает жизнь; теперь она полированная, серь деревенская оставлена дома, сарафаны и лапти тоже, все это почти призабыто (не говорю — забыто) и язык-то свой деревенский она переделала, говорит также мудрено.

Если такая «горожанка» приедет погостить домой, то, батюшки, какую она играет роль между своими деревенскими! И вот, научившись чему нужно в губернии, она перебирается в Питер. Вот как попала к Вам в Питер, читатель, Ваша столичная Катерина, просто-напросто «баба», а следовательно и годная лишь нам, деревенским жителям.

Теперь я начну говорить, читатель, с тетушкой Катериной, вернее сказать, она будет говорить со мною и, если Вам не скучно, то прошу послушать наши разговоры. Только предупреждаю, на выводы, пожалуйста, не надейтесь, мы не мастера на это и за дар слова заранее просим извинить нас, потому моя тетушка Катерина — баба «обстоятельная», говорить всурьез с ней много нельзя, а особливо «супротивничать», как раз, пожалуй, бросит рассказ (что и бывало) на самом интересном месте — и шабаш.

Итак, начинаем.

[192.] «А что, или грех — призывать черта-то?» — спросил я у Катерины, услышав ее разговор с моей женой.
— Так рази спасенье? Знамо, грешно!
— Ну, а если я буду поминать его, что же мне черт сделает? Вот ты сказала: «Неровен час», или было что?
— Кабы не бывало, так я и баять бы не стала.
— А ну-ка расскажи, пожалуйста, что такое и с кем сделал черт?
— Ну, слушай же, да не перебивай и его не поминай. Эфтого я не обожаю. Неровен час… Так вот слушай же, что было с тем, кто «его» поминает.

Рассказ I

[200] — Знаешь Ивана Гордеича из Апушкина?
— Знаю, как не знать, его, думается, вся округа верст на пятьдесят знает.
— Так вот с эфтим Иваном Гордеичем и был случай, про случай-то эфтот я и скажу тебе. Ведь Иван-то Гордеич, слыхал чай, пристает в Апушкине у одной старухи, а у старухи-то есть сноха, вдова она. Прежде, только давно уж, и у Ивана в Апушкине был свой дом, да спалил он его. Люди бают, что сам он его сжег, а Иван-то, знамо, молчит, потому надо и помалкивать ему. Ну, да эфто к делу не идет. Только вот он и таперь пристает завсегда в Апушкино. Живет же он не всегда там, потому что займуется по шорной части, ну с эфтим рукомеслом дома не много накормишься; вот он и ходит по усадьбам.
Вот один раз, как он пришел в Апушкино-то, старухина сноха и послала его за коровами, а те паслись в болоте. У них болото-то тут близехонько, — как пройдешь поле, туто оно и есть.
Ну ладно, пошел Гордеич в болото. Уж он ходил, ходил… кричал, кричал… — нет коров, да и все… Паля измаялся мужик, часов 6 ходил, дело-то, почитай, уж за полночь. «Пойду, — говорит, — домой: темно уж, теперь их и не увидишь». Воротился назад и пошел к дому. Идет да думает про што-то и под ноги не глядит; да вдруг как ухнет в окошко (окошко — ключ в болоте), по пояс ввалился. Сидит в окошке и что-то ни есть хуже страмится матерным словом, да вдруг и помяни «его».
— Это лешего-то что ли? — спросил я.
— Не поминай так! Страсть не люблю! Коли станешь поминать, и говорить тебе ничего не буду! Ладно, вылез Иван Гордеич из окошка и пошел к дому. Больно долго он шел, только все никак не может из болота выбраться. Што делать? Измучился мужик. Одначе выбрал местечко, где посуше и сел отдохнуть; покурил да и уснул тута. Всю ночь проспал. Проснулся в утро, а оно то же, что и вчирась. Уж он и так, и сяк по лесу-то,.. нет те дороги и шабаш. Ходит да бранится. А куды: он скверен на язык-то и посичас, почитай к кажинному слову похабщину валит. Да вот таким-то манером он и бродил двои сутки. Наконец, сполохнулся, что тут дело неспроста — «его» работа, «черного» тоисть. Как делать? А и сделал он вот что: снял парки и рубаху и спиньжачишко да все эфто и выворотил наничь, а как надел вывороченную-то одежу, да почитал «Богородицу — святую Троицу», то живым манером вышел. Да куды ведь вышел-то? Ну-ко паля под Подойково. Вона куды «он» увел Гордеича-то. Тамотка и болота-то нету, эфто «он», беспременно «он» ему казал болото. Ну, уж тут-то и вышел Иван Гордеич на дорогу и домой пришел. Сноха-то старухина учала было его ругать, а как поняжла, что у его вся одежа наничь выворочена, то и сполохнулась, почему он так долго по коров ходил. Да и сам-от Иван Гордеич посказал, как его «нечистый» двое суток по болоту водил.
— Полно, тетушка Катерина, какой тут «нечистый», просто Ив[ан] Горд[еич] заблудился в болоте по лесу и все. Вы же все, черт да леший виноват!
— Ну-ка, будет тебе, какой тут заблудился. Да лучше эфтого-то места окромя Ив. Горд. никто не знает. Шутка, человек живет тут, почитай, более полсотни лет, да и лесу-то черного тамоди нету; так, пустое дело, дровищ еще, пожалуй, можно нарубить и то малость; мужжевельник все больше да сосенки в перст, тут негде и блудиться-то. Наши ребятишки в в болото-то по моклаки бегают, коло озера-то в болоте их годом всего живет, да и то николи не бывало, чтобы заблудился какой из них. Гм: заблудился! Иван-то Гордеич! Нет, не заблудился, а «он» обошел его. А эфто как? Ведь вышел же он, как выворотил одежу-то? А уж знакомо дело: как «он» обойдет — эфто первое дело: выворачивай одежу. И-их, как помогает! А пошто попало под Подойково болото? Тамоди его николи не живало. Нет, ты что ни говори, а тут дело не обошлось без «его». Не приведи Бог поминать «его», да еще особливо в лесу, да вечером, да в болоте коло воды. Известно, «он» в эфтих местах завсегда водится и обожает их. И ты, батюшка, матри не поминай «его», долго ли до беды; не ровен час.
Так закончила она свой рассказ.

Рассказ II

194. Часто приходится слышать, как наши крестьянки в сердцах посылают «к черту» своего собственного ребенка, а иногда, только в редких случаях, и проклинают его; причем проклятью подвергаются дети, уже вышедшие из младенческого и отроческого возрастов. Так, мне лично случалось быть свидетелем проклятия отцом своей дочери, девушки лет 17, за плотскую связь. Жутко было слышать слова старика: «Проклятие мое тебе до могилы!» Тяжелое состояние духа долго чувствовалось мною. Но это мое состояние было ничтожно [по сравнению] с состоянием духа отца. Нужно было видеть лицо, фигуру и его жесты, чтобы судить, как легко было ему произнести проклятие, проклятие своему ребенку. Даже теперь, спустя много лет, тяжко и жутко делается мне, когда я сейчас пишу эти строки. Что же чувствует в эту минуту она, «проклятая»?

— Тетушка Катерина, правда, что ваша Аничевская Анна Климентьевна своего сына однажды к «черту» послала, да и испугалась потом, когда он пропал?

— Было такое дело, батюшка, было. Ох, велико грешно эфто! А матки, дуры, зачастую у нас в деревнях грешат так-то.

— Расскажи, пожалуйста, как это было.

— А дело эфто было уж назад годов пятнадцать, али-то и больше. В те поры стояли яровые жнивы. Лето-то она жила дома только одна со своим парнишком. Работать ей приходилось вного [много] (на две души наделу-то у ей), ну, стало, и чажало под ниной раз приходилось. Так и тут. Из поля все суседи убрались, только и осталась, что сйная полоса. Вот суседи-то и зачали торопить ее: надо-де скотину в поле пущать, опоростывай скорея, а то и в хлеб пустим. Озорники, значит дело. А ее дело бабье. Мужиков боится, молчи, знай, коли хошь добра. Сам-то в то лето был в Питере. А пошто и в Питер-то ходить? Люди хоть из Питера денег много шлют, а Анин-то муж уж известен — слаб; рыло у него больно любит дух винный, ну и пьет тамоди все лето, домой — ни копейки. На липовой машине (липовая машина — этап) не раз прибывал домой-то. Ну все, хоть и плох, а муж. А тут и заступиться некому.

Делать нечего, взяла на жниву своего парнишку. Ходят день, ходят другой, третий, парень пожал, пожал, а тут и надоело ему, знамо, ребячье дело, стал лениться да побаловывать на полосе-то. Анне-то уж тошнехонько: из последней моченьки бьется, а он балует. Взяла ее досада, она, не образумясь-то, и вымолви: «Уему на тебя, пса, нету, черт бы тебя унес!» Батюшки мои! Как парня-то подхватит и понесло, понесло через поле прямо, через речку, да и унесло в лес. Анна было за ним побежала, кричит: «Санька, вернись, Санька вернись!» Куды же тут,.. не догонишь. Так и убег. Анна, как лишилась парня-то, ударилась о земь и давай причитать голосом; паля из деревни услыхали и прибежали к ей. Насилушку допытались, про чито ревит.

Как узнали бабы, то и порешили за Санькой послать его верстанников (ровесников), потому в эфтакиф случаях только верстанники и могут вызволить (выручить), а больше штобы никто не моги идти искать его. Велико долго ребята искали парнишку, а все же нашли: сидит под такой-то густой елкой, что не привидано. Сидит и лица на нем нету. Ребята, значит, взяли его, так из рук-то рвется, а его так и бьет всего; весь, сердешный, помушнел (помушнел — сделался белый, как мука, т.е. побледнел). Одначе, все же привели домой. Стали дела его спрашивать: Что с тобой сделалось? Пошто убег? Говори, дурашка, пошто молчишь?» А чего «говори»? У него и молва отнялась. Да так, почитай, цельную неделю молчит и все эфто время его трясло. А потом зачал отходить и рассказал. «Как, — говорит, — меня мамка-то выругала, ровно меня ветер подхватил и понес; да такого-то скоро, индо (что даже) дух замирает, самому холодно, а лицо-то мне так и обжигает». («Эфто, значит, «он» на его дыхал», — пояснила Катерина). «И принесло меня, — говорит, — в лес, да и посадило на овраге под елку». Долго ли он тута сидел? А ребята велико долго его искали, покелова не нашли. Ну, апосля с парнем ничего особливо не было, а только и теперь еще с того раза заикается. Теперь уж он женат и мальчишка у них родился.

«Так вот, родимый, как ругать деток-то!» — заключила свой рассказ тетушка Катерина.

Примечание. За достоверность вышеприведенного рассказа ручается автор настоящих записок, т. к. весь рассказ им был прослушан вторично из уст того самого Александра, который выведен действующим лицом в настоящем рассказе под именем Саньки.

Рассказ III

[202]. — Жил-был на свете один мужичок, — так начала свой рассказ Катерина, — хороший мужичок, деловитый и Бога помнил да по Его заповедям ходил. У него в доме, как и у всех добрых людей, в красном углу стояла божница. (А вот эфтого не видывала.) На стене, коло божницы, подальше маненько, была повешена картинка, а на той картинке был нарисован «он» (черт). Мужик, говорю тебе, был куды набожен и имел такое

обыкновение: прочитамши молитвы перед образам, он оборачался к картинке с «им» и, показывая «ему» кукиш (фигура складывается из первых трех пальцев руки), говорил:
«А тебе — кукиш!» И завсегды так делал эфтот мужик.
Досадно показалось эфто «левому», вот и учал он молиться Богу: «Господи, дай мне волю пошутить над эфтим мужиком: завсегда он на меня дерзает!» Услышал Бог «черного» молитву и дозволил ему шутить над им, мужиком тоись.
Вот один раз стал мужик молиться Богу, а «черный»-то возьми да в эфто время и выбери в избе весь пол, окромя той половицы, на которой мужик стоял. Ладно. Выбрал пол, а там ямы, черные-пречерные, большущие, глубоченные, а в ямах-то всякая погань так и кишит: стрась паля; да вся эта погань и давай голосить, всяка своим голосом. Мужик сдогадался, чья эфто работа, и еще усердней стал молиться. Кончил молитву и опять к патрету: «А тебе — кукиш!» Пуще прежнего «черного» досада берет и не знает «он», что бы еще накаверзить мужику.
На другой день стал мужик собираться в город, на базар, значит. Взял с собой корзинок, мешков и отправился. Ну ладно, справивши, что было нужно, взвалил все свои покупки на себя и пошел домой. Идет, едва тащит. Только вдруг, отколь ни возьмись, — мужик; стащил с мужика корзинки и мешки с покупками и пошел рядом. Глядит наш мужик на своего товарища и дивится: весь-то плевый на вид, а куды здоров — накось, я едва пер, а он легонько несет. Что за причта (притча). А тот идет и хоть бы те словечко молвил. Мужик заговаривает, а тот — молчок. Смекнул, наконец, мужик-богомол, кто эфтот его товарищ и давай за молитву браться, и только што прочитал «Да воскресен Бог», как товарищ его пропал, а все его покупки остались на дороге. Подобрал, значит, их мужик и пошел даля. Идет. Долго ли, коротко ли, а идет, только вдруг попадает в такие ли курпаги ([о]враги), что упаси Господи. Куды ни оглянешься — курпаг за курпагом и ступить негде. Обдернуло эфто у мужика кожу и давай опеть «во уста Бога брать», опеть, значит, молиться.
Прочел одну молитву, другую и третью и апосля кажинной молитвы сулил «ему» кукиш. Только как прочитал три-то молитвы и видит мужик, что он у себя на задворках. Придя домой, мужик первое дело — шасть в избу и учал Богу молиться, что Он, Батюшка, его от «нечистого» избавил. Кончил молитву и опять к патрету: «А тебе — кукиш!» и ткнул кукиш «ему» в нос: «Что, — гыть, — взял! Нет, шутишь! Силен ты, да воли нет! На-ка, выкуси!» Видит «окаянный», что не сладить ему с мужиком. Молитвой берет его. И стал «нечистый» опеть просить Бога: «Господи, отдай мне мужикову душу на потерзание!» Но молитва дьявольская осталась безо внимания.
Так еще и посичас «он» не знает, что бы с мужиком сделать. Воли-то, значит, ему от Господа нету. А богомол кажинный раз апосля молитвы оборотится к патрету: «А тебе, — гыть, — кукиш!»
И тычет им его в нос и в рыло!
«Вот как!» — закончила тетушка Катерина свой рассказ.
— Так. Значит, по-твоему, нельзя уж очень-то с «ним» ссориться и шутить? — спросил я.
— Знамо, нельзя, коли добра хошь. Ведь вот «он» что с мужиком-то проделал.
— А все-таки мужик одолел черта, а не «он» мужика.
— Одолеть-то одолел, что говорить. Да зато ведь и «он» мужика поучил. Рази не страшно, как «он» пол-то выбрал, а его на одной половице оставил? А как в курпаги-то его завел?
Несколько минут рассказчица моя была погружена в размышления. Может быть, она думала о том, как бы в данном случае поступила она, если бы занимала место мужика-богомола, или что другое. Но, подумавши, молвила, устремив свой взгляд куда-то в сторону:
— И пошто эфто было мужику «ему» кукиш казать? Кабы он «его» не загнал (не забиячил), так, може, и «черный» бы ничего не стал ему поганить.
— Полно-ка, тетка, да ведь это все, что ты мне рассказала, неправда, — сказка это. Я не верю.
— Ну, у тя все сказки! — обиделась моя рассказчица. — Да рази мало таких случаев-то? Не бывает, что ли? Не верь! Мне что! Ты, знамо, ничему не веришь — что ничего «эфтого» нетути. А еще все в книжку читаешь. Что ты в ей читаешь? Большо уж ноне доделисты стали. Ох, хо, хо… Грехи!
Опять задумалась моя Катерина, вероятно размышляя о том, что «ноне доделисты стали». Все время своего раздумья она усердно поспускивала нитку, которую старательно вытягивала из пучка льна, привязанного к пряхе, и жужжала уже пузатым веретеном. Потом, вспомнив что-то, она отложила в сторону пряху

и со светлым лицом, на котором было написано ее торжество, она быстро заговорила:
— А, слышь, намедни ты же читал в книге, как Хаму-то (Хома, Вий) «нечисть» донимала, пока Лева, он, значит, читал над покойницей-то, ну, колдуньей-то? Да три ночи подряд донимала, а не то что… Вот и в книжках про «их» написано, стало, «он» есть. А ты и того в разум не берешь!

Рассказ IV

238. — Итти-ка лучше, — сказала после этого рассказа тетушка Катерина, — да затопить в гласе (классе) печки, да и ребята боятся одни сидеть. Давя Мишанка Красильниковский из гласу-то, быть козел выпрыгнул. «Стонет, — говорит, — под полом-то». Робят-то напужал. Все, как горох, ко мне в куфню прибежали.
— Ну, час от часу не легче. Иль уж и в доме-то у нас домовой сидит?
— Домовой сам по себе, а тут другое.
— Что же другое?
— Да что ты, батюшка, али вчирась только приехал к нам? Не знаешь рази на чем училища-то стоит?
— Как на чем стоит? На земле стоит, в поле.
— То-то в поле. А знаешь ли, допрежь того, что тут было-то? Ведь не коло церкви, как таперича, не в ограде хоронили-то, а вот тута, где стоит училища. Кого хошь спроси и все скажут, что училища на могилах стоит. Вот и понимай!
— Да что понимать-то? Ну что же из того, что училище на могилах стоит? Мало ли домов строят на тех местах, где прежде были кладбища?
— То кладбищи. Дело совсем инное. Там упокойнички-то прайские, с панафидой хоронены, отпеты, значит. А ведь тута самобивцы: утопленники да удавленники, да опойцы положены, безо всего, значит. Ну души-то ихние и тоскуют, что без покаяния покончились. Вот и стонут. Спроси-ка Завьялихи, что у вас пане меня жила, что она слыхала внизу-то, в гласе-то, что в ночи делается? Кажинну, говорит, ночь чужилось: то застонут, то учнут в счеты играть, а в окошко кому стучать серед ночи да кругом дому с огнем ходить? Знакомо, самобивцы на покаянье просятся. Эфто уж довсегда так бывает. А домовой эфтого делать не будет, тот инно строит.
— Что же домовой делает? — спросил я.
— Домовой-то? А домовой — голова всему дому, он всех оберегает и дом блюдет, коли в дому все ему помысля.
— Расскажи же что-нибудь про домового! — стал я просить тетушку Катерину, но как я ни просил ее, она не захотела рассказывать.
— Да что с тобой говорить-то, — говорила она, — ведь все зря. У тебя, говорю, — все ничего нет. Погоди, ужо поживешь, так узнаешь. Ты какой-то, Бог тебя ведает… Добро. Итти-ка книзу. Пора топить печки-то. А тебя, видно, ничем не проймешь». И, хлопнув дверью, ушла исполнять обязанности училищного сторожа.

Рассказ V

— Тетушка Катерина, расскажи мне что-нибудь еще.
— Пристал. Ну, что тебе рассказывать: не веришь ведь? Ну, да уж ладно. Скажу еще раз. Истинну правду скажу, а ты понимай!

192. Недалече отсюдого, знаешь, есть деревня Шатенино? Вот в эфтом Шатенине и жила одна вдова, баба была робячья: дети, значит, у ей были. Только вот ведь быть же греху, она и сжилась с «черным». Сядут обедать, она и ложку лишнюю на стол положит. Робятишки ее малы-малы, а и удумали спросить матку, пошто эфто она на стол кладет лишнюю ложку. «А ложку, — говорит баба, — эфту батьку надыть, он завсегда тута с нами живет, хоша и помер, а живет с нами; вы-то его не видите, а я знаю, коли говорю.
Долго ли, коротко ли, только стали суседи примечать, что баба что-то зачала с чрева прибывать. И ей в очи тоже говорить. А она только про себя ухмыльнется и прочь от их отойдет. И все-то, батюшко, она как-то людей-то сторонилась. В деревне, знакомо, все про всех знают, ну и про бабу эфту порешили, что она апосля мужа распутно жить учала.
Да толичко вот чито, с кем слюбилась, не знают. Мужиков подходячих не было: либо стары, либо ребятенки годов по 15. Думали, гадали, да так и не могли никого с бабой сложить. Только порядком время спустя, одна

бабенка и заприметила один раз как-то, что в самую полуночь к бабе в избу через трубу что-то проблеснуло. Подумала бабенка, что бы эфто было такое? Одначе, порешила постеречь и на другую ночь. Ладно, вышла на другой вечер и дождалась полуночи. Что же ведь? Опять то же увидала.
Ну, знакомо, сичас эфта баба сказала про эфто суседке-приятельнице, а та — своей и пошло. Так что вся деревня живым манером узнала, что к вдове в избу летает «черный». В ту-то ночь все бабы не легли спать, а собрались у суседки, что насупротив вдовы жила, чтобы всем увидать экое чудо.
И доподлинно увидали: в самую, что ни есть полуночь увидали они, что над вдовниной трубой огненный шар завертелся, потом вытянулся веревкой, да прямо в трубу. Бабы, значит, сичас из избы вон и к окошкам вдовниной избы — слушать. Ну, и услыхали, что надо было. Ну ведь что же, батюшка ты мой, вить вышло? Ведь «он» замучил вдову-то: не родимши, померла. Да и ладно, что померла! А вдруг, кабы родила, так поди-ка чито бы и родила-то. Страсти!
«Избави нас от лукавого, Господи!» — молитвенно закончила свой рассказ тетушка Катерина.
В этот вечер тетушка Катерина была, должно быть, в благодушном настроении, т. к. сама изъявила желание передать еще один рассказ, который и предлагаю Вам, терпеливый читатель.
— А то еще вот был случай, только уж не знаю где. Мне еще покойница маменька сказывала. Вот так уж случай! Говорить, что ли?

Рассказ VI

192. — Тоже, жила-была одна вдова с детками и «покойный муж» ее с ей жил. Знала баба, что эфто за муж за такой. «Как-де так? — думает, — мужа я сама схоронила и таперича кажинную память панафиду служу, а, накось, при мне и сичас муж все. Нет, не ладно что-то эфто. Нечистый тут впутался: потому покойника-то своего я страсть любила, а эфтого не люблю, хотя и эфтот акурат такой же, как и тот, желанной. Ох, я грешница окаянная!»
Только вот однажды в деревне ихной помер сусед. На похороны звали и вдову эту с мужем (а какой, в омут, муж). Ну, знамо, по порядку, как есть: покойника принесли к приходу за обедню, а потом и на кладбище. Все подошли к могиле и вдова со своим тоже. Ну, опустили покойника в могилу, а черной-то и говорит вдове: «Встань, — говорит, — мне на левую ногу своей левой ногой и гляди в гроб». Баба так и сделала. И видит она, что кто-то с покойника кожу дерет. «Што эфто делают? Почито?» — спросила баба. «А эфто, — говорит «черной», — вот пошто: какая баба, тоись жена, больно прытко тоскует по муже, да ревит, то черти («Спаси, Господи», — перекрестясь, молвила Катерина) сдерут с покойника кожу, а апосля один из ихниего отродья эфту кожу наденет на себя и в мужевниной коже будет к его вдове ходить». [Так] объяснил сожитель своей приятельнице. «А как этого миноваться?» — спросила она. «А нужно, — говорит, — добыть парную узду, да эфтой-то уздой и хлестнуть «его».
Ну, зарыли покойника и домой пошли. А баба уж удумала, што ей надыть. В эфтот день ей не пришлось: потому на поминках были — стало, и сыты, и пьяны. А уж дело-то было на другой день. Сели эфто все обедать и «он», как завсегда, тоже сел. Вот стала баба подавать на стол хлебово, а сама в другую руку захватила узду, раньше уж припасла ее и держала на шестке. Подошла к столу, одной рукой хлебово ставит, а другой — как марызнет (ударит, хлестнет) «его» и ребят тех, что прижила с им. Все они и пропали. Только и слышно было: «Эх, не образумясь, да сам себя!»

Рассказ VII

192. — А вот что ты мне скажи, тетушка Катерина: откуда взялись «они» (черти)?
— Откуля взялись-то? А взялися вот как: Господь-Батюшка прогневился на андела и проклял его за его гордыню. Вот эфтот андел-от и озлобился, и сделался черным-пречерным, лико свое андельское помрачил, одеженьку белую, снегу подобную, потерял, крылышки легки-пушисты переменились на перепону костястую, как у мыши, значит, по ночам [знаешь] летает, да тако нехорошо пищит; на ногах, заместо перстов, копыта отрастил, а над жопой (подлинное выражение) хвост спустил; заместо лика светлого харю богопротивну и богомерзку объявил, с носом, быть крюк, зенки косые, рот до самых ушей: а уши-то, уши! Страху подобны — не то зверины, не то птичины, а на темени-то рога престрашенные. А во рту-то — зубы, быть у свиньи клыки, язык тонкий, да долгой, быть нож и пламя огненные завсегда во пасти своей окаянной

держит, и черный да страшной в наготу оболоченной, в преисподнюю на веки вечные Господом жить определен.
Если же и случается ему на свет из ада вытти, то затем только, чтобы нас, грешников, с пути Божия совратити да на грех наставити. И вного зла приносят «они» людям.
— Ты мне так расписала «его», что уж, думается, что ты сама не видала ли «его».
— Господи Иисусе! — встрепенулась моя рассказчица. — Да штой-то, батька, ты в себе ли? Да рази может «он» хрещеному человеку в своем обличьи явиться? Нет, благодарю Бога, не видывала я его. А што сказала, каков он из себя, так эфто я говорю по сказкам других. Умные люди говаривали. А является зачастую либо черной кошкой, либо собакой, а не то и зайцем. Кошкой-то раз «он» и мне показался.

Рассказ VIII
— Жала я у себя в поле овес, с работницей. Поле было дальнее. Дело было уж ввечеру. Работница мне раза три уж говорила, чито пора домой итти, а я ведь на работу-то лютая, мне и неохота было оставлять у загонов концов. Вот и отемняли. Только вдруг работница и говорит мне: «Вишь, до келевой поры дожались, паля кошка за нам пришла». Погляжу я — и впрямь кошка — черненькая, такая хорошенькая и трется коло нас, а не наша. Только вот жать мы кончили, домой пошли. Я взяла кошечку на руки, ничего, сидит, только песенки поет, да под шею морду свою прячет. Только как терлась-то, и задела кохтям гайтан от креста, а крест-то из-под рубахи и выскочи на волю, да и запутайся у кошки на лапе. Батюшки, как заревит она, да прыг с рук-то! На чистом месте пропала, да сичас же как загогочет над нами, да круг нас искры, быть сноп рассыпались. Вот так уж и напугались мы в те поры. И серпы растеряли, пока бежали домой-то. Ну, с той поры шабаш до потемнения жать, как солнце в место, и мы домой.
— А скажи-ка ты мне еще вот что: откуда взялись маленькие чертенята?
— А от больших народились, да от ведьм.
— Что же, свадьбы у них, что ли, бывают?
— А кто их знает. Люди говорят, что метель да пурги — это они поднимают, потому свадьбы играют. Какая, чай, свадьба: так родятся, от приблуда.

194.
— А-а-а! — зазевала тетушка Катерина и давай рот крестить.
— Зачем ты крестишь рот, когда зеваешь? — спросил я у Катерины.
— А люди старые учили, чтобы, значит, «черный» в нутро не вошел. Поэфтому и надыть уста кстить, колда берет позевота. Вот чито!
— Погоди, расскажи еще что-нибудь, еще успеешь выспаться-то, — сказал я, заметив, что Катерина хотела уйти к себе в кухню.
— Да что тебе еще-то говорить. Мало ли я тебе наговорила. И куда тебе знать-то?
Однако, она осталась и, стоя с неизменной своей пряхой, передала следующее ниже.
— Ну, слухай. Намедни я говорила тебе, как мужик-богомол с «ним» бранился и «он» его донимал, а таперича скажу другое.

Рассказ IX
192. — Жили-были муж да жена, а и был у них маленький. Жили так они только о три души: стариков не было. Вот раз и надо им было итти на жниву в дальное поле; ребенка тоже с собой взяли и с зыбкой (колыбелью). Не в люди же его было отдавать, там, поди, и своих-то не знают куды девать. Пришли на полосу, а зыбку к березе на сучок повесили. Робенок спит. Хорошо ему такого: вольно, не жарко, мух нетути и ветерок покачивает. Пожали батька с маткой мало ли, много ли, да только что-то спервоначала зачали спорить, а тут и разругались и пошли домой, да ругаются. Про робенка-то и забыли. Одначе, баба воротилась, чтобы его взять. Ну, только что стала подходить к дереву-то, где зыбка весилась, и услыхала, что ее ребенок ривит, а его кто-то баюкает: «О-го-го, кумин робенок, не реви! О-го-го, кумин робенок, не реви!»
Тут только баба опомнилась, что, не благословясь, зыбку в лесу повесила, и испугалась. Догадалась, падь, чито эфто «нечистой» качает ее ребенка. Вот и стала она просить: «Батюшка, куманек, отдай мне робенка, ведь

мой он». — На, на, кумушка, возьми его, я давно уж качаю; возьми, кумушка, возьми. Ну, ничего, отдал бабе ребенка, та и пошла с ним домой. И чудеса! С того раза кажинный раз, как только, бывало, коровы той бабы заплутают где в лесу, «он» их сичас и выгонит на дорогу, к самой, почитай, деревне, то и прийдут домой. Так вот как. Не назови-ка баба «его» куманьком, так и не видать бы ей робенка-то. Завсегда надо все, глагословясь, делать, и баба-то зыбку весила зря, ну, а уж «он» тут и был, потому знаменья против «его» на зыбке не было. Так закончила свой рассказ тетушка Катерина и ушла.
25 января 1899.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 600. Л. 3—39

Суеверия, связанные с образом жизни и занятиями

212. У нашей русской крестьянки, что ни шаг, то или поверье, либо примета какая-нибудь. Например, нельзя обмакивать в солоницу кусок хлеба во время еды, потому-де, что, если так сделать, то дьявол войдет в человека, как он вошел в Иуду Искариота, когда Спаситель подал ему хлеб, обмоченный в соли, на тайной вечере.
А поэтому крестьяне замечают: «Грех! Только Иуда в солоницу хлеб макал!»
Если ложка изо рта кладется на стол не чисто облизанной, опять примета — «Эх, паря или дева, теща-то или свекровь у тя корявая будет, не чисто ложку лижешь».
Рассыпалась соль за обедом — ссора и, чтоб избежать ее, торопятся подобрать соль и через левое плечо бросить на пол. «Это “левым”, пущай они подерутся, а с нам Христос!» — говорится в то время, когда лежит соль на полу.
Много крошек под рукой у евшего, — примечают, будто бы будет много ребят у парня или у девушки.
Пустословие и смех за едою строго преследуются стариками. Если кто-либо из ребят во время обеда засмеется, тому замечают: «Чито гогочешь? Ты гогочешь, а в ложку-то тебе бес кастит». А кто болтает ногами, тому говорят: «Али беса на ногу посадил, да качаешь?»

213. Даже такое простое действие, как приметанье пола, и то требует уменья. «Не мети избу к порогу: добро выметешь! Мети от порога к углу — добро замети в избу!» — заметит хозяйка, когда увидит, что сор метется из переднего угла к выходным сеням (к порогу).
Если случится, что в доме есть больной, человек для семьи нужный (работник-кормилец), то изба и вовсе не метется, по тому поверью, что, выметая сор, можно и его (хворого) вымести, т.е. ускорить его конец.
Девушки, сидя в беседе, не будут мести избу из переднего угла, как то делают у себя дома, а наоборот, от порога в красный угол; тут оставляется и сор, и веник, убираются они, когда отойдет вечер. «Мети от порога — заметай женихов», — существует у них приговор, который и объясняет примету или поверье.

214. — Не кажному плотнику сдавай избу ставить, а на перьво узнай, каков у яго карахтер. Не пьяница ли, не злодей ли. Мотри, на какого попадешь! Инной таку штуку сворочает, что и в избе не уживешь. А коли уж нет такого надежного, то делать нечего, трафь ему! Я, паря, вота што скажу тебе. Эфто дело было со мной. Надумал я ставить избу. Ладно. Нанял плотников. Ну и попали, едят их мухи! Давай вина! Что хошь. Хошь, кажинный день покупай. Я, что говорить, покупал сперва, а потом и отказывать стал. Рублев пять пропоил им. Вона, раз как-то и больно поздорили мы с подрядчиком. Обнаковенное дело, из-за вина. Он мне и говорит: «Ну, помни, коли уж эфтот раз!» Ладно. Кончили работу. Деньги получили. Винцо выпили «с отделкой», значит, без эфтого, знаешь, уж никак нельзя. Ушли мои мастера. Я перешел в избу. Бо олье [богомолье] справил, Микольницу тоись; все по порядку. Живем. Только стали примечать: равно кто-то стонет да будит по ночам на подволоке. Инно время помаленьку, а инно так, што паля волос дыбом становится.
Вижу, плохо дело. Я — туда-сюда, рассказал кой-кому. Ну и раскумекали (поняли), что эфто дело плотника. Делать нечего — давай поправлять беду. Поехал к нему, паля в Костому ударился, тамошный он был. Нашел его. Так и так, говорю. Вот что у меня деется. «Не мое, — гыть, — дело! Ничего не знаю!»
— Как, — говорю, — не знаешь!
— А так!

— Люди, — говорю, — мне указали тебя, ты строил избу, ты и эфто исправишь!
Молчит, подлец, перво и апосля, как стал ему кланяться да просить, ровно маленько посговористей стал.
— Давай, — говорит, — ведерко, так и быть, вызволю из «его», а то, как хошь!
Неча делать, дал, братец ты мой, семь цалковых выложил.
— На, — говорю, — получай!
Ладно. Деньги, значит, взял. Веселой такой сразу стал.
— Баба, — говорит, — ставь самовар: надо гостя угостить!
Попили чайку. Вижу, мой мужик начинает собираться.
— Ты, — говорю ему, — куды жа эфто?
— Как, — говорит, — куды? Да к тебе в деревню — надо жа тебя ослобонить.
— А я, — говорю ему, — думал, што ты эфто можешь дома устроить, а ко мне не поедешь; эфто, стало быть, я тебя должен буду и опеть проводить?
— А и проводить, коли захочу, — говорит.
Ну, уж тут я замолк. Думаю, уж не прогневить бы как, ведь, пожалуй, и еще што устроит. Ладно! Привез его, эфто, к себе. Вот он и говорит:
— Я, эфто, тебя ослобоню ночью. Мотри, за мной не подглядывать, а то... «А чаго подглядывать, — думаю себе, — што хошь делай, — из избы не выду. Полегли, эфто, спать. Слышим — начинается... И-и как здорово учало! Страсть! На все голоса завыло. А плотник лежит себе на полатях да посмеивается, хошь бы ему што, а мы-то все ни живы, ни мертвы. Николи, кажись, так и не бывало, к тому же и на воле-то ужасно... ветер — шапку сорви, дожь. Одно слово — ужас!
— Вот, пропели бы петухи, тут и крацки ему, — говорит плотник.
Ладно. Ждем петухов. Наконец, братец ты мой, и петухи запели. Глядим на плотника. Лезет с полатей. Слез, цигарку сделал, ну, покурил.
— Припаси, — говорит, — фонарь мне.
И фонарь принес. Вот вижу, стоит он, шубу свою выворачивает. Потом надел ее и говорит:
— Ну, хозяин, таперича вели всем в голбец (подвал) лезти и сам туда.
— Пошто? — говорю.
— А по то, што так нужно. Тамоди глуше, не так тебе чутко будет, а то все равно и сам убежишь, как я уйду на подволоку-то. Слышь, ступай, — лучше будет. А то спокаешься апосля, коли не послушаешь меня.
Неча делать, полезли мы в голбец, сидим там, ни живы, ни мертвы — с полчаса, кажись, сидели; только слышим, наконец, дверь хлопнула в избу.
— Вылезайте, — кричит, — готово! — Ну, теперь шабаш, — говорит плотник, — ложитесь спать. Тихо будет... И точно, братец, «шабаш»! С тех пор ничего не слыхать.
На утро плотника проводил, только до Галича. Поставил ему сороковку, он и согласился ослобонить меня — штобы, значит, не провожать его до Костомы-то. Да! Вот, паря, каки бывают плотники-то. А уж такого тут, как мой-то, поискать. Ведь што ты скажешь? Што он сделал-то? Я уж после от хорошего человека слыхал. Бутылок пустых под фронтон пристроил, горлышками, значит, на волю. Как на улице ветер, так они и завоют разными голосами. А мы думали и невесть што. На домового думали; рази, думали, противели его чем?.. А оно вот что! Вот и подумай! Так, вот как, друг ты мой любезный, плотники-то... Найди-ка хорошего-то! Не всякому, значит, верь избу ставить, а уж, коли порядил незнакомых, а особливо костомцев, то уж трафь, коли спокою хошь, да не платить зря по семи целковых и страсти испытать. Кто их знает, може они и еще, кромя бутылок, что знают.

218. Крестьяне считают необходимым каждую отелившуюся корову «обойти» через 9 удоев. Этот обходный обряд совершается следующим образом: старшая в семье берет пустую подойницу (посуда, в которую доится молоко), ко дну ее прикрепляет зажженную восковую свечечку, иногда и огарочек, но непременно восковой, и отправляется в хлев, где помещается новотельная корова.
Хлев плотно-наплотно затворяется, замыкается также и окошко, если таковое есть в хлеву. Обходница, убедившись, что в хлеву нет, кроме нее и коровы, никакого живого существа, начинает свое действие. Встав против головы коровы и держа в правой руке отлепленную от дна подойницы свечку, читает Иисусову

молитву или же молитву Богородице — «Богородице Дево,..» — и со словами молитвы прижигает шерсть на лбу и обоих ушах коровы, подвигаясь справа, то же делает с шерстью коровы на правом боку, далее — на крестце и, наконец, на левом боку. Обход и подпаливанье повторяется три раза. Зажженная свечка снова прикрепляется ко дну подойницы, обходница садится доить корову (кстати сказать, что дойница садится под корову всегда с правой стороны). Свечка в подойнице гасится молоком, т. е. свечку не задувают, а молоко, прибывая в подойнице, затопляет свечку и она гаснет.

Придя в избу, хозяйка (она же обходница) цедит молоко, а свечку, протерев, ставит на тягло, где она и догорает. Этот удой молока поступает в пищу. Удои же до обхода, обыкновенно, выпаиваются теленку, а, если последний умер или же родился мертвым, и, вобще, отсутствует, выливались на двор в навоз, и в пищу отнюдь не поступали.

При спуске скота со двора в первый раз после зимнего стояния во дворе, хозяйка считает обязательным проводить свою буренку за околицу, похлестывая ее вербой, освященной в Вербное воскресенье. Похлестывание сопровождается приговором вроде молитвы:

Господи, спаси!
Богородица, соблюди!
Микола, прокорми!
А Егорий от зверья
Лютого мою Красавку
(имя коровы, напр., Буренка, Пестренка, Седавка и пр.)
Сохрани!»

Первый спуск скота бывает непременно в Егорьев день, 23 апреля. В иные селения приглашается в Егорьев день на спуск скота священник, который среди деревни служит водосвятный молебен и молебен Св[ятому] Георгию, т. к. он (Св. Георгий) считается покровителем животных, и лошадей в особенности; священник кропит скот святой водой и после этого хозяйки вербами с приговором-молитвой провожают свой скот в поле. В это же время или накануне некоторые крестьянки навязывают своим коровам талисманы с наговорным чесноком на шею. Эти талисманы, по их поверьям, сохраняют скот и от болезней, и заедания зверями.

У наших крестьян, несмотря на то, что прошло уже около 1000 лет со времени принятия Русью веры Христовой, и что они родились в этой вере, в ней живут и в ней умрут, но, несмотря, говорю, на это, и до настоящего времени в них коренятся самые глупые и дикие поверья и беспросветные проступки, вредные и религии, и нравственности. Скажу более — они и теперь еще, хотя и бессознательные, но идолопоклонники. В доказательство этого я привожу случай, имевший местом наш приход.

В районе прихода с. Мостище есть д. Самылово. В 1892 году в у. Костромском, Галичском, Чухломском и частью Солигаличском свирепствовала сибирская язва, от которой пал скот. Узнавши, что в соседней деревне (Подойково) появилась эта болезнь, жители д. Самылово вздумали исполнить обряд, после которого, по их поверьям, болезнь не может уже перейти в деревню. Обряд этот состоял в том, что вдовы и взрослые девицы, в полночь собравшись за деревней, сняли с себя верхнее платье, в одних рубашках, распустивши волосы, впряглись в косулю, и общими силами, в предшествии одной из женщин с иконою Богоматери в руках, провели борозду кругом деревни.

Спрашивается, что же это такое делали они, кому приносили службу, у кого просили они помощи и избавления от смертельной опасности? Если они просили о помощи Богородицу, зачем тут идти за деревню в полночь, раздеваться и тащить косулю? Если же они служили сатане, тут, кажется, не место образу Богородицы. А служение сатане не есть ли идолопоклонство?

Не дико ли это: икона Богоматери как символ богопочитания, а опахиванье — языческий обряд! Очевидно, они не знали, чему больше верить — Богородице или опахиванью.

Но может ли христианин не знать истин своей религии и отговариваться незнанием, что грех и что не грех? Кто виноват в том, что в нашем народе есть вот такие черты, как приведенный выше случай, определяет их? Вот вопрос, который я сравню с болячкой. А и болячки требуют лечения…

И опахивали свою деревню не одни самыловские бабы, а почти все вышеназванные уезды. Случалось даже, что одна деревня опахивалась по нескольку раз и такие глубокие борозды до сего времени можно видеть кое-где.

Ездили и по солнцу, и против него, ездили на одних девках и на одних вдовах, ездили и одетыми, и совсем голыми. Да и как не ездили? Кто как выдумает, так и поедут.

221. При продаже скота существует следующий обычай: когда покупателю нравится корова, лошадь или другой скот, и он (желает) намерен ее купить, но зная, что и продающий не прочь извлечь, кроме вырученных от продажи денег, и более серьезное, т.е. вод скота в своем дворе, первый старается незаметно взять из-под ног торгуемой коровы, что ли, несколько соломинок, сунуть в карман и перенести на свой двор. Это старается сделать как можно аккуратнее, т. к. хозяин-продавец знает это поверье и зорко следит за покупателем, и поэтому редко-редко, разве уж почему-либо, он старается показать «живот» (животину, скотину то есть) на улице, а не на дворе.

Украденная соломинка из-под животного, по поверью, имеет, якобы, такое свойство: хозяин-продавец уже не может «отнять добра у скота», т.е. молока и хороших качеств животного; а равно лишается и нежелания того, чтобы покупатель унес с соломинкой его счастье в воде скота на свой двор. По этому поверью, ни один крестьянин не продаст лошадь в той узде, которая сделана для нее, а надевает узду с другой лошади, если же другой узды нет, то продает часто с обрывком веревки на шее вместо узды или же покупает узду у соседа и продает лошадь в чужой узде.

Пчеловод, особенно старик, ни за что вам не продаст роя пчел, не говоря уже об улье, он держится тоже поверья, которое ясно из следующего приговора: «один улей продашь — всю пасеку отдашь». Если в данном случае желающий купить пчел бессилен с упрямым стариком-пчеляком, зато покупатель лошади знает, как выманить повод у продавца, — стоит только явиться купившему лошадь за ней со своей уздой, как продающий тотчас же спешит, завидя купившего еще на улице, сам вывести лошадь на улицу из своего двора и передать повод новому владельцу из полы в полу. Но это не всегда случается. Иногда новый владелец незаметно придет в избу, с ним отправляется на двор и берет лошадь на свою узду. И прозевавший хозяин вполне уверен, что будто бы уж у него не будут вестись лошади так хорошо, как до этого раза они велись, а тот ликует, что «на своей узде счастье-де в лошадях на свой двор веду».

Разве только неопытные продавец и покупатель будут передавать повод друг другу голыми руками, а опытные этого не сделают, т. к. тут всегда найдется отговорка — «Руки-де били, да через что? — Через шкуру и шерсть животину!» Это, видите ли, обманувши, «ударить по рукам», т.е. закончить сделку, — дать друг другу голую руку — грех, а через полу — греха нет!

Явился желающий купить хлеба, но хозяин не пустил его к себе в амбар: боится «сглазу» и «сдиву», а принесет образцы в избу. Если в цене сошлись, то хозяин допускает покупателя в амбар (или клеть, по-галичски), допускает и его самого наполнять мешки хлебом, и сам старается лишек с меры сбрасывать обратно в сусек. Поверье — хлеб перестанет вестись, если не сгребешь с верху краев меры.

Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни. Заговоры.

224. Молодые парни и девушки уверены, что можно приворожить сердце, а для этого же нужно поймать лягушку, убить ее и бросить в муравейник; когда муравьи объедят мясо ее, то из скелета надо выбрать две косточки — одна из них имеет форму крючка, а другая — вилашек. Для того, чтобы «приворожить» к себе девушку или парня, надо, будто бы, незаметно задеть косточкой, которая имеет форму крючка, одежду той ли того, и дело в шляпе: сердце «приворочано».

Если один из любовников охладел к своему предмету и желает отделаться, — употребляется в дело косточка вилашки. Стоит-де только этими вилашками оттолкнуть незаметно, и любви конец, сердце «отворочено». Для приворота сердца девицы, достигшие более нежели зрелого возраста, лет 25—30, а употребляют в дело свои менструации (!); для этого капелька менструаций размешивается в каком-либо питье и подается избраннику. Бабы уверяют, что «эфто ахти как помогает».

226. Счастье и несчастье в жизни молодых супругов заключается по следующим приметам: в момент спуска невесты со двора, случается, лошади, которые везут невесту к венцу, выпустят ветры (по-деревенски — пернут), — к смерти молодой. Если дорогой идет снег или дождь — богатое житье. Если свадебный поезд встретит покойника или догонит его, или покойника перенесут поперек дороги — один из молодых

умрет до году. Если молодая (невеста) чем-нибудь больна, то в тот момент, когда она входит на крыльцо храма, ударяют три раза в колокол — и болезнь пройдет. Больная невеста, чтобы избавиться от болезни, должна говорить в то время, когда ее с женихом водят вкруг нолоя: «Я, раба Божия, венчаюсь, но болезнь моя не венчается».

Для избавления невесты «от порчи» употребляются следующие талисманы: в венчальное платье втыкается несколько штук протяжек (иголок без ушей), в башмак кладут серебро, на крест навязывается чеснок и янтарь, на голое тело надевается — лейный пояс с молитвой «Да воскреснет Бог...» Чтобы жена получила первенствующее значение в супружеской жизни, употребляются такие обряды: берутся зубами за церковный замок, стараются уснуть раньше мужа в первую брачную ночь, стараются перекатиться через спящего мужа, первыми стараются встать на подножье, взглянуть на мужа во время чтения «Отче наш»; как бы нечаянно толкнуть мужа во время чтения апостола, на словах «а жена да боится своего мужа», при чтении, к глаголу «боится» прибавляется шепотом отрицание «не».

229. Роды. Наша русская женщина, крестьянка, во все время беременности работает изо всей силы, т. к. ей «неколи баловаться, барствpвать». Бывает, и даже очень часто, что она и родит-то на работе. Почувствовав боли, она никому не подаст виду и продолжает жать, пока не выбьется из сил. Не сказывается родящая по тому поверью, что за каждого, узнавшего об ее времени родов, ей придется «отмучиться». А поэтому баба, хотя и начала мучиться, но идет на работу и работает в поле или на сенокосе до последней возможности, и только в самый момент родов уходит за суслон или копну, или же куст, где и разрешается, большей частью, на ногах или коленках. Родив ребенка, она сама и повьет его, т. е. откусит «поводок» (пуповину) и перевяжет ниткой, которую уже всегда держит у себя или на шее, или в кармане платья, на запасе. Когда баба управится, то выходит из своего прикрытия и объявляет родным о прибавлении семейства. В тот же день, а иногда и ночь, топится для родильницы баня, и она отправляется в лес, где и остается суток двое-трое. Для подкрепления сил ее угощают водкой, пьет она чашку или две, смотря по желанию. Пить дают ей квас, заболтанный овсяной мукой, «чтобы лучше на брюхе завязалось и золотник на место встал».

Вместе с родильницей в бане находится и повитуха, которая за ней ухаживает. Тут же родильницу посещают и соседки, идут они к ней с приношениями: гороховым киселем, редькой, ржаным пирогом; каждая несет то, что любит сама.

Но не все бабы родят легко и споро, многие мучаются по несколько суток. Иногда муки причиняются и повитухами. Позволю себе привести следующий случай, который имел место быть в д. Льгове в прошлом году в октябре месяце. В этом Льгове есть бабенка по имени Ольга, роста маленького, как говорится, аршин с шапкой и вся-то, но, несмотря на это, родящая ежегодно, хотя всегда трудно. Последние же годы — сверх всякого мучения. Почувствовав время родов, к ней позвали баушку-повитуху, или «повойку», долго билась с ней повитуха, наконец, отказалась и ушла; тогда пригласили другую старуху-повойку из соседней деревни. Эта оказалась энергичнее первой и прямо взялась за свои обычные приемы. Распустила родильнице волосы и заставила ее глотать свою косу; баба глотает и, конечно, давится волосами, а старухе только этого и нужно. Но из этого толку не вышло. «Попробуем еще манер, милая! Тетушка Алена (мать родильницы), принеси-ка бутылку! Ну, таперички дуй, жаланная, в яе», — говорит повитуха родильнице. Делать нечего, дует баба, так дует, что лицо посинело и глаза чуть из орбит не лезут. Но как ни дула — бесполезно. Но повойке всего этого показалось мало. Она втащила бабу на полати и повесила с полатей вниз головой, привязав ее за ноги! Это делалось для того, чтобы «робенок на место встал». Но, сверх ожидания повитухи, этого не вышло. Побившись еще около больной часа четыре, сбежала.

Послали опять за той старухой, которая была раньше. «Надо руки приложить», — решила она. И приложила, но так умело, что у ребенка вытащила лишь одну ручку, и, более не успев ничего сделать, тоже ретировалась, но посоветовав свезти больную в с. Ваганово, за 10 верст, «там-де больно хороша баушка есть». И повезли. Ваганьковская старуха отказалась, должно быть, [неразборчиво] тех двух, т. к. посоветовала ехать в Галич. Прошу вспомнить, что вся эта поездка происходила в октябре месяце, по ужасной дороге и в навозной телеге. По совету ваганьковской старухи, больную привезли в город и положили в больницу.

Врач констатировал смерть ребенка и вытащил его инструментами. Баба осталась жива, здравствует и по сию пору. В бане родильница лежит дня два-три, а некоторые и совсем не лежат, например, бабы-одиночки.

Сегодня родивши, она в тот же день принимается за работу, большею частью и на «кстины» стряпает сама. Крестят бедные — в церкви, а более зажиточные — на дому. Плата причту — минимум 60 коп. и попу «на руку» полотенце или платок. Здесь, по поводу выражения «попу на руку», я должен сделать маленькое пояснение. Не знаю, руководствуясь чем, священник, перед тем, как погружать ребенка в купель, требует, чтобы кума «обвязала» ему левую руку повыше кисти. Это делается, вероятно, для того, чтобы не вымочить в воде рукав подрясника. Но обвязка-то эта с какой целью поступает в его пользу?

При крещении существуют такие поверья: если воск с закатанными в него волосами младенца потонет в купели, то говорят, что ребенок умрет. Считают суеверием крещение двух младенцев в одной и той же воде! Будто бы, второй из них получает счастье первого.

На крестинах в числе других угощений считается непременным блюдом каша. Вероятно, потому, что она служит как бы кружкою для доброхотных даяний гостей в пользу ребенка, что все гости обязаны, поевши каши, положить несколько коп[еек] на тарелку, в которой была каша.

Перед тем, как встать из-за стола, гостям подносится, каждому непременно, водка. Кто выпьет водку (а, если кто и не пьет ее — это все равно), тот обязан «осеребрить» рюмочку, т. е. дать серебряную монету, — эти деньги поступают в пользу повойны. Она и угощает вином гостей. Родильница же получает подарки, пока лежит в бане. Дарят, кто что может: и натурой, например, чаем, сахаром, ситцем и проч., и деньгами.

Новорожденный, с первого же дня появления на свет Божий, отделяется в особое помещение — это его помещение суть люлька или зыбка. Устройство ее очень незамысловато. Это не что иное, как драчатая или брутная корзина, привязанная к очепу (очеп — гибкая жердь, дерево, длиной в 4—5 арш. и 1 ½ вер. и в 1 вершок в высоте), который просовывается в железное кольцо, ввернутое в потолочницу. Люлька завешивается пологом из старой материной юбки или сарафана. В няньки к ребенку ставится девочка, а если ее нет, то и мальчик, возрастом от 5 до 9 лет. На обязанности такой няньки лежит качание ребенка и распеленывание его. Няньке строго запрещается качать пустую люльку, потому что, как примечают, не спокоен будет ребенок. Бывает зачастую, что у таких нянек ребенок выпадает из люльки, но, т. к. люлька большею частью вешается над постелью, где спит мать (а постель устраивается под полатями в «кути»), то ребенок вываливается на постель, и большею частью счастливо. Но иногда ребята выпадают и на пол, что и отзывается на их здоровье.

Только месяц, реже два, ребенок питается грудью матери и кашкой, а тут уж его начинают кормить чем попало. Полугодовой ребенок ест все, что едят его родители.

26 марта 1899 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 13—48

240. Церковь и религиозное почитание. Прихожане Троицкой церкви с. Мостище Галичского у. Костромской губ. очень охотно посещают свой приходский храм, молиться ходят и мужчины, и женщины, и дети, но преимущественно — женщины. Т. к. служба в церкви бывает только по воскресным и праздничным дням, а в будни службы совершаются только заказные, обедни заупокойные, сорокоусты, то преимущественно в праздники и ходит народ помолиться к своему приходскому храму. В рабочую пору в церкви народа бывает заметно меньше, чем в глухую; кроме работ, хождению в церковь препятствуют: непогоды, дальность расстояния и неудобства дорог осенью и весною, некоторых удерживает дома недостаток платья и обуви.

В царские дни церковь всегда пуста, кроме школьников нет никого, даже семейства священноцерковнослужителей не ходят в эти дни в церковь. Какая причина? Думается, та, что крестьяне не знают чисел царских дней, а священник не предупреждает их. Очень часто случается, слышат вопросы крестьян: почему звонили вот тогда-то? О чем молились?

Как сказано выше, что некоторых крестьян удерживает в праздники дома недостаток одежды и обуви, то из этого можно вывести, что народ, идя в церковь, приодевается. Мало того, близость города и отхожий промысел распространили франтовство. Невольно приходит на ум поговорка «на брюхе шелк, а в брюхе щелк», когда в праздники видишь разряженных парней и девушек. Здесь мало-мальски состоятельная девушка непременно, идя в церковь, оденет шляпу в 5—7 руб., перчатки, платье из материи, сшитое в Галиче по последней картинке модного журнала, и непременно с раскрытым зонтом (тоже не дешевым) в руках.

Парни носят сапоги с галошами, суконные или треповые пары, манишку, а иные и полотняную крахмаленную рубашку с галстуками всевозможных цветов, только не черных; головы одеты в фуражки или шляпы; каждый парень держит в руках или зонт, или тросточку, у каждого из них в жилетном кармане есть часы.
Женатые крестьяне среднего возраста и даже старики ни за что не пойдут в церковь в старом домашнем кафтане, да и дома-то у них нет их, а идя в церковь, наденет или пальто, или пиджак. О синих рубахах и портах, а также и лаптях здесь нет и помину. Но, видя так чисто одетый народ, не думайте, что он живет богато, далеко нет — это требование времени, дух местности. Очень часто здесь случаются такие сцены.
К бабе, у которой муж живет в Питере, а дома есть дочь — невеста, приходит за податью староста.
«Я слышал, — говорит он хозяйке, — ты получила от самого присыл? Давай в оброк!»
Баба, стоя у печки, и сунув голову в цело печи, как будто бы что-то там делает, говорит ему:
«Ничего я не получала, врут все!»
— Как не получала? Ты вчирась была в городу, пошто ходила, я сам тебя видал?
— Мало ли почито ходила.
— А пошто?
— Да вот, чаю нет, так и ходила покупать. Вот пошто! Не хошь ли чайку-то? — говорит баба это, уже вылезши головой из печи и глядя в глаза старосте.
— Что мне твой чай! Дома пили, а вот ты, давай оброк-то. Вить, в город ходила чай-де покупать! Деньги, стало, есть, коли чай покупала? — язвит староста.
— Какие деньги, кормилец, продала сотенку яичек, вот и купила чайку, да вот, знала ведь, што ты придешь, вот ешше эфтого захватила, — вынимая из-под фартука и ставя на стол бутылку водки, говорит баба. — Подвигайся-ко, кормилец, к столу-те!
При виде «светлейшей» у старосты заискрились глаза и, не отказываясь, с сознанием своего достоинства и начальства, он сел за стол, села и хозяйка. Распивая водочку и чаек, староста узнал от бабы, что она получила от мужа 30 руб. да, «почитай, что все истратила на девку: купила матерьи на платье, да полсапожки с калошам, да зонт, да гля дому кой-что: чаю, сахару, вот, винца гля тебя, дорогого гостя, да ешше харчу разного».
— Знаю, чудная, что расход и по дому есть, да ведь и оброк-то надыть платить. Ведь за тобой, мотри, 23 рубля недоимки-то!
— Ох, знаю, желанный, да девка-то ведь на выросте: надо обуть, одеть, голую замуж-то не возьмут; а нонче, гляди-ко, как наряжаются все, ну, и моя просит наряду. Што поделаешь?
— Знаю, все знаю, у самого девка. А все же дай хоть сколь-нибудь.
— Да вот, на хоть штраховку за дом. Сколь с нас сходит-то?
— А вот погоди, надыть поглядеть в книгу.
— По книге оказалось 70 коп.
Баба вынесла из-за перегородки старосте требуемые деньги, он их получил, записал в книгу, выдал квитанцию в получении, опять все сложил в сумку и стал пить чай с водочкой, закусывая галичским харчом в виде кренделей и мятных пряников.
Когда бутылка была пуста, а самовар уж кланялся чашкам, староста, раскрасневшись от выпитого, вышел из-за стола, перекрестился на образа, поблагодарил хозяйку за угощенье и, взяв шапку, ушел, получив вместо 23 руб. только 70 коп.
Такие случаи в нашей местности случаются сплошь и рядом.
Как здесь местное население помешано на нарядах, так в Солигаличском у. Чудцовская вол. (жители промышляют на сплавах леса), т.е. парни помешаны на гармониях. Там каждый рекрут, без исключения, имеет гармонию. Приобретение гармонии сопрягается зачастую с продажей последней коровы. Эти злосчастные гармонии ценою бывают от 20 до 40 руб. и делаются по заказу вятскому мастеру, живущему в самом селе Чудцы. Но чудцане — народ, куда зажиточнее нашего, там нет такого франтовства, а, следовательно, и таких трат.
Несмотря на то, что наш народ любит пощеголять и выпить, никогда не случалось видеть пьяного в церкви, а тем более вывести такого. Более зажиточные из крестьян, преимущественно же подрядчики, проживают в Петербурге, заметно радеют о церкви, приобретая для нее церковную утварь, священнические и престольные облачения, образа в дорогих окладах, свечи и масло. Жертвы эти поступают в храм с целью загладить грехи,

благодарности за полученные барыши. Что же касается того, чтобы похорониться на закрытом кладбище близ церкви, то причт с. Мостище установит особую для сего «таксу». Могила стоит 100 руб., причем деньги эти делятся — половина поступает в пользу церкви, а другая — в пользу причта. Это только за место, а если кто хочет, чтобы душа покойного поминалась, то за это опять «по таксе», еще 100 руб. В настоящее время на закрытом кладбище схоронено 13 человек, итого, значит, за места — 1300 руб. да столько же за помин души. Недурно ведь?

241. Редкий из крестьян, проснувшись, не перекрестится. Почти каждый, лишь только открыл глаза, сейчас же кладет на себя крестное знамение, хотя между ними я знаю и таких, которые мало молятся Богу, и в церковь ходят раз в год. Впрочем, и всем им, благодаря массе дела, мало приходится уделять времени на богомолье. Они молятся немножко утром да вечером, а перед едой лишь только «кстятся», вряд ли, читая молитву.
Из лика святых особым почитанием пользуются: Святитель Николай Чудотворец Мирликийский, Пророк Илия, Великомученик Георгий, Великомученица Екатерина, Анастасия (у женщин, особенно, как помощница в родах) и Варвара.
Из образов имеют место: Спаситель, Богоматерь разных явлений, но преимущественно Казанская и Тихвинская, а с недавнего времени и Федоровская как покровительница губернии; из образов святых — Николай Чудотворец.
Из церковных книг почти у каждого грамотного имеется в доме псалтирь и часовник, а у одного крестьянина очень много старославянских рукописных полууставом книг, между которыми есть старообрядческие. Книги эти он держит под замком и читать их никому не дает, хотя и хвастается ими, и показывает любопытным, но не всем и каждому. Как образа, так и священные книги крестьянами чтутся и охотно приобретаются.
У всякого набожного поселянина нашей местности имеется заветная мечта побывать с поклонением местам святых Киевских и Соловецких угодников и, действительно, некоторые из них, собравшись в одну партию, идут в намеченную ими обитель.
Всякий такой богомолец отправляется из дому, лишь только будут окончены полевые работы; для дальнего пути они не берут с собой ничего лишнего — две-три перемены белья и очень немного денег, 5—10 руб., а иногда и того меньше, — деньги эти тратятся дорогой на покупку лаптей, так в них, будто бы, легче идти, да и сапоги целы будут, да еще на покупку в городских трактирах кипятку, чтобы напиться чаю, который они сбирают по деревням, усадьбам и селениям, идя путем.
Некоторые богомольцы таким образом проводят вне дома по 2—3 года. Это потому, что, идя, например, в Киев, они не преминут по пути завернуть и в Москву, и в Ростов, и в другие монастыри с чудотворными мощами, а те, которые идут поклониться в Соловки, точно так же, по пути сворачивают в соседние обители.
Должно сказать, что из местности, о жителях которой я говорю, в дальние монастыри отправляются большею частью бобыли и бобылки, т. е. одиночки, не имеющие семьи; иногда такие богомольцы делаются и профессиональными странниками. Многие же из крестьян ходят на поклонение мощам и чтимым иконам в ближайшие местности, как-то в г. Тотьму Вологодской губ., большею частью, на день памяти Феодосия, на 28 января. В Чухлому, в Авраамиевский монастырь — на 1 октября, кстати, и на ярмарку, которая в этот день бывает в монастыре. На этой ярмарке торгуют лошадьми и рогатым скотом.
А очень многие из жителей местности в Великий пост и ходят, и ездят в женский Боголюбский монастырь близ Кадыя, заштатного города Костромской губ. В этот и другие монастыри ходят и ездят и периодически, и по обещанию, вследствие избавления от каких-либо несчастий и избавления от болезней.

Посты

Крестьяне, живущие в деревне, очень строго хранят все посты и постные дни в году, те же, которые живут в городе и столицах, как раз наоборот — мало соблюдают постных дней, живя временно в деревне. Но пост Великий и хранят, и соблюдают. Людей другой веры, хотя бы и христианской, называют «нехристями» и ни за что не посадят такого иноверца за стол вместе с собою, а также не будут есть и пить, когда случится им быть в доме человека, исповедующего другую религию, хотя бы, повторяю, и христианскую.

242. Священники и причт. В с. Мостище причт состоит из одного священника, одного штатного псаломщика и одного сверхштатного, получающего из доходного рубля пятачок; этот сверхштатный псаломщик обязан благовестить к службе, зажигать свечу и раздувать кадило. Отношение народа к причту станет ясным, когда узнаете, что наш народ называет попов «обирохами» и «ненасытными утробами».

Для того чтобы, когда нужно крестьянину, совершить какую-либо требу, он должен явиться к священнику на так называемую «покладку», т.е. условиться или сторговаться с ним. Эти «покладки» обязательно бывают между крестьянином и причтом при совершении таинств брака. За несколько дней до брака, когда дело кончено между родителями жениха и невесты, отец жениха является в дом к священнику, чтобы «положить», когда будет брак, т.е. в какой день недели, и уговориться с причтом о цене за венчание и поборках попу с женой и дьячкам с женами. За свадьбу плата взимается от 5 до 20 руб., смотря по состоянию крестьянина, подарки с богатого — «батюшку» — материи на рясу или подрясник и полотенце, «матушке» — материи на платье, полотенце и шерстяной или шелковый платок, а дьячкам — по платку и полотенцу. Не в нашем, а в некоторых соседних приходах очень интересны бывают эти покладки. К дому священника подъезжают сани, в которых сидят отец жениха и дружка, в опорчеве саней стоит сундук. Сойдя с лошади, мужики помолятся на церковь, потом, подняв сундук, поднимаются с ним в дом священника.

Здесь, поздоровавшись с батюшкой и получив от него благословение, они объявляют, что явились к его милости потолковать «о покладке на свадьбу». Священник приглашает их занять место, а сам посылает за причтом. Но мужики за стол не садятся, а дружка начинает выгружать на стол все, что находилось в привезенном сундуке. Прежде всего вынимается скатерть и накрывается стол, затем на стол ставятся из сундука: несколько пирогов, здоровый кусок жареного или вареного мяса и четвертная водки. Когда все выставлено из сундука и причт весь собрался, отец жениха приглашает причт занять место за столом. Усевшемуся причту дружка вручает каждому члену причта по полотенцу, заменяющему у нас салфетку, и вот, за выпивкой, устанавливается цена за свадьбу и выговариваются подарки. Как только дело «решено», мужики выносят из дома пустой сундук и уезжают. А полотенца, пироги и вино с говядиной остаются. Эти остатки делятся между членами причта сообразно положению каждого и денежному доходу; конечно, больше всех получает священник, затем, если есть, дьякон, а потом уж и псаломщики. Делят и водку, и говядину, и даже остатки пирогов! Полотенца не делят, т. к. они уже подарены дружкой каждому лицу отдельно.

Но и в полотенцах есть разница: священнику — лучшее, дьякону — похуже, а дьячкам — еще похуже.

Говорят, что в нашем приходе было то же, но благодаря заштатному священнику о. Николаю Павловичу Постникову, здравствующему и до сих пор, хотя и лишившемуся ног, все эти безобразия — «покладки» и т.п. сборы хлебом, льном, маслом, яйцами и пр. уничтожены, за что и благословляют его крестьяне.

У нового же священника замашки иные, и не будь над ним бдительного ока о. Николая, то, вероятно, и у нас было бы то же, что и в соседних приходах. Но и в настоящее время уже введен сбор перепечий во время молений по деревням в обещанные праздники и выговоры полотенец и подарков на свадьбах.

Плата за требы:

Молитва родильнице — 30 коп. и готовая подвода.

Крещение младенца в церкви — 60 коп. и платок на руку.

40-овая молитва [неразборчиво] — 20 коп.

Крещение младенца на дому — 1 руб. и готовая подвода и платок на руку.

Погребение младенца без выноса — 60 коп.

с выносом — 1 руб. 60 коп.

взрослого без выноса — 1 руб.

с выносом — 2 руб.

Заупокойная обедня — 1 руб.

священие на готовой подводе — 1 руб.

Молебен простой — 30 коп.

водосвятный — 50 коп.

Причащение на дому — что дадут, а лошадь готовая.

Молебен и панихида в церкви — по 30 коп. Во славу Крещенскую, Рождественскую и Пасхальную — не менее 15 коп., каравай хлеба, четверик ржи, четверик овса и ячменя, что дадут.

Во время селенского моления, например, в д. Льгов 23 июня, во «Владимирскую» 3 молебна в полях и всенощная среди деревни — 5 руб.

Молебен в доме с крещением дома и двора — каравай ржаного хлеба и 30 коп. Летом в приходе таких молений — 1%.

В Великий пост за исповедь, запись и теплоту — без таксы, что дадут.

За венчание — от 5 до 20 руб.

Сорокоуст — 50 руб.

За документы из метрической книги о рождении и похоронах, без марки — 1 руб.

Об исповеди и крещении, если дается девице, выходящей замуж в чужой приход — 3 руб., а если для другой надобности, то без марки — 1 руб.

Плата натурой не принимается.

Оскорбление священника вызывает у крестьян лишь улыбку, а если сильное оскорбление, например, словом, то осуждение.

Встреча с духовными — не к добру, пути не будет.

Почитание праздничных дней

243. В двунадесятые праздники, установленные по каким-либо местным случаям, так называемые моленые, крестьянами чтутся, в эти дни они воздерживаются от работы, то же касается и дней воскресных. В рабочую же пору, воскресенья не соблюдаются. После местных, обыденных праздников крестьяне всегда «отгуливаются» дня два и даже три; последний день гулянья у них слывет под именем «кочережной». Кочережная справляется большею частью бабами и состоит в том, что они вскладчину покупают водки и угощают ею своих мужиков, конечно, и сами выпивая по рюмочке. После кочережной, на другой день, вся деревня принимается за работу.

К числу праздников, не установленных церковью, народом соблюдается пятница перед Ильиным днем, или известная в народе под именем Ильинской пятницы. Причина празднования этого дня кроется в том, что, будто бы, «кто сию пятницу постится, тот от грома и молоньи спасен будет», — так гласит «Список святых пятниц». Список этот суть приложение к «Сну Богородицы».

Празднование масленицы

У нас масленица начинается со среды, все дни этой недели, начиная со среды, крестьяне проводят в еде, питье и гулянье.

На столе первое место занимают оладьи (лепешки тож), блины и, конечно, водка, а водки выходит и довольно-таки порядочно — от полуведра до полутора и двух.

В эти дни крестьяне ездят друг к другу в гости, но только крестьяне, родственные друг другу. Обыкновенно в среду, молодой с женой (сего года обвенчанные) едет в деревню к своему тестю с «позывом» на праздник. Здесь, у тестя, напившись чаю и немного закусив, зять с женой и тесть с тещей отправляются в дом зятя, т. е. зять привозит их с собой к себе в дом.

Угощение состоит из чая с гостинцами и водкой, а после него тотчас же бывает обед, который начинается с оладий (лепешек), потом идут горячие и жаркие, все рыбное и, в заключение, подаются блины. Каждое блюдо запивается водкой и перед каждым блюдом выпивается водка — до блюда и после блюда по рюмочке. А т. к. блюд бывает порядочно, то обыкновенно из-за стола поднимаются уж здорово хвативши. После обеда тесть с тещей тотчас же уезжают домой, приглашая на завтра «сватушку» и «сватьюшку» (отец и мать зятя) к себе. Молодые едут сейчас же вместе со стариками.

К числу масленичных развлечений еще относятся «съездки». В известный день масленицы все молодые (обвенчанные в этот мясопуст) на лошадях в лучшей сбруе, а сами молодые в лучших одеждах едут в назначенную деревню, так, например, в среду во Льгово, в пятницу в д. Болотово, в субботу в д. Антипино, и здесь катаются вдоль деревни часа два-три. На эти съездки съезжаются молодые из всех соседних сел и деревень, так что катающихся бывает лошадях на полутораста и больше. Четверг же назначен на катание в г. Галиче.

С раннего утра можно видеть, как тянутся целые вереницы лошадей к городу со всех сторон. Площадь города так бывает занята народом, что, буквально, яблоку упасть нельзя. Лавки торгуют как никогда.

Первым долгом по приезде в город молодая накупает себе саквояж орехов и пряников, после этого эти пары отправляются в трактир, где пьют чай, а иные и водку. Т. к. браки между крестьянскими парнями и девушками устраиваются большею частью довольно быстро, а иногда даже так, что они почти совсем до свадьбы не знали друг друга, то вот в этот день они узнают, каковы мы есть. Здесь очень нередко видишь, как молодой «отбивает карахтер» своей жене, т. е., попросту, ее бьет. Иногда дело доходит до того, что такого охочего до «отбивания карахтера» подхватывают городовые и уводят в известное место до вытрезвления, а бедняжка молодая отправляется в слезах на квартиру. Многие из пожилых уже женщин еще и теперь вспоминают, как они гуляли в городе на масленице и были трепаны своими мужьями. После двенадцати часов молодые, которые не попали в полицию, катаются по городским улицам и площади, катание продолжается до вечерен. Во время катанья вдоль площади, по дороге, стоят шпалерами городские жители и зевают на катающихся, увидя знакомых, они кричат им: «Молодые, оле-ле!» На этот крик из саней летят орехи и пряники, которые с криком и [слово неразборчиво] подбираются мальчишками. Некоторые молодые, более состоятельные, конечно, раскидывают в стоящих и вопиющих «молодые, оле-ле!» по ящику пряников и орехов.

С ударом колокола к вечерне площадь пустеет: горожане идут по домам, а деревенские уезжают. Во время масленицы девушки и парни на улицах водят хороводы, катаются с гор, а по вечерам веселятся в беседах. К числу масленых развлечений относится еще заваливанье у домов калиток. Дерзости эти чинятся преимущественно над соседями серьезными и сердитыми. Калитки заваливают ребятишки и взрослые парни, иногда и развеселившиеся мужики из молодых. Заваливают двери так усердно, что бедному домохозяину иной раз достанется дела чуть не на целый день. Заваливают чем попало: дровами, соломой, бревнами, плохо убранными санями и вообще всем, что плохо лежит. Итак, в эти дни все заняты своим делом: старики и молодожены ездят по гостям, молодежь веселится и тоже печет блины и оладьи, только не пьет (впрочем, ребята холостые и пьют, даже напиваются), ребятишки катаются с гор и играют. Но они и без масленицы это делают, а поэтому у них есть и в это время своя работа, работа усердная, приятная и, пожалуй, трудная. В самом деле, разве мало труда и заботы для того, чтобы сыграть масленичный финал, а финал этот — дело рук ребятишек.

И вот, как только началась масленица, у ребят началась работа по раздобыванию горючих материалов. Всяк из них тащит в укромное местечко, только ребятам и известное, кто охапку дров, кто кузов, кто худое понес, ящик, солому, дегтярницу, вообще, все то, что может гореть.

На воскресенье же все ребята отправляются за деревню и выбирают место для масленицы, а потом из всего собранного мастерят, складывают костер, иногда очень большой. Вечером, часов в 8—9, они, в сопровождении чуть не всей деревни, идут к этому костру и, полив чуточку керосином, зажигают его сразу со всех сторон. Когда костер разгорится, начинается уличное веселье около него, молодежь танцует по умятому снегу, поет песни.

Но вот пламя делается все меньше и меньше, в костер летят остатки масленичного обжорства: яйца, блины, лепешки; это для того, чтобы маленькие дети, которые тут находятся, видели, что все молочное сгорело и не просили бы его до Пасхи, ребята же и молодежь, взявшись за руки и кружась у потухающего костра, поют:

Курва масленица
Пробрытилася,
Прокатилася!..
Поезжай в Ростов,
Накупай хвостов!
На Великий пост
Тебе редьки хвост!

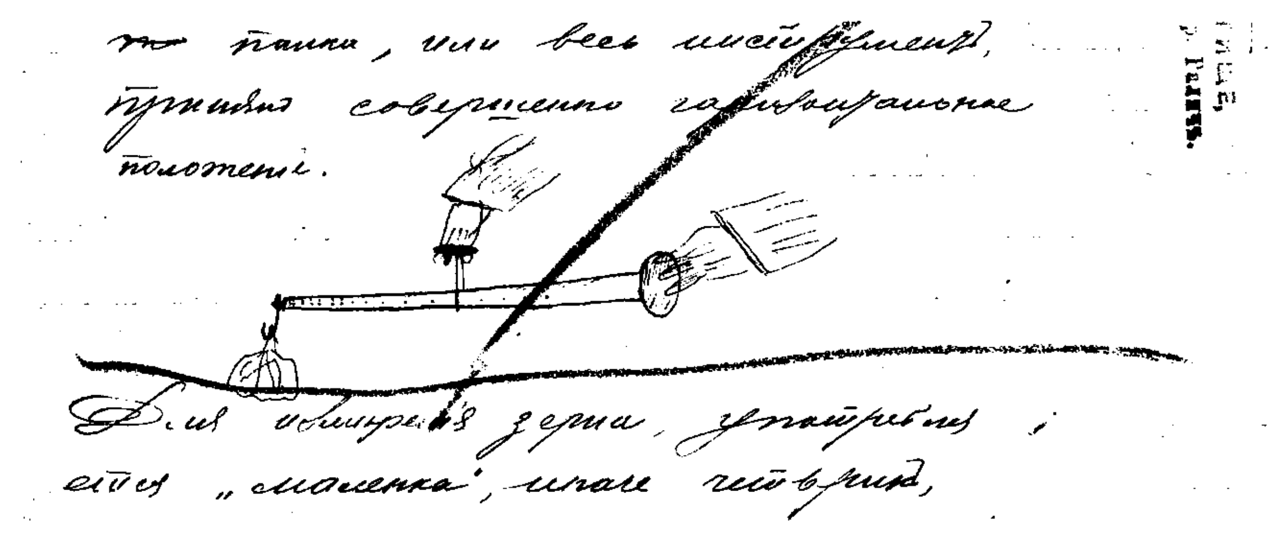
Головешки от костра заметаются снегом и все участвующие в этом финале масленицы идут на улицу деревни, где друг у друга просят прощения, кланяясь в ноги и целуясь. Целуются все без разбора, чтобы снова поцеловаться через семь недель в церкви при пении «Христос воскресе!..»

Ф. 7. Оп. 1. Д. 598. Л. 17—24

Уменье считать и мерить

280. Не имея в руках крупных денег, многие крестьяне знают счет лишь только до ста, и то часто счет ведется неправильно, например, считая: двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, далее ведут счет — не тридцать, — двадцать десять, тридцать один и т. д. Всякого рода счеты ведутся наглядно при помощи пальцев, если же при счете чего-либо придется дойти до такого числа, которого ему не одолеть, то в этих случаях идут за помощью к более сведущему или же полагаются на совесть платящего деньги, что ли.
При производстве счета употребляется два действия — сложение и вычитание, а умножение и деление делается — первое — сложением постепенным, а второе — постепенным вычитанием.
Допустим, надо узнать, сколько следует получить денег за 13 пуд. 30 ф. овса ценою по 52 коп. за пуд.
Решение
10 пудов — 10 полтин, это 5 руб., да еще за три пуда — три полтины, полтора рубля, стало быть, 5 рублев да полтора рубля — эфто выходит шесть рублев с полтиной; таперича по семитке тринадцать семиток — 26 коп., итого — шесть рублев, семь гривен и 6 коп. Ошшо (или еще) за 30 фунтов. Пуд — 52, стало, полпуда — 26 коп., да за 10 ф — 13 коп., значит, за 30 ф надеть класть 40 коп. без одной. Ну, а всяго тамади 6 руб. 7 гривен и 6 коп., да ошшо 40 коп. без одной до рубля 30 коп. — 7 руб., да из 30 коп. гривенник суда же — 7 руб с гривенником, да 6 коп. — 7 руб. 16 коп. и 40 коп без одной — стало быть, в рупь взял 30 коп., остатков — 9 коп. Ну, 7 руб. 16 коп., да гривенник, хошь, — выходит 7 руб. 26 коп. да копейку лишку положил, стало, надо получить 7 руб. с четвертаком.
Грамотные, а иной раз и неграмотные, при вычислениях пользуются счетами.

281. «Вес да мера — свято дело», — говорится поговорка; и поговорка эта у крестьян приняла право гражданства настолько, что они и в своем обиходе, и в обращении с другими применяют и меру, и вес, хотя часто и меры, и весы применяют своего изделия. Кто, например, не видывал безмена такого устройства. Деревянная точеная палка с медным или железным шаром на одном конце и крючком на другом, по длине такой намечены зарубки на известном расстоянии одна от другой; эти зарубки — фунты, счет которых ведется от толстого шара. При употреблении этого безмена нужна еще тонкая веревочка, которая и служит точкой опоры инструмента; надо безмен с весомым предметом установить так на другой веревочке, чтобы палка или весь инструмент принял совершенно горизонтальное положение.

Для измерения зерна употребляется «маленка», иначе четверик, собственного устройства, весом более казенной.
По понятиям крестьян, что квадратная, что кубическая мера, все равно, одинаковы, принимаются за одну и ту же. Землекопы, дорожные мастера, поставщики камня и песка знают и кубическую меру. При постройках своих жилищ длина, высота и ширина в точности не измеряются, т. к. это, будто бы, им и знать «не к чему».

282. Пропорциональность отдельных частей при общем здании в соображение не принимается, все зависит от понятия и вкуса хозяина, иногда в одной и той же избе можно видеть окна разной величины.
Зная расстояние, которое должен пройти посланный, крестьяне время определяют почти безошибочно.

283. **Определение времени.** Почти в каждом крестьянском доме теперь можно встретить часы, или стенные, или карманные. Но многие из крестьян не знают римских цифр, а потому, и имея часы, определяют время по солнцу и, сообразуясь, назначают время вставания, обеда, ужина, работ и отдыха.
Некоторые из крестьян, преимущественно те, которые занимаются извозом, и крестьянки очень точно определяют ночные часы по звездам. Особенно верной указательницей времени считается звезда «Кичижница», этим именем зовут крестьяне созвездие Большой Медведицы. Зная положение Кичижницы на небе, они безошибочно говорят, сколько теперь времени.
Для найма, уплаты податей, окончания или начала какой-либо работы, время назначается на праздники или определенные в году дни. Так, сроками для батраков служат: Пасха, Фомин понедельник, Егорьев день, Дмитриев день, Михайлов день, Введенье, Заговенье (на Рождественский пост). Иногда предполагаемое действие находится в зависимости от перемен природы, сообразно времени года.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 597. Л. 12—23

[3. Семья. Обычный порядок жизни]

Выдел и раздел

333. Много и писалось, и говорилось о крестьянских разделах, всем и каждому, близко живущему с крестьянами, видно, что дают эти разделы крестьянам, наконец, и сами крестьяне, мало-мальски разумные, начинают избегать их, т. к. не видать от них ожидаемой пользы. Встречаются, хотя очень редко, и такие факты, что разделенная семья вновь сходится и живет дружно.
В описываемой местности для обозначения дележа имущества употребляют выражения: раздел, выдел.
Выдел — когда отец отпускает сына.
Раздел — когда братья после родителей делят имение.
К числу обрядов или символических действий при выделе употребляется благословение иконой, а при разделе имения братьями употребляется разрезывание каравая на части.
Редкий год в редкой деревне не бывает разделов и выделов. Причины к злу этому следующие: 1) стремление к самостоятельности, 2) дрязги баб, 3) вмешательство стариков в дела молодых, 4) недовольства работающих членов семьи, особенно баб, да и мужиков не меньше, на брата, имеющего большую семью, 5) вследствие недобросовестного отношения к труду по причине распутства и пьянства; бывает так, что отделяется от семьи разбогатевший промыслом. Нередко отделяют и совершенно беспутного члена семьи, большею частью пьяницу. Из таких выделов и разделов можно вывести то заключение, что нужда и неподчинение вызывают их. Сами крестьяне прекрасно сознают все невыгоды раздела, но, несмотря на это, продолжают делиться и выделяться. Разделы и выделы совершаются, руководствуясь личными достоинствами отделяемого и его временем работы на семью, например, если от семьи разом отделяются два брата, старший и меньшой, то старший получает части из хозяйства большие, т. к. он больше времени работал на семью.
Вообще в разделе нельзя установить какой-либо определенной нормы, все зависит от взгляда отца или братьев и личного достоинства отделявшегося. Если же характеры и достоинства членов семьи сходственны, то бывает и так, что отец всех награждает поровну. Так, в одной из соседних деревень нашей местности был такой случай. Старик отец, довольно зажиточный, назад года 3—4 все свое имение разделил на долю четырех своих сыновей, перед дележом он им выстроил три дома, точно таких, в каком жил сам. Дома доставались по жребию, каждому сыну дал по лошади, по корове и по овце, деньги и хлеб тоже разделил. Себе же выстроил маленький домик, в котором и живет с женой. У него тоже есть и лошадь, и корова. При дележе он выговорил, что его сыновья обязаны помогать ему, если он того от них потребует, когда не будет смогать делать сам. Вот, прошло уже 3 или 4 года, дети и старик живут прекрасно. Они — хорошие работники, трудолюбивые и трезвые, а он нетребователен и пользуется таким уважением и почетом от сыновей, какого не знал,

живя с ними в одном доме. А почему? Потому что дети были сравнены при дележе, потому что в основе нравственности каждого лежало повиновение отцу, значит, было дано правильное воспитание. Но это единичный пример чуть ли не во всем Галичском у. Если бы все разделы были таковы, — не было бы беды. Большею же частью все эти разделы разоряют когда-то исправные дома. Есть такие дома, в которых нет лошади, даже коровы. Какое же, спрашивается, может быть хозяйство у таких крестьян? Ну и приходится перебиваться «с кости на камень». В подтверждение только что сказанного укажу на соседнюю д. Льгово. По последней переписи в д. Льгово оказалось 67 дворов, а лошадей насчитывалось только в 27 домах! В 4 домах нет даже коров. 16 домохозяев сдают в аренду свою землю, т. к. не на чем обрабатывать ее. Некоторые безлошадники (бескобыльники, по-местному) сдают обработку своей земли другим крестьянам, платя от 20 до 35 руб. за пашню. Вот результаты выделов и разделов!

Разница между выделом и разделом та, что в первом случае все благосостояние уходящего зависит от воли отца и его личных достоинств, иначе говоря, что дадут — будь и тем доволен, если отходящий сам желает отдела; при разделе же соблюдаются известные правила, которые вытекают из благосостояния семьи в материальном отношении. При дележах непременно употребляются приклады, т. к. редко бывает чтобы каждого предмета хозяйства доставало каждому по равной доле. Движимое имущество делится по душам, а недвижимое — по тяглам. Член семьи, живущий в зятьях в своей ли деревне, в другой ли соседней, все равно имеет право на часть имения, но недвижимого. Почти всегда после дележа строений, особенно холостых, как то: сараев, овинов, бань, клетей и т. п., таковые остаются на некоторое время в общем владении. Оставшиеся долги раскладываются на членов дележа соответственно прочего имения — больше из дому получил — большую часть и долга плати.

Всякого рода выделы и разделы совершаются большею частью семейно, без всякого рода актов и условий, но, если при выделах и дележах возникают споры, то в таких случаях принимает участие семейный сход, а иногда и волостной суд, причем, результаты раздела закрепляются раздельным актом в волостном правлении.

Выдел нисходящего члена семьи, где хозяин дома — не отец выделяющегося, зависит, безусловно, от хозяина, хотя бы отец и оставался в семье, но такие случаи чрезвычайно редки.

Члены семьи, отличающиеся доброй нравственностью, многосемейные и, конечно, уже совершеннолетние, имеют право требовать раздела с полным паем из общего имения. Требовать раздела может и холостой член семьи, но только лишь тогда, когда глава семьи — не отец, а брат или дядя и пр.

Женщины при дележах из общего достояния не получают ничего, а поэтому и женское имущество, принадлежащее отдельной личности, разделу не подлежит.

При разделе имения большую долю получают родные сыновья, если же в доме есть сироты, то они имеют право на долю своего умершего отца, не больше.

Зятья — влазени, сожиственники, живущие в доме, не имеют права на долю при разделе. В таком случае отцом дается или вексель, или оставляется духовное завещание.

При выделах и отделах величина пая, безусловно, зависит от воли отца.

При самовольном же выходе члена семьи из семьи, хозяин может ничего не дать своему сыну, кроме надела земли. Такой субъект имеет право взять из дома только то, что принадлежит лично ему.

Отец имеет право неуважительного сына выгнать из дома без всякой награды, кроме земельного надела.

При жизни деда, если хозяйством заведует сын его, то он (сын) имеет право выделить только своего сына, на братьев же его его право не распространяется. Если же хозяйство находится еще в руках деда, то сын его своего сына без согласия деда выделить не имеет права.

Если при дележе отец не берет себе пая, то содержать его обязуется один из тех сыновей, с которым отец пожелает жить. Он же обязан его содержать, как следует.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 599. Л. 4—44

362. Завещание. В крестьянском быту нашей местности духовные завещания редко составляются, только лица более или менее состоятельные, имеющие деньги, лучшие земли или ценные движимости, составляют духовные завещания, которые всегда пишутся по форме. Составляемые завещания бывают разного содержания. Например, родители имеют право все свое имение завещать своим детям по равным долям

и неравным; При завещании имения, делимого на равные доли, имеет целью предотвращение при дележе ссор и неурядиц; при исключительных случаях имение делится и на неравные доли, согласно завещанию.
Как отец, так и мать равно имеют право завещать имение детям, но, почему-то, обычай таков, что отец завещает имение сыновьям, а мать — дочерям. Хотя бывают и исключения. При совершении духовных завещаний, обыкновенно, присутствуют духовные отцы и свидетели, а иногда при сем присутствуют и дети. Обычай требует присутствия трех свидетелей, которые избираются из соседей, хотя могут быть и посторонние лица. Духовные завещания утверждаются губернским правлением и окружным судом. При жизни завещателя духовное завещание утверждается на сельском сходе. При составлении духовного завещания иногда (когда имение оставляется в пользу какого-либо учреждения, например, волостного правления, училища, богадельни и пр.) назначаются душеприказчики. Письменные духовные завещания хранятся в церквях, волостных правлениях и реже — дома. Муж, за неимением детей, может завещать свое имение жене, если же она и выйдет замуж вторично, то в этом случае завещание имеет прежнюю силу, так что родственники мужа не имеют права отобрать принадлежащего ей по завещанию мужа имения.
Если завещание, по народным воззрениям, кажется составленным неправильно, то таковое обжалуется суду, решение которого и признается действительным, хотя с принуждением, а приходится покоряться.
Духовные памяти утверждаются волостными судами, руководствуясь показаниями тех свидетелей, которые находились при умирающем, хотя иногда таковые (духовные памяти) судом и отклоняются.
Иногда завещатели отменяют свои завещания и составляют новые, причиной сего бывают разные обстоятельства, как то: смерть одного из наследников, несчастный случай с имением — пожар, продажа с аукциона, разлад в семье и пр.
Духовные завещания приводятся в исполнение надлежащим начальством, а возникающие при исполнении духовного завещания споры решаются судом.

369. Распределение работ между членами семьи

Домашние работы между членами семьи распределяются следующим образом. На обязанности мужа лежат следующие работы: обработка земли — орание (косулей), пахота (сохой), рассев зерен на полосу, рубка огнищ и их сожжение, рубка и колка дров и их перевозка; сооружение огородов и их починка, уход за лошадью, покупка провизии. При полоскании на реке белья — колочение его волоком, разливание за самоваром чая.
Строгого распределения работ между женщинами и девушками не существует. Как бабы, так равно и девушки иногда освобождаются от работ на семью для работ на себя. В этом случае заработная плата бесконтрольно принадлежит заработавшей.
Дети в крестьянской семье тоже имеют свои обязанности, как то: метенье пола в избе, таскание с дровотни дров, заставание скота, нянчанье ребят, кормление и уход за домашней птицей и пр.

370. Уход членов семьи на заработки. В нашей местности главная профессия жителей — отхожий промысел в столице, т. к., благодаря малому наделу земли и плохой почве, а также и отсутствию местных заработков, народ не имел бы возможности существовать так, как теперь. На заработки уходят большею частью молодые ребята. Мальчик 12—13 лет первый раз уезжает в столицы, преимущественно в Петербург, где поступает в ученье года на 3 или 4. Выучившись ремеслу, преимущественно малярскому, маляр этот ходит в столицы из году в год подряд лет 20—30 и более.
Надо сказать, что у нас отхожий промысел так обычен, что все, даже маленькие ребятишки, бредят Питером, а потому на «чужую сторону» идут очень охотно. Результаты отхожего промысла таковы, что, благодаря ему содержится семья; хороший работник легко зарабатывает до 200 руб. в 8—9 месяцев, из какого количества пересылает домой до 150 руб., остальные деньги употребляются на свое содержание в столице. Питерщик, не высылающий денег в дом, считается плохим и, кроме глумления от соседей и родных, ничего не заслуживает. Жены, вдовы и девушки на сторонние заработки идут неохотно. Если же какую из них и заставит идти нужда, то нанимаются большею частью по соседству.
Заработная плата мужчин, живущих в столицах, и высланная на родину, поступает в распоряжение заведующего хозяйством. Часть денег из заработанной платы женского пола, девушек, большею частью, поступает в ее пользу, а прочее идет на нужды по дому.

Выручка за мелкие заработки в праздничное время и свободное время от домашних работ поступает в свою пользу.
Долговременная отлучка члена семьи, не приносящая семье пользы, лишается такового на общее достояние дома; иногда от таких лиц отбирается и земля, если они не платят за нее должных повинностей. Положение жены и детей такого бродяги самое безотрадное и от семьи, и общества. Если жена и дети живут в семье, то слышат только укоры и брань, а, если семья такого члена живет самостоятельно, то ей приходится работать, как говорится, до кровавого пота, да, кроме этого, еще и терпеть притеснения соседей.

373. Батраки. Батраки нанимаются, преимущественно, на домашние и полевые работы на условиях полного содержания, готовой квартиры, обуви и одежды. Плата летнему работнику колеблется от 30 до 50 руб. Отношение хозяина к работнику и членам семьи, большей частью, хорошие. Встречаются и такие случаи, что батрак, проживший вне дома долгое время, делается как бы ее членом, а иногда кончается дело и браком с девушкой или вдовой. Случается и незаконное сожительство.

374. Охота и рыбная ловля. Как охота, так и рыбная ловля не составляют собою особого промысла, а потому существенной пользы для крестьян не приносят. Любители этого спорта для ловли рыбы употребляют уды, вереньки из ивовых прутьев и нитяные саки, или, иначе, наметы; к числу охотничьих принадлежностей принадлежат ружье и капкан (заячий). Охота за рыбой производится зимою с вереньками, а летом, весной и осенью — с удой и саком. Охота на зверье и птицу с ружьем производится во всякое время года, бьют, что придется, не обращая внимания на закон об охоте; капкан употребляется на зайца и лисицу зимою; кроме зверья, зимой бьют из шалашей тетеревов на ольховых и березовых лесках, покрывающих Льговское болото, о котором я говорил несколько раз.

375. Пчеловодство. Как ни странно, а такая доходная статья, как пчеловодство, очень медленно прививается в нашей местности. Причину надо искать в том, что крестьяне совершенно не знакомы с пчелами, их жизнью и уходом за ними, а между тем, здесь было бы очень возможно, полезно и выгодно заняться этим делом. Говорю это на основании личного опыта, т. к. сам имею ульи, и колодные, и рамочные. В округе лишь известен только один крестьянин, который имеет до двух десятков ульев и получает от них порядочный доход, жаль только, что он не может решиться завести рамочные ульи и держится пресловутой колоды, но, впрочем, что же говорить о крестьянине, когда даже священник боится рамочного улья, вернее говоря, боится он не рамочного улья, а денег на постройку его, т. к. колода в 5 раз дешевле, но они забывают, что рамочный улей при надлежащем уходе может дать меду против колоды куда больше. Итак, можно смело сказать, что крестьяне пчеловодством не занимаются.
Сельские священники, да еще учитель имеют ульи и получают порядочный доход.

376. Домашние животные. Для того чтобы семье, состоящей из отца, матери, сына с женой, одной или двух дочерей, одного или двух сыновей холостых, иметь удовлетворение в пище и одежде, необходимо иметь из домашних животных: одну лошадь, пару или тройку коров, штук пять овец с десятком ягнят и десять или пятнадцать кур.
Лошадь в крестьянском быту исполняет все полевые работы и доставляет в дом тяжести, иногда на ней зарабатываются и деньги на стороне, кроме работы лошадь дает еще хозяину доход жеребенком. Корова кормит всю семью, и, кроме этого, может дать масла до 20 фунтов на продажу. Овца дает до пяти фунтов немытой шерсти в год, одного, а большею частью, пару ягнят и мясо с салом, которые крестьянами употребляются в пищу вместо масла как более дешевое. Курица, помимо мяса и пера, доставляет до сотни яиц в период ношения, из которых половина идет на продажу. Все же домашние животные и птицы приносят хозяину доход навозом, который так необходим им в полевом хозяйстве.
Домашние животные помещаются и содержатся плохо. Лошадь овса почти не видит и кормится сеном, в которое примешивается две-три горсти ржаной муки. Коровы кормятся яровой соломой, а когда она выходит вся, то в пищу поступает солома ржаная, которая режется, обсыпается мукой и обливается горячей

водой; такой продукт носит название «мески». Овец кормят сеном и осиновым листом. Куриц — овсом, ячменем и другими семенами. Все семена даются плохого качества.
Мужчины ухаживают за лошадьми, на их же обязанности лежит и объездка, и приучиванье их к работе. Уход за коровами и дойка их касается женщин; они же ходят и за овцами.
Дети кормят и ходят за курами. Если кура пожелает сесть на яйца, то посадить ее может исключительно старуха. Если такой нет в семье, то для этой цели приглашается чужая, хотя бы из чужой деревни, за что и получает осенью петушка и молодочку. Скупые хозяйки, впрочем, обходятся и без старухи, а сажают сами, облачившись в вывороченную шерстью вверх шубу, причем, на голову надевается мужская шапка, ноги же должны быть обуты в тряпки, а если босые, то запачканные сажей. Таково поверье, чтобы наседка благополучно вывела цыплят.
Против болезней скота употребляются заговоры на лук или чеснок, который зашитым в тряпку вешается корове на шею; кроме наговоров, во время эпидемий употребляется еще опахивание деревни косулей на голых бабах, девках и вдовах с иконой Богородицы, в полночь, о чем я уже писал в Бюро.
При болезнях лошади и выщелучивании шульней у жеребят, в дом приглашается коновал. От хищных зверей, злоумышленников и пр., для охраны скота в некоторых деревнях имеются пастухи, которые, кстати сказать, иногда занимаются и скотоложеством, что, пожалуй, будет похуже и воров, и зверей.

379. Отопление и освещение. Крестьяне нашей местности, да и прочие сословия, производят отопление своих жилищ дровами, а освещаются керосинными лампами, хотя, выходя на двор или повить, употребляют и лучину, от которой и выгорают.
Дров пока еще имеется в достаточном количестве, хотя некоторые домохозяева и покупают их у соседей. Керосин достают в г. Галиче. С огнем сидят, пока в нем требуется надобность. Кроме спичек, еще в ходу серенки — тонкие лучинки с головками из горючей серы — зажигающиеся от уголька, который для этой цели в достаточном количестве в «загнете» (левый угол шестка с углублением для углей).

380. Одежда. Будничную одежду крестьянина летом составляют рубахи из ситца и штаны из какой-либо недорогой материи, большею частью, так называемой, «чертовой кожи», очень плотной бумажной ткани, черного и рыжего цветов; старики еще носят и теперь штаны из домотканой пестрядины синего цвета, но в настоящее время этой здоровой ткани становится все меньше и меньше.
Поверх рубашки носится обязательно «жалетка» (глухая). Обуваются в сапоги. Лаптей тоже уж нет.
Верхнее платье составляют: у стариков — кафтаны из овечьей шерсти, а у молодых — пальто. В праздники употребляются другие наряды. Ситцевая цветная рубашка, штаны из материи, жилет и пиджак, на ногах сапоги, на голове картуз. Это одежда пожилых. Одежда же молодца отличается тем, что поверх рубашки надевается манишка крахмальная (иногда эта манишка, одна и та же, служит целую зиму, не зная стирки, крахмала и утюга), открытый жилет, пиджак или сюртук; поверх сапог, хотя бы и черных, — резиновые галоши, на голове или фуражка, или шляпа, но еще не цилиндр. Верхняя одежда — пальто. Иногда одно и то же во все времена года. Жители деревни стригутся в скобку, а питерщики — «под польку» и «бобриком» или «ершом».
К числу платья, приготовляемого дома своими руками, относятся тканье холстов и навин из льна для приготовления рубах, мужских и женских, и нижних штанов, пряжа овечьей шерсти, из которой вяжутся чулки, варежки, перчатки, иногда — шарфы и из нее же ткутся серые и черные сукна для кофт (рабочих), кафтанов и армяков.
Из шерсти, кроме этого, бродящими шерстобитами, а по-местному «шестоперами» валяются валенки; выделанная овечья шкура идет на приготовление зимней одежды под именем полушубка, который шьется с лифом и широкими полами; для красоты полушубок отделывается на груди, рукавах и всей правой поле по краю до подола черным шитьем в узор, весь рисунок отделывается цветным сафьяном, красным и синим зубчатым шнурочком и котиком. Кроме полушубка, из овчин шьется еще т. н. тулуп, покрой его резко разнится от полушубка. Покрой прямой, без талии, длиннее полушубка вершка на четыре с большим воротником для закрытия головы. Тулуп носится поверх полушубка и носится в сильные морозы.
Из обуви крестьяне сами приготовляют еще т. н. ступни. Ступни делаются из лент, бересты, особым

инструментом, называемым «кадочиг». Для плетения ступней и лаптей надо и уменье. Говорят, что будто бы даже Петр Великий, уж то ли не мастер на всякие дела, а и то не сумел сплести лаптя. Это очень любят крестьяне говорить, плетя ступни или лапти. Ступни надеваются на босую ногу, идя на двор к скотине, конечно, летом, да еще во время жнивья, чтоб сжатая солома, торчащая, как щетина, не колола босую ногу. Жать же в другой обуви, будто бы, жарко, а, пожалуй, что и жалко.

Обыкновенную одежду крестьянина в доме составляет: штаны, рубаха, иногда жилет, на ногах плохие сапоги, кожаные или валенки, смотря по времени года. Так же одеваются и парни. Крестьянки дома ходят в сарафанах, рубахе с открытым воротом, позволяющим видеть верхнюю часть груди, иные, помоложе, носят юбки с козаками («бастин»), обуваются в сапоги, ботинки и валенки, большею же частью, женщины в избах ходят босиком.

Выходя на улицу, крестьяне накладывают на плечи или пальто (молодые), или кафтаны (пожилые); зимой — шубу. Крестьянки носят кафтаны или кофты, зимой — пальто и полушубки.

Примеч. Женский полушубок отличается от мужского тем, что воротник заменен оторочкой и имеет узкое шитье на груди. Вообще отличается меньшею красотою в отделке.

Выходя на работу, одевают то же, но более плохое и старое. Идя в гости и в церковь, одеваются в самое лучшее. Мужчины — новые рубахи, штаны, жилеты, «пиньжаки» и сапоги; если время холодное, то — пальто или полушубок. На головах носят фуражки и шапки. Молодцы надевают манишки, часы, галоши, в руки берут или трости, на головах носят фуражки, шапки (модные, каракульки или поярковые) и шляпы. Старики одеваются просто. Верхнее платье — кафтан или полушубок, подпоясанный цветным кушаком с узлом впереди и концами на боках.

Женщины одеваются в платья, сшитые городской портнихой, в дипломаты с модной отделкой, дипломаты шьются на вате и на меху, смотря по средствам. На головах носят платки разных тканей и вязаные косынки.

Примеч. Женщины среднего возраста и старухи носят повойники, из-под которых совершенно не видно волос, поверх повойника носятся платки. Девушки одеваются очень нарядно. Так, что даже как-то странно видеть крестьянку одетой по-городски. Это странно особенно тому, кто хорошо знает крестьянскую жизнь и ее условия. Видя крестьянскую [девушку] так разнаряженную, невольно приходит в голову пословица: «на брюхе шелк, а в брюхе-то щелк». Итак, одеваются крестьянские девушки, идя в гости или на праздник: платье из материи, сшитое по картинке городской портнихой. Ботинки из материи или легкой кожи, шагреня, опойки и т. п. В грязь одеваются галоши. Волосы на голове причесываются по моде и надевается шляпка из соломы или поярка. Одна и та же шляпка и зимой, например, в Р.Х. и в Троицын день. Шляпы надеваются только по большим праздникам, с модной отделкой. На руки одевают перчатки (это ничего, что вчера эти руки грязны от навоза). У каждой девушки непременно в руках раскрытый зонт. Иногда бывают такие курьезы. Солнце светит, допустим, в лицо, а зонтик палкой своей лежит на плече и нисколько не защищает лица от солнца. Бывает и так, что в роскошную погоду прогуливаются с раскрытым дождевым зонтом. Мода!

При сватании все эти принадлежности — перчатки, шляпа, зонт, галоши — выговариваются женихом в приданое за женой. Поверх платьев носят жакетки, пелеринки и накидки с лентами, кружевами и разного рода отделкой. Сами отцы девушек жалуются на то, что их разоряют эти наряды, но, благодаря моде, приходится тратиться и наряжать дочь, чтобы она не засиделась в девках. Очень часто женихи выговаривают для своих жен даже ротонды. Вот вам и деревня! Вот и крестьянская девушка! Вчера она ходила за коровой в овчине с присущим ей запахом, а сегодня разряжена по последней моде и надушенная духами, хотя бы получай! А душатся, действительно, убийственно, так душатся, что иные, стоя в церкви, от спертого воздуха духов, равных цветам, падают на пол.

Детей одевают дома просто, а идя в люди, одевают наряднее, у некоторых мальчики одеваются в костюмы по журналу. Молодцы бороды бреют, т. к. девицы не любят тех молодцев, которые носят большие усы (а усики — ничего) и бороды. У девиц есть такая песенка:

Не пойду за усана,
Поди-ка, мамочка, сама.

Стригутся, как сказано выше. Как молодцы, так и девушки любят примазывать волосы маслом, деревянным и коровьим, а, если есть, то помадой. Девушки употребляют румяна, белила, цветной фиксатуар и даже пудру.

381. Пища. Ежедневную пищу крестьянина составляют — хлеб, постные щи с забелом, если день скоромный, или похлебка из картофеля, горох, грибы, каша, или ячменная, или пшеничная, или гречневая и кислое молоко, еще жарится картофель с яйцом и молоком. Обед, обыкновенно, состоит не более как из трех или четырех блюд. При четырех блюдах — два горячих, например, щи и похлебка или грибы и горох. Приправами служат соль и лук. Осенью и зимой пища обильнее, а весной и осенью — скуднее. В постные дни главной пищей служат горох, гороховый кисель с льняным маслом и грибы, сушеные и соленые. Запось мяса, огурцов, масла считаются пищей обильной и лакомой, а купоросные щи и похлебка, а также отсутствие молока — пища скудная.

В праздничные же дни стол уставляется рыбой, мясом, пирогами и сластями — пряниками (сусленники), орехами и подсолнухами.

В некоторые дни года приготовляются особо приготовленные, специальные кушанья, как то: в масленицу — оладьи, блины и лепешки, в семик и Егорьев день — яйца и яичницы, в родительские субботы — кисели, 17 апреля — печеные из теста в форме птицы жаворонки, в среду 4 недели Великого поста — кресты с запеченной в одном из крестов медной или серебряной монетой (на счастье вынувшего крест из закрытого решета).

Приготовление пищи возлагается, обыкновенно, на жену хозяина дома и, если такой нет, то на старшую из женщин. Такая стряпуха и готовит кушанья постоянно. Бывает и так, что которая-нибудь из женщин умеет какое-нибудь кушанье приготовить хорошо, то приготовление такового и возлагается на ее обязанность или она выучивает готовить это кушанье стряпуху, что и бывает чаще.

К числу необходимых напитков относятся квас и чай. В очень редком [доме] нет самовара, за неимением же, чай пьют, кипятя воду в чугуне. Кроме кваса, дома приготовляют еще пиво. Водка и вино у крестьян покупается только по особым обстоятельствам и праздникам. А обстоятельств другой раз бывает и порядочно. В деревне свадьба — хозяин обязан угостить всех водочкой, то крестины, то похороны, помочь на работу, закос, пожнивье, замолотная (овин — именинник), с приездом питерщика и пр. Так что в большой деревне мужики и частенько выпивают «на шарамыгу» — даровщину.

Время принятия пищи. Крестьяне обыкновенно едят четыре раза в сутки. первый раз — завтрак, летом — часов в 9 утра, зимой — часов в 6; обед летом — в 3 часа, зимой — в 12; паужина летом — в 6 часов, зимой — в 4; ужин летом — часов в 10—11, зимой — в 9—10. Завтрак бывает одновременно с чаем.

На работах крестьяне, обыкновенно, едят из маленьких ведерок кислое молоко и холодное варево с хлебом или колобком. Колобок делается из опары (не из квашни) на дрожжах, разделывается кругом и верх его обкладывается творогом, крупой или тертым картофелем. Завтрак крестьян состоит из горячих колобков, чего-нибудь жареного, большею частью картофеля, если летом, то грибов и чая. За обедом едят одно-два горячих, жареный картофель же, кашу или молоко с творогом. Вечером за ужином — остатки от обеда и, кто в состоянии, пьет чай второй раз. Утром же пьют почти все домохозяева.

За стол садятся по приказанию хозяина всяк на свое место, по старшинству. Сам хозяин всегда занимает первое место, в красном углу, под иконами, на углу стола рядом с приставной скамейкой. За стол садится вся семья. Кушанье наливает из горшка и несет на стол сама хозяйка или стряпуха, хлеб режет всегда хозяин, он же и солит, что надо посолить. Если горячее составляет блюдо мясное, то говядина крошится только тогда, когда хозяйка нальет блюдо второй или третий раз. Мясо начинают вынимать ложками не ранее того, как хозяин ударит ложкой по краю блюда. С этим ударом иногда соединяются слова: «по первому с хлебом». Всякое блюдо сперва починает глава дома, причем ложки каждого едока должны отпускаться в чашку одновременно или по очереди — для того, чтобы всем досталось поровну. Каждый едок, схлебнув пищу с ложки, должен ложку класть на стол, кто же ест, не выпуская из рук ложки, тот хозяином обрывается.

Во время обеда разговоров почти не бывает, слышно щелканье ложек об чашку, жевание нескольких ртов, да икота евших. Только хозяин отдает приказание насчет прибавки в блюдо из горшка, о перемене блюда, да раз оговорит кого, кто ест мало или заметит что-нибудь, не понравившееся ему.

Если в семье есть нанятой батрак, то такой за столом сажается рядом с хозяином.

383. Курение и нюханье табака. К курящим в семье в открытую принадлежат хозяин и его дети, женатые и те, которые живут на чужой стороне; вообще могут курить только те, кто славится настоящим работником. Курить приучаются, конечно, тихонько, крадучись, т. к. домашние к этому относятся с порицанием.

Все курящие в семье курить в доме избегают, но многие и курят; это зависит от главы семьи: где курит он, там курят и прочие курильщики. Курение табака составляет для некоторых, вернее, многих, такую потребность, что иногда за табаком едут или идут в город, бросая работу, курят мох, тертый лист, занимают друг у друга. Курят, обыкновенно, махорку, иные в трубку, другие — крутя из бумаги крючки и цигарки.
У нас более курильщиков, нежели нюхальщиков.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 598. Л. 1—16

384. Опрятность. Опрятность крестьян зависит от времени года и опрятности хозяйки. Войдя в избу крестьянина зимою, можно встретить чистоту, но зато летом все избы полны сора и грязи. Изба метется раз в день, а то и через день. По обыкновению, метут веником из березовых прутьев, к тому же сухим, который не столько выметает сор, сколько оставляет с себя сухих листьев и поднимает пыль, которая толстым слоем ложится на все, находящееся в избе.
Присутствие же в избе пыли объясняется тем, что избы моются раз или два в месяц, и притом моются холодной водою. Перед Пасхой вся изба — и пол, и потолок, и стены моются с дресвою и даже скоблятся ножами и косарями.
Чайная и столовая посуда настоящим образом моется, как и изба, тоже не более одного-двух раз в год.
В обыкновенное же время мытье посуды состоит в том, что ее ополоснут только в воде и, не вытирая, ставят на место, чайную — в шкаф, а столовую — на посудник и залавок.
Сами крестьяне умываются в день раз — утром, умываются большею частью без мыла; руки моют перед принятием пищи. Вся же накопившаяся грязь на теле смывается каждую субботу в бане, летом некоторые крестьяне и крестьянки ходят купаться, если к этому есть возможность и время.
Белье меняется каждую субботу, т.е. каждую баню, но, т.к. оно плохо стирается (в холодной воде, иной раз даже без мыла), а в течение недели и грязнится, и пропитывается потом, то, в большинстве случаев крестьяне белье носят грязное. То же и про платье, которое, исключая праздники, носится бессменно.

385. Домашние насекомые. Т.к. жилище крестьян содержится без опрятности, то и избы их полны разного рода насекомыми, как то: тараканами, черными (большими) и прусаками (рыжими), клопами и блохами; на самих же крестьянах иногда бывают и бельевые вши. Против насекомых употребляются разные порошки, например, от клопов, от тараканов — зелень (морянка), бура, а также и мороз, который на тараканов действует лучше всего; от вшей избавляются банями и выпариванием одежды в печах и банях.

386. Защита от холода. Для защиты себя от мороза, крестьяне в своих избах топят железные печи, которые быстро поднимают температуру, доходящую иной раз до 25 R, но зато скоро и тепло это проходит, так что в некоторых избах печки приходится топить не только днем, но и ночью. Чтобы в избах удержать тепло, часто все окна в доме, кроме одного или двух, закрываются соломенниками, таким же соломенником обивается и входная дверь со стороны сеней. Ветхие избы зачастую, почти сплошь, обкладываются соломою с земли и до крыши, в такой закуте оставляются отверстия против окон и крыльца, а для того, чтобы солома не обваливалась и прилегала плотно к стенам, ее прижимают жердями, концы которых упираются в крышу (стреху) и землю. За такой «закуткой» в избе бывает очень тепло, но только «закутка» такая очень опасна в пожарном отношении. В настоящее время такие закутки стали преследоваться полицией.
Выходя в сильный мороз на улицу, крестьяне надевают полушубки, а поверх них тулупы из бараньих или овечьих кож, ноги обувают в валенки, на руки надевают рукавицы.
Как предостерегательные средства от обмораживания употребляются снег и собственная моча, иногда, если есть, водка.

387. Экономическое положение семьи. При внимательном взгляде, брошенном в деревне на наружный вид домов, можно безошибочно судить о благосостоянии владельца его, а равно и внутренней обстановке. Обстановка крестьянского дома незавидна и незатейлива, у богатого и бедного та же изба, те же лавки, полати и полицы, разница лишь в том, что у первого все это солиднее и окрашено в самые яркие цвета. Признаком

хорошей обстановки служат: иконы в окладах, картинки лубочного производства, портреты царствующего дома и пр. и постель под подполатями за пологом из ситца.

В настоящее время, правда, многие стали делать свои дома пятистенками. Такой дом, кроме избы, имеет еще мшеную же горницу длиной, равной избе, но шириной вдвое меньше. Эта горница служит спальней, преимущественно для молодых, в этой же горнице принимаются и некоторые гости. Мебель в горнице состоит из стульев и жестких «диванов» (крестьянский диван очень похож на те скамьи, которые можно встретить на бульварах и в садах под березками и др. деревьями).

Крестьян, имеющих деньги, порядочный дом, запас хлеба, одежду, утварь и скот, считают богатыми и нередко бедные соседи прибегают к ним за помощью во время нужды.

Но главное богатство у крестьян составляет избыток хлеба. Но, к прискорбию, надо заметить, что наши крестьяне хлеба-то и имеют очень мало. Причину к этому надо искать, во-первых, в малом наделе крестьянской земли (всего лишь 5 десятин на душу). В настоящее время есть такие крестьяне, которые владеют только по ¼ дес. в каждом поле пахотной земли на душу, а это появилось, благодаря разделам.

У большинства крестьян запасов хлеба хватает только до Рождества, кормом тоже не хвастают; приходится покупать за дорогую цену весною. И такие нехватки запасов повторяются из года в год. Происходит это от разных причин: от того, что крестьяне плохо знают хозяйство и ведут его самым первобытным способом, без улучшений и приемов, от малого надела землею, от неудобства, будто бы, почвы [неразборчиво], а большею частью от лени и недостатка скота и рабочих рук.

Замечено, что крестьяне, занимающиеся отхожим промыслом, живут хуже и нуждаются больше тех, которые живут дома и ведут хозяйство сами. Поясню примером. Возьму крестьянина д. Льгово Лаптева Федора Андреева (он хромой на правую ногу), живет в деревне и занимается хозяйством; у него в семье мать, жена и две дочери. Обрабатывает землю свою в количестве 2 душ и берет три пашни, которые дают ему до 60 руб. Держит двух лошадей, трех коров и трех овец-маток. Зимой занимается ямщичеством. Хлеба довольно, даже есть избыток, который продается, траву кортомит у собственников крестьян и соседних помещиков. В общем, живет без нужды.

Подати всегда уплачены, одевается довольно чистенько сам и его семья, есть и лишняя копейка.

Теперь посмотрим на его соседа Арсения Иванова Белова. Этот — маляр, живет с сыном 20 лет в Петербурге, сам — маляр-десятник, получает жалованья до 350 руб., сын, тоже маляр, получает до 200 руб. Итого вдвоем — 550 руб. Семья состоит из жены, двух сыновей (один живет с ним в Питере, другой — глухонемой сапожник, 18 лет, живет мастером в Галиче и содержит себя) и трех дочерей, старшая — невеста.

Лошади нет, корова одна, овец нет, землю на две души сдает в обработку за 40 руб., живет в доме, выстроенном бр. Седовыми (петерб. подрядчики), в доме, который еще не заплачен да, кажется, и не заплатится. Ходит семья чисто, даже франтовато. Хлеб покупают с Рождества. Придя из Питера, ничем не занимаются, кроме шатанья по беседкам. Всю зиму живут в долг, перебиваясь, как говорится, с кости на камень. Вот для примера два крестьянина: питерщик и деревенщина. И это не единичный случай, а почти что везде так, кто живет дома и работает сам — имеет и хлеб, а хлеб имеет оттого, что держит скот, который дает навоз для удобрения поля. А питерщики щеголяют с голодным брюхом, хлеб родится плохо оттого, что мало скота, следовательно, нет и навоза, да и земля-то обрабатывается чужими руками, конечно, плохо, да еще и за обработку-то земли надо отдать деньги.

Со взносом податей крестьяне могли бы справляться довольно легко, если бы они потребность платежа повинностей ставили предметом первой необходимости, но крестьяне очень туги на уплату податей и поэтому платят их тогда, когда исправят свои нужды и даже прихоти. Думается, что легко можно бы уплатить такие небольшие повинности, как по 13 руб. за тягло, т. е. за надел земли в количестве двух душ, включая в эту сумму и государственный налог, и земский, и на содержание волостного правления. В большинстве случаев подати выплачиваются копейками, за которыми сельский староста ходит, ходит, да и ходить-то устанет.

Серьезный ремонт дома, пристройки, покупка скота или выдача замуж дочери, женитьба сына и др. затраты крестьян производятся большею частью на деньги занятые или присланные питерщиками, а некоторыми, у которых надеяться не на кого, деньги, необходимые на подобные расходы, приобретаются через продажу хлеба и других продуктов, иногда не лишних. Что же касается того, чтобы прикопить лишний рубль на предвиденный в недалеком будущем какой-либо расход, нет и помину. За примерами ходить недалеко.

Так, в д. Льгово, имеющей до 60 дворов, есть улица, известная по именем Седовская. Название это она получила оттого, что все образовавшие эту улицу дома построены крупным подрядчиком Седовым своим работникам, дома эти Седов строил им в долг, который крестьянами и заживается у Седова. Благодаря сему обстоятельству, все эти крестьяне состоят у Седова, как крепостные прежде у господ. Живут за то жалованье, какое дадут, конечно уж меньшее, чем следует, чем платят другие подрядчики своим работникам. Уйти такой обязанный работник от хозяина не может, т. к. ему нечем заплатить своего долга, иной раз чуть не в 1000 руб. И живут у хозяина сами и даже их дети. Есть такие случаи, что долг этот заживается десятками лет, и до сих пор еще не зажит. Да и хозяин не вынуждает и даже о долге, до поры — до времени, не заикается, напротив, из положенной платы не вычтет ни копейки в счет погашения долга, а еще даже даст и вперед 10—15 руб. И вот такими-то пособиями хозяева и заручаются дешевыми и чуть ли не вечными работниками.

Да и не в одном Льгове у Седова такие случаи, а чуть ли не в каждой деревне нашего уезда факты эти найдутся.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 596. Л. 1—18

I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности

423. **Роды.** Крестьянская женщина очень часто рожает дитя в поле, на сенокосе, в лесу, где придет ей время и, придя домой с новорожденным, вымоется в бане, где и лежит двое-трое суток, если ей позволяет время и семья. Наши крестьяне смотрят на роженицу не как на больного человека, которому нужен покой и уход, а как-то своеобразно, а потому и не дают роженице «прохлажаться» по несколько суток, как «бароня какая»; но, все-таки, они относятся к ней предупредительнее, чем в обыкновенное время, — предупредительность эта выражается в том, что ей поднесут чашечку водочки да лишний раз поставят самоварчик и побалуют ее чайком.

В большинстве случаев бабы рожают одни, без повитух, последние приглашаются в случаях, более или менее серьезных. Но вся их помощь состоит лишь в разглаживаньях поясницы у роженицы да каких-то нашептываний, а потом, когда появится на свет Божий ребенок, она отрежет пуповину да завяжет пупок, да когда-никогда уведет родильницу и унесет новорожденного в баню и помоет их.

При трудных родах к родящей приводится муж, которому расстегивают ворот рубахи, заставляют шагать через родящую, снять пояс. Иногда, в самых трудных случаях, зажигаются венчальные свечи и бегут к «попу» с просьбой отворить Царские двери.

Если ходящая «на сносях» почувствовала роды в доме, то переносит боли тихонько от родных и только уж в крайнем случае скажется кому-либо из домашних, тогда ее провожают в баню, где она и рожает, или одна, или с повитухой. Время родов стараются скрыть и от домашних, и от соседей, т. к., по поверью, родящая должна «отмучиться» за каждого догадавшегося, что она рожает, а поэтому во время родов родные роженицы или сидят дома, или уходят на одиночную работу — во избежание догадок или расспросов.

Примеч. Некоторые повитухи для рождения мальчиков, по желанию родителей, выворачивают послед и уверяют, что следующий ребенок будет уж непременно мальчик.

424. Бездетные родители смотрят на появление ребенка как на Божью благодать и рады бывают ребенку, родители же, обремененные большой семьей и имеющие скудные достатки, смотрят как раз обратно. Часто можно слышать, как они просят Господа о смерти своих детей и избавить их самих от наказания (Божеского). На рождение мальчика крестьяне смотрят как на будущего помощника и отец частенько ласкает его, а иногда даже и гордится им. Не то видно, когда рождается девочка. Горе отцу, когда у него родятся двойни: бабы, да и мужики, пожалуй, не дадут ему прохода своими насмешками.

425. **Крестины.** На второй день рождения младенца, а, если он родился слаб, то и в тот же, родители «приводят его в хрещеную веру». Крещение совершается у бедных — в храме, а у достаточных — на дому, у таких бывают на крестинах и гости, причем, ближние родные и восприемники. Восприемников

у новорожденного бывает и двое (у богатых), и один. К девочке ставится восприемница, а к мальчику — восприемник. (Крестники своих восприемников зовут «Кока» — кока-мама и кока-тятя). Большею частью восприемниками бывают свои родственники или же кто-либо из богачей, например, подрядчики, кабатчики, торговцы. Гостей угощают чаем, водкой и обедом. Необходимым блюдом за обедом считается каша. Всякий гость, евший кашу, обязан «подарить» новорожденного; дарят серебро, которое и кладется в ту же тарелку, где была каша. Кроме новорожденного дарят и повитуху. Повитуха в конце обеда берет тарелку с налитым вином рюмками и просит каждого гостя «обмыть новорожденному ножки». Это значит — выпить рюмку водки или вина и опустить в пустую рюмку несколько копеек. Вот эти-то деньги и идут в пользу повитухи. Гости дарят и роженицу: кума дарит, большею частью, роженице ситцу на платье, а кум — деньги. Соседи и знакомые приносят роженице подарки из съестного что-нибудь, часто очень вредное для нее. Иногда удивляешься, как все это сходит роженице безнаказанно. Чего, чего только она не приест в это время! Подарки роженице носят название «на зубок».

426. С появлением на свет ребенка в избе появляется новая мебель — это колыбель, или люлька, или же зыбка. Устройство ее таково. Представьте себе деревянный четырехугольный ящик, но не прямой, т. е. не с вертикальными стенками к площади дна его, а наклонными, так что верх ящика шире низа. Вместо ящика употребляется иногда дранчатая корзина, длиной приблизительно в аршин, пропорциональной глубины и ширины. Ящик и корзина имеют по три или четыре веревки, которые через полтора-два аршина своей длины скручиваются в один общий конец. Для того чтобы ящик (или корзина) могли качаться, устраивается еще некое приспособление между потолком и «матицей» (матица — бревно, идущее от печки в противоположную стену поперек избы. На матицу кладутся доски, которые называются «полати») укрепляется в вертикальном положении доска с продолбленной дирой, впрочем, вместо этой доски в последнее время в семьях более или менее достаточных стали употреблять кольцо, которое и ввинчивается в потолок. В эту диру (на доске) или кольцо просовывается березовый шест, длиной аршин в 5—6, этот шест называется «зыбельня» или «очеп». К тонкому концу «очепа» и привязывается ящик или корзина тем концом, который скручен из веревок, идущих от ящика или корзины. Зыбка вешается близ постели матери, постель же большею частью устраивается под полатями и чтоб ее не было видно, она завешивается пологом. Иногда зыбка вешается и в переборке. Для защиты ребенка от света, мух и «сглаза» люльки закрываются особым пологом, приспособленным из старой материнской юбки. Если мы отдернем полог, то можем посмотреть постельку ребенка.

Прежде всего мы увидим сомнительной чистоты кусок холста — это, якобы, простыня, а под ней какие-то хлопки, не то старая бросевая кофта, не то стеганая на одержах (одержи — последний сорт льна), негодная для употребления юбка, а не то и разное тряпье — все это в очень тонком виде, и мягкости дает весьма мало, и вот, чтоб достигнуть ее, на дно ящика или корзины постлана яровая соломка. Под голову ребенку дается подушечка, набитая соломой же, реже — оленьей или овечьей шерстью.

К очепу привязывается веревка, довольно длинная; дергая за веревку, можно привести люльку в движение. Качать такою веревкой можно и руками, и ногами, для последних на конце веревки или, как ее чаще называют, лямки, имеется петля, в которую может свободно пройти босая нога взрослого человека.

В няни ребенку отряжается, большею частью, бабушка, если такая есть, или же девочка или мальчик, лет 6—7. К обязанностям бабушки относятся: пеленание и распеленывание ребенка, содержание его в опрятности и питании. Девочка или мальчик обязаны укачивать ребенка и тешить его, заниматься с ним. Относительно нянек предпочтение отдается девочкам. «Хотя своя нянька будет, и то ладно. Деньги, по крайности, не платить чужому человеку», — утешает себя отец, ждавший, что жена «принесет парнека». И вот такая-то нянька, сидя под люлькой, которую качает без остановки, звонким голоском выводит колыбельные песенки и припевки, образцы которых вот:

1.

О баю, баю, баю,
Спать укладываю,
Выговариваю:
Поди, бука, под сарай,

Мово Ваню не замай,
Поди, бука, в поле,
Вани нету дома,
Поди, бука, под овин,
Мы тебе Вани не дадим.
2.
У кота, вор-кота
Была мачеха лиха,
Она била кота,
Приговаривала:
Не ходи-ка ты, кот,
По чужим по дворам,
Да по зыбочкам.
Приди, котя, ночевать,
Приди Ванюшку качать,
Бай, бай, бай!
Я тебе-то ли коту
За работу заплачу:
Дам кувшин молока
И кусок пирога.
Бай, бай, бай, бай!
Баю, баюшки, баю!
3.
Как у котика, кота
Колыбелька хороша.
А у нашего-то Ванюшки
Получше его, покачистее.
Кольца, пробойцы серебряные,
А сама-то колыбелька позолоченая.
4.
О качи, качи, качи, (1 раз)
В сголовах-то калачи (2 раза)
В ручках прянички (2 раза)
В ножках яблочки. (1 раз)
А под пазушком медок (1 раз)
Во всей люльке сахарок. (1 раз)
5.
С неба анделы летели,
К тебе в зыбочку глядели,
В зыбочку они глядели
Ване плакать не велели.
А еще-то ведь летели,
Тебе спатеньки велели,
Спать тебе они велели,
Да и плакать не велели.
6.
Все ведь анделы с тобой
И арханделы с тобой,
Распевают над тобой,
Над головушкой твоей.

Божья Матерь над тобой,
Над тобой, над красотой,
Что над андельской душой.

Когда ребенок не спит, нянька поет ему следующую песенку:

7.
Баю, баюшки, баю,
Колотушек надаю.
За то денег не возьму:
Колотушек пять, —
Будешь крепче спать.

8.
Байки, бабайки,
Куплю я китайки.
Отцу — кумачу,
Братцу — бархатцу,
Всем сестрицам — по платочку
С золотыми метелькам,
Батьке крестному — пальто,
Матке крестной — сарафан.

9.
О лельки, лельки, лельки,
Прилетели голубки,
Сели гули на краек —
Не клюнули бы в глазок.
Стали гули ворковать:
«Чем нам Ванюшку питать?
Мы слетаем во Торжок,
Купим милому рожок,
Станем кашку варить,
Молочком его поить».

Как бабушки, так и няньки ухаживают за ребенком временно, тогда лишь, когда занята его мать тяжелыми работами или в доме, или на воле: в поле, лесу, сенокосе и пр., главный же уход за ребенком всецело лежит на обязанности матери. Измученная, усталая, возвратясь с работы, она первым долгом бежит к ребенку и, забыв свою усталость, кормит его грудью, очищает от грязи его, ухаживает за ним, даже ночью она часто не знает покоя, т. к. ребенок кладется спать на постель к матери. Счастье матери, если ребенок здоров и покоен, она может выспаться за ночь и отдохнуть. Но, благодаря неправильному питанию и плохому уходу, дитя часто болеет, бывает непокоен. Часто целые ночи напролет несчастная мать мается с ним и, не спавши, снова отправляется на работу. Невольно вспомнить Некрасова

Доля ты горькая,
Долюшка женская, —
Вряд ли труднее сыскать!

Тяжелые работы, бессонные ночи, побои пьяного мужа, часто свекра и даже деверей безвременно старят нашу бедную крестьянку.

Во время отсутствия матери ребенка питают коровьим молоком, кашей из ржаной муки и сосками, которые делаются из хлебной жваки — разжует нянька или бабушка черного хлеба, часто плохо пропеченного, завяжет его в тряпушку и сунет плачущему ребенку в рот. За отсутствием матери ребенок утешается, обыкновенно, соской. От этих сосок ребенок часто страдает болью живота и неистово кричит, а от крика расхварывается, —

у него являются головные боли и грыжи. Большинство ребят болеет английской болезнью, что объясняется большим потреблением мучной пищи.

427. Воспитание детей. Лишь только ребенок начинает самостоятельно ходить, как нянька, ему принадлежащая, отнимается от него и подход за ним поручается старшему ребенку, т. е. такому, который родился перед ним. Иногда нянька бывает старше его лишь на год, много на два. В сущности и раньше нянька была немногим старше, но три-четыре года возраста имеют большое значение в жизни крестьян; нянька, качавшая ребенка тому назад три года, теперь уж занята другим делом, более производительным, чем качание своего меньшого братца или сестрицы.

Ребенок 3—4 лет предоставляется почти самому себе, делает, что ему вздумается, гуляет, когда хочет и где хочет; пьет и ест то же, что и взрослые; спит он уже не с матерью (на смену ему родился уже другой), а на полу летом и полатях или печи зимою. Крестьянский мальчик до 3—4 лет ходит одетым в одну лишь долгую рубашку, равно и девочка, но с этого возраста ему шьется рубашка-косоворотка и штанишки, девочку одевают в сарафанчик. Зимою ребятишки бегают обутыми в валенки, а летом — босиком.

Главное внимание матери обращено на религиозное воспитание ребенка. Но, т. к. воспитательница сама знает очень мало, то все воспитание ее сводится лишь к наружным обрядам, знакам и действиям. Так, ребенок 3—4 лет и старше, одним словом, до поступления в школу (конечно, где таковая имеется), прекрасно умеет оградить себя крестным знамением и поклониться поясно и в землю; строго приучен к соблюдению постов и воздержания пищи до литургии в праздничный день; не будет есть и пить, не перекрестившись; будет внимательно, т. е., скорее, смирно, стоять в церкви, куда его часто водит мать; он знает, что есть Бог, но, что и кроме Бога есть еще какая-то злая сила, которую больше называют домовым, лешим, водяным, чертом, ведьмой, букой и пр. Но ребенок не знает, зачем он крестится, зачем он в среды и пятницы есть один почти хлеб, что такое Бог, почему ему приказано в храме стоять, не шелохнувшись, и пр. Так и остается ребенок до школы без всяких знаний.

Итак, главным воспитателем ребенка теперь является мать, отец же в воспитании не принимает почти никакого участия. После, когда сын его пойдет с ним вместе в Питер, воспитателем является отец. Но, к несчастью, это отцовское воспитание идет как раз вразрез с воспитанием матери. Это можно ясно отличить, если взять двух ровесников — одного, живущего в деревне, и другого — питерщика. Симпатия наблюдателя, я уверен, будет на стороне первого.

Игры.

Все свое свободное время как мальчики, так и девочки посвящают играм. Конечно, говоря об играющих детях, я имею в виду ребенка не старше десятилетнего возраста. С 3 до 5 лет мальчики и девочки играют в одни и те же предметы, в одни и те же игры, но, к сожалению, в этом возрасте у них нет никаких осмысленных игр, кроме лазанья по лужам и пачкотни в грязи. С пятилетнего возраста дети уже начинают держаться дальше друг от друга, девочка держится своих подруг, а мальчик — своих товарищей. В возрасте от 5 до 7 лет мальчики играют в лошадки, а девочки — в куклы; как те, так и другие имеют общие игры, как то жмурки, хоронечки, горелки и пр. В более старшем возрасте в ходу следующие игры: жировишки, чижик, шарик, городки, бабки, лодыжки, клин-баба.

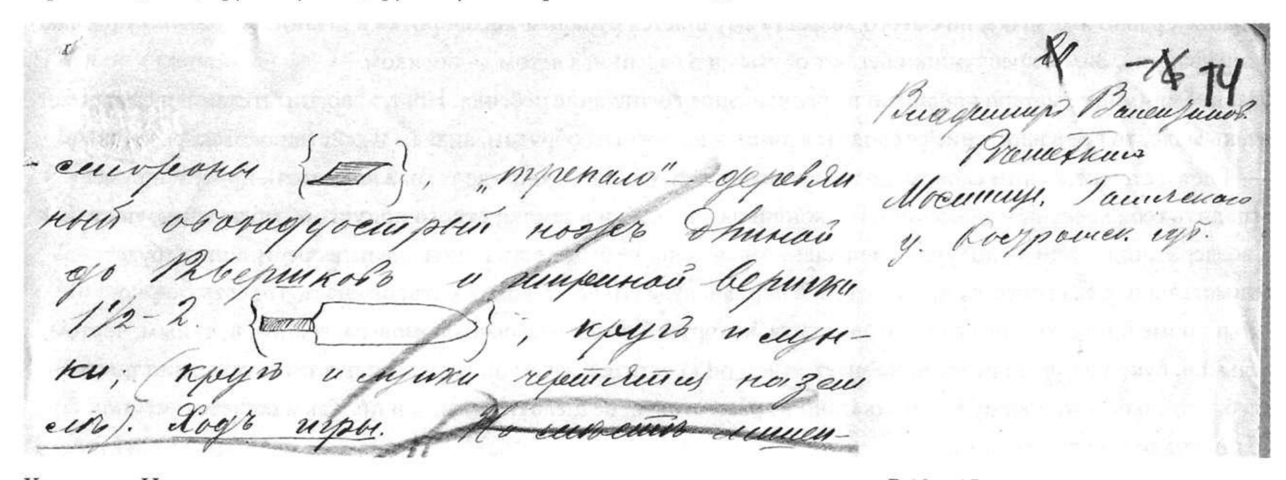
Приведенные игры — суть игры мальчиков. Но т. к. названия игр не дают никакого представления для ясного понятия игр, то вот описание их в кратких словах.

1) Жировишки. Орудия игры: шар, палки и «буй» (отрезок дерева в 2—3 арш. длины). Играющих — число не ограниченное. Из числа играющих избирается «водак»; «водак» избирается всегда по жребию. Жребии различаются по «четке» (счету) и «чекалу». Что такое «чекало «и «четки» будет говорено дальше.

Ход игры. Все играющие становятся у буя, «водак» подбрасывает перед ними шар, первый из играющих бросает своей палкой в шар и, если он (играющий) ловок, то палка, ударив шар, гонит последний в сторону, играющий бежит за палкой и, подобрав ее, должен бежать с ней к бую, а, если шар отбит недалеко, то, подняв палку с земли, должен попасть ею в буй; «водак» одновременно с играющим бежит за шаром и, подобрав его, тоже попадает им в буй. Если играющий не добежал до буя раньше водака или не попал палкой в буй, а водак или добежал, или попал шаром в буй, то роли игроков меняются: водак поступает в число игроков, а игрок — в водаки.

Лучшие игроки просят у водака «быка». Услышав крик: «Водак, быка!», водак на бросает шар в буй и не подходит к играющим, а, остановясь от играющих саженях в десяти, кидает шар на играющих так, чтобы он описал в воздухе дугу. Игроки (лучшие) встречают шар ударом палки, когда он находится от играющих на расстоянии 5—10 арш. Если удар верен и силен, то шар со свистом отлетает или в сторону, или обратно к водаку, или прямо вверх; второй лучший игрок, набежав на шар и не допустив его к себе, опять-таки, на 10 арш., снова бьет шар, за ним третий и т. д.; хуже всех приходится бедному водаку. Он мечется за шаром, думая схватить его, лишь только тот упадет на землю, но не тут-то было.., окрик «чура!» останавливает его, и ловкий удар палки гонит шар снова, или еще дальше от буя, или вверх, где он опять подбивается. С нетерпением ждет водак промаха! Тогда праздник на его улице, игра начинается снова.

2) Чижик. Орудия игры: «чижик» — палочки в 1 ½ — 2 вер. длины, с обоих концов заостренные в противоположные стороны, «трепало» — деревянный обоюдоострый нож длиной до 12 вер. и шириной вершка 1 ½ — 2, круг и лунки (круг и лунки чертятся на земле);

-стороны { }, „трепало" — деревян-
ный обоюдоострый ножъ длиной
до 12 вершковъ и шириной вершка
1½–2 { }, кругъ и лун-
ки, (кругъ и лунки чертятся на зем-
лѣ). Ходъ игры.

Ход игры. На месте, лишенном травы, проводится круг, диаметром в аршин. В 10—15 шагах от круга каждый игрок выбирает себе лунку (ямку), с которой без «чура» он не имеет права сойти. Играющие выбирают водака «по чекалу». Между играющими соблюдается строгая очередь. Число играющих не ограничено.

Игра. Водак, положив «чижика» в центр круга, становится рядом. Заиграв лунку, подходит первый игрок, встав на правое колено и поставив левую ногу под прямым углом, он правой рукой, вооруженной трепалом, ударяет последним по острому кончику чижика; чижик от удара отскакивает от земли и поднимается вверх, тогда игрок быстрым ударом трепала справа налево посылает чижик в сторону и бежит за ним, за чижиком бежит и водак. Играющий, если прибежит к чижику раньше водака, имеет право вторично бить чижика, и после этого еще и еще, одним словом, до промаха. Промахнувшись же, играющий должен убежать на свою лунку. Если же раньше прибежит на лунку игравшего водак, то он (водак) еще должен попасть чижиком в круг, если, бежавши, не отставит его в круге. Если водак с лунки попадет в круг чижиком и последний из круга не выкатится, то водак становится играющим, а игрок — водаком. При этой игре развиваются глазомер, ловкость, проворство и хорошая гимнастика для рук и ног.

3) Шарик. Число играющих не ограничено. Орудия игры: шарик, палки, лунки, круг и лоток.

Ход игры. На чистом и ровном месте, где нет большой травы, в землю вколачивается заостренный колышек в 3—4 вер. длиной и в вершок толщиною, этот колышек и есть «лобок». Поверхность вбитого в землю лобка должна быть чуть-чуть повыше уровня земли. Лобок очерчивается кругом, шириной в аршин.

на земли. Лобокъ очерчива-
ется кругомъ въ шириной въ
аршинъ. { I шаръ, II лобокъ } Въ 10 ша-
гахъ отъ круга, каждый иг-
рокъ выбиваетъ себѣ лунку.

В 10 шагах от круга, каждый игрок выбивает себе лунку. Для игры выбирается игрок «по-чекалу». Когда все приготовлено, водак, поставив шар на место, отходит немного в сторону и приглашает начинать игру; без его указания никто бить не должен.

В шар летит первая палка, если она сбила шар, то владелец ее может за ней бежать, если надеется на свое проворство: надо палку схватить, а с ней встать на свое место. Водак бежит за шаром и, подобрав его, ставит на лобок. Но бывает и так, что некоторые игроки остались без палок, просто они не успели сбегать за ними, — тогда игру продолжают те, у кого есть палки.

Иногда сильный удар палки посылает шар дальше палок, лежащих в поле, — тогда все палки, конечно, выручены, но дело в том, что надо еще с палками-то прибежать на свою лунку, а сзади обгоняет с шаром водак, вот он обогнал одного игрока, по пути сунул шарик в круг и во весь дух летит к лункам; видя пустую, он ее занимает. Браво! Он теперь игрок, а владелец ее переменил свое название «игрок» на «водак».

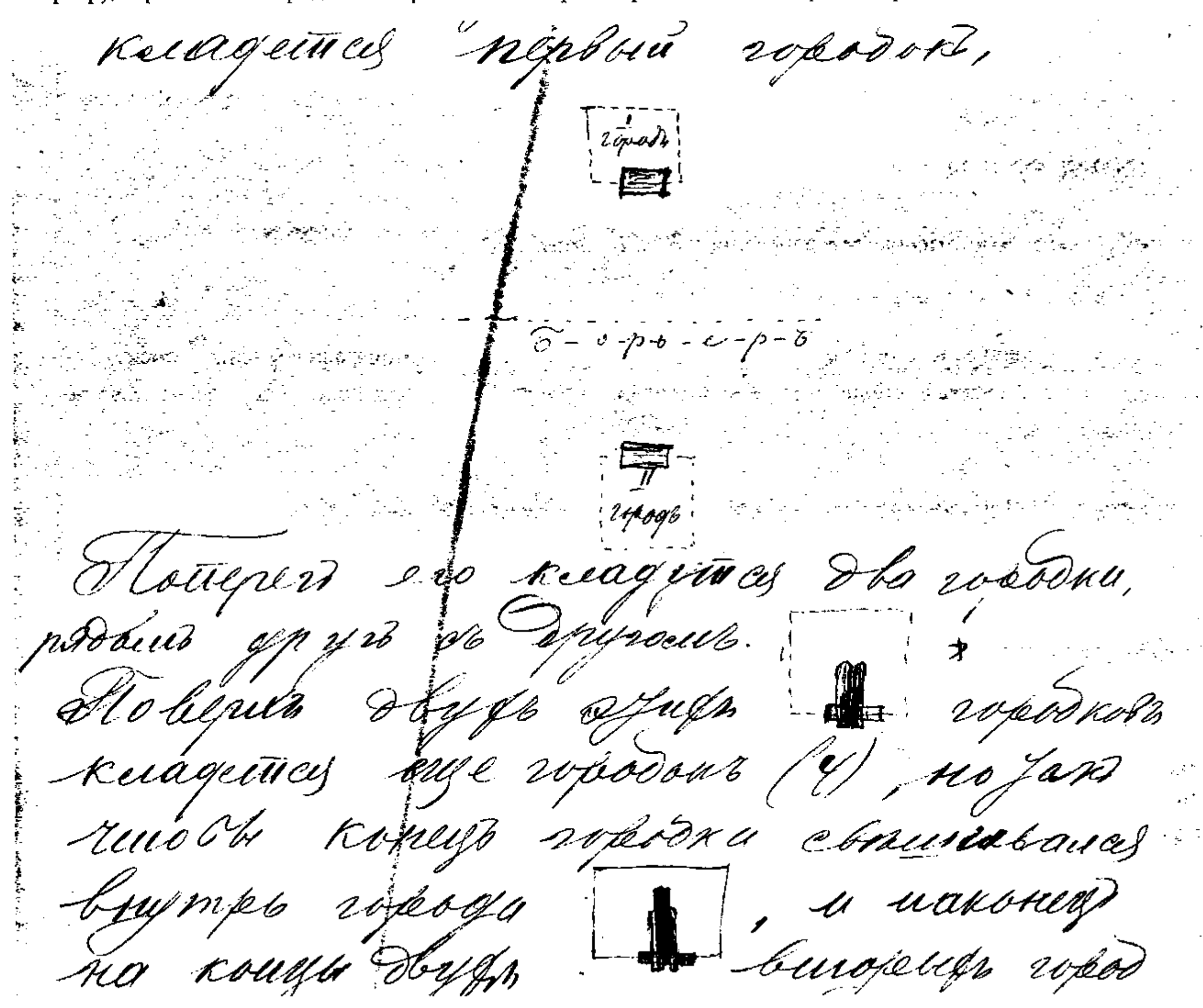
Игра продолжается с новым водаком.

4) Городки. Играющих должно быть четное число. Лучшие игроки выбираются так называемыми матками. Играющие между матками делятся поровну.

Орудия игры: городки (10 штук деревянных круглых, вершков в 5 длиною и в вершок толщиною отрубок от жерди); палки.

Место для игры должно быть плотное, без травы (например, дорога).

Расположение игры: на чистом месте проводится черта (барьер), в каждую сторону отмеривается условное количество палок и на этом расстоянии чертятся «города» — квадраты, стороны которых равны приблизительно 2 арш. 10 городков между партиями делятся поровну. На стороне квадрата, обращенной к барьеру, строится из «городков» «город». Вдоль черты города кладется первый городок.

Поперек него кладутся два городка рядом друг с другом. Поверх двух этих городков кладется еще городок (4), но так, чтобы конец городка свешивался внутрь города. И, наконец, на концы двух вторых городков кладется

еще городок (5), который своим основанием ставится на два вторых и боком прикасается к четвертому.
Итак, игра приготовлена, дело лишь за тем, кому начинать. Вопрос решается «на-чекало».
Ход игры. Матка, проигравшая жребий, подходит к барьеру и поднимает над головой своей свою палку в горизонтальном положении к земле, а матка, выигравшая жребий, через палку первой матки кидает своей палкой в город и старается разорить его. Если город разорен, то игра продолжается той же партией, а если город остался цел, то партии меняются играми, т. е. начинает другая партия зорить другой город.
Игру выигрывает та партия, которая первая выбила все городки из города.
Побежденные должны победителей провести два раза от города до города. Если игра продолжается, то начало игры — за победителями.
Эту игру любят не только дети, но даже парни и мужики.
14 апреля 1899 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 602. Л. 1—2

Бланк с грифом «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева
Моховая 33/35

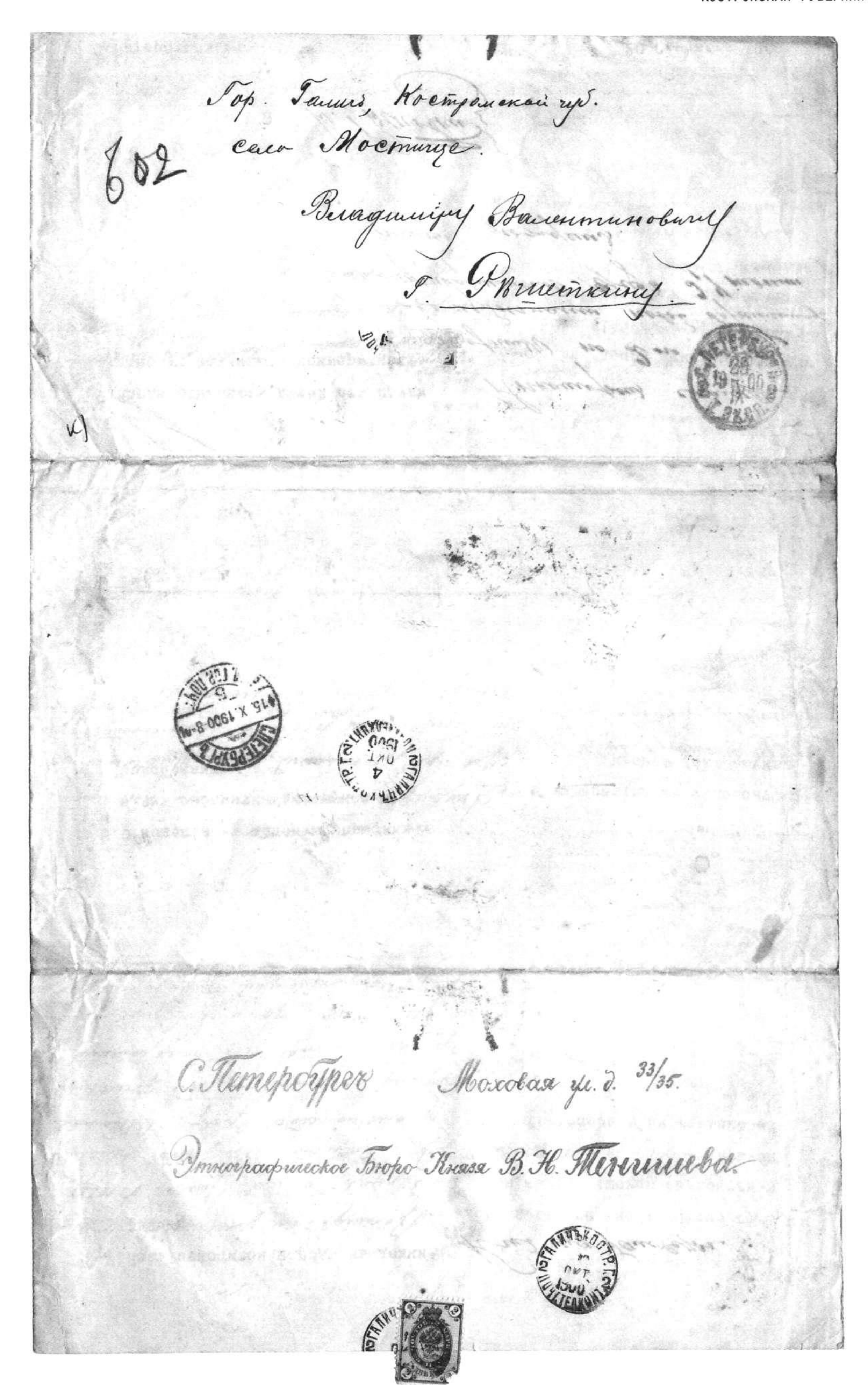
В восполнение полученных ответов Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева покорнейше просит гг. сотрудников не отказать в сообщении кратких ответов на сем же на нижеследующие вопросы, относящиеся к медицине.

[**Вопросы и ответы**]

[**1.**] **У кого больше лечатся крестьяне: у врачей или знахарей?**
Крестьяне лечатся и у тех и у других. В некоторых болезнях, в особенности [слово не разборчиво], лихорадок и порчи прибегают исключительно к помощи знахарей и знахарок.

2. Что больше и в какой мере привлекает крестьянина во враче: его опытность, знания, сердечность, простота обращения и т. п.?
Врач привлекает крестьян сердечностью, простотой обращения. Относительно же знаний его мнения крестьян очень разноречивы.

3. Как относится народ к операциям? Как относится и смотрит народ на женщин врачей?
К операциям народ относится с боязнью, многие совершенно отказываются от операций и предпочитают жизни смерть. Особенно страшит крестьян операции конечностей, но есть случаи, что благоразумные [неразборчиво] с ампутацией живут [неразборчиво] В данной местности нет женщин врачей и фельдшериц, поэтому на данный вопрос ответить не могу.

Гор. Галичъ, Костромской губ.
село Мостище.
Владиміру Валентиновичу
г. Рѣшеткину
602
С. Петербургъ Моховая ул. д. 33/35.
Этнографическое Бюро Князя В. Н. Тенишева.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ БЮРО
Князя
В.Н. Тенишева
Моховая 35/36.

(602) 20 р. 9 об. = 55 к. № 21. 1

Въ восполненіе полученныхъ отвѣтовъ Этнографическое Бюро Князя В.Н. Тенишева покорнѣйше проситъ Г.г. Сотрудниковъ не отказать въ сообщеніи кратких отвѣтовъ на семъ же на нижеслѣдующіе вопросы, относящіеся къ медицинѣ.

Вопросы.	Мѣсто для отвѣта:
1. У кого больше лечатся крестьяне: у врачей или знахарей?	Крестьяне лечатся и у тех и других. В некоторых [illegible], в особенности у пришлых, старообрядцев и почти [illegible] исключительно с помощью знахарей и знахарок.
2. Что больше и въ какой мѣрѣ привлекаетъ крестьянина во врачѣ: его опытность, знанія, сердечность, простота обращенія и т.п.?	Врача привлекает крестьян сердечность, простота обращения. Относительно же знаний его мнения крестьян очень разноречивы.
3. Какъ относится народъ къ операціямъ? Какъ относится и смотритъ народъ на женщинъ-врачей?	К операциям народ относится с боязнью, многие совершенно отказываются от операции и предпочитают лучше смерть. В особенности страшит крестьян ампутация конечностей, и есть случаи, что [illegible] ампутации [illegible]

Отдельных отзывов нет о женщинах врачах и фельдшерицах, а потому на данный вопрос отвечать не могу.

4 Какъ смотритъ онъ на фельдшеровъ и насколько помощь врачей предпочитаетъ фельдшерской помощи? Не бываетъ ли наоборотъ?

Взглядъ на фельдшеровъ такой же, какъ и на врачей. Бывали [illegible], и довольно часто, что фельдшеръ предпочитается врачу. Объясненіе этому служитъ то, что фельдшера проще держатъ себя съ больными крестьянами, да и за визиты [illegible] [illegible] меньшими гонорарами.

[illegible]тношеніе къ акушеркамъ и акушерской помощи.

Акушерка иногда только приглашается къ роженицамъ, во большинствѣ же случаевъ роды совершаются при помощи старухъ-повитухъ.

[illegible] смотритъ народъ на гомеопатическое лѣченіе, напр. у [illegible] и другихъ частныхъ лицъ, [illegible]

Гомеопатія здѣсь [illegible] большого вниманія, [illegible] [illegible].

7. Какъ относится народъ къ дезинфекціи ?

Какъ и болезни. 2.

8. Отношеніе къ леченію впрыскиваніемъ сыворотки дифтерита и водобоязни.

—

9. Когда отнимаютъ дѣтей отъ груди, рано [illegible]инаютъ прикармливать и чѣ[illegible]

Некоторыя склонны кормить до 2 и 3 года, — съ изъятіемъ новой — прикармливаніе через 3,4 месяца [illegible].

[illegible]

С. Петербургъ [redacted] 20 Сент[illegible]

4. Как смотрит он на фельдшеров и насколько помощь врачей предпочитает фельдшерской помощи? Не бывает ли наоборот?
Взгляд на фельдшеров такой же как и на врачей. Бывает, и довольно часто, предпочитается фельдшер врачу. Объяснением этому служит то, что фельдшер проще держит себя в обращении с крестьянами, да и за визит довольствуется меньшим гонорарием.

5. Отношение к акушеркам и акушерской помощи.
Акушерка иногда только приглашается к родильнице, в большинстве же случаев роды совершаются при помощи старухи-повитухи.

6. Как смотрит народ на гомеопатию (при лечении, например, у священника и других частных лиц)?
Гомеопаты заслуживают большего внимания, нежели медики.

7. Как относится народ к дезинфекции?
Как на баловство.

8. Отношение к лечению вспрыскиванием сыворотки дифтерита и водобоязни. Когда отнимают детей от груди, рано ли начинают прикармливать и чем?
Некоторые матери кормят по 2 по 3 года, во избежание новой беременности, прикармливают через 3, 4 недели после рождения.
В. Решеткин. 20 сентября 1900 г.

МАКАРЬЕВСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Костин Иван Осипович
Макарьевский уезд, Ковернинская волость, д. Высоково. 1899 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 603. Л. 2—6

А. Физические природные свойства крестьян

1. Мужчины и женщины роста среднего, телосложения правильного и крепкого, с приятными лицами. Острота зрения и слуха хорошие, холод и жару переносят терпеливо и особенно от этого не страдают. К физическому труду привычны и исполняют его легко. Каждый крестьянин может перенести тяжесть от 8 до 15 пудов.

Б. Местные условия жизни крестьян

3. Местоположение
Д. Высоково расположена на ровном месте при небольшой реке (Малый Утрус).
Отстоит она от уездного города (Макарьев) в 70 верстах, от губернского (Костромы) — 215 вер., от ближайшего базара (около с. Ковернин[о]) — 30 вер., от приходской церкви (с. Федорово) — 6 вер. Фабрик ближе 50 вер. (в г. Юрьевце) нет. От д. Высоково до с. Ковернина места пребывания: почтово-телеграфного отделения, земского начальника, станового пристава, урядника, волостного правления — 30 вер. До ближайшей железнодорожной станции (г. Кинешма) — 120 вер., до судоходной р. Волги и Унжи — 60 верст.
Местные продукты сбываются в селе Ковернине, на его еженедельных (по четвергам) базарах.

4. Что дает крестьянам земля
Местные крестьяне сеют только озимовой и яровой хлеб и льняное семя. Земля без удобрения не родит; обязательно нужно удабривать, удабривают навозом. Система посева — трехпольная. Кормовые травы

никакие не сеются. Огороды существуют исключительно только для посадки домашних овощей: капусты, брюквы, лука и свеклы; из леса крестьяне пользуются только грибами и ягодами, сбор которых удельное ведомство дозволяет бесплатно. Охотой и рыбной ловлей занимаются несколько крестьян в свободное от занятий время.

5. Полезные и вредные животные

Домашние животные суть: лошади, коровы, овцы, телята, свиньи, утки, гуси, куры, польза от них: лошади — для управления с хозяйством; коровы — молоко и масло; кур и гусей яйца и говядина. В данной местности из диких зверей водятся медведи, волки, лиса, заяц, олени и лоси.

6. Климатические условия в отношении к крестьянской жизни

Весна для крестьян начинается около 10 апреля. Пахать землю можно около 1 мая. Распутица (главное около 15—30 апреля) останавливает сообщение дней на 15. Косить начинают с 1 июля, жать озимое — около 15 июля и яровое — около 5 августа, благоприятная погода обыкновенно бывает дней 20.
Уборка картофеля бывает около 8 сентября (Богородицына дня), тогда начинаются и заморозки.
Зима наступает около 20 октября, бывает не очень сурова. Метелей, прекращающих сообщение, не бывает.

Г. Общие указания об образе жизни крестьян

7. Крестьяне преимущественно занимаются хлебопашеством и побочно — торговлею. Специально охотой, скотоводством или рыбной ловлей не занимаются. Промыслы в данной местности суть: тканье рогож, делание коромысел, кадок, ведер, и обечек для лукошек и…
[Далее значительная часть текста утрачена]

Ф. 7. Оп. 1. Д. 604. Л. 2—33

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

8. Крестьянские сходы

Сходы собираются: волостные — с разрешения земского начальника и по распоряжению волостного правления — сельскими старостами; сельские — по распоряжению волостного правления и сельского старосты — деревенскими «добросовестными» и селенные — теми же добросовестными, которые выбираются в селении по очереди и каждый крестьянин служит целый год. Часть крестьян есть, которая не ходит на сход без понуждения. Большинство крестьян не делает различия в количестве голосов (½ или ⅔ по их мнению безразлично), требуемых законом для решения того или другого дела, и по их мнению сила приговора по всем делам бывает одинакова и независима от количества бывших на сходе лиц. Каждый крестьянин, идя на сход, одевается чище обыкновенного будничного. Посторонним быть на сходе можно, только без права голоса. Женщины на сходе бывают — или как сами домохозяйки (вдовы), или по доверию от отлучившихся своих мужей. Бывают на сходе и пьяные, только их сейчас же со схода удаляют.
Сходы происходят: волостные — при волостном правлении, сельские — в центральной деревне общества, так, чтобы всем деревням было равно расстояние до места схода, селенные — в своей деревне.
Вопросы на сходах решаются следующие: на волостных: выборы должностных волостных лиц, учете сими лицами правильности расхода мирских сумм, назначений содержания должностным лицам и на разные другие расходы, относящиеся к власти; на волостных сходах вопросы поставляются с разрешения земского начальника; на сельских сходах решаются вопросы о выборах сельских должностных лиц — старосты, сборщика, смотрителя магазинов, сотских и десятских, об учреждении опек над малолетними и их имуществом, назначений расходов, учет расхода сумм и поверка действий опекунов. На селенных сходах решаются вопросы чисто однодеревенские: об исправлении изгородей, наеме пастухов, о накладке и скидке земельных наделов (по местному «тягол»), о заарендовании (у удела) выгонных, пахотных и сенокосных земель.

Поведение крестьян на всех сходах заставляет желать много лучшего: представьте себе большую толпу народа, в коей каждый кричит по-своему, и волостным и сельским властям больших усилий стоит, чтобы водворить порядок. Решающее значение — большинство голосов, но это большинство часто делают два-три «горлана», которые к себе всегда много привлекают сторонников. Случаев, чтобы сходы решали вопросы, как приказало начальство, — не бывало. Решения сходов приводятся в исполнение: волостных — волостными правлениями, сельских — сельским старостой и селенных — самим селением.

Власти. Отношение их к крестьянам

9. Местный земский начальник относится к крестьянам сочувственно, допускает крестьян к себе всегда, когда угодно крестьянину; крестьянин, не чувствующий за собой вины, не боится земского начальника, встреч с земским начальником не избегает, но не очень и желает их. Земский начальник вмешивается в крестьянские хозяйственные дела настолько, насколько требуют этого интересы самих крестьян.

Административные взыскания налагаются земским начальником: штраф до 5 руб. и арест до 7 дней. Между исправником и крестьянами встречи бывают редки, крестьяне относятся с уважением, но без боязни. Со становым приставом и урядником крестьяне встречаются без страха, может быть, этому влияет отсутствие у сих чинов власти подвергать административным взысканиям. Встречи с сотским и десятским бывают часто с явным пренебрежением, чины эти часто бывают в насмешках и приказания от них принимаются хладнокровно, без всякой готовности исполнить их.

Волостное правление, согласно положению о крестьянах, состоит из волостного схода, старшины, заседателей и сельских старост как членов правления. Отношения крестьян к волостному правлению и старшине существуют самые тесные: крестьяне все получают из правления паспорта, объявления других мест и лиц и извещения на всякого рода прошения. Крестьянских дел официально от волостного писаря не зависит никаких, его, писаря, в волостном правлении вполне можно применить к кормчему на корабле, писарь есть фактический начальник волостного правления, а старшина и члены правления, как лица малограмотные или совсем неграмотные, являются уже только исполнителями указаний писаря. Лишь известен факт: один старшина по поручению писаря ходил покупать ½ бутылки водки.

Сельский староста зависит от волостного правления мало, он более зависит от земского начальника. Отношения между сельским старостой и крестьянами чисто примитивного свойства. Власть сельского старосты: арест до 2 дней и штраф до 2 руб. Пользуются они властью редко и только в самых крайних случаях.

10. Характерные случаи отношения крестьян к земскому начальнику и сельскому старосте я знаю следующие: однажды земский начальник осматривал пожарное депо и все нашел в исправности, тогда пожарный староста (Козырев) обратился к земскому начальнику со словами: «Вы, Ваше Высокоблагородие, все нашли хорошо, так уж дайте на чаек». И земский начальник дал. Другой крестьянин, обращаясь к сельскому старосте, сказал: «Яков Ефимыч, дай мне 20 коп., я завтра повезу тебе в магазею (общественный хлебный магазин) хлеб в уплату ссуды, то потихоньку от жены возьму лишнюю смолу, которую продам и отдам тебе эти деньги». Староста дал 20 коп. Крестьяне к начальству с поздравлениями или приношениями не ходят и не являются. Крестьяне приезд властей встречают так: правой рукой снимает шапку и делает легкий поклон, а левой рукой почесывает затылок свой или, бывает, чешет и более неприличные места. Крестьяне выслушивают приказания с улыбкой, исполняют приказания неторопливо. По отъезде власти говорят: «Слава Богу, уехали, черт бы их побрал, думают, чай больно ждали их» и т. п. выражениями.

11. Приказания земского начальника, полицейские предписания и решения волостного суда приводятся в исполнение волостным правлением при содействии сельского старосты и случаи явного неуважения к начальству бывают редки и только при взыскании с крестьян разных платежей, когда крестьяне оберегают свое имущество, как оберегает львица своих детей.

12. Законы, применяющиеся к крестьянам, следующие: Положение о земских начальниках со всеми к нему правилами; Положение о крестьянах и правила о волостном суде. Крестьяне закон знают плохо и только меньшая половина крестьян, а большая половина совершенно ничего не знает.

13. Свобода передвижений. Паспорта
Чтобы получить паспорт, крестьянин должен уплатить хотя ⅓ часть лежащих на нем податей и по уплате может отлучиться на 2 года, куда пожелает. Без паспорта крестьянин может отлучиться недели на две верст на 100. При выдаче правлением паспортов встречаются затруднения следующего рода: крестьянин, получающий новый паспорт, должен возвратить бывший у него ранее, но многие крестьяне прежние паспорта или теряют, или отдают своим детям как игрушки и, наконец, многие крестьяне паспорта искуривают; и тут получающий паспорт должен написать и подать полиции заявление об утере старого паспорта. Паспорта получаются крестьянами даром. Те же обязанности выполняют крестьянки домохозяйки — вдовы. Замужние женщины получают паспорта только с дозволения своих мужей.

Преследование преступлений
14. Преследовать виновных, по понятиям народа, могут: полиция, земский начальник, судебный следователь, волостной старшина и сельский староста. Народ опасается совершать преступления более тяжкие: убийства, грабежи, увечья, кражи, мошенничества более крупные и скрываются как от властей, так и от односельчан, от последних из-за боязни доносов даже и на мелкие проступки.

15. Каждый проступок и преступление народ не скрывает из-за греха, говоря, что скрывать подлецов — грех. Каждое преступление или посягательство на чужую собственность народ считает грехом.
Работа в праздник народом не преследуется, но есть у крестьян убеждение, что в праздники работать — грех. «Праздничная работа ест будничную», — говорят крестьяне.

16. Обычая мстить виновному помимо закона у крестьян нет, не говоря о том случае, когда один побьет другого, то последний помимо закона старается при случае отплатить обидчику своими силами.

17. Сделок между преступником и потерпевшим не бывает. Бывают случаи только в делах о личных обидах, когда потерпевший по получении вознаграждения подает в суд, то этот потерпевший считается плохим человеком, не основательным и т. п.

18. За потерпевшим право на вознаграждение считают только по имущественным делам. Никогда крестьяне за личное свое оскорбление не предъявляют к обидчику гражданского иска, а всегда привлекают в уголовном порядке.

19, 20, 21. Таких случаев мне неизвес[тно]

22. Увеличивающими вину обстоятельствами, по мнению крестьян, служит трудность охранения имущества, например, крестьяне считают более увеличивающими вину кражу овощей из огорода, чем кражу со взломом имущества из чулана.

23. Крестьяне считают, что преступников наказывает Бог, и что «неправильно нажитое не пойдет впрок», но никогда не отказываются от преследования виновных.
Выражение «Божья воля» относится к покорности потерпевшего к провидению, например, потерпевший крестьянин говорит: «Обидели подлецы, но видно, так Богу угодно». (Выражения) «Грех попутал» и «Дьявольское наваждение», «Так уж на роду написано» — относятся к преступнику, уличенному в совершении преступлений, и, например, на вопрос посторонних «Что, брат, попался?» преступники отвечают вышеозначенными выражениями.

24, 25, 26. Таких случаев мне неизвестно.

27. Действия, совершенные для обороны, не наказываются. Обороною считается, если кто будет нападать, то отталкивание нападающего от себя и тому подобное.

28. По народному понятию, за проступки, совершенные детьми по приказу родителей, в имущественном отношении должны отвечать родители. Народу известно, что малолетние за проступки не отвечают.

29. За попытку на преступление народ наказывает: мне известно один случай, когда крестьянин при покупке товара хотел украсть, но был уличен в этом; владелец вещи при помощи соседей сделал несколько ударов. Об угрозе кого-либо сделать вред, крестьяне заявляют полиции и волостному правлению, бывает даже, привлекают к суду.

30. Различие между совершающим преступление и его помощником, по понятиям народа, почти не существует. Вся разница только в названии: первого считают вором или мошенником, а второго укрывателем их или сообщником.

31. Крестьяне на указывающего преступника смотрят с благодарностью, исключая дел о порубках леса, в коих указывальщика называют ябедниками, кляузниками и т. п. словами. Есть и «присталодержатели», и «скупщики краденого», к ним народ относится с отвращением.

32. Доносить на преступника, из какого бы класса он ни был, крестьяне считают своей обязанностью. Доносчиков по мелким проступкам: порубке леса, неисполнении караула и т. п. делам народ презирает.

33. Мне известны два случая ссылки. Крестьяне ссылают только самых скверных крестьян «бездомников», не имеющих своих семейств, и только таких крестьян, опороченных по суду, постоянно пьянствуют, делают кражи и разное зло местному населению, которому приходится платить за таких лиц разные взыскания. Случаев ссылки женщин здесь не бывало. Возраст ссылаемых влияния не имеет.

34. Облегчать участь наказанных правительством лиц народ не старается. О таких лицах крестьяне отзываются: «По делу вору и мука».

35. Хотя бывшие под уголовным судом лица и считаются полноправными членами, но при каждом со стороны осужденных неуважении кого-либо, они укоряются «вором», «арестантом» и т. п.

36. Лица, бывшие в арестантских ротах, хотя и неохотно, но принимаются крестьянами и я не помню случаев, когда бы общество отказалось от принятия таких лиц. Как женщины, так и мужчины, молодые и старые, принимаются равно и эти положения осужденных не составляют никакого различия или преимущества.

37. Крестьяне на раскол и ереси смотрят равнодушно, за небольшим исключением крестьян, которые смотрят и с отвращением. Крестьяне безумие раскола и ересей отдают на суд Божий, говоря, что Бог всех рассудит и разберет.

38. Богохульство, кощунство и осквернение храмов народ считает тяжкими преступлениями и на совершивших их смотрят с отвращением. На несоблюдение постов, работы в праздник, неисполнение таинства покаяния и причащения и напрасную божбу народ смотрит равнодушно. Все эти нарушения встречаются у многих крестьян.

39. К пьянству народ относится снисходительно, только в таких случаях строго, когда пьяница не платит податей, не кормит своего семейства и пропивает последний свой заработок. За пьянство наказание налагается волостным судом: арест от одного до пятнадцати дней.

40. Народ к преступлениям против своих выборных относится равнодушно и никаких карательных мер не принимается. Крестьяне знают, что за оскорбление частного лица наказание налагается низшее, а должностного — высшее. Обычаев по сему предмету нет.

41. Все служебные преступления запрещаются обычаями народа, народ относится к ним с презрением. Арестанты содержатся на свой счет или на счет земства. Арестанты препровождаются сотскими или десятскими (особо важные арестанты — урядниками) от деревни до деревни пешими, а больные — на обывательских лошадях. Народ знает, что за упуск арестанта придется отвечать перед правительством.

42. В описываемой мною местности, хотя и было два случая заявления подлога, составления долговых обязательств, но эти заявления опровергнулись, а документы оказались подлинными; более случаев не бывало. В подобных случаях на заявителя подлога смотрят как на мошенника, желающего заплутать и не уплатить занятых денег. Перемены мет и уничтожения границ не бывало.

43. Похищение чужой собственности народ считает делом греховным и посему воровство считается действием крайне недозволительным.

[Суд и расправа]

44. По понятиям народа, власть разрешать судебные дела принадлежит волостному суду. Крестьяне знают различие уголовных и гражданских дел, только к уголовным делам они относят более тяжкие преступления: убийства, грабеж, кражи, разбои и т. п. Но дела о преступлениях ничтожных, например, нанесение оскорбления словами или действиями, не считает уголовными, а называет их «простыми» делами.

45. Самосуд народ допускает в мелких делах и только тогда, когда уже не хотят обращаться к законному суду. Так, я знаю случай, когда крестьянин (Лебедев) поймал одного воришку, то дал вору несколько ударов и тем ограничился.

46. Народных или третейских судов, или судебных сходов в данной местности не бывает.

47. Ковернинский волостной суд состоит из четырех судей. Порядок избрания — шарами, бывает и расхождением в стороны. В судьи выбирают людей благонадежных и пользующихся уважением независимо (был бы только не моложе 35 лет) от возраста или грамотности. Судьи, пока они состоят в этом звании, освобождаются от исполнения общественных натуральных повинностей и от телесного наказания. Жалованья получают: судьи по 60 руб., а председатель 100 руб. в год.

48. Судьи при разборе дел руководствуются показаниями свидетелей и представленными сторонами документами. Поверка доказательств не требуется.

49. В здешнем волостном суде влияния ни посторонних лиц, ни местного волостного или сельского начальства не замечается.

50. Отвод судей в волостных судах допускается. Судья не может принять участия в решении дела, касающегося члена своей семьи или близкого родственника.

51. 52. 53.57. 58. Подобных судов здесь не существует. Бывают случаи, когда обиженная сторона обращается за содействием к сельскому старосте или старшине, и эти лица мирят стороны, а при неуспешности сего судятся уже в волостных судах.

54. Есть несколько крестьян, которые склонны к кляузничеству. Я знаю одного крестьянина, который был присужден земским начальником к штрафу в 1 руб. 50 коп., то он это решение обжаловал уездному съезду и затем губернскому присутствию, и все-таки уплатил штраф и по всей вероятности израсходовал на писание жалоб не менее 2 руб.

55. Таких предрассудков у здешних крестьян нет.

56. На суд тяжущиеся и свидетели вызываются повестками от волостного суда.

59. В волостных судах адвокаты не допускаются. За отсутствующих тяжущихся на суде могут отвечать только их близкие родственники.

60. Целое общество бывает обвинителем только по имуществам целого общества, например, при порубках общественного скоса.

61. Случаев, чтобы община отвечала за укрывающегося преступника, не бывает, преданий об этом не сохранилось и пословиц не существует.

62. В суде существуют улики: собственное признание, поимка с поличным, показание свидетелей и письменные доказательства.

63. Найденные у обвиняемого вещи как вещественные доказательства от него отбираются и отдаются на сохранение третьему лицу: старосте, сотскому или десятскому и только уже за отсутствием их — совершенно частному лицу.

64. Лиц, которые бы за вознаграждение отыскивали краденые вещи, — нет.

65. Бывают случаи насильственного отобрания потерпевшим от преступника вещи, как для улик, так и для обеспечения иска.

66. Обычая представлять вора на суд с поличным, привешенным к нему, не существует.

67. Воров ищут по следам и другим признакам. Есть у народа поверье, что будто некоторые люди (знахарки) могут сделать то, что вор принесет покраденные вещи; чтобы это сделать, подают на укравшего «сорокоуст» (поминовение 40 дней как умершего), и вот, по поверью, вора в это время начинает корчить и тогда вор принесет вещи тайно.

69. За отсутствием улик, чтобы добиться сознания преступника, бывают насильственные действия: я знаю случай, когда один крестьянин покрал из общественного магазина хлеб, но не сознался и не было против него улик; то общество этой деревни связало ему руки назад и вывертывали их, об этом по жалобе преступника было дело в волостном суде, но суд истязателей оправдал, за отсутствием тех же улик.

70. Конечно, тем свидетелям дается особое доверие, которые имеют хорошее поведение. Большинству свидетелей против меньшинства дается предпочтение. Для улики довольно и одного свидетеля. Самовидцам против послухов дается предпочтение.

71, 72. Народные обычаи свидетельствовать сыну за или против отца, брату за или против брата, мужу за или против жены и отцу за сыновей — не допускают.

73. Крестьяне почти всегда боятся попасть в свидетели только из-за того, что им придется идти в суд и отвлекаться от занятий; но когда уж невольно делаются свидетелями, то от дачи показаний не уклоняются.

74. Бывают и подкупы свидетелей; народ к этому относится хладнокровно. Я слыхал разговор, когда одна сторона тяжущихся укоряла другую, говоря: «Ты, сволочь паршивая, и свидетелей-то всех подпоил», на это другая сторона ответила: «И тебе была дорога не загорожена, и ты бы подпаивал». Бывали и такие случаи,

что один свидетель в другой инстанции суда изменял первоначальное показание и говорил уже за противную сторону, т. е. за ту, против которой сначала свидетельствовал; конечно, такие показания были без присяги: под присягою случаи лжесвидетельства очень редки.

75, 76. В крестьянских судах случаев присяги не бывает. Народ на присягу смотрит как на самый верный путь к достижению правды. Частные клятвы как уверения в правдивости слов такие: «право», «ей-Богу», «лопни мои глаза», «чтобы мне на месте умереть», а женщины еще клянутся: «Чтобы мне не разродиться».

77. В суде присяг в качестве мировых сделок не бывает.

78. Присягу народ считает страшной клятвой и все уверены, что за лживую присягу будет от Бога большое наказание. На отбираемые мировыми судьями и земскими начальниками подписки о присяге без принесения самой присяги народ смотрит равнодушно и лжесвидетельство под такою подпиской народ считает маленьким грехом.

79—81. По разборе дела, т. е. по отобрании показаний сторон и свидетелей, суд (волостной) удаляется в отдельную комнату и там постановляет свое решение, и затем выходит в общую комнату и объявляет решения. В данной местности приговоры объявляются председателем, получившим хорошее домашнее образование (а в других ближайших судах приговор читают волостные писари). Заочные решения бывают и объявляются таким же порядком. Отсутствующим сторонам посылаются от суда извещения. Решение волостного суда, не будучи обжаловано, вступает в законную силу по истечении 30 дней со дня его объявления.

82. По вступлении решения в законную силу волостной старшина или сам, или поручает членам правления приводить решение в исполнение. Присужденного к аресту арестовывают. С присужденного к штрафу или взысканию требуют таковой, в случае неуплаты добровольно, производится опись и продажа имущества должника, а при несостоятельности составляются акты, которые передаются в волостной суд, и в этих случаях по гражданским делам взыскания откладываются до более благоприятного времени, а по штрафам (по уголовным делам) волостной суд несостоятельность заменяет арестом.

83. Обычая брать вознаграждение за разбирательство дел нет. Свидетелям денег не платят, а только угощают. Угощает та сторона, по просьбе которой свидетель вызывается.

84. Ответственности за неправильное обвинение или предъявление иска не бывает.

85. Бывает, что волостной суд руководствуется местными обычаями. Обычные меры наказания, налагаемого волостными судами, — арест и штраф. К телесному наказанию приговариваются редко и самый «отъявленный» негодный народ. Телесное наказание никогда не предпочитается штрафу или аресту. На подвергшихся телесному наказанию лиц народ смотрит как на опозоренных.
Помещение для арестуемых в Ковернинской волости отличное — просторное и светлое. Крестьяне под арестом ведут себя хорошо и к побегу не стремятся.

86. Взыскания всегда назначаются деньгами. Назначений денежных взысканий в пользу потерпевшего отдельно от вознаграждения убытчиков здесь не бывает. Денежные взыскания в пользу потерпевшего или частных лиц ничем другим не заменяются. Взыскания, присужденные в пользу удела, при несостоятельности заменяются арестами и общественными работами.

87. Я знаю несколько случаев, когда пойманного вора с поличным водили по деревне со скверными песнями, криком, смехом и со стуком в чугунные сковороды. После таких опозорений воров уже не привлекают к суду. Каких-либо других позорящих действий здесь не применяется.

88. Бывают случаи, что потерпевшая сторона, видя, что не может вполне доказать свое обвинение или иск, соглашается получить половину требуемого и тем кончает дело.

89. Случаев отмены волостными судами своих приговоров ввиду новых доказательств здесь не бывало.

90. Порядка обжалования приговоров, установленного обычаями, здесь нет, а есть только порядок, установленный законом. Срок обжалования приговора волостного суда — тридцатидневный со дня объявления решения.

[Опека]

91. Опека в крестьянском быту имеет целью охранить оставшееся после умерших имущество впредь до полного совершеннолетия опекаемых и дать опекаемому пропитание. По смерти родителя в его права в отношении личности вступает мать (жена умершего), а в отношении имущества — опекун, а за смертью обоих родителей, в их права вступают опекуны. В случае, если после умерших родителей не останется никакого имущества, то малолетние воспитываются или на счет общества, или у родственников и, наконец, сбором милостыни. Над опекаемым имуществом бывает контроль со стороны общества: общество каждый год поверяет целость имущества и действия опекунов.

92. Опека продолжается до достижения опекаемым 21 года. По достижении этого возраста опекаемые принимают имущество по описи и в этих случаях опекуны обязаны сдать все то имущество, которое приняли в опеку.
Опекуны никакого вознаграждения не получают, они принимают на себя обязанности опекунов единственно из чувства филантропии. Различия между сиротами мальчиками и девочками не делается. Положение малолетних при вторичном выходе замуж их матери не изменяется. Опекуны обязаны представлять отчеты (словесные, если опекун неграмотный, и письменные, если грамотный) волостному правлению и сельскому сходу по истечении каждого года. Случаев растраты опекуном имущества здесь не бывало.
В опекуны выбираются преимущественно родственники, а за неимением их и посторонние лица. Бывали случаи назначения по распоряжению схода опеки над расточительными крестьянами. Опекуны ни в каком случае наследниками опекаемого имущества не являются.

[Повинности]

94. На обязанности каждого местного крестьянина лежат повинности; денежные: уплата выкупных платежей, государственного поземельного налога, земского (губернского и уездного) сбора, волостных и сельских сборов; сбор делается с земельных наделов, с каждого надела подлежит всех платежей от 6 до 8 рублей в год. Натуральные повинности: исправление мостов и дорог — с каждого двора по 1 человеку на 1—3 дня, возведение новых и исправление старых изгородей вокруг полей по 1/2 дня с каждого крупного скота. Разверстка земли производится редко: 1—2 раза в 25—30 лет. Разверстка платежей делается каждый год. Бесплатных участков никому не дается. При неисправности плательщиков от них отбираются земельные наделы и отдаются другим крестьянам.

95. Повинности с крестьян взыскиваются сборщиками податей в течение всего круглого года по выданным этим сборщикам раскладкам и окладным листам из волостного правления.

96. При неисправности уплаты повинностей описывается у неплательщиков имущество и продается, а за неимением имущества отбираются наделы и передаются более состоятельным крестьянам, последние и пополняют недоимку.

97. Случаев недостатка недоимок от одного года к другому здесь не бывало.

98. О дне призыва к отбыванию воинской повинности объявляют (согласно объявлению воинского присутствия сельские старосты). Молодые парни для вынутия жеребья отправляются в сопровождении отца и матери или же братьев. Во все это время парни ничего не делают, а только гуляют при непременном спутнике гулянья — пьянстве. В случае оставления призываемого дома, он возвращается домой уже смирным. Если же призываемый будет принят, то он уже еще больше пьянствует и безобразничает, и нередко своим поведением заставляет своих отца и мать кланяться ему и ухаживать за ним.

99. Народ к уклоняющимся от воинской повинности и к членовредителям относится с презрением; народ говорит, что служить царю есть дело Божие и уклоняться от этого — грех. Крестьяне говорят: «Если каждый будет хотеть оставаться дома, то кто же будет служить нашему царю». Относительно членовредителей я слышал такой разговор: «Отбиваться от солдатчины — грех, и отбивающимся Бог веку не дает», — сказал один крестьянин, другой ответил: «Да, верно, вон Петр Евлампиев и Федор Дмитриев, что и не делали, чтобы отбиваться: и орехи ели, чтобы грудь иссушить, и уксус пили, чтобы грудь сжало, да отбились, так не лучше стало, — оба в молодости умерли».

100. Я не помню военно-конской переписи. Была она назначена в 1891 г., но отменена ввиду бывшего в данной местности падежа скота.

[Празднества]

101. В нашей деревне Высоково (да такое бывает и в «окольных» деревнях) бывает два больших праздника: в день Рождества Христова и 29 июня, в день Апостолов Петра и Павла. К этим праздникам крестьяне приготовляются за 2—3 дня: варят пиво и заготовляют водки; по наступлении праздника и по отслужении молебна и начинают пьянствовать: старшие, собравшись артелями, ходят по деревне и поют песни; младшие с гармониками гуляют у девиц, играют на гармониках и пляшут «Камаринского» и «Бароньку», это продолжается дня 2—3 и даже дня 4. В гости ходят почти все родственные семьи, дома остаются только старые да малые. Специальных празднеств не бывает.

102. Если кто не принимает участия в празднествах, то народ считает «скупым» и «скрягой» и говорит: «У Гришиных нет гостей, деньги копит старый черт, боится извести (израсходовать) их, т. е. деньги».

103. Свободное время крестьяне проводят так: сойдутся несколько крестьян в одно место — летом на улице, а зимой дома, — и разговаривают кой о чем: об урожае хлеба, о дожде, засухе, о скоте и т. п. вещах. Молодые люди играют в мяч, горелки, буевки, козны, играют на гармониках и пляшут «Камаринского», «Бароньку» и «Хороша наша деревня». Более употребительные песни: «Сарафан дорогой», «Я вечор в лужках гуляла», «Во саду Маша гуляла», «Вечер поздно, поздно из лесочку», «На том ли поле серебристом стояла дева под луной», «Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью», «Вниз по матушке по Волге с Нижнего города», «Я сижу и любуюсь твоей красотой, дорогая моя», «Накинув плащ, с гитарой под рукою» и «Хорошо было детинушке сыпать ласковые слова». Крестьяне любят слушать рассказы веселого содержания, а от духовно-нравственного чтения зевают и уходят или слушают без внимания. Драматических представлений здесь (и во всей Ковернинской волости) и не бывает.

104. В селе Ковернине (30 вер. от д. Высоково) есть бесплатная библиотека-читальня, содержимая на счет земства и пожертвований. В этой библиотеке разрешены чтения, но нет желающих читать, то и чтений не бывало; книги охотнее берут читать на дом.

105. [Трактир. Постоялый двор]

Постоялый двор служит только местом остановки проезжающих. Трактир служит местом разгула. Туда собираются пить водку, чай и петь песни и делают разные безобразия. В трактирах только и слышно скверноматерные слова, ругань, смех, драки и т. п. Деловых разговоров почти никогда не бывает. Трактиры бывают почти всегда двухэтажные и внизу торгуют водкой; из низу сделаны входы к верху, который разделен

на несколько комнат, и тут распивают чай и водку. Хозяин относится ко всем своим посетителям, ввиду своих выгод, с уважением, а посетители часто относятся к трактирщику с презрением и требуют водки так: «Эй ты, кабацкая сажа, дай-ка мне водки».

106. [Стремление возвысить свое общественное положение]

Крестьянин гордится всем: силой, ловкостью, одеждой, знанием и материальным состоянием. Зажиточный крестьянин всегда пользуется уважением, хотя в отсутствие его часто ругают и те, которые лично льстили богатому. Хотя каждый крестьянин и стремится возвысить свой достаток, но этого редко достигает и этим сильно не огорчается, говоря: «Слава Богу, что и старого не проживаем». Никакие честные занятия крестьяне низкими или недостойными не считают. Лица, занимающие ответственные должности, пользуются почетом. Я знаю нескольких крестьян, которые сильно стараются занять должность Старшины, для этого подпаивают и угощают сходовщиков и всячески ублажают их. В среде здешних крестьян нет не только выдающихся, но и обыкновенных благотворителей.

[Часть текста утрачена]

... снимают шапку и, кланяясь, говорят: «Доброго здоровья, Сидор Карпыч», другой отвечает: «Здорово живешь, Иван Сидорыч», или (более молодые) встречаются и, не снимая шапки, говорят: «Здравствуйте», сопровождая это рукопожатием, и начинают говорить то, что нужно, или расходятся. Выражение вежливости или ласки заключается в словах «как поживаете» и т. п. Высокомерные же люди ничего этого не делают. Разница в имущественном положении всегда бывает та, что состоятельный всегда ждет, когда ему поклонится бедный, и только после этого уж отвечает на поклон. В зависимости от перемены имущественного положения меняется и обращение: о бывшем богатом некоторые соболезнуют, говоря, что Бог у каждого может отнять, следовательно он (обедневший) не виноват, а некоторые говорят: «Прожился, сукин сын, по делу ему, больно уж обирал народ-от».

Данные слова некоторые исполняют, а другие (и то большая половина) считают ни за что и на укоризну другой стороны отвечают: «Мало ли что на словах-то говорится, да на деле-то не исполняется». Честь свою крестьяне охраняют: если кто кого-нибудь назовет подлецом, то за это привлекают к ответственности в волостном суде. Обиженный говорит: «Нет, я никого не обманул и за это ты ответишь». Уважение приобретается хорошим поведением, а презрение — наоборот. Гостеприимство в среде местных крестьян находится на средней степени. В гости идут только тогда, когда позовут. Идя в гости, крестьяне надевают самую лучшую одежду; подарки берут в виде кренделей, пряников и конфект, — только для детей. Гостей встречают словами: «Добро пожаловать, гости дорогие, только уж не осудите: чем богаты, тем и рады», на это гости отвечают: «Полно-ко, свахонька (или иначе, смотря по родству), понапрасну-то беспокоиться, чай знаешь пословицу «Не будь гостю припасен, а будь рад».

Разговоры у крестьян — мужчин — идут на тему об урожаях хлеба, общественных делах и, наконец, шутки; у женщин — про скотину: «А что, свахонька, у тебя еще не отелилась корова-та».

— Нет еще, родимая, жду день на день, раньше ждала на Николу (6 декабря), а вон она, должно быть, будет на Рождество, да вот, родимая, какая беда у меня еще приключилась, так уж, видно, Богу угодно, нечаянно накормила трех куриц соленым, а они, родимые, с этого и умерли, а уж сам-то (муж) меня ругал да ругал за это.

— И у меня, родная, почитай, такая же беда стряслась, — намедни (на прошлой неделе) я заставила Марюшку (дочь Марью) затопить зимницу (скотницу), а она затопила, а дверь-ту затворила, так, родимая, теленок и задохся в дыму.

И т. п. разговоры. Относительно распространения сплетен я знаю такой случай: идет женщина, которой хочется рассказать о слыханном, к другой соседке, будто за долгом, и говорит:

— Сидоровна, дай, пожалуйста, ложечку масла, как приедет торговец, куплю и отдам, а то в четверг-от Павлыч-то (т. е. ее муж) поедет на базар, так купит, да сказать ли тебе что!

— Что, скажи!

— А, родимая, сегодня Степаниху-то, как муж прибил, до полусмерти, лежит...

— А за что?

— Уж и не знаю, за что, мне Ульяшка Ларина говорила, что он ее застал с кем-то.
— По делом ей, мало еще, это за то, что на той неделе она не отдала мне яйца, а ведь вот, право, дело прошлое, а моя тогда курица-то снесла у ней на дворе яйцо-то.
И т. п.
Отношения к влиятельным лицам следующие: идет бедный крестьянин к богатому и, кланяясь ему, говорит:
— Здорово живешь, Иван Палыч! Чай да сахар (если богач сидит за чаепитием) вашей милости.
— Здравствуй! — отвечает богач, — За чем?
— Да я к вашей милости с просьбою.
— Ну, дело, говори.
И бедный излагает свою просьбу.
К проезжающим народ относится сочувственно и ночевать пускает охотно, и, бывает, даром накормит проезжего.
К иностранцам или иноверцам народ относится презрительно и считает их людьми погибшими.

[Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам. Имущественные отношения]

108. Более распространен закрытый способ приобретения имущества — покупка; знаю несколько случаев утайки найденного малоценного имущества. О находках более ценных вещей крестьяне всегда заявляют полиции. Случаев незаконного завладения, крупного завладения имуществом здесь не бывало.

109. Народ ясно различает свою землю от земли арендованной. Владелец земли — Удельное ведомство.

110. Границы владений
Знаки границ: межи, просеки, ямы, борозды и столбы. Случаев нарушения границы не бывало и никаких суеверий нет. Земля меряется десятинами и полосами.

111. Доказательствами на отдельную собственность служат планы и показания стариков.

112. Если река изменит свое течение, то все-таки границею остается прежнее русло.

113. Во всей Ковернинской волости пользование рекой как водопоем — местные крестьяне и уезд. Рыбная ловля принадлежит уезду и уезд сдает ее в аренду всей волости, а также принадлежит уезду и все на реках мукомольные мельницы. Озер здесь нет.

114. Деревья, растущие на самой меже, разделяются по половине межи.

115. Если нечаянно посеян хлеб на удельной земле, то удел и хлеб берет себе и не дает никакого вознаграждения за труды и семена. Если посев произведен крестьянином на полосе, принадлежащей другому крестьянину, то этот последний или засевает у первого такую же площадь своими семенами, или возвращает посеявшему то количество семян, которое потрачено, и вознаграждает за труд.

116. Звериные промыслы и охоту бесплатно удел не допускает, допускает за плату 2 руб. в год. При самовольной охоте найденных у охотника убитых животных удел отбирает в свою пользу. Рыбная ловля, как уже было сказано (на вопрос 113), арендуется всей волостью у удела и все потом пользуются ловлей бесплатно.

[Общинное владение]
117. Имуществом, принадлежащим обществу, распоряжается все общество.

118. В д. Высоково крестьянское общество состоит из 42 домохозяев. Земли при д. Высоково состоит: усадебной — 9 дес., лугов — 32 дес., скоса — около 7 дес., пахотной, выгона и неудобной — около 304 дес.,

а всего — около 352 дес. Земля между крестьянами разделяется по наделам и по числу наличных (42) членов общества. На каждый двор приходится от ¾ до 2 ¼ надела (надел — 6 дес.). Весь надел от д. Высоково находится на протяжении 1 ½ верст.

119. Пахотные и все прочие земли и угодья делятся по душам («душа» — тот же надел). Каждый крестьянин может требовать себе надела по достижении 18 лет.

120. Самовольные завладения, запахивания чужих полос и нарушения меж здесь не бывало.

121. Сенокосы делятся каждогодно по наделам еще до скошения и каждый уже косит свою часть.

122. Таких обычаев здесь нет.

123. У крестьян есть леса, которые они берегут на случай нужды (при пожарах), такие леса они называют «запретами»; никаких обрядов при этом не соблюдается, кроме общего согласия беречь этот лес, что крестьянами свято и исполняется.

124. Луга делят по числу наделов; всеми остальными угодьями: водопоем, рекой, пастьбой, — пользуются сообща.

125. Общественные хлебные запасы хранятся в общественных магазинах. Расходы по устройству амбаров производятся по раскладке. Устройство колодцев производится натурою самими членами общества.

126. Наем пастухов производится обществом. Сбор на содержание пастуха производится по числу крупного (лошади и коровы) скота. Пастухи охраняют скот от хищных зверей посредством стука в деревянные доски, называемые «барабанками».

127. Дороги починяются сельскими обществами натурою, по одному человеку с каждого двора.

128. Участники покупки земли пользуются и распоряжаются каждый в своей части. Каждый может продать свою часть, кому пожелает, без согласия прочих своих сотоварищей.

[Артели]
129—136. Артелей здесь ни для каких-либо работ не составляется.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 2—12

137. Крестьяне договоры считают документами, которые следует исполнять. Простое обещание или данное слово некоторые крестьяне не исполняют, а большая половина считает их ни за что. Сроки найма работников или работниц обыкновенно крестьяне установляют «с Пасхи до Покрова» или «с Пасхи за Покров две недели».

138. При заключении договоров бывают магарычи «чаепитие и водка»; договор тогда считается заключенным, когда его подпишут обе договаривающиеся стороны или, когда разнимут руки договаривающихся посторонние свидетели.
Лошади здесь всегда продаются с уздою; при передаче лошади новому хозяину соблюдается следующий обряд: продавший лошадь крестьянин берет повод узды в правую полу своей шубы и передает ее также в правую полу купившему лошадь. Передача «из полы в полу» имеет то суеверие, что будто купленная лошадь будет лучше любить нового хозяина.

139. Крестьяне не только по обычаю, сколько по необходимости ввиду требования закона, никогда не заключают договоров с несовершеннолетними, за несовершеннолетних заключают договоры их родители или опекуны.

140, 141, 142. Крестьяне всегда заключают договоры не словесные, а письменные, так как последние более гарантирующи. Всякий договор крестьяне свидетельствуют хотя бы у сельского старосты, говоря, что когда староста приложит печать, тогда будет покрепче. Свидетели требуются только при безграмотности сторон. Поставленные на документах кресты никакого значения не имеют и ныне уже не выставляются. Исполнение договоров обеспечивается неустойкой; по сделкам крестьян между собою поручительств посторонних лиц не отбирается, а по договорам крестьян с удельным ведомством при найме земель всегда отбираются поручительства посторонних лиц. Поручительства продолжаются во все время аренды земель.

143. Задатки даются как бы в подтверждение того, что дающая сторона исполнит условия. Задаток дается и нанимающим нанимателю, и наоборот. Задаток возвращается только тогда, когда по обоюдному соглашению условие нарушается. Задаток теряется, когда давшая задаток сторона отказывается от выполнения условия. В обеспечение исправного исполнения договора были случаи, что оставляют и вещи, например, серпы — жнеями, косы — косцами и разные инструменты — плотниками.

144. Договор прекращается или по обоюдному соглашению сторон, или по суду. На договор неисполнение обычаев — рукоразнимания или магарычи — влияния не имеет. Случай уничтожения по суду договора, заключенного в пьяном виде, я знаю следующий: в 1890 г. крестьянин Буров нанялся к крестьянину Овсяникову в услужение; оба они договор совершили в пьяном виде и после этого Буров отказался служить, тогда Овсяников предъявил к Бурову иск о взыскании неустойки и убытков, но суд, приняв во внимание, что договор совершен под влиянием опьянения, отказал в иске, чем и нарушил договор.

[Заем]

145, 146. Займы в деревне бывают или под заклад вещей — одежды, самовара и т. п., или под простую расписку. Деньги дают взаймы состоятельные крестьяне. Ростовщиков нет. Заем делается всегда на сроки: «до Покрова», «до Пасхи», «до Вознесенья» или «до Ильи». Между простыми крестьянами, т. е. не торговцами, займы делаются без процентов. За нежелание или невозможность уплатить, должники никакому наказанию не подвергаются, кроме обязательства уплатить занятые деньги.

148. Показания свидетелей принимаются как доказательства займа, так и уплаты его, хотя и не против данной должниками расписки.

149. Бирки и рубежи здесь не в употреблении. Обычай срезать с бирки и уничтожать долг здесь уничтожился, как объяснили мне старые крестьяне, лет 60—70 тому назад.

150, 151. Пользование заложенною вещью зависит от обоюдного соглашения заимодавца с должником. Не уплативший к сроку займа права на заложенную вещь не теряет, но все-таки присуждается к уплате и заложенная вещь судом продается и деньги зачитаются в уплату долга.

153. В ссуду, а по местному выражению «в испол», т. е. «из-за половины» даются из скотины коровы и овцы и по истечении срока возвращается та самая вещь, которая была взята. Приплод от этого скота — от коровы телушка, а от овцы половина ягнят, поступает в пользу хозяина в виде вознаграждения.

154. Если крестьянин, взявший «в испол» корову или овцу, продает ее, то он, кроме присуждения уплаты хозяину стоимости, еще подвергается уголовному наказанию. А если взятая скотина падет, то в этом случае хозяину платится только половина стоимости павшей скотины.

156. Рабочих нанимают только на лето, на неделю и поденно. Плату за работу производят деньгами.

157. Хозяин мельницы мельника нанимает с платою ему деньгами или ⅓ вымеленной муки. При помоле очередь соблюдается. Бывают случаи нарушения этого только для более уважаемых лиц.

158—160. Наем пастуха производится обществом за плату деньгами (от 15 до 20 руб. в лето); и кроме того, при новом урожае хлеба пастуху каждый крестьянин дает по своему желанию ржи и овса, а около 29 июня (Петровки — Петров день) пастухи собирают масла, сметаны и яиц. Пастух содержится обществом «по чередам», каждый черед составляет 1 день с коровы и полчереда — ½ дня с «телицы». Праздников пастухам не устраивается и подарков не делают. Плата пастухам, несмотря ни на убыль, ни на прибыль скота, не уменьшается и не прибавляется. Плата пастуху производится обществом, а потому и с неисправных плательщиков деньги взыскиваются обществом. Пастух никогда не отвечает за пропавший или съеденный зверями скот, для этого пастуху нужно только доказать, что он не присвоил себе скота и в пропаже его не виноват. Здесь поля отгорожены, так что скотина может сделать потраву при неисправности только изгородей, за что пастух не отвечает.
Церковный сторож нанимается всем приходом за плату от 20 до 40 руб. в год. Кроме того, сторож делает сбор ржи, овса, яиц, масла, сена и прочих продуктов. Десятские нанимаются так: общество выбирает из своей среды человек 3—6 «виновников», т.е. лиц, не служивших ранее ни в каких должностях, и эти «виновники» уже от себя «рядят» (т.е. нанимают) десятских требующимся количеством (один или два) и платят им от 10 до 25 руб. в год.

161, 162. Обычаи хозяину наказывать рабочего не допускают. Отослать рабочего до срока хозяин, конечно, может, но только должен рассчитать рабочего за прослуженное время по существующим тогда ценам на рабочие руки. Хозяин для обеспечения себя от убытков, причиняемых рабочим, удерживает за собой некоторую часть заработанных денег. Договор обязателен только для заключивших его, обязанность эта на потомство не распространяется. Хорошо прожившему наемное время рабочему хозяева по окончании срока делают небольшие и малоценные подарки: «на штаны» или «рубашку».

163, 164. В д. Высоково и прочих деревнях существуют обычаи помогать друг другу в уборке с полей хлеба, сена, перевозки строений; такие работы называются «помочи», крестьяне помогают тому, кто делает помочь, (т.е. просит помочь) бесплатно, обыкновенно в праздничные дни; делающий помочь за это угощает помогавших обедом, чаем и водкой. Крестьяне ходят на помочь охотно, идут они единственно из сострадания к своему ближнему, не управившемуся с работой по малочисленности семьи или за отсутствием средств. Общих помочей не бывает, бывает только по призыву.

167. Шерстобиты и швецы исполняют заказанную работу на дому заказчика за условленную плату деньгам. Красильщикам холста и овчинникам отдаются работы «под жеребей»; в случае утраты жеребья мастер отдает вещи, признанные хозяином за свои, с условием, что он отвечает, если вещи, взятые за свои заказчиком, окажутся чужими.

[Аренда и наем имущества]

169. В ответе на этот пункт при сем представляется копир акта, заключенного крестьянином д. и [деревни] Высоково с удельным ведомством, в коей изложены все условия найма и кондиции, на которых продается уделам лес [документ в деле отсутствует].

[Купля — продажа]

176. Крестьяне слово «купля» понимают, что оно означает купить в полную собственность. Крестьяне различают запродажу от полной продажи; они если запродадут, то говорят, что запродал, закупил, т.е. еще не вполне купил, а только «приторговал» с условием в известный срок получить товар и уплатить за него деньги.

177. Продажи наделов, принадлежащих в личную собственность, не производилось, т. к. и нет таких наделов. Продажи не выкупленных наделов не производится: крестьянские наделы только сдаются одним лицом другому с согласия общества и тем утверждается надел за принявшим его лицом.

178. Каждый крестьянин движимую свою собственность, хотя бы и необходимую в крестьянском быту, имеет право продать когда и кому угодно. Мир такую сделку уничтожать не вправе.

179. Ответ на этот вопрос см. в 138 пункте.

180. Крестьяне на куплю-продажу смотрят как на способ приобретения «барыша»; на запрос цены, на обман при продаже и барышничество смотрят равнодушно, они говорят: «Запрос — не беда». Вмешательство в чужой торг допускается: когда одну и ту же вещь хотят купить несколько человек, но дают все одинаковую цену, то между ними производится жеребьеметание и тот, кому достанется вещь, дает прочим отступного или на чай от 20 коп. до 2 руб.

182. Условная продажа допускается. Крестьяне часто продают вещи с тем, чтобы им держать эти вещи до известного времени, и только уже по истечении его получить новому хозяину.

183. Расторгнута купля — продажа может быть и по получении задатка, но только задаток остается у получившего его, а равно и другая сторона платит при неустойке такую же сумму, какой была в задатке. Обман при купле-продаже на базаре не ставится в вину, но только такие обманы, как, например, продать лошадь с норовом за хорошую. На заявление купившего плохую вещь о негодности ее отвечают пословицей: «Свой глазок смотрок», т.е. были у тебя глаза, так и смотрел бы ранее покупки.

184. Торговля

Скупщики ездят по деревням скупать лен, семя льняное, холст, пряжу, грибы; эти скупщики всеми силами стараются обманывать крестьян: они рассказывают, что цены на покупаемый товар сильно упали, что берут большие убытки, но только уж от нечо делать и по привычке занимаются этой торговлей; и при случае эти скупщики часто обвешивают и обмеривают крестьян. В последнее время бывшие обманутые скупщиками мало продают им, а уже более вывозят товар на базар в селе Ковернино Ковернинской вол. (в 30 верстах). Пешие разносчики или на лошадях с разными товарами — ситцами, платками, пряниками, орехами и молочными товарами, как только выедут в деревню, то сильным голосом начинают кричать: «Товару мелкого» или «Ситцов платков» или «Пряников, орехов» и, наконец, «Избоины маковой» и тут в деревне происходит целый переполох: мальчишки ревут, просят у матерей и отцов денег на пряники и избоину, сами их матери просят у мужей денег на платок или на ситец для запона (фартука); и если муж не дает денег, то тайком от мужа несут пряжу и холст и обменивают у торговца на платки и ситец, пуговицы, ленты, тесьмы, кольца и т. п.; мальчишки покупают себе пряников, орехов и избоины на тряпье; конечно, все отдается взамен товара торговцу наполовину дешевле действительной стоимости. Ближние базары и ярмарки происходят в селе Ковернино, все улицы и две площади сплошь запружены народом и возами; тут идет шум и гам, клятвы и уверения в хорошем качестве товара и дешевизны цены, тут только и слышно хлопанье по рукам. Крестьяне во время продажи одной вещи хлопнут друг дружку по рукам несколько раз при всякой наддаче или уступке: «Ну, на, изволь еще уступлю для тебя полтину, а больше, право, копейки не уступлю» и хлоп в руку покупателю своей рукой, как бы в подтверждение сказанных им слов; покупатель говорит: «И я прибавлю тебе две гривны (20 копеек), а больше ничего не дам», в конце концов соглашаются «переломить грех пополам», т.е. один уступает 25 коп., и во все время этих действий ударяют «по рукам»; после этого, если продана более ценная вещь, снимают шапки и крестятся, как бы в окончательное укрепление купли — продажи. На базаре продается и покупается лен, овес, рожь, мука, масло, льняное семя, сани, телеги, дровни, ушаты, кадки, колоды, коромысла, плетухи, лошади, коровы, овцы, рогожи, мочала, деготь, скипидар, смола, жир, мануфактурные, галантерейные, москательные и прочие товары. Если купивший или продавший на базаре вещь и дал в задаток, но после рукохлопанья откажется от покупки или продажи, то лишается данного задатка. О передаче вещей отчет изложен в 138 пункте.

185. [Промыслы]
Фабрик ближе 60 вер. нет, местные крестьяне занимаются смолокурением, выгоняют скипидар, деготь; на этом занятии крестьянин с лошадью может выработать 10—15 руб. в месяц. Есть крестьяне, занимающиеся деланием коромысел, кадок, обечек, плетением корзин, плетенок, тканьем рогож. На этих работах крестьяне вырабатывают в зиму (в месяц) от 45 до 70 руб., а женщина при тканье рогож вырабатывает в то же время около 40 руб. Работы эти требуют особенных усилий и очень трудны, например, ткание рогожи утром начинают с 4 час. и кончают в 11—12 час. вечера. На древесные изделия лес покупается в удельном ведомстве. Мочало для рогож ткачами берется у богатых крестьян, кожи — и сдаются рогожи. Плата за рогожи выдается наполовину товаром, так что ½ барыша остается не ткачу, а хозяину мочала. Извозом занимается здесь небольшая часть крестьян; возят товар: лен, смолу, деготь и скипидар до Юрьевца (50 верст) и Кинешмы (120 верст) и с близи занимаются возкою леса и дров. Все извозчичьи промыслы находятся в упадке и крестьяне чуть-чуть «сводят концы с концами», т.е. едва только прокармливают этим свое семейство.

186. [Окружающие помещики, крупные землевладельцы и их управляющие]
Помещиков вблизи нет; местные крестьяне — бывшие удельные и владельцы окружающих имений — удел, который и сдает крестьянам в пользование свои земли. Условия сдачи показаны в приложенной к 169 пункту копии контракта [так в рукописи; документ в деле отсутствует]. Управляющий удельным имением — человек без сострадания к ближнему и без понятий о нужде и жизни крестьян — сильно прижимает крестьян как при сдаче земельных статей, так и при продаже леса, этот управляющий, не улучшив какими-либо рациональными мерами состояния имения, возвысил доходность имения в 10 лет более чем в два раза и это сделал единственно безмерно высокими ценами на земли и лес. Приемы при этом делаются такие: если крестьяне не возьмут с первого раза земли в аренду, то на второй раз управляющий к прежде объявленной цене прибавляет еще; и крестьяне невольно должны согласиться на это, т. к. сделать это их заставляет нужда, потому что свои земли сильно истощены. Вот всегда так, как описано, или скорее почти что так сдаются удельные земли и продается лес, вот такими приемами и возвысил управляющий имением доходность имения. Все здешние крестьяне с любовью вспоминают бывшего раньше здесь окружного надзирателя (окружной надзиратель переименован в управляющего имением), который относился к крестьянам гуманно.

Примечание к пункту 186. Отзыв об удельном управляющем прошу оставить в тайне, или воспользоваться им как общим отзывом, не указывая кто дает ответ, т.е. не выдавая моего имени, так как отзыв как и все прочее — есть одна только правда, но может повредить мне, потому что я нахожусь в зависимости от этого Управляющего. Автор.

[Ж. Верования Знания. Язык. Письмо. Искусство.]

[Верования. Воззрения на природу]
187. Крестьяне верят, что небо есть жилище Бога и святых его угодников; из чего состоит небо — не знают, где начало и конец неба — не знают; один крестьянин мне ответил, что концы неба где-нибудь упираются в землю. Далеко ли небо от земли — не знают: «Кажется бы недалеко, а кто-е знает… не смеряли»; по мнению крестьян, небо одно и за видимым небом больше нет. Во время грозы небо открывается, делается это все по воле Божией.

188. Солнце, луна и звезды, по мнению крестьян, есть светила, сотворенные Богом на пользу человека; на чем они совершают путь — не знают. После заката солнце уходит «за горы». Солнце кажется красным при восходе и заходе потому, что «только лишь взошло» или «только уж собирается закатиться»; падающая звезда означает, что сию минуту умер где-нибудь человек, если только умирают ночью, вот поэтому и падают звезды.
[Сноска] Подлинный ответ. Крестьянин сказал, что человек родится всегда красный, так, говорит, и солнце родится (восходит) красным.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 603. Л. 7—28

191. [Начало утрачено]… была на скоте сибирская язва, то крестьяне больной скот прогоняли через разложенный костер огня, приписывая огню целебное свойство. Посредством воды бывают гадания: на новый

год девицы наполняют водою чашку и выливают в воду расплавленный воск и по вылившейся фигуре судят о своей судьбе: если фигура похожа на гроб или церковь, то значит, что гадающая умрет, если на венец, то выйдет замуж.
В 30 вер. от д. Высоково существует «Беляевская роща». Предание говорит, что в роще этой была раньше церковь и что роща эта святая. С Пасхи до Вознесенья ночью на каждый праздник происходят в этой роще богомолья, куда собираются раскольники и православные, преимущественно женщины, и поют стихи и канон Пасхе; никакими другими обрядами это не сопровождается. Многие, приписывая целебное свойство, берут из этой рощи земли и кладут ее по за рубашки лицам бесноватым, «кликушам», из которых, по мнению крестьян, «святая земля выгонит вселившихся бесей». Кликуш еще для излечения водят в церковь, заставляют служить заздравные «обедни» и отчитывают старухи. Кликуши рассказывают, кто их испортил и за что; кликуши боятся креста и священников, кричат во время чтения Евангелия и пения Херувимской песни. Куриного бога привязывают во дворах над «наседалом» куриц.

[Демонология]
192. Черти, бесы и все нечистые духи произошли так: «все они были раньше у Бога ангелами, но возгордившись, перестали исполнять Его святую волю, тогда Бог, рассердившись, сделал их бесами и посадил в ад». Крестьяне столб пыли и вихрь приписывают действию бесей и всегда сторонятся от вихря. Существуют легенды, что «если у кого умрет жена или муж, мать или отец и сильно будут за ним горевать, то дьявол будет летать в виде огненного змея и будет являться к тоскующему, как бы являя умершего», и «дьяволы живут в аду и выдумывают разные штуки, чтобы сооблазнять народ, для этого они и являются на землю; Бог запретил дьяволам показываться людям, чтобы люди не перепугались ихними страшными образинами».

194. По мнению крестьян, в непокрытый сосуд входят бесы, во избежание этого, хотя «лучининкой, да следует покрывать». В человека дьявол входит, «когда утром человек выходит первый раз на улицу, но не перекрестится» или нарочно делают это колдуны по просьбе кого-нибудь «по горечи».

195. О самоубийцах и об опившихся вином говорят: «черту баран», потому что люди, умершие означенными способами, по мнению народа, попадают «прямо во власть чертей», что будто черти на опившихся и на самоубийцах катаются по ночам и запрягают их вместо лошадей.

197. О добрых духах — ангелах существует такое верование, что «к каждому родившемуся человеку Бог приставляет ангела, чтобы он хранил человека, ангел всю жизнь ходит за ним и если человек делает добрые дела, то ангел радуется, если же злые и нехорошие, то ангел плачет. Ангелы по понятию народа «слуги Божьи, лицом красивы, добры, с крыльями, чтобы скорее летать на помощь человеку».

198. [Оборотни] Об оборотнях говорят так: «Слыхали, что есть оборотни, но какие они — не видали и что делают — не знаем. Будто оборотни превращают грешных людей [в] беси».

199. [Домовой] О домовых один крестьянин мне сказал, что домовой есть в каждом доме, кого он любит из людей, тот живет здоровым, кого не любит — хворым. Если домовой любит лошадь, то он заплетает ей косы в гриве и гладит ее, а если не любит, то мучает лошадь по ночам и бьет ее. Если домовой не любит лошадь, то значит, надо ее продать и купить другую и другой масти, а где живет домовой, не знаю и никто домового не видел и «о леших мне рассказывал батюшко (отец), что он видел их лет 50 тому назад».

200. [Лесовой] «Леший имеет по поясницу образ человека, а ноги лошадиные с копытами; лешие делаются из грешного человека; лешие кричат, гагайкают в лесу и сбивали прежде с пути тех, кто ездит или ходит без молитвы; но нынче уже леших нет и не слышно, потому что нонче уже народ-от хитрее леших-то, так уж им нечего и делать», — так заключил он свою речь.

201. [**Водяной**] Про водяных духов рассказывают, что они останавливают мельницы; чтобы от водяных избавиться, только надо пускать мельницу на ход с молитвой. Никаких жертв этим духам не приносится.

204. Баня по понятиям крестьян есть место нечистое, где по ночам моются черти, некоторые старушки рассказывают о прошлом времени, что бывали случаи, что черти распаривали людей до смерти, это-де бывало тогда, когда в бане будет мыться один человек и без молитвы.
Про клады существуют такие предания: «Клады клались ранее разбойниками с заклятием, что пусть-де клад достанется такому человеку, который убьет несколько человек, и только тогда получит клад» или «Пусть клад сей явится через известное число лет». Некоторые раньше рассказывали, что они видали клады около мельниц, перекрестков, озер, в лесах в виде лошадей, коров и собак и что стоило им тогда только перекрестить крестом (тельным), и клад (означенные животные) рассыпались бы, но не сделали этого, потому что испугались. Почему люди, увидевшие означенных животных, полагали, что это клады — неизвестно. Крестьяне верят, что клады охраняют бесы и что они никогда не дадут найти клад раньше известного времени. На перекрестках ставят кресты для того, чтобы дьявол не завел людей не на ту дорогу.

[Верования в сверхъестественную силу, знахарей и колдунов]
205. Верование в знахарей и колдунов существует. Различия между ними нет, те и другие, по мнению народа, делают с помощью дьявольской силы. Знахари (будем называть этим именем знахарей и колдунов) получают силу, или вернее умение, от отца или матери при их смерти. Знахарей и знахарок опасаются раздражать, чтобы не наслали они какую-нибудь болезнь. Снадобья употребляются знахарями — трава, собранная в ночь на «Ивана-Цветника». Знахари, по верованию народа, вгоняют в человека бесей, от чего люди и делаются кликушами; делают напитки, которые тайно дают пить, от этого «пучит (вздувается) живот и появляется боль головы», а женщине «делают затворение кровей (месячных очищений), от этих болезней многие умирают». Смерть знахарей, по рассказам народа, бывает самая тяжкая: они мучаются дня 3—5, кричат, стонут и т. п., чтобы пришла скорее к ним смерть; на том доме, где умирают знахари, поднимают конь крыши и будто от этого делается лучше и они умирают скорее и спокойнее. По смерти знахари, по верованию народа, попадают прямо в руки сатаны.

[Суеверия, связанные с образом жизни и занятиями.]
212. Я знаю обычай крестьян, что они никогда не обмакивают кусок в солонку, потому что будто так грешно, что-де только прежде Христос обмакнул в солонку и этим указал своего предателя.
Хлеб из целого каравая никогда не начнут резать прежде того, пока его не перекрестят крестообразно ножом, чем будто отгоняется присутствие дьявола.

213. С порогом дома связано такое суеверие, что здороваться через порог нельзя, а то в чем-нибудь, да разругаются.

214. При постройке новых домов делается такой обряд: под каждый угол дома кладут по несколько серебряных и медных монет, это делают для того, «чтобы хозяева жили в новом доме богатыми».

215. О тараканах есть такое поверье, будто если тараканы, предчувствуя, что дом этот сгорит, то за неделю до пожара или и более, то все тараканы уходят из этого дома куда-нибудь неизвестно.
Если мышь «скребещет» (т. е. царапается) в переднем углу дома (у образов), то значит, что кто-нибудь в этом доме умрет.

222. Приветствия у крестьян высказываются словами:
1. при какой-либо работе — «Бог помочь»,
2. при полоскании женщинами белья — «беленько»,
3. при налитии в ведра воды на колодце — «свеженько»,
4. при обеде — «хлеб да соль»,

5. при питье чая — «чай да сахар», при последних двух случаях, бывает, говорят: «приятного апекиту» (извращая слово «аппетит»). Отвечают на означенные приветствия в первых трех случаях словами «спасибо», а на последние два — «добро пожаловать хлеб-соль кушать» и «покорно благодарим».
Клятвы и божбы бывают: снимают икону на голову, клянутся своими детьми, божатся и так: «Дай мне Бог на месте умереть (а некоторые — околеть)», «Лопни мои глаза», «Чтобы мне издохнуть», а женщины — «Чтобы мне не разродиться», «Ей-Богу, право», «Вынь, Господи, душу» и др. Напрасная божба, по народному понятию, ведет к большой погибели.
Если кто-либо куда пошел или поехал, но встретится женщина или поп (священник или монах), то значит что «не будет пути и толку, и лучше воротиться». Если дорогу перебежит заяц или перейдет женщина, то будет то же (т. е. не будет пути и толку).

[Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни. Заговоры]
223. Встать с постели утром сначала левой ногой считается дурным предзнаменованием, если встать правой ногой — хорошим. Ворожеи ворожат на картах, бобах, бывает, что, хотя и смутно, но угадывают о задуманном, а наоборот больше. Гадания бывают на Новый год, и на Рождественский и Крещенский Сочельники преимущественно девицами такие.
1. Девицы берут первый огарок от спицы, которой зажигают первый огонь в доме, и с этим огарком идут к окнам соседей и слушают, что у них в доме говорят, и по слышанным словам выводят заключение о своей судьбе: если в доме говорят про деньги, то будет богата, если про свадьбу — выйдет замуж, про похороны — умрет, про пьянство, ссоры и драки, то муж будет пьяница, драчун и сердитый.
2. Ходят на перекрестки больших дорог и поочередно, по одной, входят в очерченный круг, без креста и пояса, и, припав к земле, слушают происходящие звуки, если услышат звон колокольчика, то значит выйдет замуж; тут же, только не в кругу, снимают с правой ноги сапог и перебрасывают этот сапог через левое плечо и по тому, в которую сторону упадет сапог, значит в ту сторону и выйдет замуж.
3. Ходят в гусины (задворки) и суются головой в омет соломы и слушают, если услышат звон колокольчика или лай собаки в какой-либо стороне, то знают, что девица выйдет в сторону ту замуж.
4. Нарочно ходят спать к другим, чтобы лечь спать «на новом месте» и, ложась, говорят: «Суженый ряженый, покажись мне» и «Ложуся спать на новом месте, приснись жених невесте», и если кто приснится, то за того и выйдет замуж.
5. Ходят в полночь запирать колодец замком, и взяв с собой ключ и, ложась спать, говорят: «Суженый ряженый, приходи ко мне коня поить» и если во сне кто приснится, за того и выйдут замуж.
6. Ложась спать, кладут себе в изголовье карту короля или валек, (которым при стирке колотят белье), и если кто приснится, или приснится, где будут мыть белье, то и значит, что замуж выйдет за приснившегося или в то место, где мыла белье.
7. В 12 часов ночи, без света, во дворе, в заднем конце двора, ставят квашню, в которой месят хлеб, и от переднего конца двора идут к этой квашне задом наперед (пятятся) и если девица угадает и сядет в эту квашню, то значит, что она выйдет замуж, и при тех же условиях, только без квашни, гадают и так: от переднего конца двора по навозу девицы катятся (лежа) к задней стене двора и если девица угадает прикатиться спиной к стене, то значит, что выйдет она замуж.
9. [8?] В 12 часов ночи ставят перед собою зеркало и по сторонам его по одной свечке и сквозь обручальные кольца, не мигая глазами, смотрят в зеркало и по появившейся в зеркале фигуре предугадывают о наружности будущего мужа.
Все гадания бывают ночью, без креста, без пояса и молиться Богу нельзя, «а то ничего не выйдет». На мои опросы некоторых женщин они объяснили, что «девичьи и все прочие гаданья сбываются, бывает, а то и нет, ничего нет в этих гаданиях путного-то». По верованию народа, если забежит в селение заяц, волк или лиса, то это означает, что селение сгорит, или постигнет большое бедствие; если означенные животные пробегут только часть селения, то только та часть селения и подвергнется означенной участи. Если черный ворон сядет на дом и будет кричать, то значит, что дом тот сгорит или в доме том кто-нибудь умрет. Есть верование, что посредством чар можно с ума свести, приворожить или иссушить человека. По мнению народа, родительское благословление утверждает основания домов и дает счастье, и наоборот, «родительское

проклятие доведет человека (сына или дочь) до смерти, подвергнет вечному мучению и не даст счастья на земле».

225. На женщину в период месячных очищений смотрят как на «нечистую» и в это время женщина ни к чему священному (иконам, свечам и книгам) не должна прикасаться и ей не дозволяют ходить молиться Богу в церковь.

226. По народному поверью, если свадьба будет в день, когда валит снег (когда идет), то значит, что молодые будут богаты. К «венцу» ездят не попарно, а порознь, так, что муж не со своей женой едет, а с чужой; точно так же и его жена с другим, это делается для того, чтобы молодые жили мирно и в согласии. Девицы (кроме невесты) в поезд к венцу не допускаются. Во избежание порчи молодых (или вернее жениха и невесты), при поездке к венцу и обратно навешивают ко кресту жениху и невесте янтарь, что-де если «положены чары, то только янтарь лопнет, а им ничего не сделается»; и кладут в карманы луковиц и иголок (последние чтобы не были в употреблении) — это для того, что знахари, не зная, сколько слоев в луковице или сколько иголок, ничего не могут сделать своими чарами.
Невеста, для того, чтобы получить большинство над мужем, делает то, что при венчании, при вводе их с голого пола на коврик старается первая вступить на коврик или невеста старается первая кланяться, когда при венчании муж перекрестится.

227. Чтобы родить дитя мужского пола, есть в народе примета, «после совокупления супругов жене следует лечь на правый бок — будет мальчик, а если ляжет на левый — будет девочка». Совершение супружеского акта считается недозволительным в среды и пятки, посты, на праздники и самые праздники и во время месячных очищений (зачавшиеся в этот период родятся, по верованию народа, «черными»). Если у беременной женщины живот имеет острый вид, по поверью, родит мальчика.

228. Есть в народе суеверие, что предотвратить беременность или уничтожить плод можно посредством настоя травы (не использующей корней), известной только одним знахарям.

229. [Роды] Уход за беременной (в последний период) бывает более бдительный, исполняют ее желания и освобождают от работы. При родах присутствие мужа не считается необходимым, но мужья, если только они дома, то присутствуют, чтобы видеть и слышать, «как мучается из-за него его жена». Бывающие при родах «баушки» как мужу, так и жене велят развязывать все узелки, полы и ворот рубашки, «чтобы легко родить», если не будет ничто связано, то и роды развяжутся скорее (хотя часто бывает противное этому); у рожающей еще расплетают косы. Родить по возможности уходят в отдельные места (зимой — в зимницы — скотные избы, а летом — в бани).
Для ускорения родов зажигают крещенские свечки (венчальных свеч в деревнях из церкви не берут) и в особо трудных случаях — посылают в церковь с просьбою отворить царские врата. Детское место зарывают в землю. Если кто родится в сорочке, то будет счастливым человеком. Маленьким детям объясняют, что «ребенок выпал из-под подушки у мамы». В деревнях родительницам носят угощения: пироги, сырово и кисель (из овсяной и гороховой муки) и тесто (из оржаной муки и солода). Родительница обыкновенно встает с постели на третьи и четвертые сутки. Колыбелей нет, а есть так называемые «зыбки» (из осины тоненькая, но широкая доска, загнутая, к дну приделана другая доска и имеются ручки, за которые и привязывается к деревянному очепу и качается). Колыбель-зыбку порожнюю качать нельзя, потому что «ребенок хуже будет спать и будет беспокойный». Если ребенок смеется во сне, то по поверью значит, что «с ним играют ангелы». Восприемники с родителями крестника становятся в «свойственные» отношения.

230. Есть суеверие, будто болезнь зубов или кровотечение могут знахари заговаривать, т.е. остановить. Есть специальные парельщицы и правельщицы, которые парят больных, как взрослых, так и детей, в банях, во время парения шепчут молитвы и другие какие-то тайные заговоры, сами парельщицы сильно позевают, вдыхают в себя воздух, вдыхают в себя болезнь и уничтожают ее и делают разные другие гримасы.

Маленьких детей еще эти парельщицы слегка ударяют о матицу (переклад у потолка) со словами: «Матица — потолок, возьми к себе болезнь». Нечего и говорить, что от всех этих нашептываний парельщиц нет пользы, но простой народ верит им по врожденной склонности верить во все таинственное.
Специальными целителями считаются угодники: Антипа — зубы, Пантелеймон, Кузьма и Дамиан бессребреники — всех болезней, Фрол и Лавр — от пьянства, последним двум молятся еще при несчастливой супружеской жизни о даровании любви, мира и согласия. Соборованию народ придает то значение, что после соборования больной скоро выздоравливает.

231. Из малейшего сна крестьяне выводят какой-либо смысл — поснится, что бола [так в рукописи] корова, значит кто-нибудь «забодает» словом или делом; село видеть — получить неприятность, пожар видеть — кто-нибудь выручает т. д.
Крестьяне сны толкуют сами (преимущественно женщины), не обращаясь к снотолкователям, которых и нет здесь. Случаев летаргий здесь никто не помнит. Крестьяне наступление смерти различают по дыханию, которое перед смертью становится реже и реже, и по хрипоте в горле (по выражению крестьян, «храбрец» играет). Во избежание похоронения живого крестьяне покойника держат в доме не менее двух суток.

232. По мнению крестьян, смерть есть разлучение души с телом, «посылает Бог ангелов взять душу человека, от этого человек и умирает».

233. Есть поверье, что если у умершего открыты глаза, то значит, что он еще высматривает кого-нибудь, т. е. еще кто-нибудь умрет в доме. Покойников обмывают женщины-старушки (в деревне их две). Все то, на чем лежал покойник, сжигается. По поверью, если с покойником (при выносе) встретится свадьба, то это предзнаменует плохую жизнь молодых.

234 и 238. Вместе с выносом покойника из дому хозяйка берет с собою испеченный хлеб и аршина 2—3 холста и первому встречному человеку отдает эти вещи как поминовение об умершем. Есть суеверие, что покойный невидим живет душой в том же доме 3 дня после смерти, затем отправляется по мытарствам, в девятый день по смерти опять душа его является в дом, после этого опять отправляется по мытарствам и, наконец, душа в последний раз является в прежний дом в сороковой день по смерти и затем отправляется на поклонение Богу и получает заслуженную участь.

235. Самоубийц, опившихся (водкой) и утопленников (последних, если они умышленно утонули) для отпевания не вносят в церковь, а ставят только на паперти, пох[о]раняют сих лиц не на общем кладбище, а вблизи его, в одном месте, где пох[о]раняют всех самоубийц, опившихся и утопленников.

[Верование в загробную жизнь]
237. Крестьяне душу человека считают духом, оживотворяющим тело человека. Души у людей одинаковы. Выражение «у бабы (женщины) не душа, а пир» — если только утка. Где обитает душа в человеке — не знают. Душа человека при смерти выходит неизвестно где. Верование в бессмертие души и загробную жизнь у крестьян существует. У животных, по мнению крестьян, «души нет, а есть только пар».

239. По мнению крестьян, душа по смерти человека живет на небесах до Страшного Суда, после этого Суда она переходит в заслуженное место: или в рай, или в ад. Рай есть место будущей жизни праведников и находится на небесах, в раю такая красота и веселие, что «нельзя их и описать», там поют райскх[и]е птицы и наслаждают слух праведников, там разносится приятное благоухание ароматов, в раю повсюду царит неописуемая красота. Ад же есть место для грешников, находится в преисподней, т. е. в самой глубине под землей, в аду смрад и зловон[и]е, огнь неугасаемый и червь ненасыщающийся. Там приготовлены разные муки для разных грешников, например, убийц повесят, скупых жечь на огне и т. п.; по мнению крестьян, душу грешника можно вывести из ада или улучшить положение ее можно только постом, молитвой и поминовением в церкви. Страшный Суд, по мнению крестьян, будет так: в одно время ударят необыкновенно сильные громы, будет

голод, холод и жара (попеременно), от востока на запад потечет огненная река, которая будет жечь и палить грешника, а праведникам вреда не причинит и тогда «восплачутся все живущие на земле», — как выражаются раскольники. Небо разверзнется и поставят престолы и явится Господь Бог с бесчисленным воинством небесных сил (ангелов, архангелов и им подобных) и будет судить: грешников «изринет» в преисподню, а праведников возьмет на небо — в рай. По мнению крестьян православных, Антихрист еще не пришел, а по мнению крестьян раскольников, уже пришел и царствует духовно (невидимо, тайно, в существующих порядках, клеймах, печатях, в законе о видах на жительство и о личности), а по общему мнению тех и других, явное (чувственное) пришествие Антихриста будет за 3 ½ года до «преставления света». Антихрист будет человек со звериным именем, с тайным числом (666), будет «вельми зол» и будет выдавать себя за Бога, и будет заставлять, чтобы поклонялись ему, и на поклонившихся ему будет накладывать печать с числом «666», и тем, кто поклонится Антихристу, земное житие будет хорошее: им будут хлеба и прочее пропитание; но если кто не поклонится Антихристу и не признает его Богом, того будут мучить, не будут давать ему хлеб, будут моримы голодом, от чего и будут умирать; кто перетерпит от Антихриста означенные мучения — получит вечное блаженство.

240. [**Церковь и религиозное почитание**] Крестьяне ходят в церковь каждое воскресенье и праздник (конечно, небольшая часть остается дома); мужчин и женщин ходит равное количество, в церкви крестьяне держат себя с благоговением, идя в церковь, они надевают праздничную (хорошую) одежду, в пьяном виде, бывает, приходят только на Пасхе и их сейчас же выводят крестьяне. О церкви радеют и делают сбор на ее содержание охотно и без понуждения.

241. Крестьяне дома молятся утром, до и после обеда, полдничанья (второй обед) и ужина, читают молитвы: «Достоин есть», «Богородце дево радуйся», «Господи Иисусе» (раскольники — Исусе), «Отче наш» и другим святым. Иконы у каждого крестьянина есть: «Богородицы», «Иисуса Христа» и «Святителя Николая»; эти иконы и пользуются особым уважением, есть у других и прочие иконы праздников, преподобных и пророков, помещают иконы в переднем углу дома, в нарочно устроенных божницах, называемых крестьянами «часовнями». Ногами к иконам ложиться считается грехом. Вступающих в брак благословляют иконами: жениха — Святого Николая и невесту — Богородицы. Книги есть: Псалтырь, Часослов и Жития Святых, конечно, это есть не у всех. Шейный (или тельный) крест, по мнению крестьян, отгоняет бесов. По поверью, если у креста перетрется «горлышко», значит тот человек скоро помрет, если крест тускнет (чернеет) — у того человека совесть не чиста. Венчальным и Богоявленским свечам придается значение, что они хорошо помогают при болезнях и родах. Обеты поставить свечу известной ценности, если исполнится задуманное дело, даются некоторыми крестьянами. По поверью, запах ладана прогоняет нечистую силу. Ближайшие чтимые святыни есть: икона Иерусалимской Божьей матери в Кривоезерской пустыне в г. Юрьевец (50 вер.), мощи прп. Макария Унжинского, в Макарьево-Унжинском монастыре в г. Макарьев (70 вер.) и Животворящий Крест в с. Пуреха Нжегородской губ. (100 вер.). На богомолье ходят преимущественно женщины и девицы на свои средства, ходят без всякой причины, только из религиозного чувства и по обетам — по избавлении от болезни. О «прощах» ответ изложен в пунктах 191 и [так в рукописи; далее текст утрачен].

243. [**Посты**] Некоторые лица дали обет никогда не есть скоромного и вообще воздерживаться от пищи по понедельникам. В среды и пятки и установленные церковью посты никогда крестьяне не едят скоромного и соблюдают посты очень строго.
Крестьянин никогда не позволит себе нарушить пост, т.е. съесть в пост хотя яйцо и, по мнению крестьян, нарушение постов есть великий грех, они про нарушающих пост говорят как про богоотступников. «Вон он какой, и в посты-то жрет говядину», — так выражается крестьянин. Пища признается та, которая не содержит в себе ничего скоромного, каковы: каша, горох, картошка жареная в супе (суп по-крестьянски «похлебка»). Почему установлены посты — почти все крестьяне не знают.

242. Отношения крестьян к причту следующие: ни один крестьянин в деревне не может обойтись без причта; у крестьян часто бывает нужда к причту: отслужить молебен о бездождии (о вёдре), о даровании дождя

и в деревенские праздники. Молебны бывают по общему согласию крестьян всей деревни, которые выбирают из себя человека, пользующегося уважением и доверием, и этот человек собирает «по деревне с каждого крестьянина масла, муки, хлеба и прочих предметов для угощения причта икоп. по 10 с двора на плату причту за молебен. По окончании молебна причт угощают хорошим обедом, чаем и водкой и платят за молебен от 5 до 10 руб. За крещение священникам платят 15—50 коп., за похороны — 30 коп. до 1 руб. 50 коп. Священники, дьякон и дьячок собирают нови и им крестьяне подают ржи: священнику — ½ меры (четверик), дьякону — 2—3 гарнца, дьячку — 1—2 гарнца; овса: священнику — 1 меру, дьякону — ½ меры и дьячку — ¼ меры; яиц — 1, 2, 3 каждому; масла — от ⅛ до ½ фунта каждому; конечно, это количество подает большинство крестьян, но есть и такие крестьяне, которые подают много меньше, а то совсем ничего не подают, вот относительно последних причты делают так: если у того, кто мало подает, или ничего не подает нови, случится сына женить или выдать дочь замуж, тогда священник и берет с них за венчание слишком высокую плату — бывает до 15 руб. Вообще при венчании причты берут как можно больше и не берут, т. е. не будут венчать дешевле, как за 4 руб., а бывает, платят и более, до 10 руб., с обыкновенных крестьян. За выписку из метрик (при выходе девицы замуж в другой приход) причт берет от 3 до 5 руб. Каждый крестьянин, женщина или маленькое дитя платят священнику за исповедь от 3 до 20 коп. При славе причту платят (на Пасху, Рождество и Крещение) от 5 до 15 коп. и дают яиц, 3—5 штук.

[Почитание праздничных дней]

243. Крестьяне празднуют все воскресные дни, дванадесятые [двунадесятые] праздники, Пасху, Вознесние Господне, день святой Троицы, день сошествия Святого Духа день входа Господня в Иерусалим, дни: Собор трех Святителей (30 января), Иоанна Богослова (8 мая), святого Георгия (23 апреля), Рождество Иоанна Предтечи (24 июня), Петра и Павла (29 июня), Казанской Божьей матери (8 июля и 22 октября), святого князя Владимира (15 июля), Пророка Илии (20 июля), происхождения древ Креста Господня (I Спас 1 августа), Иоанна Богослова (28 сентября), Собор Архистратига Михаила (8 ноября), Святителя Николая (9 мая и 8 декабря), Собор Пресвятой Богородицы (26 декабря). Почти все, за небольшим исключением, крестьяне означенные дни празднуют и ничего не работают; только небольшая часть крестьян нарушает празднество в воскресенье, и то только в рабочее летнее время. По поверью крестьян, совершенно нельзя ничего работать в дни: первые два Пасхи, Казанской Богородицы (8 июля), по выражению крестьян, Казанская Богородица «сердита» и что в этот день будет сработано, то «она все сожжет», Рождества Христова, Благовещения Пресвятой Богородицы (в этот день, по верованию крестьян, «птички гнезда не вьют»), праздники дванадесятые. Работа в остальные праздники не преследуется, соблюдение праздников зависит от собственной воли каждого крестьянина; не установленные церковью праздники или вторые дни, в которые крестьяне ничего не делают, а только гуляют — святки и масленицу (сырная неделя) — в эти дни крестьяне большею частью только занимаются объедением и пьянством. Иногда бывает, что после праздника крестьяне гуляют еще дня 2—3, и только уже после этого принимаются за работу; в первый день Великого Поста многие еще «опохмеляются» так неосторожно, что им приходится опохмеляться и на второй день. День недели (понедельник, вторник и т. д.) крестьяне считают только единицею для счисления времени и никаких существ не воображают, и поверий и суеверий нет. Дни празднуются без всяких причин, только из-за религиозных побуждений, но к особому празднику можно отнести День Казанской Божьей матери и Преображения Господня, эти дни празднуются в память бывших градобитий и пожаров; служат в них молебны об избавлении селений от сказанных бедствий на будущее время.

244. 5 января («Крещенский Сочельник») постятся «до звезды» только старые люди, — очень строго только некоторые из них. С вечерни приносят домой все бывшие на ней святой воды и бывшие при освящении свечи; воду дают пить «для здоровья» всем членам — большим и малым — семьи. 25 марта ни один крестьянин не работает, потому что «в святой день и птица гнезда не вьет».

1 апреля есть обычай обманывать друг друга «шутками» и рассказывать разные небылицы. 23 апреля — Святой Георгий — считается покровителем животных. В этот день служат молебны с «водосвятием» и выпускают в поле скот (хотя бы и мало было корма), при выпуске скота скот окропляют святою водою. Святые Апостолы Петр и Павел считаются покровителями рыболовов, которые молятся им, чтобы «побольше

наловить рыбы». Святому пророку Илие молятся «о ниспослании дождя». Пророк Илия, по мнению крестьян, «распоряжается громом, молнией и дождями». I Спас (1 августа) есть день купания лошадей в освященных водах. II Спас (6 августа) есть день освящения яблок, первых плодов и семян, которые приносят в церковь, освященные семена размешивают в общих семенах и высаживаются на поле, освященным семенам придают значение обильного урожая. Крестьяне считают, до этого дня грешно есть яблоки, хотя это исполняет меньшая часть крестьян.
29 августа соблюдается строгий пост, этот день называется «день Ивана Постного».

245. Празднование масленицы здесь начинается с четверга сырной недели; в четверг многие ездят гулять на базар в с. Ковернино, в пятницу гостят и катаются в д. Высоково, в субботу — в д. Рявосид (10 вер.) и в воскресенье — в д. Наумово (3 вер.), во все эти дни ничего не делают, только и занимаются пьянством и едой блинов и оладий, и катаются на лошадях по деревне. Название прощального дня дается только одному — воскресенью. Прощение соблюдают только старые, молодые же нет или, если и прощаются, то в виде шутки. Полученные в вербное воскресенье вербы приносят домой и ставят к иконам; вербами охлестывают скот («целее будет в поле») при первом его выпуске в поле в «Егорьев день» (23 апреля). Ежегодно говеет меньшая часть, а большая часть не говеет года 2—3 и более. На Пасхе все мужчины и женщины (знакомые) христосуются т. е. целуются со словами «Христос воскресе» и «Воистину воскресе». Освященному яйцу придают значение целительной силы и дают его есть больным. Яйца крестьяне красят красными: в глиняный горшок кладут перья от лука и яйца и наливают воды, которую и ставят в печку кипеть, от перьев лука и делаются яйца красными.
Никаких особенных обрядов на троицын день не делается, только все в церкви стоят с ветками от лиственных деревьев и цветами, которые приносят домой и ставят к иконам; когда ветки и цветы засохнут, тогда их сжигают.
Святки празднуют так: девицы делают поседки и к ним приходят парни и все вместе ходят круговые песни: «Уж вы сени, мои сени», «По улице мостовой», «Куманечек, побывай у меня» и т. п., а женатые ходят смотреть на поседки. Именины в деревне почти совсем не празднуются, только некоторые ходят в церковь, про именинников варят кашу, в которую за обедом кладут имениннику денег, и тем ограничивается празднество именинника, который весь день работает наравне с прочими членами семейства. Сумерничают (отдыхают) около 1 часа, отдыхают все, кто дома, крестьяне при этом рассказывают что-нибудь, передают сплетни, слышанные за прошедший день, и делают хозяйственные по дому соображения. Масленичные блины и оладьи никакого символического значения не имеют, они есть только предмет пищи роскошной в крестьянском быту, ими угощают зятей и прочих родственников. Есть поговорка, что «без блинов и оладий — не масленица». Кресты на средней неделе Великого Поста пекут в честь Креста и «перелома Поста»; в несколько крестов запекают по деньге и кому достанется крест с деньгой, про того говорят, что «он этот год будет счастливый».

Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 1—28

[Язык крестьян]
246. Крестьяне, с кем бы они ни разговаривали, всегда обращаются на ты. Говорят не быстро и не медленно. Если только, когда ссорятся, тогда говорят быстро. Похвала выражается словами «молодец», «вот так молодец», «ай, да плут». Брань выражается словами «сукин сын, подлец, мошенник, бес и дьявол» и, наконец, скверноматерные слова. Когда крестьяне разговаривают, то они всегда делают жесты руками (опускают вниз, поднимают кверху и указывают в стороны) и наклонением головы. Крестьяне смеются громко, плачут редко и только в крайних случаях: при смерти родственников и при больших бедствиях. Женщины смеются и плачут «визгливее», чем мужчины.

[Уменье считать и мерить]
280. Крестьяне умеют считать плохо, считают только на счетах. Применяются пары, пятки и десятки. На вес продаются и обмениваются хлеб и лен; счетом — яйца, куры, снопы в полях и т. п.

281. Своих мер и весов не имеют. Сено продают и на вес, и на взгляд: копнами, возами, телегами и стогами. Квадратную и кубическую сажени знают; куб. саж. называют «купеческой». Строения с точностью не измеряют, а меряют «маховой» саженью (длина растянутых в стороны обеих рук).

282. Окна в домах бывают разной величины: большие — называются «красными» и маленькие — «волоковые». Если куда нужно сходить верст за 5, то крестьяне определяют на это время — до 3 часов.

283. [**Определение времени**] Время определяют так: утро — от 8 ч. утра, полдень — 12 ч. дня, вечер — 5—6 ч. пополудни. Время больше всего определяют по солнцу, а ночью — по пению петухов. Часы есть у ⅕ крестьян; с часами обращаются осторожно, устройство часов знает самое малое количество крестьян. Крестьяне всегда назначают сроки праздниками: Никола вещий, Ильин день, Покров и т. п.

[**Знания крестьян**]
284. Крестьяне знают сельское хозяйство только по посеву хлебов, а огородничество — по посадке домашних овощей. Мастерства знают: тканье рогож, деланье кадок, обечек, коромысел, гонку скипидара, смолокурение. О явлениях природы крестьяне никогда не рассуждают: по их мнению, «все от Бога» и для чего что делается, не знают.

285. В весеннее время кваканье лягушки предвещает теплую погоду. Пузыри на воде во время дождя — к сырой погоде.

288. Крестьяне устройство простой водяной мельницы и толчеи знают и рассказать могут, об остальных машинах и двигателях ничего не знают. По выражению крестьян, «письмо по телеграм[м]ам (по телеграфу) передается с помощью нечистой силы», они говорят: «Как это по проволоке перейти словам, знамо, бесы помогают». О движении судов и плотов крестьяне говорят, что «их несет водой».

289. О порохе крестьяне говорят, что «порох сделан из таких составов, которые от огня лопаются».

290. Об устройстве человека крестьяне ничего не знают.

291. Закон крестьяне не знают, а равно не знают и установленного строя общественной жизни; знают только одно, что по закону ничего плохого делать нельзя и что-де закон знают одни чиновники.

[**Искусство**]
294. Картины есть не у всех крестьян, а только у части их от 3 до 10 картин. Картины бывают духовного содержания: праздников Св. Николая, Св. Пантелеймона, изображение Страшного Суда, Светского Царского семейства, Суворова, Скобелева, картина с песнею «Вечор поздно из лесочка» и с изображением «Как дьявол делает водку». Все эти картины покупаются у деревенских разносчиков по 3—5 коп.

295. Крестьяне умеют играть только на гармониках. Учатся играть один от другого в свободное время.

296. Крестьяне (молодые ребята) учатся плясать от своих товарищей. Плясание не очень ценится, хотя и отзываются о плясунах с похвалой.

297. [**Вести и слухи**] Вести и слухи проникают в деревню от разных захожих торговцев, нищих и крестьян, бывших в отлучке. Случаев распространения вредных слухов не бывало, впрочем, перед введением земских начальников был слух и говорили: «Вот ребята говорят, что будто земские начальники будут пороть народ розгами не руками, а машинками, которые везут они (З. Н.) [земские начальники] с собой». Слух этот не имел никаких вредных последствий. Сплетни распространяются только женщинами.

298. [Приобретение опыта] Стремления у крестьян к приобретению знаний незаметно и скорее, видать, противное: два года назад крестьянам земством было предложено, не пожелают ли крестьяне открыть библиотеку-читальню и сколько на это согласны дать денег, «то крестьяне ответили нежеланием и многие тут же сказали, что им и бесплатной не нужно».
Уроки, даваемые жизнью, крестьянам в пользу идут мало, например, после пожаров с огнем опять обращаются неосторожно, изолировать себя от заразных болезней считают каким-то грехом и т. д.

299. Новые законы крестьяне встречают хладнокровно и с покорностью, привыкают к ним скоро. Перемена начальствующих лиц на крестьян ничего не влияет — они говорят: «Для нас кто ни поп, так батько».

300. Нововведений в орудиях нет. Крестьяне пользуются прежними орудиями, принятыми ими от отцов и дедов.

[3. Семья. Обычный порядок жизни. Крестьянский род]

302. Крестьяне принадлежащими себя к какому-либо роду не считают, они даже не знают, к какому общему племени принадлежат. Фамилии в д. Высоково существуют следующие: Складнев (11 домов), Орлов (5 домов), Балакин (3 дома), Шляев (2 дома) и Дурандин (4 дома). Происхождение фамилий: Балакин — от того, что дед прежде много говорил и от этого дано прозвище Балакин (балакать — говорить). От чего произошли прочие фамилии — неизвестно. У крестьян есть обычай называть только по отчеству: Павлыч, Иваныч. Это служит только сокращением и вместо названия «Иван Павлович» говорят «Павлыч». Другое дело, если муж свою жену зовет по отчеству. Тут, значит, если муж любит жену, то зовет ее «Ивановна», т. е., не желая звать «Анной» как как низким названием, а также, не желая звать по имени и отчеству, считая это для себя низким, то он и выбирает среднее между этими доводами и называет жену «Ивановной».

303 и 304. Крестьяне ясно отличают родство от свойства. Для обозначения родства или свойства служат слова: отец, мать, сын, дочь, брат, племянник, двоюродный брат, сестра, тетка, дядя, сноха, свекор, золовка, деверь, свояк, зять, теща, тесть и, наконец, сват. Слово «сват» сильно распространено у крестьян. Родители зятя всю родню своей снохи (мать сына) называют «сватом».

305. [Родственность] Родственники пользуются лучшим приемом и уважением. Родственникам оказываются лучшие услуги и легче дают взаймы чего-либо. Если тесть делает гости, то обязательно зовет зятьев, на первое место садится последний — зять (молодые) и далее по старшинству другие зятья и «сваты» (родители зятьев) и прочие гости. Богатые бедных родственников часто обегают и не зовут в гости и сами не ходят к ним.

[Состав семьи]
306. Здесь только малые семьи. И малые-то семьи часто делятся: есть несколько случаев, что единственный женатый сын отходит жить отдельно, оставляя одного отца с матерью.

307—309. Главой семейства состоит отец, называемый «большак» или «набольшой». Чужих в семействе не бывает. Чтобы совершенно чужие сходились жить в одно семейство — случаев не было. Большак отвечает перед обществом и властями и сам платит подати и оброки. Если большак расточает имение, то над ним учреждается опека и делается большаком жена его или его старший сын.

310. [Усыновление] Случаи усыновления редки. Усыновляют тогда, когда нет своих детей. Усыновляют детей родственников — брата, сестры и только за неимением их — посторонних. Усыновление делается с согласия обоих родителей обеих сторон и с дозволения общества, к которому причисляется усыновленный. Усыновленный принимает фамилию усыновителя. Землей усыновленного наделяют усыновителей, а если у него мал надел, то общество. Родные родители усыновленного не вправе требовать его обратно.

19 Заказ № 1133

311. **[Приемыши]** По местному обычаю приемыш от усыновленного ничем не разнится. Зятья принимаются в дом с припискою к составу общества. Зятья-приемыши посторонними называются зятьями и в шутках «снохами». Приемыши-зятья удерживают свои фамилии. Власть зятя-приемыша над женой одинакова. При приеме в дом зятьев совершаются и письменные, и словесные условия и духовные завещания.

[Личные отношения домашних в семье]

312. 369. [Распределение работ между членами семьи]

388. [Обычный порядок жизни] Когда встают утром, крестьяне сначала умываются и, помолившись Богу, мужички делают что-нибудь около дома, а женщины дают корм скотине. Младшие, прежде чем делать что-либо, просят благословения родителей: «Батюшко и матушка, благословите», а посторонние работники: «Дяденька и тетенька, благословите», и отец и мать или хозяин и хозяйка на это отвечают: «Господь тебя благословит». Конечно, эти обряды существуют только в более религиозных домах, а то более чем наполовину этих обрядов не исполняется. Когда, как сказано, исполнят домашние работы, то все садятся завтракать (по крестьянски — обедать); за обедом глава семьи распределяет работы, что кому делать или куда ехать: «Ты, Иван, поезжай по дрова, которые на Павловой купил, сегодня надо перевозить их, а ты, Ермолай, переколи до полдня (12 ч.) те дрова, которые лежат на задворках, а я сам с Петянкой (Петром) поеду за сеном» и т. п.; в полдень, т. е. в 12 ч. дня, все приезжают и обедают («полдничают») и затем идет новое распределение работ. Вечером за ужином рассказывают, что сделано и все впечатления дня, а равно и услышанные днем сплетни и слухи, и затем ложатся спать.

Мужчины считают себя выше женщин. Женщина признается подчиненною мужчине. Разговорам и мнениям женщины придают меньше значения, чем мужчины, это оправдывается основанием пословицы «У бабы волос долог (длинен), да ум короток». Муж жену не называет по имени и отчеству, а только по имени: «Марья, поди-ка, попои лошадей», а женщины, в свою очередь, обязаны называть мужчин, особенно мужа, по имени и отчеству. Следующие главные работы в течение года. Мужчин весной: обработка земли, посев хлеба; летом: уборка хлеба с полей, сенокошение; осенью: молотьба хлебов, постройки новых и исправление старых построек, заготовка бревен и дров и зимой: перевозка леса и сена из мест летних складов и занятие извозом и другими мастерствами. Главные работы женщин зимой: уход и прокормление скота и прядут пряжу; весной: ткут и белят новины (холст); летом пекут хлеба и сенокосничают; осенью помогают мужчинам в молотьбе хлеба. Вот, например, ежедневный журнал работ семьи: отца, матери, женатого сына, дочери-девушки и сына подростка в сенокосное время. Отец и женатый сын, как только встанут, идут косить сено, жена сына гребет накошенное сено на месте в копны. В это время мать готовит завтрак и присылает завтрак с сыном подростком на лошади. После завтрака отец и сын начинают опять косить, а жена сына с сыном-подростком навивают сено на воз и сын возит сено, а мать с дочерью днем дома сушат сено в гумнах. И так весь день продолжается: отец и женатый сын косят, жена сына гребет, мальчик возит, а мать с дочерью-девушкой сушат и вместе все вечером убирают сено с гумен в сараи. Применительно к этому делаются и все прочие работы. Отдыхи бывают малые: после завтрака и обеда все отдыхают около ½ часа.

313. Родители — отец и мать — распоряжаются детьми одинаково, как мальчиками, так и девочками, но само собою понятно, что отец более склонен к сыновьям, а мать — к дочерям. Матерей, по присущей женщинам бесхарактерности, дети боятся меньше, чем отца. Отец имеет право, и пользуется им, отдавать детей в наймы. Конечно, дети этому подчиняются в младшем возрасте, а дети 17—20 лет часто и не подчиняются решению родителей. Брак сына почти всегда бывает по обоюдному соглашению отца и сына, бывают и самовольные браки; после самовольных браков или сын мирится с отцом, или уходит жить отдельно. По мнению народа, власть отца над сыном существует только тогда, когда сын живет еще вместе, а когда сын отделится, тогда власть эта прекращается. Над выданной замуж дочерью родители никакой власти не сохраняют.

314. Обязанности родителей по отношению к детям суть: кормить, поить, учить, одевать и т. п., а сыновей к родителям: почитать, кормить в старости, ухаживать при болезни. В случае отказа детей в содержании

отца и матери обращаются в волостной суд, последний определяет от сыновей содержание отцу или матери от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. в месяц.
По преданию, если родители проклянут сына или дочь, то проклятым не будет счастья, а благословение родителей дает счастье. По мнению народа, проклятие отца менее сильно, чем проклятие матери, «потому что-де из утробы матери выходит, а не отца». Отец может (и часто делается), что выгоняет сына из дома без всякого надела имуществом, а также и сын уходит от отца. Такие уходы никакими обязанностями не сопровождаются, т. е. в том смысле, что, по мнению народа, никто не заставит насильно жить отца с сыном или наоборот.
Случаев, чтобы дети жаловались на грубое обращение с ними родителей — не бывало, хотя в народе есть слух, что будто есть места, где старых и больных убивают задушением подушками, и что будто это называется «красной смертью» (от красной наволочки подушки), но народ этому плохо верит и ничем из этих обычаев не заимствуется.

315. Бывают случаи, что когда матерям, жалующимся на плохое обращение с ними снох, выстраиваются маленькие избушки, в которые матери и уходят жить.

316. Сноха после смерти мужа остается жить при свекре и только в случае несогласия уходит жить отдельно или же к родителям.

[Имущественные отношения в семье]
319. Между домашними собственностью считается того, что кому было куплено, тот и распоряжается имуществом, но, конечно, с согласия родителей.

320. Члены семьи имеют и свое имущество, которое называется «собина» (от «собственность»). «Собина» эта состоит из платья, одежды и денег. Деньги на собину добываются в праздничное время. В бедных семьях бывает, что одной и той же вещью пользуются поочередно несколько членов семьи.

322. Женщины исполняют кроме прямых своих женских работ по хозяйству и другие работы по распоряжению мужчины — хозяина. Особых девичьих имуществ, отдельных от влияния хозяина, нет.

323. Отношения по имуществу между братьями родными и «сводными» (от других жены или мужа) или между холостыми и женатыми ничем от общепринятых не разнятся. Всякий член семьи пользуется своей вещью.

324. Хотя и муж покупает жене вещи и всякое добро, но те вещи, которые специально принадлежат женскому полу, считаются собственностью жены. Здесь между мужем и женой купли-продажи не существует.
Если муж расточает общее имущество или имущество жены, тогда жена жалуется старосте или старшине, последние и принимают меры к ограждению имущества от расхищения. С мужа долг жены или наоборот не присуждается. Каждый платит только свои долги, хотя бы они и жили вместе. Согласия мужа на договор жить по обычаю не требуется, но не было того случая, чтобы жена совершила какой-либо договор, не посоветовавшись с мужем. Жена и отдельно живущие дети долги хозяина платят только в том случае, если они на это согласились по собственному желанию.

325. Неотделенные дети имеют свои вещи, которые покупаются на деньги, выработанные в праздничное время. Хотя это имущество и принадлежит лично детям, но им, бывают случаи, распоряжаются отцы.

326, 327. Неотделенные дети при жизни родителей прав на имущество не имеют. В случаях распутного поведения отца сельский сход над имуществом распутного учреждает опеку и домохозяином поставляет старшего женатого сына или жену распутного. Неотделенные дети за долги отца отвечают, точно так же и отцы, и все вместе отбывают денежные и натуральные повинности.

329, 330. Имущественное право солдат на общее достояние дома ничем не разнится от прочих и солдат получает равную часть с прочими членами. Солдат, поступивший на службу, сохраняет (если сам он этого желает) свой пай на землю и проч., независимо от того, женат он или холостой. Солдат, возвратившийся со службы, получает свой пай без всяких вычетов из того количества имущества, которое окажется во время возвращения. Отношения отставных солдат и его жены и детей одинаковы с прочими членами семьи. Возвратившийся со службы солдат получает земельный надел или от общества, или от своей семьи. Солдат, принявший надел, от повинностей не освобождается. Солдат имеет право голоса на всех сходах.

331, 332, 336, 337. Разделы бывают двоякого рода: или женатый сын отходит от семьи с согласия родителей, или самовольно, без согласия родителей. Если сын отходит с согласия, то он наделяется всем имуществом: ему дают дом, лошадь, корову, овец и прочего имущества, необходимого крестьянину. Если же сын отходит против воли родителей, то ему почти ничего не дают, разве только корову или лошадь и немного хлеба. Об отделенных сыновьях говорят, что он «отделился от отца». Отделяющихся сыновей родители благословляют иконой.

333. Причины к разделу: бывает большей частью неуживчивость женщин, ссоры из-за детей, ссоры свекрови со снохой. Вообще во всех случаях отделов женщины играют первую роль.

334. Отношения отделившихся к неотделенным не изменяются: первое время несколько сердятся, но потом смирятся и остается все по-старому.

335. Полевой и усадебной землей отделившиеся от бывшей семьи владеют порознь.

339. Уплата повинностей и частных долгов делится соразмерно выделенной части земельного надела и прочего имущества.

340, 341, 342, 346, 347. Никаких актов о разделе не делается и свидетелей не бывает, т. к. все имущество считается принадлежностью отца: сколько имущества даст отец, то и получает сын, и более и волостной суд не присудит. Отделы сыновей здесь бывают постоянно самовольные, т. е. без утверждения сельского схода, как требуется законом. Случаев отдела холостого сына не бывало. Жена при делении уносит только свое приданое и имущество, купленное специально ей при совместном жительстве.

[Наследство]

350, 351. Отцовский дом и хозяйство достается младшему сыну, потому что старшие сыновья раньше отделяются от отца. Отец может оставить дом тому или другому сыну, которому он пожелает. При дележе наследства по суду принимается в расчет [слово не разборчиво] кто содержал отца, платит долги и т. п. — тому дается большая часть имущества. Общие правила о наследстве в крестьянском быту не применяются, на этот счет существуют только местные обычаи.

352. Замужние дочери считаются уже отделенными и потому наследства не получают. Незамужние дочери получают при братьях половинные части. Если остаются одни дочери, то имущество делится поровну между ними. Усадьба после смерти отца при существовании замужних дочерей поступает в общество.

353. Если на самой усадьбе не останется наследников, то наследство получают сыновья, живущие в зятьях, и замужние дочери, если и их нет, то внуки.

354. После умерших беспотомственных сыновей, если после них не остается и жены, то имущество получают отцы и матери без всякого различия.

355, 357. Муж, если нет детей, после умершей жены ничего не получает и имущества ее остаются в пользу ее родных отца и матери, если только смерть последовала вскоре после замужества, если же в долгое время (т. е.

уже прошло долгое время), то все имущество считается принадлежностью мужа. Бездетная жена после мужа получает только то, что дадут ей родители, а по суду ей присуждается небольшая часть имущества. Бездетная вдова и вдова с дочерьми может жить вечно на усадьбе мужа. Жена после мужа распоряжается имуществом только как опекунша.

356. Братья и сестры после умершего бездетного брата и его жены получают в наследство имущество брата. Брат после брата может наследовать усадьбу, но тогда общество вправе отобрать данную ему перед тем усадьбу.

358. Дети могут при жизни матери разделиться между собою и без согласия матери. Мать оставляет за собою небольшую часть имения и эта часть поступает тому сыну, который согласится содержать мать.

359. Усыновленный после усыновителя наследует на равных с родными сыновьями, он наследует и усадьбу.

360. Как после мужа, так и после жены по заявлениям родственников делаются описи имущества и имущество впредь до совершеннолетия детей поступает в опеку. Бывают случаи, что этого не делается, и имуществом распоряжаются произвольно мужья и жены.

361. Здесь не было случаев, чтобы после кого не оставалось наследников, я знаю несколько случаев, бывших в ближайших селениях, что лица, после которых не оставалось наследников, еще при жизни распоряжались имуществом: часть завещали тому, кто его покоит и ухаживает при его болезни, и остальное — в церковь на поминовение его души.

[Завещания]
362. Духовные завещания составляются очень редко; большею частью наследодатели при жизни отдают имущество, кому пожелают. Родители имеют право завещать свое имущество, кому пожелают. Если имущество завещается одному сыну, то это делается потому, что другие сыновья или распутного поведения, или не заслужили перед родителями. Мать также своим имуществом распоряжается по своему желанию.

363. Духовные завещания, если и составляются, то только в волостном правлении. Духовные отцы при совершении завещания не присутствуют, т. к. они (дух. отцы) как мало знакомые с этим делом часто составляют завещания не в предписанной законом форме и порядке. При совершении завещания бывают свидетели, от 2 и более лиц, соседи и посторонние знакомые. Завещания хранятся в волостном правлении и получаются из него (в виде выписки из книги) только при споре об этом имуществе в волостном суде.

364. Муж может завещать свое имущество жене и родственники не могут отобрать имущества, хотя бы и при втором замужестве жены.

365. Бывали случаи, что завещания оспаривали, но не было случаев, чтобы суд уважил такой спор, и всегда присуждал имущество тому, кому оно завещано. Случаев завещания имущества посторонним лицам здесь не бывало.

366. Словесные завещания имеют одинаковую силу с письменными только в том случае, когда свидетели удостоверят правильность приписываемого умершему распоряжения.

367, 368. Случаев отмены завещания самим завещателем не было. Если кто оспаривает правильность завещания, то тот подает жалобу в волостной суд о предоставлении ему завещанного другому имущества и суд решает дело. Оспариватели завещания причины к этому выставляют большею частью те, что будто бы завещатель перед смертью был слабоумен или завещал чужое имущество. Получивший наследство завещания на утверждение никуда не представляет и представляет только тогда, когда будет возбужден спор.

370, 371. Уходят на заработки при остающемся в доме отце его сыновья, холостые и женатые, по охоте и по нужде. Весной, на апрель и май, уходят пилить и рубить дрова на р. Волгу в г. Юрьевец и Нижний Новгород и в эти два месяца каждый, кроме прокорма может выработать около 15 руб., которые по приходе домой отдает отцу. Женщины уходят «за Нижний» (Новгород) жать озимые и яровые хлеба и каждая женщина приносит 5—8 руб. за время до одного месяца. Выработанные деньги как мужчины, так и женщины поступают в общую семью за небольшими исключениями на «обновы». Мелкие праздничные заработки поступают в личную собственность работающих.

373. [Батраки] Батраки (по местному выражению, работники и работницы) нанимаются только на летние месяцы, обыкновенно с Пасхи до Покрова. Работники имеют с хозяевами общий стол. Работник, как бы долго ни жил, считается чужим.

374. [Рыболовство] Рыбной ловлей занимаются только на потребность своей семьи и только по праздникам летом. Охотой занимаются только осенью (на рябчиков и белок) и зимой (на зайцев) и весной (на глухарей и поляшей). Ловят капканами и стреляют ружьями.

375. [Пчеловодство] Пчеловодством никто не занимается.

376. [Домашние животные] Хозяину, имеющему 1—2 души (надела) достаточно иметь 1 лошадь, корову, телку и нескольких овец; на 3—4 души — вдвое против этого количества. Лошадь служит к управлению хозяйством, от коровы — молоко, масло, корова доит от 3 до 7 кринок (горшков) в сутки и дает в год около 25 фунтов масла. Овцы дают шерсть, овчины и говядину. Курицы, каждая, — от 50 до 80 яиц. Кроме того, от лошади, коровы и овец — навоз для удобрения полей, которые без удобрения дают плохие урожаи хлебов. Лошади, коровы и овцы или помещаются в хлевах, или часто во дворе. По зимам те и другие во время корма загоняются в отдельно устроенные «зимницы» или в бани, или, наконец, в ту же избу, где и крестьяне живут; после откормления их выгоняют опять в прежние места. Курицы постоянно в зимнее время содержатся в теплых местах или в зимнице и бане, или в доме, в приделанных под лавками помещениях. За лошадьми ухаживают мужчины и часто женщины, за коровами, овцами и телицами — исключительно женщины.

377. [Жилище семьи, пристройки] При сем прилагаются планы помещений бедного крестьянина и крестьянина средней состоятельности [в деле отсутствуют]. Помещения богатого крестьянина ничем почти не отличаются от помещений крестьянина «средней руки», только они построены из более лучшего материала, обширнее и есть несколько украшений: окрашены краскою, сделаны вырезки разные и т. п. и кроме того, богатые почти всегда дома строят со «светелками» (мезонины). Конечно, указанные на плане постройки не могут относиться ко всем, но тем не менее большинство построек крестьянских сделано так, как сказано. Материалы для построек крестьяне покупают в удельном ведомстве. Строят из соснового и елового леса. Печи в избах бывают только русские. В холодное зимнее время крестьяне топят еще маленькие печки, железные или кирпичные.

Деревьев около домов почти не имеется, хотя местная полиция обязывает каждогодно сажать их, но крестьяне этого не делают от непонимания пользы.

Дворы при домах черные, крытые дранью, латником или соломою.

378. [Орудия и домашняя утварь] Вот земледельческие орудия крестьян: соха-косуля — для пашни целин, т. е. в первый раз перед посевом; борона — деревянная с деревянными же зубами, для забороновария вспаханной земли; соха-прямуха — легкая соха для перепашки земли после посева; косы железные — только для сенокошения, покупаемые у Владимирских косников, серпы («аглицкие» и местной работы) — для жнитва хлебов; цепы (по местному «молотило») — для молотьбы хлеба; топоры, пилы и пр., покупаются на местном базаре в с. Ковернино, куда привозят из г. Семенова. Телеги обыкновенные местного производства. Тарантасы на железном ходу с прутиковыми корзинами и с деревянными ящиками местного производства и привозимые из Воткинского завода, Пермской или Вятской губ., дровни-розвальни на дубовых полозьях местного

производства. Чашки «хлебальные» крашеные, ложки крашеные деревянные привозятся из Семеновского у. Орудия охоты: капканы, ружья, попружки (петли), рыбной ловли: сети, морды, жаки, верши, удочки, крюки. Сети, верши, жаки крестьяне делают сами, а равно обделывают сами и сохи, а остальные предметы покупают на стороне в указанных местах.

379. [**Отопление и освещение**] Крестьяне отапливаются дровами, которые покупают у удельного ведомства. Освещаются большею частью керосиновыми лампами и сальными свечами; есть еще несколько крестьян, которые употребляют лучину из березовых дров. Керосин покупается на базаре в с. Ковернино. Летом крестьяне огня (кроме печки) совсем не зажигают. В осеннее время и зимнее огонь зажигают, когда уже очень сильно стемнеет, и утром до появления первого рассвета. В видах экономии спичек огонь добывают так: нарезают тоненьких лучинок, концы их обмакивают в горючую серу и такими спичками берут огонь от горящих ламп или теми же лучинами зажигают от ламп, предварительно завернув фитиль лампы.

380. [**Одежда**] Будничная одежда у крестьян мужчин: рубашка пестрядинная домашнего производства, штаны (подштанники, по местному «портки») из домашнего холста, набивные (набойка), полосками и лапти; у женщин как верхнее, так и нижнее белье — пестрядинное домашнего производства, а юбки еще и набивные и тоже лапти; вся эта одежда крестьян ими делается самими. Праздничная одежда как мужчин, так и женщин — из сукна и ситца фабричного производства, покупается на базаре в с. Ковернино. Крестьяне любят ситцы более яркого цвета: красный, алый, белый.
В праздники носят кожаные сапоги и ботинки, покупаемые на стороне. Идя на улицу, крестьяне не переодеваются и выходят в том, в чем были дома, только женщины «растыкаются», т.е. опускают перед верхней одежды (сарафана или платья), бывший дома заткнутым за пояс. Как мужчины, так и женщины, идя в церковь или в гости, одевают самую лучшую одежду. Дети и подростки одеваются сравнительно одинаково с большими — взрослыми. У крестьян одежда имеет только два значения — летняя и зимняя, у них нет ни майской, ни осенней и весенней одежды, они и весной, и летом, и осенью носят «бекеши» (кафтаны) из черного сукна, а женщины — кофты из того же материала. Вот названия одежд мужских зимних: полушубок, тулуп, пиджак (только у молодых), жилетка; летних: кафтан (будничный из домашнего и летний праздничный — из фабричного сукна), жилет и постоянно пестрядинные домашние и ситцевые покупные рубашки; у женщин: зимний полушубок, кофта казинетовая, опушенная белкой на меховой подкладке или «холодильник», покрытый матерчатой (красной) материей, надеваемый только в большие праздники и гулянья; сарафан ситцевый и пестрядинный и кофточки; летний сарафан или платье, смотря по старшинству лет. Особенных украшений нет, кроме того, как мужчины носят только часы карманные (старинного образца «луковицей») с серебряною шейною цепочкою; парни — серебряные кольца (от 1 до 4) на руке; женщины и девицы носят сережки серебряные и медные в ушах и такие же кольца на руках. Каждая деревенская девушка шить домашнюю одежду, кроме требующих специальности портных, выучивается еще до выхода в замужество; вязать, плести и вышивать выучиваются только некоторые (меньшая часть) из деревенских девушек; ткать выучивается каждая деревенская девушка.
Волосы стригут только у мужчин «в кружок» т.е. не под польку и ершики; стричь волосы у женского пола считается и неприличным, и грешным; тело ничем не натирают; лицо девушки подбеливают белилами и подрумянивают краскою; у крестьян мода почти не изменяется.

381. Пища. Ежедневная пища крестьян богатых и средних в скоромные дни: холодное — картошка с квасом и капустой и яйцом, забеленная сметаной; щи с говядиной, каша и молоко; бедного: холодное то же и каша или холодное и щи; в постные дни у бедного и богатого: холодное постное, щи постные и у богатых — каша, а у бедных еще — ничего. По мнению крестьян, если есть каша и щи с говядиной, то это считается изобильной и лакомой, а если нет этого, то скудной. В праздничные дни бывают пироги, лепешки, пряники, орехи (грецкие и волоцкие), подсолнухи. В большие праздники делают еще специально для гостей «варенщики» — сметана с сахарным песком и изюмом. У крестьян стряпней занимается постоянно одна женщина — большуха в доме. Огурцов крестьяне солят: богатый — до 1000 шт., а бедный — до 400 шт.; капусты: богатый — до 10 ведер, а бедный — 2—4 ведра. Грибов на зиму немного (от 2 до 5 мер) сушат только серых — масленников

и т. п., а богатые еще и белых фунтов 10, бедный же крестьянин белые грибы продает. Ягод — брусники или клюквы — запасают только богатые, бедные же вместо них собирают ягоды рябины, которую и едят зимой после бани или при угаре. У крестьян домашние напитки — квас и вода; для праздничных дней крестьяне варят еще хмельное пиво (брагу). Квас и пиво крестьяне варят сами. Чай пьют только крестьяне богатые и состоятельные, хотя пьют и бедные, но они только тогда, когда поимеют к этому средства. Водку пьют только по праздникам в гостях или с гостями или, наконец, когда бывают в с. Ковернино на базарах. Различия в пище в полдень, утром и вечером у крестьян нет — едят одинаковую пищу. Сначала за стол садятся младшие и дети и потом уже старшие, за обедом и вообще при еде получают все одинаковые куски и никому нет предпочтения. Почти у каждого члена семьи есть своя ложка, это делается просто по привычке.
В пищу из животных употребляются овцы, телята и рыба. Считают нечистыми и не употребляют в пищу лошадей, лесных зверей, диких птиц кроме глухаря, поляша, тетери, уток, которых едят. Нельзя есть и не едят означенных животных по запрещению церковных правлений. Говядину или вообще всего мясного не едят только некоторые старики и больше старушки чисто из религиозного чувства воздержания.
Здесь голода не бывало, поэтому пища никакими посторонними суррогатами не заменялась.

382. [**Развлечения дома**] Крестьяне дома играют в шашки, в карты — в дурачки, в щелчки и в носки.

383. [**Курение и нюханье табаку**] Табак курят только более молодые. Курить приучаются на стороне при отхожих промыслах, а равно и дома от прочих табакокуров. К табачникам крестьяне относятся хладнокровно, при этом говорят, что «табашник не как калашник», т. е. табачники добрые, они каждому дадут покурить. Курить крестьяне большею частью выходят на улицу или на двор, этому причина — нелюбовь многих домашних табачного запаха. Каждый табачник израсходует в год на табак (махорку) до 6 руб.

384. [**Опрятность**] За чистотой крестьяне плохо наблюдают: у них в избах бывает и скотина, тут же ползают мальчишки, на полу валяются щепки и всякий мусор, но все-таки в избе приметаются обязательно 2 раза в день — утром и вечером и перед приходом посторонних. Пол моют каждую субботу и только в редких случаях через субботу. Посуду моют каждый день. Сами моются каждую субботу в бане и летом купаются еще в реке. В бане моются по нескольку семей за раз, мужчины и женщины вместе. Белье и платье переменяют один раз в неделю по субботам.

385. [**Домашние насекомые**] В крестьянских избах больше всего тараканов и мух, тех и других вымораживают и окармливают существующим для них порошком. На самих крестьянах водятся вши, клопы и блохи, от вшей мажутся скоромным маслом и одежду кладут в самое жаркое место, чтобы они «выжарились», от клопов обливают места, зараженные ими, керосином и обсыпают порошками.

386. [**Защита от холода**] От холода принимают меры: в окна вставляют двойные рамы, низ дома снаружи обваливают песком или [неразборчиво], одежду надевают более теплую, а то и по две, шьют нарочно овчиные штаны, если кто был на улице и заметно отморозился, то отмороженные части трут снегом и водой до того времени, когда побелевшие части тела снова сделаются красноватыми.

387. [**Экономическое положение крестьянской семьи**] У богатого крестьянина и в доме почище и белее, и имущества везде разложено достаточно, так что сразу при входе в дом можно определить, что «тут живет зажиточный крестьянин», а у бедного наоборот, у него в доме грязнее, как он, крестьянин, грязнее и все одеты они в плохое дырявое платье и нигде ничего не видать из имущества. У крестьян считается богатством большой запас хлеба, скота, а равно и деньги, вообще избыток всего имущества, а бедность — противное сказанному.
У большинства крестьян новоурожайного хлеба хватает на мало, месяца на 3, не больше. После этого им приходится хлеб покупать на стороне. Недостаток этот происходит оттого, что бедный имеет мало скота, а следовательно мало у него бывает и навоза, так что нечем ему удабривать землю, которая без удобрения не родит, поэтому мало высевают хлеба и мало его снимают; к тому же еще служит препятствием отсутствие

у многих крестьян лошадей, так что им приходится рядить посторонних обрабатывать поля. Крестьяне на подати деньги большею частью вырабатывают на стороне, на промыслах.
Ремонт домов делают не сразу, а помаленьку, делают еще и «помочи», деньги на ремонт скапливают также долго, или на это продают какие-либо вещи. На покупку скотины, на выдачу дочери замуж или на женитьбу сына также употредляют небольшие сбережения или продают излишнее имущество: овес, лен и льняное семя. У богатого крестьянина приход и расход денег определить трудно, ибо они занимаются торговлею. Богатый и зажиточный крестьянин хлеба нажинает озимого четвертей 15—25, овса — четвертей 30—40. Вот приход и расход бедного крестьянина.
Приход: вырабатывает в зимнее время на каком-либо промысле рублей около 40; летом вырабатывает поденщиной рублей 15; продает овса и льняного семени и льна рублей на 30, а в особо урожайный год и на 40 руб., кроме того, в некоторые годы может заработать еще и на выноске белых грибов, которых продает рублей на 20, так что общий годовой приход около 100 руб.
Расход: на уплату податей — рублей 10, на обработку полей — рублей 12, на покупку недостающего для скотины корма — рублей 15. На одежду себе, жене и детям — рублей 25 и на покупку хлеба и прочих продуктов, на уплату разных, кроме податей, сборов — рублей 40, т. е. все, что добывается крестьянами, расходуется ими и ничего не остается.
Крестьяне данной местности не богатеют и не беднеют, о чем они не очень сокрушаются, они как будто остановились на одной точке и не желают двигаться с нее.

СОЛИГАЛИЧСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Путьковский Н.
Солигаличский уезд; села и деревни вокруг города Солигалича

Ф. 7. Оп. 1. Д. 594. Л. 1—7 об.

Б. Местные условия жизни крестьян

3. **Местоположение.** Настоящему описанию будет подлежать не одна только деревня, а весь подгородный район в окружности, радиус которой будет равен приблизительно двенадцати верстам. Описываемая местность расположена по обеим сторонам реки Костромы и ее притоков: Светицы, Сельмы, Вексы и других незначительных речек, берега которых были покрыты когда-то густыми лесами, площадь которых с каждым годом убывает под ненасытным топором лесопромышленника. Сравнительно густое население группируется в деревнях по течению реки и по сторонам почтового тракта, идущего на юго-восток, на город Чухлому, на юг — по направлению к Галичу и на северо-запад — к городу Тотьме. Последние два тракта называются, в отличие от почтового, — торговыми. Рельеф местности в общем ровный, прорезаемый однако по направлению с северо-востока на юго-запад иногда довольно значительными холмами, составляющими севернее города Солигалича водораздел между системами рек Волги и Сухоны (Северной Двины).
Город Солигалич отстоит от губернского города на 221 версту, а описываемая местность от уездного города около 12 верст.
Большинство крестьян этого района состоят прихожанами церквей города, исключая некоторых деревень, расположенных севернее города вокруг села. Вершки, в приходе которого лежит деревня Одноушева, — родина святого Митрополита Ионы, и восточнее — села Коровнова, одного из самых бедных приходов.
В названных селах базаров не бывает, потому что благодаря близости города все базары, ярмарки происходят в городе: летом по воскресеньям, а зимой, как только установится санный путь, по средам и субботам.
Ни фабрик, ни заводов, которые давали бы крестьянам подгородной местности более или менее значительный заработок, в городе нет, за исключением небольшого винокуренного завода, да одного кожевенного с весьма ограниченной деятельностью. Из них винокуренный завод покупает хлеб большею частью у землевладельцев более или менее крупными партиями, потому что крестьяне не имеют лишнего хлеба и зачастую покупают его сами; кожевенный завод принимает кожи, торговля которыми сосредоточена больше в руках мясников,

а крестьянин продает случайные шкуры,» падьи кожи», т. е. с павших животных. Впрочем, довольно значительное количество ивовой коры, «корья», как здесь называют, сбывается тоже на кожевенный завод для дубления кож. В окрестности города разбросано несколько кирпичных заводов, не дающих крестьянам никакого заработка. Почтовая станция, становой пристав, урядник сосредоточены в городе; земские начальники, волостные правления в одной версте от города. Пути сообщения — три больших тракта и остальные — проселочные дороги, к сожалению не могут похвалиться особенным благоустройством и потому по отношению к ним остается желать много лучшего.
Ближайшая к городу железная дорога — Московско-Ярославско-Вологодско-Архангельская, станция которой город Грязовец Вологодской губернии лежит на расстоянии 140 верст. Судоходные реки: Кострома — от города Буя и ниже, на расстоянии 90 верст от города Солигалича, и Сухона, ближайший пункт которой, Устье-Толшминское, отстоит на 80 верст. Кострома судоходна только весной и полноводной осенью от города Буя, а Сухона в течение всей навигации, исключая чересчур сухие жаркие годы, как было, например, нынче летом.

4. [**Что дает земля крестьянам**] Главные возделываемые крестьянами растения — рожь, овес, ячмень, пшеница, редко полба, горох и из промышленных — лен. Изредка встречается клеверосеяние; оно прививается только на землях крестьян-собственников, «купчих землях», так как общинное чересполосное владение землей исключает возможность посева трав. Тощие земли требуют значительного количества удобрения, по которому только и родится сносный хлеб. Для этой цели обыкновенно употребляется навоз от своего скота; но так как скота крестьяне держат немного, то и навоза запахивается чрезвычайно мало и притом обращение с ним самое небрежное и неумелое. Что хлеб родится только по удобрению, показывает поговорка: «не поле родит, а полянка», т. е. прямо предпочитается интенсивное хозяйство; но, к сожалению, плохие знания крестьян, плохой рабочий скот, плохие орудия не дают хороших результатов. Огороды располагаются большею частью возле самых изб, иногда же в некотором отдалении, по берегу реки. Как огородничество, так и садоводство находятся в самом печальном состоянии. Наиболее важный из огородных продуктов — картофель — иногда садится под соху в яровом поле. Капуста, хотя и необходимая в каждой семье, садится не во всякой деревне, потому что некоторым не удается культура ее и такие деревни покупают обыкновенно ее в городе. Большинство же крестьян покупают капустную рассаду в городе, где почти каждая мещанка занимается выгонкою ее из семян; также покупается и рассада брюквы, «голланки», как ее называют здесь. Из прочих овощей: редька, репа — садится иногда как лакомство для ребят, также и морковь; огурцы составляют достояние немногих более зажиточных семей и покупаются в городе на базаре, куда привозятся главным образом из города Галича. Иногда существует в небольшом количестве хмель где-нибудь в углу огорода; но он сбыта никакого не имеет и употребляется в случае домашних праздников, когда варится пиво. Садом называется небольшое, огороженное вдоль переднего фасада избы, местечко, засаженное деревьями по распоряжению начальства, как предохраняющее средство от пожара. Преобладают лиственные деревья: береза, черемуха, рябина, изредка липа; между ними иногда ютятся кусты лесной черной смородины, ягоды с которой поедаются ребятами еще в самом зеленом виде. Все это посаженное, разумеется, не знает никакого ухода, потому что крестьянин ничего и не требует от сада, который и устраивает-то только потому, что ему приказывают. Обыкновенно ребята, а в праздники и по «утренникам», когда роса жать не дает, и взрослые, как только появятся ягоды или грибы, отправляются в лес. Все добытое частью продается в город, ягоды, например, всегда продаются, и частью идет на заготовление впрок: таково соленье — грузди, волнушки, рыжики, и сушенье — белые и серые грибы, масленики, составляя важное подспорье для однообразной пищи крестьянина, особенно, когда капуста и огурцы дороги. Как рыбная ловля, так и охота — занятия отдельных лиц и по своей незначительности не составляет для крестьян особого промысла. Все пойманное и убитое — зайцы, рябчики, тетерева — продаются большей частью по домам в городе.

5. [**Полезные и вредные животные**] Из домашних животных, разумеется, первое место занимает лошадь, кормилица крестьянина. Большею частью число их в семье не превышает двух, и такое количество выражает зажиточность семьи; обыкновенно же редко бывает больше одной. Корова, редко две и больше, доставляет семье молоко, которым пользуются только по скоромным дням, а по постным расчетливые хозяйки копят масло, творог и продают на базаре. Овцы доставляют крестьянам овчины для полушубков

и шерсть для валяных сапог, мясо большею частью употребляется также семьей. Изредка можно встретить свиней, которых крестьяне выкармливают больше для продажи; но так как хлеба у крестьян часто и для себя недостаточно, то свинья — редкое явление в крестьянском быту. Каждая хозяйка держит то или другое количество кур, яйца которых идут на продажу; ими же часто жертвуется на блюдо в церкви; петухи и цыплята тоже продаются. Животных, которые приносили бы прямую пользу крестьянам, нет. Из косвенно же полезных животных можно признать дичь, белку, из пернатых — обыкновенных всюду — семейство вороновых. Заметную, но едва ли сознаваемую крестьянами пользу эти птицы приносят в год, когда на озимь нападает гусеница озимой совиноголовки. Из числа крупных хищников — бурый медведь, с вырубкой больших лесов, представляет в описываемом районе уже редкое явление. Если же он заводится по соседству с какой-нибудь деревней, то иногда «дерет» коров или лошадей, больше же сминает и обсасывает посевы овса, растаскивает и портит снопы. Другой, несравненно вреднейший хищник — волк водится особенно в большом количестве в подгородной местности и зимой собирается в значительные стаи. Значительное количество овец и телят становится жертвами этого хищника летом; так, в деревне Ягодине, отстоящей от меня на пять верст, в одно лето было убито волками до шестидесяти штук овец и несколько телят. Очень хитрый и осторожный летом, волк особенно нахален становится зимою, когда голод гонит его к жилищу человека и добычею его тогда становятся кошки и особенно собаки. Был случай у меня, когда в восемь часов утра волки схватили выпущенную собаку почти на крыльце. Нередко можно видеть зимним утром вереницу волков, возвращающихся из города с ночной охоты в лес. Для человека волк не опасен и нападает только в состоянии бешенства, или когда охотник ранит волчиху в период спаривания. Редко встречается рысь, нападающая иногда на коров. Иногда вредит домашней птице хорек. Из грызунов значительный вред приносит в амбарах и на полях полевая мышь, иногда встречающаяся в очень больших количествах. Кроме того, она сильно портит запасы яровой соломы, «перестригая» ее, как говорят крестьяне, и наделяя ее настолько противным запахом извержений, что скот отказывается ее есть. Из числа вредных насекомых первое место занимает гусеница озимой совки, являющейся в иные годы прямо бичом местного населения. Бабочка этой гусеницы является в конце весны и откладывает яички на листьях трав, покрывающих яровое поле. Прожорливое поколение этой бабочки нападает на молодые всходы ржи и иногда так начисто съедает ее, что поле кажется будто бы и не сеяно. Нынешним летом, например, в волости, к которой я принадлежу, побита гусеницей совиноголовки площадь озими в десятины. В июне месяце и июле из лесов налетают тучи насекомых из семейства слепней (*Tabanida*), — овод, слепень и строка, которые своими укусами доводят иногда лошадей чуть не до бешенства. Молодые всходы гороха, капустная и брюквенная рассада, редька сильно страдают от нападений земляной блохи (*Haltika oleracca*), а иногда и вовсе гибнут.

6. **[Климатические условия в отношении к крестьянской жизни]** Днем выгона скота на подножный корм считается обыкновенно «Егорьев день», 23 апреля, когда баба с освященными вербами в руках сгоняет коров в поле. Но этот срок сильно колеблется в зависимости от хода весны. В общем же скот может пользоваться подножным кормом не раньше, как начиная с половины мая. Около этого же времени, а иногда и в конце апреля наступает и время пашни и посева яровых. Конное сообщение с городом прекращается на самый короткий срок, ввиду близости города, и не более, как на неделю по причине непролазной грязи; пешее же сообщение не прекращается, потому что большинство рек снабжено мостами. Началом сенокоса можно считать 29 июня, Петров день, большею же частью начинают косить 1 июля. Очень немногие начинают сенокос и с 24 июня, с Иванова дня. Раньше этого никогда не начинают косить, так как в это время предполагается усиленный рост трав; «В ночь на Иванов день, — говорят крестьяне, — трава обрастает жердь», т. е. прибывает в вышину на полтора-два вершка. Существует еще поверье, что до Иванова дня на траву нападает какая-то вредная роса, которая впоследствии отзывается на здоровье скота.
Рожь и ячмень, который поспевает вместе с рожью, начинают жать с Ильина дня, т. е. с 20 июля, хотя редкие года, как нынешнее лето, сильно изменяют ход полевых работ: так нынче рожь начали жать с 15 июля, а на гористых местах и того раньше. Остальные яровые хлеба жнут с начала августа. Все время этих работ, т. е. сенокоса, ржаной и яровой жатвы, включая сюда озимую пашню, занимает приблизительно 45—50 дней. На это число приходится от 10 до 15 дождливых дней, которые иногда сильно мешают успешной уборке. Бывали года, когда нажатые кучи хлеба в теплое и продолжительное ненастье зеленели в поле.

Но такие года, к счастью, случаются не часто; обыкновенно же уборка хлеба с поля вполне успевает в указанный срок.

Морозы редко начинаются раньше половины октября, хотя легкие заморозки бывают и в начале этого месяца. Картофель же убирается еще в сентябре, так что для него нет опасности быть замороженным. Снег появляется в разное время, иногда даже в начале октября, но такой снег быстро тает. Замечено, что санная дорога никогда не встает раньше 22 октября, но чаще всего с первых чисел ноября.

Трудно, за неимением цифр, вывести заключение об общей температуре зимы, но приблизительно середозимье отличается более сильными морозами, доходящими нередко до 30—35 градусов R; более же сильные метели бывают во второй половине зимы, в феврале месяце. Сильные морозы не удерживают крестьян дома в бездействии, так как наш крестьянин чрезвычайно терпелив к холоду. Благодаря тому, что в описываемой местности есть все-таки некоторое количество лесов, метель портит только дороги, идущие по открытым местам, наносит огромные сугробы снега при въезде в деревню и при выезде, у огородов, в воротах. Бывают случаи, когда неосторожно свернувшая в сугроб лошадь не могла выбиться из снега, завязнув в нем до ушей; тогда приходится выгребать ее лопатами. Но и такие сильные метели не прекращают сообщения с городом, так как при густом подгородном населении сообщение с городом идет непрерывно.

Г. Общие указания об образе жизни крестьян

7. Образ жизни крестьян — земледельческий. Неразрывно связанное с земледелием скотоводство, если можно так назвать содержание одной-двух лошадей, стольких же коров и штук пяти овец, необходимых, главным образом, для того же земледелия, составляет другое главное занятие.

К побочным занятиям относятся другие промыслы, например, отхожий. Ежегодно в Великом посту уезд выпускает значительное количество рабочих на чужую сторону. Маляры идут большею частью в Петербург, плотники — «за Волгу», в Рыбинск. Из прочих ремесленников: печники, стекольщики, столяры. Некоторые семьи отдают с малолетства своих детей в мастерство какому-нибудь подрядчику обыкновенно из своей же деревни, причем замечается преемственность в мастерстве: если отец — маляр, то и сын — маляр, отец — плотник — то же ремесло изучает и сын. Из местных промыслов: — в некоторых деревнях по берегам рек Светицы и Сельмы производится ломка и обжигание извести. Но главные барыши от этого промысла достаются предпринимателям из крестьян, которые и богатеют, а остальным достается черная работа. Возка и сплав леса по подряду у лесопромышленника доставляет занятие целым деревням. Но этот промысел — случайный: производится где-либо выработка леса — есть заработок, вырублен лес — и заработок прекратился. Некоторые крестьяне занимаются извозом, доставляя купцам города Солигалича товары из Костромы или Галича; некоторые мясничают, покупая у крестьян по одной, по две коровы и тотчас же распродавая по мелочи мясо на базаре.

[Д. Общественные установления, обычаи и законы, регулирующие отношения крестьян к обществу и государственному строю]

91. **Опека.** Опека в крестьянском быту имеет значение акта, охраняющего имущество круглых сирот, и никаких других названий для нее не существует. По смерти родителей вступает в права хозяина обыкновенно старший не выделенный член семьи, иногда даже юридически несовершеннолетний, как это часто бывает в деревне; если же таких членов нет, а все остальные — малолетки, то опекунами являются другие родственники: дяди, тетки и пр. Об участи сирот, оставшихся без близких родственников, заботится все сельское общество. Для обсуждения такого случая собирается сельский сход, который и выбирает опекуна из более благонадежных крестьян; но обязать, в случае нежелания, намеченного в опекуны крестьянина мир не может. Если мир найдет поддержание хозяйства малолетков обременительным и для них, и для опекуна, то постановляет превратить имущество в деньги, которые и передаст опекуну для хранения и расходования на воспитание опекаемых им сирот. Опекун должен представлять ежегодный отчет сельскому сходу и общий — по окончании опеки. Лучшим же контролем над действиями опекуна служит то тесное общение в деревне, в силу которого вся жизнь семьи на виду у соседей.

Опека продолжается до восемнадцатилетнего возраста.

92. 1) По окончании опеки опекун сдает принятое имущество и отчитывается в израсходованных деньгах при сельском сходе, но вознаграждения за труды никакого не получает. Опекун может пользоваться до некоторой степени произведениями хозяйства малолетних, но весь «приполон», т. е. все, что прибавляется к инвентарю, приплод от скота составляет собственность опекаемых и ни в каком случае не идет в пользу опекуна. Безродные дети, не имеющие никакого имущества, воспитываются на счет общества. Сельский сход определяет сумму, необходимую на воспитание детей, и раскладывает поровну на каждую платежную душу в обществе. При этом всегда соблюдается такой расчет: если возраст позволяет, то мальчика решают отдать в какое-нибудь мастерство и тогда избавляются от всяких денежных расходов на него. Девочки же всегда отдаются кому-нибудь из желающих на воспитание; общество платит за них ежегодно до совершеннолетия их, по наступлении которого они вольны уже сами распорядиться своей жизнью. В случае выхода матери вторично замуж, опекуншею всегда считается мать.

2) Растраты опекуном сиротского имущества случаются сравнительно редко. Обыкновенно такая растрата чрезвычайно быстро узнается благодаря тому, что вся жизнь крестьян видна друг другу, и тогда сельский сход привлекает опекуна к ответу; и в случае, если опекун не пополнит растраченное, то передает дело волостному суду.

3) Никакого различия в назначении опекунов в большие и малые семьи нет. В отношении же размера оставшегося имущества существует такое соотношение: к более богатому наследству назначается и опекун более богатый.

4) Назначение опекунов зависит безусловно от мира и, если ближайшие родственники сирот не отличаются особенной благонадежностью, то мир выбирает постороннего, обойдя родных. Мать же считается естественной опекуншей и никогда этого права не теряет, даже и при вторичном замужестве.

5) Опекуны назначаются и завещанием и тогда по воле завещателя назначаются и посторонние лица.

6) Другие поводы к назначению опеки — безвестное отсутствие и душевные болезни. Расточительность же народом не рассматривается как преступление против собственных детей, но как свободное действие человека, может быть и мало рассудительного, но имеющего право распоряжаться своим имуществом, как он хочет.

7) Каким бы пьяницею не был муж, распоряжение имуществом признается его неотъемлемым правом и «грех» пьянства всецело возлагается на его душу. Управление же имуществом такого крестьянина никогда не передается его жене.

8) Опекун никогда не может сделаться наследником имущества опекаемых. В случае смерти малолетних, если нет законных наследников, имущество их считается «вымороченным» и поступает в продажу.

Повинности

93. Все денежные повинности крестьян распадаются на следующие группы: 1) государственный поземельный налог, 2) выкупные платежи, 3) платежи на мирские и сельские расходы и 4) земский сбор. Первый налог — постоянный для всех — 3 рубля 50 копеек с души; второй платят бывшие помещичьи крестьяне. Иногда две деревни рядом несут повинности значительной разности: так свободные хлебопашцы платят 3 рубля 50 копеек, а бывшие помещичьи — плюс 6 рублей, т. е. уже 9 рублей 50 копеек с души. Суммы платежей третьего рода, на мирские и сельские расходы, предназначаются на содержание судьям, волостным старшинам, сельским старостам, на общественно призреваемых и т. д. и определенной величины не имеют, как и земский сбор, раскладка которого колеблется в зависимости от нужд уезда. Из повинностей продуктами можно отметить одну — иногда поставка дров в школы — и то, по желанию крестьян. Повинности работою заключаются исключительно в починке дорог, причем каждое селение обязано чинить свой участок. К случайным повинностям работою можно отнести тушение лесных пожаров, на которые, по распоряжению волости, вызываются окрестные жители до 15 верст бесплатно, свыше же этого расстояния с суточной платой. Повинности разверстываются и уплачиваются с души. К побочным взысканиям относятся платежи на ремонт пожарного инструмента в деревне: окраска и починка труб, рукавов, бочек и пр. Величина этих платежей также не постоянная.

94. Каждый член сельской общины участвует в платеже повинностей соразмерно количеству надельной земли, площадь которой определяется на каждую душу в десятине. Одновременно с разверсткой земли производится и разверстка повинностей, которые распределяются на каждую душу. Безземельные освобождаются от всяких платежей, исключая сбора «на мирские и сельские расходы», так как они продолжают пользоваться всеми удобствами мирских распорядков; но те, у которых хозяйство почему-либо пришло в упадок, не освобождаются ни от каких повинностей. Старики, вдовы, сироты, если не имеют земли и хозяйства, снабжаются только огородом — небольшим куском земли для разведения овощей — и никаких бесплатных участков для них не существует. У неисправных плательщиков по своему нерадению очень редко отбирается земля, и то обыкновенно на первый раз временно до исправления такого крестьянина. Круговая порука применяется в том случае, когда у неисправного плательщика отбирается земля, и все лежащие на нем повинности и недоимки разверстываются на остальных плательщиков; прочие случаи круговой поруки применяются только в договорах с частными лицами.

95. Все повинности взыскиваются сельским старостою известного общества в два срока, по полугодиям. Время первого взыскания с 1 марта по 30 июня, второго — с 1 октября по 31 декабря.

96. После нескольких напоминаний старостою об уплате повинностей и недоимок, если таковые не поступают, производится опись имущества волостным старшиной и сельским старостой. Последний является ответственным лицом за своевременное и исправное поступление платежей и в случае неисправности такового подвергается, по распоряжению земского начальника, штрафу до двух рублей или аресту до пяти суток. Случаев наказания народом неисправных плательщиков не известно, исключая временного отобрания земли; хотя прежде, еще до введения института земских начальников, говорят, были случаи отдачи безнадежных недоимщиков в работы.

97. Список безнадежных недоимщиков сельский староста сообщает волостному правлению, которое доводит об этом до сведения земского начальника. Последний передает список на разрешение административного съезда, который и постановляет о продаже имущества, определяя по описи, что можно и чего нельзя продать. Назначенное на продажу имущество поступает на публичные торги, о дне которых оповещается вся волость; обыкновенно крестьянское имущество очень быстро раскупается. Однако же не могут быть проданы: одна лошадь, одна корова, земледельческие орудия, необходимая одежда, словом, все то, без чего не может существовать крестьянское хозяйство.

98. Воинская повинность. Положение в семье парней, подлежащих отбыванию воинской повинности, становится исключительным по крайней мере за год до их призыва на службу. По окончании сенокоса как более страдного времени, парни, как говорят, «отваливаются» от работы, которая идет больше или из-за других членов семьи, или из-за работника; их, как обреченных на тяжелую долю солдата, в семье балуют: им и лишняя копейка на гулянье перепадет, и лучший кусок, чаще пекут пироги, больше дает мать-старуха поспать и понежиться. Если семья прежде выпускала парня в люди как лишнего работника и он нанимался в батраки, добывая себе «на наряд» и отдавая в дом часть своего заработка, то уже в призывный год семья не отпустит его, даже в случае нужды, стараются продержать его этот год дома.
Даже девицы на беседах отдают предпочтение «рекрутам», как бы желая заставить их забыть о предстоящей службе: чаще с ними танцуют, чаще вызывают ходить по кругу. Рекруты со своей стороны приобретают особый вид людей уже не деревенского круга: смотрят на прочую молодежь свысока, чаще, чем обыкновенно, являются в беседу пьяными, «скандалят», — но все эти проделки прощаются им в силу того, что они — будущие солдаты. Подлежащие призыву парни созываются через волостное начальство в волостные правления, откуда под предводительством волостных старшин направляются партиями к известному числу, в данном случае к 15 октября, в город для вынутия жребия. В этот раз парни одеваются в чистое белье, надевают лучшую одежду, смотря по состоянию. Преобладают пальто, часто драповые с бархатным воротником, подпоясанные цветным кушаком; высокие сапоги «гармошкой», чаще всего с резиновыми галошами, одеваются лучшие шапки. Такой костюм преобладает и придает молодежи характер

принарядившихся фабричных; это можно объяснить тем, что наш уезд ежегодно выпускает массу рабочих на отхожие промыслы преимущественно в столицы, откуда они и заносят моду. Кафтан встречается редко, на рекрутах более глухих мест, жители которых занимаются исключительно хлебопашеством и местными промыслами. Жителей глухой волости «Чудцы», так называемых «чудцан», легко отличить по одинаковым, точно форменным кафтанам из коричневого домотканого сукна с черной суконной простроченной обшивкой по борту. Почти каждого рекрута сопровождает гармония, неразлучная спутница парня во всяких гулянках, что видно из куплетов песни, сложенной про гармонию. Например:

Э-эх, гармошка, матушка,
Лучше хлебца-батюшка:
Я в гармошку поиграю —
И поесть не захочу.

Еще:

Играй, играй, гармонь моя,
Последний день гуляю я,
Последний день, последний час:
Меня в солдатики сейчас.

Большинство рекрутов сопровождают их жены, родители или старшие в семье, так что городской базар выглядит очень оживленным; особенно оживлены трактиры, из которых несутся нестройные пьяные песни рекрутов под оглушительный аккомпанемент нескольких гармоник. На разгул рекруту не жалеют денег и зачастую везут на продажу вовсе не лишнюю муку или овес. Обыкновенно около этого времени экономные городские хозяйки сдерживаются покупать муку, потому что с набором ее появляется больше, чем обыкновенно и цена на нее падает. «Забривают» вынувших жребий на другой день. К обмеру раздевшиеся рекруты идут спокойно, осенясь крестом. Когда раздается слово «годен», так же спокойно, перекрестясь, возвращаются на место. Все это исполняется истово, с полным сознанием законности и неизбежности этого шага: ни отговорок не слышно, ни напряженных шуток, под которыми иногда скрывается затаенная горечь. Все проникнуты важностью момента. Иногда только какой-нибудь рекрут с поклоном обращается к комиссии и благодарит. Может быть, эта благодарность искренна. Часто в семьях встречаются сыновья, «отбившиеся», как говорится, от рук. Дома работать они ленятся и потому ходят по усадьбам, нанимаясь в рабочие. Такие работники — самый ненадежный элемент: у него непременно полюбовница, с которой он вместе пропивает заработок, он ленив, беспечен, нахален и потому такого работника продержишь много неделю, и то по нужде. Ему все равно, а потому он охотно идет в солдаты. Бывают, впрочем, такие охотники в солдаты, которые бегут из дома от слишком сурового отца или от мачехи, словом, от разлада в семье.

Не то происходит во дворе и на площади, куда выходят окна здания. Там толпою стоят родственники забриваемых и с нетерпением ждут рокового известия. Иногда открывается окно и кто-нибудь выкрикивает свое имя и отчество, прибавляя слово «забрит» или «сгорел» и тогда поднимается вой и жалобные причитания женщин. Сами же новобранцы относятся к своей участи довольно равнодушно, стараются быть веселыми и шутками ободряют своих родных.

В тот же день набранные приводятся к присяге и распускаются до 1 ноября по домам. С этого дня новобранцам представляется полная свобода; родные по требованию новобранца покупают водку; у каждого, взятого на службу, по очереди собираются товарищи и устраивают попойки, катанья на лошадях, гулянье по беседам. На последних новобранцам девушки отдают предпочтение, чаще вызывают ходить по песням, одну из которых я прилагаю:

В (имя селения) горка крутая,
Там гуляли молодые рекрута…
Люли, люли, люли,
Там гуляли молодые рекрута.
Их назначили которого куда.
Люли и т. д.

Записали дружка в ратнички
(Имя рек) во начальнички.
Люли и т. д.
(Имя) во начальнички
(Отчество) на самую войну.
Люли и т. д.
(Отчество) на самую войну,
Вы скажите, за какую за вину.
Люли и пр.
За вину — вину не маленькую
За девицу черноглазенькую.
Люли и пр.

Вообще во все время гулянья, т. е. до отправки новобранца на сборный пункт, новобранцы веселятся вовсю: вино льется рекой и зачастую дело доходит до драк: особенно попадает от будущих солдат тем парням, которые вынимали жребий и не попали на службу.
[Часть текста утрачена].

— А сам?
— Самому что плакать: не под нож!.. Да и с товарищами охотно идешь. Провожают на подводах до первого кабака и тут опять вино пьем…
— Значит, честят новобранцев… А по приезде со службы какова честь?
— Ну уж, тогда не та, за работу сажают…
— Сразу?!.
— Ну, недельку дадут отдохнуть… Перва-то по приезде вина купят, старые товарищи придут повидаться, погуляем, да и будет: тут и за дело. С первых-то дней работа не больно ладится, равно как отвык ото всего, а потом через недельку так пойдет, словно и на службе не был… И энергично ударив цепом по сапогам, мой рассказчик, недавний солдат, пошел вместе с другими отбивать мерную дробь по звонкой ладони гумна, как бы желая доказать, что бывшая служба не мешает ему так же лихо исполнять свое коренное крестьянское дело. К сожалению, довольно значительный процент запасных солдат не прививается снова к деревне. Их, как вкусивших заманчивых плодов городской жизни, тянет на чужую сторону, в отхожий промысел. Земля оставляется на попечение семьи, которая иногда нанимает работника в надежде, что сам окупит работника, да еще лишнее пришлет в семью. Но не часто оправдываются надежды семьи: пройдет год, два, получаются денежные письма, на зиму приезжает сам с подарками, а потом зачастую замолкают самые слухи о кормильце семьи и иногда он является домой по этапу, «кладом на дом», как говорят крестьяне. Особенно льстятся на легкую жизнь те солдаты, которые занимали на службе или спокойные нестроевые должности, или служили в местных командах, где, как известно, более легкая служба. Такие идут в половые, в сторожа, словом в такие места, про которые сложилась поговорка: «дела не делай и от дела не бегай».

99. Намеренного уклонения от отбывания воинской повинности почти не случается, кроме очень редких случаев крайне наивного притворства. Так в нынешнем году один рекрут, разинувши рот, с растерянным видом смотрел на заседавшую комиссию, не отвечая ни слова, и всем своим видом желая показать, что он глухонемой. Долго не могли добиться от него ответов, пока, наконец, не спросили про него у соседей. Те заявили, что он — «первый на деревне песенник и плясун»… Другой объявил, что он плохо видит. Определили на испытание в больницу. Боязнь, что его обман откроется, заставила рекрута сознаться в своем притворстве из желания избежать службы. В народе, как я ни расспрашивал, неизвестны случаи уклонения от воинской повинности, особенно через членовредительство. Я вывел заключение из неоднократных моих разговоров с крестьянами по этому поводу, что в народе живет сознание святости этого долга, одинаково обязательного для всех и каждого и, кажется, есть еще чисто практическое соображение — неудобство жить всю жизнь с изуродованным членом после такого короткого времени службы, которое установлено теперь.

Если же и попадаются желающие избегнуть отбывания повинности через долгое безвестное отсутствие, то эти люди относятся к тому разряду людей, которых народ презрительно называет «этапниками».

Корреспондент Андреева Варвара Ильинишна
Солигаличский уезд, Гнездниковская волость, д. Ченцово

Ф. 7. Оп. 1. Д. 608. Л. 4—12

А. Физические и природные свойства крестьян

1. Взрослые мужчины и женщины небольшого роста, довольно худые. Дети мало развиты по летам. Большинство населения блондинки, по типу напоминающие финское племя.
2. Слух сохраняется до глубокой старости. Слепа только одна старуха. Холод переносится легче, чем жара. Зимой случается, что ребятишки выбегают на улицу босые. Женщины часто выходят на скотный двор без верхней одежды и даже в рубахах с открытым воротом. Летом во время полевых работ бывает, что жницы снимают с себя даже рубашки.

Б. Местные условия жизни крестьян

3. **Местоположение.** Деревня Ченцово расположена не правом возвышенном берегу реки Вексы, берущей начало в Чухломском озере и после слияния с речкой Вочей, впадающей в реку Кострому. Деревня Ченцово находится на расстоянии 180 верст от губернского города, считая по проселочной ближайшей дороге (по почтовой — 200 верст) и в 18 верстах от города Солигалича. Приход описываемой деревни — село Лосево — лежит в одной версте. Базар в нем происходит один раз в год — в Смоленскую, 28 июля — и то отличается скудостью товара. Продаются только пышки и сласти, привозимые из города Солигалича. Большие же базары бывают в другом селе, Карцеве (Карцовской волости), в 9 верстах от Ченцова, четыре раза в год: 6 декабря, 9 мая, в десятую пятницу после Пасхи и в Спасов день 1 августа. Продаются скотина, орудия для полевых работ, предметы домашней утвари, огурцы, яблоки, лимоны, грибы. Большинство крестьян отправляется за покупками в город Солигалич, где в летнее время (от Пасхи до 14 ноября) базары происходят по воскресеньям, а в остальные месяцы — по субботам. В Солигаличе есть кожевенный завод Собенникова, куда крестьяне сбывают кожи и ольховую кору для дубления. Корреспонденция получается из Солигалича. Почтовая станция Дор находится в 7 верстах от Ченцова. Земский начальник живет в своей усадьбе Петрове, в 6 верстах от Ченцова. Становой пристав — один в Солигаличе, другой в усадьбе Федулове, урядник — в Солигаличе. Волостное правление находится в селе Гнездникове, в 17 верстах от деревни Ченцово, на большой (почтовой) дороге, не доезжая версты до города Солигалича. Сообщение со всеми этими пунктами производится исключительно лошадьми по грунтовой дороге. До железной дороги (до Костромы) приходится ехать на лошадях. Пароходы идут по реке Костроме только между городом Буем и городом Костромой, и то лишь в весеннее половодье да иногда осенью, если вода значительно прибывает от дождей. В весеннее время пароходное движение сильно задерживается сплавляемым в большом количестве по реке лесом. В город Солигалич пришел пароход один раз, в 1883 году. Это был пробный рейс, но он больше не повторился, так как при поворотах по узкой реке колеса ломались об ивовые кусты.

4. **Что дает земля крестьянам.** Крестьяне сеют главным образом рожь и овес, затем пшеницу (для пирогов) и ячмень (на крупу и на солод для квасу и пива). Урожай в сильной степени зависит от количества вывозимого в поле навоза. Не удобренная земля не родит. Почва — супесок. Одна или две полосы почти в каждом хозяйстве засеваются горохом. Все крестьянские семьи имеют свои огороды, где садят картофель, лук и капусту; свекла и огурцы встречаются у немногих. В весьма незначительном количестве сеется мак и хмель. Ягодных и фруктовых садов не имеется вовсе. Собирают крестьяне черемуху и рябину, растущую около некоторых домов. Лес изобилует грибами, которые сушатся на зиму, а также употребляются и в свежем

20 Заказ № 1133

виде: жарятся или кладутся в похлебку, встречаются в большом количестве серые, подосиновики с красными головами, по местному «боровики», рыжики, сыроежки, сухари, волнушки, опенки и белые грибы, которые сушатся и продаются на базаре в Карцеве. В лесу собирают бруснику, чернику и малину. Земляника в изобилии покрывает косогоры в лугах на припеке. Ребятишки приносят на продажу ягоды и грибы соседним помещикам. Рыбной ловлей занимаются мальчики. В реке водятся: щуки, налимы, сорожки, подъязики, окуни. Рыба и раки оставляются по большей части для себя, только изредка продаются в усадьбы. Охотится на рябчиков, тетеревов, уток и зайцев только один мужик. Он сбывает дичь в ближайшие усадьбы.

5. **Полезные и вредные животные.** Крестьяне держат лошадей, коров и овец. Лошади служат для полевых работ и для возки тесу и дров, коровы дают молоко, которое потом употребляется в пищу, а зимой копится на масло. Впрочем зимой коров по большей части не доят до Великого Поста. Овец стригут обыкновенно осенью и шерсть их идет для валеной обуви. Кожи коров, телят, лошадей и овец продаются на завод или употребляются для себя, для шубняков. В лесах кроме зайцев и дичи изредка попадается рысь, лисица и в единичных случаях лось, встречавшийся раньше в большом количестве. Говорят, что село «Лосево» — приход Ченцова — получило свое название от этого животного. Медведи и волки водятся в лесах в огромном количестве, причиняя вред скотине. Медведей появилось особенно много со времени больших лесных пожаров, бывших в Вологодской губернии в восьмидесятых годах. Лета не проходит, чтобы один, а то и несколько дворов, не потерпели бы от «звиря» — как называют крестьяне медведя. Но на это несчастье смотрят спокойно, как бы отдавая должную дань, говоря: «Бог взял. Видно Богу так угодно». Медведи заедают преимущественно коров, пасущихся на воле. Иногда же от них достается и человеку. Так однажды поплатился пастух, вздумавший отбивать от медведя корову; у одного мужика медведь сорвал ухо, у другого кисть руки и т. д. Народ разделяет медведей на два вида: «овсяник», сосущий овес во время налива, и «муравейник», разрывающий муравьиные кучи. Муравейник крупнее и опаснее овсяника. Животное это очень смело и часто выходит в поле к женщинам. Никто не заботится об истреблении этого опасного животного и не отваживается выступить против него. Только одному мужику, охотнику из села Карцова, молодому парню, удалось убить на своем веку четырех медведей; один раз он шел на него с рогатиной один на один, а в прочих случаях убивал медведей с «лабаза» (так называется помост или просто перекладина, укрепленная между двумя деревьями довольно высоко над землей). На нее садится охотник с ружьем (а иногда два или несколько) и жует елку, чтобы медведь не почуял «человечьего духу». Обыкновенно такая засада устраивается на опушке леса, около овсяного поля или же вблизи задранного медведем животного. В полях иногда с весны появляется «червь» — белая личинка какого-то жука, которая, случается, поедает весь озимый посев. Никаких мер против нее не принимается.

6. **Климатические условия в отношении к крестьянской жизни.** Крестьяне выгоняют всегда скотину в поле в первый раз в Егорьев день, 23 апреля, а запирают на зиму в хлеве 1 октября, в Покров. Пашню начинают в конце апреля или начале мая, смотря по весне. Почтовое сообщение никогда не прекращается, но в распутицу задерживается и доставляется из Костромы в Солигалич через 4 дня, вместо обычных двух. Сенокос начинается обыкновенно 22 июня, за неделю до Петрова дня. Ржаная жнива — 15—20 июля, яровая — с начала августа; ячмень жнется сейчас же вслед за рожью, а затем уже пшеница и позднее всего — овес. Случается, что во время дождливой погоды сено и хлеб гниют на полях. Заморозки часто начинаются уже с октября. Гречиху сеют в начале июля и жнут через месяц. Полевые работы заканчиваются в сентябре. Молотьба начинается часто с половины августа и происходит по утрам, когда в поле холодно и сыро от росы. С полудня же начинается жнива. Зима очень сурова; температура нередко падает до 40 градусов по Реомюру; обыкновенно же бывает 20—25 градусов. Метель никогда не прерывает сообщения, так как поля и луга постоянно чередуются с перелеском.

Г. Общие указания об образе жизни крестьян.

7. Мужики почти все поголовно уходят в Петербург в отхожий промысел в маляры и водопроводчики. Осенью они возвращаются на родину, а с весной отправляются вновь. Бабы управляются с напольными

работами одни. Дома занимаются хлебопечением. Из промышленных растений сеется лен, который не продается, а оставляется для домашнего обихода.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 609. Л. 2—5

98. Воинская повинность. Перед тем как парень отправляется в Солигалич вынимать жребий, в доме его собираются родные — отец и мать, крестные — благословляют его; потом, закусывая и выпивая сами, стараются подпоить и его для храбрости, чтоб «не боязно было». После того, как жребий вынут, новобранец возвращается домой и остается там до дня, в который назначена «перекличка». После переклички он проводит последние дни дома до отправки партий. Казною нанимаются подводы для багажа, сами же новобранцы идут пешком. Родители или родственники часто провожают их до первой станции, а иногда до станции Пречистой Ярославско-Вологодско-Архангельской железной дороги, по которой идут партии.

101. Празднества. В так называемое «луговое заговенье», через неделю после Троицина дня, девушки и «молодухи» собираются из ближайших сел и деревень (ченцовские также) в деревню Новое Самылово, лежащую на самом почтовом тракте, так что большая дорога служит главной улицей, разделяющей два ряда домов. Собравшиеся (их нынче было 36 человек) встают в круг. Каждая из участвующих в хороводе имеет зонтик в руках. У большинства на руках бумажные перчатки, поверх которых одеты гладкие обручальные серебряные кольца (они не считаются принадлежащими замужней женщине или невесте, а часто носятся даже и девочками 14—15 лет) или позолоченные, или с камнями, или в форме змейки; эти последние в особой моде теперь. Девушки и женщины стараются перещеголять одна другую туалетами. Русского костюма нет ни на одной. На некоторых одеты шелковые платья, на остальных непременно шерстяные, но ни в каком случае не ситцевые; у кого же такого платья нет, те ни за что не решатся встать в круг и остаются «по за кругу» в качестве зрителей. На двух — трех девицах — платья со вкусом сшитые и согласующиеся с современной модой. Одна из них — дочь богатого крестьянина, торгующего мясом в Петербурге, другая — местного мельника. У большинства наряды очевидно долго лежавшие в сундуках, старомодные и помятые, хотя и чистые. На плечах накинуты, у кого шелковые узорные, у кого гладкие платки «полушалки» или шарфы. В голову кто воткнул цветок, сделанный из материи, а то и просто из бумаги, кто какие-то странные шпильки, булавки и эгретки. Волосы у всех сильно напомажены, у немногих даже завиты. Платков на голове нет ни у одной. Мужчины совершенно отсутствуют не потому, что это так принято, а потому, что все они, кроме стариков и детей, отправляются с Великого Поста в отхожий промысел. Когда собралось достаточное количество человек, запевала неимоверно высоким, пронзительным, точно сдавленным и в то же время громким голосом начинает петь:

Ивушка, ивушка зеленая моя,
Что же ты, ивушка, не зелено растешь,

— подхватывает хор и продолжает.

— Не лазорево цветешь?
Как же мне, ивушке, зеленой быть?
Как же мне, ивушке, лазоревой цвести?
Сверху меня, ивушку, солнышком печет,
А сбоку меня, ивушку, дождичком сечет.
Под корешок ключева вода течет.
Уехали бояре из Нова-города,
Срубили ивушку под самый корешок.
Рубили-порубили на мелкие кряжи,
Тесали-потесали на тонкие доски.
И сделали из ивушки звончатые гусли.
Кому же в эти гусельцы играть будет.
Играть-поиграть Егору молодцу,
Играть-поиграть Терентьевичу,

Тешить-потешить Алену-душу,
Тешить-потешить Сергеевну.
Не плачь-ка, не плачь, Алена-душа,
Не плачь-ка, не плачь, Сергеевна.
Я ль тебя, Аленушка, не силой брал,
Вперед себя к тебе людей посылал,
А после людей к тебе сам приезжал,
Тебя, Аленушка, увез.

Молодая, имя которой упоминается в песне, выходит в круг и кланяется на все четыре стороны. Таким образом перебираются все находящиеся налицо молодухи. Затем под звуки той же песни выходят в середину круга по две девушки, стоящие рядом; они обходят друг друга один или несколько раз, берутся за обе руки и держась таким образом возвращаются на место. Следующая пара проделывает то же самое. Когда очередь переберет таким образом всех присутствующих, то весь хоровод начинает делать круговое вращение под аккомпанемент песни. Этим и кончается веселье. Многие расходятся по домам, а некоторые отправляются к кому-нибудь в гости в той же деревне.

Корреспондент Колосов Николай
Солигаличский уезд, Чудцовская волость, д. Печеньга

Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 2—8 об.

А. Физические природные свойства крестьян.

1. Рост не много более среднего, довольно коренастые (мужчины).
2. Острота зрения и слуха не представляет ничего особенного. Как переносят крестьяне холод, показывают следующие факты. Весной, лишь только вскроется река, когда еще кругом везде лежит снег, они не редко вынуждены бывают работать в воде выше колен и потом, выскочивши на снег, как ни в чем не бывало, с промоченными насквозь ногами, продолжают работать. Целый день лапти и онучи их мокры. Правда многие из них страдают ревматизмом ног. В прошлом году в феврале месяце в течение двух суток термометр Р. показывал:

7 час.	1 час. д.	5 час. в.	11 час. в.
—36,5	—23	—21	—33
—33,5	—21	—18	—14

Они работали в лесу, нисколько не изменяя заведенного порядка, т. е. выходили и выезжали на работу часов в 5—6. В летнее время, когда в теле 25 Р. [так в рукописи], они косят, жнут и вообще исполняют все свои работы. В окнах домов, за немногими исключениями, в видах экономии вовсе нет зимних рам, двери же часто плотно не притворяются, и вот в таких избах живут люди и грудные младенцы. Они находят вполне обыкновенным, если даже и родильница лежит где-нибудь тут же на лавке, около окна, и ничего, остаются живы. В страшные 25—20-градусные морозы, в ужасные вьюги, когда становится жутко даже в комнате, школьники все-таки в своих жалких зипунишках бредут по колена в снегу в училище — за версту и даже за две; говоришь им, чтобы в такую погоду не ходили в училище, но родители посылают, говорят они.
В отношении выносливости к физическому труду ничего замечательного не представляют, летом встают часов в 4—5, работать отправляются около 6—7 часов. Особенно рано встают во время молотьбы, продолжающейся 1—1 ½ месяца, часа в 2—3 и молотят с фонарями. В зимнее время, ложась спать часов в 8—9—10, последнее впроч. редко, крестьяне встают в 5—6 часов, т. е. на сон уделяют от 8—10 час., в среднем число рабочих часов в сутки, за исключением периода молотьбы, не превышает 12, в зимнее время меньше.
Количество тяжести, какую может унести крестьянин, напр. с гумна в амбар, т. е. приблизительно 50, 70 саж., около 3 пуд. мужик и около 2 пуд. женщины.

Б. Местные условия жизни крестьян

3. Местоположение

Дер. Печеньга, в которой я живу, расположена на правом берегу р. Костромы. Домов считается в ней 91, душ — 270 муж. и ж. п. С севера и запада ее окружают леса, с севера до первой деревни считается 12 в., а на западе до ближайшей дер. не меньше 40 в., леса начинаются на расстоянии ¾ — 1 в. от деревни на восток; на противоположном берегу реки тоже находится небольшой лес, который в последнее время значительно вырублен, и до ближайшей дер. считается 3 в.; только на юг на довольно значительном пространстве (10 в.) лесов нет, хотя по сторонам, особенно к западу, есть сравнительно большие леса. Местность ровная и сухая. Расположена, хотя и несколькими улицами, но довольно бестолково, так что надо пожить некоторое время, чтобы догадаться, что это улицы. Одной стороной примыкая к реке, она образует вид полукруга. Около находятся овины и амбары. От губернского города (Костромы) — 155 в., уездного — 66 в. (Солигалич). От приходской церкви — 4 в., до ближайшего села — 12 в. Базары в нем бывают 5 раз в году: 12 дек., 15 мар., в июне, в авг. и 25 сен[тября]. Вообще расстояние до ближайших городов такое: до Буя — 55 в., Грязовца — 90 в. Ближе губер[нского] города фабрик, кажется, нет, а потому и заработки ограничиваются лишь лесным промыслом, т. е. нанимаются на зиму к хозяевам рубить лес. Расстояние до почт[овой] станции ст. — 55 в., земс[кий] начальник. 65 в., становаго пристава — 45 в., урядника — 33 в.. Волостное правление находится в самой деревне. Путями сообщения к этим местам служат обыкновенные проселочные дороги, иной раз делающиеся совершенно не проездными и не проходными. Железная дор[ога] ближайшая находится во Грязовце (90). Шоссейных дорог, кажется, во всей губернии нет. Р. Кострома становится судоходной и то в полую воду для небольших пароходов только в Буе (55).

4. [Что дает земля крестьянам]

Крестьяне сеют озимую рожь, овес, ячмень в небольшом количестве, горох и лен. Особенно для них необходимы рожь, овес и лен. Последний идет частью на продажу в виде кудели и холстов, частью для домашнего употребления.

Вследствие плохого качества и будучи истощенною, почва требует усиленного удобрения. Между тем скотоводство у них весьма слабо; на душу — две держат лошадь, корову и 2—3 овец, а у многих нет или лошади или коровы, поэтому и удобрения бывает крайне недостаточно, да к тому же и способы удобрения крайне не рациональны. Вывезут на поле навоз, разложат его в маленькие кучи, да в таком виде он и лежит на полосах недели по полторы, по две, пока не вывезут со дворов весь навоз. В эти 1—2 недели он высохнет, выветрится весь, и земле останется одна солома. Кроме того и самый навоз при недостаточном количестве скота и при отсутствии лошади, которая в течение всей зимы находится в застое, т. е. в лесу с хозяином, вывозится на полосы в самом ничтожном размере. Следствием этого является то, что земля родит все хуже и хуже и редкий крестьянин в состоянии пользоваться своим хлебом круглый год; но большая часть уже с Рождества или Масляницы начинает пробавляться покупным хлебом. На неудовлетворительность урожаев влияет инертность и невежество самих крестьян. Они вовсе не имеют обыкновения переменять семена. Из разговоров с ними я узнал, что многие вовсе не обновляли семян, а у других они имеются годов 12—25—20 и, конечно, хлеб родится хилый.

Садов вовсе не существует. Около редкого дома увидишь даже черемуху или рябину; о ягодных кустах и говорить нечего. Около домов находятся миниатюрные огородчики в несколько квадратных сажен, где они садят лук, морковь, редьку, свеклу и огурцы, последнее не все. Капусту, брюкву и репу садят в особых огородах. Картофель, которого делают большие запасы, сажают в поле. Вообще все огородничество ведется самым примитивным путем; поэтому и выгода от этой отрасли хозяйства получается весьма ничтожная.

Напр. качан капусты получается не больше 2 ф., да и то горький и серый; огурцы редко кто солят на зиму, потому что родится весьма мало; вообще, за исключением капусты в соленом виде, редьки и брюквы, запасов огородных продуктов на зиму не делается, а лакомятся ими только весною. Хотя при умелом уходе за огородом, на такой же точно земле, мой учитель сосед, занимаясь огородничеством первый год сумел вырастить, напр. капусту в 13 ф. весом.

Кроме дров, крестьяне дерут бересты, из которых и плетут себе лапти. Грибной промысел как предмет продажи здесь не существует, потому что их родится вообще не много, даже для местного населения оказывается мало.

Другое дело ягоды — брусника и клюква. Некоторые насбирают мер по 40 — 60 — 70 и продают по 50 к. — 1 р. за меру брусники и клюкву 2 к. ф. Охотой занимаются не многие. Предметом охоты служат белки и медведи, из птиц — утки, глухари, тетерева. Выгода от охоты не велика, потому что настоящих охотников нет, а занимаются ею только между прочим, в свободное от полевых работ время, в зимнее же время почти все мужское население нанимается лесопромышленником рубить лес.

5. [Полезные и вредные животные]

Из домашних животных здесь держат лошадей, коров и овец; свиней держат в небольшом количестве и то больше для собственного употребления. Скотоводство существует здесь не как торговая статья, а как необходимая принадлежность земледелия, дающая удобрение и пищевые продукты (мясо, молоко), овцы, кроме того, дают шерсть, из которой ткут сукна для себя и приготовляют валеную обувь.

6. Климатические условия в отношении к крестьянской жизни

Скотину пускают в поле во второй половине апреля; пахать начинают в первых числах мая. Время распутица дня на 4—5 совершенно изолирует нашу деревню от всех остальных деревень; конное сообщение прерывается недели на 2—3.

Косить крестьяне начинают в июне, 25—30 числа; время жатвы — 1 авг. а яровых хлебов после Успеньева дня; жатву обыкновенно оканчивают около Воздвиженья, хотя количество (овин — 500 сноп.) бывает в среднем у крестьян 6—10, разумеется, есть хозяева, у которых число овинов доходит до 30 и даже 35, но таких хозяев в нашей деревне нет.

В 1897 г. напр. первые заморозки были 21 и 22 сентября, даже снег шел и поэтому картофель убирают в первых числах сентября, гречиху не сеют. Вообще во второй половине сентября все полевые работы совершенно прекращаются, даже молотьба в это время подходит к концу, так как и жнут, и молотят в одно время.

По моим личным наблюдениям средняя температура зимы в 1896 г. была — 10,833.., [так в рукописи] в 1887 г. — 9,762 по Р. В 1896 г. число дней, в которые мороз превышал 20, равнялось 12, в 1897 г. тоже 12 дней, нынче 5 дней. Мятелей в 1896 году 17, в 1897 г. — 21, нынче 7 дней. Бури чаще встречаются под вечер, а к утру погода стихает — это я не записываю (что делаю в 12 ч. дня), поэтому число мятелей, показанных здесь, не совсем точно. Выставленная здесь темпер. показана здесь по наблюдениям в 7 ч. у. Таких мятелей, чтобы совершенно прекратить сообщение, здесь не бывает.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 616. Л. 9—10 об.

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю.

8. Крестьянские сходы.

В этом отношении дело у нас поставлено на строго законную почву, так что на эту тему сказать нового много не могу. О всякого рода сходах оповещает десятский. Сходы делаются или по требованию старосты (сельские, селенные) или по требованию нескольких хозяев (селенные) или по требованию вол[остного] правления т. е. старшины (сельские, селенные) или по требованию земского начальника (волостные сходы).

Нельзя сказать, чтобы крестьяне вообще охотно шли на всякого рода сходки. Случаи уклонения у нас не редки; в таких случаях не явившиеся лица штрафуют. Напр., один крестьянин, не явившийся на селенный сход, был оштрафован на один рубль. Идут они на сход в чем попало. Как женщины, так и вообще посторонние лица беспрепятственно допускаются на сходы. Кроме того женщины, заменяющие главу семейства, имеют на сходах право голоса. Но женщин на волостных сходах мне не случалось видеть. Крестьяне не стесняются являться на сходы в пьяном виде, в этом случае их не удерживает даже и присутствие земского начальника. Сходы у нас вообще часто бывают, устраиваются под открытым небом, на улице.

Поводы для сзыва схода весьма разнообразны. Тут на сходах происходят выборы должностных лиц, учет старшины, старост, раскладка повинностей, исправка дорог, мостов, поверка хлебных магазинов, починка общественных зданий, дела об опеке, по наделению землей, отдача в аренду общественных участков и пр. пр.

Право голоса на всех вообще сходах дается лишь тем домохозяевам, которые имеют надельную землю. Старики, сдавшие свое хозяйство сыну или зятю, совершенно игнорируются, на сходах хотя бы в качестве зрителей я их не видывал. Решения схода тогда законны, когда на нем присутствует сельский староста. Напр., был такой случай. Местный священник подговорил крестьян одной деревни Дьяконова составить приговор на открытие у них школы грамоты. Приговор составлен и подписан старостою. В результате — штраф земского начальника старосте за то, что он подписал приговор не будучи в то же время на сходе и не открывая его, а участникам схода сделано внушение за самовольное устройство схода.
Поведение крестьян на сходе у нас характеризуется словом: «горланят». Действительно первым атрибутом схода является крик и гам. Каждый старается перекричать друг друга. Грубая брань и насмешки служат единственным способом доказательств. Но все-таки дела решаются большинством голосов, и как не были возбуждены…

Ф. 7. Оп. 1. Д. 615. Л. 1—11 об.

… их страсти, они в состоянии выслушать спокойно совет, данный лицом уважаемым или таким, которого они считают компетентным в решении данного вопроса.
Влияние более зажиточного мало заметно. По уверению здешнего писаря только в одной деревне из всей волости находится крестьянин, пользующийся почти неограниченным влиянием над своими однодеревенцами. Уважения к нему соседей так велики, что ни один парень не обругается в его присутствии. Не будучи знаком с ним, я не могу объяснить, чем собственно он приобрел такое влияние.
Нередко при выборе должностных лиц, напр. старшины, старост, судей и пр. большое значение имеет взгляд на избираемое лицо земского начальника. Он прямо говорит перед началом выборов, что таким-то должностным лицом доволен, а потому и советует выборным опять их избрать. В большинстве случаев крестьяне так и делают. Или указывает на новое лицо, которое, по его мнению, достойно занять известную должность. Но это, кажется, единственный случай, где крестьяне позволяют вмешиваться в свои личные дела, хотя и своему начальнику, но лицу все-таки постороннему. Во всех других случаях крестьяне очень ревниво оберегают свои права, доходя до упрямства. Иллюстрацией чего служит следующий факт. Года 2 тому назад в с. Демьяновском нашей волости построено было новое здание земского училища, которое ранее помещалось в церковном доме. Училищное здание было выстроено только поодаль от других строений, на земле, служащей исключительно для выгона скота. Учитель, любитель огородничества, на сходе попросил у них земли под огород. Крестьяне согласились дать ему около 1 дес. Когда приехал волостной писарь для составления приговора, крестьяне вдруг объявляют ему, что 1 дес. не могут (селение состоит из 100 слишком дворов), а если хочет учитель, так пусть довольствуется меньшим. Причиной этому были неприязненные отношения старшины и председателя волостного суда, живущих в том же селе, к учителю и его родным по жене людям тоже довольно состоятельным, а тесть его был даже старшиной около 6 лет. Учитель обратился к помощи земского начальника, который горячо принял это дело. В первый же свой приезд призывает выборных и убеждает их удовлетворить просьбу учителя, доказывая, что это их не разорит и выставляя на вид ту пользу, которую принесет как их детям, так и им самим рациональное ведение огородничества, но на все доводы крестьяне, стоя без шапок, и с самым смиренным видом отвечали одно: не многим, Ваше Высокородие, потому общество нас не уполномочило. Делать нечего, земский начальник сам поехал в село за 35 в.
Там та же история: земля, мол, там хорошая, хоть и низкая, а чернозем, приходится и нам, потому народу становится больше. Земский начальник рассердился и велел всем домохозяевам явиться в правление. Здесь он продержал их целый день, надеясь, что они образумятся. Посылал убеждать их и старшину, и писаря. Ничто не действует. «Так пришел меня учить», — в гневе закричал начальник.
Крестьяне на словах вместо обещанной десятины дали что-то около 900 сажен.
Поля крестьян дер. Пензина были неудобны в том отношении, что были растянуты слишком в длину: одно поле 3 вер., другое — 4 вер. при незначительной ширине. Крестьяне много раз хлопотали перед начальством и сами и через посредство земского начальника, о нарезке или по крайней мере обмене на прилегающую к ним казенные дачи. Наконец одному из этих проходимцев удалось достигнуть того, что им вышло разрешение

из Сената нарезать 600 десятин земли. В это время земский начальник ходатайствовал перед управлением казенными имуществами о радикальной поправке дороги, пролегающей по казенной даче на протяжении 4 или 5 верст. Командированный означенным управлением лесной ревизор для исследования дороги нашел, что для осушки дороги необходимо расширить ее, для чего нужно было вырубить по сторонам лес. Означенный участок дороги находился в 3,5 верстах от д. Пензина. Управляющий казенной палатой предложил крестьянам означенной деревни взять на себя вырубку леса с тем, чтобы весь июль в их подводу, т. е. плату производили тем лесом, который получился бы от вырубки по сторонам дороги. От крестьян требовалось только, чтобы лес был убран во время и не было валежнику. Крестьяне отказались.
Это так возмутило управляющего, что разрешение о нарезке 600 дес. земли благодаря ему было отменено. Расчистку дороги взял с торгов один крестьянин, кажется, из той же деревни и нажил 1500 р. кроме дров. Увещение и убеждение земского принять предложение палаты не имело успеха. Описанный случай я слышал от самого земского начальника.
Исполнения решений сходов возлагается на волостное правление т. е. писаря и старшину. Поведение мужика на сходе резко отличается от поведения его в обычной жизни. На сходе крестьянин чувствует свою силу, он смотрит самонадеянно и смело, хотя бы тут и находилось начальство. Он может грубо ответить своему ближайшему начальнику — старшине или писарю. Авторитетом власти тут ничего не поделаешь, тут нужна хитрость, если хочешь чего достигнуть. Мир — великая сила — говорят, против мира не пойдешь. Каждый замухрышка делается смелым по отношению к человеку постороннему, хотя перед своим товарищем на сходе может и лебезить. Он чувствует, что за ним стоит мир. Оскорбить его — значит оскорбить мир. В обыкновенное время он раболепствует — на сходе отнесется запанибрата, пожалуй, и покровительственно. Толпа крестьян, встретившись где-нибудь на дороге, первая снимает перед Вами шапки, но та же толпа, собравшись на сходе, или просто на улице от нечего делать освищет вас, если вы первые не снимете шапки. Староста, писарь, старшина всегда первые отдают такой толпе поклон. Но в отношении к высшему начальству чиновному, разумеется об этом не может быть и речи. Пока начальство не позволит, весь мир стоит без шапок.

Власти. Отношение их к крестьянам

9. **Земский начальник.** Отношения земского начальника к населению можно назвать официальными. Лично с ними в сношения он входит только тогда, когда приходится судить. Обыкновенно действует приказами через волостное начальство. Заботится о развитии среди населения грамотности. По его инициативе земское уездное собрание ассигновало для покупки волшебного фонаря и картин 100 р. на 2 училища в его участке. Когда приезжает земский начальник, то осматривает и больничный покой, находящийся в ведении фельдшера. Приезжает же он обыкновенно раз в месяц (от его квартиры 65 вер.). Крестьяне его сильно побаиваются, а без нужды не идут к нему. Напр., в первый раз, когда он пил у меня на квартире чай, прислуга моя, местная баба, спряталась на чердак и не показывалась все время, пока он сидел. Раз к нему подошла женщина и что-то спросила о его семействе, то все, находившиеся тут не знали, как удивляться ее смелости. Она ранее служила у него. Неизвестно — обращается ли к нему кто за советом, но если представится возможность, пользуются на его счет охотно. Напр., он поручил писарю купить для него осенью брусники. С него взяли много дороже, нежели она стоит на рынке. «С кого и взять, как не с него», — прибавил мужик.
В хозяйственные дела крестьян земский начальник редко вмешивается. Только раз в три года оштрафовал одного мужика за недоморачительство т. е. за пьянство и леность.
Исправник посещает нашу местность чрезвычайно редко. В течение трех лет был всего 2 раза. Проезжая в последний раз вместе с воинским начальником, увидал толпу крестьян, человек в 100, собравшихся возле волостного правления по случаю заключения контракта с одним из лесопромышленников.
«Это что за народ», — еще сидя в экипаже грозно закричал он. Вышедший на крыльцо для встречи старшина объяснил в чем дело. «Староста, — обратился он к одному из мужиков с медным значком на груди, — ты им дай только понюхать деньги и чтобы весь задаток был зачислен в оброк». «Ваше высокородие», — начали было некоторые из мужиков. «Молчать — под арест посажу». Становой является или за сбором поземельных денег, или для составления протокола об уголовных делах, убийстве, грабеже, краже и т. п.. Весной кроме того он приезжает для проверки сплавного леса и выдачи билетов на сгон. Приезд его особенного впечатления

не производит. Урядника игнорируют и без церемонии говорят ему «ты». Те, которые посостоятельнее называют его Абрамыч. На должность сотского и десятского избираются люди захудалые, бедняки. Крестьяне иногда пользуются этим, чтобы сорвать с какого-нибудь хозяина вина. Например, сход избирает в сотские или десятские мужика из зажиточных; каждый такой мужик считает для себя унизительным взять эту должность, и вот он ставит миру ведро вина. Мир напивается и выбирает другого. В случае необходимости мужик часто нанимает за себя другого. Особенно неохотно идут крестьяне в сотские, так как каждый из сотских по неделе должен дежурить в квартире станового. Десятского созывает крестьянин на сход. Представителем волостного правления является старшина. Он является посредником между населением и начальством как исполнитель его приказаний, а не самостоятельная власть. Нередко впрочем сажает он собственной властью под арест тех, кто грубит, а также за недоимки. Точно так же старшина является исполнителем приговоров волостного суда.

Гораздо более значения для волости имеет волостной писарь. Старшина является скорее номинальною властью, а фактически волостью управляет писарь, в его же руках находится и судебная власть. Старшина и председатель суда только подписывают бумаги, которые им подкладывает писарь. Раскладка повинностей, наложение наказаний исключительно зависят от писаря. Учет должностных сельских лиц также без него не обходится.

Сельский староста в отношении ведения денежных книг находится в полном рабстве у писаря. Многие из них совсем безграмотны, а между тем им нужно выдавать квитанции в получении взносов со стороны крестьян, вести бухгалтерию. На помощь является писарь. Разумеется, это им обходится не даром. Что касается отношения их к крестьянам, то они подобно старшине, сажают под арест: за недоимки, драки, пьянство и т. п. На обязанности старосты находится сбор денежных повинностей. За недоимки могут также описать имущество, чем иногда и злоупотребляют.

10. Отношение крестьян к упомянутым властям зависит от личных качеств их. Прежнего старшину, напр., крестьяне уважали, теперешнего — нет. Он не раз даже был бит. Один мужик целую версту за ним гнался со сковородником и порядочно поколотил. Нынче парни одной деревни велели сказать ему, чтобы на Парасковин день (28 ок.) он исповедовался. В это время бывает по всему приходу праздник около недели, и парни хотели его поколотить. В это время по делам службы он к счастью должен был жить в г. Солигаличе. Поводом к такому грозному предостережению послужило следующее обстоятельство. Будучи в одной деревне на празднике он, рассердившись за что-то на одного парня, втолкнул его в кучу дерущихся пьяных парней со словами: бейте, ребята, в мою голову. Озверевшие и опьяневшие парни, разумеется, избили беднягу. Тот подал жалобу. Теперь ждут следователя. Вообще нынешний старшина — человек довольно не трезвый и в пьяном виде любит показать свою власть, за что его и не любит население. То же можно сказать и про сельских старост. Иные старосты пользуются уважением, других же, напротив, совершенно игнорируют. Надо сказать, что наши мужички не особенно церемонятся со своим начальством, если оно злоупотребляет. Особенно в праздники, когда большинство напивается. Напр., на масляной: среди бела дня бросили в спину писаря палкой, когда он катался по деревне. Брань в глаза, укоры встречается довольно часто. Приезд в правление земского начальника происходит торжественно. Накануне начинается тщательная чистка правления. Если это бывает летом, то стараются, чтобы в приезжей дворянской, т. е. той комнате, какая в наших местах специально устраивается в каждом волостном правлении для приезжающих чиновников, не было мух и др. насекомых. В день приезда волостной двор чисто выметается. В правлении собирается толпа назади — это те, которые должны явиться на суд к земскому. Старшина и старосты ближайших обществ также должны находиться в правлении. На дорогу посылают рассыльного сторожить. Послышался звон колокольчиков и тройка въезжает на двор. Крестьяне уже стоят без шапок шпалерами по обе стороны крыльца. Старшина тотчас же подходит к тарантасу и под руки бережно высаживает своего начальника. На крыльце, вытянувшись в струнку, стоят старосты с писарем. Не кланяясь, земский начальник прямо проходит в приезжую, куда следом за ним идет старшина, докладывает о состоянии волости и получает нужные приказания. Затем после чаю земский начальник приступает к разбору дел по прошениям, на его имя. Вечером бывает ревизия книг. На другой день он уезжает. Если есть свободное время, осмотрит больничный покой, зайдет напиться чаю к акушерке или учителю. Приезд других уездных властей не так параден.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 614. Л. 5—11 об.

Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам

Купля и продажа

184. Торговля. Предметом торговли, совершаемой через посредство скупщиков служит скот, лен и яйца. В нашей местности существует два типа скупщиков: свои и приезжие. Местными скупщиками являются торговцы, которые скупают у крестьян лен и яйца, частью за деньги, а больше за долг или за товар. Обыкновенно торговец, ездя за товаром в губернский город, заранее справляется, по какой цене идет на рынке известный товар. Сообразно этому он назначает и цены. Напр. в прошлом году 1 п. чесанного льна скупщики торговцы брали по 4 рублей. Таких скупщиков в нашей местности не много — 3—4 человека, следовательно этот вид торговли имеет характер монополии, что служит только интересам скупщиков. Яйца летом покупают по 6 к., осенью в сентябре 8—9 к. Впрочем, продажа льна производится в небольшом количестве: один из главных скупщиков в прошлую осень скупил всего пудов около 100. Скупленный лен отправляют в Кострому или в Ярославль.

Приезжие скупщики, посещающие нашу местность осенью, покупают исключительно скот и преимущественно яловых коров, дойных никто не продает. Эти скупщики устанавливают и цены на коров. До прибытия их редкий хозяин продает корову, боясь получить меньше: покупка скота скупщиками производится на чистые деньги, редко на обмен.

Мелкие разносчики, называемые труньщиками (трунье — тряпки) посещают круглый год, особенно же осенью и зимой. Предмет их торговли: иглы, гребни, булавки, поясья, нитки крученые — красные, мыло, тесьма, крендели, пряники и др. разные мелкие дешевые вещи. Труньщик останавливается среди деревни, открывает свою лавочку т. е. сундук и посылает своего подручного, если таковой есть, кричать по улице: мыло, пряники, булавки. Скоро его окружает толпа баб и мальчишек. Торговля здесь производится меновая. Бабы несут пучки льна, семя льняное, яйца, ненужное тряпье и т. п. Труньщик ничем не брезгует — все берет. Фунт тряпья, кажется, оценивается 1 к. Бабы берут толок, ниток красных, лент, тесьмы, булавок, мальчишки, являющиеся также крупными покупателями (в общем итоге), так как каждый постарается утащить у родителей что-нибудь из тряпья — покупают пряники, конфекты и т. п.

Базаров в нашей местности нет. К числу разносчиков следует отнести и татар, которые ходят, а иные на лошади ездят по зимам. Татары торгуют не только мелочью, но и красным товаром: платки разного сорта, ситец, шали, кружева, скатерти, даже готовые мужские рубашки (вышитые по канве) и шаровары. Продают только на деньги.

Ярмарок в нашей местности в течение года бывает 5. Характер ярмарки находится в зависимости от времени года. В сентябре напр. преобладает скот — лошадь и коровы, в марте хлеб и коровье масло, летом бараны, телеги, сохи и др. земледельческие орудия. Ярмарки эти бывают весьма многолюдны, вследствие отдаленности от городов и др. торговых пунктов. Народ начинает ехать уж с полночи. В 8—9 час. утра ярмарка в полном разгаре. Многие успеют напиться и подраться. Вот напр. картинка на мартовской ярмарке. Возле огородов и по дороге в несколько рядов стоят крестьянские повозки и настолько тесно, что между ними трудно пройти. Раскинут полотняный балаган, возле которого грудами навалено коровье масло, которое навезли для продажи крестьяне. Двое мужиков едва успевают вешать, каждой бабе хочется поскорее продать и получить деньги. Напротив через дорогу расположились торговцы с постным маслом. Идет великий пост, и потому около них тоже порядочная давка. Дальше на снегу разложены горшки, чашки, подойники, кувшины и т. п. глиняная посуда. Напротив расположились продавцы с белой глиняной и жестяной посудой: тарелки, кружки, подносы, рюмки, графины, тут же игрушки, ножи, вилки, а за ними торчат шалаши со сбитнем и пышками. Если спуститься вниз, то увидишь несколько Владимирских офеней, которые разложили свой размалеванный товар самым заманчивым образом. Торговля идет не дурно. Один покупает за 50 к. образ св. Николая, другой прельстился картиной Страшного Суда, третий роется в книгах, стараясь выбрать для своего сына книгу с более яркой обложкой и замысловатым заглавием. Тут покупают не только взрослые, но немало есть и мальчуганов. Недалеко за столом виднеются груды деревянной посуды: ушаты, ведра, лукошки, корыта, решета и пр., а там — сани, пошовни, дуги. Далее — более чистый товар. Сначала идут балаганчики

с мелочным товаром: пуговицы, нитки, закуски, пряники, орехи, крендели, табак, спички и пр. Но вот главная приманка ярмарки — это груды мешков с ржаной мукой. Около каждого торговца стоит по несколько покупателей, из которых каждый старается выторговать хоть 5 к., а потому прежде чем купить мешок муки, он обойдет все балаганы с мукой, везде прицепится и везде поторгуется. Затем красные ряды, тут уж царство баб. Каждая старается купить себе на великий праздник хоть какую-нибудь обновку. У бедных баб от множества алых лент, красного кумача, ярких платков — просто дух захватывает. И та вещь хороша, и эта тоже, и потому она старается каждую вещь поторговать, посмотреть несколько раз, а в конце концов перейдет в соседнюю лавку, где повторится та же история. Она не смотрит на то, что купцы острят на ее счет, а иной посердитее и обругает. Еще дальше — сапожный ряд. Есть сапоги и с красными отворотами (детские), и с черными лакированными, с бураками и без бураков, с набором и без оного, черные, белые. Тут степенно ходят мужики с своими мальчуганами и тщательно осматривают и примеривают кожаный товар. В воздухе носится какой-то гул, гам. На эти ярмарки приезжают крестьяне вер. за 40—45. Торговцы приезжают из ближайших торговых сел и из гор. Буя. Вообще наш крестьянин, кроме хлеба для своего домашнего обихода почти все покупает на стороне, именно: чай, сахар, муку белую, горох, затем: сани, сбрую, веревки, корыта, лукошки, корзины, чашки, топоры, ножи, косы, серпы, ковши, горшки, деготь и пр.

185. Промыслы. Главным промыслом в нашей местности является рубка леса у лесопромышленников, затем следуют: отхожий промысел — в СПб. и Москве, маслоделие и плетение лаптей. За исключением лесного промысла, остальные занятия не имеют большого значения в экономическом быту крестьянина, так как составляют единичные случаи в массе населения. Напр. в нынешнем году выдано вол[остным] правлением на отхожие промысла 120 паспортов, половина которых приходится на долю женщин. При этом в Питер и Москву идут по большей части люди одинокие, отказавшиеся от земли. Там они делаются малярами, водопроводчиками, столярами. Женщины поступают в услужение. Маслоделие у нас двух родов: выделка постного масла (что-то около 3 заводов в волости) имеет местное значение и выделка из молока сыра и маслов: сливочного, чухонского и пр. Таких заводов в волости 2. Производство продуктов из молока производится машинным способом. Есть еще одна медно-чеканная мастерская, работает больше на церкви. Плетение составляет также скорее побочное занятие, нежели специальное. Этим занимаются люди, неспособные к более тяжелому физическому труду. Пара лаптей стоит 10—12 к. Фабрика от нас далеко, извозом не занимаются, потому что нечего и некуда возить. Условия обыкновенно заключаются только при найме лесопромышленниками для рубки леса. Для примера привожу здесь буквальный текст 2 условий, заключенных и засвидетельствованных волостным правлением. Орфография условий оставлена та же, что и в подлинниках, писанных волостным писарем.

«1898 года Сентября 10 дня, я нижеподписавшийся доверенный Московского купца Егора Яковлевича Бабушкина — его родной брат Василий Яковлевич Бабушкин, заключил настоящея условия с нижеподписавшимися крестьянами и в следующем:

Мы все нижеподписавшиеся крестьяне числом на [цифры в рукописи отсутствуют] лошад. в предстоящую зиму 1898/9 г. г. подрядились производить выработку и вывоску на сплав леса из его Бабушкина дачи 4 части, лес следующих размеров и по нижеследующей цене:

12 арш. от 4 верш. и толще по		25 коп. за дерево
16 арш.	—	35 коп.
18 ар.	—	40 коп.
21 арш.	—	50 коп.
24 арш.	—	70 коп.
27 арш.	—	85 коп.

27 арш. от 5—7 вер. за каждый лишний верш. толщины 5 коп. прибавки, 27 ар. от 7 в. и выше цена за дерево 1 рублей 10 к. Кошмы (плоты дровяного леса — мое замеч[ание]) длиною 12 ар. и шириною 12 ар. толщиною от 2 ½ вер. и выше, выкладка вышиной, исключая повор один аршин арш. и один вершок ценою за каждую кошму по 27 руб., при этом повалка кошемнаго леса — на счет Бабушкина. Березовый кошемный лес класть с сосновым и еловым лесом вместе пополам, еловый вниз 2 ряда. Лес липовый и сухоподстойник класть в кошмы, весь вышеупомянутый лес должен вывозиться в полой (маленькая речка или ручей, впадающий

в р. Кострому, собственно говоря устье — мое замеч[ание]). Колногор и сплотить его в самом лучшем виде, так чтобы у четочнаго леса было на каждой однорядке в кошентах по три прохватки, а в вершинах по две прохватки, а у двоеплота по 4 прохватки в каждом ряду, а на каждой кошме чтобы в обоих рядах восемь прохваток, у четочнаго леса должны быть [неразборчиво] откружены и сосновый с еловым должен класться поровну, а на всем сплоченном и уделанном лесе должно быть запасу по две кочеры по два ухвата, по две сваи, по 4 заворотыша и 4 клячи на каждом плоте и на каждой кошме, у всякаго плота и кошмы чтобы нижния поворы были не тоньше 3 вершков в вершинном отрубе. Весь вывезенный лес мы вывощики обязаны согнать до г. Буя (60 в. сухопутьем — мое замеч[ание]), где и сдать г. Бабушкину или его доверенным. Выдача денег должна производиться через каждыя 2 недели с удержанием 40 коп., с заработанного рубля, окончательный расчет при сдаче всего леса в гор. Буе, при написании сего условия мы вывощики получили на каждую лошадь задатку в счет работ по 10 руб. Проезд всецело через чужия владения лежит на ответственности вывоцковь, при повалке леса на полой г. Бабушкина, мы вывощики уплачиваем ему, за полой по 1 коп. с каждаго дерева,

Ф. 7. Оп. 1. Д. 616. Л. 1—9

— а за каждую кошму по 50 коп., при срубке леса чтобы пень оставался от земли не выше 4 вершк. В случае если из полоя не выйдет, то мы вывощики обязаны перекатать его на свой счет, так чтобы г. Бабушкина, или его доверенных ни в какия расходы не вводить, и должны будем такой перекатанный лес доставить по весне же 1899 г., присовокупив при этом, что взятый задаток в случае отказов от работ должен будет возвращен владельцу вдвойне, под круговою порукою каждаго выработавщика, но лишь по деревенно; в чем заключив его условия, таковое должны соблюсти свято и не нарушимо, в том и подписуемся, сверх всего вышеизложеннаго присовокупляется, что хватки леса в городе Буе должны лежать на обязанности владельца леса; — В случае нехватки [неразборчиво] повалки в полое Колногор, то лес мы выработавщики обязаны возить на берег в устье по указанию г. Бабушкина, и за это мы вывощики скидываем за каждое дерево по 2 коп.»
(Следуют подписи крестьян.)

Условия. 2-я копия
«1898 года Августа 22 дня, я нижеподписавшийся доверенный Костромскаго купца Господ. Набатова Григория Александровича, Солигаличский мещанин, Николай Алексеевич Белозеров, жительствующий в селе Бендине Чудцовской вол. заключил настоящее условие с крестьянами Солигаличского у. Чудцовской вол. деревень... (следует перечисление хозяев с обозначением числа лошадей у каждаго)... а всего на 42 лошадях в следующем: Мы все вышеупомянутые крестьяне на указанном числе лошадей, заподрядились производить в предстящую зиму 1898/9 г. г. выработку и вывоску леса из дачи под названием [неразборчиво], принадлежащей Г. Набатову следующих размеров и по следующей цене лес как-то: двоеплот: длиною 17 ар. толщиною с 3 ½ и до 4 в. по цене 65 коп. за дерево, — длиною 15 арш. с 3 до 3 ¼ вер. 40 к. за дерево, длиною 15 арш. с 3 ½ до 4 вер. тол. 50 к. Одноряднаго леса по длине 10 арш. с 7 вер. и выше ценою 18 коп. за каждый вершок; Весь указанных размеров лес мы выработавчики обязуемся вырабатывать из вышеупоминаемой дачи и вывозить в полой Колногор, где оный охолить, уделав в плоты в самом наилучшем виде, и затем по вскрытии воды в новигацию 1889 года весь лес сплавить вниз по рублей Костроме до дер. Исады близ оной, где и сдать таковой в стан г. Набатова, который будет указан. В случае же при сгоне леса последует утеря из самаго по вине от нас выработавчиков не зависящей, — то при этом владелец леса не в праве будет требовать сего с нас материала, а мы выработавчики не получаем с него за таковой лес заработанной платы; Если же последует пропажа леса при умысле при продаже таковаго, — то виновный в этом отвечает пред владельцем или его доверенным, той стоимостью леса по продажной цене в г. Костроме; Я доверенный г. Набатова за вырабатываемый лес, деньги выработавчикам должен уплачивать так: на 25 сент. сего года в задатке на каждую лошадь по 10 руб., затем смотря по заработке, но лишь чтобы во время зимы выдать ½ заработанной суммы; В г. Буе выдать по усмотрению на хватки леса, по доставке леса в стан, точно также выдать по усмотрению и окончательный расчет учинить в августе месяце 1899 г.; Сверх вышеизложеннаго мы выработавчики всецело принимаем на свою ответственность как повалку леса, равно и проезд — не привлекая владельца и его

довереннаго, а кроме сего отвечаем и за могущие произойти перерубы леса, — в смежных дачах владельцу не принадлежащих, и представляет владельцу леса или его доверенному, при случае ухода кого либо из нас выработавчиков, и на таковые же работы к другому владельцу или в общем за оставление посему условий работ, с виновнаго взятый задаток получить обратно и в двойном количестве — в чем заключив сие условие таковое и обязуемся хранить с обеих сторон свято и нерушимо в том и подписуемся.»
(Следуют подписи.)

Копия 3-я
«1898 года Сентября 12 дня, мы нижеподписавшиеся крестьяне Солиг. у. Чудцовской вол. дер. Богородскаго Павел Ефимов [неразборчиво] и крестьяне д. Богородскаго Афанасий Ефимов на 1 лошади, Сергей Ильин на 1 лош., д. Тыкова Василий Андрианов на 1 лош., Иван Арсениев на 1 лош., Ив. Воробьев на 1 лош., дер. Строжицына Ив. Парфентьев на 1 лош., Михаил Петров на 1 л. и крестьянин д. Строжицына Александр Иванов на 1 лош. Мы все вышепоименованныя крестьяне числом на 7 лошадях, подрядились производить вырубку и вывоску на сплав леса из дачи купленной у дворянина Всеволода Семеновича и Николая Семеновича Саладьина по с. Игнатову; а я крестьянин Александр Иванов на 1 лош., из дачи купленной Соболевым у крестьянина дер. Строжицына под названием «Никулино» их лес следующих размеров, и по нижеследующей цене как то: Однорядочнаго еловаго леса длиною 18 ар. толщиною с 5 вер. и выше, ценою 19 руб. за каждую сотню; Двоеплот 17 арш. с 3 ½ вер. и выше в нижнем отрубе, ценою 19 руб. за сотню; 15 арш. с 3 вер. и выше в нижнем отрубе, ценою за сотню 16 руб. Кошемнаго леса 12 х 12, т.е. круглая с 2 верш. и выше, класть в 4 ряда вышиною 1 ар. не считая повор и прокладок, ценою 16 рублей за каждую; — Кошемнаго леса смолевого, длиною по дереву 10 ар. шириною 12 ар. ценою за каждую 16 руб., выкладка должна быть также как и вышесказаннаго кошемнаго леса; Я крестьянин Иванов из дачи Никулино, должен вывозить единственно один кошемный лес длиною 10 ар. шириною 12 ар. с 2 вер. и выше вышиною в 1 ар. не считая повор и прокладок ценою 12 руб. за каждую кошму; — Мы все вышепоименованныя крестьяне на 7 лош., по срубке в даче леса, должны вывозить на реку Тушку под село Игнатово где оный своевременно уделать в самом наилучшем виде, четочный лес охолить в морозное время, затем [неразборчиво] равно и кошемный прхватить потребным количеством клячей, и по вскрытии воды в новигацию 1899 года весь лес без остатка должны сплавить до деревни Исады, в стан Соболева, который будет указан, где и сдать ему или его доверенному лицу, при сгоне леса если последует утеря онаго, или раззора не по вине нас выработавчиков — за таковой лес мы не получаем заработанной платы равно и владелец не в праве будет требовать своего материала, при умышленной же пропаже или продаже леса виновный в том, отвечает тройной стоимостью леса по продаже его в городе Костроме; при вырубке четочнаго мы выработавчики обязываемся — все вершины очищать и класть в смолевые кошмы, при неисполнении сего с виновного вычитается 8 рублей на каждую кошму; Я Соболев за работы крестьян, деньги должен выдавать так, в задаток на каждую лошадь по 15 рублей, кроме Михаила Петрова которому лишь 5 рублей. Засим выдачу призвести по усмотрению работ и вобщем выдать ½ той суммы, которая будет заработана в течение зимы; На хватки леса в городе Буе выдать по усмотрению. Окончательный расчет учинить по явке меня Соболева на родину из города Костромы. [Неразборчиво] — В чем заключив сие условие таковое должны соблюсти свято и нерушимо, но с тем при этом, что в случае самовольнаго кем либо оставления работы по сему условию, или перехода на таковыя, но к другому владельцу, — виновный взятый задаток должен возвратить владельцу вдвойне, в том и подписуемся присовокупляя, что крестьянин Александр Иванов по вывоске кошем обязан оныя сплотить в лучшем виде и лишь догнать до дер. Богорадскаго, где и сдать владельцу потребованию последняго».
Следуют подписи.

Примечания. В таком же роде составляются и все другие условия по найму крестьян на выработку леса. Число лошадей, означенных в последнем условии, можно считать наименьшим. Есть лесопромышленники [очень]. крупные, напр.: Бабушкин, 350 лош[адей]., Набатов, 170 л., Текутоев — 200 лош[адей] и др.. Комментировать приведенные условия считаю излишним.

Теперь скажу несколько слов об условиях жизни крестьян в застое (в лесу). Жизнь крестьяне «в застое» ведут следующую: обыкновенно после заговенья, числа около 15—20 ноября, а иногда, если снега выпадет довольно и раньше, крестьянин, подрядившийся на означенные работы, отправляется вместе с помощником

своим и с лошадью на место выработки. Здесь он поселяется в зимовке. Трудно представить себе что-либо ужаснее этих зимовок. Представьте себе почти квадратный бревенчатый сруб, арш. 7—9, вышиной не более двух с половиной аршин. Во всю длину противоположной к дверям стены идут широкия нары. По крайней мере в тех 4-х избушках, которые я посещал, нары расположены именно таким образом. Посередине зимовки устроен очаг — квадратный ящик из толстых брусьев и наполненный землей, где и разводят огонь для отопления и варки кушанья. Вот и все устройство такой зимовки. В одной такой зимовке помещается около 20 человек. Не трудно себе представить, какова бывает атмосфера вечером и ночью, когда рабочие приходят с работы. Дым от костра (для выхода дыма в потолке делается отверстие), испарения от сырой одежды, промерзших онуч и лаптей 20 человек делают воздух избы просто невыносимым. Сами крестьяне, как ни привыкли дома к духоте и вони, говорят, что воздух у нас немного в нос шибает, особенно ночью, когда каши да щей натрескаешься. Страшная жара, почти банная, еще более усиливает духоту. Спят крестьяне здесь на нарах, все вместе, подкинувши себе соломы или сена и окутываясь тулупом или тем же промерзшим полушубком. Огонь горит почти всю ночь. В такой конуре крестьянин проводит с заката и почти до восхода солнца. Кушанье готовит кто-нибудь из младших, для чего берут специально мальчика лет 12—13. Хлеб привозят из дома, куда ездят каждый праздник. Возле такой зимовки пристраивается нечто вроде хлева для лошадей. Около таких импровизированных хлевов, прямо на снегу лежат кучи сена. И вот в таких зимовках крестьянин проводит зиму, начиная с ноября и вплоть до Благовещенья. После этого работы сосредотачиваются в местах вывозки леса, полях, где свезенный лес сплачивается в кошмы и плоты и затем по вскрытии реки отправляется в Кострому для продажи. Средний заработок на одну лошадь приблизительно может быть выражен в сумме 80—90р. Из этих денег он должен истратить часть на покупку овса, одежды, лишается навоза. Кроме того, большая часть лесопромышленников и их прикащиков стараются самым бессовестным образом эксплоатировать рабочих. Напр. прикащик купца, у которого работает 170—200 лошадей, держит лавочку и рассчитывает крестьян товаром. Вот факт, доказывающий на сколько бесцеремонны эти господа в отношении мужика — рабочего. Раз мне пришлось купить фунта 2 сахару в такой лавочке. Когда я рассчитывался, в лавку пришли двое мужиков тоже покупать разной мелочи по хозяйству и между прочим и сахару. Во время прогулки один из покупавших, идя домой, догнал меня. Разговорились. Он поинтересовался узнать, что я покупал и дорого ли платил. Оказалось, что за сахар, который я покупал по 18 к. за фунт, он заплатил 21 к. Если муку белую он отдает вольным покупателям по 5 к., то своим заработчикам по 6 к. Некто закупил в Буе большую партию овса и отдавал своим рабочим по той же цене, по которой и сам покупал, по 50 к., только для этого он должен был ездить в Буй за 55 вер. Прикащик же купца Набатов отдавал овес своим рабочим по 65 к. Овес этот тоже, кажется, был куплен в Буе и только привезен домой. В конце же зимы поднял цену до 70 к. за пуд. На вопрос, почему они не покупают у других торговцев, обыкновенно отвечают, что нужда заставляет, денег не дают, а товару бери какого хошь. Выражение по усмотрению, встречающееся почти в каждом условии, приходится как раз на руку эксплоататорам. Помещиков и крупных землевладельцев в нашей местности вовсе нет.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 617. Л. 8 об. — 10

Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство

Верования. Воззрения на природу

189. Зигзагообразная молния — это Архангел гоняется за бесом, и если она убивает человека, то значит в него укрылся от преследования бес.

Демонология

192. Каким свойством обладает человеческое тело, показывает следующий рассказ.
На один постоялый двор пришел ночевать какой-то странник. Народу собралось по случаю ярмарки много. Утомленные, иззябшие ночлежники скоро уснули. Когда во всех углах раздалось храпенье, странник тихонько

сошел с полатей, засветил лампу, порылся в своей котомке, вынул оттуда свечу и книгу. Зажегши свою свечу и открыв книгу, странник, по-видимому, углубился в чтение большой старой книги. Все спали крепким сном. Только одному из приезжих никак это не удавалось. Между тем странник продолжал читать свою книгу. Пропели первые и вторые петухи, а он все читал; приезжий же не может уснуть и только хотел сказать, чтобы старик загасил свою свечу, как тот захлопнул книгу, вынул нож и… пырнул им первого попавшегося под руку ночлежника, затем второго, третьего. Приезжий от ужаса и неожиданности до того на первых порах растерялся, что бессмысленно хлопал глазами, однако оправился (он лежал на полатях) и что силы есть начал будить своего соседа, чтобы вставал, в ответ на это раздавался только храп спящего. Он закричал. Результат тот же — все спали. Между тем страшный странник с ножом в руке направился к нему на полати. Приезжий догадался: он соскочил с полатей, задул свечу и тотчас же все проснулись. — Свеча была из человечьего [сала] и обладала свойством сохранять человека в том состоянии, в каком он находился в момент засвечивания: спал человек — он не мог проснуться, бодрствовал — не мог заснуть.

При копании могил на кладбище иногда находят бутылки с вином. Это вино было положено вместе с покойником. Не знаю, существует в настоящее время такой обычай, кажется, нет. Но судя по тому, что вино находили в тех местах, где по заявлению стариков, похоронены известные им люди, обычай этот существовал не так давно. Не могу также сказать, с какой это целью делалось. Иные гробокопатели выпивали такое вино и уверяли, что такого вина они не пивали — так было хорошо. Рассказ бабы, к которой с визитом явился в неположенное время, т.е. ночью, сам черт, который, впрочем, не мог проникнуть в двери и стал скрестись. Баба придвинула к дверям стол, накрыла его столешником, надела на голову горшок, а другой поставила на стол, встала около двери и стала спрашивать посетителя: «Что такое за три кости? Что такое за три души? «Черт не мог отворить и со стыда убежал… Домовой принимает вид или черной кошки или черного шара.

194. Рассказ мужика, который, идя ночью лесом, стал читать молитву:
— Да воскреснет Бог…
А леший передразнивает: Да растреснет лоб…
— И расточаются врази его…
Леший: Да раскачается осина и т.д.
Передававший это, правда, говорил, что он не сам слышал, а от других.

Во время зеванья бес тоже может проникнуть в человека, поэтому и нужно в это время креститься. Точно также эпилептики суть ничто иное как одержимые бесовы. С покойником нельзя оставаться в деревне, иначе еще будет покойник в том же доме; точно также, если против какого дома остановятся носильщики с покойником, то в том доме будет покойник. Ни женщины, ни мужчины не могут чесаться в праздник гребнем, иначе на том свете его будут чесать железными зубьями. Рассказывавший это уверял, что у него в дому есть и картина с такого рода содержанием, которую он купил на сельской ярмарке.

200. Лесовой. Один мужик встретил в лесу лешего в виде своего знакомого, который стал звать его слово [неразборчиво] к новорожденному ребенку.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 582. Л. 9—10 об.

203. Кликуши

Крестьяне твердо убеждены, что виновником кликушества является бес, что он вселился в несчастную и мучит ее. Никакие доводы не в состоянии поколебать подобного убеждения. Мнение это поддерживается еще тем обстоятельством, что большая часть кликуш не выносит церковного Богослужения или вовсе, или некоторых песнопений; есть кликуши, которые не могут выносить даже присутствия священника с крестом. В нашей деревне есть подобный субъект, который в течение более 10 лет не был на Исповеди только по причине кликушества. Кликуши встречаются исключительно среди женщин. Если же мужчина подвержен подобным припадкам, то такого прямо считают сумасшедшими их или лечат при помощи докторов, или прибегают к религии: поют молебны, водят по монастырям. Мне известен один из таких эпилептиков — сумасшедших.

Это мальчик лет 16—18. Любопытна сказка, которую родные его передают для объяснения причины сумасшествия. Однажды, говорят они, он вышел ночью в сарай за нуждой. Вдруг ворота с шумом отворяются и въезжает на тройке его покойный отец. Я его видел в церкви, он производит впечатление автомата, глаза пустые, безжизненные. Все время службы он стоял не шелохнувшись, только, когда говорила мать, он машинально клал поклоны. Припадки случаются иногда 1 раз в месяц, иногда 2, а иногда в 2 месяца раз. Все кликуши, по мнению крестьян, порчены колдунами и исцелить их может только колдун же, но обладающий большею силою. Причина порчи — злоба, месть, зависть. Напр., одна женщина сделалась кликушей потому, что на свадьбе, когда она выходила замуж, не угостили колдуна. С тех пор с ней и стали повторяться означенные припадки, а в девицах, говорят, не было. Впрочем, припадки с ней не так часто бывают. Так что она может ходить и в церковь. Рассказывают такой случай: во время сговора, когда гости уехали, и остались одни родные невесты, одна из присутствующих женщин вдруг закричала после того, как посмотрела в окошко, а вслед за нею и муж ее закричал, да не просто, а петухом. Ему подали петуха, он взял его за ногу и приказывал ему петь столько раз, сколько хочет,..

Ф. 7. Оп. 1. Д. 583. Л. 1

… и петух пел. Их, мужа и жену, покрыли белой скатертью. Вообще в подобных случаях единственно верным средством считается тишина и столешник, т.е. белая скатерть. Виновник рассказанного происшествия тоже колдун. Для исцеления от подобной болезни кликуш водят по монастырям, в особенности, где есть мощи угодников или чудотворная икона. Когда эта мера оказывается не действительной, больного оставляют на произвол судьбы.

Ф. 7. Оп. 2. Д. 617. Л. 7 об. — 8

204. Один мужик видел клад: лошадь, серебряные сани, серебряная сбруя. Только, к сожалению, не успел перекрестить и сказать: «Аминь, Аминь, рассыпься!»

По уверению многих, где-то около нашей деревни по вечерам выходит на берег из реки старая мохнатая дикая баба, с зелеными волосами в красной «водяной» шапке и чешется.

Стричь ногтей нельзя, хранить их в пазухе до самой смерти и класть с собою в гроб, чтобы поскорее выцарапаться из могилы, когда затрубит труба Архангела.

Если на улице в деревне появятся галки, то быть покойнику.

Если пасхальный кулич или имянинный пирог выйдет полый внутри, то в том доме будет покойник.

Если по ночам скребутся мыши, трещат стены, мебель и пр., точно также, если мыши изъедят что-нибудь из платья или обуви, то тот человек умрет.

И, входя раз в церковь, мы увидали мышь на паперти, которая перебежала нам дорогу. «Что не хорошо», — глубокомысленно заметил он и вошел в церковь не прежде, чем я не перешагнул церковный порог. Курица запоет — нехорошо; принесет яйцо в перепонке, без скорлупы — нехорошо.

Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 617. Л. 6

223. Заговоры. Если девка принесет ребенка — или лишит его жизни, то по смерти она должна будет мучиться в «северных полях», если же женщина это сделает, то ее в будущем ожидает «темница». Что такое темница, я не мог допроситься.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 580. Л. 8 об. — 10 об.

229. Пришло время молодухе родить. Боли, «схватки», как у нас говорят, сначала не значительные, постепенно становятся все сильнее и сильнее, и наконец превращаются в ряд беспрерывных мучений. Но молодуха и виду не подает, что ей нестерпимо больно. Она так же деятельно занимается своим хозяйством, так же

бегает из одного места в другое. Но все-таки свекрови или какой другой старой женщине шепнула, что у ней начинаются «муки». Та набожно перекрестилась, поставила в печку чугун с водою для нагревания и поспешно отправилась к бабке «повитухе». Никто не должен знать, даже семейные, за исключением мужа, о том, что в доме скоро прибудет новый член семьи. Однажды «муки» застали женщину на покосе в поле. Она сказала об этом свекрови. Та, как бы нечаянно, сломала кость у косы. «Дай-ка мне, Марьюшка, свою косу, а ты сбегай домой и принеси другую», — сказала она невестке, давая повод, не обращая внимания, удалиться с поля. Такой обычай вытекает из того убеждения крестьян, что чем больше людей знают о родильнице, тем труднее ей бывает родить. Муж во все время родов где-нибудь в уединении молится Богу. Иногда случается даже так, как мне передавали некоторые, что младенец уже начинает показываться, а родильница все бродит.

Роды совершаются по большей части или в хлеве, или на дворе; зимой — в подполье. Обязательно, если в семье нет опытной старухи, то таковую берут со стороны. К акушерке обращаются лишь тогда, когда повитухи всей деревни видят свое бессилие помочь несчастной. При трудных родах отворяют в дому трои двери, если это не помогает, то отправляются в село и просят Священника отворить царские двери, будучи твердо убеждены, что после этого родильница разрешится от бремени. О приметах и суевериях я ничего не слыхал и мне утверждали, что ничего этого и не бывает.

Детское место поглубже закапывают в землю. Иногда его выворачивают, чтобы ребенок был здоровее. Родившийся в сорочке считается счастливым человеком. Выбор имени зависит от желания родителей, но все-таки преимущественно дают имена таких святых, память которых празднуется около времени рождения младенца. Иные из уважения дают имена в честь одного из родных: дедушки, бабушки, дяди и проч. Иногда дают имя и в честь умершего сына или дочери. Остриженные при крещении волосы, скатываются в восковой шарик, который бросается в купель и вместе с крестильною водою выливается на кладбище; если же крещение совершается на дому, что бывает оч. редко и у немногих — крестят чаще в келье —, то вода выливается на крестовый угол, т. е. на тот, где обыкновенно в избе помещаются иконы, потому, что, как объяснили мне, около этого угла никто не мочится. Отношения восприемников между собою почти не изменяются, но к родителям крестника делаются отчасти родственными.

Примеч. Восприемница наз[ывается] божаткой.

Колыбель — люлька, зыбка — устраивается очень просто. Делается овальный обруч, четвертей 5-ть в длину и 3 в ширину, высота или глубина около 2 четвертей, внизу делается дно, а вверху две дуги — вот и колыбель. Затем к потолку привешивается березовая жердь, как наиболее упругая, а к ней привешивается зыбка. На дно зыбки кладется солома, поверх которой набрасывают кой какого тряпья и постель для ребенка готова. А то колыбель делают так: приготовляется четырехугольная продолговатая рама, обтягивается полотном так, чтобы оно образовало род углубления и прикрепляется к жерди или зыбельне. Среди крестьян, особенно старух, распространено убеждение, что пустую люльку качать не годится: иначе маленький будет беспокоен, точно также и двоим лицам качать одного ребенка не следует: родятся двойники. — Если ребенок смеется во сне, то значит его ангелы тешат, если плачет — пугается чего-нибудь. Если в семье дети не живут, то поступают следующим образом, чтобы дети жили: первого встречного на улице окликают из избы и подзывают к окошку. «На тебе крестника», — говорят ему. Тот должен согласиться. Крестится и говорит: «Господи благослови взять моего крестника». Таким образом он делается таким же восприемником, как и бывший при купели, и становится в такие же отношения как к младенцу, так и родителям последнего. Подержавши не долго, он передает назад младенца и дает 3—5 коп. Церемония эта должна быть совершена через окошко. Воспринимаемый и восприемник наз[ывается] — первый «крестовый крестник», второй — «крестовый кресный».

Верование в загробную жизнь

Ф. 7. Оп. 1. Д. 583. Л. 1—12 об.

240. Церковь и религиозное почитание

В зимнее время, при хорошей погоде, хотя один человек из семьи обязательно должен идти в церковь. Молиться ходят лишь в праздники. Праздниками считаются — воскресные дни, двунадесятые праздники,

21 Заказ № 1133

праздники установленные в честь 3 свят., Иоанна Крестителя, пророка Илии, Казанской Б. Матери и др. В летнее же время и даже осенью, крестьяне часто и по праздникам работают.
Мне пришлось раз видеть, как крестьянин боронил землю в день Рождества Богородицы (8 сент.). Вообще работа в праздники — явление, пожалуй, обычное. И в зимнее время, если погода не хороша, то из дальних деревень, версты за 4 и более (приход раскинут на 8 верстное пространстве, около 1500 душ м. п.) в воскресные дни крестьяне остаются дома. Также во время службы, каждый раз можно видеть около кельи, т. е. церковной сторожки, толпу парней и мужиков, которые не идут домой только потому, что стыдно прежде других возвращаться домой. Но, придя в церковь, каждый старается купить у старосты хотя копеечную свечку и поставить или за упокой родственников, или перед образом. Вообще крестьяне нашей местности не отличаются большою религиозностью, вследствие чего и паломничество мало развито. Только не многие в Вел. Пост отправляются на богомолье в Кострому, Тотьму (Волог[одской] г[убернии]) или в Солигалич[ский] женский монастырь, причем преобладает женский элемент. Но, если где по близости освященье поднятия колокола, то каждый дом считает своей священной обязанностью послать туда хоть одного своего члена, не редко даже отправляется вся семья. О таком событии крестьяне узнают заранее, через посредство своего священника, который в один из праздничных дней объявляет об этом в храме. Кроме того, не задолго до освящения или поднятия колокола, несколько человек из прихожан отправляют в близ лежащие местности (вер. на 30) для сбора подаяний на церковь. Отказать в таком пожертвовании крестьяне считают грехом. Дают деньгами, мукой, зерном, льном и пр., кто что может. К таинству Елеосвящения (соборования) крестьяне относятся с некоторым т. с. предубеждением и прибегают к нему лишь в крайнем случае. Представление о силе этого таинства составилось как раз противоположное учению Церкви. По их мнению, человек пособоровавшийся редко выздоравливает, хотя и приписывают сему таинству силу, равную Таинству Причащения, т. е. прощение грехов. Кроме того, девица или холостой парень, будучи пособорованы, не должны вступать в брак, т. к. это будет грех. Большинство соседей стараются присутствовать при совершении этого обряда и помолиться за больного. В случае, если больной помрет после соборования, его хоронят с колокольным звоном, в противном случае — без звону.
Каждый из соседей считает своей обязанностью придти и проститься с умершим, причем приносят или деньги или яйца, или пучок льну, для поминовения об усопшем; предметы эти отдаются церковному старосте.

241. Посты и постные дни. Ни одна из заповедей не соблюдается так строго, как заповедь о постах. Крестьянин скорее напьется, даже, пожалуй, украдет, но поесть в постный день скоромного — никогда. Даже некоторые из крестьян доходят в своем усердии до того, что кроме установленных Церковью постов, они придумывают свои посты. Так напр. в день Казанской Божией Матери (8 июня) многие не едят скоромного, некоторые дают обеты всю жизнь не есть мяса, некоторые постятся после Петрова дня (29 июня) еще неделю. Вообще все постановления Церкви на этот они исполняют с самой строгой аккуратностью. Если в известный день не положено по уставу есть пищу с постным маслом — не едят. Из ревности в этом отношении доходит до того, что они не благосклонно относятся к тем, кто в постные дни ест скоромное, даже более: не всякая хозяйка согласится продать в постный день кринку молока из боязни согрешить. Даже младенцев 2—3 лет они заставляют поститься, т. е. в постные дни есть постное. В горшке, в котором готовится скоромная пища, они никогда не сварят постного кушанья.

242. Священники и причт. Начну с описания отношений членов причта между собою. По своей профессии сельского учителя и по своему происхождению из духов. звания, я имею близкое соприкосновение с сословием духовенства, а по этому самому мог составить себе довольно ясное представление об их интимных отношениях. Отношения эти на столько характерны и своеобразны, что я не могу воздержаться от искушения чтобы несколько не остановиться на этом предмете, хотя в программе этого вопроса и нет.
Отношения членов причта между собою не отличаются миролюбивым характером. Мне приходилось жить по нескольку лет в 4 приходах, лично знаком я со многими священниками, дьяконами и псаломщиками, и во всех почти приходах, где только два или более священников, идут беспрестанные раздоры, доходящие иногда до всеобщей свалки, о чем будет сказано ниже. Раздоры эти возникают на почве дележа доходов и земли. Например, причт разделил луг покосный на участки. Приходит, положим, на свой участок дьякон;

он несколько поопоздал, т. к. косил в другом месте. Смежные с ним участки уже скошены, он проверяет свой участок покоса, оказывается его участок уже, чем бы следовало, на целых полкосья (обыкновенно мерой при делении покоса служит рукоятка косы). Кто это учинил, добраться легко. Оказывается, скошенный участок псаломщика шире как раз на полкосья (четверти), и вот начинается брань, в которой принимают энергичное участие все члены как той, так и другой семьи. Обкашивать не стыдится и иной священник, хотя его доля втрое более доли псаломщика. Иногда же, ничтоже сумняшеся, прямо увозят чужую готовую копну сена, а то и две; узнать уже тут труднее, остается только подозревать. Ссоры оканчиваются при этом иногда и потасовкой, и надо сказать, довольно-таки чувствительной, достается одинаково и священнику, и псаломщику. Точно также дележ денежных доходов «кружки» нередко сопровождается довольно крупной ссорой. Причиной в этом случае является утайка со стороны священника части дохода. Например, в нашем селе года три тому назад разыгралась такая трагикомедия. В доме дьякона происходит дележ кружки. Отца настоятеля уличили в означенном преступлении. Началась ссора. Наконец отец настоятель, считая себя достаточно сильным, бросился на своего товарища — другого священника и действительно успел повалить его на пол и по-своему начал внушать ему неприличие его слов. За обиженного священника, т. е. того, который лежал внизу, вступился его псаломщик: «Да что это ты, батька, делаешь с моим попом… Не дам в обиду своего попа!» И начал за волосы стаскивать своего отца настоятеля. Едва дьякону удалось разнять развоевавшихся коллег. Брань же, доходящая до самых оскорбительных выражений, в нашем приходе является обычной при дележе. Кроме того при двухклирном и более составе причта между священниками постоянно чувствуется какое-то раздражение, неприязнь одного к другому. Даже пословица есть на этот счет: два медведя скорее уживутся в одной берлоге, чем два попа в одном приходе. Даже товарищество по школе не гарантирует от этого. Я знаю двух священников в одном приходе, которые в лето учились вместе в семинарии, сидели на одной парте, вместе кончили курс учения и… да вот что раз случилось. В воскресенье, когда священник вышел в конце литургии с крестом, в числе первых, разумеется, подошла с целью приложиться ко кресту, матушка, жена его товарища. «В шляпке в храме нельзя стоять, — громко произнес священник, — не дам креста». Со стыдом пришлось удалиться бедной матушке. В следующее воскресенье служил обедню другой священник, муж оскорбленной жены. Подходит конец обедни. Народ идет ко кресту. В числе прочих идет и жена его *collegi*, но без шляпки, которую она не имела обыкновения носить. «Когда ко кресту подходят, так не крестятся», — внушительно замечает священник… Комментарий не требуется. Перехожу теперь к описанию отношений нашего причта к прихожанам, т. е. крестьянам. Состав причта 2-х клирный. Тон взаимных отношений дает, разумеется, священник. Но так как характеры священников диаметрально противоположны, то и отношения прихожан к батюшкам различны. Назову для удобства одного П.., другого В… Отец П. мягок, снисходителен к прихожанам (ласковый теленок двух маток сосет, говорит он), знает хорошо, когда и кого надо угостить и чем, одним ли чаем, или чаем с вином, или одним вином и т. д. и прихожане его любят, доход его больше дохода отца В. Он как-то умеет доказать мужику, правда мягко, дружески спокойно, но внушительно, что за то-то следует именно столько-то, а не больше и не меньше, и крестьянин, кряхтя и охая, несет требуемое, хотя на самом деле оно больше, чем следует, но мужик все-таки благодарит его и вполне доволен. Когда однажды крестьяне, собранные по поводу приобретения церковной земли под кладбище, волновались и высказывали не совсем лестные замечания по адресу причта, тут же находившегося, отец П. приказывает заложить свою лошадь и, садясь в тарантас, говорит толпе: «Ну, братцы, мне необходимо нужно ехать в село Жилино. Вы как знаете делайте, я на все согласен». Отец П. был твердо убежден, что отец В. настоит на своем, что действительно и случилось. Поездка же в Жилино служила лишь отводом выгородить себя и свалить всю ответственность на отца В. Отец В. кончил курс в духовной семинарии, человек умный и относительно развитой, служба же его, т. е. приемы и тон Богослужения просто неподражаемы, мне положительно не случалось встречать церковной службы, совершаемой с таким чувством. Все прихожане довольны его службой и все-таки не любят, даже прямо в глаза ругают, хотя и боятся. Отец В. горяч, резок в словах, самолюбив, любит обругать человека, дальше прихожей мужика не пускает. Однажды нынешним летом в деревне Д. было обычное молебствие. Деревня Д. принадлежит отцу В. Приехал. Как водится, сначала отслужил молебен в деревенской часовне. Тут сделал какое-то замечание мужикам, помнится, по поводу того, что некоторые из них были уже выпивши. Мужики закричали: «Не пустим тебя молебны служить, убирайся прочь. Поезжайте, ребята, за отцом П., вези его». «Да что вы смотрите, — кричали

другие, — заприте его, долговолосого, в часовню». В этой бессмысленной выходке принимали участие даже церковный староста и старшина, жившие в этой же деревне. Отец В. струхнул-таки. Действительно привезли отца П., который и стал совершать молебны в одной половине деревни, а отец В. в другой (деревня около 90 или 100 дворов). Весной, бывало, отец В. в качестве законоучителя приходил заниматься ко мне в школу. Приходилось каждый раз переправляться через реку Кострому. В это время на реке постоянно находились рабочие мостовщики. Но сколько отец В. ни кричит, сколько ни просит перевезти его на другой берег, редко когда исполняли его просьбу. Приходилось почти всегда высылать служителя, как только увидишь его сидящим на противоположном берегу. Впрочем, кроме личного характера отца В. на отношение крестьян к нему имело влияние и другое обстоятельство. Это — чрезмерно высокая по нашим местам плата за некоторые требоисправления. Правда, в этом отношении ничем не разнился и его коллега, отец П., но тот, повторяю, умел все это облечь в свою, какую-то особенную форму, чего мужик вовсе не замечал. Вот обычная плата за требы. Сорокоуст — 30 рублей, обедня — 1 рубль, молебен простой на дому — 10 копеек, соборование — 80 копеек, свадьбы — 8 рублей, сведения о невесте — 3 и 4 рубля. Считаю нужным несколько остановиться на доходах, так сказать, свадебных. Плата за свадьбу 8 рублей, иногда и 10 и более рублей, по нашей местности может считаться довольно высокой, т. к. в других приходах за то же самое берут 5—6 и даже 4 рубля (за второбрачие). Кроме того, когда делается соглашение у жениха с притчем о дне венчания — «покладка свадьбы», жених обязан каждому члену причта дать по полотенцу и по крайней мере, полновины, т. е. половину холста беленого. Затем, венчание дает иногда повод уж прямо к нелегальному доходу. Например, жених или невеста почему-либо не были в том году на исповеди, и вот размер платы за венчание увеличивается на 2—3 рубля, а в прошедшем году был такой случай. К отцу В. в конце мясоеда является старик и просит обвенчать его сына на девушке, находящейся с ним в такой степени родства, что обвенчать их в таком родстве, оказывается, было можно. Но отец В. потребовал 25 рублей, иначе, говорит, проси разрешения у архиерея. Старик просит, старик молит — не тут-то было. Бедный мужик соглашается заплатить и 15 рублей, только бы обвенчать, а к архиерею, мол, подавать прошение некогда. Как знаешь, твердит священник. Пришлось мужику заплатить за венчание 25 рублей…

Ф. 7. Оп. 2. Д. 663 (машинописный вариант)

Другой факт. Приходит к тому же отцу В. женщина и просит его дать выписку о рождении ее дочери для вступления в брак, жених был того же прихода, только половины отца П. Отец В. взял за выписку 3 рубля и потребовал еще 2 марки по 80 копеек. Баба пошла в волостное правление купить требуемые марки. «Да на что 2 марки?» — спрашивает писарь. Баба сказала: «Дура, и одной-то не нужно, он незаконно берет с тебя». Все-таки баба взяла одну марку. Приносит священнику и подает: «Это что такое, я тебе велел две марки принести. Пока не представишь другой, не получишь сведений». Пришлось бабе опять идти за 4 версты в правление и покупать другую марку. Как и везде, крестьяне нашей местности считают встречу с духовенством, и особенно со священником, дурным предзнаменованием, и потому избегают.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 586. Л. 1—4

244. 3) Сказка о Соломоне Премудром. Царь Соломон умер. Душа его, вместе с душами других людей, заключена была в преисподнюю. Все умершие, с покаянием и верою в грядущего Мессию, с нетерпением ждали появления среди мрака и мучений обещанного Избавителя. Наконец давно желанное время настало. Адские запоры с шумом пали и среди вечного мрака появился Сам Источник Света. Души заключенных узнали в нем своего Творца и Избавителя. Взоры всех с мольбою и умилением обратились к Нему. Демоны же устрашенные пришествием в царство Самого Владыки мира, одни в ужасе попадали, другие скрылись в отдаленнейшие углы ада. Тогда Спаситель, взявши за руку Адама, вывел из этой темницы всех, кто с верою ждал Его пришествия. Но случилось так, что в момент пришествия Спасителя, Соломона не было в аду. Когда он явился, демоны с хохотом и злорадством поспешили сообщить ему о происшедшем, радуясь, что хоть один праведник остался в их власти. Опечалился Соломон и стал молить Бога об избавлении из ада. К нему явился ангел. «Помилуй, — обратился к посланнику Божию Соломон, — за что так несправедливо ко мне небо? Правда,

живя на земле, я грешил. Любил попировать и повеселиться, любил и выпить иногда чрез меру. Правда, у меня и жен было много, и чтобы угодить им (ведь ты знаешь, бабы капризны), молился иногда их идолам. Но ведь я тогда был молод. Когда же стал постарше, я остепенился и перестал грешить; я покаялся, и Бог меня простил. А ты видел, какой я храм построил в Иерусалиме Иегове...» «Послушай, — перебил его печалования ангел, — напрасно ты мне это все говоришь. Вывести тебя из ада я не могу: мне не дано повеления. Но ты слишком мудр; попытайся сам найти средство выбраться из ада». И ангел скрылся. Опять остался Соломон один среди грешников и демонов; и стал он думать, как бы ему, в самом деле, удрать от чертей и всей их компании. И вот однажды бесы были поражены необычайным зрелищем. В самой средине ада, где население было особенно густо, появилась толпа рабочих. Тут были и плотники, и столяры, и каменщики, и землекопы; одни строгали доски и бревна, другие делали кирпичи, третьи рыли ямы и канавы, те подвозили материал. Сам Соломон озабоченно ходил среди рабочих с циркулем и аршином в руках. Вымеривал, чертил, вычислял, наносил на план. Бесы с недоумением смотрели на работу. Наконец один бесенок, не будучи в состоянии преодолеть своего любопытства, подошел и мягко сказал: «Послушай, Соломон, что это ты тут делаешь?» «Пошел прочь! — сердито ответил тот, — мне некогда с тобой зря болтать». «Ах, добрый человек, — заискивающе заговорил опять бесенок, — зачем же так сердиться? Я только спросил тебя, что тут делается». «Что ты пристал ко мне, хамово отродье? Не видишь разве, — я хочу строить здесь церковь и школу! Здесь столько народу, а тут ни церкви, ни школы... ведь это стыд вам!» От неожиданности чертенок и глаза вытаращил, и рот раскрыл. «Да как же это...», — начал было он, но Соломон так сердито прикрикнул на изумленного черта, что тот, закинув рожки и подняв хвост, бросился со всех ног к своему повелителю — сатане сообщить о затее Соломона. Но уже десяток чертенят успели предупредить его, так что ему, когда, запыхавшись и высунув язык, явился пред лицо сатаны, оставалось только подтвердить все сказанное. Сатана, выслушав доклад своих подземных, тотчас же послал двоих чертенят с наказом немедленно привести к нему Соломона. Тот явился. «Ты что это задумал делать?» — грозно обратился сатана. «Что? Церковь да школу, — смело отвечал Соломон, — да и не одну, а несколько...» «Чтобы этого не было!
[Часть текста утрачена]

... вать! Да я тебя... Вон! Чтобы духу твоего не было здесь! Прогоните его в три шеи из ада». Соломону только этого и нужно было. Таким образом, прогнанный из ада, он очутился в раю. Сказку эту я слышал от одного молодого деревенского парня.
Кстати, чтобы не возвращаться больше к рассказам и анекдотам передам здесь слышанный...
[Конец текста утрачен]

Ф. 7. Оп. 1. Д. 585. Л. 2—10 об.

245. Святки — время гаданий для молодежи; период гаданий начинается с кануна Рождества и продолжается до Крещенского сочельника включительно. Особенно же благоприятным временем для гаданий являются кануны Рождества, Нового Года и Крещенья. Приемы гаданий разнообразны до чрезвычайности. Уже вечером перед Рождеством возле окон слышен скрип шагов и шелест одежды — это девицы подслушивают, что говорят в домах, и сочувственно содержанию разговора делают свои заключения: имеется ли в перспективе выйти замуж или прождать еще год, или же, наконец, ожидает смерть, и прочее. Утром, накануне Рождества и Крещенья, когда крестьяне готовят одну лишь кутью, девицы с ложкой кутьи под фартуком идут по деревне, и, если встретится мужчина, то мужа будут звать именем встречного. Я не буду упоминать о таких общеизвестных приемах гадания, как литье олова, воску, запирание колодца, полотье снегу и некоторых других. Приемы эти настолько общеизвестны и сходны в общих чертах, что описывать их считаю излишним. Гораздо интересней следующие способы «завораживания»: на перекрестках, т. е. в пунктах пересечения двух дорог, гадание в зеркало, подслушивание у церковных дверей. Способы эти считаются настолько опасными, что решаются прибегать к ним лишь в обществе нескольких человек. Перекрестки выбирают где-нибудь за деревней, иногда версты за 2—3, чтобы кто-нибудь не помешал. Необходимой принадлежностью при этом является ухват или сковородник. Желающий заворожиться становится в центр перекрестка, другой же проводит принесенным ухватом вокруг него круг, обходя три раза, причем сзывает всех чертей — и лесных, и водяных, и болотных, чтобы они открыли

судьбу вопрошающего, причем некоторые, чтобы действительнее было завораживание, снимают с себя крест. При напряженности нервов и под влиянием страха некоторые действительно слышат, т.е. им кажется, что слышат — то звон колокольцев, то лай собак, то причитания и т.п. Тогда надо как можно поспешнее разворожиться, т.е. проделать все штуки в обратном виде; в противном случае нечистая сила может задавить завораживающегося, хотя бы он и убежал из заколдованного круга. На этот счет среди крестьян есть много легенд. Одна девица, заворожившись, увидела мчащуюся прямо на нее горящую копну сена. Со страху подруги ее бросились бежать, забыв разворожить ее. Хотя через некоторое время и воротились, но нашли ее далеко от того места, лежащую без чувств. Через несколько дней она скончалась.

Другая девица избавилась от нагонявшей ее тройки только благодаря присутствию духа подруги, которая поспешила разворожить, — и тройка исчезла.

Не менее страшно, но зато более заманчиво гадание через посредство зеркал. Этот прием гаданий одинаково распространен как среди крестьян, так и более развитого класса местности. К нему прибегают лица интеллигентные: учительницы, акушерки, помещицы, чиновницы и другой, преимущественно женский элемент. Способ этот состоит в следующем: на столе ставятся два зеркала одно против другого, если не ошибаюсь, под известным углом наклонения. По сторонам ставятся 4 свечи, по 2 с каждой.

Отражение, получающееся в зеркалах, принимает подобие аллеи. Через некоторое время вдали аллеи показывается изображение жениха, который подходит все ближе и ближе. Точно так же, как и на перекрестке, гадающий не должен подпускать подходить к себе близко, иначе нечистая сила может задушить: для этого зеркала надо убрать, а свечи погасить. Для этой цели, т.е. для того чтобы заранее видеть своего жениха, употребляют с одинаковым успехом обручальное кольцо. Кольцо с известными словами кладется в стакан с водой. В кольце появляется изображение человека, причем смотреть надо, не мигая. С появлением изображения в кольце, последнее поскорее нужно вытащить из стакана. Подобные опыты производятся в глубокой тишине и приблизительно в полночь. Несколько аналогичен с описанными приемами гадания приглашение суженого на ужин. Ночью, когда все улягутся спать, какая-нибудь девица похрабрее покрывает скатертью стол, кладет хлеба, соли, ложки, но ножик и вилки нельзя класть: бес, явившийся в образе суженого, может воспользоваться ими как орудием для вразумления не тревожить его впредь для пустяков. Равным образом, если не ошибаюсь, и разговаривать с ним не полагается, ибо он, оказывается, не любитель разговоров. Итак, приготовивши все как следует, и поставив на стол свечи, невеста говорит: «Суженый, ряженый, приходи ко мне ужинать, хлеба-соли откушать». И суженый приходит. Легенда. Одна из интеллигентных особ захотела таким образом познакомиться со своим будущим благоверным. Когда все в доме уснули, она ушла в свою комнату и по описанному рецепту приготовила все, что следовало для принятия дорогого гостя. Ровно в 12 часов к ней является красивый молодой офицер в новом мундире и при шпаге. Долго ли наслаждалась означенная особа лицезрением черта… то бишь жениха, не знаю — вероятно, до пения петухов; но только у ней явилась оригинальная идея оставить что-нибудь после черта на память себе, чтобы впоследствии сличать эти предметы с действительными. Недолго думая, незаметно подошла сзади и отстригла часть фалды, а потом незаметно взяла и спрятала шпагу. В том же году она действительно вышла замуж за офицера точно такого, какого видела в памятную святочную ночь.

Но почему-то никак не решалась рассказать своему молодому мужу историю с чертом.

Раз муж ей и говорит: «Вообрази, милочка, какая страшная история случилась со мной нынче на святках. Однажды, собираясь на бал, велел денщику принести только что сшитый новый мундир и шпагу. Смотрю — и глазам не верю: часть задней фалды урезана. В то же время шпага пропала. Как ни искали денщик и я, не могли найти.» Молодая, ни слова не говоря, уходит к себе в комнату и через несколько времени возвращаясь, подает ему шпагу и лоскут мундира —?! Жена, ничего не скрывая, рассказала ему все, как было [неразборчиво]. Это так подействовало на молодого мужа, что он оставил жену и удалился в монастырь.

Не менее смелости требует и подслушивание у церковных дверей на церковной паперти. Подслушивают в замочную скважину. Если в церкви поют «Исаие, ликуй» — верный знак, что девица выйдет замуж; читают, особенно если «Святый Боже» — умрет; молчание в церкви означает, что ничего особенного в наступающем году не произойдет с ней. Рассказывают, что у одной девицы, которая слишком близко приложила ухо к замку, часть волос некая невидимая сила втянула в скважину, так что за свое любопытство несчастной пришлось поплатиться волосами, болью и страхом. Однажды такой случай был. Два псаломщика, узнавши намерение девиц идти на паперть, заранее спрятались в церкви и как только те подошли к дверям, сидевшие в церкви с шумом

отворили двери. Естественно, все кувырком и с визгом полетели с лестницы; некоторые лишились чувств, а двое захворали нервной горячкой.

Кроме упомянутых гаданий есть и другие. Берут не глядя из поленницы полено: если оно гладкое — у мужа будет лицо чистое, суковатое полено — муж будет рябой. Подходят к воротам двора и слушают, как стоит скотина. Если скотина подает голос, замужество ожидает. Выводят на улицу и наводят на месяц зеркало. Сколько в зеркале будет месяцев, столько будет и человек в семье. Затем кладут карту и ключ под подушку. «Суженый, приходи ко мне колодец отпирать», — говорят при этом и, смотря по тому, что увидят во сне, делают заключения. Вот наиболее употребляемые в нашей местности приемы гадания на святках. Крестьяне твердо убеждены в верности предзнаменований; разубедить их в этом невозможно. Да не только крестьяне, народ по большей части неграмотный и неразвитой, но и более интеллигентный класс твердо верит в гадания. По крайней мере мне многие говорили, как очевидцы, что им приходилось видеть в зеркале и обручальном кольце фигуры людей настолько явственно, что впоследствии они без затруднения узнавали их. Причем прибавляли, что если увидеть в зеркале гроб или покойника, то это означает верную смерть. Святки не только пора гаданий, но и пора ряженья. Молодые парни и девки, начиная с третьего дня святок, ежедневно до Крещенского сочельника не перестают рядиться. Впрочем, подобные ряженья не отличаются ни оригинальностью костюма, ни затейливостью, ни разнообразием. Днем, обыкновенно, рядятся подростки и с разными некрасивыми кривляньями ходят из дома в дом, где пляшут и играют на гармошке. За это кое-что в некоторых домах и перепадает. Вечером рядятся взрослые, ходят на вечеринки и проделывают почти то же самое, что и подростки днем. Ряженье заключается в том, что мажут себе лицо сажей, надевают льняную бороду, на голову какую-нибудь тряпицу или малахайку, да шубняк вверх овчиной наденут — вот и весь маскарад; при этом девицы надевают штаны и шапку, а парни — сарафан и платок. Иногда, в виде разнообразия на лицо надевают маску из береста или бумаги с прорезанными отверстиями для глаз и рта.

245. Празднование масленицы, вероятно, ничем не отличается от празднования в других местностях нашего отечества, по крайней мере великорусских губерниях. Тот же разгул, пьянство, нередко драки и с увечьем как было в нынешнем году, то же катанье с гор на санках и ледяшках, а иногда и в корыте, хождение по соседям с целью выпивки. В субботу обыкновенно устраивается в нашей деревне катанье на лошадях. При этом стараются щегольнуть хорошей одеждой, красивой, украшенной медными бляхами, сбруей, санями и проч. Съезжаются почти со всего прихода. Молодые же, которые только лишь повенчались, обязательно должны участвовать в катаньи, а то могут подумать, что не на чем или не в чем ехать. В нашей деревне катанье устраивается утром, до обеда, а потом переезжает в соседнюю деревню. Празднование, т. е. винопитие и посещение соседей и родных, иные начинают с четверга, а другие, победнее, с пятницы. Катанье же с гор на салазках продолжается целую неделю Масляная завершается сожжением вечером, в заговенье, так называемой масленицы, то есть костра дров и разного старого ненужного хлама: ушатов, бочонков, ведер и т. п.

Что касается праздников, приуроченных ко времени года, то таковые празднуются весною и особенно осенью, когда крестьяне кончают напольные работы. Зимой и летом не до праздников. Весной бывает молебствия, то есть крестьяне приглашают причт с иконами, с которыми и устраивают крестный ход вокруг своих полей, а также каждый хозяин считает своею обязанностью отслужить у себя в доме молебен. Осенью празднование бывает и разгульнее и продолжительнее, потому что время свободное. Кроме того бывают, так сказать, семейные праздники, когда крестьянин измолотит последний овин хлеба. Почти каждый хозяин купит на «домолотки» четверть ведра вина, а то и больше, смотря по достатку.

Умение считать и мерить

Ф. 7. Оп. 1. Д. 580. Л. 10 об. — 11об.

280. Нельзя сказать, чтобы крестьяне наши были особенно сильны в арифметике. Еще с крупными десятками кое-как управляются, но когда дело доходит до десятков с единицами, тут они невольно краснеют и пыжатся, чтобы сообразить, например, 37 + 48. Однажды мне случилось наблюдать в волостном суде такой факт. Один крестьянин просил суд, чтобы он заставил приказчика заплатить следуемые ему за работу деньги.

Потребовали от приказчика расчетную книжку рабочего. Между прочим, встретилась такая арифметическая задача: взято в разное время 7 четверок махорки по 6 копеек. Сколько это будет стоить? Председатель суда, он же и старшина, вооружившись предварительно счетами, стал соображать: 7 четверок по 6 копеек выходит: 7 пятаков; 5 пятаков — 25 копеек, да 2 пятака — 10 копеек; 25 + 10 копеек — немного подумал. — 35 копеек по копейке — 7 копеек 35 копеек + задумался. Судьи тоже сидят и соображают, сколько будет 35 + 7. 44 — радостно решает судья. Один из его коллег несколько скептически отнесся: 35 + 10, начал он объяснять своему товарищу, — 45. Ну, соглашается председатель, 3 копейки долой, продолжает помощник. 42, с облегчением договаривает старшина. Судья самодовольно улыбается: «Знай, мол, наших, не обсчитаешь.» Уверяю, это не карикатура — это факт, подобных которому среди крестьян множество в области счетоводства. Особенно трудно дается деление и умножение. Вообще крестьяне считают парами,..

Ф. 7. Оп. 1. Д. 581. Л. 1—4

... пятаками и десятками. При отсутствии уменья быстро производить в уме арифметические вычисления, хотя бы с небольшими числами, крестьяне, естественно, во всех случаях, где требуется счет, прибегают к счетам, а потому большинство умеет считать на счетах. Я говорю о мужчинах, из женщин редкие умеют пользоваться счетами. Что касается записей, то у неграмотных, а , пожалуй, и у грамотных иных, их заменяет память, иные углем, где-нибудь на стене делают ряд черточек. Даже в лавке на дверях я видел запись карандашом, что такому-то столько-то отпущено, такой-то столько должен.

281—282. Мера или четверик название маленькой, не имеет определенного объема. Это деревянное лукошко, величина которого различна. Поэтому, занимая у соседей хлеб, мужик возвращает долг, меряя тем же четвериком, которым мерил при займе. О четверти и гарнце понятия не имеют. В домашнем обиходе они довольствуются четвериком или мешком (2—3 м) в соседских отношениях величины, а менее четверика измеряются лукошками различной величины. Есть еще мера «шабалка», это совершенно неопределенная величина, говорят: «Дай лошади хоть шабалку овса». Это значит дать немного, приблизительно фунтов 5—6 овса.

Вес употребляется при измерении масла, шерсти, льна, семени льняного. Если случается купить хлеба, то дают приблизительно, на глаз, сено в небольшом количестве также продается не на вес, а приблизительно. О квадратных и кубических мерах крестьяне вовсе не имеют понятия.

В кубических мерах им нет и надобности большой. Земля считается полосами, загонами. Покос, т.е. луга определяются количеством стогов, которое накашивается на известном лугу, величина стога измеряется обхватами и саженями и по этому узнают, сколько в нем должно быть зимних возов (зимний воз — 20—25 пудов), так как высота стога прямо пропорциональна диаметру его в самом широком месте. Вообще относительно измерения крестьяне чаще всего руководствуются зрением, точно вычислить что-нибудь им не суметь, а потому они не любят такой способ определения. Также они не имеют ни малейшего представления о десятине, хотя и знают, что надельной земли на душу приходится столько-то десятин, но знание это скорее отвлеченное, документальное, а никак не конкретное.

Мне ни разу не случалось видеть у плотников какой-нибудь меры длины, у некоторых даже ватерпаса нет. Все делается на глаз. Правда, крестьяне говорят, изба столько-то аршин длины и ширины. Высота определяется количеством бревен в стене, говорят, в 15—20 рядов. Замечательно, как развит у крестьян глазомер, разумеется, в отношении определения больших величин. Весной, когда по реке плывут плоты, каждый даже не работавший в лесу, с точностью скажет Вам, какой длины плот.

Не удивительно, что и при постройке зданий они свободно обходятся без мер, определяющих протяжение. Окна делают одинаковой величины, двери также. Подобно тому, как площади и протяжение крестьяне измеряют на глаз, так и для определения времени, необходимого для того, чтобы пройти известное расстояние, существует мера — опыт. Крестьянин не будет рассчитывать арифметически. Он на основании личного опыта заключит, что пешеход должен придти в такое-то время, принимая все-таки в соображение и субъективную способность пешехода к хождению, и никогда не ошибется. Такой же метод он прилагает и к определению времени для лошади.

283. Определение времени. Редкие имеют часы, да и те, кто имеет, держат их как украшение и своего рода роскошь, нисколько не заботясь о правильности хода. Между тем, в летнее время идут домой обедать, как постоянно приходится видеть, приблизительно около одного времени. Осенью молотить начинают также около одного времени. В первом случае, т. е. днем, часами служит солнышко или тень, отбрасываемая солнцем, ночью же узнают время по пению петухов. Если же нет солнца, то просто по количеству работы, которую успели сделать за известный промежуток времени.
Относительно календаря они имеют такое же представление, как и квадратных мерах. Для них названия месяцев и чисел ничего не говорят. Зато хорошо знают, сколько недель от зимнего Николы до вешнего, от вешнего до Покрова (1 октября), до Парасковии (28 октября), до Кузьмы — Демьяна и т. п., это они точно знают. Сколько недель в году — им до этого нет дела. Сообразно этому поступают при найме работников и др. [неразборчиво] как, напр., когда отелилась корова.

Ф. 7. Оп. 2. Д. 663

Искусство
293. Украшения. К украшениям всякого рода питают какую-то детскую слабость, украшают в своем домашнем обиходе положительно все, что только можно украсить. Украшают жилища и внутри и снаружи, украшают лошадей, когда отправляются в церковь или в гости, сани и прочее. Причем стараются, чтоб украшения эти бросались каждому в глаза, и потому они отличаются яркостью цветов и пестротою. Чашки, из которых едят кушанье, ложки — непременно с красными или зелеными цветами. Вокруг окон, с наружной стороны, обязательно есть какое-нибудь резное украшение, а если дом побогаче, то оно раскрашено разными яркими цветами; на ставнях красуются какие-то фантастические цветы или драконы и львы. Сани праздничные тоже расписаны различными фигурами. Сбруя вся унизана медными бляхами, «набором». Женщины мало, но девицы также не чужды украшений: бусы янтарные, серебряные и медные кольца на руках, широкие алые ленты — обычные украшения. Само собой, чем ярче, чем богаче цветами украшения, чем их больше, тем и владетель их считается зажиточнее. Все украшения крестьяне приобретают на стороне, только резьба на окнах, крыльцах и на коньке крыши делаются местными плотниками и столярами.

294. Картины и портреты. Почти в каждой избе можно встретить хоть одну картину. За неимением же картин, приклеивают бумажки и картинки от чаю, конфет и т. п. В другой избе на стенах — красуются картинки мод из приложений к иллюстрированным журналам. Из картин преобладают духовного содержания, которые приклеиваются ближе к образам. В некоторых избах приходилось встречать старые картины, изображающие эпизоды из Турецкой войны 77—78 г. г., взятие Плевны, Карса, переход русских войск через Дунай, неистовства турок над болгарами и т. п. светского содержания — преимущественно иллюстрации к народным песням, также картины сатирического содержания: «Как жена бьет мужа», последствия пьянства и т. п.
Из портретов в последнее время стали появляться портреты отца Иоанна Кронштадтского. Кроме того, главное место между портретами занимают Особы Царствующего Дома. Любя украшать свои избы и горницы картинами, сами крестьяне, однако, совсем не умеют нарисовать даже самого простого предмета, за исключением разве маляров.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 581. Л. 5 об. — 12 об.

Выдел и раздел.
331. Для обозначения дележа существуют следующие выражения: раздел, отдел или выдел, награждение. Раздел означает деление имущества между всеми сыновьями; отдел или выдел, когда отделяется только один из членов семьи, прочие остаются вместе; награждение относится к женщинам. Обыкновенно из раздела получают доли только мужчины, которые обязаны содержать женщин, не имеющих доли в имении.
Раздел и выдел обыкновенно происходит в присутствии старосты и соседей. При этом разрезается хлеб на столько частей, на сколько делится имущество, отец, или в случае его смерти мать благословляет уходящего иконой.

Разделы — явление обычное; очень мало семей, где бы жили вместе даже два женатых брата. Поводы и причины к дележам многочисленны. Главная — несогласие в семье членов. Здесь обычай, что старшая сноха, т.е. ранее приведенная, имеет некоторые преимущества пред второю, вторая пред третьею и т.д. Это вызывает в них чувство зависти, что в свою очередь способствует натянутости отношений и скрытому недоброжелательству, и в конце концов приводит к разделу. Дети снох и свекровь являются нередко причиной раздела, а также и сами мужчины. Например, один из братьев выпивает, работать ленится, другой, наоборот, человек трезвый и старательный. Ему обидно, что его труды не дают того благополучия, на какое он имеет право. Затем, поводом к разделу являются и личные качества членов семьи: строптивость, неуживчивость, стремление к самостоятельности, желание поскорее разбогатеть. Некоторым тормозом, препятствующим приступить к разделу, является несовершеннолетие одного из братьев, особенно, если отца нет в живых. Тогда поневоле приходится ждать той поры, когда все братья будут совершеннолетние. Если, несмотря на это, один из братьев все-таки уходит в отдел, то он получает только часть следуемого ему имущества, остальная додается ему после.

334. Отношения между разделенными, если не примешивается чувство зависти к доле, полученной одним из братьев, остаются родственными. Дети же их не принимают никакого участия в ссоре родителей. Вообще, пока живы родители, внутренняя связь между братьями и их женами существует; со смертью же последних такая связь слабеет.

335. Обыкновенно, старший брат получает при разделе отцовский дом, за это остальным братьям уплачивает известную сумму и, конечно, пользуется также усадебной землей. Полевая же земля делится поровну.

336. Когда раздел совершается миролюбиво, полюбовно, с согласия отца, то отец заранее объявляет, что он намерен дать дочерям, если есть не выданные замуж. Часть эта неприкосновенна и делается их приданым. Затем оставляет себе часть по усмотрению. Все остальное делится на равные части, причем оценка частей производится с общего согласия как лиц заинтересованных в дележе, так и присутствующих соседей. Затем, перекрестившись, принимаются за жеребьевку. Но такой способ дележа не всегда применим, так как при дележе движимого имущества принимается в соображение численность семейства отделяемых. Если у одного брата есть дети, а у другого нет, то и части бывают неодинаковы. Протестовать никто не может. «Надо по Божески», — скажут соседи. Приданое жен остается вне дележа. Если за женой имеется корова, то она в счет не идет. Приплод поступает в общий счет. Если один из братьев умер и оставил после себя детей, то все равно часть умершего брата остается за семьей.

337. При дележе строений всякого рода стараются сохранить равномерность. Если одному достается дом, то другой получает другие постройки: двор, амбар, клеть и т.п., но так, чтобы стоимость дома не превышала стоимости последних, в противном случае доплачивается деньгами. Иногда одному достается изба, другому горница. Если дом имеет две избы, то в обеих избах разделившись и остаются жить братья. Гумно, по большей части, остается в общем пользовании.

338. Имущество делится только между братьями. Я не слышал, чтобы оно делилось между другими лицами: приемышами, племянниками и другими лицами. Подобные случаи редко встречаются. Впрочем зять, если он принят в дом, пользуется при дележе одинаковыми правами. Надо сказать, что в дом принимают зятя по большей части тогда, когда в семье нет мужчин, и таким образом некому продолжать вести хозяйство в случае дряхлости или смерти стариков. Я уже сказал, которое делится [неразборчиво] движимое и недвижимое имущество, за исключением земли. При дележе надельной земли в количественном отношении затруднений не встречается. Стоит только угостить мир, и он охотно дает земли на душу. Затруднения встречаются в качественном отношении. Одна полоса лучше удобрена, другая хуже. Это обстоятельство дает повод к ссорам между отделившимися. Не так давно в волостной суд принесена была жалоба одним из братьев в неравномерном делении земли в качественном отношении. У одного хотя и больше земли, но хлеба родит она меньше, потому что по качеству она уступает первой — низкое место. Если один из членов,

живя на заработках, не присылает в дом, а другой вместе с отцом ведет хозяйство, то это обстоятельство при дележе принимается в расчет. Тот, кто больше способствует материальному увеличению хозяйства, тот и получает больший против других пай; даже отец, имея юридическое право свободно распоряжаться своим имением, не в силах нарушить этого обычая, иначе он заслужит вечный укор и порицание, как со стороны несправедливо обиженных, так и со стороны соседей. Но в случае долговременной или постоянной болезни брата, делается снисхождение в пользу последнего. При этом, если больной брат холост, и болезнь постоянна, то он остается жить с одним из братьев, получая свою долю. Когда же в семье имеется только два брата, то дележа не бывает, здоровый брат делается постоянным хозяином всего имущества. Когда же болезнь постигла после женитьбы, то дележ происходит по общим правилам. Сыновья, живущие в зятьях в чужой семье, при дележе не участвуют в паях, считаясь как бы отделившимися и принадлежащими к членам другой семьи.

339. Дележ бывает окончательный; иногда только отец, чтобы заставить сыновей более уважать себя, оставляет при себе деньги. Что касается долгов семейных, податей, то они распределяются между делящимися поровну или пропорционально полученному имуществу. Иногда все долги берет на себя один из членов, но в таком случае он и получает соответственно большую против других часть.

340. При дележе никаких письменных актов не бывает. В качестве свидетелей являются сельский староста и соседи. Никакого вознаграждения им за это не полагается, разве только угостят водкой. Волостной суд имеет отношение к дележам лишь тогда, когда нет в живых родителей и когда один из делящихся не доволен своим паем. Тогда он подает жалобу в суд, прося рассмотреть дело. Суд на основании показаний свидетелей, тех же соседей, постановляет решение. Мирской суд решает в принципе: последнее слово остается за отцом. Бывает, что отец, не спрашивая мнения стариков, производит дележ, приглашая лишь свидетелей. В случае же ухода, отдела одного из сыновей, мир совсем не участвует. Но согласие схода обязательно необходимо тогда, когда делятся братья, не имеющие родителей. Согласие матери не спрашивается, если муж не оставил ей по завещанию имение.

341. В сущности выдел зависит от желания члена семьи, если только он совершеннолетний. Ни отец, ни брат не могут ему помешать выделиться, только он в подобных случаях всегда получает меньшую, чем следовало бы, часть. Часто отец, рассерженный требованием отдела, лишает его почти всего имущества, за исключением хлеба, который в последнем году был собран. В нынешнем году был такой случай. Жил отец с сыном, последний был женат. Без всякой видимой причины сын вдруг захотел выдела. Отец резонно заметил, что до возвращения другого сына из солдат о выделе и речи не может быть. Но сын, подзадориваемый женой, все-таки требовал выдела. «Если не хочешь жить со мной, уходи, а я тебе ничего не дам до тех пор, пока не вернется из солдат старший сын». Тогда он ушел к родителям жены. Несмотря на жалобы в волостной суд и земскому начальнику о выделе, он не смог ничего получить от отца, за исключением имения, принадлежащего лично ему и жене, да сверх того отец из милости дал ему овцу и небольшое количество хлеба.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 579. Л. 1—3 об.

А вот другой случай: в семье, где был жив еще дедушка, отец, глава семьи, стал выпивать в ущерб хозяйству. Тогда дедушка потребовал раздела, взяв себе такую же часть, как и все прочие члены, т.е. внучки и сын, и ушел жить к одному из внучков. Вообще надо сказать, что право отца в отношении имущества неограниченно. Все, что находится в доме или относится к хозяйству, безусловно принадлежит отцу. Сыновья, сколько бы они ни работали, ничего не имеют такого, что бы могли считать своим. Только над приданым жены своего сына он не имеет права хозяина. Таким образом сын, пожелавший отделиться вопреки желанию отца, рискует уйти из дома буквально ни с чем. Только в том случае, если отец станет притеснять, сын может искать защиты у мира и просить выдела. Мир, обыкновенно обсудивши подробно все дело, принимая во внимание характер, поведение и работоспособность обеих сторон, решает — есть ли основание к выделу. Решение мира является обязательным для той и другой стороны. В случае, если мир признает необходимость выдела, то отец обязан

выделить следуемую ему часть по справедливости. В случае же самовольного ухода все будет зависеть от воли отца. Когда за смертью отца домом правит старший брат, то выдел и раздел зависит от обоюдных согласий, если все братья совершеннолетние, в противном случае дожидаются, когда исполнится совершеннолетие. Если ссоры доходят до того, что совместная жизнь становится слишком тяжелой и даже сказывается на хозяйстве, то с согласия мира происходит выдел неуживчивого члена.

342. Женщины, т. е. дочери, не вышедшие еще замуж, при дележе имеют свою долю, хотя и меньшую против братьев (не могу сказать, какую именно). Мать остается с отцом, т. е. с мужем, если он жив, если же он умер, то она получает его часть. Племянник получает отцовскую часть. В случае, если после смерти одного из братьев детей не осталось, то жена лишается доли в дележе.

347. В случае неповиновения сына или оскорбительных поступков отец может жаловаться на него миру, волостному суду, земскому начальнику, он может отпороть его при волостном правлении, но все-таки выгнать его из дома не может, не может лишить сына определенного пая. Например, одна мать просила земского начальника выделить [неразборчиво] от нее сына, который пьянствовал и нередко даже колотил. Земский начальник сказал: «Ты построй ему дом, дай лошадь, корову и тогда отделяй».

348. Как бы отец стар и дряхл не был, но раз он находится в полном разуме, все права отцовской власти всецело остаются за ним. Без согласия его не может быть раздела. Выделенное сыну отец ни в коем случае не может взять обратно. При разделе отец берет себе обыкновенно дом или значительную часть его. Остальное делится поровну между участниками, за исключением тех случаев, о которых сказано выше. Вообще он пользуется большей против других частью. Остальное делится поровну между участниками, за исключением трех случаев, о которых сказано выше. После смерти отца эта часть поступает в пользу жены последнего. Если же она умерла, то делится на законном основании между ближайшими родственниками. Когда отец не берет себе части, то она уступается тому, кто обязуется кормить и содержать отца.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 612. Л. 2—26 об.

369. Распределение работ между членами семьи. В отношении специализации занятий нет строгого разграничения в буквальном смысле слова. Правда, работы, требующие наибольшей физической силы (например, орание), исполняются по преимуществу мужчинами, но при отсутствии последних: уходе на заработки, смерти или болезни исполняют эту работу женщины. Такие же работы, как молотьба хлеба (совершается исключительно цепами и поэтому чрезвычайно тяжела), рубка лесу для дров исполняются наравне всеми взрослыми членами семьи, даже и девушками. Только в отношении ухода за скотом соблюдается некоторый порядок. Уход за лошадьми лежит на обязанности мужчин, за прочим же скотом ходят женщины. От пряденья и тканья мужчины освобождены, а плетение лаптей для семьи — специальность мужчин. Иногда глава дома по своему усмотрению дозволяет снохам или дочкам пользоваться деньгами, вырученными от продажи, например, холста или небольшого количества масла, это делается не во всех семьях, а только в состоятельных; в бедных же семьях все деньги, вырученные за проданные продукты, поступают главе дома, который и распоряжается ими вполне самостоятельно, при этом часть вырученных денег он отдает хозяйке для мелких домашних расходов. Но как в бедных, так и состоятельных семьях женщины и вообще подчиненные члены семьи находят возможным иметь карманные деньги, продавая тайком от хозяина домашние продукты.

Дети в крестьянских семьях начинают работать очень рано: с 9—10 лет и даже ранее. Нередко можно увидеть девочку лет 9—10, нянчившуюся с грудным ребенком; таких нянек-детей нанимают даже посторонние, давая им плату от 3—4 рублей в лето. Десятилетний мальчик сумеет уже сплести для себя лапти. Зимой он возит из лесу дрова, отец берет его с собой иногда верст за 10—15, чтобы гонять лошадь, т. е. вести лошадь с бревном на место свалки; весной мальчик рубит дрова. Одним словом, крестьянские дети 10—12 лет уже исполняют массу разнообразных работ как при доме, так и в поле. Они жнут, боронят землю, гребут сено, помогают при молотьбе. Юноша семнадцати лет считается полным работником и плата ему, если нанимается

в работники, 20—30 рублей в лето. Например, племянница моей прислуги шестнадцати лет в нынешнем году нанялась в работницы с 13 апреля до 26 октября за 15 рублей — плату. Принимая во внимание нормальную плату взрослой женщины за 27 рублей, плату в 15 для четырнадцатилетней девочки надо признать довольно высокою. Из этого видно, как рано крестьянские дети приучаются к работе.

370. Уход членов семьи на заработки. Выражение «на заработки» имеет разное значение, именно: когда мужик, уходя из дому для работы, сам не знает, что он будет делать, для него одно ясно: должен заработать денег на покупку, например, лошади, коровы, уплату податей и проч. Он поступает на фабрику, завод, на железную дорогу, идет в губернский или в уездный город проработать столько времени, пока не успеет заработать нужную ему сумму. Когда же он сплавляет лес, то говорят: «ушел в ход, ушел с лесом». Про ушедших на заработки в столичные города прямо говорят: «ушел в Питер, в Москву».
Принимая заработки в первом значении, можно сказать, что на них уходят исключительно мужчины. Причиной ухода является крайняя нужда дома, поправить которую необходимо как можно скорее, иначе хозяйство может в конец разориться (например, отсутствие домашнего скота, накопление недоимок, пожар, неурожай). Являясь следствием необходимости, результаты подобных заработков бывают обыкновенно благополучны, если только крестьянин сумеет найти подходящую работу и все заработанные деньги приносит обыкновенно с собою. Конечно, для заработков посылается надежный член семьи. Женщины на заработки не уходят.
Мелкие заработки в праздничные дни поступают в пользу члена семьи. Если член семьи, отправившийся в отхожий промысел, — в Петербург или в Москву, начинает вести дурную жизнь или не присылает в дом, то его вытребывает отец домой, часто даже этапным порядком. Впрочем иные ухитряются проживать в столицах без паспорта по несколько лет. Но зато по возвращении домой блудного сына вместо приветствия ожидает публичная порка при волостном правлении. При дележе наследства он пользуется меньшею против других братьев частью, а часто даже и совсем лишается наследства. Положение жены и детей таких отсутствующих членов семьи находится в зависимости от той пользы, какую дают его заработки дому. При этом должно заметить, что все письма, все посылки и деньги должны быть посылаемы на имя хозяина дома, а если его нет, на имя матери. Всякое уклонение от этого правила считается обидой, оскорблением главы семьи и может вызвать неприятное столкновение с семьею отсутствующего и даже послужить поводом к отделению. Даже простое письмо крестьянин не может послать жене помимо отца или матери. Если присланные жене гостинцы отец найдет излишним, то он без церемонии убирает к себе, хотя бы это были ботинки или платок. Ввиду таких деспотических стремлений отца или матери, муж, если хочет послать жене что-нибудь, делает это тайно, адресуя посылки на чужое имя. Такой взгляд основывается на принципе, что все в семье должно быть общее и что хранителем домашнего добра считается он, отец, как глава дома, а потому и распоряжаться этим добром имеет право только он, с другой стороны имеет силу то убеждение, что всякое проявление внимания мужа к жене может только испортить ее, ослабив принцип подчиненности и к свекру, и к мужу. Запрещая мужу непосредственно переписываться с женой, отец в то же время запрещает переписку и снохе со своим мужем. В этом случае им руководит опасение, как бы она не пожаловалась мужу и вообще не написала бы чего-нибудь неблагоприятного. Жена может писать мужу в тех письмах, которые пишет ему отец, который и является тогда цензором.
В отхожий промысел отправляются иногда и девушки, именно, когда они потеряли всякую надежду выйти замуж почему-либо. Такие лица живут на стороне довольно продолжительное время.

373. Батраки. Батраки известны под именем работников и работниц. Нанимаются по преимуществу на летние работы. Отношения между работником и хозяином остаются те же, что были и ранее. Они вместе работают, вместе едят, вместе по праздникам и пьют. Вообще, быть работником не считается унизительным. Но все-таки работник, как человек бедный, никогда не может рассчитывать, чтобы за него выдали девушку из состоятельной семьи. Но в доме принять могут, если он человек работящий и трезвый. Скорее может выйти замуж работница-девушка за парня из зажиточной семьи. Вообще все зависит от личных качеств работника.

374. Охота и рыбная ловля. Охота в качестве промысла у нас мало развита, рыбная ловля, если и практикуется, то не с коммерческой целью, а для собственного употребления. От охоты крестьянин получает очень мало выгоды, разве посчастливится убить медведя; тогда от продажи шкуры он может выручить рублей 20—25, в последнее время и того меньше. Мясо бросается, как предмет ненужный. Иногда забегают лоси и олени. В этих случаях охота дает возможность охотнику питаться мясом этих животных почти в течение всего года, которое они солят. Осенью охотятся на белок, глухарей и тетеревов. Дичь продают в городе, шкурки же белок скупщикам копеек по 67 за шкурку. Попадаются также лисицы (редко), зайцы, норки, выдры. Шкура лисицы идет рубля по 3, а зайца — копеек по 10. Мясо глухарей продается копеек по 60, утки — 15 и даже 10 копеек штука. Охота производится исключительно ружьем; на зверей ставят капканы.
Рыбная ловля производится весной, во время разлива воды, и осенью, а также летом, во время паводков. Весной рыба ловится по преимуществу саком, летом — бреднем, сетями, неводами, удочкой, осенью употребляются те же приборы, что и летом, с присоединением остроги. Ловля острогой производится ночью при огне. Способ этот общеизвестен.

375. Пчеловодство. Пчеловодство в нашей местности развито весьма слабо. Во всей волости можно насчитать не больше двух — двух с половиной десятков пчеловодов. Я, например, знаю только одного пчеловода, обладающего двумя с чем-то десятками ульев. У остальных же хозяев пчеловодный инвентарь не превышает 10, много 15 ульев. Пчеловодством занимаются почти только люди пожилые, для которых полевые работы становятся не под силу. Занимаются также и женщины. Пчеловодство своего рода занятие преемственное: оно передается от отца к сыну до тех пор, пока на переведутся ульи. Случаи возникновения пчеловодства у новых лиц среди крестьян весьма редки.
Занятие это ведется, как и все, примитивно: пчелы находятся в дуплянках и вся работа пчеловода ограничивается собиранием меда, да хранением пчелиных семей зимой. В прочем же он беспомощен. В силу своей косности, мужик хоть и видит примеры рационального ведения дела — относится или скептически, или индифферентно. Ввиду этого и занятие пчеловодством не приносит той выгоды, какую она принесла бы при уменье ведения дела. От десяти случаев пчеловод продает несколько фунтов меду, да себе оставит; в другой же год и того не получить.

376. Домашние животные. По отзывам крестьян, на одну душу, надел крестьянский у нас 6 десятин, нужно иметь: лошадь, две коровы и 3—4 овцы. По словам опытных хозяев, такое количество животных необходимо, во-первых, для того, чтобы иметь достаточное количество удобрения для земли, а во-вторых, чтобы в течение всего года [были] свои молочные продукты. К сожалению, такая пропорция домашних животных к числу душ встречается весьма редко. Есть немало таких хозяйств, где или лошади или коровы нет, хотя имеют надел на две души.
Лошадь служит крестьянину исключительно для работы. От коровы он пользуется молоком, которое употребляет в кислом виде с творогом; сметана же идет на подправку (забелу) щей, которые употребляют в скоромные дни. Масло, которое успеет скопить экономная хозяйка, продается.
От овцы он получает шерсть, мясо; овчины иногда продает; куры держатся только для яиц, мясо их, ввиду экономии, не употребляется в пищу. Свиней приберегают к Рождеству, когда их и колют для домашнего употребления, иногда часть продается.
Коровы помещаются в немшоных дворах и потому холодных; лошади в хлевах (огороженная часть двора), которые часто мшатся и бывают обыкновенно теплее двора, овцы и куры — в подпольях, почти в полной темноте, так как здесь проделывается одно или два меленьких окошечка, сквозь которые и свет почти не проникает по причине массы пыли на стеклах. Когда ягнятся овцы, их недели на две — три помещают в избу. Туда же помещают и только что родившегося теленка. Можно представить себе воздух в избе. Кормят лошадей и овец сеном, а коров соломой; поят простой водой, изредка отрубями. Курам дают овес или отруби, смешанные с водой (мешанина).
Для пастьбы коров летом нанимают пастуха. Овцы и лошади пасутся одни, без присмотра. Злоумышленников у нас не слышно.

377. Жилище семьи, пристройки. Материалом для постройки дома служит преимущественно лес, который, по большей части, в настоящее время приходится покупать или в казенных дачах, или у лесопромышленников. Способ постройки дома такой: сначала делаются так называемые срубы, т. е. капитальные стены. Потом на назначенном месте, смотря по величине дома, вкапываются в землю толстые столбы, служащие фундаментом дома. На эти столбы кладутся наиболее толстые бревна и затем постепенно накладывается одно бревно на другое, причем часть бревна, прилегающая к нижнему, вырубается таким образом, что на нем сразу образуется желоб, это делается для того, чтобы бревна плотнее прилегали друг к другу. Затем, когда по мнению хозяев стройка возведена на достаточную высоту, приступают к устройству крыши, которая бывает трех родов: конусообразная, продолговатая, но с четырьмя или тремя скатами, или, наконец, с тремя покатостями. Обыкновенно крыша бывает соломенная, чтобы солома лежала плотно, поверх ее кладут толстые жерди

(слёги), вершка 2—2 ½, а чтобы жерди не скатывались, делают курицы. Это ничто иное, как толстые бревна, в которые на известном расстоянии, чаще 1 ½ аршина вертикально к плоскости земли вколачиваются зубья, таким образом зубцы и препятствуют жердям скатываться вниз.

Снаружи крестьянский дом кажется очень большим, но войдешь в него и иллюзия пропадает. Это зависит от того, что под одной крышей с домом собственно находится и двор (т.е. пристройка для скота), который почти вдвое более собственного дома. Обычный план крестьянского дома: изба и горенка; изба — это комната под отдельными крышами шириною 7, 8—9 аршин, длиною 8—10 аршин. Вдоль стен, на высоте аршина от полу, лавки для сиденья; будучи довольно широкими, они заменяют подчас и кровать. Выше прикреплены полки (полицы), куда складывается всякая рухлядь. В переднем углу на полке находятся иконы, на стенах часто можно видеть картины, купленные где-нибудь на базаре по 1—2 копейки за штуку, самого разнообразного содержания. Крестьяне в этом случае обращают более внимания на яркость красок, чем на содержание.

Возле задней стены обыкновенно помещается печь, которая вместе с пристроенным к ней голбцем занимает ⅛ всей избы. Голбец — это темная каморка, нечто вроде темного чулана, аршин двух высоты и четвертей 5 ширины, длина — длине печи. Назначение голбца двоякое: с одной стороны он служит складом для домашних предметов, например, решета, лукошки, лотки, чашки, горшки и пр., с другой стороны на нем в зимнее время и вообще во время холодов спят; часто, если нет особой западни в полу, через голбец идет вход в подполье. Рядом с голбцем, только несколько повыше, на некотором расстоянии от него тянутся нары (полати), где спят все члены семьи вместе (вповалку). Так как крестьяне не имеют обыкновения делать у себя вешалок, то на полати бросается также вся будничная верхняя одежда.

Где-нибудь около печи или под полатями привешивается глиняный умывальник с лоханью под ним, вечно издающий отвратительный запах, так как она никогда не проветривается и не промывается.

В переднем углу помещается стол для еды, часто раскрашенный яркими цветами или имеющий вокруг надпись вроде: «Отче наш» и пр. Вблизи печи находится залавок, необходимый для стряпухи, так как она здесь разделывает пироги, хлебы, ставит кушанья. Над залавком находится небольшая полка (посудник) для посуды (чашки, тарелки, ложки, ножи и пр.). Высота избы редко достигает трех аршин. Избы большею частью черные, т.е. курные. Дым идет непосредственно в избу, клубится, наполняет избу и выходит через отверстие, проделанное в потолке. Во время топки, чтобы не задохнуться, необходимо бывает открывать дверь, по крайней мере на то время, когда разгораются дрова. Замечательно одно: в этих избах нет клопов, хотя тараканов масса. Многие из крестьян даже и понятия не имеют, что такое клопы. Количество грязи в здешних избах для непривычного человека покажется просто невероятным. Пол от грязи кажется земляным. Остается сказать, что дома в нашей местности устраиваются одноэтажные; двухэтажных буквально не видывал ни одного. Дома, впрочем, довольно высокие, но низ — подполья — предназначается для скотины.

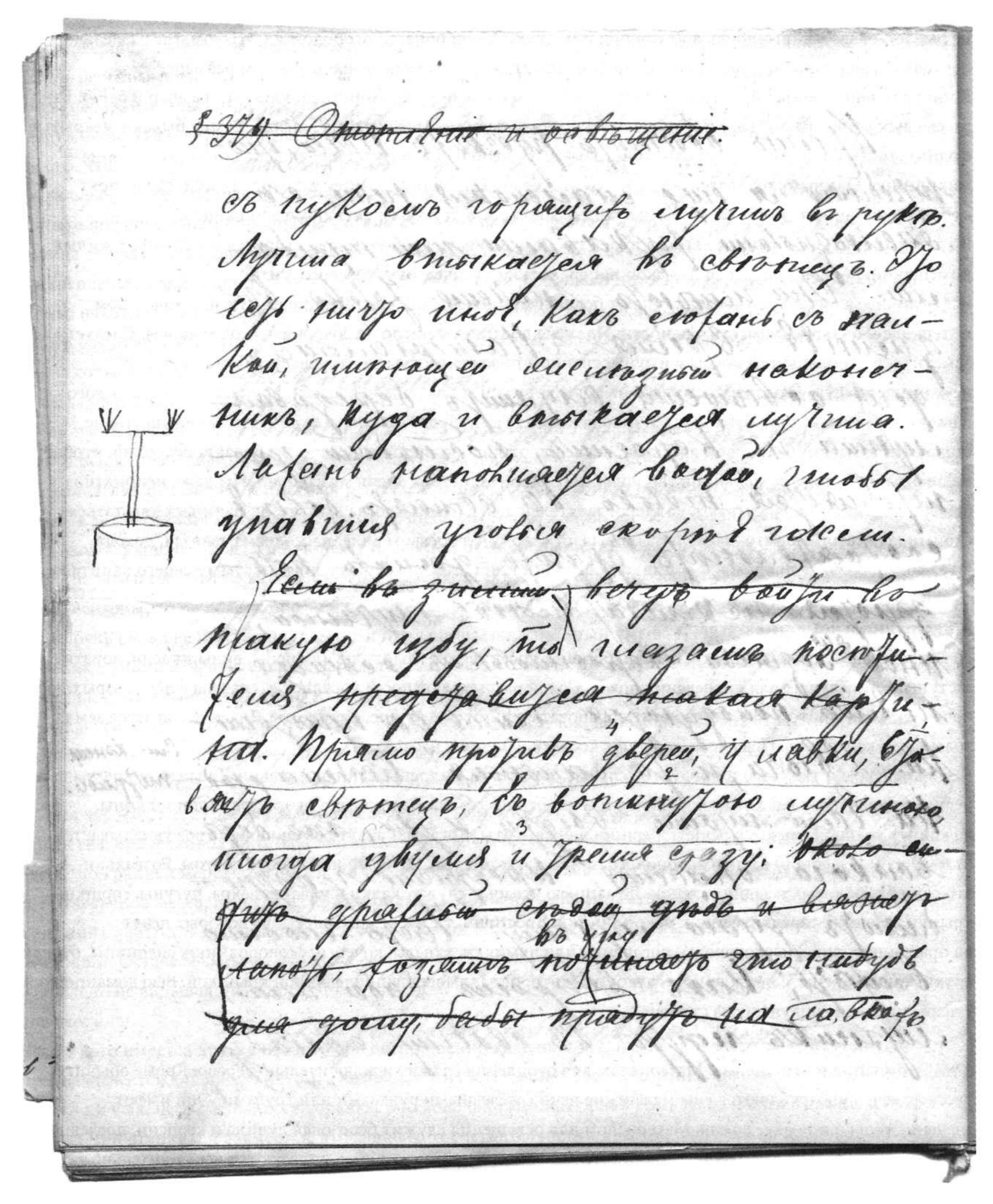
Если у кого имеется другая изба, то она обыкновенно холодная, т.е. без печи и часто даже не мшится; предназначается для житья летом, а зимой служит кладовой, подобно горенке. В каждом почти доме, как бы он мал ни был, непременно есть горенка. Это довольно миниатюрная комнатка: аршин 6 длины и около 4—5 аршин ширины. Разумеется, это зависит от состоятельности крыши. Она служит кладовой и в то же время спальней в летнее время, когда от мух положительно нет никакой возможности спать в избе. Целый день ни окна, ни двери в избе никогда летом не закрываются, о сетках и понятия не имеют и потому мух, при неряшливости хозяев и ребятишек, оставляющих на столе, на лавках, на полу крошки, куски хлеба, остатки кушаньев, накопляется такая масса, что непривычному человеку даже днем трудно посидеть в избе. Поэтому-то крестьянин и старается устроить горенку, чтобы иметь возможность спастись на ночь от мух, день же он проводит в поле. Ход в горенку из сарая. Горенка также не мшится, а потому и печи нет.

Сарай или повить, как было сказано раньше, строится обыкновенно под одной крышей с избою. Сарай состоит из двора, где помещается скот, и сеновала, который собственно и называется сараем, где держится корм для скота. Кроме того, тут же хранятся земледельческие орудия и повозки: телеги, сани и проч. Двор разделяется на несколько отделений. Отделение, где находятся коровы, называется собственно двором, оно бывает больше остальных частей двора. Отделения, где помещаются лошади и овцы, называются хлевами. Часто овцы помещаются в подполье, т.е. под избой, куда также на зиму сажают и кур. Ограды около домов

не бывает, разве какой-нибудь дом с одной или двух сторон обнесен огородом или тылом, где разделано несколько грядок под огурцы и другие мелкие овощи, и то в самом незначительном размере.
К числу хозяйственных пристроек нужно отнести также овин с мякинницей, клеть или амбар и баню. Баня здесь служит не для мытья, а для обработки осенью льна; моются же дома в печах. Гумна бывают некрытые, с одним только овином, к которому пристраивается небольшое помещение для складывания мякины — мякинница. Овины устраивают без печей. В нижней части овина делается неглубокая яма, где и горят дрова, — овинники, для того чтобы высушить снопы, с целью облегчить обмолачивание их.
В клетях хранится собранное летом жито, а также и хозяйское добро. Клети строятся отдельно от жилых помещений, вблизи гумен, в видах скорой переноски с гумна обмолоченного жита.
Все отличие зажиточного крестьянина от бедного заключается в большей прочности, т. е. качеством материала и большей поместительности. План же построек и число их совершенно одинаковы. Следует заметить, что большой разницы в имущественном положении у нас не замечается. Богат тот, кто не занимает денег, у кого хватает хлеба на круглый год и заплачены недоимки. Если же и имеется у кого в наличности несколько сотен рублей или даже 1—3 тысячи, доставшиеся от деда, то такие крестьяне стараются замаскировать свой достаток, всячески отрицая присутствие денег из боязни, вероятно, чтобы их не ограбили, так как большинство подобных «капиталистов» очень мнительно. Им даже неприятно бывает, когда на них указывают, как на обладателей денег. Только когда выпьет, он начинает хвастаться своими деньгами. Но зато, насколько он бывает сдержан в трезвом виде, настолько развязен, доходя до самохвальства, в пьяном виде. В таком состоянии он готов даже преувеличить сумму своего капитала.

378. Орудия и домашняя утварь.
А) Земледельческие орудия: сохи, косули, бороны, косы, серпы, молотилы или цепы, вилы, грабли, лопаты, заступы. Соха служит для проведения полос. Сохой разрыхляют после косули, т. е. сначала «орут», взрыхляют почву косулей, а потом уже, когда хотят обработать пашни еще лучше, орут сохой. Так обделывается земля только под картофель. Под хлеба же пашут косулей. Плугов у нас нет.
В) Для перевозки тяжестей и продуктов служат, тарантасы, андрецы, сани, розвальни. Тарантасы чрезвычайно редки. Андрецы служат для возки снопов и сена. Это не что иное, как телега около трех аршин длины, на концах которой имеются решетки аршин двух высоты. Когда накладут воз снопов (на воз укладывается от 6—9 куч) (суслонов) ржаных снопов, то пригнетают шестом, который называется гнетом. Розвальни — это сани без боковых и задних стенок. Домашнею утварью служат кадки и ухваты, ведра, чугуны, горшки, крынки, плошки, тарелки, чашки, рукомойники, противни, т. е. железные листы, на которых пекут на праздниках пироги, сковороды, поваренки или чумички, ухваты, кочерги, сковородники, солоницы, бураки, лотки, корыта, решета, пошовки т. е. лукошко, которое закрывается приделанной крышкой. Всю домашнюю утварь крестьяне покупают на стороне.

379. Отопление и освещение. Материалом для отопления служит исключительно дерево. Кроме обычных русских печей употребляются еще маленькие печи с железными рукавами или трубами. Они имеют значение только в зимнее время. Материалом для освещения служит березовая лучина и керосин, последний употребляется только в самых более состоятельных домах; в других домах пользуются исключительно лучиной, иные же хозяева керосиновым освещением пользуются лишь в праздники. Свечи, и то сальные, весьма редки. Если нужно выйти куда, то без всякого опасения крестьяне употребляют ту же лучину. Часто можно видеть, как вечером баба или мужик идут к своему соседу с пуком горящих лучин в руке. Лучина втыкается в светец. Это есть не что иное, как лохань с палкой, имеющей железный наконечник, куда и втыкается лучина. Лохань наполняется водой, чтобы упавшие уголья скорее гасли. Если в зимний вечер войти в такую избу, то глазам постороннего представится такая картина. Прямо против дверей, у лавки, ставят светец с воткнутою лучиною, иногда с двумя, тремя сразу. Около сидит драный седой дед и вяжет лапоть. Хозяин в углу починяет что-нибудь для дому, бабы прядут на лавках, ребятишки кричат и дерутся. Дым, копоть, грязь, отвратительный запах. Тут же около дверей находится или молодой теленок, или овца со своими ягнятами. Такова обстановка нашего мужика. Огонь зажигают, когда уже сделается достаточно темно; сидят часов до 10—11. Ужинают рано, часов около 8—9, после чего остаются сидеть только молодухи

§ 379. Отопление и освещение.

съ пукомъ горящихъ лучинъ въ рукѣ. Лучина втыкается въ свѣтецъ. Это есть ничто иное, какъ чурбанъ съ палкой, имѣющей желѣзный наконечникъ, куда и втыкается лучина. Чурбанъ наполняется водой, чтобы упавшия угольки скорѣе гасли.

Если въ зимний вечеръ войти во такую избу, то глазамъ посторонняго представится такая картина. Прямо противъ дверей, у лавки, стоитъ свѣтецъ, съ воткнутою лучиною, тогда ...

и девицы, все же остальные члены семьи тотчас же ложатся спать. Но зато первые, ложась позже, имеют право позже и встать утром. Трут и кремень вышли из употребления. Но все-таки спичками крестьяне дорожат и без особенной нужды не тратят, а стараются найти где-нибудь в печи сохранившийся горячий уголек, раздуть его и засветить тоненькую лучину.

380. Одежда. Одежда крестьян нашей местности не отличается разнообразием, ни в материале, ни в покрое. Будничная одежда мужчин — порты и рубаха, сшитые из грубого холста и выкрашенные — порты в синюю краску, рубаха или в синюю, или в красную; на ногах липовые или березовые лапти. В летнее время в одних рубахах и ходят; зимой надевают полушубки, тулупы, сукмани. Сукмань или кафтан — это поддевка, сшитая из домашнего сукна овечьей шерсти. Такие же сукмани носят и женщины, только у них нет воротника.

На голове овечья шапка. Такова будничная одежда мужчин. Праздничная несколько почище. Нижняя одежда состоит из тех же рубах и портов грубого холста, только почище. Впрочем, более зажиточные надевают ситцевые рубахи. Верхней одеждой служат поддевки, крытые сукном, или черным, или серым солдатским — это летом. Зимой такие же поддевки, только на овчинах. Если нет средств завести поддевку, то надевают нагольный, т.е. ничем не крытый шубняк. В сущности покрой шубняка и поддевки, а также сукманя или кафтана почти одинаков. Разница состоит только в том, что у поддевки складки (боры) идут вокруг всей талии, а у шубняка или полушубка толко сзади, сукмань шьется без складок. Разница между шубняком и полушубком заключается в длине: шубняк подлиннее. Кроме перечисленной зимней одежды мужчины употребляют еще армяк, нечто вроде халата из старого грубого сукна. Молодые парни наряжаются уж несколько щеголеватее. Среди них заметно даже стремление и к франтовству, выражающемся в подражании так называемому немецкому платью. Правда, сюртуки встречаются пока редко, верхних пальто я не видывал, но «пиджаки» и брюки даже. Калоши, а также карманные часы служа[т] предметом гордости у более состоятельных и предметом вожделения у менее состоятельных парней. В конце концов почти каждый парень обзаводится триковым и суконным пиджаком и брюками. Калоши служат не столько необходимостью, сколько для тщеславия. Сплошь и рядом случается видеть парня, идущего в резиновых калошах, когда на улице стоит сушь, наоборот, в грязную погоду он идет без калош, боясь замарать. Дома калоши ставятся где-нибудь на полке, на видном месте. И вот в праздник парень облекается в пиджак, брюки на выпуск, ноги обуты в обильно смазанные дегтем сапоги с калошами; пиджак нараспашку, под которым виднеется ярко красная, синяя, голубая, алая рубашка из шерстяной материи и непременно вышитая, так как в нашей местности искусство вышивания по канве распространено весьма сильно. Трудно, даже очень, встретить девушку, не умеющую вышивать; многие не могут сшить простой кофты, но вышивать умеют. Надо сказать, что парни, отправляясь в праздник хоровод, стараются одеться как можно щеголеватее, как не одеваются, даже идя в церковь. На голове фуражка — шляп нет. Женская одежда, подобно мужской, также не отличается разнообразием. Рубаха, состоящая из двух частей — подстава и ворот. Первая имеется из толстого сурового (небеленого) холста, вторая, т.е. та часть, которая облегает грудь, шьется из холста и ситцу. В первом случае холст красится в синюю или красную краску, а ситец употребляется преимущественно красный — кумач. Рукава у рубашки широкие, доходящие до кисти, разницы [в] покрое рубашек замужних и девиц нет. Поверх рубашки надевается сарафан или крашеного холста, или ситцевый, в таком случае холст красится несколько иначе, т.е. рисунок бывает несколько иной: цветочки, полоски и проч. Верхней одеждой служат те же поддевки, сукмани и кафтаны. Пальто в талию, «дипломат», встречаются пока редко. Обязательно у каждой девицы должна быть суконная поддевка, зимняя и летняя. Праздничный костюм девицы шерстяной или ситцевый сарафан, белая или красная кумачовая рубашка с вшитым воротником и рукавами у кисти, на голове шелковый плат с цветами и огромными кистями, который стараются распустить как можно шире по спине. Кроме платков употребляются еще шляпки. Чем пестрее шляпка, чем больше на ней цветов и алых лент, тем элегантнее она считается. Летняя шляпка употребляется также и зимой. Например, в один из масленичных дней, когда в нашей деревне бывает катанье на лошадях, и куда съезжаются молодые люди почти со всего прихода, приехали кататься две девицы. На плечи был накинуты огромные пестрые ковровые шали, которые покрывали всю спину, на голове красовались высокие соломенные шляпки, сплошь покрытые цветами и лентами, эффект усиливался еще тем, что и шали, и шляпки были совершенно одинаковы. Разумеется, девицы с завистью, зрители с удовольствием смотрели на сию картину, находя подобный костюм верхом изящества. Шляпки эти покупаются у местных аристократок (из числа старых), переделываются сообразно вкусу крестьян. Кроме сарафанов употребляют еще платья с кофтой в талию; летом многие девицы выходят с дамскими зонтиками. У каждой на руках и в ушах можно видеть серебряные и медные кольца и серьги; браслет не видывал. Кольца и серьги носят также и парни, хотя бы они были и не женаты; серьги, впрочем, носят в одном ухе. Прическа девиц самая простая: во время гулянья и в церковь заплетают одну косу, вплетая ленту, алую или красную. Женщины сбирают волос на затылке; у них две, а не одна коса. Замужнюю молодую женщину можно отличить еще по шлыку на голове — это вроде чепца, находящегося под платком; из-под платка на лоб с него спускаются «поднизки», т.е. низанная из бисеру полоска, шириною пальца в полтора. Обувью служат лапти и сапоги дома, ботинки и сапоги в праздник; девицы употребляют еще и калоши. Ребятишки ходят прямо в одних рубашонках, даже семилетний мальчишка бегает по улице без штанов,

в грязной изорванной рубашонке, девочки 8—9 лет без церемонии ходят в одних исподних рубашках. Даже взрослые женщины и девицы во время жары работают в одних нижних рубашках, а старух можно часто встретить даже и дома в подобном костюме. Стригутся одни мужчины, и то в кружок, стричься наголо, по их мнению, грех. Что касается косметик, то наши девицы также не прочь попользоваться искусственными способами для придания себе большей красоты. Только это у нас бывает проще и, так сказать, открытее. Каждый раз, идя в церковь, можно встретить где-нибудь группу девиц, помогающих друг другу румяниться. Румянами служат конфетные бумажки, лоскутки линючей материи. Натираются до тех пор, пока на сойдет краска с бумажки. Можно себе представить физиономию девицы после такой операции. У каждой почти в руках имеется маленькое зеркальце для того, чтобы лично убедиться, насколько хорошо подкрашена. Даже на паперти церкви не стесняются краситься и оправляться. Для придания своему лицу большего румянца употребляется еще бодяга; о покупных румянах и белилах они, кажется, и понятия не имеют, по крайней мере я не слыхивал об этом. Из предметов косметики покупают только помаду, которую и употребляют в праздники: чем больше праздник, тем сильнее напомаживаются. Помаду употребляют и девицы, и парни. Духов еще не знают.
О влиянии в перемене одежде сказано выше: пинжаки, брюки, женские пальто, шляпы и прочее.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 619. Л. 1—8 об.

381. Пища. Пища крестьян нашей местности скудна и однообразна. Главным пищевым продуктом служит ржаной хлеб и картофель. Последний истребляется в таком количестве, что несмотря на большие запасы (мер 100—200), не всегда оказывается достаточным для прокормления семьи в течение года. Без картофеля большинству населения пришлось бы голодать, особенно весной и в начале лета. У многих запасов хлеба (ржаной муки) хватает лишь до Рождества, а потом они принуждены покупать или занимать. В последнее время явление это сделалось чуть не всеобщим: из 10 хозяев 9 принуждены пользоваться покупным хлебом. 15 марта в ближайшем селе бывает ярмарка и здесь главным предметом торговли служит мука. Мешка ржаной муки в четыре с половиной пуда для семьи в 5—6 человек хватает не больше как на месяц. Поэтому, ввиду большой экономии, хлеб многие пекут вместе с отбоями.
Обычная пища крестьянина весной: кашица овсяная или щи с капустой, картофель, каша и горох составляют принадлежности стола лишь немногих состоятельных хозяев. При недостатке коров и корма и молочными продуктами не богаты, так что разница между постным и скоромным столом почти отсутствует. Тот небольшой запас коровьего масла, которое умеют скопить, стараются продать, сами же довольствуются кислым молоком с творогом; масло же, и то в праздники, употребляют больше льняное. Например, в прошлую масленицу просила у меня взаймы коровьего масленица одна баба только потому, что ждала к себе молодого зятя. Насколько скудна бывает весной пища крестьян, показывает следующий факт. Однажды к моей жене пришла зачем-то женщина с грудным ребенком на руках. Несмотря на то, что ему было, что-то помнится, с лишком полтора года, он поражал своей чрезмерной худобой рук и ног и неестественно большим животом; в руках он имел черствую корку черного хлеба, которую изо всех сил старался разгрызть своими крошечными зубами. Разумеется, жена дала ему кусок белой булки и надо было видеть, с какой недетской жадностью малютка набросился на лакомый для него кусок. «Чем ты его кормишь?» — спросила жена. «Ой, матушка, какое теперь наше кормление! Что сами едим, то и им даем». «Как! И ему? Что же вы едите?» «Да что? Щи да вот хлеб, да и тот покупаем; оставалась капуста, да вся вышла, а картофель надо на семена.» Ну, а молоко?» «Да корова-то перестала доить, а у других-то тоже свои ребятишки, а корма-то, сама знаешь, какие теперь у нас: одна солома, почитай, всю зиму была». Другая женщина говорила: «Ой, матушка, теперь (осенью) что... теперь благодать, не как весной: и брюква есть, и картофель свежий, морковь, огурцы...» «Ужели и маленьким даете это же?» «Ничего-о, здоровее будут.» Правда, описанные здесь женщины — бедны, но здесь больше бедных, чем богатых и такие сцены не редки. Осенью — другое дело. Сравнительно с весною и летом стол может показаться роскошным. На столе у многих почти каждый день можно видеть мясо. Вместо обычных двух блюд бывает и четыре: щи с салом, овсяная каша с салом, картофель с салом, да и молоко не редкость; в выборе кушаньев является некоторое разнообразие: картофельник — толченый в молоке и яйцом картофель изжаренный, морковник —

приготовленный подобным же образом, черевник — из разных внутренностей животных, брюквенник. В постные дни капуста соленая с квасом, огурцы, редька, брюква с квасом, клюква и брусника с толокном. Конечно, не каждый и в эту пору может так роскошествовать; найдется немало таких хозяев, которые могут заколоть только трех, двух и даже одного ягненка, овцу — такие, разумеется, должны беречь мясо только для более важных случаев. Лица среднего достатка в состоянии заколоть 5—6 штук ягнят и овец. Этим запасом мяса и ограничиваются. Покупать свежего мяса, даже в Пасху, в местные праздники — не в обычае. В местные праздники, когда приезжают родные и знакомые, на столе появляются пряники, закуски, крендели, орехи и даже конфеты.

Стряпает обыкновенно старшая в семье женщина, жена главы дома, под ее ведением находятся и все запасы домашние.

Осенью бывает заготовка огурцов, соленой капусты, последней в небольшом количестве и даже не у всех, соленого мяса, грибов и ягод. Грибы солятся — волнухи, грузди, рыжики и сушатся — белые грибы, масленники. Из ягод заготовляют бруснику и клюкву, последнюю мочат в воде. Ягоды в качестве пищевого продукта употребляются в постные дни и особенно в великий пост.

Из напитков употребляется квас, пиво, водка, чай и брага. Квас — напиток повседневный и всеобщий. Квас в нашей местности приготовляют из ржаного солода. Остальные напитки, в том числе и чай, являются лишь как роскошь. Самовар не в каждом доме можно встретить, и то чаще жестяной. Даже наш старшина, человек сравнительно состоятельный, чай пьет не каждый день. Странно то обстоятельство, что старики почему-то враждебно относятся к этому напитку, видя в нем главную причину обеднения крестьян, между тем как с вином мирятся. Пиво варится из ржаного или ячменного солода с прибавлением хмеля и только в праздники и осенью, когда оканчиваются напольные работы. Что касается вина, то этот напиток употребляется не только в праздники, но при всяком удобном и неудобном случае. Всякое условие, всякая сделка сопровождается водкой. Во время местных праздников, которые в каждой деревне бывают раза два или три в год, у бедного крестьянина выходит ведра по два и более.

Крестьяне обыкновенно едят три раза в день: утром, часов в 7—8, завтрак (если можно горячее, хоть картофель), обед в полдень и ужин в 8—9 часов вечера. В летнее время порядок еды приблизительно такой же, разве завтрак совершается поскорее, сухоедением. Вообще в эту пору порядок еды находится в зависимости от условий работы. В период кошенины едят в разное время, во время жатвы — также. Садясь за стол, мужик считает непременною обязанностью умыть руки, вернее сполоснуть, так как вся грязь целиком остается и после этого. Моют ли женщины — мне не приходилось наблюдать. Не перекрестясь, не садится за стол никто, даже ребенок должен предварительно помолиться; с молитвой приступают к чаепитию, с молитвой и к винопитию.

Обыкновенно маленькие садятся прежде взрослых (обедают все вместе) и ближе к блюду. Во время обеда смех и шутки строго останавливаются старшими, в противном случае кто-нибудь из старших ложкой ударит по лбу, а больших строго бранят. Вообще во время еды все должны держать себя чинно. Относительно пищи все члены семьи сохраняют полное равенство. Но случаются и исключения. Например, я знаю одного человека (судья при волостном правлении), который, не церемонясь, выбирает себе лучшие куски, оставляя другим, что похуже. Кроме того, некоторые свекрови втихомолку стараются кормить родных деток лучше, нежели сноху, и подобное явление среди крестьян не редкость.

382. Развлечения дома. Крестьянин не знает никаких домашних развлечений. Зиму он проводит в так называемом «застое», т. е. в лесу, где рубит лес, осенью припасает для дому дрова, летом — полевые работы. Измученный, усталый, нередко измокший и озябший крестьянин, вернувшись домой, рад поскорее отдохнуть и поесть. Женская половина занимается пряденьем льна и починкой платья. В праздники мужик или напивается, или сидит дома, редко когда он пойдет покалякать к соседу. В последнее время, хотя и слабо, начинает проявляться охота к чтению. Некоторые из крестьян берут книги и читают среди собравшихся в какой-нибудь избе. Но беда в том, что книг нет. Карточная игра слабо развита. Такие игроки известны наперечет. Причиной этому, вероятно, отсутствие денег. Молодежь собирается на посиделки и пляшет. Парни и девицы в карты не играют. Весной, впрочем, одни парни между собой иногда играют в карты на деньги. Обычные игры — стуколка, в три листика. Девицы катают на лугу яйца.

383. Курение и нюханье табаку. Обыкновенно курят мужчины, даже мальчики лет 11—12, на улице среди толпы. Курящих среди взрослых около 70. Несмотря на крепость табака, они никогда не выходят из избы, как бы сильно накурено ни было. Нюханье, если и встречается, то лишь между стариками, и то редко.

384. Опрятность. Войдя в избу нашего крестьянина, поражаешься сильной неряшливостью. Черные стены, черный потолок, черный пол. На всем грязь. Беспорядок такой, будто хозяева собрались куда-то уезжать. На лавках валяется тряпье, на полу лапти, онучи, щепки, мешки с мукой или с картофелем. Где валяется толстый кряж, где охапка дров, ушат с водой, лохань с пойлом и т. д. Если вы вздумаете сесть на лавку, то должны прежде отодвинуть кучу тряпья или клубок бересты, из которой дед ковырял свои лапти. За немногими исключениями избы строятся…

Ф. 7. Оп. 1. Д. 618. Л. 1—10 об.

… черные, с выходом дыма прямо в избу, тесные. Часто, особенно зимой, среди ребят ходят куры, ягнята. Во многих избах полов почти не моют: один раз в год перед местными праздниками (2 раза) — перед Рождеством и Пасхой. Они скоблятся ножом, так как и стены. В остальное время года мочалка хозяйки не знает ни пола, ни стен, разве лавки когда вздумают поскоблить и вымыть. «Все равно, — рассуждают крестьяне, — мой, не мой, опять натаскают грязи.» На замечания, почему у них такой беспорядок, слышу один ответ: у нас без этого не обойдется, да мы и приобыкли. Избу метут только тогда, когда сору накопится много, или когда нет другого дела.
Насколько грязно содержат избу, настолько же грязно держат и посуду, из которой пьют и едят. Мне несколько раз приходилось пить чай в домах очень состоятельных хозяев, и каждый раз с отвращением приходилось проглатывать мутную жидкость, которую мне преподносили под видом чая. Чайник настолько покрыт внутри отстоем, что жидкость едва просачивается в горлышко, чашки грязные и истресканные. Например, я брал молоко у одной женщины, которое в сыром виде положительно не годилось для употребления. Стал доискиваться причины. Оказалось, что молоко процеживается сквозь пук соломы, который по целому месяцу не переменяется и не промывается. Я купил нарочно для этого металлическое ситечко и велел заменить им классическую солому. Недели через две — та же история: ситечко не понравилось. Такая же грязь и неряшливость проявляется и во всех других статьях крестьянского обихода.
Бани у нас строятся не для мытья, а для сушки и трепанья льна. Моются же в печах, дома. Летом баню заменяет купанье в реке. Относительно чистоты белья можно сказать то же, что и про обстановку. Хорошей иллюстрацией может служить следующий факт. На сельской ярмарке нужно было купить мыла для стирки белья. Тут же, где я брал, покупал мыло один мужик и при этом с такою злостью торговался с продавцом и так придирался при взвешивании сторгованного бруска мыла, весом около 6 фунтов, что я не мог не расхохотаться. Мужик недружелюбно посмотрел на меня. «Что ты, брат, больно сердит?» — смеясь спросил я его. «Да будешь тут сердит: приходится столько денег тратить на такие пустяки» (что-то копеек около 60). «Как пустяки? Да ведь без мыла нельзя быть!» — «Ну, кому нельзя, а нашему брату можно.» Меня это заинтересовало. «Надолго ли тебе хватит этого мыла?» — спросил я его. — «Надолго ли? Конечно, не покупать же опять». «На целый год?» «А то…» «Велика ли у тебя семья?» — допрашивал я. Оказывается, семья состоит из 7 человек. Мыло почти не употребляется, считая[сь] излишней роскошью. На человека приходится едва ли по фунту в год. Одна пятнадцатилетняя крестьянка увидела, как стиралось с мылом детское белье. Ее удивлению и изумлению не было конца, когда она увидела, что простынки и пеленки моются с мылом. — «Девоньки, девоньки!.. Мыла-то, мыла-то. Все одно мыло, и воды не видно, да у нас и на больших столько не выйдет мыла!» Нужно сказать, что крестьяне стирают свое белье в одном щелоке, а мыло употребляется почти исключительно для верхнего платья. Известный афоризм — степень культуры измеряется количеством расходуемого населением мыла — вполне может быть применен к нашей местности. Вообще насчет чистоплотности наш мужичек не может похвалиться. Посмотрите на его лицо — оно грязно, кажется не умытым, волосы всклокочены; посмотрите на его руки. Лица грязны, точно вовсе не умны [умыты], волосы всклокочены, руки черны, точно сама грязь. Их дети положительно не знают,

что такое вода. Их рубашонки так же грязны, как и вся обстановка. Они барахтаются в луже, которая на полу, они заберутся в корыто, из которого едят овцы. Раз случилось зайти в избу бедного крестьянина. Несмотря на свою привычку к обстановке крестьян, я должен был поскорее закурить папиросу, чтобы заглушить тот запах, верьте, целый букет запахов, который наполнял хату.
Тут стояла квашеная капуста, тут гнили внутренности убитых овец, тут же на печи прела овчина. Из печи несся какой-то отвратительный запах, на шестке барахтался, разгребая золу, трехлетний мальчуган. Наконец это занятие ему надоело, он стал исследовать верх шестка и своими ручонками спускать на себя целый дождь сажи. Когда я указал на это родителям, мне только заметили, что там потеплее, а он только что с улицы пришел. Насколько крестьяне привыкли к этому и как трудно бороться, я изведал собственным опытом. Каждый раз в начале учебного года в течение одной-двух недель каждодневно я должен напоминать ученикам, чтобы они умывались и причесывались.
И потом в течение всего учебного года принужден по временам осматривать насколько чисты их руки и все-таки у некоторых учеников руки убедительно доказывают отсутствие этой потребности.

385. Домашние насекомые. Как ни неряшливы наши крестьяне, но насекомых и паразитов среди них встречается не много. Относительно вшей я ничего не могу сказать, блох много. Из насекомых встречаются только тараканы (прусаки и черные). Особенно много прусаков. Но вот замечательно — клопов вовсе нет в крестьянских избах. Многие даже не только не видали, но прямо таки и не слыхали, что есть на белом свете водятся такие насекомые. Быть может, причиной этому черные избы. С тараканами крестьяне как-то примиряются, разве что слишком много разведется их, то они покупают зелени и морозят, хотя средство это не всегда оказывается действенным. Вообще против насекомых крестьяне почти ничего не предпринимают, да их и немного, за исключением тараканов и блох. Другое дело — [неразборчиво]. Тут мухи положительно являются египетской казнью. Благодаря неряшливости жителей, мух как-то особо много разводится, а в крестьянской избе их столько, что трудно непривычному посетителю высидеть 10 минут. Впрочем, в это время крестьяне почти не живут в своих избах. День проводят в поле, а ночь спят или на сеновале, или в холодной горнице, которая поэтому всячески предохраняется от вторжения этих насекомых. Комаров у нас немного бывает.

386. Защита от холода. Для защиты от холода в дороге крестьянин только теплее одевается. В лесу на работе нет надобности в этом. Особенно же заботятся крестьяне о том, чтобы в избах было потеплее. Вследствие чего, несмотря на то, что зимних рам крестьяне не имеют, в избах температура достигает иногда + 25 гр. по R. Достигают этого тем, что тщательно законопачивают все щели в рамах, дверях, ставнях, если таковые есть. Самые окна на ½ и даже ⅔ заколачиваются досками, а промежутки между досками и рамой наполняют одержами, т. е. отбросами, получающимися от трепания и чесания льна, или просто закрываются соломенными щитами. От этого даже в полдень в такой избе бывает полумрак. Кроме того, для увеличения тепла почти в каждой избе имеется маленькая печь с железными рукавами.
При отмораживании прибегают к оттиранию отмороженных частей снегом.

387. Экономическое положение крестьянской семьи. В экономическом отношении крестьян нашей местности можно разделить на бедных и средних. То, что здесь называют богатством, скорее можно назвать достатком. Например, самым богатым человеком в волости считается крестьянин Х. А., имеющий около 300 десятин земли, два дома в деревне, мелочную лавочку, кабак и денег 5—7 тысяч; скотины у него что-то около 20 коров и 10 лошадей. Вообще же, если у мужика есть несколько сотен рублей, 3—4 лошади, то он уже считается человеком богатым. Но таких богачей в нашей волости не много, больше 2—3 десятков не будет.
Главным же образом преобладают крестьяне со средним достатком, то есть такие, которые имеют лошадь, корову, несколько овец, пользующиеся своими хлебами большую часть года, подати уплачивают исправно, имеют по две перемены одежды — праздничную и будничную — и нет долгов. Нужно также иметь для этого порядочную, т. е. не очень старую стройку: дом, овин, амбар или клеть. У многих крестьян из этой категории имеется по две лошади, по 3—4 коровы, но это находится в зависимости от численности

семейства. По большей части крестьяне этой категории или люди малосемейные (4—5 человек), или все члены уже в состоянии прокармливать себя, т. е. не моложе 11—12 лет. Следовательно, достаток является результатом личной работы. Там, где нет этого условия, т. е. несколько лиц принуждены жить на счет одного субъекта, там бедность, то есть то, что он получает, бывает недостаточно для содержания всей семьи. Выражение материального положения крестьянина среднего достатка, т. е. крестьянина состоятельного в деньгах следующее:
дом со двором, клеть и гумно — 200—220 рублей,
лошадь — 50 рублей,
корова — 25 рублей,
4 овцы по 3 рубля — 12 рублей,
разные земледельческие орудия и экипажи: борона, соха, косуля, вилы, грабли и пр., телега, ондрец, сбруя и т. д. — 40 рублей,
рухлядь: кадки, ведро и пр. — 10 рублей,
одежда и белье — 100 рублей.
——————————
437—457 рублей.

Таково имущественное положение хозяина средней руки. Разумеется, приведенное исчисление представляет приблизительную среднюю оценку. Некоторые крестьяне имеют еще собственную купчую землю 6—25 десятин, приобретенную в прежние годы по очень дешевой цене, рублей по 10, ныне стоящую рублей по 20 и даже 25. Вообще, можно с большою вероятностью допустить, что стоимость всего имущества состоятельного крестьянина нашей местности может быть выражена в сумме 400—800 рублей.

Примечание: Более точные и подробные сведения по этому предмету можно почерпнуть отчетах Оценочного бюро (или комиссии — не помню хорошо официальное название), учрежденного костромским губернским земством.

Одним словом, если мужик идет в церковь в суконной поддевке, если его дочки одеты в праздники в новые ситцевые платья, на голове роскошно красуется большой шелковый плат с разводами и кистями, то это уж верный признак, что хозяин — человек состоятельный, что в праздник вместе с семьей пьет чай, а иногда и в будень даже, а иногда в будни позволит себе эту роскошь, что в праздник будет есть пироги с салом, а иногда раскошелится и купит фунт-другой баранок.

Не таково, разумеется, положение бедной семьи. Прежде всего, такой хозяин начинает покупать хлеб чуть не с Рождества, из недоимок он никогда не выходит. У него если есть лошадь, нет коровы, есть корова — нет лошади, а если есть лошадь и корова, то настолько изморены, что на лошади страшно ездить, а у коровы ребра можно пересчитать. У такого хозяина бывает иногда 4 и даже 5 овец, но мясо он редко видит у себя за столом. Вместо валеных сапог довольствуется или старыми подшитыми сапогами, или лаптями. Почти весь приплод он должен продавать, чтобы уплатить недоимку за старые годы, или чтобы сколотить малую толику на покупку коровы или лошади. Такой крестьянин должен продавать овец, должен продавать сено, солому, потому что больше продавать нечего, а продавать нужно.

Тут староста требует подати, тут долг есть, а там, глядит, сбруя худа, избенка развалилась и т. д. И вздыхает, да продает бедный крестьянин своих овечек, лишая себя и семью мяса, продает сено, впроголодь держа скотину, все равно, если не продает добровольно, заставят продать насильно. Эксплуататоров крестьян в деревне не меньше, чем в любом [неразборчиво] городе, знают это и стараются воспользоваться. Если обстановка зажиточного крестьянина неприглядна, то тем более неприглядна обстановка бедного. И все-таки он, несмотря на свою бедноту, не пойдет просить милостыни под окном. Это уже считается последней степенью бедноты. К чести нашего крестьянина надо отнести эту брезгливость к тунеядству. В целой волости я не знаю ни одного мужчины, который бы сбирал по миру. Например из деревни, где я живу и где считается около 90 дворов и 150 душ крестьян мужского пола, ходят по миру только две сиротские семьи. Из одной — девочка лет двенадцати, а в другой, состоящей из матери и трех дочек, ходит по миру только мать. Положение упомянутых семей действительно…

Ф. 1. Оп. 1. Д. 613. Л. 1—10 об.

… ужасно. Сусанна, мать одной семьи, осталась после смерти мужа, бывшего церковным сторожем, с тремя дочками: 5, 9, 13 лет. Наделу ей не дали, так как за покойником числилось недоимок рублей 40, избенки не было, и вот, поселившись в сестриной избушке, она принуждена ходить по миру, чтобы прокормить деток. На лето же старуха и среднюю дочку отдает к чужим людям: одну в работницы, другую в няньки. Вообще, как бы мужик беден ни был, он никогда не сделается нищим. Только самая крайняя нужда или физический недостаток побуждают их просить милостыню, но и в таком случае делают это женщины и дети.

Вообще, бедный хозяин постоянно находится в долгу, должен казне (подати), своему брату должен сидельцу, должен лавочнику. Должен деньгами, должен хлебом. Правда, деньгами он не много должен, потому что не поверят, но и 5—10 рублей для бедного мужика целый капитал. Целый год бьется он, чтобы уплатить долги, но, уплатив осенью, опять берет весной. И так из года в год.

В общем, нашу местность невозможно назвать богатою в том смысле, чтобы большинство семейств пользовалось собственными продуктами в течение всего года. Напротив, таких счастливцев не много. Особенно в последние годы все более и более делается общим явлением недостаток в собственных продуктах. Многие начинают закупать хлеб чуть не с Рождества. К весне, ко времени сева, уже большинство населения принуждено прибавляться [так в рукописи] покупкою муки. Это происходит не от того, что земли мало; у многих крестьян, говорено выше, есть кроме надельной земли и своя покупная, но земля-то мало родит. Иной год даже семян не сберут. Причина этого главным образом кроется в примитивности обработки земли, которая делается так: весной, как только стает снег и пообсохнет земля, крестьяне со своими косулями выезжают в поле и пашут под яровое землю, потом боронуют и сеют, а затем опять боронят, чтобы зерна засыпать землею. Вот и вся забота по обработке земли под яровое. Только иногда, когда есть свободное время, осенью некоторые хозяева вспахивают землю, предназначенную для ярового, — подпаривают, как у нас говорят. Само собой, осенью эта земля опять не распахивается. Надо заметить, что в нашей местности введена трехпольная система обработки: первый год сеется рожь, на другой — яровое, а затем на год земля остается свободною — находится под паром. В средине июня начинают возить навоз на отдохнувшую за год землю. Пока не вывезут весь навоз со двора, кучи его лежат в поле и выветриваются. Можно представить, много ли дает удобрения такой навоз, который неделю или больше пролежал в небольших кучах (из телеги навозу выходит около 2 куч на ветре и солнце. Кроме того, надо принять в расчет и то, что количество вывозимого со двора навоза бывает далеко не достаточно, так как на дворе только корова да овцы, лошадь же находится в лесу целую неделю, а надел на две души (12 десятин), ибо надел на одну душу встречается редко. [Неразборчиво].

Уплата податей и вообще повинностей представляет больное место в жизни нашего крестьянина. Тягота эта увеличивается вследствие того, что деньги у нас слишком дороги, «так как единственный или почти единственный источник заработка составляет рубка лесу у лесопромышленников, заработок, оплачиваемый весьма скудно. Как трудно крестьянам управляться с уплатой денежных повинностей видно из того, что за одной, например, нашей деревней (Печеньгой), насчитывающей более 150 душ мужского пола, числится недоимок по книгам волостного правления 836 рублей 78 копеек, всего же недоимок за волостью 4268 рублей. Число недоимщиков более 300. Между тем сумма повинностей, которую приходится оплатить в год, составляет 8 рублей 78 копеек с души — крестьянами выплачивается не сразу, а по полугодиям: осенью, когда крестьяне, нанимаясь рубить лес, получают задаток, и весной, когда получают заработок. Обыкновенно почти у каждого работника весь задаток, если есть недоимки, идет в оброк, несмотря на протест; если же нет недоимок, все-таки известная часть задатка удерживается в уплату податей. Впрочем, такие хозяева сами отдают весь свой задаток в оброк, заботясь, чтоб у них не было недоимки.

В случае накопления недоимок у несостоятельного плательщика описывают имущество и продают с торгов. В таких случаях цена каждой вещи уменьшается почти вдвое. Например, две овчины продаются за 1 рубль 20 копеек, обычная же цена одной овчины 1 рубль. Хорошую овцу можно купить на торгах за 2—2 рубля 30 копеек, тогда как нормальная цена за 3 рубля — 3 рубля 25 копеек.

Торги эти устраиваются и производятся так: смотря в книгу, писарь говорит старшине: «Никита Арсенович, а ведь недоимок-то того, пожалуй, придется съездить и пооописать маленько, а иначе с их, чертей, ни шиша

не возьмешь.» «Аль много?» — равнодушно спрашивает сам. «А вот смотри», — говорит писарь, подкладывая старшине книгу. Начальник волости, как любит себя величать старшина, только глазами хлопает и совершенно не может сообразить, насколько велика в самом деле сумма недоимок. Для него ряд арифметических выкладок и цифр представляются китайской грамотой, но чтобы непониманием дела не повредить своей репутации, он делает вид, что для него все ясно: «Ах ты, Господи, просто наказание с этими самыми недоимками, — вздыхает почтенный хозяин, — ну что же, давайте опишем у кого-нибудь, чтобы, значит, другим не повадно было, только кого же будем описывать?» «Поедем в Тутку», — предлагает писарь. Приехав, берут понятых и ходят по недоимщикам. Описывают все, что ни попадется под руку: две коровы — одну корову опишут, три овцы — две опишут, опишут куриц, опишут сотню яиц, овчины, самовар, посуду чайную, холсты, сапоги, шапку, сено баню, клеть, если… Описывают копеечные вещи: например, два десятка яиц — 10 копеек, курица — 8 копеек и пр. Вообще, описывают все, что имеется в двойном количестве или что не имеет насущной потребности, как например, самовар. Но и недоимщики в таких случаях не зевают: услыхав звон колокольчика и догадавшись, с какой целью едет начальство, они принимают свои меры для того, чтобы как можно меньше вещей было описано. Все предметы, которые по их мнению могут быть подвергнуты описи, тщательно спрятываются или уносятся к соседям. После такой описи заходят по улице бабы с самоварами. Оказывается, это возвращают назад унесенные на время описи разные ценные вещи, причем не стесняясь острили над начальством. Прячут везде: в навозе, соломе, в поле, в овине. Одна баба ухитрилась спрятать самовар в люльке, где спал ребенок. В свою очередь и начальство не уступает в изобретательности. Нынешним летом, дня за два до местного праздника (6 августа), оно вдруг пошло по недоимщикам и взяло краны у всех самоваров, говоря, что, кто хочет пить чай и угощать соседей, получит кран тогда, когда принесет деньги. Результат, как слышно, оказался хорош. Не желая скандалиться перед родными и знакомыми, каждый постарался принести если не всю, то хоть часть недоимок.

Итак, сделав опись, Правление вывешивает по волости письменные объявления о дне, месте и предметах публичной продажи. К сожалению мне не приходилось бывать на таких торгах и потому об них я ничего не могу сказать. Деньгами наш крестьянин не богат. Если найдется у кого в кубышке несколько сотен рублей, то того считают богачом. Но и таких немного. Сберегают деньги только для самых неотложных нужд: неуплата податей, починка и покупка одежды, сбруи, харчей и т. п. Вообще денег хватает только на то, что не требует больших затрат. Но если приходится переваливать сгнивший и пошатнувшийся дом, т. е. сразу затратить 80—100 рублей, купить лошадей, женить сына — денег залежных нет, они нужны. Тогда крестьянин продает часть скотины, стог-другой сена, старается продать дров, часть занимает у своих же соседей и нужда справлена. Всего тогда семье придется урезать, потому что вместо двух коров осталась одна, вместо семи ягнят закололи для себя только три. В подобных случаях не до податей — они уплатят при более благоприятных обстоятельствах. Если в это время крестьянина постигнет неурожай или падеж скота, то подобное стечение обстоятельств является настолько роковым, что редко когда поправится. Многие хозяйства пришли в упадок именно в силу подобных случайных причин. Например, количество недоимок, числящихся за упомянутой выше деревней Печеньгой, составляющее четверть недоимок всей волости, образовалось именно таким образом: 13 лет тому назад она вся сгорела, в этот же тринадцатилетний период ее постиг раза два или три падеж скота. Вследствие этого многие крестьяне, которые прежде считались людьми зажиточными, и теперь еще не могут подняться, а другие даже прогрессивно беднеют.

Бедный человек в экстренных случаях — женитьба сына, ремонт дома — отправляет кого-нибудь из своих членов семьи в работники к чужим людям ли в город. Впрочем, он прибегает к таким расходам, только в виду крайней безусловной необходимости. Прежде чем, например, поправить избу, он ее обмажет глиной, подопрет кольями. Если нужно женить сына, он его самого гонит зарабатывать деньги (расходы свадебные, выкуп невесты). Если нужно купить корову — он продает часть сена, несколько овец; коров кормят соломой; если надо купить лошадь, он продает корову и т. д. Одним словом, действует по рецепту знаменитого Тришки и выходит тоже, что тришкин кафтан.

388. Обычный порядок жизни. Работы крестьян. Встают крестьяне около 5 часов, а во время молотьбы еще раньше. Первою поднимается с постели старшая из женщин, стряпуха. Кряхтя и охая, слезает она с печи. «Ох, Господи Иисусе Христе, помилуй нас, грешных», — шепчет она, подходит к печурке и вздувает лучинку.

Осветив избу, она подходит к рукомойнику и моется. Умыванье утром и перед едой считается потребностью и даже грех, не умывшись, приняться за какое-нибудь дело. Умывшись, хозяйка начинает усердно класть земные поклоны перед образом, почти вслух произнося молитву. В это время на полатях начинает ворочаться хозяин, слышно позевыванья, чесанья. «Что, аль утро? — спрашивает он заспавшимся голосом, — Почитай, у всех суседей огонь. Трофим Семенов пошел лошадей поить — знать, за дровами, али за сеном ехать. Митрюха баил, что сено все. — Ну-у, а куды. В Дор.» Почесываясь, наконец, и он слезает с полатей и, помолившись, берет кисет с табаком, набивает трубку и закуривает. Несколько секунд длится молчание. Хозяин молча сопит из своей носогрейки, старуха расстопляет печь, а с полатей и с печи несется храп, сонный переворачивается с боку на бок. Наконец трубка выкурена, пепел выколочен. Сам лениво встает с лавки, надевает кафтан и говорит жене «Разбуди-ка, Тимоху, я пойду лошадь поить, пусть внесет хомут в избу, да приготовит все. Хозяйка не спрашивает для чего, вчера за ужином было решено поехать в лес рубить дрова для дома. Но Тимоха, старший сын хозяина, уже поднялся на голбце, где спал, и усердно чесал себе везде, [где] только могла достать его рука.

Всклокоченные волосы, подобно копне, заспанные, прищуренные от свету глаза, давали не совсем красивую картину. Молча слез с голбца, молча умылся, помолился и пошел приготовлять сбрую. Вслед за ним встала и жена его, здоровая, толстая баба. Исполнивши все предварительные церемонии, она пошла задавать корму коровам и овцам. Мало-помалу вся семья стала подниматься. Когда, попоивши лошадь, вошел в избу хозяин, все уже проснулись. Их лохматые головенки приподнялись над изголовником и с удовольствием смотрели, что делают старшие. «Сидорка! Ты что валяешься? — кричит мать. — Иди лучше тверди свой урок, — вчера весь вечер пробегал с ребятишками и в книгу не заглядывал. Что тебе учитель то сказывал?». Сидорка нехотя оставил веселую компанию, положил несколько поклонов и, перекрестясь, принялся за книгу... «Ну-ка, матка, скоро ли завтрак будет», — торопит хозяин поехать до солнышка на месте быть.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 620. Л. 1—12 об.

Ты Петруха, поедешь с нами и привезешь дров, а мы с Тимофеем рубить останемся. В это время Тимоха на точиле точил топоры, Афимья, его жена, вертела колесо. Наконец, подан горячий жареный картофель. Вилок нет, ели ложками. Ребятишки уже давно сидели и облизывались в предвкушении горячего завтрака, разбирая свои ложки. После картофеля хозяйка подала в большой глиняной чашке разогретые вчерашние щи. Завтракала вся семья, за исключением стряпухи, которая хлопотала около печки. Разговоров не было потому, что разговаривать было не о чем. Каждому члену семьи еще накануне даны были работы. Только хозяин заметил, что погода как будто теплеет, не было бы дождя. После завтрака мужики стали собираться на работу. Сын с младшим братом пошел запрягать лошадь, отец наблюдал за тем, как сноха складывала в берестяную котомку хлеб, соль, вареный картофель, так как отправляются в лес на целый день. Младшие сидели смирно, боясь получить от отца щелчок. Наконец, все было готово. Топоры, пилы, котомки с провизией снесены в сени. «Ты смотри, Петряйка, — наказывала мать, — устанешь, на воз сядешь, да не сгибай ноги». «Ладно!» — весело крикнул из сеней Петряйка.

Одевшись и помолившись Богу, мужики вышли из избы, обещавши привезти по хорошему дубцу, если те будут шалить. Каждый принялся за свои обычные дела. Хозяйка стряпала, молодуха, жена старшего сына, пошла поить коров, а ребятишки, позабывши обещание привезти «по хорошему дубцу» принялись за свои обычные дела — валяться на полу или полатях. Было еще темно и потому Сидор, посещавший училище, медлил уходить из дому; он помогал своей матери чистить картофель. Между тем маленькие, повалявшись на грязном полу, перебрались на полати, где от игры перешли к потасовкам; одному видно плохо досталось, потому что оттуда послышался крик и плач. «Я вам дам, пострелята! Пошалите... Возьму ухват, да начну вас жарить...» — закричала на них мать. Но перспектива ухвата пострелят не испугала, возня возобновилась с новой силой, шум и гам увеличились, впрочем, это не беда, лишь бы не рвали друг на друге рубашек, да не верещали сильно. «Сидорка! На-ко, вот тебе, — сказала мать, подавая ему масляный пряженик, — в школе-то и поесть, родимый». Как ученик, он пользовался, не в пример прочим, привилегией, лучшие куски давались ему, Сидорке, а не другим, хотя меньшие и завидовали и даже не любили его за это. Увидавши горячий пряженик, один из боровшихся тотчас же соскочил с постели и с самым смиренным

видом подошел к матери. «Мам, дай мне!» — «Ножа тебе вострого!» «Дай!» Он стал тереть глаза, приготовляясь плакать, но увидевши, что мать стала выдергивать из веника прут, мигом очутился на полатях. Но вот печка истоплена, щи и овсяная каша поставлены в печь, ржаные пироги дымятся на «залавке». Маленькие с умилением посматривают и ждут не дождутся, когда мать оделит их по куску горячего пирога с морковью. Скотина обряжена и сноха заштопывает дыры у платья и кафтанов. Хозяйка вышла зачем-то к соседям, а солнышко уже поднялось из-за лесу, и Сидорка сидит в училище и слушает учителя. Ребятишки давно бы убежали на улицу, да пирог останавливает. «Божатка (божатка — мать крестная) божате, отрежь пирожка», — приступают к снохе шалуны. — Ждите маменьки, вот она придет и отрежет вам. «Да ну, отрежь». Сказала, что не стану. «Я сам отрежу,» — Режь, а маменька тебя дубцом. Напоминание о дубце несколько охладило храбрость мальчика, потому что в таких случаях мать никогда не прощала. Хлеба могли брать сами, а пирог как лакомство должен быть поделен между всеми. Наконец, пришла и мать, и дала каждому по куску пирога. Получивши свою часть, братишка и сестренка живо собрались, надели лапти, рваные полушубки и вон из избы, не позабывши положить за пазуху пирог. И это им нужно было показать Терешке, к которому они торопились. В избе остались только сноха со свекровью. Было часов 9 утра. Сноха чинила одежду мужа, свекровь стала прясть овечью шерсть для варежек. «Ладно, девонька, ты шьешь, — начала свекровь, — почини-ка и моим ребятам — уж больно износились, особливо ребятенки, на них ненапасная идет одежи». — Ну-у (Ладно)». «Кого-то нынче в солдаты забреют у нас, — задумчиво произнесла сноха, — писарь баит, что ноне будет большой набор, потому, слышь, как бы войны не было». — «Ну, будет горя у Штаренка (Штаренков), если Лексия забреют, что они без него будут делать, — Митька и последнее пропьет. Энта, слышь, до полусмерти его избили в Калинихе, — непутевый он у них какой-то, весь в дедушку пошел — дедушка-то во какой ухорь был, я его помню…» И пошли рассказы о дедушке, воспоминания прошлых лет, коснулись соседей, сколько у кого овец закололи, сколько тетка Марфа накопила масла, кто с кем дружится, кто будет жениться, выйдет или должен выйти замуж и т. п. Если же свекровь не дружно живет со снохой, то она старается всячески уязвить ее или держит себя по отношению к ней довольно сурово, чтобы вступать с ней в дружеские разговоры. Впрочем, в присутствии мужиков она не смеет особенно сильно проявлять свои чувства, т. к. те не поцеремонятся и крикнут: «Баба, не ворчать!» До обеда, если никто из соседок не навещает, одна из баб непременно под видом дела на минутку выйдет из избы и просидит у кумушки «битый час». Но вот воротился из лесу Петр с дровами. Несмотря на то, что ему было всего лет 13—14, он степенно распряг лошадь, убрал каждую вещь на свое место и походкой взрослого человека вошел в избу. Мать дала ему пирога. Мальчуган сел к столу и не торопясь стал жевать свой пирог. — «Что наши-то, работают?» — осведомилась сноха. — Работают. «А много рубить-то?» — На неделю, ан больше хватит… Когда пирог был съеден, Петруха подобрал все крошки, перекрестился и вышел из-за стола. Пока до обеда он пошел с топором на улицу что-нибудь поделать около двора. В 12 часов пришел из школы Сидорка и тотчас же стали сбирать на стол. Сноха постлала «столешник», положила ложки, хлеб, соль в деревянной солонке. Петруху между тем мать послала отыскивать ребятишек, которые и явились в самом плачевном виде. Мальчуган с большой шишкой на лбу, у девчушки руку ссадили. «Ничего, — сердилась мать, — скромнее будете жить, сорванцы какие»; потом неожиданно сноха бранит и Терешку, и Федьку, и всех ребят. Впрочем пострадавшие и не жаловались, а поскорее забрались за стол. Без старших за обедом было несколько посвободнее. Хотя мать и останавливала, но ее мало слушались, потому что по опыту знали как далеко от слов до дела. «В воскресенье маленькие девчонки беседку устраивают, — проговорил Сидорка, — сегодня Санька Никандрова баила. Баила, что у корчаг пиво варят». «Ну, маленькие перефорсят больших, — заметила сноха. «А тебе-то и идти нельзя, — подтравил брат. — А для че? — «Учитель-то? Он же узнает, так задаст за вихры-то». — «Мы сговорились не сказывать ему.» — Другие скажут. «Всех-то не оставит без обеда». «Васька Масляник со мною встретился, — начал Петр, — едет верхом в Тутку к своему свату, не даст ли пятеры (5 рублей) недоимку уплатить.., он велел сказать ребятам нашим, чтобы они опасались ихних парней, они сговариваются переломать им все ребра на Параскowью (28 октября)». «Ну и наши тоже не уступят, — заметила сноха, — мало их били, еще захотелось». В подобных разговорах проходит весь обед, продолжавшийся не более 20 минут. Кушанья были: щи с солониной, манная каша и картофель с салом. Как мяса, так и сала было положено чересчур экономно. После обеда Петр пошел рубить лежавшие около дома сухие плахи, ребятенки опять удрали к своим приятелям. Сноха отпросилась у свекрови

на беседки к соседям, а свекровь осталась одна и стала прясть нитки изо льна. Отдыхают после обеда только в праздники.

Вечером, лишь только стало смеркаться, пришла от соседей сноха и стала «прибираться со скотиной», т.е. погнала коров на водопой, а потом оделила их соломой, напоила овец и дала им сена, а Петр верхом поехал на речку поить лошадь. Хозяйка нащепала лучины, чтобы хватило на вечер и на утро. При огоньках вернулся из лесу хозяин со своим сыном и, раздевшись, прямо отправился греться на печь. «Не положить ли щец», — предложила хозяйка. «Не хотим», — ответили с печки. «А где Афонька и Парашка? На улице, небось?» — Вестимо. «Зачем же ты их отпускаешь зря, только обутку дерут да одежу». — Удержишь сорванцов. Мать вышла на улицу и закричала: «Афонька, Парашка! Идите домой, батька ругается». Но Афоньки и следа нет, только на речке народу, слышны крик и смех играющих мальчишек, к которым присоединились вышедшие из училища ученики, от чего на улице сделалось как будто оживленнее. Вообще сумерки круглый год являются самым оживленным временем дня. Господствующая до сего на улице тишина сменяется криком мальчишек, мычанием скота, слышится гам, говор… «Васютка, Васютка! — закричала баба, увидевши бежавшего во весь дух по направлению к реке десятилетнему мальчику, — скажи нашим Афоньке и Парашке, что батька вернулся и хочет отпороть их, шли бы домой». «Ладно!» — на бегу ответил Вася. Прибежавши на лед, он прежде всего сбил шапку с зазевавшегося мальчика, проехался на одной ноге и уже потом, увидевши наших приятелей, закричал: «Афонька! Ступай домой, матка велела; батька тебя пороть хочет, у-у-у-у-у ветвину (большой прут) принес. Вот он же взъерепенит, нагреет задницу». «Тебя самого ономнесь (на днях) матка во как здорово лупила.» «Ах ты, кривое корыто! Это тебя лупят, а не меня». Приятели, без сомнения, вцепились бы друг другу в волосы, но в это время прибежал Петруха и велел непременно идти домой — отец сердится. Как ни жаль было оставлять такую веселую компанию, все-таки пришлось идти домой. «Эй, Афонька, поротая ж…а, прощай», — дразнит Васютка. Вместо ответа у ног его шлепнулась палка, брошенная рукой рассерженного шалуна. «Приди-ко к нам, я те взомну бока, будешь знать Кузькину мать.»

Братишка с сестренкой не совсем-то охотно домой шли. Во-первых, потому, что на реке слишком весело, во-вторых, перспектива свидания с отцом представлялась несколько в мрачном виде. «Петь, — начал робко храбрец, — тятька-то шибко серчает?» — «Не знаю… Увидишь сам», — ответил Петр, который не мог отказать себе в удовольствии помучить неизвестностью братишку. — Где он? — На печи греется. Афонька вздрогнул. Он сейчас же сообразил, что с печи отец не полезет драть его, а потом успокоится. Уже он смелее вошел в избу. Парашка, как любимица семьи, мало заботилась о том, как ее встретят дома, она, пожалуй, с охотой шла домой: за день достаточно наигралась и иззяблась, теперь не мешает и на полатках погреться.

Когда наши приятели вошли в избу, лучина уже горела в светце. На печи грелись отец с сыном, Сидор, возвратившийся из школы, закусывал пирог и в то же время поддерживал огонь, т.е. вставлял новую лучину, когда та сгорала, сноха Марья убиралась еще со скотиной, мать копошилась что-то возле печки. Искоса поглядывая на печку, мальчуган стал осторожно развязывать лапти, благоразумно поместившись поближе к дверям. «Вы где это до сих пор шлялись? — крикнул отец, — обутку да одежу дерете. Я до тебя доберусь, Афонька, погоди ты у меня. Ты только и Парашку за собой водишь. Что молчишь-то? Говори». Молчание. «Афонька! С тобой ведь говорят! Что молчишь, ан воды в рот набрал?» — «Да я, тятька, на льду с ребятишками бегал». — «Чтобы впредь не было этого! Слышишь? Только обутку дерете, сорванцы. Припасай на вас». Афонька благоразумно молчал, давая отцу набраниться и в то же время мечтая о том, как завтра сцепится с Васюткой за то, что тот обозвал его поротой ж…ой. Раздевшись, стал соображать, можно ли пробраться на полати к Парашке, которая уже лежала там, наконец, решил, что можно. Осторожно, тихо стал подниматься по ступенькам на полати. Когда влез на голбец, брат заспешил: «И шалун же ты, Афонька, мало тебя ребятишки таскают». Но Афонька тут уж поторопился поскорее перепрыгнуть на полати, где считал себя в полной безопасности. Через несколько времени у них с сестренкой начались какие-то шептанья.

Мало-помалу вся семья собралась в избе. Скотина была напоена, корм задан, вода на завтра припасена, дрова лежат около печки и их положат в печь, когда будут ложиться спать — лучше просохнут. Не бойтесь, что от этого угорают, нет, это в каждом доме так делается.

Мужики, наговорившись на печке, сошли вниз. Хозяин стал ковырять лапти, а сын поправлять сбрую. Петр также взял «кочедыг» (плоское тупое шило, которое употребляется при плетении лаптей) и стал поправлять свои лапти. Сидор уселся ближе к светцу и стал к завтраму готовить урок. Бабы принялись прясть.

«Тятька, — заметил старший сын, — надо бы нам обору (веревку) купить, вся истрепалась, нельзя лес возить, да и узду надо бы переменить, вишь какая». — «Ну, узда-то и так живет, не жениться ехать. Надо купить, что необходимо. Четыре пары голиц — 2 рубля 80 копеек (голица — кожаная перчатка), два топора — 1 рубль 80 копеек, обору — глядишь — пятиинницы нет, а у матки только осталось 2 рубля, а весь задаток в оброк ушел». Молчание. «Придется, пожалуй, продать что-нибудь», — набивая трубку, заметил сын. «Продать... Что продавать-то станешь? Овец? И то двух овец продали, себе только оставили четыре овцы на такую семью...» — «Сено». — «А чем скотину кормить станешь? И то немного ноне накосили; дай Бог, чтобы до весны-то хватило». — «Учитель спрашивал шерсти на сапоги», — сказала сноха. Хозяин помолчал немного и потом спросил: «А много ли у нас, Матрена, будет шерсти?» — «Фунтов 15, коли не более, да зимнины осталось фунта 4 или 5». — «А как ноне шерсть покупают, не спрашивала?» — «Писарь, бают, покупал серую по 35, а черную по 40 копеек». Хозяин подумал и сказал: «Ну, что ж, фунтов пять можно продать, сами-то как-нибудь перебьемся, и в старых ходим... Только ты ему зимнины дай — не поймет.» — «А как не станет брать, догадается.» — «Ну, где ему, — презрительно заметил «сам», — вон этта Василий Барсковский ягненка ему продал за овцу; тоже человек щупает, смотрит, как будто что знает». Все засмеялись, засмеялся и сам хозяин. «Надо будет, Трифон, взять где-нибудь денег, — начала старуха, — одной шерсти мало будет. Харитон этта велел долг принести, сбирается в Кострому за товаром.» — Сколько должен-то? — Больше четырех рублей. «Подождет, — спокойно заметил хозяин, — акромя того, Сидорке надо шапку купить, и то все смеются, а Парашке на сарафанишко ситцу.» «Деньги, деньги.., — рассердился Трифон, — где я возьму для вас денег! В долг... А кто даст в долг? Поди-ка сунься, у кого найдешь, всякий бы умел брать...» — Да вот хоть у фельдшера или у дьякона. — Да, дадут тебе шиш с маслом! В это время в сенях послышались чьи-то шаги. «Ну, кого-то Бог даст?» — сказала сноха Марья. В комнату вошел в сукмане и бараньей шапке рыжий мужик лет сорока. Помолившись Богу, кивнул всем головой, и сказал: «Здорово живете», и не дожидаясь приглашения сел на лавку около того места, где плел лапти хозяин. Не говоря ни слова вынул из-за пазухи сшитый из разноцветных лоскутков кисет, вытащил оттуда трубку и стал набивать ее табаком. Потом не торопясь закурил лучинкой и несколько раз затянулся и только тогда стал говорить: «Ан лапти плетешь?» — Да. — А где берестья-то драл? — В казенном. — Ныне как плохо стало: того и гляди лесник заберет, шут их побери.» А ты, дя Федор, откуда идешь?» — спросила Марья. — Прямо из дому. — Я думала, что ты где у соседей был. Не сыхал, как дела у Бакера с женихом? — Будто бы врозь, потому девке жених не нравится. — Да ведь она гуляет с Нашалинским Гаврюшкой больше года. — Вот она и говорит, что убегу к нему, а Гаврюшка бахвалится, что не быть свадьбе. Если он, баит, возьмет мою Машку, то не быть ему живому. «Форсит только» (показывает форс, вид), — заметил сын. «Что же он ее не берет? — спросила старуха. — В солдаты нынче призывается, льгота третьего разряда. «Ну, возьмут,» — безапелляционно заметил сын, бывший сам в солдатах. — То-то и горе». «А ты где работаешь?» — спросил дядю Федора хозяин. — У Набатовых (здесь идет речь о том, к какому хозяину нанялся на зиму рубить лес). — Сколько там лошадей ходит? — Около 120. — Вот у Бабушкиных ноне много работает, близ чем 400 лошадей. — А Вы где? — У Текутоевых. — Когда в застой-то? — Да вот заговев (после 14 ноября). Помолчав. — Что сегодня, много дров-то нарубила? — Близ сажени».

[Далее текст утрачен.]

После ухода гостя сели ужинать, продолжая разговор на те же темы. Стряпуха стала вынимать из печи горшки, а сноха собирать на стол. Все уселись за стол, даже маленькие сидели тихо: у них слипались глаза и им было не до шалостей. Но тут случилась маленькая заминка. Когда нужно было класть на стол хлеб, оказалось, что хлеб, хотя и был, но целыми караваями, початого, т. е. чтобы от краю было отрезано несколько, не было. Починать целый каравай вечером не полагалось, ибо от этого мог постигнуть неурожай. Делать нечего — пришлось снохе идти к соседям и взять краюшку хлеба. Кушанья были те же самые, что и за обедом. Неприхотливый ужин крестьянина продолжается недолго. Вытерли губы рукавами и вышли из-за стола. Сноха еще раз посмотрела на скотину, много ли у ней корму. Тимофей справился насчет лошади. Мало помалу семья стала укладываться на сон грядущий. Маленькие уже были на полу и начинали похрапывать. Сноха тоже приготовляла на голбце для себя с мужем постель. Последнею легла тетка Домна, предварительно приготовив все на завтра нужное для стряпни. В избе водворилась тишина.

И так из дня в день проводит семья крестьянина, работая целый день и только по праздникам давая себе отдых.

В общем крестьяне живут сравнительно мирно, если, разумеется, в семье господствует дух подчинения старшему. В противном случае отец отделяет непокорного сына, если тот женатый человек.

I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности

Ф. 1. Оп. 1. Д. 610. Л. 2

432. Школа, обучение. В описываемой волости (Чудцовской), состоящей из 1500 душ мужского пола, имеются четыре школы: две земских и две церковно-приходских. Самая старшая по времени открытия (1873 год) находится при волостном Правлении, помещается в каменном одноэтажном довольно поместительном здании. Затем следует 2-я земская школа (1886 год), и наконец приходская, открытая лет 6—7 тому назад. Никаким ремеслам в означенных школах ученики не обучаются. Правда, мой предшественник года три тому назад занимался с учениками переплетом книг и, кажется, крестьяне относились к этому довольно сносно.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 610. Л. 4 об. — 11

Говоря о стремлении крестьянских мальчиков учиться, я должен заметить, что последнее является не вследствие сознания пользы учения, а к результату соревнования и, пожалуй, некоторого чувства зависти и стыда перед учившимися или учащимися; считается обидным, если кто хоть одну зиму не походит в школу. Тем не менее, благодаря излишне предоставленной со стороны родителей свободе, успех учеников вообще нельзя назвать удовлетворительным. Самостоятельные работы, задаваемые на дом, исполняются немногими, даже во время уроков или высказывают невнимательность и рассеянность, многие потому и охотятся в школу, что здесь есть с кем пошалить и поиграть. Самое домашнее воспитание (о чем я буду говорить в следующей корреспонденции), или вернее — отсутствие всякого воспитания, содействуют развитию рассеянности и невнимательности. Благодаря этому обстоятельству приходится вести вечерние занятия — с пяти часов вечера до восьми с половиной часов, где они готовят свои уроки под наблюдением учителя.

Факт легкого отношения учеников к обучению я могу подтвердить потому, что ранее этого я учительствовал в двух школах, где мальчики, побуждаемые своими родителями, относились к делу обучения серьезнее, нежели в данной школе. Как я сейчас упомянул, благодаря местным условиям приходится в течение дня заниматься часов по двенадцать с перерывами в два — два с половиной часа, с восьми часов утра до восьми часов вечера, т. е. десять часов. Не заметно, чтобы такая продолжительность занятий утомляла учеников, но зато утомляет учителя. Занятия начинаются обыкновенно числа 2—6 месяца октября и продолжаются до 1—20 мая. В прошлом году, например, учебных дней, за исключением праздников и каникул, было 129 до Пасхи. После Пасхи занятия продолжаются с одною старшей группою до экзаменов (18 мая).

Учебный день начинается часов с 8.30 — 9, когда рассветет настолько, что можно без вреда для глаз читать, летом — с 8 часов. Перед учением читается молитва «Преблагий Господи», учебный день начался. Так как класс соответственно трехгодичному курсу состоит из трех отделений, а уроков бывает не более пяти, то на два отделения приходится по два урока, а на одно — один урок. Дообеденное время посвящается таким урокам, которые требуют свежей памяти. В это время ученики заучивают наизусть стихотворения, басни, учат на рассказ прочитанные статьи, заучивают различные правила, арифметические, грамматические и проч. Ведется объяснительное чтение статей. Обыкновенно с одним отделением занимаешься, а другим даешь подготовительные к следующему уроку работы; до обеда стараешься сделать три урока. После обеда, на что дается час времени, бывает письмо или механическое чтение, или диктант, а также решение задач, но младшее отделение бывает уже настолько утомлено, что такие занятия делаешь с ними до обеда. Послеобеденные занятия идут с 1 до 4 часов, зимой до трех. Затем с 5 часов до 8 с половиной вечера ученики готовят уроки в классе к следующему дню.

Такие вечерние занятия бывают до масленицы. После масленицы они прекращаются и учение продолжается с 8 часов утра до 4—5 вечера.

Поступают в школу крайне неразвитые, грубые, с отсутствием самых элементарных сведений, но зато с обильным запасом дурных привычек и навыков. Большинство из них не знает даже имени, не только отчества матери и отца, не знает, сколько себе лет; арифметические знания ограничиваются прямым счетом до 20—10, не редкость встретить и такого субъекта, который не в состоянии пересчитать пальцы даже на одной руке. Обладая ничтожным запасом слов, они и мысль свою выражают односложными словами «да», «нет» и пр. Мало-мальски правильный язык им непонятен. Например, говоришь: «Повтори мой вопрос». Он не понимает. Чтобы приучить их правильно произносить слово «насекомое», я принужден был употребить нынче целый час, и все-таки некоторые говорили: «насековое» или прямо «насемое». Да не подумайте, что это преувеличение. Надо принять во внимание умственное развитие народа и условия его жизни (55 верст до ближайшего уездного городка, занятие — земледелие и сгон леса).

При таких данных приходится много тратить сил и здоровья для того, чтобы сколько-нибудь развить их ум, вложить в них искру знания и стремления к свету, вообще сделать их сколько-нибудь похожими на человека. Но все-таки, как ни скуден материал, из которого приходится вырабатывать человека, во имя справедливости я должен сказать, что результаты школы довольно благотворно отражаются на жизни и нравах населения. Мальчик, выходя из школы, выносит с собой некоторые знания из окружающего его мира, миросозерцание его обширнее и правильнее, ум более развит и дисциплинирован. Он приучается в школе к более постоянному и систематическому труду, вообще умственный и нравственный горизонт ученика шире, нежели у взрослых, но не посещавших школу. Конечно, все это еще находится в зародыше. Но мальчик имеет полную возможность, чтобы семена добра и знания, посеянные школой, возросли и принесли плоды. Даже внешний вид показывает, что он посещал школу. Глаза его смотрят осмысленнее, хотя манеры резки и грубы, речь более правильна и литературна.

По выходе из школы первое время мальчик не прекращает своей связи с ней. При всяком свободном времени он приходит и берет книгу для чтения, которых к сожалению очень мало, а специальной библиотеки нет. Походит год — другой, перечитает книги, какие есть, и затем прекращает свои посещения до тех пор, пока не пришлют новых книг.

Преподавание в школе происходит согласно с требованиями педагогики и указаниями дидактики, с присоединением своего личного опыта. Наглядность в преподавании возможна настолько, насколько есть в школе наглядных пособий. У нас для этого существует лишь небольшой глобус и карта России, даже картин, за исключением изображений из Священной Истории, не имеется. Поэтому для чтения приходится выбирать такие статьи, которые не нуждаются в наглядных пособиях.

Отношение учителя к ученикам зависит от многих условий: от пола, возраста, от характера и темперамента, даже от характера домашнего воспитания, т. к. гуманное мягкое воспитание делает ребенка весьма чувствительным к малейшему проявлению строгости, тогда как воспитание, основанное на побоях и розгах, делает его равнодушным ко всякого рода наказаниям. В таких случаях самое рациональное средство, а следовательно и педагогическое, обратиться к совести и чувству стыда ребенка, а также положиться на его добрую волю. Средство это почти всегда оказывается действительным. Одного ребенка выговор может заставить исправиться и учиться лучше, другого же, наоборот, такой же выговор может привести к совершенно обратному результату. Одному ребенку, как бы плохо он не отвечал, говоришь: «Хорошо, братец, ладно… так,.. старайся… очень хорошо». И он будет из всех сил стараться, чтобы не услышать «плохо». Для лентяя и шалуна такое поощрение может показаться достаточной причиной для того, чтобы сбавить усердия, а потому для него всего лучше слова: «Ну ладно, старайся. А не мешало бы получше приготовить урок, а? Как ты думаешь? Вот посмотри, как Сидоров выучил урок». Вообще же в отношении учеников надо быть вполне беспристрастным, не должно быть ни любимых, ни нелюбимых. Но Боже упаси, если учитель начнет хоть немного потворствовать, даже несколько снисходительнее относиться к тем из учеников, родители которых побогаче. Он наверное потеряет всякое уважение к себе.

Про поведение учеников в школе не могу ничего сказать; они ведут себя, как тысячи школьников. Есть одна особенность — это жалобы друг на друга, даже в пустяках, которые я стараюсь искоренять ввиду того, что это воспитывает в них дух сутяжничества, которое, к слову сказать, сильно развито в нашей местности.

Нашу школу раз в год, обыкновенно перед масленицей или после посещает член училищного совета, господин смотритель уездного училища. Это он делает по поручению инспектора, т. к. селение находится в захолустье.

Визитация продолжается часа два-три; имеет целью, как всякая ревизия, проверку деятельности учителя. Заставляет учеников читать, просматривает их письменные работы, задает две-три задачки из арифметики и тем дело кончается. Ни замечаний, ни советов и указаний мне не приходилось от него слышать и т. к. он относится к ребятам чрезвычайно мягко, то они его не боятся и отвечают смело.

На экзамен приезжает в качестве председателя комиссии господин земский начальник. Обыкновенно приходят в это время на экзамен не только родители экзаменующихся, но и многие посторонние зрители. Экзамен служит своего рода оценкой учителя со стороны крестьян. Хорошо отвечают ученики, следовательно учитель хорош, плохо — учитель плох. Ребята побаиваются-таки экзамена. За много дней до события начинает между ними проявляться тревожное состояние, перешептываются, передаются подробности прошлогоднего экзамена. Постоянно обращаются к учителю с вопросами относительно того, что и как будут спрашивать, какую задачку дадут, какой диктант будет и пр. и пр. Если есть старенький, то он непременно вспомнит, почему не ответил в прошлогоднем экзамене. В самый же день экзамена чувствуется между мальчиками особенно торжественное настроение. Причесываются тщательнее, намасливаются так, что волосы блестят, одеваются во все лучшее; шалостей и даже обычных детских игр нет и помину — как и во всех училищах, каждый сидит за книжкой и повторяет то, в чем чувствует себя особенно слабым. В прошлом году двое настолько оробели, что не получили похвальных листов, хотя в течение года учились хорошо. Только к концу экзамена эта торжественность начинает ослабевать. Вообще экзамен происходит более или менее торжественно. Даже зрители сохраняют молчание и только изредка перешептываются между собою. Число получивших свидетельство на льготу 4 разряда по отбыванию воинской повинности, начиная с 1884 года, следующее: 17 человек; 6; 7; 10; 10; 8; 4; 4; 6; 4; 6; 7; 2; 7. Надо сказать, число оканчивающих учение бывает больше против показанного, потому что здесь не показаны те из учеников, которые не могли получить свидетельств по малолетству. Кроме того, кажущееся уменьшение получивших свидетельство объясняется открытием двух церковно-приходских школ, из которых одна находится на расстоянии 4 верст от описываемого училища. О числе учащихся было раньше сказано.

Ранее было сказано, что число учеников в училищах вообще увеличивается. Следовательно потребность в грамотности начинает входить в сознание крестьян. Отсюда ясно, что и отношение к школе должно быть сочувственное. Это подтверждается еще и размером суммы, которую волость ассигнует на содержание Училища, именно — 333 рубля с копейками, эта сумма определяет все расходы по училищу, в том числе и жалованье законоучителю (учитель получает из земства). Означенная сумма сбирается даже не со всей волости, потому что несколько обществ содержат свое земское училище. Но сочувствуя грамотности, крестьяне предъявляют к школе очень своеобразные требования. Прежде всего они желают, чтобы школа научила их детей читать и писать; при этом требуют, чтобы чтение было быстрое и бойкое, письмо ясное и более или менее быстрое, совершенно игнорируя нравственное влияние школы на умственное развитие ребенка, т. е. ограничиваются лишь внешней стороной обучения, придавая ему значение чисто утилитарное. Мне неоднократно приходилось выслушивать сожаление по поводу своей безграмотности со стороны многих сельских старост только потому, что отсутствие грамотности делало затруднительным отправление их служебных обязанностей. Точно так же и обучение счету (арифметике) они ценят настолько, насколько оно помогает им пользоваться в домашнем обиходе. Все, что не может иметь, по их взглядам, непосредственного приложения к жизни, считается напрасной тратой времени, роскошью.

433. В указанных школах в нынешнем году обучается около 250 мальчиков и девочек, более прошлогоднего человек на 50. Вообще из года в год замечается прогрессивное увеличение числа учащихся. В нынешнем году, кроме того, наблюдается увеличение, сравнительно с предыдущими годами, женского элемента: например, в прошлом году у меня обучалось в школе девочек человек 8 или 9, нынче же 18 человек (мальчиков 45). Аналогичное явление, по словам заведывающих, наблюдается и в других школах нашей волости. Вообще потребность в грамотности проявляется весьма заметно среди населения. Каждая семья старается обучить грамоте хоть одного из своих малолетних членов. Неграмотными остаются лишь те, кто по своей крайней бедности не может платить 2—3 рубля за квартиру. Ребенок идет в школу не со слезами, а с радостью; он даже сам просит своих родителей, чтобы они его отправили учиться. Нередки случаи, когда он, никому из домашних не сказавшись, является в училище и просит записать его в число учеников. «А где же родители?

23 Заказ № 1133

Почему ты один пришел?» — спросишь его. Что-нибудь соврет или промолчит. Велишь ему приходить с кем-нибудь из старших. На другой день является действительно с отцом или с матерью. «А мы не знали, что он убег вчерась», — говорят родители. Или замечаешь родителям, что маленек мальчуган, не мешало бы годик переждать. «Да что с ним поделаешь — запросился сам... Уж ты прими, пожалуйста,» — просят родители. И записываешь такого любителя просвещения.

434. Надо сказать, что сами родители относятся к грамоте далеко не так горячо. Для многих из них все равно, особенно для девочек, будет учиться или нет их сынишка [так в рукописи]. Вообще они представляют своим ребятишкам полную свободу в этом отношении и нисколько не стесняют их воли. Вследствие этого бывает так, что походит мальчуган или девочка два-три дня, неделю, а потом не понравится почему-либо и прекращает посещение школы. Но если в семье имеется только один ребенок, то родители считают своей нравственной обязанностью непременно послать его в школу и дать ему возможность окончить полный курс учения в училище. Точно также, если мальчугану впоследствии надо поступить в военную службу, то родители стараются, чтобы он окончил курс учения и получил свидетельство. Ради этого мальчик ходит даже четыре зимы. Два года тому назад вышел из училища мальчик, проучившийся целых пять зим. Я сейчас говорил о холодном отношении родителей к школе. Это верно по отношению к тем, кто не совсем уверен в способности своих детей. Но они бывают рады дать своему сынишке возможность посещать школу, если уверены, что он будет хорошо учиться. Иногда посылают в школу просто ради исправления. Мальчишка-шалун, матери не слушается (что, к слову сказать, встречается очень часто), отцу некогда за ним смотреть — одним словом, «от рук отбивается». И вот такого шалуна отправляют в школу. В таких случаях обыкновенно дают наставление, какими мерами всего успешнее и целесообразнее научить их уму-разуму, а также достигнуть со стороны непокорных должной кротости: «Уж ты, батюшка, сынишку-то нашего не жалей, пори и за вихор посильнее таскай». К счастью, подобные педагогические приемы не в духе населения, оно относится довольно недружелюбно к таким учителям, которые употребляют такие антипедагогические средства. Нередко посылают в училище тогда, когда в избе становится уж слишком тесно от многолюдия, т.е. спроваживают с глаз долой, чтобы не торчали дома (выражение, слышанное мною при подобном разговоре двух баб), благо это ничего не стоит. Наконец, если ребенок растет хилым и болезненным, особенно, если это девочка, то родители часто отсылают таких в школу, считая это богоугодным делом. Например, в прошлом году приводят девочку, на вид довольно взрослую. «Сколько ей лет?» — спрашиваю. — Двенадцать годов. — Нигде не училась? — Нет. — Почему же ты раньше не отдавала ее в школу? Теперь она тебе нужнее, чем, например, когда ей было 8—9 лет. — Да видишь ли, батюшка, мы не думали отдавать ее в училище, да она, вишь ли, больненькая у нас; замуж, пожалуй, не придется отдать — так и пусть научится грамоте... может, и в монастырь захочет уйти. Между тем все отличие ее от других девочек состояло лишь в том, что была несколько малокровна и серьезна для своих лет; последнее, очевидно, явилось результатом внушений со стороны родителей, а может быть и соседей.

435. Теперь о грамотеях. Я не знаю, есть ли в настоящем году по волости подобные школы. Но раньше существовали. У меня даже учился мальчик из такой школки. Должен сказать, что для него было бы лучше вовсе не учиться грамоте. Чтение было самое безобразное с массой грубых ошибок, письмо вовсе отсутствовало, хотя учился две зимы, обучение счету не практиковалось, но всего хуже было то, что мальчик, от природы довольно способный, был совершенно пришиблен тем зубрением букв и складов, той долбней, какая очевидно была в ходу у этого педагога, который был из крестьян той же деревни; где сам учился, я не знаю. Училось у него человек 12—15. В другой деревне года три или четыре существовала школа грамоты, пользовавшаяся пособием от духовного ведомства и состоявшая под наблюдением местного священника. В этой школе в прошлом году обучалось около 35 человек, из них 4 человека держали экзамен в церковно-приходской школе и, кажется, все получили свидетельства. Учителем в этой школе состоял крестьянский сын той же деревни, парень 19 лет, Василий Цавинов. Учился в земской школе и получил свидетельство. Теперь состоит учителем в церковно-приходской школе. Результаты учения мне неизвестны. Вообще я не имел случая наблюдать, каковы успехи учеников у этого учителя, хотя заведующий церковно-приходской школой, а следовательно и упомянутой школы грамоты, ставит его как образцового учителя. Но не могу при этом

умолчать о следующем характерном факте. 15 мая нынешней весной прихожу молиться. Так как обедня не начиналась, я зашел в сторожку, где помещалась церковно-приходская школа. Тут я увидел, что оба учителя церковно-приходской школы грамоты готовят экзаменные списки, мальчики приодетые пишут какие-то прошения по линейкам. «Что у вас такое, — спрашиваю, — экзамен будет?» —
Да, после обедни. Хорошо. По окончании обедни подхожу ко кресту, заведующий, он же и законоучитель в моей школе, подавая просфору, говорит с притворным ужасом: «Попов сколько ко мне на экзамен наехало — пропасть». — Когда же экзамен? — Вон, видишь, они стоят. «Да когда экзамен-то?» — снова спрашиваю. Конечно, завтра, братец. Приходи. Обыкновенно каждый раз после обедни он приглашает меня чай пить, а тут ни слова. Такое противоречие законоучителя с учителями мне показалось подозрительным. Неприглашенный, а стало быть и нежелаемый, я все-таки зашел к нему. Скоро пришел и отец законоучитель со своими гостями, два священника и дьякон. Все трое были мне знакомы.
«Когда экзамен?» — спрашиваю их в отсутствие хозяина. — А вот после обеда и сделаем, нам некогда ждать. Делать нечего, приходилось ждать обеда, хоть хозяину было очень не по нутру, чтобы я остался. Наконец и обед кончился. Гости стали собираться идти в училище, т.е. сторожку. «Да нельзя же, господа, — закричал хозяин, — ведь сегодня царский день». «Ну, полноте, отец Венедикт, что Вы. Право же, нам некогда до завтра ждать», — стали уговаривать его экзаменаторы. Но мой законоучитель крепко уперся на своем и ни за что н е соглашался производить экзамен в царский день. Пришлось распрощаться и идти домой. «Завтра милости просим», — говорил на прощанье отец Венедикт, хорошо зная, что завтра день учебный, а у меня еще занятия продолжались в училище. Что же узнаю?
Соснувши после обеда, часа в два у них действительно был экзамен.
В упомянутой школе грамоты учитель получал по одному рублю с ученика и отопление. Книги и бумага доставлялись от духовного начальства. Об отношениях крестьян к таким учителям мне ничего не известно.

К. Выходящие из ряда обстоятельства

Ф. 7. Оп. 1. Д. 586. Л. 4 об. — 12об.

Местные бедствия

445. Пожары. Пожар является для крестьянина самым крупным несчастьем, после которого он долго не в состоянии бывает поправиться, а иные и никогда не могут подняться до прежней степени благосостояния. Я разумею пожар жилых строений. Например, наша деревня Печеньга горела около 15 лет тому назад, а и теперь, по прошествии стольких лет, следы его заметны в экономическом положении крестьянина. Недоимок на нашей деревне числится более, нежели на какой-нибудь другой деревне той же волости; многие хозяева, жившие до пожара зажиточно, теперь находятся на положении бедняков или же едва сводят концы с концами, не мечтая даже уже о прежнем довольстве. Кроме того пожары оказывают прямо-таки деморализующее влияние на население. После пожара мужик становится вял, апатичен, энергия слабеет; чаще начинает посещать кабачок и часто в конце концов делается из трезвого человека заправским пьяницею. Наша деревня теперь считается в этом отношении одною из первых. К счастью для крестьян, пожары у нас встречаются не так часто, как об этом многие думают. В течение последних четырех лет, которые я нахожусь в данной местности, сгорело не более трех домов в нашем приходе (1200 душ). Гораздо чаще горят гумна и овины, но вред от этого сравнительно невелик и хозяин скоро поправляется после этого.
Сознавая, сколь тяжело отзывается на мужике потеря дома и имущества, самый закоснелый враг, как бы сердит не был, никогда не решится мстить соседу поджогом дома. Но поджог сарая, избушки в лесу, «зимницы», нарубленного в лесу костра дров — из мести — встречается среди крестьян. В прошлое лето, например, у одного мужика сожгли из мести более 10 саженей поленeных дров (сажень — 1 рубль 20 копеек — 1 рубль 35 копеек).
Во время пожара крестьяне прежде всего стараются локализовать пламя, для чего стараются разломать сгоревшее здание и убрать возле горючие материалы. Сознавая опасность для всей деревни, работают довольно дружно, но работают крестьяне своей деревни; жители же соседних деревень относятся отчасти равнодушно, впрочем, в этом случае они руководствуются соображением, что и без них сумеют управиться. Само собой

деревня, находящаяся в одной-двух верстах от пожара, поспешает на место несчастья управиться с огнем. К чести крестьян надо сказать, что некоторые из них действуют с такой смелостью и отвагой, взбираются на такие опасные места, что позавидовал бы любой городской пожарный. Украсть во время пожара считается большим грехом и если бы нашелся такой человек, то он покрыл бы себя вечным позором; подобного рода случаев я не слыхивал.

Наказаний виновнику пожара не бывает; ну, побранят соседи, посетуют — тем дело и кончается; разве буде земский начальник по заявлению старшины присудит виновного под арест дней на пять, и то не всегда бывает. «Ну что ж, — говорят обыкновенно, — Божья власть, видно так Богу угодно, со всяким может случиться такой грех».

Пожар от грозы тушат молоком; выльют несколько кринок молока и считают это средство действительным, т.е. что пожар скорее может прекратиться. Во время пожара каждый обходит свой дом с иконой, некоторые так и остаются во все время пожара.

К погорельцам народ относится чрезвычайно сочувственно. Каждый старается насколько возможно помочь несчастным. Дают угол для житья, несут, кто горшок, кто лукошко, чашку и пр., помогают одеждой, пищей. Вообще каждый старается по мере своих сил облегчить участь погорельцев. Это делают не только однодеревенцы, но и жители других деревень. «Нет ли каких обносочков», — спрашивает погоревшая баба, и если есть, то никогда не откажут. Таким отношением крестьян к погорельцам иные нищие и злоупотребляют. Это делают, разумеется, нищие чужих волостей и уездов, следовательно более дальние, о которых трудно бывает знать, насколько правду говорят, и все-таки и в данном случае другая сердобольная хозяйка дает ей какую-нибудь поношенную рубаху или сарафан. Сбирать на погорелое место решится не всякий крестьянин; к этому прибегают немногие и только ввиду крайне безвыходного положения. Всякому погоревшему земство выдает известную страховую премию, т. к. земское страхование построек в нашей деревне обязательно. Кроме того, в случае, если сгорит вся деревня, то является на помощь казна, отпуская погорельцам лес по удешевленной таксе, а иногда и прямо даром. Не имея возможности жить в домах, каждый старается поскорее построить себе жилье, так что через несколько месяцев после пожара многие уже переходят во вновь построенные дома. Когда же в деревне сгорит дом или два, то постройка дома затягивается до более благоприятного времени, так как входя в положение погорельца, редкий хозяин не согласится дать ему приют у себя до того времени, пока он не построит себе дом с меньшей тратой. Но пользуются ли в данном случае льготным отпуском из казны лесу — я не знаю, кажется нет.

446. Буря. Наводнение. В нашей местности бури не бывают настолько сильны, чтобы от них крестьяне терпели значительный вред. Много-много, если ветер разнесет немного солому с плохо покрытой крыши. Наводнение или «паводки», как зовут крестьяне, т.е. значительный разлив реки, происходящий вследствие больших дождей, тоже не причиняет населению больших убытков. Иногда, правда, случается, что несколько десятков стогов, стоящих где-нибудь в низких местах, подмочит или снесет, но на это внимания почти не обращают. Разве только хозяин посмотрит, почешет зад, потом затылок, да скажет: «Вот так оказия! Эк ее, как разлилась!» И как ни в чем не бывало отправится домой. Что касается дорог, то мы настолько привыкли к ним, т.е. к грязи и колеям, что немного лучше, немного хуже — существенной разницы не будет.

447. Экономическое расстройство. К концу зимы уже многие семьи испытывают недостаток в жизненных припасах. Мука вся выходит, харчевой запас, кроме картофлю, истощается; как питаются — определить довольно трудно. Если бы не картофель, то нашему крестьянину, даже среднего достатка, положительно пришлось бы с голоду помирать или идти по миру. Такой порядок повторяется чуть ли не из года в год. Между тем, неурожайные годы в широком смысле, такие, как, например, в южных губерниях, у нас явление чрезвычайно редкое, я даже не могу указать, когда именно такого рода неурожай постигал нашу местность, и тем не менее каждогодно многие семьи к концу зимы испытывают нужду в хлебе и харчах; на последнее, впрочем, мало обращают внимания — был бы картофель и крупа, ячменная и овсяная. Часто харчи заменяет брусника, которую едят с толокном, да соленые грибы. При недостатке своего хлеба, разумеется, прежде всего покупают. В случае денежного затруднения прибегают как к последнему средству к продаже скотины; впрочем до такой степени редко доходят. Гораздо охотнее превращают в муку семена, оставленные для посева,

рассчитывая впоследствии взять из сельского магазина. В крайнем случае наиболее здоровые члены семьи уходят куда-нибудь на сторону во временные заработки: во-первых, для того, чтобы зашибить лишнюю копейку и во-вторых, чтобы избавить семью от лишнего рта. Должен однако заметить, что серьезных голодовок, когда бы запасы истощались у большинства населения, когда бы и на деньги пробрести было трудно, в нашей местности не бывало, по крайней мере мне не приходилось слышать. Что касается топлива, то недостаток в нем, если и является у кого, то никак не вследствие того, что достать негде, а прямо по причине лени хозяина, не успевшего вовремя запастись. В таком случае нерадивый хозяин отправляется ночью в лес и из первой попавшейся поленницы накладывает себе воз. Часто же пользуются дровами училищными и правленскими.

448. Неурожай. Как уже было сказано, абсолютных неурожаев в нашей местности крестьяне не знают, быть может потому, что лесов еще много сохранилось. Все-таки разница в количестве урожая бывает иногда очень значительна. Причины этого весьма разнообразны. Главная же и наиболее существенная — это первобытные приемы в обработке земли и инертность мужика, но это уже не входит в задачу программы и потому я перейду к описанию причин, так сказать, частных, климатических. Градобитие, засуха, излишняя влажность почвы, черви, как известно, оказывают наибольшее влияние на степень урожая. Как относятся к этому крестьяне? Да никак... Что же с Богом поделаешь? Божья воля, никто, как Бог. «Да ты взгляни — у тебя все полосы потопило. Ужели тебе долго прокопать канавы и отвести воду? И работы-то дня на два, не больше», — заметишь иногда мужику. — Да оно точно, это хорошо бы. Тем дело и кончается. Вода стоит и пашня вымокает. В результате треть полосы голая.
«Воля Божья», — флегматично произносит крестьянин. Или: приезжает на своей сивке пахать под озимую рожь; смотрит полосу соседа и видит — черви есть. Мужик задумчиво смотрит и не знает, что делать: подождать или сейчас приняться за работку. «Что, Ванюха?» — спрашивает подошедший сосед. «Ничаво, — меланхолически отвечает Ванюха, — мекаю, подождать бы, ить погань-то завелась, може и пропадет». Ванюха уныло молчит. Наконец он машет рукой и произносит решительно:
«Никто как Бог! Авось!» и принимается за свою сивку. Вообще крестьяне относятся к климатическим условиям с каким-то мирным равнодушием и ни на йоту не изменяют установившихся веками приемов и обычаев. Только когда продолжается слишком долго засуха или дождь, они сходятся на улицу и решаются устроить вокруг полей крестный ход с молебствием. Исполнивши этот обряд, они отдаются совершенно на волю Божию, будучи убеждены, что они сделали все, что могли.

449. Падеж скота. В нашей местности эпидемии скота — явление довольно частое. Особенно часто наш скот поражает сибирская язва. Несмотря на это крестьяне довольно недоверчиво относятся к страхованию скота, которое, надо сказать, введено в нашей губернии 15 лет. Страхуют свой скот немногие из крестьян. А случается, что во время эпидемии иной бедняк лишается всей своей скотины.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 579. Л. 3 об. — 4

463. Детоубийство. Изгнание плода. Случаи детоубийства чрезвычайно редки. Несколько чаще встречаются случаи изгнания плода. Изгнание плода народ считает столь же тяжелым грехом, как и детоубийство, а это последнее считается по понятиям народа самым тяжким и греховным видом убийства. Осуждая детоубийство, крестьяне все-таки не столько презирают виновную, сколько жалеют.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 579. Л. 1—9

467. Умалишенные (юродивые). Параграфа о юродивых в Вашей программе нет; тем не менее ввиду особенностей типов этого рода я позволю себе остановиться на этом предмете. Кроме того, самый характер таких юродивых, не подходящих под категорию шарлатанов, заслуживает особенного внимания.
Я буду описывать только такие факты, очевидцем которых был я сам или слышал от лиц, заслуживающих полного доверия. Должен заметить, что в нашей волости юродивых нет.

Наиболее известны мне два субъекта: Евстафий и Наденька, — последняя годов семь тому назад умерла. Для полноты очерка начну с их биографий.

Евстафий — бывший дворовый. Уроженец Солигаличского уезда, по крайней мере брат его жил в этом уезде. Возраст его я положительно затрудняюсь определить. Я его знаю более 17 лет и он мне представляется все в одном виде. Среднего роста, коренастый, загорелый, с плешью на голове, лицо круглое. Ходит в сапогах, но без шапки, которую вертит в руке. Одет в серый засаленный нанковый подрясник на вате, грудь постоянно расстегнута. Приходится видеть его летом — зимой ни разу не удавалось. Где он живет — неизвестно, да вряд ли кто и может сказать это. Между городами Чухломой и Солигаличем 47 верст, и вот между этими городами его и можно видеть (65—90 верст от нашей волости), да в близлежащих селах. Ни один храмовой праздник без него не обходится. Здесь он является своим человеком у духовенства, да и вообще у населения. Встает постоянно на клирос и поет вместе с дьячками, с особенным удовольствием напирая на верхние ноты. На клиросе над ним, правда, потешаются, но он мало обращает на это внимания и только смеется. Например, иеродьякон Абрамиевского монастыря (близ города Чухломы) во время хождения за всенощной вылил ему на голову на плешь из своей свечи горячий воск. Если в церкви мало народу, он не стесняясь расхаживает по церкви и подходит то к одному богомольцу, то к другому и при этом часто говорит довольно двусмысленные вещи, от которых иной женщине приходится краснеть, а то так и прямо за талию обхватит. Народ склонен считать его за юродивого в церковном смысле и потому относится к нему и его выходкам довольно добродушно. Всякий с удовольствием готов дать ему у себя угол, если попросится ночевать, и накормит ужином или обедом. Он ничего не просит и не берет. К его словам относятся не совсем доверчиво, хотя и считают его за прозорливца. Это потому, что когда его начинают спрашивать о будущем, он или начнет говорить нелепицу, или прямо обругает и скажет: «Что я за Бог? Почем знаю!» Иногда впрочем, хотя и редко, нисходит до того, что отвечает любопытному, и слова его в таких случаях всегда оправдываются. Гораздо охотнее он «предсказывает» когда его не спрашивают. Вот примеры:

Года четыре или пять тому назад я отставал курить. Крепился более недели, т.е. курил в день раза по два, а в последнее время двое суток совсем не курил. Случился храмовой праздник. По обыкновению явился и Евстафий и посетил моего отца, у которого я в это время гостил. «А, Евстафий, ты уже явился!» — сказал я. Он ответил своим особенным смехом. Через несколько времени из-за пазухи вынимает десяток папирос в коробке и обращаясь ко мне, говорит: «Покурим!» — Я не курю, Евстафий, хочу перестать. — Ну-ну, полно, не перестать тебе. «Ужели не перестану?» — несколько иронически переспросил его. «Не перестанешь», — убежденно ответил он. Что же? После этого я несколько раз отставал курить и все безрезультатно. Нынче я даже в течение трех недель не курил и уже начал подсмеиваться над его пророчеством... Но оказывается поторопился. Теперь курю больше прежнего.

В тот же раз мне хотелось спросить его, выдержу ли я экзамен. Но, с одной стороны, чувство стыда перед посторонними, а с другой — опасение получить нелепый ответ удерживали меня от вертевшегося на языке вопроса. Так прошло полчаса времени. Вдруг в середине разговора, обращаясь ко мне, Евстафий произнес: «Что задумал делать — делай». Я прямо был поражен.

Раз под вечер сошлись несколько девиц, все дочери духовенства. Между ними находилась моя сестра. К толпе подошел и Евстафий. Разумеется, каждая пожелала узнать свою судьбу. Но Евстафий только посмеивался и отшучивался. «А вот это ножкинская дьячиха», — сказал он, указывая на мою сестру. В тот же год она вышла замуж за псаломщика в селе Ножкино. Я был очевидцем.

Раз пришел на мельницу. Ночью, еще когда не все уснули, он вдруг вскочил и закричал: «Давиться или топиться!» и побежал к плотам. Через несколько минут возвратился и говорит: «Нет, топиться страшно, лучше давиться!» Взял кушак и сделал петлю. Через несколько дней мельника вынули из петли и едва возвратили к жизни. Находясь в стесненных обстоятельствах, он решил лишить себя жизни и проделал то, что предсказал ему юродивый. Вообще подобных примеров можно привести множество. Иногда он доходит до циничности. Например:

Из Петербурга возвращалась на родину молодая крестьянка. В Питере, как говорят, она была содержанкой у одного купца. Не доезжая нескольких верст до своей деревни, она остановилась для перемены лошадей. Пока перекладывали лошадь, она вышла на улицу. Тут же случился и Евстафий. Недолго говоря, раздвинул

полы своего подрясника и... стал мочиться прямо перед ее глазами. Женщина отвернулась, тот зашел к ней и опять то же. В конце концов принуждена была скрыться в комнату.

Говорят, что некоторые заставали его молящимся в лесу. В таких случаях он будто бы или убегал, или начинал ругаться по матерну.

Наденька представляет тип юродивого в другом роде. Она — дочь богатого крестьянина. В молодости славилась красотой. Вместе с отцом жила в Петербурге, где отец и засватал ее за какого-то купеческого сынка, но свадьба не состоялась, потому что она наотрез отказалась от этого жениха — была влюблена в другого. Само собой, что с возлюбленным ей не пришлось обвенчаться; вместо этого разгневанный отец отправил ее в деревню, где она и сошла с ума, а со временем приобрела среди населения репутацию юродивой. Жила она на моей родине близ города Чухломы. С течением времени дом, где она родилась, был перенесен за четыре версты. И вот Наденька (под этим именем она была известна в народе) летом во время зноя и ненастья, ничем не покрытая, лишь какая-то тряпка болталась ниже пояса, приходила на старое пепелище и сидела здесь по целым часам, не обращая внимания ни на насекомых, которые роем вились около нее, ни на ребятишек, которые насмехались над ней и даже кидали грязью. Все время она разговаривала с собой. Наденька, или Надежда Ивановна, пользовалась большою известностью на далекое расстояние. Издалека приезжали и приходили к ней, чтобы узнать то, что естественным путем нельзя было узнать. По большей части спрашивали об отсутствующих ближних. Но понять ее было довольно трудно, она редко говорила прямо, хотя несомненно, что она могла предугадывать будущее. Один очевидец рассказывает, что он на дороге к ней встретил знакомую женщину и стал звать ее идти вместе. Встреча произошла недалеко от деревни, где жила юродивая. «Ну, пойдешь, — сказала вторая женщина, — может, что-нибудь поболтает». Приходят. Начинают спрашивать. Вместо ответа она приказывает подать ведро с водой и мутовку. «На, болтай!» — говорит Наденька, подавая ведро второй женщине.

Когда мне было годов пятнадцать, я готовился к поступлению в учительскую семинарию. Незадолго до отъезда я встретил юродивую в поле. «Наденька, поступлю ли я в семинарию?» — спросил ее. «Поступишь», — сердито ответила она. Действительно, я поступил в приготовительный класс. Но около Рождества вследствие обстоятельств я принужден был оставить заведение. Однако в следующий год я решился снова поступить в ту же семинарию, но уже в первый класс. Опять, так же как и в прошлом году, я встретил Наденьку в поле. Спросил, поступлю ли. На этот раз она мне ответила не прямо, а иносказательно. Я только мог предположить, что поступлю, но впереди ожидает какая-то неприятность. Действительно, поступил в первый класс, после 1 октября я опять бросил семинарию, чтобы поступить в юнкерское училище. Вместо этого прошлялся два года, испытывая страшную нужду, прежде чем не поступил в другую Учительскую семинарию. Замечательно ее отношение к духовенству. Я по происхождению принадлежу к духовному званию. Будучи лет десяти-двенадцати, вместе с отцом ездил по приходу «славить». И вот, бывало, как только священник с крестом войдет в избу (она жила у какой-то родственницы), Наденька поспешно соскакивает с печки, где она обыкновенно проводила время, и спешит выйти из избы, если же это не удается сделать, то заберется в самый угол печи и начинает браниться. «Наденька! — скажет, бывало, священник, — Христос воскресе! На тебе яичко». Наденька просто из себя выходит: заплюется, зачертыхается... Перед смертью ее священник несколько раз приезжал с целью исповедать и причастить, но несмотря на все старания это ему не удалось. Так и умерла, не причастившись. Между тем уже на стене висел медный складень с изображением Креста Господня и Божией Матери. Молилась ли она — я не знаю. Все это достоверные факты. Я не привожу примеров, в справедливости которых я не вполне убежден, а таких примеров, доказывающих способность «юродивых» или как угодно их называть, предугадывать будущее, можно было бы привести целые сотни.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 584. Л. 14—14 об.

473. Болезни и их лечение. Население нашей местности в зимнее время почти все сплошь занимается рубкой лесу. Когда же придет весна, они по целым дням простаивают по колено в холодной воде, работая над плотами. Вследствие этого ревматизм и другие простудные болезни преобладают над всеми другими. Из заразных болезней у нас: оспа, корь, коклюш, кровавый понос, инфлюэнца, а в прошлом году был тиф неопределенного типа. Холеры у нас не бывало, по крайней мере никто не помнит, даже из стариков.

Другие заразные болезни, если и бывают когда, то в виде исключения. Что же касается перечисленных болезней, то каждую осень и каждую весну какая-нибудь из них да посетит нашу местность. Бывший в прошлом году тиф, продолжавшийся с Рождества и до июня, унес немало жизней. В особенности в нашей...

Ф. 7. Оп. 1. Д. 580. Л. 1—8

... местности свирепствуют детские заразные болезни. При худом питании и антигигиенической обстановке не удивительно, что дети мрут в большом количестве, над чем некоторые родители, надо правду сказать, не особенно горюют. Кроме того небрежность и неумелость ухода за больными много способствуют увеличению смертности среди детей. Например, нынче умерло очень много детей от года до двенадцати лет от кори, болезни совершенно безобидной при известных предосторожностях. Чахотка между крестьянами весьма редко встречается, но зато сифилис, по уверению фельдшера, очень сильно распространен. Нет деревни, говорит он, где бы хоть одна семья не подвержена была этой ужасной болезни.
Кроме фельдшерского пункта в санитарном отношении земство ничего не сделало для крестьян. Впрочем с нынешнего года земство содержит разъездного врача, который два раза в месяц обязан приезжать на пункт, но пользы от этого немного, так как он, принявши больных до двенадцати дня, тотчас уезжает обратно. В случае сильной эпидемии земство командирует на помощь постоянному фельдшеру другого уездного. К фельдшеру и доктору крестьяне идут обыкновенно тогда, когда все испробованные домашние средства и мочения разных доморощенных лекарей оказываются бесплодны; между тем как лечение и отпуск лекарств производится бесплатно. В случае легкого недомогания крестьянин сначала не обращает внимания на свою болезнь. «И так пройдет,» — говорит он и идет на работу. Если болезнь не проходит, он вечером влезает в печку на овсяную солому и прогревается. Или же выпивает с солью водки. Только тогда, когда означенные средства не действуют, он обращается к фельдшеру. Вообще надо сказать, что паренье в печи (бани у нас нет), по мнению крестьян, самое надежное лекарство от всех болезней. Вследствие этого в прошлом году от тифа, нынче от оспы и кори многие померли потому, что их парили в печах. По случаю легкого поранения прямо завязывают рану тряпкой и довольно, в случае же серьезной раны идут к фельдшеру. Кроме выше перечисленных домашних средств, других я не знаю, хотя думаю, что таковые существуют. Что касается авторитетности знахарей, то этим они пользуются при лечении таких болезней, которые не могут вылечить доктора по причине неизлечимости или застарелости болезни, или же просто по отсутствию нужных условий, как, например, при лечении падучей болезни, кликушества и некоторых других. Тут авторитет знахаря непоколебим. Если уж знахарь не может вылечить, то никакому доктору в свете тоже не сделать этого. В особенности, если знахарь лечит по цветнику, то престиж его ничто в свете не может поколебать, так твердо верят крестьяне в цветник и того, кто лечит по нему. Некоторые знахари и знахарки лечат своих клиентов, кроме общеизвестных средств — травы, наговоры, нашептывания, еще окуриванием, можжевельными ягодами и даже киноварью, а иные сажают в щелок. Киноварь употребляется при лечении сифилиса — тут играют роль пары киновари. Подробности описать не могу.
Отношения к больным заразными болезнями и не заразными, можно сказать, безразличны. Крестьяне, нисколько не опасаясь заразиться или передать заразу своим домашним, так же ходят в дом больного, как и раньше, садятся к ним на постель, расспрашивают о ходе болезни более из любопытства, нежели из сострадания и вообще ведут себя по отношению к заразному больному совершенно спокойно. Иные из сердобольных приносят ему то кусок пирога, киселя, то чего-нибудь другого из кушанья. Что касается ухода за больными, то это зависит от способности к труду. Чем нужнее заболевший, в смысле рабочей силы, тем тщательнее и уход за ним и наоборот. Разумеется, ухода не лишаются и заболевшие старики, и маленькие, но только это делается не с таким усердием; сами старики понимают, что они служат бременем для семьи и совершенно спокойно смотрят на такое отношение к себе. Если же какой старик и возмутится, то ему прямо заметят, что пора и умирать, пожил на своем веку, — «чужой век нечего заедать». В особенности же плохо достается больным — тут уж и не старикам — в горячую летнюю пору. Тут он остается под присмотром какой семи — восьмилетней девочки, которая при первой же возможности старается убежать со своими сверстницами. В случае смерти матери грудной ребенок питается молоком из коровьего соска и соской. Если в деревне есть женщины, кормящие грудью своих детей, то к ним по очереди носят

младенца для кормления грудью; иногда даже с этой целью носят в соседнюю деревню, если она недалеко, около одной версты.

474. Умирающий, мертвое тело, поминки. Лишь только в деревне становится известным, что хворавший сосед умирает, каждый из соседей считает своим долгом придти и проститься с умирающим. «Прости меня, Христа ради», — говорят они, кланяясь ему до земли. Как только он помер, его обмывают: женщину — женщины, мужчину — старики. Одевают в чистое белье, которое иногда припасается еще задолго до болезни и хранится отдельно от прочего; конечно наиболее предусмотрительными оказываются старухи. На женщин надевают рубашку белую и сарафан, а голову повязывают платком; мужчин одевают в рубашку тоже белую и штаны белые, затем в гроб (домовище) кладут саван, в который и завертывают покойника (не мог понять, как шьется саван и завертывают в него покойника — «шьется таким тюриком»). Сверху покрывается коленкором. В состоятельных домах читается псалтирь и горит в лампадках деревянное масло, в бедных же часто и не делается этого. Каждый из соседей старается побывать и проститься последний раз с покойником, причем приносят «на помин души» яйца или копеечку, что и отдается потом старосте в пользу церкви. Как только умирает человек, сейчас начинают хлопотать над устройством гроба (домовища), который для взрослых грубо сколачивается из досок, а для маленьких выдалбливается из цельного куска дерева. Затем идут на кладбище, копают могилу, заявивши предварительно священнику о случившемся и прося в день похорон отслужить обедню. Если священнику хорошо известна причина смерти, т. е. если умерший перед этим причащался, то затруднений никаких не бывает, но если покойник при жизни не успел причаститься, если болезнь его была непродолжительна или скоропостижна, то возникают затруднения, которые нередко заставляют просить родственников умершего разрешения у станового. Тот приезжает — иногда с доктором, — делает опрос соседей об обстоятельствах смерти и, если находит причину смерти естественною, дает разрешение хоронить. Само собой, что крестьяне недолюбливают такого оборота дела и стараются не доводить до этого. Как только видят, что человек умирает, например, от вина, тотчас же спешат за священником. Иногда привозят его уже к мертвому. Тогда уже будет зависеть от усмотрения последнего — хоронить или довести до сведения станового. Получивши разрешение от священника хоронить, приготовляются к погребению, впрочем приготовления эти невелики и касаются более угощения соседей. Хоронят — иногда на другой, иногда на третий день. Чаще всего покойника везут в розвальнях на лошади, а летом отправляют на лодке. Почти вся деревня выходит провожать покойника, причем плач и причитания родных составляют неизбежные атрибуты похоронной процессии; впереди идет какой-нибудь мальчик с иконой в руках. Несут ли покойника люди, что очень редко, или везут на лошади, но ни в каком случае не должно останавливаться с покойником на дороге до самой церкви, «чтобы не повезти с собой другого покойника из деревни». Но горе тому дому, возле которого остановится почему-либо процессия; там, по убеждению крестьян, непременно в том же году умрет кто-нибудь. Точно также, если у покойника не закрыты глаза, то это значит, что в доме следует ожидать еще другого покойника; поэтому крестьяне кладут на глаза умершего по медной монете. Затем гребень, которым причесывали покойника, мыло, которым его обмывали, также кладутся в гроб, для чего — не знаю. Если же покойник любил выпить, то вместе с ним кладут и бутылку вина. Последний обычай, впрочем, выводится из употребления. Но мне передавали как факт, что находились люди, которые, натыкаясь при копании могилы на подобного рода находки, не брезговали выпивать водку, причем говорили: «Век не пивал такой водки». После похорон в доме умершего устраиваются поминки. Приглашаются все соседи и обедают. Обязательными кушаньями являются кутья и овсяный кисель с сулоем. Вином почему-то не угощают. Копальщикам же вино дается. Кроме того, они получают в свою пользу холст, на котором спускали в могилу гроб — это составляет всю плату за труды. Траур носят только молодые женщины по мужу. Во всех остальных случаях никаких траурных знаков не бывает. Траур носится до сорокового дня. На другой же день — как будто ничего особенного в селе не произошло, каждый принимается за свои дела. Для того чтобы отогнать от себя страх перед покойником, как только вынесут его из дому, сейчас садятся на то место, где лежал умерший.

475. Находка. В этом отношении крестьяне придерживаются пословицы: что упало, пиши пропало. Действительно трудно найти потерянную вещь, потому что нашедший едва ли возвратит Вам ее. Если же крестьянин найдет такие вещи, которые ему не могут принести никакой пользы, например, что-нибудь, то он

возвратит Вам ее не иначе, как при условии уплаты третьей части стоимости утерянной вещи. На этот счет он хорошо знает законы. Если найдут несколько человек, то они поделят между собою поровну. Находка ложки и ножа считается худым предзнаменованием, такую находку в дом не внесут, а отдадут играть ребятам.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 578. С. 11—12 об.

Воровство

476. Воровство в нашей местности имеет характер случайный и совершается более из нужды или соблазна. Профессиональных воров я не знаю и не слыхивал, о разбойниках и разбоях и помину нет. Например, на днях на волостном суде разбиралось дело о покраже шлеи. Кража была вызвана тем обстоятельством, что хозяин ее, будучи пьян, заехал к своему свату, а лошадь оставил на улице возле дома. Шлея была новая. Проходивший мужик соблазнился этим и унес ее. Другой мужик зашел зачем-то в дом; никого в это время не было в избе. Мужик соблазнился и унес кушак, шапку и два фунта сахару. Вообще воруют все, что попадется под руку, что можно употребить в дело в домашнем обиходе. Ворующие из нужды, т. е. из бедности, тоже ничем не брезгуют. Надо сказать, что такого рода воры никогда не действуют по заранее составленному плану, так что в сущности разницы почти никакой нет между типами воров первого и второго рода, только разве в мотивах, побуждающих воровать. Мне приходилось встречать тип воров такого рода. Один парень, желая во что бы то ни стало иметь гармонику и погулять на празднике, забрался через трубу в лавку торговца и унес денег около десяти рублей и сколько-то из товару. Этот парень ранее посещал лавку того же торговца и оба раза попадался. Воровство такого рода, происходящее из-за желания иметь вещи вроде гармоники или новых сапог, между парнями встречается нередко. Иногда для этой цели соединяются по два и даже по три человека. Один шестнадцатилетний мальчик сидел уже в остроге за кражу и был в монастыре для исправления. Семейные кражи совершаются подростками и чаще малолетними. Причины — желание купить орехов, вина, табаку и т. п. Семейные кражи не считаются грехом.

477. Когда человек срывает плоды или овощи для того, чтобы попробовать или дать в виде гостинца своим ребятишкам, то это не считается кражей. Но если же он сорвет для того, чтобы употребить в кушанье, например, огурцы, свеклу, морковь и пр....

Ф. 7. Оп. 1. Д. 584. Л. 1—9

... то это уже будет воровство. Вообще при определении подобного действия принимается в расчет как количество взятого, так и цель, для чего взято. Кроме того, если огород, в котором растут овощи, изолирован от других, то проникновение туда считается воровством, хотя бы сорван был один только огурец. В огородах же, принадлежащих нескольким хозяевам, товарищи могут пользоваться в небольшом, разумеется, количестве, овощами чужими.

Вынуть рыбу из сетей не считается за кражу, даже впоследствии он же перед Вами и похвастает, но вынуть зверя из капкана — будет кража, хотя и к этому народ относится довольно снисходительно, если только это не составляет профессии, а делается случайно, потому только, что увидел зверя в капкане. То же самое можно сказать и о вынутии рыбы. Если проезжий остановится в поле для отдыха и покормит лошадь сеном, то это не будет кража, хотя другой крестьянин и поругает. Но если приехать в чужой луг, да накласть, положим, копну, это уже будет воровство. Ловля рыбы в чужих реках вовсе не признается за кражу; всякий может идти и ловить рыбу, когда и как ему угодно.

В случае, если скотина попадет в чужой луг или чужое поле и сделает потраву, то потерпевший призывает старосту и окольных и они делают оценку потравы и заставляют уплатить потерпевшему.

478. Всякое воровство, при какой бы обстановке оно не было совершено, народ порицает, но все-таки при этом он делает исключения.

Самым тяжким воровством считается кража хлеба из амбара. Также делается различие и в количестве украденного. Кроме того, воровство совершенное помимо воли вора, если так можно выразить, случайное

менее преступно, нежели воровство, соединенное с насилием, предумышленное. Например, в деле о шлее мужик просил, чтоб ему возвратили ее, но торговец, к которому вор проник через крышу, требовал не только возвращения похищенного, но и строгого наказания. Что касается других обстоятельств, то народ, считает одинаково преступлением и греховным делом. Крупных краж, как было сказано, у нас не бывает, что же касается мелких, напр. шлеи, топора, увозка из поля сена, то на подобные кражи народ смотрит равнодушно, потерпевший только и хочет, чтобы ему было возвращено похищенное, а о наказании преступника ему нет дела. Упомянутое выше дело о похищении шлеи тем и кончилось, что присудили взыскать с виновника в пользу истца 2 рубля 50 коп. стоимость шлеи, а снявший шлею не понес никакого наказания.

Пословица «Не пойман не вор» показывает взгляд народа на некоторые виды воровства, которым народ не придает значения. Кражи считаются скорее видом воровства. Напр., вынуть рыбу из сети, зверя из капкана, но воспользоваться медведем из капкана воровство: кража значительная, обрать в огороде огурцы и т. п. Подобные проступки совершаются обыкновенно молодежью, но сделать это старику или человеку степенному, семьянину считается воровством, бесчестьем.

479. Под разбоем народ разумеет преступление, соединенное с убийством человека или нанесением тяжких ушибов с целью грабежа. Также разбоем считается в понятии крестьян и грабеж. Грабежом называют кражу со взломом или когда похищено на значительную сумму. Случайных воров, особенно тех, которых заставляет нужда воровать, крестьяне жалеют, если только такой человек ранее имел хорошую репутацию. «Ведь вот, — говорят во втором случае, — и хороший человек был, а нужда что заставила делать», а в первом всю беду сваливают на черта — бес «силен».

480. Скупка краденного, даже если это известно, в понятиях крестьян не считается грехом и преступлением; каждый готов купить подешевле, если только нет опасности быть уличенным начальством. Это делается даже и в среде духовенства.

Наш мужик считает нехристем, каким-то зверем того человека, который покусится обокрасть церковь. «Как только его Царица Небесная не поразила», — удивляются они. Впрочем в нашей местности подобные преступления — явление небывалое. Что касается краж у духовенства, то крестьяне в этом не полагают никакого различия в степени греха от обычных краж, даже еще говорят: «Ничего, у попов много денег, некуда девать».

482. Лесные порубки. Порубку в господских казенных дачах народ не считает ни за преступление, ни за грех. Нарубить дров, надрать лык, срубить бревно — для него ничего не значит. «В казне много лесу, — говорят мужики, — что ее жалеть», или «Где же нам взять?» — наивно спрашивают они. Но нарубить дров в лесу, принадлежащем своему же брату мужику или деревне, считается делом нехорошим. «Это уж последнее дело, брать у своего же брата». Впрочем, в отношении богатого мужика или купца нравственные убеждения те же, что и в первом случае, и фразой «много у них» совершенно оправдывают себя. Он бы искренне удивился, если бы сказать ему, что он поступил нехорошо в этом случае. Убеждать его в нечестности поступка — то же, что убеждать людоеда отстать от каннибальских привычек. «Разве казна растила лес? — спросит он вас, — это Божье, Бог родил». А другой пойдет еще дальше: «Нет, брат, по-настоящему если рассудить, правильно, по-Божески, так и весь-то лес должен быть наш, потому мы — сила, мы работаем, хлебушком кормим всех, а он (помещик, казна), брат, что делает? Срубит лес, продаст и денежки в карман положит, а все наш брат мужик работает, он только денежки обирает». Но совершенно иных взглядов [придерживаются] на землю и луг. Тут народ признает право собственности, потому что землю приходится обрабатывать, трудиться над ней. Таких же свободных взглядов он придерживается и по отношению к рыбной ловле и охоте в чужих владениях.

Тут он прямо в тупик станет перед вашими доводами относительно нелегальности его действий и подумает, что Вы или смеетесь над ним, или просто не в своем уме. Впрочем, в этом отношении и фактически запрещения нет. Крестьянин охотится, где ему вздумается, это же надо сказать и относительно рыбной ловли. Конокрадства, к счастью, у нас вовсе нет.

484. Растрата. Мошенничество. Я не знаю случаев присвоения чужого имущества, но растрата имущества — явление нередкое в случаях опеки малолетних. Часто дело доходит до волостного суда, который принуждает виновного вознаградить потерпевших. Если его имущество заключалось в скоте, хлебе, белье, то часто суд оправдывает виновного на том основании, что опекаемых требовалось кормить, обувать, одевать, хотя бы имущества имелось гораздо более, нежели сколько могло быть израсходовано. Народ относится к растрате как-то безразлично и даже выказывает сожаление, если виновный в растрате несет наказание. «А беспокойство, а хлопоты, — говорят они, — разве это ничего не значит».

485. Обман, фальшь при купле-продаже у нас явление обычное. Масла коровьего редко приходится купить хорошего качества. Сплошь и рядом оно продается с подмесью сала, особенно в осеннее время, когда происходит колотье ягнят. Продать гнилое за свежее, худое за хорошее не считается за грех. Вообще обман всякого рода и кого угодно — вещь обыденная. Например, предлагая мне лошадь для поездки нынешней масляной на родину, баба уверяла меня, что лошадь молодая, хорошая и непременно довезет в один день. Что же? Проехал я на ней по хорошей дороге 20 верст в 5 часов и моя лошадь упала, едва только к вечеру успел доехать до первой деревни, проехавши 30 верст. И только на другой день вечером я успел приехать на родину — в два дня я проехал 55 верст. Оказывается, лошадь больна. Пришлось лечить. Что бы Вы ни покупали, Вас непременно постараются обмануть, да пожалуй над Вами же потом и посмеются.
При продаже льна многие хозяева, если только льну большое количество, всовывают для увеличения веса камни. Народ относится к этому совершенно безразлично.

487. Акцизных уставов народ вовсе не признает и считает их совсем лишним учреждением, даже более — не понимает, что они означают, для чего существуют. Каждый крестьянин охотно продаст кому угодно бутылку вина, если ему дадут лишний двугривенный. Если у него нет, он сходит к соседу и возьмет у него. Кроме того, чуть ли не в каждой деревне, стоящей на тракту, обязательно найдется благодетель, у которого для всякого доброго гостя постоянно припрятан где-нибудь в подполье или на сарае в сене бочонок винца. Кстати вот характерный пример: возвращаясь назад после масляной, мне пришлось остановиться, чтобы покормить лошадь и самому напиться чаю в одной деревне, где я за неделю перед тем останавливался.
Баба начинает соболезновать, что мне пришлось ехать в такую погоду и по такой дороге. Погода была действительно скверная, зги, что говорится [не видно] — Поди озябли? — Не без того. — У меня после масленицы осталось винца немного — не хотите ли я дам Вам? — Нет, спасибо. Через несколько времени в избу набралось человек пять соседей, баб с прялицами. Был Великий понедельник. В разговоре одна из баб рассказывает, что мельник послал ее сынишку за четыре версты в кабак — купить сороковку вина, «голова де болит после вчерашнего». «Ай дура, вот не знала-то, я нарочно сберегла две бутылки, думаю: будет всем на исповедь», — говорит моя хозяйка. «За сколько же ты продала свою бутылку?» — спросил я. — Известно за сколько — 50 копеек. Между тем, при покупке четвертью эта бутылка обходится в 30 копеек. Точно также в мелочных лавках можно купить кроме мелочи и ситцу, сукна и других мануфактурных товаров. И никто в этом не видит ничего дурного и преступного. Фальшивомонетчиков у нас нет.

489. Поджоги. Поджоги в нашей местности бывают из мести и из корыстных побуждений. Как я уже говорил выше, поджоги жилых помещений у нас явление неслыханное, да на это и смелости ни у кого не хватит. Другое дело — поджог сараев, дров, иногда, правда редко, поджог сена — это бывает и, пожалуй, нередко. С месяц тому назад сожгли у одного мужика лесную избушку, в которой он жил зимой, уезжая на лесные работы. Все уверены, что это сделано по злобе.
Из корыстных побуждений поджигают в летнее время казенные леса. Для крестьянина интерес тут заключается в том, что погоревший лес идет на пользу мужика. Не могу положительно сказать — совершаются ли бесплатно или с небольшой платой. Казна отдает такой лес. Но факт тот, что почти каждогодно лес горит и иногда, разумеется, интимно, сами же крестьяне говорят, кто поджег.
Иногда, только не так часто, поджигают как казенный, так и частный лес по злобе на лесничего или владельца. Но это редко. По закону такой пожар тушится и притом бесплатно самими же крестьянами.
Это обстоятельство удерживает от более частых поджогов.

ЧУХЛОМСКОЙ УЕЗД

Корреспондент Макаров А. Н.
Чухломской уезд, Каликинская волость, д. Дорок

Ф. 7. Оп. 1. Д. 621. Л. 2—27

390. Сближение молодежи. Беседы, поседки, и масленичные развлечения в Каликинской волости. Чухломского уезда.

Наша деревня живет особою жизнью, непохожею на городскую. Дальность расстояний деревни от деревни, северный климат с продолжительною зимою, отхожие промыслы — все это положило особый отпечаток на обычаи и уклад деревенской жизни.

У нас нет ни театров, ни концертов, ни клубов и никаких других подобных общественных развлечений, где могла бы сближаться и веселиться молодежь.

Зимние беседы, устраиваемые в каждой деревне, заменяют собою все то, что имеется в городе.

Деревенские жители в чужие деревни запросто в гости к знакомым не ходят, придерживаясь пословицы, что «незваный гость хуже татарина», к тому же погоды бывают скверные, дороги дальние, да и домашние дела не позволяют. Ездят друг к другу родственники лишь на храмовые праздники и гостят день-два, а иногда и три. Девушки привозят с собою на этот случай лучшие наряды. Летом случается видеть, как какая-нибудь семья в полном составе, не исключая и маленьких ребятишек, тащится разряженная к родным на праздник, — иногда верст за 15, а девушки из экономии идут босиком, держа на голове драгоценный узел с ботинками и парой нарядных платьев.

Хозяева уже приготовились и потому рады дорогим гостям, которые собрались отгащивать за свои праздники.

Летом холостых ребят бывает так мало, что на целый табун расфуфыренных девиц иногда придется один парень, который и мотается между ними, как козел в огороде.

Другое дело — зимний праздник: тут приезжая девушка попадает в беседу, в которой много оживления и много кавалеров. Это своего рода бал, не в «Дворянском», а в «крестьянском» собрании.

В предыдущих очерках я описал беседы, как они происходят в сельце Ильинском Галичского у. Ильинское в 17, а по зимнему пути в 15 вер. от Галича. Влияние города, благодаря его близости, у нас сделалось уже заметным: оно отразилось и на песнях, и на тех обрядах, по которым происходят беседы, и, конечно, на свадебных обычаях.

Верстах в 35 от Ильинского находится на живописном берегу р. Неи при впадении в нее р. Идола приход Введения Каликина уже Чухломского у. Он лежит в 50 вер. от Галича и в стольких же верстах от Чухломы; в торговом же отношении тяготеет к посаду Парфентьеву Кологривского у., отстоя от этого посада всего лишь на 15 вер.

Ни Чухлома, ни Галич не оказали, повидимому, заметного влияния на эту местность, а посад Парфентьев не может оказать городского влияния, потому что и сам-то недалеко ушел в своем развитии от большого торгового села.

В 3 вер. от прихода Введения Каликина на р. Идол находится деревня и усадьба Дорок, которые я близко знаю, благодаря имеющимся там родственным связям. Местность, в общем, лесная и довольно глухая: медведей там водится еще порядочно, а в нашем Галичском у. они что-то уже заметно повывелись.

Беседы здесь происходят по-старинному и песни поют иные, тоже старинные; кроме того, существует целый разряд особых игровых песен, а потому я и решился дать краткий особый очерк, как это делается в Дорке, и это будет верно не только для всей Каликинской вол., но и для гораздо более обширного района.

Обыкновенные ежедневные собрания девушек называются беседки или поседки; они происходят поочередно в избах тех девушек, которые собираются на поседки. Являются туда с пряхами; молодцев в обыкновенное время почти не бывает: заглянет какой-нибудь парень из своей деревни, девушки споют ему ходовую песню, тем дело и кончается. Поседки во многом утратили свой старинный характер, с которым нас знакомил С. В. Максимов в своем сочинении «Лесная глушь»: нет горящей лучины, не услышишь

трыньканья балалайки или гитары прежней дворовой челяди, — гармонь заменила все; ходовых песен тоже, как видно, в старину не пели и парни «по песням не ходили».

Беседы же (т. е. большие) устраиваются лишь по храмовым праздникам: в Введеньев день, Николин день, Дмитриев день (26 октября), продолжаясь каждый раз по 3 суток подряд, причем начинается беседа с 12 часов дня и продолжается непрерывно до часу, до 2, а иногда до 3 часов ночи. Участвуют в беседе, кроме своих девиц, все те, которые понаехали на праздник в гости к своим родным; а таких гостей в каждом доме бывает несколько семей.

Кроме этих праздничных бесед, в каждой деревне устраиваются так называемые «свозки» девиц. Начинаются они с Введеньего дня и переходят последовательно из деревни в деревню вплоть до Рождества. Каждая свозка продолжается также трое суток. Девицы перед свозкой отправляются на подводах не только в соседние, но иногда и в дальние деревни и привозят своих подруг; не только девицы, но всяк старается навезти как можно больше невест, чтобы свозка была большая и веселья было больше. Бабы, конечно, стараются собрать из чужих деревень свою родню: незамужних сестер, племянниц и т. п., чем невест наедет больше, тем больше будет славы и почета для этой деревни. Очень часто девушки привозят даже незнакомых девиц, лишь бы они славились своей красотой и костюмом.

Девица, имеющая дипломат на меху (который называют «тепломат», производя от слова «тепло»), и фаевое или шелковое платье, красивая собой, называется здесь «славницей», потому что она славится на весь околоток. «Славниц» стараются навезти побольше: они служат приманкою для молодцев; потом, конечно, у этих славниц отгащивают на свозках те девушки, которые их привозили. Чужих парней приглашают в гости парни своей деревни и, конечно, потом у них отгащивают.

Кроме «свозки» в больших деревнях делают еще так называемые «святки» — это такая же трехдневная свозка, только устраивается на святках.

Около Косьмы и Домиана (1 ноября) так же, как и в Галичском у., девицы устраивают братчины, т. е. варят пиво и приглашают в гости молодцев. Большие беседы устраиваются таким порядком: выбирают избу побольше и посветлей, уплачивая в складчину хозяевам за каждую беседу 20 коп. со всех девиц; гости в счет не идут. Девицы рассаживаются на лавках в подокошечке: это ведь в деревне самые почетные места; молодые бабы, которые поголосистей, а также подростки устраиваются на скамейке возле переборки, — те и другие помогают девицам петь; под полатями, как раз под полатным брусом, на особо поставленной поперек избы скамейке усаживаются молодцы. Если в беседе мало места.., тесно — сидят друг у друга на коленях: девушки у девушек, молодцы у молодцев. На скамейку, где сидят молодицы, девицы не садятся: есть такая примета, что которая тут сядет, та в этом мясоеде замуж не выйдет.

Сзади молодцев, под полатями помещаются зрители в кути — это уж места не почетные. В начале беседы девицы в ожидании молодцев разговаривают, охорашиваются и посматривают друг у друга наряды. Как только начинают сходится молодцы, девицы начинают петь игровые песни и отправляются «играм играть». «Играм играть» состоит в том, что по некоторым песням две девицы ходят вокруг по избе одна за другой и рассуждают руками, именно: в наиболее выразительных местах песни передняя девица поворачивается к задней и плавным жестом разводит руками, задняя же девица обращается с точно таким же жестом к передней. Сделавши один тур, они поворачивают обратно, продолжая рассуждать руками; после второго тура снова поворачиваются и продолжают так до конца песни.

Лет 15—20 тому назад это проделывалось и в Ильинском, и вообще под Галичем, но называлось не «играм играть», а «ходьбам ходить». Теперь, однако, все это давно оставлено: «Ходьбам больше не ходят» и соответствующих песен не поют. По некоторым игровым песням, как мы увидим при подробном описании их, устраиваются чуть не целые театральные представления с участием множества действующих лиц, сюда относятся: «Уж как отдал меня тятенька за Нею за реку» и другая — «Хожу я, гуляю вдоль по хороводу».

«Играм играют» в известном порядке: сначала свои девицы, притом старшие, за ними — младшие, после своих выходят гости и, конечно, тем, которые познатнее, т. е. славницам, оказывается предпочтение. К тому времени, как все девицы «переиграют играм», успеют собраться молодцы; девицы сядут по своим местам и начнут петь молодцам ходовые песни, «припевать им невесте». Вообще каждому поется отдельная песня, но есть и такие, по которым «ходят по полу» два или четыре молодца. Точно так же и в отношении девиц:

по некоторым песням парень выбирает одну девицу, ходит с ней и затем целует, по другим песням — трех и даже четырех. Целуются по одному и по три раза.
В Ильинском и вообще под Галичем перестали уже с девицей ходить по песне, а просто молодец по окончании песни подходит к которой-нибудь из них и целует ее. Когда все молодцы переходят по песням, девушки начинают петь песенку, служащую приглашением к танцам (invitation à la danse):

В поле ели, в поле ели,
Начинаются «кадрели»,
Вы вставайте, кавалеры,
Приглашайте на «кадрели»,
Кавалеры с лавочки,
Берите-ка по дамочке!
Мы станцуем, мы сыграем,
«Сени новые» споем.
«Сени новые» споем,
С кавалерами пройдем.

Танцуют, как и везде: или под гармонию, преимущественно «Тальянку», или по частеньким песням, как «Уж вы сени, мои сени» и другим подобным. После танцев снова начинаются ходовые песни с поцелуями, затем игровые и т. д. до поздней ночи.
Во время трех дневных больших бесед молодежь всячески старается развлекаться: мало того, что целый день и половину ночи поют, целуются и танцуют, еще и ночью ходят партиями по улицам и заваливают друг у друга крыльца у изб — парни у девиц, а девицы у парней. В котором доме есть невеста или приехали гостить девицы из соседней деревни, парни ночью втихомолку подберутся и сложат на крыльце поленницу дров, натащат туда же бочек и чанов из-под воды, прибавят к этому старые розвальни или дровни и вот... баррикада готова. Утром просыпаются хозяева и выхода из дома нет. Девицы мстят молодцам точно таким же образом и не хуже их успевают другой раз заваливать крыльца. Ну, а если два враждебные лагеря, выслеживающие друг друга, нечаянно столкнутся ночью на улице, тогда уж поднимается общая свалка и суматоха с неизбежным умыванием мылом не только лица, но и других частей тела.
Обычай заваливать крыльца существует и в Галичском у., но только на святках; так что, по-видимому, он имеет широкое распространение. После святок больших бесед не бывает, девицы лишь сходятся по вечерам с пряхами на беседки, поют там проголосные песни, поиграют иногда для своего развлечения «Играм», а если зайдут молодцы — споют им по ходовой песенке. Молодцы по обыкновению воруют у девиц веретена и просят в виде выкупа поцелуев.
Выдающиеся ходовые и игровые песни помещены в особом приложении к этому очерку. Беседки продолжаются до масленицы, а на масленице уступают свое место совсем иным развлечениям.
Во время беседок, свозок и так называемых «святок» молодцы высматривают себе невест: намечают тех, кто попригляднее и покрасивее. После Рождества начинается сватовство, — если откажет одна невеста, пытают счастья у другой, а от другой часто едут к третьей и четвертой, пока не найдут такую, которой приглянется жених и семья которой соответствует по зажиточности. Главное дело тут в том, чтобы каждая сторона чувствовала, что «дерево срублено по себе».
Беседы, как в Чухломском, так и в Галичском у. (о других я не знаю) имеют огромное социальное значение: это своего рода брачные бюро, без помощи которых не устраивается ни один брак.
Летом вы можете сколько угодно достать девушек в работницы и вообще в услужение, зимой же, благодаря беседам с их развлечениями, вы не получите в услужение ни подростка, ни взрослой. Каждая из них, как бы бедна ни была, желает развлекаться с подругами или выискивать себе жениха. Эти же девушки летом с величайшим удовольствием нанимаются: подростки — в няньки, рублей за 8—12 за весь срок, а взрослые — в работницы, от 25—30 руб. за лето. Если вам удастся случайно нанять зимой девушку, то она будет проситься каждый вечер в местную беседу. Если не отпустишь, — слез не оберешься.
В селе Введение Каликина ежегодно в Введеньев день и Спасов день (1 августа) бывают «духовные» беседы: с разных концов съезжаются гостить девицы духовного звания и дочери окрестных чиновников

и помещиков, приезжает откуда-то множество семинаристов; поют песни (только без поцелуев), а главное — высматривают себе кто спутника, кто спутницу жизни.

Горы и качели, как известно, издревле составляют коренное русское развлечение. Почти нет деревни, где зимой не устроили бы перед масленой горы и качели, маленькие для ребят и большие для взрослых. Девицы уже заблаговременно докучают просьбами мужикам своей деревни устроить горы и качели. Те соглашаются, но обыкновенно выговаривают себе за труды яичницу. Сейчас же, конечно, происходит сбор яиц в деревне, яичница устраивается — горы и качели готовы. В больших деревнях горы и качели устраивают грандиозных размеров, так как там бывают «съездки» на масленой из разных деревень, иногда даже отдаленных. Приезжают в хорошей запряжке молодожены со своими молодухами, обыкновенно парочками, а также девушки, не успевшие выйти замуж, ищущие случая еще потолкаться в народе, и, кто знает, может быть, подыскать себе жениха к следующему свадебному сезону.

Качели бывают разные: круговые, как карусели, — через вал — с четырьмя беседками, маховые и, наконец, «хлюпки», состоящие из двух беседок (на деревянных слегах), помещенных друг против друга.

В больших деревнях, где народу наезжает множество, так что все не успевают и покачаться, качают поочередно местные мужики, нанятые своими парнями и девками за какую-нибудь четвертную водки.

При разъездах от качели передние имеют обыкновение «морозить» задних, в особенности девиц. Делается это так: передние парни остановятся и никоим образом не дают себя объезжать; это-то и называется «морозить».

Большие съездки на масляной близ Дорка бывают в д. Мелухине и Федяево (обе Васьсковского прихода), а также в Погорелке. Кроме того, существует старинное обыкновение, чтобы молодожены возили на маленой своих молодух в ближайший город или ближайшее торговое село. Там они пьют чай в трактире, покупают лакомства, катаются на каруселях, толкаются по базару, а под вечер, иногда в значительном градусе веселости, целыми вереницами тянутся к домам, дурачась и обгоняя друг друга. Такие поездки совершаются: в Галич — на масленичной в понедельник, в Палкино (Палкино — торговое село Галичского у. в 40 вер. от Галича; там есть почтовое отделение и церковь Никола Дор.) — во вторник, в Чухлому — в субботу и в Парфентьево (Парфентьево — посад Кологривского у. на р. Нее в 70 вер. от Кологрива по Галичскому почтовому тракту) — в самое заговенье.

По возвращении домой из Парфентьева каликинская молодежь покачается немножко на своих качелях и затем идет «жечь масленицу». Обычай этот повсеместный, как в Чухломском, так и в Галичском у. В поле, недалеко от деревни, складывают огромный костер из дров, соломы, старых бочек и разного хлама. Все это в сумерках сжигается при участии всей деревни от мала до велика. По окончании пожарища молодежь с песнями идет в беседу и там, ввиду прощального заговенного дня, молодожены заставляют своих молодух кланяться им в ноги. Это служит поддержанием древнего обычая и вместе с тем школой покорности для молоденьких, еще неопытных жен.

Примечание: Палкино — тоговое село Галичского уезда, в 40 верстах от Галича. Там есть почтовое отделение и церковь Никола Дор. Парфентьево — посад Кологривского уезда на речке [неразборчиво] в 10 верстах от Кологрива по Галичскому торговому тракту.

Песни ходовые д. Дорка Каликинской вол. Чухломского у.

1.
Мимо сада, мимо сада,
Мимо зеленого —
Тут и шел прошел детина,
Удалая голова.
Удалая веселая,
Что (Иван Васильевич).
Не прошедши мимо сада,
Останавливался.
Останавливался, сам расчесывался,

Девицы спрашивался:

— Отчего, моя милая,
Вчера в саде не была,
В зеленом не гуляла?
Или ты, моя милая,
Мною чванилася —
Со мной не кланялася?
Вот тебе, девица, поклон
И платочек из рук вон.
— Извини, добрый молодчик,
Вчера в саде я была,
Во зеленом гуляла,
Не узнал, добрый молодчик,
Красну девицу меня;
Я подолгу там была,
Тебя, милый мой, ждала,
Но теперь, добрый молодчик,
Распрощаться нам пора.

2.

Мимо нашего селенья
«Тилиграму» провели.
Что (Ивана Васильевича)
Во солдаты повезли:
Посадили в лодочку,
Отправляли в «лагири» —
По нем девицы плакали;
А из лагеря — в Москву:
Девицы бросились в тоску.
Пойду выйду на балкон —
Слышу милого «гармонь»,
По походке — милый мой,
По обличью — брат родной.

3.

Мимо рощицы дороженька торна
Что торным торна пробита до песка, —
До того песка до желтенького,
До камешку до горюченького.
Знаю, знаю, кто дорожку ту торил:
Что (Ванюша-то) ко девице ходил.
Он не так ходил, гостинчики носил:
Шаль атласную на плечики кидал,
Зато (Аннушку) три раза целовал.

4.

Можно вздумать-догадаться,
По всему судя, добраться,
Что (Иван)-от кого любит,
Издалека в гости ходит;
Издалека через речку,
Через речку, через мостик,
Через темную дубраву.

24 Заказ № 1133

5.
Что (Иванушка сын Иванович)
По кораблички похаживает,
Дорого ружье (2 р.)
Дорого ружье заряживает.
Калену стрелу (2 р.)
Калену стрелу накаливает,
Калене стреле (2 р.)
Калене стреле наказывает:
Ты лети, лети (2 р.)
Ты лети, лети, каленая стрела —
В вышину лети — (2 р.)
В вышину так высокошенько.
В далину лети (2 р.)
В далину так далекошенько.
В ширину лети (2 р.)
В ширину так широкошенько.
Ты убей, убей (2 р.)
Ты убей, убей, каленая стрела:
Серу утицу, (2 р.)
Серу утицу на заводи-воде;
Лебедь белую, (2 р.)
Лебедь белую на желтом на песке;
Красну девицу, (2 р.)
Красну девицу в высоком терему.
— Сера утица, (2 р.)
Сера утица — закуска моя!
Лебедь белая, (2 р.)
Лебедь белая — забава хороша!
Красна девица, (2 р.)
Красна девица — невеста моя!
6.
Уж как звали молодца,
Почитали молодца (или удальца).
Припев: Хорошая моя, пригожая моя.
Не во пире пировать —
Во беседе посидеть.
Припев...
Посадили молодца,
Посадили удальца.
Припев...
Против девушки
«В дубову скамью».
Припев...
Он на девушку взглянул —
Тяжелешенько вздохнул.
Припев...
Заиграл «в скрипку» —
Обронил шляпку.
Припев...

Зато девица смела —
Шляпу с полу подняла.
Припев…
Шляпу с полу подняла,
Вдоль беседы с ней прошла.
Припев…
— Уж ты, девица, отдай —
На мою главу надень.
Припев…
— Я не служка твоя,
Я не слушаюсь тебя.
Припев…
Я не слушаюсь тебя,
Не надену на тебя.
7.
По этой песне ходит девица.
Во саду ли, в огороде
Девица гуляла,
И по мысли, и по нраву
Ровню выбирала.
Вот подходит к милой ровне
И берет за ручку.
— Сделай, душечка, услугу,
Разгуляем скуку.
— Много танцев я умею,
Танцевать не смею,
Один танец я танцую:
Я вас поцелую.
8.
Из-за лесику, да лесу темного,
Из-за садику, — саду зеленого
Тут и шли прошли да «два-ти» молодца,
Два-ти молодца да оба холосты.
Оба холосты — неженатые.
Они вместе шли, не бранилися,
Они врозь пошли, да приraздорили;
Что не «кое» в чем: в красной девице.
Красна девица выходила к ним;
Выходила к ним, да говорила им:
— Добры молодцы, оба холосты,
Вы не ссорьтеся, да не бранитеся:
Вот вам мой платок — киньте жеребий:
Кому верх держать — тому невесту брать.
Доставалася парню белому,
Парню белому неженатому — вачиватому,
Доставалася — целовалася.

По этой песне ходят рядом два молодца; при словах «они врозь пошли» ходят один другому навстречу, а когда поют «красна девица выходила к ним», выходит выбранная девица, подает им платок, они «перебирают» его и кому выйдет жребий, тот и целует ее.

9.
Хмель ли мой, хмелюшка, —
Раззеленый хмелюшка!
Перевился хмелюшка
Через тын на улицу,
Ко мне во зеленый сад.
Увидала маменька
Из высока терема;
Что ж ты, мое дтятко,
Не весел, не радостен?
— Как же, все товарищи
Мои давно женятся,
А я молодешенек
Хожу неженат.
— Женись, мое дитятко,
Женись на дворяночке.
— Родимая маменька,
Эта не невеста мне:
В поле не работница,
В доме не домовница.
— Возьми, возьми, дитятко,
Возьми дочь духовную.
— Родимая маменька,
Это не невеста мне:
В поле не работница,
В доме не домовница.
— Возьми, возьми, дитятко,
Возьми дочь крестьянскую.
— Вот, родима маменька,
Эта и невеста мне:
Во поле работница,
Во доме домовница.

Примечание: в этой песне молодец сначала выбирает одну девицу, но при словах «эта не невеста мне» она садится, он же берет другую и та — тоже, а с третьей уже и целуется.

Игровые песни, по которым девицы «играм играют».

1.
Как у наших, у наших,
У наших у ворот,
Припев: Лен ли мой лен, лен земной.
Как у наших у ворот
Стоит озеро воды,
Припев:
Стоит озеро воды,
С берегами наравне.
Припев:
Как на этом озере
Молодец коня поил.

Припев:
Коня вороного,
Кругом кованого.
Припев:
Конь «манежится», не пьет,
Лишь копытом землю бьет,
(поют чаще: Лишь копытом воду льет)
Припев:
Лишь копытом землю бьет,
Молодца горе берет.
Припев:
Молодец-от думу думал,
Как бы пашенку вспахать,
Припев:
Как бы пашенку вспахать,
Всю работу сработать.
Припев:
Я полью ленку
В чистом поле в уголку.
Припев:
В чистом поле в уголку,
У любезного в садку.
Припев:
— Мне сказали про лен:
— Весь примят, «привален».
Припев:
Весь примят, «привален» —
В две дорожки проторен.
Припев:
Знаю, знаю, чья дорога —
Моего милого друга.
2.
Туман, туман при долине, (2р.)
Широк листик на калине —
— Есть пошире на дубочке. (2р.)
Любил молодец девочку,
— Не свою манил — чужую. (2р.)
— Пойди, радость, — поцелую,
— Чем чужую целовати, (2р.)
Тоску к сердцу придавати —
— Стала девица рыдати, (2р.)
Ее парень унимати:
— Не плачь, девка, не плачь, красна, (2р.)
Не роняй слез понапрасну:
— Слезы ронишь — глаза портишь.

Примечание: эта песня поется очень протяжно. Те слова, при которых девицы рассуждают руками, подчеркнуты.

3.
— Я ходила-похаживала,
Я по новым по горницам,
Да по светлым по светлицам.
Я будила-побуживала
Молодого я барина:
— Уж что встань-ка ты, встань,
Молодой боярин!
«Обудися», благородный сын,
Оторвался твой добрый конь,
Все поводья шелковы оборвал,
В поле «прытко» побежал.
4.
— Я по бережку младенька похаживала,
Я серых-то ли гусей призаганивала:
— Ши вы, гуси, ши вы, гуси,
Ши вы, серые, домой!
Али вы, серые гуси, не наплавалися?
Я, на вас глядя, младешенька, наплакалася.
Уж как вздумаю, младешенька, про девичье житье:
В красных-то девушках жить хорошо.
В молодых молодушках немного пожила;
Я немного пожила — много горя приняла.
«Перво» горе у меня — замуж вышла молода;
«Друго» горе у меня — всем я в доме не мила;
Третье горе у меня — муж — удала голова:
Он не знает-то ни дому, ни меня,
Только знает «чужедальну» сторону,
Только любит «чужемужнюю жену».
5.
В лужках девки гуляли —
В траве цветочки рвали.
Они рвали —» сорывали»,
Во вьюночки «совивали»,
На головушку «вздевали»,
Утешали, украшали,
Домой ехать запоздали —
Под кустами ночевали.

Примечание: по этой песне ходят четыре девицы.

6.

В этой песне обрисовывается взгляд невесты на свою будущую родню. В Ильинском пели эту песню 10 лет тому назад и начинали так: «Уж как отдал меня тятенька не в малое село».

Уж как отдал меня тятенька
За Нею за реку,
Припев: Хорошо, хорошо, хорошохонько.
Что за Нею за реку,
Да не в малую семью.

Припев:
Что не в малую семью, —
Не в счастливую.
Припев:
Уж что свекор да свекровь,
Да четыре деверя.
Припев:
Что четыре деверя,
Да две тетушки.
Припев:
Да две тетушки,
Две золовоньки.
Припев:
От венца меня ведут,
Все по прозвищу дают.
Припев:
Уж, что свекор говорит:
«К нам медведицу ведут».
Припев:
А свекровь-то говорит:
«К нам люту змею ведут».
Припев:
А деверья говорят:
«К нам непрялью ведут».
Припев:
А золовки говорят:
«К нам неткалью ведут».
Припев:
А две тетки говорят:
«К нам "развей"-дому ведут».
Припев:
Уж я ночку ночевала —

(Поют еще так:
На ступенечку ступила —
Призадумалася,
Припев:
На другую я ступила —
Приосмелилася.)

Призадумалася,
Припев:
А другую ночевала —
Приосмелилася.
Припев:
Если буду я молчать, —
Меня дурой назовут,
Припев:
А я буду отвечать,
Как водою отливать:

Припев:
— Ты дозволь-ка, свекор батюшка,
По горенке пройти,
Припев:
Слово вымолвити,
Мужа выбранити.
Припев:
Что медведь-то с медведицей
Во темном лесу живут.
Припев:
А что лютая змея, —
То свекровушка моя!
Припев:
Вы, деверья-соколы,
У вас жены таковы!
Припев:
Вы, золовки-колотовки, —
Раскосматые чертовки!
Припев:
В чужи дюди выйдите —
Таковы же будете.
Припев:
Вы две тетушки,
Две лебедушки:
Припев:
В чужом доме живите,
Не указывайте.
Припев:
Если будете указывать, —
Поставлю на порог,
Припев:
Да в три шеи до ворот —
Не указывать вперед.
Припев:
Муж на лавочке сидит,
На жену скоса глядит.
Припев:
— Не косись, не грозись,
Не боюся я тебя,
Припев:
Не боюся я тебя:
Не ударишь ты меня.
Припев:
Муж по горнице пошел,
По щеке жену оплел.
Припев:
А я ручкой отвела —
По всей харе провела.
Припев:
Говорила я невеже,

Что не трогай ты меня.
Припев:
Что не трогай ты меня:
Не срами ты сам себя.

Примечание: по этой песне ходит девица вкруг по избе и рассуждает руками. При словах «уж что свекор да свекровь», она показывает рукой на молодца и на девицу, они остаются на месте. Точно так же показывает и на остальных — четырех деверей, двух теток и двух золовок. Кого хочет взять в мужья, с тем она уговаривается раньше: часто это бывает девица.
При словах «уж что свекор говорит» она опять только показывает на него; «а свекровь-то говорит», — показывает на свекровь и т.д.
Со словами «ты дозволь-ка, свекор» — она обращается к свекру и дальше говорит с ним. При словах «уж что лютая змея» она обращается к свекрови. Когда про деверей поют, она обращается к ним, про теток — к теткам, про золовок — к золовкам.
«Не косись, не грозись» — это она обращается уже к мужу. При словах «муж по горнице прошел» он встает, проходится и делает вид, что жену оплел по щеке; точно так же и она показывает вид, что провела по его «роже». Когда кончается песня, она со всеми раскланивается, а с мужем, если это парень, — целуется.

7.
В этой песне обрисовывается взгляд жениха на свою будущую родню.
Хожу я гуляю вдоль по хороводу,
Припев: Заинька, беленький.
Хожу, выбираю богатого тестя,
Припев:
Будь ты мне тесть, а я тебе зять буду,
Припев:
А я тебе — зять, твою дочку хочу взять замуж.
Припев:
Хожу я гуляю вдоль по хороводу.
(Это можно и не повторять.)
Припев:
Еще выбираю богатую тещу:
Припев:
Будь ты мне теща, а я тебе зять буду,
Припев:
А я тебе — зять, твою дочку хочу взять замуж.
Припев:
Еще выбираю богатого шурина:
Припев:
Будь ты мне шурин, а я тебе зять буду,
Припев:
А я тебе — зять, твою сестру хочу взять замуж.
Припев:
Еще выбираю богатую свояченицу:
Припев:
Будь ты мне свояченица, а я тебе зять буду,
Припев:
А я тебе — зять, твою сестру хочу взять замуж.
Припев:
Еще выбираю богату невесту:
Припев:
Будь ты мне невеста, а я тебе жених буду.
Припев:

— Покажи-ка, зятюшка, ты свою походочку.
Припев:
— Вот моя походочка, вот моя спесивая!
Припев:
— Покажи-ка, зятюшка, свои ручки белые.
Припев:
— Вот мои ручки, вот мои белые!
Припев:
— Покажи-ка, зятюшка, свое лицо белое.
Припев:
— Вот мое личико, вот мое белое!
Припев:
— Покажи-ка, зятюшка, свои кудри русые.
Припев:
Вот мои кудрицы, вот мои русые!
Припев:
Дорогой мой тестюшка, ты попой-ка зятюшка;
Припев:
Дорогая тещушка, покорми-ка зятюшка;
Припев:
Уж, как ты, мой шурин, покатай на вороном;
Припев:
От милой свояченицы — прошу уважения.
Припев:
Я, припивши пива, тестя-батька — в рыло;
Припев:
А приевши пироги, тещу-матушку — в тоички;
Припев:
Покатавшись с шурином, со двора его сгоню;
Припев:
Дорогой свояченице я куплю подарочек:
Припев:
Я куплю подарочек — шелковую плеточку.
Припев:
Весел я, весел — сегдняшний вечер;
Припев:
Сегодняшний вечер — со своей невестой.

Примечание: по этой песне ходит молодец вкруг по беседе и выбирает сначала молодца и говорит: «Будь ты мне тесть», и т. д. Затем выбирает девицу в тещи, молодца — в шурины и еще девицу — в свояченицы. Они все встают в ряд или полукругом, а он выбирает невесту и встает с ней напротив. Подходит сначала тесть и просит показать походочку. Пока поют припев, тесть отходит на место. Зять показывает. Затем теща подходит и просит показать «ручки белые». Он показывает. Потом шурин и свояченица подходят со своими просьбами; он и их удовлетворяет. Дальше он подходит к тестю с просьбою попоить, к теще — покормить, к шурину — покатать и у свояченицы просит уважения. Затем при словах «я, припивши пива, тестя-батька — в рыло» подходит и делает вид, что дает ему «в рыло». Тот садится. И шурин, и свояченица в свою очередь садятся. Тогда он подходит к невесте, берет ее за руку или под руку и отправляются ходить вкруг по беседе. В конце концов целуются.

8.

Когда парень собирается уходить из беседы, ему поется особая песня, по которой его «женят». По этой песне, которую поют все девицы, две из них выходят на середину избы. Они изображают двух свах: одна —

женихову, а другая — невестину и ходят рядом взад и вперед по беседе, держа платок, одна — за один конец, а другая — за другой. Невестина сваха как бы обращается к жениховой со следующими словами песни, продолжая все время ходить:

Я не пень не качу,
Не колоду ворочу:
Я сама пройду —
Потихохоньку,
Помалехоньку.
Распущу кистень
По сырой земле.
— Уж ты сваха ли, сваха,
Покажи-ка женишка:
Из чего ты, женишок —
Шелковый кушачок,
И со кисточкам,
С алым ленточкам?

Женихова сваха отвечает ей такими словами:

— У моего сына
Двое сани,
Двое новы:
Шелком крыты,
Золотом расшиты.
Выбирай, жених, невесту
По мысли себе
И по нравности,
По муравности.

При словах «выбирай, жених, невесту» «сваха» подходит к молодцу, которого хотят «женить», и кланяется ему или машет платочком, чтобы он выходил и выбрал себе «невесту». Когда это исполнено, «сваха» от радости, что женила своего сына и обманула новыми санями другую сваху, начинает перед ними плясать, напевая следующие слова, которые подхватывают все остальные певицы:

Уж я сына-то женила, —
Сноху привела;
Свою свахоньку
На обман провела.
Ты живи, живи, невестка,
Не скучнися —
У нас жить хорошо,
Работать легко:
У нас полосы недолги,
Загоны нешироки,
У нас рожь густа,
Умолотиста:
С двадцати пяти суслонов —
Девяносто пять маленок.
Вы живите — не тужите;
Поздоровайтесь
Девяносто один раз, —
Не забудьте старых нас.

В конце песни парень целует девушку. После этой песни поют: «Что не яблочек по терему катался» и парень уходит из беседы.

Песни разные

№ 1. (плясовая)

Со вьюном пошла, с золотым пошла.
Я не знаю, куда вьюн положить,
Я не знаю, золотый куда девать.
Положу я вьюн на правое плечо,
Я со правого на лево положу.
Я ко молодцу иду, иду, иду,
Поцелуюсь да и прочь пойду.

Примечание: по этой песне пляшет сначала девица, выбирает молодца, целуется с ним, уходит на место, а он продолжает плясать. Тогда ему поют уже: «Я ко девице иду». После он выбирает девицу и т. д. Вьюн — это платок, сделанный жгутом.

№ 2. (о солдатчине)

Ты подуй, подуй, погодушка!
Со восточной со сторонушки,
Со восточной, со полуночной.
Ты развей, развей желты мелки пески!
Ты лети, лети, каленая стрела,
Расколи ты гробову нову доску!
Ты востань, кормилец-матушка,
На мое на безвремяньеце:
Что везут меня в солдатушки,
Что в солдатушки — во горькое житье.

№ 3. (о солдатчине)

Моего дружка Ванюшу во солдаты повели,
А мое сердечко: дрог-таки, дрог!
Опустились белы ручиньки до ног,
Призаплаканы веселые глаза,
Призатерты полотняны рукава.
Увезли туда Ванюшу, стали спрашивати.
— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Своей волей ли пошел?
— Что какая ли тут волюшка:
Чужедальняя сторонушка.
Где ни пойду, где ни взгляну —
Все — чужая сторона.
Где ни пойду, где ни взгляну —
Все — не милая моя.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 622. Л. 2—35

Корреспондент Рощин К. И.

Чухломской уезд, Каликинская волость

Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам

Заем

145. Займы между крестьянами очень распространены и предметы займа очень разнообразны: занимают хлеб, корм скоту (сено, солому и т. п.), хозяйственные вещи во временное пользование (топор, лопату, борону, телегу), деньги и т. д.

Хлеб, сено, солому берут до нови, т. е. до нового урожая. Отдают заимодавцу обыкновенно то же количество, сколько брали, но нередко из благодарности должники посылают кого-нибудь из семьи, чаще подростков, помочь на день или на два в работе, большею частью во время жатвы, когда у себя жнитво кончено, а других спешных работ нет.

Мелкие суммы денег и на короткий срок крестьяне дают друг другу охотно, но более крупную сумму — 10—20 руб. достать очень трудно, т. к. большая часть крестьян такими деньгами не располагает и достать их можно только у ростовщиков.

Ростовщичеством в деревнях занимаются разбогатевшие мужики, вдовы, незамужние женщины, иногда духовные лица или их вдовы и дочери, не вышедшие замуж.

Мелких ростовщиков, которые раздают взаймы от 20 до 50—60 руб., очень много; в редкой деревне их нет, а иногда и в одной деревне бывает два-три ростовщика.

146. Деньги ростовщики дают по большей части под залог домашних вещей (часов, шуб, женского платья и т. п.) и реже — домашних животных.

Одни из ростовщиков, особенно женщины, процентов деньгами не берут, но заставляют должников даром на себя работать, возить их в город, в гости, делать им подарки и т. п., что, по словам должников, обходится им недешево.

Другие ростовщики дают деньги еще на более тяжелых условиях. Эти, кроме залога, берут еще и расписку и притом не в той сумме, какую дают, а в большей. Процентных денег берут от 5 до 10 коп. в месяц и проценты вычитают вперед за все время, на какое даны деньги. Например, требуется занять у ростовщика 10 руб. на 2 месяца по 5%; ростовщик вычтет 1 руб. процентов и даст вместо 10 руб. только 9, а расписку возьмет все-таки на 10 руб. и 10 руб. потом получит с должника полностью.

Пользуются услугами ростовщиков чаще других «питерщики» (так называют в нашей местности крестьян, которые ходят в Петербург на заработки); у редкого из них имеются деньги на дорогу в Питер, а большинство занимает их у ростовщиков под залог вещей и за большие проценты. Берут деньги у ростовщиков и др[угие] крестьяне на покупку хлеба (иногда ростовщики дают в долг и хлебом-рожью, овсом, мукой и т. п.), скота, постройку дома, уплату податей. Берут у ростовщиков деньги и богатые люди и берут большие суммы, от сотен и до 2—3 тысяч. Только эти берут на торговые обороты (покупка земель, лесов и т. п.) и на короткий срок.

148. Волостной суд принимает жалобы на неисправных должников, хотя бы и не имелось расписки в займе денег или вещей, и присуждает в пользу кредитора, если он подтвердит свою жалобу свидетельскими показаниями.

150. Хотя за заимодавцем и не признается права пользоваться заложенною вещью, но многие из них пользуются вещами должников, как после срока на выкуп, так и до срока, если хозяин вещи — человек смирный. Бывают случаи, что заимодавцы и теряют чужие вещи. Такой случай недавно был с ростовщиком, крестьянином д. Красково Чухломского у. Андреем Николаевичем Прокофьевым. Женщина из соседней с Прокофьевым деревни взяла у него денег под залог золотых часов. Вскоре Прокофьев отправился в д. Матвейково на праздник и надел на себя заложенные женщиной часы. На празднике Прокофьев напился допьяна и, возвращаясь домой, на дороге в лесу заснул. Часы у него украли. Наступил срок выкупа часов. Женщина принесла деньги и потребовала обратно часы. Прокофев сказал ей, что часы у него украли, и предложил «разделить грех пополам», т. е. соглашался уплатить половинную стоимость часов. На этом и порешили. Прокофьев получил с женщины долг и уплатил ей половинную стоимость часов.

Другой случай: у женщины, занимавшейся ростовщичеством, сгорел дом; сгорели, конечно, и заложенные вещи и никто не требовал с нее за утраченные вещи. Даже не требовал и такой должник, который долг свой уже уплатил, но вещей своих до пожара взять у закладчицы не успел.

151. Случаев, указанных в этом параграфе, слышать не приходилось.

152. Хотя обычая брать вещи у должника силою и нет, но такие случаи бывали.
В д. Матвейково Каликинской вол. ростовщик — крестьянин Никонор Болотов (в настоящее время волостной судья) взял за долг у крестьянки этой же деревни колеса с телеги. Соседи советовали этой женщине подать на Болотова в суд за кражу (колеса были взяты тайком), но женщина, как у нас выражаются, «отступилась» и колеса навсегда остались у ростовщика.

153. Какие предметы даются в ссуду, я уже упоминал в параграфе 145, а ссудой называется заем вещей безвозмездно, а также и со мздою.

154. Деньги, вещи и подоб[ное] берут с должников в том же размере, как было им дано; с прибавкою возвращают взятое только ростовщикам. Но зато всякий добросовестный должник старается отдать вещь лучше той, которую он брал. На этот счет здесь существует даже поговорка: «возьмешь лычко, отдашь ремешок». Впрочем, нередко бывает, что должники платят и худшим (напр[имер], зерном, сеном и т. п.), чем занимали, но зато таким людям редко дают те, у кого они брали, да и все вообще дают им неохотно. Зерно (рожь, пшеницу, ячмень и т. п.) уплачивают заимодавцам нередко прямо с ладони (ток) из вороха (куча только что провеянного зерна). Должник приглашает заимодавца к себе на гумно к вороху и тот сам насыпает себе зерно в том же количестве, как было дано взаймы.

Наем

156. Почти все здоровые мужчины нашей местности уходят на лето на заработки преимущественно в столицы (в качестве плотников, столяров, половщиков), а все хозяйство остается на руках стариков, женщин и подростков и потому редкая семья обходится без наемщиков.
Нанимаются в работу по большей части девушки, чтобы заработать себе денег на покупку нарядов (платья, платки, верхняя одежда), вдовы и солдатки. Последние, если только нет детей, редко остаются жить в доме мужа после сдачи его в солдаты, а уходят к своим родным или нанимаются в работницы. Нанимают работниц на различные сроки, смотря по надобности: на лето, зиму, на один только сенокос или жниву, на молотьбу, берут и поденно и т. д.
На зиму или на год нанимают работниц только помещики, духовенство и те из крестьян, семьи которых живут вместе с ними в Петербурге или Москве, в доме же за хозяйку оставляют какую-нибудь одинокую старуху — родственницу. Работников нанимают только помещики, духовенство и иногда богатые крестьяне-землевладельцы.
На лето нанимают работников и работниц сроком от Фоминой недели и до Покрова или же Казанской (22 октября) и до заговенья (14 ноября). Девушки нанимаются по большей части до Покрова, т. к. к этому времени парни возвращаются с заработков домой и с этого же времени начинаются беседы (посиделки, куда молодежь обоего пола собирается для веселья).
Цены работницам бывают различные: молодым девушкам, и потому для всякой работы еще непригодным, — от 20 до 30 руб.; хорошим работницам — от 35 до 45 и 48 руб. Кроме денежной платы, работницы ставят условием, чтобы хозяева при расчете покупали ситцу на платье или шаль, платок и т. п.
Некоторые хозяева нанимают работниц — полулетниц, т. е. таких, которые одну половину недели работают на себя, а другую половину — на хозяина. Нанимаются такие работницы в своей деревне, чтобы недалеко было ходить на свою работу. Цена им за лето бывает от 15 до 20 руб. в лето. Девицы, нанимаясь в работницы, выговаривают у хозяев в свою пользу все весенние праздники и воскресные дни до заговенья (весеннее заговенье бывает перед Петровским постом и празднуется в первое воскресенье после дня св. Троицы), а также и праздники, которые бывают летом в родной деревне.

При найме работник или работница берет с хозяина задаток (от 50 коп. до 2—3 руб.) затем, чтобы хозяин не нанял другого. Если это случится, то задаток остается в пользу наемщика, так как этот может потерять случай выгодно наняться к другим хозяевам; в случае отказа со стороны наемщика, задаток возвращается нанимателю.

Сами хозяева при найме рабочего всегда дают задаток, даже и в том случае, когда наемщик (-ца) его у них не просит, потому что без задатка договор считается необязательным для каждой стороны.

Возвращать задаток обратно хозяину или отказывать наемщику крестьяне не любят и делают это только в исключительных случаях: например, заболеет кто-нибудь в семье наемщика, тогда он необходим дома; или в семью хозяина возвращается неожиданно какой-нибудь из ее членов (из солдат, из Питера) и тогда наемщик становится лишним.

На сенокос нанимают рабочих понедельно и поденно, причем мужчине платят в день от 45 до 55 коп. и в неделю от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп., а женщине — в день от 30 коп. до 45 и 50 коп., в неделю — от 1 руб. 80 коп. до 3 руб.

На жнитво нанимаются почти исключительно одни женщины и работают за 30—40 коп. в день на хозяйском хлебе (столе) или берутся жать на отряде по 10—12 коп. за загон (загоном называют пространство между двумя бороздами). Загон вместе с одной из борозд будет в ширину около 4 арш. и в длину — от 15 до 20 саж. Хорошая жнея зарабатывает в день от 50 до 70 коп.

В молотьбу за каждый измолоченный овин мужчине платят от 20 до 25 коп., женщине — от 15 до 20 коп.

157. Хозяева мельниц очень редко держат наемных мельников, а управляют мельницами сами или их сыновья, или другие родственники, живущие с ними в одном доме. За перемол четверика ржи берут 3 коп., пшеницы и ячменя — 4—5 коп., овса — 5—6 коп., солоду — 2 ½ — 3 коп. Мелют по череду: кто раньше приехал, тому раньше других и мелют. Без очереди мелют редко, чтобы не обидеть тех, кто раньше приехал и не терять работу, т. к. на мельницу с такими порядками ездить с помолом не любят.

158. Наем пастуха и десятского производится всеми домохозяевами деревни на сходке с общего согласия. В десятские нанимаются мужчины, которые не уходят на заработки, а живут дома. Плата десятскому зависит от величины деревни: в малых деревнях платят в год 3—5 руб., в больших — 8—10 руб.

В пастухи нанимаются люди, ни к какому другому труду не способные физически или умственно старики, подростки и нередко дурачки обоего пола, как мужчины, так и женщины. Из порядочной крестьянской семьи в пастухи не пойдут — стыдятся. И самое слово пастух в некоторых случаях считается бранным.

Так, например, если у кого-нибудь из крестьян сын выйдет из школы или от мастера, не окончив ученья, говорят: «Учился, учился и вышел (выучился) в пастухи».

Подпасков в нашей местности не нанимают потому, что деревни небольшие, скота держат мало, да и пастуховто нанимают пасти только одних коров, а лошади, телята, овцы и свиньи ходят без пастуха.

Пастухи охраняют скот от зверья, а не поля и луга от скота, — все поля и луга защищены от скота изгородями. Чтобы отгонять зверя подальше от стада, пастух все время, пока скот пасется в поле, стучит в барабанку (деревянную доску) двумя палочками.

Нанимают пастуха весною, в конце апреля или в начале мая, как только можно пускать скот в поле, и до Покрова (1 октября). Платят пасуху за лето деньгами — 10—15 руб. и дают муки, крупы, картофеля, шерсти; последнее дают или добровольно — кто что даст, или определенное количество по числу коров, смотря по уговору. При выгоне скота в поле первый раз хозяйки дают пастуху пироги, блины, яйца и т. п.

159. Плату за содержание (стол) пастуху раскладывают на число коров и телок (молодых коров по 2 года), причем за корову платят вдвое дороже, чем за телку. Кормят пастуха по череду, за каждую корову по дню и по половине дня за телку. Когда пастух обойдет по череду всю деревню, опять начинает с того дома, где начал, и идет далее.

Плата пастуху выдается без определенного срока, по просьбе пастуха, лишь бы он не забрал вперед еще не зажитых денег. Деньги с хозяев собирает десятский и отдает их пастуху. Плата за корову определяется при найме пастуха, при этом принимается в расчет весь наличный крупный рогатый скот деревни

(коровы и телки) и устанавливается плата за него и каждый хозяин обязывается заплатить за свой скот сполна даже и в том случае, если он часть его (скота) продаст ранее конца лета.

160. За скотину, съеденную зверьем, крестьяне денег с пастуха не взыскивают, да если бы и пожелали взыскать, все равно ничего бы не получили: имущество у пастухов редко имеет цену, а плата за их труд очень мала, тогда как даже плохая корова ценится не менее 15—20 руб.
Случится, что корову задерет медведь, пастух вместе с хозяевами коровы ищет ее, пока не найдет; бабы поревут, побранят пастуха, тем дело и кончается. Не было случая, чтобы скотина, убитая зверем или павшая, не была найдена; а о воровстве коров и телок слышать не приходилось. Потравы по вине пастуха случаются редко и штрафа с него крестьяне за потраву не берут, разве только побранят.

162. Личные отношения хозяев-крестьян к своим работникам (работницам) отличаются добродушием и простотою, так что человек посторонний едва ли сумеет отличить работника от члена семьи, если судить по их отношениям между собою. Простота отношений между ними вероятно происходит оттого что крестьяне-хозяева и крестьяне-работники — люди одного сословия, часто и одного состояния, вместе в одной избе живут, вместе работают, едят и т. д.
Обычая хозяина бить своего работника или штрафовать его совсем нет. Отсылать работника тоже почти не приходится раньше срока и случается это по большей части ввиду очень уважительных домашних обстоятельств. Чаще случается, что рабочие бросают своих хозяев в страдное время, чтобы получить лишнюю копейку. Притеснений работника (цы) со стороны хозяина тоже быть не может, т. к. работник во всякое время может его оставить и найти легко других хозяев. Хозяину ладить с плохими работниками очень нелегко и за причиненный ими убыток получить трудно и хозяева или терпят таких работников ввиду недостатка рабочих рук, или прогоняют их.

163. Обычай устраивать помочи довольно распространен не только между крестьянами, но между помещиками и духовенством. Из крестьян чаще других устраивают помочи богатые мужики (волостные старшины, старосты, землевладельцы, вообще все те люди, от которых крестьяне находятся в зависимости). Для богатого кончить свою работу помочью очень выгодно — во-первых, это стоит значительно дешевле найма, а во-вторых, выгоднее и для самого дела, например, очень много значит для хозяйства убрать за один раз большое количество сушеной травы или сжать целое поле.
Бедные крестьяне созывают соседей только в тех случаях, когда сами окончить работу не в силах, а нанять рабочих не в состоянии: помочь дожать поле, когда все другие соседи выбрались из поля; привезти лесу или купленный где-нибудь вдалеке дом для постройки нового после пожара и т. п.
Крестьяне идут помогать бедному из жалости, а богатому — за выгон скота на его землю, за занятый у него хлеб или деньги, а иные — из-за угощенья. После работы вечером хозяин угощает своих помочан ужином, во время которого подается вино, а после ужина — чай, пряники, орехи, баранки.
Охотнее всего ходят на помочь к тем, которые дают больше вина.

Город Чухлома. Общий вид земляного вала и собор Преображения Господня 1746 года. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

Макарьева слобода во время разлива р. Костромы. Солигаличский уезд. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1915

Город Чухлома. Собор Преображения Господня 1746 года. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

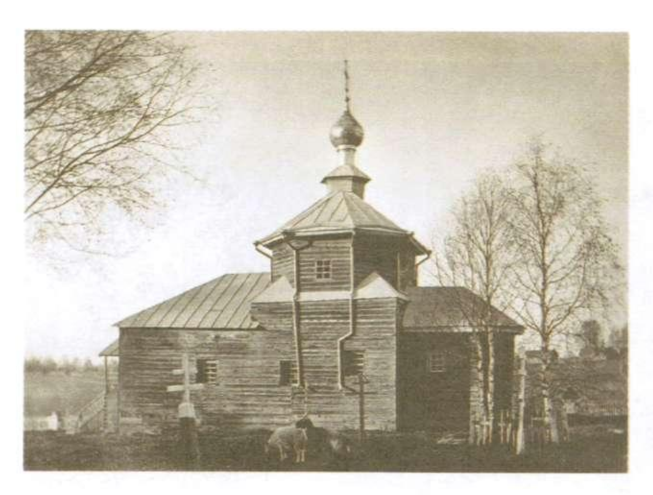
Храм Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Холм Холмской волости Галичского уезда. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

«Св. Параскева Пятница» — деревянная скульптура в церкви св. Пятницы. Рыбная слобода, г. Галич. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

«Спаситель в темнице» — деревянная скульптура из церкви св. Константина в г. Галиче. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

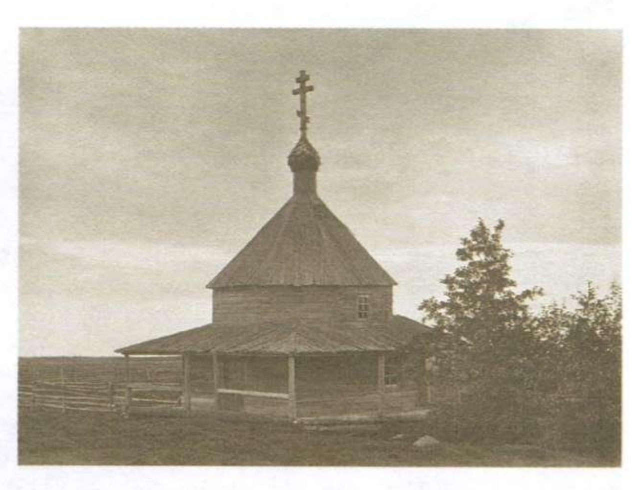
Церковь во имя Пророка Ильи. Погост Чудцы Селецкой волости Галичского уезда. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Часовня на месте явления иконы Казанской Божией Матери. Село Озарниково Мирохановской волости Чухломского уезда. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Кладбище при церкви св. Георгия Победоносца, что на Старом. Тормановская волость Солигаличского уезда. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Часовня. Погост Чудцы Селецкой волости Галичского уезда. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Часовня. Деревня Большой Починок Вершковской волости Солигаличского уезда. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Часовня на берегу р. Костромы. Георгиевский приход Буйского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Крестьяне в дорожной одежде. Великовская волость Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1914

Крестьяне в будничной одежде. Деревня Малое Токарево Великовской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1914

Крестьяне в будничной одежде с корзинами и крошнями. Великовская волость Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1914

Крестьянские девушки в праздничных нарядах. Солигаличский уезд Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1914

Город Галич. Костромская улица. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1914

Крестьянские избы. Деревня Фаладьино Гнездниковской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1915

Амбар. Село Великово Великовской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С.А. Орловым. 1915

Ветряная мельница. Великовская волость Солигаличского уезда Костромской губернии.
Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

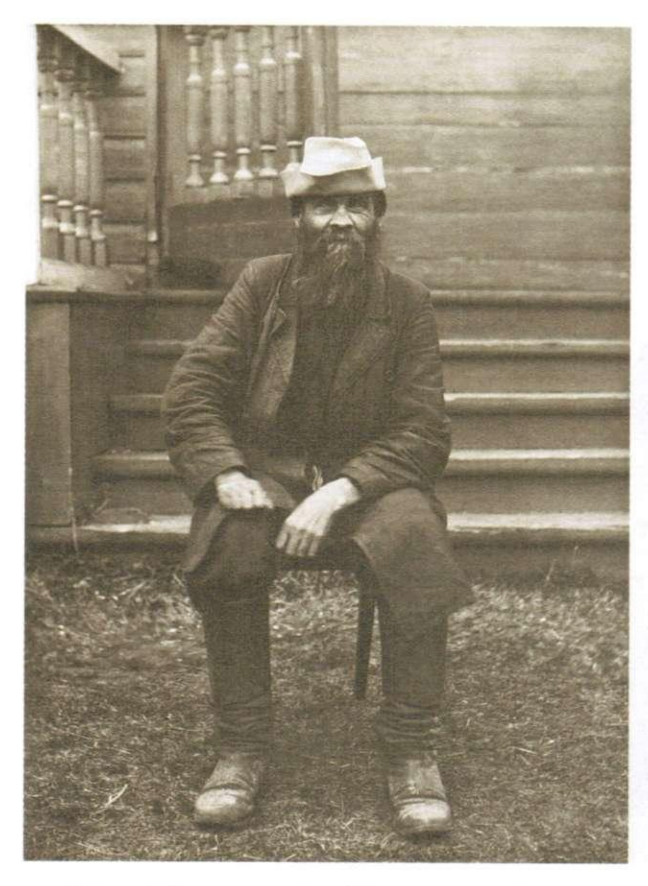
Водяная мельница. Великовская волость Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

Деревня Лихотинка. Великовская волость Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

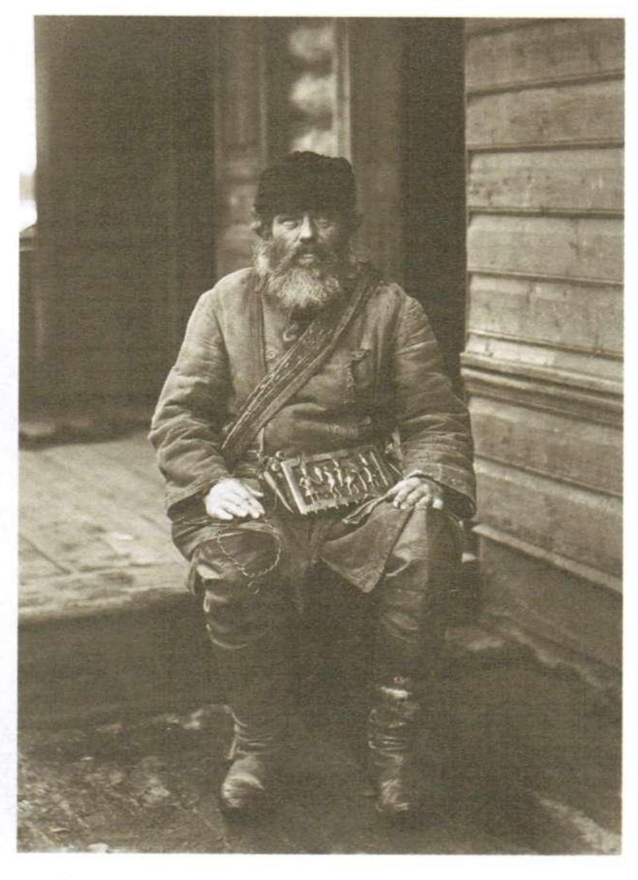
Избы, подготовленные к сплаву. Солигаличский уезд Костромской губернии.
Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

Сплав леса и готовых изб. Солигаличский уезд Костромской губернии.
Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

Лошадь, запряженная в тарантас. Солигаличский уезд Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

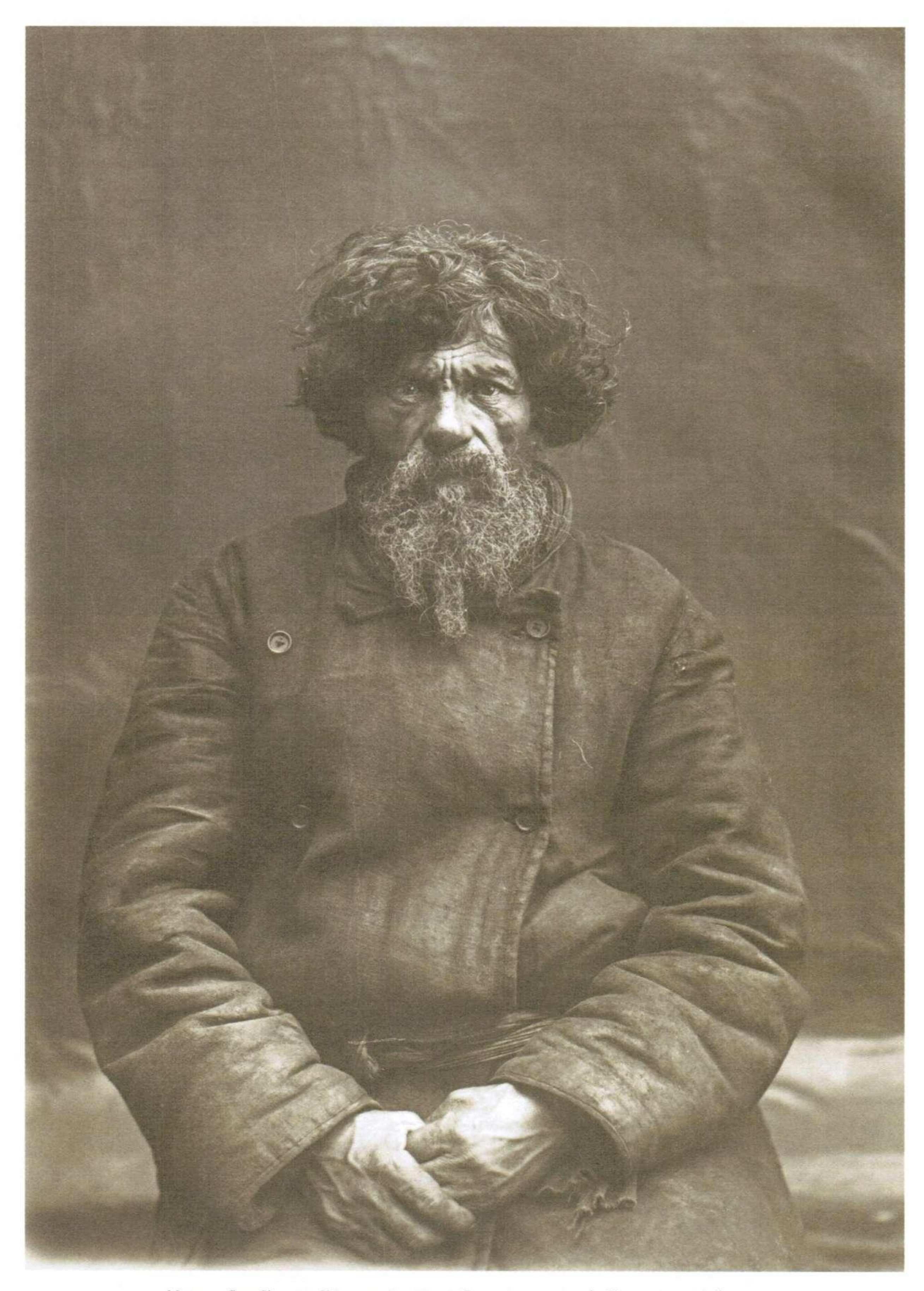
Портной. Солигаличский уезд Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Коновал — специалист по лечению и кастрации скота. Солигаличский уезд Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1914

Торговые ряды в Солигаличе.
Фотография С. А. Орлова. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Изба с мезонином. Деревня Ивашево Костромской волости Солигаличского уезда Костромская губерния.
Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Мясник. Село Корцово Корцовской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. Фотография. Передана в музей С. А. Орловым. 1915

Первый том публикации «Материалов Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева (Костромская и Тверская губернии) дополнен фотографиями из собрания Российского этнографического музея.

Опубликованные здесь фотографии представляют собой только часть коллекций, отснятых в Костромской и Тверской губерниях в первой четверти XX века. Всего в собрании музея имеется 160 негативов и отпечатков, отражающих жизнь населения Костромской (Буйский, Галичский, Солигаличский и Чухломской уезды) и 117 — Тверской губернии (Бежицкий, Вышневолоцкий, Осташковский, Ржевский и Тверской уезды).

Фотографии Костромской губернии были переданы в музей А. Е. Ечкиным. Д. А. Золотаревым, В. Н. Кларком, С. А. Орловым; авторство части фотографий в документации музея не указано, но можно предполагать, что ими были сами дарители. Фотографии Тверской губернии поступили в период с 1905 по 1920 год от корреспондентов музея И. Н. Александрова, Д. А. Золотарева, Д. Т. Яновича (они же являются авторами фотоснимков).

На представленных фотографиях запечатлены древние русские города Галич, Солигалич, Вышний Волочок, многие села и деревни, культовые здания (городские и сельские храмы, деревенские часовни), крестьянские жилища, хозяйственные постройки, предметы крестьянского быта; имеется большое количество групповых и индивидуальных снимков крестьян в традиционной одежде. Фотографы запечатлели мир русского крестьянина на рубеже XIX—XX веков, и эти «моментальные снимки» замечательно иллюстрируют интереснейший материал, собранный трудами корреспондентов «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева.

Часть 2
ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Тверская губерния на рубеже XIX—XX веков граничила на севере с Новгородской, на востоке — с Ярославской, на юго-востоке — с Владимирской, на юге — с Московской и Смоленской, на западе — с Псковской губерниями. Ее площадь составляла 58468,9 квадратных километров.

В состав Тверской губернии входили 12 уездов: Тверской, Корчевский, Калязинский, *Кашинский, Бежецкий, Весьегонский,* Вышневолоцкий, Осташковский, Ржевский, Зубцовский, Старицкий и Новоторжский; насчитывалось 15 крупных городов: губернский — Тверь, уездные — Корчева, Калязин, Кашин, Бежецк, Весьегонск, Вышний Волочек, Осташков, Ржев, Зубцов, Старица, Торжок; заштатный город Красный Холм и два посада — Погорелое Городище и Селижаров. Кроме того в губернии было 9944 селений, не считая мелких некрестьянских поселков — погостов и усадеб, — которых насчитывалось свыше 2000.

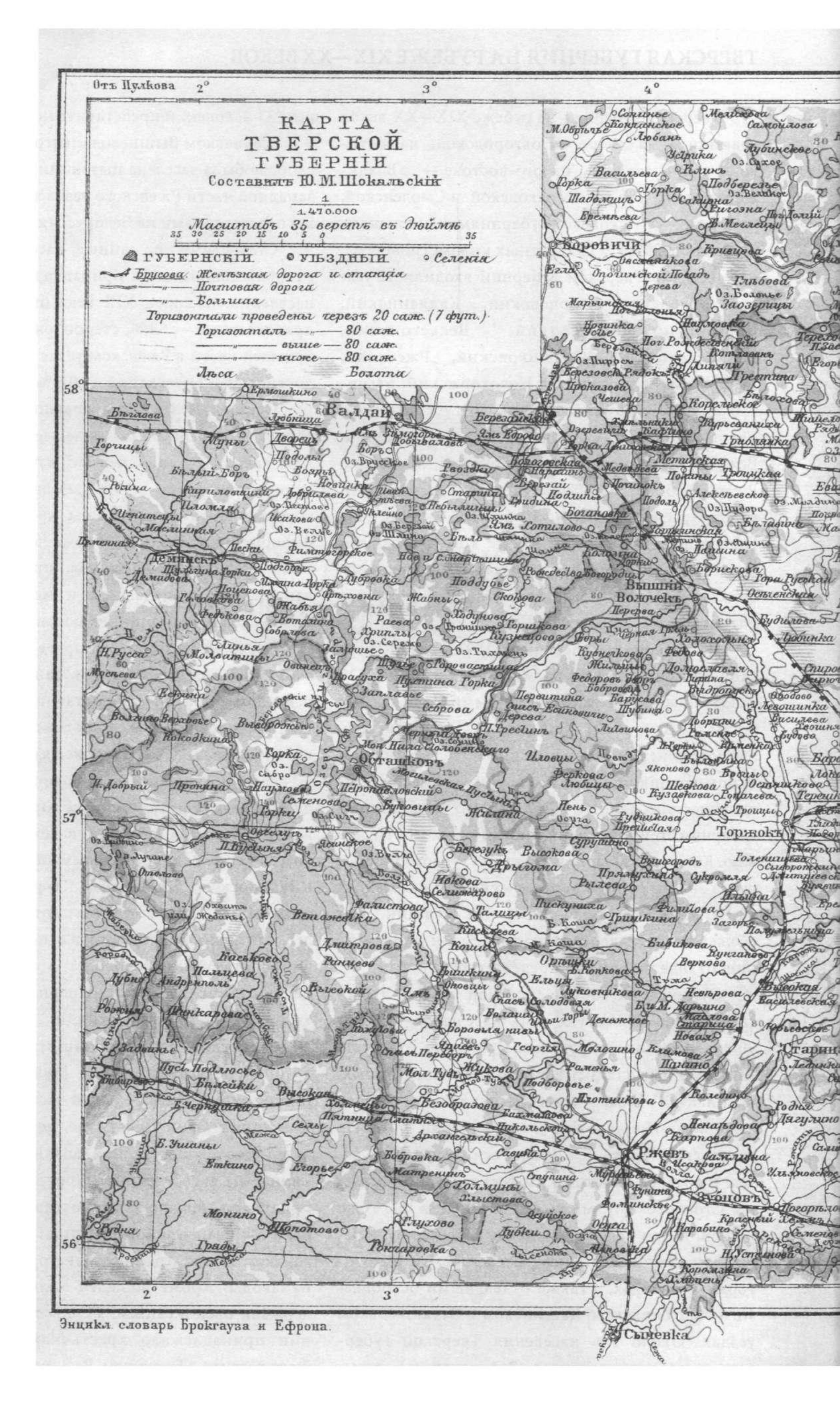
По материалам переписи 1897 года в Тверской губернии на это время проживало 1812825 человек; наиболее густозаселенными были южные уезды — Тверской, Кашинский, Калязинский, Зубцовский; менее — северные: Весьегонский, Вышневолоцкий, Осташковский. Согласно статистическим данным 1887 года 87% населения губернии принадлежали к крестьянскому сословию. К концу XIX века в Тверской губернии отмечался значительный перевес женского населения: на 100 мужчин приходилось 119 женщин. Это объясняется тенденцией того времени к увеличению отхода мужчин за пределы губернии.

Этнический состав Тверской губернии был своеобразен. Большую часть населения — около 90% — составляли русские. Примерно 7% местных жителей являлись карелами, предки которых, начиная с XVII века, переселялись сюда из северо-западного Приладожья — территории родовых карельских земель — в связи с ее разорением, а затем и потерей Московским государством согласно Столбовскому миру со Швецией в 1617 году. Большинство карел проживали в основном в Бежецком, Вышневолоцком, Весьегонском и Новоторжском уездах, а также отдельными островками — в Зубцовском, Кашинском и Осташковском уездах. Около 3% населения Тверской губернии составляли эстонцы (244 человека), латыши (35 человек) и представители других этносов. В с. Ясеновском Вышневолоцкого уезда отдельная слобода была заселена цыганами; жители северо-западной части Ржевского уезда являлись русскими переселенцами из Белоруссии.

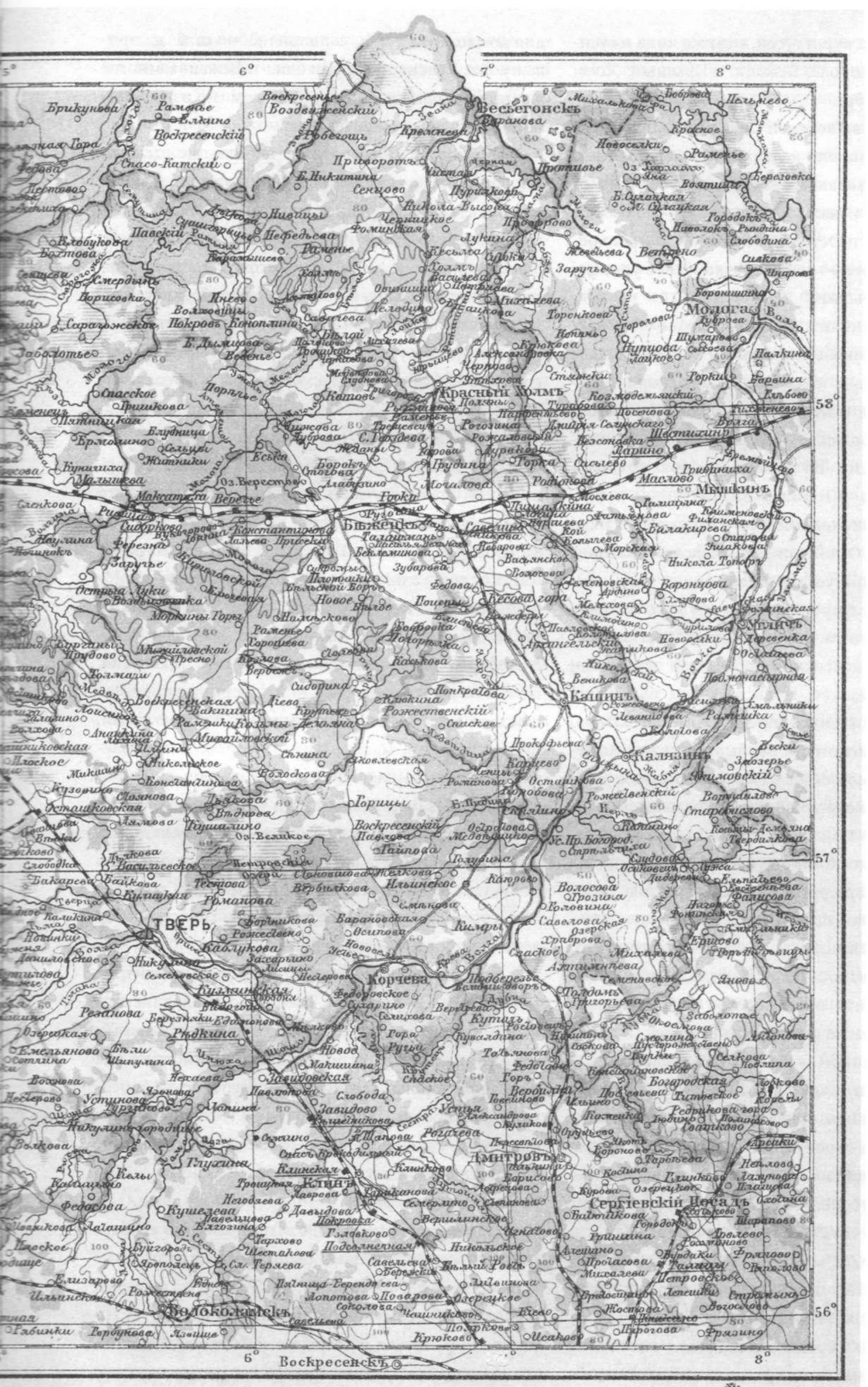
Статистические данные, касающиеся вопроса конфессиональной принадлежности местного населения, на конец XIX века были следующие: *православные* — 98%, *старообрядцы* — 1,2% (по большей части в Ржевском уезде и г. Ржеве), лица других вероисповеданий — 0,8%.

Основным занятием большинства крестьян Тверской губернии было земледелие. На конец XIX века им принадлежало чуть больше 50% надельной земли и 19% земли сверх надела, которые были приобретены крестьянами в пореформенный период. Форма владения землей была в основном общинная, при этом община, как правило, совпадала с селением. Общее владение нескольких общин, включавшее леса и покосы, имело место лишь в Корчевском и Калязинском уездах среди крестьян, занятых сапожным ремеслом и практически оставивших земледелие.

Господствующей системой земледелия являлось трехполье. Наиболее культивируемыми в Тверской губернии были озимая рожь, овес, ячмень, картофель, гречиха, горох, лен. Отсюда в Петербургскую губернию вывозили в основном овес, а также лен, производимый большей частью в Зубцовском, Бежецком, Кашинском и Ржевском уездах. Предметом экспорта являлся также лес, который отправляли в основном в Москву. Огородничество и садоводство с промышленной целью были развиты в Твери и ее окрестностях (огурцы и другие овощи), Ржеве (яблоки), в Заборовской волости Вышневолоцкого уезда (вишня), в Бежецком уезде (лук). Сбыт продукции осуществлялся большей частью в Петербург. Домашний скот крестьяне держали, как правило, для осуществления хозяйственных работ (лошадей) и собственного потребления мясных продуктов. Исключение составляли местности близ сыроварен в Корчевском, Тверском и Весьегонском уездах, где крестьяне продавали молоко на заводы. Кроме лошадей и коров, в хозяйстве держали овец и свиней. 94% всего скота в губернии принадлежало крестьянам. Птицеводство было развито в Бежецком, Весьегонском и Кашинс-

Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА, С.П.Б.

ком уездах, откуда кур и гусей, а также яйца и гусиный пух через города Бежецк и Красный Холм сбывали в Петербург.

Повсеместно в Тверской губернии было развито пчеловодство, но оно имело не промышленный, а любительский характер. То же касается и рыбной ловли; лишь в некоторых местах — по озерам Вышневолоцкого и Осташковского уездов и по рекам Волге и Мологе — рыболовство имело уровень промысловой добычи.

Помимо основных сельскохозяйственных занятий в губернии были развиты разнообразные промыслы. Издавна славились кружевоплетением города Торжок и Калязин, широко также было известно «новоторжское» шитье золотными и серебряными нитями по сафьяну и бархату, получившее развитие в Торжке. Значительное место в хозяйственно-экономической структуре ряда мест — в Кимре, Осташкове, Корчевском, Кашинском, Калязинском уездах — занимало промышленное и кустарное производство обуви, в котором было занято более 16 тысяч человек; многие кимряки-сапожники постоянно проживали и работали в Петербурге и Москве. Ржевский уезд был известен пенькопрядильным промыслом. Несколько сот жителей г. Красного Холма были заняты в кожевенном кустарном промысле, а в Калязинском уезде насчитывалось около 1500 скорняков, выделывавших и сшивавших меха, в основном для удовлетворения спроса московского населения. Во многих местах Тверской губернии на дому и в отходе работали промысловики-шерстобиты и войлоковаляльщики; в одном Бежецком уезде специалистов этого ремесла насчитывалось более 8 тысяч. Повсеместно было также развито производство разнообразных деревянных изделий: бондарное ремесло (особенно в Вышневолоцком уезде); столярные работы и резьба по дереву (мастера Калязинского уезда работали в основном для Москвы); изготовление дранки для крыш (продукция Тверского, Бежецкого, Старицкого уездов сбывалась большей частью в Московскую губернию); выделка ткацких берд была налажена в с. Кушалине Тверского уезда, где работало около 600 мастеров, их продукция распространялась в Псковской и Новгородской губерниях, в Западный край и Поволжье.

Повсеместно среди женского населения Тверской губернии было развито тканье холста: ежегодно изготовлялось более 21 миллиона метров домотканины, половина которой использовалась для домашних нужд, а половина — шла на продажу. В г. Красный Холм и близ г. Бежецка многие женщины занимались промыслом по изготовлению мешков из грубого холста.

Повсюду существовали небольшие центры гончарного промысла, продукция которых использовалась для внутреннего потребления; наиболее известны были изделия гончаров с. Федово Вышневолоцкого уезда. В некоторых местах существовали промыслы, связанные с обработкой железа: гвоздарный промысел — в Тверском, Бежецком и Весьегонском уездах, ковка топоров — в г. Осташкове и д. Муравьево Ржевского уезда, изготовление железных лопат — в г. Калязине, а также кос и серпов — в г. Осташкове.

На рубеже XIX—XX веков в Тверской губернии, как и повсюду в России, заметно увеличился отход крестьян из деревни с целью обеспечения заработка. Крестьяне Тверского, Вышневолоцкого, Кашинского и Новоторжского уездов большей частью поступали работать на фабриках, Весьегонского уезда — нанимались извозчиками, Бежецкого — дворниками, половыми и прислугой. Почти из всех уездов Тверской губернии крестьяне в отходе занимались плотницкими, кровельными, штукатурными, малярными работами, изготовлением колодцев, кладкой печей и подобными промыслами. Из Вышневолоцкого уезда многие устраивались рабочими по ремонту железных дорог. В Бежецком уезде в качестве отхожих промыслов получили развитие также нищенство, при котором чаще всего ссылались «на погорелое место», и сбор денег на постройку церквей.

Больше всего в отходе находились жители Бежецкого, Старицкого, Тверского, Калязинского и Новорожского уездов, а основными местами отхода являлись строительство Николаевской железной дороги, селения на Волге, Москва и особенно Петербург. Так, в 1890 году в Петербурге проживало 109 тысяч тверяков, что составляло свыше 11% населения столицы и около 40% всего отхода из Тверской губернии.

Среди промышленных производств губернии наиболее крупными были бумагопрядильные мануфактуры Морозовых в г. Твери, на которых работали более 8 тысяч человек; четыре ткацкие мануфактуры в Твери же и Вышнем Волочке, где было занято примерно такое же количество работников; около двадцати кожевенных заводов в Осташкове, Торжке, Корчевском и Весьегонском

уездах; 8 льнообрабатывающих заводов и столько же пенькопрядилен в г. Ржеве; девять лесопилен в Твери и Вышнем Волочке. Издавна в г. Калязине и в Вышневолоцком уезде существовали крахмальные заводы.

Основными торговыми центрами Тверской губернии были города: Тверь, Ржев, Бежецк, Торжок, Вышний Волочек, Красный Холм, селения: Кушалино Тверского уезда, Кимры и Горицы Корчевского уезда, Семендяево и Талдом Калязинского уезда, Кессова Гора Кашинского уезда, Кесьма и Смердынь Весьегонского уезда, Спас и Есеновичи Вышневолоцкого уезда, Молодой Туд Ржевского уезда, Ульяновское Зубцовского уезда, Лотошино и Микулино-Городище Старицкого уезда, Баранья Гора Новоторжского уезда, а также ряд железнодорожных станций. В губернии существовало 126 ярмарок, наиболее значительные из которых были в г. Весьегонске, селе Кимры, в селе Молокове Бежецкого уезда и четыре ярмарки в Вышневолоцком уезде. Главными предметами торговли для вывоза являлись лес, дрова, овес, лен, пенька, кожи, бумажные ткани, обувь. В губернию же приобретались в основном мануфактурные и бакалейные товары, пшеница, ржаная мука, химические продукты.

Достаточно высокий уровень местного сельскохозяйственного и промышленного производства, а также наличие здесь развитой сети наземных и водных транспортных путей, соединяющих как северные территории страны с южными, так и восточные с западными, обусловили значимую роль Тверской губернии в хозяйственно-экономической структуре России на рубеже XIX—XX вв.

Характеристика материалов по Тверской губернии

Материалы Тенишевского архива РЭМ по Тверской губернии включают двенадцать рукописных дел (Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720—1731) и одно машинописное (Ф. 7. Оп. 2. Д. 2091) от шести корреспондентов. Данные этого собрания представлены из пяти уездов Тверской губернии: Вышневолоцкого, Зубцовского, Калязинского, Корчевского и Тверского. Несколько дел — Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720—1722, 1730, 1731 — датированы 1848 годом и представляют собой переписку материалов, которые, вероятнее всего, являются ответами на программу, изданную в 1847 году Императорским Русским Географическим Обществом и разосланную в количестве шести тысяч экземпляров по губерниям. Эта программа, в составлении которой деятельное участие принял Н. И. Надеждин, включала вопросы об антропологических особенностях жителей, отличительных чертах наречия и домашнего быта (жилища, утвари, одежды, пищи), местных обычаях и обрядах, занятиях и досуге, народной медицине и грамотности, правовых нормах и экономических характеристиках крестьянской жизни, а также о сохранившихся преданиях и традиционных представлениях местного населения. Материалы отмеченных дел, очевидно переписанные одной рукой, невелики, но затрагивают довольно большой круг перечисленных вопросов, относящихся к жизни прихожан Удомельской приходской церкви Вышневолоцкого уезда и жителей города Вышнего Волочка (Д. 1720—1722, корреспондент А. Мирец-Имшинецкий), крестьян села Губин Угол Корчевского уезда (Д. 1730, корреспондент А. К. Розов) и села Лисицы Тверского уезда (Д. 1731, корреспондент М. Г. Драницын). В делах расставлены номера параграфов, соответствующих «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России кн. В. Н. Тенишева».

Одно из дел — Ф. 7. Оп. 2. Д. 2091. (Калязинский уезд) — датировано 1881 годом, машинописное и в фонде архива рукописного аналога не имеет. Из оформления описей и самого дела не ясно имя корреспондента: в одних местах числится «В. Панютин», в других — «В. Панютина», но из самого текста следует, что его писала женщина. Материалы этого дела посвящены конкретной деревенской свадьбе, свидетельницей которой являлась, вероятно, местная помещица, как мы можем предположить, В. Панютина. В тексте содержится полное описание отдельных этапов свадебного обряда, деталей одежды, свадебного стола, порядка разыгрываемого действа, обрядовых атрибутов. В описании, кроме того, имеется значительное число фольклорных текстов: песен, приговоров, причитаний. В деле также отражены вопросы, касающиеся особенностей местной одежды, пищи и разных сторон девичьего возрастного периода.

Остальные дела по Тверской губернии являются непосредственно ответами на «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России кн. В. Н. Тенишева». Дела датированы 1898 годом (Д. 1729, корреспондент П. Н. Извеков, Корчевский уезд) и 1899—1900 годами (Д. 1723—1728, корреспондент А. В. Страшинин, Зубцовский уезд). В них достаточно полно освещены все раз-

делы «Программы»; внутри разделов рассмотрены темы большей части параграфов, причем многие темы раскрыты корреспондентами подробно, с примерами из жизни конкретных людей и описаниями событий определенных деревень. Оба корреспондента были жителями мест, о которых писали: Павел Николаевич Извеков являлся земским начальником 4-го участка Корчевского уезда; Арсений Васильевич проживал в селе Первитино и служил учителем земского училища в селе Тупицыно.

В целом можно отметить, что, несмотря на скромный объем, материалы Тенишевского архива РЭМ по Тверской губернии дают обстоятельное представление об образе жизни местного населения. В делах описаны основные и подсобные занятия крестьян (земледелие, льноводство, сапожное ремесло и другие). Занимательна информация в области материальной культуры: об одежде (покрой, принадлежность, приуроченность одежды к тому или иному моменту или периоду жизни), об утвари (местные названия, использование в быту и праздничной жизни), о пище (описание будничных и праздничных блюд, рецепты). Большой интерес для этнографов представляют материалы по обрядовой жизни крестьян: в делах подробно описаны календарные обряды и обряды жизненного цикла. По ряду уездов отмечены сроки и места междеревенских ярмарок, а также зафиксированы сведения о продукции, продаваемой и покупаемой крестьянами на ярмарочных базарах, правила поведения при совершении купли-продажи и проч. Для этнографов и лингвистов окажутся полезными описания местного диалекта, отмечающие фонетические, морфологические, лексические и идиоматические особенности, свойственные речи населения Тверской губернии на конец XIX века.

Значительное место в делах по Тверской губернии уделено вопросам семьи: структура, распределение обязанностей, личные и имущественные отношения между членами семьи; присутствуют описания порядка ежедневных занятий разных членов семьи и сравнительной занятости в праздничное время. Подробными описаниями отмечена экономическая сторона крестьянского хозяйства; представлены точные сметы прихода и расхода продуктов и денег как для зажиточной, так и для бедной крестьянской семьи.

В делах с большой степенью скрупулезности описаны общественные нормы поведения, обычаи и законы (материал по крестьянским сходам), взаимоотношения крестьянства с различными представителями местной власти, отношение крестьян к преступлениям, суду, расправе и проч. Материалы Тенишевского архива по Тверской губернии могут представить интерес для специалистов разных областей культурного и научного знания (этнографов, экономистов, правоведов, лингвистов, фольклористов, краеведов, историков города и др.), а также для широкого круга читателей, увлекающихся различными сторонами крестьянской жизни.

ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ УЕЗД

Корреспондент А. Мирец-Имшинецкий

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720, 1721, 1722

А. Физические природные свойства крестьян

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 1

1, 2. Прихожане обоего пола Удомельской церкви Вышневолоцкого уезда почти все русые, среднего роста, телосложения правильного, стройного и крепкого. Сила и ловкость — отличительная их черта, не покидающая их до глубокой старости. Даже семидесятилетние старики совершенно бодро работают в поле.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 2

1, 2. Жители города Вышнего Волочка — большей частью переселенцы из разных губерний, а потому в наружности их видно большое разнообразие. Впрочем, здесь более встречается средний рост, умеренная полнота и цвет волос светло-русый. Вышневолоцкие жители большей частью крепкого телосложения, и многие из них доживают до глубокой старости. «Говоря о жителях Вышнего Волочка, я буду иметь в виду преимущественно здешних лоцманов и ямщиков», — примечает автор.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 4.

2. Умственные и нравственные качества: удомельские прихожане отличаются богатейшим прямодушием и доверчивостью. С уважением относятся к физической силе и трудолюбию, к чему приучают своих детей с самого раннего возраста. Ленивых преследуют всевозможными насмешками и пренебрежением. Чрезвычайно бережливы и расчетливы. Их сметливость проявляется в умении сообразовать свои земледельческие работы с обстоятельствами времени и теми или другими случайностями. Они религиозны и добросердечны, охотно и без всяких процентов ссужают беднякам и деньги, и хлеб.

Г. Общие указания об образе жизни крестьян

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 4

7. Главные занятия жителей — земледелие и рыболовство.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 5—6

7 или 185. Подавляющее большинство вышневолоцких мещан занимается лоцманством и извозом. Кроме того, занимаются огородничеством, рыбной ловлей, разными ремеслами... «Тянут барки» — нанимаются не только мужчины, но даже женщины и девицы мещанского и крестьянского звания.

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

8. [Крестьянские сходы] Мирские сходки вышневолоцких лоцманов, кроме Городской думы и Судоходной Расправы, происходят на городской площади, подле холодного собора и на мостах. Эти сходки начинаются перед приходом барок в Вышний Волочок. На сходках уговариваются, какие назначать цены за провод барок и кого выбрать в лоцманские старшины. Впрочем, окончательный выбор старшин происходит в Судоходной

Расправе. Таких старшин выбирают четырех: двух из мещан и столько же из казенных крестьян. Лоцманские старшины имеют решающий голос на сходках, пользуются общим уважением и большою властью над прочими лоцманами. Они избираются большей частью из людей пожилых и опытных в лоцманском искусстве. Лоцманов и «сходочных» (рабочих, которые тянут барки) нанимают в Вышнем Волочке на бирже, каменном здании, выстроенном в виде портика на берегу «Цнинского канала».

103. [**Празднества**] Препровождение свободного времени в обществе. Зимою молодежь устраивает «вечерины», на которых поют песни, танцуют, водят хороводы и играют в фанты. Эти вечера устраиваются в складчину в доме одной из девушек, принимающих участие в празднике. Здесь молодые люди «высматривают невест», а девушки — женихов. «Еще недавно, — замечает автор, — между молодыми здешними мещанами было обыкновение являться на вечерины с закрытыми лицами, чтобы иметь возможность, не бывши узнанным, отомстить своим соперникам или суженым за их неверность». Но этот обычай был уничтожен местным начальством.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 4

103. В праздничные дни пожилые крестьяне навещают друг друга, пьют пиво, вино; молодежь устраивает хороводы, игры, заводит песни, пляшет под гармошку и балалайку.

Ж. Верования, знания, язык, письмо, искусства

Язык крестьян

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 2—3

246. Особенности языка: а) При словопроизнесении — замена одних букв другими: [ять], например, почти не встречается в разговорной речи, — этот звук заменяют другими гласными, преимущественно буквою [и]; таким образом говорят не «место», а «мисто», не «хлеб», а «хлиб»; вместо «река» говорят «рика» и т. п. Из согласных — букву [ч] заменяют [ц], например: вместо «червь» произносят «цервь», вместо «читаю» — «цитаю»; иногда букву [щ] заменяют буквою [ч]: вместо «общество» иногда говорят «обчество». «Вольные хлебопашцы» Леонтьевской волости вместо «человек» говорят обыкновенно «челык», вместо «человеку» — «чалыку», вместо «пища» — «писчия». б) В словообразовании также есть свои особенности: вместо «его дело», «его беда», «его слова» говорят «евоно дело», «евона беда», «евоны слова»… в) Из неправильных оборотов речи встречаются следующие: если действие происходит в настоящее время, вместо «приехал» говорят «приехадши»; если имеют в виду давно совершившийся факт, говорят «был приехадши». г) Есть слова и выражения, употребляемые только прихожанами Удомельской Богословской церкви. Так в случаях сильного огорчения или болезненного состояния они говорят: «Охти мне цутки» — вместо: «Охти мне уж это»; вместо «сделал» или «приготовил» говорят «сладил» или «уладил»; вместо «рапорт» — «ляпорт»; слово «цеп» у них заменено словом «приузь»; вместо «выговаривать» употребляют слово «щунять»; вместо «сглазить» говорят «оголцить», то есть «оголчить»; слово «хорошо» нередко заменяется словом «рато»; вместо «очень хорошо» — «дюжо хорошо». Встречаются такие местные выражения: «Цаво ты баишь?», то есть «что ты говоришь?»; «Ты мне-ка вяцышь (двячишь), а я и не толкую», то есть «ты мне говоришь, а я не понимаю». Нечаянность или неожиданность действия выражают словом «доспилось» (доспелось) или «доспишка» (доспешка).

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 2—4

246. Особенности языка в произношении слов: а) ударения в некоторых словах делаются неправильно: говорят «братья», «кишки» вместо «братья», «кишки»; б) перемена букв «к» на «ц», «ч» на «ш», «в» на «с»: говорят «брусница», «грешневый», «скусный» вместо «брусника», «гречневый», «вкусный»;

в) замена буквы «е» буквой «и», как это делается в Малороссии. Говорят «хлиб», «хрин», «свит» вместо «хлеб», «хрен», «свет»; г) опущение некоторых букв и слогов: опущение букв «р», «с», «н» в словах «буква» (брюква), «перва» (сперва), «поздой» (поздний); опущение слогов «тъ», «сь», «ри» в словах «може» (может), «выспавши» (выспавшись), «Хста ради» (Христа ради); д) прибавление букв «е», «о», «и», «к», «л» в словах «верех» (верх), «на потолоке» (на потолке), «добрыих» (добрых), «вычкла» (вычла), «облезьяна» (обезьяна). В образовании слов встречаются также некоторые неправильности:

а) неправильности в склонении: в родительном падеже единственного числа опускают букву «о», например: «урка» вместо «урока». Употребляют родительный падеж вместо дательного и винительного с предлогом, например: «к погоды» вместо «к погоде», «вход дома» вместо «вход в дом». Употребляют дательный падеж множественного числа вместо творительного падежа того же числа и наоборот: говорят «с рукам» вместо «с руками», «дать лошадьми» вместо «дать лошадям»; б) особенности в спряжении глаголов: в третьем лице единственного числа настоящего времени опускают слог «тъ». Говорят «може», «гложе» вместо «может», «гложет». В неопределенном наклонении и деепричастии возвратного залога опускают слог «ся», «сь», — говорят: «подбочивши», «полюбовать» вместо «подбоченившись», «полюбоваться». Употребительны также некоторые особенные обороты речи; говорят «взять в тям» (понять), «войти в азард» (разгорячиться), «лих не удалось» (да не удалось) и т. п.

Часто обыкновенные слова употребляются здесь в особенном смысле. Таковы:

Артельный — общительный.

Болен — пьян.

Больно — очень.

Бедно — прискорбно.

Воля — пастбищное место, отдаваемое в аренду для корма скота, прогоняемого в Петербург.

Галки — головни.

Даром — не смотря на то.

Домовая — любящая дом.

Дым — дом.

Жадный — милый.

Желанный — любезный.

Живет — годится.

Живот — скот рогатый и мелкий.

Заклад — запор (болезнь).

Калчан — чашка для укладки хлебного теста.

Килитка — брюква.

Караван — совокупность барок, проходящих в одно время года по Вышневолоцким каналам.

Козак — работник.

Краска — цветная выбойка.

Лава — род небольшого парома.

Лавина — квасная гуща.

Местные слова:

Аскраметки — лучины для зажигания дров.

Басило — гордец.

Вареток — кипяток.

Вечерина или беседа — вечернее собрание невест и женихов мещанского звания.

Гонтяй — тонкий шнурок.

Домовина — гроб.

Житченка — ячмень на глазу.

Каковка — кочерга.

Козны — игральные бабки.

Кортома — аренда.

Кренуться — тронуться.

Кужель — лен.
Ладнушко — хорошо.
Ме [неразборчиво] сенный — июльский, бывающий среди лета, проход барок по Вышневолоцким каналам.
Никовушко — вовсе никого.
Пекунство — место, открытое для солнечных лучей.
Питора — попойка.
Потесь — род руля или большого весла, употребляемого для управления баркой.
Пожня — сенокос близь болота.
Помаруха — изморозь со слякотью.
Пошава — повальная болезнь.
Праверза — пролом в стене.
Путина — рейс с баркой в один конец.
Пырка — индюшка.
Слаз — ямщицкое слово от слова «слазить» — уступочные деньги за право везти или не везти седока; так, если ямщик, которому выпал жребий везти седока, от того отказывается, то он должен заплатить «слаз» тому ямщику, который возьмется исполнить его обязанность.
Спокой — удобство, комфорт.
Талока — общинная уборка хлеба.
Точа — узкий холст.
Черкун — кузнечик.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 6

246. Жителей Вышнего Волочка, соседних уездов и в особенности лоцманов называют «снегосеями» и «горлопанами». «Снегосеями» их называют за расточительность, доводящую их до того, что зимою они «бывают готовы просевать снег, чтобы добыть копейку». Некоторые из них принуждены бывают даже посылать «своих дочерей почти просить милостыню под окнами». «Горлопанами» же их прозвали за привычку говорить громко, «к чему они привыкают на барках, где голос их часто заглушается ревом бури».

[Грамотность]
247. Среди лоцманов сильно развито пьянство. Из мужчин в Вышнем Волочке большинство грамотные, женщин же почти нет грамотных. Многие мещане «не довольствуются тем, что дети их обучаются в приходском училище», а отдают их еще в уездное училище. Женских казенных училищ в Вышнем Волочке нет.

3. Семья. Обычный порядок жизни. Крестьянский род

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1721. Л. 5

304. Местные выражения различного родства известны здесь под следующими наименованиями: тесть, зять, деверь, шурин, дядя, племянник, свояк, сват; теща, свекровь, невестка или сноха, золовка, тетка, племянница, свояченица, сваха.

Состав семьи и семейные взаимоотношения. Наследство и наследники. О родстве Родственность

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1721. Л. 1—2

305. [Отношения] между различными родственниками проявляются главным образом в том, что лица, состоящие в более или менее близком родстве (разумеется, кроме зятя, всегдашнего гостя), взаимно посещают

друг друга в так называемые престольные праздники. Впрочем, бывает, что человек, имеющий более или менее достаток и обладающий достаточными средствами, помогает беднякам — родственникам.

Состав семьи

306. В крестьянском быту при крепостном праве, когда раздел семейств дозволялся весьма редко, семейства иногда состояли из очень многих членов… В крестьянской среде семейство бывает тем исправнее, чем оно больше [по численности], и наоборот: тем оно беднее, чем меньше.

307. На благосостояние этих семейств имеет еще весьма важное влияние личность главы семейства.

308. По установившемуся издавна порядку, старшим в семье обыкновенно бывает сначала дед, потом — отец, мать, затем — старший брат. Обязанность главы семейства или старшего заключается обыкновенно в том, что он заготовляет все необходимое для продовольствия семьи и уплачивает за нее все лежащие на ней и ее семье повинности. Поэтому каждому члену семьи он назначает сообразные занятия, принимает от них заработанные ими деньги и расходует их почти всегда бесконтрольно. Он же, как ближайший судья, решает все домашние распри, подвергая виновных различного рода наказаниям.
По смерти мужа принадлежавшая ему власть всецело переходит к его жене, если только семейство состояло из мужа, жены и их детей. Если же с умершим жили вместе его взрослые братья, то власть в семействе вместо жены умершего нередко переходит к его братьям.

309. Когда оба супруга-старика живы, власть главным образом принадлежит мужу. Дочерьми и невестками, впрочем, большей частью распоряжаются матери. При жизни мужа деятельность жены ограничивается заботою по домашнему хозяйству, как то: присмотр за малолетними детьми, уход за домашним скотом, приготовление пищи, исподней одежды и других необходимых в хозяйстве предметов.

Личные отношения домашних в семье

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 6

313. В своем семействе лоцман пользуется неограниченной властью, и жена его редко имеет влияние на домашние дела.

Имущественные отношения в семье

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1721. Л. 4

324. Приданое, которое невеста приносит в женихов дом, редко поступает в исключительно ее собственность; а по большей части оно делается общим достоянием мужа и жены, а в случае необходимости расходуется на общие семейные нужды. Так бывало, при рекрутских наборах очень часто приданое жены продавалось и употреблялось на приобретение квитанции для мужа. При пожарах все, что от этого приданого успеет сохраниться, все идет на устройство дома.

Наследство

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1721. Л. 3—4, 6

350. Дети, происшедшие от одного же и того брака, хотя все имеют по закону одинаковое право на наследство своих родителей; но на самом деле очень редко бывает, чтобы все дети получали по равной части из отцовского имущества. Большею же частью бывает так, что старший сын и следующие за ним братья, когда захотят отделиться от отца, получают из отцовского имущества

самую незначительную часть. Дом и вся пристройка к нему большей частью переходит к младшему сыну, с которым обыкновенно остаются жить родители. На основании этого обычая, существующего в крестьянском быту, пасынкам при родных детях нередко удается быть наследниками всего имущества, принадлежащего их «вотчимам».

351. Приобретение имения по наследству; в быту крестьян составляет имение родителей главный источник их наследства. Имение это переходит в руки детей то при жизни родителей, то по смерти их. Если дети делаются наследниками родительского имения при жизни родителей, в таком случае они получают только такую его часть, какая назначена будет самими родителями. Когда же родители умирают, то все их имущество разделяется по равной части между наличными, не отделенными, сыновьями. Что же касается до сыновей и дочерей, живущих в замужестве и отдельно, то на их долю выпадает самая незначительная часть того имущества.

355. В случае смерти ее [матери ее имущество] поступает в пользу мужа и детей ее; имущество же, которое принадлежало супругам до вступления их в брак, делается общим достоянием мужа и жены; когда же один из супругов умрет, а детей нет, то часть имущества, принадлежавшего умершему, переходит в пользу оставшегося из супругов, а другая (большая) в пользу родственников умершего.

357. Когда же жена умирает и оставляет после себя детей, в таком случае все ее имущество остается в пользу ее детей. Если же детей после нее не осталось, тогда приданое, приобретенное на столовые деньги [см. ниже], остается в пользу мужа, прочее же все возвращается родителям умершей, или, в случае смерти их, ближайшим ее родственникам.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 3—4

377. **Жилище семьи, постройки.** Села крестьян Удомельского прихода представляют мало особенностей: избы расположены по обеим сторонам улицы или площади. Каждая изба состоит из одной очень просторной комнаты, к которой только в редких случаях примыкает чулан. Помещение для склада хозяйственных принадлежностей, так называемая «клеть», пристраивается к каждой избе. Амбары, сараи, мощеные гумна строятся прочно, покрываются тесом; расположены они без всякого порядка по подворьям.

378. **Орудия и домашняя утварь.** Домашняя утварь состоит из необходимого для семьи количества деревянных ложек самой дешевой работы и такого же сорта чашек и блюд.

380. **Одежда.** Одежда здешних крестьян очень незатейлива. Летом они носят «сартенник», то есть легкий кафтан домашнего тканья, и бридовые лапти с длинными «оборами» или черными ремнями; ноги до колен обертывают огромными шерстяными суконками. В праздничные дни одежда более бедных людей ничем не отличается от обыденной, разве только немного поновее. Более зажиточные крестьяне одевают катаные сапоги осташковского производства, суконные кафтаны. Молодые люди из зажиточных семей наряжаются в плисовые шаровары. Шапки носят суконные, высокие и круглые, с мерлушковым околышем. Летняя одежда женщин состоит из холщового цветного сарафана без рукавов, так называемого «носовца», на голове — набойчатый платок, одеваемый обыкновенно на «берестянку» (березовая кора), которой покрывают лоб для того, чтобы головной убор сидел плотней и красивей; длинные концы платка опущены вниз. Обувь — лапти с длинными черными постромками. В праздничные дни женщины наряжаются в кумачовые сарафаны и ситцевые «ферези»; на ногах синие или белые шерстяные чулки и «бахилы» с красными обшивками. Зимняя женская одежда в обыкновенные дни — овчинный полушубок и березовые лапти, по праздникам — короткие шубы на заячьем меху, плисовые — у более богатых, нанковые — у беднейших; и те, и другие — без воротников; вместо летних лаптей носят валенки, так называемые «чуни».

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 4

380. Мещане города Вышнего Волочка носят «немецкие» платья, подражая последней моде. Только самые бедные девицы и пожилые женщины мещанского звания еще носят древнюю русскую одежду: «ферзи» — сарафаны, «шугаи» — теплые капоты на вате вроде полушубков, покрытых черным бархатом или плисом. Недостаточные мещане употребляют: «чуйки» — обыкновенные армяки, «казакины» — армяки со сборами, и «зипуны» — широкие армяки.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 3

381. Пища. Ежедневную пищу крестьяне приготавливают из огородных овощей и рыбы. Праздничный стол почти не отличается от обыденного: немного хлебного вина и пиво из хмеля составляют их излишек в праздничные дни.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 4—5

381. Вышневолоцкие мещане, даже беднейшие из них, едят хорошо. Не только в праздники, но и в будничные дни у них подаются к столу «рыбники» — «крупитчатые» пироги с рыбой, «похлебки» — сладкие супы из разных ягод, «стюдни» (студни), холодная рыба, жареное, разные каши, сладкие пироги и т. п. На вечеринках непременно подаются разные лакомства.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 4

387. Экономическое положение крестьянской семьи. Годовой доход здешней крестьянской семьи не превышает сорока пяти рублей серебром, считая и государственные подати, и все расходы на жизненные потребности.

И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака. Обстоятельства, предшествующие браку

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1721. Л. 5

405. На стол берется от 10 до 100 рублей, смотря по приданому невесты. Если у невесты приданого, то есть разной одежды, много, то и на стол за нее берут много; а если приданое бедно, то и на стол берут мало. Что же касается девиц, которые почему-либо не хотели вступать в брак с назначенным им женихом, то при крепостном праве они сами должны были уплатить помещику: или единовременно 100 рублей, или должны были платить до 45 лет от 7 до 9 рублей оброка ежегодно. Столовые деньги, по условию, все должны расходоваться то на увеличение приданого невесты, то на «спуск» ее, то есть на угощение во время свадьбы.

К. Выходящие из ряда обстоятельства

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1722. Л. 5

473. Болезни и их лечение. Вследствие сырой местности в Вышнем Волочке самые распространенные болезни: лихорадка и зубная боль. От лихорадки вешают на шею сушеную летучую мышь, кладут под подушку паука, окуриваются табаком и т. п. От продолжительной изнуряющей лихорадки применяется такой способ лечения: испекши двенадцать пирожков или пряников, завязывают их в салфетку и бросают на перекрестке улиц, приговаривая: «Вот вам, двенадцать сестер, хлеб-соль, — полноте меня мучить, отстаньте от меня!» Затем кланяются на все четыре стороны и уходят. Все это делается с осторожностью, чтобы никто не заметил.

Во время бывшей здесь холеры лечились деревянным маслом, водкой, настоянной на перце, молоком и льдом, принимая эти снадобья внутрь. За помощью к врачу обращались очень редко и только тогда, когда больной бывал уже при смерти. Принимали также «Воро [неразборчиво] ский [Воронежский?] эликсир» и обращались с молитвой об исцелении к чудотворной иконе Казанской Божьей Матери, находящейся в часовне, в двух верстах от города.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1720. Л. 2

473. Наиболее распространенная болезнь — лихорадка, которая на местном языке называется «веснухою».

ЗУБЦОВСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Арсений Васильевич Страшинин
1899 г.
(Адрес: Г. Старица. Село Первитино. Страшинин А.В., учитель Тупицынского земского училища)

Дела 1723—1728

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1723. Л. 1—8

А. Физические природные свойства крестьян

1, 2. Крестьяне дер. Тупицыно, мужчины и женщины, рост имеют в большинстве случаев средний, цвет лица — белый, летом переходящий в темный; волосы — различных оттенков, зрение и слух — очень хорошие. Легко переносят и холод, и зной, работы не боятся и любят ее. «Бог труды любит», — говорят они. Тяжести переносить способны. Дряхлеют и делаются не способными к труду приблизительно в 65—70 лет.

Б. Местные условия жизни крестьян.

3. **[Местоположение]** Деревня расположена на реке Держе: не на правом, гористом, берегу, а на левом, в низине, так что во время разлива вода не доходит до домов саженей на 10. В прежнее время, когда весною разливы реки были больше, вода доходила почти до самых домов. На восток от деревни верстах в восьми начинается Московская губерния, а на юге в 12 верстах — Смоленская. Версты на две в окружности — поле, а дальше — лес: собственный, соседних деревень и частных лиц.
От губернского города Тупицыно находится более чем за 100 верст, а от уездного города Зубцова — в 40 верстах. До приходской церкви расстояние около 7 верст (Красный Холм), а ближайшее село Никольская Пустынь — 5 верст.
Базары бывают и в том, и в другом селе: в Красном Холме во Владимирскую (26 августа) и Троицын день, а в Никольской Пустыни — в дни св. Николая (6 декабря и 9 мая) и в понедельник на масляной [неделе]. Главным же местом сбыта произведений тупицынских крестьян является село Ульяновское верстах в 16, где зимой ярмарки бывают каждый четверг, и посад Погорелое Городище в 15 верстах. Продают не на заводах и фабриках, а скупщикам.
Почтовая станция, становой пристав находятся в Погорелом Городище, земский начальник около самого Погорелого, урядник — в селе Ульяновском, Волостное правление — в деревне Селяево в 7 верстах.
Путь в Погорелое Городище и в Селяево довольно сносен; в с. Ульяновское — плох: верст пять нужно проезжать лесом, в котором дорога никогда не исправляется. После дождей не только проехать, а даже и пройти трудно. Железной дороги до сего времени не было, и только в прошлом году начали проводить в верстах в шести Московско-Виндавскую [дорогу]. Движение пока не открыто и неизвестно пока, где будет станция или полустанок.
Судоходная река Волга находится на расстоянии 25 верст, а шоссе идет с Погорелого Городища — 15 в.

4. [**Что дает земля крестьянам**] Крестьяне сеют рожь, овес, лен, картофель, горох. Земля не родит без удобрения, но недостаток навоза вследствие недостатка скота, что зависит от недостаточности корма, заставляет крестьян удобрять землю только в небольшом количестве. От этого, по их собственному сознанию, земля с каждым годом приносит им все меньше и меньше плодов.
Система посевов трехпольная: 1) рожь; 2) овес или лен, или картофель, или горох; 3) пар. Если же случается поднимать новь, то первый год сеют лен, потом (с удобрением) рожь и т. д. Подтраивать землю — не в обычае, не пашут также с осени.
Усадебной земли очень немного. На ней сеют коноплю. В последнее время очень немногие и мало сажают капусту, огурцы, репу, морковь, ботвинью; причем капусту и огурцы большинству все-таки приходится покупать на стороне. Садов нет; только у немногих крестьян есть по несколько штук яблонь, кустов смородины и крыжовника, да и то стали сажать их в самое последнее время.
Из лесу крестьяне берут дрова, грибы и ягоды (брусника, земляника и малина). Хотя грибов и ягод родится очень много, однако крестьяне мало пользуются ими, потому что ходить за ними приходится по большей части в страдную пору, когда и без них работы не оберешься. Поэтому ходят за ними только по праздничным дням. В лесу очень много дичи, особенно «тетеревей» (тетеревов), зайцев; встречаются лисицы, куницы. Но всем этим крестьяне не пользуются: некогда, да и не принято. Рыбой из реки также не пользуются, за исключением двух-трех семейств, у которых имеются невода. Впрочем, по весне во время разлива реки очень многие ходят с «наметками». Кроме того, когда сойдет вода, ставят «норота» и «верши», но попадает рыбы мало.

5. [**Полезные и вредные животные**] Из животных крестьяне держат: лошадей для полевых работ (иногда их выращивают для продажи); коров для молока, творога, масла и продажи; овец, от которых пользуются мясом, шерстью и овчинами; быков, которых отдают на лето в стада за 25—30 рублей; телят и свиней для мяса. Вредных животных и насекомых, причиняющих вред стадам, полям и огородам, не водится; разве только слепни и комары, которые появляются временами в таком громадном количестве, что почти нельзя бывает работать. «Олешниху много», — говорят крестьяне в объяснение этого.

6. [**Климатические условия в отношении к крестьянской жизни**] Снег окончательно стаивает около 10—20 апреля. Скотину же выгоняют около Егорьева дня (23 апреля), хотя иногда в это время и не бывает почти совсем травы. С этого же времени начинают пахать под яровые хлеба.
Весенняя распутица почти совершенно прекращает сообщение с окрестностью; конной езды на телегах и других экипажах не бывает в продолжение 2—3 недель.
Косьба начинается со дня Петра и Павла (29 июня) и продолжается до жатвы; [последняя] заканчивается дня за 2—4 перед Ильиным днем. С Ильина дня в продолжение дней десяти идет жатва; после нее приблизительно до 20 августа «берут лен». Частью одновременно со льном, а частью после льна косят овес, молотят хлеб и стелют лен.
Заморозки начинаются со второй половины октября. К этому времени крестьяне обыкновенно стараются убрать картофель, после чего у них совершенно прекращаются всякие полевые работы. Настоящая зима начинается в конце ноября или в первых числах декабря. Зимы в последние годы были несуровые, снегу было мало, больших метелей и сильных морозов не было; небольшие метели (не больше 5) заносили ныне дорогу, но совершенно прекратить сообщение с окрестностями не могли.

Г. Общие указания об образе жизни крестьян

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1723. Л. 12

7. Крестьяне занимаются главным образом хлебопашеством, а для работ и удобрения держат скот. Сверх этого некоторые зимой нанимаются в лесах соседних скупщиков рубить и пилить дрова, возить лес. Другие уходят на зиму в Петербург и Москву на фабрики и заводы, торгуют там с лотков (летом). Иные, у кого семьи велики и летом без них управляются, все время живут там и занимаются торговлей или служат в кучерах и т. п. Очень немногие и преимущественно мальчики пасут скотину или поблизости, или под Москвой.

27 Заказ № 1133

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1723. Л. 8 а — 11

8. [**Крестьянские сходы**] Дела, касающиеся общества, прежде своего исполнения подвергаются обсуждению общества на «сходках». Собираются сходки по инициативе сельского старосты; он сообщает о времени сходки деревенскому десятскому, который и оповещает об этом жителей. Крестьяне, если время свободно, скоро собираются; если же они работают, то иногда приходится дожидаться часа два, прежде чем они соберутся, и прибегать к вторичному зову. В большинстве случаев они идут на сходку в своей обыкновенной одежде, но случается, что переменяют ее на лучшую, особенно если сходка бывает в праздник.

На сходках присутствуют и женщины, мужья которых находятся где-нибудь в отлучке или заняты чем-либо. Могут присутствовать и посторонние; пьяных же можно видеть очень редко.

Сходы происходят в доме сельского старосты, и Зуев им же предлагает тот или иной вопрос на обсуждение. Большинство обыкновенно сидят и молчат, изредка только поддакивая говорящим; и не более десяти человек, пользующихся влиянием за свои деньги или за хорошую глотку, обсуждают предложенный вопрос. Попытка возражать им и спорить с ними сопровождается неприятностями для протестующих, особенно если последними является народ молодой. За последнее время на сходках начинает устанавливаться некоторое благообразие: изба старосты бывает к сходу прибрана; когда начинает собираться народ, то без шуму, чинно занимает места, матерными словами не ругаются, табаку не курят и не очень сильно ругаются; шум и крик однако же бывают сильные

На сходах обсуждаются вопросы о податях; так как деньги у всех водятся преимущественно по осени, то каждый и норовит не платить податей до осени. Общество на сходке указывает, кому платить весной, с кого можно подождать, побуждает неплательщиков к уплате и т. п.

Наем пастуха, время выгона скота, начало пашни, сева (ярового и ржаного), навозницы, сенокоса, жатвы, починка дорог, мостов, расчет пастухов — вот другие главные вопросы, предлагаемые на сходках. Кроме этих предлагаются и другие, но уже более частного и случайного характера, как, например, раздел отца с сыновьями, какое-нибудь приказание начальства и др.

Разницы в поведении и отзывах крестьянина, когда он один или в сборище крестьян, никакой нет, да по существу предлагаемых вопросов и быть не может; изредка, впрочем, приходится слышать различные оскорбления и негодование на заправил деревни, но все это бывает, и говорят только «для красного словца».

Власти. Отношение их к крестьянам

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1728. Л. 1—22

9. **Власти.** Крестьяне имеют сношения с властями только тогда, когда к этому представится повод, случится какое-нибудь дело, решение которого зависит от начальства. Так, с земским начальником имеют сношения по тяжбам, со становым, — если в деревне умрет кто-либо скоропостижно, с исправником не имеют совсем сношений, с урядником — в случае пожаров, краж и т. п. Случаи эти очень редки, а потому вполне справедливо будет, если скажем, что большинство крестьян не имеют никаких сношений с властями.

А) Земский начальник принадлежит к числу тех светлых личностей, которые к делу и обязанностям, принятым на себя, относятся серьезно и добросовестно. Поэтому среди крестьян пользуется уважением и авторитетом. Каждого, имеющего к нему какую-нибудь надобность, он внимательно выслушивает и указывает, что нужно делать. В хозяйственные дела крестьян он вмешивается только по тяжбам их и при учете волостных и сельских сумм. Кроме того, в тех местах, где есть трактиры (новых трактиров при нем не открыто ни одного, хотя в некоторых местах и сильно хлопотали об этом), благодаря ему арендная плата трактирщиков не расходуется зря, даже на подати он не дает из нее, а идет она, например, на такие дела, как покупка пожарных труб, а часть ее поступает в неприкосновенные мирские суммы.

Б) С исправником имеют дело только сельский староста, и то только при уплате податей, которые они сдают ему. По отзывам их, это лев рыкающий, ищущий, кого бы посадить под арест «за неполный взнос податей», но сажает он только старост, для примера, чтобы и они сажали тех, кто им не вносит. Его боятся, но едва ли уважают.

Становой пристав недавно (года два) определился, к тому же сношения с ним имеют преимущественно староста и сотские, а потому определенного представления о нем крестьяне не имеют. Староста же и сотские отзываются о нем как о редком человеке. Прежний пристав, теперешний помощник исправника, пользовался симпатиями населения, и, когда он ушел, его очень жалели. В хозяйственные дела крестьян он не вмешивается, кроме того, что следит за правильным поступлением государственного налога (24 копейки с десятины).

В) Урядник в деревне — редкий гость. Ведет он себя с крестьянами очень просто, запанибрата, а потому пользуется симпатиями населения. Так же просто ведет себя и при исполнении приказаний начальства. За самое последнее время он приезжал в деревню по поводу пожара и кражи. Во втором случае он так добросовестно относился к делу, что мужички удивлялись, какие ныне урядники. А в первом случае заставил многих думать, что он взял взятку с хозяйки того дома, где загорелось.

Сотские следят за благочинием в деревне, за печами и трубами, чтобы они были в исправности. Но больше в сотском видят блюстителя порядка, не начальника какого-нибудь, а только слугу станового, к которому он ходит каждую среду и там исполняет, что ему прикажет. Он относится к крестьянам как к подобным себе, так же и крестьяне относятся к нему, как к такому члену общества, как и они.

Десятских нет в деревне, а есть сборщики; их обязанность, как показывает и самое название состоит в том, чтобы собирать деньги и народ на сходку, и каких-либо прав этим лицам не предоставляется.

Г) Если за крестьянином не числятся недоимки, ни на кого он не жалуется, равно и на него жалоб нет, и если ему не нужно паспорта, то он не имеет никаких отношений ни к волостному правлению, ни к старосте; в вышеуказанных же случаях — он имеет прямые отношения к волостному правлению; в первом случае ем, как неисправному плательщику, делается волостным старшиной выговор и внушение о необходимости платить подати и принимаются те или другие меры (главным образом — арест); а во втором случае он является истцом или ответчиком. По причине полного невежества старшины почти все дела решаются волостным писарем, старшина же только подписывается к делам. К счастию для крестьян писарь — человек по-своему честный и добросовестный.

Должность сельского старосты не пользуется в деревне почетом, потому что при множестве хлопот она не дает никаких доходов: жалования староста получает 36 рублей в год, из которых поездка в Зубцов (2 раза в месяц) для уплаты податей стоят, по крайней мере, рублей 30-ть, не говоря уже о потерянном времени. Волостное правление по отношению к сельскому старосте является ближайшим начальством, от которого он получает разного рода предписания, касающиеся главным образом податей, и которое обязано следить за его действиями. Впрочем, при хорошем старосте вся зависимость старосты от волости состоит только в том, что он обязан ежегодно отдавать отчет о приходе и расходе мирских сумм. Сам же староста по отношению к крестьянам власти никакой не имеет, может только неисправных плательщиков податей сажать под арест при волости на трое суток; он собирает подати, следит за дорогами и вообще во всяком мирском деле ему принадлежит инициатива, решение же зависит от мира.

10. С поздравлениями и приношениями к начальству крестьяне не являются

[Преследование преступлений].

14. По понятиям и обычаям народа власть преследовать, судить и наказывать виновных в преступлениях принадлежит начальству: волостному правлению, земскому начальнику и др. В мелких, однако, случаях иногда крестьяне признают эту власть за собой. «Суд да дело, — говорят в таких случаях они, — собака съела, иди да хлопочи, а я дам ему в шею раза 3—4, в следующий раз не будет». Но это бывает в редких случаях, например, в случае мелкого воровства и т. п.

15. Если и различают крестьяне преступление от греха, то очень неясно. Причем существенное различие последнего от первого видят в том, что действия греховные, как, например, работа в праздник,

распутная жизнь и др. не подлежат ведению гражданских судов, а дело совести. Что из них важнее — грех или преступление, сказать определенно нельзя. Можно указать только на то, что некоторые грехи (работа по праздникам, еда круглого — яблока и др. — в день Усекновения Главы Иоанна Крестителя, еда скоромного по постным дням и др.) считаются особенно предосудительными, и такие преступления, как воровство и т. п., сравняться с ними не могут.

20. К случаям, которые, будучи не наказуемы по закону, запрещаются обычаем, принадлежат: перемена мет на скоте, огораживание полей и огородов до Егорьева дня (волки разорят), перевоз основы для тканья в другую деревню (случится несчастье в деревне, из которой увозят, или в которую привозят), не переходить дороги идущему или едущему куда-нибудь по делу (пути не будет), спрашивать идущего или едущего: «Куда идешь?» (никакого дела хорошо не делать), а нужно спрашивать: «Далеко ли идешь?», а также отчасти резанье птиц женщинами. Таких же случаев, которые запрещаются законом, а народ не считал бы их преступлением, нет.

22. По народным понятиям, к обстоятельствам, увеличивающим важность преступления и строгость наказания, принадлежат: ночное время совершения преступления, место — в доме, на дворе, ценность предмета (особенно лошадь) и способ совершения (со взломом).

23. Убеждение, что за ненаказанное преступление является мстителем сам Бог, заметно среди народа, особенно старого поколения. По их мнению, убежавший от суда людского, не убежит от суда небесного и рано или поздно Господь покарает преступника тем или иным образом. Замечается также стремление объяснить преступления и другие события крестьянской жизни причинами, лежащими вне воли человека, особенно когда преступление совершается первый раз. Объясняют его дьявольским наваждением, Божьей волей и Николая Угодника и др. Народ к таким объяснениям относится с полным доверием, если преступление совершено в первый раз, в нетрезвом виде и человеком, заслуживающим доверие. В противном случае этим объяснениям не придают никакой цены.

25. [Часть листа утрачена]. Поссорились однажды два мужика, да и подрались, и сильно одному досталось. Обидно ему это показалось, и задумал он отомстить за свою обиду. Долго ждать не пришлось. Поехал он на базар, увидал там своего обидчика совсем пьяного и думает: «Вот самое благоприятное время. Отдую, когда он поедет домой, никто не узнает». Дождался он, когда поехал тот, и сам поехал следом за ним. Дорогой он и задумался над тем, что задумал сделать: «Хорошо ли вздуть человека пьяного?» А тот настолько был пьян, что как завалился на телегу, так сразу и заснул непробудным сном, не подозревая, что за ним следят и хотят бить его. Между тем обиженный раздумывал и решил, что бить не стоит, а нужно придумать еще что-нибудь. Как раз в это время они проезжали мимо изгороды. И надумал он вот что: выпряг лошадь и завел ее за изгороду, оглобли у телеги просунул сквозь изгороду и запряг лошадь опять, так что запряженная лошадь была по одну сторону изгороды, а телега — по другую, а сам на своей лошади поехал домой. Долго спал пьяный, но, наконец, уже вечером, проспался и проснулся и, чувствуя, что лошадь стоит, Закричал: «Но». Лошадь тронулась, но стронуть телегу не могла (изгорода мешает), и только изгорода затрещала. Видя, что что-то неладно, он слез с телеги и пошел посмотреть, что случилось. Когда он разобрал, в чем дело, то, удивленный этим, воскликнул: «Какой черт тебя занес сюда?!» А черт стоит тут, да и говорит: «Я сам дивлюсь и от вас, мошенников, занимаюсь. Я сколько живу и никогда не видывал ничего такого, да мне и не удумать подобного».

27. Обороною крестьяне называют защиту себя или своего имущества от людей, посягающих на то или другое. Действия, совершенные для этого, не считаются преступными и не наказываются.

28. Преступления, совершенные женами по приказу своих мужей, по народным обычаям, подлежат преследованию, и должны быть наказаны как исполнители приказаний, так и те, кто подговаривал к преступлению.

29. К попытке на преступление, а равно к одной заявке о намерении совершить преступление народ относится очень строго, почти, как и к самому преступлению. До волостных судов, впрочем, дела такого рода не доходят, а чаще всего кончаются побоями или заявлением сотскому или старосте.

30. Народ различает тех, кто совершает преступление от тех, кто подговаривает не преступление и помогает преступнику. Случаев наказания за это не слыхать, потому что только после смерти подговорщиков и помощников, называемых у нас подводчиками, узнавали об их деятельности.

31. К тем, кто указывает на преступление, крестьяне относятся неодобрительно и считают их ябедниками, особенно, когда донос делается из зависти, по ненависти и т. п. И потому доносы эти редки, делаются тайно, да и притом людьми, не заслуживающими уважения. Хорошие же крестьяне, хотя бы и знали и могли указать преступника и вещи, добытые преступлением, молчат.

35. К людям, бывшим под уголовным судом и наказанным заключением в тюрьме, крестьяне относятся с недоверием, не без основания полагая, что «вор прощенный, как и враг примиренный, ненадежен», и снова примется за прежний промысел. Полноправными членами общества они не считаются, а подвергаются ограничениям, а именно им не может быть поручено исполнение каких-либо крестьянских должностей (старосты, сотского), и на сходках их голос не имеет никакого значения, да и говорить им не дадут, а как только заговорят, то, кто посмелее, прямо скажет, чтобы он замолчал. Вообще жизнь бывших под судом — сплошная пытка, которую выдержать могут только некоторые; большинство же уходит из деревни. Иное дело в Никольской Пустыни: там очень и очень многие были под судом, а потому и отношение к ним такое же, как и к не бывшим. Но таких селений в округе только одно.

36. Людей, отдаваемых под надзор общества, после отбытия наказания в арестантских ротах или в рабочем доме, крестьяне принимают неохотно, кто бы они ни были: зажиточные или бедные, мужчины или женщины. Причиною этого является главным образом опасение, чтобы преступник не занялся прежними своими делами. Тем более что специального надзора за ним не бывает, а дело ограничивается только тем, что соседи, и то из любопытства, посматривают и замечают его дела.

38. Богохульство и кощунство признаются тяжкими преступлениями и допускаются, как исключительные явления, людьми, которые не видят, что творят (пьяными), а также и раскольниками. Также строго народный обычай относится и к нарушению церковных правил и церковных обычаев, особенно — к несоблюдению постов и праздничных дней, когда даже хлебы печь считается грехом (но, если посолить хлебы, то не грех). В воскресные же дни за последнее время стали некоторые работать, а большинство, впрочем, осуждает их. Неисполнение таинства покаяния, причащения, напрасное употребление борьбы, хотя и считается грехом, тем не менее, постоянно допускаются и встречаются как явление обычное.

39. К пьянству в праздничное время, особенно в храмовые праздники, народ относится снисходительно. Выпивка же и пьянство постоянные, в будни, сильно осуждаются и встречаются как исключение.

40. Народ различает оскорбление власти от оскорбления частных лиц и, зная, что за первое бывает строгое наказание, не допускает этого. Случалось, что старосту на сходках начинали ругать. Когда ему эта ругань надоедала, он надевал свой знак, и ругавший переставал бранить старосту, зная, что будет в ответе.

41. Из служебных преступлений в деревне встречается только растрата общественных сумм сельскими старостами. Относятся к ним в этих случаях не одинаково. С одного, например, старосты ждали уплаты растраченных денег годов пять и на суд не отдавали. На другого же заявили начальству, и дело дошло до суда. Зависит это от личности старосты и от отношения к нему его односельчан.

43. На похищение чужой собственности крестьяне смотрят, как на действие недозволенное, как на преступление, особенно когда воруется ценная вещь; в противном случае, т. е. к мелкому же воровству относятся не так строго, однако не одобряют его. Особенной честности к чужому имуществу не замечается. Других вопросов этого § не встречается в жизни.

Суд и расправа

44. По народным обычаям, разрешение судебных дел принадлежит начальству: волостному суду, земскому начальнику, судебному следователю. Но какие дела подсудны каждому из них, никто не знает, и потому во всех делах обращаются в волостное правление, которое или рассматривает дело само, или указывает, к кому обратиться. Не различают крестьяне также дел уголовных от гражданских и к первым из них относят только убийство. О власти судебного следователя крестьяне почти не имеют никакого представления, тем более, что и дел к нему в деревне почти никаких никто не имел. Однако в деревне он был два раза: один раз присутствовал при оценке мельницы, а другой — при исполнении решения Московской судебной палаты. И в том, и в другом случае он относился к делу добросовестно, крестьян выслушивал внимательно и оставил о себе хорошее воспоминание. К судам своим и государственным народ в большинстве случаев относится с полным уважением.

45. Самосуд, прежде бывший явлением, если не обычным, то частым, теперь встречается как явление исключительное. Нынче в праздник Преображения в деревне Дорофееве произошла вечером ссора между пастухом и одним крестьянином. Во время этой ссоры пастух начал грозить, что он подожжет ржаные снопы, которые были у крестьянина еще в поле. Когда он услышал об этом, то рассвирепел, крикнув работника, вместе с ним начал бить пастуха. Били руками, потом схватили колья суковатые и ими били его до тех пор, пока не увидали, что он без сознания. Народ же стоял в это время и смотрел, как на зрелище, на эту дикую расправу. Утром пастух помер, так как легкие и сердце оказались отбитыми.
В деревне Осинове в прошлом году одного крестьянина подозревали в конокрадстве. Когда же узнали об этом достоверно, то некоторые решили его убить. И, действительно, скоро его нашли убитым. Но кем он был убит и обстоятельства убийства — неизвестны.

46. Судебные сходы бывают в случае потравы, неправильностей, допущенных кем-либо во время покоса, пашни (если, например, выкосит кто больше, чем следовало) в случае ссоры при разделах. Состоят они из всех домохозяев деревни, или кого пошлют, они под председательством сельского старосты. Приговоры эти обязательной силы не имеют, а являются скорее примирителями. Тем не менее, в большинстве случаев они исполняются. Если же нет, то дело переходит к волостному суду.

47. В волостные судьи избираются преимущественно люди зажиточные, разумные, не слишком молодые, грамотные, но обычаем не требуется, чтобы они были обязательно главами дома. Преимуществами какими-либо они не пользуются. Почет же им оказывают больший, чем, если бы они не были судьями. Жалования получают по 40 рублей (3 члена), а председатель 60 рублей в год.

49. Старшина и другие посторонние лица (особенно богатые) имеют большое влияние на приговоры волостных судов. Не так давно в деревне благодаря влиянию волостного старшины все домохозяева были приговорены к аресту и 25-ти рублям штрафа за незначительную потраву травы у племянника старшины. Влияние писаря мало заметно, его дело только записывать жалобы и решения волостных судов.

54. В народе не заметно стремление к стяжательству и кляузничанью. В этом заметно влияние волостного старшины, который до введения института волостных судов при всяких делах по тяжбам склонял тяжущихся к миру, и почти все эти дела кончались примирением.

58. Каждый является в волостной суд ответчиком за себя сам, и не в обычае являться на суд отцу за сына, мужу за жену, старшему родственнику за младшего и т. д.

59. В волостном суде адвокатов не бывает, на съезде же земских начальников иногда нанимают их. Народ относится к ним в большинстве случаев с полным доверием, и только немногие не доверяют им («адвокат — продажная душа»).

62. К судебным доказательствам и уликам в народном суде относятся: собственное признание, показание свидетелей, поличное, письменные доказательства, присяга (только не в волостном суде), очень редко — бирки, сличение следов и знаков. Косвенным доказательствам вообще мало придается значения, и только при наличности прямых они имеют вес и влияние.

63. Если у подозрительного лица будут найдены чужие вещи, то они по распоряжению старосты отдаются до решения суда кому-нибудь на сохранение.

65. Обычай взятия вещи лицом, потерпевшим в целях возвращения своей собственности и для доказательства преступления существует, но берутся вещи не иначе, как в присутствии старосты и понятых.

70. Два свидетеля обыкновенно признаются достаточными для определения известного факта или преступления. Но требуется, чтобы эти свидетели были людьми, заслуживающими доверие, под судом и следствием не состояли; это обстоятельство способно вызвать подозрение в справедливости их показаний. Из этих свидетелей народные суды особенное значение придают самоочевидцам; показания же послухов мало имеют значения, и то только при том, если они подтверждают показания первых.

71. Свидетельство сына за или против отца, отца за сына и т. п. народным обычаем не допускается.

73. От свидетельства перед волостным и другими судами крестьяне часто уклоняются. Причиною этого является главным образом то обстоятельство, что нужно будет ездить на суд и давать показания в такое время, когда дома масса дела; иногда причиною этого бывает нежелание заводить дрязги и неприятности с тем, против кого нужно свидетельствовать, особенно если он человек богатый, приятель и т. д.

74. Подкупы и подпаивания свидетелей бывают. Народ осуждает подобного рода явления и называет лиц, продавших свою совесть, Иудами, которые «продали правду за стакан вина». Уважения им не только не оказывают, но и всячески стараются показать свое к ним презрение.

75—78. О присяге в крестьянских судах как судебном доказательстве не слышно, и если допускается она, то в высших судебных инстанциях. Относится к ней народ относится слишком серьезно и строго, и случаи лжеприсяги — явление исключительное, соединяемое с представлением о наказании Божием. В обычных же судах употребляется божба: «Ей Богу», «Не видать мне земли под собою», «провалиться мне сквозь землю», «лопни у меня глазеньки», «отсохни у меня рученьки и ноженьки» и т. п., но употребляется она больше по привычке и в решении судов значения не имеет.

85. О телесных наказаниях не слыхать уже давно, виновных же подвергают или штрафу, или аресту при волостном правлении, где для этого нанята особая изба у крестьянина — изба, ничем не отличающаяся от прочих крестьянских изб. Посаженные в нее крестьяне ведут себя в ней тихо и смирно и к побегу не стремятся.

86. Денежные взыскания назначаются вообще во всех тех случаях, когда обиженному причинен какой-нибудь убыток, или же бесчестье, при этом в случае несостоятельности или нежелания платить, штраф заменяется арестом. Большинство поэтому предпочитает просидеть под арестом, чем платить деньги, и только некоторые, очень немногие, платят штраф.

88. «Грех пополам» допускается только в случае пропажи из стада лошади, а равно и других животных: если пастух не докажет, что животное съедено хищными зверями. Но эти дела редко доходят до суда и в большинстве случаев решаются на мирских судах миролюбиво.

Опека.

91. Опека в крестьянском быту встречается очень редко, в тех преимущественно случаях, когда после смерти родителей остались малолетние дети круглыми сиротами, т. е. без отца и матери. Опекунами в таких случаях назначаются ближайшие родственники и притом только те, которые пользуются уважением и доверием. Если же родственников нет, или они отказываются (насильно их заставить не могут), то — посторонние. Назначаются они мирскими сходами. Сходы же следят за правильностью их действий; вообще же им принадлежит контроль над действиями опекунов.

92. Опека продолжается до тех пор, пока опекаемый достигает совершеннолетия (по народным обычаям, 18 лет), после чего весь мирской сход принимает имущество от опекуна и опека прекращается.
За управление имуществом малолетних опекун получает вознаграждение в размере 5—10 рублей в год, смотря по тому, сколько определит мир, причем, по народным воззрениям, пользоваться прибытком от имущества малолетних или приплодом от их скота он не имеет права, а должен доходы от этих статей употреблять на нужды находящихся под опекой; однако в жизни случается часто и противное.
Сироты, не имеющие никакого имущества, воспитываются на счет мира у того крестьянина, который согласится взять их на содержание за известное вознаграждение. Иногда, впрочем, случается, что их принимает к себе какой-нибудь бездетный крестьянин или родственник без всякого вознаграждения. Различие при опеке между мальчиками и девочками не делается.
2) Опекун обязан представить отчет об имуществе всему обществу по достижении находящимися под опекой совершеннолетия, или им самим; отчеты бывают устные. Злоупотребления со стороны опекунов бывают иногда. Мир в этом случае почти всегда молчит, если только дело не доходит до совершенного уничтожения имущества находящегося под опекой. Если же это случится, то мир, чаще же сам опекаемый по достижении совершеннолетия, вступается, но дело по большей части заканчивается бранью. До волостных же судов не доходит, по крайней мере, не слыхать об этом.
4) Опекунами не всегда бывают ближайшие родственники; зависит это отчасти от них самих (они могут отказаться), а отчасти от мира (не заслуживающих доверия мир не назначает).
6) Кроме малолетства причиною назначения опекунов являются: расточительность, пьянство и т. п.
7) Если муж — пьяница, то управление имуществом может быть поручено его жене.
Других вопросов этого § нет.

Повинности

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1728. Л. 49—52

93. **Крестьяне платят:**
А) поземельного налога согласно раскладке уездной земской управы 8 руб. 89 коп.
Б) выкупных платежей — 490 руб. 94 коп.
В) земского сбора (27 коп. с десятины) — 109 руб. 8 коп.
Г) земского сбора дополнительного (по 1/2 с десятины) — 2 руб. 2 коп.
Д) земского поземельного налога с 676 десятин купленной земли — 182 руб. 52 коп. и дополнительного — 3 руб. 38 коп.
Е) государственного поземельного налога с 676 десятин — 15 руб. 52 коп.
Ж) в Государственный Банк за купленную землю (465 десятин по 67 коп. с десятины) — 311 руб. 55 коп.
З) на контору волостную, жалование старшине, старосте, сотскому и десятскому — 155 руб. 4 коп.
Итого: 1278 руб. 94 коп.
С души около 12 руб. (11 руб. 95 коп.), да страховка строений — со двора рублей 8—10.

Дороги и мосты исправляются самими крестьянами целым обществом; материал для этого не покупной, а свой.

94. Каждый член общества обязан платить и исправлять повинности сообразно с количеством душевого надела: если у него надел земли на одну ревизскую душу, то он платит, что приходится с души, если две — то за две и т. д. Те же, которые земли не имеют, от платы податей освобождаются, а у коих хозяйство пришло в упадок — не освобождаются. Бесплатных участков для стариков, вдов и сирот нет.
Неисправных плательщиков сажают под арест, делают опись движимого и недвижимого имущества и продают из него то, что является лишним и без чего, по мнению крестьян, можно обойтись, земли же не отбирают, по крайней мере не было таких случаев. С наступившего 1900 года, по словам крестьян, неисправных плательщиков будут вызывать в Зубцов к исправнику, где в его присутствии их будут драть за невзнос податей. На исходе 19-ого столетия и при начале 20-ого эта мера, еще только проектируемая, производит удручающее впечатление.
Круговая порука применяется при займах всей деревней. В этом случае за неисправного плательщика отвечают все.

95. Повинности взыскиваются главным образом сельским старостой и отчасти старшиной, ежемесячно по два раза, причем с января по сентябрь платят преимущественно зажиточные крестьяне, а с сентября, когда почти у каждого есть деньги от продажи излишних вещей (хлеба, льна, скотины) и остальные.

[Воинская повинность].
98. По крайней мере, за месяц до отправления парня для вытягивания жребия начинается праздник для него: он освобождается от работ, ему дозволяется выпивать (а на это ему даются деньги) и т. п. Ко времени же отправления для вынутья жребия эта гульба парней достигает своего апогея и продолжается до тех пор, пока окончательно не провожают их в солдаты.
По отбытии же военной повинности он возвращается обратно в свой дом, где ему принадлежит такая же часть имущества, как и другим членам семейства, и при том из имущества наличного, а не того только, какое было до отправления его в солдаты.
По отзывам крестьян, солдатская служба очень благотворно влияет на их парней. По отбытии военной повинности они приходят в деревню людьми степенными, приученными к порядку и т. п., почему, отправляясь на сторону (Петербург), они по большей части получают хорошие места.

99. Уклонений от исполнения воинской повинности в деревне не встречается.

Празднества

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1723. Л. 12—46

101. Большие празднества в деревне — это дни храмовых праздников. С раннего утра в такие дни идут в церковь: большинство составляют парни, девушки и подростки. Служба в праздники бывает продолжительной, но народ, редко бывающий в церкви, рад этому: оканчивается она часов в 11—12, и все расходятся по домам, причем приглашаются родные и хорошие знакомые приглашаются на праздник, если только это приглашение не было сделано ранее, дня за 3—7 до праздника.
Если в селе бывает ярмарка, то покупается и продается то, что нужно для праздника. Впрочем, у исправных хозяев все это делается загодя, за неделю и ранее до праздника.
Парни, девушки и подростки остаются почти до вечера на рынке, ходят по лавкам, поют песни, водят хороводы и т. п.
К крестьянам, живущим в селе, сразу же после обедни заходят их знакомые и родные, ставится самовар, вино и закуска. Потом — обед, опять с винцом; тут подоспевают новые гости. В деревне же до 2—3 часов сидят дома за самоваром и вообще бывает, как и в простые праздничные дни, и только с этого времени на улицах

замечается движение: молодежь начинает выходить из домов и собираться вместе, поет песни, водит хороводы, пляшут русскую (начинает входить в моду и кадриль), играют «в разбежки», лапту и др. И так продолжается до позднего вечера. К этому же времени начинают съезжаться гости, преимущественно родные, человека по два или по три с дома. Для них готовится самовар, водка, закуска, кончающаяся очень нередко тем, что все перепиваются к вечеру. На другой день с раннего утра начинается то же самое; а так как пьяные не успевают выспаться, то пьяных можно видеть очень рано. В этот же день начинают ходить по знакомым, где угощают главным образом вином.

Самым главным злом во всем этом бывает то, что заставляют выпивать, а иногда и спаивают подростков, и таким образом полагают начало одной из язв современной жизни. Правда, некоторые совсем не пьют, другие выпивают мало; но народ косо посматривает на них и всеми мерами старается склонить их к выпивке, и только люди с сильным характером могут выдержать до конца эти настойчивые предложения. Все это относится к мужчинам. Женщины же выпивают понемногу, и только очень немногие напиваются допьяна. Во все время праздника они сидят дома, заботятся об угощении, ругают мужей, если они напиваются пьяны, частенько случается, что и бьют их, изредка ходят к соседкам поговорить и любуются на молодежь, которая веселится на улице.

В обычае у крестьян посещения друг друга, главным образом родственников, у которых предполагают вино. Много народу ходит из соседних деревень — те, у которых нет родных в деревне. В этом случае тот или иной крестьянин, приходя в знакомый дом (а кто понахальней — и в незнакомый), здоровается с хозяевами и поздравляет их с праздником; те обыкновенно подносят поздравляющему рюмку-две водки, пива (если его варили), после чего поздравитель уходит и идет дальше в следующий дом, пока не обходит всю деревню. Разумеется, в конце концов, он сваливается и спит где-нибудь в грязи или под забором. Сам народ не видит в этом ничего худого, подносит каждый и отказать кому-либо считается нехорошим поступком.

К числу шляющихся из двора во двор принадлежат нищие. К обедне они обыкновенно собираются в село, и здесь некоторые сидят у паперти и иногда поют песни о том, чтобы Господь помянул и помиловал подающих им. А иные стоят на паперти или в церкви и протягивают руки за подаянием. После обедни крестьяне имеют обыкновение покупать баранки и подавать им, после чего нищие отправляются в праздничные деревни и здесь по очереди начинают «славить» крестьян. И собирается этой сволочи иногда человек до пятидесяти. Большая часть из них — люди здоровые и сильные, и вполне могли бы работать. И готовы бы были крестьяне не подносить им, да опасаются поджога или воровства, которыми они (нищие) грозятся. Случается изредка, что за эти угрозы они жестоко расплачиваются своими боками, но это бывает очень редко.

Гулянье продолжается обыкновенно два дня. Большую часть этого времени молодежь проводит на улице, а взрослые — дома за угощениями и разговорами.

На второй день бывает самый разгул, и почти все любители вина бывают пьяны; естественно поэтому, что на третий день у них сильно болят головы с похмелья, и нужно опохмелиться. Вино же почти у всех вышло в первые два дня. В таком случае имеют обыкновение прибегать к складчине, посылают в село за вином и опохмеляются и, в конце концов, напиваются «досыта».

Конечно, в хороших — непьющих — домах пьянства не бывает, потому что к таким хозяевам и гости по большей части ездят трезвые; время праздничное проводится у них чинно, благородно и вполне прилично. По той причине, что гостей собирается много (у бедных — человек 5—8, а у богатых иногда человек до 15), праздники крестьянам обходятся недешево. Самые бедные из них тратят около десяти рублей, а зажиточные — много больше. Главный и самый большой расход — на вино (у иных его выпивается до двух ведер), закуски, баранки, сласти, чай и др.

Каких-либо специальных празднеств, как, например, начало сенокоса, жатвы, — не бывает. При закладке же и освящении храма во всех здешних местах обыкновенно бывает следующее. Еще задолго до этого времени причт рассылает приглашения, по местному выражению, — «слух дает» — в соседние приходы. А иногда приглашения эти попадают верст за 30—40. Время для этого выбирается нерабочее, по большей части осенью, когда народ бывает при деньгах. Если погода благоприятствует, то народу собирается очень много, и каждый привозит или приносит с собой не меньше меры ржи или овса. Женщины приносят холсты, полотенца, и все кроме этого запасаются деньгами. Все это сдают церковному старосте или доверенному от него, а взамен этого получают по чарочке винца и по кусочку хлебца на закуску. Однажды в одном селе этого угощения не было

предложено, и народ шел с закладки храма глубоко оскорбленный этим, ругая причт и старосту за то, что они поступили не по обычаю, что отцы и деды их не так поступали. При этом вот еще что бывает достойным внимания: на закладку или освещение церкви приглашаются соседние священники — человек 5 (архиерей очень редко ездит). Для них приготовляется на церковный счет, конечно, закуска, и закуска эта бывает очень обильная и дорогая (рублей в 30 и дороже).

Был я также при закладке школы. Собрались крестьяне из соседних четырех деревень, для которых, собственно, и строилась школа. Приехал священник, отслужил молебен с водосвятием, после чего было предложено священнику и причту угощение, а после этого угощение на мирской счет собравшимся крестьянам. Это последнее угощение состояло из ведра вина, а так как народу было немного, то и перепились все.

103. [Препровождение свободного времени в обществе]

Свободное время у крестьян бывает в воскресные и праздничные дни, а также зимой по вечерам. Это время проводят различно. Одни, постепеннее и посолиднее которые, собираются у такого же мужика и ведут разговоры про свои деревенские дела. Другие идут в так называемый «семиткин клуб», где играют в карты «в козлы» («пана») и ведут разговоры самого нецензурного характера. И те, и другие, кроме этого, занимаются передачей новостей, сплетнями, и большинство этих новостей и сплетен касается жизни своего и соседних причтов и замечательных богатством или положением личностей.

Девушки и парни тоже в свободное время собираются вместе, разговаривают, поют песни, а по зимам прядут нитки. Зимою же у нас, несмотря на то, что «посиделки» запрещены уездной и сельской администрацией, нанимается изба, в которой и проводится свободное время. Сам я не видел, что там бывает, но от людей, заслуживающих доверия, слышал, что хорошего в этом мало, что кроме пакостей там научиться нечему.

За последнее время, с открытием училища, часть свободного времени стала употребляться на чтение. Соберутся человек десять, достанут у кого-нибудь из учеников книгу, преимущественно религиозно-нравственного содержания, и один из них читает прочим. Бывает (гораздо чаще), что отец или мать заставляют своих детей читать, а сами слушают.

106. [Стремление возвысить свое общественное положение] Крестьянин гордится главным образом своим богатством: домом, хлебом, одеждой. Но есть и такие, которые гордятся своими занятиями: школа открыта в январе 1897 г., и грамотных очень мало. Среди своих односельчан подобные люди пользуются неодинаковым уважением. Если это богатство приобретено им самим, честным трудом, на глазах у всех, если этот богач не сторонится людей, то его уважают, приводят в пример, ему подражают. Если же кто разбогател каким-либо нечестным образом, если к тому же он человек необщительный, то его не уважают, относятся к нему с насмешкой и иронией, а кто посмелее, тот и прямо в глаза его попрекает. К ним народ, победнее который, обращается за помощью в случае какой-либо нужды, несчастья; те помогают им, чем придется, а главным образом деньгами; от этого задолжавшие волей-неволей, для избежания различных неприятностей, показывают вид, что уважают их, стоят за них, когда это нужно и т. п. Конечно, среди крестьян существует и желание, и стремление увеличить свой достаток. Поступают они для этого различно. Одни увеличивают посевы, для чего снимают у соседей их поля. Другие уходят на промыслы в Петербург и другие города. Третьи занимаются извозом. Иные выращивают хороший скот, главным образом лошадей, и т. п. Большинство предпочитает чистые денежки всем другим видам богатства, которые и кладет в сберегательные кассы.

Но есть еще не мало людей, которые предпочитают богатство в стройках; у таких людей первым делом, как заведутся деньги, является постройка хорошего дома; причем у иных за недостатком денег другие стройки дожидают своей очереди года 2—3 и больше. К хорошему дому заводят и хороших лошадей и т. п. Вообще все занятия пользуются почетом, поскольку они приносят деньги. Только против занятия охотой замечается какое-то предубеждение; и люди, занимающиеся ею, слывут «пустяшными»; «пустой человек», говорят про занимающихся охотой крестьян их односельчане.

Крестьяне, занимающие должность волостного старшины, волостного судьи, церковного старосты, пользуются почетом и уважением, если они этого заслуживают или народ не замечает за ними каких-либо проступков; и при выборах на означенные должности стараются занять их, для чего всячески ублажают

так называемых деревенских горлопаев: в долг им дают, вином поят и т. п. Другие же общественные должности — сельского старосты, десятского, сотского избегаются крестьянами, так как при множестве хлопот лица, занимающие эти должности, получают незначительное вознаграждение и не пользуются никаким особенным уважением. И нынешний, например, староста с удовольствием отдал бы свою власть другому лицу, если бы только нашелся желающий. Но таких не находится, хотя к положенному старосте жалованию (35 руб.) он прибавляет еще 10 руб. своих.

Людей, выдающихся своей благотворительностью, нет; хотя, впрочем, редко кто отказывает на приглашение к пожертвованию, особенно если это пожертвование идет на украшение храма. В таких случаях женщины жертвуют гораздо более мужчин (холстами, полотенцами).

Е. Отношение крестьян между собою и к посторонним лицам.

107. [**Личные отношения**] Мужчины при встречах друг с другом снимают шапки и подают руки, впрочем, чуть только дотрагиваясь до них. Шапка снимается иногда раньше, а иногда позже, чем подают руку. Женщины не подают друг другу руки, а только произносят приветствие и кланяются. Дети в большинстве случаев совсем не здороваются между собой, при встречах же со взрослыми снимают шапки. Обыкновенные приветствия: «Здорово живете», «здравствуйте», а при прощании: «прощайте», «простите Христа ради», «Бог простит», «будьте здоровы», и очень редко: «до свидания». Не всегда, впрочем говорят на «вы» и не всем, а только те, кто побывал в городах; старики же почти все говорят на «ты». Равно как и по отчеству называют не всех, а только более зажиточных и мало знакомых. При встречах разговаривают главным образом о том, как живет каждый из встретившихся, куда идет, что нового и т. п.

Имущественное положение имеет, хотя и не всегда, громадное влияние на отношения соседей. К богатому и зажиточному относятся в большинстве случаев с почтением и уважением, по крайней мере, видимым. И только немногие осмеливаются идти против них. Бедные, хотя бы и честны были, не пользуются никаким уважением и влиянием. «Своего дома не можешь вести, — говорят про таких, — что ж он за человек?» Но лишь только имущественное положение меняется, изменяются и отношения, и тот, которого раньше не замечали, потому что он был беден, теперь начинает завоевывать себе уважение и приобретать влияние на общественные дела, и обратно, — обнищавший богач кроме попреков и брани ничего не слышит.

Я несколько раз слышал от крестьян деревни Тупицино следующий рассказ, вполне верно характеризующий отношение крестьян к богатым, а равно и к тем, которые обеднели, а раньше жили богато. В одной деревне (не знаю, где действие происходило) жил один небогатый, честный и работящий мужичок. К нему каким-то счастливым образом попали денежки, и все стали к нему обращаться за помощью: кто хлеба просит — дает, кто денег просит — дает, — ни в чем не отказывает. И стали все ему оказывать почтение: на улице ли кто увидит его, еще издалече снимает шапку и кланяется; на сходку ли придет, что скажет, никто не перечит, все по его исполняют, и в других делах так. Только стал догадываться богач, что уважают его не за что иное, а только за деньги. Припомнил он, как раньше к нему относились, и задумал он испытать, верно ли, что его уважают за богатство. И вот что он сделал. Стал притворяться вроде как помешанным, выпивать стал: выпьет рюмку, а идет шатается, как будто пьяный. А денежки свои он припрятал. Работать он перестал; дом его и хозяйство все пришли в упадок, а с этим вместе и уважение ему оказывать перестали: думали, что и на самом деле он обнищал. И шапку перестали ему снимать, и на сходках не слушали его, и из Герасима Ивановича, как его раньше называли, превратился он в Гараню. Тут он уже убедился, что уважали не его, а деньги. Горько, обидно ему стало, но он хотел испытать до конца. И вот он стал показывать вид, что у него есть денежки, что он поправился. И что же? Опять все хлынули к нему, опять стали оказывать ему прежний почет и уважение. Только теперь он знал, что уважаются, собственно, денежки, а не он. А потому, когда ему при встречах снимали шапку, он обыкновенно вынимал из кармана мошну (холстинный мешочек для денег) и, показывая ее кланявшемуся, говорил: «Не мне, милый, кланяешься, а мошне». Сначала это конфузило их, а потом привыкли и к этому.

А вот недавно бывший случай в д. Бутове, в трех верстах от Тупицина. Жил там богатый мужик. Имел он много скота, который отдавал исполу, были у него и денежки. Жена его, женщина работящая, внезапно заболела и умерла. А потому он задумал жениться и действительно женился на молодой девушке. В угоду ей

муж стал строить большой и дорогой дом, начал справлять дорогие наряды; от этого, в конце концов, он разорился: и денежки все вышли, да и скотинку пришлось продать почти всю. Прежний почет и хорошие отношения с односельчанами изменились. Их постоянная брань, презрение и оскорбления заставили его на старости лет уехать в Петербург, но и там он не нашел покоя и вскоре принужден был возвратиться домой, где и помер, оставленный всеми, даже женой, в бедности, при постоянных насмешках соседей. Вообще в точности исполняется пословица: «При деньгах Фома — Фомушка, а без денег Фома — Фомка».

Данное обещание крестьяне, по крайней мере, большинство, исполняют. Те же, кто не исполняют его, считаются за людей болтливых, у которых «язык болтает, а голова не знает»; им много не доверяют, их недолюбливают, вообще относятся к ним недоверчиво, а к их обещаниям — с иронией. Не любят крестьяне также людей часто судящихся, ссорящихся, пьяниц и особенно тех из них, которые любят выпивать на чужие денежки, а на свои — очень редко, гордых и необщительных. Напротив, люди трезвые, честные, работящие, общительные, со всеми ровные пользуются симпатией крестьян. Но все это верно только относительно. Во всякой деревне найдутся люди, которые человека мирного, кроткого, непьющего совсем не уважают. «Ты ему хоть плюй в глаза, у него все Божья роса», — говорят про первых. «Что баба, — говорят они про непьющих, — выпить что с ним нельзя». «От трудов праведных не наживешь палат каменных,» — отзываются они о своей деревенской жизни и занятиях, а потому стараются по возможности заняться чем-нибудь другим.

Тупицинские крестьяне и крестьянки часто посещают друг друга, но какого-либо угощения не бывает, за исключением тех случаев, когда посетитель застает за чаем или обедом. Тогда посетитель обыкновенно говорит: «Чай да сахар», «Хлеб да соль», — и хозяева приглашают его за стол вместе с собой. В большие праздники, особенно храмовые, можно заметить и наплыв гостей, преимущественно родных, и угощение их, причем гости и хозяева всегда бывают в лучших одеждах. Не всем гостям одинаков почет: на богатом родственнике сосредоточено почти все внимание хозяев, сажают его под передний угол, первым его угощают и т. п. К бедному же относятся менее внимательно.

Подарков гости с собой не привозят; исключения из этого бывают при новосельях и именинах, когда дарят по большей части деньгами, и на родинах, когда приносят особое кушанье — кисель, пирог, зубцы и др.

Разговоры после обычных приветствий и расспросов о здоровье ведутся на тему о работах: летом — о косьбе, жатве, а осенью — о молотьбе, льне, корме. Сообщаются новости и сплетни деревенской жизни. Распространяются они с удивительной быстротой благодаря, главным образом, женщинам: бабам и девушкам. Бабам не усидеть дома, если есть что сообщить, и они нарочно ходят к своим приятельницам, чтобы поделиться с ними новостями и выпытать что-либо у них. Девушки, посещая друг друга очень часто и собираясь все вместе, имеют через это самые благоприятные условия для передачи сплетен и распространения их.

Обычаем принято помогать соседям и вообще односельчанам только при пожарах, когда на мирских подводах перевозится лес для стройки или когда просят оказать какую-либо незначительную услугу. В других же случаях дело не обходится без возмездия. Так, например, по весне у многих свой хлеб выходит весь, покупать не на что, тогда обращаются к соседу, и тот, смотря по обстоятельствам, дает, выговаривая себе за это или день жать у него, или помочь во время сенокоса, или лишнюю меру ржи и т. п.

Специально соседские отношения в большинстве случаев худые: возникают часто недоразумения, а вместо того, чтобы уладить их каким-либо мирным образом, начинают ругаться. Ссоры по большей части возникают из-за кур, скота, ребятишек, попадающих в чужие усадьбы, иногда из-за подозрения в колдовстве, часто, когда соседями являются выделенные сыновья (не правильный, по их мнению, раздел отцовского имущества) и др. Виновниками ссор бывают главным образом женщины и редко мужчины. Впрочем, ссоры эти скоро забываются, все начинает идти обычным порядком до новой ссоры, которая не замедляет долго. Каких-либо услуг сравнительно с другими односельчанами соседи друг другу не оказывают.

В своих отношениях с влиятельными лицами крестьяне почтительны, называют их по имени и отчеству, на «вы», особенно когда обращаются к ним со своими нуждами. А те относятся к ним свысока, полунасмешливо, полупрезрительно.

Отношение к крестьянам соседних деревень, а равно и к проезжающим, — хорошее. Не пустить ночевать последнего считается скверным поступком, вызывает порицание, а потому почти каждый крестьянин пустит

к себе ночевать проезжающего, если только у него есть место, предложит ему пищи, чаю и при прощании будет отказываться от платы и только после возьмут ее вследствие настояний.

Крестьяне мало отличают себя от жителей других местностей и, если видят различие, то в каких-либо внешних признаках. Так, например, крестьян Первитинской волости (в тридцати верстах от Тупицина) тупицинские называют «бойким народом», а эти считают тупицинских и вообще всю эту местность населяющих — «серыми», «серым народом» за то, что они до последнего времени ходили в армяках, лаптях и т. п.

Иностранцев хотя и называют некоторые «нехристями», однако относятся к ним хорошо, а к их вероисповеданию — индифферентно. Исключение из этого составляют евреи; их не любят, и многие даже относятся к ним враждебно, отчасти за то, что «они Христа распяли», а отчасти за их «тонкость и нажимистость».

С особенным уважением народ относится к старообрядцам за их начитанность, строгость жизни и умение вести хозяйство. Раскольники же совсем не так ведут себя с православными; они не любят нас, сторонятся и избегают входить в сношения. В обществе они тормозят всякое благое дело, если оно не относится к их выгоде и вообще не согласно с их традициями. Так два года тому назад (1897 г.) в Тупицине решено было открыть школу для четырех деревень. Долго священник Красного Холма убеждал на сходке безумовских раскольников (в одной версте от Тупицина) принять участие в постройке школы и, только пробившись с ними целый день, успел склонить их к этому. Когда же началась стройка, то они начали отказываться, и только угрозы, что их засудят за отказ от приговора, который они сами подписали, что их вышлют вон из деревни в Сибирь, заставили их приняться за дело (возить лес и др. материалы для школы). Да и то старосте приходилось каждый раз ругаться с ними. Когда же школа была выстроена, то потребовались на потолок костры, решено было просить и безумовских раскольников. И вот когда обратились с этой просьбой к одному из раскольников, то он ответил: «Костринки не дам; за десять верст сам свезу лучше, а вам не дам».

А вот другой случай, еще более характеризующий отношение их к православным. Ехал один крестьянин, зацепил санями за дрова, они и развалились. Когда немного времени спустя узнала об этом хозяйка-раскольница, она начала ругаться, и почему-то такое ей пришло в голову, что мужик увез несколько дровин. Проходил в это время знакомый солдат-учитель и спрашивает ее, кого и за что она ругает. Та ответила. Когда же он усомнился в истинности ее предположения (что мужик украл дрова), то она воскликнула: «Ах, Илья Иванович! Да ведь он в церковь ходит», — т. е. ходящий в церковь (православный), по ее мнению, и не мог быть иным, как только вором, и вообще способен на всякую пакость.

Имущественные отношения.

108. Обычных способов приобретения собственности два: покупка и дарение. Последнее случается очень редко. Каких-либо других способов вроде завладения нет.

109. От полного владения народ отличает простое пользование землей и, в отличие от собственной земли, называет ее арендуемой, себя — арендаторами («рендателями»), а владельца земли — хозяином, барином.

110. Границами земли крестьян служат ямы, межи, «изгороды», а в последнее время стали рыть канавы. Полосы соседей отделяются одна от другой межами (не больше четверти в ширину). В настоящее время, впрочем, межи многими уничтожаются, а вместо них остаются только глубокие борозды.

Из мер земли известны: десятина, надел, полоса и кон (ряд полос по одной на каждую душу).

113. Только половина реки считается собственностью владельцев. Тем не менее, в случае ловли рыбы обе деревни ловят по всей реке. «Что ж, — говорят в таких случаях крестьяне, — мы рыбу не растили, она не наша, а божья; пускай и пользуется ею, кто хочет». Случается даже, что ловят жители из других деревень, которым река не принадлежит, и крестьяне (по большей части парни) очень редко прогоняют их.

116. Пользование звериными, птичьими и рыбными промыслами в чужих дачах допускается безвозмездно, даже не требуется на это согласие хозяев. Только сами крестьяне почти совсем не занимаются этими

промыслами; а пользуются ими приезжие охотники, главным образом из Погорелого Городища. Случаев, намеченных в §§ 111, 112, 114, 115 и 2-ой половины 113, не встречается в здешних местах.

Общинное владение.

118. В деревне Тупицино ревизских душ числится 101, а по счету крестьян — 106. Всей земли — 404 десятины надельной и 675 — купленной = 1079 д. Из них усадебной и пахотной земли — 365 десятин, под лесом — 350 десятин, а остальное — луга — десятин 100 — под пастбищем. А остальные — под травой. Травы немало накашивают и в лесу.

Каких-либо чужих земель, которыми бы крестьяне пользовались на основании давности, нет.

Распределение пахотной земли сделано навеки по душам (на каждую душу приходится около трех с половиной десятин).

120. Нарушения меж случаются очень редко, иногда дела эти кончаются просто руганью, иногда — возвращением неправильно скошенного, а иногда — обращаются к обществу, и на чем общество порешит, то и принимают спорящие.

121. Разделение же сенокоса происходит тоже по душам каждое лето, за исключением той травы, которая растет на закрайках и которая тоже навеки разделена.

123. Лес составляет собственность деревни, и порубка его производится по согласию всех и по жеребьевке. Заповедных лесов нет. Нет также и особых правил для пользования пастбищами, рекой и другими угодьями.

124. Относительно же выгонов существует только одно правило: они должны быть огорожены. Причем каждый крестьянин огораживает указанное ему место сообразно с количеством душ в его семействе.

125. Общественными зданиями в деревне являются амбары общественные — «магазеи», как их называют крестьяне. Они строятся, содержатся и ремонтируются на мирские деньги, по предложению старосты и по согласию всех. К сожалению, в последнее время запасы хлеба по причине худого надзора со стороны земства и волостных властей производится в самом незначительном количестве, и в случае голода этот запас хлеба не будет иметь никакого значения по своей незначительности

К общественным зданиям принадлежит также школа. Ее строили крестьяне четырех деревень на свои деньги, причем было выдано Губернским земством пособие в 500 рублей, которое теперь крестьяне выплачивают. Содержится школа на волостные деньги, на сбор по четыре копейки с души.

Мельницу крестьяне сдают в аренду. В первое время после отдачи ее теперешнему арендатору (лет тринадцать тому назад) они получили с него до тысячи рублей, а больше он им не только ничего не платил, а думает совершенно завладеть ею. Дело это разбиралось в Тверском Окружном суде и Московской Судебной палате, и решено было там возвратить мельницу крестьянам, но он пока еще и не думает уходить с мельницы и намеревается подать в Сенат о признании за ним мельницы. Ремонт на мельнице производится за счет мельника. За помол взимается мельником по 20 копеек с куля.

126. Пастух нанимается на общественный счет, подпасков же нанимает не общество, а сам пастух. При этом обыкновенно собирается сходка, и тут сообща рядятся с пастухом, когда же порядят его, то выговаривают себе ведро водки, которое и распивается всем миром. С пастуха обыкновенно берут задаток.

Каких-либо мер предосторожности от хищных животных и злоумышленников при пастьбе скота не принимается.

Ночных сторожей, ходящих ночью с трещотками и тем самым дающих ворам знать о своем приближении, раньше нанимала и кормила по очереди деревня. Но по причине незначительного вознаграждения в настоящее время совсем нет желающих занять эту должность. И вот уже два года в деревне нет специально ночного сторожа. Но так как без сторожа обходиться не желают, то и порешили сторожить деревню по очереди, сделали доску с надписью: «Ночной сторож», — и поставили ее к первому дому, потом к следующему и т.д.,

Доска таким образом обходит деревню, а сторожа спят самым спокойным сном, нимало не заботясь о собственной и чужой безопасности.

127. О дорогах заботится общество. Когда по весне дороги станут просыхать, тогда собирается общество на сходку. Здесь делит его староста, раньше этого осмотревший дороги, на несколько групп и посылает по одной на каждую дорогу. Каждый берет какой-нибудь подходящий инструмент и отправляется чинить. Где землицы подроют, где хворосту подложат и засыплют землей, и в большинстве случаев дороги получаются хорошие.

128. Покупка земли для общества производится на деньги, взятые из Крестьянского Банка. Эти деньги затем собираются вместе с податями по душам, по душам же посредством жеребьевки происходит и распределение земли. Случаев продажи этой купленной земли не было.

Договоры вообще.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1728. Л. 45—49.

137. Обещанию не придается большого значения, и очень часто приходится наблюдать нарушение и неисполнение обещанного. К договорам же относятся более строго, особенно, если дается задаток. В таких случаях нарушение договора встречается как исключительное явление, и отказ от него считается проступком. Для обозначения разного рода договоров в народе существуют термины: ряд, подряд, съем, съемка, наем, заем, условие и др. Особенных дней, когда крестьяне заключают известного рода договоры, нет, но есть определенные дни, с которых и по которые договоры вступают в силу или прекращаются. Это Егорьев день — начало работы для работников, Покров, родительская (Дмитриевская) суббота и Заговены — когда срок найма кончается.

138. Заключению договора обыкновенно предшествуют разного рода переговоры об условиях договора и, главным образом, о деньгах. Из символических действий, которыми сопровождаются заключение и совершение договоров, в обычае рукобитье, молитва и могарычи.
Договор считается окончательно заключенным после могарычей и задатка или уплаты всей суммы. Могарычи обыкновенно состоят из чая и водки, деньги на которые дают пополам заключающие договор. Рукобитье бывает иногда голою рукой, иногда обернутой, но какого-либо значения это не имеет, а употребляется больше по привычке.
Передача вещи, например, повода, при купле-продаже лошади служит обозначением совершения договора. Разнимание рук посторонними лицами допускается только в спорах.

139. Лица, совершающие договоры, по народным обычаям, должны быть совершеннолетни, здоровы умственно и быть хозяевами в доме или иметь от них полномочия на совершение договоров. В противном же случае договоры с ними не заключаются.
В письменную форму договоры облекаются только в редких случаях, когда предмет договора важен, например, заем большой суммы денег, сдача мельницы и т. п. При заключении договоров часто приглашают свидетелей, чтобы они в случае возникновения каких-либо недоразумений и споров были решателями их, чтобы «вернее дело было», как выражаются крестьяне. В свидетели (числом два и больше) обыкновенно приглашают лиц, заслуживающих доверия и пользующихся хорошей репутацией.

141. Исполнение или нерушимость договора обеспечивается задатком (хотя, однако, и случается, что и задаток не может обеспечить исполнения; задаток возвращается, и договор считается нарушенным), залогом, а иногда поручительством (в редких случаях — не в обычае). При займах всей деревни и вообще при всяких договорах, которые заключаются всей деревней, в обычае круговая порука.

143. Задаток при заключении договоров дается в тех целях, что получивший его не откажется (взявши задаток) от исполнения договора и, следовательно, имеет значение средства, могущего заставить договаривающиеся стороны исполнить договор. В одних случаях задаток дает нанимающий, в иных случаях — нанимающийся. Зависит это главным образом от личности нанимающегося: если он человек порядочный и добросовестный, то ему дается задаток. Если же его считают человеком, не заслуживающим доверия и ненадежным, — то с него берут.

Случаев, когда бы задаток пропадал и двойных задатков не было в деревне.

Вещественные задатки — какой-нибудь вещи (шубы или паспорта) — иногда встречаются, главным образом, при найме пастухов.

144. Договоры прекращаются по соглашению сторон по большей части миролюбиво, иногда с бранью, до суда же дело не доходит, по крайней мере, не слыхать об этом.

Неисполнение договора одною из сторон влечет за собою брань, ссоры, пропажу задатка и в редких случаях личные взыскания с виновного.

Заем

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1728. Л. 22—26

145. Деньги дают в долг те мужчины и женщины, у которых они водятся. Ростовщиков же не. Отношения дающих в долг к нуждающимся часто бывают вполне хорошие. Иногда же (очень редко) — жестокие; о последних, впрочем, за последнее время не слышно.

Условия относительно уплаты долгов, смотря по договору, различные. Иногда уплачиваются они работой, иногда — вещами, чаще же — деньгами с известным (выговоренным) процентом, в срок, указанный при займе, часто же после срока, обычных же сроков для уплаты или дней для собирания долгов нет.

146. Заимодавцы иногда, смотря по личности должника, обеспечивают себя залогом, иногда же обходятся без него. Залог состоит в какой-нибудь ценной вещи, превышающей стоимость долга, например, в платках, шубах, кофтах и т. п. Бывают займы и без процентов, но редко; в большинстве же дающие в долг выговаривают себе известный процент. Размер процента различен, чаще — от 5% до 10%. Взимается он чаще деньгами, иногда же работой и вещами. Зависит это отчасти от самого дающего, который понимает, что работой и вещами процентов можно получить больше, или если он жалеет их, желает заемщику облегчить уплату долга; отчасти же зависит это и от занимающего — зная, что у него будут скорее свободное время и вещи (сено, хлеб и пр.), чем деньги, он сам выговаривает себе вместо уплаты деньгами уплату вещами, или работой, а иногда, когда нужда заставляет, и плачет, да соглашается на те условия, которые предлагает заимодавец.

Брать большие проценты — дело совести. У кого «совесть открытая», как у нас выражаются, тот грехом это не считает. Большинство же ограничивается небольшим процентом.

При нежелании или невозможности должника платить дело до суда в деревне еще ни разу не доходило, хотя случаи, когда срок давно уже истек, а долг не платили, встречались и даже теперь есть.

147. Заимодавец, требуя уплаты долга до срока, право на получение процентов теряет. Если же должник, собравшись как-нибудь сам, уплачивает до срока деньги, то проценты уплачивает сполна, а не по расчету времени.

149. Бирки или рубежи в употреблении у крестьян, но только у очень немногих, например, у сборщиков, если он человек неграмотный. На них он нарезает количество душ в каждом дворе и по эти заметкам собирает известный сбор. Если сбор уплачен сполна, то в присутствии домохозяина и под его наблюдением срезаются заметки. Если же сбор уплачен не сполна, то уничтожаются только те заметки, которые соответствуют

уплаченной сумме. Такие бирки имеют силу долгового акта в народном быту и в решении волостных судов. Меты или клейма должника не вырезаются на долговых бирках, а только черточки, рубцы.

150. Залогоприниматель не имеет права пользоваться заложенной вещью до срока выкупа, после же срока она поступает в полную его собственность, и он не только может носить ее, но и продать. Впрочем, в большинстве случаев, даже если и срок просрочен, еще некоторое время ждут должника и не употребляют его вещи, отданные под залог, и только с его согласия предпринимают то или иное.
Право выкупа заложенной вещи после смерти ее хозяина распространяется и на его родственников.

151. Случаев, когда бы должник не признавал своего долга, хотя бы и дал под залог ту или иную вещь, не встречалось, потому что залог всегда стоит больше взятого в долг; не встречалось также, чтобы заимодавец в целях воспользоваться залогом, не признавал бы долга.

152. Взаймы не дают, когда родится какое-нибудь животное, в заговенные дни, в большие праздники, в чистый понедельник, в Великий четверг, в Фомин понедельник, в дни, когда начинают жать, косить, возить навоз, пахать и т. п.

153, 154. Из предметов в ссуду даются хлеб и скотина. Первый дают с условием заплатить ту самую стоимость хлеба, какую назначит дающий в долг (а назначает он не меньше 10%), хотя бы даже цена на него повысилась или понизилась ко времени уплаты. Скот же дается только на лето, из-за молока за известное вознаграждение от 5-ти до 15-ти рублей. И в случае, если он падает, взявший должен уплатить соответствующую стоимость скотины сумму.

155. Вырученные от продажи залога излишние деньги идут в пользу залогопринимателя.

Наем.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1723. Л. 46—61

156. Рабочих нанимают главным образом летом, и только самые богатые крестьяне держат их зимой. Срок найма зимних рабочих от 15 ноября до Пасхи, преимущественно до Егорьева дня, а летних — с Егорьева дня до заговен (15 ноября), а иногда до Покрова (10 октября). Плата различна, смотря по работе и работнику, возрасту и полу. Мужчинам, умеющим все делать, за лето дают 45—65 рублей на хозяйских харчах, а другим, похуже, — 45—50; старикам дешевле, чем молодым; женщинам — от 35—40 рублей. За зиму же мужчинам предлагают рублей 20; женщин же на зиму не нанимают.
Поденщиков также нанимают летом, особенно во время сенокоса, жатвы, когда берут и треплют лен. Хорошим косцам за целый день и утро платят 50—60 копеек, жнецам — от 80 копеек до 1 рубля; лен же берут за 1 рубль и дороже с меры (меру выбирают за два дня). Молотильщиков и жнецов за известную часть намолоченного или сжатого не нанимают. В тех же случаях, когда молотильщиков в семействе не хватает, хлеб не молотят цепами, а обивают палочками.
Работникам не всегда дают задаток и смотрят на него (задаток) как на средство, которое может заставить работника придти работать, даже если бы он и отдумал.

158. Церковные сторожа избираются церковными старостами. Плата же ему идет от прихода рублей 50 в год. Кроме этого, по праздникам он вместе с причтом ходит по приходу, где собирает хлеб, яйца и деньги.
Наем пастуха производится всем обществом на сходке, а подпасков нанимает уже сам пастух. Пастухам при выгоне скота приносят хлеб, лепешки, яйца. Кто побогаче дают и денег. Хлеба набирается пудов до пяти на каждого пастуха, яиц также приносят очень много.

159. Пастуший счет ведется по «чередам»: корова или лошадь — каждая составляет по «череде», овца и теленок — по половине «череды». За каждую корову и лошадь платят по 70 копеек, за овцу и теленка по 35 копеек. Деньги эти собирает сельский староста, он же заботится об исправном платеже хозяевами за свою скотину. А так как плата собирается по осени, когда у каждого водятся деньги, то и не слыхать ничего о неплатеже кем-либо из крестьян за свой скот.

160. Пастух за пропавшую скотину отвечает только в тех случаях, когда есть основания предполагать, что она (скотина) не съедена зверями. Доказать же это пастух может тем и тогда, когда найдет кости пропавшей. Если же костей он не найдет, то он считается виноватым, и с него взыскивается половина той суммы, в какую оценит общество пропавшую скотинину. «Грех пополам», — как говорят крестьяне. В случае потравы пастухом хлеба или травы с него взыскивается деньгами по оценке, насколько сделано потравы, а иногда прощают.
Кормят пастухов по очереди те крестьяне, у которых есть скот. За скотину, взятую из стада среди лета, пастух получает не полную плату, а по расчету за то время, сколько она паслась.
Окончательный расчет пастуха происходит по осени, когда ему совершенно отказывают.

161. [**Помочи**] Работники, за редким исключением, считаются членами семейства: они едят и пьют вместе с хозяевами, на работу выходят вместе с ними, возвращаются тоже вместе. Вообще во всех делах они работают столько же, сколько и хозяева. Отказать работнику до срока, бить его хозяин может, но с каждым годом последнее становится все реже, отчасти потому, что крестьяне все больше и больше начинают сознавать, что кулаком да палкой в нынешнее время достигнуть ничего нельзя, разве только попасть под суд; отчасти и потому, что работников нанимают знакомых, своих деревенских или из ближайших деревень, людей работящих, которые тоже знают, что битье морд нынче не в обычае. Каких-либо мер для защиты рабочего от притеснений хозяина обычаями не установлено, разве только суд. Хозяин же от убытков, причиняемых ему работником, обеспечен тем, что денег за работу он не отдает всех до конца найма и, следовательно, всегда имеет возможность за свои убытки вычесть из жалования работника.
Договоры личного найма считаются обязательными только для лиц, заключивших их, а на потомство не распространяются. Каких-либо обрядов и формальностей, сопровождающих наем, не бывает.

163. В Тупицине, да и во всякой другой деревне здешнего округа, в обычае богатых и зажиточных крестьян собирать помочи или толоки для полевых работ, особенно во время сенокоса и жатвы. Идти на помочь соседей побуждает желание помочь ближнему, желание выпить и поесть, тем более что помочи бывают по большей части в такие дни, когда своих работ нет. Иных заставляют идти долги собирающему помочь, а иные не могут отказать: совестно не идти, когда просят. На помочах прежде всего бывает завтрак, на котором угощают вином (выпивают его за завтраком немного), белой кашей, молоком с творогом, а постом — киселем, огурцами, луком, и вообще закуска бывает плохая. Не то во время обеда: часов в 11, когда кончают косить: вина пьют, сколько желают, едят суп, кашу, жареный картофель, молоко; иногда бывает сыта, после чего ставится самовар, пьют чай с баранками, — всего вдоволь.
В случае пожара также бывают помочи, но эти помочи обязательны для всех: должен ехать каждый, хотя бы и не желал. Предлагается и угощение, состоящее главным образом из вина. Помогают исключительно за угощение; вознаграждения же на помочах никакого не берется. Общих помочей не бывает.

165. [**Подряды**] Под словом «подряд» народ разумеет обязательство совершить с помощью других лиц, за известное вознаграждение, в течение известного времени определенную работу. Подрядчиков нанимают для стройки домов, для копания канав. Все же остальные работы — обработка полей, стройка сараев и др., — производятся самими хозяевами.

166. Условия о подрядах по большей части устные, заключаются с подрядчиками, а потому в случае неисполнения ими условий (в случае испорченности работы), ответственным лицом является подрядчик,

а не рабочие. Впрочем, в громадном большинстве случаев нанимаются подрядчики знакомые, известные всем, а потому каких-либо недоразумений не встречается.

167. В действительной отдаче предмета для обработки ремесленникам удостоверяются посредством жеребьев. В случае потери жеребьев (а это случается очень редко) недоразумений не встречается; каждый знает и замечает свой материал (например, овчины, холсты) и потому легко может отыскать его. Ремесленники же, дорожа доверием крестьян, не пользуются этими случаями и отдают взятый материал без спора. Если же материал, взятый ремесленниками попорчен ими или даже совершенно потерян, то они стараются, не дожидаясь, чтобы хозяева узнали об этом, обменить его на новый, подходящий.
Для сбора материалов ремесленники сами ходят по домам и собирают его. Вознаграждение за работу известно всем: за овчину — 20 копеек, шерстобитам — по 3,5 копейки за фунт, красильщикам, смотря по краске, — 10, 20, 60 копеек за фунт, — а потому каких-либо торгов не происходит.

Купля — продажа

184. [**Торговля**] Торговые обороты и сделки совершаются главным образом в селе Ульяновском, в 17 верстах от Тупицина, и в Погорелом Городище, в 15 верстах. Здесь они продают лен, семя, скот, хлеб, когда установится хорошая дорога по осени; мелкие же покупки они покупают в местной лавочке, а также в д. Безумове, в 1 версте.
Скупщики в деревню ездят редко, преимущественно по осени и скупают все, что им предлагают, если это может им принести прибыль; особенно — лен и семя, а иные — скот. Цены они дают дешевые, но крестьяне, нуждающиеся в деньгах и не могущие по причине худой дороги или из-за работы ехать на базар, продают.
Те же скупщики обыкновенно ездят и весной, покупают, что можно (пряжу, холст), но главным образом продают какой-либо свой товар крестьянам, как например, косы, серпы, а в нынешнем году возили чай и сахар. Все это они навязывают крестьянам в долг до осени, а осенью получают почти в два раза дороже стоимости. Так за косу, которую на рынке можно было бы купить за 60—65 копеек, они берут рубль.
Разносчиков пеших, главным образом татар, по деревне ходит немало, а на лошадях — очень редко, да они по большей части и не останавливаются в деревне, а только в селах да у помещиков. В настоящее время разносчики опасаются входить прямо в дом, а стучат под окном. И только, когда позовут, входят. Собираются соседки — женщины и девушки — и начинается торговля. Товары (ситцы и платки) по большей части бывают дешевые, деньги же берут, как и за дорогие. Продают и покупают преимущественно ситцы и платки. Впрочем, в последнее время мало стали у них покупать, а покупают на рынках и в больших лавках в Погорелом и Ульяновском.
Мены товаров на крестьянские продукты нет.
Ярмарки бывают не в деревне, а в соседних селах: в Красном Холме и Никольской Пустыни. Обыкновенно еще накануне, если погода хорошая, начинают съезжаться торговцы, а ранним утром, чуть только начинает рассветать, уже бывают раскинуты палатки и разложены товары. Крестьяне тоже с раннего утра толкаются на рынке. Некоторые из них приезжают для того, чтобы продать что-нибудь, другие — купить, а многие — только «пошататься», поглядеть, «себя показать и других посмотреть», да выпить у знакомых. Торгуют главным образом «красным товаром»: ситцами, горшками, баранками, ситником, пряниками, конфектами и другими мелочами, а в Зимнего Николу и в понедельник на масляной (в Никольской Пустыни) — рыбой.
Из своих произведений на этих рынках продают лен, семя и сушеные грибы. Часам к 2—3 и покупатели, и торговцы разъезжаются, и рынок оканчивается. Каких-либо приемов при купле-продаже, кроме словесного препирательства, когда продавец нахваливает свой товар и просит прибавить цены, а покупатель просит сбавить, — нет. Рукобитье всегда является моментом окончательного совершения купли-продажи, после чего в большинстве случаев сразу же отдают за купленное деньги. Иногда, впрочем, при этом дается только задаток, а окончательный расчет совершается в трактире за могарычом, за одну половину которого деньги платит продавец, а за другую — покупатель. Случается, что и один из них кто-нибудь платит. Когда деньги все получены с покупателя, то отказ от купленного не принимается, а если и принимается иногда, то покупатель принужден бывает дать продавцу известное вознаграждение за это. Если же дан только задаток или выпит могарыч, то отказ влечет за собой потерю задатка или уплату денег за могарыч. Это зависит главным образом от совести торгующихся.

Различные обрядности при купле-продаже в настоящее время стали отходить в область преданий. Употребляется преимущественно передача повода лошади или веревки, за которую привязана корова, овца, теленок и другая скотина, из рук в руки в полах — «из полы в полу». Лучшей веревкой служит веревочный гуж из хомута, употребляемого при пахоте полей. При этом крестятся и высказывают различные пожелания.

185. [**Промыслы**] Промыслы вообще мало развиты. Прежде всего, занимаются рубкой дров в ближайших лесах, преимущественно зимой, и добывают этим от 50-ти до 60-ти копеек в день. Занимаются также возкой дров из леса верст за 15 и зарабатывают на этом от 75-ти копеек до 1 рубля в день на одну лошадь. Впрочем, делается это в самых ограниченных размерах, по большей части перед праздниками, и не очень многими. Два крестьянина занимаются столярными работами, трое — выделкою овчины (по 15 копеек за овчину), человек 15 — плотничеством: строят сараи, амбары, овины, а при стройке домов нанимаются рабочие. Заработок различен, смотря по работе, а плотнику — от 2 до 15 рублей в неделю. В нынешнем году некоторые занимались возкой камня на строящуюся Московско-Виндаевскую железную дорогу, но этот заработок временный и уже прекращен.

Каких-либо фабрик и заводов поблизости нет. Есть, впрочем, спичечная фабрика в Погорелом Городище, но народ не нанимается на нее.

Главные промыслы — отхожие: многие летом живут дома, а на зиму отправляются в Петербург или Москву, а иные живут там целый год или только лето. Большинство из них занимаются торговлей. Некоторые — самостоятельно с лотков, а иные нанимаются у других в работники. Заработок различный: рублей 80—100 — обыкновенный, а иные зарабатывают по 300—400 и больше. Некоторые же и ничего не приносят. Меньшинство из уходящих живет у частных лиц в услужении, получая за это от 8 до 15 рублей на месяц. Иные живут на фабриках и заводах и зарабатывают рублей по 12 на месяц.

Женщины предпочитают оставаться дома и тут занимаются домашними работами, а зимой — прядут нитки и ткут холсты для домашних нужд и редко на продажу. Летом же некоторые из них или нанимаются поблизости где-нибудь в работницы, или идут под Москву на торфяное болото, где и зарабатывают рублей 30—40 за лето.

Мальчики летом или нанимаются в пастухи, или к местным богатым петербургским торговцам в услужение и для разноса товаров. Получают они за это рублей до 30 за лето, а некоторые и больше, смотря по ловкости и умению обвешивать.

Девочки — очень немногие — нанимаются в услужение и няньки на лето, рублей за 5—10. Большинство же помогают дома при работах.

186. [**Окружающие помещики, крупные землевладельцы и их управляющие**] Около Тупицина верстах в шести есть помещик и два крупных землевладельца. Но так как крестьянам своей земли вполне достаточно, то они и не берут у них землю для пользования и вообще не входят с ними в сношения. Исключение из этого составляют волоколамские купцы, братья Смердины. Их лес, богатый местами для пастбищ, прилегает к земле тупицинских крестьян, и последние пасут в нем свой скот и за это не платят ничем, кроме глубокой благодарности.

[Ж. Верования. Знание. Язык. Письмо. Искусства. Верования]

Воззрения на природу

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1728. Л. 26—45

187. Старые понятия о небе, солнце, радуге, звездах и т. п. поколеблены в корне и потому в настоящее время редко кто скажет, что небо — хрустальный свод и т. п., но и новых представлений еще не составлено. Поэтому, если спросить кого, что такое небо, солнце, луна, то получишь ответ: «А кто их знает?» — а многие так говорят: «Вон оне, смотри», — и вообще не имеют никакого понятия об этих предметах. Небо во время

грозы отмыкается и запирается и, если какой счастливый человек в этот момент попросит о чем-либо Бога, то получит просимое.

188. Комета посылается Богом для предупреждения людей; она является знамением и предуказанием какого-либо важного события в жизни народа, вроде смерти царя, голода и т. п., и потому при ее появлении народ обыкновенно молит Бога об избавлении его от наступающего бедствия.
Падающая звезда, по мнению одних, означает рождение или смерть праведного человека, а, по мнению других (большинства), означает свержение черта с неба; причем эти люди, когда видят падающую звезду, считают своим долгом сказать: «Аминь» — три раза «зааминить».
Что такое звезды, крестьяне не знают. Некоторые звезды у них названы своими именами: Олень, Коромысел, Кучка, Утренняя и Вечерняя Зарянка. По этим звездам они узнают время, а Утренняя, по их мнению, указывает на царя, и если ее почему-либо не увидят в продолжение 3—4 дней, то ожидают известия о кончине царя.

189. Отчего происходят гром и молния, не известно. Даже Божья Матерь не знает: когда она спросила у своего Сына Иисуса Христа об этом, то Он ответил Ей: «Если я скажу об этом, то мне нужно будет идти второй раз на распятие». Пресвятая же Дева этого не захотела, а потому никто и не может знать, что такое эти явления. Одно только можно с достоверностью утверждать, что во время грозы Бог с неба пускает стрелы в чертей, которые поэтому прячутся где-нибудь на дереве в ветвях и под коренья, а иногда и в человека, но Бог тогда убивает громом и человека, чтобы убить спрятавшегося в нем черта, и за это Он награждает убитого на том свете. На этом основании смерть таких людей считается счастливою, самой легкой, но каких-либо особых обрядов при погребении таких лиц нет. Пожар, вызванный ударом молнии, простой водой затушить нельзя, а можно молоком. Во время метели играют на полях черти, и мертвые выходят из могил. Самой лучшей мерой против них считается молитва: «Да воскреснет Бог…»

190. О сотворении мира старики рассказывают следующее. В начале Бог носился по воздуху. Потом увидел жидкость — море и харкнул в него. Из этой харковины оказалось существо вроде человека, и бежит за ним сзади: «Постой, постой!» — кричит Богу. Бог оглянулся: «Ты кто такой?» — «Я, — говорит, — твоя тварь: ты харкнул, я из этой харковины и сделался. Я товарищ твой, потому из твоей харковины». — «Хоть и товарищ ты мой, все-таки должен меня слушать». — «Буду». — «М[Н]ырни в море, достань мне песку». Нырнул, долго не было, вынырнул — ни песчинки. «Вот говорил, будешь слушать, а сам не слушаешь. Стало быть, солгал». Стал оправдываться: «Очень глубоко, все размыло, когда вылезал». — «В другой раз лезь, принеси мне песку». Он другой раз нырнул — так же — ничего. «Вот ты и врешь, первый раз размыло, второй раз размыло, а товарищ, говоришь, слушать хотел». — «Нет, Господи (вот, где господином назвал, а не товарищем), без твоей помощи ничего не могу сделать, научи». Бог его и научил: «Вот третий раз ныряй и скажи: во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь». Так и сделал: когда полез, то теперь уж принес, да только за ногтями (вот тут-то и говорят, что надо ногти обрезать), вытрусил. Бог взял его и посеял по морю, и сделалась густота, после оказалась вот и земля — сгустела — а на земле человек.
Бог велел сатане ровнять землю, а он наделал гор, оврагов, болот и т. п. Бог и спрашивает: «На что же ты суродовал землю?» А он отвечает: «Я для пользы сделал, и тебе и себе: залезет мужик с возом, али так, не в силах забраться в гору или выбраться из болота, ну и будет тебя просить: «Господи, поможи», — вот тут и помогай, а не поможешь, меня попросит, — я помогу». Бог согласился с этим.
Вот потом размножились люди, и приходит черт к Богу и называет себя товарищем. Бог и говорит: «Какой ты товарищ, ты меня господином звал». А он и говорит: «Не только товарищ, но и местник — могу делить добычу с тобой». Бог и говорит: «Какую?» — «Посылал меня в море, я песку достал, а из него и земля сделалась». — «Какое ж тебе дело?» — «От земли и человек составился, а, стало быть, и человека делить должно пополам». Бог думал, думал, как от него отвязаться. Черт и говорит: «Я не буду тебя утруждать, давай, — живые будут твои, а мертвые — мои». Бог как-то не похватился, что душа в человеке бессмертная, и говорит: «Ну, пусть твои». Вот отчего в ад-то попали! Ну и мучились, покуда Христос пришел Он и вывел.
Из этого рассказа видно, что сатана принимал самое непосредственное участие в сотворении мира.

191. Огонек на болотах, кладбищах и могилах означает, что тут погребен святой человек.
Имея в виду, что при многих ключах находятся явленные иконы, крестьяне видят в ключевой воде особое благоволение Божие и считают ее, поэтому лучше речной. Вообще же с водой у крестьян связано представление об ее очищающей и целительной силе, особенно об освященной воде. Эту, последнюю, но часто и простую употребляют при тех болезнях, которые, по мнению крестьян, произошли «от сглазу» — если кто сглазил человека или скотину какую, то стоит только сбрызнуть, притом — нечаянно, водой (иногда читают при этом воскресную молитву), и болезнь пройдет.
Целование земли и клятва ею были в обычае в недавнее время. Теперь же это отошло в область предания.
Из растений особенные чудесные свойства приписываются «разрыв-траве» ([неразборчиво] эту траву в руках, всякий замок отпереть можно) и «папоротнику» (при отыскании кладов).
Родимые пятна, по мнению одних, указывают на то, что человек счастлив, а, по мнению других, на то, по которое место человек будет в аду сидеть в огне, если, например, оно находится на шее, то он будет на том свете сидеть за свои грехи в огне по шее; если в паху, то по это место и т. п.
Бородавки, по мнению крестьян, проходят, если завязать на нитке узлы, по числу бородавок, и зарыть ее где-нибудь; как нитка сгниет, то и бородавки пройдут. Их можно передать кому-нибудь другому; для этого на палочке нужно сделать столько зубринок, сколько бородавок, и бросить эту палочку на улицу. Кто поднимет ее, к тому они и перейдут.
Короткая шея, по мнению крестьян, является признаком того, что человек умрет скоропостижно (скорописною смертию, как выражаются крестьяне).

[Суеверия, связанные с образом жизни и занятиями]
212. Кусок хлеба при еде обмакивать прямо в солонку строго воспрещается, потому что Иуда, делавший это, предал Иисуса Христа.
Сор в некоторых местах не выкидывают на улицу, а сожигают в печке. Особенно хорошо для благополучия дома подметать после заката солнца, но этот сор необходимо оставлять в избе до утра и переходить через него не дозволяется (отцы и деды говорят).
Вся вообще посуда, особенно горшки и чугуны, в редких домах с водой и кушаньями оставляются открытыми; большинство же покрывает их чем-либо: сковородой, донышком и т. п. Если же их нет, то кладут вместо покрышки лучинку, произнося молитву, иначе в посуду вползет нечистый. Перед печкой на полу вертеть чем-либо, особенно ухватом, строго воспрещается: пристанет «васца» — будет чесаться нога.

214. При постройке жилища для благополучия будущих жильцов его в большинстве случаев кладут в четыре угла первого венца избы деньги. Плотники, не довольные хозяином, имеют обыкновение ставить печные столбы в печных иструбах и косяки в дверях и окнах комлем кверху, а вершиной вниз: изба от этого будет плеснеть. А печники в печку замазывают чеку — будут водиться и петь сверчки.
При переселении в новое жилище считается необходимым прежде, чем самому войти, пустить впереди себя кошку, а потом покропить святой водой. Кропление освященной водой совершается и при перемещении скота в новую постройку мельницы, погреба, старые церкви, в которых уже не совершаются службы, считаются народом за жилище злых духов, а потому проходить мимо них, особенно ночью, считается опасным.

215. Относительно передачи клопов в деревне думают так: если кинуть веник за попом, когда он выходит из избы, и сказать: «Куда попы, туда и клопы», — то клопы пропадут. Кроме этого, один мужчина, называемый «клопиный бог», изгоняет их заговорами, которые произносятся натощак.

216. Когда надевают какую-нибудь одежду, то прежде — на левую руку или ногу: счастливо день пройдет.
Основу для тканья не принято и даже запрещается вывозить из деревни для избежания несчастья.

218. При уходе за скотом из религиозных обрядов употребляется сбрызгивание скотины освященной водой или же простой (во время болезни) и окуривание ладаном, когда хотят употреблять от нее молоко после того, как она отелилась.

219. Пахать, косить, засеивать, жать, возить навоз не начинают до тех пор, когда, по решению общества, один из членов его не начнет эти работы, и тогда уже приступают все. В эти дни просить что-либо у соседа строго воспрещается, да и никто и не пойдет: прослывет колдуном.
Вера в заломы, закруты и завитки сильно распространена в деревне. Появление их на полях считается несчастьем, потому что они отнимают у хлеба способность родиться порядочно, плодовитость, а потому и обсеменение полей такой рожью, где были заломы, допускается как исключение (нужда заставляет — не на что купить семян). В случае появления их на полях обращаются не к духовенству, а к своим колдунам, которые и уничтожают эти закруты.

221. При покупке коровы у какого-нибудь крестьянина считается почти необходимым взять у продающего кринку пустую, чтобы корова и новому хозяину давала столько же молока, сколько и старому.
Хорошо вести корову, только что купленную, на новый двор, привязав ее за рога гужом, особенно левым, от хомута, в котором боронят. Главным же во время покупки считается молитва.

222. При встрече друг с другом крестьяне говорят: «Здравствуйте, -уй», «Здорово живете». Когда начинают пить чай или вино: «Желаю здравствовать», «Будьте здоровы», — на что отвечают: «Кушайте на здоровье». Когда кто-нибудь проходит мимо занимающегося каким-нибудь делом, то говорит: «Бог на помочь», а этот отвечает: «Спасибо», «Спаси Христос». Женщине, ткущей холст, говорят: «Ткется аль хочется?», а она отвечает: «Хочется». «Ну, тки, коли хочется». А если скажет: «Не хочется», — то: «Брось! Ха! Ха! Ха!».
Когда кто-либо идет или едет по делу, и ему кто-либо перейдет дорогу, священник только встретится, то это считается предвестником того, что дело не удастся. То же самое думают и тогда, когда дорогу перебежит заяц или собака. При встречах не принято также спрашивать: «Куда идешь?», а нужно спрашивать: «Далеко ли?», иначе не будет пути, и дело лучше бросить.

[Поверья, относящиеся к предсказанию судьбы и к разным событиям жизни. Заговоры]
223. Представление о судьбе существует среди крестьян, именно: они думают, что все их поступки, в конце концов, имеют первоначальной причиной какой-то злой рок, распоряжающийся помимо их самих их жизнью во многих ее проявлениях и заставляющий их поступать так или иначе. Предсказать судьбу можно, по их мнению, но в деревне лиц, занимающихся этим, нет.
Неестественному крику птиц придается значение, именно: если курица закричит петухом, то это означает, что в ближайшем будущем случится какое-либо несчастье для дома. То же самое означает крик совы в ночное время: пожар или смерть. Если волк, заяц или векша забегут в деревню, то это тоже означает несчастье, но уже для всей деревни.
Верование в то, что посредством чар можно свести человека с ума или иссушить его, распространено среди крестьян.
В случае пропажи лошади или какой-либо иной вещи обращаются к колдунам, и те, глядя на воду, гадают и указывают, где находится вещь и можно ли ее найти. Есть также гадальщики на картах.

226. Во время приготовления к свадьбе строго соблюдается крестьянами правило никому ничего не давать из опасения, чтобы молодые не перестали любить друг друга. Но, зная это, никто ничего и не идет просить из боязни прослыть колдуном.
Для избежания и предупреждения порчи молодых еще очень недавно было в обычае привешивать на крест написанную на бумаге молитву «Да воскресе», но теперь редко кто делает это.
Из суеверных обрядов при переезде молодых в дом раньше было обсыпание молодых житом для богатства или, с той же целью, — хмелем, но теперь за неимением предметов этот обычай редко в каком доме соблюдается, а молодых прямо, без всяких суеверных приемов, вводят в дом и обязательно обводят вокруг стола раз или три (раньше всегда три раза).

230. Из суеверных средств для лечения болезней, кроме заговоров и нашептываний, которые производятся деревенскими знахарями, в употреблении обрызгивания водой, причем нечаянно: если это сделать и тем

испугать больного, то больной должен выздороветь. Вода для этого берется или простая, или освященная, но особенно часто такая, в которую окунали стрелу. По мнению народа, во время грозы Бог с неба стреляет чертей; эти стрелы, если их найти, могут сообщить целебную силу воде, в которую они будут окунуты; такая стрела имеется в деревне, и водой от этой стрелы лечат многие болезни.
К признакам, по которым судят, что больной умрет, относится почернение некоторых частей тела, сны, отчасти ход болезни, а также внешние явления: пение курицы петухом, крик совы и т. п. Из угодников во время болезни чаще всего обращаются к Пантелеймону, который считается целителем ото всех болезней.
На соборование народ смотрит, как на напутствие к смерти. Поэтому люди, соборовавшиеся, а потом выздоровевшие, считают своим непременным долгом уклоняться от всего мирского, а стремиться к небесному. В этих целях они налагают на себя различного рода обеты: поститься в определенные дни, а часто и совсем не есть мясного, не ходить в баню, ходить чаще в церковь и др. Явиться на сходку таким лицам считается неприличным и, если кто сделает это, то его встречают с осуждением, а кто посмелее, тот прямо скажет, что лучше бы «лежал на печи да замаливал свои грехи».

231. Сновидениям придается значение, особенно среди женщин. Почти каждая из них знает, что означает тот или иной сон, а если не знает, то бежит к соседкам, где и получает разрешение. Лиц же, специально занимающихся разрешением снов, в деревне нет.
Когда видят, что человек очень болен и опасаются, как бы он не умер, то ставят на подоконниках чашку с водой: как душенька вылетит из тела, так и покупается и полетит чистой к Богу.
Есть поверье, что умирающий мучится, если лежит на подушке из перьев (куриных). Занесено оно в деревню из Малороссии солдатом, но привилось только в некоторых домах. В других же домах умирающего кладут на солому, «чтобы на том свете, когда ему будут показывать ад и рай, не заставили его носить с собой подушку и постельник, если он на них умрет, а на соломе легче умирать и на том свете.
Что такое смерть? — Женщина, старая баба с косою, говорят некоторые, преимущественно старые люди, а также и те, которые видели картинки, на которых она изображается в таком виде. Живет она за плечами человека, но тронуть она его может только по велению Божию.
В предчувствие смерти верят. Предзнаменованием смерти, особенно важных лиц, является появление какого-нибудь знамения на небе, а смерти царя — отсутствие Утренней Зарянки на небе.

233. Если у умирающего глаза не плотно закрыты, то это считают приметой того, что в доме будет другой покойник. «Выглядает, другого уморить хочет», — говорят крестьяне в таких случаях. Что будет другой покойник, догадываются и по тому, если на выносе тела из дома встретится какой-нибудь человек из чужой деревни, но только уже думают, что покойник будет в деревне [а не в доме].
Под голову покойнику делают подушку из листьев березы от веников.
Обмывают покойниц обыкновенно какие-нибудь старухи, а покойников — старики, из усердия и в ожидании какой-либо платы за это. Но выбирают преимущественно людей порядочных.
Если на покойнике появится много вшей, то их надо вычесать и отнести обязательно в реку.
Выносят покойников обязательно двором в ворота, а не сенями и калитками.

234. Щепки, обрезки досок, оставшиеся от гроба, а равно и слеги, на которых несли покойника (носилки), берутся бобылями и бобылками.

Верования в загробную жизнь

237. Душа — пар, по мнению одних, а, по мнению других, — неизвестно что. Но все согласны в том, что она одинакова как у мужчин, так и у женщин, и детей, с тем только различием, что у последних она чище, как у ангела. Одни думают, что она бессмертна и после смерти человека будет жить на том свете. Другие, и многие, полагают, что жизнь человека прекращается со смертью его, и какой-либо будущей жизни и загробного воздаяния нет, а «помрет человек, зароют его в землю, как скотинину какую, сгниет он там, тем все и кончится».

Душа признается и у иноземцев, но «только нехрещеная, поганая». Душа есть и у животных; отличается она от души человеческой тем, что не умеет говорить.

238. По выходе из тела душа отправляется на «нёбушко» к Богу, и «куда Он определит», там и живет до страшного суда, причем в продолжение первых сорока дней она скитается около своего дома. Души не погребенных — те всегда скитаются по земле до тех пор, пока их не погребут.

239. В загробной жизни крестьяне различают ад и рай. Последний находится на небе и считается местом блаженства, но в чем оно состоит, — не знают, хотя и заметно из разговоров с ними, что многие из них считают его прекрасным садом, где можно будет и попить и поесть и т. п., всего вдоволь. Под адом же, который находится под землей, разумеют место мучений, где грешников будут печь в огне неугасаемом, одних — на сковородках, других — на крюках, задетых за бока и т. п., как изображается на картинках, в огромном количестве ежегодно покупаемых крестьянами.
Живущие на земле страдания умерших могут облегчить устраиванием поминок, раздачей милостыни и отчасти молитвою. Обедни же за умерших заказываются редко.

Церковь и религиозное почитание

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1725. Л. 1—59

240. Крестьяне, и особенно мужчины, редко ходят в церковь. Многие из них не бывают больше одного раза в год (для причастия или в Пасху), а некоторые не бывают ни одного раза. Причин этого много: и дальность расстояния от церкви, и горячее время полевых работ, часто — неудобство путей сообщения, но главная причина — индифферентизм в деле веры, развившийся под непрестанным воздействием раскольников всевозможных толков и поведения духовенства. Женщины, особенно девушки, посещают церковь чаще мужчин. Но и здесь, можно заметить, скорее не религиозные побуждения. Идя в церковь, народ приодевается в лучшие одежды и держит в церкви себя прилично и благопристойно, хотя иногда, особенно во время чтения, можно видеть разговаривающих и перешептывающихся кумушек о своих домашних делах, но каких-либо безобразий никогда не происходит.
Жертвуют крестьяне в церковь очень мало и редко, тем более, что и поводов к этому не представляется. Но из разговоров с ними (крестьянами) видно, что они готовы жертвовать на этот предмет, если только к этому будет действительное побуждение, как, например, ремонт церкви, новый колокол и т. п. И делают они это, как и многое другое, не в ожидании какой-либо милости от Божества и не из каких-либо материальных расчетов, а потому, что так принято, так делали отцы и деды, и им не стать отставать от них.

241. Кроме молитвы в церкви, очень немногие молятся дома. Причина этого заключается в том, что почти никто не знает никаких молитв, за исключением «Господи Иисусе Христе… и слава Тебе, Боже, слава Тебе» (школы не было до 1898 года). Каких-либо молитв собственного составления тоже нет, а потому если и есть где домашняя молитва, то она ограничивается только поклонами и крестом, который притом складывается по-старообрядчески. Тем не менее, почитание святых и икон очень развито. Среди первых особым поклонением и уважением пользуются те, которые имеют то или иное отношение к их занятиям. Таковы, например, Егорий, Борис и Глеб, Власий, Фрол и Лавр, Николай Чудотворец и другие. Иконы их, а также Божьей Матери и Спасителя, по большей части и встречаются в их домах. Помещают их обыкновенно в переднем углу, в киотах, а перед ними вешают лампады и перед праздником зажигают их. Передний угол на этом основании считается самым почетным местом в избе и, естественно, лежать ногами к иконам считается недозволенным и грехом.
Особенно уважаются крестьянами святыни: Киевская (около 1000 верст) и Московская (около 150 верст). Но не меньшим почетом пользуются и мощи князя Михаила Ярославича Тверского, находящиеся в городе Твери, а также — Нила Столобенского в Осташковском уезде Тверской губернии (около 200 верст). Путешествие к этим святыням вызываются какими-либо случайными причинами вроде болезни, пожара,

а имеют целью благодарение Господа за избавление и совершаются обыкновенно на скопленные и ранее приготовленные средства. За последнее время, впрочем, почти совершенно ослабло это стремление к поклонению святыням, особенно отдаленным.

Посты

Кроме постов, установленных церковью, соблюдаются еще посты в понедельник, но только очень немногими, в большинстве случаев — старыми людьми, в целях угождения Богу и спасения души. Соблюдаются посты крестьянами замечательно строго: пища скоромная не употребляется не только взрослыми, но даже и малыми ребятами. С другой стороны, народ делает различие даже и между постною пищей: рыба, масло принадлежат к менее постным, а потому в такие дни, как сочельники, первая неделя Великого поста, не употребляются; рыбы, впрочем, не едят во весь Великий пост, за исключением Благовещенья; в последние же дни страстной седмицы едят только вечером, и то сухоядение.

Священники и причт

242. Отношения между крестьянами и духовенством самые скверные. Народ совершенно не уважает своих духовных наставников, да, правду говоря, и уважать не за что. Для подтверждения сказанного достаточно указать на то, что один священник в прошлом году епархиальным начальством лишен был места и низведен во псаломщики; назначенный же на его место по части поклонения Бахусу пошел, кажется, дальше предшественника, и дело уже дошло до того, что некоторые крестьяне думают, не принимать ли его в следующий праздник, Диакон? Не говоря уже о том, что он сильно пьет, на нем тяготеет еще подозрение в убийстве псаломщика, на место которого он поступил. Естественно поэтому, что о каких-либо хороших отношениях и уважении не может быть и речи, тем более что раскольники постоянно говорят православным об этом. В имущественном отношении причт находится в зависимости от крестьян (при отправлении им обетных и часовенных праздников и вообще разных треб крестьяне должны платить ему известное вознаграждение, которое обыкновенно определяется раз и навсегда самим священником при поступлении его на место). Так за крещение младенца платится от 30—40 копеек, за погребение младенца — 50 копеек, за погребение взрослого с подъемом и обедней — до 3 рублей, за молебен праздничный на дому — от 15 копеек, за простой молебен — от 5 копеек, за метрические выписки (сверх 80-ти копеек за марку) берется еще 1 рубль за труды, за панихиду малую — 5 копеек, за большую — 10 копеек. Иногда, впрочем, берут дешевле, смотря по состоянию крестьянина. Если же последний почему-либо не может уплатить следуемой от него суммы за совершение той или иной требы, то это записывается и впоследствии спрашивается и уплачивается, а иногда (очень редко) пропадает совсем.

Почин летних молебствий на случаи бездождия, ненастья, градобития чаще всего исходит от стариков деревни, пользующихся особым влиянием в деревне, но иногда и от женщин. День для этого избирается всем обществом, заказывается обедня, поднимаются образа, служат на полях молебны и водосвятия, на которых обыкновенно стараются быть все домохозяева. После всего бывает приличное случаю угощение, сначала причту, а потом обществу. Плата за эти молебствия от двух рублей и дороже, смотря по количеству молебствий (иногда в двух полях) собирается с хозяев по душам, или платится из мирских сумм, если таковые находятся у старосты.

Оскорбления священнослужителей случаются очень редко и по большей части людьми пьяными, не помнящими, что они делают. Народ при всем своем скептицизме по отношению к духовенству сильно осуждает это и про людей, допустивших это, говорит: «Он и священника обругал, ожидай от него всякой ругани и пакости». Но это относится только к священнику, дьякона же оскорбляют постоянно и все, не считая это предосудительным.

Встреча с лицами из духовенства считается за предвестие несчастья и вообще неудачи, поэтому крестьяне опасаются встречи с ними и избегают ее.

Почитание праздничных дней

243. Крестьяне празднуют все воскресные дни, двунадесятые праздники, Тихвинскую, Смоленскую, Владимирскую и другие праздники в честь Пресвятыя Богородицы и вообще все те праздники, которые

установлены православной церковью. Исключение из этого составляют только дни рождений и именин Царствующей Семьи, каковые дни, по какой-то странной случайности, не считаются праздничными, и крестьяне в эти дни продолжают исправлять свои работы. Обыкновенно во все праздничные дни строго воспрещается всякая работа, даже печь хлебы — и то грех (но стоит только посолить, и греха не будет). Но случается, что в горячее рабочее время, главным образом во время сенокоса, это общее правило нарушается, но только для воскресенья и теми семьями, которые по своей малочисленности или по каким-либо другим причинам не могут справиться со своими работами в будни. Соседи их, хотя и не одобряют работы по воскресеньям, тем не менее, не считают необходимым запрещать им работать. Иное бывает, когда кто задумает работать в какой-либо другой праздничный день, например в Казанскую или Смоленскую. В этом случае виновный подвергается штрафу, который состоит или в деньгах или в том, что виновного заставляют снарядить куда-либо подводу по мирским делам. Совершенно не дозволенной работа считается в Казанскую или в Ильинские пятницы. Даже помочи и те мир запрещает справлять, хотя народ смотрит на них как на дела помощи ближним. С другой стороны, после больших праздников, как то Троицин день, Владимирская, крестьяне отгуливаются еще день, а многие — и два, и только после этого принимаются за работу. Но это бывает только два раза в году, в дни храмовых праздников. Своих каких-либо праздников, не установленных церковью, кроме Казанской и Ильинской пятницы, у крестьян нет.

245. Масляницу большинство начинает праздновать с понедельника, когда в соседнем селе — Никольской Пустыни — бывает ярмарка, и почти все идут туда закупаться для праздника, главным образом, — за рыбой. Обыкновенно во всю эту неделю не работают, но главное ее различие состоит в том, что пекут гречневые и житные блины. Пекут кто с понедельника, а кто победнее, тот — и с четверга. Другим отличительным свойством масленицы является катание на лошадях. В первые дни катаются маленькие детишки и подростки — в своей деревне, в последние же — взрослые и особенно молодые — по соседним селам и деревням, причем катания эти происходят без всяких безобразий и бесчинств. Наконец, в эти дни обыкновенно зятья приезжают в гости к своим тещам, а крестьяне собирают деньги с тех, кто в Рождественский мясоед выдал своих дочерей замуж или женился, и потом пропивают собранное, иногда прибавивши к ним своих. Последний день недели называется прощальным. Обычай испрашивать в этот день друг у друга отпущение грехов за последнее время стал ослабевать, и только немногие исполняют его. Зато обычай ходить в этот день в церковь и, главным образом, на кладбище прощаться с покойниками соблюдается свято почти всеми. В этот же день поздно вечером совершается обряд сожжения масляницы, заключающийся в том, что молодежь делает нечто вроде чучела из соломы и сожигает его.
Говеют и причащаются крестьяне не ежегодно; некоторые не причащаются ни разу в продолжение 3—5 лет и более. Обыкновенно говенье вследствие дальнего расстояния от церкви (7 верст) продолжается два дня; в пятницу сходят на литургию и к вечерне, исповедаются после нее и в субботу причащаются. Само говенье заключается не только в воздержании от всякой пищи, особенно масла, но даже и чая, пить который в это время и вообще во весь Великий пост считается не совсем дозволенным.
В праздновании Субботы на Вербной неделе, Троицына дня, Святок каких-либо особенностей и обрядов нет; празднуются эти дни, как и другие праздники. Только в Пасху замечаются некоторые отличительные черты сравнительно с другими праздниками. Так праздник продолжается целую неделю, употребляются яйца, крашенные фуксином или луком (красят в четверг на страстной неделе). Эти яйца, особенно освященные, имеют свойство не тухнуть до Вознесения, где бы они ни лежали. Какой-либо целительной силы им не приписывается. Местными праздниками являются Рождество Христово, Троицын день и Владимирская Божья Матерь. Причина празднования первых двух неизвестна. Владимирскую же стали праздновать вот по какому поводу: Красный Холм (село, в котором находится местный храм) очень часто горел. В продолжение десяти лет было семь больших пожаров. Когда пожар был в седьмой раз, то одна женщина, видя, что спасения нет ни откуда, решилась вынести из дома и обнести вокруг икону Божьей Матери Владимирской. Когда она это сделала, то ветер внезапно утих и пожар прекратился. Все приписали это Божьей Матери и решили праздновать ее день всем приходом, что и делается до настоящего времени.
Родительскими поминальными днями являются Дмитриевская суббота и Радуница — во вторник на Фоминой неделе. Но главным образом родителей поминают в дни их кончины, когда заказывается обедня, а после нее —

поминки на дому. На эти поминки имеют обыкновение ходить почти все жители деревни, даже малые ребята, так что угощение начинается с раннего утра и до позднего вечера.
Именины празднуются в семьях пирогами только у зажиточных людей, и то, если они случаются в свободный от работы день. В этом случае некоторые даже ходят в церковь и служат молебны. Но немало есть и таковых крестьян и крестьянок, которые и не знают точно дня своих именин и, следовательно, о каком-нибудь праздновании не может быть и речи.

Уменье считать и мерить

280. Крестьяне очень порядочно умеют считать; считают они парами, тройками, пятками, десятками, сотнями, но многие умеют считать и считают прямо, складывая и вычитая прямо те числа, которые даны; какого-либо затруднения ни в домашнем обиходе, ни в сношениях с другими лицами в счете не встречается, вероятно потому, что с большими числами совсем крестьяне дела не имеют, а если имеют, то отлично справляются с ними на счетах, которые в большом употреблении находятся почти в каждом доме.
Из арифметических действий они затрудняются производить только деление, но и то при посредстве сложения им удается производить его верно эти вычисления, но только это требует от них очень много времени.

281. Вес и мера употребляются только при продаже или покупке и вообще в сношениях с другими; в домашнем же обиходе — разве только тогда, когда требуется привести что-либо в известность, например, при молотьбе, посеве и т. п. Меры употребляются казенные, и своих особенных крестьяне не имеют. Крестьяне, по крайней мере многие, знают квадратную и кубическую меру, но применение этих знаний к жизни случается очень редко.
Длина и ширина домов измеряется ими, и почти каждый крестьянин знает даже размеры не только своей хаты, но и чужих; измеряется также высота, но только не аршинами, а венцами — рядами бревен.

282. Соразмерность в частях построек соблюдается крестьянами; окон, дверей разной величины и вообще каких-либо непропорциональных частей у одной и той же избы не встречается.
Крестьяне, зная расстояние, которое должно пройти, и скорость, с какой кто-либо идет или едет, определяют время прибытия того или иного лица. Но эти их вычисления оказываются справедливыми только изредка, когда отправляются в те селения, в которых нет питейных заведений, а если есть, то нет денег, в противном же случае вычисления их оказываются неверными, потому что большинство, справив свои дела, заходит в трактир, где и сидит до вечера.

[Определение времени]

283. Время крестьяне узнают по часам, которые имеются почти в каждом доме. Многие ночью узнают — по пению петухов, а днем — по солнцу (если они находятся в поле). Делится время на утро — до 10-ти часов, полдень, вечер и ночь. Утром, чуть только начнет рассветать, а в рабочую пору — и до света, встают и принимаются за работу, которая продолжается часов до 8—11, когда бывает чай, а у иных завтрак, или, если время позднее, — обед. После обеда большинство отдыхает с час и более, после чего принимаются опять за работу до вечера, когда ужинают и ложатся спать.
Назначая время для более отдаленных действий, например, для уплаты податей, окончания и начала работы для найма и т. п., крестьяне ссылаются чаще всего на праздники, хотя изредка придерживаются и гражданского календаря.

[3. Семья. Обычный порядок жизни. Крестьянский род]

303. На родственников народ смотрит, как на людей своих, кровных, одной крови и знает различие между кровным родством и свойством — двухродным и трехродным. Кумовство также сближает людей. В громадном большинстве случаев между кумовьями существуют самые хорошие отношения, быть может, впрочем, потому, что в кумовья приглашаются лица близкие, если не по крови, то по характеру и образу мыслей. Воспринятые же относятся к восприемникам с почтением и уважением, называя их не иначе, как «крестная» или «крестный».

Родственники не всегда и не все пользуются лучшим приемом и угощением, равно как не всегда и не все им дают взаймы денег, хлеба и пр.; зависит это главным образом от степени благосостояния родственника, а так же и характера его, но многие все-таки скорее оказывают родственникам, чем посторонним.

Все родные никогда не собираются вместе, главным образом потому, что их очень много в каждом семействе, но близкие родные обязательно бывают в дни храмовых праздников, когда непосещение считается обидою для хозяина. Также считается обязательным посещение их на семейных торжествах, как, например, свадьба. Чаще же на праздники приезжают только те, которые, пользуясь уважением хозяина, приглашены им. Рассаживаются родственники и вообще гости хозяином дома, смотря по возрасту и экономическому положению (богатству), которое и имеет чаще всего влияние на взаимные отношения хозяина и всех родственников. Вообще различие в степени благосостояния много способствует охлаждению родственных отношений.

Состав семьи

306, 307. В деревне преобладают малые семьи, состоящие из мужа, жены и детей (43 семейства), но есть и большие, преимущественно такие, которые состоят из мужа с женой и женатого сына с детьми (10 семей). И только одна семья состоит из отца, двух женатых сыновей и одного неженатого.

В каждой из этих семей обыкновенно один — глава семейства, называющийся «хозяином», «большаком», «набольшим». Под его главенством находятся только родные по крови. Совершенно же чужие люди в одном доме жить не сходятся.

Случаев, когда бы в доме большаком был холостой, в деревне нет. Но, с другой стороны, вовсе не требуется обычаем, чтобы им был обязательно женатый, равно как не требуется известного возраста, ранее которого нельзя быть большаком. Но моложе восемнадцати лет большаков все-таки не встречается.

Женщина может быть и бывает главою семейства, особенно тогда, когда после смерти мужа она остается с малолетними детьми. Случается иногда, когда женщина бывает энергичной, что она сохраняет эту власть и после того, как дети вырастут и женятся. Но в громадном большинстве случаев она уступает главенство подросшему сыну. В некоторых домах, где мужчины живут дома только временно, большую же часть года находятся на стороне, женщины часто являются главами семейств во время отсутствия мужей. С приходом же их домой главенство снова переходит от них к мужьям.

308. Звание «большака», переходящее к членам семьи по наследству, кому оно принадлежит, налагает на известное лицо известные обязанности. По старому народному изречению, на нем лежит «и барское, и царское, и семейное». За все он отвечает и обо всем должен заботиться. Но так как характер и взгляды у различных большаков не одинаковы, то отсюда и способы проявления этой заботы и вообще главенства — различны. Тогда как некоторые из них так сумели поставить себя, что бесконтрольно и без согласия других распоряжаются всем, другие же (большинство) наоборот — обо всем заботятся с прочими членами семьи, без их согласия и одобрения не предпринимают ничего. Сообразно с этим, первые покупают и продают что-либо без согласия других членов семейства, не всегда даже считая нужным предварительно сказать им об этом. Такие большаки присваивают исключительно только себе право судить проступки членов семьи и налагать на них наказание. Другие же большаки во всех делах и особенно важных спрашивают совета и согласия семейных.

По отношению к семье большак должен заботиться о ее благосостоянии, по отношению к обществу — об исправном платеже всех лежащих на дому его податей и повинностей, как казенных, так и земских. В случае исправности этих повинностей он может не иметь и действительно не имеет никаких сношений с властями, кроме сельского старосты, с которым он имеет непосредственные сношения и обязанности как член общества. По отношению к церкви и духовенству также нет у домохозяина никаких обязанностей, разве только то, что в известные праздники он обязан принять образа в дом и уплатить в церковь известный сбор (не менее гривенника за один раз).

309. «Большухой» в доме бывает жена «большака», за исключением тех случаев, когда в этом же доме живет его мать, тогда «большухой» бывает эта последняя; в редких случаях «большухой» бывает и девушка — при отце-

вдовце и малолетних детях, но иногда — и при полном составе семейства. Но это — исключительные явления, объясняемые личными качествами «большух» — девушек. Большухи не выбираются, но это звание переходит к ним как-то само собой, как к старшим в семье. Иногда, впрочем, по неспособности старших или по другим каким-либо причинам большухи назначаются большаком. Обязанности, которые возлагаются на большуху, определяются самим названием ее: большухи и хозяйки дома. Она — большая между женщинами семьи, и в ее распоряжении находится домашнее хозяйство, главным образом, кухня. В других делах она стоит наравне с другими женщинами. Она пользуется некоторым авторитетом как между женщинами, так и между мужчинами, равно как и большак в громадном большинстве случаев имеет ее главной советчицей и помощницей, и в случае своего ухода на сторону назначает ее главою семейства.

Личные отношения домашних в семье

312. Личные отношения домашних в большинстве семейств очень просты. Каждый взрослый ясно понимает, что должно работать и притом именно ту работу, которую приказывает большак. Это сознание и лежит в основе отношений членов семьи: с одной стороны, мы видим полное, беспрекословное повиновение (по крайней мере, видимое), с другой, — пример самого домохозяина, который всегда и везде является впереди свой семьи. Поэтому какие-либо ссоры в семействах крестьян очень редки. Напротив, часто можно слышать осуждение людям, ссорящимся из-за всяких пустяков, неизбежных при совместной жизни.

Мужчины, даже мальчики, считают себя действительно выше женщин и девушек, так как с малых лет на них взрослые смотрят, как на опору семейства. Женщин же считают товаром слабым, непрочным, который с достижением того возраста, в который они бывают лучшими работницами (18 лет), уходят из родительского дома замуж. А с девушек этот взгляд распространяется вообще на женщин. Естественно поэтому, что мужчины по отношению к ним принимают начальственный тон и требуют от них особого уважения и услуг. Так что вся мелкая работа по дому, особенно зимой, когда хозяин почти ничего не делает, лежит на них.

313. Дети лет до восьми-девяти составляют предмет попечения матери. Отец же почти не обращает на них никакого внимания, разве только выдерет их, когда они сильно разбалуются. С этого же возраста дети, особенно мальчики, начинают интересовать и отца; он отводит их в школу, следит за их успехами, берет с собою для работы. Более взрослые из детей являются его ближайшими помощниками, которых некоторые домохозяева отправляют на сторону для заработков, а другие оставляют их дома хозяйничать, а уходят сами. Относится к ним отец, как к своим помощникам, но требует от них полного послушания и исполнения своих распоряжений. Дети, со своей стороны, уже лет с 14-ти начинают понимать свое положение крестьянина и в большинстве случаев являются послушными своим отцам.

После женитьбы (18 лет) они отделяются от отца и ведут вполне самостоятельное хозяйство, не зависимое от отца. И власть отца над сыновьями прекращается. Те же, которые остаются при отцах и после женитьбы, получают больше самостоятельности, равно как и отец относится к ним, как к равным себе, иногда даже делая им поблажки и уступки, чтобы жить в мире и не делиться. Ясно отсюда, что обязанности родителей по отношению детям заключаются в том, что они их поят, кормят, учат; дети же, со своей стороны, обязаны им повиноваться, заботиться о благосостоянии их, если они живут вместе, и кормить их во время болезни и старости.

Отец распоряжается более сыновьями, чем дочерьми; последние находятся больше под наблюдением матери, нежели отца, равно как и о маленьких детях больше заботится мать, чем отец, который наблюдает взрослых. Дочь-вдова, живущая вместе с отцом, подчинена бывает всецело его власти. До совершеннолетия детей отец имеет над ними полную власть, так что может отдавать их в наймы, и в учение, и понуждать к браку, хотя за последнее время в вопросе о браке стали иметь голос и дети. С наступлением же совершеннолетия, и особенно со времени женитьбы, власть отеческая уменьшается, но совершенно прекращается только в том случае, если сын отделяется от отца, равно как и над выданной замуж дочерью ни отец, ни мать власти не имеют.

При жизни отца мать является главным после отца лицом в семействе, и ей, как и отцу, дети обязаны повиноваться и уважать ее. По смерти же мужа она в большинстве случаев становится большухой и так же имеет в семье решающее значение вместе с большаком. И только в некоторых семьях вследствие несходства

характеров она теряет власть, не пользуется никаким авторитетом, и сыновья принуждены бывают построить особый домик, где она и проживает, содержимая сыновьями.

В случае непослушания детей и вообще тогда, когда дети почему-либо не нравятся родителям, последние отделяют их или просто выгоняют их из дома и обратно в дом уже не приглашают; случаев же обращения к волостному суду не было. Иные, бывает, когда сыну не нравится отчий дом, а отец не отделяет его, в этом случае дело бывает сопряжено с большими хлопотами и не обходится без вмешательства начальства. Общество в таких случаях становится на сторону угнетенных, но не вмешивается в эти дела, разве только тогда, когда хотя одна из сторон обратится к нему и простит «рассудить». В этом случае мир является уже судьей и заботится об интересах обеих сторон.

Сноха после смерти своего мужа в большинстве случаев уходит от свекра, спустя очень немного времени, обыкновенно захватывая с собою и своих детей. Свекор, по народному воззрению, не в праве удержать их у себя.

Между пасынком и мачехой в большинстве случаев отношения скверные, и особенно они ухудшаются, когда у нее пойдут свои дети. В этих случаях за женитьбой детей обязательно бывает дележка, а до женитьбы пасынок живет где-нибудь на стороне.

Уважение к старикам и старухам развито, если только они не очень стары; в этом случае их, как лишнюю обузу для семьи, не только не уважают, но и часто попрекают, если не в глаза, то за глаза. Впрочем, в этом заметно влияние личных свойств стариков, и те из них, кто отличается хорошими душевными качествами, сохраняют уважение до самой смерти.

Имущественные отношения в семье

314. Все имущество, находящееся в доме, считается собственностью всех членов семейства, но распоряжается им, главным образом, большак, чаще с согласия всех членов семейства, имеющих право голоса, то есть достигших 18 лет и участвовавших в накоплении имущества. Но кроме этого общего имущества у каждого члена семьи может быть и свое собственное. Оно обыкновенно состоит из одежды и обуви, холста и вообще пряжи, которою женщины занимаются по зимам, и денег, вырученных от продажи, так называемой «льняной собинки», которую в нашем краю сеют почти все женщины и девушки от 16—17 лет, а иногда и мужчины. Впрочем, в некоторых семьях, особенно в бедных, и эти «собинки», если не все, то, по крайней мере, частью, идут на покрытие расходов домашних. В этих же домах часто бывает одежда с обувью общие: один, например, полушубок на всех женщин семьи.

Как бы ни была велика семья, все обыкновенно живут в одном доме, и имущество считается общим, а не делится по избам.

322. Трудно определить, какие личные права имеет женщина в крестьянском семействе; вернее всего, что она не имеет никаких прав, — все зависит от мужчины, его характера. Если характер у него хороший, мягкий, то она является равноправной мужчине и даже больше — становится выше его и распоряжается всем. Во многих же случаях — это работница, распоряжающаяся только кухней, да и то не вполне самостоятельно, во всем же остальном — вполне зависимая от мужчин, делающая только то, что укажут они, и часто принимает побои. И женщины еще в девушках начинают понимать свое положение и, вышедши замуж, только в редких случаях протестуют против него, но эти протесты обыкновенно ни к чему хорошему для них не приводят. И в конце концов они принуждены бывают примириться с ним. Относительно обязанностей женщин можно сказать только одно: они обязаны исполнять и исполняют все то, что им приказывают, хотя это идет иногда в ущерб хозяйству. Имущественных прав женщина не имеет. Впрочем, в некоторых семьях ей принадлежит право голоса в делах этого рода. Самостоятельно же распоряжаться они могут только своим собственным имуществом.

Одежда, обувь, необходимые для женщин, приобретаются семьей, но сверх этого и ими самими на собственные средства приобретается то, что является скорее роскошью, например: хорошие дорогие платки, платья и т. п.).

В деревне нет обычая, по которому бы доходы с некоторых хозяйственных произведений, например, молочных скопов, птицеводства и др., поступали в исключительную собственность женщин-работниц в доме. Все это

является достоянием всей семьи. Самостоятельно же — без спроса и согласия мужа — женщины могут распоряжаться только деньгами от пряжи и льняной собинки.
Сравнительно с замужними женщинами девушки не имеют никаких особых прав и обязанностей. Если их положение и отличается чем-нибудь от замужних, то только большею свободой по зимам, когда они почти не живут дома в семье, а главным образом вместе с другими девушками деревни проводят время в особой избе, которая снимается ими для посиделок, и когда, они, если в доме есть другие женщины, совершенно освобождаются от всяких домашних работ.

323—325. Братья в большинстве случаев отделяются друг от друга, каждый ведет свое хозяйство самостоятельно и имеет свое собственное имущество. В тех же случаях, когда они живут вместе с отцом, у них имущество общее, принадлежащее всему семейству. И только те из них, которые живут на стороне, имеют свои собственные деньги, накопляющиеся из остатков от зарабатываемых денег, большая часть которых отсылается ими домой, меньшая же — оставляется для себя и копится. Это одинаково относится как к холостым, так и к женатым, к братьям и к сестрам, с тем, разве, отличием, что первые (холостые) всецело отдают свой заработок в семейство и, по народному воззрению, не могут ни малейшей части оставлять для себя, хотя, впрочем, жизнь не всегда оправдывает это воззрение народа.

324. Хозяйка дома, равно как и другие женщины семьи, в большинстве случаев имеет свое собственное добро, образующееся путем покупки на те деньги, которые она выручает от продажи своего льна, холста и др. имущества, принадлежащего ей лично. Приданое для дочери копит она; деньги для этого употребляются общие, а отчасти и те, которые принадлежат дочери — вырученные от продажи ее имущества (холста, пряжи и льняной собинки). В некоторых зажиточных домах приданое стоит две сотни (руб.), а в богатых — еще больше.
Вся вообще собственность, находящаяся в доме, составляет нераздельную собственность всей семьи, а поэтому, если муж начинает расточать это имущество, то жена или дети прибегают к домашним мерам, а когда они не помогают, то — к волостному суду, который в крайних случаях советует лишить его главенства в доме и назначает опеку.
Жена за долги мужа может быть в ответе, но муж за долги жены отвечает только в тех случаях, когда они заключены с его ведома и согласия. Впрочем, в делах подобного рода больше значения имеет совесть и вообще нравственный характер сторон, нежели обычай.

327. Те дети, которым принадлежит отдельное имущество, являются совершенно самостоятельными хозяевами и должны платить подати и повинности сообразно с количеством душевого надела, и в случае неисправности их являются ответственными лицами. Не отделенные же дети при жизни отца отвечают за неисправное отбывание повинностей только в том случае, если эта неисправность зависит от них: когда, например, живя на стороне, они не высылают денег. В противном случае отвечает за это большак.

328. В крайней нужде, чтобы всей семьей выйти из затруднений, как, например, недостаток хлеба для еды или посева, при стройках и т. п., продается или закладывается и то имущество, которое принадлежит лично женщинам и детям, но с тем, однако, неперменным условием, чтобы впоследствии при благоприятных обстоятельствах это было уплачено.

329. Солдаты в настоящее время даже в том случае, когда они холосты, имеют в общем имуществе пай, равный паю других членов семьи, и притом — из имущества наличного, а не того только, которое было при поступлении его на службу, он получает от семьи надел земли и начинает крестьянствовать.

29 Заказ № 1133

Отбывая повинности, лежащие на нем, наравне с другими крестьянами и имея все вообще права, которые предоставляются крестьянам; если же он пожелает остаться в семье, не отделяться от нее, то здесь является таким же членом, как и другие мужчины семьи.

Жены солдатские во время отсутствия их мужей живут вместе с родными мужа, если они не отделены, на равных правах с другими женщинами семьи. Если им почему-то не нравится житье у родственников мужа, то уходят к своим отцам, где и живут во время службы мужа, или же нанимаются в работницы; если же мужья их были отделены от семьи, то жены ведут хозяйство их. Вдовы солдатские, имеющие детей-мальчиков и живущие отдельно от семьи мужа, ведут самостоятельное хозяйство и владеют крестьянским наделом. Не имеющие же детей, уходят их дома мужа и, если им не удастся вторично выйти замуж или пристроиться у кого-либо из родственников, то маются по свету в качестве работниц, а под старость и с сумой.

Раздел и выдел

331. В деревне Тупицине, как и во всей здешней местности вообще, в обычае отделять совершеннолетних женившихся сыновей. Для обозначения этого явления народной жизни употребляются выражения: раздел, отдел, выдел, дележ, отход, — между которыми есть небольшое различие. Так выражения: отдел, выдел, отход — употребляются тогда, когда отделяется один какой-нибудь член семейства. А когда делится вся семья, то употребляют выражение: раздел. Слово же «дележ» больше прилагается к имуществу, чем к делящимся лицам. Под «награждением» же разумеется все то, что дается уходящему из дома: дом, скот и проч. имущество. Каких-либо символических действий, вроде благословения иконой, разрезывания хлеба на части, при выделе детей родителями нет.

Разделы очень часты. Причины их очень разнообразны: в одном доме — ссоры женщин из-за различных домашних мелочей, в другом — стремление к самостоятельности, когда в доме кто-либо не имеет значения, им помыкают, ругают и т. п., в третьем — недобросовестное отношение некоторых членов семьи к труду, их пьянство, расточительность и даже малоспособность к работе; в иных — желание разбогатевшего члена семьи, чтобы повести свое хозяйство и обороты на более широких началах и в больших размерах и чтобы прибыль от предприятия доставалась ему одному; наконец, в иных — нелюбовь свекра и свекрови к невестке вследствие каких-либо частных и случайных причин, вроде попрека чем-нибудь, осуждения их при их неправильных поступках и др.

В большинстве случаев между отделившимися членами семейства устанавливаются худые отношения, и только с течением времени эти отношения мало-помалу начинают улучшаться, так как поводов к столкновениям и оскорблениям становится все меньше и меньше вследствие самостоятельного ведения хозяйства. Но случается, что худые отношения продолжаются и до гробовой доски, и даже старость и беспомощность не заставляют помириться.

Обыкновенным последствием раздела является обеднение всех или некоторых членов семейства вследствие того, что одному с женой и малыми детьми, за которыми часто еще нужен присмотр, трудно бывает справляться с домашними работами. Об отходе же на сторону, являющемся одним из главных средств к благосостоянию, не может быть и речи. Благосостояние таких семейств начинает подниматься только тогда, когда вырастут дети, но за этим следует опять раздел семейства с обычными последствиями.

Причиною, задерживающей раздел, являются особые личные качества членов семейства, благодаря которым они, сознавая все преимущества совместной жизни, умеют не замечать друг за другом погрешностей, не ссориться и т. п. А иногда — воля большака-отца, не дающего желающему отделиться ничего, так что тот принужден бывает жить вместе.

335. Отделившийся член семейства или остается на прежней усадьбе, или уходит на новую, если общество даст ее отделившемуся. В первом случае усадебная земля делится между разделившимися членами семьи поровну, полевая же земля в обоих случаях делится поровну по числу делящихся.

336. Задумавшие разделиться приглашают деревенского старосту, а если его нет в деревне (староста бывает в деревне три года, а три года — из соседней деревни Безумова, с которой оно составляет одно общество), то сборщика с выборными. В присутствии их и под их наблюдением производится оценка имущества и распределение его по частям или паям, после чего кидают жребий, которым бывает соломинка, или палочки с метками, или бумажки, которые тащат или прямо из руки, или из шапки, из рукавицы.

337. Дома и вообще все постройки считаются неделимыми. Они всегда достаются кому-нибудь одному члену семейства, преимущественно старшему в семье. Остальным же членам семьи — или выстраиваются сообща дома и прочие постройки, или же выплачивается соответствующее вознаграждение (по уговору). Землю делят поровну, скот тоже поровну, но так как скотина по цене бывает различна, то за более ценных прикидывают к менее ценным или другую какую-нибудь скотинину, или выплачивается соответствующее вознаграждение (по уговору).

Деньги в большинстве случаев являются тайным имуществом, не известным всем членам семейства, а только тем, у кого они находятся, а потому и в дележе они не идут, а достаются имеющим их.

338. Имущество делится по числу членов семейства, между отцом и его детьми, сколько бы их ни было. Земля, хлеб и вообще движимое имущество делится на равные части, хотя изредка случается, что при дележе принимается во внимание и работа, т. е. кто больше трудился в пользу дома, а также собственное имущество отделяющегося, когда есть основания предполагать, что у него есть свои деньги, которые он не объявляет семейству. Но это случается очень редко.

Те сыновья, которые живут в зятьях в других самостоятельных дворах в той же деревне или в другой, никогда части не получают ни в усадебной земле, ни в каком другом имуществе.

339. В зажиточных домах после раздела не остается никакого имущества в общем пользовании. Но в богатых семьях это случается очень часто; в общем пользовании находятся преимущественно сараи, дворы, а также овины, в которых молотят хлеб по очереди по одному овину.

Общесемейные же долги, подати и повинности распределяются обыкновенно между делящимися поровну, соответственно количеству душевого надела.

340. О разделах и выделах всегда составляются письменные акты, в которых подписываются как сами делящиеся, так и сельский староста с выборными, которые обязательно присутствуют при разделах в качестве свидетелей и оценщиков. Все же общество приглашается для раздела только немногими и очень редко, когда делящиеся думают просить у него новой усадьбы для постройки. В таком случае, если общество соглашается делить чье-либо семейство, оно уже обязано бывает дать и новую усадьбу. Этим участие общества и ограничивается, если дележом имущества остаются довольны все делящиеся. В противном случае, и особенно в спорах о земле, к нему обращаются, как к судье. Волостные же судьи имеют участие в разделах только по жалобе одного или нескольких делящихся на не правильный, по их мнению, раздел имущества. При разделах вознаграждения посредникам и миру не бывает, а вместо него предлагается всему обществу угощение, которое состоит исключительно из водки.

341. Только те члены семьи имеют право требовать дележа имущества с получением полного пая из общего достояния семьи, которые тем или иным путем содействовали благосостоянию семьи. Хотя, с другой стороны, требуют этого дележа и такие члены семейства, которые не только не работали на дом, но даже уносили из него и пропивали. Хозяин дома в таком случае принужден все-таки бывает удовлетворить этим требованиям, но может и не выдавать полного пая.

Случаев, когда бы требовал раздела холостой член семьи, хотя бы хозяином дома был не отец, а старший брат, в жизни крестьян Тупицинского общества не было ни одного, и, кажется, если бы даже кто-нибудь и потребовал этого, то его требования не были бы удовлетворены, потому что традиции деревни не одобряют этого.

342. Женщины, имеющие мужей, при дележах имущества не получают никакой части, а уносят только свою «коробью». Женщины-вдовы, имеющие детей, получают пай, равный паю других членов семьи. Женщины-вдовы, не имеющие детей, не получают надела и части имущества, а получают свою «коробью» и вознаграждение, какое положат все члены семьи сообща. Девушкам же полагается какая-нибудь часть из стройки, хлеба и другого имущества, кроме земли. В настоящее время, впрочем, когда в каждом доме имеется определенное количество душевого надела, который к другим перейти не может, свекор может наделить землею и ту невестку свою, которая не имеет детей: все зависит от согласия его и других членов семьи. Это же относится и к девушкам; но только до тех пор они могут владеть землею, пока не выйдут замуж, и тогда земля у них отбирается.
Специально женское имущество, принадлежащее им, а не всему семейству, в общий дележ не поступает.

343. Сирота-племянник при дележе имущества получает пай своего отца, хотя бы этот пай и был больше, чем пай других членов семейства.

344. Зятья-«влазени» и «приемыши» принимаются в дом только в том случае, когда своих детей, по крайней мере, мальчиков, у принимающих нет. Раздела в таких домах не бывает, и им достается все имущество их приемных родителей.

345. Отделившийся или вышедший из семьи член, хотя бы и самых близких степеней, в дележе дома участия не принимает, потому что через отделение отказался от прав на остальное имущество.

346, 347. При выделах и отделах имущество в большинстве случаев делится поровну, но, с другой стороны, изредка случается, что оскорбленный поступками сыновей отец выделяет им не полный пай из общего достояния, но, во всяком случае, он не в праве отказать им в душевом земельном наделе, в постройках, лошади, корове, хотя бы и очень плохих.
Свое отдельное имущество (оно имеется у очень немногих) член семьи при добровольном отходе из семьи имеет право взять с собою и, в случае отказа отца выдать оное, может вытребовать его судом.

348. Отец может выделить сына и тогда, когда жив дед, если он (отец) состоит большаком. Если же домом управляет не он, а, по его старости, старший сын, то он уже не властен ни в чем и в разделе сыновей не имеет решающего значения. Он может только советовать, и уже дело сыновей — слушаться этих советов или нет. Не имеет решающего значения голос отца и тогда, когда дед управляет домом.
Выделенное сыну отец не может взять обратно, разве только будет обнаружено, что раздел имущества был произведен неправильно, и судом присуждено будет возвратить.
Случается иногда, что отец разом выделяет всех сыновей. Но чаще бывает, что один из них остается при нем. И в том, и в другом случае имущество чаще делится поровну между всеми. Себе отец также берет часть, которая после его смерти поступает в пользу того, с кем он жил; если же после выдела он остался один, то его часть идет в пользу того, кого он больше любил, кто его кормил, заботился о нем и т. п.

Наследство

350. Отцовский дом после смерти отца достается одному из сыновей его, кому он укажет, преимущественно старшим, но часто и младшим. Это бывает, главным образом, тогда, когда старший сын выделяется из семьи еще при жизни отца и заводит свое хозяйство и дом, а младший жил вместе с отцом. Тот же сын, который остается без дома, или получает вознаграждение, соответствующее цене того хозяйства, которое досталось оставшемуся в отчем доме, или же ему сообща выстраивают дом и прочие постройки. При этом часто обращается внимание и на особые личные качества и услуги. Например, если сын содержал на старости родителей, платил их долги, похоронил и поминает их, или если старший брат заботился о содержании и воспитании младших.
Все же остальное имущество переходит или в общее достояние всех членов семейства, если все живут вместе, или делится на части, если семейство разделилось. Доли наследников при этом определяются

по тем же правилам, какие соблюдаются вообще при семейных разделах. В большинстве случаев все сыновья имеют равное право на наследство, оставшееся после отца. Но изредка случается, что одним из них дается преимущество перед другими. Зависит это, главным образом, от воли умершего.

352. Дочери не имеют права наследовать при сыновьях. Это право заменяется обязанностью братьев содержать их и оказывать им пособие. Когда же после смерти отца остаются одни только дочери, то они являются полными наследницами отцовского имущества, даже в том случае, если они замужем. Только не признается за ними право наследовать отцовскую усадьбу, даже если бы они были замужем в том же селении. Дочери-девушки с согласия мира могут пользоваться усадьбой.

353. Сыновья, живущие в зятьях в других семьях в том же селении или в ином месте, наследовать отцовскую усадьбу не имеют права, хотя бы на отцовской усадьбе не и не осталось наследников мужского пола.

355. Муж наследует после жены во всем имуществе. Жена наследует после мужа только тогда, когда ее муж ведет самостоятельное, не зависимое от других братьев и отца, хозяйство, — наследует дом, хлеб и вообще все имущество. Наследует она и тогда, когда у нее есть дети, хотя бы она и жила вместе с братьями или отцом, пай своего мужа. Если же у нее нет детей, а жила она вместе с братьями мужа, то не только не получает никакого наследства, но еще в большинстве случаев удаляется из дома, а имущество переходит к родным мужа. После смерти мужа до совершеннолетия детей жена бывает полною хозяйкой и может самостоятельно распоряжаться имуществом. Пол детей при этом не имеет значения. По наступлении же совершеннолетия детей и их женитьбы она в большинстве случаев теряет свою власть. И только некоторые, отличающиеся сильной волей и умом, сохраняют свою власть до смерти. Женщины, оставшиеся после смерти мужей, почти всегда выходят замуж. По крайней мере, в деревне нет ни одной.

356. Брат не может наследовать усадьбы своего брата, если он отделился от него и ведет самостоятельное хозяйство на отдельной усадьбе, данной миром. При отсутствии же нисходящих членов семейства к наследству призываются боковые линии, но порядок и степень родства при этом редко соблюдается.

357. Приданое и другое имущество, принесенное и нажитое женой, поступает в собственность мужа и детей. После же смерти мужа оно идет в пользу детей, а если их нет, то в пользу ближайших родственников с мужниной стороны и изредка — с женской.

358. Для раздела дедовского и отцовского имущества необходимо согласие матери, хотя бы и вынужденное. Сама она почти всегда после раздела остается жить с одним из сыновей, пай которого поэтому бывает больше пая других сыновей. Только один пример в деревне, когда мать живет отдельно от сыновей вместе с незамужней дочерью; за то она получила пай, равный паю других членов семейства; вместо же надельной земли взяла семь десятин, составляющих собственность дома.

360. После смерти крестьянки, оставившей малолетних детей, нет обычая делить описи имущества умершей, оставляемого на сохранение отцу малолетних, и вообще каких-либо письменных актов не составляется.

361. Если после умершего вовсе не остается наследников, и имущество становится выморочным, то оно поступает в пользу всего общества.

Духовные завещания

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1727. Л. 1—5

362. Духовные завещания составляются очень редко, и притом преимущественно в тех семьях, где глава дома отец. Но случается, что составляются они и в других семьях. Составляются они для устранения незаконных

поползновений со стороны родственников завещателя на его имущество. Так, например, в настоящее время в деревне составлено два духовных завещания: крестьянином Тимофеем Тимофеевым — для того, чтобы имуществом или частью его не завладела сестра его жены, а досталось бы оно полностью внучке его, и крестьянином Матвеем Григорьевым, — чтобы имуществом воспользовался не племянник его, а жена его (Матвея Гр.).

Хранятся духовные завещания или в церкви, или у священника, или дома. Имущество завещается только одному сыну, а прочие сыновья устраняются в тех случаях, когда последние живут где-нибудь, в накоплении имущества участия не принимали, или когда живут распутно. Это же бывает и тогда, когда отец, выделивши сыновей, взял себе отдельный пай. Этот пай завещается в большинстве случаев кому-либо одному из сыновей, но иногда делится между всеми сыновьями. Мать свое имущество завещать не может. Оно поступает в общую семейную собственность. Исключения из этого составляют те случаи, когда она живет одна, отдельно от сыновей и имеет свое собственное имущество, которое она может отказать, кому пожелает.

363. При совершении духовных завещаний очень часто присутствуют духовные отцы, часто наследники и всегда свидетели, число которых обычаем не определяется.

Приглашаются в свидетели отчасти соседи, отчасти посторонние, преимущественно люди, пользующиеся уважением и влиянием. Не слыхать, чтобы духовные завещания утверждались на сельских сходах или чтобы они наблюдали, чтобы завещания были согласны с круговою порукою; равно не необходимо и тоже не слышно для действительности завещания, чтобы оно явлено было в волостное правление еще при жизни завещателя. Душеприказчики назначаются очень редко, главным образом тогда, когда имущество завещается малолетним.

364. Муж, за неимением детей, может завещать свое имущество жене, если только все семейство их состоит из мужа и жены. Живущие отдельно от них не имеют права отобрать у нее это имущество, хотя бы она и вторично вышла замуж. Если же семья состоит их нескольких братьев или отца с сыновьями, то имущество умершего идет в общую семейную собственность. Да и завещаний в таких случаях не составляют.

365. Воля завещателей родственниками и наследниками беспрекословно не исполняется, особенно, если, по их мнению, завещание это составлено несправедливо. В таком случае завещание оспаривается наследниками и родственниками, и дело доходит до суда, или просто нарушается [завещание].

Мне известен такой случай. Крестьянка Салинской волости, деревни Быкова Любава завещала свою избу священнику села Первитина на помин души. Хотя завещание и было составлено письменное, тем не менее, родные племянники покойной не признали его и после ее смерти разобрали ее избу и перевезли к себе. Тем дело и кончилось, так как священник не хотел судиться.

366. Словесные духовные завещание — это скорее советы, касающиеся правильного раздела имущества, особенно между братьями и сестрами, и о наделе служащих в солдатах, какого-либо значения не имеют, и волостные суды редко признают их.

368. Завещания составляются только тогда, когда могут возникнуть какие-нибудь недоразумения в разделе имущества. Тем не менее, недоразумения и споры завещанием не устраняются и в большинстве случаев они решаются только судом.

Распределение работ между членами семьи

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1725. Л. 59—66

369. Все вообще работы, которые выполняют мужчины, исполняются и женщинами: они и косят, и жнут, и молотят, и пашут, и боронят, и сеют и т. д. Только уборка дома (мытье полов, подметание их), кухня, доение коров и пряжа — работы, исполняемые исключительно только женщинами, как замужними, так и незамужними. Последние только зимою освобождаются от всех работ, кроме пряжи, но и то не все,

а только те, родители которых и без них могут справиться с домашними делами. Женщины не освобождаются от работ на семью никогда: всегда и везде они работают на семью. Исключение из этого — зимнее время, когда женщины по ночам, часов до двух утра, прядут на себя, в свою собственность, а не семейную. А мужички в это время спокойно полеживают на печах. В больших семьях всегда есть большуха, и каких-либо недельных очередей бабьих работ нет. В тех же случаях, когда большуха отлучается куда-нибудь, то ее место занимает другая женщина семьи по назначению большака, преимущественно следующая за нею по старшинству, которая и исполняет обязанности большухи.

Подростки и дети помогают родителям в их работах: во время пашни — носят завтраки, боронят, во время сенокоса — гребут сено, приводят лошадей в поле и оттуда, во время молотьбы — режут снопы, поворачивают их, подметают и вообще исполняют те работы, которые им по силам. Девочки же главным образом нянчат ребят; лет с 13—15 они уже начинают косить, жать, молотить — приучаются к крестьянскому хозяйству.

Правильное, равномерное распределение работы, естественно, является одним из главных средств сплочения семейства, но еще больше значения для этого имеют личные нравственные качества членов семьи, и часто приходится видеть, что несмотря на то, что все члены семейства одинаково работают, семейство распадается и разделяется, и обратно — при неравномерном распределении деятельности все семейство живет вместе и не делится; в таких семьях основою сплочения являются личные качества членов семейства, каковы миролюбие, кроткость со стороны младших и отеческое отношение со стороны старших — большака и большухи.

Уход членов семьи на заработки

370. На заработки идут преимущественно мужчины из тех семейств, в которых и без них могут управиться с работами. Одни из них ходят по охоте, чтобы не только можно было прожить в достатке, но и накопить деньжонок на черный день и на помин души. Других гонит на сторону недостаток, желание уплатить подати, поправить какое-нибудь разваливающееся строение и другие нужды крестьянской жизни. Результаты этого стремления различны: одни наживают порядочные состояния и заводят свою торговлю, другие (большинство) высылают домой до 100 рублей, а иные приезжают ни с чем, без всякого заработка и даже с задолженностями. Кроме мужчин идут на заработки и женщины. В большинстве случаев они нанимаются в работницы и зарабатывают от 5 рублей в месяц и дороже. Заработки уходящих членов семьи принадлежат всему семейству и поступают в распоряжение всего дома, но случается, и довольно часто, в настоящее время, что высылаются не все заработанные деньги, а только часть их, а остальные оставляются для себя и копятся. Большинство «питерщиков» — народ положительный, серьезный и трезвый. При прибытии их домой, а равно и при отправлении их в Петербург пьянства и вообще гульбы не бывает, а ограничивается дело пирогами (ржаными), чаем и лучшим столом. Иное бывает при прибытии домой людей пьющих, особенно когда они находятся при деньгах. В таком случае гульба продолжается иногда с неделю и больше, пока не выйдут все лишние деньги.

И те, и другие («питерщики») имеют обыкновение привозить жене и детям, и другим домашним подарки — «гостинцы», состоящие главным образом из платков и материй разного рода на платья, кофты и т. п. Иногда цена подарков доходит до 50-ти и более рублей. Замечается также между «питерщиками» стремление блеснуть своими знаниями, заимствованными из газет, а иногда у таких же, как и они, работников — блеснуть и похвастать своими занятиями, добычею, а у иных — пьянством, но это — редкость. Большинство из уходящих на сторону — лучший народ деревни, ее цвет.

371. Возвращение ушедших на заработки в семью и к земледельческому труду не обусловливается точно определенными сроками. Одни возвращаются к началу работ — Егорьеву дню, другие — к покосу — Петрову дню. А иные с Пасхи только уходят из дома, возвращаются же домой к Заговенам — 15 ноября. Продолжительность самих отлучек тоже различна — от 5 до 9 месяцев. Но как бы долговременна ни была отлучка, она не лишает права на общее достояние семьи, и вовсе не требуется при уходе из дома на долгий срок залога или какого другого обеспечения своевременного возвращения.

Жена отсутствующего члена семьи, если он ведет самостоятельное хозяйство, а дети малы, занимает его место, ведет хозяйство, платит подати и вообще справляет повинности и хозяйство наравне с другими крестьянами;

если же он живет вместе с отцом, братьями или большими сыновьями, то эти ведут его хозяйство, а жена его и дети живут на одинаковом положении с другими женщинами и детьми семейства.

374. [**Охота и рыбная ловля**] Охотой не занимается ни один крестьянин деревни; рыбной ловлей занимаются очень немногие, преимущественно по весне, когда ловят рыбу наметками, норотами, вершами, а когда сбудет вода — неводом. Попадают щуки, язи, головли, окуни, плотва, ерши, изредка налимы (по осени и зимою в декабре месяце уклейки или верхоплавки). Рыба эта идет на себя, а не в продажу.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1727. Л. 5—25

375. [**Пчеловодство**] Пчеловодством занимаются два крестьянина-старика. Результатов этого занятия за последние годы очень мало, так как при отсутствии надлежащего ухода за пчелами рои улетают, зимой — померзают, а меду за последнее время почти нет. Стоят у них ульи (простые деревянные колоды) на огороде около деревьев — березок, сосенок и яблонь. И вообще пасеки и старания доставить пчелам материал для меда (как, например, насаждения лип, яблонь и других цветущих деревьев, посева гречи и проч.) нет.

376. [**Домашние животные**] Домашних животных для удовлетворения потребностей семьи содержат сообразно с количеством душевого надела: на одну душу держат корову, лошадь, теленка или две овцы, или поросенка; на две души — две лошади, две коровы, 4—5 овец, иногда теленка и поросенка и т. д.
Кроме навоза животные дают: коровы — молоко, творог и сметану — в небольшом количестве; телят, которые чаще продаются, иногда режутся для себя, а иногда — выращиваются, и очень немного масла. Овцы [дают] мясо, шерсть, овчины, а иногда и их продают. От птиц (держат только кур) пользуются мясом, яйцами и перьями. Лошади идут только для работ и в пищу не употребляются. Жеребят же от них выращивают и продают.
Держат животных на дворе, который обыкновенно находится рядом с домом. Для овец на дворе делается амшанник с потолком. Такой же амшанник, называемый конюшней, у некоторых зажиточных крестьян сделан и для лошадей. У большинства же они находятся на дворе и отделяются от коров только изгородью.
Корм и пойло скотине дают преимущественно мужчины, если они живут дома, а весь остальной уход — женский. Состоит он в том, чтобы скотину загнать и выгнать со двора, чтобы корову подоить вовремя, овцу — напить помоями, чтобы ягнята и телята не замерзли зимой, для чего их вносят в избу, — в этом и состоит весь уход за скотиной.
Лошадей приучают к езде постепенно. Сначала не третьем году запрягают в борону и приучают к бороньбе, причем жеребенка водят за повод, а впереди идет старая лошадь. Затем зимой изредка выезжают на дровнях, на которые садится иногда человек пять, но ездят немного и при малейшем непослушании лошади бьют ее не только кнутом, но и толстыми палками. Летом четвертого года много на ней не работают, тяжести много не накладывают. Но по зиме начинают ездить на ней и возить тяжести, как на настоящей лошади.
Дойка для коровы, по мнению крестьян, является необходимой, и корова сама дает доить себя. В противном же случае прибегают к веревкам, которыми привязывают ее к какому-нибудь столбу, делая так до тех пор, пока она не привыкнет к дойке. Если же и этого не последует, то ее продают.
Против болезней скота употребляется святая вода, различного рода нашептывания деревенских знахарок, а иногда приглашают и коновала, если он случится в деревне. Кроме этого, коновал приглашается по весне для подлегчения поросят, баранов и бычков.
Против хищных животных и злоумышленников каких-либо мер предосторожности крестьяне не предпринимают.

379. [**Отопление и освещение**] Освещение домов производится керосиновыми лампочками, а отопление — дровами. Дрова, скорее — хворост, имеются у крестьян свои, керосин же приходится покупать в своей деревне фунтами, а кто побогаче — в Погорелом Городище пудами.
Зажигают огонь поутру, часов в 5, вечером — когда смеркнется, а летом с Благовещенья не зажигают совсем. Тушат огонь, когда управятся с делами: осенью — во время молотьбы часов в 7—8, зимою же — иногда часа в два ночи.

Кроме спичек иных способов добывания огня не сохранилось. Только в одном доме у старообрядца огонь добывается от угля, да и то только для лампады.

380. [Одежда] Обувь крестьян состоит из сапог и котов или ботинок, а женская — из башмаков и часто сапог. Зимою же и мужчины, и женщины носят теплые сапоги. Лапти отходят в область предания — их носит только пастух. Но зато входят в моду галоши резиновые, которые имеют почти все девушки деревни и многие парни. Изготавливают обувь преимущественно странствующие сапожники из материала, который покупается в городе или на рынке. Но многие предпочитают отдавать шить сапоги или в соседнюю деревню Безумово, или же в Погорелое Городище. А иные покупают обувь готовую на рынках. Починка же сапог производится своими деревенскими, потому что за немногими исключениями все домохозяева могут починять сапоги.

Валять теплые сапоги в деревне никто не умеет, а потому отдают валять их в Погорелое Городище или там же покупают, у кого нет или не хватает шерсти от своих овец.

Обыкновенная одежда мужчин, которую они носят дома и в которой работают, состоит из рубашки, жилетки, кальсон, называемых портками, и штанов. Материя для всего этого почти вся (кроме порток — холст свой) покупная, но самого низкого качества. При выходе на улицу надевают или пиджак, или армяк, или полушубок, или тулуп, смотря по времени года и погоде.

Армяк шьется из своего деревенского сукна; полушубок и тулуп в большинстве случаев — тоже из своей овчины, но верх-покрышка или суконная, или трековая (покрыты только праздничные полушубки и тулупы, да и то не у всех). Материя же для тулупов всегда покупается.

Женская одежда, которую они носят дома и в будни, состоит: у старух — из рубахи, именуемой «станухой», с рукавами из ситца, а иногда из своей домашней самотканки, и сарафана с завязками в поясе; у молодух же, женщин и девушек — из рубашки, платья и кофты.

При выходе из дома надевается, смотря по погоде, кофта-байка или полушубок, а по праздникам — пальто, называемое «талией» или «дипломатом».

Праздничная одежда отличается от будничной только тем, что последняя — много хуже и грязней первой, которая всегда чиста и приготовлена из более лучших и дорогих материй, чем будничная. Полушубок праздничный, например, отличается от обыкновенного тем, что он покрыт какой-нибудь материей, чаще — сукном, платок праздничный — шерстяной и т. п. В этой же одежде крестьяне ходят в церковь, в гости и вообще надевают ее в торжественные дни своей жизни.

Детей лет до пяти одевают в простую ситцевую рубашонку или платьице. В некоторых, впрочем, домах уже у годовалых ребятишек имеются и штанишки, и сапожки и другая одежда, но это только у богатых. С пяти же лет ребенка начинают одевать, как следует: в штаны, рубаху, а в худую погоду — в сапожках. Девочки — в платьицах, кофточках, платках и башмачках. Однако большинство ребят и нередко даже взрослые в теплую погоду ходят босиком.

Верхняя одежда: полушубки, тулупы, талии, байки. Пиджаки — черные; рубахи же, платья и кофты — самых разнообразных ярких цветов, преимущественно красного.

Головы крестьяне покрывают шапками, преимущественно такими, бока которых из овечьей шкурки, а верх — из материи, и картузами (летом); девушки — платками, а женщины под платком носят еще повойник — в настоящее время из простого дешевенького ситца, а еще очень недавно — вышитый мишурой.

Волосы обыкновенно чешутся гребнем и чем-нибудь мажутся (особенно деревянным маслом). Женщины заплетают их в две косы и прячут их под повойник, а девушки — в одну, которая и болтается на шее и спине, часто спускаясь до поясницы.

Из украшений в моде только серьги и кольца, равно как и одежду ничем не украшают.

Материал для одежды весь покупной, за исключением овчин, холстины и самотканки, из которой старухи шьют себе сарафаны, а старики — рубахи и штаны, но предварительно выкрасив ее. Пиджаки, пальто, полушубки, тулупы, байки шьются портными и портнихами, а платья, кофты, рубахи — женщинами.

В настоящее время в деревне нет ни одной девушки, которая не сумела бы сшить этих вещей, но вязать, плести, вышивать — никто не умеет. Ткут все женщины деревни, а кожи дубят только три крестьянина, хотя и среди остальных есть человека четыре, которые могли бы их дубить.

Стригутся только мужчины — под скобу, а молодые — под польку. Бритье бород не в моде, выщипывания же волос совсем нет. Не в обычае также натирать тело, употреблять белила, румяна и т.п.
Перемены в одежде совершаются под влиянием пришедших со стороны крестьян и крестьянок. Возвращаясь домой, они приносят те платья, которые носили на стороне, а народ перенимает у них эти последние, хотя бы это и стоило недешево. Так, новейшие пальто-талии стали входить в употребление за самое последнее время (года 3), когда одна женщина, жившая в Москве, привезла с собой в деревню такое пальто. Кофты-байки (от кисти до локтя с узкими рукавами, а от локтя до плеча — с широкими и оканчивающиеся «пышками») стали входить в моду за последние два года, но шьются уже почти у всех. Пиджаки также вошли в употребление в последнее время; их не было, а носили какой-нибудь «балахончик» из домашнего серого или черного сукна. Сапоги и башмаки «получили право гражданства» в деревне тоже не особенно давно. До этого времени все крестьяне и зимой, и летом носили лапти. Ныне же, не довольствуясь сапогами, имеют и галоши.

381. [**Пища**] Ежедневная пища крестьян состоит из щей, похлебки и картошки и изредка — каши, а, если есть, — молока. Приправами являются яйца, масло, мука и лук. Сообразно со временем года пища меняется мало: всегда три кушанья. Исключение из этого составляет осеннее время, когда крестьяне режут лишнюю скотину и употребляют ее в пищу, и рождественский мясоед, когда коровы, отелившись, дают больше молока, и крестьяне употребляют его гораздо больше, чем в какое другое время. Осенью же те из крестьян, у которых своей скотины для резания нет, покупают мясо на рынках, но только если оно дешево. Вообще же мясо употребляется только по осени (с Покрова, а иные и позже), в большие храмовые праздники, иные — в рождественский мясоед. У богатых бывает оно и летом, но круглый год не ест мясо никто. Во все же остальное время едят, хотя и три кушанья, но постные, разве только побелят, если есть сметана или молоко. Во время постов бывает тоже три кушанья: щи, похлебка и картофель. Часто, впрочем, прибавляется четвертое — окрошка из кваса, лука и огурцов. Скудной пища считается тогда, когда не только забелить нечем, но даже приходится экономничать в капусте, картофеле и хлебе. Когда же всего этого достаточно, по праздникам (не считая осени), по крайней мере, большим, появляется мясо, — то такая пища считается достаточной, хорошей. Изобильной же и лакомой считают такую пищу, когда все едят говядину и кашу, да еще на тарелочках с вилочками и ножичками. Но таких столов в целой волости не больше пяти, а в деревне нет ни одного.
В праздничные дни на столе обыкновенно появляется лучшая пища, где есть мясо, каша. Сверх этого в праздники везде пекут коровашки, у иных — пироги с картофелем, капустой, морковью, но сластей каких-нибудь нет.
Каких-либо специальных кушаний, подаваемых в особенные дни года, нет, кроме блинов на масленице, петуха и каши — на крестинах.
Стряпает только одна женщина в семье, а остальные только помогают.
Из напитков в каждой избе постоянно находится квас, ежедневно пьют чай, иногда — раза по два в день. Пиво же и водка появляются на столе только по храмовым праздникам, когда даже у самых бедных выходит с ½ ведра вина. В будни же и в простые праздники даже у зажиточных редко можно видеть вино.
Время принятия пищи строго не определено, приблизительно же таково: завтрак часов в 7—8, обед в 12, паужинок, называемый «перехваткой», около 4—5 часов и ужин — перед тем, как ложиться спать, — часов в 8, а летом — в 9—10. Во время работ очень часто случается, что дома только завтракают и ужинают, а обедают и паужинок делают в поле; чаще — дома только обедают и ужинают, а завтракают и перехватывают на работе.
Завтрак состоит из чая и картофеля, а иногда молока. В рабочее же время, особенно во время сенокоса, у большинства бывают блины. Обед состоит из щей, похлебки и картошки жареной, из хлеба, а если есть, из лепешек, у иных — молока. На ужин подают щи, похлебку и картофель, если они остались от обеда.
Едят в большинстве случаев все вместе: и старые, и малые, и хозяева, и работники, и мужчины, и женщины. Большак обыкновенно садится под передний угол, по правую руку — большуха, а за нею другие женщины семьи; по левую же руку большака садятся мужчины. Какими-либо преимуществами в пище большаки не пользуются, а едят то же самое, что и другие члены семейства. Своя особая ложка у каждого члена семейства имеется в некоторых, очень немногих, домах, где придерживаются старообрядческих взглядов.

В большинстве же домов каждый ест, какой придется, ложкой. За столом сидят тихо, без разговоров, но в некоторых семьях можно слышать не только разговоры, но и споры, ругань, сквернословие и т. п. Самым почетным угощением считается каша. Основную пищу населения составляет хлеб, за ним по важности следуют картофель и капуста, без которых не может обойтись ни одно семейство, и которые запасаются в большом количестве.

Из животных чаще всего употребляют в пищу овец, баранов, свиней, телят и, когда скот очень дешев, — коров. Все они целиком идут в пищу, выбрасываются только органы мочи. Только эти животные считаются чистыми, потому что имеют раздвоенные копыта. Остальные же животные в пищу не употребляются как нечистые, которых не ели «ни отцы, ни деды, потому грех».

Из птиц крестьяне считают чистыми кур, уток, гусей, индюшек, теревей [тетеревов?] и голубей, но держат и едят только кур. Голубей же считают священными. Обычай полного неупотребления всего мясного распространен очень мало и притом преимущественно среди людей пожилых, с которыми случилось какое-нибудь несчастье, «грех». Например, я знаю крестьянина, который перестал употреблять в пищу мясное с тех пор, как у него повесилась жена. В основе своей этот обычай имеет то убеждение, что постная пища более угодна Богу, и спасение при этом роде пищи скорее и легче достижимо, чем при мясной пище.

Голода в настоящем смысле слова не помнят даже старики, но недороды были не особенно давно. Тогда к муке примешивали лебеду, отруби, головицу и избоину. Древесную же кору не ели.

383. **[Курение и нюханье табаку]** В семье курят только мужчины и притом молодые. Из стариков курит только один николаевский солдат. К курению приучаются или на стороне где-нибудь, или мальчиками от своих домашних, или от таких же подростков, как они. Но особенно часто — на посиделках из желания не показаться смешным и выказать себя молодцом на все руки.

Домашние и вообще крестьянство не одинаково относятся к этому. Тогда, как одни (старый народ и женщины) прямо считают курение грехом и не дозволяют курить, другие (молодой народ) не видит в курении ничего худого и даже считает развлечением. Поэтому в одних домах, где еще живы старики, не курят, а выходят для этого на улицу или в сени, в других же — не стесняются и курят дома, иногда даже не обращая внимания на ворчание женщин. Насколько табак составляет потребность, трудно определить. Одно только можно сказать, что при всем своем желании некоторые из них все-таки не могут бросить курения.

Нюханье табаку не распространилось еще в деревне, по крайней мере, в настоящее время нет ни одного человека, который бы нюхал.

384. **[Опрятность]** Опрятность стараются соблюдать во всем, но из этого стремления выходит очень мало толку. Теснота помещений, ребятишки, недостаток времени, хождение по навозу и грязи — вот причина этого. Тем не менее, в каждом доме заметно желание и стремление к опрятности. Так, избы метутся обязательно каждый день и даже у некоторых более одного раза в день. Полы обязательно моются каждую неделю в субботу. Сами тоже моются почти каждую неделю по субботам в банях, но главным образом — в печках, а летом купаются. Руки и лицо, особенно первые, моют не один раз в день. И белье переменяют каждую субботу. Тем не менее, белье и вообще одежда в большинстве случаев грязные, полы, руки — тоже. И только посуда составляет исключение из этого.

385. **[Домашние насекомые]** Из насекомых в большом количестве водятся в крестьянских домах (очень многих) тараканы двух сортов: рыжие-прусаки — и черные и клопы, а на самих крестьянах — блохи (во всех домах) и вши (в немногих). Вреда крестьяне от них не видят никакого, а потому и мер против них никаких не предпринимают. Только мух и рыжих тараканов, да и то в очень немногих домах, стараются истребить: первых — листами против мух, покупаемыми в лавках, а тараканов какими-то зелеными порошками, которые тоже покупаются на стороне. Против клопов нет средств в деревне, а черные тараканы не только не подвергаются истреблению, но даже чуть ли не считаются священными, из домов не изгоняются. А если сами уходят, то это предвещает несчастье дому — пожар. Нет также средств против блох и вшей, да они, правду-то говоря, и не мешают крестьянам.

386. **[Защита от холода]** Чтобы в избе было тепло, почти все крестьяне обкладывают свои дома соломой или кострой. Если же это не помогает, то ставят небольшую чугунку. Благодаря этому в большинстве дома бывает настолько тепло, что можно сидеть в рубашках и не зябнуть. При выходе же из дома надевают в холода овчинный полушубок, а если нужно куда-нибудь ехать, то сверх полушубка надевают еще тулуп, а на руки — рукавицы. Если же, несмотря на это, бывает все-таки холодно, то стараются как можно больше идти пешком и даже бежать; руки же трут снегом или водой, а в случае отмораживания какого-нибудь члена, натирают его тоже снегом и вином. Других же мер не предпринимают.

387. **[Экономическое положение крестьянской семьи]** Для распознания экономического положения крестьянина во всей здешней местности самым надежным критерием…

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1724. Л. 1—43

387. … является постройка; если она хороша, то крестьянин живет порядочно, если же она худа, то хозяин ее живет бедно, у него и хлеба мало, и скотины мало, и худого она достоинства, и подати плохо платятся и т.п. Положение такого крестьянина очень плохо, и нужно при самых благоприятных условиях годов 5—10, чтобы хоть маленько справиться. Но условия жизни не только не меняются к лучшему, а все год от года ухудшаются, потому что земля родит хлеба все меньше и меньше. И только сыновья, подросши и ушедши на сторону, могут своими заработками поднять благосостояние семейства. Вообще же богатым считается тот, у кого стройка хороша, много хлеба, скота, одежды; подати платятся вовремя и водятся денежки. Если же всего этого мало, то считают бедным. Своих запасов хлеба у нас хватает на весь год только у двух третей крестьян. А одна треть ежегодно принуждена бывает покупать или занимать хлеб: иные с мая месяца, другие — с июня, а третьи — с июля. В случаях же посредственного урожая покупать хлеб приходится почти половине. Происходит это не от того, что во время [неразборчиво] нельзя собрать достаточное количество хлеба, а от худой обработки земли, от недостатка навоза, а также от недостатка рабочих рук для обработки всей земли.

Вносятся подати преимущественно по осени; в это время у крестьян всегда есть, что продать: хлеб, чаще скотинина какая-нибудь, лен и семя льняное. Эти деньги и идут на подати, причем недоимка за деревней не числится. Зажиточные крестьяне вносят подати по весне, когда у бедных нечего платить. С другими серьезными затратами, как, например, ремонт избы, покупка скотины, выдача дочери замуж крестьянином, особенно бедным, справиться, как следует, очень трудно, так как наличные деньги, необходимые для этого, имеются у очень немногих. Поэтому в таких случаях чаще всего впадают в долги, из которых потом выпутываются в продолжение нескольких лет. Более благоразумные к таким обстоятельствам, как ремонт, свадьба, готовятся загодя, откладывая по копейкам на эти [неразборчиво], или сводят со двора какую-нибудь скотинину, хотя бы без нее и с трудом можно было обойтись. Для иллюстрации этого привожу несколько примеров. Крестьянину Степану Антипову нужно было женить сына. Денег не было. Занял он у двух крестьян своей деревни, да у одного — в соседней деревне Безумове. Так как он и сын его — добытчики плохие, то и по сие время долг уплачен не сполна, хотя и прошло со времени заема семь лет.

У крестьянина Алексея Стулова пала по весне лошадь. Своих денег на покупку новой лошади не было. Нужно было занять и купить, и притом как можно скорее, потому что начались работы. Обратился он с просьбой дать денег к одному крестьянину из своей деревни. Этот согласился под условием продать ему сено по 11 копеек за пуд. Стулов принужден был принять это предложение. А к концу зимы это сено по дешевой цене стоило по 20 копеек за пуд.

Крестьянину Ивану Федорову нужно было ставить новую избу, потому что в старой стало опасно жить: того и гляди, что в сильный ветер завалится или загорится. Была у него хорошая лошадь, обменял он ее на плохую, получив в придачу сорок рублей. На эти сорок рублей, прибавивши к ним еще рублей двадцать своих накопленных, он купил лес на избу, который и лежит у него два года под крышей, так как необходимых для найма рабочих денег он никаким образом не мог скопить. Наконец в прошлом году он собрался с деньгами и поставил избу, но еще не живет в ней и по сие время, потому что не сделаны печь и рамы, а денег на кирпич и за работы нет. И придется ему еще год, а, может быть, и два жить в старой избе, опасаясь и пожара, и полного разрушения от сильного ветра.

Другие крестьяне, при всем своем старании выстроить дом, не могут справиться с этим и принуждены бывают жить в старых, готовых ежеминутно развалиться. Пожар для таких крестьян является в высшей степени желательным, милостью Бога, так как он дает им возможность получить страховку, хотя и незначительную, и справить на эти деньги хоть какой-нибудь новый домик.

Приход продуктов и расход их в зажиточной крестьянской семье.

Ржи — 17 кулей — из них 5 на посев, 11 на еду, 1 куль на скотину.
Овса — 12 кулей — из них 5 на посев, а остальное для лошадей и птиц.
Льна — 30 пудов — весь в продажу.
Семя льняного — 30 мер — 20 в продажу, а 10 для себя и на семена.
Картошки — 22,5 куля — 4 куля для семян, а остальное для еды и скота.
Конопли — 10 мер — 8 для масла и 2 на семена.
Пеньки — 5 пудов — на продажу.
Гороху — 4 меры — для себя.
Луку — 4 меры — для себя.
Ботвиньи и брюквы — 5 мер — для себя.
Моркови — 2 меры — для себя.
Капусты — 32 ведра — для себя.
Масла коровьего, сала свиного и бараньего — 1 пуд — для себя.
Мяса от 7 овец, поросенка и теленка — 13 пудов — для себя.
Творогу — 8 ведер — для себя.
Молоко от двух коров — для себя.
Соленых грибов — 8 ведер — для себя.
Сушеных грибов — 15 фунтов — для себя.
7 овчин от овец и 25 фунтов шерсти от них — для себя.
Огурцов — 3 меры — для себя.

Приход денег

Лен — 30 пудов = 45 руб. (Цена льна неизвестна в настоящее время;
клали по 2р. 50к. — лен неважный). [примеч. корреспондента].
20 мер семя — 25 руб.
Бычок продан — 12 руб.
Пеньки 4 пуда — 8 руб.
Со стороны прислано — 78 руб.
————————————————
Итого: 198 руб.

Расход

Чай, сахар — 25 руб.
Подати — 24 руб.
Сенокосу куплено на 13 руб.
За купленную землю в банк — 6 руб.

Пастушня — 6 руб.

Крупа гречневая — 11 руб.

Водка — 10 руб.

Страховка — 7 руб. 63 коп.

Мука для блинов и масляница — 5 руб.

На мельницу за помол муки — 3 руб.

Кузнецу за ковку лошадей, за плуги — 3 руб.

Деревянное масло — 2 руб.

За молебны священнику и в церковь — 5 руб.

На обувь — 15 руб.

На одежду — 2 — руб.

Стан колес — 15 руб.

Огурцов три меры по 50 коп. за меру — 1 руб. 50 коп.

Капусты — 2 руб.

Сельди — 3 руб.

Поросенок — 3,5 руб.

А остальные деньги — на мелкие расходы: соль, спички, горшки, чашки, на чай и закуски во время поездок в Погорелое Городище и в Зубцов и на другие мелочи.

Приход и расход продуктов в бедной крестьянской семье (4 человека).

Ржи 10 кулей — 20 мер на семена, а 4, 5 кулей для еды.

Овса 8 кулей — 2 на семена, 3 на домашние нужды и 3 для продажи.

15 мер семя льняного — 5 на посев, 5 для масла и 5 в продажу.

Льна 15 пудов — в продажу.

Конопли 5 мер — для себя, а пеньку унесло, когда она была помочена в реке.

Картофель 12 кулей — 2 на семена и 10 для еды.

Лук 2,5 меры — для собственного продовольствия.

Редьки 10 штук — для собственного продовольствия.

Гороху 1 мера — для собственного продовольствия.

Молоко от одной коровы — для собственного продовольствия.

Мяса 5 пудов, масла фунтов 8, сала фунтов 20.

Капусты — 27 ведер.

Приход денег

Овса продано на 10,5 руб.

Семя льняного — 6 руб.

Сын в подпасках — 20 руб.

За дубление овчин — 40 руб.

За работу сараев, овинов — 15 руб.

За лен — 35 руб.

———————————————

Итого: 126 руб. 50 коп.

Расход

Чай и сахар — 25 руб.

Водка и закуски — 25 руб.

Подати в банк — 14 руб.

Пастушня — 2 руб.

Сельди — 3руб.

Табак и спички — 5 руб.

Страховых — 4 руб.

Дрова для овчин — 10 руб.

Одежда и обувь — 20 руб.

Священнику за молебны и в церковь — 3 руб.

Кузнецу и мельнику — 2 руб. 50 коп.

Деревянное масло — 1 руб.

Мука для блинов — 2 руб.

Капусты куплено — 2 руб.

————————————

Итого: 118 руб. 50 коп.

А остальные на мелкие расходы: соль, чашки, плошки, горшки, баранки, поездки в Погорелое Городище, Ульяновское и другие мелочи. Да в этот год еще хлеба уродилось достаточно, а то в былые годы приходилось покупать или занимать. Изба же нуждается в ремонте — не на что перестраивать.
«Год году не кормилец», — говорят наши крестьяне. В один год получится доходу 200 руб., в другой — 150 руб., в третий — 250 руб.: когда меньше, когда больше, — но, в общем, дело идет так, что на прожитье стараются каким-нибудь образом достать и обходятся как-нибудь, сводя концы с концами. Если же в какой-нибудь год остаются лишние деньги, а это случается очень редко, то они идут на какой-нибудь ремонт или копятся для выдачи дочери замуж, женитьбы сына и т. п. события крестьянской жизни. В общем же, по словам стариков, крестьяне год от года беднеют, прежде жили богаче: и хлеба было больше, и скотины, и травы, да и стройка была лучше; «ныне же пошла мода на чай, да справы на девок, да водка — не только что лишнюю скотину держать, а и последнюю со двора сведешь».

388. [Обычный порядок жизни. Работы крестьян] Встают крестьяне обыкновенно с рассветом, умоются, иные перекрестятся и принимаются за работу. Летом же и по осени поднимаются до свету. Во второй половине августа, в сентябре и у многих в октябре идет молотьба; встав еще до света, часа в 4 и раньше, идут на гумно молотить и там пробудут до тех пор, пока не обмолотят овин: семейные — часов до 8, а одинокие — часов до 10 даже до 11. Причем в больших семействах стряпухи остаются дома или уходят домой часов в 6, а в малых отпускаются только подоить коров и выгнать их в поле. Управившись с овином, в августе идут косить овес, а в сентябре — копать картофель, предварительно позавтракав и попив чаю — час-полтора. К вечеру, пришедши домой, идут опять на гумно садить овин, сушить его и веять ворох. И только к ночи управляются совсем. Не менее тяжело бывает во время сенокоса. Встают часа в два, тотчас же идут косить часов до 6—7, когда бывает завтрак, который приносится в поле. А после него опять косить часов до 10.
В 10 часов идут домой, раскидывают сено, которое находится у сарая, пьют чай, почти все едят блины, сушат сено, расшевеливают его, а часам к 4—5 — убирают в сарай (обед бывает в час или два) и идут в поле за накошенным сеном, которое перевозят только к вечеру. Окопнают его, после чего, поужинав, ложатся спать, когда начинает только смеркаться.
Жать идут часов в 5—7, позавтракав и истопив печки, и жнут до позднего вечера, даже обедая на полосе. И редко кто отдохнет хоть с час за целый день; разве только тогда, когда совсем кто-нибудь выбьется из сил. По собственному признанию крестьян, у них не бывает отдыха с Петрова дня и до Успеньева: некогда,

работают иногда по 18 часов в сутки с небольшими перерывами для еды и чая — часа два, а спят — часа 4—5, и если бы не частые праздники, то им никогда не вынести бы было такой работы. Зато по зиме у них только и дела, что приготовить и задать корм скотине, а женщинам — прясть и ткать. Все же остальное время они проводят в праздности и ничегонеделании, разве только когда совьют веревку или еще что-нибудь при доме поправят, на что потребуется времени 1—2 часа.

[И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака]

389. [Достижение половой зрелости] Половой зрелости парни и девушки достигают в возрасте 16—18 лет. Родители с этого времени начинают больше обращать внимания на них, но имеют при этом в виду только их работоспособность и материальные цели. С одной стороны, они начинают их лучше одевать; с другой, — советуют им, на кого обратить свое внимание и завлекать к женитьбе. Соседи также начинают больше обращать на них внимания, и с точки зрения работоспособности оценивать их, видеть в них работников, женихов, невест и только.

Одни из парней — и большинство — хранят целомудрие до самого брака, другие теряют его до брака. Зависит это от нравственного склада характера того или иного парня. Можно сказать, что потерять целомудрие очень легко; отчасти на стороне, отчасти дома — на посиделках так много соблазнов, что только люди с сильной волей и добрым сердцем могут воздержаться от них.

Сам народ к потере целомудрия парня относится хотя и неодобрительно, однако снисходительно; не избегают иметь их в своих зятьях, тем более, что о потере целомудрия могут только догадываться, достоверно же знать об этом трудно.

Сближение молодежи

390. Парни и молодые девушки встречаются по праздникам на улице, где они обыкновенно в эти дни водят хороводы и поют песни, собравшись все вместе. Они видят друг друга также в церкви, в поле, на сенокосе и других работах. Но главным местом, где сходится и сближается молодежь, являются посиделки. Начинаются посиделки преимущественно с заговен (15 ноября) в доме, который снимают девушки у какой-нибудь бобылки за известное вознаграждение. Общих игр на посиделках почти нет по недостатку помещения, но зато поют песни самого разнообразного содержания, иногда даже такие, что прохожему человеку совестно и слушать. А парни играют на гармонике, разговаривают — каждый со своей возлюбленной. Если же это наскучит, то выходят на деревню и тут, ходя по деревне, поют песни и играют на гармони. На эти собрания ранее ходили почти поголовно все девушки и парни, начиная с двенадцатилетних, а иные и моложе; с открытием же училища — [подростки] лет до 14—15 перестали ходить. В других же местах, например, в Никольской Пустыни, снимаются четыре изобки, в иных — три, а в третьих — две, и собираются в каждой из них только лица определенного возраста: в одной — взрослые, в другой — малые, лет 12—13, в третьей — 14—15 лет. Родители, замужние и вдовы не ходят на эти собрания, но женатые — молодые иногда приходят, когда дома ничем нельзя развлечься, а здесь всегда бывает «вольно». Из чужих деревень парни также приходят на посиделки. Между ними и своими деревенскими парнями случаются драки, но чаще дело обходится мирно, и чужие на посиделках пользуются таким же правами, как и свои, особенно если они угощают водкой.

391. Парни стараются привлечь к себе внимание девушек различным образом: иные — ласковым обращением, другие — удалью, третьи — шутками, но все — зажиточностью и богатством. Девушки со своей стороны выказывают на показ свою дородность, достоинства, а главным образом — достаток, для чего иные на посиделках в один вечер меняют одежду до трех раз. Красота же сама по себе без соответствующей справы и малоспособности к работе не имеет значения, а потому сплошь да рядом случается, что берут девушек некрасивых, но сильных, дородных и с хорошим приданым. Особенно избегают малых ростом, хотя бы они имели остальные качества и достоинства. Между некоторыми парнями и девушками обращение вполне приличное, между другими — вульгарное; причем даже хватание, поднятие платья, обнимание и т. п. не считаются обидными и предосудительными, но даже похваляются родителями в целях привлечения парней к женитьбе на них.

Вообще же со стороны родителей надзора никакого нет. Если и случится, что какой-нибудь отец станет бранить девушку или парня за допущенную ею какую-либо несообразность или неприличность, то на него восстает мать и другие женщины семьи, и он во избежание дрязг и неприятностей принужден бывает уступить [неразборчиво].

392. Между молодежью иногда устанавливается половое общение, но не часто. Конечно, это дело тщательно скрывается, а плод вытравливается в тех домах, где это умеют делать. Парня в этих случаях жениться не обязывают, а если и стараются склонить к этому, то он чаще отказывается, чем соглашается. К девушкам, потерявшим невинность, особенно если налицо имеется вещественное доказательство — незаконнорожденный ребенок, относятся снисходительно, но только обидно снисходительно — пренебрежительно, со злорадством. «Какая же это девка, — говорят в таких случаях, — когда себя уберечь не могла?» Но случается, что и они выходят замуж, но только за таких людей, за которых не идет ни одна порядочная девушка. Чаще же вовсе не бывает результатов половой связи. Потеря девушкой невинности бывает тайной, и она живет, как и другие девушки деревни. Сами родители девушки о половой связи ее, хотя бы и с лицом высокого положения, могущего ее и ее семью наделить средствами, приданым и т. п., относятся недоброжелательно.
Молодые люди обоего пола в нашей местности вместе ночуют попарно. Половое общение при этом случается не очень часто, но и не очень редко. Общество и родители к подобного рода порядкам привыкли давно, поэтому к этому и относятся снисходительно, если только дело не доходит до полового общения. Если и раздаются протесты со стороны некоторых здравомыслящих людей, понимающих весь вред от подобного положения вещей, то они заглушаются голосами громадного большинства, считающего эти протесты посягательством на обычай, освященный веками. Когда лет 7 назад сельский староста, согласно приказанию начальства, запретил посиделки, то это вызвало такую бурю негодования, что он принужден был махнуть на это рукой и отказаться от исполнения приказания начальства.
Быть выбранной парнем и вообще иметь ухаживателя на посиделках является честью для девушки, но иметь полюбовника — это не честь, а бесчестье.
Троицын день, Купальская ночь, Красная горка празднуются, как и другие праздники в году. Каких-либо игрищ на эти дни нет, и свободного полового общения в эти дни не допускается.

Обстоятельства, предшествующие браку

393. На брак народ смотрит как на обычай, освященный веками и церковью, который дает возможность приобретать для дома даровую рабочую силу и жену. Сообразно с этим, отклонение от брака преследуется как отклонение от чего-то священного, завещанного отцами и дедами. И, напротив, вступление в брак считается необходимым для всякого порядочного человека и даже для такого, который совершенно не способен к отправлению супружеских обязанностей. Кроме того, на брак крестьяне смотрят как на средство, могущее привязать человека к дому, исправить его, научить степенству и вообще порядочности; а отклонение от брака — верное средство к тому, чтобы молодой человек окончательно «избаловался» — испортился. Хотя и слыхать по отношению к браку выражение вроде: «От судьбы не уйдешь», — [неразборчиво] тем не менее, каких-либо поверий и сказаний об этом среди народа не обращается. Участие же Божества выражается такими поговорками: «Божья воля», «Его Святая воля», «Все Бог да Никола — их святая воля» и др., а также следующим рассказом, записанным мною со слов одного старика: «Вот шел однажды Христос и Никола. Увидали они девку: нажала она сноп, рассолодела и лежит. И спрашивают у нее: «Где дорога в село?» Она ногу подняла и, указывая ею, говорит: «Вон — ступайте». Христос и говорит: «Вот дурища девка — лень ей и встать». Ну, пошли. Идут. Молодец пашет. Спрашивают его: «Куда пойти на такую деревню?» — «Вот сюда, старички почтенные!» Христос и Никола пошли дальше. И забыл парень сказать, что тут встречаются две дороги. Вот и слышат они, Христос и Никола, — бегут. Оглянулись и видят — парень бежит. «Что тебе надо?» — спрашивают. «Постойте! Вот что: там за версту две дороги, надо налево. Я забыл вам сказать да забоялся, что вы заблудитесь, вот и догнал». Поблагодарили они его и признали в нем благочестивый разум. Пошли дальше и занялись промеж собой разговором. «Да вот, — говорит Христос, — разница какая в девке и парне. Девка — дура,

а ему надо счастие устроить». Ну а Никола и говорит: «а что лучше ему вот за эту девку». Но Христос не согласился: «Такую дуру, — говорит Он, — такую дуру нельзя выдать за такого парня». Заспорили. Никола и говорит: «Ты молод». — «Как так? Я правильно рассуждаю. Чем я не умею судить?» — «А вот чем: сведи-ка двух дураков. Тебе их не рассудить. А сведи двух умных, они и Тебя забудут. А если таких свести, то все довольны будут».

394. При заключении браков имеются в виду, главным образом, хозяйственные соображения: недостаток в рабочих руках. Сообразно с этим в невесте, прежде всего, ценится способность в работе и дородство, но обращается немалое внимание и на ее нравственные качества, особенно послушливость, непорочность, а также на имущественный достаток, красоту и породу (каковы отец с матерью, дед с бабушкой и т.д.). Это последнее часто и решает все дело. В женихе ценится имущественный достаток, трудолюбие, трезвость, его семья. Вообще же «подобный ищет себе подобного: бойкий — бойкого, тихий — тихого, богатый — богатого, бедный — бедного», как говорят наши крестьяне, и редко случаются отклонения от этого народного изречения.

395. Вступают в брак преимущественно восемнадцати лет. Этот возраст избирают потому, что по нашим законам брак в более раннем возрасте не допускается. Оставить же парня неженатым после 18 лет нельзя: «избалуется», по собственному их признанию. Брак же, налагая на парня известные обязанности, приучает лучше всего его к крестьянству. Не отдавать замуж девушку до тех пор, пока она не пробудет в доме известное число лет работницей, — не в обычае, хотя в некоторых домах и случается по недостатку рабочих рук, что долее обыкновенного не выдают ее замуж, хотя и есть жених. В большинстве же семейств девушку отдают замуж тотчас же, как посватается подходящий жених: из опасения оставить ее «вековушкой».
В деревне сохранилось предание о том, что в прежнее время, при крепостной зависимости, соединяли браком малолетних — 12—15-летних — парнишек со взрослыми девушками. Результатом этого, по преданию, появилс такой разврат, о котором и вспомнить страшно: сначала жены малолетних, по неспособности их мужей к супружеской жизни, предавались разврату, а потом — их мужья, для которых жены их казались устаревшими И такой порядок вещей был настолько обычным, что не вызывал никакого удивления и казался нормальным. Сделки, в силу коих малолетние дети обязаны по достижении определенного возраста вступить в брак, ныне не заключаются родителями между собой.
Очередь в выдаче замуж дочерей строго соблюдается, и младшую выдают замуж раньше старшей только тогд когда последняя надежда на выдачу замуж старшей дочери совершенно потеряна, и приходится опасаться, как бы и младшая не осталась в девках. Но не так строго соблюдается отношение между годами жениха и невесты. В редких случаях жених старше невесты. Часто они — одногодки, но еще чаще бывает, что невеста старше жениха на год — на два, а иногда — много больше. Возраст, после которого жениться и выходить замуж не дозволяется, не определен в деревне. Случалось, и не очень давно, что женились 65-летние старики. Но не слыхать, чтобы женщины выходили замуж позже 40—45 лет.

396. Родительское разрешение и благословение для брака считается необходимым. Проявляется оно в их согласии отдать дочь или женить сына и благословении: жених или невеста становится на колени, кланяется родителям земно, целует икону, которую родители держат в руках, и их самих, говоря при этом: «Благословите, батюшка и матушка», на что обыкновенно получается ответ: «Бог тебя благословит».
В случае если родителей у жениха или невесты нет, то их место занимает большак, кто бы он ни был: брат ли, дядя ли или еще кто. Его согласия спрашивают даже тогда, когда отец и мать живы. В некоторых домах при выдаче дочерей замуж решающее значение имеет голос матери, а при женитьбе сыновей — голос отца. Но в большинстве случаев согласие обоих имеет одинаковое значение и при женитьбе сына, и при выдаче дочери замуж. В иных же семьях решающее значение имеет отец.

397. Браки уходом — очень редкое явление. Можно сказать — исключительное во всей здешней местности. За последнее время был только один такой брак в Красном Холму: крестьянина с девушкой из этого же села, раскольницей, потому что родители невесты не отдали бы за него свою дочь, зная его за человека нетрезвого,

буйного (к тому же православного). А она (невеста) была девушка бойкая, уже в годах и совершенно потеряла надежду выйти замуж, и потому согласилась. Попросту такие браки называются у нас «самокрутками» и отличаются от обыкновенных браков тем, что совершаются тайком, без согласия родителей, тогда как обычно браки являются, можно сказать, общими деревенскими праздниками. Каких-либо особых последствий от этих браков не бывает. Сначала, правда, покричат, посердятся, не выдадут приданого, а в конце же концов помирятся. Отец упомянутой выше невесты, как только узнал, что его дочь вышла замуж и притом за православного, кинулся к священнику и начал ругаться, обещая ему ссадить его с места и упечь туда, «куда Макар телят не гонял». Потом он прибежал к дочери, но та, выслушав его ругань, только спросила: «А что ж ты меня за хорошего не отдавал?» Поругался отец да ни с чем и ушел, и жалобы никуда не подавал.

398. В тех случаях, когда у жениха или невесты нет ни отца, ни матери, их место заступают ближайшие родственники. Если же и родственников нет, то приглашаются крестные отец и мать. А если нет и крестных, то обращаются с просьбой заступить место родителей к каким-либо соседям, пользующимся почему-либо симпатиями брачащихся, их уважением. Хорошие отношения в этих случаях между благословенными родителями и детьми не только продолжаются после брака, но получают еще более прочности. Однако случается, особенно в тех семьях, где брачная жизнь сложилась почему-либо неудачно, что благословенные родители теряют прежнее уважение и почет, хотя бы они и не были виноваты ни в чем.

399. Родственные советы созываются перед свадьбой не всегда, а, главным образом, тогда, когда жених их чужой деревни и мало известен. Советы имеют целью узнать что-либо про жениха от родственников, из которых некоторые, может быть, слышали о нем что-нибудь, а другие знают его, и решить общими силами: можно ли выдавать за него свою дочь замуж.

400. Браки по принуждению родителей и без согласия брачащихся, в прежнее время бывших явлением обычным, в настоящее время не совершаются, и согласие детей считается необходимым для брака. Согласия этого иногда добиваются принуждениями и угрозами, но, тем не менее, отказов и вообще каких-либо заявлений при самом обряде венчания в церкви не случается. На семейную жизнь подобные браки имеют, конечно, разрушающее влияние. Жизнь соединившихся таким браком людей — не жизнь, а постоянная брань, от которой каждый из супругов начинает искать выход. И каждый находит: муж чаще всего начинает пить горькую, а жена, если живет дома, развратничает, а то — уйдет от мужа на сторону. Но часто, хотя и с ропотом, и с трудом, переносит свою участь. Случаев, когда бы само общество побуждало к вступлению в брак, в жизни тупицинских крестьян и даже во всем здешнем округе не встречалось.

Свадебный поезд, из какой бы то ни было деревни — из своей ли, из чужой ли, — всегда задерживается крестьянами, преимущественно парнями затем, чтобы получить на водку. И всегда получают.

Браков, неравных по имущественному или общественному положению, не случалось. Главной причиной этого, по их собственному сознанию, является то обстоятельство, что жениться или отдать дочь замуж за бедного для них «низко», и родные и знакомые будут упрекать их за это, оскорблять и смеяться.

401. В деревне, да и во всей здешней местности нет холостых; все стараются жениться по достижении 18-летнего возраста, а иные по отбытии воинской повинности. Женятся даже те лица, которые вследствие физических недостатков не могут отправлять супружеских обязанностей, результатом чего обыкновенно бывает то, что жен ы их уходят от них. Отношение же к тем, которые почему-либо остались без жены или медлят жениться, самое худое. Их называют «пропащими» и говорят про них: «Что он за человек? У него и жены нет».

Положение девушки, оставшейся в девках, очень плохо; не говоря уже о том, что она весь век работает не для себя, не на своих детей. Она считается «браком»: «браковка» — говорят про нее, попрекают ее этим и называют старой девкой, «седой макушкой», «вековушкой».

402. По народным воззрениям, брак недозволителен до четвертого колена. Почему? Потому, что более близких родных не венчают, грех, да и при стариках того не было. Брак между кумом и кумой также воспрещается.

Между же кумом и родихой, называемой у нас кумой, тоже не дозволялся ранее, но с тех пор, как лет десять назад состоялся один такой брак, народ стал считать эти браки дозволенными, то все-таки греховными, и избегает их.
Приемыши принимаются у нас в дом только тогда, когда своих детей нет совершенно, а потому и о браке их с детьми приемных родителей не может быть и речи; не слыхать также, чтобы они (приемыши) вступали когда в брак с усыновившими и принявшими в дом.

403. Запрещение браков, по народным понятиям, не распространяется на однофамильцев, жителей одного и того же селения известной местности. Но браки с лицами какой-либо иной национальности или вероисповедания не дозволяются. Браки со старообрядцами допускались до последнего времени, теперь же эти браки разрешаются только тогда, когда лицо старообрядческой веры пожелает принять православие.
Дети от браков со старообрядцами всегда воспитывались в старообрядческих взглядах, все равно: православный муж или жена. В деревне был такой случай годов 5 назад. Крестьянин Д. К., проживающий всегда в Петербурге, приехал домой на родину с женой-раскольницей и детьми, крещенными в церкви. Однажды, проезжая мимо села, он захотел поклониться праху родных и позвал с собой своего сына, мальчика 5-ти лет. «Ой, тятя, боюсь!» — закричал, заплакав, мальчик, памятуя наставления своей матери-раскольницы. И только с большими усилиями отцу удалось стащить его на кладбище, которое находится около церкви. Теперь этого, слава Богу, нет.

404. Перед браком заключаются условия только о плате за невесту, времени распоя и времени свадьбы и, очень редко, — о награждении невесты, ее коробье. Условий же о дарах, неустойке, закладе и др. не было. Да же о коробье — и то порядочные люди стесняются говорить, тем более что сватающиеся знают состояние отца невесты и могут приблизительно верно предполагать, каково будет приданое молодой. Условия эти всегда бывают устные, а не письменные.

406. Родители жениха в большинстве случаев обязаны бывают уплатить родителям невесты известное количество денег. В разных семьях это количество неодинаково: в иных 10 рублей, в других — 50, но чаще рублей от 10 до 20. Эти деньги идут на расходы, относящиеся к свадьбе.

407. Если жених или невеста после сговора или распоя отказываются от вступления в брак, то в таком случае родители отказывающегося должны отвечать за расходы, сделанные семьею для свадьбы, и даже за бесчестье. Но такого рода дела до суда не доходят, по крайней мере, нет ни у кого ничего такого в памяти. А улаживаются миром.

408. Под приданым в деревне собственно разумеют те деньги, которые даются женихом родителям невесты, как выкуп за нее; но так же называется и то имущество, которое дается за невесту в придачу. Иначе его называют «коробьем», «сундуком», а чаще «укладкой». Копят приданое отец и мать невесты, преимущественно мать. Деньги на это идут общественные, а также вырученные от продажи льняной «собинки» невесты. Начинают копить года за три или за четыре до замужества, а иногда и того ранее, а потому ко времени свадьбы оно (приданое) достигает иногда порядочной стоимости — рублей до 200 и более, а у бедных — рублей от 70 и дороже. Состоит оно из платьев, платков, кофт, пальто-талии и простого полушубка. Передается приданое без всяких письменных рядных записей в день свадьбы, после венчания, когда родственники невесты — «послеезжие» — привозят его в дом жениха.
Каких-либо споров или исков о приданом между зятем или его родными и родными невесты никогда еще не возникало.
Приданое поступает в общую семейную собственность. Однако можно заметить, что жена больше распоряжается этим имуществом, чем муж. Тем не менее, и муж, несомненно, имеет на него кое-какие права. Видно это из следующего. Рождение первого ребенка считается очень опасным для жизни, а потому, чтобы в случае смерти от родов имущество молодых не досталось мужу, каждая из них перед тем, как им родить,

переносит свое приданое в дом к своим родителям, если они живут недалеко. Так что, если вскрыть в это время ее сундук, то там ничего не найти. После же родов она опять переносит свое к себе. Этого она, конечно, не делала бы, если бы муж не имел прав на ее приданое.
Случаев, когда бы муж присужден был вознаградить свою жену за растрату ее приданого, не было.

410. [**Свадьба**] За последнее время можно заметить стремление сокращать и даже не соблюдать некоторые из старинных обрядов. Так в былое время были на свадьбе князья, тысяцкий и т. п. В настоящее же время этого нет. Раньше распой и гостинцы были отдельными празднествами до брака, теперь же они соединены в одно.
Свадебные издержки бывают различны. В прошлом году выдавал замуж свою дочь один зажиточный крестьянин: ему свадьба встала в сотню рублей. Другому, бывает, — в 60 рублей, а иному — и 30 не выйдет. То же самое и со стороны жениха: у иного выходит до 100 рублей, у другого — больше, а у бедных — меньше, но не менее 50 рублей.
В деревне дары привозятся женихом различные: на первом месте — водка, потом — закуска к ней, и, наконец — различные сласти: пряники, орехи, подсолнечники, конфекты, жемочки, варенье, баранки и т. п. Дарить родственникам и посторонним, каждому отдельно — не в обычае у нас. Это соблюдается в Никольской Пустыни. У нас же все гостинцы ставят на стол, и каждый может угощаться, чем хочет.
В былые годы невеста имела обыкновение дарить родственникам мужа рубахи и полотенца, но теперь этот обычай отошел в область преданий, и теперь невеста не дарит никому ничего.

411. [**Девственность новобрачной**] Девственности новобрачной, конечно, придается значение, но каких-либо доказательств оного, равно как и публичного посрамления оказавшейся нецеломудренной, — нет.

412. Вступление в брачный союз вдов и вдовцов. Когда овдовеет какой-нибудь крестьянин, то если года ему не ушли, он спешит жениться вторично на какой-нибудь вдове, подходящей, по ее взглядам. О каком-либо сближении между вторично брачащимися не может быть и речи. Все дело ограничивается только тем, что обе стороны, ранее зачастую и не знавшие друг друга, наводят справки и разузнают о взаимном положении, а затем следует посылка сватов и свадьба. Предшествующие браку обстоятельства (сговоры, рукобитье и др.) и брачный пир при этом совершаются не так, как при первом браке. Здесь мы видим меньше расходов, стремление сократить до минимума и «скомкать как-нибудь» брачные церемонии, хотя бы жених и был зажиточный человек.
После смерти одного из супругов другой может выйти замуж или жениться, когда ему вздумается. Иногда проходит больше года, а иногда и двух недель не пройдет, как другой уже женится. Все зависит от того, может ли вдовец хотя несколько времени обойтись без жены, если может, то он ждет, если же по каким-либо причинам не может, то спешит жениться.
Обычая, запрещающего вдове отходить от свекра после смерти мужа до истечения шести недель — нет. Однако в некоторых домах, где хорошо жили и муж, и жена, и свекор со свекровью, можно иногда видеть, что невеста не уходит раньше этого срока. Уход из дома свекра вдовы в большинстве случае зависит от нее самой: она останется, если пожелает, и никто ее не выгонит, потому что кому не нужна даровая работница? Если же пожелает уйти, то ее никто удержать не может, и даже беременность ее не всегда является препятствием к уходу [неразборчиво].
Каких-либо поверий, удерживающих вдовых супругов от вторичного брака, в народе нет.
Вдов побуждает вступать во вторичный брак их скверное положение: ведь у большинства из них нет ни своего дома, ни своей земли. Работать они принуждены не на себя, а на чужого, при том еще часто в работницах. А под старость, когда у них сил не останется, где им жить и чем питаться? Ныне ведь частенько и отцов в шею выгоняют из дома, а о какой-нибудь старой и дальней родственнице и говорить не стоит. Выходя же замуж, они приобретают и дом, и землю, и семью, надеясь к тому же быть матерями и иметь кормильцев на старости лет. К тому же ведь «не добро быть человеку едину». Вдовцов же побуждает к вторичной женитьбе невозможность управиться без жены. Без нее ему — «не знаю, что и делать: не то в поле идти, не то печку топить, не то ребят нянчить». В нынешнее время

трудно вдовцам, потому что в большинстве случаев все семейство и состоит только из мужа, жены и малолетних детей, и каких-либо других женщин в семье, которые бы могли бы заменить умершую, нет. Если даже и нет у него детей, то опять-таки ему необходимо жениться, потому что одному ему ни коим образом не справиться с хозяйством. Не лучше бывает, если вдовец живет в большом семействе: здесь его заставят жениться другие члены семейства.

По народным воззрениям, в брак можно вступать до трех раз. Предосудительным второй брак у нас не считают, но нельзя сказать, что и сочувственно относились к нему. Скорее же всего считают его уступкой необходимости и относятся безразлично.

Если первый брак был бездетен, то вдовец скорее может найти себе жену и даже среди девушек, чем тогда, когда у него остались дети. Ровня и вдова бездетная имеют больше шансов на то, что ее возьмут замуж. Тем не менее, и вдовы с детьми выходят замуж, особенно которые с девочками. Но редко которую из них пугает участь их детей у второго мужа.

Собственно, при свадьбе вдовца соблюдаются все брачные обряды, только соблюдаются они не так, как при первом браке. Так, например, время от сватовства до самой свадьбы у первобрачных продолжается недели две, в крайнем случае, а чаще — 3—4; а здесь же — дня 3—4. Во время распоя и гостинцев у первобрачных текут реки вина, и бывает много гостинцев, у второбрачных — поставят полштоф, много два да закусить что-нибудь. То же самое и на свадьбе. Наконец, свадьба — брачный пир — продолжается два, три и даже четыре дня, а второбрачных ничего нет, кроме закуски и выпивки, продолжающихся час или два, на которых присутствуют при том только ближайшие родственники. А на свадьбе у первобрачных присутствуют не только все родственники, но даже все деревенские.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1726. Л. 1—18

413. Брачная жизнь. Трудно определить, как влияют первые дни совместной брачной жизни на ее будущее. С одной стороны, приходится видеть, что там, где первое время жили, как говорится, душа в душу, с течением времени начинают возникать ссоры, брань, и супружеские отношения, сначала нежные, переходят в холодные и ворчливые. С другой стороны, где жили сперва если и не худо, то, во всяком случае, не так, как следует новобрачным, потом начинают жить, как следует. «Муж да жена — одна сатана», — говорят в объяснение таких явлений сами крестьяне. Только в одном случае первые дни брачной жизни имеют вполне определенное влияние: это если новобрачная оказалась нецеломудренной, о чем жених не знает до свадьбы. Это обстоятельство почти всегда имеет одинаковые последствия: брань, ругань и попреки в продолжение всей последующей жизни, от которых иной находит какой-нибудь выход. Хотя в некоторых случаях и от этого худое житье бывает только на первых порах, а потом все забудется и войдет в обычную колею. Вообще же в большинстве случаев живут согласно. Каждый парень обыкновенно сам выбирает себе невесту, и, если он хорошо узнал ее характер, и они «сошлись характерами», то живут согласно; если же он не узнал ее, как следует, до замужества. Характеры и взгляды их оказываются различными, то жизнь супружеская складывается неудачно. Для иллюстрации этого привожу один пример. Парень взял себе в жены девушку из Никольской Пустыни, где мужчины почти целый год живут на стороне, а дома всем распоряжаются женщины. Вышедши замуж за крестьянина из нашей деревни, где всем заведуют и распоряжаются мужчины, она хотела и у мужа, как дома, всем распоряжаться. А муж хотел распоряжаться сам. Результатом этого явилась брань, ссоры и даже побои. Таких случаев в деревне не один.

В других случаях к разладу приводит недостаток средств к жизни, малоспособность одного из супругов, пьянство и т. п. Вступая в дом, новобрачная иногда встречает нападки и дурное обращение со стороны свекра и свекрови, иногда даже ухаживание первого. Эти обстоятельства также ведут к семейному разладу, но супруги от этого в большинстве случаев сходятся и сближаются еще теснее и ближе.

«Первая жена железная, а вторая — хрустальная», — говорят у нас. Это значит, что первую жену и ругать, и бить можно, и работает она, как вол; вторую же не только не бьют, но еще ухаживают за нею. Исполняют не только ее законные желания, но и капризы, иначе она уйдет от мужа. Особенно это бывает тогда, когда разница в годах мужа и жены значительная (лет 10—15). В таком случае муж прямо-таки раболепствует перед

женой; и иногда даже случается, что жена бьет мужа. С другой стороны, при значительной разнице в годах мужа и жены последняя частенько начинает гулять на стороне, развратничать и спускать имение мужа. И редкий муж может справиться с этим.

414. Супруги в глаза и заочно называют друг друга по именам: Иван, Анисья и т. п. Жена всегда принимает прозвище своего мужа, хотя изредка случается, что, принимая его прозвище, она в то же время сохраняет и свое родовое. Но никогда не бывает, чтобы к прежней фамилии жены прибавлялась фамилия мужа со словами «по мужу». Равно никогда не было и нет, чтобы соседи называли жен по имени мужей: Иваниха, Романиха.

По народному воззрению, муж обязан заботиться о своей жене: он должен ее кормить, поить, одевать, обувать и вообще содержать ее. Но и жена, со своей стороны, обязана работать на дом наравне с мужем и заботиться о благосостоянии семейства. Каких-либо жалоб на несоблюдение этого не было.

415. Муж есть глава жены — вот что в большинстве случаев лежит в основе отношений между супругами. Как глава, он должен заботиться о жене, а жена же должна повиноваться ему, слушаться его, исполнять его веления беспрекословно. В противном случае он имеет право наказывать ее — бить ее. В настоящее время, впрочем, бьют по большей части только под пьяную руку, трезвые же — очень редко. Жены в большинстве случаев терпеливо переносят эти побои. И только некоторые из них, измученные вконец побоями, уходят из дому, а другие — жалуются в волостной суд. Но в Тупицине подобных примеров не было ни одного. Соседи ко всему этому относятся неодинаково: одни из них сочувствуют и жалеют ее, а другие хвалят мужа, приговаривая: «Так ей и надо». Но, признавая необходимость «учить жену», народный обычай не признает за мужем права убивать жену ни в каком случае, и каких-либо преданий относительно этого не сохранилось. Муж властен выгнать жену из своего дома, и делает это он своею собственною властью без чьего бы то ни было разрешения, но отказать ей в этом случае в содержании он не имеет права. А если бы он это сделал, то волостной суд обяжет его содержать жену.

Случаев, когда бы жена требовала, чтобы муж не уклонялся от совместного с нею жительства или, если он ушел от нее, то чтобы возвратился, не было не только в жизни крестьян Тупицинского общества, но и во всем здешнем округе; не слыхать также, чтобы муж жаловался когда в суд на жестокое обращение с ним жены и вообще просил бы суд наказать жену.

Муж имеет право требовать жену свою, ушедшую от него; суд и вообще власти в таких случаях чаще всего постановляют, чтобы она вернулась к мужу, но это постановление суда почти никогда силы не имеет, потому что не от добра же она ушла из дома мужа. А обратно вернуться, это значит опять подвергнуться ежедневному мытарству. Иногда даже по жалобе жены суд находит необходимым дать ей отдельный вид на жительство. Жены в случае дурного обращения с ними их мужей в громадном большинстве случаев терпеливо и безропотно сносят свою участь, и только некоторые, очень немногие уходят от них или к родным своим, или поблизости нанимаются где-нибудь в работницы.

Случаев же, когда бы они жаловались на дурное обращение мужей начальству, в деревне не было ни одного, а в соседней деревне Безумове в прошлом году был один такой случай. Волостной суд, однако, не наложил никакого наказания на мужа, а сделал ему только выговор и предостережение, что в следующий раз он будет наказан арестом. Удерживает жен от жалоб на мужа то обстоятельство, что они с молоком матери всасывают в себя мысль о необходимости подчинения мужу. Еще маленькими они видят, как отцы их бьют матерей их. Подросши, они слышат и дома, и на стороне, что так и должно быть, что иначе и порядка в доме не будет и т. п. Когда же выходят замуж, то мать и отец опять-таки советуют ей слушаться мужа и «не выносить сор из избы». Естественно поэтому, что, выйдя замуж, они безропотно переносят не только невзгоды жизни, но и побои и даже мытарства. С другой стороны, наказание (да и какое же это наказание — посидеть суток пять под арестом) мужа, бьющего жену, не только не облегчает ее участи, но еще больше ухудшает, потому что, возвратясь домой из-под ареста, он еще больше ожесточается против жены и еще больше бьет ее за то, что «она, паскуда, осрамила его».

В деревне не было ни одного случая, чтобы жена жаловалась на мужа по поводу его нетрезвой жизни, расстройства хозяйства и т. п. В Красном Холму за прошедший год был один такой случай: жена жаловалась

на пьянство мужа. Волостной суд приговорил мужа к аресту при волостном правлении на семь дней. Других вопросов, намеченных этим § и 416 — нет.

417. **[Отклонения от законного брака]** Отклонения от законного брака прежде (лет 15—20 назад) были явлением вполне обычным, что объясняется самими крестьянами влиянием крепостного права. За последнее же время супружеская неверность стала встречаться очень редко и имеет в основе своей привычку к распутной жизни, приобретенную до свадьбы где-нибудь на стороне и (со стороны женщин) неудовлетворением плотских желаний (у вдов и солдаток). Если неверность допускается женщиной, то это обстоятельство в большинстве случаев влечет за собою полный разрыв между супругами. А если же неверность допускается мужчиной, то чаще всего жена сносит это молчаливо, иногда даже обвиняя себя в этом.

Прелюбодеяние считается преступлением, кем бы оно ни было допущено: мужем или женою; тем не менее, можно заметить, что женщина больше терпит за это, чем мужчина. Женатые обзаводятся любовницей в тех случаях, когда их законная супруга им почему-либо не нравится и когда они большую часть времени года живут где-нибудь на стороне, особенно в городе, на фабрике и т. п.

Положение наложницы (любовницы) отличается от положения жены тем, что на нее смотрят только как на наложницу, «потаскушку», а не хозяйку, Богом данную жену, относятся пренебрежительно и при всяком удобном или неудобном случае стараются попрекнуть ее этим, называя ее то «сволочью», то «потаскушкой», то «бл-ью» и иными бранными эпитетами, но далее этого дело не заходит, и таких явлений, как битье окон и пр., не совершается.

На другие вопросы этого § жизнь не дает ответа.

418. На рождение детей народ смотрит как на благословение Божие, когда есть что есть, а когда нет чего есть, то видят в этом чуть ли не наказание Божие. Бесплодие не считают наказанием, стыдом или несчастьем. А иные считают это счастьем. «Божья воля, — говорят об этом крестьяне, — дать или не дать дитю». И относятся вообще хладнокровно, и кого-либо из посторонних для исполнения супружеских обязанностей не приглашают.

419. На внебрачное соитие крестьяне вообще смотрят недоброжелательно при всяких обстоятельствах, и случаев соития жены с ведома мужа и мужа с ведома жены нет и не было.

420. Народ различает уход жены к родителям или посторонним и выезд с выдачей паспорта. К тому и другому относятся не одинаково. Одни стоят за мужа и ругают жену, а другие сочувствуют жене и, сообразно этому, к родителям, давшим приют дочери, относятся не одинаково: одни ругают их за это, а другие говорят, что нельзя не дать приюта дочери, хотя бы она и была виновата.

421. Муж, прогнавший свою жену, не пользуется симпатией в деревне, и уважения такого, какое ему оказывали бы, если бы он жил с женой, нет, и на сходках, например, его голос не имеет большого значения. Скорее и больше имеет влияние человек, хотя и бедный, но живущий с женой.

422. Дела по жалобам между супругами об обидах подлежат ведению волостного суда. Волостной суд, смотря по обстоятельствам, или делает выговор, или налагает наказание, или дает отдельный вид на жительство. Случаев, когда бы по решению мирского схода, вследствие дурной жизни мужа, для обеспечения жены и детей дано было главенство в семье (так называемая большина) жене, не было. Но из отзывов видно, что это будет ими сделано, если представятся подобные обстоятельства.

[I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности]

423. Роды. Положение беременной женщины в семье почти всегда, более или менее, лучше, чем положение других женщин, потому что все домашние стараются по возможности исполнять за нее работы, особенно

тяжелые. Тем не менее, многие из них, по недостатку рабочих рук в семье, до последней минуты продолжают исполнять свои обычные работы и на работе разрешаются от бремени. Вообще же можно сказать, что перестают совершенно работать только тогда, когда, когда совсем не могут ничего делать, а то все ходят да что-нибудь делают. Равно и после родов — встают и принимаются за работу, но не через одинаковое время: иная пролежит недели две, иная — неделю, третья — дня два-три, а четвертая — и дня целого не пролежит, а встанет и начнет работать.

Зависит это, главным образом, от здоровья роженицы, а также и от управки в хозяйстве. Если пора рабочая, а работать некому (случается, и очень часто, что только и есть работников в семье муж да жена), то роженица, хотя и через силу, поднимается и отправляется работать.

Повитухи свои деревенские всегда присутствуют при родах. Акушерки же приглашаются только в тех случаях, когда женщина не может родить, да и то не всеми, а только некоторыми передовыми людьми в деревне. Большинство же считает грехом употребление при родах акушерских приборов.

После родов, на которых муж обыкновенно не присутствует, роженицу приходят навестить соседки, но не все, а только те, которые еще не перестали родить. В подарок роженице приносят лепешек, ватрушек, пирогов, — все это у нас называется «зубки».

424. Появление ребенка на свет чаще всего встречается с радостью, как благословение Божие. Но нередко [неразборчиво], когда в семействе и без него много детей, а достаток плохой, что [неразборчиво в появлении новорожденного] видят в нем наказание Божие. При рождении двойни ничего особенного не бывает, а все делается так же, как и при рождении одного ребенка.

Рождению мальчика в большинстве случаев бывают больше рады, чем рождению девочки. Причина этого в том, что мальчик, выросши, является подпорою отцу и матери, а под их старость — «кормильцем и поильцем». А девушка, по народному выражению, — «чужая корысть». Как только она вырастет, ее приходится отдавать замуж.

Есть, однако, в нашем уезде места (дер. Селиваново), где рождению мальчика предпочитают рождение девочки, по причине недостаточности земельного надела (около 2 десятин на целую семью).

425. [Крестины] На крестины зовут только кума да куму, а в некоторых домах приглашают еще ближайших родственников, которые живут в своей деревне. Ставится самовар, подаются баранки и закуска, полштоф или два водки, смотря по достатку, жареный или вареный петух да каша.

На кашу обыкновенно принято класть в подарок деньги, которые иногда идут повитухе, а иногда (и чаще) — в пользу новорожденного. Кладет кум, кума и из родственников кто, если они находятся тут. После закуски все расходятся и вообще празднества никакого не бывает. А в некоторых домах, особенно в рабочую пору, ничего не бывает.

426. [Детская жизнь] В первые дни по рождении ребенка и много после рождения весь уход за ребенком состоит в том, что его покормят, когда он начнет кричать, а потом положат в люльку и качают до тех пор, пока он не заснет. Если же он, несмотря на все старания окружающих, не засыпает, его берут на руки и нянчат, разговаривая с ним и иногда напевая ему песню: «баюшки-баю». Когда же это надоест, кладут его в люльку, а в рот — соску, рожок (резиновый) или тряпку, в которой завернута и завязана бывает размоченная баранка, а иногда — черный хлеб.

Кормление ребенка грудью продолжается почти до самого рождения другого ребенка. А если другой ребенок не родится «до году», то [кормят] полтора года.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1726-а. Л. 2

Большинство детей отнимается от груди в 8—9 месяцев, иногда — раньше, иногда — позже.

Прикармливать же начинают очень рано, — месячных, иногда — ранее, и притом, чем придется: нередко — черным хлебом, предварительно размочив его и завернув в тряпицу, чаще же — баранками (размоченными) и белой кашей.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1726. Л. 18—56

427. [Воспитание детей] Настоящих отношений к детям со стороны взрослых не заметно ни в одном доме. В некоторых домах, где детей мало, слишком мягко относятся к ним и балуют их, особенно если есть у них деды и бабушки, которые всегда потакают им и заступаются за них. Дети в таких семьях являются маленькими деспотами. В других семьях на них совсем не обращают никакого внимания, если они не мешают старшим, и они делают, что им вздумается. Когда же [дети] начнут кричать и сильно баловать[ся], тогда их начинают драть или таскать за вихры. Наконец, в некоторых домах, очень немногих, стараются следить за детьми, когда есть время. Но так как времени свободного у крестьян очень мало, то и в этих семьях почти все предоставляется воле Божьей. Вообще со стороны родителей все воспитание детей сводится к питанию: к тому, чтобы накормить их, напоить и одеть. Все же остальное дети приобретают на улице. И редкий из них является более или менее смирным (натура такая). Большинство же являются такими сорванцами, что только матерное слово и кнут могут произвести какое-нибудь действие на них. Простое же слово и увещевание никакого действия не производят. С течением времени, когда дети подрастут, их начинают брать с собой на работу. Времени для баловства остается меньше, и большинство их них к годам 15-ти становится смирнее. Но некоторые на век остаются избалованными и взбалмошными на тягость себе и другим, потому что, собственно, и с возрастом мало муштруют их, а больше предоставляют себе, и только наследственные привычки делают детей более или менее порядочными крестьянами.

В церковь сами взрослые, за немногими исключениями, ходят настолько редко, что как ни придут — все «Христос Воскресе» поют» или: «Христос рождается», — то есть один раз в год. Не чаще этого попадают в церковь и ребятишки, пожалуй, и реже этого. Впрочем, грудных ребят раза три и даже четыре носят в церковь для причащения. Равно и молитвам своих детей никто не учит по той простой причине, что сами крестьяне за весьма немногими исключениями не знают молитв. И случалось, что в школу поступали 13—14-летние мальчики и девочки, не знавшие ни одной молитвы. Но креститься приучают обязательно каждого ребенка с малолетства. И даже 5—6-летние, садясь за стол или приходя в чужую избу, обязательно осеняют себя крестным знамением. Разного рода поверья (страх перед домовым, лешим и т. п.) редко когда внушаются детям прямо; разве когда отец или мать, чтобы унять ребенка, скажет ему, что отдаст его домовому или еще кому. Тем не менее, выросши среди атмосферы, насыщенной разного рода нелепыми поверьями, они, в конце концов, являются верными адептами этих поверий.

428. Нет определенного возраста, с которого начинают приучать к тем или иным работам. Зависит это, главным образом, от способностей и роста мальчика или девочки, а также от семейного положения, если мальчик вышел бойкий, сильный, да еще в семье мало рабочих рук, то его начинают приучать к работам раньше, чем в тех случаях, когда он растет медленно, и в семье много рабочих рук без него; поэтому иной мальчик уже в семь лет свободно ездит на лошади, загоняет скотину, птиц; в 12—13 лет начинает помаленьку косить, бороновать, а к 15-ти годам он уже умеет делать все. Другой же и в 10 лет боится сесть на лошадь, не загнать ему и скотины на двор; косить начинает учиться лет в 15—16 и к женитьбе только-только научится вести крестьянское хозяйство, да и то «с грехом пополам».

Девочки, как более слабые созданья, лет до 14—15 не принимаются ни за какую работу, кроме нянченья детей, пряжи, молотьбы (околачивания снопов) и трепания льна. С этого же возраста начинают приучаться и к полевым работам.

Вообще же подростки должны быть обучены всему летам к 17—18 — к женитьбе, когда на них начинают смотреть как на вполне взрослых и годных для работы наравне со взрослыми и уже много лет работавшими.

429. [Совершеннолетие] Вступление малолетних в совершеннолетие во всем здешнем округе ничем не празднуется, и не в обычае, чтобы являющиеся на сходку в первый раз ставил какое-либо угощение старикам. Единственно, чем он отличается от малолетних, это — одежда. Как только парень достигает 16—17 лет, его начинают одевать лучше, чем раньше. К его совершеннолетию у него всегда имеется хорошая одежда: хороший полушубок, крытый сукном, суконные пиджаки и брюки, хорошие сапоги, галоши и т. п. Равно и дочь-невеста отличается от прочих сестер, не достигших совершеннолетия, только одеждой

и большей свободой по зимам. На работах от нее, конечно, больше требуется, чем от тех, которые не достигли совершеннолетия (как и от парней-женихов); во всем же другом они не отличаются от других.
Что такое черничка? — крестьяне не знают. «Векоушей» называют тех девушек, которые почему-либо не вышли замуж, а остались в девках.

[К. Выходящие из ряда обстоятельства]

Общественные бедствия
437. Про последнюю Турецкую войну крестьяне знают очень мало. Слышали только и помнят, что воевали с турками за своих братьев славян, за то, что турки очень притесняли их — и только. Возбуждение среди народа было, особенно когда получали вести радостные о победах русской армии, но радость эта, равно и горе, ничем не выражалась, да и чем им было выразиться, когда крестьянин наш по горло, как говорится, завяз в своих собственных делах, а дальше и больше ничего не может предпринять по собственной инициативе? Единственно, что было, так это разговоры про победы: везде и всегда говорили про эту войну, старались узнать новости, слыша о победах, благодарили Господа за это и просили Его помочь нашим, а скептики — те опасались, как бы не были увеличены подати.

438. Голод 1891 года помнится среди крестьян. Они слышали и теперь иногда вспоминают, что в это время в некоторых губерниях был такой недород хлеба, что и есть нечего было, но в нашем краю недорода не было. К такому положению «своих же крещеных» они относились сочувственно, но это сочувствие дальше слов не пошло. С одной стороны, потому что почти всем им только что хватает для себя и жертвовать, помогать голодающим не из чего. А с другой стороны, потому что крестьяне по собственной инициативе ничего не предпринимают, особенно если это выходит из ряда обыкновенных событий крестьянской жизни.

439. Холера была в деревне в 1848 году. Откуда она попала — никто не знает, тем более что по соседству не было ее нигде. Страх и уныние были всеобщие, потому что люди мерли, как мухи, и больше половины деревни вымерло, так что после помещик принужден был дополнять деревню крестьянами из других деревень. Народ видел в этом бедствии наказание Божие за грехи и молил Бога об избавлении от него, но каких-либо мер не предпринималось, кроме того, что не посещали больных в чужих домах и с другими деревнями не сообщались. Даже священник и тот настолько перепугался, что, по словам стариков, не отпевал покойников, а прямо без отпеву их закапывали в могилу. Но может ли это быть?

440. Каких-либо особых суеверных приемов среди крестьян во время постигающих их разных бедствий не заметно. Эти бедствия принимаются ими за наказание Божие за грехи, и кроме молитв и молебствий в этих случаях ничего не предпринимают.

441, 442, 444. Нет.

443. [Общественный разлад] В данной местности секта раскольников существует. Относятся к ней православные крестьяне неодинаково. Одни — преимущественно женщины — относятся к ним с уважением, другие — безразлично, третьи — с насмешкой. Особенно уважение к ним подорвалось с тех пор, как раскольничьи попы, приезжавшие в деревню венчать своих, напились настолько пьяны, что потеряли все свои облачения (лет 15 назад). Пропаганда их за самое последнее время совершенно ослабла, и даже заметно их стремление присоединиться к православной церкви (за последний год). Только двора четыре еще строго придерживаются старины. Терпят от них православные только в тех случаях, когда дело, предпринимаемое миром, не соответствует их взглядам, как, например, постройка школы, богомолебствия по различным случаям крестьянской жизни и т. п.

445. [Местные бедствия. Пожары] Во время пожара крестьяне ведут себя в высшей степени возмутительно. Кто живет поближе, тот обыкновенно спасает свое собственное имущество и от своего дома не отходит.

Те, которые живут далеко, идут на пожар, но чтобы остановить пожар, заботятся очень мало, а стоят и глазеют, как горит. Да, правду говоря, и делать им нечего: пожарной трубы нет, багры же настолько тяжелы и велики, что нужно человекам десяти с ними возиться, а что ими можно сделать? — только искры полетят и еще могут зажечь что-нибудь. Единственное, чем помогают, это вытаскивают имущество из ближайших к пожару домов, а на других [домах], после проулков, садятся на крышах и поливают, а когда почти совсем прогорит, то растаскивают и заливают. По счастью еще пожары здесь бывают очень редко, и горит немного, главным образом овины — один-два. Когда же горит деревня, то сгорает обыкновенно дома 4—5 от одного проулка до другого.

Погорельцам своим деревенским весь лесной материал, сколько бы его ни потребовалось, перевозится обыкновенно на мирских лошадях безвозмездно, за одно только угощенье, состоящее главным образом из водки. Этот материал покупается, а также стройка производится на полученную страховую премию. Но так как страховка всегда ниже стоимости дома, то, если запасенных денег нет, приходится сводить со двора какую-нибудь скотину или занять. Просьбы же на пособие и сборы на погорелое — не в обычае и допускаются, как исключение, для очень бедных.

Дома и вся вообще стройка после пожара возобновляются в большинстве случаев в таком же виде, в каком были и прежде. Тем не менее, деревня от новых построек выглядит веселее. Времени, чтобы деревня восстановилась, нужно лет 30—40, а иногда и более.

Виноватого в неосторожности, от которой произошел пожар, не наказывают.

446. Нет

447. **[Неурожай]** Большой недород хлеба был в деревне еще во времена крепостного права. Хлеба уродилось очень мало, а потому крестьяне к муке примешивали отруби, головицу (истолченную), избоину, лебеду; от этого хлеба были настолько невкусны, что только голодные могли есть его. Вся лишняя скотина была сведена со двора и продана на хлеб, оставлена была только самая необходимая, а некоторые и необходимую продали. Голодали, однако, только до весны; по весне помещик открыл общественные магазины, где хлеба запасено было много, причем выдавался хлеб только тем, кто действительно не мог обойтись без помощи, богатым же и зажиточным не было выдачи. Все-таки после долго поправлялась деревня от этого бедствия.

448. На различного рода невзгоды в полевых работах: градобитие, засуха, дождливая погода и т. п., — крестьяне смотрят как на наказание Божие за грехи. А потому лучшим средством для предотвращения их считаются богомолебствия с крестным ходом, отслуженные на полях.

449. Нет.

450. **[Появление вредных животных]** Только черви вредят озимым полям во всей здешней местности, да и то очень редко. Каких-либо мер против них крестьяне не предпринимают, кроме молебствий с крестным ходом. По отзывам крестьян, эта мера является самой надежной в борьбе с ними, потому что после нее сразу налетают массы птиц и уничтожаю червей.

451. **[Ссоры и драки между крестьянами]** Ссоры не часты между крестьянами, драки же — явление очень редкое. На сходках в настоящее время ссор бывает очень мало, потому что, как только дело пойдет на ссору, староста начинает унимать и в большинстве случаев успевает в этом. Равно и при дележе дров, сенокоса ссоры бывают очень редко, потому что все делится по жребию и ругаться не приходится, в частной же, семейной, и особенно соседской жизни, ссоры бывают чаще. Самыми обидными и неприличными ругательствами при всякой обстановке считаются называния «вором», [неразборчиво] и матерными словами. Мирятся после ссор очень легко и даже без содействия старших. В настоящее время, однако, можно заметить, что некоторые, особенно побывавшие где-нибудь на стороне, в городах, норовят пожаловаться в суд. Но все-таки прежние выражения: «Брань на вороту не виснет», «Брань не дым — глаз не выкурит», — в большинстве случаев оправдываются: из-за брани не судятся. Оскорбления действием, очень редко случающиеся, всегда считаются

обидными. И в этих случаях [неразборчиво] почти никогда не обходится без суда. Личности, которой нанесена обида, всегда придается значение. Так обида священника, старика считаются более заслуживающими наказания, чем обида человеку одинакового положения, возраста и т. п.
Из символических обид ранее было в употреблении мазание дегтем ворот, но теперь этот обычай отошел в область предания.
Не бывает также теперь кулачных боев, общих свалок между крестьянами двух деревень, случаев разбития трактиров, разгрома евреев и т. п.

452. [Ссоры в домашнем быту] Ссоры в домашнем быту между супругами редки и обусловливаются главным образом неуправкой в делах, каким-либо упущением, [неразборчиво] одним из супругов, между же снохами и свекром со свекровью — тем, что кто-либо из них не делает какого-нибудь дела, и когда укажут ему на это, то возникает ссора: дескать, сама можешь сделать это, ну, и пойдут ругаться; помянут отцов, дедов и попрекнут друг друга [неразборчиво], что на ум взбредет. Другой причиной к ссорам являются ребятишки, надоест кому-нибудь слушать их крики и возню, и скажет он матери их: «Уняла бы их», — а она ответит: «Попробуй сам уйми!» — «Ты — мать», — ну, и начнут ругаться. Обидными в этих ссорах считаются такие эпитеты, как: сволодь, бл-дь, воровка и матерные слова, но особенно — побои. Больше всех дерутся отцы семейства, но бьют только своих — жену, детей; но сыновних жен не трогают [неразборчиво]. Побеги из дома вследствие ссор и побоев случаются очень редко, когда не остается никакой возможности жить. Соседи и мир в эти домашние дрязги не вступаются, а улаживаются они самими домашними. В суд в нашей деревне никто [неразборчиво] на это не подавал, но по сторонам в соседних деревнях случается и это, но не часто. В большинстве случаев эти ссоры и служат основанием к разделу семейства [неразборчиво]. Зависит это от характеров членов семейства: иной не хочет, да и не может жить при ежедневных ссорах и отделяется; а другой, понимая весь вред и подрыв для хозяйства от раздела, живет вместе и не отделяется. Но последнее редко бывает.
Лишать наследства совершенно вследствие домашних ссор — не в обычае. В крайнем случае, результатом этих ссор бывает раздел, при котором пай выделяемого почти сводится к нулю, выдается только самое необходимое: корова, лошадь, из стройки и одежи что-нибудь самого плохого качества. Полное же лишение наследства бывает только в том случае, когда сын в накоплении имущества решительно никакого участия не принимал. Односельчан эти дела не касаются, а потому, если кто-либо из них и сочувствует, то это сочувствие ничем не проявляется. «Батька — ангел, — говорят они в таких случаях, — а начни делиться с ним — хуже дьявола». Поговорят промеж собой, да тем сочувствие и кончится.
О каких-либо преступлениях родителей против детей, детей против родителей, членов семейства против большух и о родительском проклятии не слыхать.

453. [Полный разлад в брачной жизни, внебрачное сожительство] Жена в редких случаях, вследствие полного разлада в отношениях или каких-либо нестерпимых недостатках мужа, оставляет свой дом и уходит куда-нибудь на сторону. Без согласия мужа паспорта ей не дадут, разве только по ее жалобе на невозможное [неразборчиво]. А потому она принуждена бывает проживать где-нибудь поблизости. Случаев, когда бы супруги добровольно разошлись, в жизни не встречалось не только в деревне, но и в окрестности.
Открытое сожительство с кем-либо встречается очень редко, как исключительное явление, потому что народ относится к этому очень неодобрительно, [неразборчиво]. Если и развратничают, то тайно, хотя эта тайна в большинстве случаев бывает известна всем. Особенно тайна строго соблюдается при сближении свекра с невесткой. Тем не менее, редкий свекор может добиться чего-нибудь от снохи и остается почти всегда с носом. Отсюда возникают ссоры, кончающиеся разделом.
О преступлениях из-за ревности, о разных наказаньях за измену не слышно.

454. [Развод] Брачных разводов в крестьянском быту не бывает. Отдельный же вид на жительство иногда дается жене, когда ей уже нет никакой возможности жить с мужем. Дети при этом остаются, по определению суда, при том супруге, который признается более способным к их воспитанию. Если они остаются при жене, то мужа обязывают, если он в состоянии, давать на их содержание и даже на содержание жены.
В случае неспособности к брачному сожительству, жена обыкновенно уходит от мужа сама. В случае же

безнравственного поведения жены, муж отказывает ей от сожительства и просто выгоняет ее из своего дома на все четыре стороны.

455. **[Разврат]** Потеря девственности считается не преступлением, а грехом, стыдом. К потерявшей девственность соседи относятся со злорадством, подруги и парни — с насмешкой, а родители ругают за это, но каким-либо наказаниям она не подвергается, и ей не воспрещается носить девичьи наряды.
А) Соблазнив девушку, благодаря обещанию жениться на ней, парень в большинстве случаев бросает ее. Народ к этому относится безучастно, а иные (многие) похваливают его за это, указывая на то, что из такой девки толку мало выйдет. Родственники соблазненной стараются, конечно, склонить его к браку, но редко успевают в этом. Налагать на парня обязанность — уплатить известную сумму денег за бесчестье девушки не в обычае.
Б) Если последствием половой связи бывает рождение ребенка, то винят главным образом девушку. На нее падает и бесчестие, потому что «сука не захочет, кобель не вскочит». Отцу новорожденного выдавать на его содержание в обязанность не вменяется, потому что для этого «надо идти в суд и еще более бесчестить себя». К тому же ребенка стараются как-нибудь сбыть с рук — подкинуть.
В) Родившую женщину тоже не хвалят за прелюбодеяние, и на нее обрушивается презрение окружающих, тем не менее, к ней относятся гораздо снисходительнее, чем к родившей девушке.
При оценке нравственности девушки не делается различия, с кем она грешила: со своим ли, с чужаком ли, с барином ли, с крестьянином и т. п.

456. На вольное обращение с девушкой смотрят снисходительно. Большинство, если и не одобряют его, то и не осуждают [неразборчиво].
Насилования женщин не случается.

457. Плотский разврат в виде проституции не существует.

459. Кровосмешение во всех его видах считается грехом более тяжелым, чем простое прелюбодеяние, и встречается как исключительное явление. Все это делается тайно: «Кто себя окажет?» И если о чем-либо подобном узнают соседи, то смеются, «смехом покрывают», по выражению стариков, [неразборчиво] в глаза смеются и ругают: «Снохач». На взаимные отношения членов семейства снохачество имеет самое пагубное влияние: в большинстве случаев результатом его бывают ссоры, ругань, раздел и каторжная жизнь жены, иногда — уход ее из дома, но до волостного суда дела о снохачестве не доходят.

460. Нет.

461. **[Незаконнорожденные дети]** Незаконнорожденных детей их матери стараются как-нибудь сбыть с рук. Если же это не удастся сделать, то оставляют их при себе, и тогда они являются немилыми детьми. Обращение с ними скверное, и редкий из них может вырасти большим. Чаще же они умирают в детстве. Другие оставляют их при себе и обращаются с ними, как с законнорожденными. Зависит это главным образом от старших в семье. Если они велят оставить их дома, то ребенок остается, если же нет, то ребенок как-нибудь сбывается. Во всяком случае, отношение к ним соседей и семейных одно и то же: насмешливое. При всяком удобном и неудобном случае стараются попрекнуть его незаконным рождением: называют его «Ветром» («ветром надуло»), «крапивником», «крапивницей».
Кормит такого ребенка сама мать, а с отца вознаграждения никакого не взыскивается. Случаи рождения детей вне брака не часты, но и не особенно редки. Узаконения их в принципе допускаются, но в жизни не встречаются.
Последующий брак на положение детей, прижитых вне брака, оказывает только то влияние, что они вместе с матерью своею переходят в дом ее мужа, который самим актом женитьбы признает за ними право на более или менее сносное существование. В большинстве же случаев девушки-матери не выходят замуж, а остаются вековухами. Незаконнорожденные носят имя и прозвище своего отца крестного.

462. Подкидыши. Крестьянин Иван Яковлев, проснувшись поутру, пошел во двор. В сенях он услыхал, что кто-то пищит. Отыскал он место, откуда этот писк слышался, и увидал там в корзинке ребенка. Стали судить: «Чей ребенок?» А рядом с ним у крестьянина была дочка, за которой давно уже замечали, что она как будто беременна, но не знали достоверно: верно это или нет. Он и пошел туда и заставил ее сознаться, что ребенка подкинула она, после чего возвратил ей ребенка назад.

В деревне Горлове к крестьянину Р. подкинули ребенка. Как человек бездетный и зажиточный, он взял его к себе в дом и стал воспитывать, как своего собственного сына, но ребенок скончался. Поплакали они, схоронили его. Через несколько времени, выходя однажды на улицу, он опять увидел подкинутого к нему ребенка. Он взял его к себе, вырастил его, женил в прошлом году и после смерти своей отказывает ему все свое имущество.

Совершается подкидывание детей иногда матерями их, если они настолько здоровы, что могут сделать это сами, чаще же другими членами семьи. Иногда разыскивают их родителей, если у того, кому подкинули, большая семья своя, а иногда, когда своих детей не бывает, то родителей их не разыскивают, и иные даже благодарят их за это.

Участь подкидышей различна: иногда их воспитывают, как собственных детей, и после смерти их родителей они получают известный пай из их имущества или даже все, если [в семье] нет своих детей. Если же он попадет в такое семейство, где своих детей много, а достатки плохие, то живется ему плохо, и пая он в большинстве случаев не получает, а, выросши, принужден бывает идти на все четыре стороны.

463. [Детоубийство. Изгнание плода] Изгнание плода практикуется только девушками, но насколько часто, определить нельзя, потому что делается это тайно, как тяжкий грех и преступление, поэтому ничего не известно о тех средствах, действительных или суеверных, которые употребляются для этой цели.

Лиц, специально занимающихся изгнанием плода, в деревне нет, так как народный обычай относится к этому не только не снисходительно, но так же строго, как и к другим видам убийства.

465, 466 — нет.

467. [Умалишенные] К умалишенным, безумным, больным, глухонемым народ относится в большинстве случаев сострадательно и считает их несчастными. Но нередки случаи, когда они являются посмешищем.

Вот один случай помешательства, бывший в прошлом году.

Жена крестьянина Гаврилы Миронова стала обнаруживать непонятные сначала признаки помешательства: то начнет без всякой причины плакать, то смеяться, то пойдет кору с деревьев обдирать, а один раз сходила в соседнее село — Никольскую Пустынь — зашла в лавку и потребовала на 50 руб. товару. Там, видя, что она одета очень плохо, не отпустили ей товару, а попросили придти на следующий день. Домашние сначала не обращали на это внимания, но потом, после путешествия ее к Никольской Пустыни, когда помешательство уже усилилось, хватились, да было уже поздно. Стали запирать ее в клеть, но она ухитрялась выбраться из клети: то подкопается, то потолочину вынет и уйдет. Пора была рабочая, бились-бились, да и свезли ее в Пурашевскую больницу для умалишенных, где она через несколько времени и померла.

А раньше этого было два случая помешательства мужиков, так их сажали на цепь. Ухода за ними никакого не бывает: некогда возиться с ними, особенно летом они являются обузой для семейства.

И поэтому обращение с ними нередко жестокое и бесчеловечное. Для соседей, особенно малолетних, они являются забавой; их поступки и слова — даровое представление, которое слушать и смотреть сбегаются, как на редкость и зрелище, со смехом и т. п. Тем не менее, все-таки жалеют их, и отсутствие пожаров в прежнее время объясняли милостью Бога к деревне из-за этих несчастных.

468. [Самоубийство] Самоубийств в деревне не было ни одного, покушения же на самоубийство были. Люди эти ограничениям никаким не подвергаются, но насмешки со стороны некоторых слышать им приходится. Считается самоубийство тяжким, «смертным» грехом и объясняется дьявольским наваждением («грех попутал»).

469. **[Нищенство]** К нищенству большинство крестьян приводит леность и экономическое расстройство от разных случаев. Стоит только внимательно последить за нищими этими, чтобы вполне убедиться в этом. Большая часть из них — люди здоровые, которые вполне могли бы прокормить себя, нанявшись, например, в работники, да день-то матушка раньше родилась, и они ходят по миру, что за день наберут, то вечером пропьют.

Главной причиной нищенства является то обстоятельство, что крестьяне слишком снисходительно относятся к нищим, жалеют их и в каждом доме подают милостыню, так что в день без всякого старания можно набрать копеек на 30—60 и более, при некотором же старании копеек на 60 и более, а в праздники подносят еще и вина. Иные нищие, очень немногие и притом преимущественно слепые, ходят с песнями религиозного содержания [неразборчиво]; этим сверх куска хлеба в некоторых домах подают еще копеечку или яйцо, или лоскуток холста. Одни из нищих имеют свои собственные дома, где они и живут, — это в большинстве случаев действительно нуждающиеся. Они ходят по миру только временно, раз или два в неделю, притом, если у них есть силы, то они в летнее время нанимаются на какие-нибудь работы у своих соседей. Большинство же нищих не имеют постоянного места жительства, а переходит из деревни в деревню, ночуя там, где их пустят, а пускают их почти в каждом доме. Все-таки держатся они около церквей, рынков, а чаще около трактиров, где они продают набранные куски и пропивают деньги.

Кроме хлеба подают яйца, особенно по весне, лоскутки холста, из одежи чего-нибудь, горсточку льна, копеечку и т. п.

Тайной милостыни нет. Вместо нее в Тупицыне, да и в других деревнях по соседству, носят хлеб и др. бобылкам и вообще всем тем, кто не имеет собственного хлеба. Тут уже дают не кусочек, а целый ломоть или краюшку.

Калечения себя и детей для более успешного сбора подаяния не заметно ни в деревне, ни в окрестности.

470. Нет.

471. К бродягам и странникам разного рода крестьяне относятся недоверчиво, подозревая в них лентяев, желающих прокормиться трудами других. И были случаи, когда их как беспаспортных отправляли в стан. Тем не менее, напоить и накормить их некоторые считают своей обязанностью, но таких очень немного.

472. **[Пьянство]** Пьянства в настоящем смысле этого слова нет в деревне вследствие того, что самый близкий трактир находится в семи верстах от деревни. Равно не в обычае, чтобы пить ежедневно по рюмке или две перед едой. Пьют в деревне только по большим престольным праздникам, но зато напиваются, как говорится, «до чертиков». Но опять-таки не все, и даже меньше половины мужиков. Другие же выпьют рюмок 5—10 и больше не пьют. Причиной выпивки по праздникам является стародавний обычай, вследствие которого не купить вина на праздник стыдятся. А, купив водки, как же не выпить, особенно с гостями, в компании, чтобы не расстроиться. Или на свадьбе — как не напиться на таком празднике? Кроме праздников пьют еще водку на рынках, после продажи льна, скотины и пр. Но тут редкий напивается «до положения риз».

Явиться пьяным на улице, в компании — для большинства не стыдно, для других же — не только не стыдно, но они еще всячески стараются показать, что они пьяны, считая это удалью, молодечеством. По этому поводу существует поговорка в деревне: «На грош выпьет, на рубль нашумит». По поводу же питья вина в праздник говорят: «Кто празднику рад, тот до свету пьян».

Девушки совершенно не пьют вина, разве только наливки какой, да и то не больше рюмки. Женщины пьют, но очень мало: рюмку, много две, — да и то только некоторые, очень немногие.

Запоем в настоящее время в деревне никто не пьет. По соседству же в некоторых местах случается и это.

Мер против него [пьянства] никаких не предпринимается. Разве запрут пьющего в клеть, а в некоторых местах сажают на цепь, доколе не протрезвится.

К преступлениям, совершенным в пьяном виде, крестьяне относятся снисходительно.

473. **Болезни и их лечение.** Из болезней особенно часто встречаются головные боли вследствие долгого пребывания на солнце, болезни живота вследствие употребления воды или квасу в очень большом количестве

во время работы, простуда (легкая инфлюэнца), ревматизм, и редко тиф, дифтерит, оспа и скарлатина.
Оспу и скарлатину считают заразными, но каких-либо мер для [неразборчиво] заразы не предпринимают, тем более, что болезни эти еще ни разу не принимали характер эпидемии, а ограничивались одной-двумя жертвами.
Санитарных мер в данной местности, да и во всем Зубцовском уезде, земством не принято никаких.
Учреждены только земские больницы: в Погорелом Городище, Медведках и Зубцове. Кто поумнее, да болезнь сильная, тот едет в больницу, а большинство обходится без всякой медицинской помощи или обращается к фельдшерам и своим деревенским знахарям.
В настоящее время, впрочем, своих знахарей в деревне нет; поблизости — тоже. Фельдшер есть верстах в 5-ти от деревни, при железной дороге. И народу к нему очень много ходило и ездило, потому что лечил он успешно. Но с недавнего времени, вследствие размолвки фельдшера с Погорельским доктором, ему запрещено принимать больных, и население по дальности расстояния от доктора (17 верст) обходится без медицинской помощи.
Из домашних средств самым лучшим при всех болезнях считается баня, питье настоев из ромашки, мяты, липового цвета, малины, можжевеловых ягод и корней, а из натираний — деревянное масло, спирт, муравьиное масло, иногда — керосин, в некоторых местах по соседству — майский бальзам и (только стал входить в употребление) — пепъэкспельсер, называемый экспиллером, как натирание и как капли, принимаемые внутрь.
Близкие и соседи ходят посещать больных. Свои семейные ухаживают за ним [больным], если есть кому. Но в горячее время полевых работ случается, что больные остаются без всякого присмотра и иногда даже умирают, когда дома нет никого, все на работе.
Отношение к больным детям, особенно к малым, подчас носит прямо-таки жестокий характер, и каких-либо особых средств (нашептывания, спрыскивания употребляются) против их болезней не предпринимают, потому что «еще будут, хоть десяток». Грудной ребенок после смерти матери остается на попечении отца, сестер, часто бабушки (со стороны жены). Кормилицы для него не нанимают, а приучают к коровьему молоку. Отец и другие родные, однако, заменить мать не могут, и ребятишки эти в большинстве случаев помирают. У бабушек им все-таки бывает лучше жить, чем у отца.
Сифилис не распространен в деревне; только одна женщина в деревне имеет его, да и ту муж прогнал из дома.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1726-а. Л. 1—2

У кого больше лечатся крестьяне: у врачей или знахарей?
1) К доктору обращаются только тогда, когда нужно обращаться к попу, чтобы он приготовил больного к переходу в лучший мир. Ранее же лечатся у деревенских знахарей, которые вообще пользуются большей популярностью, чем врачи. Впрочем, за последнее время, с распространением грамотности, слава и авторитет знахарей значительно ослабли.
2) Больше всего крестьяне во враче ценят сердечность и простоту обращения, особенно когда они соединяются со знанием дела и опытностью.
3) К операциям народ относится неблагосклонно. По мнению крестьян, согласиться сделать операцию — значит, добровольно дать себя врачам зарезать.
К женщинам-врачам крестьяне относятся скептически. «Не за свое дело берутся», — говорят они про них.
4) К фельдшерам вообще относятся доверчивее, чем к врачам, но не всегда. Есть среди них такие, которые пользуются особой популярностью, к которым обращаются, не смотря на близость доктора, не только соседи, но и дальние, живущие верст за 20—30.
У таких фельдшеров постоянно можно встретить больных. Но таких не много.
5) Акушерок приглашают только тогда, когда без щипцов родить не могут, и смотрят на это не совсем благосклонно, усматривая что-то «нечистое».
6), 7), 8) — нет.
К лечению впрыскиванием сыворотки водобоязни относятся с удивлением. «Нашли же вот средство, да еще какое?» — говорят они про это.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1726. Л. 56—70

474. Умирающий, мертвое тело, поминки. В отношениях близких к умирающему почти всегда можно подметить какую-то принужденность и натянутость, словно им как будто совестно за то, что он умирает, а они здоровы. Тем не менее, в большинстве случаев, по крайней мере, наружно, обнаруживают пред умирающим и пред соседями свою скорбь по поводу его болезни и приближения смерти.

Мертвого же тела прямо-таки боятся. Соседи относятся к умирающему безучастно; если и посещают его, то из простого любопытства и по обычаю, и только рассуждают, что и как будет в семье после смерти больного, да каковы поминки будут. Этот [последний] вопрос всего более интересует всех деревенских.

Почти сразу же после смерти приступают к мытью покойника, которое совершается какими-нибудь благочестивыми старухами из усердия, после чего одевают его во все белое, кладут в гроб и покрывают саваном. На грудь кладут какой-либо образок и ставят гроб под передний угол, ногами к дверям, а головою — к иконам. Над покойником принято читать псалтирь во все время нахождения его в доме. В то же время старший в доме или еще кто по его приказанию едет в село к священнику, которого просят в тот или иной день отслужить обедню. В назначенный день приезжает священник или дьякон, служит в доме панихиду, причем покойника поворачивают головою к дверям, а ногами к иконам. И собирается в избу народ со всей деревни, сколько может вместить изба.

После этого, кто хочет, прощается с покойником, и его выносят на улицу ногами вперед, через двор, где опять служится панихида, в ворота и против дома опять служат панихиду. И опять, кто хочет, прощается с покойником. Затем несут покойника по деревне, и через каждые 4—5 дворов бывает панихида хозяев этих домов. А когда вынесут за деревню, снова бывает панихида и прощание, после чего ставят гроб на сани или телегу и везут в церковь.

Но случается, в хорошую погоду, что провожают гроб до задворок, где кончается тупицынская земля. По приезде в церковь, причем перед селом гроб несут, а не везут, зарывают после обедни и отпева в заранее выкопанную могилу.

Хоронят преимущественно поутру, после обедни. Прощание с покойником обыкновенно происходит посредством целования иконы на груди, и только родственники, да и то не все, целуют самого покойника. Равно и оплакивают не все, а кто-нибудь из своих семейных женщин, преимущественно, когда выносят из дома, когда подносят к селу и когда выносят из церкви на кладбище. Специальных же плакальщиц нет. При подъеме покойника участвуют все жители деревни, причем иногда даже повещают о времени выноса. При погребении же [присутствуют] одни только родственники умершего.

В гроб обыкновенно кладут листьев от веника под покойника, подушку тоже делают из листьев, покрывают их холстиной, покойника одевают саваном, на грудь кладут икону, других же предметов и кушаньев в гроб не кладут, равно не носят пищи на могилу ни при погребении, ни в другие какие дни.

Особенными кушаньями на поминках являются кисель (овсяный), лапша, 2—3 каши (гречневая, просяная и ячменная) и мед, который считается необходимой принадлежностью поминок.

Могила представляет собой возвышение от ½ до 1 аршина, покрытое в большинстве случаев дерном. На ней обыкновенно ставят деревянный крест или простой камень, иногда с надписью, и сажают какое-нибудь деревце.

Каких-либо обрядов для возвращающихся с похорон во всем здешнем округе нет.

После похорон жизнь в избе делается нормальною на другой же день, если хоронят какого-нибудь ближнего члена семейства (строго отца), в противном же случае иногда пройдет недели две и больше, пока жизнь не войдет в обычную колею.

Поминки почти всегда устраиваются в день погребения. На них обыкновенно бывают почти все жители деревни, не исключая и малолетних [неразборчиво]. На них [поминках] — по меньшей мере, пять кушаний: кисель, щи, лапша, 2 каши (а у иных еще суп и третья каша). Поэтому расходы на них бывают довольно значительные. Другие поминки бывают в день годовщины.

Память о покойном долго сохраняется в деревне; проявляется это в том, что в дни памяти умершего разносят хлеб и др. тем, кто не имеет собственной земли, и просят при этом помянуть умершего. А другие сверх этого заказывают еще обедню, на которой обязательно присутствует кто-нибудь из домашних.

Обряды при погребении бывают одни и те же, хоронят ли богатого или бедного, влиятельного или ничтожного, мужчину или женщину. Разница только в том, что при подъеме у богатого присутствует священник, а не дьякон, панихид по этому служат больше, поминки его бывают лучше — богаче — и только; все же остальное — одинаково. При погребении же подростков и младенцев не бывает вовсе подъему и всего к нему относящегося и поминок. Остальное же все бывает, как и при погребении взрослых.
Траурным цветом считается черный, но редко кто носит его. Разве только купят черные платки и носят их по праздникам, пока они не износятся.
Все общество или приход никогда еще не поминало какого-либо лица — не в обычае, равно не в обычае делать при поминках изображение покойника.

475. [Находка. Клад] Находка какой-либо вещи считается собственностью нашедшего, и он не считает нужным справляться о ее владельце или заявлять о ней начальству. Но если хозяин вещи найдется, то он возвращает ее ему, как только дознается, что найденная вещь действительно принадлежит ему.
Вот типичный случай, которого я сам был очевидцем. Сторож училища, Степан Антипов, от нечего делать стал пропускать весною лед около моста пешнею, да и уронил ее в воду. Поплыла пешня, так как благодаря большой деревянной ручке потонуть она не могла. Когда вода сбыла, то ее нашел крестьянин нашей деревни Алексей Тимофеевич, взял ее и принес домой. Слух об этом прошел по деревне. Услыхал и Антипов. Пошел он к нашедшему и спросил пешню. «А какова она?» — спросил этот. Антипов описал ее признаки. «Побожись, коль твоя». Побожился. «Ну, коль твоя, возьми ее», — и отдал.
То же самое бывает и в случае находки более ценной. Иное дело, если никто не знает об этой находке. В этом случае она так и остается у нашедшего.
На клад народ смотрит как на сокровище, никому не принадлежащее, а потому считает себя в праве взять его себе, если бы только найти, все равно, — на чьей бы земле он ни был, на своей или на чужой. Только найти клад, по мнению крестьян, почти не возможно, потому что нечистая сила всячески старается напугать кладоискателя, а «с таким врагом воевать не приходится».
В настоящее время есть предание (предание это идет от стариков), что против дер. Георгиевской зарыт клад — церковные деньги, сосуды и прочее церковное имущество. [Клад был] зарыт пред нашествием Литвы, во время которого храм был сожжен, а на его месте стоит теперь часовня. Клад этот ищет один крестьянин уже несколько лет, но не находит, а народ смеется.
Есть также предания о кладах, зарытых в Никольской Пустыни и в соседнем лесу. Основанием для подобного рода убеждений служили, кроме предания, какие-то росписи, добытые будто бы из каких-то архивов, в которых говорилось, что клады эти зарыты литовцами после одного из набегов на Москву, когда у них передохли все лошади вследствие кощунства их князя над иконою Николы Можайского, и указывались места их. Один крестьянин нашел будто бы 200 серебряных подков.

Воровство

476. Есть только мелкое воровство в деревне: кто яйца крадет, кто платок или другое что из белья, кто ленку с полосы и т. п. То же самое бывает и в семье, но в том и другом случае, особенно в семье, очень редко.

477. Срывание плодов и овощей для непосредственного употребления их собственниками считается кражей, а сами срывавшие не считают кражей, а шуткой. Вытаскивание же рыбы из чужих норотов, как и самовольное пользование сеном на чужих лугах, всеми считается за воровство. Ловля же рыбы в чужих реках и озерах и охота на зверя в чужих лесах за преступление не считаются. На потраву, особенно небольшую, в большинстве случаев внимания не обращают. Но если потравлено много, то приглашаются понятые, потрава оценивается, и деньги взыскиваются.
Воровство — все считается воровством, кем, как и когда они ни совершилось бы. Тем не менее, те или иные кражи считаются более или менее предосудительными, чем другие. Так, украсть у бедного считается более тяжким преступлением, чем у богатого. Равно, если украдет при нужде бедный или небольшой, то к нему относятся более снисходительно, чем к небедному и старику. Из-под замка кража, кража лошади считаются более тяжкими, чем другие.

Кражи не наказуемы, по народному обычаю, только те, которые совершены людьми, не понимающими, что они делают: пьяными, дураками, — а также тогда, когда нельзя доказать фактически, что украл тот, а не иной, ибо «не пойманный — не вор».

481. Похищение вещей из церкви народ считает не просто кражей, а тяжким и важным преступлением. Причем с этим преступлением соединяет представление о каре Божьей, особенно если украдены такие предметы, как чаша, дискос, ризы с образов и т. п.
К кражам у священнослужителей народ относится так же, как и к кражам у простых смертных, а другие прямо говорят: «У кого же и украсть, как ни у попа? Они и сами воруют и в церкви, и друг у друга».

482. [Лесные порубки] Лесные порубки производятся по большей части в лесах общественных и иногда в частных. Раньше эти порубки не считали преступными, но с тех пор, как почти каждый из крестьян купил собственной земли по несколько десятин и вырастил на ней лес, порубки стали считать преступными, особенно если порубки значительные. Срубить же слегу или две, нарубить прутьев и вообще мелкие порубки преступными не считаются.
На землю и на луг крестьяне, хотя и смотрят, как на дар Божий, тем не менее, признают себя в праве пользоваться только своей собственной землей и лугами. Иное дело — охота и рыбная ловля. Занимайся этим, кто хочет и где знает: зверей и рыбу никто не растил. А кто поймал, тот и пользуйся. Впрочем, по отношению к рыбной ловле во время весеннего половодья каждый из крестьян ловит рыбу на том участке, который достался ему по жребию. На чужих же ловить воспрещается. Но это только по весне, в остальное же время лови, где знаешь, и никто слова не скажет, хотя бы ловец был и из чужой деревни.
Для обеспечения сохранности частных и общественных лесов между селениями и частными лицами сделок каких-либо не заключается.

483. [Конокрадство] Конокрадством обыкновенно занимаются люди, как у нас говорится, «из смелой губернии»: смелые, ловкие, преимущественно пастухи, любящие «поменьше поработать и побольше заработать». В большинстве случаев у каждого конокрада имеются свои сообщники, которые помогают укрывать лошадь и перегоняют ее от одного к другому, пока не угонят на достаточное расстояние, где лошадь и сбывается. Поэтому редко украденная лошадь находится; чаще, не смотря на все старания хозяев найти ее, она так и пропадает. Только тогда, когда вор случайный и без сообщников можно, хотя и с трудом найти.
Сообщники у конокрада не случайные, а постоянные. Вернее сказать, это настоящая шайка или артель, в которой каждый член знает свое дело и получает за это определенный процент. Для этих людей конокрадство является промыслом, а остальные занятия (хлебопашество) — подспорье.
В большинстве случаев к конокрадам относятся с боязнью и предосудительно. «Бога не гневи, конокрада не серди», — говорят у нас. И только когда крестьяне выйдут из терпения, им бывает плохо.
На конокрадство смотрит народ как на тяжкое преступление, потому что лошадь для крестьянина настолько необходима, что без нее он пропадет. Поэтому, когда изловят конокрада на месте преступления, то в большинстве случаев его отправляют на тот свет. Впрочем, за последнее время о случаях крестьянского самосуда не слышно, только в деревне Осинове был один случай, когда убили конокрада.
О каких-либо сделках между потерпевшими и конокрадами тоже не слышно.
По мнению крестьян, наказание за конокрадство, налагаемое в настоящее время, не достаточно: его надо увеличить, тогда, может, оно уменьшится.

КАЛЯЗИНСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Панютин[а] В., 1881 г.

[И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака]

Ф. 7. Оп. 2. Д. 2091. Л. 1—6

410. Крестьянская свадьба.
1. Сиденье.
Свадьбы у нас всегда справляются в рождественский мясоед. Приход в нашем селе большой — считают 1600 душ, а потому, если мясоед маленький, то венчают, случается, свадеб по десять в один вечер.
С первого же дня после крещения и до последнего воскресения перед масленицей по селу каждый вечер раздаются веселые звонки свадебных поездов с удалыми гиканьями дружек.
Этим поездам всегда предшествует многочисленная толпа зрителей из ближайших деревень; большинство этих зрителей состоит, конечно, из подростков обоего пола и девок, которые — говорят старшие — непременно должны чаще смотреть венчания, чтобы выучиться держать себя при подобных церемониях и не сробеть в том случае, когда самой придется стать под венец.
В ближайшей деревне от села, отстоящей от него на четверть часа ходьбы, я знала всех девок. Многие из них уже при мне из подростков сделались невестами старшей артели.
Надо заметить, что девушки в деревнях нашей местности делятся на три партии, или артели, как у нас говорят. В младшей артели находятся девочки с 8-летнего возраста и лет до 13-ти; с 13-ти лет и лет до 17-ти они составляют среднюю артель, а с 17-ти и до самого замужества они принадлежат уже к старшей артели.
Конечно, девушки, которым не выпадает на долю замужество, по истечении известных лет выбывают совсем из артели невест и делаются богомолками, «вековушами», как у нас называют. Но подобные примеры очень редко встречаются, разве какой-нибудь физический природный недостаток доводит до этого, например, хромота, болезнь глаз и т. п., но повторяю, это случается редко, очень редко.
В большинстве же случаев девушки по достижении 18-ти лет выбывают замуж одна за другою и очищают место средней артели, которая за это время успеет дорасти до настоящих невест и уступает свое место младшей артели, превращающейся в среднюю.
На долгих зимних поседках за пряжею льна, на летних работах, на праздничных храмовых гулянках каждая девушка держится подруги только из своей артели, «водится» с нею, не принимая в свое общество девушки из другой артели. Великое бесчестие для той, которую своя артель не принимает в общество, то есть, не приглашает на поседки, на работу, в хоровод; ее не примет к себе и другая артель.
Это несчастье случается с пересмешницами, с бранчливыми и со сплетницами, которые не умеют сохранять секретов своих подруг. Много слез и просьб о прощении надо употреблять для того, чтобы загладить свою вину перед артелью. В это дело примирения вмешиваются иногда и матери провинившихся, потому что и их родительскому сердцу больно бесчестие дочки. Беда бывает матерям, если в артели заведется какая-нибудь щеголиха-выдумщица новых нарядов. Вдруг вздумается ей купить себе платок шелковый или еще что-нибудь такое, чего нет у подруг, — те ни за что не уступят: слезами, упреками, ссорой или лаской, а заставят мать купить себе точно такую же обнову, и непременно такую же, такого достоинства и даже цвета. Глядишь, через несколько времени вся артель и нарядится во все одинаковое: «мода такая пошла».
Матери вздыхают о потраченных деньгах, а все-таки сознают, что нельзя отставать от подруг, и потому дочери большую заботу составляют для матерей: самые бедные и те из сил выбиваются — работают, чтобы хватило на наряды дочери, особенно, как попадет она в старшую артель.
Редко тоже случается, очень редко, чтобы выдали замуж девушку из средней артели, то есть моложе 18-ти лет, а уж из двух сестер младшую никогда не выдают, какие бы выгодные женихи не представлялись той.
В этот год я насчитала в старшей артели Бревнова (ближайшей ко мне деревни) до 10-ти невест; в прошлом году почему-то ни одной не было и не выбыло, а напротив — из средней прибыло.

Всех я хорошо знала, все ко мне ходили в гости, а которые и за надобностью какой: платье скроить, письмецо брату написать, а две или три грамотницы так и книжечки просили иной раз почитать («святой какой-нибудь»). Меня интересовало, просватают ли в этот год которую-нибудь из них. Я чуть не каждый день справлялась об этом у своей «козачихи» (так называют у нас нанятых работниц), которая была взята мной из Бревнова, и потому каждый день имела сообщение с тамошними жителями.

Наконец, к великой моей радости, моя козачиха Матрена объявила мне:

— Катеньку Лопатинскую просватали.

— За кого? — спросила я.

— За кого. Известно, за Дорогутинского Ваньку. Знашь Дорогутина, что в Зернове трактир держит?

— Как не знать: это богач. Как же это он так далеко заехал свататься? Ведь он не нашего, а рождественского прихода?

— Рождественского. Да вот, поди ж ты, не миновать суженой, — рассказывала Матрена. — Спознался сперва он с нашим Иваном Крыловым, знаешь, что рамы-то делает с отцом? Ну, все с ним кажный праздник и гулял у нас по деревне. Давно уж девкам в примету было, что как в праздник Дорогутинского трактирщика сын приедет, так Катенька Лопатинская все из хоровода пропадет да пропадет...

Потом уж признали, что это доберется она к себе в избу, а Дашутка Фролова — знашь? — первая ее подруга, — как она зайдет в избу, так Дорогутина и зазовет туда, да так все втроем и сидят там, и всё бают, всё бают, а то в карты станут играть... Девки давно уж признали это, да так уж и не приставали к ним...

— А отец с матерью Катеньки ничего, не мешали им так сидеть втроем? — поинтересовалась я.

— Не, чего им мешать. Отец, знашь, как такому жениху рад: ведь богач, что твой купец. Да и то сказать нешто отец-то с матерью в праздник сидят дома? Отец-те с мужиками в трактире, мать — с бабами на улице, — ну, им, девкам-то, и воля. Таперича бают, Дорогутин, отец-те, как с матерью молвил, что надо куда ни то по невесту ехать-смотреть, а Ванька-те и забаил: «Куда, бать, ни ездите, а ни у кого не возьму, как только у бревновского Лопатина Катеньку».

— Ну, отцу-то с матерью хоть и не любо, может и хотелось взять по своему капиталу, где ни тоже из торговых, да ничего не поделаешь: один сын, надо тешить... А Лопатину-те как любо, что такой жених подъехал. Так и земли под собой не чует, — говорила Матрена.

— Ну, да ведь и Лопатин богат, — возразила я. — Так уж это дело порешенное насчет свадьбы-то?

— Коли не решенное. Известно, решенное: в воскресенье свадьба будет; а в субботу ты уж на девишник-те пусти меня поглядеть, — просила Матрена.

Хорошо, я сама пойду с тобой глядеть, — отвечала я.

Мне ни разу еще не приходилось видеть, как справляют девишник и проводы к венцу в нашей местности, и я решилась непременно при первом же случае посмотреть эти церемонии, о которых слышала много интересного.

До сих пор я была зрительницей только сидения. Так называется у нас первый вечер, в который жених приезжает к невесте со своими родными после того, как уж дело решится обеими сторонами окончательно. Обыкновенно сватовство начинается еще на святках.

Почин дела почти всегда принадлежит жениховой стороне. Приезжают с предложением сваты или свахи и просят назначить день смотрин невесты. В этот назначенный день приезжает жених с отцом и матерью или с кем-нибудь из ближайших родных, которые, после того, как невесту выведут на несколько минут напоказ и уведут опять, начинают переговоры. В них, конечно, не вступает жених.

Если родным невесты дело кажется подходящим, то они назначают день, в который приедут смотреть дом жениха и все его хозяйство. Без этого осмотра дело никогда не начинается, хотя бы этот дом и хозяйство и были уже известны, — таков уж порядок.

В этих обоюдных посещениях дело, конечно, не обходится без приличного угощения выпивкой. Язык делается развязнее, а красноречия при таком деле требуется много. Наконец, если условия с обеих сторон выгодны (у невесты много наряду — в последнее время стали часто поговаривать и о денежном приданом; а дом, в который отдается невеста, нравится ее родным), то дело окончательно порешается молением Богу и уже окончательной усиленной выпивкой.

Дома невеста, встречая возвращающихся родителей, узнает, что ее пропили. На другой или третий день жених приезжает со всеми родными к невесте и привозит ей гостинцев, смотря по состоянию: пряников мятных, орехов, леденцов, а то и баранок. Это первое сидение.

Приехавших гостей хозяева усаживают в передний угол за стол, уже заранее накрытый скатертью домашнего изделия (столешником, как у нас называют). Затем, так как это всегда бывает вечером, зажигают свечи, две, а иногда четыре, смотря по средствам. Встречают гостей, очень часто случается, с лучиной. Лучина горит в чулане (так называется место около русской печи, отделенной перегородкой), где возится стряпуха, приготавливая угощение дорогим гостям. Тут же иногда наряжают и невесту, если нет другой избы или клети (то есть, холодной комнаты).

Не успеют гости еще усесться, как в избу валит уже толпа зрителей: ребятишки бросаются занимать место на полатях и на печке, причем, конечно дело не обходится без драки и шума. Взрослые так наполняют избу, что хозяевам приходится с большим трудом проходить из чулана к столу и обратно.

Усевшись, гости дожидаются появления невесты, которую сваха и выводит принаряженную в свой лучший наряд и скромно потупившую глазки.

[3. Семья. Обычный порядок жизни]

Ф. 7. Оп. 2. Д. 2091. Л. 6—7

380. [Одежда] Здесь я скажу несколько слов о наших нарядах. Обычный наряд наших девушек и женщин — белая или ситцевая рубашка обыкновенного русского покроя, с низко вырезанным воротом и с широкими рукавами; ферязи, то есть просто широкая юбка с проймами, застегивающаяся не у талии, а высоко на груди, почти под мышками, талия же перетягивается узким пояском; длинный фартук подвязывается так же высоко, как и ферязь, но не перетягивается поясом; на голой шее всегда большое количество бус. Но самым главным довершением наряда служит головной платок. Большой или маленький, это, смотря по месту и времени, только он составляет необходимую принадлежность женского костюма. Показаться кому-нибудь простоволосой или косматой, как у нас говорят, считается очень стыдным. Даже маленькие девчонки не решаются на это, а то их мальчишки засмеют.

Работая в поле в самую жаркую пору в одних рубашках, девки позволяют себе освободить из-под платка только уши, но совсем его ни за что не снимут. Вдобавок надевают его так низко, чтоб волос не было видно, что часто портит хорошенькое личико.

Женщины носят повойники, и платки завязывают концами назад, а девушки закалывают их булавками под подбородком. Волосы девушки заплетают в одну косу и распускают по спине, причем, конечно, вплетается и ленточка. Женщины укладывают косу под повойником вокруг головы. Весь этот описанный мною костюм, если не особенно красив, то, по крайней мере, очень свободен и удобен для крестьянской женщины. Но, к сожалению, в последнее время ферязи все чаще променивают на городское платье и даже, так называемое, очень распространенное полуплатье. Это род блузы, со спиной сзади и с прямыми полами спереди и без рукавов, которая надевается сверх той же рубашки, что уже выходит вовсе не красиво.

Мужской пол тоже стал менять родные поддевки на коротенькие пальто-» пиджаки», надеваемые сверх выпущенной наружу рубашки.

Ф. 7. Оп. 2. Д. 2091. Л. 7—46

410. Свадьба

Итак, невесту выводят и сажают рядом с женихом на среднем месте за столом. Брат невесты или ближайший родственник, который половчее, в красной рубашке, подпоясанный белым полотенцем, принимается угощать гостей с полуштофом в одной руке и со стаканом — в другой.

В то же время мать невесты или вообще кто-нибудь из стряпух раскладывает на столе хлеб и ставит кушанье, которое, как уже время вечернее, бывает ужином. Мать и отец невесты не садятся за стол, а только похаживают вокруг да угощают своей незатейливой стряпней.

Угощающий «дружка» наливает стакан водки и подносит с поклоном старшему из гостей: отцу жениха или, если того нет, его крестному, который в таких случаях заменяет отца. Гость встает и, отклоняя от себя налитый стакан, говорит: «Ваше дело начинать, сватушко». Сватушка отпивает глоток, доливает стакан и опять предлагает гостю. Тот, в свою очередь, отпив немного, возвращает стакан с просьбой доканчивать. И таким образом стакан допивается гостем после долгих-долгих уговариваний и не ранее, как три раза возвращаемый дружке и каждый раз дополняемый им. Такая процедура угощения происходит с каждым гостем. Мудрено ли после этого, что весь вечер сидения происходит в этом угощении: скоро ли обнесешь всех гостей, когда перед каждым приходится постоять, пожалуй, не менее четверти часа?

Что же делают в это время виновники торжества, жених и невеста? Они беспрестанно наклоняются друг к другу и о чем-то шепчутся, — вот бы послушать что. Гости часто обращают внимание на них. «Горька у вас водочка», — говорит один. «Мочи нет, горло дерет», — подхватывает другой. «Подсластить, подсластить надо», — раздается несколько голосов. Жених и невеста с горячими щеками встают, целуются поспешно и опять садятся на места, причем невеста не преминет отвернуться от своего суженого и закрыться слегка платочком. Много острот, шуточек раздаются по поводу невесты, но все это в очень приглядной форме.

— Вот невесту-то нашу мы видим, сынок, — говорит, например отец жениха. — А умеет ли она баить громко — и не знаем. Смотри, твое дело, — не обмишулься. Как привезем домой, а она у нас немая, либо гордая такая, что и словцом не причетит. Так вот ты и знай... Сватушка, умеет ли она у вас баить-то?

— Чай, нет?

В это время дружка дает невесте в руки стакан с вином и потчует. Она протягивает стакан насмешнику и с низким поклоном говорит:

— Кушайте на доброе здоровье, нареченный батюшка.

— Ай, — вскрикивает старик. — Да голос-те звонкий — ажно испужала. А я думал, она только молчать горазда. Ай, да невестушка. Спасибо. А уж меня страх забрал: думаю, ну, как немую сосватали. Теперь на радости и выпить можно, — и принимает стакан из рук невесты.

Все хохочут, острят, кто как умеет.

— Угости, супруга нареченного, — говорит дружка, подносят налитый стакан невесте.

Та встает, подает стакан жениху и говорит чуть не шепотом:

— Пей.

Жених тоже встает и, отталкивая стакан, говорит:

— Пей сама.

Девушка отхлебывает, кашляет, морщится и опять отдает стакан нареченному. Тот после глотка повторяет возвращение, и, таким образом, стакан по очерёдным глоткам выпивается обоими, причем оба все время стоят друг против друга.

Гости следят за этим обоюдным угощением, смеются, острят, а иногда заставляют их целоваться, «подслащивать» водочку. Впрочем, по большей части, нареченным наливают чего-нибудь легкого, сладкого: наливки подслащенной или красного вина, — надо же пощадить невесту, еще не привыкшую к выпивкам.

Приходят принаряженные девушки, и большие и маленькие, протискиваются сквозь все увеличивающуюся толпу зрителей к столу и начинают петь свадебные песни: величают сначала жениха с невестой, потом добираются до гостей, в чаянии получить от них сколько-нибудь деньжонок.

Прежде начинают величать старшего из гостей, а потом и всех в свою очередь. Эти величания — дела коммерческих расчетов со стороны девушек, это их доход, которого они ждут целый год, и потому, прежде чем идти петь, они между собой сговариваются насчет будущего дележа, причем старшая артель решает не делиться добычей со средней артелью, а средняя — с младшей. Чтобы сумма дохода была крупнее, из каждой артели выбирается не больше пяти-шести девушек, для чего устанавливают очередь или кидают жребий, чтобы дело было безобидно. Впрочем, в этом случае редко обходится без ссор и без интриг: у каждой есть своя задушевная подруга, в пользу которой хочется порадеть и притянуть ее в свою партию помимо очереди. Начиная петь, они тоже соблюдают очередь: провеличают какого-нибудь из гостей девушки из старшей артели и ждут, — даст он им чего-нибудь или нет. Выпрашивать прямо ни одна не решится, разве как-нибудь мельком, закрывшись наполовину платочком, скажет: «Устали мы уж, величавши вас». Если и после этого гость старается отделаться смехом только, средняя артель начинает величать другого, в надежде, не будет ли тот

щедрее. И случается, что подгулявший гость так расщедрится, что поплатится и серебряной монеткой. Потом старшая артель опять начинает величать следующего гостя. Так и чередуются обе артели весь вечер. Для маленьких же очереди не существует: они поют тогда, когда это им дозволят большие или когда обе артели устанут, отдыхают. Из них уж всегда выбирается какая-нибудь бойкая выпрашивательница, которая, как заметит гостя пощедрее, так и пристанет: «Дяденька, радельник, маленьким девушкам дай по монеточке». И дяденька редко когда откажет плутовке.

По окончании вечера каждая артель делит свой доход поровну. Очень большим доходом считается, когда на каждую достанется в один вечер по 15 копеек. Маленьким, конечно, приходится редко заработать более 3 копеек на каждую.

Итак, гости пьют и едят, речи гуторят... А между тем в избе делается такая невыносимая жара от толпы зрителей в полушубках, от свечей, от пылающий лучин, что гости уже с достаточно развязавшимися языками от усиленного угощения находят нужным освежить нареченных и предлагают жениху:

— Вы прокатились бы, чай уж угорели, с нами сидевши. Ишь, какая жара.

— И то правда, — подхватывают несколько голосов. — Обогнитесь-ко (оденьтесь) да поедемте.

Невеста, пошептавшись с женихом, идет одеваться. Жених тоже натягивает тулуп, кто-нибудь из домашних идет приготовить лошадей, так как некоторые гости тоже собираются покататься. И вот двое или трое саней с бубенцами мчатся вдоль всей деревни, а девушки-певицы и зрители тем временем тоже выбираются из избы прокатиться, тем более что этим катанием почти и оканчивается сиденье.

Возвратясь в избу, гости спешат приступить к напутственному угощению и скоро совсем уезжают. Так как эти сиденья стоят известных расходов для родителей невесты, то они и не повторяются в таком широком размере. Если свадьба играется еще не скоро, после первого сиденья, то жених, хоть и посещает невесту в этот промежуток времени, но уже с меньшим количеством гостей. И угощения тут приготавливается гораздо меньше.

В небогатых семьях во избежание расходов дело повертывается скоро, и редко бывает более одного сиденья.

Девишник.

С нетерпением ждала я субботы — посмотреть девишник. Зимний день кончается скоро, а потому в желаемую субботу уже в два часа Матрена сказала мне:

— Пора, пойдем, чай, скоро уже коробейники приедут.

— Что это за коробейники? — спросила я.

— А вот от жениха привезут дары да обувь, а утресь они же приедут за невестиными коробками, чтобы везти в жениховдом. Оттого и прозываются они коробейниками, — отвечала Матрена.

Надо заметить, что коробками называются обыкновенные деревянные сундуки с приданым невесты, каких бы громадных размеров они ни были — всё коробки. Эти коробки стоят многих забот матерям, да и самим невестам. Едва девушке исполнится лет двенадцать, как уже начинается понемножку накопление этих коробков: то платочек новый туда уложится, то рубашка французская (кумачная), то фартук и т. п. А сколько новин заготовит заботливая девушка, сколько полотенец с узорными концами...

Когда мы вошли в избу Лопатина, там уже было много народу; девушки и все остальные зрители толпились вокруг невесты, которая сидела в углу, на скамейке далеко от стола, приготовленного для гостей.

Отец невесты и брат, молодой парень, только год, как женатый, нетерпеливо посматривали в окно и прислушивались: не слыхать ли желанных звонков. Их нетерпение, видимо, разделяли и другие соседи-мужики, пришедшие поглядеть от нечего делать и отведать бражки, которой сильно пахло в избе, потому что она уже стояла на лавке, налитая в ведра.

Невеста узнала меня в толпе и улыбнулась. Я особенно любила Катю Лопатину. Она была моложе всех в своей артели; только за очень высокий рост присоединили ее из средних в старшие, а ей всего еще было 17 лет. Красивее всех подруг и много богаче их всех, она была завидной невестой. Много нарядов положили ей в коробки отец с матерью, и все эти наряды с гордостью, бывало, показывала она мне, когда я заходила к ним в избу. Несколько совершенно модных платьев имела Катя, сшитых портнихой в городе; одно даже было шелковое, стоящее 25 рублей. Шубку купили ей на лисьем меху, крытую атласом, совершенно барскую, модную. Эти наряды еще ни разу не надевались Катей (очень уж стыдно было отличиться от подруг), а потому теперь я надеялась видеть на ней одно из ее хорошеньких платьев, но ошиблась. На ней были белые ситцевые, самые

простые ферези, розовый ситцевый фартук и сверху обыкновенный синий суконный холодник, со спинкой и сборками сзади. Все остальные, бывшие в избе, были в дубленых или крытых сукном шубах и полушубках. От множества народа в избе жара была страшная, но все как будто и не чувствовали ее. Бабы были в огромных теплых платках, наверченных на головах, и только девушки щеголяли в легоньких ситцевых платочках, но тоже все были в шубах. Наконец, ребятишки, сторожившие на улице, вбежали в избу с криком: «Едет, едут!»

Все засуетились. На невесту накинули легкий шерстяной платок, закрывший ей совсем лицо (как делают это при игре в фанты, когда кому-нибудь приходится быть оракулом). Девушки ближе подвинулись к ней. С двух сторон ее сели мать и тетка.

В сенях послышались шаги; невеста громко завопила — стала причитывать; тетка и мать готовились сделать то же; девушки откашливались; но всех остановил голос отца: «Молчите, молчите, это не они, это — крестный». Действительно, вошел крестный невесты, дядя Микита.

Я удивляюсь его парадному костюму: на нем был надет старый, засаленный дубленый полушубок, который он носил ежедневно, — а мужик был из богатых, — верно, по старости лет не захотел принарядиться. В руках крестного был большой каравай черного хлеба.

— Подь, подь, Катенька, тебя благословит крестный, — сказала мать невесты и вместе с теткой подвела ее к старику.

— Буди над тобою наше благословение, — говорил тот, благословляя караваем девушку, которая поклонилась ему в ноги, а потом поцеловалась с ним.

Хлеб взяли женщины из рук дяди Микиты и куда-то спрятали. Невеста села на прежнее место, мать и тетка — подле нее. Лицо девушки оставалось все время закрытым.

Еще минута, и под окном раздались звонки приехавших гостей.

Катя опять завопила, мать и тетка с двух сторон обхватили ее голову и тоже завопили. Девушки изо всей мочи грянули песню:

Раскачалась грушица перед яблонькой,
Расплакалась Катенька перед батюшкой,
Радельник-батюшка, зачем ты пиво варишь,
Родимое дитятко, тебя замуж отдаю.
Раскачалась грушица перед яблонькой,
Расплакалась Катенька перед матушкой,
Родимая матушка, зачем ты пироги печешь,
Родимое дитятко, тебя замуж отдаю.

Этот концерт начался так мгновенно, неожиданно, что сначала совсем оглушил меня, тем более что и гости входили в избу и, помолясь Богу, громко здоровались, отчего к причитанию и к песне присоединился громкий говор. Словом, шум сделался невообразимый.

Но вот гости уселись за стол, девушки докончили свою песню, женщины мало помалу перестали причитать и поглядывали из-за плеч соседок на гостей, причем на лицах их не было и следа только что выраженного в причитаниях горя.

Одна только невеста еще продолжала свои жалобы, и в голосе ее слышались настоящие слезы. Да оно и не мудрено: причитания над победной головушкой, унылый, жалостный напев песни подруг непременно должны были подействовать на юные нервы, возбужденные необычной обстановкой.

— Родимая матушка, — выговаривала сквозь слезы бедняжка, — родимый мой батюшка, да чем наскучила, что хотите меня сряжать, да со своего родимого дома провожать? Или я вам не служила, я ли чем согрубила?

Едва могла я разобрать эти слова, так жалобно и протяжно выпевала невеста. Женщинам стало жаль ее:

— Полно, Катенька, нишкни, — уговаривали они, — соблюла моду, да и полно, молчи, головонька заболит, дурка.

И дурка затихла.

Между тем один из гостей, статный, нарядный, в новом синем кафтане, по ловкости на манеры и галантности разговора похожий на так называемого торгового, разъезжающего с красным товаром по селам, вынимал из привезенного узла дары жениховы и укладывал их на поднос.

Что это были за дары, на которые с таким любопытством таращили глаза все присутствующие, как на дары богатого жениха? Было тут зеркало с пол-аршинным стеклом в большой деревянной рамке, верх которой был разрисован крупными розанами и другими яркими цветами, — словом, такое зеркало, которое всегда можно найти на постоялом дворе и в каждой мало-мальски порядочной избе. Иногда даже это зеркало украшается повешенным на него полотенцем. Потом на подносе поместилась красная коробка с пудрой (в последнее время она в большом употреблении у наших деревенских красавиц); затем завернутые в бумажке румяны, жестяная баночка помады, мыло какое-то розовое, шпильки, булавки, бусы, наконец, — белые бумажные чулки и сапоги, маленькие, довольно красивые.

Последние, впрочем, не положили на поднос, чтобы не портить вида других вещей. Обыкновенно в этом случае женихом присылаются полусапожки, но в этот раз он был предупрежден родными невесты — прислать именно сапоги, так как другой обуви у ней было много заготовлено (отец ее был башмачник). Надо заметить, что предметы описанных мною даров бывают у всех одинаковы; разница случается только в их стоимости, то есть в качестве. Например, пудра заменяется какими-нибудь дешевыми белилами, жестяная банка помады заменяется более простой и т. д.

Рымяны и белила — непременная принадлежность наших девушек и молодых женщин. Никакие отговаривания и советы по поводу отменения этой моды не помогут. Даже маленькие девочки и те при всяком торжественном случае натирают себе щеки всякой дрянью. Большие покупают в складчину коробку пудры, так как для одной она оказывается дорога; а то и стеариновые свечи идут в ход, и сандал, и фуксин и т. п.

Уложив на подносе все как можно красивее, виднее, сват взял его вместе с сапогами в руки и, став посреди избы, стал выкрикивать невесту:

— Катерина Андреевна, Катерина Андреевна, покажите свои ясные очи, пожалуйте сюда.

Но Катерину Андреевну старательно загораживают собой все домашние и девушки и не показывают ее ясных очей, которые она, надеясь на крепкую загородку, открыла, то есть, откинула с лица покрывавший ее платок. Вместо невесты из толпы выступила с низким поклоном ее тетка.

— Позовите сюда Катерину Андреевну, где она у вас? — говорил сват.

— Нет, батюшка, она не пойдет: у ней ножки коротки, дожидается жениховой коробки, — отвечала тетка.

— Ну, вот ей женихова коробка — подрастут и ножки, как обует наши сапожки.

И сват положил сапоги сверх подноса, но тетка, приняв из рук его поднос, нахмурилась, взглянув на сапоги:

— Э, нет, батюшка, — заговорила она, — эта обувка нашей невесте не годится, она ее не наденет.

— Что же, что же? Чем плохи сапожки? Махонькие, благородные сапожки, то есть, как есть барственные — куда хошь одеть не стыдно, — похваливал сват.

— Нет, нет, батюшка, ей против подруг стыдно будет надеть их. Куда она в них покажется? Теперь мода, чтоб всё блестели подковки на каблучках, либо гвоздики какие, а у вас что? — Черным — черно.

— А вот, вот, гвоздики светятся на каблучках, — указывал сват.

— Это медные-те? Катерина Андреевна у нас привыкла, чтобы всё на серебре ходить, — пояснила тетка.

— Так, стало быть, посеребрить надоть? — спросил сват.

— Известное дело, посеребрить, складнее будет, — отвечали ему из толпы.

— Ну, будь по-вашему.

Сват вынул из кармана кошелек, достал из него двугривенный и положил к сапогам.

— Что же это? Один сапожок будет высеребрен, а другой так и останется? Об одном что ли будет ходить Катерина Андреевна? Ведь разную-те обувь не оденешь, сам посуди, — говорила тетка.

Свату пришлось вынуть еще двугривенный и положить к другому сапогу.

Таким образом, гвоздики на каблучках были достаточно посеребрены, и тетка скрылась за толпой зрителей и родных, которые во все время этого представления радовались ее бойкому разговору и поддакивали ей со всех сторон.

Дары показали невесте; она, улыбаясь, повертела в руках каждую вещичку и велела матушке все убрать подальше, «чтобы не растерялось что, да зеркальце не разбилось». Но убирать больше было некуда, как положить на полочку над самой головой невесты, что и сделали немедленно. Деньги тоже отдали ей, и она положила их в карман.

Девушки запели:

Как при вечере было при вечере,
При Катеринином девишничке
Прилетал тут млад ясен сокол,
Он садился на окошечко,
На серебряну прибоинку,
На златую на причаленку,
Причалинка обломилася,
Ясен сокол встрепенулся, полетел,
Да никто же сокола не узнал,
Никто ясного не видал,
Как увидели его девушки,
Сказали Катерине Андреевне,
Приголубь, приласкай ясного сокола,
Ясного сокола, залетного,
Доброго молодца заезжего,
Что Ивана свет Степановича.
Я бы рада, приголубила его,
Мои глазки не глядят на него,
Мое сердце не воротится
Белы руки опущаются,
Скоры ноги подгибаются.

Брат невесты обносил гостей вином с теми же церемониями и перекорами, как это бывает и в сиденье, о котором я говорила.

Одна из женщин-стряпух раскладывала на столе перед гостями огромные ломти «каравашков» и пирогов, приготовляясь угощать их обедом или ранним ужином, — уж не знаю, как назвать это время еды: было часов шесть.

«Каравашки» отличаются от обыкновенного ржаного хлеба тем, что тесто приготовляется на дрожжах и солится. Известно, что в простом хлебе нет ни дрожжей, ни соли. Пироги же отличаются от каравашков какой-нибудь начинкой, положенною в середине тонким-тонким слоем.

В лета моей юности, когда я не жила еще в деревне, а имела о ней понятие, составленное из чтения романов да из рассказов людей, видавших деревню только издали, мне часто случалось читать и слышать о деревенских пирогах, которые пекутся у крестьян каждый праздник. Я, большая любительница наших жирных московских кулебяк и пряженцев, в своей наивности чуть-чуть не завидовала мужичкам, что они так часто кушают пироги. Но когда, попав в деревню, мне пришлось попробовать этого праздничного крестьянского пирожка с капустой, из ржаной муки (из белой никогда не пекут), то я должна была признаться, что еще в жизнь мою не пробовала ничего такого невкусного, как был этот пирог. После, когда мне случалось попадать на праздничный обед в какую-нибудь избу, я всегда предпочитала прославленному пирожку простой черный хлеб.

Каравашки, которые в этот раз лежали на столе Лопатина, были испечены из полубелой, так называемой второй, муки, что доказывало большую состоятельность хозяина. Из крупчатки же и слыхом не слыхать и видом не видать, чтоб когда-нибудь наши расчетливые хозяйки напекли чего-нибудь даже и на свадьбу, а не только на девишник.

Положив всем по достаточному количеству и каравашка, и пирога, затем, наделив каждую персону ложкой, стряпуха стала ставить кушанья. За столом сидело восемь человек, всё одних мужиков (женщин в этот день не бывает в гостях). Из своих домашних сел крестный отец невесты в своем красивом полушубке, остальные гости все были жениховы посланные. Самого жениха никогда не бывает в этот день у невесты (у него в это время тоже бывают гости).

Тетка невесты наливала и накладывала кушанья за перегородкой, у печки, приглашенная помощница-стряпуха ставила их на стол. Хозяйский сын усиленно угощал вином и брагой, а сам хозяин только наблюдал за всем,

похаживая от стола к печке и обратно, что было не совсем легко совершить, потому что число зрителей не уменьшалось, и теснота была страшная.

Девушки хоть и не пели, так как наступило время еды, во время которой этого увеселения не полагается, но все-таки не уходили из избы и, стоя отдельной кучкой, шепотом передавали друг другу свои замечания о гостях, между которыми было двое или трое молодых женихов...

Бабы столпились около невестиной матери, которая в уголке разбирала принесенные ей из клети полотенца с расшитыми концами, приготовленные жениху и его родным в дар от невесты. Эта разборка требовала большого соображения от хозяйки: жениху нужно было выбрать самое лучшее полотенце, его отцу и матери чуть-чуть похуже, затем — его крестному и крестной — еще чуть-чуть похуже и т. д.: по нисходящей степени родства уменьшалось и достоинство подарка.

Но политика, выработанная вековыми преданиями, строго требовала, во-первых, вспомнить всех родных, присутствующих и отсутствующих, а которые были неизвестны, о тех еще ранее было расспрошено в первое сиденье. Во-вторых, полотенца непременно должны были отличаться одно от другого по достоинству: одинаковые могли быть только у жениха и его родителей, а если бы и у других встретились такие же, то первые очень бы обиделись.

Поэтому-то теперь и шли шепотливые совещания с соседками относительно этой сортировки подарков, причем главное внимание обращалось на работу того или другого узор концов.

По русскому обыкновению, не пришло в голову приготовить и сообразить это заранее. Я обратила свое внимание на кушанья, которые, как я сказала, давно подавались на стол. Прежде всего, на двух тарелках подали студень, нарезанный мелкими кусочками и густо перемешанный с хреном, разведенным квасом, но никак не уксусом (он никогда не употребляется в нашем столе). Сало густо покрывало верхний слой этого кушанья, и притом оно почти совершенно распустилось, так как с утра стояло в избе на полочке, а в избе давно уже была парная банька от народу. Когда первое яство было довольно быстро уничтожено, подали неизменные щи из серой капусты с накрошенными кусочками говядины и забеленные молочком.., да молочком, а не сметаной, так уж всегда делается. Щи были поданы в двух глиняных красных чашках, которые у нас называются блюдами. В двух блюдах кушанья подавались потому, что к одному тянуться всем было далеко. Еще прежде, чем было подано первое кушанье, гостям дали чистые полотенца-«ручники» для утирания губ и для того, чтобы не залить одежу. Эти полотенца гости растянули у себя на коленях — одно на троих, а то, смотря по величине, и на четверых хватает.

Перед каждым новым кушаньем гости усердно крестились. Смеха за едой не полагается, а только ведется серьезный разговор о настоящей погоде, о дороге и т. п.

Хлебали сначала одни щи, не притрагиваясь к говядине; причем, конечно, ложки не все время держали в руках, а после каждого глотка клали ее на край блюда. Наконец, хозяин и подававшие кушанья стали просить:

— А вы кушайте, сделайте милость — кушайте, смелее таскайте мясца-те, таскайте, небось...

— Ну, и впрямь, таскайте что ли, — проговорил дядя Никита. — Господи благослови, — и перекрестился.

За ним перекрестились и другие и стали таскать.

Такой порядок еды горячего у нас всегда заведен. Мясо крестьяне едят очень-очень редко. В больших семьях, человек на восемь, варится мяса никак не более двух фунтов. Понятно, что каждый дорожит тем кусочком, который выпадает на его долю, а при совместной еде из одной чашки, если один будет только хлебать, а другой в то же время таскать, то второму много чужих кусков попадет в рот. Это не годится; лучше уж всем вместе начинать таскать, дело будет безобиднее.

После щей появилась яичница, не выпускная, а сваренная на молоке; за яичницей — «яблочник», то есть картофель, стертый с яйцами и молоком и запеченный. За яблочником следовало опять горячее: лапша, которая, понятно, была накрошена в палец толщиной. При этом надо заметить, что это праздничное блюдо, хотя приготовляется из второй муки, но тесто замешивается не на яйце, а только на воде: намесят довольно толстых лепешек, просушат их немного в печи, потом накрошат, да и в горшок с варевом мясным, — вот и все, вот и лапша.

После лапши подали «крупенник» (жидко сваренная просовая каша на молоке, с творогом и намасленная) и, наконец, яичницу на сковородках выпускную, как обыкновенно везде приготовляется, но только... на постном льняном масле.

Наши хозяйки всегда, когда приходится что-нибудь поджаривать, употребляют постное масло, а не коровье. По их мнению, это не так убыточно, да и на вкус — ничего, словно и лучше еще. Я один раз проговорилась знакомой бабе, что очень люблю выпускную яичницу, она и угостила меня ею в первый же мой приход к ней. Я, не подозревая, как приготовлена эта яичница, принялась было за нее. Да и не знала, как справиться с положенным в рот куском, — так было скусно...

Обед продолжался очень долго, тем более что в промежутках между переменами кушаний шло угощение водкой с обычными церемониями.

Глядела, глядела я на уничтожаемые яства, и вспомнилось мне стихотворение Кольцова «Крестьянская пирушка». Как хорошо там все описано, и как не похожи все наши пирушки на описанную им. Правда, гости пьют и едят, забавляются от вечерней зари до полуночи и даже речи гуторят про хлеба, про всходы, про старинушку, но там говорится: «на столах кур, гусей много вареных; пирогов, ветчины блюда полные...» Где же все это? Куры, правда, попадаются иногда на стол наших пирушек, но только не жареные, а просто вареные, в похлебке, засыпанной гречневыми крупами. И то, это случается тогда, когда курица перестает нестись по старости или болезни какой, а продать ее кому-нибудь не представляется случай. Вот и попадает она в кашицу.

Гусей же и ветчины, вероятно, более половины нашего населения никогда и не пробовали, а если которые и пробовали, то не в домашнем быту, а где-нибудь в городе, когда бывали там на зимних заработках. Свинина, правда, у многих зажиточных появляется на столе в щах на Рождество. Но к этому празднику колют обыкновенно откормленных боровов. Но немного у нас держат свиней.

Самое обыкновенное мясо, которое употребляется у нас — это, конечно, баранина соленая. Солят ее для того, чтобы она дольше не портилась, и для того, чтобы при еде кушанье меньше солить, что считается очень невыгодным. Вообще расходом соли у нас очень дорожат, так как ее покупать надо, а из своей земли не добудешь.

Что же касается блюд, полных пирогов, описанных в кольцовской пирушке, то я вас знакомила с нашими пирожками. Да, было время, когда я, читая кольцовскую пирушку, именно такой и представляла себе ее в действительности. А теперь я все задаю себе вопрос: где это видел Кольцов пирушку, которую описал? Вот бы посмотреть-то... Местность наша не считается бедной в промысловом отношении: знаменитые села Кимры и Талдом — под боком, — значит, на далекое расстояние кругом — все сапожники да башмачники, добывающие немало денег, а между тем наш народ не имеет понятия о приготовлении «медов сыченых», ветчины и разных жарких; мясо употребляется исключительно только в вареве каком-нибудь.

Пиво, то есть брага, правда, варится каждый праздник почти всеми семьями и имеет то же значение, как и квас, — утоляет жажду. Однако вернусь к своему рассказу.

Незадолго до подачи последнего кушанья начали подносить невестины дары, то есть полотенца, которые на общем тайном совете баб были наконец рассортированы. Полотенце, назначенное жениху, должен был принять тот сват, который передавал жениховы подарки. Хозяйский сын положил это полотенце в чашку, такую же, из которой хлебали горячее (за неимением свободной тарелки, могущей заменить поднос) и, подавая его с низким поклоном гостю, проговорил:

— Сватушка, наш дар жениху примите. Да на большом не взыщите.

Полотенце молча, с небольшим кивком головы, спряталось сватушкой за пазуху. Молодой хозяин скрылся за толпой и через минуту появился с другим полотенцем, лежащим в той же чашке, — это было передано крестному жениха с тем же приговором:

— Дар наш примите, на большом не взыщите.

И этот дар тоже молча был спрятан за пазуху. Затем в том же порядке, с теми же приговорами были розданы подарки и остальным гостям, ужин кончился. Гости, помолясь Богу и поблагодарив хозяев, оставались сидеть на прежних местах, — вылезать было некуда из-за стола: толпа зрителей не уменьшалась, а только изредка одна личность сменялась другой. Ребятишки на полатях, соскучась от безделья, беспрестанно поднимали драку. Я и забыла сказать, что во время ужина гости не забывали их, и нет-нет да подадут им наверх то кусочек каравашки, то яблочника, то мясца, снятого руками с ложки. Это делать было тем удобнее, что край полатей, с которого свешивались русые и белые головенки, приходился почти над самым столом. Подаваемые кусочки мгновенно возбуждали борьбу, хотя и тихую, между маленькими обжорами; гости посмеивались.

Невеста сидела все в том же уголку, загороженная от гостей и вновь опустив на лицо платок, — не то дремала, не то грустила. Всеобщий говор гостей и хозяев дошел до самых высоких нот, у некоторых даже язык стал путаться немного.
Девушки сочли, что пора поживиться насчет щедрости сватушек и начали свои величания. Хозяин взял объемистый деревянный ковш, его примеру последовали двое или трое из гостей, и затем стали вызывать певших:
— Ну-ка, красные девицы, пожалуйте на расправу. За подружку Катерину Андреевну покушайте бражки, чтобы ей весело и сладко жилось, да и вам того же довелось.
Девушки приступили к ковшу только из старшей артели, подруги невесты; их было шесть, и этим шестерым выпить весь ковш представляло немало трудности, потому что свадебная брага варится настолько хмельною, что и один стакан даст себя знать. Под смех гостей, краснея, потупя глазки, закрываясь платочками, тянули по очереди девушки свадебный, доходный напиток, причем лежавшие на дне ковша медные и серебряные монеты только погромыхивали. Наконец, допившая последний глоток вытащила деньги (их оказалось, как я после узнала, 40 копеек) и даже с некоторым довольством опрокинула ковш на стол. Все разом поклонились с тихим шептанием: «Благодарим покорно», — и поспешили скрыться за толпою. Вообще, надо заметить, что наши девушки, удалые балясницы и плясуньи на своих поседках в обществе парней-сверстников, умеют очень скромно потуплять глазки и прикидываться смиренницами в присутствии старших, да еще посторонних, приехавших из чужой деревни. Их дело невестинское: долго ли ославиться бойкостью так, что никто, пожалуй, и не посватается. Меня утомила роль зрительницы, и я, узнав от своей Матрены, что никаких церемоний больше не будет и что гости уже скоро уедут, ушла домой. Дорогой Матрена рассказала мне окончание этого девишника.
— Теперь, — говорила она, — как гости уедут, все девки заберутся в другую избу, ее уже натопили (известно, что у зажиточных крестьян всегда две избы — летняя и зимняя), и невеста станет их угощать жениховскими гостинцами, что он ей навозил, когда езжал на сиденья, а мать принесет им и ужин, и браги, и вина красного, и они почесь всю ночь пропируют: плясать будут, песни петь, и так все и ночуют с невестой.
— А где они пируют, когда у невесты только одна изба? — спросила я.
— Ну, тогда отец с матерью уходят ночевать к соседям, а все ж не помешают им и оставляют одних, — отвечала Матрена.

Свадьба.
На другой день я решила снова отправиться в деревню — смотреть проводы к венцу. Из подробных рассказов я знала вот что о начале этих проводов: в этот день с раннего утра в избу невесты собираются родные, близкие и самые дальние и начинают благословлять ее, что, конечно, сопровождается приличным вытьем со всех сторон. Благословляют все одним и тем же родительским образом и ковригой черного хлеба: и то, и другое переходит из рук в руки по старшинству. Очередь доходит и до самых младших членов семьи — маленьких братьев и сестер невесты, которых иногда бывает немало. Перед каждым благословляющим невеста кладет земной поклон, — представьте же, сколько должна положить поклонов она и сколько времени продолжается эта церемония. Иной раз благословляющих набирается более 20-ти человек.
Крестные отец с матерью приносят свои образа и свои ковриги. В то же время и с такою же церемонией происходит и благословение у жениха на дому, только он, хотя тоже плачет, но уж без таких жалобных причитаний, как невеста.
Когда я с Матреной пришла в избу Лопатиных, благословение уже кончилось. Толпа зрителей стояла на улице около избы; все смотрели на дорогу, по которой должен был приехать свадебный поезд с женихом.
Девки в лучших своих нарядах и в шелковых платках (только еще в полушубках) стояли в сенях и с завистью посматривали на стоявшие тут же два больших сундука (коробки) с приданым невесты, которое еще не было увезено в дом жениха.
— Родимые мои матушки, — говорила Маша Савельева. — Чего тут только не накладено доброго. Походила бы в этаких нарядах, да, кажись, ни в жисть столько не нажить.
— А ты не завистуй. Нешто можно ей теперь завистовать, Бог с ей, — унимала подругу серьезная грамотница Лиза, или Лисаха, как ее все называли в деревне.

— Да, Господь ведает, может и нарядам не обрадуется. В семью-то войдет в большую да гордую, что богаты больно; сын-те один, а девок-те и невест так, что иной раз золовушки-те дадут себя знать, — рассуждала Таня.
— А не повадно без нее, девки, будет. Больно она у нас удала была на песни-то. Теперь и зачинщицы у нас не осталось, разве ты, Матрена, заместо ее будешь?
— Ну, да больно нужно, — отозвалась Матрена и прибавила, — как у меня головушка чтой-то болит.
— С похмелья вчерашнего, что ли? — смеясь, спросила я.
— Може и с похмелья, — отвечала она. — Да ведь, небось, это оттого, что я больно стукнулась вчерась об дверь, как в ту избу пошли: девки-те вперед убегли, а я забилась с теткой Анной, да опосля, как вышла впотьмах в сенцы-те, шарю, шарю, никак не найду двери, да как-то споткнулась, да лбом ее и отворила, так ажно искры из глаз посыпались, — вот-те Христос. Так ровно чумная сделалась — сейчас умру...
— А долго вчера пировали?
— Да почесь всю ночь: пели, пели, плясали, плясали, инда ноженьки-то очурбанели — провалиться, — отвечала Маша.
— Как же, ничего не поделаешь: надо же подругу-то проводить, — прибавила Лисаха.
Из избы вышла маленькая, 12-тилетняя, сестра невесты Дуняшка. Несмотря на мороз, она была раздета, то есть без шубы, чтобы похвастаться своим нарядом. На ней была красная кумачная рубашка, розовое ситцевое полуплатье, лиловый фартук и красный новенький платочек на голове. На шее был надет толстый бисерный шнурок, точно такой, как в старину мужчины носили на часах: недавно у наших девок появилась мода носить такие шнурки вместо бус. Дуняшка крепко прижимала ладони к обеим щекам.
— Что ты, Дунька, рыло-те зажала? — спросила ее одна из баб.
— Погляди-тко, тетушка, как я щеки-то распалила, — весело отвечала Дуняшка, показывая свои действительно пунцовые щеки. — Бодягой, тетушка. Да ведь как дергает от нее — и не вспомнишься. О сю пору еще палит, — не смущаясь, рассказывала Дуняшка.
— Ты, знать. Много хватила, дурка. Ведь ею чуточку мазнешь, и то распалится кожа-те, — объясняла баба.
Я взглянула на пылавшие щеки больших девок и подумала, что они тоже уж чересчур много чем-то мазнули свои щеки.
Несколько ребятишек бежали с улицы в избу.
— Едут, едут! — кричали они.
— Близко? — спрашивали зрители.
— Нет, еще в деревню не въезжали, а уж близко.
— Пойдемте, девки, разденемтесь, а то не раже так-те стоять, — заговорила Лисаха.
— И впрямь, девки, разбегнемтесь, — заговорили все и вмиг разбежались по своим избам сбрасывать шубы, оттуда возвращались также бегом уж в одних платьях, с голыми шеями и шли в избу невесты.
Я также вошла туда. Стол был уж накрыт скатертью, а на нем стояла разукрашенная, расцвеченная краса. В день свадьбы невестины подруги приносят к ней в дом заранее приготовленную ими куклу. Кукла эта бывает величиною чуть не в аршин; делается она просто из одних тряпок, а иногда с фарфоровой головкой, если таковую представляется возможным достать. Наряжают эту куклу в бумажную тряпку-юбку, как это делают дети, чтобы кукла стояла, и на эту-то юбку нашивают всякую всячину ярких цветов. Все это сделано очень грубо, аляповато, да зато пестро, красно, золотисто. Эту куклу, эту «красу» невестину, которая теперь стояла на столе, охраняют все девушки, и за нее берут выкуп с жениха. Как, это мы увидим ниже.
Андрей Лопатин, отец невесты, поставил на лавку своего младшего шестилетнего сына и, надевая на него новый тулупчик, крытый сукном, учил его, как он должен будет продавать сестру.
— А ты, Мишутка, не робей, смелее бай: «Наша, мол, невеста дорога, сватушка, — пожалуй полтинник». Ну, ты сумеешь ли так баить-те? Не забудешь? — заботливо спрашивал отец.
Но Мишутка глубокомысленно молчал и ковырял в носу.
— А то посадим с ним Сережку: ему не так робко будет, да тот и примолвит, что надо баить, как он позабудет, — посоветовал старший сын хозяина.
— И то, нешто посадить? Мишутка, хошь, с тобой Сережка сядет, а? Посадить что ли, сынок?
— Посадить, — отозвался Мишутка, весь закрытый поднятым воротником шубы.
Вероятно, для большего парада понадобилось закутать Мишутку в тулуп, но вообще надо сказать,

что в свадебных церемониях меховая верхняя одежда считается у нас необходимой принадлежностью костюма.

Невеста сидела в уголку, на вчерашнем месте и опять закрытая спущенным на лицо платком: в этот день уже никто из посторонних не может видеть ее открытой до самого начала венчания. Костюм ее мало чем отличался от вчерашнего: голубые ситцевые ферязи, розовый фартук, беленькая коленкоровая рубашка, несколько рядов бус, желтый шелковый платочек на голове, который едва виднелся из-за покрывавшего всю голову и лицо другого шерстяного платка, и, наконец, неизменное довершение всей одежды — синяя суконная шуба, застегнутая на одну пуговицу, так что вся грудь оставалась открытой, и даже виднелась голая шейка из-под низко вырезанного ворота рубашки.

Прекрасные темные волосы невесты были расплетены и, распущенные, спускались вдоль спины, даже ниже талии. Короткая юбка ферязей позволяла видеть нарядные шагреневые полусапожки на ногах невесты, старательно сшитые родителем-батюшкой. Весь наряд Кати только и был замечателен этими башмаками, а то ничем не отличался от обыкновенного праздничного наряда наших девушек. Когда я спросила у стоявших тут баб, почему они одели невесту так просто, когда у нее столько модных городских нарядов, мне отвечали:

— У нас так уж водится, что ко святому венцу не след быть в нарядах, а только в чистом да в новом.

— Опять же, почто ее тапереча наряжать? В санях до церкви поедет — изомнется, а из церкви приедет — мужики и бабы все пьяны будут, пожалуй, еще обольют или испачкают как. Да и сидеть-то за столом им придется, так самую малость, — уведут скоро.

Катя, почти не переставая, вопила и причитала, и толпившиеся около нее бабы уж не унимали этого последнего оплакивания девичества.

Девушки, расфранченные в свои голубые, розовые и красные наряды, уже собрались в избу и готовились к своему концерту.

Бабы совещались, кому принимать подвенечную шубу и платок, которые должен привести жених невесте, кому запирать ворота при приезде поезда.

— Ну, что, сестра, иди ты, ты уж знаешь, что баить-то, — уговаривала хозяйка вчерашнюю приемщицу жениховых подарков.

— Да я больно не смею, — отвечала та.

— Ну, чего не сметь-те? Бай веселее, что на ум взбрецет, да и все тут, так чтобы только маленько моду соблюсти. Чай, уж не батюшки-светы какая мудрость, — ободряли ее бабы.

Мужики, поглядывая в окно, тоже были озабочены предстоящими переговорами и выбирали из своей среды, кому вести эти переговоры.

Но вот и желанные звонки поезда. Куча зрителей, стоявшая все время на улице, ввалила в избу; ребятишки с шумом и дракою бросились на палати занимать свои обычные места. Тетка Анна побежала запирать ворота. В избе вдруг все затихло, а если кто и переговаривался, то шепотом. Через минуту послышался стук в окно кнутовищем: это стучится сват. Начались переговоры.

— Кто там стучится? Что надо? — спрашивал из избы родственник хозяев, дядя Сергей.

— Приказчики Степана Васильевича Дорогутина, сбились мы с дороги, больно зазябли, — пустите обогреться, — отвечал голос с улицы.

— Недосужно нам пускать вас, — сердито говорил дядя Сергей.

— Сделайте милость, пустите; мы люди благородные, никакой обиды вам не сделаем, — просил сват.

— Да мы бы вас, батюшка, пустили, — заговорил уже ласковей дядя Сергей, — да у нас беда случилася: коровушка в избе отелилася, по всей избе разместилася; да еще другая беда: таракан с печи свалился, головушкой разбился, не знаем, чем полечить.

— Пустите-ко нас, мы этой беде поможем: мы коровушку на двор хлебцем выманим, а таракана брагой хмельной вылечим, — отвечал сват.

— Ну, коли так — милости просим, пожалуйте, — согласился дядя Сергей.

Начался стук в ворота и подобные же переговоры. Ворота отворились тогда, когда отпиравшая их тетка Анна получила приличный выкуп — серебряный гривенник, который она и показала бабам, возвратясь в избу. Этот гривенник остался в ее пользу. Гости вошли, помолились Богу и остановились у двери. Сват с огромным узлом, в котором была шуба и платок, двинулся вперед и, положив узел на стол, проговорил:

— Женихово тепло примите.

Тетка Анна подошла и, как будто развязывая, еще крепче затянула концы узла.

— Ой, родимые, как руки-то зазябли — и не развяжешь. Либо уж завязано больно крепко, чтой-та никак не распутаешь, — говорила она, ворочая узел и все крепче затягивая его.

— Постой, постой, тетушка, я развяжу.

И сват, развязав одни концы, принялся было за другие, а в это время тетка снова завязала распутанные концы и говорила:

— Нет, батюшка, знать, у тебя руки зазябли: и тебе не развязать родимый.

Долго проделывали эту комедию, а развязывание все же не продвигалось вперед, к удовольствию всех зрителей, которые от души хохотали, смотря на хитрые штуки тетки Анны.

Наконец сват устал развязывать узел и догадался погреть руки упрямой бабы: достал кошелек и вручил ей двугривенный, — тогда мигом концы узла развязались, и шуба с платком появилась в руках свата, который должен был надеть этот наряд на невесту.

Две бабы взяли под руки громко плачущую и причитающую невесту и повели ее на середину избы.

— Господи, благослови, — говорил сват, держа шубу перед лицом невесты, — крестись, — приказывал он ей. Девушка крестилась, шуба обносилась вокруг головы ее, и опять следовало приказание: «Крестись». Таким образом, прежде чем надеть шубу, ее обнесли вокруг головы невесты три раза, и после каждого раза она крестилась, или «кстилась», как у нас говорят.

Затем такую же церемонию проделали и с надеванием платка, или вернее — с покрытием им головы невесты, причем прежде покрывавший ее платок тихонько сдернули из-под низу, наблюдая при этом, чтобы как-нибудь не открыть ее лица. Через минуту шубу с плеч невесты сняли, так как надевалась она только для исполнения обычая, а венчается невеста всегда в своей одежде; шуба на этот раз привозится какая-нибудь старая, а подчас даже и чужая берется напрокат. Что же касается до платка, то он непременно должен быть на голове невесты во все время венчания или, по крайней мере, до самого начала таинства. Поэтому платок всегда бывает новый и качеством соответствует достатку жениха. На середине такого платка нашивается медный крестик так, что он приходится на темени невесты.

В старину невеста оставалась покрытая этим платком во все время пребывания в церкви, а в последнее время священники по большей части при начале обряда венчания велят раскрыть лицо невесты, и вот платок снимается с нее в минуту подведения ее к налою.

Одев невесту в «женихово тепло», ее посадили за стол на среднее место; мать и тетка уселись по обе стороны ее, обхватили ее за голову и так же, как и в девишник, завопили; невеста от них не отставала; девушки запели песню:

Не во трубоньку трубили
Рано поутру,
Катеринушка плакала
По русой косе.
Коса ль, моя косынька,
Русая коса девичья,
Вечор тебя, косынька,
Девушки плели,
Алую ленточку вплетывали.
Иван свет Степанович прислал ко мне
Сватеньку не млостливую да не жалостливую —
Почала мою косыньку щипать и рвать,
Что щипать и рвать, на две заплетать.

Опять хватающие за сердце мотивы. Право, здесь нехотя можно заплакать.

Гости и жених все время оставались стоящими у двери; жених — позади всех. Но вот песню допели, мать и тетка вылезли из-за стола; подле невесты в ту же минуту сели Мишутка, Сережка и две девушки. Эти последние бойко придвинули к себе «красоту» и затянули вновь песню.

— Вот, батюшки, — начал дядя Сергей, обращаясь к гостям, — подруженьки оберегают девичью красоту нашей невесты и уж вам свое место не уступят, разве подкупите подарочком каким?
— Мы за выкупом не постоим, а только уж красу невестину беречь — таперича не их дело: нареченный супруг убережет лучше ихнего, уж череда их таперича отошла, полно — своего не уступим, — говорил сват, доставая из кошелька деньги и кладя их на стол перед девушками, продолжал, — ну-те-ка, красные девицы, продайте нам ваши местечки; чай, не дорого за них возьмете? Вот и денежки.
— Мы дорого возьмем, этого мало, — отвечала одна из девушек, отвернув лицо и только искоса взглянув на деньги и продолжая петь вместе с другими.
— Мало... Ой, какие дорогие. Ну, уж девицы у вас: какие гордые. И глядеть не хотят на деньги, а говорят: «Мало», — удивлялся сват, снова доставая кошелек.
— Да, брат, не скоро к ним приступишься. За себя постоят, даром, что вон отворотясь сидят, словно и не их дело, — говорил кто-то из толпы.
Девушки, действительно, все сидели, отвернувшись от гостей, и глядели на закрытую невесту, старательно воспевая свои песни. Торг продолжался. Сват все понемногу прибавлял денег и подвигал их к певицам, а которая-нибудь из них отрывисто говорила: «Мало» — и отодвигала от себя.
Из толпы раздавались смех и остроты. Наконец на столе лежало не менее, как на рубль, серебряных монет. Тогда девушки перестали петь, переглянулись, толкнули друг друга локтями и поднялись с места; одна захватила деньги, другая — «красу».
— Наша взяла, — торжествовал сват, и когда последняя девушка спешно вылезла из-за стола, он топнул ногою и крикнул, — кши, вы, крапивное семя. Убирайтесь с матерями за печку.
Все хохотали, а «крапивное семя» быстро спряталось в толпе.
Надо заметить, что цена выкупа за «красу» не всегда берется такая высокая, как это было в настоящем случае. Родители невесты всегда заранее предупреждают девушек о состоянии жениха, и они, соображаясь с этим обстоятельством, и выкуп такой берут; иногда довольствуются и 40 копейками, но уж это самая меньшая плата за «красу»: чего-нибудь да стоят им часы, а то и целый день, потраченный на шитье и уборку куклы.
По выходе из-за стола девушек наступила очередь торговли Мишутки. Он сидел, насупившись; бойкий Сережка толкал его в бок и что-то нашептывал; все со вниманием смотрели не него и приготавливались слушать, как он будет баить. В первый раз еще приходилось мальчугану отвечать перед такой многочисленной публикой, до сих пор он умел еще только прятаться за юбку матери. Отец стоял близехонько от своего любимца, как будто готовясь в случае испуга и слез принять его на руки.
— Это еще что за мальцы? — спросил сват.
— А это юноши свою сестру продают, им тоже чем ни то поплатиться надо, — отвечал дядя Сергей.
— Ах ты, малец, малец. Много ли же тебе дать за сестрицу-то? Эва, я тебе сколько дам.
И сват положил несколько монет перед мальчиком. Сережка что-то шепнул ему.
— Тут, сватушка, мало, — отчаянным голосом крикнул Мишутка.
— Вот-те и знай. Ай, да Мишутка. Так, так — бай смелее: наша, мол, невеста дорога, — раздавались восторженные крики из толпы.
— Ах ты, зверь. Да ты и сосчитать еще не умеешь, сколько я тебе дал, а тоже говоришь: «Мало». Сколько те давать-то? — спросил сват.
— Полтинник, — опять крикнул мальчик, ободренный всеобщим хохотом и поддакиванием.
Сват прибавил еще сколько-то копеек, и хозяин-отец, которому, видимо, стало совестно за расходы жениха, крикнул сыну:
— Ну, вылезай, Мишутка. Будет с тебя, скажи: «Мол, благодарствуйте».
Наконец места вокруг невесты очистились. Рядом с ней посадили жениха, а по сторонам разместилась родня и поезжане. Началась раздача подарков невестиной родне. Сват внес из сеней привезенные с собой четвертную бутыль с брагой и кулек, из которого и начал раздавать подарки, предварительно пошептавшись с одним из ближайших родственников жениха. Налив стакан брагой и взяв в другую руку «дар», сват стал выкликать отца невесты:
— Сватушка, Андрей Григорьевич, пожалуйте сюда.
И когда тот подошел, он, подавая ему одной рукой стакан, а другой — «дар», говорил:

— Пивоварцу хлебните, а дар-то примите, на большом не взыщите, а жениха полюбите: почаще в гости зовите и к нам приходите.

Дар, полученный отцом, был: большой круглый пряник величиной с обыкновенную тарелку, ситцевый платок и кусок-печатка серого мыла. Потом была вызвана мать невесты и точно с таким же приговором получила свой дар: также платок, пряник и мыло, — только платок ее был не ситцевый, а шерстяной. Бабушка и тетка невестины также получили по шерстяному платку, вместе с пряниками и мылом. После этой старшей родни платки были подарены только старшему брату и Дуняшке — маленькой сестре невесты. Она также была вызвана по имени-отчеству:

— Сватьюшка, Авдотья Андреевна, пожалуйте сюда, — выкрикивал сват, и когда Авдотья Андреевна, закрываясь платком и раскрасневшаяся, как пион, подошла. Ей не поднесли браги по ее девичеству, а только пряник и шелковый платок с приговором:

— Дар наш примите, а братца полюбите.

Зато вызванного затем «сватушку Михаила Андреевича» заставили выпить целый стакан браги; платка он не получил, а только огромный пряник.

Не знаю, есть ли в других местностях такие огромные пряники, как у нас. Они, кажется, пекутся только нарочно для свадебных подарков, и на рынках-то появляются только в такое время, когда преимущественно играются свадьбы. Весит каждый пряник не меньше полфунта, а то бывают и более. Формы они круглой или четырехугольной, а цветом и вкусом эти пряники напоминают так называемые коврижки, только, конечно, несравненно хуже их.

Одарив ближайшую родню, сват начал вызывать остальных родственников, которых оказалось не мало. Тут сват просил хозяина говорить ему, кого следует вызывать и как зовут каждого, так как он не мог знать всех сам. В кульке запас пряников и мыла был велик, а потому щедрый сват беспрестанно повторял хозяину:

— Пожалуйста, сватушка, не забывайте никого называть; у нашего жениха на всех хватит гостинцу, только бы кого не забыть — не обделить. Сделайте милость, называйте всех, кого припомните.

И долго продолжался этот вызов и обдаривание с неизменным припевом:

— Сватушка такой-то или сватьюшка такая-то, пожалуйте сюда, дар наш примите, а жениха полюбите.

Платков уж, конечно, никто не получал, а только пряники и мыло, причем мужики получали не только по прянику, а и то, и другое. Эти последние были очень довольны, получая такую важную для них вещь как мыло: наши хозяйки иной раз долго не имеют возможности истратить на него гривенник, и приходится стирать белье кое-как в одной воде.

Когда вся родня была одарена, и хозяин не мог уже придумать, кого еще вызывать, сват взял два куска мыла и два пряника и стал вызывать девушек — подруг невестиных:

— Эй вы, красные девицы, материны баловницы, пожалуйте сюда, — выкрикивал он.

Но «баловницы» долго не шли, каждая отказываясь выступить вперед и посылая другую. Наконец, после уже настоятельного понукания хозяйки, одна из них выдвинулась, вся пунцовая, схватила подарок и мгновенно скрылась с ним. Эти пряники и мыло разделила потом между собой только старшая артель, из которой выходила невеста.

— А кто у вас стряпуха, кто кушанья готовит? — спросил сват, обращаясь к хозяину и доставая еще кусок мыла.

— На что же она вам, батюшка? — спросил в свою очередь тот.

— А вот отдайте ей это мыльце, чтобы она руки мыла чище, как будет нам кушать подавать, а то наш жених не любит, как ему руки черные кажут, — брезгует.

Хозяин взял мыло и передал его жене.

Хохот, остроты и переговоры не умолкали в избе. Вообще все эти шутки, прибаутки, переговоры шли очень оживленно и сопровождались всеобщим хохотом, но, несмотря на то, что все были изрядно навеселе, не исключая и самого говоруна-сватушки, ни одной резкой шутки не было слышно, ни одного крепкого словца, которым так любит во всех других случаях приправлять свою речь наш русский человек.

Так все было пристойно, нравственно, религиозно и задушевно — просто, что невольно какое-то хорошее чувство шевелилось в душе. Жениха начали одаривать. Хозяйский сын взял блюдо, то есть чашку, и первый положил в нее копеек 15 медными монетами. За ним стали класть и все остальные. Получившие подарки,

не исключая и самих хозяев. Клали, кто сколько хотел: и 20, и 15, и 5 копеек, но уж меньше-то 5 копеек никто не клал. Девушки ничего не положили. В чашке набралась порядочная кучка монет, и молодой хозяин передал ее жениху, который с самого своего приезда не проронил ни одного словечка, сидя подле своей закрытой и тоже безмолвствующей невесты.

Поданные деньги спрятал какой-то родственник, сидевший подле жениха.

Стали подавать обед; перед этим, конечно, пошло предварительно угощение водкой. Обед был почти такой же, как и вчера, только вместо студня подавалась свинина, да кроме двух горячих блюд было приготовлено третье: картофельная похлебка.

Аппетитно пили и ели гости, и можно себе представить, что не совсем-то приятно было сидеть между ними жениху и невесте, целый день говевшим и теперь ни к чему не притрагивавшимся.

Но вот настало время и в церковь ехать. Невесту под руки вывели из-за стола, и отец с матерью в последний раз благословили ее; жених был благословлен у себя дома. Катя и мать громко вопили и причитали, отец тоже утирал слезы.

В передних санях поехали сват и дружка, за ними — жених с посаженым отцом и с ближайшими родственниками, потом — невеста со свахами и другими бабами, потом — и остальные гости.

Вслед за отправившимися в церковь поехали и «коробейники» в дом жениха, везя на двух розвальнях приданое невесты. Вместе с ними отправили и два каравая хлеба и иконы, которыми благословляли невесту: один каравай и икона были благословением родителей, а другой каравай и две иконы — благословением крестного и крестной. Все это завернуто было в скатерть, которая в этот день была постлана на столе. Эту скатерть всегда с особенным старанием и всевозможным искусством ткет сама мать еще задолго до свадьбы дочери, но всегда предназначая свою работу для этого случая.

Проводив поезд, мать села за стол на место уехавшей дочки и принялась громко плакать и причитать:

— Родимое мое дитятко, дочка любимая. Кто на чужой сторонушке тебя приголубит, приветит, как я привечала?

Отец стоял в сторонке, задумавшись; несколько баб, пригорюнясь, слушали жалостные слова плакавшей, а потом стали ее утешать.

Я отправилась домой очень довольная всем, что видела.

При выезде из деревни поезд ожидают мужики и кладут поперек дороги едущим бревно или просто кол какой-нибудь. Переехать это препятствие считается невозможным ввиду будущего счастья молодой четы, а потому первые сани останавливаются, а за ними и следующие, и дружки начинают угощать мужиков водкой, которая имеется у них на этот случай в санях в немалом количестве. После угощения бревно с дороги убирают; едут далее; при въезде в село та же история: опять бревно, и опять следует угощение.

Наконец поезд подъезжает к церкви. Если она еще заперта, то дружка отправляется в дом батюшки и несет ему установленную плату за венчание: три рубля, полотенце, полштоф водки, фунт баранок и два или три огромных пирога, которые потом делятся на весь причет [причт].

Вся эта плата почти всегда идет со стороны жениховой, и только полотенце берется от невесты, так же, как и кусок новины, служащий «подножами» для новобрачных и идущий потом в пользу пономаря.

После венчания наш священник вместо супружеского поцелуя заставляет новобрачную поклониться мужу в ноги и тем «показать ему свою будущую покорность». Баба тотчас после этого уводят молодую в церковную сторожку и там наскоро заплетают ей волосы по-бабьи: на две косы, укладывают их вокруг головы — и надевают повойник, захваченный из дому свахой.

Мужики в это время возятся около лошадей или дожидаются на паперти. Так как в продолжение дороги, угощая встречников, они и сами не упускали случая выпивать, то языки их оказываются довольно развязными, а голоса громкими...

Из церкви молодые едут уже вместе в середине поезда. Широкие натуры дружек и остальных поезжан все более и более входят в свои права, вследствие чего савраски и гнедки, подстегиваемые и пугаемые криками своих хозяев, быстро мчатся в дом новобрачного, не разбирая ни ухабов, ни сугробов.

Отец с матерью встречают молодых с хлебом-солью, благословляют и сажают за стол вместе с прочими гостями. Со стороны новобрачной ни отца, ни матери, и никого из родных тут не бывает. Не бывает тут также и девушек: это праздник людей семейных...

Почти тотчас же по приезде, пока гости поздравляют молодых со стаканчиками в руках, заботливые родители спешат накормить их, по предположению сильно проголодавшихся, и ставят перед ними неизбежное в этих случаях блюдо: выпускную яичницу. Но молодые, вероятно слишком возбужденные и усталые, едва дотрагиваются до кушанья.

Менее чем через час их уводят спать, но где же им приготовлена спальня?... Или в клети, то есть в холодной комнате, без печки, или, если таковой не имеется, — в подполье, которое бывает уже при всякой избе для сохранения провизии. В последнем случае молодым бывает лучше, так как в подполье гораздо теплей, чем в клети... Если даже у хозяев и есть другая изба, которую можно натопить, то и тогда, в силу обычая, молодые должны провести первый ночлег в не топленом помещении...

Вот тут уж начинается полный разгул русской душе: далеко заполночь пируют гости, и чего-чего не придумают они на этом пире, поощряемые удалой свахой и изрядной выпивкой. И из ружей стреляют, и в сковороды бьют... Недаром же девушек никогда не бывает на этом пиру. Впрочем, здесь кстати заметить, что девушки у нас не ходят гулять в чужие деревни и на храмовые праздники, когда старшие тоже порядочно кутят; побывают они только в селе на ярмарке, а гостить не остаются. Так уж водится. Парни, — те гостят на всех праздниках. На другой день утром молодые отправляются в деревню новобрачной звать ее родных в гости на так называемый «княж обед». Подъезжая к их дому, молодой закрывает жену, которая ложится в санях, тулупом или рогожей и с кнутом в руках, с рукавицами за поясом входит в избу. Там в сборе вся родня и соседи. Помолясь Богу, он пресерьезно спрашивает:

— А что, почтенные хозяин с хозяюшкой, не надо ли вам свежей говядинки? Я вот скотинку ныне бил, так и заехал спросить: не возьмете ли моего товарцу?

— Ах, ты, родимый. Коли не взять, — отвечают хозяева, — да мы тебя только и дожидались: больно нам нужно говядинки-те. Спасибо, что заехал. Кажи, кажи товар свой.

Комедия сыграна. Молодой выходит и через минуту возвращается с женой. Они кланяются родителям в ноги и говорят:

— Родитель-батюшка, родительница-матушка, пожалуйте к нам на княж обед.

Поднимается хохот, шум, сборы, и не пройдет и полчаса, как новобрачные, сопровождаемые всей родней и ближайшими соседями со стороны молодой, мчатся к себе домой на пир.

Пир этот иногда кончается одним днем, а иногда продолжается и два дня. Возвратясь к себе домой, родители молодой тоже приготавливают пир, и на следующий день к ним приезжают новобрачные и вся родня со стороны зятя. Этот пир называется «познатье». Разумеется, и познатье редко оканчивается одним днем. Таким образом, смотря, конечно, по достатку, свадебный пир продолжается иногда неделю.

Угощение на этих пирах — при своих домашних запасах и такое незатейливое, как я описала, конечно, не Бог знает, что стоит. Главную ценность тут составляет вино. Его, правда, выйдет не мало за это время, зато это ведь единственный такой роскошный праздник в жизни крестьянина, и нельзя же не отпраздновать такого важного события: в семье появляется новая работница, а с весны и лишний душевой надел можно взять на долю ее рабочих сил...

КОРЧЕВСКИЙ УЕЗД

Корреспондент Розов А. К.

«Этнографические сведения о селе Губин Угол Корчевского уезда Тверской губернии». 1848 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1730. Л. 1—6

1, 2. Физические природные свойства крестьян. Жители села и окрестных деревень в большинстве случаев блондины с голубыми глазами, вообще приятными чертами лица, среднего роста, правильного телосложения. Мужчины не отличаются крепким здоровьем, но в физических упражнениях разного рода выказывают большую ловкость. Что касается умственных и нравственных качеств, то жители села Губин Угол и окрестных деревень отличаются понятливостью, рассудительностью. Они сметливы, вежливы и гостеприимны.

В домашней жизни отличаются опрятностью. Преобладающий недостаток — стремление к щегольству и роскоши.

[Б. Местные условия жизни крестьян]

3. Местоположение. Село Губин Угол расположено на левом берегу Волги, при Губинском озере, в 25 верстах от города Корчевы. Вблизи Губина Угла раскинуты приходские казенные деревни: Святье, Топорок, Соболево, Федоровка и Демидово.

[Г. Общие указания об образе жизни крестьян]

7. Занятия крестьян. Главное и почти исключительное занятие жителей села Губин Угол и окрестных деревень составляет сапожное производство, достигающее очень больших размеров: производят до пятисот тысяч пар опойковых сапог и калош разных сортов и превосходной отделки. Сбывается этот товар в Кимрах, богатом и торговом соседнем селе Корчевского уезда. Сапожники Губина Угла в большинстве случаев уходят на заработки в Москву или Петербург, где ведут свое дело или самостоятельными хозяевами, или сначала работниками у односельчан, живущих уже в собственных мастерских. Хлебопашество они поручают своим женам и детям женского пола и нанимают им в помощь посторонних работников.

[Д. Общественные установления, обычаи и законы, регулирующие отношения крестьян к обществу и государственному строю]

101. Празднества. Кроме праздников Пасхи и Троицы здешние поселяне с особым торжеством отправляют свой храмовый праздник святых мучеников Флора и Лавра. К этому празднику домой собираются все, даже уехавшие на промысел в Петербург и Москву. С утра наряжаются в самое лучшее платье и идут в церковь. По окончании богослужения молодежь собирается на улицах, устраивает игры, хороводы, заводит песни, преимущественно «Как по морю-морю синему…» и «Свети-ка ты, светел месяц, через чисто поле, супротив мово подворья…» и т. д. Старики и пожилые люди собираются на завалинках и глядят на забавы молодежи, или же пьют чай друг у друга, толкуя о своих делах. Пьянство составляет здесь довольно редкое явление. Из игр наиболее распространены игры в карты и шашки.

106. [Стремление возвысить свое общественное положение] Здешние крестьяне гордятся нарядной одеждой и тратят на это значительную часть денег, заработанных сапожным мастерством.

[Ж. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусства. Знания крестьян]

292. Предания. По преданию Губин Угол получил свое название от гибели множества людей и разгрома поселения во время битвы между князем Тверским и монголами. Разбросанные вблизи села курганы, валы и насыпи считают татарскими могилами.

[З. Семья. Обычный порядок жизни]

377. Жилище. Дома здесь строятся из дерева, по прямым длинным линиям и разделяются на летние и зимние помещения. Летние выходят на улицу, зимние расположены позади, в связи с надворными строениями. Из двух или трех комнат летних помещений одна, предназначенная для приема более важных гостей, содержится чище и украшается иконами, картинами, шпалерами. Для ремесленных занятий есть особая комната. Необходимые службы, как гумна, бани, сараи, расположены позади домов.

380. Одежда. Одежда жителей удобна и богата; зимой — суконные шубы (у женщин — атласные и штофные шубейки и салопы) на лисьем и заячьем меху, суконные поддевки, теплые калоши; летом — сюртуки

из тонкого сукна, суконные армяки, шелковые шляпы; у женщин — платья из дорогого ситца, нередко даже шелковые, шали разной шерсти, гарнитуровые косынки, шелковые платки. Обувь — сапоги и ботинки из козловой кожи.

381. Пища. Пищу здешние крестьяне имеют хорошую и сытную. Свежее и сочное мясо разных родов, белый хлеб, разного сорта каши за их столом не редки. Почти в каждом доме — чай, орехи, финики, пряники, конфеты — их обыкновенный десерт. На свадьбах у них пир горой: не щадят водки и вин, белых и красных. В постные дни за обедом всегда бывают щи с грибами или «опятками»; блины чай с медом или изюмом, так как сахар считается скоромным, — разнообразят их стол. Соления и варения разного рода имеет в запасе каждая заботливая хозяйка.

387. Экономическое положение семьи. Все здешние крестьяне имеют обеспеченное состояние: землею наделены с избытком, так что на каждую душу мужского пола приходится по четыре десятины и 411 сажен. По местным исследованиям, каждое семейство, если положить круглым числом по пяти душ на семью, от своего ремесла и земли имеют чистого дохода 350 рублей серебром. На уплату податей и разные денежные сборы идет до 28 рублей, все остальное расходуется на хозяйственные материалы, продовольствие и прихоти.

[И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака]

409, 410. Свадьба. Свадьбы совершаются обыкновенно перед «масляной» на «сплошной» и «пестрой» неделях, так как это время считается менее всего удобным для работы. Невеста и жених большей частью знают друг друга до свадьбы, поэтому особых затруднений в выборе не бывает. Сваха со стороны жениха отправляется к отцу невесты и после переговоров извещает жениха о полученном согласии. На другой день после этого родители невесты осматривают хозяйство жениха, затем отцы «бьют по рукам», жениху вручается от невесты платок, и назначается время дня «сговоров» и «образования». Нарушить рукобитье считается бесчестным. «Сговоры» производят сваты жениха и невесты. После обычного торга: «У вас, дескать, товар, а у нас купец» и т. д., после бесчисленных прибауток, меняются белыми пирогами в знак того, что дело жениха и невесты улажено. После этого жениха и приезжих гостей усаживают за стол, а из другой комнаты среди глубокого молчания выходит разодетая невеста, отвешивает гостям земные поклоны, целует жениха, дарит ему платок и наделяет подарками гостей. Жених подносит ей узел разного сорта орехов. Затем жених с невестой удаляются в отдельную комнату, а гости остаются на своих местах, пьют чай, ужинают. По случаю обручения, или «образования», у невесты устраиваются девичьи вечера. В день бракосочетания жених в качестве «новобрачного князя» отправляется к дому своей невесты со свитой, состоящей из посаженого отца, «трех баринов» и двух дружек. Здесь их с почетом встречают дружки «княгини» -невесты, вводят в комнаты и усаживают за столы, уставленные лучшими блюдами и винами. В это время жених вносит родным братьям невесты денежный выкуп, а остальных его родственников сваха жениха наделяет платками и пряниками. По окончании этой церемонии и обеда отец невесты, соединяя руки новобрачных, вручает жениху судьбу своей дочери. Дружки при этом приветствует родителей возгласами: «Благословляйте детей своих милых под златым венцом стоять, чуден крест целовать», — и, обращаясь к народу, кричат: «Поздравляйте князя новобрачного под златым венцом стоять» и проч. После благословения образом невеста, обращаясь к родителям, произносит нараспев: «Не надо мне вашего ни злата, ни серебра, но прошу у вас благословения от чистого сердца». После этого все присутствующие прощаются с женихом и невестой, провожая их за ворота. После бракосочетания дружки поздравляют молодых и заставляют «нареченную княгиню» кланяться «новобрачному князю» в знак покорности жены мужу. На церковной паперти свахи убирают волосы новобрачной «по-бабьи». Родители жениха встречают молодых у ворот своего дома с хлебом и солью, и молодые должны следовать до самого места пирушки, держась за «хлеб-соль» руками. Во время пирушки новобрачные, посидев немного за столом, по знаку свахи уходят в особую комнату, а гости и хозяева едят, пьют, развлекаются играми, песнями, хороводами и плясками в течение всей ночи. На другой день утром даются «княгинин завтрак» и «княжий обед», на которых знакомые новобрачным девушки величают кого-нибудь из гостей или, еще чаще, самих новобрачных песнями такого рода:

Как у нашего сватушки
Впереди сидит почетный гость —
Князь с княгинею.
Подари хорошенькой,
Подари, пригоженькой,
Не рублем — полтиною —
Золотою гривною
На румяна, на белила
Красным девушкам.

Тот, к кому обращаются, благодарит за величание, опуская деньги в стакан меду. Девушки пьют мед и, вынимая из стакана деньги, благодарят за них в свою очередь следующей песней:

Спасибо, хорошенькой,
Спасибо, пригоженькой,
Сын Иванович Дунай!
Мы стакан меду выпили,
Золоту-то гривну вынули.

В третий, и последний, день пиршества мужчины наряжаются в женское платье, женщины — в мужское, и в таком виде устраивают катание на лошадях. Делается это обыкновенно до обеда.

[I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности]

423, 425. Роды. Крестины. По окончании родов к родильнице собираются соседки и угощают ее различными лакомствами «для здоровья». Беременная женщина ни за что не согласится быть восприемницей — она считает, что от этого будет недолговечен младенец, которым она беременна.
За крещение священнику и за церковные свечи платит восприемник. Восприемница приготавливает пеленки и рубашку. За крестинным обрядом кум с кумой и родственники кладут на стол деньги и пьют за здоровье родителей и их младенца. Отец новорожденного в заключение обеда выпивает заздравную рюмку вина и, поморщившись, съедает ложку каши, сильно посоленную повивальной бабкой «в знак трудных родов». Потом он прыгает вверх, говоря: «Так расти и прыгай, мое роженое дитятко». Когда дети подрастут, их стараются одевать как можно лучше. На приданое не жалеют средств.

436. [Обучение. Школа] Грамотность. Грамоте обучаются у так называемых «мастеров» и «мастериц».

[К. Выходящие из ряда обстоятельства]

443. [Общественный разлад] Многие из жителей, принадлежащие к раскольникам обоих толков — поповщины и беспоповцев, — строго соблюдают посты, не едят скоромного каждую среду и пятницу. Некоторые из пожилых женщин, придерживаясь правил мнимого старообрядчества, совершенно не едят мяса и «понедельничают».

445. [Местные бедствия. Пожары] Для борьбы с пожарами существует сельская полиция и пожарные инструменты. Содержание «пожарного заведения» возлагается обществом на одного государственного крестьянина, который освобождается за это от постоев и подвод.

448, 449. [Неурожай. Падеж скота, лошадей] Общественные бедствия. В случаях общественных бедствий — засухи, падежа скота, какой-нибудь эпидемии среди населения, — народ с горячими молитвами обращается к милосердию Бога. При этом, кроме обычных молитв в церкви, принято ходить с крестным ходом вокруг жилищ, житниц и целого села, окропляя их, а также поля и скот святой водой.

473. Болезни. Господствующие болезни — чахотка и водянка. Побывавшие в городах и ознакомившиеся со способами лечения обращаются за помощью к врачам. Беднейшая часть населения прибегает обыкновенно к бабкам.

474. [Умирающий, мертвое тело, поминки] Похороны и поминки. Обряды похорон и поминок обыкновенны. Чтобы придать церемонии выноса, погребения и поминок больше торжественности, приглашают всех родственников и соседей. По окончании погребения вместе с приходским священником обедают в доме умершего. Таким же образом совершаются поминки и «сорочины». В четверг на Страстной, в «родительскую» на Троицкой неделях, а осенью на неделе св. великомученика Димитрия женщины поминают души усопших родителей во время вечернего богослужения. На могилах они оставляют мед, а пироги — для церковных служителей.

Корреспондент Извеков Павел Николаевич
(Земский начальник 4-го участка Корчевского уезда), 1898 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1729. Л. 1—32

Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю

8. **Крестьянские сходы.** Сходы бывают селенные, сельские и волостные. На селенные сходы собираются домохозяева отдельных селений, не составляющих особого сельского общества, и обсуждают дела:
1) О переделе земли, состоящей в их пользовании, накидки и скидки тягл.
2) Об усадьбах и подворных участках, которые, за смертью их хозяев или за выходом их из общества, остались праздными.
3) О раскладке всех лежащих на крестьянах казенных повинностей, земских и мирских сборов.
4) Для принятия мер (188 ст. Общ. Положен. О кр-нах) к взысканию недоимок в селении, имеющем отдельный окладный лист и отдельное от прочих селений того же общества поземельное устройство.
На сельские сходы собираются крестьяне одного или нескольких селений, составляющих сельское общество, и обсуждают следующие дела:
1) О выборе сельских должностных лиц и лиц, выборных на волостной сход.
2) Об удалении из общества вредных и порочных членов его, а также о временном устранении крестьян от участия в сходах не долее, как на 3 года.
3) Об увольнении из общества членов его и о приеме новых.
4) О назначении опекунов и попечителей и проверка их действий.
5) О разрешении семейных разделов.
6) О порядке пользования общинной мирской землей.
7) Совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, презрении и обучении грамоте.
8) Принесение жалоб и просьб по делам общества через особых выборных.
9) Назначение сборов на мирские расходы.
10) Раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, земских и мирских натуральных повинностей и установление порядка ведения счетоводства по перечисленным сборам.
11) Учет должностных лиц, избранных обществом, и назначение им жалования или иного за службу вознаграждения.
12) Дела по отбыванию сельчанами воинской повинности.
13) Принятие мер к предупреждению накопления и ко взысканию недоимок.
14) Назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода воспомоществований.
15) Обсуждение всех тех случаев, когда по закону требуется согласие или разрешение сельского общества.
Волостные сходы составляются из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору, то есть

из волостного старшины, сельских старост, особых сборщиков податей, где они имеются, волостных судей и из крестьян-сходчиков, избираемых от каждого селения, принадлежащего к волости, по одному от каждых десяти дворов. Ведению волостного схода подлежат следующие дела:

1) Выборы волостного старшины.

2) Постановления обо всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел целой волости.

3) Меры общественного презрения, учреждения волостных училищ.

4) Принесение жалоб и просьб по делам волости через особых выборных.

5) Назначение и раскладка мирских сборов и повинностей, относящихся к целой волости.

6) Поверка действий и учет должностных лиц, избираемых волостью.

7) Дела доверенностей на хождения по делам волости.

Созыв на селенные и сельские сходы производится сельским старостой через деревенских десятских, которые накануне сходов вечером предупреждают домохозяев о том, чтобы они не отлучались из селения. В назначенное для схода время эти же десятские стучат палкой под окном каждой избы, созывая таким образом сельчан на сход. Сельские сходы обыкновенно собираются в том селении общества, которое составляет его центр; при учетах сельского старосты — преимущественно в том селении, где староста проживает; при семейных разделах — в том селении, где проживает желающее разделиться семейство. Сходы, созываемые волостным старшиной или же по распоряжению земского начальства, собираются в том селении общества, которое будет назначено начальством.

Нельзя сказать, чтобы сельчане вообще охотно собирались на сходы, ибо это отрывает их в страдное время от полевых работ, в зимнее же, долее свободное для крестьян время, они заняты или заготовкой дров на топливо, или поденными работами, или приведением в порядок своего домашнего хозяйства, а потому в большинстве случаев они собираются на сходы скорее по принуждению.

Замечается, что крестьяне, являясь на свои селенные сходы, приходят одетыми по-домашнему, а на сельские сходы и когда приходится идти в другое селение, то приодеваются, особенно при явке на волостные сходы. Присутствие посторонних лиц на сходах вообще крестьянами допускается, но, однако, они довольно строго следят за тем, чтобы на сходах не позволяли себе высказывать свои мнения лица, не имеющие права голоса на сходе.

При обсуждении на сходах дел о пользовании землей и отбывании за нее повинностей допускаются и женщины-домохозяйки с правом голоса наравне с мужским населением. По другим же делам женщины, хотя и могут присутствовать, но без права голоса.

Случаи явки на сходы в пьяном виде хотя и бывают, но весьма редко, и в подобных случаях крестьяне сами убирают своего пьяного члена со схода. Весной 1898 года в Чоемском участке Корчевского уезда был случай, когда крестьяне селения Всехсвятского Рожденственской волости, созванные волостным старшиною на селенный сход на другой день после большого праздника, явились почти поголовно пьяными, почему и сход не мог состояться.

В каждом сельском обществе сход собирается не менее двух раз в год для учета сельских старост в денежных суммах и для раскладки повинностей, а также для поверки действий опекунов. Сроки для созыва таких сходов приурочены к январю и июлю месяцам. Кроме того, по мере надобности сходы собираются и по другим делам. Средним числом, Как замечено в течение последних семи лет, в каждом сельском обществе сходы собираются от трех до шести раз в год. Решаемые на сходах дела, подлежащие ведению сходов согласно Общего положения о крестьянах, перечислены в выше приведенных перечнях. Сельские сходы собираются по предложениям сельских старост, волостного старшины, земского начальника или — по ходатайствам отдельных крестьян в случаях, когда разрешение ходатайств зависит от крестьянского общества.

Не все вопросы разрешаются на сходах согласно желанию начальства, в особенности в тех случаях, когда утвердительное решение предложенного на рассмотрение вопроса находится в зависимости от денежных средств. Население старается избежать ассигнования денежных сумм или же увеличения уже существующего обложения денег на самые необходимые нужды и лишь в крайности соглашаются на это.

Поведение крестьян на сходах бывает различно, смотря по тому, кто из начальства присутствует на сходе. Если присутствует сельский староста, то крестьяне ведут себя большей частью шумно, перекрикивая один другого, долго не уясняя себе противоположных мнений и не приходя к определенному решению.

Когда долгое и безрезультатное перекрикивание друг друга, иногда в течение нескольких часов, в конце утомляет спорящих, начинают выделяться авторитетные голоса старших и наиболее авторитетных крестьян, которые, наконец, и соглашают односельцев к принятию того или иного решения.

В начале сходов обыкновенно имеют перевес так называемые горланы, но когда со стороны большинства участвующих замечается противовес, сход после долгих споров расходится по сторонам и происходит счет голосов.

Решающее значение, как замечается, принадлежит наиболее зажиточным крестьянам.

На сходах, собираемых в присутствии волостного старшины, поведение крестьян значительно тише и споры скорее заканчиваются, так как старшина, как более развитой крестьянин, а потому и пользующийся наибольшим авторитетом, сам руководит сходом.

Сходы, собираемые в присутствии земского начальника, существенно разнятся от сходов, собираемых в его отсутствие: здесь полная тишина и более разумное и внимательное отношение к предлагаемым вопросам, хотя и здесь возникают несогласия, но в этих случаях участвующие как бы по привычке покричать и поспорить сами просят разрешения выйти из сборной избы и «погалдеть» на свободе, после чего уже являются с ответом, что «мол, мы решили так-то и почти единогласно», но такой ответ не всегда бывает верным. И в сомнительных случаях, когда земскому начальнику зачастую приходится переспрашивать каждого крестьянина в отдельности, оказывается, что решение поставлено не только не единогласно, но как раз противоречит тому первоначальному решению, о котором было заявлено ранее.

Однако, как сказано выше, некоторые вопросы разрешаются далеко не в желаемом начальством смысле, в особенности, когда это сопряжено с расходами.

Крестьянин, когда он один, ведет себя тише и рассуждает основательнее, чем в сборищах, где крестьяне чувствуют в себе как бы стадную силу: мы, мол, мир!

Решения сельских сходов приводятся в исполнение сельскими старостами, а волостных сходов — волостными старшинами через сельских же старост, а самые решения облекаются в формы письменных приговоров, которые земский начальник имеет право рассматривать каждый, чем в значительной степени ограничен произвол, замечавшийся в прежнее время по отношению к крестьянам со стороны своих однообщественников.

Власти. Отношения их к крестьянам.

9. А) **Земский начальник.** Предметы ведомства и предметы власти земского начальника и вообще вся их деятельность, как в административном, так и в судебном отношении, с достаточной полнотой и ясностью определены в «Положении о земских начальниках», «Правилах об устройстве судебной части и правилах о производстве судебных дел», а также во «Временных правилах о волостном суде» по закону 12 июля 1889 года, а главные основания и самый дух закона изложены в предпосланном оному Именном Высочайшем Указе Правительствующему Сенату Императора Александра III-го (Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях, преобразованных по закону 12 июля 1889 года, издания земского отдела Министерства Внутренних дел).

Отношения земского начальника к подведомственным ему крестьянам находятся в зависимости от характера и вообще от личных свойств самого начальника, а потому и не представляется возможным подогнать эти отношения под одну мерку, почему сведения о сем мы можем дать лишь о том участке, который берем предметом нашего настоящего исследования.

Земский начальник, желая действовать неотступно в духе закона, установившего эту ближайшую к народу твердую власть, относится с полным вниманием к подведомственным крестьянам и, как действительный их попечитель в отношении благосостояния и нравственного преуспеяния, считает себя обязанным входить в их нужды и не с одной лишь формальной стороны, а влагая в это дело душу, вкореняя в население чувство законности и устраняя всякий произвол.

Для достижения этой цели он должен во всякое время допускать до себя приходящих к нему и не только по делам, подлежащим его рассмотрению, но и по всяким делам для дачи подробных советов.

При установившихся между начальником и крестьянами взаимном доверии и уважении им нечего бояться начальника и избегать встречи с ним, да и сами крестьяне, не встречая у земского начальника отказа в совете, идут к начальнику в большинстве случаев по всем своим делам прежде, чем обратиться в надлежащее

учреждение, и земский начальник должен избегать случаев обращения крестьян к письмоводителям, людям, еще сохранившим воспоминание о добром для них старом времени, когда взятки и угощения были освящены давним обычаем, да и сами крестьяне до сих пор еще бывают удивлены, когда писец откажется от угощения или добровольного приношения.

При установившихся между начальником и крестьянами взаимном доверии и уважении им нечего бояться начальника и избегать с ним встречи.

Земские же начальники, которые не руководствуются вышеприведенными соображениями, а смотрят на свою службу как на средство получить содержание, выполняя свои обязанности лишь в минимальной степени, лишь с формальной стороны, стараясь по возможности скорее сплавить с глаз долой докучных просителей, не могут считаться слугами правительству и народу, заботясь лишь о себе.

Земский начальник, стоящий на высоте своего положения, при исполнении своих многосложных и трудных обязанностей, находит нравственное удовлетворение в сознании свято исполненного долга. Постоянно вмешиваться в хозяйственные дела крестьян и мешать таким образом им жить земский начальник не должен; он должен в сем деле ограничивать свою деятельность лишь общим наблюдением, чтобы крестьяне не разоряли своих хозяйств невыгодными сделками и расточительностью и пресекать возможность подобных актов.

К взысканиям, налагаемым по 61 и 62 статье «Положения о земских начальниках» (на должностных лиц штраф до 5 рублей или арест до 7 дней, на простых крестьян штраф до 6 рублей или арест до 3 дней) земский начальник наблюдаемого участка прибегает в самых редких и исключительных случаях, полагая, что слишком часто налагаемые взыскания теряют свою силу, так как крестьяне к ним привыкают и перестают опасаться, а чем реже взыскание, тем впечатление сильнее. Однако земскому начальнику иногда приходится налагать взыскание на целые селения за так называемые мирские попойки, которые настолько вкоренились при прежних порядках, что считались делом обыденным, и крестьяне на первых порах были немало удивлены преследованием за это. Мирскими попойками называется такое пропивание целым обществом денег и водки, которые поступили в доход всего общества от сдачи внаем или аренду какой-либо принадлежащей всему обществу доходной статьи, например, мельницы, рыбной ловли, покоса и т. п. Причем деньги эти должны быть записаны в особую книгу и расходоваться на полезные цели, как то: улучшение пожарного обоза, починка дорог и мостов и т. п. нужды.

Замечается вообще, что если крестьянину известно, чему он подвергается за нарушение указанных правил, то он остерегается проявлять неисполнение их или ослушиваться.

Б) Уездный исправник, с введением Положения о земском начальстве, имеет сравнительно с прежним временем весьма редкие непосредственные сношения с крестьянами, причем сношения эти ограничиваются, главным образом, наблюдением за деятельностью волостных старшин и сельских старост по сбору ими с крестьян повинностей. И если исправник замечает в этом отношении медленность или недостаточную деятельность должностных лиц, то довольно широко пользуется предоставленным ему законом правом наложения на них тех же взысканий, какие предоставлены и земскому начальнику, но лишь в делах, относящихся до взыскания повинностей. В остальных же случаях сам исправник взысканий на должностных лиц взысканий не налагает, а лишь обращается к земскому начальнику с просьбой о наложении соответствующего взыскания.

Кроме того, исправник налагает те же взыскания на сотских и десятских, непосредственно ему подчиненных, за проступки по должности. Так как никто, кроме исправника, даже и земский начальник не может на них налагать взысканий, а лишь сообщает исправнику о замеченных проступках для наложения на виновных соответствующих взысканий. На простых, не должностных крестьян налагать взыскания исправнику законом права не предоставлено; он может лишь арестовать крестьянина на время, впредь до распоряжения судебной власти в случаях, предусмотренных «Уставом о предупреждении и пресечении преступлений».

Исправник, весьма редко отлучаясь в уезд, находится большей частью в Уездном полицейском управлении, где и принимает приходящих к нему по делам, распоряжения же свои по уезду передает через становых приставов, которые, в свою очередь, передают распоряжения через урядников за исключением случаев особо важных, когда отправляются на место сами.

Не замечено, чтобы крестьяне обнаруживали боязнь к исправнику. Напротив, замечается, что крестьяне не проявляют достаточного уважения к полицейским властям.

Становой пристав, как ближайшая к населению полицейская власть, имеет частые отношения с крестьянами, как по производству дознаний, так и как исполнительный орган по принятию понудительных мер к взысканиям с крестьян повинностей, причем одной из главных мер взыскания является опись имущества в продажу. Но крестьяне уже привыкли к периодическим наездам для этой цели станового пристава, что смотрят как на обыденное явление и никакого препятствия к составлению описи не оказывают в уверенности, что имущество их продаже не подвергнется, так как в последнюю минуту деньги обыкновенно находятся, и имущество от продажи освобождается. Один ни за что не станет платить, когда еще не заплатили другие. Был, однако, случай в наблюдаемом участке, а именно в Стоянцевской волости, где в 1891 году Семеновское общество категорически отказывалось выполнять настоятельные требования станового пристава об уплате хотя бы части повинностей, которые были ранее собраны сельским старостой в количестве около 3000 рублей и им же были растрачены. Когда возникло это дело, крестьяне несколько раз обращались к начальству с прошениями, в которых высказывалось, между прочим, что они встретят с кольями и топорами всякого, кто придет взыскивать с них вышеозначенные растраченные старостой деньги и описывать для сего крестьянское имущество. Необходимо заметить, что по закону крестьяне ответствуют всем своим имуществом круговою порукой за растрату, произведенную выборным должностным лицом. Поэтому потребовалось вмешательство земского начальника, который после долгих увещеваний, обращенных к сельскому сходу, и напоминаний крестьянам о последствиях столь упорного сопротивления, склонил их, наконец, к тому, что они подчинились требованиям и тогда внесли часть денег, чем и окончился инцидент. Впоследствии же крестьяне вернули свои убытки через публичную продажу принадлежавшего старосте имущества, которого на это хватило с избытком. В хозяйственные дела становой пристав не вмешивается и взысканий не налагает, ибо на это права ему законом не предоставлено.

В) Урядники, сотские, десятские.

Урядники, хотя и представляют из себя в селениях как бы некоторую чиновную особу, но боязни к ним и даже особого уважения со стороны крестьян не замечается. С крестьянами урядники обращаются несколько свысока.

Сотские и десятские (положение почти равнозначащее) — обыкновенно исполнители распоряжений урядника — сами почти никогда самостоятельно не распоряжаются, ходят на дежурство в становую квартиру, сопровождают арестантов, разносят пакеты от станового пристава и урядника, особым уважением крестьян не пользуются и смотрят на свою выборную службу как на тяжелую обиду. В 1893 году в деревне Курдова Николо-Созинской волости был случай, когда крестьяне ущемили бороду одного сотского в расщеп изгороди, и он должен был просить в таком положении около трех часов до тех пор, пока не был освобожден проходившими мимо крестьянами.

С крестьянами они обращаются вообще просто и не заносчиво, но при исполнении приказаний начальства предъявляют к ним требования, выраженные в довольно строгой форме, не допуская возражений.

Г) Волостное правление состоит из волостного старшины, всех сельских старост и из сборщиков податей там, где они существуют. В каждом волостном правлении имеется волостной писарь и, в большинстве волостных правлений, — помощник волостного писаря.

Волостное правление и старшина имеют к подведомственным крестьянам прямое отношение во всех делах. Как по взысканию с тех повинностей, так и по всякому делу, с каким бы крестьянин ни обращался, ввиду того, что правление для крестьянина есть ближайшее правительственное учреждение.

Волостной писарь имеет для волости огромное значение. Так как в большинстве волостные старшин — люди полуграмотные, едва умеющие подписать свою фамилию и не имеющие почти никакого понятия о законоположениях, относящихся до крестьянского быта. Исключение в этом случае составляют старшины, бывшие до их выборов сами в должности волостного писаря. Писарь, по своему служебному положению, остающийся как бы в тени, в сущности, есть первое в волости действующее лицо, и старшина во многом от него зависит, так как писарь, будучи не в ладах со старшиной, может его всегда подвести под ответственность. И частые произволы со стороны должностных лиц крестьянского управления, составлявшие обыкновение в крестьянской среде до введения должностного надзора в лице земских начальников, всецело можно отнести к деятельности волостных писарей, представлявших собою элемент вообще мало благонадежный, склонный к взяточничеству и пользовавшийся своей грамотностью

и опытностью в крестьянских делах для вершения многих неблаговидных дел. В настоящее же время волостные писаря, при ближайшем надзоре за их деятельностью и под опасением возможности немедленного увольнения от службы стали весьма осторожны и стараются действовать в пределах закона.
Волостной писарь составляет все письменные приговоры. Как по волости, так и по сельским обществам, что необходимо для последних по неимению сельских писарей. А между тем требования формальностей и точности при составлении приговоров и всяких документов весьма велики и могут быть выполнены лишь вполне грамотным и сведущим в законоположениях лицом. Волостной писарь ведет все делопроизводство по волостному правлению и волостному суду. А, кроме того, заготовляет все письменные сведения, требуемые от волостного правления представителями решительно всех ведомств. А потому и сосредоточивающаяся в правлении переписка положительно громадна. От волостного же писаря зависят положительно все крестьянские дела, какие бы ни поступали в волостное правление.
Д) Сельский староста зависит от упомянутых властей в том отношении, что эти власти всегда имеют возможность пожаловаться на старосту, найдя его деятельность не достойной. Но, однако, жалобы эти поступают весьма редко, так как волостной старшина старается жить в ладу со старостами — своими ближайшими помощниками. Старосты же имеют значительное влияние и на выборы в должность старшины. В отношения старост к подведомственным крестьянам почти не замечается, чтобы старосты держали себя начальниками. Хорошие крестьяне в большинстве случаев избегают быть выбранными в эту должность. Опасаясь взысканий за неуспешные сборы повинностей с крестьян. Будучи выбранными в старосты, они главным образом стараются об успешном сборе повинностей. Мало заботясь об исполнении своих остальных обязанностей. Так как полицейское начальство судит о деятельности старост лишь по результатам сбора ими повинностей, и если таковые сборы успешны и поступают в сроки, то, следовательно, и староста хорош. А, между тем, староста не только исполняет свои довольно многочисленные остальные обязанности, перечисленные в 58—63 статьях Общего положения о крестьянах, но обнаруживает почти полное незнакомство с этими обязанностями. И не только с обязанностями, но и даже с предоставленными ему 64 статьей того же закона правами наложения взысканий на ослушников его распоряжений, каковые взыскания заключаются: в назначении на общественные работы до двух дней, денежном штрафе до одного рубля или аресте до двух дней. Взыскания эти налагаются старостами в самых редких случаях, по-видимому, из опасения мести со стороны подведомственных сельчан. Таким образом, старосты находятся как бы между двух огней: и начальству, и сельчанам угодить нужно.

10. Например: начальством в селения преследуются попойки на доходы с оброчных статей. Староста обязан следить за тем, чтобы подобных случаев не было. Но вот в отсутствие старосты крестьяне отдали кому-либо в аренду клочок земли под сенокос, положим, за пять рублей; деньги получены, посылается за ведром водки, которое и распивается. Слух о сем доходит до старшины или земского начальника. Староста, чтобы не быть в ответе, должен донести. Результатом является штрафование иногда целого селения. Крестьяне укоряют старосту за донос, обещают впредь его не выбрать. А иногда и угрожают ему: «Больше не выберем», — или: «Погоди, ужо достанем».
В настоящее время почти не замечается, чтобы крестьяне являлись к начальству с поздравлениями или приношениями, но в прежнее время были случаи, когда крестьяне являлись к волостным старшинам с подарками или с деньгами (конечно, тайно) с тем, чтобы старшина, например, дозволил возвести в селении постройку с нарушением Строительного устава или же обождал с приведением в исполнение приговора суда о взыскании денежного штрафа или об аресте и т. п. И бывали примеры, что старшины и писаря приношения принимали, удовлетворяя незаконные просьбы. Но с учреждением ближайшего надзора за действиями должностных лиц подобные случаи постепенно вывелись.
При приезде в деревню земского начальника или исправника население встречает их вежливо и почтительно, но нельзя сказать того же относительно становых. Выслушивают приказания крестьяне внимательно и в большинстве случаев исполняют, хотя и не всегда охотно. По отъезде же некоторые говорят: «Что мне начальство, я сам себе начальство!» Но однажды был случай, когда подобное изречение достигло слуха земского начальника, который, подозвав говорившего таким образом, сказал ему: «А подойди-ка сюда поближе, я посмотрю, какое ты начальство!» И затем приказал его немедленно арестовать.

Говоривший сразу же изменил свой тон и упал в ноги с просьбой о прощении (обычай падать в ноги при принесении просьбы начальству в большинстве случаев наблюдается в Корчевском уезде и очень трудно выводится).
При введении в уезде Положения о земских начальниках, которые стали являться на каждый волостной сход (прежде же на сходах редко присутствовало начальство, кроме волостных старшин), по окончании схода и при отъезде земского начальника один из смельчаков-крестьян обратился к нему так: «Ваше высокоблагородие, очень много Вами довольны!» На вопрос земского начальника: «Что же тебе нужно?» — ответил: «Не соблаговолите ли нам на вспрыски?» После же обещания ареста за подобные речи таковых ни от кого даже слышать не приходилось.
Характерный случай был, однако, не так давно со становым приставом. Почти все лето прошлого года в нашей местности происходили лесные пожары, для прекращения и локализации которых сгонялось на места пожаров почти поголовно все окрестное население распоряжениями полиции. В те пункты, где пожары были сильнее и на больших пространствах, ездили для распоряжений по тушению пожаров становые приставы. В одно из близлежащих к месту лесного пожара селений утром приехал пристав, возвращавшийся с другого лесного пожара и совершенно утомленный продолжительными разъездами и бессонными ночами, и стал понуждать сельчан, также лишь на рассвете вернувшихся с другого пожара, отправляться на новый пожар. Но в ответ на это требование из толпы крестьян послышались такие речи: «Вот, если ты, становой, поставишь нам ведро водки, тогда, пожалуй, мы и пойдем на пожар», — на что последовали такие рассуждения: «Ну, нашел тоже с кого просить: у него, пожалуй, и гроша-то нет за душой». Возмущенный подобным к себе отношением, пристав схватил одного из крестьян, произносивших эти речи, за ворот и, ударив его по уху, бросил на землю, после чего и уехал из этого селения, сообщив об ослушниках волостному суду. Отъезжавшему становому послышались восклицания: «Будем жаловаться!» И действительно пожаловались губернатору. Последствием чего действия пристава рассматривались окружным судом, коим пристав был оправдан. Речи по отъезде начальства мало приходилось слышать, но случалось, ночуя на постоялых дворах, в комнатах, отделенных тонкими стенами от общих помещений, слышать суждения вкривь и вкось о начальстве и его характеристику. Причем высказываемые отзывы были для начальствующих лиц благоприятны лишь тогда, когда они всегда держались законности, не делая отступлений и ошибок. И лучшие отзывы о начальстве: строг, но справедлив, а это нашему брату и нужно. Зато ошибка или что-либо незаконное подвергаются строгому осуждению, в котором подчас проглядывает и затаенная ненависть.

11. При приведении в исполнение приказаний земского начальника, полицейских предписаний и постановлений волостного суда, в большинстве случаев приводящему эти распоряжения в исполнение, приходится прибегать к понудительным мерам и изредка употреблять силу. Впрочем, если крестьянин сам убеждается в справедливости предъявляемого требования или же законности, то редко протестует. Обыкновенно же крестьянина, мало развитого, очень трудно бывает убедить в этом, но если это достигается, то он лишь просит об отсрочке в исполнении требований. В течение семи лет было замечено лишь два случая явного неуважения, проявленного некоторыми крестьянами к личностям волостных судей и два случая — к волостным старшинам, за что виновные и понесли соответствующие наказания. Подобные же случае по отношению к сельским старостам представляют собой более частое явление.
Главной причиной этому служит неразвитость крестьянина, который, раз решение последовало не в его пользу, смотрит на лицо, постановившее решение, как на своего личного врага, обвиняя его в пристрастии, а иногда и в корысти. В течение этого же времени, кроме случая, упомянутого в пункте Б) 9 программы, наблюдался случай явного неповиновения крестьян начальству крестьянами целого селения, что выразилось в следующем: в 1894 году при приведении в исполнение решения Московской Судебной Палаты, утвержденного Правительствующим Сенатом об изъятии из владения общества крестьян Николо-Созинской волости села Устья, в пользу землевладельца купца Епонешникова, восьми десятин земли, которыми крестьяне пользовались довольно продолжительное время при прежних владельцах, в село Устье прибыл становой пристав, с доверенным от владельца Епонешникова, при уряднике, волостном старшине и довольно значительном числе сотских и десятских, а также при частном землемере, который и должен был отмежевать

вышеупомянутые 8 десятин. Зная неблагоприятное настроение крестьян к владельцу Епонешникову, возникшее за время ведения спорного дела об этой земле, ко времени изъятия оной из владения крестьян прибыл на место и земский начальник и до начала исполнительных действий, т.е. до прочтения акта об изъятии и до отмежевания земли, стал разъяснять крестьянам, что решение Сената по их делу есть окончательное и имеет силу закона, почему решению этому необходимо немедленно и беспрекословно подчиниться. Но крестьяне на увещевание возражали, что Епонешников в этом деле не прав, что земли они ему не отдадут, а подадут жалобу на Высочайшее имя и даже сами пошлют ходоков к Его Величеству. Но, однако, расписались на акте об изъятии земли в том, что этот акт им объявлен. Затем начался обход меж землемером с инструментами по имевшимся планам, и пока он обходил границы участков, относительно которых спора не возникало, все шло благополучно, и крестьяне сами указывали землемеру межи и межевые знаки. Но когда таким образом все дошли до границы спорного участка, и для дальнейшего обхода землемера пришлось разгородить часть изгороди, крестьяне стали этому препятствовать довольно большой толпой, в которой находились и женщины, крича: «Дальше не пустим, тут уже наша земля, а кто пойдет дальше, то пустим в ход колья и топоры!» После этого к крестьянам обратились с увещеваниями сначала земский начальник, а затем становой пристав, разъясняя, что за такое сопротивление крестьян сошлют в Сибирь, а прежде для усмирения их пришлют войсковую часть. Крестьяне продолжали кричать: «Мы не боимся, свое дело правое защищаем, и в Сибири люди живут, и там солнце светит», и т.п. После этого пристав приказал выйти вперед уряднику, войти в толпу и очистить достаточное место для дальнейшего прохода землемера, но главные зачинщики, кричавшие громче всех, оттолкнули урядника с силой, после чего пристав не стал уже настаивать, а составил обо всем протокол и приостановил действия землемера, а затем послал урядника верхом в город, находящийся в семи верстах от села, где происходило дело, для доклада исправнику о том, что произошло и за получением от него распоряжений. Исправник приехал на место сам и также обратился к толпе с увещеваниями, но в ответ услышал от крестьян почти то же, что они отвечали земскому начальнику и становому приставу, но добавили: «Пусть нам выдадут копию с акта об изъятии из владения земли, и пойдем теперь же, сейчас, с этой копией к губернатору, которому и принесем жалобу». Пристав сказал, что просимая крестьянами копия не подлежит по закону выдаче, а потому и не может быть им выдана, но исправник предложил становому выдать эту копию крестьянам для их успокоения, объявив крестьянам, что копия будет им выдана, но лишь при том условии, если они немедленно допустят землемера продолжать работу, и что приносить жалобы им не возбраняется. После этого крестьяне получили просимую копию, стали расходиться, допустив землемера оканчивать его работу и установку новых межевых знаков и отправив нескольких ходоков в губернский город к губернатору верст за 60-ть, не смотря на то, что были уже довольно густые сумерки (дело было в мае месяце). Таким образом, отмежевание земли, приостановленное крестьянами с двух часов дня почти до семи часов вечера, было закончено в десятом часу вечера.
Результатом действий крестьян было уголовное дело и после почти четырехмесячного предварительного следствия главные зачинщики, а во главе их и местный сельский староста, были преданы суду, но до решения дела все время просидели в предварительном заключении в тюрьме. Решением же окружного суда дело было дальнейшим производством прекращено на основании Высочайшего Всемилостивейшего манифеста, последовавшего со вступлением на престол ныне здравствующего Государя Императора Николая II-го. Хотя, таким образом, крестьяне и не понесли заслуженного наказания, но нахождение под продолжительным судом и следствием в достаточной степени их смирило. И хотя в них осталась затаенная вражда к Епонешникову, отсудившему у них землю, но он ею с того времени пользуется беспрепятственно.

12. Чаще всего к крестьянам применяются следующие законы:
51 ст. Общего Положения о крестьянах, в 18-ом пункте которой перечислено все, относящееся к ведению сельских сходов. Вообще крестьяне обнаруживают самое поверхностное знакомство с относящимися до них законами, но лучше знают их приведенные статьи: 7-й пункт — относительно распоряжений участками мирской земли, остающимися праздными; 10-й пункт — относительно назначения сборов на мирские расходы; 11-й пункт — относительно раскладки всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно земских и мирских натуральных повинностей, и порядке ведения счетов по означенным податям и сборам; 12-й пункт — относительно учета выборных должностных лиц;

33 Заказ № 1133

15-й пункт — относительно мер к предупреждению и взысканию недоимок; 64 ст. того же Общественного Положения — относительно права старост и волостных старшин подвергать крестьян взысканиям в размерах, указанных той же статьей; 111, 112 — 122 статьи того же Положения — о порядке выборов, назначения и удаления должностных лиц; 187—191 статьи того же Положения — относительно обеспечения исправного выполнения казенных и мирских повинностей; 61 и 62 статьи Положения о земских начальниках — относительно взысканий, налагаемых земским начальником в административном порядке и Местное Положение Великороссийское — относительно поземельного устройства крестьян.

13. Свобода передвижения. Паспорты

Виды на жительство, выдаваемые волостными правлениями, на основании Высочайше утвержденного 3 июня 1894 года Положения о видах на жительство, установлены для крестьян следующие: паспорта годовые, шестимесячные и трехмесячные и пятилетние паспортные книжки, а, кроме того — свидетельства на отлучку не далее 50-ти верст от места постоянного жительства на срок не долее 6-ти месяцев.

Чтобы иметь право отлучиться из деревни на более или менее значительное время и расстояние крестьянин должен удовлетворять следующим условиям: если он самостоятельный домохозяин, то необходимо, чтобы на нем не числилось никаких недоимок, иначе он должен представить от сельского старосты удостоверение о неимении препятствий со стороны односельчан, с которых недоимки взыскиваются за неплательщика по круговой поруке, и чтобы не было воспрещения от надлежащего судебного места выдачи паспорта крестьянину в том случае, если он состоит под следствием или судом, и существует опасение, что он может скрыться. Если же отлучающийся крестьянин — не самостоятельный домохозяин, а хотя и совершеннолетний, но не отдельный член крестьянской семьи, то должен предъявить согласие родителей или старшего члена семьи, так как все повинности взыскиваются со старшего члена семьи. В том случае, если старший член семьи, от коего зависит согласие на выдачу младшему члену вида на жительство, сам недоимщик или не имеет в семье достаточного числа работников для обработки земельного надела, общество также имеет право воспретить выдачу паспорта. На непродолжительное время крестьянин может отлучаться в пределах своего уезда, но если желает наняться рабочим, то должен иметь, если не вид на жительство, то свидетельство на отлучку не далее 50-тиверстного расстояния и на срок не долее 6-ти месяцев. Затруднения в получении видов на жительство крестьяне имеют довольно частые, происходящие в случае накопления за ними недоимок или вследствие воспрещений со стороны старшего члена семьи или от общества.

Все жалобы и недоразумения относительно паспортов разрешаются земским начальником, который имеет по закону право распорядиться выдачей паспорта и без согласия старшего члена крестьянской семьи, в большинстве случаев предъявляющего к намеревающемуся отлучиться младшему члену чрезмерные требования о высылке из его заработков денежного воспомоществования на уплату денежных повинностей и на содержание остающегося на родине семейства.

54—56 статьями Положения о видах на жительство виды могут быть отбираемы полицией в случае неуплаты владельцем паспорта причитающихся с него повинностей и в случае оставления отлучившимся без всякого призрения членов семьи или воспитателей, нуждающихся в средствах к жизни и не могущих снискивать себе пропитание своим трудом. Получив от волостного правления объявление об отказе в выдаче вида на жительство или в возобновлении такового, крестьянин обращается обыкновенно на этот отказ с жалобой к земскому начальнику, который, получив жалобу, должен собрать подробные по делу сведения, и если земский начальник, рассмотрев эти сведения, найдет жалобу неосновательной, то постановляет об отказе в жалобе. Такие постановления земского начальника могут быть обжалованы, причем подобные дела нередко доходят до Правительствующего Сената. До получения же окончательного разрешения время тянется очень долго, и крестьянин волей-неволей должен, не дождавшись окончания дела, возвращаться на родину, где у него иногда не имеется никакой собственности.

20-й статьей Положения о видах на жительство воспрещается выдача видов лицам, высылаемым на родину для водворения за нищенство, ранее истечения двух лет со времени высылки, а между тем такие лица зачастую не имеют на родине ни собственного крова, ни родственников, у которых могли бы найти кров.

Иногда проживающий на стороне крестьянин, по своим ходатайствам и жалобам, касающимся возобновления вида на жительство, будучи малограмотным, а иногда совершенно неграмотным, переплачивает порядочное

количество денег за написание прошений различным ходатаям. Для замужних крестьянок дело усложняется тем, что они, кроме удовлетворения вышеприведенным условиям, должны иметь согласие мужей на выдачу видов, так как одиннадцатой статьей Положения на выдачу видов на жительство воспрещается выдача видов без согласия мужей; а между тем эти мужья подолгу находятся неизвестно где, и таким образом не представляется возможности испросить их согласие. Жена же в это время, без средств к существованию, положительно бедствует. Часто бывает и так, что муж, заведомо пьяница и бродяга, воспрещает выдачу вида жене, требуя с нее за свое согласие в виде отступного изрядную денежную, непосильную для нее, сумму, которая мужем пропивается и прогуливается, а несчастная жена продолжает служить для такого мужа источником дохода.

По просьбе такой жены земский начальник, признавая просьбу вполне заслуживающей удовлетворения, не имеет, однако, возможности таковую исполнить собственною властью, имея в виду вышеприведенное прямое указание закона; и в таких случаях крестьянка обращается с просьбой на Высочайшее имя, причем такие просьбы, за множеством подобных, весьма редко получают скорое разрешение.

Лица же женского пола, не достигшие 21-го года и не состоящие в замужестве, могут получать отдельные виды на жительство не иначе, как по просьбе родителей или опекунов, либо с согласия попечителей.

ТВЕРСКОЙ УЕЗД

Корреспондент Драницын М. Г. Тверской уезд, с. Лисицы
«Этнографические сведения о жителях новооткрытого села Лисицы Тверского уезда и губернии». 1848 г.

Ф. 7. Оп. 1. Д. 1731. Л. 1—10

Физические природные свойства крестьян
1, 2. Жители села Лисицы Тверского уезда обладают крепким телосложением и соразмерностью частей тела. Большинство из них среднего роста, с русыми волосами и серыми глазами. Физическая сила и выносливость — их природные свойства. Резкие перемены температуры переносятся ими чрезвычайно легко. Так, летом, разгоряченные, они безнаказанно пьют холодную воду, а зимой босиком выбегают из бани на мороз.

Крестьянские сходы и власти
8, 9, 57. Все вопросы, касающиеся общих крестьянских нужд, решаются на мирских сходах; сходы устраиваются в крестьянской избе, обыкновенно в праздничные дни. Рядовой десятский созывает всех домохозяев, подходя к окнам изб. Решение дел зависит не от большинства голосов, а постановляется обыкновенно известными горланами. Отсутствующие должны подчиняться решению схода, а ослушавшийся наказывается наложением на него мирских тягостей. От некоторых мирских тягостей освобождается на год крестьянин, состоящий на солдатской очереди. Деревенские власти: сотский, годовой пятидесятский, рядовой десятский и полевщик, надзирающий за сохранностью засеянных полей.

[Ж. Верования. Знание. Язык. Письмо. Искусства]

Верования. Суеверия, связанные с образом жизни и занятиями
214. При переходе в новый дом хозяин берет кошку и петуха и прежде всех пускает их в избу. Петух тут же в избе на грядке и ночует.

Обычай при продаже
221. При продаже скотины хозяин берет повод своей полой и отдает в полу покупателю. При расчете денег покупатель оставляет у себя две или одну гривну, говоря: «Это на повод»; при этом просит хозяина, чтобы он не жалел о проданной скотине.

Роды

229. Перед родами крестьянская женщина старается всячески скрыть свое положение в предубеждение того, что роженица должна мучиться за душу каждого человека, который будет знать о ее положении. Она обыкновенно скрывается в овчарник или в подклеть. Повивальную бабку призывают только тогда, когда уже родится младенец, или же в трудном положении роженицы. В последнем случае бабка заставляет мужа больной влить в рот жены воды из своего рта. Когда же все средства бабки окажутся бесполезными, то обращаются к священнику с просьбой читать акафист Спасителю или Божьей Матери перед открытыми царскими вратами. После родов женщина притворяется слабою, боясь, чтобы ее не сглазили.

Праздничные обряды

245. 1) Накануне Рождества Христова ребятишки гурьбою ходят от одного дома к другому и поют коледу, за что получают от каждого хозяина по домтю хлеба или пирогу.
2) На святках ряженые парни и девушки ходят по домам с песнями и плясками.
3) В праздник Вознесения Господня молодые крестьяне и крестьянки собираются на поля, засеянные рожью, где кидают кверху яйца с пожеланием, чтобы рожь была так же высока, как было вскинуто яйцо.
4) В Троицын день холостые ребята и девицы кумятся, то есть завивают венки на березке, причем едят яичницы.
5) На праздник всех святых, на заговенье, молодежь собирается на гуляние, где поют песни, водят хороводы и развивают венки на березке, которую бросают в [не дописано].
Содержание всех песен, употребляемых даже и в веселое время, большей частью есть унылое.

Особенности языка

246. Об особенностях народного языка этой местности автор говорит следующее:
1) При произношении слов есть особенная любовь и привычка согласную букву «ц» переменять на «ч», например: «черковь» произносится вместо «церковь», «личе» — вместо «лице» и т. п.; и наоборот — букву «ч» на «ц», например: «цасовня» — вместо «часовня», «вецер» — вместо «вечер». К некоторым согласным прибавляются другие согласные, например, «н» с примесью «д»: «нравиться» произносится «ндравиться» и т. п. Нередко литеру «д», если она стоит рядом с литерой «н», переменяют в литеру «н», например, вместо «родная мать» говорят «ронная мать», вместо «вредно», «ладно» говорят «вренно», «ланно» и т. п. Гласная буква «о», если стоит в начале слова, нередко произносится как «ио», например, «он» говорят «ион» и т. п. Согласную букву «б» иногда опускают, например, «тея» — вместо «тебя».
2) Особенности в словообразовании, особенно в окончании слов при склонениях, например: в родительном падеже множественного числа говорят «братив» — вместо «братьев», «стеклов» — вместо «стекол», «подушков» — вместо «подушек» и т. п.
3) Употребляются общеизвестные слова в особенном, иногда даже противном смысле, например: «дрянно ражо» употребляется вместо «очень хорошо»; словами «больно здоров» выражается «очень здоров»; «болезный» — вместо «любезный» и т. п.
4) Употребляются слова вовсе неизвестные в общеупотребительным грамматическом языке, например: «ион ялся прити» — эти предложением выражается строгое обещание и употребляется, наверно, вместо «взялся» или «обещался» —» он обещался придти». «Голомя» —» он уехал в лес голомя» — то есть, «времени прошло столько, что как будто сделалось голо в памяти, то есть давно». «Яхнулся» — на вопрос «хотел ли придти?» отвечают: «Яхнулся придти» — этим словом выражается обещание исполнить что-либо, но так, что это обещание не влечет за собой строгого исполнения. «Притна» —» притна его возьми» — этим словосочетанием выражается недоброжелательство, то есть «чтоб с ним случилась от неизвестной причины какая-либо беда или несчастье». «Бает» — этим словом выражается понятие «говорит», «ведет речь» — «ион бает ражо». «Ономесь» — это слово используют тогда, когда требуется выразить определенную сущность действия и неопределенность времени, например: «я ономесь узнал цену хлеба» и т. п. «Давича» — этим словом выражаются тогда, когда какое-либо действие произведено за несколько часов до того времени, в которое идет разговор, например: «Я давича пахал, косил» и т. п. «Третенес» — этим словом выражается понятие «три дня тому назад», например: «Третенес был я в Твери...» и т. п. «Кинь ему в жараток» — словом «жараток» выражается ненасытность того человека, который

при всем довольстве не доволен, то есть уста или рот его так ненасытны и всепожирающи, как огонь. «Бишь» — при вопросе «Хорош ли такой-то человек?» отвечают, например: «Не совсем хорош», — а потом как будто поправляют свою ошибку и говорят: «Ах, бишь, нет, хорош»; этим словом отвечающий первое свое мнение поправляет. «Дискать» — этим словом поясняется речь; это слово, должно быть, происходит от сокращенного слова «доказать». «Ошател» — это слово означает «одурел, говорит не к месту, не на вопрос».

Предания

291. Село Лисицы было раньше деревней, и церковь в нем построена в 1848 году, но есть устное предание, что здесь когда-то была церковь, разоренная Литвой. Предание это подтверждается рукописью и старинными церковными предметами, найденными в Оршине монастыре вблизи села Лисицы. Существует много рассказов о кладах в соседнем местечке Латном. О другом местечке (Монастырске) говорят, что там была когда-то мельница, и в деревянном срубе, уцелевшем от нее, зарыт клад, который видят только те, кто нечаянно проходят мимо того места. В окрестностях есть много сопок, курганов и на самом берегу Волги — Черная гора, в которой, по рассказам, зарыто много кладов. Вот один из этих рассказов, передаваемый автором:
«Мой теперь умер батюшка, от кого-то, не ведаю, дознал, что лежат клады в Черной горе. Срядился один, не бая никому, и пошел рыть. Рыл и дорылся, бает, до ящика. Обрыл, — ан через Волгу переезжает человек. Я, бает батюшка, и поопасся его. Пришел домой, бает: «Ребята, запрягайте лошадь, я обрыл клад, совсем только увезти». Приезжает — там ничего. Рыли-рыли, — нет ничего, а увезти его некогда и некому. Батюшка сказал: «Ребята, как будете рыть клад, вот тут ройте». На вопрос, почему он сам не возьмется вырыть клад, рассказчик отвечает: «Тут нужно силу, потому что каждый год на это место много наносит песку, а деньги лежат целы».

[3. Семья. Обычный порядок жизни]

Жилище

377. Жилое помещение крестьян состоит из деревянной четырехугольной избы, внутри которой в одном углу находится печь, близ печи голбец для ночлега и дневного отдыха, а над дверью полати. На стенах — полицы, и вдоль стен — лавки. Для хозяйственных мелочей — маленький стенной шкаф, называемый поставцом. Избу на зиму обкладывают соломой или хворостом.

Утварь и орудия

378. Домашнюю утварь составляют: горшки, котлы, «поварешко» или «чумичка» (большая разливательная ложка), «жбан» (кружка), «колгашка» (самодельный ковшик), «боран» (рукомойник с двумя рыльцами наподобие бараньих рогов), «кринка», чаще «молостав» (горшок, обвитый берестой). Земледельческие орудия: соха и деревянная борона.

Одежда

380. Мужчины летом в будничное время носят домотканый суконный или холстинный кафтан; в праздничное время — решминский или домотканый суконный армяк. В зимнее будничное время — тот же холстинный и домотканый суконный кафтан с овчинной поддевкой. В праздничное время — белый овчинный тулуп или решминский армяк с овчинной поддевкой. Женщины летом в будничное время носят крашенинный сарафан (называемый ими «саян») с пуговицами спереди и холстинный кафтанчик; в праздничное летнее время — красный кумачный сарафан, или китайчатый, также с пуговицами спереди и разноцветными каймами, обложенными спереди кругом пуговиц и внизу — кругом всего подола. Подол обрезается довольно высоко.
В зимнее будничное время — сверх летнего сарафана надевается овчинная шуба, покрытая крашениной или просто белой холстиной. В праздничное время — также сверх летнего платья надевается китайчатая или суконная шуба. Обувь у мужчин и женщин в будничное время — лапти, плетенные из лык, или «чуни», плетенные из веревок. В праздничное время у мужчин сапоги, а у женщин — черевики или «босовики». Замужние женщины на голове носят шитые золотом или шелком повязки, называемые у них «сороки». От этих сорок у женщин, даже пожилых, сзади на спине висят кисти, а у девиц — от кос — ленты.

Пища

381. Во время поста в будничное время крестьяне едят щи с конопляным соком и накрошкою хлеба, тертую редьку с конопляным семенем и горох. В скоромные дни — те же постные щи с забелкой сметаной и молоко. В праздничное постное время приготовляется: горох, каша, иногда рыба соленая, своего лова или покупная. В праздничное скоромное время в довольном количестве приготовляется баранина или говядина и студень.

Экономическое положение семьи

387. Из примерных расчетов можно заключить, что крестьянин употребляет на уплату податей, подушных и земских сборов около пяти рублей серебром в год. На насущное пропитание и другие, необходимые по дому прожитки, как то: на щегольство, праздничное угощение и т. п., — до шести рублей серебром на однодушное ревизионное семейство.

[И. Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака]

Сближение молодежи.

390, 391. На поседках взрослые девушки целые ночи проводят в обществе парней, позволяющих себе всякие вольности. Это вовсе не считается предосудительным, наоборот, девушка, не посещающая поседки, бывает на плохом счету, ее подозревают в какой-нибудь болезни или говорят, что она «в каком-либо деле не доступна».

[Обстоятельства, предшествующие браку]

Свадьба

409, 410. Задумав женить своего сына, отец жениха посылает к невестиному отцу свата. В случае согласия отец невесты приглашает к себе женихова отца. По взаимному соглашению между ними невестин отец приезжает в деревню, где живет жених, справляется о нем у соседей, осматривает постройку, хлев, скот и все хозяйство своего будущего зятя. Если невестиному отцу все понравится, назначают время «бить по рукам», то есть делать сговор. К сговору тот и другой сват готовят пироги и яйца. На сговор приходит один отец жениха и приносит с собой пирог, который кладет крестообразно на пирог, приготовленный матерью невесты и лежащий на столе. Зажигают свечу и молятся Богу. Затем оба свата бьют руками пола об полу и меняются пирогами. Невеста же причитает с плачем:

Кормилец батюшка и родимая матушка!
Не засвечайте свечку воска ярого,
Не бейте рука об руку,
Не машите пола об полу,
Не кабалите мою буйную головушку,
Не рушите девичью красу,
Не давайте мое бельё-рукодельице
Чужим людям на поруганьице.

Мать невесты посылает жениху «пятину яиц». Накануне свадьбы, на девичник, со стороны жениха опять приходит только отец и приносит в подарок невесте пряник, мыло, белила и румяна. После этого невеста с подругами идет в баню. Выйдя из бани, невеста останавливается на перекрестке и начинает плакать горько, особенно если отца или матери ее нет в живых. Плачет со следующими приговорами:

Восстаньте, буйны ветры, со всех четырех сторонушек,
Поднимите мой звонкой голос высокохонько,
Понесите по пути по дороженьке ко Василию Великому,
(воззвание обращают к этому святому потому, что у нас храм во имя сего святого)
Восстаньте же, буйны ветры,
Разнесите желты пески,
Раскройся, гробова доска,

Распахнися, тонкой белой саван,
Восстань-ко, кормилец батюшка (или матушка),
Распечатай свои уста сахарные,
Попроси у Господа Бога златы крылашки,
Прилети на мою свадьбу горемучную,
Благослови меня, горькую сиротушку,
Под злат венец.

С такими причетами невеста подходит к своему дому и снова причитает:
Восстаньте, буйны ветры, со хоромов со высоких,
Раскачайте вереи дубовые,
Растворяйтесь, ворота широкие.

Здесь встречает ее брат, которому она кланяется в ноги. Вся сия процессия от самой бани сопровождается при множестве подруг ее и посторонних «позорян». Невеста, пришедши в дом после бани, всем кланяется в ноги и благодарит всех за пар и баню. После девического ужина невеста с плачем обращается к одной своей любимой подруге:
Заплети, моя подруженька, мою косу русу
И завяжи два узла немецкие,
Чтобы заутра коса не расплеталась
И в чужи руки не давалась.

Потом невеста со стаканами пива в руках просит гостей, чтобы каждый вступил в свою должность. Тут выбираются: дружка, сваха, тысяцкий, барин и пр. В самый день свадьбы перед венцом жених со своим поездом приезжает к невесте, где отец невесты встречает их с хлебом и солью. Дружко, или женихов шафер, выкликает невесту именем «княгини новобрачной», она выходит из толпы гостей, покрытая широким долгим полотенцем, и подносит в дар жениху другое полотенце, которым жених вытирает губы, затем раскрывает невесту и целует ее. Отец невесты соединяет руки новобрачных и сажает их за стол на разостланную шубу для того, чтобы, по народному обычаю, молодые жили в богатстве. Наконец, весь свадебный поезд отправляется в церковь, причем жених, выезжая из ворот, крестообразно ударяет кнутом в столбы ворот, отгоняя девичью негу. Существует обычная примета, кто из молодых первым станет на постланный остаток холстины, тот будет иметь большину в жизни. Когда жениха и невесту ведут вокруг аналоя, сваха разрывает невестину девичью повязку. Невеста все время крестится рукой, завернутой в холстинный рукав, — чтобы жить богато. По окончании венца невесте в церкви же заплетают волосы в две косы и надевают женскую повязку. Затем заставляют жениха и невесту посмотреть друг на друга в зеркало. Дома перед пиршеством молодые кланяются всем домашним от мала до велика. Кланяются также во время угощения вином или пивом в продолжение всей свадьбы, которая празднуется не менее трех суток, а иногда и больше. На другой день свадьбы молодые дарят гостей, причем приговаривается: «Кланяется наш князь новобрачный NN и княгиня новобрачная NN своим белым рукодельицем; мало-то примите, а большого не взыщите: не годится в ручки, — хоть в онучки». Дружка с блюдом и колокольчиком собирает деньги с получивших подарки.

[I. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности]

Крестины

425. Если дети часто умирают в семье, то отец новорожденного перед крестинами выходит на улицу и первого встречного, хотя бы то был нищий, просит быть восприемником. Во время крещения кум и кума примечают, потонет или нет воск, в который закатывают волосы новорожденного младенца: если потонет, младенец не будет долго жить. На крестины делают обед, или «каши». Здесь главную роль играет каша, подаваемая бабкой в конце обеда, причем она кладет на стол ломоть хлебе с солью, втыкает в него все ложки и требует, чтобы каждый гость выкупал свою ложку. Кум, кума и прочие гости втыкают в ломоть хлеба деньги

и начинают есть кашу с приговорами: «Дай Бог кашки на ложки, а младенцу — на ножки». Отцу же крещеного младенца дают каши с солью, которую он, припрыгивая, съедает.

Грамотность

247 или 436. Автор считает, что грамотных между прихожанами села Лисицы не более, чем двадцатая часть. Крестьянские дети учатся читать и писать в бесплатных сельских училищах, устроенных церковнослужителями, и у грамотных мастеров, набирающих по несколько мальчиков.

[К. Выходящие из ряда обстоятельства. Местные бедствия]

Местные бедствия

445, 449. Пожары и падеж скота. Между крестьянами распространено мнение, что, чем исправнее пожарные инструменты, тем чаще бывают пожары, а потому на инструменты эти не обращают никакого внимания. Крестьянина, в доме которого случился пожар, не пускают ни в одну избу, и он принужден оставлять деревню. При моровых язвах вокруг селений ходят со «святыми иконами». В некоторых соседних селениях есть обычай высекать из дерева огонь и разносить его по всем домам с приказанием, чтобы другого огня в доме вовсе не употреблялось ни при освещении, ни при отоплении. А в других соседних местах честные девицы и вдовы около полуночи опахивают сохой все селение.

Болезни и их лечение

473. Крестьяне лечиться вообще не любят. Болеют в большинстве случаев от невоздержанности в пище; причем боль под ложечкой называют болезнью сердца. Если причина болезни неизвестна, говорят: «С ним попритчилось, — его сглазили». В этих случаях обращаются к ворожее, которая применяет разные суеверные средства, так, например: берет ведро воды, черпает из него три раза по девяти ложек и выливает в другой сосуд, причем каждую десятую ложку выливает на землю; затем в тот же сосуд кладет три камушка: первый задумывает на мужчину, второй — на женщину, третий — на девицу. Чей камушек зашипит, тот и сглазил больного. Эту воду больной пьет и умывается ею. Многие страдают болью в пояснице. От многих болезней натираются в бане дегтем и редькой; пьют также редечный сок. При боли в животе бабка большей частью употребляет следующее средство: накидывает горшок на живот, посредством которого весь живот стягивается в одно место. Это лекарство нередко приносит большой вред.

Похороны

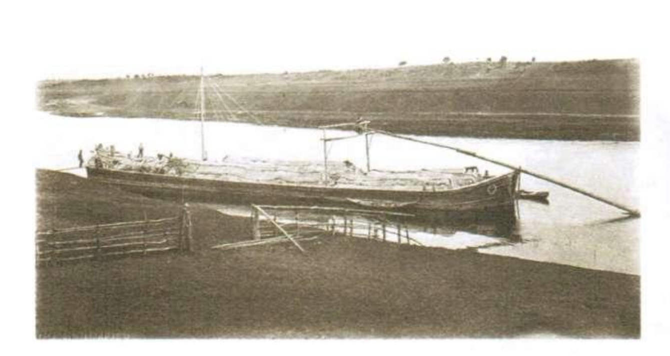
234 или 474. Во время похорон каждая близкая родственница умершего обязана голосить, иначе она подвергается всеобщему осуждению. Каждому умирающему, даже младенцу, дают в руки яйцо. После похорон и поминок умершей девушки присутствующие получают подарки. Стружки, оставшиеся после гроба, не сжигают в печи, но пускают на воду. Чтобы мертвого не бояться, хватаются за ноги умершего, и каждый старается кинуть в могилу горсть земли. Носилок домой с погоста не возвращают.

Изба. Село Васильевское Тверского уезда Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Старая «девятивенцова» изба. Село Яковлево Тверского уезда Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Дом плотника с мезонином. Деревня Свеклино Ржевского уезда Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Лодка — «унжак» на р. Тверце, близ деревни Изворотень. Общий вид. Тверской уезд Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Лодка — «унжак» на р. Тверце, близ деревни Изворотень. Вид с кормы. Тверской уезд Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Паром для перевоза через р. Волгу. Ржевский уезд Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Вид берега и задворков деревни на о. Волго. Вид с берега. Осташковский уезд Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Гвоздарная кузница близ деревни Изворотень. Внешний вид. Тверской уезд Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Гвоздарная кузница близ деревни Изворотень. Внутренний вид во время работы. Тверской уезд Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Пряничное производство. Семья пекаря и пряничные доски. Тверской уезд Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Пряничная свадебная доска. Тверской уезд Тверской губернии. Фотография Д. Т. Яновича. 1905

Крестьяне-нищие. Село Васильевское Тверского уезда Тверской губернии.
Фотография Д. Т. Яновича. 1905

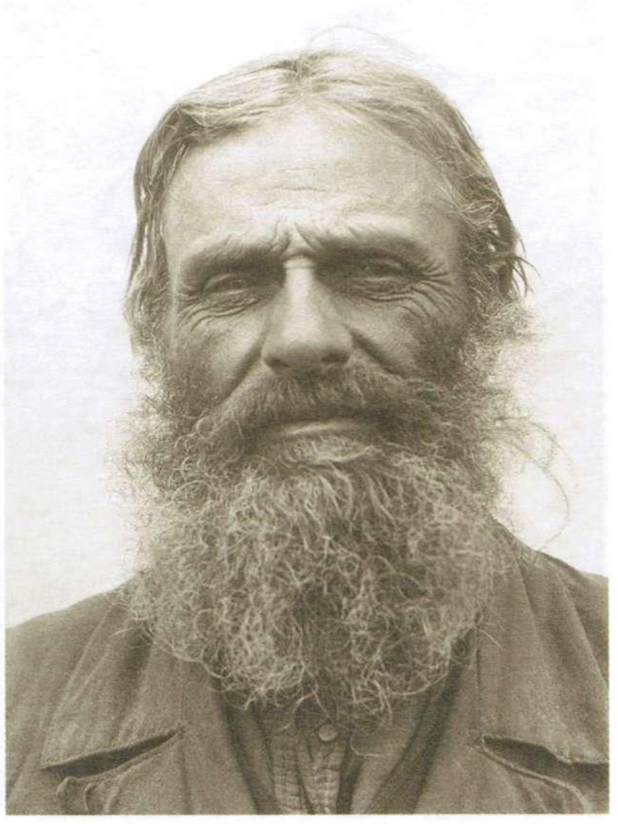
Группа людей в обычных летних костюмах. Деревня Свеклино Ржевского уезда Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Овины и крытые соломой токи для молотьбы. Деревня Свеклино Ржевского уезда Тверской губернии. Фотография 1900—1910-х годов

Передний угол избы. Деревня Свеклино Ржевского уезда Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Крестьянка 31-го года в старинном наряде. Ржевский уезд Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Крестьянин 50-ти лет. Волостной старшина. Ржевский уезд Тверской губернии. Фотография Д. А. Золотарева. 1913

Пастух, играющий на жалейке.
Село Тарасово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.
Фотография 1900-х годов

КОММЕНТАРИИ И УКАЗАТЕЛИ

СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СОЦИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ, НАЛОГОВОЙ, ДУХОВНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ, ВОИНСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМАМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Административные съезды — см. Волостной сход, Сельский сход.

Акцизные уставы — см. «Устав об акцизном сборе».

Аренда — наем недвижимого имущества, в том числе и земельных угодий, во временное пользование на договорных началах. Аренда имущества сельских общин осуществлялось по постановлению сельского схода. Договоры на аренду земли у помещиков на сроки не свыше 3-х лет на любую сумму и от 3 до 12 лет на сумму не свыше 300 рублей могли быть заключены устно или внесены желанию сторон в специальную книгу договоров при волостном правлении.

Арестантская рота — один из видов исправительных наказаний, которому подвергались бродяги, лица, совершившие маловажные преступления, а также представители привилегированных сословий, совершившие любые по важности преступления. Арестанты подчинялись военной дисциплине и были заняты на тяжелой физической работе вне стен тюрьмы: строили дороги, мосты, рыли канавы, мостили улицы, не получая вознаграждения за работу. Первые арестантские роты появились в 1825 году, в 1828 году они стали возникать во всех губернских городах. До 1863 года находились в подчинении Главного управления путей сообщения и публичных зданий, а с 1864 года стали подчиняться губернатору. Указом от 31 марта 1870 года были переименованы в «Исправительные арестантские отделения гражданского ведомства», военный режим был упразднен, а наружная работа была заменена на работы в здании тюрьмы.

Воинская повинность — принудительный порядок привлечения граждан на военную службу, закрепленный государственными актами. С 1699 по 1874 год она носила название рекрутской повинности, а с 1874 года всесословной воинской повинности. Служба в армии до 1732 года была пожизненной и постоянной, а затем в течение XIX века сроки службы постепенно сокращались. По российскому законодательству от 1874 года военнообязанными считались мужчины всех сословий в возрасте от 21 до 43 лет. Срок службы определялся в 3—4 года в зависимости от рода войск. Воинские чины, прослужившие срок службы, перечислялись в запас армии, который разделялся на два разряда. Из одного, младшего по возрасту, комплектовали полевые войска, из другого — резервные войска. В интересах населения предусматривалась система льгот при несении воинской службы: по физическому состоянию, по образованию и роду занятий (например, льготами пользовались все священники христианских исповеданий), по семейному положению. Внутри каждого вида льготников существовало три разряда лиц, пользующихся льготою. Призыв производился с 15 октября по 15 ноября каждого года. Всех призывников вносили в жеребьевочный список. Вытянувшие жребий назывались новобранцами и приступали к несению воинской службы.

Воинский начальник — должностное лицо органов местного военного управления, возглавлявшие воинское присутствие в уезде или губернии. В мирное время они отвечали за воинский набор, занимались призывом и отправкой новобранцев в войска, учетом местных ресурсов: лошадей, материальных средств. С объявлением войны занимались мобилизацией.

В Российской империи с 1874 по 1881 год имелись воинские начальники округа, которым подчинялись губернские воинские начальники, последним подчинялись уездные. В 1881 году должность губернских начальников была упразднена, а для управления местными войсками учреждены так называемые местные бригады, в подчинении которых были переданы уездные воинские начальники.

Воинское присутствие — учреждение по отбыванию воинской повинности. В Российской империи имелись губернские и уездные воинские присутствия. Во главе губернского находился губернатор, а членами были вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, один из членов управы, уездный воинский начальник, прокурор окружного суда. Уездное воинское присутствие соответственно возглавлялось уездным предводителем дворянства, а членами были уездный воинский начальник, уездный исправник и члена земской управы. В сельской местности уездное военное присутствие пополнялось выборным представителем от населения призывного участка.

В обязанности губернского военного присутствия входило: общее наблюдение за правильным ходом призыва, раскладкой на губернию числа новобранцев между при-

зывными участками, переосвидельствование лиц, подлежащих призыву, прием жалоб на уездные присутствия. Уездные военные присутствия занимались составлением и проверкой призывных списков, производством призыва и контролем за порядком назначения на службу, освидетельствованием лиц, подлежащих призыву, приемкой новобранцев.

Волостное начальство — должностные лица полицейского, земского и местного крестьянского общественного управления (мировые посредники, земские начальники, волостные старшины).

Волостное правление — исполнительный орган местного крестьянского общественного управления, состояло из волостного старшины, сельских старост или назначенных волостным правлением заседателей, сборщиков податей, судей волостных судов. Избиралось из состава населенных мест волости из расчета один человек от десяти дворов. В его компетенцию входило: расходование утвержденных волостным сходом средств от продажи крестьянского имущества, произведенного по требованию государства или частных лиц, назначение и увольнение волостных должностных лиц, служивших по найму. Волостное правление являлось совещательным органом при волостном старшине, а также выполняло функцию нотариальных учреждений.

Волостной писарь — писарь волостного правления, назначавшийся окружным начальником.

Волостной старшина (старшина волостного правления) — должностное лицо волостного правления. Выбирался волостным сходом из крестьян одной волости, сроком на три года, утверждался земским начальником. В обязанности волостного старшины входило: объявление распоряжений правительства, наблюдение за порядком в волости, контроль за исполнением натуральных повинностей, за исполнением постановлений земских собраний, составление вопросов, выносимых для обсуждения на волостном сходе, созыв волостного схода, содействие полиции, представителям податной инспекции и акцизного надзора, заведовал деньгами, принадлежащими волостному правлению. В числе прочих сословных представителей входил в состав особого присутствия судебной палаты и окружного суда. Волостной староста имел право подвергать крестьян своей волости небольшому штрафу, но не более одного рубля и двухдневному аресту. Волостной старшина получал жалование в размере, назначаемом сходом, либо уездным съездом. Отстранение волостного старшины от должности и предание суду разрешалось только после согласия на это уездного съезда.

Волостной суд — низший крестьянский судебный орган, состоявший из председателя и трех судей. Кандидаты на должность судей выдвигались волостным сходом, а затем утверждались на три года земским начальником. Волостной суд решал дела о тяжбах между крестьянами и разбирал их мелкие проступки. Разбирательства были публичными, а решения обжалованию не подлежали. Несогласный с решением волостного суда имел право апелляции в присутствие по уездным крестьянским делам. Волостной суд руководствовался нормами обычного права и мог приговорить провинившегося к общественным работам до 6 дней, штрафу до 3 руб., аресту до 7 дней, телесному наказанию до 25 ударов розгами. Волостной суд собирался не менее двух раз в месяц.

Волостной сход — орган местного крестьянского самоуправления, выбираемый от сельских и селенных обществ. В него входили сельские и волостные должностные лица: волостной старшина и его помощники, сельские старосты, сборщики податей, заседатели волостных правлений и судьи волостных судов, а также крестьяне-домохозяева количеством один депутат от десяти хозяйств. Волостной сход собирался в сроки, назначенные земским начальником под председательством волостного старшины. Волостной сход выбирал волостных должностных лиц и членов волостного суда, занимался назначением и раскладкой мирских повинностей и сборов, раскладкой воинской повинности, учреждением волостных училищ, вопросами благоустройства общества и заботой о сиротах, инвалидах и стариках.

Волость — территориальная и административная единица в составе уезда, состоящая из нескольких сел и деревень с окружающей их землей. Она являлась единицей крестьянского самоуправления и находилась с 1889 года под надзором земских начальников.

Вольные хлебопашцы, или свободные хлебопашцы — особый разряд вольных крестьян, освобожденных от крепостной зависимости по Указу от 20 февраля 1803 года. Указ разрешал помещикам отпускать своих крестьян на волю по одиночке или целыми селениями с земельными наделами на условиях, установленных по взаимному соглашению обеих сторон. Заключенный при этом договор утверждался императором. Селение

могло выкупиться на свободу сразу или постепенно — по договоренности с помещиком. Свободные хлебопашцы получали право на продажу и наследование земли, при условии не дробить участок менее 8 десятин. При императоре Александре I было заключено 160 сделок при общем числе освобожденных в 47153 душ мужского пола. При императоре Николае I была совершена 251 сделка и освобождено 67149 душ, при этом название «свободные хлебопашцы» было изменено на термин «государственные крестьяне, водворенные на собственных землях». По 9-й ревизии (1851) численность вольных хлебопашцев достигла 137034 душ.

Вольное поселение — ссылка на жительство в Сибирь, в Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую губернии в качестве исправительного наказания бессрочно или на определенный срок. Ссыльные на поселении находились под полицейским надзором. По «Положению о полицейском уставе» 1882 года, установившим порядок надзора за лицами по месту их жительства в том числе и ссылки, поднадзорным запрещались отлучки из мест поселения, они не могли находиться на государственной и общественной службе, заниматься адвокатурой и педагогической деятельностью, могли подвергаться обыску и телесным наказаниям.

Временные правила о волостном суде — «Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 года». Определяли порядок формирования и компетенцию суда, обязанности судей, правила судопроизводства и меру наказания. «Временные правила...» расширили полномочия волостного суда, наделив его правом рассмотрения споров и тяжб между крестьянами о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела, без ограничения сумм.

Суд также рассматривал дела о тяжбах между лицами, подведомственными суду, до 300 рублей (за исключением исков о праве собственности или праве на владение недвижимостью), дела по наследованию и разделу имущества, входящего в состав крестьянского надела или составляющего принадлежность его, без ограничения сумм, и дела по наследованию других имуществ, находящихся в пределах волости, когда цена имущества не превышала 500 рублей.

Выборные — должностные лица органов местного крестьянского самоуправления.

Выкупные платежи — денежные платежи, которые должны были вносить крепостные крестьяне помещикам в качестве выкупа за предоставляемую им землю на основании «Положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственных полевых угодий» от 19 февраля 1861 года. С 1863 года это положение распространилось и на удельных крестьян. Выкупные ссуды и платежи устанавливались из расчета оброка, который крестьянин платил до реформы 1861 года. Государство предоставило крестьянам для этого ссуды под 6% годовых на срок в 49 лет. В 1881 году произошло понижение годового оклада выкупных платежей на 27%, с 1 января 1906 года выкупные платежи уменьшались вдвое, а с 1 января 1907 года полностью прекратились.

«Высочайший манифест 14 мая 1896 года» — непосредственно исходящий от высочайшей власти акт, которым монарх ознаменовал свое священное коронование и который сопровождался указом о милостях, дарованных лицам, подвергшимся наказаниям. По распоряжению губернского правления манифест читался после службы во всех церквях, а также в уездах на мирских сходах. В отношении крестьян по манифесту последовали следующие облегчения: сложены со счетов все числящиеся к 1 января 1896 года недоимки с государственного поземельного налога в губерниях Европейской России; в течение 10 лет, начиная с 1896 года, предписано взимать начисляемый со всех сословий государственный поземельный налог в Европейской России в размере половины ныне установленных средних по губерниям окладов, а в тех губерниях, где средний подесятинный оклад превышает 10 копеек на десятину, — 5 копеек с десятины; сняты со счетов все числящиеся ко дню коронования недоимки по отмененным в Европейской России подушной и оброчной податям и лесному налогу; сняты долги по ссудам, выданным из казны лицам и обществам по случаю пожаров до 1890 года; освобождены от суда по наказаниям все совершившие преступления или проступки, подсудные волостному суду, против которых ко дню коронования не было возбуждено преследование или не последовало решение суда.

Государственное страхование — введено с 1905 года. См. Земское страхование.

Государственный поземельный налог — налог, налагавший на чистый доход, доставляемый землей. Его величина колебалась от четверти до 17 копеек с десятины. Налог

начислялся на губернию. Губернское земское собрание распределяло начисленную сумму налога между уездами, а уездная земская управа — между владельцами земли.

Губернские ведомости — название официальных правительственных газет, издаваемых в губерниях. Губернские ведомости выходили с 1838 по 1917 год в 42 губерниях Российской империи, в том числе и в Костромской.

Они состояли из двух частей: официальной, где печатались предписания и постановления властей, казенные объявления, и неофициальной, в которых публиковались местные новости, сведения о происшествиях, явлениях природы, торгах, ярмарках, состоянии промышленности и сельского хозяйства. В неофициальной части публиковались также сведения исторического и этнографического характера.

Губернское по крестьянским делам присутствие — коллегиальный орган в системе местных учреждений по проведению крестьянской реформы 1861 года. В его состав с 1871 года входили председатели губернских земских управ и казенных палат, а также представитель правительства. Рассматривали жалобы на действия мировых посредников при выкупных операциях в ходе проведения крестьянской реформы. С 1889 года преобразованы в губернские присутствия.

Губернское присутствие — государственный орган в губернии, наблюдавший за деятельностью земских начальников и уездных съездов. Создано по «Положению о земских участковых начальниках» 1889 года в составе: председателя (губернатор), губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда и двух непременных членов. При рассмотрении отдельных дел с правом голоса приглашались: управляющий казенной палатой, начальник управления земледелия и государственных имуществ, губернской земской управы, все члены губернской земской управы. Непременные члены назначались губернатором и губернским предводителем из местных дворян. В компетенцию губернского присутствия входило: рассмотрение жалоб на приговоры и неоконченные постановления земских начальников и уездных съездов, назначение ревизий, увольнение должностных лиц крестьянского общественного управления и предание их суду, утверждение инструкций уездных съездов, изменение границ земских участков, рассмотрение жалоб на постановления уездных съездов по вопросам перехода крестьян на отруба, а также приговоры и ходатайства сельских обществ об отсрочке взносов и выкупных платежей. Губернские присутствия имели право входить в Сенат с представлением об отмене выполнения решений земских начальников и уездных съездов. Их решения принимались большинством голосов, при их равенстве, голос губернатора был решающим. Губернатор имел право приостанавливать исполнение решений.

Десятский — низший полицейский чин в сельской местности, выбирался крестьянами из своей среды на сельском сходе, подчинялся сотскому. В функции десятского входило наблюдение за порядком в отведенном ему участке села в 10—15 дворов. Работа десятского не оплачивалась, так относилась к разряду натуральной мирской повинности, накладывавшейся на общину.

Должностные знаки — нагрудные знаки, указывающие на должность, занимаемую человеком, и носимые им при исполнении служебных обязанностей.

В Российской империи существовали нагрудные знаки для тысяцких, пятисотских, сотских, рассыльных земских судов, мировых посредников, волостных старшин и их помощников, заседателей волостных правлений, сельских старост, полевых и лесных сторожей, полицейских, мировых судей и судебных приставов, непременных членов уездных по крестьянским делам присутствий и земских начальников. Нагрудные знаки для разных должностей вводились постепенно в период с 1837 по 1889 год.

Духовное завещание, последняя воля — письменное распоряжение об имуществе и денежном капитале на случай смерти. Завещание мог составить всякий имевший собственность человек, за исключением сумасшедших, самоубийц и монахов, кроме архиереев. В конце XVIII—XIX веке допускалось два вида завещаний: нотариальное и домашнее. Подлинность нотариального завещания заверялась при жизни завещателя нотариусом. Домашнее завещание заверялось после смерти лица, оставившего завещание. Оно должно было быть подписано при жизни завещателя двумя грамотными свидетелями, но только в том случае, если было написано его собственной рукой. Если домашнее завещание было написано другим человеком, то требовалось не менее трех свидетелей. Для вступления в законную силу завещание было необходимо утвердить к исполнению в течение года в окружном суде. При рассмотрении домашнего завещания окружной суд обязательно проводил допрос подписавших завещание свидетелей, которые должны были подтвердить свое общение с завещателем и нахождение его в момент подписания в здравом уме и твердой памяти.

Духовная память — завещание, данное устно, по российскому законодательству не считалось действительным.

Духовное училище — низшее четырехклассное учебное заведение, подготавливавшее детей к поступлению в духовную семинарию. Программа училища соответствовала программе трех младших классов классической гимназии за исключением новых языков и расширенным преподаванием Закона Божьего. В него принимались дети всех сословий. Обучение было платным, однако имелись льготы для сирот священников и причетников. Во главе духовного училища стоял ректор с инспектором и правление.

Запасной солдат — отслуживший в армии солдат, находившийся в запасе. См. Воинская повинность.

Земли удельного ведомства — земли, находившиеся в распоряжении удельного ведомства, принадлежавшего членам императорской фамилии, управлялись на уровне губерний удельными конторами во главе с управляющим.

Земская управа — исполнительный орган земского собрания с 1864 по 1917 год, ведавший делами земства. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 года избирался на три года из числа гласных в составе председателя и двух членов. В ряде случаев разрешалось увеличивать число членов до четырех (для уездных земских управ) и шести (для губернских земских управ). Кандидатуру председателя уездной земской управы и ее членов утверждал губернатор, председателя губернской земской управы — министр внутренних дел. В функции земской управы входило руководство местным хозяйством, распределение казенных повинностей, здравоохранение, народное образование, статистика, ветеринария, агрономия.

Земские гласные — выборные члены губернских и уездных земских собраний. Они избирались по трем куриям. В первую курию входили землевладельцы, имевшие не менее 200 десятин земли, владельцы торговых, промышленных предприятий с годовым доходом свыше 15 тыс. рублей, а также уполномоченные от духовенства и землевладельцев, имевшие не более 200 десятин и не менее 20 десятин земли. Во вторую курию входили купцы всех гильдий, владельцы городских торговых и промышленных предприятий с годовым доходом не менее 6 тысяч рублей. В третью входили представители сельских обществ, главным образом крестьян, однако по ней могли баллотироваться также местные дворяне и духовенство. По первым двум куриям выборы были прямыми, по третей — многостепенными. Сельское общества выбирало представителей на волостном сходе, которые затем выбирали уже земских гласных. Количество уездных земских гласных колебалось в зависимости от численности населения от 10 до 96, губернских от 10 до 15. Губернские земские гласные избирались на уездных земских собраниях: один гласный от шести уездных. Земские гласные за свою работу вознаграждения не получали.

Земские повинности — система местного обложения. Земские повинности делились на денежные и натуральные. Денежные шли на содержание полицейских и судебных органов, административных и земских учреждений, школ, больниц, пожарной охраны. Натуральные повинности несли крестьяне. Они состояли в строительстве и ремонте дорог и мостов, поставке подвод, снабжении квартирами войск и др.

Земский (губернский и уездный) сбор — денежные повинности с населения, которые шли на содержание судебной и административной власти, земских учреждений, школ и больниц, пожарной охраны.

Волостные и сельские сборы — денежные повинности с населения, шедшие на удовлетворения общественных потребностей.

Земские собрания — распорядительные органы земского самоуправления, имевшиеся в губерниях и уездах, введены в ходе Земской реформы 1864 года. В функции земских собраний входили выборы земских управ, контроль за их работой, утверждение земского бюджета, раскладка земских повинностей. Кроме того, обсуждение и принятие решений по всем вопросам местной жизни. Земские собрания состояли из выборных лиц — земских гласных. В состав земских собраний входили предводители дворянства и председатели земских управ, а также два—три чиновника от казенного и удельного ведомств. Заседания созывались один раз в год на срок не более 20 дней для губернских и 10 дней для уездных собраний. Срок их полномочий определялся в три года.

Земские училища — начальные народные училища, учреждавшиеся земством. Учебные предметы: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, церковное пение, а также рукоделия и ремесла. Работу земских училищ контролировали инспектора — один на один или

несколько уездов, а также губернские и уездные училищные советы и предводители дворянства. Губернский училищный совет утверждал помощников уездных предводителей дворянства по заведованию делом народного образования. Земство в свою очередь избирало особых попечителей, утверждаемых губернским училищным советом.

Земские школы — начальные народные училища, открытые по решению сельских обществ или реорганизованные из школ грамотности, учреждавшиеся земством, подчинялись инспектору народных училищ, назначенному Министерством народного просвещения и училищному совету, в состав которого входило два представителя от земства. Фактическое управление школами осуществлялось губернскими и уездными земскими управами. Программа земских школ соответствовала программа одноклассного народного училища или церковно-приходской школе. Кроме этого в программу могли включаться ремесла и рукоделия. С 70-х годов XIX века земства устраивали и профессиональные земские школы (ремесленные и сельскохозяйственные) и специальные (учительские, ветеринарные, медицинские), со сроком обучения 3—5 лет. В некоторых начальных земских школах открывались двухгодичные сельскохозяйственные отделения. Земство через свои книжные склады снабжало школы учебниками и методической литературой.

Земское страхование — страхование, осуществляемое из бюджета губернских и земских управ. Основными объектами страхования являлись жилые и хозяйственные постройки, скот, хозяйственный инвентарь, посевы хлебов и личное имущество.

Земский начальник — должностное лицо, контролировавшее деятельность органов крестьянского общественного управления и являвшееся первой судебной инстанцией для крестьян и другого податного населения. Институт земских начальников был введен «Положением 12 июля 1889 г.» Они назначались министром внутренних дел, как правило из местных потомственных дворян по представлению губернаторов и губернских предводителей дворянства. Претендовавшие на должность должны были иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности мирового посредника, мирового судьи или члена губернского по крестьянским делам присутствия, а также владеть собственностью не менее 200 десятин земли или недвижимостью на 7500 руб. В случае отсутствия кандидатуры, удовлетворявшей этим требованиям, могли назначаться и лица со средним и начальным образованием, состоявшие ранее в военной или гражданской службе, но имевшие вдвое больший имущественный ценз. Земские начальники пользовались широкими административными и судебно-полицейскими правами: могли отменять любое постановление сельского и волостного сходов, подвергнуть лиц податных сословий телесным наказаниям за мелкие провинности, арестовывать до 3 дней, штрафовать до 6 руб., назначать членов волостного суда из числа кандидатур, предложенных сельскими обществами, отстранять от должности судей. Решения земского начальника считались окончательными и не подлежали обжалованию.

Исправник — глава полицейской власти в уезде, избиравшийся местным дворянством на три года. Возглавлял уездное полицейское управление, назначался и увольнялся губернатором.

Казенная палата — губернский орган Министерства финансов, занимавшийся управлением государственных имуществ на территории губерний. Казенная палата состояла из управляющего, его помощника и начальников отделений. В ее полномочия входили: отчетность по приходу и расходу сумм по губернскому и уездному казначействам, контроль за поступления государственных доходов, производство торгов, наложение взыскания за нарушение уставов казенного управления, контроль за переходом из одного податного состояния в другое. Свои требования казенная палата проводила в жизнь через полицию.

Казенный лес, казенная (лесная) дача — вид государственной земельной собственности, находившейся в конце XIX века в управлении Министерства земледелия и государственных имуществ. На уровне губерний право пользования осуществлялось через губернские и областные Управления государственных имуществ со штатом лесничих и лесных ревизоров, заведующих и контролирующих операциями с казенными лесами. Казенные леса делились на собственно казенные и леса, состоящие в пользовании различных ведомств или обществ, в т. ч. оставленные для надела крестьян.

Консистория (правильнее духовная консистория) — орган местного церковного управления, учрежденный в 1720 году. Она состояла из присутствия и канцелярии при епархиальном архиерее и под его непосредственным началом. Члены консистории избирались архиереем из числа священников и утверждались Синодом. В ее функции входило управление епархией и духовный

суд. В ней разбирались брачные дела, в том числе и дела о разводах, а также преступления на религиозной почве.

Крестьянский значок — см. Должностные знаки.

Крестьянский сход — см. Сельский сход.

Лесной ревизор — чиновник Палаты Государственных имуществ, заведующий наряду с лесничими, казенными лесами.

Мировой судья — должностное лицо суда с упрощенным судопроизводством, созданное для рассмотрения незначительных исков (до 500 рублей) и мелких уголовных преступлений. Мировой судья избирался уездным земским собранием сроком на три года из числа лиц, обладавших имущественным и образовательным цензом, и утверждался Сенатом. Все решения он принимал единолично. Его помощниками были почетные мировые судьи, заменявшие мирового судью в случае его отсутствия Решения мирового судьи по наиболее важным делам утверждал мировой съезд, состоявший из мировых судий уезда. Мировой съезд рассматривал также жалобы на действия мирового судьи. В отличие от волостных судов, решавших дела на основе обычного права, мировые судьи решали вопрос на основании закона. В 1889 году институт мировых судий был ликвидирован за исключением за исключением столиц и г. Одессы. В сельской местности их функции перешли к земским начальникам, а в городах — к городским судьям, назначенным правительством. Мировой съезд заменился уездным съездом земских начальников под председательством уездного предводителя дворянства. Институт мировых судий был восстановлен в 1912 году, однако не был введен во всех губерниях.

Мировые повинности — натуральные и денежные повинности, отбывавшиеся сельскими и волостными обществами сверх государственных и земских сборов для удовлетворения собственных потребностей. До середины XIX века регламентировались лишь в государственной деревне. С 1861 года разделялись на обязательные и необязательные.

Первые включали расходы на содержание органов крестьянского самоуправления, расходы на оспопрививание и меры против эпидемий и эпизоотий, устройство и содержание запасных хлебных магазинов, межевых знаков, караулов, домов призрения, ремонт мостов и дорог, а также для борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Вторые шли на содержание церквей, училищ и больниц. Раскладка мировых повинностей производилась сельским сходом по числу душ и по количеству земли в хозяйстве. В конце XIX века составляли около 20% всех крестьянских платежей.

Народное училище — начальное учебное заведение, подчинявшееся Министерству народного просвещения. Они были двухклассные с обучением в пять лет, и одноклассные с обучение три года. Программа обучения одноклассного училища включала в себя Закон Божий (краткий катехизис, священная история), чтение церковных и гражданских книг, русский язык, чистописание, арифметика, церковное пение. В двухклассном кроме этого изучались история, география, естествознание, черчение. По мере финансовых возможностей вводились гимнастика, ремесла и рукоделие, садоводство, огородничество и пчеловодство. Начальные народные училища открывались также земствами, сельскими обществами, частными лицами. В частных училищах выбор предметов был по желанию учредителей, при этом обязательными предметами были Закон Божий и русский язык. Их программа обязательно утверждалась попечителем учебного округа.

«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» — утверждено 19 февраля 1861 года. Статья 188: «В отношении неисправных плательщиков казенных и мирских повинностей сельское общество может принять следующие меры взыскания: обращать на возмещение недоимки доход, принадлежащий недоимщику, в собственность — недвижимое имущество; отдавать недоимщика или членов его семьи, по приговору сельского схода, в посторонние заработки в том же или соседнем уезде, с условием выработанные деньги отдавать в кассу; определять к недоимщику опекуна или назначать кого-либо из членов семьи старшим в доме, который бы уплачивал недоимку; продавать личное недвижимое имущество недоимщика, кроме выкупленной им усадьбы; продавать не составляющие хозяйственной необходимости части движимого имущества и строений недоимщика; отобрать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или весь его полевой надел».

Окладные сборы — прямые налоги, взимаемые ежегодно в определенном размере с каждой податной единицы.

Окружной надзиратель — чиновник губернского акцизного управления, контролировавший поступление

в казну акцизных сборов от производства и продажи алкогольных напитков, табака и других подакцизных товаров.

Паспорт — документ, выдаваемый государством для удостоверения личности и контроля за перемещением и местом жительства подданных. Появился в связи с введением Петром I рекрутской повинности. С 1724 года служил средством для предотвращения возможности уклонения от платежа подушной подати. С 1763 года получил и фискальное значение — как средство для сбора паспортных пошлин. Закон 7 апреля 1897 года ликвидировал фискальное значение паспортов с оставлением лишь полицейских и податных функций. Паспортная реформа 1894 года установила точные правила, в каких случаях общества и домохозяева в праве отказывать в выдаче или возобновлении паспорта отлучившимся членам обществ или крестьянских дворов. В местах постоянного жительства паспорта не требовались, кроме столиц и мест, находящихся на положении чрезвычайной охраны. Не требовались паспорта при отлучке из мест постоянного жительства: в пределах уезда и за пределами его не далее, чем на 50 верст, и не более, чем на 6 месяцев; от лиц, нанимающихся на сельские работы; кроме того, в пределах волостей, смежных с уездом жительства.
Неотделенным членам крестьянских семейств, даже совершеннолетним, выдавался вид на жительство с согласия хозяина крестьянского двора по распоряжению земского начальника (мирового посредника). Мещане, ремесленники, сельские обыватели получали от мещанских и ремесленных управ, через волостных старшин, паспорта на 5 лет при наличии недоимок по общественным сборам — с согласия общества; паспорт на 1 год и менее — независимо от лежащих на получателе недоимок. С 1883 года установлено правило обязательного сообщения домохозяевами полиции о прибывших и выбывших во всех населенных местах империи. Паспорта были срочные (на 1 год, 6 месяцев и 3 месяца) и бессрочные. Формы паспортов приводятся в Уставе о паспортах 1890 года.

Повинности крестьянские — совокупность личных или вещественных обязанностей крестьян перед государством и органами местного крестьянского самоуправления.

Подушный налог (правильнее подушная подать) — основной прямой налог, величина которого определялась нуждами государства. Разделенными на количество податного населения (лиц мужского пола), установленного переписью (ревизией). В дореформенное время подушная подать раскладывалась в целом на сельское общество по числу душ, состоявших в нем по ревизии. Раскладку подати между отдельными членами производило само сельское общество, причем размер подати, которая падала на ревизскую душу, мог быть выше или ниже нормы, в зависимости от увеличения или уменьшения числа членов общества со времени последней ревизии. Получив окладной лист, общество составляло приговор, сколько и за сколько душ обязан был платить отдельный домохозяин. Если общество состояло из нескольких селений, которые имели отдельные владения по землям, то общественный сход составлял приговор о распределении подати между отдельными селениями, а селения на своих сходах распределяли его между домохозяевами. Раскладка подушной подати производилась соответственно количеству земли, отведенной каждому семейству. Сборы за умерших, выбывших из общества и несостоятельных, падала до новой ревизии на всех членов общества, которое круговой порукой, гарантировало ее уплату. В 1886 году подушная подать была снята со всех крестьян.

Пожарный староста — должностное лицо, избираемый общинниками для надзора за хранением и использованием общественного пожарного инвентаря, размещавшегося в пожарном сарае. Он распоряжался также тушением пожаров, проведением осмотров крыш, дворов, печей, дымовых труб и т.д.

Поземельный налог — налог на чистый доход, доставляемый землей. Взимался со всех земель, облагаемых на основании Устава о земских повинностях, кроме казенных земель. Общая сумма налога с каждой губернии определялась умножением общего числа десятин подлежащей обложению земли на средний по губернии оклад налога с десятины удобной земли, утвержденный в законном порядке. Величина оклада налога колебалась от 1—4 до 17 копеек с десятины. Губернское земское собрание распределяло начисленную на губернию сумму оклада между уездами соответственно ценности и доходности земель каждого из них, а уездная земская управа распределяла его между отдельными владельцами. Высочайшим манифестом от 14 мая 1896 года государственный поземельный налог в Европейской России на 10 лет, начиная с 1896 года, был понижен наполовину по сравнению с существовавшими средними окладами по губерниям, а в тех губерниях, где средний подесятинный оклад превышал 10 копеек, был установлен оклад в 5 копеек.

«Положение о видах на жительство 3 июня 1894 г.» — нормативный документ, регулирующий порядок выдачи разных форм видов жительство, как то: паспорта, паспортные книжки и билеты на отлучку, которые были как срочные, так и бессрочные. Виды на жительства были платные, за исключением бесплатных билетов, выдаваемых погорельцам, пострадавшим от неурожая, переселенцам, лицам, не достигшим 18-ти лет, женам нижних чинов. Монашествующим, церковно — и священнослужителям паспорта выдавались из консисторий. В Положении приводятся образцы бланков видов на жительство.

«Положения о земских участковых начальниках».

Статья 61: «В случае неисполнения законных распоряжений или требований земского начальника лицами, подведомственными крестьянскому общественному управлению, он имеет право подвергать виновного, без всякого формального производства, аресту на время не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше 6 рублей. В каждом случае наложения означенных взысканий должен быть составлен земским начальником особый протокол».

Статья 62: «Земской начальник, вследствие рассмотрения жалоб, принесенных ему на действия должностных лиц сельского и волостного управления (ст. 28), а также в случае непосредственного усмотренных им самим маловажных проступков означенных лиц по должности имеет право подвергать их, без формального производства, одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше 5 рублей или аресту на время не свыше 7 дней. За более важные нарушения, земским начальникам предоставляется право: временно устранять всех означенных должностных лиц (в том числе и волостных судей) от должностей и входить с представлениями в уездный съезд о совершенном увольнении их от службы или предании их суду».

Приход — низшая церковная организация в православной церкви, а также местность, где живут члены этой организации. В каждом из них был свой храм с причтом, совершавшим службу для прихожан.

Приходская школа — см. Церковно-приходские школы

Причт — штат церквей, включавший в себя священнослужителей, к которым относились священник и дьякон и церковнослужителей: псаломщик, звонарь и др. Он подразделялся на однокомплектный: один священник и один причетник и двухкомплектный: два священника и два причетника. Штат каждого прихода составлялся консисторией и архиереем при наличии средств на его содержание. Приход содержался за счет дохода от треб (крещение, венчание, отпевание) и прихожан разделяемых между членами причта по утвержденным Синодом правилам, земельной церковной собственностью (не менее 30 десятин на притч), жалования в некоторых епархиях от 140 до 400 рублей в год священнику.

Раскладка повинностей — см. Сельский сход

Рассыльный — должностное лицо, служащее в губернских, уездных присутствиях, земских управах, полицейских управлениях. В его обязанности входила отправка распоряжений местных полицейских, военных, земских властей и органов общественного управления.

Ревизская душа — единица ревизского учета мужского населения России. Существовала с 1718 по 1887 год (в Сибири по 1899 год). Понятие ревизской души возникло в связи с заменой подворного обложения подушной податью. В ходе ревизий составлялись списки на лиц, учитываемых ревизией, так называемые ревизские сказки.

«Сборник узаконений о крестьянских судебных учреждениях, преобразованных по закону 12 июля 1889 г.» — сборник законодательных актов, относящихся к устройству и деятельности местной административной, полицейской и судебной властей, содержащий: Указ Сенату о преобразовании крестьянских учреждений и судебной части в империи 12 июля 1889 года; высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о распространении на территории империи участковых земских начальников; Положение о земских участковых начальниках; Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках; Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках; Расписание должностей земских начальников; мнение Государственного Совета по проекту правил о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам, Правила гражданского и уголовного судопроизводства и др. нормативные документы.

Сберегательные кассы — особый вид кредитных учреждений, для накопления капитала посредством сбережения сумм от обычных расходов. Первоначально создавались при приказах общественного призрения и сохранной казне. С 1864 года сберегательные кассы перешли в ведение Государственного банка, с 1884 года — стали

открываться в губерниях и уездах при казначействах. В 1895 году издан закон об организации сберегательных касс.

Сборщик — должностное лицо, производившее сбор налогов, а также недоимок по этим сборам. В его ведении было также наблюдение за недоимочным взносом от каждого хозяина, отчет перед сельским сходом о поступавших от крестьян суммах и сообщение сведений о неплательщиках, раздача домохозяевам окладных книжек, бирок, квитанций о получении с них денег. Сборщики податей могли быть при сельском общественном управлении или при волостном правлении

Сселенный сход — собрание крестьян, владевших землей на особых основаниях по особым документом, для решения вопросов, связанных с их своих земельными владениями.

Сельский староста — председатель и исполнитель воли сельского схода. Выполнял одновременно самостоятельную функцию по сельскому управлению: надзор за порядком в училищах, больницах, богадельнях, других общественных заведениях, учрежденных на средства сельского общества; понуждение к исполнению крестьянами договоров, заключенных ими между собой и с посторонними лицами; наблюдение за выполнением крестьянами податей и др. повинностей и обязанностей. Сельский староста выполнял также приказы местных органов государственной власти, наблюдал за общественным порядком, обязан был предупреждать потравы хлеба, лесные пожары и порубки, задерживать бродяг и беглых, распоряжаться в чрезвычайных ситуациях: стихийных бедствиях, пожарах, эпизоотиях. При совершении преступлений производил предварительное дознание, задерживал подозреваемых и охранял следы преступления до прибытия полиции. Сельский староста имел право подвергнуть наказанию за маловажные проступки любого человека: штрафу в размере не более одного рубля, или аресту не более двух дней.

Сельский сход — собрание глав крестьянских хозяйств сельских обществ, орган самоуправления сельского общества.
Сельский сход решал дела по общинному пользованию землей, разделу общинных земель на подворные участки, занимался раскладкой податей, натуральных повинностей, окладных, земских и отчасти мирских сборов. На сходе проводились выборы сельского старосты, сборщика податей, смотрителей запасных хлебных магазинов, училищ, больниц, полевых и лесных сторожей и других общественных выборных лиц.

Сельское общество — самоуправляющаяся административно-хозяйственная единица крестьянского управления, и включало в себя несколько общин. Состояло из нескольких поземельных общин. По «Положению...» от 19 февраля 1861 года являлось с одной стороны административной, а с другой стороны — хозяйственной единицей. Как низшая административная единица сохраняла свой основной сословный характер, а как единица хозяйственная совпадала с поземельной общиной. Сельское общество как при общинном, так и при подворном пользовании землей, отвечало круговой порукой за каждого из своих членов в несении казенных, земских и мирских повинностей. Органами сельского общества являлись сельский сход и сельский староста.

Сотский — низший полицейский чин в сельской местности, выбирался крестьянами из своей среды на сельском сходе. В его функции входило наблюдение с помощью десятских за порядком в отведенном ему участке села, включавшем около 200 дворов. Работа сотского не оплачивалась, так относилась к разряду натуральной мирской повинности, накладывавшейся на общину. В некоторых сельских обществах ему сокращали часть повинностей.

Становой пристав (становой) — полицейская должность в России, учрежденная в 1837 году в каждом стане (полицейские территориальные единицы, на которые с этого времени делились уезды). Становые приставы назначались и увольнялись губернатором из кандидатов, представленных местным дворянством. Подчинялся исправнику и уездному полицейскому управлению. В распоряжении станового пристава находились полицейские урядники.

Старшина волостного правления — см. Волостной старшина.

Старшины — лица, занимающие должности по сельскому общественному управлению.

Судебный следователь — должностное лицо судебного ведомства, на которое возлагается производство предварительного следствия. Они состояли при окружном суде и пользовались правами членов суда. Судебные следователи назначались из кандидатов на судебные должности, при условии, что они занимались судебной практикой

не менее 4 лет, и подчинялись окружному суду. Все следственные дела в своем участке они вели лично с помощью полиции.

Сходка — тоже что и Сход.
См. Волостной сход, Сельский сход.

«Правила об устройстве судебной части и правила о производстве судебных дел» — «Правила об устройстве судебной части в местностях», в которых введено «Положение о земских участковых начальниках» 1889 го-да и «Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям».

«Положение о земских участковых начальниках» — основной документ, регламентирующий деятельность участковых начальников.
Утверждено 12 июля 1889 года.

Тягло — податная обязанность, система денежных и натуральных повинностей. Термин тягло использовался в официальных документах Российского государства до 1722 года, то есть года введения подушной подати. После этого был заменен термином подать. В XVIII—XIX веках термин тягло имел хождение как условная единица обложения, согласно которой определялся размер крестьянских повинностей помещику и государству. Тяглом облагался не член общины, а определенная единица, округ, волость, как совокупность хозяйств.

Удельные крестьяне — крестьяне, проживавшие на землях, принадлежащих императорской фамилии и управлявшихся Удельным ведомством Министерства Императорского двора. Название удельных закрепилось за ними с конца XVIII века. До 1858 года, когда по указу императора Александра II они получили личную свободу, удельные крестьяне находились в непосредственной собственности царствующей династии и занимали в податном отношении промежуточное положение между государственными и помещичьими. Подобно государственным, они несли денежные и натуральные повинности в форме тяглового обложения. Действовавшее на рубеже XIX—XX веков поземельное устройство удельных крестьян, а также порядок взимания с них повинностей, проведения выкупных операций, организации сельских и волостных учреждений, были определены Положением 26 июня 1863 года.

Управляющий казенной палатой — чиновник министерства финансов, назначенный для заведывания казенной палатой. Являлся одним из высших должностных лиц губернской администрации.

Урядник — сельский полицейский чиновник, занимавший среднее положение между становым приставом и сотским. В компетенцию урядника входило составление протоколов, возбуждение преследований и поддержание обвинений по нарушениям пожарных, строительных, питейных, дорожных, торговых и санитарных правил. В 1887 году полномочия урядника были сокращены. Теперь от него требовалось только сообщать об перечисленных нарушениях становому приставу. Его освободили от переписки, составления актов и протоколов и перевели в подчинение сотскому и десятскому. За урядником сохранили право воспрещать драки и скопища, разбирать ссоры, арестовывать по уголовному преступлению при наличии косвенных улик. О маловажных проступках он был обязан сообщить волостному старшине. Фактически урядник дублировал работу общественной сельской полиции, чем вызывал недовольство как местных, так и центральных органов управления.

«Устав об акцизном сборе» от 4 июля 1861 года — документ, регламентирующий государственный контроль над производством и продажей спиртных напитков. Винокурение по этому уставу разрешалось только на заводах и фабриках. По уставу в губерниях были созданы акцизные управления со штатом контролеров и надзирателей. В 1894 году был заменен винной монополией.

«Устав о предупреждении и пресечении преступлений» — указатель законодательных и нормативных актов, регламентирующих наказание за церковные преступления (нарушение благочестия в церкви, уклонение от исповеди, суеверия, отступления от веры, уклонение в раскол, нарушение правил веротерпимости) и преступления против общественного порядка. В уставе обозначены меры пресечения беспорядков при общественных собраниях; отмечены также вопросы о нищенстве и порочном поведении, о преступлениях против личной безопасности и личного имущества, о предохранении от пожаров. Издан в 1890 году.

«Устав строительный» — сборник законодательных и нормативных актов, регулировавших правила производства строительных работ в городах и сельской местности при возведении, ремонте зданий и построек, как казенных, военных, церковных, так и частновладельческих. Строительный устав регламентировал

планировку сельских населенных пунктов, отдельных дворов, дорог, объектов водоснабжения с учетом мер противопожарной безопасности и санитарии.

Учительская семинария — учебное заведение, готовившее учителей для уездных и начальных училищ. Управление учительской семинарией было вверено директору, имевшему высшее образование и избиравшемуся попечителем, и совету из преподавателей. В учительскую семинарию принимались лица не моложе 16 лет вне зависимости от их сословного происхождения. При некоторых семинариях имелись подготовительные классы. Обучение длилось три года. Обязательными предметами были Закон Божий, педагогика, русский и церковнославянский языки, география, черчение, природоведение, чистописание, пение, ремесла, гимнастика, сельское хозяйство. На западных окраинах Российской Империи к ним добавлялись языки народов, проживавших в данной местности: например, в Псковской учительской семинарии изучался эстонский и латышский языки. Для практического упражнения воспитанников в преподавании при семинариях часто организовывались начальные училища. Существовали также временные учительские семинарии, представлявшие собой летние съезды учителей, наподобие педагогических курсов.

Церковно-приходские школы — низшие начальные народные школы, открывались приходским священником с утверждения епархиального архиерея и находились ведомости училищного совета при Синоде. Учреждались в каждом приходе или нескольких приходах, в зависимости от численности населения. По «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 года создавались два типа школ: одноклассные (двухлетние) и двухклассные (четырехлетние). В одноклассных преподавались: Закон Божий, церковное пение, чтение, письмо, арифметика. В двухклассных сверх того изучали историю церкви и отечества. В каждой епархии был учрежден епархиальный училищный совет, который инспектировал деятельность церковно-приходские Они содержались как на средства государства, так и из приходских средств.

Церковный староста — поверенный прихода, имевшийся при каждой приходской церкви. В его обязанности входило приобретение, хранение и употребление церковных денег и всякого церковного имущества, под надзором благочинного и епархиального начальства. Церковные старосты. избирались прихожанами на три года с согласия причта и утверждались епархиальным архиереем. Церковный староста являлся членом местного церковно-приходского попечительства и носил форменную одежду.

Школа грамотности — школа по обучению письму, чтению и счету за небольшую плату, возникавшие по инициативе частных, обычно духовных лиц. Первоначально находились в ведении разных ведомств, а в 1891 года перешли в ведение церкви. Учителями были священники и члены их семейств. В программу школ грамотности входили: русский язык, чтение, письмо, церковное пение и арифметика. Срок обучения — один-два года.

Юнкерские училища — военно-учебные заведения для подготовки нижних чинов пехоты и кавалерии к офицерскому званию. В юнкерские училища принимались нижние чины всех сословий по направлению непосредственного начальства. удостоверении их к тому ближайшего начальства. Курс обучения два года. Лица, имевшие аттестаты гимназий и реальных училищ, зачислялись прямо во 2-й класс. Окончившие курс выпускались в полки подпрапорщиками, эстандарт-юнкерами и подхорунжими.

ТАБЛИЦА ПЕРЕВОДА МЕР И ВЕСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ

Меры длины

Верста = 1,0668 км
Сажень = 2,1336 м
Маховая сажень = расстояние, измеряемое руками, разведенными в стороны
Аршин = 71,12 см
Фут = 30,48 см
Четверть = 17,71 см
Вершок = 44,45 мм

Меры площади (применяемые для измерения земельных наделов, пашни)

Государева десятина = 1,09 га
Владельческая десятина = 1,45 га

Меры массы (веса)

Четверть = 196,8 кг
Пуд = 16,4 кг
Маленькая = 24,6 кг
Фунт = 409,5 г
Лот = 12,8 г
Золотник = 4,26 г

Меры объемы жидкостей

Четверть ведра (четверть) = 3,748 л;
Гранец (гарнц) = 3,28 л
Штоф = 1,2299 л
Полуштоф = 0,61495 л

Меры объема сыпучих тел

Четверть = 209,91 л; 131,2 кг крупы; 2,866 кг муки
Мера = 78,717 л
Четверик = 2624 л

КОММЕНТАРИЙ К МАТЕРИАЛАМ ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

С. 25 ...Да батька Сергею за женитьбу на Дарье сулит белый падаг в награду...
Падаг (падог) — палка, трость, посох, дубина.

С. 26 ...теребят льны, околачивают их кичигами...
Теребить лен — вытаскивать стебли с корнями из земли. Кичига, выгнутая палка с широким плоским концом — орудие для отбивания семенных коробочек льна.

С. 31 ...зимний Николин день.
Николин день — день памяти святителя Николая Мирликийского Чудотворца (Угодника), отмечается 8 / 21 декабря.

...к чаю подают баранки, полбутылки наливки, дешевые лакомства в виде гадательной карамели, сыропных пряников, каленых орехов...
Гадательная карамель — карамель заворачивали в бумажки с цитатами из «Гадательной книжки царя Соломона»; обычно использовались для предсказания судьбы.
Сыропные пряники — пряники, в тесто для которых при замешивании добавляют сироп.
Каленые орехи — фундук после каления в русской печи. Орехи укладывают на противень без масла и воды и, после того, как дрова прогорят полностью и под печи вычистят, ставят в печь.

С. 32 ...гуляют все праздники: Новый год, в Смоленскую 28 июля, в Кузьминки...
Смоленская — праздник в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы, написанный по преданию евангелистом Лукой. Икона была перенесена на Русь в XII веке Владимиром Мономахом и находилась в Смоленске, отчего и получала название Смоленской. 28 июля / 10 августа — день празднования иконы.
Кузьминки — праздник в честь свв. Козьмы и Дамиана. Память их празднуется 1 (14) июля и 1 (14) ноября.

С. 33 ...то замечателен еще Михайлов день...
Михайлов день — день памяти Собора Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных, отмечается 8 / 21 ноября.

...покупают пустоши, лесные дачи, усадьбы...
Пустошь — лесная поляна, на которой вырубили и сожгли лес, подготовив землю под пашню; через пять-шесть лет использования ее забрасывали в связи с истощением почвы. Лесная дача — вид государственной земельной собственности, находившийся в конце XIX века в управлении Министерства земледелия и государственных имуществ. Казенные леса делились на собственно казенные и леса, находящиеся в пользовании различных ведомств или обществ, в том числе оставленные для надела крестьян. Усадьба — земля с домом, хозяйственными постройками и огородом.

С. 34 Крестьяне любят жертвовать на богоугодные заведения... посылают больше всего на Афон...
Речь идет об одном из главных святых мест православного мира — Афоне, расположенном в Греции в восточной части Халдикидского полуострова. В конце XIX века Афон представлял собой иноческое государство, в котором было 20 больших мужских монастырей, несколько скитов, то есть тех же монастырей, но расположенных на землях других монастырей, и 700 келий. Российской Православной церкви там принадлежал монастырь св. Пантелеймона.

... все спустил, землю то колодово продал...
Колодово — от диал. «колодить», т.е. упрямо действовать, не слушая советов.

С. 36 Имеется запасной хлебный магазин...
Запасной хлебный магазин — склад, амбар для хранения общественного хлеба в владельческих, казенных, удельных деревнях, на случай неурожая или голода. Хлебные запасы формировались как из казенных резервов зерна, так и собранного с общественных запашек. В некоторых губерниях практиковалось создание запасных хлебных капиталов: хлеб покупался на хлебных аукционах, а затем распределялся между нуждающимися. В помещичьих селах надзор за запасными хлебными магазинами осуществлялся через попечителей, назначенных местным дворянским обществом. Во второй половине XIX века смотрителей магазинов выбирал сельский сход.

Термин для договоров один — ряды...
Словом «ряды» обозначались любые деловые соглашения между людьми: условия, договоры, торги, сделки в торговле и ремесле, соглашения, обязательства. Ряды могли быть письменные и устные.

С. 38 ...одиноких бобылей...
Бобыли — здесь обнищавшие, бездомные и одинокие люди. В русском государстве XV — начала XVIII века бобылями назывались обедневшие феодально-зависимые люди в возрасте, не состоявшие никогда в браке, вдовые, не имеющие сыновей (хотя бы и были дочери), а также не имеющие земельного надела, а иногда

хозяйства и дома. Бобыли не несли тягла, а платили своему владельцу легкий оброк — бобыльщину. В 1631—1632 годах бобыли стали привлекаться к несению тягла в половинном от крестьян размере. После введения в 1724 году подушной подати слились с крестьянами.

С. 39 Затем его сушат также, как и хлеб, сметают и выкидывают на «ладонь», где и веют...
Ладонь — ток для молотьбы зерновых культур.

...выставить «чугунку» водки...
Чугункой называли мерное «казенное» ведро. Водку в XIX веке продавали обычно ведрами, которые вмещали около 12 литров.

С. 42 ...После выговаривал Палаустнятам...
Палаустнята — жители с. Палаустное (Пала-Устиново) Варнавинского уезда Макарьевской волости.

С. 45 Хождение в Урень.... Лишние члены семьи уходят жать в Уренский край.
Уренский край (Урень) — название местности по р. Урень, притоку Ветлуги в левобережной части Варнавинского уезда Костромской губернии.

С. 51 Для той же цели вместо околачивания гоняют по снопам лошадь или ездят на «медведе»...
Медведь — каток из камня или дерева для молотьбы зерновых культур, который волочили по разложенным на току снопам лошади.

С. 53 ...с праздника Введения...
Праздник Введения — двунадесятый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы 21 ноября / 4 декабря.

С. 54 Для этого «охлопок»... растрепывается и зажигается...
«Охлопок» — волокно, оставшееся после трепания льна или конопли.

С. 57 ...видятся в Вознесеньев день.
Вознесеньев день — двунадесятый праздник Вознесения Господня, отмечается на 40 день по Пасхе.

С. 60 ...большею частью в мясоед после Рождества Христова...
Рождественский мясоед — мясоед от Рождества до Масленицы, период, когда было принято справлять свадьбы. Мясоед — время, в котором уставом православной церкви разрешается употребление мясной пищи.

Рождество Христово — двунадесятый праздник Рождества Христова, отмечается 25 декабря / 7 января.

С. 64 ...в Петров день.
Петров день — день памяти первоверных апостолов Петра и Павла 29 июня / 12 июля.

С. 68 ...распространена книга «Сказание о житии и подвигах преподобного Варнавы»...
«Сказание о житии и подвигах преподобного Варнавы» — книга жития местночтимого святого преподобного Варнавы. Преподобный Варнава жил в XV веке на горе Красной около Ветлуги, прославился чудесными исцелениями. После его кончины там была построена церковь во имя Пресвятой Богородицы, а затем еще одна во имя Николая Чудотворца. В XVI веке здесь был основана Троицко-Варнавинская пустынь, упраздненная в 1767 году, а подмонастырская слобода была переименована в г. Варнавин.

Содержатель местного трактирного заведения выписывает газеты «Сельский вестник» и «Волгарь»...
«Сельский вестник» — еженедельная газета, издаваемая при «Правительственном Вестнике» в Петербурге с 1881 года, печатающая как официальные распоряжения, так и сведения о ведении сельского хозяйства и корреспонденцию с мест. В волостные правления рассылался бесплатно.
С 1897 года при газете выходили книжки «Бог помощь», публиковавшие произведения русских писателей и бесплатные ежегодные приложения «Календарь и Справочная книжка». «Волгарь» — политико-общественная и литературная газета, издававшаяся в Нижнем Новгороде с 1892 года, преобразована из Нижегородского Биржевого листка.

С. 75 Например, рассказывает один краснорядец...
Краснорядец — человек, торгующий на ярмарке или базаре в красном ряду красным, т.е. галантерейным товаром. Также назывался и разносчик этого товара.

С. 77 ...не понимают о девятой пятнице, чтобы поститься. Также и перед Косьмой Демьяном.
Девятая пятница по Пасхе — пятница на девятой неделе после Пасхи.
Косьма Демьян — день памяти бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, отмечается 1 / 14 июля, 17 / 30 октября и 1 / 14 ноября.

...приводят в правление вора, сажают опачи в арестантскую, вещи собирает хозяин...
Опачи (опачины) — диал. «рожа», «харя», «образина».

С. 80 ***...крестьяне празднуют, например, девятую пятницу, Прокопьевскую, Ильинскую.***

Прокопьевская пятница — пятница перед днем памяти великомученика Прокопия, отмечаемого 8/21 июля.

Ильинская пятница — пятница накануне дня памяти пророка Илии, отмечаемого 20 июля/2 августа.

С. 82 ***...рассказывают про военные действия, в особенности, которые были солдаты в русско-турецкую войну, про поход за Балканы...***

Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 годов, которая была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканском полуострове и обострением международных отношений на Ближнем Востоке.

Война была объявлена в апреле 1877 года. Русские войска вошли на Балканы, активно поддерживаемые славянским и румынским населением. Местные жители рассматривали русских солдат как освободителей от турецкого господства. Война закончилась Сан-Стефанским миром 19 февраля (3 марта) 1878 года и создала условия для завоевания независимости Румынией, Болгарией и Сербией.

...а крестьяне про соху, борону, да как поладнее перелогу напахать...

Перелог — участок прежде возделывавшейся земли, оставленный на несколько лет без вспашки для восстановления плодородия почвы.

С. 83 ***При отводе земель все знают одну просеку межу...***

Просека межа — т.е. полоса, очищенная от деревьев при межевании земли.

С. 84 ***...не ходят на заработки, кроме катальщиков.***

Более правильно — катали. Этим словом обозначали обычно рабочих, занимающихся выкаткой или подвозом грузов вручную или на тачке.

С. 85 ***...с вешнего Егорьева дня до Покрова или до заговенья...***

Вешний Егорьев день — день памяти святого великомученика Георгия, отмечаемый весной 23 апреля/6 мая.

Покров — великий праздник христианского календаря Покров Пресвятой Богородицы, отмечаемый 1/14 октября.

Заговенье — имеется ввиду заговенье 14/27 ноября — день перед Рождественским постом, когда последний раз можно употреблять скоромную пищу.

...тогда с хозяина пьют литки, полуштоф...

Литки — угощение с выпивкой, а также вино, водка, выпиваемые по поводу окончания работы при подрядах и сделках. Полуштоф — мера жидкости, составляющая одну двадцатую часть ведра.

С. 87 ***...дарят повивальную бабушку ниченошным подарком...***

Ниченошный подарок — кусок ткани. При тканье на ткацком стане для перебора нитей основы используют ремизки, называвшиеся нитченками (ниченками).

С. 88 ***...в Великий четверток, в самую полночь.***

Великий четверток — четверг на страстной неделе.

... про одного крестьянина говорят, про воронежского Ивана, быд то бы он килу привязывает к мужчине или женщине...

Кила — грыжа, любая опухоль.

С. 90 ***...служат молебен святому мученику Георгию.***

День памяти св. Георгия Победоносца отмечается 23 апреля/6 мая и 26 ноября/9 декабря.

...в день Св. Бориса и Глеба не начинают сеять.

День памяти Свв. Бориса и Глеба отмечается 2/15 мая.

... сеют с вынутой части из просфоры во время проскомидии...

Проскомидия — первая часть литургии, во время которой происходит приготовление хлеба и вина для свершения таинства евхаристии (причащения).

С. 92 ***...если собака у сутного угла катается...***

Сутный угол — угол дома, в котором находятся божница с иконами; называется еще красный, святой, передний.

С. 94 ***...святителя Николая Чудотворца...***

Святитель Николай Чудотворец — св. Николай Мирликийский Чудотворец (Угодник), день памяти отмечается 9/22 мая и 6/19 декабря.

Иконы больше всего почитают: Казанскую Божью матерь, Мощи Феодосия Потемского, Прокофия Праведного и Иоана Юродивого, Устюжинских чудотворцев и Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватея.

Имеется в ввиду икона Казанской Божьей Матери — одна из особо чтимых в России богородичных икон. Ее явление в Казани относится к 1579 году. Она сначала хранилась в Казани в храме св. Николая Чудотворца, а затем в 1612 году была переведена в Москву и находилась в стане князя Дмитрия Пожарского, возглавившего борьбу с Дмитрием Самозванцем и польско-литовскими интервентами. Заступничеству этой иконы приписано изгнание поляков из Москвы. До 1710 года она находилась в Москве в Казанском соборе, а в 1710 году была переведена в Петербург и в 1811 году помещена

в Казанский собор. Праздник в честь иконы отмечается 8/21 июля — день обретения иконы и 22 октября/4 ноября — в память об освобождении Москвы от польско-литовской интервенции.

Феодосий Тотемский — основатель Спасо-Сумаринского монастыря в Тотьме Вологодской губернии, местночтимый святой, день памяти отмечается 28 января/10 февраля.

Прокофий Праведный — великомученик, местночтимый святой, день памяти отмечается 8/21 июля.

Иоанн Юродивый — блаженный Иоанн Христа Ради юродивый Устюжский, канонизирован в 1494 году, день памяти отмечается 29 мая/11 июня.

Устюжинские Чудотворцы — речь идет о чудотворцах из Великого Устюга Вологодской губернии, Иоанне Христа Ради юродивом Устюжском, канонизирован в 1494 году, и Праведном Прокопии Христа Ради юродивом, устюжском чудотворце, канонизированном в 1303 году, день памяти отмечается 8/21 июля.

Соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий — преподобные основатели Соловецкого монастыря, жили в XV веке, день памяти св. Зосимы отмечается 17/30 апреля, св. Савватия — 27 сентября/10 октября. Русские крестьяне считали их покровителями пчеловодства.

До Тотемского монастыря — 300 вер., до Соловецкого монастыря — 700 вер.

Тотемский монастырь — Спасо-Смуринский мужской монастырь, основанный Феодосием Тотемским.

Соловецкий ставропигиальный монастырь на Соловецком острове в Белом море, основан свв. Савватием, Германом и Зосимой в XV веке. Один из важных центров русского православия на севере Восточной Европы.

...[молятся] Преображению...

Молятся иконе Преображения Господня; двунадесятый праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа отмечается 6/19 августа.

...народ соблюдает двунадесятые праздники все.

Двунадесятые праздники — двенадцать особо чтимых праздников христианской церкви, посвященные важнейшим событиям земной жизни Иисуса Христа (Рождество Христово, Крещение и Богоявление, Сретение Господне, Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Пятидесятница (Троица), Воздвиженье Честного и Животворящего Креста Господня) и жизни Пресвятой Девы Марии, Матери Божьей, так называемые Богородичные праздники (Рождество Пресвятой Богородицы, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Благовещенье Пресвятой Богородицы, Успение Пресвятой Богородицы).

Есть часовня Фролу и Лавру от падежа лошадей.

Святые мученики Флор и Лавр считались покровителями лошадей, день памяти отмечается 18/31 августа.

С. 97 ...Послание Святых Апостолов, История Ветхого и Нового завета, Жития Святых отцов, Часослов и Святцы, календари, сонники, гадательные Соломоновы сказки про Иерусалим Бову Ивана Царевича...

Послание Святых Апостолов — речь идет о «Посланиях апостольских», ряда новозаветных творений, принадлежащих различным апостолам; они помещались в Новом Завете вслед за книгой Деяний Апостолов.

История Нового и Ветхого завета — вероятно, речь идет о чтении крестьянами Закона Божия. Библии.

Жития Святых отцов — речь идет о книгах, в которых приводятся сведения о жизни подвижников церкви. Они собирались и публиковались православной церковью, выполнявшей завет апостола Павла: «Поминайте наставников наших, которые проповедовали слово Божие». В конце XVII — начале XVIII века св. Дмитрий Ростовский создал книгу для чтения «Четьи-Минеи», в которой давалось жизнеописание всех святых по месяцам. Среди русских крестьян популярностью пользовались книги Протопопова «Жития святых» (1890), А. Н. Муравьева «Избранные жития святых кратко изложенные по руководству Четьих-Миней» (1860—1868), «Жития святых российской церкви, также иверских и славянских» (1847) и др.

Часослов — церковно-богослужебная книга, предназначенная для чтецов и певцов. Она заключает в себе неизменяемые молитвословия ежедневных церковных служб — утрени, полунощницы, часов с междочасием, изобразительных, вечерни и повечерия. Кроме того часослов содержит чины и молитвы служб дневного круга, краткие песнопения, принадлежащие к богослужению седмичного и годового круга. В часослов включен также месяцеслов, прилагается зрячая пасхалия, индиктиан и лунник, позволяющий узнать, на какие дни приходятся праздники и посты.

Святцы (иначе месяцеслов) — список святых, чтимых православной церковью, составленный в порядке месяцев и дней года, к которым приурочено празднование и чествование каждого святого. Церковные святцы назначаются для богослужебного употребления. Они печатаются при богослужебных книгах — канонике, акафистике, молитвослове.

Календари — речь идет о книгах просветительно-справочного назначения, выходивших ежегодно. В них обычно включался календарь в современном понима-

нии этого слова: «каким числам месяца соответствуют дни недели того года», то есть года выпуска календаря, месяцеслов с указанием дней празднования подвижных праздников православной церкви, различного рода статистические и экономические сведения, списки должностных лиц, а также небольшие популярные статьи по разным отраслям науки. Во второй половине XIX века в России выпускались общие календари, специальные и губернские. В общих календарях давалась самая разнообразная информация, рассчитанная на широкий круг читателей. Среди них наибольшей популярностью пользовались «Домашний иллюстрированный календарь», издававшийся с 1884 года В. Губинским, «Всеобщий русский календарь» И. Сытина (с 1884 года), «Всеобщий календарь» Г. Гоппе, выходивший с 1867 года, «Русский календарь» А. Суворина (с 1872 года) и др. Специальные календари ориентировались на читателей определенной профессии: «Календарь пчеловодства» (с 1893 года), «Календарь и справочная книга для русского сельского хозяйства» Ф. Баталина (с 1875 года), «Лесной календарь» (с 1875 по 1882 год). Губернские календари — книги, издававшиеся в каждой губерний на средства из губернской казны с 1855 года. В них рассказывалось о событиях, происходивших в губерниях, давались географические, экономические, исторические, этнографические очерки, касающиеся губернии, перечислялись должностные лица и т.п. Первые календари в Российской империи появились в XVIII веке, они подготавливались и издавались в Российской Академии наук.

Сонники — вид лубочной литературы для народа, издавшейся большими тиражами с конца XVIII века до начала XX; в них давались объяснения снов.

Гадательные Соломоновы сказки — речь идет о «Гадательной книжке царя Соломона», популярной среди крестьян в XIX веке. Она представляла собой лист плотной бумаги с 44 короткими пронумерованными текстами — якобы мудрыми мыслями царя Соломона. Тексты предваряло изображение круга, разделенного на сегменты, заполненные цифрами. Гадающий человек бросал на круг зерно, а затем сверял номер, на который оно упало, с текстом, расположенным под этим номером.

... про Иерусалим — книга, рассказывающая о православных святынях Иерусалима, снабженная раскрашенными лубочными картинками, предназначенная для народа. Такого рода массовая лубочная литература издавалась с конца XVIII века по начало XX.

... про Бову — речь идет о Бове Королевиче — герое русской волшебной богатырской повести. Образ Бовы Королевича прочно вошел в русский фольклор и лубок с конца XVIII века. Лубочные картинки и сказки о Бове выходили сотнями изданий с конца XVIII до начала XX века.

...Сон Богородицы у некоторых крестьян бывал.

Имеется ввиду апокриф «Сон Пресвятой Богородицы», который пользовался большой популярностью среди крестьян. В нем рассказывается Божьей Матери, которой приснился пророческий сон, из которого она узнала о грядущих страданиях и гибели на кресте своего сына Иисуса Христа. Апокриф состоит из двух частей. В первой описывается сон и объяснения к нему Спасителя, а во второй говорится о заговорном значении сна, а также объясняется необходимость хранить его текст дома или носить в ладанке.

Крестьяне достают все книги у офеней...

Офени (афени) — продавцы галантерейного товара, книг, лубочных картинок, развозившие товар по небольшим городам, селам и деревням. Офенный промысел был развит во Владимирской, Костромской и Тверской губерниях с середины XIX века.

С. 102 Затем следуют «поставки»: студень с квасом, молосные щи, мудник или черевник.

Поставки (правильнее — постав) — каждое отдельное кушанье, подаваемое на стол.

Молосные щи (молостные) — скоромные щи, забеленные молоком.

Мудник — кушанье из ячменной крупы с салом и бараньими кишками.

Черевник (произв. от «черевина») — блюдо, приготовленное из брюшины или брюшной части туши.

С. 105 Ты нанкова да полотеннова...

Нанкова — изгогтовленная из нанки, хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения, выпускавшейся русскими фабриками

Полотеннова — изготовленная из льняного полотна.

Да через блюдечка коложчаты...

Округлое, круглое блюдечко.

С. 113 ...деревенцы давно ему велели посадить на лошадь вилы...

Посадить на лошадь вилы, т.е. спутать ей передние ноги ремнем, веревкой или надеть ей на ноги металлические путы.

С. 114 ...в пользу мирских капиталов...

Имеются ввиду деньги, находившие во владении сельской общины. Указ о создании такого запасного денежного фонда у государственных крестьян был издан

в 1843 году. По инструкции 1853 года мирские капиталы составлялись за счет половины дохода с мирских оброчных статей, за исключением земельных, за счет штрафов, взыскиваемые с крестьян по приговорам волостной и сельской управы, вымороченных капиталов, случайной выручки и пожертвований, добровольных денежных сборов всех общиников. Расходование мирского капитала допускалось лишь после того, как их накопилось один рубль на душу. Расходование мирских капиталов осуществлялось с согласия схода общинников, утвержденного местным присутствием по крестьянским делам, а с введением института земских начальников после их утверждения. Мирские капиталы предназначались на мероприятия, проводимые в интересах всей общины, для облегчение платежей повинностей, налагаемых на общину и для выдачи ссуд крестьянам.

С. 115 ...сослали его на вольное поселение...

Имеется ввиду ссылка на жительство в Сибирь, в Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую губернии в качестве исправительного наказания бессрочно или на определенный срок.

С. 120 ...40 тысяч запасного капитала...

Запасной капитал — тоже, что мирской.

Относительно перемены мет и клейм в надельной земле...

Надельная земля — земля, которую община предоставляла крестьянину в пользование и отмечалась специальными метками (метами).

...когда бывают переделы, то за мерщиком следят в оба глаза и чуть хоть палка на одну емь или вершка скакнула...

Емь (правильнее «емья») — мера шириной в кулак. Измерять емьями означает перехватывать с кулака на кулак.

С. 123 ... переносимые вещи, как то платки, моты, холсты...

Моты — мотки ниток.

...кто какие ткал, шестицапошные или четырехцапошные...

Имеется ввиду ткань, выполненная на шести и четырех ремизках — нитченках, цепках (цапках).

С. 124 Моты определяют по пасмам и чисменицам и мотовилу.

Пасма — единица счета длины мотка, длинной нити, свернутой концентрическими кругами. Мотовило — приспособление для сматывания нитей с веретена в мотки. Чисменница — три круга ниток, сделанных на мотовиле, пасма включает в себя 30 мотков или 10 чисменниц. Длина нити в мотке от одного до двух локтей (0,5 до 1 м). В некоторых местах пасмой называют 60 мотков, в других 40 мотков.

С. 126 ...Троицын день и Покров.

Троицын день — двунадесятый праздник Святая Троица или пятидесятница, отмечается в седьмое воскресение после Пасхи.

Покров — праздник Покрова Пресвятой Богородицы, отмечается 1/14 октября.

...Никола Вешной и Зовиженьев день.

Никола Вешной — день памяти св. Николая Чудотворца, отмечаемый весной, 9/22 мая.

Зовиженьев день — народное название двунадесятого праздника Воздвиженья Честного и Животворящего креста Господня, отмечается 14/27 сентября.

... где до сих пор гниют оставшиеся лагуны из-под пива...

Лагун — здесь бочка, бочонок.

С. 130 ...народ гораздо учтивее, баба считает долгом обязательно поклониться каждому незнакомому мужчине, мужик при виде человека, — брюки на вытряску, тоже...

Выражение «брюки на вытряску» является аналогом «до дрожи в коленках».

С. 133 ...раньше все смеялись над починскими серыми азямами...

Азям — суконная верхняя мужская и женская одежда для весны.

С. 141 ...была нынче Никольшина...

Здесь — угощение односельчан по обету. Обычно мужской праздник с трапезой, на которой подавалось пиво и мясо животного приобретенного в складчину. Они устраивались в день памяти св. Николая Чудотворца 6/19 декабря, но могли происходить и в дни других святых: Ильи Пророка, Макария, Модеста-Власия, Флора-Лавра, Прокопия.

С. 152 ...рубашку восьмицяпошную своего тканья или коленкоровую, на голову платок бумазейный или шелковый и шубу суконную без баров...

Восьмицяпошная рубаха — сшитая из материала, вытканного на восьми ремизках (деталь ткацкого станка, используется для подъема и опускания нитей основы).

Коленкор — хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, хорошо прокрахмаленная в процессе изготовления, по преимуществу белого цвета.

Бары — сборки на верхней одежде, расположенные сзади вниз от талии или вокруг талии, расширяли нижнюю часть одежды.

С. 165 Лучший лес — сосновый и, конечно, раменный...

Раменный — густой непроходимый лес, обычно еловый.

С. 167 ...из тесаных брусьев в шпрунт и паз...

Способы скрепления друг с другом потолочин — горбылей, из которых кладется потолок: в шпрунт — прямоугольный выступ вдоль ребра одной потолочины входит в паз, выдолбленный по ребру другой; в паз — потолочины плотно притесываются друг к другу.

С. 169 ...рано утром в Иванов день...

Иванов день — великий праздник Рождества пророка Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, отмечается 24 июня / 7 июля.

С. 171 ...из газеты «Новое время»...

Издавалась с 1867 по 1917 года в Петербурге. С 1891 года имела еженедельное иллюстрированное приложение.

С. 218 ...на Дмитриев день...

День памяти великомученика Дмитрия Солунского, отмечается 26 октября / 8 ноября.

С. 224 Наши ребятишки в болото-то по моклаки бегают...

Моклоки (маклак) — морошка.

С. 227 ...Хаму-то (Хома, Вий) «нечисть» донимала...

Имеется ввиду герой повесть Н. В. Гоголя «Вий».

С. 231 ...читает Иисусову молитву...

Имеется ввиду молитва «Иисус Христос, сыне Божий, помилуй меня грешного (грешницу)», которую полагалось повторять несколько раз.

С. 237 ...Великомученица Екатерина, Анастасия (у женщин, особенно, как помощница в родах) и Варвара.

Великомученица Екатерина считалась покровительницей женщин, помощницей при родах, день памяти отмечается 24 ноября / 7 декабря.

Анастасия — имеется в виду, вероятно, Анастасия Римлянка, преподобная мученица, день памяти которой отмечается 29 октября / 11 ноября. В русской деревне она считалась покровительницей овец. В день ее памяти начиналась осенняя стрижка овец. Русские крестьяне также почитали св. Анастасию Узорешительницу, обращение к которой, по поверью, освобождала от зла и помогала в лечении болезней. День памяти отмечается 22 декабря / 4 января.

Варвара-великомученица, по мнению крестьян ей была дана от Бога благодать спасать от внезапной и насильственной смерти, а также помогать при родах. День памяти отмечался 4 / 17 декабря.

...преимущественно Казанская и Тихвинская, а с недавнего времени и Федоровская как покровительница губернии...

Богоматерь Тихвинская — икона Тихвинской Божьей Матери, одна из особо почитаемых богородичных икон русской православной церкви. По преданию ее образ был написан евангелистом Лукой и послан вместе с евангелием и книгой Деяний апостолов в Антиохию, затем был перенесен в Иерусалим, а оттуда в Константинополь. В 1383 году икона, по преданию, явилась над водами Ладожского озера и остановилась на реке Тихвинке. На этом месте был построен храм Успенья Богородицы, а в 1560 году основан Тихвинский мужской монастырь. В 1613 году, икона спасла Тихвинский монастырь от шведов. В 1617 году в присутствии списка с этой иконы был заключен Столбовский мир со Швецией. День явления иконы отмечается 26 июня / 9 июля.

Богоматерь Федоровская — Феодоровская икона Пресвятой Богородицы, одна из почитаемых икон русской православной церкви. По преданию была написана евангелистом Лукой, затем попала на Русь и хранилась в монастыре Феодора Стратилата в г. Городце Нижегородской губернии. Во время нашествия татаро-монгольского хана Батыя была оставлена в Городце, спасавшимся от гибели населением. В 1239 году, как говорит предание, явилась князю Василию Георгиевичу в лесу близ Костромы и была внесена в храм Феодора Стратилата. В 1613 году эта икона присутствовала во время переговоров Михаила Федоровича Романова с боярами, приглашавшими его на царство. Дни памяти 16/29 августа в память о явлении иконы, 14/17 марта в память об избрании в 1613 году М. Ф. Романова на престол.

...почти у каждого грамотного имеется в доме псалтирь и часовник...

Псалтирь — богослужебная книга псалмов, большинство из которых, как считается, написано пророком и царем Давидом. Она состоит из 20 отделений — кафизмов. Каждая кафизма в свою очередь разделена на три части, называемые славами. В церковном обиходе имеется

простая псалтирь и Псалтирь Следованная. В последней имеются три приложения: Часослов, тропари и кондаки, которые читаются после каждой кафизмы, и все молитвословия, которые должны читаться приступающими к таинству причащения.

Часовник (Часослов) — церковно-богослужебная книга, предназначенная для чтецов и певцов. Она заключает в себе неизменяемые молитвословия ежедневных церковных служб — утрени, полуношницы, часов с междочасием, изобразительных, вечерни и повечерия. Кроме того содержит чины и молитвы служб дневного круга, краткие песнопения, принадлежащие к богослужению седмичного и годового круга; месяцеслов, прилагается зрячая пасхалия, индиктиан и лунник, позволяющий узнать, на какие дни приходятся праздники и посты.

С. 239 ...во «Владимирскую»...

В дни празднования иконы Владимирской Божьей Матери (Сретение Владимирской Божьей Матери) 26 августа / 8 сентября, 21 мая / 3 июня и 23 июня / 6 июля. Одна из икон, написанных, по преданию, евангелистом Лукой, была передана в XII веке великому князю Юрию Долгорукому, который передал ее своему сыну Андрею Боголюбскому. В 1158 году она была передана в храм Успения Пресвятой Богородицы во Владимире. В XV веке была перенесена в Москву в Успенский собор, прославилась чудесами спасения Москвы и России от врагов.

...так гласит «Список святых пятниц».

Речь идет об апокрифическом произведении «Сказание о 12 пятницах», в котором перечисляются именные пятницы, соблюдение которых обещает человеку различные преимущества перед другими людьми. Этот список был очень популярен в народе и существовал во множестве вариантов в прозаической и поэтической форме. Авторство «Сказания» приписывается св. Клименту, папе Римскому.

С. 249 ...от тараканов — зелень (морянка)...

Зелень (морянка) — средство для истребления тараканов: смесь муки с швейнфуртской зеленью.

С. 268 Перемены мет и уничтожения границ не бывает.

Мета — граница, откуда начинается надельная земля.

С. 275 Общественные хлебные запасы...

Запасы хлеба в деревнях на случай неурожая или голода. Хлебные запасы формировались как из казенных продовольственных резервов зерна, так и собранного с общественных запашек.

С. 276 Бирки и рубежи здесь не в употреблении...

Речь идет о палочках или дощечках с зарубками, на которых отмечалось количество долга. Бирки — палочки или дощечки с зарубками, служившими мерою счета или долга. В случае списания долга зарубка на бирке срезалась. Иногда бирки состояли из двух частей, каждая из которых принадлежала дающему ссуду и должнику. Кроме того, бирками называли знаки, выдаваемые крестьянам сборщиками податей как символ уплаты последних. Рубежи — зарубки, насечки на пнях и деревьях для обозначения границ и пределов двух крестьянских земельных наделов или владений.

Бирками и рубежами отмечалась также надельная земля.

С. 284 Специальными целителями считаются Угодники: Антипа — зубы, Пантелеймон, Кузьма и Дамиан бессребреники — всех болезней, Фрол и Лавр — от пьянства, последним двум молятся еще при несчастливой супружеской жизни о даровании любви, мира и согласия.

Священномученик Антипа, день памяти которого отмечается 11 / 24 апреля; крестьяне обращались к нему за помощью при болезни зубов.

Великомученик Пантелеймон, целитель, день памяти отмечается 27 июля / 9 августа. По поверью, обращение к этому святому помогало при лечении всех болезней.

Кузьма и Дамиан, бессребреники и чудотворцы, день памяти отмечается 1 / 14 июля, 17 / 30 октября и 1 / 14 ноября.

Святые мученики Флор и Лавр считались покровителями лошадей, день памяти отмечается 18 / 31 августа.

С. 285 ...икона Иерусалимской Божьей матери в Кривоезерской пустыне в г. Юрьевец..., мощи прп. Макария Унжинского, в Макарьево-Унжинском монастыре в г. Макарьев... и Животворящий Крест в с. Пуреха Нжегородской губ.

Согласно христианской легенде, икона была написана евангелистом Лукой через 15 лет после Вознесения Иисуса Христа, хранилась в Кривоезерской пустыне г. Юрьевца Костромской губернии.

Преподобный Макарий Унженский (Желтоводский, 1349—1444) основал монастырь на берегу озера Унжа в Галичском уезде. День памяти 25 июля.

Наперсный крест, который хранился в с. Пурех Балахнинского уезда Нижегородской губернии. На его рукояти имеется надпись, что этот животворящий крест был передан в храм Преображения Господня и Чудотворца Макария 1 октября 1634 года П.Д. Пожарским, сыном

Д.М. Пожарского, в память о жене. По преданию, крест принадлежал Дмитрию Пожарскому — герою войны с поляками начала XVII века. По одному преданию, он привез его из Соловецкого монастыря для прекращения моровой язвы в его имении. По другому крест был им найден в болоте, куда его бросили русские, убегая от войск хана Батыя, боясь осквернения креста идолопоклонниками. Крест был деревянный с серебряной позолоченной оправой, украшенной чеканным орнаментом, распятием и Воскресения Христова и Пресвятой Живоначальной Троицы. В кресте по надписям хранились части мощей св. Николая Угодника, святителя Петра Александрийского, архимандрита Суздальского преподобного Евфимия, игумена Унженского преподобного Макария, преподобного Александра Свирского, Димитрия Салунского, Антония Римлянина, князя Черниговского Георгия князя Черниговского Михаила, свв. Козмы и Домиана, св. мученицы Марины, преподобного Георгия Хозевита, Козмы Пресвитера, князя Тверского Михаила, мученицы Параскевы Пятницы и часть земли из Вифлеема.

В среды и пятки и установленные церковью...
Пятки — пятницы.

С. 286 ...День Сошествия Святого Духа...
День Сошествия Святого Духа на апостолов отмечается в понедельник после дня Св. Троицы.

... День входа Господня в Иерусалим...
День входа Господня в Иерусалим отмечается в воскресение перед Пасхой.

... Собор трех Святителей...
День памяти святых Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста отмечается 30 января/12 февраля.

... Иоанна Богослова...
День памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова, отмечается 8/21 мая и 26 сентября/9 октября.

... Рождество Иоанна Предтечи...
Великий праздник Рождества Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, отмечаемый 24 июня/7 июля.

... день Святого князя Владимира...
День памяти равноапостольного князя Владимира, отмечается 15/28 июля.

... происхождение Древ Креста Господня...
Первый Спас, отмечается 1/14 августа

... Собор Пресвятой Богородицы...
отмечается 26 декабря/8 января.

... Первый Спас...
Праздник православного календаря, установленный 1/14 августа.

... Второй Спас...
Двунадесятый праздник Преображения Господня, отмечаемый 6/19 августа

... День Иоанна Постного...
День Усекновения главы Пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня, отмечается 29 августа/11 сентября.

С. 288 ...изображение Страшного Суда, Светского Царского семейства, Суворова, Скобелева...
Имеется ввиду лубочная картинка с изображением Александра Васильевича Суворова (1729—1800), русского полководца, генералиссимуса, графа Рымникского, князя Италийского, одного из создателей передового русского военного искусства.
Имеется ввиду лубочная картинка с изображением Скобелева Михаила Дмитриевича (1843—1882), русского военного деятеля, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, участника русского-турецкой войны 1877—1878 года, героя битвы под Плевной, сыгравшего решающую роль в битве на Шипке. Он пользовался большой популярностью у русских солдат за личную храбрость и совершенные подвиги. Они называли его «белым генералом» за появление под огнем противника на белом коне в белом кителе и в белой фуражке или папахе.

С. 294 ...овцы дают шерсть, овчины и говядину...
Говядина — мясо.

Косы железные — только для сенокошения, покупаемые у Владимирских косников...
Во Владимирской губернии промысел по производству кос был развит с 1784 года. Косники работали в Подольской волости Владимирского уезда, в Шуйском уезде, а также в Авдотьинская волости Судогодского уезда. Отсюда косы шли на продажу в Петербургскую, Вологодскую, Костромскую и Вятскую губернии.

С. 295 Орудия охоты: капканы, ружья, попружки (петли), рыбной ловли: сети, морды, жаки, верши, удочки, крюки. Сети, верши, жаки крестьяне делают сами...
Верши — рыболовный снаряд из прутьев в виде воронки.
Жак — рыболовный снаряд в виде длинного вязаного мешка на обруче.

С. 296 Полученные в вербное воскресенье вербы...
Вербное воскресение — двунадесятый праздника Входа Господня в Иерусалим последнее воскресение перед Пасхой.

...считают нечистыми и не употребляют в пищу лошадей, лесных зверей, диких птиц, кроме глухаря, поляша...

Поляш — тетерев.

С. 297 ...деревня Одноушева,— родина святого Митрополита Ионы...

Митрополит Иона (? — 1461). Первый митрополит, назначенный великим князем Василием Вторым без разрешения со стороны константинопольского Патриарха. В 1448 году был утвержден на эту должность собором русских епископов. Это свидетельствовало об установлении фактической независимости русской церкви от константинопольского патриарха. Иона был признан церковью святым и канонизирован. Деревня Одноушева находилась в Гнездиковской волости Солигаличского уезда.

С. 298 ...оно прививается только на землях крестьян-собственников, «купчих землях»...

Купчие земли — земля, приобретенная в собственность по купчей крепости — нотариальному акту.

С. 303 ...«Забривают» вынувших жребий...

То есть забирают на военную службу. Отбор мужчин в русскую армию согласно закону от 1874 года проводился путем жеребьевки.

Все семьи, где имелись мужчины призывного возраста, делились на три разряда. В первый разряд включались семьи, включавшие в себя четырех и более мужчин, во второй — семьи, имевшие трех мужчин, в третий — семьи с двумя мужчинами. Бессемейные мужчины призывного возраста включались в первый разряд, а единственные мужчины в семье от призыва в армию освобождались.

При объявлении набора в первую очередь отправлялись на жеребьевку в рекрутское присутствие мужчины из семей первого разряда. В случае если набор был большой, то приглашались и мужчины из второго и третьего разряда семей. Мужчина, вытянувший жребий, отправлялся в армию, остальные освобождались до следующего набора и соответственно жеребьевки. Новобранцам обычно брили волосы.

С. 305 ...в десятую пятницу после Пасхи и в Спасов день...

Десятая пятница после Пасхи — пятница на десятой неделе после Пасхи.

Спасов день — Первый Спас, отмечается 1 / 14 августа

...в Солигаличе есть кожевенный завод Собенникова...

Собенников — один из известных владельцев предприятий по обработке кожи.

С. 307 В голову кто воткнул цветок, сделанный из материи, а то и просто из бумаги, кто какие-то странные шпильки, булавки и эгретки...

Эгретка — украшения шляпы и бальной прически в виде торчащего кверху пера или пучка перьев. У основания эгретки крепилась брошь.

С. 313 ...чтобы на Парасковин день...

День памяти святой великомученицы Параскевы, нареченной Пятницей, отмечается 28 октября / 10 ноября.

С. 366 ...Введеньев день...

Двунадесятый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, отмечается 21 ноября / 4 декабря.

Девица, имеющая дипломат на меху (который называют тепломат, производя от слова тепло) и фаевые или шелковые платки.

Дипломат — в XIX веке полуприлегающее дамское двубортное пальто.

Фай — разновидность крепа, плотная шелковая или шерстяная ткань с тонкими поперечными рубчиками.

С. 382 ...от Фоминой недели...

Фомина неделя – вторая неделя по Пасхе.

...и до заговенья (14 ноября)...

День, когда последний раз перед Рождественским постом разрешается есть скоромное.

КОММЕНТАРИИ К ДЕЛАМ ПО ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

С. 410 ...на берегу «Цнинского канала».

Цнинский канал — часть Вышневолоцкой системы каналов.

С. 411 ...проходящих в одно время года по Вышневолоцким каналам.

Вышневолоцкие каналы. Старейший на территории России искусственный водный путь, открытый для движения судов в 1709 году.

До 1810 года Вышневолоцкая система была единственным водным путем, соединявшим бассейн Волги с бассейном Балтийского моря. Состав системы выглядел следующим образом. Взводная часть: Волга от Рыбинска до Твери (390 км) — Тверца от устья Тверецкого канала (186 км); водораздельный бьеф, питаемый Заводским водохранилищем, в составе Тверецкого канала (2,9 км), р. Цны (0,6 км), Цнинского деривационного канала (1,2 км); спускная часть: р. Цна (6 км) — оз. Мстино (13 км) — р. Мста от истока до старого Сиверсова канала (425 км) или до нового Вишерского канала (408 км) — параллельные приильменские каналы Сиверсов (9 км) и Вишерский (15,5 км) — р. Вишера (5 км) и р. Малый Волховец (4,5 км) — Волхов (200 км) — Ладожские каналы (111 км) — р. Нева от устья Ладожского канала до Рожковской пристани (68 км). Таким образом, полная длина системы по Вишерскому каналу составляла 1394 км, а по Сиверсову — 1410 км. Вышневолоцкие каналы благополучно функционировали до середины XIX века, а затем, с развитием Мариинской и Тихвинской водных систем и сооружением в 1872 году Рыбинско-Бологовской железной дороги, довольно быстро потеряли значение транзитного водного пути. В конце XIX — начале XX века Вышневолоцкая система играла роль местного водного пути.

С. 412 ...посещают друг друга в так называемые престольные праздники.

Престольные, или храмовые праздники —установленные в память святого или события, во имя которого назван сельский храм и его пределы.

С. 414 ...бридовые лапти с длинными «оборами» или черными ремнями...

Бридовые лапти — лапти, сделанные из ивового лыка или ивовой коры.

С. 415 ...«крупитчатые» пироги с рыбой...

Крупичатые — пироги из белой муки тонкого помола.

С. 416 ...начали проводить в верстах в шести Московско-Виндавскую [дорогу].

Московско-Виндавская дорога — железнодорожная линия Москва-Виндава, строительство которой пришлось на конец 1990 — начало 1900-х годов. Виндава — старое название портового города Вентспильса (на территории современной Латвии) при впадении в Балтийское море реки Венты. До Первой мировой войны г. Виндава являлся одним из портов России на Балтийском море, имел крупное значение, главным образом по вывозу хлеба, леса, спирта, льняного семени и т. д. Значение Виндавского порта особенно возросло с проведением линии Москва — Виндава, Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги в 1904 году, связавшей его с центром России, а также с хлебными и лесными районами Поволжья.

С. 417 ...Подтраивать землю — не в обычае...

Подтраивать — пахать землю три раза: обычно подтраивали неурожайное поле — его вспахивали три раза, но не сеяли, чтобы оно отдохнуло. Слово «подтраивать» в Тверской губернии могло также означать «пахать второй раз».

...мало сажают капусту, огурцы, репу, морковь, ботвинью...

Ботвинья — диал. Свекла.

С. 418 Наем пастуха, время выгона скота, начало пашни, сева (ярового и ржаного), навозницы, сенокоса, жатвы, починка дорог, мостов, расчет пастухов...

Навозница — вывоз навоза по очереди со всех дворов на паровые поля в форме помочей, то есть организованный общими усилиями односельчан, а также сроки этого вывоза, приходившиеся во многих местностях на один или несколько дней после Федорова дня (дня великомученика Федора Стратилата, отмечаемый 8/21 июня), после дня св. Тихона (16/29 июня) или после Петрова дня (29 июня/12 июля).

С. 428 ...который отдавал исполу...

Исполу — на половинных началах, пополам.

С. 432 Это Егорьев день — начало работы для работников, Покров, родительская (Дмитриевская) суббота и Заговены — когда срок найма кончается.

Егорьев день — день памяти св. Георгия 26 ноября/9 декабря.

Покров — Покров Пресвятой Богородицы отмечается 1/14 октября.

Заговены 15 ноября — Заговенье накануне Рождественского поста; заговенье — последний день перед постом.

С. 433 Бирки или рубежи в употреблении у крестьян...

Бирки — палочки или дощечки с зарубками, служившими мерою счета или долга. В случае списания долга зарубка на бирке срезалась. Иногда бирки состояли из двух частей, каждая из которых принадлежала дающему ссуду и должнику. Кроме того, бирками называли знаки, выдаваемые крестьянам сборщиками податей как символ уплаты последних.

Рубежи — зарубки, насечки на пнях и деревьях для обозначения границ и пределов двух крестьянских земельных наделов или владений.

С. 434 ...в заговенные дни, в большие праздники, в чистый понедельник, в Великий четверг, в Фомин понедельник...

Заговенные дни — заговенье, последний день перед постом. Различаются Заговенье на Рождественский пост — 14 ноября, на Великий пост (приходится на Прощеное воскресение), на Петровский пост (приходится на день Всех Святых), на Успенский пост — 14 августа.

Чистый понедельник — первый день Великого поста.

Великий четверг — четверг Страстной недели.

Фомин понедельник — первый день Фоминой недели — второй недели по Пасхе.

С. 440 ...заяц или векша забегут в деревню...

Векша — диал. белка

С. 441 Щепки, обрезки досок, оставшиеся от гроба, а равно и слеги, на которых несли покойника (носилки), берутся бобылями и бобылками.

Бобылями называли людей в возрасте, не состоявших никогда в браке, вдовых, не имеющих сыновей (хотя бы и были дочери), а также не имеющих земельного надела, а иногда хозяйства и дома. Чаще всего бобыли были бедняками. Старых и немощных бобылей и бобылок по очереди кормили и ухаживали за ними жители деревни. Если у бобылей не было жилья, им отводили место в церковной келье. В домах бесхозяйственных бобылок за определенную плату обычно собиралась на посиделки молодежь.

С. 442 ...не меньшим почетом пользуются и мощи князя Михаила Ярославича Тверского, находящиеся в городе Твери, а также — Нила Столобенского...

Князь Михаил Ярославич Тверской. Михаил Ярославич (1271—1318), князь тверской, великий князь владимирский. Между 1282—1286 годами получил княжение в Твери. После смерти великого князя владимирского Андрея в 1304 году вступил в борьбу со своим племянником, московским князем Юрием Даниловичем, за великое княжение и в этом же году добыл в Орде ярлык на великокняжеский владимирский стол. При возобновлении борьбы за тот же статус в 1317—1318 годах был обвинен Юрием Даниловичем в отравлении его жены Кончаки, сестры хана Узбека, скончавшейся в плену у тверского князя, и в августе 1318 года был вызван в Орду. Чтобы обеспечить спокойствие своему княжеству и оградить его от разорения татаро-монгольскими войсками, прибыл со своим сыном Константином в Орду и решил принять мученический венец. По приказанию хана Узбека был подвержен суду и истязаниям и казнен 22 ноября 1318 года. Согласно житию, после убиения Михаила Ярославича в течение двух ночей над его брошенными останками видели два светлых облака, сиянием своим защищавших мертвое тело от хищных зверей. Этот факт послужил уверованию в невинность князя, принявшего мученическую смерть. Тело мученика было перевезено в Москву, а через год — в Тверь. В народе князь заслужил имя отечестволюбца. В 1634 году мощи Михаила Ярославича были обретены нетленными; до революции они открыто почивали в тверском кафедральном соборе.

Церковь чтит память св. Михаила Ярославича в день его убиения — 22 ноября. Кроме того, в Твери, где Михаил Ярославич является местночтимым святым, его память празднуют 24 июня и 30 сентября. Ежегодно, по случаю избавления от холеры в Твери в 1831 году, 24 июня в центре города проводится крестный ход с несением мощей Михаила Ярославича (Подробнее см.: Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. М., 1993. С. 465—466).

Нил Столобенский — Нил Столбенский, или Столобенский, святой, инок Крыпецкого монастыря (Псковской губернии), основатель Ниловой пустыни. Родом

из Новгородской губернии, 27 лет подвизался на острове Столобне близ г. Осташкова Тверской губернии. Скончался в 1555 году. Память святого чтится церковью в день его смерти — 7 декабря, а день обретения мощей — 27 мая.

С. 443 ...а потому в такие дни, как сочельники, первая неделя Великого поста...

Сочельники — кануны праздников Рождества Христова и Крещения.

Великий пост — семь недель поста перед Пасхой.

...за исключением Благовещенья; в последние же дни страстной седмицы...

Благовещенье — Благовещение Пресвятой Богородицы, отмечается 25 марта / 7 апреля.

Страстная седмица, или страстная неделя — 7-я неделя Великого поста.

...за погребение взрослого с подъемом и обедней...

«Подъем» в похоронном обряде — вынос покойного из дома в церковь в сопровождении причта, то есть священнослужителей местного прихода.

Крестьяне празднуют все воскресные дни, двунадесятые праздники...

Двунадесятые праздники — двенадцать особо чтимых праздников христианской церкви, посвященных важнейшим событиям земной жизни Иисуса Христа (Рождество Христово, Крещение и Богоявление, Сретение Господне, Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Пятидесятница (Троица), Воздвиженье Честного и Животворящего Креста Господня) и жизни Пресвятой Девы Марии, Матери Божьей, так называемые Богородичные праздники (Рождество Пресвятой Богородицы, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Благовещенье Пресвятой Богородицы, Успение Пресвятой Богородицы).

С. 444 ...в Рождественский мясоед выдал своих дочерей замуж или женился...

Рождественский мясоед — мясоед от Рождества до Масленицы, период, когда было принято справлять свадьбы.

В праздновании Субботы на Вербной неделе, Троицына дня, Святок каких-либо особенностей и обрядов нет...

Суббота на Вербной неделе — суббота на 6-ой, Вербной, неделе Великого поста; суббота на Вербной неделе называлась «Лазоревой»: согласно Евангелию, в субботу накануне празднования Пасхи Иисус Христос в Вифании воскресил Лазаря.

Святки — зимний праздник русского календаря, длящийся две недели — с сочельника Рождества Христова (24 декабря / 6 января) по Крещение Господне (6 / 19 января).

...употребляются яйца, крашенные фуксином или луком (красят в четверг на страстной неделе).

Фуксин — распространенный органический искусственный краситель ярко-розового цвета.

Страстная неделя, или Страстная седмица — 7-я неделя Великого поста.

Родительскими поминальными днями являются Дмитриевская суббота и Радуница — во вторник на Фоминой неделе.

Дмитриевская, или родительская, суббота — суббота накануне Дмитриева дня (26 октября / 8 ноября), день поминовения умерших.

Радуница — вторник на Фоминой неделе, день поминовения умерших. Радуница — день поминовения усопших, приходящийся на Фомино воскресенье, Фомин понедельник или, чаще всего, на вторник на Фоминой неделе.

Фомина неделя — вторая неделя по Пасхе.

С. 476 ...к муке примешивали... головицу и избоину...

Головица — семя льна, вымоченные льняные головки, шелуха от льняных головок, льняная мякина.

Избоина — жмых, отжимки льняного семени, остающиеся после изготовления масла.

С. 479 ...в Пурашевскую больницу для умалишенных...

Имеется в виду больница для душевнобольных, более чем на 700 пациентов, в селе Бурашове, находящемся в 16-ти км от Твери.

С. 483 ...иконою Николы Можайского...

Иконографический тип образа Николая-Чудотворца Мирликийского, характеризующийся изображением его с мечом в одной руке и храмом или городом — в другой. Древнейшее резное изображение этого типа находилось в г. Можайске Московской губернии в храме во имя святителя Николая; собор построен в 1303 году. Почитание Николы Можайского связывалось с событиями нашествия татар. Согласно местному преданию, когда враги устремились к Можайску, они и жители города увидели над церковью явление св. Николая с мечом и обнесенным стеной храмом в руках. Неприятель бежал, а после этого события у врат храма было сделано резное изображение Николы Можайского, почитаемого как градоспасителя.

С. 492 ...жирных московских кулебяк и пряженцев...
Пряженцы — лепешки, пироги с начинкой или оладьи, обжаренные на масле.

С. 504 ...гарнитуровые косынки...
Косынки из плотной шелковой ткани — гродетура.

Свадьбы совершаются обыкновенно перед «масляной» на «сплошной» и «пестрой» неделях...
Сплошная неделя — неделя без постов в среду и пятницу, перед пестрой неделей.
Пестрая неделя — обычная неделя со скоромными и постными днями между сплошной и масляной неделями.

С. 517 Предание это подтверждается рукописью и старинными церковными предметами, найденными в Оршине монастыре вблизи села Лисицы.
Оршин монастырь — Вознесенский монастырь, мужской, расположен на реке Орше в Тверском уезде.

...в праздничное время — решминский или домотканый суконный армяк.
Решминский армяк — из «решменского», или «решимского» , сукна — черного, узкого, из шерсти овец, которых разводили в селе Решим Ярославской губернии.

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ, УПОМИНАЕМЫХ В МАТЕРИАЛАХ АРХИВА В. Н. ТЕНИШЕВА ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ, УПОМЯНУТЫХ В МАТЕРИАЛАХ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

СПИСОК КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В. Н. ТЕНИШЕВА ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Андреева Варвара Ильинишна (профессия неизвестна) — жила в г. Костроме. Информация поступила из Гнездниковской волости Солигаличского уезда.

Ветюгов Михаил Семенович — учитель с. Михайловского Макарьевской волости Варнавинского уезда. В 1902 году учитель Баковского земского училища с. Баки-Никольское Баковской волости Варнавинского уезда.

Воропонов Иван Матвеевич — помощник учителя; жил в г. Буй Костромской губернии. В 1902 году помощник учителя Шушкодомского земского училища.

Григорьев Иван Петрович — учитель городского училища г. Одоева Тульской области. Информация поступила из Варнавинского уезда.

Колосов Николай (отчество неизвестно) — учитель Чудцовского начального училища с. Чудцово Чудцовской волости Солигаличского уезда.

Костин Иван Осипович — крестьянин д. Высоково Ковернинской волости Макарьевского уезда.

Кузнецов Иосиф (отчество неизвестно) — фельдшер из д. Окулиха Солигаличского уезда. Информация из Солигаличского уезда.

Кузнецов Яков Иосифович — студент Демидовского юридического лицея, а затем студент духовной семинарии в Вологде.

Макаров А. Н. (полное имя и отчество, профессия неизвестны) — информация поступила из Свиньинской волости Галичского уезда и Каликинской волости Чухломского уезда.

Путьковский Н. (имя, отчество и профессия неизвестны) — жил в ус. Окулово, Солигаличского уезда.

Решеткин Владимир Валентинович — учитель Мостищенского земского училища с. Мостище Свиньинской волости Галичского уезда.

Рощин К. И. (имя, отчество и профессия неизвестны) — корреспондент из Чухломского уезда.

Травина Александра Петровна — учительница Глебовского начального училища с. Глебовское Коптеевской волости Буйского уезда.

СПИСОК КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В. Н. ТЕНИШЕВА ПО ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Мирец-Имшинецкий А. (имя, отчество и профессия неизвестны) — корреспондент из Вышневолоцкого уезда. Собрал информацию в Вышневолоцком уезде.

Страшинин Арсений Васильевич — учитель Тупицинского земского училища (Зубцовский уезд). Сын священника села Первитина 4-го благочинного округа Зубцовского уезда Тверской губернии Страшинина Василия Петровича (о последнем см.: Памятная книжка и адрес-календарь Тверской губернии на 1895 г. Тверь. 1895. С. 33). Собрал информацию в Зубцовской уезде.

Розов А.К. (имя, отчество и профессия неизвестны) — корреспондент из Корчевского уезда. Собрал информацию в Корчевском уезде.

Драницин М.Г. (имя, отчество и профессия неизвестны) — корреспондент из Тверского уезда. Собрал информацию в Тверском уезде.

Панютин[а] В. (имя, отчество и профессия неизвестны) — корреспондент из Калязинского уезда. Собрала информацию в Калязинском уезде.

Извеков Павел Николаевич. Родился около1857 года. Из Тверских дворян. Сын управляющего государственными имуществами Виленской губернии. Обучался в Петербурге в Николаевском кавалерийском и Тверском кавалерийском училищах. Служил штаб-ротмистром в 39-м Нарвском драгунском полку. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. С 1891 по 1906 год земской начальник 4-го участка Корчевского уезда Тверской губернии. В 1897 году участвовал в проведении 1-й Всероссийской переписи населения. В 1906 году в чине коллежского советника вышел в отставку (см.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1892 г. гр. Г. Д. 33, дело о службе). Собрал информацию в Корчевском уезде.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы
Материалы «Этнографического бюро»
князя В. Н. Тенишева

Том 1
Костромская и Тверская губернии

Отпечатано в типографии «Деловая полиграфия»
Заказ № 268.

195272, Санкт-Петербург, пр. Шаумяна, д. 22.
Тел. +7 812 571 69 39